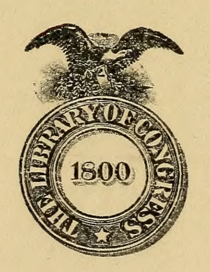

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ

ПРОФЕССОРА

А. ТРАЧЕВСКАГО.

Второе, исправленное и дополненное изданіе, съ 119 рисунками и 10 картами, съ указателями годовъ, именъ и предметовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе К. Л. Риккера.

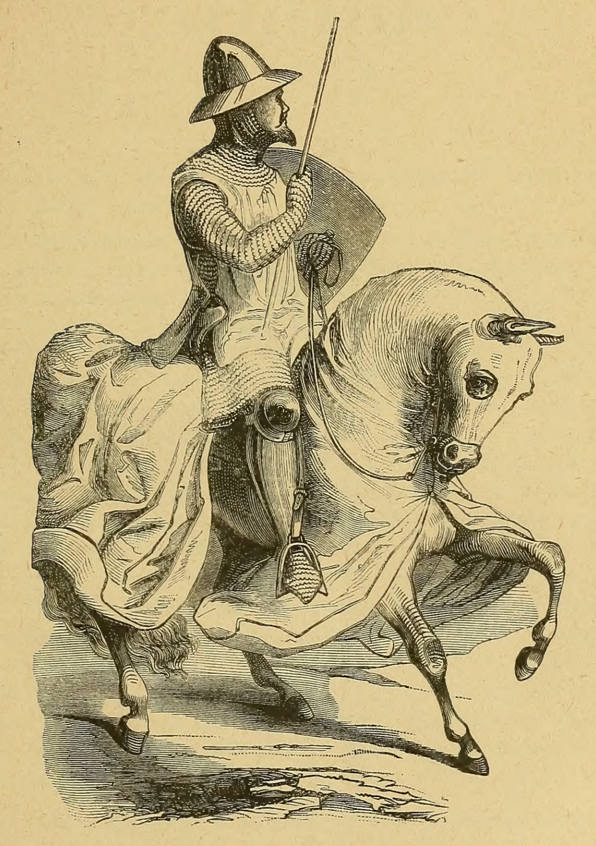
Невскій проспектъ, 14.

1897.

СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ

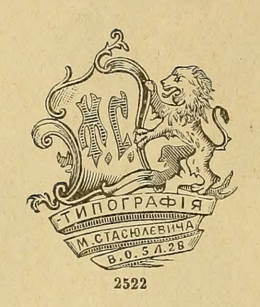
ПРОФЕССОРА

А. ТРАЧЕВСКАГО.

Второе, исправленное и дополненное изданіе, съ 119 рисунками и 10 картами, съ указателями годовъ, именъ и предметовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій проспектъ, 14.
1897.

2522

Дозволено цензурою. Спб. 12 Января 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Рисунки.

Въ настоящемъ, второмъ, изданіи своей Средней Исторіи, авторъ имѣлъ въ виду учителей, молодежь высшихъ учебныхъ заведеній и людей, ищущихъ самообразованія. Не стѣсняясь размѣрами, значительно превышающими первое изданіе, онъ старался многое передѣлать, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки: въ особенности подверглась измѣненіямъ первая часть книги, гдѣ играетъ выдающуюся роль столь мудреный и спорный вопросъ, какъ феодализмъ.

Авторъ вполнѣ сознаетъ слабость своихъ силъ, въ виду такого труднаго отдѣла исторической науки, какъ средніе вѣка: снова принося благодарность отечественной и иностранной критикѣ за указаніе ему промаховъ въ прежнихъ работахъ, онъ тѣмъ болѣе проситъ ее не лишать его теперь товарищескаго содѣйствія. Онъ ждетъ ея указаній и относительно прилагаемаго атласа: средневѣковая картографія представляетъ особенныя трудности, въ силу черезполосицы владѣній и путаницы въ границахъ,—этого печальнаго плода вѣчныхъ войнъ и безпорядковъ среди слагающихся государствъ и народностей.

Буквы *Д. И.* и *Р. И.*, при указаніи §§, означаютъ вторыя изданія „Древней Исторіи“ и „Русской Исторіи“ автора.

С.-Петербургъ.
15-го января 1897 г.

I. ПЕРЕХОДЪ ОТЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ КЪ СРЕДНИМЪ ВѢКАМЪ.

Около 1—500 г. по Р. X.

§ 1. **Опредѣленіе средней исторіи.**—Величайшее событіе въ мірѣ, наша эра, ознаменована появленіемъ новыхъ дѣятелей въ исторіи — христіанства и варваровъ, какъ называли римляне новыхъ арійцевъ въ Европѣ—кельтовъ, германцевъ и литовско-славянское племя (Д. И. § 286). Тогда же существенно измѣнился классическій міръ: въ политикѣ возникла новая форма — имперія; умственный бытъ становился другимъ подъ вліяніемъ новыхъ идей. Но классическій міръ самъ воздѣйствовалъ на христіанство и варваровъ: изъ слiянія этихъ трехъ основъ образовалось новое время въ исторіи, первую часть котораго (до 16-го в.) принято называть средними вѣками. Впрочемъ, въ тѣсномъ смыслѣ, это названіе примѣняется приблизительно къ 500—1300 гг.: 14-й и 15-й вѣка можно назвать переходомъ отъ средней исторіи къ новой; время же отъ Р. X. до 500 г.—переходомъ отъ древней исторіи къ средней. Многіе даже начинаютъ послѣднюю то съ 395 г. (распаденіе Римской имперіи на Западную и Восточную, Д. И. § 279), то съ 476 г. (паденіе Западной Римской имперіи, Д. И. § 282).

Переходъ отъ древности къ средневѣковью (Д. И. §§ 260—286) отличается всеобщимъ броженіемъ въ Европѣ и на Востокѣ, нестройностью, вслѣдствіе борьбы трехъ основъ исторіи. Тогда совершалось великое передвиженіе племенъ и кипѣло соперничество между ними, пока не образовались новыя государства и народности. Въ умственномъ быту господствовала борьба между воззрѣніями классицизма, христіанства и язычества варваровъ, пока не установилось наше вѣроученіе и пока не образовалась

папская власть. Въ это-то время выработались общія черты трехъ основъ европейской исторіи.

§ 2. **Классическій міръ. Государство и общество.** — Римская имперія постепенно приняла форму полнаго абсолютизма или неограниченной монархіи. Принципатъ Августа (Д. И. § 244) все падалъ: республиканскія учрежденія исчезали даже по имени; а лично-ближніе люди императора превращались въ подчиненныя ему государственныя власти. Имперія, уже при Юліевой династіи (Д. И. § 263), становилась рабой префектовъ императорскаго преторія, членовъ императорскаго „консиліума" (частная дума изъ сословія сенаторовъ и всадниковъ), „оффиціаловъ" или дьяковъ государевыхъ приказовъ (scrinia), назначаемыхъ сначала изъ рабовъ и отпущенниковъ, потомъ изъ всадниковъ, наконецъ — „спутниковъ" (comites) или свиты Августа. Императоръ сталъ почти наслѣдственнымъ (Д. И. § 265) „господиномъ, государемъ"; фискъ превращался во всеобъемлющую казну; сенатскія провинціи исчезали (Д. И. §§ 244, 274); эдикты (Д. И. § 238) пріобрѣтали силу законовъ. Съ Діоклетіана абсолютизмъ уже принимаетъ видъ восточнаго султаната; а Константинъ закрѣпляетъ его во всѣхъ формахъ (Д. И. §§ 274, 276). Императоръ сталъ „воплощеннымъ божествомъ" (corporalis deus), его дворецъ, казна и дума — „священными" (sacra): совсѣмъ исчезъ обычай судить его дѣла по его смерти. Самъ — „живой законъ" (lex animata in terris), онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ власти уже по праву, а не только на дѣлѣ. Императоръ окруженъ царедворцами и любимцами, евнухами и женщинами.

Но, въ то же время, государство превращалось въ „священную" (sacrosancta) іерархію чиновничества, которое набиралось изъ высшихъ классовъ, получало хорошее жалованье и было одаряемо почестями, переходившими по наслѣдству. Каждый ея членъ уже не сносился прямо съ государемъ, а имѣлъ дѣло съ ближайшимъ начальствомъ. Чиновничество стало управлять имперіей именемъ государя, раздѣляя власть съ войскомъ. Такъ, при всемъ блескѣ абсолютизма, государственная власть слабѣла, что̀ послужило одною изъ причинъ паденія Римской имперіи (Д. И. § 282).

Сначала, послѣ смутъ, погубившихъ республику (Д. И. §§ 221 — 243), массы были довольны имперіей, особенно въ пору лучшихъ цезарей (Д. И. § 264), тѣмъ болѣе, что она отвѣчала всеобщему стремленію къ сплоченію, къ единству, доставлявшему миръ (Д. И. § 263). Правительство было не

особенно дорого: дворъ еще не дошелъ до восточной роскоши; войско состояло лишь изъ 30 легіоновъ на границахъ да изъ римскаго гарнизона. Чиновниковъ было мало, и они не вмѣшивались во внутреннюю жизнь народа. Всюду замѣчалось трудолюбіе и довольство, подъ сѣнью „римскаго мира“ (pax romana). Вездѣ распространялась романизація (Д. И. § 264), т.-е. единая, античная культура. Національныя различія громадной имперіи сглаживались: постепенно каждый чувствовалъ себя „римскимъ

Юліева династія: Клавдій, Агриппина Младшая, Ливія и Тиверій. I-го в.

гражданиномъ“, со всѣми его правами. Массы жили, постарому, обширными общинами (civitas), которыя обнимали много деревень, съ городомъ въ ихъ средоточіи, и пользовались правами муниципій (Д. И. §§ 205, 245), избирая свои власти изъ среды „куріаловъ“ или именитыхъ гражданъ. Ихъ жизнь текла мирно и счастливо: достатокъ проглядывалъ въ удобствахъ быта и въ блескѣ памятниковъ. Провинціи поправлялись, особенно со временъ Каракаллы (Д. И. § 274): ими управляли прямо зависѣвшіе отъ императора намѣстники, которые назначались временно, получали жалованье и сами подвергались надзору земствъ (communia).

Но постепенно, особенно съ Діоклетіапа, положеніе гражданъ становилось тягостнымъ. Выборныя должности исчезали: куріалы превращались въ декуріоновъ или фискаловъ (Д. И. § 276). Чиновничество размножалось: общины и провинціи становились все дробнѣе. Число провинцій, обнимавшихъ всю имперію, дошло съ 45 до 110; и онѣ были соединены въ 14 округовъ или діоцезовъ, управляемыхъ викаріями и составлявшихъ 4 префектуры (Д. И. § 276). Чиновничество занималось, главнымъ образомъ, вымогательствами для прибыли государевой казны. Финансовое тягло все росло. Прямые налоги взимались и съ душъ (capitatio), и съ земли (tributum), по системѣ кадастра (Д. И. §§ 245, 276), не умершей до нашихъ дней, а также съ промысловъ, съ торговъ, съ наслѣдствъ; косвенные налоги состояли изъ множества мытъ, пошлинъ и регалій. Сверхъ этихъ, денежныхъ, взносовъ были разныя повинности натурой, въ особенности кормленіе солдатъ и чиновниковъ: государство не содержало ни духовенства, ни школъ, ни сборщиковъ податей, ни дорогъ и мостовъ. И всѣ эти сборы зависѣли отъ росчерка пера императора (Д. И. § 276) да отъ произвола оффиціаловъ. Фискальность подрывала благосостояніе массъ въ корнѣ: дошло до того, что, въ 4-мъ в., императоры назначали „защитниковъ" (defensores) для огражденія общинъ отъ угнетеній чиновниками. Столь же вредна была солдатчина. Съ введеніемъ постоянной арміи (Д. И. § 244), войско постепенно отдѣлялось отъ народа и становилось враждебною ему новою тяжестью. Сначала еще оно составлялось изъ добровольцевъ, которымъ давали, по выслугѣ, клочокъ земли съ нѣсколькими рабами и съ званіемъ римскаго гражданина. Затѣмъ возникла рекрутчина, причемъ землевладѣльцы сдавали подонки своихъ рабовъ. Наконецъ, она была замѣнена налогомъ—и правительство стало нанимать варваровъ. Такъ, войско утратило и національный характеръ, особенно на границахъ. Оно превращалось въ шайку мятежниковъ, которые ставили собственныхъ императоровъ изъ-за подачки и усердно дрались между собой, а съ врагами сражались плохо (Д. И. §§ 263, 273—276). Гибельныя для имперіи слѣдствія солдатчины уже не могли быть устранены такими запоздалыми реформами, какъ пониженіе военной власти передъ гражданскою (Д. И. § 276).

При такихъ условіяхъ, не могло быть прочнаго общественнаго строя. А тутъ еще—отсутствіе средняго сословія, что̀, въ свою очередь, способствовало гибели имперіи (Д. И. § 282). Сначала были зачатки этого класса. Въ городахъ жили сво-

бодные плебеи или „низшіе“ (plebeii, inferiores), которые участвовали въ выборѣ властей общины на комиціяхъ и занимались прибыльными ремеслами, составляя сильныя „коллегіи“, родъ циховъ. Въ случаѣ обогащенія, они переходили въ классъ „мощныхъ, имущихъ“ (potiores, possessores) или куріаловъ, изъ которыхъ выбирались власти и „сенаты“ или думы, служившія безъ жалованья да еще тратившіяся на бѣдныхъ и на народныя празднества. А богачи среди куріаловъ, ходившіе въ общинныхъ должностяхъ, поднимались въ знатные классы всадниковъ и сенаторовъ, которые обладали крупнымъ состояніемъ (одни — не менѣе 400.000, другіе — не менѣе милліона сестерцій или пятачковъ) и занимали высшіе посты не только въ своей общинѣ, но и по всей имперіи.

Но съ теченіемъ времени плодотворныя передвиженія въ обществѣ останавливались: подъ гнетомъ чиновничества и фискальности жизнь застывала; классы превращались въ касты; число свободныхъ людей сокращалось. Въ городахъ уже почти не замѣчалось плебеевъ: лишившись муниципальныхъ правъ и возможности обогащаться, они превратились въ нищихъ, воровъ и поденщиковъ; а ремесленниковъ правительство прикрѣпило къ коллегіямъ, словно рабовъ. Куріаловъ также становилось мало. У нихъ сокращались источники доходовъ и отнимались права въ пользу чиновниковъ; а государство возлагало на нихъ отвѣтственность за сборъ податей, которыя становились тѣмъ тяжелѣе, что знать и военные были освобождены отъ нихъ. Чтобы избыть невыносимаго тягла, куріалы разбѣгались, бросая свои земли, которыя оставались пустырями въ казнѣ, такъ какъ ихъ никто не бралъ и даромъ. Нето они старались перейти въ другой, хотя бы низшій классъ. Обыкновенно они отдавали свою землю богатому, сильному человѣку и становились его *колонами* или наслѣдственными арендаторами, которые облагались оброками (obsequia) и барщинами (operae) и были прикрѣплены къ землѣ, чтобы не сбѣжали отъ мучительнаго тягла. Колонатъ все возросталъ и пріобрѣталъ особое значеніе, какъ зародышъ средневѣковаго крѣпостничества.

Такъ, все приближалось къ несвободному состоянію, которое издавна было удѣломъ деревень. Римская земщина состояла изъ рабовъ (Д. И. § 259), которые исправляли всѣ физическія работы, отъ сельскаго хозяйства до промышленности. Императоры, особенно съ Гадріана, старались облегчать участь этихъ всеобщихъ кормильцевъ. Но чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ болѣе

росло рабство: размножалась „городская фамилія“ (дворовые) господина, а его обширныя „виллы“ (помѣстья) съ „деревенскою фамиліей“ поглощали мелкіе земельные участки свободныхъ людей. Въ то же время уменьшалось число отпущенниковъ, которые также были полурабами: они отдавали часть своего труда помѣщику, были обязаны повиноваться ему, не могли вступать въ бракъ безъ его позволенія.

А между тѣмъ свободные люди стремились попасть въ разрядъ отпущенниковъ такъ же, какъ и въ колонатъ. Къ концу имперіи вообще развивался патронатъ (patrocinium): каждый мелкій человѣкъ старался заложиться за сильнаго, чтобы лишиться свободы, но сохранить жизнь, избыть невыносимаго тягла. Напрасно законы возставали противъ этого явленія: даже цѣлые поселки искали покровительства, и не только у частныхъ лицъ, но и у чиновниковъ. Такъ, являлись лица, которыя, подобно средневѣковымъ феодаламъ, имѣли и частную, и политическую власть надъ населеніемъ, какъ надъ рабами и подданными.

Истинно свободною и достаточною была лишь горсть знати или классъ сенаторовъ (классъ всадниковъ исчезаетъ съ Константина). Это—тѣ счастливцы, предки которыхъ занимали высшую должность или удостоились милости императора. Они-то достигали высшихъ званій, мѣстъ и почестей въ государствѣ и церкви, а также пользовались „привилегіями“ (priva lex — частный законъ), т.-е. свободой не только отъ податей, но и отъ военной службы. Имъ-то принадлежали тѣ крупныя земли (latifundia), которыя „погубили Италію“, по словамъ Плинія (Д. И. § 268), и которыми имъ пришлось подѣлиться съ варварами...

§ 3. **Классическій міръ. Бытъ.**—Въ бытѣ классическаго міра, какъ и въ государствѣ и обществѣ, замѣчалось постепенное паденіе.

Въ первой половинѣ періода еще развивались почти всѣ стороны античной гражданственности. Матеріальная культура никогда еще не поднималась до такой высоты. Особенно процвѣтала торговля, полагавшая прочныя основы всѣми желанному сплоченію, единству міра. Одинъ взглядъ на сердце этого міра, на Римъ, убѣждалъ въ этомъ: здѣсь красовались вавилонскіе ковры, тирскій пурпуръ, порѳянскія вазы (по тысячамъ руб. каждая), китайскій шелкъ, цейлонскій жемчугъ (втрое дороже золота), пряности и благовонія Индіи и Аравіи, рабы Делоса, Колхиды и Сарматіи, кожа и соленая рыба съ Понта, хлѣбъ, звѣри, слоновая кость и страусовыя перья изъ

Африки, сукна и металлическія издѣлія Галліи, британское олово, балтійскій янтарь, за кусочекъ котораго, въ видѣ талисмана, платили дороже, чѣмъ за раба.

Въ идеальной культурѣ продолжалось (Д. И. § 172) развитіе точныхъ и реальныхъ наукъ, ознаменованныхъ такими крупными именами, какъ Птоломей, Галенъ и тотъ Плиній, который „задавался мыслью обнять всю природу". Замѣчалось плодотворное движеніе и въ наукахъ нравственныхъ. Даже исторія, риторика и педагогія дали такихъ видныхъ представителей, какъ Тацитъ и Квинтиліанъ (Д. И. § 268). А философія и законовѣдѣніе пріобрѣли особенное значеніе. Здѣсь-то яснѣе всего обнаруживалось всеобщее стремленіе къ міровому единству или тотъ космополитизмъ, которымъ отличалась уже александрійская культура (Д. И. § 171): здѣсь разбивались узкія рамки семьи, общины, мѣстнаго политеизма и слагались понятія о человѣчествѣ и Единомъ Творцѣ. Философія никогда еще не пользовалась столь всеобщимъ вниманіемъ. И она поднялась до новаго высокаго направленія, вліявшаго даже на вождей христіанства, благодаря отчасти серьезному скептицизму, а больше—неостоицизму и неоплатонизму (Д. И. §§ 271, 283). Эти школы разрушали національный и чувственный политеизмъ, вливали въ душу чувства справедливости и состраданія, жажду истины, личной независимости и свободы совѣсти: Сенека, которымъ пользовались отцы церкви, видѣлъ въ Создателѣ олицетвореніе человѣчества, братства и равенства всѣхъ людей.

Еще болѣе развилась юриспруденція, эта спеціальность римлянъ (Д. И. § 258). Здѣсь видимъ то же стремленіе къ научной системѣ, что́ и въ наукахъ точныхъ и реальныхъ, а главное—тѣ же черты человѣчности и космополитизма, что̀ и въ философіи. Міровыя завоеванія привели Гая къ созданію всеобщаго, международнаго права, на основаніи „разума всѣхъ націй" (quod ratio inter omnes gentes constituit), на пользу всего человѣчества. Юристы имперіи впервые поставили слабыхъ подъ сѣнь закона. Они подняли женщину на степень человѣка, оградили ребенка смертной карой за подкидываніе и за вытравленіе плода, отняли у господина право казнить своихъ рабовъ и разлучать ихъ съ семьей, предписали правителямъ провинцій защищать меньшій людъ. Они сняли пятно безправія съ сына преступника, съ незаконно-рожденнаго, котораго еще не признавало христіанство, даже съ плода кровосмѣшенія. Руководясь правиломъ, что лучше упустить виновнаго, чѣмъ наказать невиннаго, они

отмѣнили заочное осужденіе и сократили примѣненіе пытки. Юристы возвели общины и коллегіи (§ 2) на степень юридическихъ лицъ и стремились распространить ихъ права на весь міръ точно также, какъ и привести налоги въ соотвѣтствіе съ достаткомъ тяглеца.

Даже въ изящной словесности, хотя и названной серебряною латынью, по сравненію съ вѣкомъ Августа, еще жила геніальность: былъ изобрѣтенъ новый, великій родъ литературы—романъ, въ видѣ сказки. Высокій подъемъ духа сказывался въ процвѣтаніи сатиры, съ такими именами во главѣ, какъ „учитель нравственности", Ювеналъ, и „цензоръ глупостей" Лукіанъ (Д. И. § 269). Наконецъ, въ искусствѣ процвѣталъ римскій стиль, который отличался такимъ же реальнымъ направленіемъ, какъ науки того времени. Въ противоположность типичности эллинскаго художества, здѣсь развивались личныя, мѣстныя и историческія черты, которыя лежали въ основаніи искусства Этруріи и Египта. Онѣ отразились особенно въ замѣчательной, правдивой выразительности лицъ, развитію которой содѣйствовалъ обычай „имѣть предковъ" (Д. И. § 196). Таковы не только собственно портреты, вродѣ портретовъ Юліевой династіи на ониксѣ (стр. 3) и бюста Нерона, но и лѣпныя фигуры на такихъ роскошныхъ аркахъ. какъ Тита, или на колоннѣ Траяна, гдѣ можно узнать даже нашихъ предковъ въ образѣ сарматовъ.

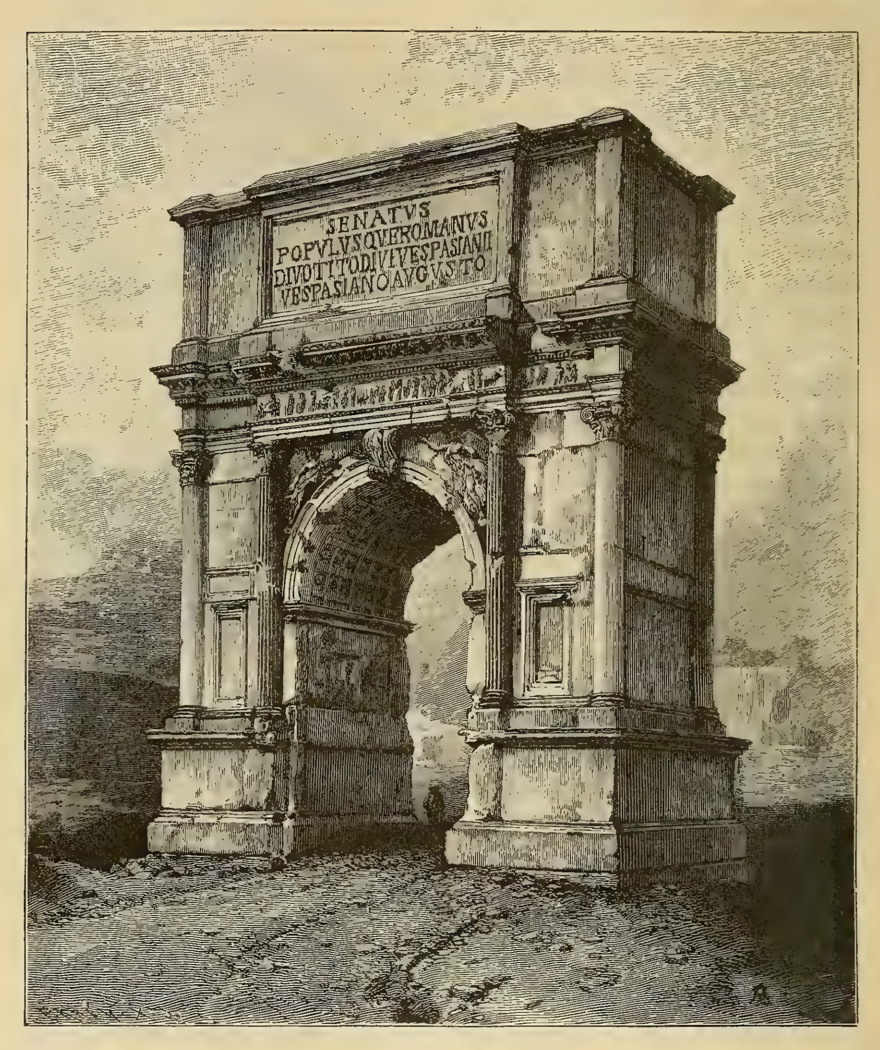
Все это бытовое развитіе пріостановилось съ 3-го вѣка. когда настало также паденіе въ отношеніи государственномъ и общественномъ (§ 2). Это замѣтно даже въ матеріальной культурѣ, несмотря на то, что Римъ достигъ, передъ концомъ, небывалыхъ размѣровъ: въ немъ было $1^1/_2$ милл. жителей. Но наиболѣе упадокъ обнаруживался въ культурѣ идеальной. Въ точныхъ и реальныхъ наукахъ не появлялось ничего новаго. Историки были лишены даже литературнаго дара: эти „писатели августѣйшей исторіи" (Scriptores historiae Augustae) льстиво изображали дѣянія императоровъ, увлекаясь анекдотами, и преимущественно грязными. У риторовъ, число которыхъ росло неимовѣрно, не было ни самобытныхъ мыслей, ни глубины чувства. Они писали, напыщеннымъ и неправильнымъ слогомъ, самыя ничтожныя измышленія (о кухнѣ, объ именинахъ и т. д.), въ особенности же беззастѣнчивые панегирики и кудрявыя письма. Риторовъ называли „новыми софистами": діалектика превратилась у нихъ въ искусство подбирать софизмы (Д. И. § 121), ораторство — въ умѣнье говорить фразисто, съ вычур-

ной декламаціей и сценическими жестами, а филологія — въ педантичное комментаторство да въ жалкое компиляторство (Д. И. §§ 172, 268). Философія снизошла до печальнаго синкретизма (смѣшенія или хаоса понятій); а неоплатоники впадали въ грубый мистицизмъ. При Ѳеодосіи исчезли и послѣдніе философы древности (Д. И. §§ 270, 279, 283). Даже юриспруденція, послѣ своего расцвѣта въ 3-мъ в., только повторяла зады да занималась кодификаціей (Д. И. § 283). Римское искусство также падало, начиная съ Гадріана (Д. И. §§ 265, 285), а „древне-христіанское“, сохранившееся въ катакомбахъ или подземельяхъ, было дѣтскою попыткой влагать новое содержаніе въ античныя формы посредствомъ символизма, этого своего рода образного письма (стр. 11). Но яснѣе всего отражалось культурное паденіе въ изящной словесности, въ этомъ зеркалѣ общества. Теперь ее называли уже *желѣзною латынью*, которая совсѣмъ замерла вскорѣ послѣ паденія Западной римской имперіи. Это — уже жалкая провинціальная литература, лишенная мыслей и вкуса, плохо владѣвшая испорченнымъ латинскимъ языкомъ, полная бездарнаго педантизма и погони за одною внѣшностью (Д. И. §§ 268, 283).

Неронъ. Бюстъ, въ Ватиканѣ. I-го в.

Словомъ, всюду сквозила душевная дряблость, этотъ признакъ попятной поры, всеобщей усталости. Не замѣчалось ни твердой воли, творческой мысли или геніальности, ни увлеченія свѣжими радостями бытія, ни одушевленія высшими идеалами. Вожди мысли льстили испорченнымъ вкусамъ общеста. А обществомъ овладѣвало нравственное растлѣніе, доходившее до сальности. Пресыщенное чувственными наслажденіями, униженное лестью и раболѣпствомъ передъ властями, оно представляло изъ себя типъ себялюбиваго матеріалиста,

ищущаго сильныхъ, но низкихъ и даже противоестественныхъ ощущенiй, готоваго, ради нихъ, пресмыкаться у ногъ и невозможныхъ цезарей, и солдатскихъ похитителей власти, и королей варваровъ. Общество растерялось и опошлилось, подъ

Трiумфальные ворота Тита. Въ Римѣ. I-го в.

влiянiемъ этихъ варваровъ, восточнаго султаната императоровъ и религiознаго фанатизма.

Общество переросло свою душу, — этотъ когда-то могучiй, жизнерадостный, но наивный политеизмъ, который падалъ вмѣстѣ

съ нимъ, осмѣянный и опозоренный научною критикой, сатирой, даже грязными пантомимами и придворными шутками. Толпа впадала въ безмысленный синкретизмъ и суевѣрія, доходя до фетишизма и чудодѣйствъ; а интеллигенція увлекалась философіей, отрицавшей предковскія вѣрованія. Ничто не могло остановить гибели политеизма: самъ Юліанъ, этотъ послѣдній представитель лучшихъ сторонъ античной культуры, умеръ съ горькимъ сознаніемъ невозможности возстановить классическое язычество (Д. И. § 278). Паденіе политеизма было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что онъ былъ государственнымъ учрежденіемъ: пока существовала римская имперія, приходилось насильно поддерживать его опустѣвшія формы, что̀ дѣлало его смѣшнымъ и ненавистнымъ; а со смертью древняго Рима долженъ былъ умереть и онъ. Съ нимъ было уже покончено при Константинѣ, когда этотъ императоръ перенесъ столицу въ Константинополь и объявилъ христіанство государственною религіей. Ѳеодосій Великій только убралъ трупъ властною рукой—и политеисты бѣжали въ горы, пустыни и деревни, а язычество стало „паганизмомъ“, т.-е. „деревенщиной“ (Д. И. §§ 270, 276, 279).

Добрый пастырь. Въ римскихъ катакомбахъ 3-го в.

§ 4. **Первобытное христіанство.**—Вторая основа европейской исторіи, христіанство, прошло, въ теченіе пяти вѣковъ, цѣлый кругъ развитія. Это Царство Божіе уже своимъ названіемъ отрицало римскую имперію, съ которою оно родилось въ одно время, но не въ средоточіи политеизма и тогдашней Европы, а на Востокѣ, на этой родинѣ религій. Если Божественный Учитель внушалъ: „воздадите цезарево цезарю, божіе Богу“, то это противорѣчило взглядамъ римлянъ, не знавшихъ отдѣленія церкви отъ государства. Тацитъ говоритъ о нововѣрцахъ съ отвращеніемъ. Христіане казались даже Плинію мятежниками за то, что они не слушались приказаній проконсула подносить вино и ѳиміамъ къ подножію статуи цезаря и устраивали „церкви“ (ecclesiae), т.-е. тайныя общества, запрещенныя закономъ съ основанія имперіи. А Лукіанъ видѣлъ какихъ-то демократовъ и соціалистовъ въ людяхъ, которые твердили: „первые будутъ послѣдними, послѣдніе — первыми“... Христіане

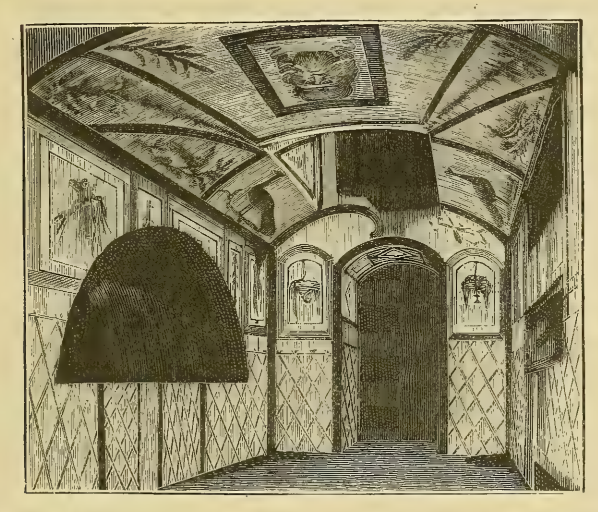
предавались „бѣгству изъ міра“, устранялись отъ „мірской суеты“, какъ отъ бѣсовскаго навожденія. Они не только не роднились съ язычниками, но даже избѣгали прикосновенія къ нимъ. Учителя возбраняли имъ присутствовать на зрѣлищахъ, мастерить все, что̀ имѣетъ отношеніе къ идоламъ, даже заводить школы, гдѣ приходилось объяснять родословіе „демоновъ“ (боговъ политеизма). А главное—христіанинъ избѣгалъ всякой службы и воинской повинности, что̀ ускоряло разложеніе общинъ, курій, всей имперіи.

Мало того. Новая вѣра была такимъ полнымъ отрицаніемъ всего античнаго міровоззрѣнія, что уже Апокалипсисъ проклиналъ Римъ, а Тертулліанъ ждалъ минуты, когда онъ захохочетъ надъ стонами опаляемыхъ Сатаной цезарей, ихъ царедворцевъ и чиновниковъ, ихъ Юпитера; и свв. Августинъ и Іеронимъ взывали къ варварамъ, какъ къ Божьей карѣ растлѣнному язычеству. Древній человѣкъ былъ многобожникъ, врагъ иноплеменниковъ, войнолюбецъ, поклонникъ чувственности и внѣшности; его жизнь была проникнута риторствомъ. Самъ—полноправный „гражданинъ“, онъ превратилъ въ рабовъ всѣхъ смертныхъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Онъ признавалъ только разумъ и доводы науки, насмѣхаясь надъ всѣмъ сверхчувственнымъ и обративъ религію въ государственную обрядность. Новый человѣкъ, совлекавшій съ себя „ветхаго Адама“, выставилъ возвышенное единобожіе, космополитизмъ и крайній идеализмъ. Пренебрегая земными благами, онъ пылко, до самопожертвованія, вѣровалъ въ „тотъ свѣтъ“, въ неуловимое, неизслѣдимое, непостижимое для простого здраваго смысла, и взывалъ къ служенію ему духомъ и сердцемъ, а не устами. Съ всепобѣждающею искренностью проповѣдовалъ онъ о любви къ ближнему, о безконечномъ состраданіи, милосердіи, всепрощеніи и миролюбіи, о равенствѣ всѣхъ передъ Создателемъ, взирающимъ на „малыхъ сихъ“, на „нищихъ духомъ“, на подавленные низы общества. Немудрено, что запуганная частыми волненіями у евреевъ имперія вообразила, что появился новый „царь іудейскій“—и въ 33-мъ г. былъ распятъ Тотъ, отъ дня рожденія котораго треть человѣчества ведетъ свое лѣтосчисленіе [1]). Затѣмъ послѣдовали гоненія, особенно лѣтъ 100 спустя, при Траянѣ, когда римляне перестали смотрѣть на христіан-

[1]) Христіанскую эру установилъ римскій аббатъ 6-го в., *Діонисій Малый* (Exiguus). По евангелистамъ, она начинается нѣсколько раньше.

ство, какъ на ничтожную еврейскую секту (Д. И. §§ 260—265, 274).

Но то было цѣлое новое жизненное начало, котораго нельзя ничѣмъ истребить. Оно отвѣчало всеобщему исканію истины, всеобщей тоскѣ по высшему идеалу—настроенію, которое поэтично выразилось въ „Климентинахъ" и въ сказкѣ о Психеѣ (Д. И. § 270)... Оттого-то сначала сама свѣтская власть защищала ап. Павла, какъ „римскаго гражданина", особенно отъ ревнивой и педантичной еврейской іерархіи, не понявшей своего Іисуса. А главное, христіанству сочувствовали язычники — съ одной стороны, философы и республиканцы, такъ

Катакомба св. Каликста подлѣ Рима, съ гробницами св. Цециліи и многихъ римскихъ епископовъ 3-го в.

какъ оно отвѣчало ихъ идеализму и не признавало божественности цезарей, съ другой—угнетенныя сильными людьми массы и женщины. А затѣмъ новая религія нашла самыхъ вѣрныхъ друзей въ свѣжихъ поколѣніяхъ варваровъ.

И христіанство, которое, въ „апостольскую эпоху", бѣжало отъ міра сего въ подземелья (Д. И. § 285), только укрѣплялось отъ гоненій, какъ единая церковь или связанная любовью община: черезъ три вѣка оно уже выступаетъ, какъ міровая религія. Съ 313 г. новая вѣра стала государственною религіей Римской имперіи (Д. И. §§ 276, 279)... Тогда же христіанство приняло прочный строй, словно государство въ государствѣ. Оно и заимствовало его у имперіи (§ 2). Его іерархія соотвѣтствовала

чиновничеству: епископы жили въ центрахъ общинъ, митрополиты — въ центрахъ провинцій, а „патріархи“ (имя, взятое изъ Ветхаго Завѣта) напоминали префектовъ. Подлѣ епископа состоялъ свой консиліумъ — „капитулъ“ изъ пресвитеровъ, а подлѣ митрополита — „сінодъ“ изъ епископовъ. По образцу провинціальныхъ собраній, созывались вселенскіе „соборы“, какъ знакъ единства церкви.

Мало того. Уже обнаружилось стремленіе къ такому же сплоченію духовной власти, какимъ обладала власть свѣтская. Изъ среды пяти патріарховъ (Іерусалимъ, Антіохія, Александрія, Константинополь, Римъ) выдѣлялись, соотвѣтственно съ раздѣленіемъ имперіи, владыки константинопольскій и римскій. Первый изъ нихъ сдѣлался „вселенскимъ“, главнымъ; но только на Востокѣ. Второй же отвергъ титулъ патріарха, чтобы стать отдѣльнымъ, какъ бы единственнымъ святителемъ. Онъ уже назывался папой или „отцомъ“ попреимуществу. И между этими двумя главами христіанства возгорѣлась борьба за „приматъ“ или первенство. Они представляли собой два міра. Патріархъ — это эллинизованный Востокъ, съ его античною культурой, съ его пылкимъ воображеніемъ и философскимъ умомъ, увлекавшимся богословскими тонкостями. Папа — варварскій Западъ, съ его практичностью, волей и холоднымъ, точнымъ разсудкомъ римлянина. Онъ грубъ, чуждъ классицизма (его посланія въ Византію переводятся погречески съ испорченной латыни), не блещетъ краснорѣчіемъ и словопреніями: онъ умѣетъ только строго, всегда одинаково служитъ обѣдню да пѣть псалмы, что̀ цѣнилось музыкальными итальянцами. Но зато папа упорно и ловко ведетъ свое жизненное дѣло, осѣняемый непреклонною вѣрой въ торжество чистаго отъ ересей православія да въ незыблемость примата ап. Петра и его престола. Онъ самъ сочиняетъ напѣвы (Д. И. § 284), развиваетъ чарующее богослуженіе съ пышными церемоніями, творитъ благостыню, печется о народѣ да все „жжетъ известь“, строится. Въ то же время онъ цѣпко хватается за малѣйшее преимущество и расширяетъ его осторожно, терпѣливо, то съ униженіемъ паче гордости, то со всѣми кознями искуснаго дипломата.

Сначала всѣ преимущества были на сторонѣ Востока, съ его св. землей и слѣдами апостоловъ, съ его религіозною пылкостью, съ его императоромъ, который называлъ себя поантичному „царемъ и священникомъ“, распоряжался соборами и владыками, расправлялся съ еретиками, какъ съ мятежниками,

говорилъ на соборѣ, устами Констанція (Д. И. § 278): „моя воля—канонъ". И немудрено, что на шести „вселенскихъ" соборахъ изъ 60—360 членовъ было всего 1—6 представителей западной церкви. Но вскорѣ папство начало подыматься. Уже при Өеодосіи оно показало свою нравственную силу надъ императорствомъ (Д. И. § 279). Затѣмъ оно становится рѣшителемъ догматическихъ споровъ: запутавшись въ нихъ, сами императоры и патріархи обращались къ третейскому суду Рима. Укрѣпленію папы помогало и то, что это былъ единственный владыка на Западѣ; и только его престолъ представлялъ здѣсь, при постоянныхъ переворотахъ, нѣчто прочное. Услуги, оказанныя Риму такими святителями, какъ Левъ I (Д. И. § 281), и украшенныя сказаніями, усиливали значеніе римскаго епископа, а крещеніе германцевъ распространяло его вліяніе по всему Западу. Возвышенію папства содѣйствовали еще: его географическое положеніе, какъ центра между Востокомъ и Западомъ, историческое значеніе маститаго Рима и преданіе объ основаніи папскаго престола главнымъ апостоломъ, Петромъ.

Весьма важна была и независимость папы отъ свѣтской власти. Сначала избраніе его клиромъ (духовенствомъ) и народомъ еще нуждалось въ утвержденіи императора, которому платилась за это дань; но это утвержденіе становилось все затруднительнѣе, такъ какъ западный дворъ переселялся то въ Миланъ, то въ Равенну, пока не исчезъ совсѣмъ, а восточный находился слишкомъ далеко, въ Византіи. Оттого уже Левъ I не только получилъ, по закону, власть надъ всѣми епископами Запада, но и предсѣдательство на одномъ вселенскомъ соборѣ. Онъ уже назвалъ папскій престолъ „камнемъ, на которомъ зиждется католическая церковь", а папу, какъ „преемника ап. Петра", — „первымъ среди іерарховъ". И это горделивое ученіе поддерживали сами западные императоры, искавшіе опоры у папъ въ борьбѣ съ варварами и притязаніями Византіи; а когда пала Западная римская имперія, варвары, въ свою очередь, заискивали у папъ, чтобы утвердиться въ Италіи. Немудрено, что къ концу періода папы уже не признавали надъ собой никакого судьи и издавали повелительныя декреталіи—посланія съ значеніемъ закона для всего католическаго міра.

Но важнѣе всего — внутреннее развитіе христіанства, какъ новой культурной силы. Нововѣріе блистало цѣлымъ рядомъ талантливыхъ и энергичныхъ „отцовъ церкви", какъ восточныхъ (греческихъ), такъ и западныхъ (латинскихъ), отличавшихся и въ

апологетикѣ, и въ полемикѣ, и въ догматикѣ (Д. И. § 277). Наряду съ богословіемъ, появлялись свѣтскіе прозаики и поэты. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше выдвигалась на первый планъ христіанская письменность, особенно съ Константина. Ея авторы старались усваивать античное образованіе и продолжать его дѣло, подобно тому, какъ христіанскіе художники пытались идти по слѣдамъ классическаго искусства... Около 300 г. въ Египтѣ зародился аскетизмъ „чернаго“ духовенства; а къ концу періода онъ овладѣлъ всѣмъ Востокомъ и проникъ на Западъ до Галліи и Ирландіи. Со временъ Ѳеодосія монахи и отшельники выходили изъ пустынь—и, подъ вліяніемъ фанатиковъ, толпа истребляла сокровища античной образованности; соборы запрещали клиру читать свѣтскія сочиненія; а „апостолъ Ирландіи“, св. Патрикъ, сжегъ 300 свитковъ языческихъ поэтовъ.

Но зато къ концу періода затихли ожесточенные догматическіе споры, которые, съ своей стороны, свидѣтельствовали объ умственномъ движеніи, какъ доказываетъ самое слово ересь, означавшее у философовъ „отдѣльное мнѣніе“. Ереси возникали подъ вліяніемъ античной образованности, что̀ очевидно изъ главныхъ среди нихъ — изъ гностицизма, аріанства и пелагіанизма. Но эти завзятые догматики вносили въ свои споры восточную софистику и грубую страстность, что̀ вызывало даже насмѣшки у просвѣщенныхъ язычниковъ. Особенно препирались объ „ипостасяхъ“ и о существѣ Христа, даже послѣ того, какъ аріанство было отвергнуто, какъ ересь. Среди самихъ приверженцевъ св. Троицы возгорѣлась распря изъ-за слова „Богочеловѣкъ“, причемъ доходили до соблазна изъ-за одной гласной (ὁμοούσιος и ὁμοιούσιος = единосущный и подобносущный; а иные, во избѣжаніе споровъ, признавали просто ὅμοιος—подобный). Соборъ 451 г., установившій двѣ, но нераздѣльныя, природы въ Христѣ, прекратилъ основный споръ. Около того же времени было осуждено, какъ ересь, ученіе Пелагія о свободной волѣ и принятъ догматъ блаженнаго Августина о предопредѣленіи и о необходимости хранимой церковью благодати Божіей для избавленія людей отъ первороднаго грѣха. Еще раньше, на первомъ вселенскомъ соборѣ (325), были составлены Символъ Вѣры и Каноны или житейскія правила для всего христіанства (Д. И. §§ 271, 277, 284).

Такъ сложилось стройное, крѣпкое „правовѣріе“ (ὀρθοδοξία), придававшее цѣльность и внушительность новой религіи. Оно поддерживалось внутреннею силой его поклонниковъ. Среди ду-

шевной дряблости язычниковъ, среди окаменѣлости ихъ общества (§ 3), только у нихъ жизнь била свѣжею, сильною струей. Только здѣсь встрѣчались глубокія убѣжденія, несокрушимая воля, страстныя желанія, — словомъ, сознаніе долговѣчности и крупнаго жизненнаго дѣла. Только здѣсь кипѣли споры, выборная горячка, личный починъ, свобода дѣйствій. Всѣ силы жизни отливали къ новой общинѣ, озаренной сіяніемъ міровой будущности. Сюда стекались таланты и характеры, культурные и государственные. Здѣсь хранились классическіе языки и античная цивилизація, хотя и въ искаженномъ видѣ. И гордая имперія склонилась передъ новою силой, которая сначала дерзко отрицала ее. Церковь сдѣлала ее своею рабой. До конца періода она, помимо цезарей, созывала свои провиціальные соборы. Ея владыка сталъ первымъ лицомъ въ общинѣ. Онъ засѣдалъ среди судей и надзиралъ за ними, участвовалъ въ самоправленіи муниципій, въ сборѣ податей, въ надзорѣ за общественными работами.

И это не въ силу одного закона. Пользуясь сочувствіемъ массъ, монастыри и церкви стали главными землевладѣльцами и банкирами. Они орудовали милліонами: даже посылали субсидіи императорамъ и папамъ и содержали собственныя арміи. На возраставшія доброхотныя даянія владыки сооружали внушительные храмы, гошпитали, богадѣльни, школы и библіотеки, кормили народъ въ голодовку. Съ ними приходилось вѣдаться варварамъ: при нашествіи врага, куріалы разбѣгались — и только епископъ выступалъ представителемъ общины. А въ лицѣ римскаго папы уже явственно вырабатывался независимый, всесильный глава всего христіанства. Словомъ, подконецъ только церковь изображала собой міровую идею единства имперіи и пресловутаго „римскаго мира“; только она становилась силой католическою или „всесвѣтною“ (καθ᾿ὅλης τῆς γῆς) религіей. Она обладала уже милліонами стада Божія, отъ Ганга до Атлантики и Балтики: христіанство распространилось къ 500-му г. въ Индіи, Абиссиніи, Аравіи, Персіи, Арменіи, на Кавказѣ и по сѣверу Африки, а въ Европѣ его приняли почти всѣ варвары, хотя германцы еще сохраняли аріанство.

Христіанство вливало новую жизнь въ усталый древній міръ. Оно подымало свѣжія силы снизу, которыя очищали и волновали застоявшуюся кровь античнаго сословія господъ. Оно прививало къ ветхому Адаму начала справедливости, братства и равенства и помогало развитію въ государствѣ правоваго по-

рядка, зародышей самоправленія, выборной и представительной системы. Важнѣе всего, что подконецъ христіанство успѣшно сливалось съ классическою гражданственностью, особенно благодаря письменности и искусству, гдѣ новое содержаніе облекалось въ изящныя формы античности. Снова подымалась богатая матеріальная культура древности, пользуясь живыми всесвѣтными сношеніями миротворной торговли. Она подвигала великое дѣло романизаціи Европы (Д. И. § 267). Античная культура, овладѣвшая въ александрійскую эпоху Востокомъ, а въ золотомъ вѣкѣ—Италіей, проходила теперь по всему Западу. Римскіе императоры искусно помогали этому дѣлу своею властью. Они сдѣлали латинскій языкъ обязательнымъ въ арміи и управленіи, а почитаніе мѣстныхъ божествъ объявили несовмѣстимымъ съ правами римскаго гражданства. Но они только отнимали власть у туземныхъ жрецовъ; вѣрованій же ихъ не касались, только затмевая ихъ пышностью государственной религіи, латинизуя имена ихъ боговъ и помѣщая, рядомъ съ ихъ идолами, соотвѣтственныя изображенія римскихъ божествъ, такъ что туземцы и римляне приходили къ однимъ и тѣмъ же алтарямъ.

Сліяніе двухъ основъ европейской исторіи, классицизма и христіанства, могло правильно развиваться. Молодѣвшій древній міръ могъ зажить новою жизнью, очнувшись отъ дремоты, какъ часто бывало потомъ у всѣхъ народовъ, послѣ поры реакціи. Всѣ зачатки средневѣкового быта, не исключая феодализма, были налицо: и Возрожденіе могло не отлагаться на цѣлое тысячелѣтіе. Но судьба рѣшила иначе: въ описываемый же періодъ выдвинулась на первый планъ третья основа европейской исторіи—„варвары" (Д. И. §§ 77, 176).

§ 5. **Варвары**.—Впослѣдствіи варвары оказались полезною основой европейской исторіи: они вносили свѣжую кровь, непочатую силу и содѣйствовали всеобщей потребности въ жизненномъ разнообразіи или въ „дифференцированіи", т.-е. расчлененіи плотнаго цѣлаго, созданнаго античнo-христіанскою культурой. Но вначалѣ варвары задерживали ростъ этой культуры: неразвитые и невѣжественные, они могли понимать ее только внѣшнимъ образомъ и, стараясь подражать во всемъ древнимъ, лишь искажали всѣ стороны ихъ быта. Подъ ихъ вліяніемъ все грубѣло: паденіе нравовъ выражалось уже въ жестокости наказаній и въ сценахъ „вандализма" (Д. И. §§ 280, 286). Сверхъ того, варвары долго мучили римлянъ своими дикими набѣгами и массовыми переселеніями: это было даже одною

изъ причинъ паденія Римской имперіи, внутри которой кипѣли раздоры, пролагавшіе путь варварамъ (Д. И. §§ 279, 282).

Самые старые изъ варваровъ, кельты или галлы, тревожили древній міръ съ самаго основанія Рима (Д. И. §§ 160, 179, 197, 234). Но зато они раньше всѣхъ развились и подверглись глубокой романизаціи (Д. И. § 261). Къ концу періода они славились своею зажиточностью и щеголеватостью. Галлы вели обширную торговлю. У нихъ было много городковъ, обнесенныхъ крѣпкими стѣнами изъ бревенъ въ перемежку съ камнемъ. Они носили шерстяные кафтаны и шаровары, золотыя цѣпи и застежки; пояса, шлемы, щиты украшались у нихъ благороднымъ металломъ и кораллами. Если на сѣверѣ Галліи еще господствовало старое варварство, зато на югѣ кельты превращались въ римлянъ даже по характеру: исчезала ихъ дикая воинственность и та свирѣпость, которая проявлялась особенно при сожиганіи плѣнныхъ кучами, среди шумныхъ гимновъ и плясокъ, причемъ друиды гадали по струямъ крови и по судорогамъ жертвъ. Съ паденіемъ друидства, исчезала самая ихъ религія: если мѣстами, въ столицахъ общинъ, попадались рогатые треглавые идолы, то ихъ значеніе сливалось съ римскими богами [1]. Галлы заимствовали у римлянъ все, до вкуса и обычаевъ. Они заводили много римскихъ школъ, откуда выходили собственные богословы, писатели, юристы, художники, риторы, поэты. Наконецъ, довольно взглянуть на такіе образцы зодчества, какъ циркъ въ Нимѣ [2], чтобы понять всю силу романизаціи въ Галліи того времени.

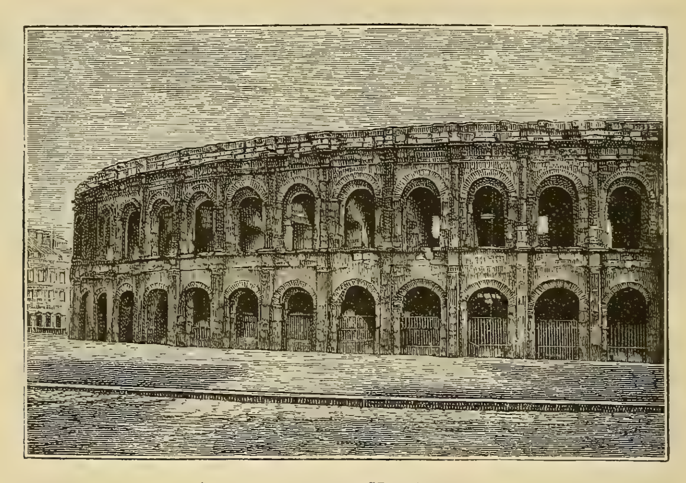
Кельтскій алтарь въ Бонѣ (Beaune), близъ Дижона.

Германцы выступили позже, начиная съ Марія (Д. И. §§ 224, 262); но они больше всѣхъ принесли горя римлянамъ, благодаря своей физической крѣпости, крайней плодовитости и

[1]) На нашемъ рисункѣ посрединѣ—старый Триглавъ, занесенный кельтами съ Востока, слѣва—Аполлонъ, а справа—обычный представитель власти у галловъ, рогатый богъ на козьихъ ножкахъ.

[2]) Копія Колизея (Д. И. § 272), амфитеатръ въ Нимѣ—одна изъ наилучше сохранившихся римскихъ развалинъ. Въ немъ помѣщалось до 24.000 зрителей на 35 рядахъ скамей, изъ которыхъ половина уцѣлѣла до сихъ поръ.

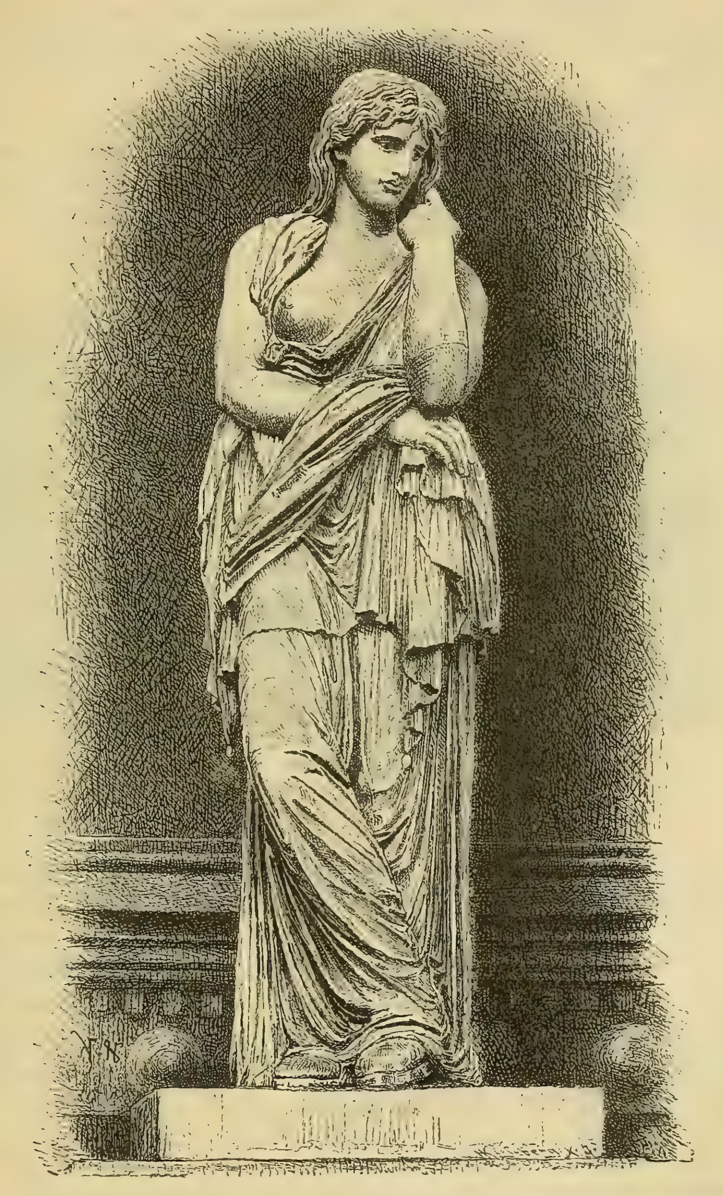
тѣмъ долгимъ передвиженіямъ, которыя даже дали концу періода названіе эпохи „переселенія народовъ“ (Д. И. §§ 246, 257, 278, 280). Имперія боролась съ ними въ теченіе пяти вѣковъ, устраивая всюду укрѣпленные лагеря, а по Рейну и Дунаю—линію острожковъ (limes romanus). Но германцы, волна за волной, безостановочно протѣснялись впередъ, къ водамъ Атлантики и Средиземнаго моря, отъ Англіи до Африки. Они нападали на имперію не изъ національной ненависти или жажды разрушенія, а по необходимости, отъ голода. Часто они просили у нея земель, даже предлагали свои услуги и охотно романизовались, перенимая все, какъ дѣти.

Амфитеатръ въ Нимѣ. 2-го в.

Римляне принимали германцевъ къ себѣ сначала въ качествѣ данниковъ, колоновъ, слугъ: на Востокѣ каменщики, носильщики, водовозы были все готы. Затѣмъ они допускали ихъ даже ко двору, давали имъ званія своихъ графовъ, герцоговъ и патриціевъ. Но больше всего имперія пользовалась германцами, какъ воинами. Она составляла изъ нихъ цѣлыя арміи „союзниковъ“ (foederati) по договору, или „людей“ (laeti, Leute), занимавшихъ границы въ видѣ военныхъ поселеній, снабженныхъ бенефиціями („благодѣяніями“, льготами), подъ которыми разумѣлись тогда казенныя земли. Но слабѣвшая имперія уже не могла слить съ собой германцевъ въ такой степени, какъ галловъ: въ Италіи, Испаніи, даже Африкѣ она еще поддерживала старую романизацію; но послѣдняя была слаба въ центрѣ Европы и въ Великобританіи. Ктому же, съ 3-го в.

у германцевъ возникли могущественные союзы; а затѣмъ натискъ гунновъ двинулъ всю эту массу впередъ съ неудержимою

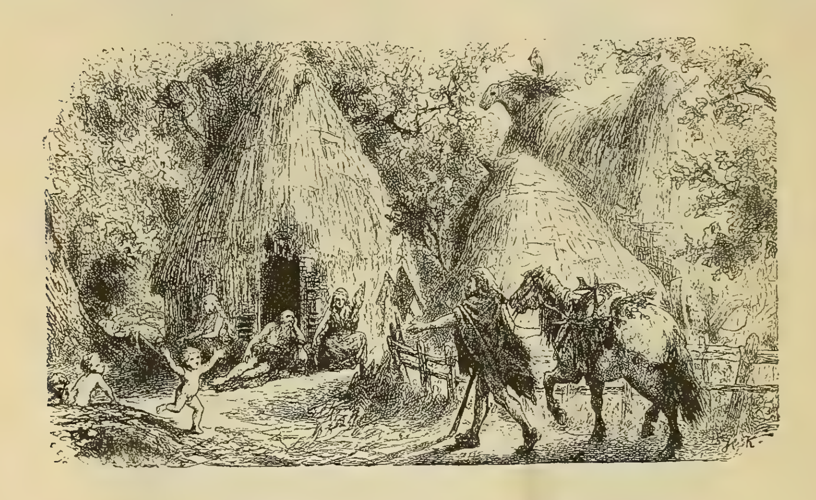

Туснельда, дочь германскаго вождя. Статуя во Флоренціи. I-го в.

силой. Германцы покончили съ Западною римскою имперіей и создали, на ея развалинахъ, шесть варварскихъ государствъ—

герульское въ Италіи, съ Одоакромъ во главѣ, бургундское по Ронѣ и Рейну, вестготское въ ю. Галліи и Испаніи, франкское въ с. Галліи и два по далекимъ окраинамъ—вандальское въ Африкѣ и англосаксонское въ Великобританіи (Д. И. §§ 273, 280, 282).

Германцы имѣли большое значеніе для будущаго и въ силу своей національной неподатливости: упорно сохраняя свое гордое свободолюбіе, свою племенную раздробленность, свою общину и дружину (Д. И. § 262), они были неспособны къ государственному строю и постоянно служили источникомъ смутъ,

Жилища германцевъ.

безначалія. Ихъ нравы полудикарей, которые долго жили въ шалашахъ и поклонялись такимъ грубымъ идоламъ, какъ Ирминсуль [1]), глубоко отражались на всѣхъ сторонахъ средневѣковаго быта. Важно и то, что они долго придерживались аріанства, т.-е. отвергали божественность Спасителя и не давали духовенству ни богатствъ, ни власти; а это отдаляло ихъ отъ древне-христіанской культуры и даже вовлекало въ жестокія распри съ правовѣрными католиками и съ папствомъ.

[1]) Ирминсуль—„столбъ Ирмина". Ирминъ или „Возвышенный"—богъ войны и правосудія, какъ видно изъ нашего рисунка, гдѣ его принадлежностями служатъ: полное вооруженіе, вѣсы Ѳемиды, медвѣдь на груди, пѣтухъ на головѣ и колючка-громоотводъ. Изображеніе Ирмина вырѣзывалось на стволахъ лѣсныхъ старожиловъ и обвѣшивалось оружіемъ. Извѣстенъ Ирминсуль у Эресбурга, разрушенный Карломъ Великимъ.

Наименѣе значенія имѣли варвары восточной Европы—славяне и литовцы, которымъ пришлось занять, позади всѣхъ арійцевъ, самое невыгодное положеніе (Р. И. §§ 1—8, 194). Самое имя славянъ, которыхъ древній міръ называлъ „вендами“, огласилось въ исторіи лишь въ слѣдующемъ періодѣ. Это племя занимало сначала среднюю Россію до верховьевъ Оки, гдѣ начиналась земля финновъ, и до Камы и Волги, гдѣ утвердился другой монгольскій народъ — болгары. Около Р. Х. оно дошло, на западѣ, до Новгорода и Карпатъ, которые и назывались по имени карповъ (хорватовъ). Литовцы же, засѣвшіе у Нѣмана, на болотахъ, по сосѣдству съ финнами, продвинулись до береговъ Балтики (по литовски—„бѣлая“) и предѣловъ Пруссіи („пруссы“ — одинъ изъ ихъ народцевъ). Литовцы тамъ и остались. Славяне же, во время переселенія народовъ, съ одной стороны, напирали на туранцевъ сѣверо-востока Россіи, съ другой — стали выселяться изъ Карпатъ. Отсюда одни изъ нихъ дошли до Эльбы и Балтики, другіе устремились на югъ, за Дунай, гдѣ заняли Мизію (теперь Болгарія) и продвинулись до Греціи и Архипелага. Тѣснимые германцами съ запада, окруженные дикими туранцами съ востока, далекіе отъ вліянія античной цивилизаціи, славяне сохраняли еще первобытную грубость; но они уже переходили отъ лѣсныхъ промысловъ къ земледѣлію, которое быстро развивалось.

Ирминъ, богъ саксовъ. Гравюра въ вестфальской хроникѣ.

II. НАЧАЛО СРЕДНЕВѢКОВАГО СТРОЯ И ИСЛАМА.

Около 500—800 г.

§ 6. **Остготы. Ѳеодорихъ.**—Вскорѣ послѣ паденія Западной римской имперіи (Д. И. § 282) начинается первый періодъ среднихъ вѣковъ (§ 1), обнимающій 3 столѣтія, до Карла Великаго. Тогда племенное броженіе затихло, хотя и не сразу, и выдвинулись основы новаго порядка вещей—византинизмъ, папство, исламъ и варварскія государства, въ особенности франкское королевство. Сначала казалось, что воскреснетъ древняя единая имперія: Византія считала себя преемницей павшаго Рима и цѣлое столѣтіе смотрѣла на варваровъ, владѣвшихъ Италіей, какъ на своихъ мятежниковъ. Герульское королевство вскорѣ пало, благодаря византійскому двору, который, пользуясь жалобами римлянъ, навелъ на Италію остготовъ (Д. И. §§ 280, 282). Остготы, уже со 2 в. по Р. Х. имѣвшіе королей, заняли мѣсто гунновъ, подчинили себѣ окрестные германскіе и славянскіе пароды и поступили на службу къ Византіи. Ихъ король, Ѳеодорихъ, статный и доблестный воинъ, а также даровитый, мягкій и правдивый правитель, долго жилъ заложникомъ въ Византіи и полюбилъ античную культуру. Около 500 г. онъ прибылъ въ Италію со всѣмъ своимъ народомъ, въ сопровожденіи семействъ, за которыми тянулись безконечные обозы. Одоакръ былъ разбитъ и коварно зарѣзанъ на пиру; Ѳеодорихъ же основаль Остготское королевство. Онъ принялъ отъ Византіи титулъ „патриція и итальянскаго короля"; но былъ независимымъ и даже главнымъ государемъ своего времени. Онъ добился возвращенія знаковъ императорскаго достоинства, отосланныхъ Одоакромъ въ Византію; только на своихъ монетахъ онъ оставилъ имя одного императора, а на памятникахъ оно стоитъ

выше его собственнаго имени. Его держава простиралась отъ Сициліи до Дуная и отъ Иллиріи до Роны. Онъ породнился съ другими королями, и они отдавали свои споры на его судъ; даже отъ далекихъ эстовъ являлись въ Равенну посольства съ дарами.

Укрѣпивши границы, содержа хорошее войско и флотъ наготовѣ, воинственный Ѳеодорихъ сталъ покровителемъ мира и торговли. Онъ заслужилъ у нѣмцевъ названіе Великаго и такъ поразилъ воображеніе народовъ, что сталъ героемъ сказокъ. Его правиломъ было: „пусть другіе ведутъ войны для добычи и истребленія; я же ищу такихъ побѣдъ, чтобы побѣжденные сожалѣли, зачѣмъ раньше не подчинились мнѣ“. Ѳеодорихъ только взялъ $^1/_3$ земли для своихъ готовъ и сдѣлалъ военную службу ихъ привилегіей, причемъ не дозволялъ имъ учиться, чтобы они не потеряли боевой доблести: во всемъ остальномъ цѣлью его было сліяніе варваровъ съ римлянами. Онъ высоко цѣнилъ римлянъ за ихъ образованность: оставилъ имъ старое управленіе, отдавалъ имъ всѣ гражданскія должности, бралъ съ нихъ уменьшенныя подати наравнѣ съ готами, покровительствовалъ особенно куріаламъ (§ 2), принялъ римское право. Онъ объявилъ латинскій языкъ общеупотребительнымъ и заставлялъ своихъ готовъ облекаться въ тоги. Самъ не умѣя писать, Ѳеодорихъ заводилъ школы, возстановлялъ памятники искусства, возвышалъ римскихъ ученыхъ: Кассіодоръ былъ его секретаремъ и правителемъ государства, знатный писатель Боэцій и его тесть, Симмахъ, были его друзьями. Самъ аріанинъ, Ѳеодорихъ не стѣснялъ католиковъ и даже защищалъ евреевъ: „мы не можемъ приказывать въ дѣлахъ религіи, ибо нельзя силой заставить вѣрить“, говорилъ онъ.

Но все-таки, въ глазахъ римлянъ, Ѳеодорихъ оставался варваромъ и аріаниномъ, что̀ подавало поводъ восточнымъ императорамъ къ политическимъ ковнямъ. Когда въ Византіи начались гоненія на аріанъ, и римскіе католики стали сочувствовать этому, когда вскрылась даже тайная переписка между нѣкоторыми сенаторами и Константинополемъ, Ѳеодорихъ сдѣлался подозрительнымъ и раздражительнымъ. Въ немъ воскресъ варваръ, сгубившій Одоакра: онъ даже казнилъ жестоко безвинныхъ Боэція и Симмаха. Но тѣни друзей преслѣдовали его: ему чудилось, что на блюдѣ подаютъ ему не рыбу, а ихъ головы. Ѳеодорихъ помѣшался и вскорѣ умеръ (526). Поколѣніе спустя, погибло и и остготское королевство: варвары не могли слиться съ рим-

лянами, вслѣдствіе взаимной гордости и разницы въ развитіи и въ религіи, а также отъ вмѣшательства Византіи. Грубые остготы не взлюбили образованной дочери Ѳеодориха, молодой и добродушной Амалазунты, за ея приверженность къ римлянамъ и къ ихъ просвѣщенію. Она просила помощи у Византіи; но варвары успѣли задушить ее парами бани. Мстителемъ за нее явился константинопольскій дворъ.

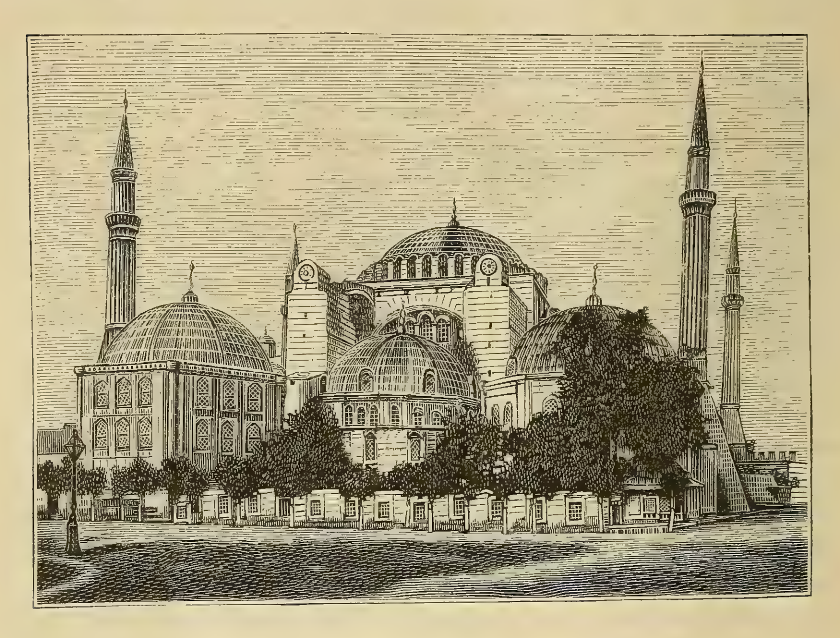
§ 7. **Византія. Юстиніанъ.**—Восточная римская имперія существовала ок. 1000 л. послѣ паденія Западной (476—1453). Причиной тому было не одно географическое положеніе страны, огражденной съ сѣвера Балканами, и не одна крѣпость выдержавшаго много осадъ Константинополя, портъ котораго, Золотой Рогъ, служилъ всегда пристанищемъ для торговыхъ судовъ со всего Востока и Запада. Важнѣе было то, что Восточная римская имперія была болѣе сплочена, чѣмъ Западная, несмотря на свои 20 народностей. Ее объединялъ эллинизмъ, съ его древнею образованностью и твердымъ „православіемъ“: его духомъ проникнута литература; императоры старались проводить его среди своихъ грубыхъ народовъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ ослабленія греческой національности, она освѣжалась новыми силами варваровъ, изъ которыхъ выходили дѣльные полководцы и правители имперіи. Въ провинціяхъ, по деревнямъ жило здоровое, работящее населеніе: тучнѣли пашни, процвѣтала промышленность; а греческая торговля не имѣла соперницъ въ теченіе всей первой половины среднихъ вѣковъ. А главное—Восточная римская имперія была необходима для всей европейской гражданственности, какъ хранительница античной культуры и римскаго права, какъ защитница зарождавшагося Запада отъ варварства, язычества и мусульманства Востока. Все это, въ связи съ полумилліонною арміей и пятью флотами да съ тонкою коварною дипломатіей грековъ, внушало почти суевѣрное почтеніе варварамъ. Одоакръ и Хлодвигъ восхищались своими званіями „патриція“ и „консула“, которыя имъ удалось выхлопотать у византійскаго императора; Ѳеодорихъ называлъ себя его „вѣрноподданнымъ“ (servus).

Вотъ почему Византійская имперія, претерпѣвшая, въ этотъ періодъ, много треволненій, снова пережила потомъ (9—11 вв.) блестящую пору и уцѣлѣла до конца среднихъ вѣковъ, несмотря на крупные недостатки своего правительства и высшаго, особенно столичнаго, слоя. Здѣсь положеніе дѣлъ становилось печально уже при первыхъ, ничтожныхъ преемникахъ Ѳеодосія

Великаго. Провинціи возставали отъ угнетенія алчными и безчестными чиновниками; а въ столицѣ кипѣла борьба партій, и не только политическихъ, но даже религіозныхъ. Такъ какъ греки были одержимы циркоманіей или пристрастіемъ къ гипподрому, который замѣнилъ имъ форумъ (здѣсь даже обнародовались законы), то политическія партіи назывались у нихъ зелеными и синими, по цвѣту наряда кучеровъ и наѣздницъ на скачкахъ; религіозные же споры раздѣляли ихъ частью на православныхъ и аріанъ, частью на монофизитовъ и монофелитовъ (Д. И. §§ 276, 284). Въ „священномъ дворцѣ“ (sacrum palatium) господствовали восточные нравы — пышный этикетъ, евнухи, женщины да интриги, часто кончавшіяся дворцовыми переворотами, причемъ большую роль играла своевольная гвардія. Населеніе Византіи состояло изъ немногихъ богачей-эгоистовъ да изъ массы грубыхъ, лѣнивыхъ пролетаріевъ, которые получали даровую пищу, почти жили на гипподромѣ и производили рѣзню, продаваясь, кто зеленымъ, кто голубымъ. А армія набиралась изъ наемниковъ — германцевъ, гунновъ и славянъ. Между тѣмъ внѣшніе враги все усиливались: на Египетъ и Сирію нападали арабы, на Малую Азію — персы, съ сѣвера — германцы и славяне. Особенно важны были славяне. Императоры то платили имъ дань, то принимали ихъ къ себѣ на службу цѣлыми отрядами и заселяли ими свои области. Тогда ославянились нынѣшняя сѣверная Турція и южная Австрія. Много славянскихъ поселеній возникло даже въ Элладѣ до самаго Пелопоннеса; но тамъ они эллинизовались. Славяне смѣнили германцевъ и въ управленіи Византіей: они даже появились на престолѣ.

Славянинъ былъ и 7-й преемникъ Ѳеодосія Великаго, Юстиніанъ I: его имя — переводъ слова „правда“. Сынъ ѳракійскаго пастуха, Юстиніанъ получилъ греческое образованіе, былъ энергиченъ, изворотливъ, умѣлъ выбирать людей, но отличался честолюбіемъ, завистью, мелочностью, подозрительностью и деспотизмомъ. Въ его царствованіи было много блеску. У него были первые полководцы своего времени, Велизарій и Нарзесъ, которые доблестно охраняли границы и построили много новыхъ укрѣпленій. Его юристы составили знаменитый Юстиніановъ Кодексъ и важные учебники римскаго права (Д. И. § 283). Юстиніанъ построилъ много монастырей и церквей, во главѣ которыхъ красовался блестящій храмъ св. Софіи. Тогда же персидскіе монахи принесли въ Европу шелковичнаго

червя, что̀ привело къ быстрому развитію богатой промышленности. Но это царствованіе отличалось также восточнымъ деспотизмомъ, съ его пышностью, славолюбіемъ, ханжествомъ и невыносимымъ гнетомъ податей. Въ Кодексѣ уничтожены послѣдніе слѣды политической свободы въ пользу абсолютизма императора, которому „одному предоставлялось право издавать и толковать законы". Въ городахъ подавлялось самоправленіе; въ провинціяхъ снова военная власть соединялась съ гражданскою.

Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Снаружи. 532—563 г.

И насталъ разгулъ алчнаго, корыстнаго чиновничества, грабежамъ котораго помогала необычайная пышность двора, роскошь построекъ и широкіе военные замыслы. Правая рука Юстиніана, юристъ Трибоніанъ такъ угнеталъ народъ, что вызвалъ мятежъ въ столицѣ. Самъ императоръ закрывалъ послѣднія философскія школы (Д. И. § 279) и не давалъ народу изучать право. Онъ преслѣдовалъ и увѣчилъ язычниковъ, еретиковъ и евреевъ, вмѣшивался въ церковныя дѣла, писалъ богословскія полемики... Онъ губилъ торговлю и промышленность непомѣрными пошлинами, такъ что купцы сами сожигали свои суда съ товарами, а шелкъ сдѣлалъ своею монополіей. Наконецъ, Юстиніанъ подчинялся своей красивой и лов-

кой, но коварной и властолюбивой женѣ, Θеодорѣ, которая была прежде танцовщицей изъ партіи синихъ, а потомъ заставляла сенаторовъ цѣловать свои ноги и замучивала ихъ въ дворцовыхъ подземельяхъ. Синіе заняли всѣ лучшія мѣста и стали угнетать зеленыхъ, тѣмъ болѣе, что тѣ были православные, а эти — еретики. Зеленые были доведены до мятежа: въ циркѣ лилась кровь; половина города сгорѣла. Юстиніанъ собирался бѣжать; но Θеодора остановила его словами: „тронъ— лучшая могила для царя". Она поставила Велизарія во главѣ

Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Внутри.

германскихъ наемниковъ — и зеленые были побѣждены: до 30.000 труповъ покрыли гипподромъ.

§ 8. Паденіе королевствъ вандальскаго и остготскаго.— Между тѣмъ приходилось постоянно отбиваться отъ враговъ. Византія платила дань персамъ, и Велизарій съ трудомъ сдерживалъ доходившаго до Палестины и Грузіи лучшаго изъ Сассанидовъ (Д. И. § 273), Хозроя, прозваннаго Нуширваномъ (Справедливымъ) за умное управленіе: Хозрой принялъ бѣжавшихъ отъ Юстиніана философовъ, велѣлъ перевести Аристотеля, покровительствовалъ несторіанамъ. Съ сѣвера нападали на Византійскую имперію славяне и лонгобарды, пришедшіе съ Эльбы (Д. И. § 262) въ Венгрію, а также туранскіе болгары, гунны и авары: однажды Велизарій съ трудомъ отогналъ ихъ отъ Константинополя. Приходилось откупаться также

отъ алановъ, гепидовъ и др. и строитъ сотни крѣпостей отъ Дуная и Крыма до Кархемыша и Пальмиры. А Юстиніанъ, увлекаемый честолюбивымъ преданіемъ объ „общей имперіи“ (commune imperium), распавшейся около 150 л. тому назадъ (Д. И. § 279), задумалъ еще соединить всѣ римскія земли. При этомъ, побуждаемый епископами, которымъ были „видѣнія“, онъ возмечталъ о крестовомъ походѣ противъ аріанъ—вандаловъ, остготовъ и вестготовъ. Юстиніанъ началъ съ вандаловъ (Д. И. § 280), этихъ морскихъ разбойниковъ, которые долго были грозой обѣихъ имперій, но теперь изнѣжились отъ богатства до того, что не могли справляться съ нумидійскими кочевниками. Ктому же они вымирали, не умѣя слиться съ туземцами-католиками, которыхъ особенно преслѣдовалъ свирѣпый король Гелимеръ, перерѣзавшій своихъ родственниковъ. Юстиніанъ послалъ Велизарія на помощь угнетеннымъ. Представительный и талантливый Велизарій, бывшій ѳракійскій крестьянинъ, сталъ первымъ лицомъ въ государствѣ; но это былъ необразованный солдатъ, подчинявшійся своей женѣ, Антонинѣ, похожей на Ѳеодору, съ которою она была дружна. Съ ничтожнымъ войскомъ, онъ въ одинъ походъ уничтожилъ Гелимера (534), который шелъ за его тріумфальной колесницей, восклицая: „суета суетъ!“. Вандальское королевство было присоединено къ Византіи, подъ именемъ экзархата (провинціи или намѣстничества). Войска Гелимера были сосланы на персидскую границу, гдѣ ихъ перебили; остальные вандалы слились съ туземцами.—Затѣмъ Византія воспользовалась жалобами испанскихъ католиковъ и отняла приморскіе города у вестготовъ, хотя этотъ народъ романизовался и даже подчинялся римскимъ законамъ.

Вандальская монета. 6-го в. [1]).

Въ то же время Юстиніанъ послалъ Велизарія въ Италію отомстить за смерть Амалазунты (§ 6). Велизарій такъ поразилъ остготовъ своимъ героизмомъ, что они предложили ему корону; но онъ остался вѣренъ своему государю, который тогда же перестaлъ довѣрять ему и, по интригамъ завистниковъ, ото-

---

[1]) Нашъ рисунокъ представляетъ одну изъ 14 монетъ (серебряныхъ и бронзовыхъ), сохранившихся отъ вандаловъ. На ней изображенъ Гелимеръ, съ надписью полатыни: „господинъ нашъ король“. Чеканка и цѣна этихъ монетъ—римскія. На однѣхъ изъ нихъ только имя римскаго императора, на другихъ—только имя вандальскаго короля.

звалъ его домой. Велизарій прибылъ со множествомъ сокровищъ и съ плѣннымъ готскимъ королемъ. Остготы тотчасъ же снова заняли весь полуостровъ, руководимые доблестнымъ и прямодушнымъ Тотилой, который боролся, какъ герой, и умеръ отъ ранъ. Опять отправили Велизарія въ Италію, но не давали ему ни хорошаго войска, ни достаточно припасовъ; затѣмъ обвинили его въ нерадѣніи и снова отозвали. Ему уже не давали болѣе важныхъ порученій; но онъ умеръ въ почетѣ и богатствѣ. На его мѣсто выдвинулся тщедушный евнухъ Нарзесъ, человѣкъ способный и храбрый, но необразованный, злопамятный, обидчивый да еще рѣдкій интриганъ. Онъ отплылъ въ Италію съ отборнымъ войскомъ и богатою казной и, съ помощью франковъ, грабившихъ страну, воспользовался плодами побѣдъ Велизарія: остготское королевство пало (554), хотя и послѣ доблестнаго, воспѣтаго въ народной поэзіи, сопротивленія, длившагося болѣе 20 л. Италія сдѣлалась византійскимъ экзархатомъ, съ столицей Равенной и съ экзархомъ Нарзесомъ во главѣ. Но она представляла видъ развалинъ: ее опустошали огонь и мечъ, голодъ и моръ; съ юга нападали греки, съ сѣвера — варвары, съ франками во главѣ, которые не щадили даже своихъ, убивали мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ, брали деньги и съ грековъ, и съ остготовъ. Тогда-то погибло большинство памятниковъ древняго искусства. Вскорѣ итальянцамъ пришлось жалѣть о готахъ: Нарзесъ жестоко угнеталъ ихъ налогами, всякими вымогательствами и религіозными гоненіями, причемъ не щадилъ даже епископовъ. Тотчасъ по его смерти, Италія освободилась отъ гнета византійскаго чиновничества, но подчинилась новымъ варварамъ — лонгобардамъ.

§ 9. **Лонгобардское королевство.** — Лонгобарды одни только изъ германскихъ народовъ еще не осѣлись въ ту пору и сохраняли дикость и храбрость кочевниковъ. Родственники готовъ, которые и были замѣнены ими въ Панноніи, они получили отъ Юстиніана еще Норикъ. Тогда у нихъ явился любимый герой, оставившій свое имя въ преданіяхъ наряду съ Ѳеодорихомъ, — юный и отважный король Альбоинъ. Съ помощью аваровъ и славянъ, онъ соединилъ сосѣдніе германскіе народы, уничтоживши ихъ вождей и женившись на дочери одного изъ нихъ, Розамундѣ. Увлеченные разсказами своихъ дружинъ, служившихъ у Нарзеса, жадные лонгобарды бросились, по смерти грознаго экзарха, съ своими семьями, на богатую и беззащитную Италію, оставивъ свою землю аварамъ. Они утвер-

дились на сѣверѣ страны, получившей названіе Ломбардіи (572); столицей ихъ стала Павія. Альбоинъ на радости увлекся пирами и заставилъ Розамунду выпить изъ чаши, сдѣланной изъ черепа ея отца. Розамунда зарѣзала его съ помощью одного оруженосца, котораго вскорѣ отравила; но онъ успѣлъ принудить ее допить отраву.

Лонгобардское королевство существовало 200 л. и занимало всю Италію, кромѣ равенскаго экзархата, Рима и Неаполитанскихъ владѣній. Управляли лонгобардскіе чиновники, во главѣ которыхъ стояли герцоги, ставшіе вскорѣ наслѣдственными и почти независимыми. Лонгобарды были грубѣе остготовъ: воинственность поддерживалась въ нихъ постоянною борьбой съ франками, аварами, болгарами и славянами, вторгавшимися въ Италію, а также возстаніями герцоговъ противъ королей. Лонгобарды презирали и притѣсняли римлянъ, тѣмъ болѣе, что они были частью аріанами, частью даже язычниками, и должны были бороться съ притязаніями Византіи, защищавшей туземцевъ. Множество римлянъ, даже заложниковъ, было перебито, еще больше—обращено въ рабовъ, которыхъ продавали на рынкахъ Галліи: изъ милліоннаго населенія осталось 50.000. Побѣжденные уступали своимъ поработителямъ лучшія земли и платили имъ $^{1}/_{3}$ доходовъ; ихъ муницапалитеты были замѣнены чиновниками варваровъ. Но мало-по-малу оба народа стали сливаться: лонгобарды романизовались, усвоили языкъ, нравы и законы римлянъ. Около 600 г. они приняли и католичество, благодаря женѣ одного изъ своихъ королей, красивой и образованной принцессѣ баварской, Теоделиндѣ. На нее повліялъ папа Григорій Великій, приславшій ей золотую корону, обвитую гвоздемъ, которымъ былъ пригвожденъ къ кресту Христосъ: лонгобарды гордились этою святыней, которую принято называть „желѣзною ломбардскою короной“. Въ силу сосѣдства, папы вообще играли большую роль въ судьбѣ лонгобардскаго королевства. Сначала они поддерживали его, какъ противовѣсъ вліянію Византіи и ея патріарха, потомъ стали опасаться его, когда лонгобарды усилились и задумали покорить Римъ. Наконецъ, папы призвали къ себѣ на помощь франковъ, которые уничтожили лонгобардское королевство.

§ 10. **Папство.** — Папство (§ 4) становилось силой въ эпоху основанія лонгобардскаго королевства. Около 600 г. оно уже выставило замѣчательную личность Григорія I. Потомокъ богатаго сенатора, Григорій смолоду отказался отъ блестящей

карьеры и обратилъ свой родовой дворецъ въ монастырь. Его умъ, краснорѣчіе и стойкость характера знали даже въ Византіи, гдѣ онъ былъ одно время искуснымъ папскимъ посломъ. Онъ съ трудомъ уступилъ желаніямъ римлянъ, когда его избрали папой; но зато рѣшился сдѣлать папство главой христіанскаго міра. Григорій весь отдался этой идеѣ, сурово требуя того же отъ клира. То былъ аскетъ, „рабъ рабовъ Божіихъ", какъ подписывался онъ вездѣ, и „консулъ Бога", какъ начертано на его гробницѣ. Чуждый классическаго образованія, не знавшій погречески, хваставшій барбаризмами своего языка, „Великій" святитель жилъ глубокою вѣрой въ торжество христіанства, хотя и былъ омраченъ грустью: онъ ждалъ близкой кончины міра. Эта вѣра, одушевлявшая тогда всю Европу, придавала огромную силу человѣку, который самоотверженно „защищалъ дѣло Божіе на землѣ" — наполнялъ міръ чудесными сказаніями о мученикахъ, непрестанно говорилъ задушевныя, полныя затаеннаго смысла проповѣди, совершалъ пышныя церковныя службы, писалъ дѣльные наказы и посланія, издавалъ назидательныя книжки, которыя изучались клиромъ во всѣ средніе вѣка, снаряжалъ миссіонеровъ, завелъ первую семинарію для приготовленія пастырей церкви, строилъ монастыри и храмы. Но Григорій былъ также образцомъ папы-хозяина и дипломата. Онъ тихонько усиливался насчетъ византійскаго императора и варварскихъ королей, ослѣпляя ихъ внѣшнимъ самоуничиженіемъ: особенно любилъ онъ переписываться съ ихъ, болѣе податливыми, женами и дочерьми, изъ которыхъ Теоделинда (§ 9) была его другомъ. Григорій былъ Провидѣніемъ и отцомъ римлянъ: онъ кормилъ бѣдныхъ у себя за столомъ, посылалъ имъ милостыни, сооружалъ водопроводы, ввелъ образцовый порядокъ въ церковныхъ имѣніяхъ, даже направлялъ военныя дѣла; и вездѣ-то возставалъ онъ противъ рабства и деспотизма.

Вотъ какими путями стремился Григорій къ своей главной цѣли. 1) Онъ положилъ основаніе примата (§ 4) или духовной власти папъ надъ Западомъ. Онъ возвысилъ и обособилъ монашество, какъ послушное орудіе св. престола. Онъ не жалѣлъ и не разбиралъ средствъ, не гнушался ни подкупами, ни насиліемъ для обращенія язычниковъ и аріанъ: ему удалось сдѣлать католиками лонгобардовъ, вестготовъ и англосаксовъ, а также подчинить папству церкви итальянскую, испанскую и британскую. Тогда папа впервые сталъ разсылать епископамъ знакъ отличія за вѣрную службу — паллiумъ или шерстяную накидку,

сотканную римскими монахинями. 2) Григорій полагалъ основаніе и свѣтской власти папъ. Онъ уже былъ однимъ изъ главныхъ собственниковъ въ мірѣ: благодаря дарамъ и завѣщаніямъ, онъ владѣлъ массою земель не только въ Италіи, но также на островахъ, въ Галліи, Далмаціи, Африкѣ и Азіи. Въ Римѣ же, который онъ обстраивалъ и защищалъ, это былъ настоящій царь-хозяинъ: папа почти совсѣмъ отбился отъ подчиненія императору, который держалъ только въ Вѣчномъ Городѣ греческій гарнизонъ съ своимъ герцогомъ (dux). 3) Григорій придалъ внѣшній блескъ католичеству, установивши его обрядность. Онъ утвердилъ догму о безсмертіи души и о чистилищѣ, развилъ обѣдню, а также поклоненіе иконамъ, святымъ и мощамъ, ввелъ пышное облаченіе, крестные ходы и проч. Онъ устроилъ пѣвческую школу, съ заимствованнымъ у евреевъ „григоріанскимъ" напѣвомъ, который замѣнилъ напѣвъ Амвросія (Д. И. § 284) и отразился даже на народной поэзіи. Римъ сталъ цѣлью христіанскихъ богомольцевъ... Въ то же время Григорій преслѣдовалъ древнее язычество и истребилъ много перловъ античной культуры.

Послѣ Григорія I папство уже развивалось быстро. 1) Оно пріобрѣло независимость отъ Византіи. Папы искусно пользовались догматическими распрями въ Константинополѣ, раздорами между греками и лонгобардами и напоромъ ислама, уже подчинившаго себѣ всѣхъ патріарховъ Востока, за исключеніемъ константинопольскаго, который открыто выступалъ соперникомъ папы по примату. Имъ помогали сами императоры. Они лишь случайно показывали свою власть: одинъ папа былъ сосланъ въ Херсонесъ; нѣкоторые друзья папства лишались глазъ, рукъ, языка. Вообще же императоры считали Римъ своимъ ничтожнымъ слугой: папы обольщали ихъ названіями „священный, божественный", восхваленіями даже самыхъ позорныхъ изъ нихъ, помогали имъ, въ собственныхъ выгодахъ, противъ лонгобардовъ. Императоры одаряли ихъ землями и привилегіями. А папы выступали защитниками православія, порицали Византію за ереси, особенно за иконоборство, иногда руководили соборами, разъ даже отлучили отъ церкви константинопольскаго патріарха. Они обращались къ лонгобардамъ за помощью, когда притѣснялъ ихъ равенскій экзархъ (§ 8), и всегда опирались на горячо преданный имъ народъ центральной Италіи. Римляне постепенно сжились съ папствомъ, какъ съ своимъ національнымъ учрежденіемъ, и образовали собственную милицію

на его защиту. Въ 728 г. они прекратили дань императору и выгнали его герцога; выборы папъ стали независимы и сосредоточились въ рукахъ духовенства, которое только спрашивало согласія народа. 2) Это повело къ свѣтской власти папъ или къ созданію государства изъ папства. Освободившись отъ Византіи, папы остались одни противъ лонгобардовъ, которые все усиливались и стремились образовать такую же единую Италію, какъ „Францiя“ и „Англія“, созданныя тогда другими германцами. Они обратились за помощью къ франкамъ: изъ Рима повезли въ Парижъ ключи гроба апостоловъ; впервые поѣхалъ „за горы“ и папа, Стефанъ II. Новый король франковъ, Пипинъ Малый, которому трудно было утвердиться на престолѣ, пошелъ на сдѣлку: такъ и на Западѣ, какъ въ Византіи (Д. И. § 279), образовался союзъ алтаря съ трономъ. Пипинъ утвердилъ за папой „Отчину (Patrimonium) св. Петра“ и „герцогство Римъ“, а затѣмъ заставилъ лонгобардовъ отдать ему захваченный ими экзархатъ, который представлялъ собою тогда уже не всю Италію, а только Романью или берега отъ р. По до Анконы: этотъ „Пипиновъ даръ“ сталъ зародышемъ Церковнаго государства папъ (754). Папа вѣнчалъ за это Пипина франкскою короной и далъ ему званіе „римскаго патриція“. 3) Расширилась и духовная власть папъ: имъ подчинились послѣднія западныя церкви — германская и галльская. Особенно покорна и полезна была для нихъ первая, созданная Винфридомъ, главною задачей котораго было полное подчиненіе новой іерархіи Риму, куда онъ часто ѣздилъ за наказами и средствами. Туземцы въ Германіи не менѣе, чѣмъ въ Галліи и Англіи, хотѣли имѣть независимую, національную церковь; но Винфриду удалось достигнуть цѣли, съ помощью франкскихъ королей, которые подчинили Риму даже особенно упорную галльскую церковь. За это папа переименовалъ Винфрида въ Бонифація (Благодѣтеля) и сдѣлалъ его архіепископомъ майнцскимъ, т. е. духовнымъ главою Германіи (745).

§ 11. **Византія. Иконоборство.** — Въ то время, какъ возвышалось папство, а съ нимъ и весь Западъ, положеніе Восточной римской имперіи, утратившей Италію, было безотрадно. Юстиніанъ (§ 7) оставилъ ее обнищалой и расшатанной. Толпы встрѣтили его преемника съ криками: „сжалься надъ нами!“ Народъ былъ не въ силахъ платить непомѣрные налоги. Войска, которыя голодали и не получали жалованья, перебѣгали къ непріятелю: на бумагѣ ихъ числилось до 700 тысячъ, на

дѣлѣ не было и 150. А жестокіе враги росли со всѣхъ сторонъ: къ персамъ, славянамъ, лонгобардамъ присоединились полудикіе туранцы, авары, и уже могущественные арабы. Они подступали къ самымъ стѣнамъ Константинополя, который спасали только откупы да новое изобрѣтеніе, греческій огонь—жидкій составъ (уголь, сѣра, селитра), горѣвшій даже на водѣ, которымъ издали окропляли непріятеля изъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ. А престолъ замѣщался, по большей части, путемъ переворотовъ при дворѣ, гдѣ царили женщины и евнухи да шли ожесточенныя богословскія препирательства. Немудрено, что попадались такіе образчики, какъ Фока—пьяный, развратный солдатъ, уродъ съ виду и разбойникъ душой: при немъ не прекращались пытки и казни, которыя вызвали бунтъ — и Фокѣ отрубили сначала руки, ноги, языкъ и носъ, потомъ голову. Съ его преемникомъ, основавшимъ династію Гераклидовъ, которою занято все 7-е столѣтіе, казалось, настали лучшія времена. Самъ Гераклій лѣтъ 6 считался спасителемъ міра. Онъ навсегда остановилъ напоръ аваровъ и подорвалъ могущество Сассанидовъ: уговоривъ турокъ напасть на Персію съ востока, а хозаръ — съ сѣвера, онъ уничтожилъ, на развалинахъ Ниневіи, Хозроя II Побѣдителя, захватившаго Іерусалимъ. Но то была лишь вспышка религіозности, подъ вліяніемъ ревностнаго патріарха, убѣдившаго императора, что онъ— „намѣстникъ Божій“ на землѣ: отъ природы суевѣрный, дряблый, трусливый Гераклій снова впалъ въ свою вялость, увлекся догматическими спорами. Чтобы привлечь монофизитовъ Сиріи, Египта и Арменіи противъ арабовъ, онъ выдумалъ монооелитство (Д. И. § 284), которое было признано новою ересью и лишь оттолкнуло и усилило папство. И арабы легко завоевали Іерусалимъ и Египетъ. А послѣ Гераклія пошли прежнія неурядицы внутри имперіи...

Новая, азіятская династія Исаврійцевъ, начатая Львомъ III (718), опять, казалось, могла поправить дѣла. Человѣкъ простаго происхожденія, закаленный въ бояхъ на Кавказѣ, вознесенный на тронъ голосомъ народа, дѣльный и нравственный Левъ III обратилъ на себя вниманіе всего міра, какъ передовой боецъ христіанства: онъ оттѣснилъ арабовъ, уже осаждавшихъ Константинополь. Его сынъ, Константинъ, отогналъ болгаръ и даже перешелъ Дунай; а арабы, случалось, бѣжали передъ однимъ его именемъ. Оба Исаврійца мечтали также о широкихъ преобразованіяхъ. Они охраняли низшіе классы, особенно крестьянъ, которыхъ освободили отъ прикрѣпленія къ землѣ, и развивали

самоуправленіе въ провинціяхъ, причемъ покровительствовали сельской общинѣ, чтобы привлечь огромную массу славянъ. Они ограничивали отцовскую власть и давали права матерямъ. Наконецъ, они задались цѣлью поднять значеніе государства, затмеваемаго церковью и особенно фанатичнымъ монашествомъ, которое отнимало у свѣтской власти рабочія руки, земли и деньги и возстановляло противъ себя заносчивостью даже бѣлое духовенство... Но за внѣшность религіи, и именно за иконы стояли массы и больше всего ихъ женщины, руководимыя упорнымъ монашествомъ, въ особенности въ европейскихъ провинціяхъ, гдѣ были еще сильны преданія античнаго искусства и монахи кормились иконописью.

Левъ III, имѣвшій въ виду также облегчить магометанамъ и евреямъ обращеніе въ христіанство, издалъ эдиктъ (726) противъ „идолопоклонства", какъ называли тогда почитаніе иконъ, а также противъ почитанія мощей и святыхъ. Такъ началось иконоборство — новое жестокое междоусобіе, которое терзало Византію болѣе столѣтія. Левъ III и особенно Константинъ, котораго почитатели иконъ прозвали Копронимомъ (Навозникомъ), ударились въ другую крайность: монаховъ жестоко преслѣдовали, монастыри обращали въ казармы; кто хранилъ иконы, того казнили или ссылали. Наконецъ, соборъ изъ иконоборцевъ объявилъ почитаніе иконъ „дьявольскимъ навожденіемъ" и проклялъ Іоанна Дамаскина. Сынъ Копронима, Левъ Хозаръ (его мать была хозарка), дѣйствовалъ въ его духѣ: за почитаніе иконъ онъ сѣкъ и бросалъ въ тюрьму царедворцевъ, даже сослалъ свою жену, Ирину, которая прятала иконы у себя подъ постелью. Властолюбивая и порочная аѳинянка, Ирина дурно воспитала своего сына, Константина Порфиророднаго, и управляла его именемъ, по смерти мужа; а когда онъ выросъ, она ослѣпила его въ той самой порфирной залѣ, гдѣ родила его. Затѣмъ она предалась роскоши: выѣзжала въ золотой каретѣ, съ первыми сановниками, все евнухами, вмѣсто кучеровъ; по дорогѣ раскидывала золото и серебро. Ирина уже мечтала о бракѣ съ Карломъ Великимъ, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ — и ее сослали на Лесбосъ; гдѣ она снискивала себѣ пропитаніе прялкой. Церковь высоко цѣнитъ Ирину за то, что она созвала 2-й никейскій соборъ, возстановившій иконопочитаніе (787). Но послѣ нея иконоборство возобновилось. Масса въ Византіи была грубая, невѣжественная... Тогда съ трудомъ исчезла секта триѳеитовъ или троебожниковъ, возникшая при Юстиніанѣ.

Такъ, попытка Исаврійцевъ преобразовать государство и очистить христіанство привела только къ новымъ междоусобіямъ и положила новую преграду между Востокомъ и Западомъ, твердо сохранявшимъ почитаніе иконъ: папство, признавшее еще устами Григорія I иконы „книгами безграмотнаго бѣдняка", окончательно отшатнулось отъ Византіи, и Италія погибла для императоровъ. Но зато съуженная Восточная имперія, забывшая преданія Рима и даже латинскій языкъ и сближавшаяся съ славянами, стала болѣе плотнымъ цѣлымъ, связаннымъ эллинизмомъ и православіемъ. Это благотворно отразилось на ея судьбѣ въ слѣдующемъ періодѣ.

§ 12. **Вестготы и бургунды.**—Тревожно было и положеніе бывшихъ провинцій Римской имперіи на крайнемъ Западѣ—въ Испаніи, Галліи и Британіи. Но здѣсь, среди еще неулегшагося броженія, слагались новыя государства съ богатою будущностью.

Вестготы, захватившіе юго-западъ Галліи (Д. И. § 280) или Аквитанію, этотъ рай имперіи, сначала считались у римлянъ „гостями" и „союзниками". На первыхъ порахъ они помогали имъ въ борьбѣ съ другими варварами и доблестно сражались съ гуннами (Д. И. § 281). Но затѣмъ, пользуясь паденіемъ Западной имперіи, они стали распространяться, захватывая галло-римскіе города, тѣсня на сѣверѣ франковъ, съ востока — бургундовъ, на югѣ—свевовъ и вандаловъ; и съ начала 6-го в. у нихъ появились свои законы и своя монета [1]. Казалось, ростетъ самое могущественное изъ варварскихъ государствъ; но вестготское королевство было непрочно. Здѣсь варвары не умѣли слиться съ римлянами, какъ остготы въ Италіи. Вестготы были многочисленны и чувствовали себя свободными отъ далекой Византіи; они захватили ²/₃ земли, насиловали туземцевъ и сохраняли свою грубую народность. Ихъ аріанство полагало окончательную грань между ними и католиками галло-римлянами, которые тяготѣли къ своимъ единовѣрцамъ, франкамъ; а ихъ короли отличались ктому же фанатизмомъ сектантовъ, преслѣдовали даже мѣстныхъ епископовъ. Послѣдніе помогали тайно королю франковъ, Хлодвигу, когда онъ выступилъ въ походъ, носившій характеръ религіозной войны: вестготы были разбиты при Вугле (507), и южная Галлія соединилась съ сѣверною.

---

[1]) У насъ изображена монета короля Леовигильда (ок. 580), равная ¹/₃ римскаго солида. Здѣсь Rhoda означаетъ городъ, гдѣ она отчеканена.

Вестготы ограничились Испаніей, избравъ своею столицей Толедо. Сначала они и тамъ сохраняли свою національную грубость, свой языкъ и свое аріанство: они даже не брачились съ римлянами. Ихъ воинственность поддерживалась постоянною борьбой то съ Византіей, за восточные берега, то съ басками (Д. И. § 3), часть которыхъ была вытѣснена за Пиренеи (Гасконь). Но при королѣ Реккаредѣ (ок. 600) совершился ихъ переходъ въ католичество, подготовленный рядомъ королевъ франкскаго и греческаго рода: окруженный православіемъ (тогда и свевы стали католиками), стѣсняемый мятежными, могущественными вельможами, Реккаредъ надѣялся найти опору въ церкви, которая была возвеличена тогда Григоріемъ I (§ 10). Съ тѣхъ поръ вестготы стали мирными, даже изнѣженными: они слились съ испано-римлянами, совсѣмъ романизовались и положили начало испанскому языку. Но у нихъ возникли смуты, такъ какъ установилась ѳеократія: королями, нерѣдко принимавшими схиму, руководили соборы епископовъ, которые жестоко преслѣдовали аріанъ, въ особенности же евреевъ. Вельможи стали наслѣдственными царьками и превратили престолъ въ избирательный. Церковь и знать угнетали народъ, какъ рабовъ. Наконецъ, мужественный король Витица задумалъ прекратить ихъ своеволіе; но вельможи, съ Родригомъ во главѣ, низложили его. Его родственники призвали изъ Африки арабовъ, вождь которыхъ, Тарикъ, разбилъ Родрига у Хересъ-деля-Фронтеры (711) и утвердился въ Гибралтарѣ (Гора Тарика). Отсюда арабы быстро завоевали всю Испанію, кромѣ горной Астуріи, куда укрылись вестготы, съ своимъ героемъ, Палахо.

Вестготская монета. 6-го в.

Бургунды, пришедшіе издалека, съ Борнгольма и береговъ Вислы, уже владѣли, около 500 г., всею долиной Роны или юго-востокомъ Галліи. Они также были „союзниками“ римлянъ и дрались противъ Аттилы. Сами галло-римляне призывали этихъ „покровителей семи футовъ ростомъ“ на помощь противъ аллемановъ, франковъ и вестготовъ: вскорѣ бургунды заняли и Рейнъ до Мааса. Спозаранку обращенные въ христіанство, эти длинноволосые великаны, отъ которыхъ несло чеснокомъ и деревомъ (ихъ потомковъ и сейчасъ можно отличить среди плотниковъ западной Швейцаріи), были мягче всѣхъ дру-

гихъ варваровъ: они были трудолюбивы, распѣвали свои „Нибелунги“, побратски обращались съ галло-римлянами, тотчасъ же составили законы, гдѣ за все полагается пеня вмѣсто казни, притомъ одинаковая, какъ для „римлянина“, такъ и для „варвара“. Бургунды быстро романизовались: ихъ короли гордились именемъ римскаго патриція и чеканили монету съ изображеніемъ императора; они держали при себѣ римскихъ ученыхъ и риторовъ, заводили римскія школы. Но и бургундское королевство было непрочно. И его подрывало, прежде всего, аріанство. Его католическіе епископы, выставлявшіе, при нуждѣ, цѣлыя арміи, не хотѣли подчиняться своему королю-еретику, даже такому ихъ личному другу, какъ Гондебадъ, племянница котораго, Клотильда, была уже католичкой. Какъ только усилились франки, они уже тайкомъ писали ихъ Хлодвигу, величая его „старшимъ сыномъ церкви“ и императоромъ христіанъ.

§ 13. **Франки.** а) **Меровинги.** — Франки уже успѣли создать тогда самое важное изъ варварскихъ государствъ: они тѣсно примыкали къ Германіи, составляя передовой отрядъ ея безчисленныхъ племенъ. Сначала жестокіе враги имперіи, потомъ ея союзники, дравшіеся противъ Аттилы, франки основали независимое королевство на сѣверѣ Галліи, до Луары, когда Хлодвигъ (Лудвигъ) уничтожилъ Сіагрія и, какъ потомокъ герцога Меровея (Д. И. §§ 281, 282), утвердилъ династію Меровинговъ (486—752). Сначала у Хлодвига было небольшое королевство, и знатные франки считали себя его ровней. Желая усилиться, онъ началъ храбро воевать съ сосѣдями. Прежде всего онъ такъ оттѣснилъ аллемановъ (Д. И. § 273), уже переходившихъ на лѣвый берегъ Рейна, что франки заняли часть ихъ земель или Франконію, съ Франкфуртомъ (Франкскій Бродъ), — первый примѣръ обратнаго движенія варваровъ. Борьба съ аллеманами была такъ тяжела, что однажды Хлодвигъ, съ отчаянія, далъ обѣтъ креститься, тѣмъ болѣе, что онъ былъ женатъ на Клотильдѣ бургундской (§ 12). И франки приняли католичество (496). Современники называли Хлодвига „новымъ Константиномъ“; сложилось преданіе, будто, при крещеніи Хлодвига, лиліи дождемъ посыпались съ неба – и три лиліи стали гербомъ франкскаго государства. Крещеніе вполнѣ сливало франковъ съ галло-римлянами и тѣсно связывало ихъ королей съ мѣстною церковью и съ Римомъ: отсюда и быстрое возрастаніе могущества франковъ въ борьбѣ съ аріанами и язычниками, и его церковный характеръ. Теперь Хлодвигъ быстро

расправился съ бургундами и вестготами: первыхъ онъ обратилъ въ своихъ данниковъ, у вторыхъ отнялъ почти всю Аквитанію. Затѣмъ Хлодвигъ истребилъ пережитки родоваго быта (§ 5)—мелкихъ королей, которыхъ оставалось еще много у франковъ. При этомъ обнаружилось все его варварство Онъ подкупилъ вельможъ Рагнахара золотыми браслетами, которые оказались мѣдными, и они выдали своего короля. Хлодвигъ закричалъ на Рагнахара: „какъ ты смѣешь до того унижать наше королевское званіе, что далъ связать себя!" и раскроилъ ему черепъ сѣкирой. Затѣмъ онъ сказалъ брату Рагнахара: „если бы ты помогъ брату, его не связали бы", и положилъ его на мѣстѣ. Тутъ вельможи стали роптать на обманъ; но Хлодвигъ крикнулъ: „будьте довольны тѣмъ, что не мщу вамъ за измѣну вашему государю". Хлодвигъ истребилъ также своихъ родственниковъ и жаловался, что не осталось у него помощниковъ, а самъ хотѣлъ вывѣдать этимъ, не уцѣлѣла-ли гдѣ какая родня. Такъ неумолимый варваръ объединилъ всѣхъ франковъ и всю Галлію. Туземцы называли его „Освободителемъ Галліи", папы — „Бойцомъ Божіимъ"; а византійскій императоръ прислалъ ему красную консульскую тогу. Хлодвигъ умеръ въ Лютеціи (Д. И. § 278), которая уже становилась столицей франкскаго королевства, подъ именемъ Парижа. Онъ погребенъ въ имъ же построенной церкви св. Женевьевы, покровительницы города, умершей около того же времени.

Хлодвигъ. Статуя на гробницѣ въ церкви св. Женевьевы. 6-го в.

Послѣ Хлодвига настали жестокія усобицы: не имѣя понятія объ единомъ государствѣ, варваръ раздѣлилъ свое королевство, какъ частное имущество, между своими четырьмя сыновьями, которые старались истребить другъ друга. Борьба за удѣлы достигла крайней степени при внукахъ Хлодвига, когда королевство распалось на Австразію („восточная" часть, отъ Эльбы до Мааса), Невстрію („невосточная" или западная, отъ Мааса до Атлантики и Луары; ея средоточіе — „Францiя" или

„Иль-де-Франсъ“, Островъ франковъ, т.-е. Парижъ съ окрестными землями), Бургундію (отъ Мааса, по Рейну и Ронѣ, до Средиземнаго м.) и Аквитанію (отъ Луары до Пиренеевъ). Австразія досталась благородному и дѣятельному Сигиберту, Невстрія—его брату, злому и порочному Хильпериху, который былъ женатъ на жадной и хитрой Фредегондѣ изъ франкскаго рода. Желая усилиться, Сигибертъ женился на вестготской принцессѣ, Брунегильдѣ, красавицѣ съ пылкимъ нравомъ и обворожительнымъ обхожденіемъ. Тогда и Хильперихъ прогналъ Фредегонду и женился на сестрѣ Брунегильды, Гальсвинтѣ. Но вскорѣ онъ возвратилъ ко двору Фредегонду, а Гальсвинту нашли задушенною въ постели. Брунегильда поклялась отомстить за сестру, Фредегонда отвѣчала ей тѣмъ же. Началось безпримѣрное кровопролитіе между братьями, руководимое двумя одинаково свирѣпыми и порочными женщинами. Оно длилось при мужьяхъ и дѣтяхъ соперницъ. Сигибертъ былъ зарѣзанъ убійцами, подосланными Фредегондой; Хильперихъ палъ отъ руки убійцы, настроеннаго не то Брунегильдой, не то собственною женой. Затѣмъ Фредегонда передушила сыновей Хильпериха отъ другихъ женъ, чтобы доставить престолъ своему сыну, Клотарю, именемъ котораго она стала царствовать въ Невстріи. Она разбила войска Брунегильды, которая управляла Австразіей за своего малолѣтняго сына; но вскорѣ умерла — и тогда ея соперница соединила Невстрію съ Австразіей. Но Брунегильда дошла до такого звѣрства, что ее возненавидѣли даже австразійцы. Они возстали, руководимые богатымъ и храбрымъ вельможей, Пипиномъ Старшимъ, и призвали Клотаря, который перерѣзалъ родственниковъ Брунегильды, а ее самое три дня пыталъ и привязалъ къ хвосту дикой лошади. Клотарь объединилъ франкское королевство (613). Онъ былъ послѣднимъ изъ дѣятельныхъ Меровинговъ, которые подготовляли Францію изъ смѣшенія германцевъ, кельтовъ и галлоримлянъ и далеко разнесли славу франкскаго имени. Они завоевали Бургундію и всю Аквитанію; пользуясь борьбой между Византіей, остготами и лонгобардами, они не разъ опустошали сѣверную Италію и собирались идти на Константинополь. На востокѣ они не только остановили напоръ варваровъ, но дошли до ихъ предѣла, Эльбы, покоривъ аллемановъ, тюринговъ, саксонцевъ и впервые явившихся тогда баварцевъ; они уже бились, во главѣ ихъ, съ славянами и аварами. Наконецъ, они вступали въ сношенія съ папствомъ, столь важныя для будущности всей Европы.

§ 14. **Франки. б) Майоръ-домъ. Начало Каролинговъ.** — Но рядомъ съ внѣшнимъ блескомъ развивалось внутреннее ослабленіе Меровинговъ. Все еще варвары, они не понимали задачи управленія большимъ государствомъ: они смотрѣли на свои удѣлы, какъ на частное добро, всякими мѣрами старались пріумножать его, подрывая другъ друга кознями и усобицами. А этимъ пользовались столь же грубые и своекорыстные вельможи и епископы, которые стремились стать царьками въ собственныхъ вотчинахъ. Они становились все могущественнѣе и неукротимѣе, тѣмъ болѣе, что король долженъ былъ ублажать ихъ раздачей помѣстій изъ доставшихся ему казенныхъ земель Римской имперіи: казны у него не было, такъ какъ населеніе обнищало отъ неурядицы и нерѣдко даже вовсе не платило податей. Такъ, король все бѣднѣлъ и слабѣлъ властью, а знать подымалась, добиваясь наслѣдственныхъ государственныхъ правъ, въ особенности же новаго званія майоръ-дома или палатнаго мера (major domus regiae): такъ именовался избираемый вельможами „старшина двора", гофмейстеръ, который завѣдывалъ казной короля, управлялъ его имѣніями и придворными чинами, раздавалъ помѣстья и награды, составлялъ податные списки. Въ то же время каждый изъ четырехъ удѣловъ преемниковъ Хлодвига, съ разными привычками и народностями, стремился образовать самостоятельное цѣлое, что̀ усиливало всеобщее безначаліе. При этомъ особенно возвышались вельможи и майоръ-домы Австразіи, которая обладала болѣе плотнымъ населеніемъ, чѣмъ остальныя части королевства, гдѣ германцы расплывались среди галло-римлянъ. А между тѣмъ внѣшнее положеніе государства становилось опаснымъ: съ востока снова напирали саксы-язычники, тѣснимые славянами, а новый свирѣпый врагъ, авары, разоряли баварцевъ; съ юга арабы уже вторгались въ Аквитанію. Требовались стойкіе защитники, а Меровинги вырождались: ихъ губили сначала крайности властолюбія, потомъ пьянство и развратъ; подконецъ рѣдкій изъ нихъ достигалъ зрѣлаго возраста.

Преемники Клотаря были въ особенности тупы, болѣзненны, порочны: ихъ называютъ „лѣнивыми" королями. Лишь разъ въ годъ Меровингъ появлялся на народной сходкѣ. Съ вѣнкомъ на головѣ и скипетромъ въ рукѣ, съ длинными волосами и бородой (знаки королевскаго достоинства у франковъ), ѣхалъ онъ на старой телѣгѣ, запряженной четырьмя волами, которыми правилъ пастухъ, а подлѣ него скакалъ молодцовато, въ римскомъ вооруженіи, майоръ-домъ. Чѣмъ ничтожнѣе становились ко-

роли, тѣмъ болѣе возвышались майоръ-домы: въ эту должность избирали даровитыхъ людей и доблестныхъ полководцевъ. Вскорѣ достоинство майоръ-дома стало наслѣдственнымъ въ родѣ Пипина Старшаго (§ 13), который потомъ былъ названъ Каролингскимъ, по имени Карла Великаго. Но Каролинги были майоръ-домами только въ Австразіи: у нихъ были соперники въ другихъ частяхъ королевства. Оттого въ 7 в. борьба между Меровингами смѣняется борьбой между ихъ майоръ-домами. Въ 687 г. внукъ Пипина Старшаго, Пипинъ Младшій, уничтожилъ соперниковъ въ битвѣ при Тестри. Это было какъ бы новымъ завоеваніемъ Галліи германцами. Пипинъ сталъ майоръ-домомъ всего королевства и принялъ титулъ „герцога" (dux) Австразіи; за Меровингами остался одинъ титулъ королей, и они жили въ маленькомъ помѣстьѣ на скудномъ содержаніи. Пипинъ управлялъ твердо и справедливо. Сынъ его, Карлъ, прозванный за военную доблесть Мартеломъ (Молотомъ), подвергся преслѣдованіямъ мачихи, которая даже заточила его въ тюрьму; но онъ бѣжалъ и поразилъ всѣхъ своихъ враговъ. Красивый, даровитый и храбрый Карлъ прославился, какъ первый полководецъ своего времени, которому приходилось воевать всю свою жизнь. Онъ окончательно объединилъ франкское королевство, кроваво подавивъ возстаніе невстрійцевъ, бургундовъ и аквитанцевъ, которые уже выставили-было собственныхъ герцоговъ. Онъ жестоко смирялъ баварцевъ, аллемановъ и саксонцевъ и покорилъ дикихъ фризовъ. Наконецъ, Карлъ остановилъ напоръ арабовъ, которые перешли-было за Пиренеи: призванный на помощь герцогомъ аквитанскимъ, онъ разбилъ ихъ на голову у Пуатье (732), но вмѣстѣ съ тѣмъ захватилъ Аквитанію.

Для безпрерывныхъ войнъ нужно было щедро награждать сподвижниковъ, а земель у Карла не хватало: онъ началъ отбирать ихъ у богатыхъ епископовъ и раздавать вельможамъ, хотя онѣ оставались собственностью церкви. Клиръ называлъ Карла язычникомъ, а когда онъ умеръ, говорилъ, что изъ его гроба валитъ дымъ. Но Мартелъ загладилъ это преступленіе угодливостью Риму: онъ помогалъ Бонифацію (§ 10) въ распространеніи католичества и обѣщалъ папѣ защитить его отъ лонгобардовъ. Сынъ его, храбрый полководецъ и хитрый политикъ, Пипинъ Малый, довершилъ дѣло отца: онъ продолжалъ почти всѣ его походы и еще усерднѣе покровительствовалъ церкви — помогалъ миссіонерамъ, строилъ храмы и монастыри, подчинилъ папѣ галльское духовенство, наконецъ, подарилъ ему равенскій экзархатъ (§ 10). За

это Стефанъ II объявилъ франкскимъ посламъ: „у кого высшая власть, тотъ и долженъ быть королемъ“. Затѣмъ онъ послалъ Пипину зеленый плащъ, митру, перстень и діадему—знаки достоинства „римскаго патриція“ и велѣлъ Бонифацію помазать его королемъ франковъ (752) — дѣло небывалое, напоминавшее помазаніе Саула Самуиломъ. Тогда Пипинъ обрѣзалъ волосы послѣднему Меровингу и заточилъ его въ монастырь. Пипину наслѣдовалъ (771) сынъ его, Карлъ Великій, съ котораго начинается новая эпоха въ исторіи среднихъ вѣковъ.

§ 15. **Англосаксы Британіи и норманны.**—Германцамъ было легче утвердиться въ Британіи, чѣмъ въ Галліи и Испаніи. Римляне, въ 4 вѣка, мало романизовали кельтскихъ бритовъ, которые сохраняли и свой языкъ, и своихъ друидовъ, пользовавшихся такою славой, что къ нимъ пріѣзжала учиться молодежь изъ Галліи и Ирландіи; они совсѣмъ не заглядывали къ пиктамъ и скòтамъ Каледоніи и Ирландіи. Ктому же всѣ эти кельты распадались на множество родовъ, между которыми не прекращались кровавыя распри. Англосаксы (Д. И § 282) вытѣснили на сѣверо-западъ, а частью перебили бритовъ и превратили Британію въ Англію (449), т. е. въ уголокъ варварской Германіи. Правда, бриты сопротивлялись лѣтъ 150, прославляя свои подвиги въ лицѣ баснословнаго Артура (Медвѣдища). И эта борьба была тѣмъ упорнѣе, что бриты были христіане, а англосаксы—язычники; но она вела только къ истребленію кельтовъ. Она поддерживалась лишь раздорами между побѣдителями, которые также жили сварливыми родами, да и пришли изъ разныхъ мѣстъ материка. Англосаксы окрѣпли, когда роды объединились въ три государства—Нортумбрію (сѣверъ), Мерсію (середина) и Уэссексъ (югъ): тогда же (ок. 600) между ними возникла новая связь—христіанство. Вслѣдъ затѣмъ началъ возвышаться Уэссексъ: здѣсь была лучшая земля, огражденная моремъ, холмами и темными борами, удаленная отъ походной дороги кельтовъ и германцевъ и управляемая лучше своихъ двухъ соперницъ. Въ началѣ 9-го в. британскій островъ былъ объединенъ правителемъ Уэссекса, Экбертомъ, съ помощью Карла Вел., у котораго онъ воспитался, будучи изгнанъ, въ юности, соперниками. Экбертъ, ходившій уже до о. Моны (Энглези), этого сердца друидизма, принялъ титулъ короля Англіи. Это было необходимо: тогда уже начинались грозные набѣги морскихъ разбойниковъ, датчанъ.

Датчане были передовымъ отрядомъ скандинавскихъ германцевъ, которыхъ называли на Западѣ норманнами, т. е. сѣверянами. Родственные готамъ норманны съ самаго начала раздѣлялись на шведовъ, норвежцевъ и датчанъ или ютовъ. Они сохранили первобытный строй жизни германцевъ (§ 5) и распадались на множество родовъ, которыми управляли викинги или старшины, якобы происходившіе отъ боговъ; но эти царьки были сильно ограничены наслѣдственными „ярлами". Впрочемъ знать патріархально, родственно относилась къ народу: всѣ норманны были „свободные" и собирались на „тингъ", сходку, для рѣшенія общихъ дѣлъ. Рабами были только плѣнники, которыхъ иногда приносили въ жертву Одину, особенно въ главномъ святилищѣ, въ Упсалѣ. Норманны строго соблюдали язычество германцевъ, которое лучше всего запечатлѣлось въ славной поэмѣ, Эддѣ, въ концѣ періода, когда у нихъ распространились также, исписанные „рунами"[1], памятники и отличные желѣзные мечи. „Скальды" воспѣвали не только боговъ, но и богатырей въ своихъ мрачныхъ пѣсняхъ и „сагахъ" (сказкахъ). Нравъ скандинавовъ соотвѣтствовалъ этой унылой поэзіи и угрюмой природѣ, полной дремучихъ боровъ, непроходимыхъ болотъ и льдовъ. То были витязи, не щадившіе ни своей, ни чужой жизни. Норманнъ искалъ смерти на полѣ битвы, чтобы поскорѣе попасть въ обѣтованную Валгалу (§ 5); а если доживалъ до старости, то бросался со скалы въ родное море. Его правиломъ было биться одному противъ трехъ; высшею честью считалось названіе „берсѣркера" — извѣстнѣйшаго бойца, который одинъ, безъ щита и шлема, бросается въ толпу враговъ, а за отсутствіемъ непріятеля, дерется со скалами и волнами. Такія же были норманки. Море, вѣнчавшее Скандинавію островами и фьордами, было стихіей норманна: слово „викингъ" значитъ „морской король".

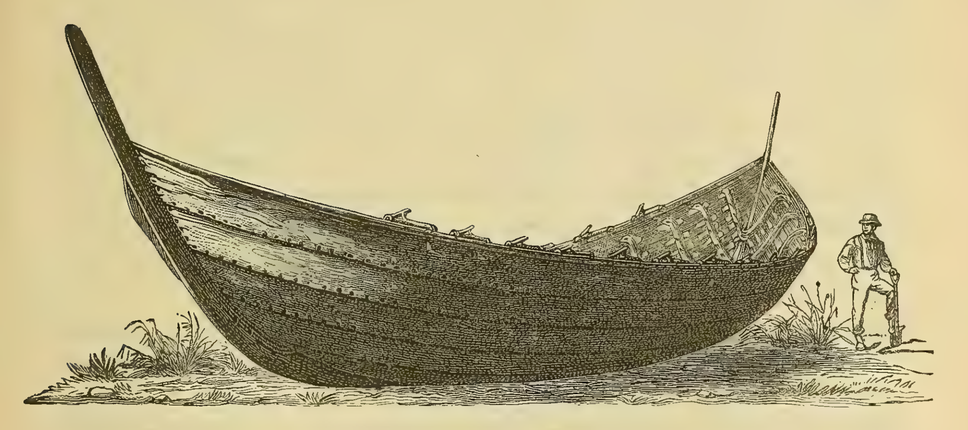

Руны. 5-го в. Въ Нюрнбергскомъ музеѣ.

---

[1] Руны (Д. И. § 262)—образное письмо (Д. И. Введ. § 14) сѣверныхъ германцевъ. Онѣ видны на нашемъ рисункѣ, гдѣ изображена, разбитая на два куска, весьма древняя липовая палка скандинавовъ, длиной въ $1^1/_4$ метра.

Удальцы любили гулять по немъ вольными дружинами или гридью (Р. И. § 27), сбиравшеюся на призывъ отважныхъ викинговъ. Они подымались на „водяныхъ коняхъ съ пѣнистой шеей“, какъ пѣли скальды про ихъ большія безпалубныя челны, которые неслись, на веслахъ и парусахъ, отрядами въ 100—1.000 судовъ. Приплывъ къ непріятельскимъ берегамъ, они устраивали сѣчи (Р. И. § 190) на укромныхъ островкахъ, у устьевъ рѣкъ. Перезимовавъ тамъ, съ тепломъ, пираты снимались для „лѣтней жатвы“, которою кормились, возвратившись восвояси: тогда они, по теченію рѣкъ, врѣзывались внутрь страны, переволакивая свои ладьи, гдѣ случится, по землѣ, съ помощью

Челнъ викинговъ. 77 футовъ длины, болѣе 10 футовъ ширины; 28 веселъ. Найденъ на днѣ морскомъ, въ Шлезвигѣ.

отнятыхъ у туземцевъ коней. Ужасны были эти набѣги злыхъ язычниковъ, которые не давали спуску никому, не щадили ничего. Такъ норманны, занявшіе югъ Швеціи и Норвегіи еще задолго до Р. Х., распространились по Даніи и Финляндіи. Но особенно развилось ихъ разбойничество къ концу періода, когда ихъ наплодилось слишкомъ много для почти безплоднаго сѣвера, а право первородства обрекало младшихъ дѣтей на гибель въ родной странѣ. Тогда-то начались тѣ „походы викинговъ“, отъ которыхъ затрепетали весь Западъ и Россія.

§ 16. **Славяне и туранцы.**—Норманны соприкасались съ сѣверными предѣлами славянъ, которые также выступили на историческое поприще въ этотъ періодъ. Тогда оживленно шло разселеніе славянъ. Тѣснимые съ юго-востока алтайскими туранцами (Д. И. § 3)—гуннами, аварами и болгарами, они дос-

тигли на востокѣ верховьевъ Оки и Донца, на сѣверѣ—Балтики, на Западѣ—Эльбы, Залы, Тироля и Истріи, на югѣ — Греціи и Архипелага. На Балканскомъ полуостровѣ эти переселенцы, которыхъ греки впервые назвали тогда „славянами“, прославились воинственностью: они совершали походы на лодкахъ до Малой Азіи и вели упорную борьбу съ Византіей, отразившуюся даже на внутреннемъ строѣ Восточной имперіи (§ 11); арабы массами продавали военноплѣнныхъ изъ этихъ „сакалибовъ“ (sclavi),—слово, которое обозначало потомъ, на Востокѣ, всякихъ плѣнниковъ и наемниковъ. Въ тѣ времена славянское племя стало такъ обширно, что распалось на три отдѣла, существующіе до сихъ поръ. 1) Южные славяне раньше всѣхъ выступаютъ въ исторіи. Византійцы, одолѣваемые аварами, призвали (7 в.) къ себѣ на помощь хорватовъ и сербовъ, жившихъ въ Карпатахъ, и поселили ихъ на с.-з. Балканскаго полуострова. Тогда же туранскіе болгары, кочевавшіе сначала, вмѣстѣ съ гуннами, въ степяхъ у береговъ Чернаго и Азовскаго морей, завоевали мизійскихъ славянъ и, заимствовавши языкъ и бытъ покоренныхъ, образовали первое славянское государство. Вскорѣ болгары покорили почти всѣхъ южныхъ славянъ; но ихъ остановили франки, которые овладѣли хорватами, но такъ угнетали ихъ, что тѣ возстали и образовали второе славянское государство (ок. 850). 2) Западные славяне занимали сначала почти всю сѣверную Германію. У Эльбы жили бодричи (ободрить), у Одера—лютичи, отъ Одера до Литвы—поляки и поморяне, къ югу отъ нихъ — чехи, мораване и словаки. Западные славяне были очень воинственны: имъ приходилось постоянно бороться съ германцами. Но ихъ силы подрывались усобицами. Самыми важными изъ нихъ были чехи и поляки. Чехи долго боролись съ преемниками гунновъ, аварами, пока франкскій купецъ, Само, не объединилъ ихъ: онъ уничтожилъ аваровъ и такъ стѣснилъ германцевъ, что франкскіе короли съ трудомъ отражали его набѣги, выступая съ большими арміями. Ок. 700 г. у чеховъ образовалось сильное государство съ княжескою династіей Премыславичей. Ок. 850 г. утвердилось государство и у поляковъ, выбравшихъ себѣ въ князья популярнаго Пяста. 3) Восточные славяне занимали уже значительную часть сѣверо-восточной равнины и распадались на великоруссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ. Они жили еще въ родовомъ быту: все, даже честь, принадлежало не личности, а всему роду. Впрочемъ, роды уже соединялись

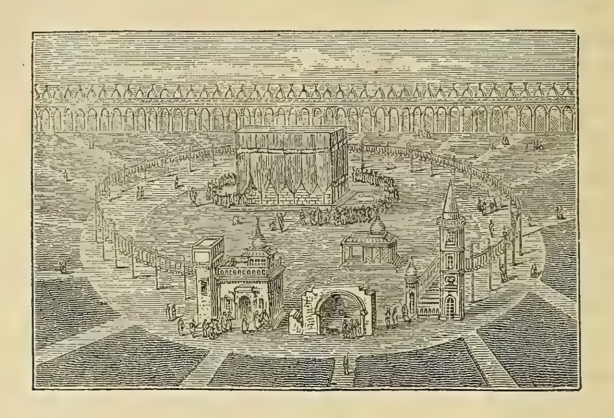
въ „племена“ или „жупы“, которыми правили князья или жупаны съ помощью вѣча или сходки родоначальниковъ. Но постоянныя усобицы уже заставляли восточныхъ славянъ выйти изъ родового быта. Къ тому же вело появленіе городовъ, выдвинутыхъ развитіемъ промысловъ и торговли. Всѣ вѣтви восточныхъ славянъ уже стремились къ одной цѣли—къ мирному распространенію путемъ торговли и колонизаціи.

Но мирному развитію мѣшали туранцы, окружавшіе восточныхъ славянъ съ трехъ сторонъ. Изъ нихъ уральцы (Р. И. § 2) или финны населяли сѣверъ Россіи до Ильменя и р. Москвы, а также берега Балтики и Нѣмана; ихъ западная и южная отрасль занимались земледѣліемъ, промыслами и торговлей, какъ и славяне, но сѣверная была еще полудикаремъ каменнаго вѣка. Къ концу періода финновъ стали тѣснить съ юга болгары, которые лишь частью своего племени заняли Балканскій полуостровъ: въ 9-мъ в. они массами перешли на верхнюю Волгу и Каму, гдѣ образовали болѣе крѣпкое царство, чѣмъ за Дунаемъ, и быстро развивались отъ торговли и промысловъ, благодаря сношеніямъ съ арабами, которые обратили ихъ въ исламъ. Болгары были вытѣснены изъ родныхъ степей юга новыми туранскими кочевниками, свирѣпыми аварами, которые доходили, въ своихъ набѣгахъ, до Византіи, Италіи и Тюрингіи, но подконецъ удержались только у Тиссы и Карпатъ.

§ 17. **Арабы**.—Въ то время, какъ въ Европѣ возникали новыя государства на основѣ христіанства, на Востокѣ произошелъ подобный же переворотъ. Тамъ явилась новая религія, послужившая основаніемъ арабскому владычеству, которое существовало болѣе 600 л. (622—1258) и имѣло сильное культурное вліяніе на весь міръ.

Аравія значитъ „пустыня“: это—необозримая песчаная степь, среди которой изрѣдка попадаются оазисы съ группами пальмъ; встарину здѣсь люди голодали до того, что зарывали дѣвочекъ живыми въ землю, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ. Только юго-западная береговая полоса, нынѣ Іеменъ, справедливо называлась Счастливою Аравіей: она усѣяна плодородными долинами и отлогостями, гдѣ ростутъ въ изобиліи пальмы и кофе (Мокка), ладонъ и такія душистыя травы, что ихъ запахъ слышится далеко въ морѣ. Въ доисторическія времена страну населяли „арибы“ — кушиты изъ Вавилоніи и Эѳіопіи: то были великаны, отъ которыхъ сохранились мегалиты (Д. И. § 24; введ. § 11). Но они исчезли подъ густымъ слоемъ

нынѣшнихъ арабовъ. Это уже — семиты, близкіе къ евреямъ. Ловкіе, граціозные, они отличаются трезвостью и гостепріимствомъ, но также мстительностью и пылкостью. У нихъ сильно развито воображеніе: это — романтики, которые любятъ предаваться мечтамъ, задумчивости, сантиментальной любви. До 7 в. по Р. X. арабы жили враждебными родами, которыми управляли шейхи, подчиненные эмирамъ. Они кочевали, отыскивая пастбища для своихъ стадъ, а также грабя купеческіе караваны, и называли себя бедуинами, т.-е. „дѣтьми пустыни". Ихъ главнымъ достояніемъ были верблюдъ да изящный, быстрый конь. По вечерамъ, арабы собирались вокругъ очага и пѣли

Каба. Въ Меккѣ. 7 в. Въ нынѣшнемъ видѣ [1]).

меланхолическія пѣсни на своемъ музыкальномъ нарѣчіи или разсказывали чудесныя сказки.

Противъ этихъ разбойниковъ римляне, потомъ византійцы и персы устраивали, на границахъ, союзныя военныя поселенія, отчасти изъ самихъ же арабовъ-наемниковъ: такова была Пальмира (Д. И. § 274). Но обитатели Счастливой Аравіи, самый чистый типъ націи, были цивилизованы, благодаря морской и караванной торговлѣ. У нихъ уже за 8 вѣковъ до Р. X. славилось богатое государство Саба, упоминаемое въ ассирійской клинописи (Д. И. §§ 33, 42) и

[1]) Это сооруженіе мало измѣнилось: только въ кубическомъ храмикѣ изъ дикаго камня, немного выше человѣческаго роста, теперь нѣтъ ничего, кромѣ вдѣланнаго въ восточномъ углу камня 7-ми дюймовъ въ поперечникѣ. Храмикъ—безъ крыши: онъ покрытъ черною шелковою пеленой. Вокругъ него—двойная колоннада, которая освѣщается, по ночамъ, тысячами лампочекъ.

смѣненное, около Р. Х., царствомъ гимьяритовъ, отъ которыхъ осталось много памятниковъ съ своеобразными надписями. Но и гимьяриты пали, въ 6-мъ в. по Р. Х., подъ ударами абиссинскихъ эѳіоповъ и персидскихъ Сассанидовъ. Тогда выдвинулся западъ полуострова, Геджасъ, гдѣ жило много обарабленныхъ евреевъ. Здѣсь возвысился родъ Корейшитовъ, который велъ происхожденіе отъ Измаила, сына Авраама и Агари. Онъ построилъ, подлѣ старинной Медины, Мекку, гдѣ и теперь первенствуютъ его потомки. Этотъ городъ сталъ религіознымъ средоточіемъ для всѣхъ арабовъ: въ его главной святынѣ, кабѣ, ключи отъ которой хранились у Корейшитовъ, стояло 360 родовыхъ идоловъ и главный фетишъ (Д. И. введ. § 6)—черный, истертый поцѣлуями богомольцевъ камень, якобы принесенный съ неба архангеломъ Гавріиломъ. Весной, на поклоненіе этому камню стекались странники со всей Аравіи. Слѣдомъ за ними пріѣзжали купцы—и собиралась всеарабская ярмарка, охраняемая приказомъ бедуинамъ—не грабить карavановъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Тутъ поэты вступали въ состязаніе: стихи побѣдителей вышивались золотомъ на легкихъ тканяхъ и вывѣшивались въ кабѣ. Эта каба служила соборомъ всѣхъ религій, которыми кишѣла Аравія, отъ обломковъ фетишизма, вѣры въ духовъ, вавилонскихъ боговъ и сабеизма Зороастра (Д. И. §§ 28, 52) до сектъ христіанства и Моисеева закона—эбіонитовъ и ессеевъ, къ которымъ примыкали Корейшиты. Но у арабовъ уже замѣчалась наклонность къ единобожію: многіе почитали Аллаха-Таалу — верховное существо, бога Измаила и Авраама. И уже появлялись пророки, мечтавшіе о всеобщей религіи, но слывшіе пока ханифами, расколоучителями.

§ 18. **Магометъ.**—Тогда-то у Корейшитовъ родился Магометъ, т.-е. Желанный. Въ дѣтствѣ онъ лишился родителей, которые оставили ему только 5 верблюдовъ да старуху-невольницу; сироту пріютилъ дядя, смотритель кабы. Мальчика не выучили даже писать: онъ росъ пастухомъ, среди рабовъ и нищихъ дѣвочекъ, затѣмъ ходилъ съ караванами дяди. Женитьба на богатой пожилой вдовѣ, Хадиджѣ, доставила ему видное положеніе: онъ сталъ ходить съ собственными караванами, бывалъ даже въ Сиріи, гдѣ бесѣдовалъ съ евреями и христіанами. Магометъ уже привлекалъ арабовъ своею личностью. То былъ смуглый, коренастый красавецъ, съ черными кудрями и окладистою бородой; только нерѣдко вздутая жилка между бровей,

сгорбленная и порывистая походка, косой взглядъ и молчаливость намекали на крайнюю страстность и болѣзненность, которая вскорѣ стала доходить до нервныхъ припадковъ, причемъ несчастный плакалъ и кричалъ, какъ ребенокъ. Привѣтливый со всякимъ, нѣжный въ семьѣ, добрый даже къ животнымъ, милостивецъ для злополучныхъ, Магометъ снискалъ названіе „вѣрнаго человѣка“ за твердость въ дружбѣ и честность. Онъ всегда жилъ просто: не держалъ рабовъ, самъ штопалъ свои башмаки и плащъ, сидя на корточкахъ на полу. Но когда Магомету было около 40 л., онъ сталъ все сильнѣе подвергаться припадкамъ вспыльчивости и болѣзни, за которыми слѣдовало мрачное, удрученное настроеніе. Этотъ поэтъ въ душѣ и философъ, растревоженный ханифами, терзался исканіемъ новаго Бога: онъ сталъ удаляться въ пустыню, изнурялъ себя постомъ и молитвой, въ пещерѣ; считалъ себя, при истерикахъ, помѣшаннымъ и разъ чуть не покончилъ съ собой. Вокругъ него носились небесные звуки и видѣнія,—и въ немъ вдругъ проявилось пылкое краснорѣчіе: онъ разсказывалъ то про архангела Гавріила, который давалъ ему читать священную книгу, то про волшебнаго коня, который уносилъ его „на седьмое небо“.

Наконецъ, Магометъ выступилъ съ безстрашною проповѣдью, за которую 10 л. выносилъ тяжелыя гоненія. Сначала это былъ лишь скромный глашатай завѣтовъ „Музы и Айссы“ (Моисея и Іисуса), потомъ—самъ „пророкъ“ новаго Бога, Аллаха. Сначала ему повѣрили только его вторая жена, Айша, и его дочь Фатима, съ своимъ мужемъ, Аліемъ. Но вскорѣ къ нему примкнулъ отецъ Айши, Абу-Бекръ, богатый и правдивый купецъ, да смѣлый, рѣшительный, гигантъ ростомъ, Омаръ; а главное—потянулись рабы, женщины, бѣдняки, иностранцы и чуткая молодежь. Тогда защитники старины—власти, богачи, знать, съ самими Корейшитами во главѣ, возстали на Магомета: его осыпали насмѣшками и оскорбленіями, называли полоумнымъ, плутомъ, нечестивцемъ, врагомъ отечества, требовали отъ него чудесъ, закидывали его грязью и камнями, плевали ему въ лицо, разъ чуть не задушили; а его приверженцевъ даже пытали и убивали. Магометъ отвѣчалъ: „дайте мнѣ солнце въ одну руку и луну — въ другую, я не откажусь отъ моего дѣла!“ Наконецъ, составился цѣлый заговоръ, но Магомета предупредили: и между тѣмъ какъ Алій лежалъ дома, закутавшись въ его зеленый плащъ, самъ онъ бѣжалъ въ городъ, который сталъ за него и получилъ за то названіе Медины — „города“ попре-

имуществу. Бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину (622) стало геджрой или магометанскою эрой.

Въ Мединѣ все измѣнилось. Магометъ превратился изъ ханифа въ творца міровой религіи—ислама или „покорности“ Богу. Такъ какъ арабы, въ то же время, переходили отъ родового быта къ государственному, то у нихъ водворилась ѳеократія или сліяніе властей свѣтской и духовной. При такомъ переворотѣ, и въ виду могущества сосѣднихъ державъ, Византіи и Персіи, требовалась безграничная, на все способная власть— и въ Магометѣ какъ бы поселился новый человѣкъ: къ прежнимъ чертамъ прибавились отличія жестокаго воителя и искуснаго, но коварнаго политика. Магометъ началъ проповѣдовать фанатизмъ: у него уже въ рай попадалъ вѣрнѣе всего тотъ, кто, слѣдуя по „стезямъ Божіимъ“, падалъ въ „джихадѣ“ или священной войнѣ. Его первая „мечеть“ или „мѣсто поклоненія“ обратилась въ школу той десциплины, которая, въ соединеніи съ пыломъ и храбростью бедуиновъ, доставила исламу быструю побѣду надъ полуміромъ. Когда оказалось, что мединскіе евреи не видятъ въ немъ своего Мессіи, Магометъ сталъ истреблять ихъ, обогащаясь ихъ добромъ. Затѣмъ онъ началъ кровавую борьбу съ Меккой. Корейшиты были разбиты, и пророкъ истребилъ идоловъ въ кабѣ, приговаривая: „пришла истина, долой ложь!“ Вскорѣ почти вся Аравія увѣровала въ Магомета; и онъ уже требовалъ того же отъ Византіи, Персіи, Египта. Рядомъ съ властолюбіемъ въ „пророкѣ“ развивалось сладострастіе зауряднаго араба: онъ началъ проповѣдовать многоженство и самъ набралъ до 25 женъ, кромѣ наложницъ. „Противъ двухъ вещей я безсиленъ — противъ женщинъ и благоуханій“, говорилъ Магометъ; и онъ сталъ наряжаться до смѣшного, а женъ своихъ прятать отъ чужого глаза. Но въ остальномъ оставался меккскій Магометъ: онъ и умеръ, 62-хъ лѣтъ, величаво, исправляя свои ошибки, среди молитвъ и благотвореній, на рукахъ Айши, „матери правовѣрныхъ“ (632).

§ 19. **Исламъ**. — Исламъ заключается въ Коранѣ или „книгѣ“ на народномъ языкѣ, которая свидѣтельствуетъ о силѣ фантазіи и о маломъ образованіи автора. Это — мелкія и противорѣчивыя изреченія въ прозѣ и стихахъ, которыя говорилъ пророкъ въ минуты вдохновенія и истерики. Писарь, бывшій всегда при немъ, начертывалъ ихъ на пальмовыхъ листьяхъ, на кожахъ, на верблюжьихъ лопаткахъ. По смерти Магомета, эти изреченія были приведены въ порядокъ Абу-Бекромъ, и

Коранъ былъ объявленъ упавшимъ съ неба. Коранъ—не только Библія арабовъ, но и сводъ законовъ, по которому до сихъ поръ судятся мусульмане. Въ немъ все трезво, сухо, практично, доступно простымъ людямъ: Магометъ не опережалъ своего времени, служилъ лишь выразителемъ его потребностей; онъ заимствовалъ отовсюду, что̀ и пролагало путь исламу, но все сводилъ къ удопонятному единству и порядку.

Сущность ислама составляетъ единобожіе: „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ — его пророкъ.“ Оттого, хотя сохраняются бедуинскіе духи, дьяволы, до 5 милліардовъ ангеловъ, но не допускается никакого ущерба грозному, безличному Аллаху; запрещаются, какъ идолопоклонство, иконы, статуи, музыка; посредниками между Богомъ и людьми признаются только пророки или вдохновенные люди — Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ. Впрочемъ, все это лишь подготовители истиннаго пророка, Магомета, причемъ распятіе Христа, также какъ и первородный грѣхъ, считаются ученіями, противными справедливости Божіей. Второю основой ислама служитъ фатализмъ (Д. И. § 82), который создалъ эту „религію мужей“, но ведетъ къ безстрастію и презрѣнію жизни. Аллахъ предопредѣлилъ каждому возмездіе на томъ свѣтѣ, изображеніе котораго Магометъ заимствовалъ извнѣ, но придалъ ему чувственный оттѣнокъ. На Страшномъ Судѣ воскресшіе проходятъ по узкому, какъ остріе сабли, мостику; а архангелъ Гавріилъ взвѣшиваетъ ихъ земныя дѣянія. Тѣ, у которыхъ оказывается „банкротство“, сваливаются въ адъ съ 7-ю степенями, и такой ужасный, что храбрецъ Омаръ падалъ въ обморокъ при одной мысли о немъ: тамъ огонь пожираетъ кожу грѣшниковъ, которая тотчасъ же вновь наростаетъ, а жажда несчастныхъ утоляется кипяткомъ. Праведники проходятъ мостикъ благополучно и попадаютъ на 7-е небо — въ рай, гдѣ они блаженствуютъ, вѣчно юные, здоровые и красивые: они гуляютъ въ волшебныхъ садахъ и возлегаютъ на золотыхъ софахъ, окруженные сладкими плодами, винами и „волоокими“ дѣвами — „гуріями“. Обрядность ислама—сухое, разсудочное воспроизведеніе военной дисциплины, приказовъ Корана, отъ которыхъ нельзя отступать ни на шагъ. Тутъ 4 изъ „пяти столповъ вѣры“ — омовеніе (7 разъ въ день, и если нѣтъ воды, то хоть пескомъ), молитва (5 разъ въ день, обращаясь лицомъ къ Меккѣ), постъ (рамазанъ, смѣняющійся праздникомъ, байрамомъ), паломничество (хоть разъ въ своей жизни сходить въ Мекку

или послать кого-нибудь за себя). При этомъ, въ отличіе частью отъ евреевъ, частью отъ христіанъ, Магометъ принялъ лунный годъ и пятницу, какъ священный день недѣли, а также велѣлъ созывать на молитву крикомъ муэззина съ высоты минаретовъ—каланчей при мечетяхъ.

Нравственное ученіе ислама довольно высоко и практично до мелочей: въ видахъ гигіены, Магометъ ввелъ еврейское обрѣзаніе, запретилъ вино, все жирное и нечистое, особенно свинину. Коранъ считаетъ всѣхъ правовѣрныхъ „братьями", и равными предъ Богомъ: нѣтъ знати, ни свѣтской, ни церковной. Глава государства избирается народомъ и можетъ быть низлагаемъ; обязанный повиноваться Корану, онъ лишенъ законодательства, и въ Коранѣ нѣтъ наказаній за оскорбленіе величества. Правовѣрные должны дѣлиться между собою излишкомъ и добычей, поступать честно и помогать другъ другу. Пятымъ „столпомъ вѣры" служитъ зекятъ—милостыня, которая обратилась въ налогъ для бѣдныхъ. Молитва мусульманина благородна: это—только словословіе. А самъ правовѣрный, подобно буддисту (Д. И. §§ 61, 62), обязанъ помогать несчастнымъ, выкупать плѣнныхъ, освобождать рабовъ, строить госпитали и школы, садить деревья для путниковъ, заниматься поэзіей и науками вмѣсто азартныхъ игръ и всякихъ гаданій, даже покровительствовать животнымъ, не заниматься пѣтушиными и звѣриными боями. Магометъ смягчилъ первобытные нравы бедуиновъ: Коранъ запрещаетъ кровомщеніе, умерщвленіе рабовъ и новорожденныхъ дѣвочекъ; въ большинствѣ случаевъ, онъ замѣняетъ смертную казнь откупомъ.

Въ двухъ только вопросахъ исламъ былъ данью бедуинскимъ нравамъ. 1) Онъ сохранилъ многоженство и дозволяетъ неограниченное число наложницъ. Въ глазахъ Корана, женщина создана для мужа: дѣвственность — выдумка христіанъ. Она должна быть „вѣрна и послушна мужу", должна ходить „съ потупленными глазами" и подъ чадрой. А мужъ даже не долженъ питать къ своей женѣ особенной любви: онъ вправѣ разводиться съ нею и опять сходиться до 3 разъ, прогонять ее отъ себя на 4 мѣсяца, заточать въ своемъ домѣ и бить; дѣти законны только тѣ, которыхъ признаетъ отецъ. Но Магометъ одобрялъ единобрачіе и старался смягчить участь женщины, какъ и всякаго раба. Коранъ допускаетъ только 4 жены и требуетъ содержать ихъ „честно"; онъ опредѣляетъ мужу наказаніе кнутомъ за измѣну; жена имѣетъ имущественныя права, можетъ жаловаться на мужа и даже тре-

бовать развода; дочери наслѣдуютъ отцу, получая половину доли братьевъ. 2) Джихадъ—дикая проповѣдь кровопролитія изъ-за вѣры: мусульманинъ долженъ идти на все для обращенія въ исламъ его враговъ, „гяуровъ"; здѣсь умолкаютъ всѣ добрыя предписанія относительно своихъ. Но Магометъ дозволялъ терпѣть христіанъ и евреевъ, только не родниться съ ними и брать съ нихъ особую подать, „хараджъ". Его преемники, даже благословляя войска на джихадъ и вручая имъ „зеленое знамя" пророка, внушали имъ: „Приглашайте народы къ своей вѣрѣ, прежде чѣмъ драться съ ними; щадите старцевъ, женщинъ и дѣтей; не будьте жестокими съ побѣжденными; не истребляйте ни плодовыхъ деревьевъ, ни пашенъ". Сначала запрещалось мусульманамъ не только захватывать, но даже покупать земли у покоренныхъ, чтобы они не сдѣлались осѣдлыми и не бросили своего военно-религіознаго призванія. Часть добычи предназначалась судьямъ, учителямъ, поэтамъ и сиротамъ; и обыкновенно побѣдители способствовали процвѣтанію покоренныхъ странъ, облегчали участь рабовъ, внушали честность, правдивость, милосердіе даже къ животнымъ, умѣренность; правиломъ Магомета было держать слово, данное даже гяуру. Все это помогало распространенію ислама; даже христіане иногда сами призывали арабовъ, такъ какъ еретики подвергались у нихъ преслѣдованіямъ. Простота ученія и поблажка чувственности также привлекали къ исламу, который вскорѣ сталъ очаровывать народы еще развитіемъ блестящей культуры. Сверхъ того, исламъ долго поддерживался тѣмъ, что, по мѣрѣ паденія арабовъ, выступали новыя, воинственныя племена, распространявшія его съ фанатизмомъ. На первыхъ порахъ ему помогало также ничтожество враговъ — персовъ и византійцевъ, которые притомъ ослабляли другъ друга непрерывнымъ соперничествомъ (§ 11).

§ 20. **Первые халифы и начало завоеваній**. —Пророкъ не оставилъ ни халифа (намѣстника), ни завѣщанія. Его любимцемъ и ближайшимъ родственникомъ былъ лучшій изъ мусульманъ, Алій (§ 18). Вѣрный другъ пророка, правдивая, восторженная душа, поэтъ, ораторъ и славный воинъ, только нерѣшительный, некрасивый и тучный, Алій не могъ однако сразу овладѣть положеніемъ дѣлъ. Онъ строго держался Корана и отвергалъ возникшую тогда „сунну" или „преданіе"—изустныя изреченія, слышанныя будто бы „матерью правовѣрныхъ". Сунниты (теперь—турки, татары и арабы) объявили приверженцевъ Алія шіитами или раскольниками (теперь—персіяне). Тутъ

замѣшалась и политика: шіиты требовали наслѣдственности халифата, и именно въ родѣ Алія. Ихъ имя значитъ „пристрастные“, партійные, какими казались они суннитамъ, стоявшимъ за избираемость халифа. Подъ вліяніемъ Айши, сунниты одолѣли: они поставили халифомъ сначала Абу-Бекра, а по его смерти—Омара.

Оба первые халифа, обладая полною, какъ духовною, такъ и свѣтскою, властью, жили патріархально, какъ шейхи бедуиновъ. Омаръ ѣлъ хлѣбъ съ финиками и оливками, пилъ воду, спалъ на рогожѣ. У него было только два платья, лѣтнее и зимнее, и оба въ заплатахъ. Омаръ былъ справедливъ, но жестокъ: придерживаясь буквы Корана, онъ засѣкъ въ мечети собственнаго сына за пьянство. Омаръ создалъ арабское государство: онъ устроилъ диванъ (совѣтъ), ввелъ правильныя подати, чеканку монеты и лѣтосчисленіе, обезпечилъ мечети и школы имуществомъ, построилъ столицы — Каиръ, Басру и Куфу. При немъ арабы получили удивительный военно-ѳеократическій строй. Это—подвижной конный лагерь, который только и зналъ, что молиться да драться. Онъ отдѣлялся отъ всего міра: покореннымъ, которые только работали да вносили дани, запрещалось носить оружіе, ѣздить верхомъ и читать вслухъ свои священныя книги. Одушевленный небывалымъ фанатизмомъ и жаждой добычи, лагерь славился нетолько пыломъ отчаянной храбрости и бедуинской ловкостью, но также замѣчательною тактикой и всѣми военными приспособленіями, но больше всего—желѣзною дисциплиной фаталистовъ. Первый человѣкъ въ немъ, любимецъ пророка, незнавшій пораженій „Мечъ Божій“, Халидъ, говорилъ, что готовъ повиноваться ребенку, если того потребуетъ халифъ. Арабы сражались съ Кораномъ въ рукахъ; ихъ воодушевлялъ легіонъ амазонокъ; время между битвами проходило у нихъ въ постѣ и молитвѣ; по словамъ Халида, „они любили смерть такъ же, какъ другіе любятъ жизнь“. Они такъ умѣли стрѣлять, что одно побоище было названо „глазною битвой“: много враговъ было ослѣплено ихъ мѣткими стрѣлами.

Эта „священная рать“, сражаясь съ болѣе многочисленными арміями, въ 10 л. захватила болѣе 30.000 городовъ и укрѣпленій. Поразивъ византійскія войска, арабы взяли всю Сирію и Палестину. Омаръ самъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ, съ однимъ слугой, на верблюдѣ, съ двумя мѣшками — одинъ для финиковъ и риса, другой для воды. Онъ пощадилъ жителей, но

храмъ Соломона былъ замѣненъ мечетью. Затѣмъ арабы разрушили Персидское царство (643), давно потрясенное придворными усобицами: послѣдній Сассанидъ, молодой, даровитый Іездегердъ, подобно Дарію (Д. И. § 150), бѣжалъ, съ своимъ священнымъ огнемъ и гаремомъ, въ горы, гдѣ его зарѣзали. Древній персидскій языкъ и религія Зороастра погибли, а исламъ распространился за Аму-Дарьей и Индомъ и до Кавказа; тогда же арабы основали богатые центры своей цивилизаціи — Самаркандъ и Багдадъ. Арабы проникли и въ Египетъ, куда призвали ихъ копты — христіанскіе еретики, которыхъ преслѣдовало византійское правительство. Они основали Каиръ на развалинахъ Мемфиса и помогли процвѣтанію страны, мягко обращаясь съ туземцами. Среди этихъ завоеваній погибъ Омаръ: персидскій рабъ-христіанинъ убилъ его въ мечети, на молитвѣ. Послѣ него у мусульманъ вспыхнуло кровавое междоусобіе.

§ 21. **Алиды**.—По преданію, лѣтъ за сто до Магомета у Корейшитовъ родились двое братьевъ, сросшихся лбами; ихъ разрѣзали—и съ тѣхъ поръ не прекращалась вражда между ними и ихъ потомками. Отъ одного изъ нихъ происходилъ Магометъ, отъ другого – Омайя. Омайяды боролись съ пророкомъ, а потомъ сдѣлались опорой суннитовъ. Во главѣ ихъ стояли Отманъ и его внукъ, Муавія. Хилый старикъ, Отманъ, выбранный въ халифы послѣ Омара, сталъ притѣснять шіитовъ — родныхъ и друзей Магомета, а Муавію сдѣлалъ намѣстникомъ Сиріи. Шіиты возстали, убили Отмана и провозгласили халифомъ Алія, жившаго среди персовъ, въ Куфѣ. Но противъ него возсталъ Муавія, образецъ хитраго, упорнаго и неразбирающаго средствъ политика. За него сталъ соперникъ Халида, доблестный намѣстникъ Египта, Амръ, а въ Меккѣ его поддерживала неукротимая и мстительная Айша. У сліянія Тигра съ Евфратомъ произошла первая междоусобная битва, названная верблюжьей: Айша, сидя на верблюдѣ, одушевляла войска суннитовъ. Али побѣдилъ и съ почетомъ отправилъ „мать правовѣрныхъ“ въ Медину. Но затѣмъ въ 110 дней было дано 90 битвъ. 60-лѣтній Алій поражалъ враговъ и вызвалъ Муавію на поединокъ; но тотъ предложилъ рѣшить споръ третейскимъ судомъ. Ловкіе Муавія и Амръ устроили такъ, что судьями оказались ихъ друзья. Алій снова ополчился, но былъ убитъ въ мечети.

Персы вѣрятъ, что могила Алія находится въ Куфѣ: и до сихъ поръ туда стекаются караваны съ трупами шіитовъ, завѣ-

щавшихъ похоронить себя у ногъ истиннаго намѣстника пророка. Персидскіе шіиты назначили халифомъ старшаго сына Алія, миролюбиваго Гасана; но онъ отказался и уѣхалъ въ Медину, гдѣ умеръ отъ отравленной одежды, которую прислалъ Муавія одной изъ его женъ. Персы вызвали его брата, Гусейна, который жилъ въ Меккѣ, занимаясь молитвами и добрыми дѣлами. Гусейнъ отправился почти со всѣмъ своимъ родомъ. Близъ Куфы на его караванъ напало цѣлое войско, высланное Омайядами. Мученики ислама подняли Коранъ на копьѣ, но палачи изрубили ихъ (окт. 680). И теперь собираются сюда, въ октябрѣ, персіане оплакивать своего Гусейна, причемъ предаются самоистязанію. Уцѣлѣвшіе Алиды жили въ Мединѣ благочестиво, помогая несчастнымъ: они были нравственною силой, которой завидовали сами халифы, ежедневно проклинавшіе ихъ въ суннитскихъ мечетяхъ. У половины мусульманъ Алій остается народнымъ идеаломъ: поэтическое предсмертное мученичество друга пророка смыло съ его памяти допущеніе убійства Отмана. Этотъ герой чистоты и величія души даже ближе ихъ сердцу, чѣмъ самъ Магометъ. Подъ вліяніемъ наслѣдственной монархіи персовъ, буддійскихъ аватаръ (Д. И. § 60) и еврейскаго мессіанства, шіиты признали своего Алія, якобы взятаго живымъ на небо, вѣчно живущимъ въ его потомкахъ воплощеніемъ Аллаха или имамомъ, „предстателемъ" правовѣрныхъ, иначе — „махдіемъ", т.-е. пророкомъ, которому „покровительствуетъ" Богъ. Они насчитываютъ 12 имамовъ или алидскихъ воплощеній: ихъ и теперь называютъ сектой „дюжинниковъ". Но такъ какъ послѣдній изъ имамовъ, какой-то Магометъ, уже былъ отравленъ однимъ халифомъ, много вѣковъ тому назадъ, то возникла сказка, будто онъ спасенъ чудомъ и скрывается гдѣ-то въ пещерѣ, близъ „Богоданнаго" города, Багдада. Персы вѣрятъ, что онъ выйдетъ оттуда послѣднимъ махдіемъ и, съ помощью Айссы, спасетъ міръ отъ грѣховъ, очистивъ его отъ проклятаго суннитства.

§ 22. **Омайяды.**—Омайяды царствовали около 100 л. въ Дамаскѣ, куда они перенесли столицу изъ Мекки, этого гнѣзда Алидовъ. При нихъ арабы начали усваивать античную культуру: они призывали много ученыхъ и зодчихъ изъ Византіи и переводили лучшія греческія сочиненія. Арабскій языкъ становился господствующимъ на Востокѣ, какъ языкъ офиціальный и литературный. Тогда же арабы распростанили халифатъ на всѣ три части Стараго Свѣта. Они покорили часть Индіи,

весь Туркестанъ и Арменію, столкнулись съ хозарами, противъ которыхъ основали военное поселеніе въ Дербентѣ, и 7 разъ осаждали Византію съ суши и съ моря; но ихъ флотъ былъ уничтоженъ греческимъ огнемъ (§ 11). Преемникъ Амра въ Египтѣ, герой арабскихъ поэтовъ и историковъ, Окба, быстро покорилъ кочевыхъ потомковъ древнихъ нумидійцевъ и мавританъ, названныхъ теперь берберами и маврами, разбивъ ихъ княгиню, которая бросилась съ верблюда на камень. Затѣмъ онъ взялъ прибрежные города, укрѣпленные византійцами, и основалъ Тунисъ (близъ Карѳагена), Каирванъ и Фецъ. Противъ Канарскихъ острововъ Окба бросился въ океанъ, и когда лошадь вошла по шею въ воду, воскликнулъ: „Аллахъ! Будь свидѣтель, что мнѣ некуда итти дальше прославлять твое имя!“ Съ тѣхъ поръ исчезло господство Византіи въ Африкѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и блестящая античная и христіанская культура. Берберы и мавры слились съ арабами и приняли ихъ языкъ. Вмѣстѣ съ ними, они стали дѣлать разбойничьи набѣги на Италію, Сицилію и Испанію: въ Испаніи всѣхъ мусульманъ называли маврами, а въ Италіи—сарацинами.

Вскорѣ послѣ Окбы, арабы завоевали почти всю Испанію (§ 12). Имъ помогали сами вестготы и евреи, измученные знатью и духовенствомъ. Арабы уничтожили господство этихъ сословій, даже облегчили участь крѣпостныхъ и рабовъ, получавшихъ свободу при переходѣ въ исламъ. Они наложили лишь легкую дань на туземцевъ и не трогали ни ихъ имущества, ни быта, ни даже религіи: покоренные сами избирали себѣ чиновниковъ и судились по собственнымъ законамъ. Арабы ввели орошеніе и чужеземныя растенія: они превратили Испанію въ самую плодородную, богатую и просвѣщенную страну въ Европѣ. Сначала здѣсь правили эмиры или полководцы-намѣстники, назначенные дамасскими халифами. Когда Омайяды были уничтожены, послѣдній изъ нихъ, Абд-эр-Рахманъ, бѣжалъ въ Испанію, побѣдилъ эмировъ и основалъ царство Омайядовъ, названное, по новой столицѣ, кордовскимъ халифатомъ (755). Красивый, стройный арабъ съ огненными глазами, Абд-эр-Рахманъ отличался храбростью, добротой и любовью къ просвѣщенію. Онъ построилъ въ Кордовѣ лучшіе памятники арабскаго искусства—дворецъ Альказаръ и мечеть. Арабы, овладѣвшіе-было Аквитаніей и Бургундіей, были изгнаны франками за Пиренеи (§ 13), потому что ихъ ослабляли усобицы. При Абд-эр-Рахманѣ эмиры возстали и даже призвали франковъ: Карлъ Вели-

кій обратилъ сѣверную Испанію до Эбро въ Испанскую марку своего королевства (778). Въ то же время вестготы образовали изъ земель отъ Пиренеевъ до Дуро королевство Астурію.

§ 23. **Аббасиды.** — Между тѣмъ, положеніе дамасскихъ Омайядовъ было шатко, хотя халифатъ сталъ громаднымъ и пышнымъ царствомъ, напоминавшимъ древнюю Персію и Ассирію. Ихъ губило отсутствіе политическаго смысла. Быстрое расширеніе границъ, великія завоеванія, усобицы отъ племенной розни, партій и сектъ, — все требовало сильной власти: оттого халифатъ сталъ наслѣдственнымъ даже у суннитовъ. Но Омайяды увлеклись примѣромъ Персіи и Византіи — и патріархальный эмиратъ первыхъ халифовъ превратился въ восточный султанатъ, который требовалъ деспотизма и массы денегъ и подрывался придворными кознями отъ многоженства правителей. Сами Омайяды, недалекіе и лѣнивые, жили не по Корану, пьянствовали, отличались жестокостью и жадностью: они преслѣдовали Алидовъ. Ихъ бѣлому знамени была вѣрна одна Сирія. Въ остальныхъ земляхъ вспыхивали мятежи, прикрываемые именемъ Алидовъ, которые устранялись отъ политики, предоставивъ ее своимъ родственникамъ, Аббасидамъ, происходившимъ отъ дяди пророка, Аббаса. Глава этой фамиліи, коварный Абуль-Аббасъ, намѣстникъ сѣверной Персіи, поднялъ возстаніе противъ Омайядовъ, подъ чернымъ знаменемъ. Въ битвѣ у Ниневіи былъ пораженъ и зарѣзанъ послѣдній Омайядъ (750). Питомецъ дикихъ пустынь Хорасана, Абуль-Аббасъ, прозванный Кровопійцей, возвѣстилъ народу: „я — тотъ, который станетъ проливать кровь безпощадно; я—мститель, несущій пагубу“. Онъ созвалъ на пиръ 90 родственниковъ, засѣкъ ихъ, покрылъ трупы коврами и сѣлъ на нихъ пировать. Въ Дамаскѣ были разрыты могилы халифовъ; еще не истлѣвшіе трупы были повѣшены. Спасся одинъ только Омайядъ, Абд-эр-Рахманъ, который долго странствовалъ съ вѣрнымъ рабомъ, пока не утвердился въ Испаніи (§ 22).

При Аббасидахъ, царствовавшихъ лѣтъ 500 (750—1258), почти ничего не измѣнилось: даже халифатъ остался суннитскимъ. Но уже Абуль-Аббасъ ввелъ должность визиря съ высшею свѣтскою властью, и она стала наслѣдственною въ просвѣщенномъ персидскомъ родѣ Бармекидовъ. Сила и блескъ Аббасидовъ продолжались только до смерти Гаруна-ар-Рашида (809). Имя Гаруна украшено поэтическими преданіями, которыя изображаютъ его образцомъ всѣхъ добродѣтелей и называютъ Справедливымъ. Но въ дѣйствительности это былъ уже

типъ Аббасидовъ, въ которыхъ развились пороки Омайядовъ — безумное властолюбіе, забывающее даже выгоды династіи, отупляющее распутство да жестокость, прославившая ихъ любимую казнь — умореніе жаждой, отъ котораго не остается ни пятнышка на тѣлѣ жертвы. Гарунъ былъ подозрителенъ, алченъ и тщеславенъ. Онъ избилъ многихъ своихъ родныхъ и всѣхъ Бармекидовъ; онъ изъ тщеславія снаряжалъ безполезныя посольства въ Китай и къ Карлу Великому. Сказки вѣрны только въ описаніи пышности двора Гаруна, перенесшаго столицу въ Багдадъ, который сталъ самымъ роскошнымъ городомъ въ мірѣ. Вопреки Корану, Гарунъ воскресилъ бытъ древнихъ царей Востока: при дворѣ появились разныя увеселенія—мячъ, шашки, шахматы; 4.000 рабынь ежедневно развлекали халифа танцами, пѣніемъ и сказками. Жена Гаруна, Зубейда, раздушила дворецъ, одѣла рабынь мальчиками; она первая изъ мусульманокъ стала носить шелковыя платья и столько дорогихъ украшеній, что могла ходить лишь опираясь на двухъ рабынь. Но Гарунъ же превзошелъ всѣхъ халифовъ и въ культурныхъ стремленіяхъ. Онъ строилъ каравансараи (гостинницы), колодцы, цистерны, дороги, верстовые столбы. Нигдѣ въ мірѣ не было тогда столько ученыхъ и художниковъ, какъ въ Багдадѣ; 300 ученыхъ путешествовали, на счетъ халифа, для изученія странъ. Въ то же время не прекращались войны: Гарунъ заставилъ Византію платить себѣ дань червонцами съ его изображеніемъ. Все это требовало много денегъ. Тяжелые налоги и деспотизмъ до того угнетали правовѣрныхъ, что начались возстанія. Алидъ Эдризъ, избѣгая преслѣдованій, попалъ въ Фецъ и основалъ тамъ царство Эдризидовъ. Высланный противъ него Аглабъ самъ образовалъ, въ Каирванѣ, царство Аглабидовъ которое распространилось отъ Туниса до Барки и Сициліи; а въ Египтѣ и Сиріи возникло царство Тулунидовъ. Тамъ и сямъ, отъ Инда и Арала до Атлантики, появлялось еще много мимолетныхъ царствъ, среди кровавыхъ усобицъ — знакъ, что приближалось разложеніе пышнаго владычества пророка Аллаха.

Но арабы уже представляли своеобразное историческое явленіе. Здѣсь съ особенною силой проявилось стремленіе къ сплоченію: магометанство было переходомъ какъ къ государственному объединенію, такъ и къ міровой религіи. Халифатъ быстро сталъ наслѣдственнымъ и могучимъ, а исламъ легко поглощалъ мѣстныя вѣрованія. Значеніе такого сплоченія, въ формѣ военно-ѳеократическаго строя, ясно изъ быстрыхъ успѣ-

ховъ арабскаго завоеванія, которымъ содѣйствовалъ окружающій хаосъ племенъ и мелкихъ властей, особенно среди христіанъ. Подконецъ объединеніе доходило даже до крайности: выдвигался восточный деспотизмъ, съ неправдой, роскошью и жестокостью халифовъ, которыхъ именовали уже Кровопійцами; и онъ начиналъ опираться на фанатизмъ властной, невѣжественной іерархіи. Но эти отрицательныя стороны только намекали на будущую реакцію: покуда все рвалось къ жизни и развитію. По всему исламскому міру проходила горячею струей безпокойная кровь даровитой, юной арабской націи, которая привлекала даже христіанскія массы своею относительною добротой и справедливостью и оживляла всѣхъ высшими стремленіями. Съ самаго начала арабы выказывали уваженіе къ знаніямъ: сказка, будто Омаръ (§ 20) истребилъ александрійскую библіотеку (Д. И. § 170); она была сожжена еще при Ѳеодосіи (Д. И. § 279) однимъ епископомъ. Даже самые деспотичные халифы склонялись къ наукамъ и искусствамъ. Съ самаго начала арабами овладѣвала страсть къ разсужденіямъ, сказавшаяся въ первыхъ ересяхъ. И уже съ Омайядовъ замѣчаются зачатки особой арабской культуры, которая была самымъ раннимъ возрожденіемъ классицизма. Но ея расцвѣтъ принадлежитъ слѣдующему періоду, а пока на первомъ историческомъ планѣ стоялъ византизмъ.

§ 24. **Византійская культура**. — Въ Европѣ одна Византія, эта соперница арабовъ, съ которою они сталкивались на каждомъ шагу, представляла сплоченіе, напоминавшее исламъ. Изъ нея выработался особый міръ, связанный эллинизмомъ (§ 7) и освѣжаемый притокомъ славянской крови: онъ все рѣшительнѣе отдѣлялся отъ Запада, по мѣрѣ развитія иконоборства, съ одной стороны, папства и германскихъ государствъ — съ другой. Правда, политическое сплоченіе и здѣсь, какъ у арабовъ, достигало крайностей. Въ Византіи развился восточный султанатъ, превращавшій подданныхъ въ горсть своевольныхъ богачей и въ массу угнетенныхъ пролетаріевъ, такъ что уже не могли имѣть успѣха преобразовательныя начинанія (§ 11). Онъ и здѣсь поддерживался фанатизмомъ ѳеократіи: при Юстиніанѣ всюду преслѣдовали философовъ и язычниковъ, а въ Африкѣ вырѣзывали аріанъ, донатистовъ и евреевъ; при иконоборствѣ мучили почитателей иконъ, которые платили тою же монетой при своемъ торжествѣ. Оттого провинціи стремились къ отпаденію: экзархаты разваливались; въ Египтѣ заби-

тые копты сами призвали арабовъ; бывшіе подданные Гелимера (§ 8) жалѣли о вандалахъ, и лучшіе изъ нихъ, романизованные, разбѣжались, при одномъ только Юстиніанѣ, въ количествѣ 5 милліоновъ, такъ что остались одни полудикіе берберы. Тѣмъ не менѣе, Византія представляла еще внушительную объединенную силу, въ виду хаоса на Западѣ. А главное, она пользовалась міровымъ обаяніемъ, какъ хранительница античной образованности.

То была византійская эпоха въ культурѣ. Въ рукахъ грековъ находилась письменность того времени. Они распространяли древнюю науку не только въ Европѣ, но и у арабовъ. Ихъ писатели, по большей части изъ духовенства, не создали ничего новаго и были бездарными риторами и „грамматиками“, кропавшими панегирики, даже астрологическіе стихи, собиравшіе Антологіи мелкихъ „эпиграммъ“ всевозможнаго содержанія. Но они дѣлали извлеченія изъ нѣкоторыхъ утраченныхъ классиковъ, остальныхъ издавали съ объясненіями, составляли словари и грамматики греческаго языка, который тогда уже началъ портиться. Они собирались въ библіотекѣ императоровъ, которые покровительствовали имъ и отчасти сами принимали участіе въ ихъ работахъ. Особенно важна Антологія Іоанна Стобея (6 в.) — обширная энциклопедія, извлеченная изъ 500 слишкомъ, по большей части утраченныхъ, классиковъ, преимущественно философовъ. Въ Византіи было также не мало астрономовъ, географовъ, математиковъ, врачей, которыхъ постоянно перезывали къ себѣ разные государи. Явилось и много „хронографовъ“ (лѣтописей), но плохихъ. Выдается только Прокопій, лучшій изъ византійскихъ историковъ. Онъ составилъ живой разсказъ о подвигахъ Велизарія, причемъ превознесъ Юстиніана; но, не получивъ награды за лесть, онъ написалъ „Анекдоты“, гдѣ зло осмѣялъ Юстиніана, Θеодору и ихъ дворъ (§ 7). Тогда же Козьма Индикоплевтъ составилъ нелѣпую „Христіанскую топографію“, тогда какъ одинъ британскій епископъ утверждалъ, что „подъ землей есть другой міръ и другіе люди“. Зато въ богословіи прославился Іоаннъ Дамаскинъ, воспитанный арабами: онъ первый приложилъ логику Аристотеля къ религіознымъ вопросамъ и потому считается отцомъ научнаго богословія восточной церкви; Дамаскинъ написалъ много догматическихъ и философскихъ сочиненій и боролся съ иконоборствомъ. Вѣнцомъ умственной дѣятельности Византіи того времени былъ знаменитый

Corpus juris или законовѣдѣніе эпохи (Д. И. § 283). Онъ состоялъ изъ Кодекса Юстиніана (§ 7), Пандектовъ (христоматія изъ лучшихъ юристовъ) и Институцій (учебникъ права). Эта работа 26 знатоковъ дѣла, въ 55 томахъ, послужила основой всѣмъ законодательствамъ Европы и всему законовѣдѣнію, хотя она была сдѣлана очень поспѣшно, и ея руководитель, жалкій царедворецъ Трибоніанъ (§ 7), заботился только о томъ, чтобы угодить своему владыкѣ.

Тогда греки снабжали Европу и Азію также произведеніями искусства и товарами—оружіемъ, тканями, предметами роскоши. Въ искусствѣ это—эпоха византійскаго стиля, который проявлялся преимущественно въ зодчествѣ, щеголявшемъ восточною пышностью. Особенность византійскаго храма—куполъ, самая смѣлая форма свода, устранившая длинноту базилики (Д. И. § 216). Кромѣ купола, явились: хоры, отдѣлявшіе женщинъ, какъ въ синагогахъ, папертъ для оглашенныхъ и внутренняя орнаментовка (колонны, обшивка стѣнъ мраморомъ, мозаикой, золотомъ, цвѣтными камнями). Колонны были коринѳскія, но со множествомъ листьевъ на головкахъ. До 10-го в. въ Константинополѣ строилось много пышныхъ храмовъ, которые по большей части стоятъ и теперь, превращенные въ мечети. Но главнымъ образцомъ византійскаго храма служитъ соборъ св. Софіи (§ 7),—лучшій примѣръ соединенія длинноты базилики съ округляющей силой купола. Здѣсь было 100 мраморныхъ колоннъ, взятыхъ изъ античныхъ храмовъ, 2 этажа, 40 оконъ въ куполѣ; внутри—всюду мозаика, золото, серебро, драгоцѣнные камни. Св. Софія сохранилась въ главномъ; но турки превратили ее въ свою первую мечеть, задѣлавъ известью мозаики и протянувъ по всей церкви арабскую надпись золотомъ по зеленому полю. Снаружи они поставили 4 минарета, мавзолей, школы, хлѣбные магазины, фонтаны. Остальныя искусства византійскаго стиля представляютъ паденіе античнаго вліянія: это—работа грубыхъ монаховъ, стѣсненныхъ строгими предписаніями церкви. Здѣсь раньше всего сказалось вліяніе Востока. Чувство дѣйствительности и наивная, но свѣтлая и задушевная идиллія, красившія искусство катакомбъ (§ 4), замѣнились условностью, мистицизмомъ и величавою казенщиной, причемъ развивался символизмъ до изысканности. Всюду властная слава сіяній и золотыхъ полей, пестрота, рѣзкость красокъ, пышныя одежды. На первый планъ выступила мозаика, притомъ на золотомъ фонѣ. Ваяніе все еще было въ пренебреженіи: то были

работы на слоновой кости съ свѣтскими цѣлями. Въ 8-мъ в. образовательныя искусства были подавлены иконоборствомъ.

§ 25. **Западная культура. Государство и общество.**— Если Востокъ, благодаря исламу и Византіи, достигъ уже значительнаго сплоченія, необходимаго для успѣховъ общежитія, то Западъ представлялъ только стремленіе къ нему. Какъ тамъ эллинизмъ, такъ здѣсь романизмъ служилъ общею связью массы народностей, основою новаго культурнаго типа. Романизація уже проходила красною нитью по ближайшему къ Риму югозападу. Варвары, какъ дѣти, подвергались обаянію маститой Римской имперіи. Они старались подражать ей во всемъ и сначала даже вручали правленіе ея чиновникамъ. Ихъ короли, въ сущности еще родовые старшины племенъ (Д. И. § 262; Р. И. § 2), только избираемые пожизненно, а не на время опасности, какъ герцоги, всячески добивались титула патриція или красной тоги консула: первый дѣйствительный государь среди нихъ, могучій Ѳеодорихъ, ставилъ имя византійскаго императора на своихъ монетахъ. Такой взглядъ сохранялся во всѣ средніе вѣка: только императоръ да папа могли творить королей, которые составляли лишь какъ бы первый государственный чинъ; и наслѣдникъ нѣмецкаго императора именовался „римскимъ королемъ". Варвары ухищрялись прилаживать римскіе законы къ своему обычному праву: главное собраніе этихъ законовъ, которымъ пользовались всѣ короли, а отчасти даже папы, называлось „Римскій законъ вестготовъ" (506) или „Аларихово Сокращеніе" римскаго Свода. Варвары старались говорить по латыни, хотя и коверкая ее; они перенимали и внѣшній видъ, и духъ античности во всемъ, отъ сельскаго хозяйства до искусства и наукъ. Не говоря уже про такіе примѣры, какъ правленіе Ѳеодориха (§ 6), романизаціи подчинились даже суровые лонгобарды и упорные вестготы Кто не поддавался ей, тотъ погибалъ (остготы, вандалы); а кто горячо хватался за нее, тотъ выдвигался на первый планъ. Отсюда великое значеніе франковъ, которому, конечно, помогала и благодатная природа страны. Сливая германцевъ, кельтовъ и галло-римлянъ, они вносили античную культуру въ нѣдра Европы, владѣя разомъ и Галліей, и нѣмецкими землями къ востоку отъ Рейна; благодаря имъ, германцы принимали римскую цивилизацію, а римляне — ихъ крестьянскій и военный бытъ. Оттого, если стремленіе къ сплоченію замѣчалось уже всюду въ истребленіи мелкихъ родовъ и племенныхъ царьковъ да въ такихъ небывалыхъ титулахъ, какъ

„король итальянскій, король Англіи“ (§§ 6, 15), то нигдѣ оно не достигало такихъ успѣховъ, какъ у франковъ. Уже Хлодвигъ жестоко истреблялъ пережитки родоваго быта (§ 13); и если государство снова распалось послѣ него, то майоръ-домы опять ревностно двинули впередъ дѣло сплоченія. Новую династію началъ уже „король франковъ“; и хотя соратники, по обычаю, подняли его на щитъ (Д. И. § 262), но потомъ онъ былъ помазанъ на царство; а это означало, что Богъ, въ лицѣ папы, „благословилъ нѣдра“ его, т.-е. содѣлалъ его наслѣдственнымъ. Это значило также, что и здѣсь, какъ въ Византіи (§ 4), былъ заключенъ союзъ алтаря съ трономъ, столь важный для политическаго сплоченія. Немудрено, что франки подконецъ уже мечтали о міровой монархіи: они собирались идти на Константинополь и подготовляли державу Карла Великаго (§§ 13, 14).

Но стремленіе къ сплоченію встрѣчало на Западѣ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ на Востокѣ. Западъ, едва вышедшій изъ хаоса переселенія народовъ, все еще представлялъ картину смутъ. Съ паденіемъ равенскаго экзархата (§ 8), общей власти римскаго императора уже не существовало: она становилась одною мечтой, которую варварскіе короли пытались только осуществить въ свою пользу. Ее смѣнилъ разгулъ страстей: каждый король старался усилиться насчетъ сосѣдей. Ему содѣйствовали міровыя притязанія папства, которое путало всю политику, вовлекая то ту, то другую силу въ свои интересы. Внутри каждаго изъ юныхъ королевствъ совершалось первобытное броженіе. Вездѣ государственному строю приходилось бороться частью съ племенными различіями, частью съ пережитками родоваго и общиннаго быта, который еще процвѣталъ у саксовъ, фризовъ, въ особенности же у норманновъ и англосаксовъ. Даже во владѣніяхъ франковъ, которыя еще не носили общаго имени Франціи (§ 13), короли не могли подавить могучихъ племенныхъ герцоговъ, которые изъ временныхъ военныхъ вождей становились властителями. Сами Меровинги сбивались на старый ладъ: не умѣя управлять обширнымъ государствомъ, они дѣлили королевство, какъ вотчину, между своими сыновьями, что̀ вело къ удѣльнымъ усобицамъ. Оттого политическое сплоченіе при Пипинѣ Маломъ было искусственно: подготовлялся раздѣлъ, который создалъ французовъ изъ западныхъ франковъ и нѣмцевъ—изъ восточныхъ. Но главнымъ источникомъ смутъ была грубая и алчная знать, какъ свѣтская,

5*

такъ и церковная. Вездѣ высшее сословіе, въ особенности герцоги и епископы, стремились къ наслѣдственности и независимости, даже къ верховной власти, соединяя политическія права съ помѣщичьими привилегіями. Они уже владѣли огромными землями, выставляли въ поле цѣлыя арміи и играли избирательными престолами: кто пытался обуздать ихъ, тотъ погибалъ (§ 12). Особенно свирѣпы и мятежны были вельможи Италіи. То были частью помѣщики, пріобрѣвшіе титулы и права чиновниковъ и слившіеся съ сенаторами (§ 2), частью чиновники, пріобрѣвшіе земли. Всѣ они, въ особенности же главные изъ нихъ, герцоги, устраняли самоправленіе, муниципалитеты, соединяли въ своихъ рукахъ высшую, судебную и полицейскую власти и становились наслѣдственными. Окруженные многочисленною свитой дружинниковъ, они боролись сегодня заодно съ папой противъ лонгобардовъ, завтра — съ лонгобардами противъ папъ, и всюду вносили ужасы вандализма.

Даже у франковъ видимъ хаотическое смѣшеніе римскаго строя съ первобытными порядками германцевъ. Здѣсь двоилось самое населеніе. Австразія была чисто германскою страной, но остальныя области, въ особенности Аквитанія, романизовались: въ нихъ господствовалъ латинскій языкъ, хотя и испорченный; церковь, письменность, школы, промыслы, торговля, гражданское управленіе—все было въ рукахъ галло-римлянъ. Самый романскій языкъ, это зерно французскаго, распадался здѣсь на два нарѣчія: частица „да“ произносилась къ югу отъ Луары *oc*, къ сѣверу — *oïl*: отсюда названіе Аквитаніи — Лангедокъ (langue d'oc). Массы продолжали жить родовымъ бытомъ, съ сельскою общиной, съ сотниками или старшинами, со сходками. У нихъ сохранялись народные суды съ выборнымъ началомъ, съ ордаліями и клятвопомощниками (Д. И. § 262). Здѣсь рѣшали дѣла по обычному праву или по „законамъ варваровъ“ (leges barbarorum, записанные въ 6-мъ в. плохою латынью), во главѣ которыхъ стоялъ „Салическій“ (Д. И. § 273) законъ франковъ. А въ этихъ законахъ господствовалъ первобытный взглядъ на право, какъ на частное дѣло, притомъ охранявшее больше имущество, чѣмъ личность: все сводилось къ „композиціи“ или полюбовной „сдѣлкѣ“. Здѣсь рѣдко встрѣчаются смертная казнь и тѣлесныя наказанія, причемъ, въ воспоминаніе кровомщенія, челобитчикъ превращался въ палача; даже за убійство и увѣчье назначался вергельдъ (wer—мужъ) или вира (Р. И. § 26) въ пользу потерпѣвшаго или его семьи. А рядомъ ясны зачатки

новой политической власти, подъ вліяніемъ Рима. Король франковъ, котораго церковь поддерживаетъ такъ же, какъ въ Византіи, корчитъ изъ себя императора. Его „дворъ“ (palatium, palais) изображаетъ средоточіе жизни. Здѣсь цѣлый, подчиненный майоръ-дому, штатъ: камерарій (казначей), коннетабль или маршалъ (конюшій), сенешалъ или мундшенкъ (виночерпій), референдарій или канцлеръ (глава письмоводства), канцеляристы (писцы) и проч. Подлѣ — куча „гостей“ (convivae) короля или его довѣренныхъ, ближнихъ людей, а также юныхъ пажей изъ знати, наѣзжающихъ графовъ и епископовъ. Важные „пфальцграфы“ завѣдуютъ дворцами (пфальцами) и гражданскимъ управленіемъ по провинціямъ, а „герцоги“ — военною частью. Имъ подчиняются „графы“, правители волостей (pagus), которые собираютъ дани и исполняютъ приговоры народныхъ судей, но главныя дѣла вносятъ на рѣшеніе вѣча. Но король казался императоромъ только для галло-римлянъ: въ глазахъ франковъ онъ былъ все еще вождемъ дружины, первымъ среди равныхъ или „перовъ“. Однажды, при раздѣлѣ военной добычи, дорогой церковный сосудъ достался, по жребію, одному дружиннику; Хлодвигу хотѣлось взять его себѣ, но франкъ разбилъ его мечемъ — и король не могъ наказать ослушника. Короли сами смотрѣли на государство, какъ на вотчину, и понимали только личную, договорную связь съ подданными. Они старались привязать къ себѣ дружинниковъ личными выгодами и соблюденіемъ ихъ первобытнаго равноправія. Изъ „гостей“ они составили свой постоянный совѣтъ (consistorium regis), другимъ раздавали должности графовъ и герцоговъ; всѣхъ дружинниковъ созывали рѣшать государственные вопросы на сеймъ или „мартовское (потомъ майское) поле“, которое было вмѣстѣ и церковнымъ соборомъ.

Но важнѣе всего было пожалованіе служилыхъ людей помѣстьями. Дружинники сначала владѣли только „аллодами“ (Д. И. § 262) или „всею“ собственностью (all—все, од—владѣніе), т.-е. независимыми и наслѣдственными участками завоеванной земли или вотчинами (Р. И. § 10). Но, съ ихъ распложеніемъ, имъ не хватало этого на пропитаніе, а имущество короля росло вмѣстѣ съ завоеваніями: ему доставались общественныя земли (ager publicus) и дани (fiscus); онъ отбиралъ участки у непокорныхъ дружинниковъ, въ особенности же у богатыхъ епископовъ и монастырей. И вотъ, короли, особенно съ Карла Мартела (§ 14), стали раздавать лишнія казенныя и церковныя

земли самымъ преданнымъ изъ дружинниковъ во временное пользованіе, въ видѣ бенефиціевъ (§ 5), которые назывались погермански ленами или „займами". Ленъ—помѣстье, которое давалось ленною или жалованною грамотой, передъ леннымъ судомъ, состоявшимъ изъ ленниковъ и ихъ господина. Пожалованный помѣстьемъ „ленникъ" (Lehnsmann)—служилый человѣкъ (Р. И. § 99), который обязывался или защищать своего „леннаго господина" (Lehnsherr), выходя въ поле конно, людно и оружно (Р. И. § 98), или платить ему аренду, или же служить у него при дворѣ; въ случаѣ нерадѣнія или измѣны, у него отнимался ленъ. Вскорѣ король сталъ жаловать и государственныя должности, какъ лены. При Меровингахъ раздачей леновъ завѣдовали майоръ-домы, что особенно содѣйствовало ихъ возвышенію. Но этимъ путемъ подготовлялась аристократія, тѣмъ болѣе опасная, что, вмѣсто государственныхъ интересовъ, въ ней господствовали личныя, частныя отношенія. Знать уже начинала играть короной и даже ограничивать ея власть хартіями, а главное, она стремилась къ наслѣдственности всякихъ леновъ. Въ особенности становились царьками герцоги аквитанскіе, баварскіе, аллеманскіе и тюрингенскіе. Церковные владыки, быстро обогащавшіеся отъ доброхотныхъ даяній толпы, старались подражать имъ. Это тяжело отражалось на низшихъ классахъ. Цѣна ихъ была невысока: между тѣмъ какъ за оскорбленіе ленника полагалось 600 солидовъ виры, а за свободнаго — 200, за крѣпостного платили только 100 солидовъ (около 3 р.). Рабы (servi, франц. esclaves, нѣм. Sklaven) ничего не стоили: они причислялись къ „орудіямъ производства", наравнѣ со скотомъ. Ими кишѣла Галлія, эта страна крупныхъ помѣщиковъ: особенно много было дворовыхъ или „вассовъ". Но церковь боролась съ этимъ зломъ: она выкупала рабовъ и давала убѣжище бѣглымъ. Наряду съ рабствомъ, зарождалось крѣпостничество, такъ какъ развивался патронатъ (§ 2) или закладничество (Р. И. § 100), въ видѣ рекомендаціи, т.-е. препорученія себя: слабый человѣкъ становился подъ защиту сильнаго, испросивъ у него „пищу и одежду" и пообѣщавъ ему за это свою „свободную службу". Нерѣдко въ такую зависимость становился мелкій владѣлецъ, который считалъ выгоднымъ уступить свою землицу знатному лицу, а чаще всего церкви, чтобы получить ее обратно, какъ бенефицій: говорилось—„взять аллодъ въ ленъ". Истинно свободнымъ уже считался только тотъ, у кого была аллодіальная земля, а такихъ становилось мало.

§ 26. **Церковь.** — Кромѣ романизаціи (§ 25), созданію новаго культурнаго типа на Западѣ содѣйствовало католичество. Оно уже пріобрѣтало такую силу, что болѣе помогало идельному сплоченію на Западѣ, чѣмъ греческое православіе на Востокѣ. Къ концу періода всѣ германцы-аріане перешли въ католичество и многіе язычники внутри Германіи стали христіанами. Особенно горячими поклонниками Спасителя оказались кельты и англосаксы Британіи. Здѣсь начало христіанства относится къ 3-му в. Бриты до того увлекались имъ, что уже около 450 г. горячо стояли за кельтскаго іересіарха Пелагія (§ 4). Правда, христіанство было подавлено язычниками-англосаксами; но оно укрылось въ уединенной Ирландіи, которая стала „Островомъ Святыхъ", когда ея апостолъ, св. Патрикъ, при нашествіи англосаксовъ, началъ ревностно распространять и новую религію, и классическое просвѣщеніе. Среди безконечныхъ луговъ этого Зеленаго Острова, по угрюмымъ горнымъ озерамъ Шотландіи, въ туманныхъ ущельяхъ Уэльса, на кучѣ уединенныхъ островковъ, быстро возникло множество мирныхъ обителей, во главѣ которыхъ красовался уэльскій Бангоръ, гдѣ спасалось болѣе 2.000 иноковъ. Въ этихъ деревянныхъ избушкахъ жили поапостольски: монахи женились, работали, одѣвались, какъ въ міру, крестили уже взрослыхъ на открытомъ воздухѣ, не имѣли ничего въ церковкахъ, кромѣ креста, и признавали одно Евангеліе, отвергая отцовъ церкви и римскую іерархію. Здѣсь совершались чудеса, являлись видѣнія отшельникамъ, изможденнымъ отъ поста и молитвъ. Отсюда выходили миссіонеры, съ крестомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами, отыскивая самыя глухія трущобы для благовѣствованія.

Они-то одолѣли, наконецъ, упорное язычество англосаксовъ, и прежде всего на сѣверѣ, у устьевъ Твида, гдѣ уже ок. 600 г. (§ 15) возникла митрополія британской церкви — монастырь Линдисфарнъ, на „Св. Островѣ". Лѣтъ 50 спустя, эта церковь выставила героя: то былъ пастухъ Кутбертъ, который, послѣ многихъ видѣній, сталъ проповѣдовать въ самыхъ дикихъ мѣстахъ и заслужилъ названіе „апостола сѣверной Англіи и южной Шотландіи"; потомъ онъ былъ епископомъ Линдисфарна и умеръ тамъ въ пещерѣ. Уже тогда Англія стала католическою страной, особенно благодаря своимъ королевамъ. Но такъ какъ британскіе острова были удалены отъ Рима и приняли христіанство еще до развитія папства, то нигдѣ церковь не была столь національна, независима, какъ здѣсь. Она долго не признавала

никакой главы, кромѣ своихъ королей, которые назначали епископовъ, созывали синоды и не принимали римскихъ каноновъ; языкъ у нея былъ не латинскій, а мѣстный; ея сыны ненавидѣли папистовъ, даже не ѣли изъ одной посуды съ ними. Папство не могло снести этого. Уже ок. 600 г. Григорій I послалъ туда монаха Августина. Онъ крестилъ одного изъ королей южной Англіи и основалъ кентерберійское архіепископство, которое выдвигалось, по мѣрѣ усиленія южныхъ королевствъ, какъ средоточіе римскаго вліянія. Около 700 г. присланный папою въ Кентербери грекъ Ѳедоръ придалъ англійской церкви римскій строй, съ помощію королей, принимавшихъ христіанство уже отъ папскихъ миссіонеровъ. Онъ ввелъ національные синоды, римскіе каноны и учредилъ „приходы": до него были только странствующіе проповѣдники, которые служили обѣдни у подножія креста, воздвигаемаго въ поселкахъ. Папство вносило также сюда романизацію и помогало англосаксамъ подавлять бритовъ и объединяться. И англосаксы превратились въ горячихъ папистовъ: владыки стали у нихъ руководителями королей; ихъ паломники кишѣли въ Римѣ, гдѣ умирали и многіе изъ нихъ королей, а другіе принимали схиму подъ старость; ихъ проповѣдники ѣздили въ Римъ за наказами и приносили присягу папѣ, какъ императору.

Изъ британскихъ обителей выходили, въ 600—800 гг., главные миссіонеры на материкѣ—эти неутомимые и безстрашные Фридолины, Колумбаны, Галлы, Киліаны, Виллиброды. Они крестили аллемановъ, баварцевъ, гессенцевъ, тюринговъ, фризовъ и всюду сооружали церкви и обители, во главѣ которыхъ стояли С. Галленъ и Фульда. Важнѣе всѣхъ былъ „апостолъ Германіи", Бонифацій (§ 10), знатный англосаксъ, крестившій язычниковъ между Рейномъ и Эльбой (700—750). Нетерпимый и малообразованный монахъ, угождавшій папамъ и франкскимъ королямъ, но безстрашный, неутомимый и преданный церковной идеѣ до самозабвенія, онъ безсознательно содѣйствовалъ величію Каролинговъ и Рима, куда часто ѣздилъ за наказами и средствами. Бонифацій вѣчно носился по Германіи, сваливая Ирминсули (§ 5), устраивая монастыри, даже женскіе, семинаріи, церкви и приходы, созывая синоды, основывая епископства (Вормсъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ, Зальцбургъ, Базель, Страсбургъ, Кёльнъ и др.). Труднѣе всего было вполнѣ подчинить Германію папству: тамъ туземцы не менѣе, чѣмъ въ

Англіи и Галліи, желали имѣть національную церковь. Но Бонифацію удалось и это, съ помощію Каролинговъ, которымъ онъ помогъ, въ свою очередь, сдѣлать то же съ галльскою церковью. Но неугомонный апостолъ искалъ вѣнца мученичества: онъ опять пошелъ къ свирѣпымъ фризамъ, безъ охраны, и тамъ сложилъ свою голову.

Къ британскимъ монахамъ присоединялись материковые. Тогда монашество достигло на Западѣ значительнаго развитія, особенно благодаря Григорію I (§ 10). Здѣсь основателемъ его былъ родственникъ этого папы, описавшаго его жизнь, богатый итальянецъ Бенедиктъ, который до того былъ пораженъ развратомъ вѣка, что съ отрочества ушелъ въ пещеру, а затѣмъ устроилъ обитель въ Монте-Кассино, близъ Неаполя (529). По уставу бенедиктинскаго ордена, монахи, послѣ годичнаго новиціата или искуса, давали обѣтъ послушанія, бѣдности и цѣломудрія, а главное — труда во всѣхъ видахъ. Этотъ уставъ быстро распространился по всему Западу. С. Галленъ и Фульда были дѣтьми Монте-Кассина. А впослѣдствіи бенедиктинскій орденъ далъ 24 папъ, 200 кардиналовъ, 5.600 владыкъ, 5.000 святыхъ, 15.700 писателей. Въ бенедиктинцахъ воплотился практическій, жизненный духъ западнаго монашества, отличавшій его отъ восточнаго созерцанія и безплодной мечтательности: когда въ Трирѣ проявился свой Столпникъ (Д. И. § 277), епископъ сломалъ его столпъ. Въ Европѣ монахи занимались не однимъ спасеніемъ души, но и добрыми дѣлами—сначала черною работой, потомъ науками и искусствами. То были благодѣтели человѣчества и дровосѣки цивилизаціи. Они заселяли пустыни, осушали болота, выкорчевывали лѣса, причемъ иногда, пока подымутъ почву, питались кореньями и дикими плодами. Они крестили язычниковъ, которые осѣдались вокругъ ихъ центровъ образованности и смягчались душой. Они занимались списываніемъ классиковъ, изданіемъ учебниковъ, живописью, зодчествомъ, а также боролись съ рабствомъ, то выкупая невольниковъ, то пользуясь правомъ убѣжища (Д. И. § 277). Лишь подконецъ монастыри стали принимать даянія и богатѣть, что̀ грозило подорвать ихъ нравственную силу.

Монашество играло еще политическую роль, какъ часть духовенства. Вслѣдствіе союза алтаря съ трономъ (§§ 4, 14), церковь уже сливалась съ государствомъ: быть внѣ церкви значило быть внѣ общества; отлученный лишался имущества. Вотъ почему духовенство становилось и слугою, и руководителемъ го-

сударства. Короли распоряжались и церковными имѣніями, и избраніемъ владыкъ, которымъ еще пользовались для виду народъ и клиръ; они созывали соборы и утверждали ихъ рѣшенія, нерѣдко даже судили іерарховъ. А духовенство, и въ особенности высшее, вело, прямо или косвенно, большинство политическихъ дѣлъ. Папство играло подобную же роль. Оно заискивало у королей, какъ прежде у императоровъ (§ 10): Стефанъ II явился къ Пипину Малому въ сермягѣ, съ посыпанною пепломъ головой, и на колѣнахъ просилъ его помочь противъ лонгобардовъ. Но Пипинъ послалъ своего сына, 11-лѣтняго Карла, за 10 миль навстрѣчу Стефану, а самъ встрѣтилъ св. отца за 3 мили отъ своей виллы, сошелъ съ коня, палъ ницъ и повелъ его лошадь подъ уздцы, какъ конюхъ. Папѣ было плохо только у себя дома отъ поползновеній лонгобардскихъ королей и отъ своеволія окрестныхъ герцоговъ: оттого онъ и лавировалъ между разными иностранцами, не допуская только никого изъ нихъ объединить Италію. Да и здѣсь онъ уже не только сталъ первымъ собственникомъ и добился независимости отъ императора, но самъ сдѣлался свѣтскимъ государемъ (§ 10). При этомъ у него былъ сочиненъ ложный документъ — „Даръ Константина": якобы Константинъ, послѣ своего крещенія, уступилъ папѣ Сильвестру, какъ дворецъ и знаки своего достоинства, не исключая скипетра, такъ и „города Италіи и Запада", возвѣщая, что престолъ св. Петра „долженъ возвышаться превыше земного трона". А духовная власть папы была уже признана по всему Западу: кто не подчинялся ей, тотъ погибалъ, хотя бы и сливался съ римлянами, какъ бургунды (§ 12). При религіозномъ настроеніи времени, при необходимости идеальнаго сплоченія, это означало, что намѣстнику св. Петра уже была уготована самая блестящая будущность на землѣ.

§ 27. **Понятія.** — Среди полудикихъ варваровъ, въ вихрѣ переселеній и завоеваній, истреблявшихъ античную культуру, Западъ представлялъ картину невѣжества, душевнаго запустѣнія. Новые народы были дѣтьми въ умственномъ отношеніи. У нихъ еще были живы понятія родоваго быта, мѣшавшія развитію личности: отецъ семейства сохранялъ первобытную власть надъ всѣмъ, кромѣ жизни своихъ домочадцевъ. Ихъ языки были такъ бѣдны, что приходилось принимать много римскихъ словъ для новыхъ понятій: отсюда возникновеніе романскихъ нарѣ-

чій и германскіе законы на латинскомъ языкѣ. Но плоха была самая латынь, которая поневолѣ становилась, наряду съ католичествомъ, общею культурною связью для массы различныхъ племенъ: даже папы писали „варварскою“ латынью. Свѣтское духовенство вообще было еле грамотно: отъ пастыря требовалось только знаніе „Вѣрую“, „Отче“ да обѣдни. Немудрено, что самое христіанство понималось лишь внѣшнимъ образомъ, причемъ іерархи раздѣляли многія языческія суевѣрія. Въ судахъ господствовали ордаліи (Д. И. § 262). Папа, когда ему приходилось плохо отъ лонгобардовъ, посылалъ въ Парижъ „собственноручныя“ письма ап. Петра съ просьбой о помощи и сочинялъ чародѣйскія заклинанія, расторгая бракъ сыновей Пипина Малаго съ лонгобардскими королевнами, а лонгобардамъ устроилъ корону изъ гвоздя Господня, чѣмъ и увлекъ ихъ королеву (§ 9). Онъ разсылалъ также золотые ключи св. Петра съ опилками отъ его цѣпи и крестики со стружками отъ Креста Господня, а также масло изъ лампадокъ передъ гробами мучениковъ. А у себя дома св. отецъ заклиналъ разлитіе Тибра крестными ходами и трепеталъ при лунномъ затменіи, замѣчая, какъ мѣсяцъ „показывалъ страданія на своемъ окровавленномъ лицѣ“. Освящая аріанскую церковь, Григорій I самъ видѣлъ, какъ дьяволъ „невидимо, но ощутительно“ выскочилъ въ видѣ свиньи. Церковь вообще поддерживала вѣру въ дьявола, перешедшую изъ Персіи черезъ манихеевъ (Д. И. § 277), только считала его твореніемъ Божіимъ, тогда какъ манихеи видѣли въ немъ самобытное Зло, рожденное отъ Хаоса. Дьявола изображали чернымъ человѣкомъ и вѣрили въ „черную магію“ (бѣлую производили отъ Бога), также какъ въ бѣсноватыхъ: на одномъ синодѣ 8-го в. выработали „экзорцизмъ“—заклинаніе противъ чорта при крещеніи, которымъ занимались особые монахи-экзорцисты.

Этотъ матеріалистическій взглядъ на религію, послужившій одною изъ основъ величія Григорія I (§ 10), укоренялся съ паденіемъ аріанства и иконоборства и по мѣрѣ забвенія классическихъ преданій. И уже при Григоріи, который истреблялъ перлы античной культуры, императорскій, языческій Римъ явно превращался въ папскій: префектъ города подчинялся св. отцу; дьяконы управляли кварталами; рабочіе, какъ кліенты церкви, трудились надъ превращеніемъ базиликъ въ храмы, гробница св. Петра была въ большей чести, чѣмъ Капитолій; и архангелъ Михаилъ вознесся на мавзолеѣ Гадріана. Повсюду соверша-

лись чудеса, представлялись видѣнія, воскресали мертвые. Въ пламени вулкановъ, въ парахъ горячихъ ключей замѣчали души грѣшниковъ. Особенно кишѣли эти таинственныя явленія въ такихъ далекихъ отъ центровъ цивилизаціи трущобахъ, какъ Островъ Святыхъ, гдѣ, при св. Патрикѣ, сложился цѣлый кругъ сказаній, которыя Дантъ обезсмертилъ въ „Божественной Комедіи". Освинъ, король Нортумбріи (§ 15), склонился къ христіанству по такому соображенію: „Петру вручены ключи отъ рая; боюсь, какъ бы онъ не показалъ мнѣ спину, когда приду туда, и некому будетъ отворить ворота". А герцогъ фризовъ, Ратбодъ, выскочилъ изъ купели, услыхавъ, что его предки, съ которыми онъ не хотѣлъ разлучаться, жарятся въ аду. Такой взглядъ приводилъ къ омраченію души и къ нетерпимости. Измученные чертовщиной и тайнами, люди, окруженные бѣдствіями усобицъ, предавались всюду томленью, ожидая кончины міра: оно глодало даже душу рьянаго практика, Григорія I, и придавало ему обаяніе, какъ своему міровому воплощенію. Еретиковъ угнетали до того, что они призывали арабовъ, какъ спасителей. Григорій турскій, признававшійся въ незнаніи грамматики, требовалъ „безпощаднаго истребленія" аріанъ. Евреи были преданы на судъ духовенству. Вестготы пригоняли ихъ къ крещенію бичами, отнимали у нихъ дѣтей и имѣнія, запрещали имъ торговать, продавали ихъ въ рабство, разбивая семьи, а крещеныхъ ссылали въ ущелья Пиренеевъ.

§ 28. **Нравы.**—Нравы соотвѣтствовали понятіямъ. Первобытное варварство соединялось съ пороками античной жизни. Всюду господствовали жестокость, чувственность и алчность, а у германцевъ прибавилась еще лживость, въ видѣ коварства, вѣроломства и лицемѣрія, такъ какъ сами они признавали высшею добродѣтелью храбрость, богатырство, а церковь проповѣдовала смиреніе и отвращеніе къ крови. Григорій турскій такъ хвалитъ одного короля: „это былъ добродѣтельный человѣкъ, только всегда готовый на клятвопреступленіе". Самыми дикими нравами отличались англосаксы, вѣчно боровшіеся съ бритами, фризы, саксонцы, да разбойники-норманны, сами искавшіе смерти. Но и въ самомъ Римѣ свирѣпствовало рабство: тамъ продавали англичанъ, а римлянъ водили по рынкамъ Галліи, съ веревками на шеяхъ. У самыхъ мягкихъ изъ варваровъ, бургундовъ, Гондебадъ (§ 12) перебилъ собственныхъ братьевъ. У наиболѣе цивилизованныхъ, франковъ, короли имѣли много женъ и наложницъ. Нигдѣ не было такихъ жестокостей, какъ

расправа Хлодвига съ родней или борьба Брунегильды съ Фредегондой (§ 13); и народная пѣсня воспѣвала эти дѣла, а Григорій турскій называлъ ихъ „милостію Божіей". Меровинги перебили до 10.000 болгаръ, которые бѣжали отъ аваровъ и пришли въ Баварію, прося у нихъ убѣжища. Они грабили собственныхъ дружинниковъ и церковь, сѣкли владыкъ и святыхъ, выкалывали имъ глаза, урѣзывали языки и губы. А ленники губили народъ, наѣзжая въ свои бенефиціи съ своими женами, воинами и собаками. Владыки же чаще являлись во всеоружіи на конѣ, чѣмъ въ облаченіи въ церкви. Они требовали отъ паствы только соблюденія обрядностей да денегъ, причемъ не брезгали и „воровскимъ благословеніемъ", или взносами разбойниковъ; они особенно заботились объ умноженіи мощей, которыя приносили наилучшій доходъ. Само папство обмірщилось до того, что уже интриговало по всей Европѣ и стало церковнымъ государствомъ: и какой путь нравственнаго паденія прошло оно отъ Евангелія до дара Константина! А рядомъ церковь уподоблялась варварамъ въ жестокостяхъ ради соблюденія „чистоты" вѣры, причемъ аріане и иконоборцы отвѣчали ей тѣмъ же фанатизмомъ. Женщина, правда, сохраняла свободу и почетъ: за обиду ей строго наказывали; женихъ покупалъ невѣсту; королева короновалась и возсѣдала на тронѣ рядомъ съ королемъ. Но все-таки она считалась низшимъ созданіемъ: салическій законъ запрещалъ ей владѣть землей. И, вращаясь въ грубомъ обществѣ, она сама отличалась непристойностью поведенія, манеръ и рѣчей.

Но уже проглядывало смягчающее вліяніе христіанства. Оно вливало въ грубыя души насильниковъ благоговѣніе къ идеалу кротости и даже любовь къ созерцательной жизни: всѣмъ, не исключая королей и владыкъ, монашество казалось лучшимъ удѣломъ. Чернецы тогда подымали нравственность. Среди нихъ встрѣчалось не мало такихъ героевъ идеализма, какъ британскіе проповѣдники. Грубоватые аскеты, они были деспотами, но для себя столько же, сколько и для другихъ. Они громили грѣхи передъ лицомъ и королей, и дикарей; они смѣло распространяли божественный огонь, не боясь пожара. При Бонифаціи, въ Германіи и Галліи отставляли порочныхъ поповъ, запрещали клиру носить оружіе и даже охотиться; иноку полагалось 200 плетей за одинъ разговоръ съ женщиной. И монастыри служили убѣжищемъ мира, охраной бѣдныхъ и обиженныхъ: ихъ обходили съ благоговѣніемъ кровожадныя войска и шайки раз-

бойниковъ. А короли склонялись передъ обличителями въ схимѣ, повинуясь просыпающейся совѣсти. Королевы же всюду первыя пролагали путь христіанству и даже брались за классицизмъ: въ глуши Линдисфарна (§ 26) прославилась ученая царевна Гильда, промѣнявшая королевскую мантію на схиму. Женщины вообще просвѣтлялись, подымаемыя милосердіемъ религіи, которая спасала плоды ихъ грѣховъ: въ 7-мъ в. миланскій владыка учредилъ первый пріютъ для подкидышей или воспитательный домъ.

§ 29. **Просвѣщеніе. Литература.** — Христіанству помогали уцѣлѣвшіе слѣды античнаго просвѣщенія или классицизма. Цивилизація сосредоточивалась именно тамъ, гдѣ было больше романизаціи—прежде всего, конечно, въ Италіи, затѣмъ въ Галліи и Британіи. Главнымъ свѣточемъ была сѣверная Италія, гдѣ легко было доставать списки классиковъ. Здѣсь даже королевы покровительствовали просвѣщенію. При Θеодорихѣ жилъ послѣдній, и одинъ изъ лучшихъ, латинскій писатель, Боэцій. Во всѣ средніе вѣка учились по его руководствамъ и съ жадностью читали его предсмертное „Утѣшеніе въ философіи", которое было переведено на всѣ языки и снискало автору названіе „св. мученика". Подобно Боэцію, знатный римлянинъ, Кассіодоръ, оставилъ любопытныя письма, да еще „Церковную исторію". По смерти Θеодориха, онъ удалился въ имъ же построенный монастырь, оплакивая своего любимаго короля и смерть своихъ друзей, Боэція и Симмаха (§ 6). На Британскихъ островахъ уже въ 5-мъ в. укрылся гонимый на материкѣ варварами классицизмъ, отчасти благодаря друидамъ, которые занесли его въ Ирландію изъ Галліи, гдѣ они, ставши христіанами, увлеклись мистикой Платона и, наряду съ латынью, положили греческій языкъ въ основаніе своихъ школъ. Затѣмъ явились такіе ревнители просвѣщенія, какъ Патрикъ, Августинъ, Θедоръ (§ 26),—и въ Британіи блеснула классическая культура, погасавшая на материкѣ. Народились коренастыя натуры неутомимыхъ ученыхъ, которые были и собственными писцами, и собирателями рукописей, и писателями, и педагогами. Возникли школы, гдѣ читали классиковъ и даже говорили по-гречески, съ наслажденіемъ новичковъ въ дѣлѣ; а латынь стала церковнымъ и литературнымъ языкомъ, на которомъ уже записывали сборники обычнаго права Англіи. Въ то же время англосаксы любили ѣздить въ Римъ, гдѣ была даже „саксонская школа": они привозили оттуда не однѣ святыни, но также рукописи, пѣвчихъ, мастеровъ. И уже Нортумбрія становилась

очагомъ европейской образованности. Въ ея школы, особенно въ Іоркѣ, стремились ученики съ материка. Ея монахъ, Беда Почтенный (ок. 700), сталъ отцомъ новой науки и воспитанія: „я всю жизнь провелъ въ одномъ и томъ же монастырѣ: моей отрадой всегда было учиться, учить да писать; я былъ собственнымъ писцомъ и библіотекаремъ", говоритъ онъ. Беда зналъ многихъ классиковъ, въ особенности Виргилія, Платона и Аристотеля; онъ обучалъ 600 монаховъ и оставилъ 45 сочиненій, которыя долго были учебниками по всѣмъ отраслямъ знанія. Особенно славилась его „Церковная исторія": это — прекрасная латынь и живое начало средневѣковой исторіографіи. Беда умеръ, диктуя переводъ Евангелія на англійскій языкъ своимъ рыдающимъ ученикамъ. Ученые монахи Британіи разносили образованность и на материкѣ: С. Галленъ и Фульда вскорѣ стали, въ свою очередь, очагами средневѣковаго просвѣщенія. У франковъ церковь также хранила слѣды классицизма и даже отчасти эллинизма. Духовенство не только составляло житія святыхъ и лѣтописи, но и поэтизировало. Важнѣе всѣхъ епископъ Григорій турскій, современникъ Брунегильды, написавшій „Исторію франковъ"; его трудъ простъ, наивенъ и переполненъ народными сказаніями. Даже въ Испаніи прославился ученостью епископъ севильскій Исидоръ: его „Этимологія"—энциклопедія знаній эпохи (ок. 600), его „Хроника" и „Исторія готовъ"—хорошій источникъ свѣдѣній. Исидоръ первый заговорилъ въ пользу „варваровъ", которыхъ презирали сами германскіе лѣтописцы, увлеченные классицизмомъ.

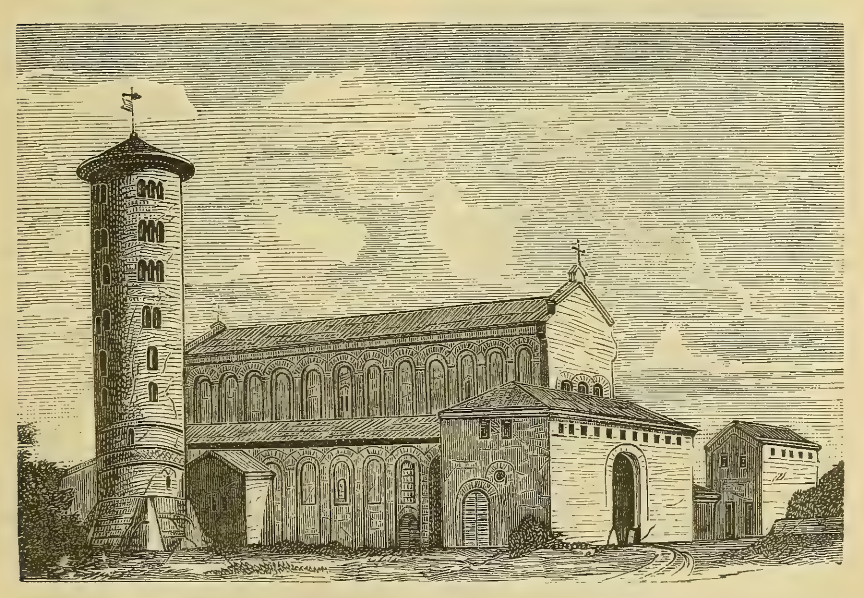
Античное, свѣтское вліяніе сохранялось не въ одной литературѣ. Не говоря уже о государствѣ (§ 25), сама церковь не была чужда ему. Папство опиралось на римское право и было еще какъ бы вассаломъ свѣтской власти (франковъ). Христіанская догма также еще не была строга, и она пользовалась идеализмомъ Платона да діалектикой Аристотеля, котораго Боэцій перевелъ на латинскій языкъ. Основой обученія были латынь и античныя „семь свободныхъ искусствъ" или „тройка, trivium" (грамматика, риторика, философія) и „четверка, quadrivium" (геометрія, музыка, ариѳметика, астрономія). Античный реализмъ (Д. И. § 171) еще не былъ подавленъ церковнымъ идеализмомъ. Духовенство не вполнѣ раздѣляло взглядъ блаж. Августина на предопредѣленіе (§ 4): оно разсуждало о чудесахъ и обрядахъ въ то время, какъ въ Византіи господствовало иконоборство; кто, согласно Платону, вѣрилъ въ пересе-

леніе душъ, кто считалъ душу тонкимъ, прозрачнымъ тѣломъ. Было много ересей съ классическими воспоминаніями, примыкавшими особенно къ Аристотелю. Церковь еще сдерживала свой фанатизмъ: она даже вовсе не преслѣдовала за колдовство, т.-е., подобно древнимъ, не считала вѣру въ дьявола оскорбленіемъ божества. Человѣкъ еще жилъ реально, хотя очень грубою жизнью. Въ нравахъ еще не было аскетизма: сами монастыры играли роль не пустынь, а очаговъ общежитія, живого дѣла и античнаго просвѣщенія. Оттого ихъ такъ любили: Галлъ забрался въ самую трущобу горъ, у Констанцскаго озера, а немного лѣтъ спустя, тутъ образовался шумный монастырь съ кипучей жизнью. И въ церковной поэзіи легендъ и чудесъ еще сверкала струя свѣтскаго чувства и природы. Въ Англіи, при Кутбертѣ (§ 26), его земляку, пастуху Цедмону, Богъ велѣлъ пѣть, явившись во снѣ: крѣпкая, жизнерадостная натура, Цедмонъ принялъ схиму; но онъ сталъ посѣщать божественную Гильду (§ 28), которая переводила ему Библію, а онъ перелагалъ ее страстнымъ складомъ пиратскихъ пѣсенъ англосаксовъ.

И то были лишь зачатки христіанской поэзіи; господство же принадлежало поэзіи народной. Тутъ еще полною силой жила языческая душа варвара. У англосаксовъ и у норманновъ процвѣтала богатая, могучая и мрачная, какъ первобытный боръ, разбойничья поэзія волшебныхъ сагъ и богатырскихъ пѣсенъ. Скальды (§ 15) воспѣвали чудовищные подвиги берсеркеровъ, великана Лодброка, Дятла-Беовульфа и др. Съ ними соперничали еще невымершіе барды бритовъ, которые славили заунывными стихами, съ звонкою риѳмой, перешедшею на материкъ, сказочныя дѣянія Оссіана, воскресшаго для борьбы съ св. Патрикомъ (Д. И. § 261), въ особенности же героя кельтизма, Артура (§ 15), котораго потомъ всюду почитали создателемъ волшебной рати Рыцарей Круглаго Стола. А на материкѣ процвѣтала та народная поэзія, которую сохранили намъ германскіе переселенцы въ Исландіи, гдѣ христіанство появилось позже; да и тогда сами туземные священники обращались въ скальдовъ и даже записывали сказки латинскимъ письмомъ, смѣнившимъ руны (§ 15). Германская поэзія отличалась языческими воспоминаніями, воинственностью и „аллитераціей" (многія слова начинались съ одинаковой буквы, что̀ и теперь замѣтно въ пословицахъ и прибауткахъ). Она даже развилась, подъ вліяніемъ кровавыхъ драмъ эпохи передвиженія племенъ и установленія новыхъ государствъ. Вмѣсто грубыхъ и краткихъ

боевыхъ пѣсенъ временъ Тацита, которыя выкрикивали германцы, поднося щитъ ко рту для звонкости, явились обширные круги сказокъ, въ которыхъ слилась поэзія отдѣльныхъ племенъ, примыкая частью къ миѳологіи, частью къ историческимъ событіямъ. Тутъ особенно прославились южные германцы, и именно готы, рано столкнувшіеся съ римлянами: важны саги о Дитрихѣ бернскомъ (Ѳеодорихѣ) и объ Эрманрихѣ, которые поставлены въ связь съ гуннами и римлянами. Въ сѣверной (нидерландской) поэзіи важенъ сказочный кругъ о Зигфридѣ, связанномъ съ кровавою драмой меровингскаго дома (§ 13). Интересенъ также кругъ сагъ бургундскихъ — о королѣ Гунтерѣ и Эцелѣ (Аттилѣ).

§ 30. **Искусство. Внѣшній бытъ.**—Античное вліяніе наглядно сказывалось также въ искусствѣ. На Западѣ все еще

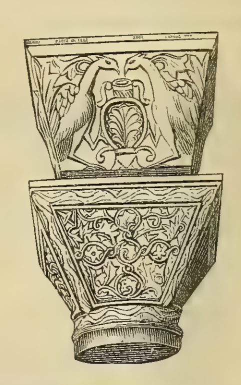
Храмъ св. Аполлинарія въ Классѣ. Около 500 г.

господствовалъ древне-христіанскій или общій стиль, лишенный національныхъ чертъ (Д. И. § 285). Но онъ уже сильно подчинялся вытекшему изъ него же византизму. Византійскій стиль (§§ 7, 24), съ его духомъ величія и соразмѣрности частей, но съ паденіемъ классической красоты, особенно въ изобразительныхъ искусствахъ, отразился въ наибольшей чистотѣ и изобиліи въ тѣхъ частяхъ Италіи, которыми владѣли греки не-

посредственно, и именно въ Равеннѣ, хотя и здѣсь онъ подвергался своеобразнымъ измѣненіямъ. Хорошимъ образчикомъ его служитъ храмъ св. Аполлинарія въ Классѣ, шумномъ портѣ Равенны, отъ котораго не осталось и слѣда. Этотъ благороднѣйшій памятникъ экзархата представляетъ типъ древней базилики (Д. И. § 285), только съ закрытымъ преддверіемъ и съ башней-колокольней; его оживляютъ плоскія аркады и карнизы изъ кирпичиковъ. Наиболѣе своеобразія видно въ капителяхъ, по сравненію съ храмами Византіи. Наиболѣе же подражанія Византіи, а также упадка, замѣтно въ живописи, ваяніи и особенно въ мозаикѣ: послѣдняя изобразила, въ церкви св. Виталія, самого Юстиніана I съ Ѳеодорой. Статуя Хлодвига (§ 13) даетъ понятіе и о вліяніи античнаго ваянія въ 6-мъ в., и объ

Капитель св. Софіи въ Константинополѣ. Около 550 г.

Капитель св. Виталія въ Равеннѣ. Около 550 г.

его упадкѣ. Чеканка монетъ у варваровъ была обыкновенно римская, а если они дѣлали сами, то очень грубо, какъ доказываетъ примѣръ вестготовъ (§ 12). Музыка только-что начинала развиваться, въ видѣ церковнаго пѣнія (§ 10), которое впрочемъ еще было речитативомъ, мало отличавшимся отъ разговора; и въ основѣ его лежали частью еврейскіе напѣвы, частью труды послѣднихъ античныхъ слагателей, „каменная библіотечка“ которыхъ недавно найдена въ Дельфахъ.

Внѣшній бытъ отличался удобствами и нѣкоторымъ изяществомъ чисто-римскаго характера только на виллахъ знати да въ городахъ, куда наиболѣе проникла романизація. А по деревнямъ и въ глуши господствовали первобытная грязь, бѣдность и дикость, поддерживаемыя разбоями и усобицами. То же должно сказать о способахъ обработки земли и о самыхъ не-

обходимыхъ ремеслахъ. Но всюду, даже въ глубинѣ Германіи, кипѣла бодрая работа крѣпкихъ людей: вездѣ истреблялись понемногу лѣса и дикіе звѣри, разводились пашни, сады и даже виноградники. Быстро росли города, всюду разсѣянные, какъ очаги, и по большей части вокругъ дѣятельныхъ монастырей, которые были земледѣльческими и промысловыми колоніями, работавшими общиной. Особенное рвеніе оказывали англосаксы: сначала они занимались преимущественно охотой да свиноводствомъ и, какъ великіе постники, ловили рыбу вплоть до Исландіи; затѣмъ стали разводить овецъ, коней, пчелъ, даже пробовать винодѣліе. Ихъ города начинали богатѣть, а Лондонъ становился средоточіемъ европейской торговли: сюда свозились англійская шерсть, скандинавскіе мѣха, галльскія и германскія вина. Самая внѣшность человѣка представляла переходъ отъ халатной первобытности къ удобствамъ и изяществу цивилизованнаго быта. Одежда была сначала долгополая, мѣшковатая и приготовлялась изъ кожи; потомъ заимствовали римскую, прибавивъ къ ней шаровары, а въ холодной Англіи — даже сапоги и перчатки [1]). Первобытная кудластость, со всею ея грязью, сначала сохранялась у германцевъ да у „волосатыхъ" (римская кличка) королей и знати, какъ признакъ власти и свободы; но Каролинги уже начали подстригать волосы и бороду.

Франки. 4—8 вв.

§ 31. **Значеніе періода.**— Первые пять вѣковъ нашей эры были порой хаоса, всеобщаго броженія, вслѣдствіе борьбы трехъ основъ новой исторіи (§ 1). Первый періодъ собственно сред-

---

[1]) На нашемъ рисункѣ изображены франки по парижскимъ рукописямъ. Налѣво—юноша въ римскомъ плащѣ и со шкурой вмѣсто пояса; въ рукахъ германская framea. Направо — германскій воинъ съ римскимъ обоюдоострымъ мечемъ. Одежда Хлодвига (§ 13)—уже не древне-франкская, а придворная римская: длинная туника, поясъ съ кошелькомъ, шитые нарукавники, большой круглый воротникъ, а сверху—плащъ на дорогой запонкѣ.

нихъ вѣковъ (500—800) представляетъ первыя попытки историческаго человѣчества къ упорядоченiю жизни, къ сплоченiю племенному, политическому и идеальному, къ выработкѣ опредѣленнаго культурнаго типа. Но онѣ были слабы. Хаосъ еще господствовалъ всюду. Даже въ болѣе сплоченной Восточной Имперiи насчитывалось до двадцати народностей. Христiанство, классицизмъ и варвары частью враждовали между собой, частью соединялись нескладно, искусственно; да еще явилась четвертая основа исторiи — исламъ, въ которомъ лишь начинали проглядывать черты классицизма, но и то своеобразнаго. Оттого хотя уже обозначилась опредѣленная культура, но она распадалась на два, и равносильныхъ, типа: если византизмъ давалъ тонъ, какъ главный хранитель античной цивилизацiи, то его преобладанiе было замѣтно только въ искусствѣ, да и то въ ближайшихъ къ Грецiи мѣстахъ; а на Западѣ латинство или романизмъ явно ложился въ основанiе культуры, особенно благодаря силѣ папства. Но само папство, своими властительными притязанiями, содѣйствовало броженiю, которое поддерживалось племенною жизнью, пережитками общинно-родового быта и первобытныхъ понятiй да ленною системой (§§ 25, 27). Этотъ хаосъ наглядно обнаруживался въ своеобразiи множества нарѣчiй и обычаевъ, а также въ дикости, разнузданности нравовъ (§§ 25, 28).

Но рядомъ явственно подготовлялось сплоченiе основъ новой исторiи въ крупныя формы, указывавшiя на дальнѣйшiй путь человѣчества. Въ политикѣ древнiй мiръ исчезъ окончательно съ паденiемъ Сассанидовъ (§ 20), а новый построился въ три отдѣла—халифатъ, Византiйская имперiя и государства Запада. Среди этихъ государствъ уже замѣчалось выдающееся значенiе Франкскаго королевства и Церковной области, какъ гнѣзда папства. Мало того: обрисовалась особая роль Британскихъ острововъ, въ сравненiи съ материкомъ. Тамъ упорствовалъ кельтизмъ, слѣды котораго и сейчасъ замѣтны въ языкѣ и законахъ Англiи; тамъ германство не просачивалось постепенно, а было рѣзкимъ завоеванiемъ; тамъ романизацiя, исчезавшая съ уходомъ римскихъ легiоновъ (§ 15), вдругъ поднялась опять, благодаря настойчивости даровитаго населенiя (§ 29). Наряду съ этимъ характеромъ, обнаружились и другiя особенности англосаксовъ. Здѣсь король былъ сильно ограниченъ вельможами или „мудрыми“ (witan), которые собирались на „сходку“ (gemot), издавали законы, разрѣшали налоги, считали себя въ правѣ

низвергать короля и назначать ему преемника. Въ Англіи сохранилось много черловъ (Д. И. § 262)—свободныхъ крестьянъ, которые управлялись своими сходками; и знать или старшины (ealdorman) не были помѣщиками. Даже сохранилась общинная земля (folcland) подлѣ частной собственности (bocland).

Племенная бродячая мелочь осѣдалась. Кельтовъ уже нѣтъ: они частью истреблены, частью романизовались или притаились въ трущобахъ Ирландіи, Шотландіи и Уэльса. Остальныя народности отливаются въ двѣ главныя формы—въ романцевъ и германцевъ: послѣдніе уже называютъ первыхъ „вельшами" (имя одного кельтскаго народца). Зато у романцевъ туземцы уже не называютъ германцевъ „варварами", но роднятся съ ними и принимаютъ ихъ имена. Съ другой стороны, съ движеніемъ аваровъ, мадьяръ, норманновъ и славянъ, прекращался притокъ варваровъ съ востока; даже славяне осаживались государствами; а въ лицѣ франковъ началось обратное движеніе—съ запада на востокъ (§ 13). Изъ взаимодѣйствія быта варваровъ и римлянъ образуется новая общественная форма: при всей своей запутанности, ленная система уже связываетъ весь Западъ крѣпкою цѣпью сословнаго чиноначалія. Наконецъ, росло идеальное сплоченіе, благодаря распространенію **классицизма** до горъ Шотландіи, въ особенности же католичеству: уже та народность погибала, которая не сливалась съ римлянами или не подчинялась романизаціи и папству; и, за исключеніемъ язычниковъ норманновъ и нѣкоторыхъ славянъ да арабской Испаніи, уже весь Западъ окатоличенъ, а объ аріанскихъ народахъ и не слышно. Всюду возникающіе монастыри, эти узлы новой, городской жизни, ревностно распространяютъ просвѣщеніе, не только христіанское, но и античное. Только предвидится борьба между этими двумя началами идеальной культуры. Духъ классицизма еще живъ (§ 29). Всюду ясно реальное міровоззрѣніе, ярко выразившееся въ иконоборствѣ и въ живучести ересей, связанныхъ съ античною наукой. Классицизмъ замѣтенъ даже въ догмѣ и устройствѣ папства, не говоря уже о стремленіяхъ новыхъ государствъ. Школа, письменность, даже литературный языкъ—все еще античные. „Византійская эпоха" въ культурѣ означаетъ сохраненіе и толкованіе классицизма, а также его распространеніе среди славянъ и арабовъ. А на Западѣ идетъ бойкая романизація; и гдѣ она сильнѣе, тамъ и возникаютъ новыя средоточія образованности. Къ концу періода выдвигается арабская культура, которую можно назвать второю классическою

школой Европы. Но классицизму уже приходится бороться съ христіанствомъ. Оно сильно проникаетъ къ германцамъ; и церковный идеализмъ уже выразился въ формѣ монашества, во взглядахъ писателей, въ искаженіи античнаго искусства. Ревнивое папство уже окрѣпло, подчинило себѣ весь Западъ, выставило міровыя притязанія и пріобрѣло свѣтскую власть.

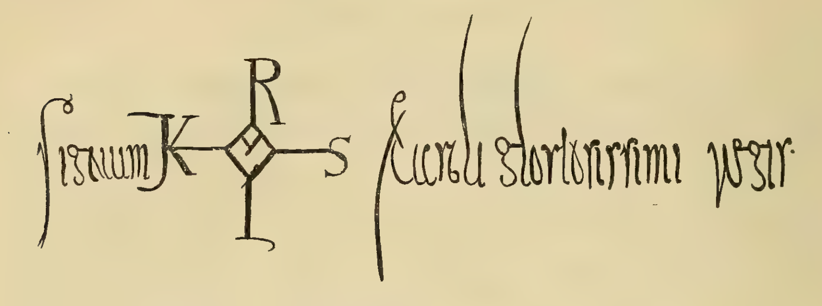
III. ФЕОДАЛИЗМЪ. ПАПСТВО И ИМПЕРАТОРСТВО. АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА.

Около 800 — 1100.

§ 32. **Карлъ Великій. Его держава.** — Второй періодъ средней исторіи открывается крупною личностью Карла Великаго (§ 14), временно объединившаго большую часть Запада. Карлъ былъ красивый, рослый блондинъ, съ величавой осанкой, съ длинными кудрями и живыми глазами. Искусный наѣздникъ, пловецъ и охотникъ, онъ, какъ ребенка, поднималъ воина въ латахъ. Онъ одѣвался въ платье, сотканное женой и дочерьми, и велъ строгую, простую жизнь, увлекаясь только женщинами. Карлъ любилъ семью и хозяйство, но мало жилъ дома: дѣти вышли у него дурныя, тѣмъ болѣе, что онъ не выдавалъ своихъ дочерей замужъ, чтобы не разставаться съ ними. Обладая умомъ и желѣзною волей, Карлъ усердно исполнялъ свой королевскій долгъ. Не сосчитать всѣхъ его разъѣздовъ; онъ совершилъ 60 походовъ, и наполовину лично. А когда онъ проживалъ въ своемъ любимомъ Ахенѣ, его поглощали внутреннія дѣла—судъ, законодательство, пріемъ ревизоровъ, которыхъ онъ посылалъ наблюдать за мѣстными властями. Карлъ выслушивалъ доклады даже при одѣваньи; иногда онъ вскакивалъ съ постели по ночамъ, чтобы заняться дѣлами или учиться писать на аспидной доскѣ. Получивши лишь военное воспитаніе, онъ самъ образовалъ себя чтеніемъ, сталъ справедливъ, щедръ и доступенъ, привлекалъ отовсюду ученыхъ и художниковъ, старался просвѣтить народъ. Карлъ благоговѣлъ предъ античностью и дорожилъ титуломъ „римскаго“ императора. Но онъ не забывалъ своего германскаго происхожденія: онъ съ любовью собиралъ народныя пѣсни и пытался составить нѣмецкую

грамматику. Въ немъ сохранялась грубость франка: онъ былъ безжалостенъ и крайне властолюбивъ. Карлу хотѣлось быть единственнымъ государемъ въ мірѣ и всѣхъ обратить въ христіанство, причемъ признакомъ послѣдняго онъ считалъ уплату церковной десятины.

Большая часть царствованія Карла протекла въ борьбѣ съ упорными язычниками, съ соплеменными ему саксами. Многочисленные саксы (Д. И. § 273) распадались на роды, но подчинялись храброму и хитрому патріоту, Видукинду, котораго франки боялись, какъ чародѣя. Общею связью у нихъ была также главная святыня, ирминсуль (§ 5), посвященный памяти Германа и стоявшій на мѣстѣ пораженія Вара (Д. И. § 246).

Подпись Карла Великаго. Съ грамоты 790 г [1]).

Карлъ уничтожилъ святыню и огнемъ и мечемъ крестилъ саксовъ; онъ десятками тысячъ вѣшалъ, сожигалъ и переселялъ ихъ въ Галлію и Италію; казнилъ даже за несоблюденіе постовъ; большую часть ихъ земель отдалъ духовенству. Но Карлъ достигъ своей цѣли лишь послѣ 30-лѣтней борьбы и съ помощью сосѣдей саксовъ, славянъ (бодричей). Послѣ покоренія саксовъ, когда самъ Видукиндъ крестился, Карлу приходилось бороться съ другими варварами-язычниками: на Сѣверномъ морѣ уже показались лодки отважныхъ норманновъ; уже выступали другіе скандинавы, датчане, помогавшіе саксамъ; за Эльбой волновались славяне, которые прежде враждовали съ саксами, а теперь должны были отбиваться отъ франковъ; изъ-за Дуная нападали авары. Карлъ покорилъ славянъ, жившихъ между Эль-

---

[1]) Собственноручно Карломъ сдѣланъ только ◇ въ срединѣ 4-хъ буквъ его имени; самое же имя, а также подпись „Signum (печать) Caroli gloriosissimi regis" сдѣланы рукой писца.

бой и Одеромъ; воевалъ даже съ чехами и хорватами, а потомъ, съ помощью южныхъ славянъ, 25 лѣтъ боролся съ аварами, пока не крестилъ ихъ. Онъ отнялъ у аваровъ добычу, накопленную вѣками: столько благороднаго металла сразу было пущено въ обращеніе, что цѣна товаровъ утроилась. Чтобы утвердить опасную восточную границу, Карлъ устроилъ украйны или марки—Бранденбургскую (славянскій Бреннаборъ, между Эльбой и Одеромъ) и Австрійскую (теперь эрцгерцогство Австрія). Марка заселялась нѣмецкими колонистами, которые несли постоянную военную службу и строили бурги (укрѣпленія), пользуясь за это большими льготами; ихъ правитель, маркграфъ, имѣлъ почти королевскую власть. Третья марка была Испанская, между Пиренеями и Эбро. Карлъ былъ призванъ туда мятежнымъ намѣстникомъ кордовскаго халифа, котораго онъ и оставилъ тамъ въ качествѣ своего маркграфа. Но дорого стоило ему это пріобрѣтеніе. Однажды, на возвратномъ пути оттуда, цѣлый его отрядъ былъ истребленъ басками (Д. И § 3), въ Ронсевальской долинѣ; здѣсь погибъ и одинъ изъ сподвижниковъ Карла, графъ Роландъ, герой средневѣковыхъ романсовъ и Аріоста. Сверхъ того, для обезпеченія Испанской марки пришлось бороться съ арабскими корсарами: Карлъ завелъ флотъ, который поражалъ ихъ у береговъ Корсики и Сардиніи. Карлу оставалось обезпечить границы со стороны Италіи, гдѣ все усиливались лонгобарды (§ 9): ихъ королю, Дезидерію, уже повиновалась Баварія; они отняли у папы часть Пипинова подарка. Папа просилъ помощи у Карла. Карлъ зналъ, какъ полезенъ былъ его отцу союзъ съ Римомъ, да и сосѣдство лонгобардовъ становилось опаснымъ для его государства: онъ пошелъ на Дезидерія, хотя былъ женатъ на его дочери, и заточилъ его въ монастырь, а самъ короновался „желѣзною короной" (774). Папѣ онъ подарилъ нѣсколько ломбардскихъ городовъ. Только въ южной Италіи уцѣлѣло нѣсколько лонгобардскихъ герцогствъ да византійскія владѣнія.

§ 33. **Возстановленіе Римской имперіи.**—Карлъ достигъ рѣдкаго въ исторіи могущества. Онъ объединилъ всѣхъ германцевъ и захватилъ часть другихъ племенъ. Его почитали и за предѣлами его обширной монархіи. Вестготы, въ горахъ Испаніи, считали себя его вассалами. Шотландскіе короли называли его „господиномъ". Англосаксы обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ споровъ и помогли ему покорить кельтовъ въ Бретани. Экбертъ воспитался при его дворѣ (§ 15). Гарунъ-

аль-Рашидъ (§ 23), котораго онъ просилъ о защитѣ христіанъ, ходившихъ ко Гробу Господню, прислалъ ему дивные дары — слона и водяные часы. Шли переговоры о бракѣ Карла съ византійскою императрицей, у которой онъ отнялъ-было Венецію и Далмацію.

Наконецъ, 9-й вѣкъ начался потрясающимъ явленіемъ: воскресла великая Римская имперія. Это событіе не могло произойти безъ содѣйствія св. отца. Папа уже былъ задобренъ Карломъ, и ему было выгодно усилить своего покровителя. Въ то же время римская знать, терявшая значеніе съ возвышеніемъ папства, дошла до такого раздраженія, что избила Льва III, когда онъ шелъ по улицѣ въ церковной процессіи. Папа бѣжалъ къ Карлу, который привезъ его въ Римъ и наказалъ преступниковъ. Это случилось объ Рождествѣ, съ котораго тогда начинался новый, 800-й годъ. Карлъ пошелъ къ обѣднѣ, гдѣ Левъ внезапно короновалъ его „римскимъ императоромъ" и преклонилъ предъ нимъ колѣна. Карлъ притворился изумленнымъ и даже огорченнымъ, сознаваясь въ слабости своихъ силъ для столь важнаго поста Такъ была возстановлена Западная римская имперія, которая продолжалась по имени 1000 л. (до 1806 г.). Карлъ сталъ выше всѣхъ государей Запада, какъ „свѣтскій глава католическаго міра". Возрасло и значеніе папства: оно пріобрѣло сильнаго покровителя и бросило обычай считать время по царствованіямъ византійскихъ императоровъ. Папа и римскій императоръ были названы двумя „мечами христіанства"—духовнымъ и свѣтскимъ: нельзя было стать императоромъ безъ папскаго коронованія, нельзя было попасть въ папы безъ согласія императора; они совмѣстно должны были водворять „царство Божіе (миръ) на землѣ". Такъ, благодаря цезаропапизму (§ 26), возникло единство въ католическомъ мірѣ; но оно вскорѣ исчезло. Прочнѣе было другое слѣдствіе возстановленія римской имперіи—разрывъ между Востокомъ и Западомъ Европы. Теперь византійскій императоръ уже назывался не римскимъ, а греческимъ; и христіанство вскорѣ распалось на двѣ церкви — западную, латинскую или римско-католическую и греко-восточную.

§ 34. **Внутреннія дѣла. Феодализмъ.**—Ставши императоромъ, Карлъ занялся преимущественно внутренними дѣлами, которыя были даже важнѣе внѣшнихъ. Онъ и здѣсь преслѣдовалъ свою главную цѣль—создать единую монархію для всего Запада на христіанскихъ основахъ. Для этого нужно было

усилить верховную власть, т.-е. ослабить аллодіальныхъ владѣльцевъ, въ особенности же племенныхъ герцоговъ (Д. И. § 262), которые воспѣвались въ пѣсняхъ народа, какъ представители германскихъ племенъ, еще враждовавшихъ между собой. Карлъ заточилъ въ монастырь, со всею его семьей, послѣдняго племеннаго герцога, Тассильона баварскаго, который хотѣлъ стать независимымъ при помощи аваровъ и своего тестя, Дезидерія ломбардскаго.

Затѣмъ Карлъ развилъ ленную или бенефиціальную систему (§ 25). При обширныхъ завоеваніяхъ, у него было много земель для пожалованія; сверхъ того, онъ измѣнилъ въ свою пользу ленныя отношенія, которыя были неясны и непрочны, основываясь преимущественно на землевладѣніи. Карлъ усилилъ прямую, личную связь между ленникомъ и его господиномъ. Ленникъ самъ являлся къ господину „рекомендоваться“ и совершалъ обрядъ—„оммажъ“ (франц. hommage, лат. homagium—отъ homo): снималъ оружіе и шапку, становился на колѣни, вкладывалъ свои руки въ руки господина и клялся въ вѣрной службѣ ему; господинъ же поднималъ его съ поцѣлуемъ и давалъ ему, помимо ленной грамоты, инвеституру или „облеченіе“ властью черезъ врученіе духовному леннику посоха и перстня, а свѣтскому—сначала комка земли, камня или травы, впослѣдствіи копья съ флагомъ. Это значило, что господинъ жаловалъ ленника феодомъ, (герм. fe—плата, жалованье), который обѣщалъ не отнимать у него пожизненно, если тотъ будетъ служить ему вѣрно. Послѣ этого обряда, пожалованный становился подзащитнымъ, „человѣкомъ“ (homo) господина, иначе—вассаломъ или барономъ, а его господинъ—сюзереномъ или сеньеромъ [1]. Вся же новая система, зародившаяся еще на зарѣ средневѣковья (§ 2) и прямо выросшая изъ леннаго или бенефиціальнаго строя, называется феодализмомъ. Онъ еще не вполнѣ опредѣлился, но уже не было ленника, который не былъ бы и вассаломъ. Личный договоръ охватывалъ все общество: всѣ становились вассалами или короля, или другъ друга на всевозможныхъ условіяхъ. И уже отдавались въ феодъ не однѣ земли, но и разныя права, даже

[1]) Германское слово баронъ значить мужъ, дружинникъ; впослѣдствіи нѣмцы называли бароновъ Freiherren—свободными господами. Сеньеръ—отъ латинскаго senior—старшій; его помѣстье называлось сеньеріей. Слово вассалъ, происшедшее отъ „васса“ (§ 25), показывало, что зависимыя отношенія уже распространялись не на одинъ низшій классъ народа.

должности: чиновники превращались въ вассаловъ короля, утрачивая свой государственный характеръ. Новая система была выгодна для Карла. Сеньеръ былъ обязанъ только содержать вассала, если тотъ былъ бѣденъ, да защищать его на дѣлѣ и на судѣ; зато онъ имѣлъ право суда надъ нимъ, былъ опекуномъ его сиротъ, назначалъ жениховъ его дочерямъ, бралъ себѣ выморочные лены. Сверхъ того, вассалъ былъ обязанъ служить сеньеру честно и грозно: слѣдовать за нимъ, какъ оруженосецъ, слуга или курьеръ, всюду защищать его честь, идти въ плѣнъ за него, охранять его въ битвѣ, давать ему деньги въ извѣстныхъ случаяхъ. Вассальность привязывала еще къ Карлу тѣ страны, которыя стремились оторваться отъ имперіи: ея цѣпь сковывала королей и князей покоренныхъ народовъ. Но масса пострадала отъ феодализма: пользуясь покровительствомъ сеньера, феодалы начали угнетать мелкихъ землевладѣльцевъ. Чтобы избавиться отъ тягостей, угнетенные, въ свою очередь, „рекомендовались“ баронамъ, становились подвассалами (subvassal, Untervassal). Они отдавали имъ свою землю и получали ее обратно, какъ ленъ, за оброкъ и барщину; бароны же обязывались защищать ихъ. Такъ развивалось то крѣпостничество, которое подготовлялось въ прошломъ періодѣ (§ 25). Впрочемъ Карлъ заботился о низшихъ классахъ: онъ дѣлалъ имъ много облегченій, чтобы они не попадали въ подвассальство, и всячески старался ограничивать растущую власть помѣщиковъ.

Наряду съ феодальною аристократіей, твердою опорой Карла была церковь. Въ силу цезаропапизма, Карлъ былъ главою католичества: онъ утверждалъ папъ, которые присягали ему, и судилъ владыкъ; франкскіе епископы и аббаты назначались имъ, были его вассалами и несли военную службу; онъ созывалъ франкскіе соборы и утверждалъ ихъ рѣшенія. Зато Карлъ щедро вознаграждалъ духовенство, тѣмъ болѣе, что онъ отличался набожностью. Строго взыскивались церковныя десятины. Владыки получили судебную власть, и не въ однихъ духовныхъ дѣлахъ; а на своихъ земляхъ становились царьками. Они были освобождены отъ многихъ повинностей: оттого выгоднѣе всего было становиться вассаломъ церквей и монастырей. При дворѣ было много духовенства, и оно играло первую роль: „архикапеллану“ или настоятелю придворной часовни, гдѣ хранился архивъ, подчинялась вся канцелярія императора. А въ областяхъ епископы надзирали за графами и доносили на нихъ.

Монархизмъ Карла еще яснѣе виденъ въ его управленіи. Онъ старался сосредоточить въ своихъ рукахъ верховную власть. Ему принадлежало законодательство и рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Если разъ въ годъ собиралось еще „майское поле" (§ 25), то больше для объявленія императорскихъ приказовъ да для военнаго смотра: дѣла для него подготовлялись осенью, въ совѣтѣ изъ близкихъ королю лицъ. Тамъ утверждались также капитуляріи (главы)—законы Карла, обязательные для всей имперіи. Карлу принадлежалъ верховный судъ: всякое дѣло могло восходить ко двору по обжалованію; въ областяхъ судили чиновники короля да имъ же назначенные и ему присягавшіе „скабины". Администрація находилась вполнѣ въ рукахъ Карла. Правители внутреннихъ и пограничныхъ областей, графы (comites, франц. comtes), съ ихъ замѣстителями (vice-comites, франц. vicomtes), и маркграфы (франц. marquis) съ пфальцграфами, были его чиновниками. А чтобы они не выходили изъ повиновенія, Карлъ ежегодно разсылалъ по имперіи „государевыхъ посланцевъ (missi dominici), которые были обязаны все „предвидѣть, упорядочивать и располагать, по волѣ Бога и приказу императора"; для повѣрки дѣйствій графовъ, они выслушивали депутатовъ отъ мѣстнаго населенія. Посланцы особенно слѣдили за войскомъ и казной. Съ уменьшеніемъ свободныхъ людей, войско уже составлялось, въ значительной степени, изъ вассаловъ съ ихъ людьми. Первыхъ Карлъ старался всячески облегчать (дозволялось откупаться отъ воинской повинности и выставлять наемниковъ), со вторыхъ строго взыскивалъ. Казна у Карла была обширна. И если она представляла старую машину случайныхъ взносовъ, зато зарождалась и система государственныхъ податей, въ видѣ „добровольнаго дара", который всѣ обязательно приносили императору на майскомъ полѣ. Карлъ чеканилъ уже собственную монету [1]).

Монета Карла Великаго. 9-го в.

Помимо этихъ крупныхъ дѣлъ правленія, зоркій глазъ неутомимаго хозяина проникалъ во всѣ мелочи быта. Карлъ поощрялъ сельское хозяйство собственнымъ примѣромъ, велъ строгій

[1]) Изображенная у насъ монета—серебряная позолоченная. Она чеканена въ Трирѣ; теперь хранится въ Берлинѣ. Надпись на ней—Karolus imp (erator) aug (ustus). Trevers.

счетъ даже яйцамъ и убитымъ волкамъ. Для развитія торговли онъ строилъ новые города и оставлялъ выборное управленіе въ старыхъ. Онъ провелъ торговые пути по Рейну, съ мостомъ у Майнца, и отъ устьевъ Эльбы къ среднему Дунаю, а оттуда къ Адріатическому и Черному морямъ; по этимъ путямъ устраивались рынки и таможни. Карлъ заботился и о просвѣщеніи народа, какъ христіанскомъ, такъ и классическомъ, причемъ обращалъ особенное вниманіе на поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня учительскаго сословія—духовенства.

Карлъ умеръ въ Ахенѣ, въ 814 г., 72-хъ лѣтъ, процарствовавъ 46 л. Тамъ, въ соборѣ, хранится и теперь его мраморная гробница; но кости императора лежатъ въ серебряной ракѣ, куда онѣ были переложены Фридрихомъ I, 350 л. спустя. Тогда же папы причислили своего покровителя къ лику святыхъ; а народъ ни о комъ не составилъ столько сказокъ и романсовъ, какъ о немъ. Въ этихъ преданіяхъ Карлъ рисуется образцомъ христіанскаго богатыря; вмѣстѣ съ своими дружинниками, 12-ю „паладинами“, онъ участвуетъ во всѣхъ великихъ событіяхъ средней исторіи; всѣ народы Европы производятся отъ его мнимыхъ сыновей—Франка, Германа, Испана и т. д.

§ 35. **Каролинги. Усобицы.** — Послѣ Карла Великаго тотчасъ же оказалось, что его мысль о великой единой монархіи была несвоевременной задачей. Настало распаденіе новой имперіи, въ вихрѣ усобицъ въ его собственной семьѣ, напоминающихъ удѣльный періодъ въ Россіи (Р. И. § 37). Самъ Карлъ способствовалъ этому, въ силу вещей. 1) Онъ развивалъ націонализмъ, объединяя германцевъ, которые до тѣхъ поръ знали только племенное чувство. 2) Онъ ввелъ феодализмъ, который шелъ къ быстрому развитію, особенно при менѣе сильныхъ правителяхъ. 3) Онъ сливалъ имперію съ церковью, которая питала собственные замыслы и, усилившись уже при немъ, должна была выступить съ властительными притязаніями. 4) Занятый дѣлами, окруженный цѣлымъ гаремомъ, онъ не могъ воспитать крупныхъ преемниковъ: его дѣти и внуки вышли слабыми духомъ и тѣломъ и грубыми созданіями. 6) Видя, подобно Меровингамъ, въ имперіи свою вотчину, Карлъ не сознавалъ вреда германскаго обычая — дѣлить наслѣдство между дѣтьми. Онъ разбилъ имперію между своими сыновьями, и только смерть старшихъ снова соединила ее въ рукахъ младшаго брата, Людовика, который, въ свою очередь, пять разъ передѣлялъ ее между своими дѣтьми.

Болѣзненный, вялый, безвольный Людовикъ подрывалъ императорское достоинство своею покорностью церкви и женщинѣ, доходившею до смѣшного. Онъ походилъ на монаха, предавался аскетизму, всенародно каялся въ грѣхахъ, одарялъ духовенство небывалыми правами, за что получилъ отъ него названіе Благочестиваго. Онъ былъ игрушкою своей второй жены, дочери графа Вельфа, Юдиѳи, женщины красивой, умной, образованной, но злой и властолюбивой. Она старалась обобрать своихъ пасынковъ, Лотаря и Людовика, въ пользу собственнаго сына, Карла Лысаго. Неспособный къ правленію, императоръ раздѣлилъ свою державу между дѣтьми по національностямъ: старшій, Лотарь, получилъ Ломбардію съ императорскою короной, Людовикъ — Австразію и названіе „Нѣмецкаго“, Карлъ Лысый — Невстрію. Но дѣти были недовольны: они отличались жадностью, порочностью, пьянствомъ. Козни Юдиѳи еще болѣе раздражали ихъ — и они то враждовали между собой, то возставали противъ отца, который, попадаясь имъ въ руки, выносилъ жестокія оскорбленія. Однажды Лотарь и Людовикъ принудили старика къ церковному покаянію: стоя, во власяницѣ, на колѣнахъ въ храмѣ, онъ трижды со слезами призналъ всѣ вины, исчисленныя на бумагѣ, которую вложили ему въ руки; прелаты подписали протоколъ церемоніи и взяли копіи. Юдиѳь была подвергнута всенародно еще большему униженію. Затѣмъ императору стало представляться, что сатана стоитъ у него, по ночамъ, у изголовья. Прячась отъ него, онъ умеръ на уединенномъ островѣ на Рейнѣ.

Лотарь I сталъ императоромъ. Онъ задумалъ отнять земли у братьевъ и вступилъ въ союзъ съ норманнами, а саксамъ обѣщалъ возстановить язычество. Но Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ Лысый соединились въ Страсбургѣ и поклялись другъ другу въ вѣрности [1]). Людовикъ присягалъ по французски, Карлъ — по-нѣмецки: такъ впервые обозначились двѣ новыя націи. А вслѣдъ затѣмъ возникли названія новыхъ государствъ, когда братья заключили раздѣльный договоръ въ Верденѣ (843). Людовикъ получилъ Германію или земли къ востоку отъ Рейна, а также Майнцъ, Вормсъ и Шпейеръ, населенные нѣмцами.

---

[1]) У насъ изображены, въ естественную величину, первыя строки (всѣхъ 24) присяги, какъ сохранилась она въ спискѣ единственной (парижской) рукописи „Исторіи“ внука Карла Великаго, Нитгарда, который имѣлъ въ рукахъ подлинникъ, будучи свидѣтелемъ присяги. Это — романскій текстъ присяги, которому предшествуютъ 4 строчки объясненій со стороны Нитгарда.

Карлу досталась Францiя—земли къ западу отъ Рейна, получившiя это названiе отъ провинцiи Иль-де-Франсъ („Островъ франковъ", образованный рр. Сеной, Марной и Уазой), бывшей собственностью франкскихъ королей (§ 13). Лотарь получилъ, вмѣстѣ съ императорствомъ, Италiю (Ломбардiю), а также земли, раздѣлявшiя владѣнiя его братьевъ. Этотъ удѣлъ былъ самый непрочный: онъ состоялъ изъ многихъ народовъ — итальянцевъ, провансальцевъ, бургундцевъ, австразiйцевъ, фризовъ. Оттого онъ распался потомъ на Лотарингiю и Бургундiю. Лотарингiя (между Рейномъ и Иль-де-Франсомъ) стала герцогствомъ и вскорѣ была подѣлена между Францiей и Германiей, а затѣмъ совсѣмъ отошла къ нѣмцамъ. Въ Бургундiи (нынѣш-

Cum karolus
haec eade uerba · romana linguaperorasset ·
Lodhuuuic quia maior natu erat · prior
haec deinde se seruaturu testatus e ·
Pro do amur & xpian poblo & nro commun
saluament · dist di in auant · inquant ds
sauir & podir me dunat · si saluarai eo
cist meon fradre karlo & in ad iudha

Присяга Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго. 842 г.

няя Швейцарiя и Провансъ) образовалось два независимыхъ владѣнiя: въ южной, цис-юранской, итальяно-французской части, возникло Нижне-Бургундское королевство или Арелатъ (столица—Арль), когда епископы выбрали королемъ родственника Каролинговъ, усыновленнаго папой герцога Бозона (879); королемъ сѣверной, транс-юранской, нѣмецкой части, или Верхней Бургундiи (столица—Вьенна) былъ выбранъ мѣстными вельможами Вельфъ графъ Рудольфъ, также состоявшiй въ родствѣ съ Каролингами. Бургундiя вскорѣ стала вассаломъ нѣмецкихъ императоровъ, а по прекращенiи царствующихъ династiй была присоединена къ Германiи.

По смерти Лотаря, Каролинги царствовали во Францiи болѣе 100 л., въ Германiи—50, въ Италiи всего 30. То была самая печальная эпоха въ исторiи этихъ странъ. Послѣднiе Каролинги

были ничтожны, нерѣдко тупоумны, какъ доказываютъ даже ихъ прозвища (Толстый, Косноязычный, Простакъ). Они ссорились между собой изъ жадности; братъ возставалъ на брата, дѣти на отцовъ. А вельможи становились непокорными, римляне назначали папъ безъ утвержденія императора, саксы возставали, славяне, и особенно норманны, дѣлали опустошительные набѣги. Сначала императорская корона досталась Карлу Лысому, который соединилъ также Италію съ Франціей; въ Германіи королемъ былъ тогда Людовикъ Нѣмецкій. По смерти его, Италія соединилась съ Германіей, и императоромъ сталъ сынъ Людовика, Карлъ Толстый, которому удалось также занять французскій престолъ. Но это послѣднее возстановленіе державы Карла Великаго было непродолжительно. Тучный, лѣнивый, недалекій и трусливый Карлъ возбудилъ всеобщее презрѣніе къ себѣ: онъ позорно откупался отъ норманновъ. Въ Италіи возмутились мѣстные герцоги и на 75 л. овладѣли императорскою короной. Въ самой Германіи, родинѣ Карла, вельможи низвергли его съ престола и выбрали въ короли его родственника, Арнульфа каринтійскаго. Но безпорядки не прекращались. Арнульфъ царствовалъ недолго и сдѣлалъ крупную ошибку: не чувствуя себя въ силахъ бороться съ славянами, онъ призвалъ противъ нихъ новый отпрыскъ уральцевъ—венгровъ или мадьяръ, подходившихъ тогда съ Уральскихъ горъ на смѣну аварамъ (§ 32). Эти полукочевые туранцы небольшаго роста, съ тремя косичками на выбритой головѣ, одѣтые въ звѣриныя шкуры, злые истребители цивилизаціи, жили въ соломенныхъ шалашахъ, занимаясь грабежомъ, охотой да скотоводствомъ; они ловко управляли своими маленькими, но быстрыми и выносливыми конями, покрытыми панцырями, и рѣдко давали промахъ изъ своихъ рогатыхъ луковъ, посылая стрѣлы взадъ и впередъ на всемъ скаку. Нѣмки пугали дѣтей именемъ венгровъ и сами вѣрили, что они, для храбрости, пьютъ кровь и ѣдятъ трепещущія сердца плѣнниковъ. Но венгры уже подчинялись главному изъ своихъ родовыхъ князьковъ, Арпаду. Они уничтожили Моравское царство, заняли древнюю Паннонію, получившую тогда названіе Венгріи, и начали опустошать Ломбардію и южную Германію, доходя до Лотарингіи, особенно при сынѣ Арнульфа, болѣзненномъ ребенкѣ, который назывался Людовикъ Дитя. Съ этимъ Людовикомъ прекратился родъ Каролинговъ въ Германіи (911).

Каролинги оставались только во Франціи; но они жили, какъ послѣдніе Меровинги: ихъ и называли „лѣнивыми“ (§ 14).

По всему государству свирѣпствовали усобицы. Въ то же время арабы нападали на южную Францію. Норманны стали даже брать крѣпости и доходили до Тулузы и Бургундіи. Если они не утвердились въ Парижѣ, окрестности котораго не разъ были опустошены ими, то лишь потому, что встрѣтили достойныхъ противниковъ въ мужественныхъ и даровитыхъ правителяхъ Иль-де-Франса. Родоначальникомъ послѣднихъ былъ Робертъ, о происхожденіи котораго въ народѣ сложились разныя сказки. Карлъ Лысый отдалъ ему въ ленъ Иль-де-Франсъ, переименованный въ „герцогство Францію". Робертъ такъ доблестно дрался съ норманнами, что его прозвали Сильнымъ: онъ и палъ въ сѣчѣ. Еще болѣе прославился его сынъ, красивый, умный, краснорѣчивый, отважный Эдъ (Оттонъ). Однажды, когда парижане, окруженные 30.000 норманновъ, собирались сдаться послѣ долгой осады, онъ бросился, съ горстью всадниковъ, въ ряды непріятеля; лошадь пала подъ нимъ; но онъ пробился, нанося удары направо и налѣво, и привелъ помощь отъ императора. Когда нѣмцы низложили Карла Толстаго, французы тѣмъ охотнѣе послѣдовали ихъ примѣру, что Карлъ былъ восточный, нѣмецкій франкъ, а доблестный, симпатичный Эдъ былъ свой человѣкъ, и самый богатый во Франціи: они выбрали себѣ въ короли Эда. Но по смерти его, корона была возвращена внуку Карла Лысаго, Карлу, прозванному Простакомъ за тупоуміе. Впрочемъ за Карла управлялъ даровитый племянникъ Эда, „герцогъ франковъ", Гюгъ (Гугонъ), прозванный Великимъ за свое могущество и высокомѣріе, въ особенности же за свой дипломатическій умъ. Подобно великимъ майоръ-домамъ (§ 14), онъ нарочно не принималъ королевскаго сана, чтобы вѣрнѣе сохранить власть при вымиравшихъ Каролингахъ. Этотъ „творецъ королей" держалъ въ суровомъ плѣну Карла Простака и его трехъ жалкихъ преемниковъ. Послѣдній изъ нихъ, Людовикъ V Лѣнтяй, умеръ бездѣтнымъ — и корона перешла къ сыну Гюга Великаго, Гюгу Капету (987), который напоминалъ отца хитростью, предпріимчивостью и энергіей. Такъ воцарилась во Франціи „третья раса" или династія Капетинговъ.

§ 36. **Германія при Каролингахъ.** — Капетингамъ предстояла трудная задача. Но не легче было и положеніе преемниковъ Каролинговъ въ другихъ странахъ. Ихъ народы находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе смутъ, которыми наполнена эпоха Каролинговъ (9—10 вв.). Тогда падалъ тотъ объединительный монархизмъ, о которомъ

такъ заботился Карлъ Великій, и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже. Про императорское достоинство и говорить нечего: оно представляло одинъ титулъ. Ничтожные итальянскіе герцоги становились императорами. Папа не только обходился безъ императорскаго утвержденія, но самъ короновалъ и помазывалъ императоровъ на царство, боролся съ ними открыто и даже вмѣшивался въ ихъ семейную жизнь: Николай I угрозой отлученія отъ церкви заставилъ одного изъ нихъ перемѣнить жену и принести покаяніе въ Римѣ. Но не лучше было положеніе короля. Изъ каждаго капитулярія видно, какъ онъ унижается, сомнѣвается въ самой себѣ, проситъ, кается и все бѣднѣетъ: даже заходитъ рѣчь о томъ, чѣмъ жить обнищалому монарху. Уже нѣтъ подданныхъ, а только „вѣрные“ и „невѣрные“; и король иногда проситъ вѣрныхъ указать ему его ошибки, дозволяя имъ возставать, въ случаѣ его неисправимости. А знать все повышаетъ голосъ, и церковь выдвигается на первый планъ: онѣ забираютъ все новыя земли и права, просто расхищаютъ верховную власть.

Главною причиной этого былъ феодализмъ (§ 34), который окончательно установился къ 1000 г. Тогда цѣпь этихъ личныхъ, договорныхъ отношеній, разрываемыхъ смертью или измѣной одной изъ сторонъ, стремилась захватить всѣхъ и все: всякій раздаетъ бенефиціи и феоды, въ видѣ не только помѣстій, но и разныхъ правъ; и всякій беретъ ихъ, не исключая рабовъ и женщинъ. Наряду съ „непосредственными“ помѣщиками или вассалами короля, развивается подвассальство, такъ какъ постоянная тревога заставляла слабыхъ закладываться, для защиты, за сильныхъ. Уже это дѣлало сеньеровъ царьками, окруженными своимъ войскомъ, своей свитой и дворомъ. А тутъ короли, враждуя между собой, переманивали на свою сторону вассаловъ разными пожалованіями, тѣмъ болѣе, что древнее ополченіе (Д. И. § 262) исчезало и войско уже состояло почти изъ однихъ ленниковъ съ ихъ дружинами. Не говоря уже о помѣстьяхъ, они раздавали въ бенефиціи свои верховныя права—законодательство, судъ, взиманіе налоговъ, воинскую повинность, чеканку монетъ, мыта (Р. И. § 97), лѣса, рыбныя ловли и даже должности: и вассалы становились, въ одно время, и помѣщиками, и государями; передъ ихъ за̀мками стояли висѣлицы и позорные столбы. Наконецъ, короли жаловали иммунитеты или „изъятія“, т.-е. привилегіи, которыя частью освобождали отъ повинностей, частью доставляли государственныя права. На дѣлѣ вассалы уже съ Людовика Благочестиваго стремились обращать бенефиціи въ аллоды,

т.-е. помѣстья въ вотчины, сначала пожизненныя, а съ Карла Лысаго—и наслѣдственныя, какъ видно изъ капитулярія, даннаго на сеймѣ въ Керси (877). Такъ установилась подготовленная въ прошломъ періодѣ (§ 25) аристократія, съ собственнымъ чиноначаліемъ. Самые сильные изъ феодаловъ, „непосредственные“, графы и маркграфы, изъ которыхъ иные превратились въ наслѣдственныхъ герцоговъ, а также прелаты или владыки (епископы и аббаты) составили аристократію высшую; остальные, которые иногда сами закладывались за сеньеровъ,—низшую или рыцарей (нѣм. Reiter—всадникъ), „кавалеровъ“ (исп. caballero, франц. chevalier—отъ cheval, конь), къ которымъ причислялось и низшее духовенство—каноники, священники. Высшая аристократія одна участвовала на „сеймахъ“ (Reichstage), въ которые превратилось майское поле (§ 25), за недостаткомъ свободнаго крестьянства. Она же присвоила себѣ право низлагать государей и избирать ихъ, хотя династіи сохранялись, такъ какъ вельможи придерживались одного дома. А опора папства въ Германіи, глава нѣмецкой церкви, архіепископъ майнцскій, сталъ и главой вельможъ: какъ эрцканцлеръ имперіи, онъ руководилъ выборами императоровъ и даже былъ правителемъ во время междуцарствія.

Феодализмъ, въ связи съ удѣльными усобицами Каролинговъ, велъ къ смутамъ безначалія. Сеньеры пользовались правомъ частной войны другъ съ другомъ; и иногда у вассала бывало разомъ два сюзерена, враждующихъ между собой. Открылась война всѣхъ противъ всѣхъ, и сила становилась закономъ. Одинъ нѣмецкій епископъ писалъ ок. 900 г.: „Всѣ дерутся—епископъ, графъ, вассалъ, братъ съ братомъ, родитель съ родителемъ, сограждане одного и того же города между собой Вельможи, которые должны бы охранять миръ, подаютъ примѣръ борьбы. Законъ попирается, и простонародье ропщетъ и волнуется“. А внѣшніе враги пользовались смутами: норманны, славяне, венгры, арабы доходили до глубины Германіи. Всѣ эти бѣдствія касались больше всего низшихъ классовъ, которые должны были еще постоянно воевать, а въ мирное время часто голодали отъ плохого земледѣлія и подвергались насиліямъ своевольной знати. Оттого исчезали свободные крестьяне-собственники, о которыхъ короли уже не заботились, какъ Карлъ Великій. „Съ голоду“ или чтобы избѣжать насилій, они закладывались за феодаловъ и уже назывались не „свободными“, а вилланами (усадебными сельчанами) или три-

бутаріями (тяглецы). И уже начипалось прикрѣпленіе къ землѣ: вилланамъ не дозволялось закладываться за церковь. Помимо этихъ бѣдствій, общихъ всему Западу, Германія страдала отъ борьбы герцоговъ, пока не установились ихъ династіи. Къ концу періода видимъ 4 могущественныхъ герцогства, которыя иногда назывались даже королевствами (regnum), — Баварію, Швабію (Аллеманія), Франконію и Саксонію. Съ ними соперничаютъ 7 маркрафствъ, охраняющихъ границы, — Австрія (Восточная Марка или Граница), Каринтія, Богемія, Тюрингія (Сорабія), Данія, Шлезвигъ и Реція.

Но въ Германіи феодализмъ развивался сравнительно медленно. Церковь еще была въ союзѣ съ монархизмомъ, сохраняла свѣтскій взглядъ и обучала народъ, переводя священныя книги на родной языкъ, а также защищала крестьянъ отъ феодаловъ. „Свободные" составляли покуда нѣсколько замѣтный классъ; и они еще снаряжали королю пѣхоту (ополченіе). Отношенія между закладнями и господами были еще патріархальны. Хуже было во Франціи и особенно въ Италіи.

§ 37. **Италія при Каролингахъ. Папство.**—Въ Италіи феодализмъ осложнялся земельною раздробленностью и черезполосицей владѣній да міровыми стремленіями папства. Страна представляла пеструю смѣсь различныхъ властей и даже бытовъ: на сѣверѣ преобладали городской и церковный элементы, промышленность и торговля, на югѣ—аристократія и земледѣльческая масса. Ломбардія (столица—Павія), которую Каролинги одну и разумѣли подъ именемъ Италіи, считалась удѣломъ Римской имперіи; но она была связана съ нею только личностью императора, который рѣдко могъ навѣдываться туда. Образованные итальянцы, съ ихъ античными воспоминаніями, вообще презирали „варваровъ" (нѣмцевъ). Ломбардцы же тяготились ихъ господствомъ. Ихъ главная сила, богатые и просвѣщенные города, оградившіеся крѣпкими стѣнами и рвами, за которыми уцѣлѣло свободное среднее сословіе, стремились къ возстановленію муниципальной независимости (Д. И. § 206). Сначала у нихъ были дѣльные, выборные правители, иногда изъ графовъ, а больше изъ епископовъ, которыхъ почитали и за стѣнами города: къ нимъ издалека приходили судиться подданные сварливыхъ герцоговъ. Но къ концу періода города до того усилились, благодаря торговлѣ и заискиваніямъ со стороны и папъ, и императоровъ, что начали превращаться въ маленькія государства. Тогда же югъ Ломбардіи и часть средней Италіи

соединились въ цѣлое государство въ рукахъ могущественной маркграфини Матильды Тосканской. Къ нему примыкала Церковная Область, имѣвшая уже внушительные размѣры. Средина полуострова кишѣла герцогами: во всякомъ значительномъ городѣ былъ свой государь. Среди этихъ потомковъ лонгобардскихъ королей и вельможъ выдавались сильные владѣтели Тосканы, Фріуля, Ивреи, Сполета и Беневента, которые и захватили титулъ императора, узнавши о низложеніи Карла Толстаго (§ 35). Но люди надменные, необузданные и алчные, герцоги вѣчно дрались между собой изъ-за клочковъ земли и вліянія на папство, а также изъ-за императорства, которое вовлекало ихъ еще въ борьбу съ нѣмецкою и бургундскою партіями. Они, наконецъ, утратили императорскую корону, которая досталась бургундскимъ королямъ. Но по смерти одного изъ послѣднихъ, осталась только вдова, красавица Аделаида. Герцогъ иврейскій, Беренгаръ, потребовалъ ея руки для своего сына. Она отказалась. Беренгаръ ограбилъ ее и заточилъ въ мрачный замокъ, гдѣ мучилъ несчастную, съ помощью своей злой жены. Но не ему достались ея права на императорскую корону, которая снова перешла къ нѣмецкимъ королямъ. Югъ полуострова, съ Неаполемъ, принадлежалъ еще Византіи; но къ концу періода часть Апуліи уже сдѣлалась достояніемъ норманновъ и превращалась, благодаря покровительству папъ, въ сильное герцогство. Тогда же Сицилія была завоевана сарацинами, подданными аглабитовъ (§§ 22, 23).

Пестрота владѣній служила поводомъ къ вѣчнымъ раздорамъ и умножала смуты феодализма, который расцвѣлъ въ Италіи съ особенною силой. Здѣсь капитаны („главари", вельможи) и владыки подавали примѣръ разбойничества. Они угнетали даже собственныхъ вальвассоровъ (рыцарей), которые часто возставали, стремясь, въ свою очередь, къ наслѣдственности леновъ. Этимъ пользовались внѣшніе враги. Сарацины распространяли свои набѣги изъ Сициліи до Беневента, Рима, даже до Женевы; они все истребляли на своемъ пути, а дѣтей и женщинъ продавали на далекихъ мусульманскихъ рынкахъ. Часто нападали и мавры (§ 22). Появлялись случайными ураганами даже венгры, превращавшіе въ развалины страну до воротъ Рима, до Беневента и Капуи. Античная культура погибала. Нравы итальянцевъ грубѣли среди вѣчныхъ кровопролитій и грабежей. Мужчины предавались пьянству

и сладострастію — и наставало господство необузданныхъ, безграмотныхъ женщинъ.

Печально было и положеніе папства. Лишь лѣтъ 50 послѣ Карла Великаго папы продолжали дѣло своихъ искусныхъ предмѣстниковъ (§ 10): они пользовались усобицами итальянскихъ герцоговъ, укрѣпляли Римъ, отражали сарацинъ. Особенно энергиченъ былъ Николай I. Онъ унизилъ императорскую власть (§ 36) и посягалъ даже на права восточной церкви, требуя подчиненія себѣ со стороны константинопольскаго патріарха. Онъ посылалъ миссіонеровъ къ болгарамъ и моравамамъ и строго управлялъ римлянами. Онъ же принялъ лже-исидоровы декреталіи (decretales epistolae—посланія папъ). Католическая церковь руководилась сборникомъ постановленій первыхъ папъ, который давно былъ составленъ однимъ итальянскимъ аббатомъ. Ок. 850 г. вдругъ открыли его новую редакцію, будто бы принадлежащую извѣстному Исидору севильскому (§ 29); и въ ней оказалось болѣе сотни ложныхъ узаконеній. Этотъ подлогъ совершило французское духовенство, которое особенно сильно было угнетаемо мѣстными государями, феодалами, митрополитами и синодами: чтобы избавиться отъ этихъ деспотовъ, оно хотѣло возвеличить папство и стать подъ его защиту. По Лжеисидору выходило, что папская власть проистекаетъ отъ самого Христа, и она выше всего на свѣтѣ: ей подчиняются не только митрополиты и епископы, но даже соборы и императоры. Николай понималъ, что это— подлогъ, но схватился за него, тѣмъ болѣе, что народы вѣрили декреталіямъ: они радовались, что явится хотя церковный монархизмъ, на мѣсто падшаго политическаго, для усмиренія смутъ. Съ помощью Лжеисидора, Николай побѣдилъ ученаго и энергичнаго архіепископа Гинкмара реймскаго, который стоялъ за право митрополитовъ созывать синоды и рѣшать дѣла безъ апелляціи къ папѣ; а затѣмъ папы присвоили себѣ даже право утверждать императорскіе выборы. Но вслѣдъ за Николаемъ не только остановилось развитіе папства, но даже настало его глубокое паденіе, длившееся почти два вѣка. Безначаліе, господствовавшее тогда въ Италіи, достигло въ Римѣ крайнихъ предѣловъ. Папскій престолъ занимали самыя недостойныя, иногда безумныя личности, и онѣ часто смѣнялись, погибая отъ веревки или яда: однажды въ 8 л. было 8 папъ. Они были игрушкой въ рукахъ буйныхъ бароновъ, которые величали себя „консулами“ и „сенаторами“. А бароны сами подчинялись своимъ красивымъ, порочнымъ и безстрашнымъ дамамъ, изъ которыхъ про-

славились „сенаторши“ Θеодора и ея дочь Мароція, дарившія папство, какъ придворную должность, своимъ любимцамъ и роднымъ. Потомство сочинило сказку, будто, подъ именемъ папы Іоанна VIII, св. престолъ занимала женщина, написса Іоанна. Духовенство брало примѣръ съ папъ: въ Италіи никто столько не разбойничалъ, какъ прелаты.

§ 38. **Франція при первыхъ Капетингахъ.** — Франція болѣе напоминала Италію, чѣмъ Германію. И въ ней единственными свѣтлыми точками были города (на югѣ), сохранявшіе античныя формы жизни. И она бѣдствовала болѣе Германіи отъ феодализма. Меровинги и Каролинги охотно раздавали лены въ неродной, завоеванной странѣ, а набѣги норманновъ и арабовъ развивали подвассальность. При первыхъ Капетингахъ уже почти вся земля принадлежала сильнымъ вассаламъ, и войско состояло изъ ихъ конницы: король владѣлъ собственно только герцогствомъ Франціей, да и тамъ было много вассаловъ. У него не было ни денегъ, ни солдатъ. Въ двухъ шагахъ отъ Парижа возвышались башни могучихъ феодаловъ, этихъ знатныхъ разбойниковъ, которые были грозой клерковъ, купцовъ и крестьянъ. А Сену запирали, у устьевъ, норманны, герцоги которыхъ стали особенно страшны въ концѣ періода, когда они завоевали Англію. Напрасно мужественный Гюгъ Капетъ (§ 35), сдѣлавшій Парижъ столицею Франціи, гордо именовался „милосердіемъ Божіимъ король франковъ“ [1]): феодалы считали себя перами, „равными“, а короля называли лишь „первымъ среди перовъ“.

Гюгъ Капетъ. Печать 10-го в.

Однажды Гюгъ грозно спросилъ одного вельможу: „кто сдѣлалъ тебя графомъ?“ Тотъ дерзко отвѣтилъ: „а тебя кто сдѣлалъ королемъ?“ Феодалы часто ходили войной на короля и были царьками въ своихъ ленахъ, безжалостно угнетая народъ и даже духовенство. Оттого во Франціи свободное крестьянство

---

[1]) Этотъ титулъ (полатыни) начертанъ на прилагаемомъ изображеніи его печати. Здѣсь Гюгъ представленъ съ раздвоенной бородой, съ державой въ лѣвой рукѣ и присяжнымъ жезломъ—въ правой.

уже почти совсѣмъ исчезло къ концу періода. Духовенство также рано образовало особое цѣлое, съ чисто-церковнымъ духомъ и папизмомъ: оно-то сочинило лже-исидоровы декреталіи и создало знаменитый монастырь Клюни́—этотъ главный очагъ аскетизма и папизма.

Въ силу крайняго феодализма, Франція распалась на много герцогствъ и графствъ, которыя стремились къ независимости, чему способствовала этнографическая рознь: еще не изгладилась разница между главными частями Франціи (§ 13); на югѣ даже судились по римскому праву, на сѣверѣ же—по леннымъ обычаямъ. Въ 10-мъ в. расцвѣлъ провинціальный духъ, связанный съ ленами, похожими на цѣлыя царства. Къ старымъ областямъ, Франціи и Невстріи, прибавилась куча герцогствъ, графствъ, виконтствъ, баронствъ, мелкихъ „непосредственныхъ“ сеньерій, епископствъ, аббатствъ. Во главѣ ихъ стояли: 1) Нормандія, гдѣ и теперь мѣстное нарѣчіе изобилуетъ норвежскими словами; 2) Бретань, которая превращалась въ древнюю Арморику (Д. И. § 261), благодаря новому кельтскому нашествію изъ Уэльса; 3) Лотарингія, бывшая Австразія (§ 13), съ случайнымъ именемъ —отъ Лотаря I; 4) Бургундія—до ея превращенія въ два королевства (§ 35); 5) Шампань, гдѣ епископы стали могущественными графами; 6) Аквитанія, герцоги которой подконецъ собрали много земель, такъ что ихъ послѣдняя наслѣдница, Элеонора, стала самою завидной невѣстой. Эти крупныя провинціи дробились, въ свою очередь, безъ конца. На сѣверѣ образовался цѣлый муравейникъ сеньерій, порожденный борьбою съ норманнами и датчанами да усобицами между французскими и нѣмецкими Каролингами: завелись графы Фландріи, Вермандуа, Камбрэ, Булони, Артуа и др. На югѣ возникло также не мало властителей (Гасконь, Овернь, Берри, Пуату, Лимузенъ и проч.), во главѣ которыхъ поднялись, подконецъ, графы тулузскіе. Лотарингія, такая же двуязычная, какъ Бургундія, распалась на Верхнюю (Мозельская) и Нижнюю (Брабантъ); и въ обѣихъ кишѣли графства (Люксембургъ, Голландія, Клеве, Юлихъ и др.), епископства (Утрехтъ, Льежъ и др.), дробныя сеньеріи и даже имперскіе города (Мецъ, Туль, Верденъ). И вся эта мелочь дѣлилась между сонаслѣдниками и дралась между собой и съ сосѣдями: „нѣтъ человѣка—печаловался лѣтописецъ—который не оплакивалъ бы смерти отца, брата или сына; священники бѣжали, съ св. мощами, отъ ярости этихъ лютыхъ людей“. Смута была стихіей феодаловъ — и они долго не давали

утвердиться сильнымъ Капетингамъ, отстаивая ничтожныхъ последнихъ Каролинговъ. Этою политикой безначалія руководили могучіе „творцы королей“, архіепископы реймскіе.

И вотъ, по требованію угнетеннаго народа, задачей Капетинговъ стало возстановленіе римско-церковнаго монархизма Карла Великаго. По большей части даровитые, они пользовались всякимъ случаемъ для достиженія своей цѣли: не мечтая, подобно нѣмцамъ, о міродержавіи, объ императорствѣ и Римѣ, каждый изъ нихъ прибавлялъ что-нибудь, внутри Франціи, къ власти, добытой его предмѣстникомъ. Они жили подолгу и, въ теченіе 300 л. слишкомъ, не были лишены сыновей, которыхъ брали себѣ въ соправители и короновали при своей жизни, пріучая народъ къ наслѣдственности короны. Капетинги не величались передъ феодалами: какъ равные имъ, они вмѣшивались въ ихъ распри и кстати уничтожали ихъ одного посредствомъ другого. Это имъ удавалось тѣмъ легче, что герцогства во Франціи были не племенныя, а случайно составленныя. Ктому же у французовъ раньше, чѣмъ у нѣмцевъ, зарождался патріотизмъ или національное сознаніе: гордясь своею классическою образованностью, они стали щекотливы къ чести своей страны и презирали нѣмцевъ Оттого популярны были Капетинги, эти первые „французскіе“ короли, которые говорили только по-французски, уничтожали нѣмецкій родъ Каролинговъ, строго соблюдали національные интересы. Особенно сочувствовали Капетингамъ города и духовенство: у нихъ былъ общій врагъ — феодалы. Прежде духовенство искало опоры у Каролинговъ и папы: теперь оно нашло защитника у себя дома. Оно стало помогать Капетингамъ въ управленіи и руководить ихъ совѣтами, снабжало ихъ деньгами. Капетинги, сами люди религіозные, покровительствовали ему, причемъ искусно отдѣляли его интересы отъ интересовъ папства. Гордое своею ученостью и цѣльное, духовенство уже начинало мечтать о независимости отъ Рима или о „вольностяхъ галликанской церкви“. При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, уже первые Капетинги успѣли нѣсколько подвинуться къ своей цѣли. Генрихъ I женился на русской княжнѣ, Аннѣ Ярославнѣ (Р. И. § 24), чтобы не просить разрѣшенія у папы, необходимаго при бракѣ съ католичкой. А съ помощью „вѣрныхъ“, онъ заставилъ феодаловъ признать „Божій миръ“ церкви, стѣснявшій ихъ разбои. Сынъ его, Филиппъ I презиралъ приказанія папы Григорія VII, который такъ унижалъ императора. При немъ начались крестовые походы, изъ которыхъ онъ также извлекъ выгоду.

§ 39. **Саксонскій домъ. Генрихъ I.**—Въ Германіи было труднѣе утвердить монархизмъ, чѣмъ во Франціи. Здѣсь, вслѣдствіе географическаго положенія, внѣшняя политика была сложна и отвлекала отъ внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь государи питали міровыя стремленія, и императорская корона вовлекала ихъ въ интересы Италіи и въ борьбу съ ревнивымъ папствомъ; а между тѣмъ приходилось постоянно воевать съ сильными венграми и славянами. Духовенство, не достигши единства, само становилось, въ этой борьбѣ, то на ту, то на другую сторону. А главное, у нѣмцевъ еще не было и зародышей національнаго сознанія, патріотизма: они продолжали жить въ племенномъ быту. Отсюда соперничество и распри между герцогами, во главѣ которыхъ стояли, въ 911 г., родственники Каролинговъ, герцоги саксонскіе и франконскіе. Королемъ былъ избранъ Конрадъ I франконскій. Онъ правилъ энергично, но не могъ совладать ни съ буйными феодалами, ни съ венграми, доходившими до Базеля. У него было мало средствъ. Гораздо богаче и сильнѣе были герцоги саксонскіе—и Конрадъ, умирая, самъ посовѣтовалъ избрать своего соперника, Генриха I.

Сильный, ловкій и дѣятельный, безстрашный, разсудительный и терпѣливый потомокъ Видукинда (§ 32), Генрихъ былъ достойнымъ представителемъ саксонской династіи (919—1024). До своего избранія онъ жилъ просто, увлекаясь невинною охотой: его прозвали Птицеловомъ. Воцарившись, онъ не спѣша, но упорно преслѣдовалъ свою цѣль—охрану государства отъ безпорядковъ да отъ внѣшнихъ враговъ. Генрихъ не трогалъ феодаловъ, но строго опредѣлилъ свои отношенія къ нимъ: такъ, судъ онъ считалъ правомъ короля—и подлѣ герцоговъ появились коронные пфальцграфы. Успокоенные феодалы вѣрно служили ему, и онъ объѣзжалъ королевство, окруженный ими. Опираясь на нихъ, Генрихъ держалъ въ повиновеніи духовенство и даже не принялъ помазанія изъ его рукъ, какъ „недостойный такой чести“. Искусно вмѣшавшись во французскія усобицы, онъ присоединилъ всю Лотарингію къ Германіи, сдѣлавъ ея герцога своимъ вассаломъ. Утвердившись въ своей странѣ, Генрихъ устремилъ всѣ свои силы на борьбу съ внѣшними врагами, истребляя всѣхъ, кто не признавалъ его власти и не крестился. Онъ постоянно тѣснилъ датчанъ и истребилъ десятки тысячъ славянъ, отчасти за ихъ набѣги и помощь венграмъ, отчасти съ цѣлью упражнять свои войска: при сопротивленіи, воиновъ вырѣзывали поголовно, остальныхъ обращали въ крѣпостныхъ. Съ тѣхъ

поръ исчезаютъ полабскіе славяне, а чешскій князь сталъ вассаломъ нѣмецкаго короля. Между тѣмъ венгры доходили до Павіи, Тулузы и Луары и наносили жестокія пораженія пѣшимъ, неуклюжимъ сансонцамъ: однажды самъ Генрихъ едва отсидѣлся отъ нихъ въ одномъ крѣпкомъ замкѣ и выпросилъ у нихъ миръ на 9 л. за дань. За это время Генрихъ построилъ у венгерской границы много бурговъ съ каменными стѣнами, изъ которыхъ развились потомъ города (Мерзебургъ, Мейссенъ, Магдебургъ и др.): его прозвали Градостроителемъ. Онъ населилъ бурги самыми отчаянными нѣмцами, ворами и разбойниками, и научилъ ихъ верховой ѣздѣ: съ тѣхъ поръ въ Германіи народное пѣшее ополченіе замѣнилось конницей, которою руководили рыцари въ кольчугахъ. По истеченіи мирнаго срока, у Мерзебурга разразилась „великая венгерская битва“ (933): венгры впервые потерпѣли рѣшительное пораженіе. Генрихъ прибавилъ двѣ новыя марки—Мейссенъ противъ венгровъ и славянъ и Шлезвигъ—противъ датчанъ.

§ 40. **Оттонъ I. Священная римско-нѣмецкая имперія.**—Послѣ Генриха, королемъ былъ избранъ сынъ его, Оттонъ I, прозванный Великимъ. Онъ походилъ нравомъ на Карла Великаго, которому старался подражать: былъ такой же величавый и ловкій силачъ, съ такою же большою бородой, грозными глазами и повелительными движеніями, такой же властолюбивый, страшный въ гнѣвѣ, жестокій къ непокорнымъ, щедрый къ услужливымъ. И его также не любили, а боялись: даже сынъ его, уже коронованный, трепеталъ передъ „львомъ“, какъ называлъ онъ отца. Оттонъ былъ дѣятеленъ и неутомимъ: даже во снѣ говорилъ и за обѣдомъ рѣшалъ дѣла. До 35 л. онъ былъ безграмотенъ и говорилъ только посаксонски; только потерявъ свою первую жену, скромную и красивую Юдиѳь, дочь англо-саксонскаго короля, научился онъ читать и писать и сталъ понимать славянскую и романскую рѣчь. Подобно Карлу, Оттонъ мечталъ создать изъ Европы единую имперію съ единою церковью и всюду распространить христіанство и просвѣщеніе, уничтожить исламъ и язычество. Подобно ему, онъ благоговѣлъ передъ короной и считалъ ее даромъ одной „Божіей милости“: онъ надѣвалъ ее не иначе, какъ прежде попостившись. Возстававшій противъ него былъ, въ его глазахъ, грѣшникомъ. Оттонъ не терпѣлъ подлѣ себя никакой силы. Онъ возстановилъ почти забытый обрядъ инвеституры (§ 34). Герцоги, подлѣ которыхъ были поставлены королевскіе пфальцграфы, потеряли наслѣдствен-

ныя права и стали должностными лицами: они служили своему королю на парадныхъ обѣдахъ, какъ стольники, кравчіе и каммергеры. Оттонъ раздавалъ герцогства своимъ роднымъ да вѣрнымъ слугамъ, во главѣ которыхъ стояли: братъ короля, архіепископъ и эрцканцлеръ Брунъ, просвѣщавшій духовенство, и храбрый, изворотливый, коварный маркграфъ Геронъ, охранявшій Эльбу.

Оттонъ I и Эдиѳь. Статуи въ магдебургскомъ соборѣ. 10-го в.

Геронъ продолжалъ истребленіе славянъ: однажды онъ зазвалъ къ себѣ на пиръ 30 ихъ князьковъ и всѣхъ ихъ умертвилъ. Вся земля до Одера была покорена и роздана нѣмцамъ въ ленъ; а польскій князь сталъ, подобно чешскому, вассаломъ Германіи. Для обращенія славянъ-язычниковъ было устроено нѣсколько епископствъ (Ольденбургъ, Гамбургъ, Бранденбургъ, Мерзебургъ и др.), подчиненныхъ архіепископству магдебургскому; посланъ былъ даже миссіонеръ къ русскимъ—Адальбертъ, первый изъ магдебургскихъ іерарховъ. От-

тонъ покончилъ и съ венграми, которые начали-было мстить за Мерзебургъ: битва у р. Леха (955), подъ Аугсбургомъ, напоминаетъ, по значенію, побоища на Каталаунскихъ поляхъ (Д. И. § 281) и у Пуатье (§ 14); послѣ нея венгры стали осѣдлыми и вскорѣ приняли христіанство. Возникло нѣсколько новыхъ марокъ: восточная граница имперіи словно была оцѣплена валомъ, отъ Балтики до Адріатики.

Подобно Карлу Великому, Оттонъ старался обратить королей Франціи и Бургундіи въ своихъ вассаловъ и рѣшился пріобрѣсти императорскую корону. Все влекло его въ Италію. Очарованные его славой, его приглашали туда истомленные смутами жители, города, даже епископы и самъ папа. Звала его и Аделаида бургундская (§ 37), которая бѣжала отъ своего мучителя и скрывалась у друзей. Оттонъ I явился съ арміей и женился на Аделаидѣ, а Беренгара заточилъ въ крѣпость. Затѣмъ онъ воспользовался правами жены и короновался сначала „королемъ Ломбардіи и Италіи", потомъ—императоромъ. Карлъ Великій былъ возстановителемъ „Западной римской имперіи"; но теперь корона зависѣла отъ нѣмецкаго короля и папы: отсюда новый титулъ—Священная римско нѣмецкая имперія (962).

Эта связь съ Италіей имѣла огромное значеніе для нѣмцевъ. Она просвѣщала ихъ, передавая имъ античную культуру, но политически вредила имъ: она отвлекала ихъ вниманіе отъ Германіи, гдѣ, при ихъ „римскихъ походахъ", развивались безпорядки, и поселяла ненависть къ нимъ въ сердцахъ итальянцевъ. Уже Оттону I пришлось совершить три похода въ Италію: ни папы, ни вельможи не признавали его власти. Однажды, въ Римѣ, онъ заразъ обезглавилъ и ослѣпилъ цѣлую дюжину „капитановъ", а префекта города повѣсилъ за волосы на конной статуѣ Марка Аврелія; и совершенно безполезно. Сверхъ того, Оттону захотѣлось прибрать къ рукамъ южную Италію. Послѣ тяжкой войны съ Византіей, онъ пріобрѣлъ Капую и Беневентъ посредствомъ брака своего сына, Оттона, съ красивой и образованной византійскою царевной, Ѳеофаніей. Оттонъ I достигъ цѣли—сталъ первымъ государемъ по внѣшности. Онъ назвался „покровителемъ Рима", судилъ папъ, рабски служившихъ ему, взялъ съ римлянъ клятву, что „у нихъ не будетъ папы безъ согласія и утвержденія императора". Его дворъ былъ пышенъ и величественъ; и онъ постоянно переносился съ мѣста на мѣсто, чтобы ослѣплять своимъ блескомъ народъ, который

создалъ много сказокъ про „Великаго“ императора и Аделаиду. Здѣсь торжества и празднества смѣнялись меценатствомъ; здѣсь толпились вассалы, епископы, послы со всѣхъ странъ Европы и изъ Африки. Но дорого стоилъ этотъ блескъ. Вѣчные походы отъ Праги до Парижа, отъ Даніи до Капуи истощили Германію; низшій классъ лишился послѣднихъ остатковъ свободы и довольства; вельможи были обижены властолюбіемъ императора. Вспыхивали мятежи повсюду, не исключая Саксоніи; и возставшіе призывали даже венгровъ. Съ Оттономъ воевали, и не безуспѣшно, герцоги, въ особенности же его собственные братья и сыновья, ненавидѣвшіе мачиху, Аделаиду, которую онъ оченъ любилъ. Чтобы бороться съ вельможами, Оттонъ одарялъ церковь иммунитетами, выказывалъ набожность, особенно подъ старость, строилъ храмы, распространялъ христіанство: онъ усиливалъ духовенство, что̀ оказалось потомъ очень вреднымъ для Германіи. Вообще все управленіе Оттона было личное, непрочное: онъ работалъ съ своими друзьями, избранными попроизволу; не было ни правильныхъ учрежденій, ни опредѣленныхъ должностей; придворные съѣзды, съ цѣлью величанія Оттона, замѣнили государственные и областные сеймы. Для поддержанія блеска и вѣчныхъ войнъ были возвышены „добровольные дары“ и разные казенные сборы; особенно тяжело было содержаніе роскошнаго двора насчетъ мѣстности, гдѣ онъ останавливался.

§ 41. **Оттоны II и III. Генрихъ II.**—Сынъ Оттона I, Оттонъ II, прозванный Краснымъ по цвѣту лица, отличался малымъ ростомъ, бездарностью, суетливостью и подчиненіемъ своей женѣ. Высокое образованіе не могло сгладить въ немъ ни фантастичности, ни необузданности, которая не разъ доводила его почти до плѣна. Однажды онъ внезапно явился подъ Парижемъ, но, встрѣтивъ отпоръ, велѣлъ войску пропѣть „аллилуія“—и тотчасъ же возвратился. Затѣмъ онъ вздумалъ овладѣть южною Италіей; но греки призвали сарацинъ, которые нанесли ему жестокое пораженіе. А въ Германіи возставали вельможи и родственники императора; славяне и датчане снова опустошали границы. Оттонъ умеръ молодымъ въ Италіи. Его сыну, Оттону III, было всего 3 года; но за него управляли умныя и образованныя женщины, мать Ѳеофанія и бабка Аделаида. Первая дала мальчику греческое, вторая—римское образованіе; во главѣ ученыхъ, которыхъ онѣ призывали изъ Греціи, Италіи и Франціи, стоялъ знаменитый Гербертъ, который

сталъ потомъ другомъ Оттона и папой Сильвестромъ II. Оттона III прозвали, за его познанія, „Чудомъ Свѣта“; но это былъ фантазеръ до мистицизма, тщеславный и доступный лести юноша. Гордясь своими свѣденіями, онъ любилъ озадачивать ученыхъ мудреными вопросами и, подобно своей матери, возненавидѣлъ невѣжественную Германію. Увлекаясь пышностью двора, въ который Ѳеофанія внесла византійскіе обычаи, онъ вообразилъ себя Карломъ Великимъ и спускался къ нему въ склепъ за воодушевленіемъ. Поддерживаемый въ своихъ мечтахъ льстивымъ интриганомъ и коварнымъ честолюбцемъ, Сильвестромъ, Оттонъ рѣшился даже переселиться въ „золотой городъ“, Римъ, и возстановить „древнюю республику“. Здѣсь онъ то погружался въ самовеличаніе, причемъ смѣшилъ римлянъ византійскимъ церемоніаломъ съ 10-ю коронами, то одѣвался въ рубище, босикомъ ходилъ къ мощамъ, удалялся въ пещеры, дружилъ съ отшельниками. Особенно предавался онъ аскетизму передъ 1000-мъ годомъ, который считался концомъ міра. Среди этихъ увлеченій, Оттонъ III умеръ, близъ Рима, на 22-мъ г. отъ роду. А покинутая имъ Германія, управляемая женщинами да епископами, обливалась кровью отъ усобицъ: тамъ герцоги снова усилились, какъ передъ Карломъ Великимъ; Генрихъ Спорщикъ баварскій даже провозгласилъ себя королемъ. Тогда же Венгрія и Польша стали королевствами, съ независимыми отъ Германіи католическими церквами.

Оттонъ III. Печать 10-го в.

Оттону III наслѣдовалъ родственникъ, Генрихъ II. Человѣкъ бездѣтный и болѣзненный, онъ не зналъ династической политики, не увлекался фантазіями и стремился къ водворенію мира путемъ дипломатіи. Чтобы не раздражать вельможъ, онъ ограничивался договорами съ ними противъ частной

войны и часто собиралъ ихъ на сеймы, какъ государственные чины. Но миръ нуженъ былъ Генриху лишь для того, чтобы предаваться аскетизму. Генрихъ прозванъ Святымъ: этотъ „монахъ на тронѣ“, который самъ именовалъ себя „Намѣстникомъ Бога“, хотѣлъ провести въ жизнь идеалъ клюнійцевъ (§ 38). Онъ увлекался, вмѣстѣ съ своей женой, Кунигундой, обрядами, особенно мощами; подчинялъ не только монастыри, но и свѣтское духовенство суровымъ уставамъ Бенедикта; приготовлялъ строгихъ епископовъ въ своей капеллѣ; возвращалъ имущества церквамъ; одарялъ клиръ правами; строилъ монастыри и создалъ богатое бамбергское епископство. Ради спасенія папства, онъ сдѣлалъ три похода въ Италію; вводилъ лже-исидоровы декреталіи въ Германіи; утвердилъ рѣшеніе павійскаго синода, которое ограничивало браки духовенства и продажу церковныхъ мѣстъ, названную симоніей, въ память мага Симона, предлагавшаго апостоламъ продать ему силу сообщать дары Св. Духа чрезъ рукоположеніе. Генрихъ и Кунигунда были причислены въ Римѣ къ лику святыхъ, а церковные писатели составили легенды о совершенныхъ ими чудесахъ. Слѣдствія правленія Генриха были печальны. Вельможи негодовали на возвышеніе духовенства и не помогали императору: оттого его войны были неудачны, и опасныя сосѣдки, Польша съ Венгріей, усилились еще болѣе. Въ то же время утвердилась наслѣдственность леновъ и возникло много новыхъ крѣпкихъ замковъ; а главное—развилось господство духовенства и особенно папства, подготовленное при Оттонахъ.

§ 42. **Франконскій домъ. Конрадъ II и Генрихъ III.**— Съ Генрихомъ II прекратился саксонскій домъ. Вельможи выбрали Конрада II, основателя франконской или салической династіи (1024—1125), при которой разгорѣлась борьба папства съ императорствомъ, такъ какъ задачей Салійцевъ было утвержденіе монархизма, что̀ грозило погибелью духовной власти. Уже Конрадъ II энергично старался усилить королевскую власть и сдѣлать ее наслѣдственною, не развлекаясь религіозностью. Вопреки саксонскому дому, онъ строго обращался съ духовенствомъ, продавалъ епископства и замѣщалъ ихъ своими людьми; церкви и миссіи запустѣли при немъ. Конрадъ противодѣйствовалъ наслѣдственности у вельможъ и ограничилъ ихъ произволъ опредѣленіемъ повинностей, которыя они могли требовать отъ своихъ подданныхъ. Защищая низшій классъ, Конрадъ старался создать себѣ еще опору въ рыцарствѣ. Онъ тре-

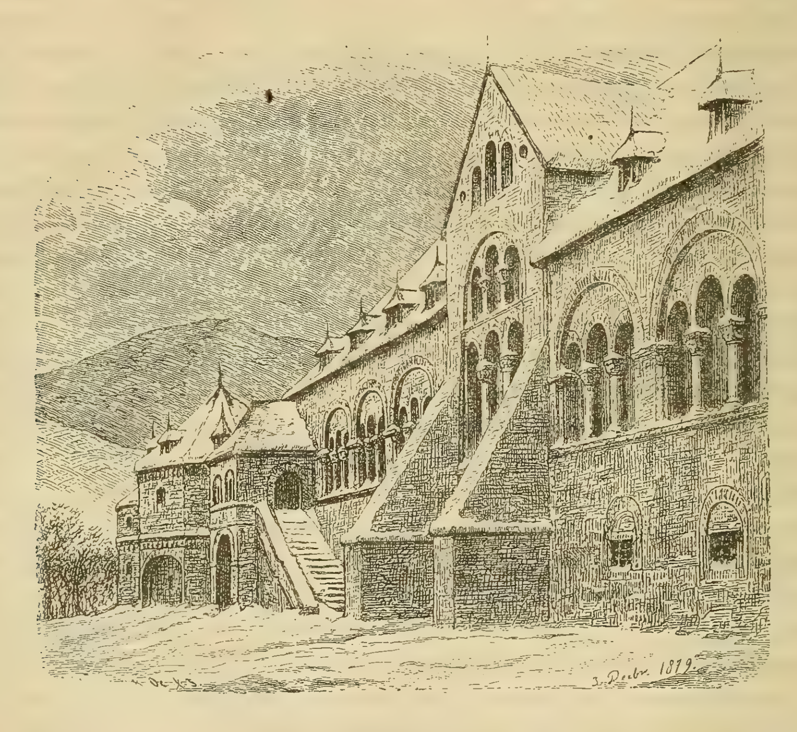
бовалъ военной службы даже отъ тѣхъ рыцарей, которые не были его вассалами. Онъ вводилъ наслѣдственность мелкихъ леновъ, что̀ пріучало также народъ къ наслѣдственности короны. Это важное явленіе связано съ событіями въ Италіи. Тамъ создавалась патріотическая, національная партія, желавшая уничтожить нѣмецкое вліяніе. Во главѣ ея стояли города, въ особенности сильный Миланъ съ своимъ архіепископомъ Арибертомъ, который задумалъ поставить свой престолъ выше глубоко павшаго папства. Арибертъ отлично укрѣпилъ городъ и завелъ милицію, знаменемъ которой служила „карроччьо“ — колесница съ мачтой, украшенной хоругвями, золотымъ яблокомъ и изображеніемъ Спасителя на крестѣ. Миланцы отбивали всѣ приступы Конрада; но ему помогла вѣчная вражда вальвассоровъ съ капитанами (§ 37). Конрадъ привлекъ первыхъ на свою сторону изданіемъ закона о наслѣдственности мелкихъ леновъ (1037), причемъ далъ имъ право выбирать собственныхъ судей и апеллировать къ императору на капитановъ. Этотъ законъ, а равно возстаніе вальвассоровъ были первымъ признакомъ зарождающагося средняго сословія свободныхъ людей. Значеніе этого сословія для монархизма видно изъ того, что когда швабскій герцогъ призывалъ своихъ рыцарей идти на императора, они объявили: „не пойдемъ противъ высшаго защитника нашей свободы“. Конрадъ передалъ своему сыну, Генриху III, Германію въ такихъ размѣрахъ, какихъ она никогда не достигала послѣ Карла Великаго: онъ присоединилъ Бургундію, которая доставила нѣмцамъ богатство, романскую культуру и нравственную строгость клюнійцевъ.

Генрихъ III и какъ личность былъ самымъ крупнымъ изъ нѣмецкихъ королей послѣ Карла Великаго и Оттона I. Храбрый, неутомимый, образованный и краснорѣчивый, онъ былъ опорой обиженныхъ и грозой враговъ мира. Государи Венгріи, Польши и Богеміи, выступившіе-было противъ Германіи, принесли ему повинную и приняли вассальную присягу, причемъ явились новыя марки—Штирія и Крайна; то же произошло съ непреклоннымъ Арибертомъ миланскимъ. Буйные феодалы трепетали передъ нимъ: онъ почти уничтожилъ герцогства и ввелъ Божій миръ. Генрихъ свободно распоряжался и тіарой: пользуясь раздорами въ Римѣ, гдѣ было тогда разомъ трое папъ, онъ низложилъ всѣхъ ихъ и сталъ замѣщать св. престолъ нѣмецкими епископами. Онъ былъ особенно друженъ съ своимъ родственникомъ, папой Львомъ IX, похожимъ на него. Оба

искренно стремились преобразовать духовенство, ввести безбрачіе и правила клюнійцевъ, искоренить симонію, одинаково возвысить и папство, и императорство. Оба предавались аскетизму. Левъ странствовалъ по Европѣ, въ видѣ паломника, Генрихъ бичевалъ себя: босой, во власяницѣ, молился онъ передъ строемъ войска. Левъ причисленъ къ лику святыхъ, Генрихъ названъ Чернымъ.

§ 43. **Генрихъ IV и саксонцы.**—Такъ возвеличенное императорство вдругъ позорно пало при сынѣ Чернаго, Генрихѣ IV. Это былъ 6-лѣтній ребенокъ, даровитый, но пылкій и своенравный. Правительницей стала его мать, умная и образованная Агнеса, дочь герцога Вильгельма аквитанскаго, воспитанная въ строгихъ правилахъ клюнійцевъ. Вельможи надѣялись при ней управлять государствомъ. Во главѣ свѣтскихъ феодаловъ стоялъ богатый, дѣльный полководецъ изъ древняго саксонскаго рода, графъ Оттонъ Нордгеймъ, которому Агнеса дала герцогство Баварію. Вождями духовенства были два архіепископа—кёльнскій, Ганнонъ, и бременскій, Адальбертъ, оба великіе честолюбцы и непримиримые соперники: каждый изъ нихъ стремился сдѣлать свою митрополію нѣмецкимъ Римомъ. Ихъ соединяла необходимость уничтожить значеніе майнцскаго архіепископа (§ 36). Они сходились между собой также въ самовеличаніи, высокомѣріи и насиліяхъ: Адальбертъ собственноручно избивалъ до крови священниковъ; безжалостность Ганнона вошла въ народную пѣсню. Оба владыки производили впечатлѣніе важнымъ видомъ, торжественнымъ богослуженіемъ, громовыми проповѣдями, подвигами благочестія: Ганнонъ ухаживалъ за нищими и странниками, Адальбертъ посылалъ миссіонеровъ въ Остзейскій край, въ Скандинавію и Исландію. Но Ганнонъ, сынъ рыцаря, выдавался ученостью, аскетизмомъ да рѣзкостью феодала. Церковь причислила его къ лику святыхъ, а народъ пѣлъ: „львомъ сидѣлъ онъ передъ князьями, агнцемъ ходилъ среди бѣдноты". Ганнонъ злобно посматривалъ на дворъ: онъ хотѣлъ, чтобы король былъ покорнымъ орудіемъ вельможъ. Адальбертъ, родственникъ Салійцевъ, отличался вкрадчивостью, утонченными манерами, милою шутливостью; любилъ блескъ, пышность, удовольствія, капризныя затѣи изнѣженнаго царедворца. Горячій приверженецъ монархизма и франконской династіи, онъ безпощадно и дерзко осмѣивалъ феодаловъ. Сговорившись съ графомъ Оттономъ и вельможами, Ганнонъ устроилъ на Рейнѣ празднество въ честь двора. Между тѣмъ какъ

Агнеса веселилась съ заговорщиками на островѣ, онъ повелъ Генриха IV посмотрѣть новый корабль. Какъ только они взошли на палубу, корабль понесся на всѣхъ веслахъ. Мальчикъ бросился въ волны, но его вытащили и привезли въ Кёльнъ. Агнеса съ горя удалилась въ римскій монастырь. Ганнонъ по-

Замокъ Госларъ. 11-го в. [1]).

дѣлился властью съ Адальбертомъ: оба выказали большую алчность и раздавали мѣста своимъ роднымъ да друзьямъ.

Генрихъ возненавидѣлъ суроваго Ганнона и привязался къ Адальберту, который угождалъ ему, доставлялъ удовольствія и развивалъ въ немъ деспотическія наклонности. Онъ сталъ своенравенъ, золъ, подозрителенъ, развратенъ. Достигнувъ совершеннолѣтія (15 л.), онъ удалилъ сначала Ганнона, а вскорѣ и

---

[1]) Колыбель и любимое мѣстопребываніе Генриха IV, замокъ Госларъ, былъ построенъ его предками въ началѣ 11-го в. Въ немъ часто собирались имперскіе сеймы. У насъ изображена только та его стѣна съ часовней, которая сохранилась въ первоначальномъ видѣ: она подперта двумя каменными устоями.

Адальберта, и предался удовольствіямъ съ молодыми рыцарями, которые сдѣлались его „совѣтчиками", замѣняя сеймы. Это небывалое правительство стало угнетать вельможъ, особенно графа Оттона, а для наполненія казны прибѣгало къ самой безбожной симоніи. Больше всего пострадала Саксонія, которую Генрихъ ненавидѣлъ, какъ Саліецъ. Онъ настроилъ тамъ много замковъ въ тѣснинахъ Гарца и населилъ ихъ франконцами, мучившими туземцевъ; наконецъ, и самъ поселился въ Госларѣ. Саксонцы, среди которыхъ сохранялось еще свободное крестьянство, возстали противъ „тирана", подъ предводительствомъ Оттона: они сожгли замки короля, разрушали даже его церкви и могилы его родныхъ. Самъ Генрихъ едва спасся и три дня скитался по дремучимъ лѣсамъ; онъ согласился на всѣ требованія саксонцевъ. Но участіе крестьянъ испугало вельможъ, а король на колѣнахъ просилъ ихъ простить ему ошибки молодости. Воскресло соперничество другихъ племенъ съ саксонцами. За Генриха стали даже рейнскіе города: кёльнцы чуть не убили Ганнона. Чехи пришли къ нему на помощь; а изъ Россіи, гдѣ свирѣпствовали усобицы, одинъ князь прислалъ ему денегъ. Генрихъ оправился и поразилъ саксонцевъ въ упорномъ бою. Ужасна была королевская месть. Саксонскіе вельможи были заточены въ Бургундіи и Италіи; ихъ лены отданы вѣрнымъ людямъ, а Баварія—итальянскому графу, коварному и властолюбивому Вельфу. Оттонъ Нордгеймъ смирился, сталъ опорой короля; тогда же умеръ Ганнонъ. Среди этого-то торжества Генриха, вдругъ раздался грозный голосъ папы, призывавшій свѣтскаго властителя на судъ въ Римъ (1075).

§ 44. **Папство и монахъ Гильдебрандъ.** — Идея папскаго всемогущества, выставленная Григоріемъ Великимъ (§ 10), развивалась въ теченіе 2½ вѣковъ; и у нея уже явились такія твердыя опоры, какъ лже-исидоровы декреталіи и клюнійцы. Но послѣ Николая I, папство падало въ теченіе почти двухъ столѣтій (§§ 37, 38). Папы подчинялись соборамъ, а ихъ выборы зависѣли отъ императора и римской знати, которая строила себѣ въ городѣ цѣлыя крѣпостцы, иногда даже въ древнихъ развалинахъ, между тѣмъ какъ ея друзья и родственники спускались съ Апеннинъ изъ своихъ замковъ, чтобы грабить церковь и народъ. При Оттонахъ тіарой распоряжалась могущественная и свирѣпая фамилія Кресценціевъ, которую смѣнили потомъ такіе же графы тускуланскіе. Римъ превратился въ притонъ разбойниковъ, которые однажды поставили разомъ трехъ папъ. Не лучше были

нѣмцы, приходившіе усмирять ихъ: они убивали и грабили римлянъ; Оттонъ III отрѣзалъ одному папѣ носъ, уши и языкъ и выкололъ глаза. Императоры ставили на престолѣ св. Петра нѣмцевъ, но и тѣ поддерживали печальную славу тѣхъ папъ, которыхъ одинъ французскій епископъ, на соборѣ, назвалъ „чудовищами позора, идолами, антихристами". Папамъ подражало духовенство. Оно вело порочную жизнь и заботилось только о своихъ семьяхъ: холостыми были только епископы, да и то не вездѣ. Клиръ состоялъ изъ недостойныхъ лицъ: духовныя мѣста продавались чуть не съ молотка или же передавались по наслѣдству и въ приданое дочерямъ. Іерархи были богаты и могущественны: въ Германіи встрѣчались епископства и монастыри, у которыхъ было больше земель, доходовъ и войска, чѣмъ въ любомъ герцогствѣ или графствѣ. Владыки управляли государствомъ, воевали наряду съ свѣтскими вельможами и, подобно имъ, получали инвеституру (§ 34) отъ короля, котораго старались подчинить себѣ; а папъ они вовсе не слушались, составляя собственные національные синоды.

Такой упадокъ церкви не могъ продолжаться. Народы негодовали, тѣмъ болѣе, что они искали не только защиты отъ феодаловъ и идеала нравственности, но также христіанскаго единства, въ виду усиленія ислама. Всюду ощущалась потребность въ церковной реформѣ, которая должна была начаться съ папства. Ея выразителемъ явился монастырь въ Клюнѝ (910), недалеко отъ Ліона (§ 38). Живя по строжайшему уставу, умерщвляя плоть, соблюдая даже обѣтъ молчанія и истребляя всякіе пережитки язычества, клюнійцы быстро стали царями монашества. Они затмили значеніе бенедиктинцевъ (§ 26): массы, конечно, были за нихъ, частью увлекаясь ихъ нравственнымъ величіемъ, ихъ благотвореніями и молвой о чудесахъ, частью трепеща предъ ихъ могуществомъ и неумолимостью; но къ нимъ обращались за совѣтами и благословеніемъ сами папы, императоры и короли. Къ концу періода насчитывалось уже до 2.000 ихъ монастырей повсюду, отъ Испаніи до Польши; и всѣ они слѣпо повиновались аббату въ Клюни и ежегодно держали у него свои синоды. Вліяніе клюнійцевъ отражалось всюду, не исключая литературы и искусства. Но особенно проявилось оно въ реформѣ церкви и отчасти политики. Клюнійцы сломили даже разбойничьи нравы феодаловъ: они ввели „Божій миръ" (1041), т. е. воспрещеніе кровопролитія съ вечера среды до понедѣльника. Главною задачей клюнійцевъ было очищеніе церкви и освобожденіе папства отъ гнета феодаловъ и импера-

торовъ Для этого нужно было перевернуть бытъ духовенства, подавить попытки національныхъ церквей и, выступая противъ нѣмецкихъ императоровъ, поднять жестокую борьбу не только церковности со свѣтскостью, но и романизма съ германизмомъ.

Эта потребность времени нашла достойнаго выразителя въ монахѣ Гильдебрандѣ. Сынъ тосканскаго крестьянина, Гильдебрандъ воспитывался у своего дяди, строгаго римскаго аббата. Онъ усердно учился; но изъ него не вышелъ теоретикъ. Это былъ заурядный богословъ, и ничего новаго онъ не создалъ: Гильдебрандъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду папъ, какъ лучшій исполнитель идеи, созрѣвшей до него. Натура практическая, онъ отличался неистощимой энергіей, непреклонною волей и безжалостною повелительностью, умѣньемъ выжидать и пользоваться обстоятельствами, неразборчивостью въ средствахъ. Невзрачный человѣкъ небольшого роста, съ слабымъ голосомъ, Гильдебрандъ 35 лѣтъ владѣлъ католическимъ міромъ. Ему вѣрно служили, даже уродуя свою жизнь, и такія власти, какъ маркграфиня тосканская, и такіе упорные, властительные характеры, какъ отшельникъ Петръ Даміани, называвшій его „Святымъ Сатаной". Гильдебрандъ не щадилъ и себя самого: онъ самоотверженно служилъ церковной идеѣ. Когда ему было всего 25 лѣтъ, его почтили званіемъ папскаго капелана и затѣмъ часто посылали въ Германію и Францію по важнымъ дѣламъ. Съ первыхъ минутъ сознанія Гильдебрандъ увлекся духомъ времени, сталъ образцовымъ монахомъ, пламенно молился ап. Петру, въ особенности же Дѣвѣ Маріи, почитаніе которой такъ развилось въ средніе вѣка, отчасти именно благодаря ему. Юный фанатикъ съ негодованіемъ созерцалъ позоръ папства и пороки духовенства, особенно въ Германіи, гдѣ онъ видѣлъ также все ничтожество свѣтской власти. Съ годъ пробылъ онъ въ Клюни — и міръ сталъ въ его глазахъ адомъ, бездной порока, церковь—Спасителемъ, папа—намѣстникомъ ап. Петра, а самъ онъ — орудіемъ Промысла для очищенія человѣчества: такова была задача этого страстнаго человѣка, который называлъ прежде Евангеліе fabula Christi. Въ его памятной запискѣ сказано: „Римская церковь никогда не ошибалась и не ошибется. Имя римскаго первосвященника — единственное въ мірѣ. Онъ имѣетъ право низлагать императоровъ. Онъ можетъ освобождать подданныхъ отъ присяги въ вѣрности несправедливымъ государямъ". Въ 1049 г., въ Римъ вошелъ, шепча молитвы, босоногій старикъ, въ сопровожденіи 29-лѣтняго монаха: то

были папа Левъ IX (§ 42) и Гильдебрандъ, которому тотъ поручилъ управленіе городомъ и своимъ хозяйствомъ съ званіемъ архидіакона. Съ тѣхъ поръ этотъ монахъ 20 лѣтъ, при 6 папахъ, правилъ всею католической церковью, отклоняя отъ себя тіару въ ожиданіи, пока созрѣетъ его дѣло. Онъ вѣрилъ въ это дѣло, какъ въ божественное призваніе, и слѣпо брался за всякія средства—нарушалъ всѣ права и преданія апостоловъ, ломалъ самую человѣческую природу, дружилъ съ евреями-ростовщиками и бандитами, прощая имъ всякіе грѣхи, подкупалъ, устраивалъ мятежи, давалъ ложныя обѣщанія, съ легкимъ сердцемъ проливалъ кровь. Въ 1073 г., когда ему было 53 г., народъ насильно привелъ его въ церковь и посадилъ на папскій престолъ, подъ именемъ Григорія VII.

§ 45. **Преобразованія Григорія VII.**—Отъ новаго папы тотчасъ же отправились всюду посланцы вводить церковную реформу. Эта ѳеократическая утопія состояла въ слѣдующемъ. 1) Папъ избираетъ самъ св. Духъ посредствомъ „князей церкви“ или кардиналовъ [1]), и выборы никѣмъ не утверждаются. Романизмъ выразился въ совѣтѣ выбирать преимущественно изъ римскаго духовенства, хотя между самими кардиналами встрѣчались лица разныхъ націй. Кардиналы (число ихъ иногда доходило до 70) пользуются своимъ званіемъ пожизненно и составляютъ совѣтъ и министерство папы; они носятъ пурпурную мантію и красную шапку. 2) Строго запрещается симонія (§ 41), и лица, получившія мѣста этимъ путемъ, немедленно лишаются ихъ. Епископы и аббаты избираются мѣстнымъ духовенствомъ, низшій клиръ—народомъ. Но требуется согласіе папы, который руководитъ выборами и низлагаетъ недостойныхъ владыкъ. 3) Чтобы выдѣлить клиръ изъ грязнаго міра, разорвать его связи съ свѣтскими интересами, заставить его всего себя посвящать папству, вводится целибатъ или безбрачіе для всего духовенства: женатые священники должны были сейчасъ же развестись съ своими женами и отказаться отъ своихъ дѣтей. Безбрачіе противно и природѣ человѣка, и апостольскимъ правиламъ: оно встрѣчало сильное сопротивленіе въ теченіе цѣлаго столѣтія и ухудшило нравы духовенства. Но клиръ сталъ послушнымъ орудіемъ папства и пріобрѣлъ въ глазахъ толпы сія-

---

[1]) Кардиналы—главные чиновники въ Римской имперіи, вокругъ которыхъ двигалась правительственная машина, какъ дверь движется вокругъ крюка (cardo). Потомъ этимъ именемъ называлось вездѣ главное, соборное духовенство, наконецъ—только римскій клиръ.

ніе святости. 4) Папство больше всего могло надѣяться на монашество. Григорій возвысилъ его, освободилъ отъ власти епископовъ и всячески распространялъ его, но зато подчинилъ правиламъ клюнійцевъ, даже съ обѣтомъ молчанія. 5) Григорій возвѣстилъ, что папство—высшее учрежденіе въ свѣтѣ: какъ папа, съ прекращеніемъ вселенскихъ соборовъ (869), сталъ монархомъ церкви, такъ духовная власть выше свѣтской. Тогда началось коронованіе папъ тіарой — соединеніемъ митры съ двойною короной и съ надписью, что одна корона (духовная)—отъ Бога, другая (свѣтская)--отъ ап. Петра [1]). Папа не подчиненъ никому, ни даже собору, а государи зависятъ отъ него: онъ можетъ судить и наказывать ихъ. Самъ императоръ получаетъ корону отъ папы, „какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца"; и онъ долженъ платить за нее, какъ за ленъ, послушаніемъ и данями. Инвеститура отходитъ отъ него къ папѣ: на римскомъ соборѣ 1075 г. было объявлено отлученіе всякому, кто приметъ церковное мѣсто изъ рукъ свѣтскаго государя. Григорій предпочиталъ церковь бѣдную, но свободную отъ мірскихъ властей. Но это значило отнять у свѣтской власти половину Европы и главный доходъ, а также разрушить всю феодальную систему.

Такую важную реформу трудно было провести въ жизнь: папство побѣдило, такъ какъ за него былъ аскетическій духъ времени, но лишь послѣ жестокой борьбы; и сама церковь признала Григорія VII святымъ лишь 500 л. спустя. Борьба охватила весь католическій міръ и потрясла его до основанія: она была и политическая (между духовною и свѣтскою властью, между демократизмомъ и аристократизмомъ), и соціальная (между низшими и высшими классами, между бѣдными и богатыми), и идейная (между христіанскимъ аскетизмомъ и античнымъ реализмомъ), и племенная (между романизмомъ и германизмомъ). Борьба шла и въ литературѣ, и на городскихъ улицахъ, и на поляхъ битвъ. Она отражалась по всей Европѣ, но сосредоточивалась въ Италіи и Германіи, какъ въ центрахъ романизма и германизма. Противъ Григорія поднялись всѣ основы феодальнаго строя жизни, все привилегированное, властительное—іерархія и бароны, даже богатые горожане, а также импера-

[1]) Лѣтъ 300 спустя, прибавили 3-ю корону — и тіара стала „троецарствіемъ" (triregnum). Эти царства объясняютъ двояко: 1) папа властвуетъ надъ небомъ, землей и подземельемъ; 2) папа—глава церкви страждущей, воинствующей и побѣдоносной.

торъ съ своими нѣмцами; противъ него были стремленія народовъ къ независимымъ, національнымъ церквамъ и къ свободѣ мысли, а также семейные инстинкты духовенства. За Григорія стали угнетенные феодалами крестьяне, рабочіе и мастеровые, рыцари и вальвассоры, въ особенности же грубые, фанатичные монахи. Его могущественными союзниками были религіозность времени и національное, патріотическое стремленіе итальянцевъ противъ чужезем-

Матильда тосканская. 12-го в.

цевъ. Его твердыми опорами оказались набожные и воинственные норманны въ южной Италіи да Матильда, маркграфиня тосканская. Матильда владѣла среднею Италіей, была очень богата, могла выставить армію въ 30.000. Она была умна, талантлива, мужественна, добра. Сама „собственный канцлеръ“, она вела оживленную переписку на языкахъ латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и помогала дѣлу изученія римскаго права. Ея замокъ, Каносса, съ хорошею библіотекой, былъ очагомъ итальянскаго просвѣщенія. Она судила

народъ, благотворила, разъѣзжая по своимъ землямъ, строила города. Богатырша тѣломъ, она самолично ловко вела военное дѣло и давала битвы. Народъ называлъ ее „великою графиней"; но на ея печати читаемъ: „Матильда, Божіей милостью то, что̀ она есть, если только она есть что-нибудь". Богу посвятила она все, понимая Его также, какъ понималъ Григорій. Съ дѣтства воспитанная фанатичною матерью въ правилахъ клюнійцевъ, Матильда только изъ-за политики вышла за Вельфа баварскаго, но жила монахиней и завѣщала свои земли папскому престолу. Напрасно враги называли ее возлюбленной Григорія VII: какъ Марта, служила она неумолимому папѣ и, какъ Марія, прислушивалась къ его словамъ. Церковь назвала ее „поборницей апостолическаго престола" и поставила ея памятникъ между папскими гробницами. Италія чтитъ ея память, какъ патріотки, боровшейся за низверженіе ига чужеземцевъ.

§ 46. **Борьба и побѣда Григорія VII. Каносса**. —„Будь проклятъ тотъ, кто не окровянитъ своего меча!" воскликнулъ Григорій—и началась жестокая борьба. Въ Римѣ одно время сидѣло двое папъ, а ихъ приверженцы проливали кровь на улицахъ. Но средоточіемъ борьбы былъ могущественный Миланъ, который со временъ непреклоннаго Амвросія (Д. И. § 279) стремился стать вторымъ Римомъ и еще помнилъ возстаніе вальвассоровъ (§ 37). Здѣсь поднялась патарія (патарены—„лохмотники"): она требовала общественной свободы и равенства, а ея руководители, монахи и отшельники, кричали о „свободѣ церкви". Вождемъ патаріи сталъ ренегатъ, феодалъ Эрлембальдъ, возненавидѣвшій свою братью, когда одинъ епископъ отнялъ у него жену-красавицу. Онъ сходилъ къ св. мѣстамъ и собирался поступить въ монахи, но его захватила революція. Рыцарь и отшельникъ по духу, Эрлембальдъ красовался передъ толпой въ блестящихъ военныхъ доспѣхахъ, а подъ ними скрывалась власяница. Папа объявилъ его, въ кардинальскомъ конклавѣ, „рыцаремъ церкви" и вручилъ ему бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ. Патарія распространилась по всей Ломбардіи. Благодаря ей да норманнамъ и Матильдѣ, Григорій подчинилъ себѣ Италію: онъ даже назначалъ вездѣ судей и городскія власти изъ клюнійцевъ. Затѣмъ его господство отразилось во всемъ католическомъ мірѣ. Онъ уличалъ нѣмецкихъ іерарховъ въ симоніи и замѣщалъ ихъ своими друзьями, а въ монастыряхъ Германіи вводилъ уставъ Клюни. Государи Венгріи, Богеміи, Польши, Даніи стали его вассалами, а кроатскаго герцога онъ

сдѣлалъ королемъ Далмаціи; и потерявшій Кіевъ Изяславъ (Р. И. § 40) снова получилъ отъ него корону, „по праву св. Петра". Англія была завоевана норманнами съ благословенія папы: здѣсь и во Франціи Григорій вмѣшивался даже въ государственныя дѣла. Онъ сдѣлалъ своими вассалами христіанскія королевства, которыя сложились тогда въ Испаніи съ помощью французскихъ рыцарей и клюнійцевъ: здѣсь возникло новое правило, въ силу котораго всякая земля, отнятая у невѣрныхъ, становится достояніемъ папства. А непокорныхъ государей Григорій называлъ публично „хищными волками, слугами дьявола" и грозилъ „ежедневно класть на престолъ св. Петра отлучающія ихъ грамоты". Наконецъ, Григорій вошелъ въ сношенія съ Византіей, которая просила помощи противъ ислама и предлагала возсоединеніе церквей. Онъ даже замышлялъ созвать воиновъ со всей Европы, желая лично вести ихъ для освобожденія Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ. Отовсюду стекались въ Римъ благочестивые странники и государскіе послы принять благословеніе отъ Григорія и положить къ его ногамъ свою лепту—„грошъ св. Петра".

Міродержавіе переходило отъ преемниковъ Августа къ преемникамъ галилейскаго рыбака. Оставалось только явно унизить свѣтскую власть — и Григорій, пользуясь борьбой Генриха IV съ саксонцами, потребовалъ, чтобы онъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ, ввелъ законы о симоніи и целибатѣ и отказался отъ инвеституры. Генрихъ созвалъ соборъ нѣмецкихъ іерарховъ, недовольныхъ церковною реформой—и Григорій былъ объявленъ низложеннымъ съ престола. Генрихъ назвалъ его въ письмѣ „лжемонахомъ, обманщикомъ, мятежникомъ", а его послы сказали на римскомъ синодѣ: „это — не папа, а хищный волкъ". Григорій пыталъ пословъ, а Генриха проклялъ и отлучилъ отъ церкви, освобождая его подданныхъ отъ присяги: онъ обѣщалъ простить его только тогда, когда „король, возставшій противъ церкви съ неслыханной гордыней, станетъ обращаться съ нею, не какъ съ служанкою, а какъ съ госпожей". Въ Германіи набожный народъ отшатнулся отъ проклятаго; испуганные іерархи принесли раскаяніе папѣ; вельможи рады были случаю унизить королевскую власть; саксонцы снова возстали. Феодалы объявили Генриху, что будутъ судить его, вмѣстѣ съ папой, на предстоящемъ сеймѣ; а до тѣхъ поръ заточили его въ замокъ. Генрихъ рѣшился бѣжать въ Римъ, чтобы примириться съ папой. Онъ поѣхалъ безъ средствъ, съ однимъ слугой; за нимъ послѣдовала

жена, которую онъ всегда тиранилъ, съ маленькимъ сыномъ и служанками. Ужасна была переправа черезъ Альпы, въ развалъ зимы, съ помощью нѣсколькихъ проводниковъ. Мужчины спускались ползкомъ у краевъ пропастей и ломами разбивали ледяныя глыбы; женщинъ зашили въ кожи и тащили на веревкахъ. Григорій вообразилъ, что Генрихъ идетъ во главѣ его враговъ, и скрылся въ „бѣлую крѣпость": такъ называлась Матильдина Каносса, гордо возвышавшаяся на неприступной скалѣ, окруженная тремя стѣнами. Сюда явился Генрихъ просить прощенія у папы (1077). Босой, безъ шапки, во власяницѣ, онъ три дня стоялъ, не ѣвши, передъ воротами и обливался слезами на глазахъ у безжалостнаго владыки католичества. Наконецъ, Григорій простилъ его, по просьбѣ Матильды, и, какъ онъ писалъ союзникамъ, „чтобы не выказать жестокости тирана".

§ 47. **Паденіе Григорія VII и Генриха IV.**—Генрихъ добился своего—опять сталъ королемъ. Проклинаніе его оказалось ошибкой Григорія: роли соперниковъ перемѣнились. Упорнаго старика стали ненавидѣть за высокомѣріе, жестокость и пролитіе крови; и онъ самъ дѣлалъ промахъ за промахомъ, подъ вліяніемъ страсти. Генриха же стали жалѣть, тѣмъ болѣе, что несчастія исправили его: этотъ статный, 27-лѣтній король сталъ мягокъ, любезенъ, мужественъ, находчивъ; онъ обнаружилъ военный талантъ и любовь къ угнетеннымъ. Онъ старался утвердить Божій миръ и строго наказывалъ даже за преслѣдованіе евреевъ. Въ Ломбардіи за Генриха стали вельможи, особенно епископы, а также богатые города, которымъ онъ далъ новыя права. Если въ Германіи, наоборотъ, феодалы выбрали новаго короля, Рудольфа швабскаго, который отказался для нихъ отъ наслѣдственности престола, а для папы—отъ инвеституры, то за Генриха стали низшіе классы—крестьяне, которыхъ жестоко угнетали бароны и церковники: они называли Рудольфа „поповскимъ королемъ". Генриху помогали еще чехи, а также греки, тѣснимые норманнами въ южной Италіи. У него набралось много денегъ, благодаря византійцамъ, городамъ и евреямъ. Ими, а также конфискованными землями, онъ привлекъ на свою сторону даже нѣкоторыхъ феодаловъ, въ томъ числѣ храбраго графа Готфрида бульонскаго въ Лотарингіи и герцога швабскаго, Фридриха Гогенштауфена. Главная сила Рудольфа заключалась только въ непримиримыхъ саксонцахъ, съ ихъ Оттономъ Нордгеймомъ. Въ Германіи снова закипѣла усобица. Поля не обрабатывались; скота почти не было видно, крестьяне сами

запрягались въ плуги; въ монастыряхъ наскоро дѣлались пристройки, чтобы пріютить множество графовъ и рыцарей, бѣжавшихъ отъ ужасовъ и готовыхъ исполнять черную работу на братію. Даже въ литературѣ и на церковныхъ каѳедрахъ шла грубая перебранка, а римскіе и нѣмецкіе синоды издавали противоположныя рѣшенія. Григорій снова отлучилъ Генриха и пророчилъ, что „въ этомъ году умретъ ложный король“. Нѣмецкіе іерархи снова низложили Григорія и, вмѣстѣ съ ломбардскими епископами, выбрали папой его врага, Климента III. Рудольфъ палъ въ битвѣ и раскаялся передъ смертью: въ этомъ видѣли кару Божію и осмѣяніе пророчества Григорія. Наконецъ, Генрихъ явился съ войскомъ въ Италіи, опустошилъ владѣнія Матильды и взялъ Римъ. Маркграфиня заперлась въ Каноссѣ, папа—въ замкѣ св. Ангела. Они не соглашались ни на какія уступки—и Климентъ короновалъ Генриха императорскою короной. Тутъ подоспѣли на помощь Григорію норманны, которые привели съ собой много сарацинъ. Они прогнали нѣмцевъ, но разграбили Римъ, какъ при вандалахъ, и ушли съ возами, нагруженными добычей и плѣнниками на продажу: дѣло Григорія кончилось погибелью остатковъ античной культуры. Не смѣя оставаться среди раздраженныхъ римлянъ, Григорій ушелъ съ норманнами и съ годъ прожилъ у нихъ, въ Салерно. Онъ болѣлъ, но, прощая всѣмъ, все проклиналъ Генриха и завѣщалъ прелатамъ продолжать его дѣло. Онъ умеръ (1085), сказавши гордо, какъ мученикъ: „Я любилъ законъ Божій (церковь), ненавидѣлъ неправду; оттого и умираю въ изгнаніи“.

Но папство торжествовало. Папой сталъ энергичный и ловкій клюніецъ, Урбанъ II. Онъ провозгласилъ крестовый походъ. Народами овладѣло религіозное одушевленіе: собирались рыцари для спасенія Гроба Господня; въ Германіи избивали евреевъ или насильно обращали ихъ въ христіанство. Папы говорили: „самый ничтожный священникъ гораздо выше любого короля“ и вновь проклинали Генриха. Матильда, которой было уже за 40, вышла замужъ за заклятого врага Генриха IV, 19-лѣтняго Вельфа баварскаго. Нѣмецкіе феодалы опять выбрали новаго короля. Противъ императора выступили даже его жена, русская княжна, и сынъ, Генрихъ V, испорченный и коварный юноша. Когда города выставили армію на защиту его отца, Генрихъ V со слезами раскаялся и выпросилъ у него прощеніе. Но какъ только старикъ распустилъ свое войско, онъ схватилъ его и заточилъ въ замокъ. Здѣсь императоръ терпѣлъ голодъ, жажду

и насмѣшки, не мылся и не брился. Его заставили отречься отъ престола; онъ призналъ и всѣ свои дѣла недостойными, только отказался сознаться, что былъ неправъ передъ Гильдебрандомъ. Генриху IV удалось бѣжать. Онъ снова собралъ войско и пошелъ на сына, но умеръ на дорогѣ (1106). Тѣло проклятаго было вырыто, по папскому приказу, и 5 л. пролежало въ неосвященной часовнѣ на пустынномъ островкѣ Мааса, пока папа не снялъ съ него проклятія. Бѣдняки толпами ходили на поклоненіе трупу императора, про котораго современникъ писалъ: „не передъ его дверьми, а за его столомъ сидѣлъ Лазарь, и ѣлъ онъ не крохи, а хорошіе куски; въ его спальнѣ лежали слѣпые, хромые и больные".

§ 48. **Исходъ борьбы за инвеституру.** — Ужасно было положеніе Германіи послѣ 30-лѣтнихъ усобицъ; но ей предстояло перенести еще 15 л. тревогъ, которыми окончилась борьба свѣтской власти съ духовной или споръ изъ-за инвеституры. Лицемѣрный, алчный и безсердечный Генрихъ V былъ уменъ и рѣшителенъ. Онъ задумалъ поднять императорскую власть на ту высоту, на которой она стояла при Оттонѣ Великомъ. Онъ жестоко расправлялся съ феодалами и взялся за папство, на которое самъ опирался во время борьбы съ отцомъ. Генрихъ явился въ Римъ съ такимъ сильнымъ войскомъ, какого тамъ никогда не видали, и отомстилъ за униженія въ Каноссѣ. Между тѣмъ какъ онъ короновался императорскою короной, его солдаты схватили папу и кардиналовъ, во время богослуженія, и таскали ихъ за собой по лагерю; многіе изъ римскихъ аристократовъ и священниковъ шли за ними на веревкахъ, подгоняемые древками копій. Но папы проклинали Генриха V, какъ „второго Іуду", помогали феодаламъ въ Германіи, возбуждали французовъ, ненавидѣвшихъ нѣмцевъ. Въ разгаръ междоусобій Генрихъ понялъ, что необходимо сдѣлать уступку; въ то же время ученые юристы уяснили спорный вопросъ, стараясь опредѣлить права папства и императорства. Въ 1122 г. борьба за инвеституру была окончена вормскимъ конкордатомъ или соглашеніемъ: клиръ съ народомъ свободно избираютъ епископовъ и аббатовъ; императоръ отказывается отъ посвященія ихъ посредствомъ перстня и посоха и только жалуетъ ихъ землями и свѣтскими правами посредствомъ скипетра.

Такъ произошло раздѣленіе властей: для полнаго уравненія ихъ рѣшили даже, что въ Германіи свѣтское пожалованіе будетъ предшествовать духовному посвященію, а въ Италіи —

наоборотъ. 50-лѣтняя борьба привела къ сокращенію свѣтской власти: императоръ уже не могъ ставить папъ и іерарховъ, и званіе римскаго патриція стало одною почестью; феодалы почти вездѣ превратили лены въ аллоды, пріобрѣли независимое положеніе и ограничивали власть своего короля. Папство торжествовало, но, главнымъ образомъ, потому что религіозный духъ времени достигъ тогда крайней напряженности. Непосредственно же его побѣда была неполная. Θеократія, въ смыслѣ Григорія VII, не состоялась. Если духовенство стало какъ бы крѣпостнымъ папъ, зато сохранилась связь его съ государствомъ. Вормскій конкордатъ, какъ плодъ взаимныхъ уступокъ, былъ неясенъ и вскорѣ сталъ поводомъ къ новымъ препирательствамъ. Отдѣльные папы вынесли много униженій отъ нѣмцевъ, и Римъ лежалъ въ развалинахъ; а рядомъ подымались сильныя республики на сѣверѣ Италіи и грозные норманны — на югѣ. И императоры ждали только случая, чтобы возобновить борьбу съ непомѣрнымъ властолюбіемъ намѣстника ап. Петра.

Борьба за инвеституру имѣла еще важныя послѣдствія въ общественномъ и культурномъ отношеніи. Тогда стали выдвигаться города или среднее сословіе, а въ Италіи возникли даже городскія республики, въ которыя превратилась и значительная часть владѣній Матильды тосканской. Расширялся умственный взглядъ, особенно у клира, который началъ обсуждать поступки папъ; зарождалось даже изученіе римскаго права, безъ котораго врядъ ли могли бы такъ точно опредѣлить права свѣтской и духовной властей.

Вскорѣ по заключеніи вормскаго договора умеръ Генрихъ V (1125). Съ нимъ прекратилась франконская династія въ Германіи.

§ 49. **Норманны въ Скандинавіи, Франціи и Италіи.**— Между тѣмъ какъ въ средоточіи Европы шла ожесточенная борьба между двумя главными силами исторіи, папствомъ и императорствомъ, содѣйствовавшая полному развитію феодальнаго хаоса, по окраинамъ происходили массовыя движенія, весьма важныя для будущаго. Новые народы стремились пробиться къ свѣту исторіи. Съ востока и юга подымались славяне и арабы, подрывавшіе ветхую Восточную римскую имперію; на сѣверѣ, крайнемъ западѣ и отчасти также на югѣ наставала норманская эпоха.

Норманны (§ 15) распадались тогда на три націи — свевы (шведы), норвеги и даны. У нихъ сложились государства, послѣ

жестокихъ усобицъ. По преданію, былъ у нихъ потомокъ Одина, Лодброкъ, „самый большой и самый красивый изъ витязей", ходившій въ звѣриныхъ шкурахъ шерстью наружу. Онъ долго мучилъ англичанъ удалыми набѣгами, но, наконецъ, былъ схваченъ ими и брошенъ въ бочку со змѣями; тамъ испустилъ онъ духъ, распѣвая веселыя пѣсни. Потомкамъ этого-то богатыря удалось уничтожить своихъ соперниковъ и стать королями (ок. 900 г.). Но долго королевская власть была слаба: ея опора, христіанство, проникшее въ Скандинавію уже при Карлѣ Великомъ, было почти истреблено язычествомъ, душой котораго считался датскій богатырь, Пальнатоке. По преданію, король велѣлъ этому викингу сбить стрѣлой яблоко съ головы собственнаго сына; герой исполнилъ приказаніе, но затѣмъ ушелъ къ славянамъ, въ Іомсбургъ (у устьевъ Одера), гдѣ основалъ братство морскихъ разбойниковъ, не допускавшее женщинъ. Абсолютизмъ и христіанство утвердились въ 11—12 в., — въ Даніи при Кнутѣ Великомъ, въ Норвегіи при Олафѣ св., въ Швеціи при Эрикѣ св. Самымъ сильнымъ изъ нихъ былъ Кнутъ. Онъ изгналъ Олафа, который бѣжалъ въ Кіевъ къ Ярославу, потомъ возвратился и былъ убитъ норвежцами. Братъ Олафа, Гаральдъ, прославился подвигами въ Византіи, которыми заслужилъ руку Ярославны (Р. И. § 24). Въ Норвегіи его называли „Сѣверною Молніей". Онъ даже требовалъ земли у англійскаго короля, но тотъ пообѣщалъ ему одну сажень для могилы—и Гаральдъ палъ въ первой битвѣ съ нимъ. И въ Скандинавіи родовой бытъ смѣнился феодализмомъ и закрѣпощеніемъ крестьянъ: викинги превратились въ ярловъ, вельможъ. Въ Швеціи особенно усилились ярлы и епископы: корона стала игрушкой въ ихъ рукахъ. Въ Норвегіи, наоборотъ, до нашихъ дней удержалось сильное, свободное крестьянство. Городской жизни еще не было. Скандинавія славилась тогда особенно своими походами викинговъ, которые были вызваны, помимо усобицъ и дикой отваги норманновъ, бѣдностью страны: по мѣрѣ размноженія жителей, голодъ становился обычнымъ явленіемъ; а въ силу майората, младшимъ приходилось искать пропитанія на чужбинѣ. Тогда-то норманны стали ужасомъ Европы, особенно при слабыхъ Каролингахъ: матери пугали дѣтей ихъ именами; въ церквахъ молились о „помилованіи отъ лютости норманновъ". Они доходили до Кёльна, Бургундіи, Лиссабона и Севильи, захватили часть Ирландіи и Шотландіи, а также Исландію и Гренландію, открыли Винландію (Сѣверную Америку),

доплывали до Малой Азіи, гдѣ встрѣчались съ земляками, прибывавшими черезъ Россію и Византію.

Внѣ своей родины, норманны утвердились, прежде всего, во Фрисландіи, гдѣ еще Лотарь I (§ 35) уступилъ имъ землю, которая стала зерномъ Голландіи. Затѣмъ они пріобрѣли историческое значеніе во Франціи. Тамъ норманны до того мучили народъ своими набѣгами, что при Каролингахъ съ ними связывалась судьба государства. Карлъ Толстый былъ низложенъ за то, что платилъ имъ дань, а герцоги Франціи снискали любовь народа сначала борьбой съ ними (§ 35), потомъ умною мѣрой: по ихъ совѣту, Карлъ Простакъ уступилъ норвежскому викингу, Роллону Ходоку, вмѣстѣ съ рукою своей дочери, пустынную землю на сѣверѣ Франціи, названную герцогствомъ Нормандіей (911). За это Роллонъ крестился и, какъ вассалъ, обязался защищать Францію отъ своихъ соплеменниковъ. Для принесенія вассальной присяги гордый викингъ прислалъ своего дружинника, который, цѣлуя ногу у Карла, поднялъ ее такъ высоко, что чуть не опрокинулъ своего сюзерена. Роллонъ покорилъ Бретань и водворилъ порядокъ на сѣверѣ Франціи. Норманны быстро слились съ туземцами и первые стали употреблять французскій языкъ въ законахъ и пѣсняхъ. Вскорѣ Нормандія стала одною изъ самыхъ богатыхъ и развитыхъ странъ Европы, средоточіемъ утонченной французской культуры. Сохранилось много преданій объ ея первыхъ герцогахъ, которымъ давались такія прозвища, какъ Желѣзная Рука, Длинный Мечъ, Безстрашный и т. под. Въ особенности много чудесъ разсказывали о Робертѣ, котораго прозвали Дьяволомъ за его силу, злость и жестокость: онъ захватилъ престолъ, отравивши своего брата и многихъ бароновъ, и не давалъ покоя сосѣдямъ своими кознями. Нормандія стала ульемъ скандинавовъ, откуда далеко вылетали могучіе рои безстрашныхъ и непреодолимыхъ рубакъ, которые думали только о „добычѣ“, гдѣ прямо захватывая, что̀ плохо лежало, гдѣ продавая свою кровь кому-угодно, только не мусульманамъ. Въ концѣ періода имъ удалось основать цѣлыя государства на двухъ окраинахъ Запада.

Югъ Италіи спозаранку привлекалъ этихъ смѣлыхъ добытчиковъ своими богатствами, роскошью природы и легкостью наживы: тамъ боролись между собой ломбардскіе герцоги, сицилійскіе сарацины, греческіе катапаны (намѣстники Апуліи и Калабріи) и папы. Норманны нанимались отрядами то къ одному, то къ другому сопернику; многіе ходили также на богомолье къ

мощамъ Николая Чудотворца въ Бари; а преступники стремились туда изъ Нормандіи во избѣжаніе кары закона. Они усилились съ прибытіемъ десяти братьевъ Готвилей, сыновей одного бѣднаго графа въ Нормандіи. Среди братьевъ-удальцовъ выдавался коварный Робертъ Хитрецъ (Гюискаръ)—высокій, широкоплечій богатырь, съ свѣтлыми кудрями и большой бородой, отважный, жадный и жестокій: онъ пытками вымучивалъ у плѣнныхъ тайны ихъ сокровищъ. Онъ сначала оборонялъ грековъ отъ сарацинъ, потомъ, когда они обочли его, отнялъ у нихъ южную Италію (1053). Испуганный папа выступилъ-было противъ норманновъ, но попалъ въ плѣнъ и призналъ ихъ владѣнія леномъ св. Петра. Робертъ сталъ вѣрнымъ вассаломъ Григорія VII и даже мечталъ, съ его помощью, занять византійскій престолъ. Вскорѣ норманны завоевали всю южную Италію и Сицилію, образовавъ изъ нихъ Неаполитанское королевство. Здѣсь водворились законы, языкъ и феодализмъ Франціи и развились промыслы и земледѣліе. Палермо соперничалъ въ торговлѣ съ Венеціей. Въ Неаполь и Салерно пріѣзжали отовсюду учиться медицинѣ и правовѣденію, такъ какъ норманны лелѣяли культуру грековъ и сарацинъ, занимавшихъ у нихъ даже высшія мѣста. Выросло много затѣйливыхъ замковъ, почернѣлыя развалины которыхъ свидѣтельствуютъ о романическомъ бытѣ норманновъ, подернутомъ оттѣнкомъ восточной роскоши и нѣги. Но упоеніе блаженствомъ и прелестями юга привело къ утратѣ суровой доблести норманна: она смѣнилась распущенностью нравовъ, буйствомъ бароновъ, придворными кознями да преобладаніемъ исламизма. Съ правнукомъ Хитреца вымерли и Готвили. Послѣдняя ихъ отрасль, Констанца, вышла замужъ за одного изъ Гогенштауфеновъ (§ 47), къ которымъ перешло Неаполитанское королевство (1186).

§ 50. **Норманны въ Англіи. Альфредъ и Кнутъ.**—Норманны сыграли еще болѣе важную роль на другой окраинѣ Европы, въ Англіи. Тамъ дѣйствовала сначала та ихъ отрасль, которая называлась датчанами. Они пользовались и борьбой бритовъ съ англичанами, и смутами феодализма, который развился тогда и здѣсь. И между тѣмъ какъ ничтожные преемники Экберта (§ 15) ѣздили въ Римъ на поклоненіе папѣ да собирали „Петровъ грошъ“, въ странѣ повторялись ужасы 449-го г. Но, наконецъ, у англосаксовъ явился избавитель—внукъ Экберта, Альфредъ Великій. Красивый, ловкій, отважный, вѣчно спокойный и ласковый, при мучительной болѣзни, Альфредъ смо-

лоду прославился въ схваткахъ съ датчанами. Два раза былъ онъ, съ отцомъ, въ Римѣ, гдѣ полюбилъ просвѣщеніе: онъ сталъ даже писателемъ, хотя выучился полатыни лишь на 36-мъ г. Въ юности Альфредъ скрывался, съ своею матерью, отъ датчанъ среди болотъ и дебрей Сомерсета; по преданію, ему однажды сильно досталось отъ пріютившей его крестьянки за то, что, занявшись своимъ оружіемъ, онъ не доглядѣлъ, какъ подгорѣлъ хлѣбъ. Наконецъ, Альфредъ устроилъ за̀мокъ на островкѣ одной рѣки, и къ нему стеклась туземная молодежь. По разсказамъ, онъ проникъ, подъ видомъ барда, въ лагерь враговъ, все высмотрѣлъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе. Затѣмъ онъ устроилъ флотъ изъ 60-весельныхъ судовъ, соорудилъ много укрѣпленій и ввелъ всеобщую воинскую повинность. Герой постоянно отражалъ набѣги норманскихъ пиратовъ: датчане покорились, многіе даже крестились. Тогда Альфредъ занялся устройствомъ страны, столицею которой сталъ „городъ кораблей“ — Лондонъ. „Я старался жить достойно“, говорилъ Альфредъ — и это былъ первый изъ государей Европы послѣ Карла Великаго, жившій вполнѣ для своего народа. Онъ распредѣлялъ свою работу по часамъ, которые измѣрялъ 6-ю свѣчами, съ отмѣтками времени на нихъ; за пазухой у него всегда была записная книжка; между дѣломъ онъ бесѣдовалъ со странниками, учился и переводилъ, чертилъ планы построекъ, обучалъ мастеровъ и даже своихъ охотниковъ. И въ 15 л. нельзя было узнать страну. Альфредъ улучшилъ управленіе, сдѣлалъ сводъ обычнаго права англосаксовъ и устроилъ мѣстные суды, гдѣ приговоръ произносили 12 лицъ одного сословія съ подсудимымъ. Была введена круговая порука, строились города, пролагались дороги, производилась народная перепись. Водворился такой порядокъ, что путникъ, обронившій кошелекъ, находилъ его нетронутымъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Альфредъ много сдѣлалъ для просвѣщенія, основывая его на религіи: онъ вставалъ на зарѣ, чтобы помолиться въ тиши; при немъ всегда былъ молитвенникъ; много издержалъ онъ на благотвореніе, на церкви и монастыри, на посольства къ св. мѣстамъ. Альфреда такъ любили, что даже послѣдній вождь непокорныхъ британцевъ самъ пришелъ изъ трущобъ Уэльса отдать ему свою власть. А когда онъ умеръ, послѣ 30-лѣтняго царствованія (901), народная поэзія сдѣлала его своимъ любимцемъ; и исторія никогда не оспаривала его симпатичной славы.

Преемники Альфреда продолжали его дѣло, и имъ особенно

помогало духовенство. Тогда возникъ типъ англійскаго прелата,— дѣльнаго, практическаго пастыря и въ особенности политика. То былъ властолюбивый архіепископъ кентерберійскій, Дунстанъ, по прозванью „князь монаховъ". Онъ внесъ въ Англію духъ клюнійцевъ. Папскій легатъ, онъ преобразовалъ британскій клиръ: въ особенности преслѣдовалъ онъ брачное духовенство и принудилъ самого короля развестись съ своей женой-родственницей, а затѣмъ изуродовалъ ей красивое лицо раскаленнымъ желѣзомъ. Но сначала Дунстанъ самъ много претерпѣлъ въ борьбѣ съ короной, и церковь признала его св. мученикомъ. Народъ любилъ его, какъ перваго изъ своихъ государственныхъ людей. Маленькій, живой, горячій, Дунстанъ отличался простымъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ, увлекался народною поэзіей, ѣздилъ съ арфой за плечами и былъ такъ ученъ, что слылъ колдуномъ; онъ вѣчно работалъ—служилъ обѣдни, писалъ, рисовалъ, ковалъ желѣзо, строилъ, заводилъ школы, подавлялъ рабство. Подражая Альфреду, Дунстанъ хотѣлъ объединить Англію подъ властью Уессекса. Но и онъ не достигъ цѣли: послѣ его смерти, возобновилась борьба между Уэссексомъ, Мерсіей и Нортумбріей, а буйные вельможи помогали датчанамъ, которые захватили весь сѣверъ Англіи. Малодушные короли собирали „датскія деньги", чтобы откупаться отъ врага; а въ 1002 г. вѣроломно устроили его жестокое избіеніе: въ одну ночь, среди мира, по всему королевству была перерѣзана масса датчанъ и даже ихъ женъ-англичанокъ и дѣтей. Тутъ погибла и тетка Кнута (§ 49), который хорошо отомстилъ: онъ покорилъ всю Англію. Съ Кнута начинается, въ исторіи Англіи, эпоха иноземныхъ королей (1016—1204)—датскихъ, норманскихъ и анжуйскихъ. Подъ этимъ игомъ сложилось національное единство англичанъ, а связь съ материкомъ доставила имъ европейскую культуру и матеріальное довольство. Уже правленіе Кнута было благодѣтельно. Этотъ болѣзненный, жестокій пиратъ небольшого роста, овладѣвъ Англіей, заслужилъ имя Великаго. Онъ поклялся, въ посланіи къ народу, „посвятить свою жизнь справедливости для всѣхъ", и сдержалъ слово, прославившись, какъ неумолимый и безпристрастный судья, вѣчно самъ разъѣзжавшій по странѣ. Онъ сохранилъ за англичанами старыя права, ставилъ ихъ на высшіе посты, сочинялъ пѣсни въ ихъ духѣ: его имя съ любовью поминается въ ихъ поэзіи. Онъ велъ умную, мирную политику, привязавъ къ себѣ многихъ государей материка и женившись на нормандской принцессѣ;

ему удалось обратить въ своихъ вассаловъ королей Шотландіи и Швеціи. Онъ посылалъ проповѣдниковъ и мастеровыхъ на полудикій сѣверъ Европы, а самъ ѣздилъ въ Римъ, раздавая по дорогѣ милостыню и каясь въ грѣхахъ. Все это онъ совершилъ, процарствовавъ всего 19 л. и скончавшись 40-ка лѣтъ. Но дѣти Кнута были злы и бездарны. Они вызвали мятежъ англичанъ, возстановившихъ на престолѣ послѣдняго потомка Альфреда, Эдуарда, который воспитывался у своего родственника по матери, Роберта Дьявола (§ 49), и былъ прозванъ, за набожность, Исповѣдникомъ. Какъ послѣдній представитель независимости англичанъ, Эдуардъ окруженъ, въ преданіяхъ, вѣнцомъ неземной благодати: „добрые законы Исповѣдника“ значило вообще золотое времячко. Но на дѣлѣ это былъ болѣзненный аскетъ и французъ въ душѣ: онъ основалъ Вестминстерское аббатство въ духѣ Клюни. Англіей управлялъ богатѣйшій эльдорманъ, даровитый, энергичный и обольстительный Гарольдъ, который былъ выбранъ уитенагемотомъ въ короли по смерти Эдуарда. Гарольдъ проникъ даже въ Шотландію, гдѣ недавній абсолютизмъ еще не могъ подавить клановъ или родовъ (Д. И. § 261): онъ уничтожилъ Макбета, убійцу короля Дункана, сынъ котораго снова сталъ вассаломъ Англіи. Отсюда Гарольдъ поспѣшилъ на югъ, гдѣ появились норманны.

§ 51. **Вильгельмъ Завоеватель. „Желѣзные короли“.**— Сынъ Роберта Дьявола (§ 49) и дочери кожевника, Вильгельмъ былъ послѣдній изъ „морскихъ волковъ“, какъ называли викинговъ. Исполинъ ростомъ, дородствомъ и силой, бѣшеный въ гнѣвѣ, отважный въ борьбѣ, вкрадчивый въ переговорахъ, Вильгельмъ стрѣлялъ изъ лука, котораго никто не могъ натянуть, тяжелой палицей пролагалъ себѣ путь сквозь ряды непріятеля, уродовалъ и ослѣплялъ плѣнныхъ, обезоруживалъ соперниковъ коварными предложеніями и „золотыми стрѣлами“. Страстный охотникъ, онъ „любилъ звѣрей, точно былъ ихъ отцомъ“, былъ молчаливъ и одинокъ: къ нему боялись приблизиться. Уже въ Нормандіи Вильгельмъ прославился и какъ правитель: онъ подавлялъ вассаловъ съ помощью горожанъ и крестьянъ, поднималъ уровень просвѣщенія, выбиралъ такихъ министровъ, какъ ученый Ланфранкъ. Жадный Вильгельмъ объявилъ, что Эдуардъ завѣщалъ ему Англію. Къ нему стеклось до 50.000 рыцарей, искателей приключеній и добычи; Григорій VII, которому онъ обѣщалъ подчинить британскую церковь, прислалъ ему хоругвь и перстень съ волосами св. Петра, какъ бы для кресто-

ваго похода; на шеѣ у герцога висѣли частицы мощей. Приплывъ къ берегамъ Англіи, Вильгельмъ первый соскочилъ на землю и упалъ. „Эта земля моя, я взялъ ее руками!" — воскликнулъ онъ и запретилъ опустошать „свою" страну. При Сенлакѣ (1066), у Гастингса, почти разбитый Вильгельмъ хитростью вырвалъ побѣду у англичанъ; Гарольдъ палъ, и только жена, „красавица съ лебяжьей шеей", могла узнать его обезображенный трупъ.

Норманны прошли Англію до ущелій Уэльса и Шотландіи. Вильгельмъ самъ помогалъ людямъ переваливать черезъ снѣжныя вершины, ѣлъ съ ними конину: его прозвали Завоевателемъ. Сотни тысячъ покоренныхъ погибли или бѣжали: даже въ Византіи образовался отрядъ „англичанъ". Нуждаясь въ служиломъ сословіи для сдержки покоренныхъ, Вильгельмъ водворилъ феодализмъ въ Англіи, но въ слабой степени. Онъ забралъ себѣ лучшія земли съ огромнымъ богатствомъ; вассаламъ, въ званіе которыхъ были возведены многіе крестьяне и рабы изъ Нормандіи, но также и примкнувшіе къ нему англичане, раздавались мелкіе участки и разбросанно; не только они, но и подвассалы присягали и служили королю; сохранялись старыя графства, и король назначалъ своихъ шерифовъ, а его дворъ сталъ высшею инстанціей для всѣхъ судовъ. Оттого Вильгельмъ былъ сильнѣйшимъ государемъ своего времени: его и дѣтей его называли „желѣзными королями". Онъ не допускалъ частной войны феодаловъ. Онъ не побоялся ввести латынь въ церквахъ и французскій языкъ при дворѣ, въ судахъ и школахъ; онъ велѣлъ англичанамъ бросить національное платье и брить бороды. А Григорія VII Вильгельмъ

Вильгельмъ Завоеватель. Печать 11-го в.
Въ Британскомъ музеѣ.

обманулъ: онъ не дозволилъ апеллировать къ папѣ и отлучать отъ церкви своихъ подданныхъ, самъ созывалъ синоды и ставилъ іерарховъ изъ норманновъ, грабилъ церкви, поблажалъ богатымъ евреямъ. Покорный клиръ помогалъ ему оберегать народъ отъ вассаловъ: почти исчезли смертная казнь и работорговля. Въ Англіи водворился порядокъ. Но подконецъ счастье измѣнило Вильгельму, который растолстѣлъ и сталъ недомогать. На Англію нападали датчане; а въ Нормандіи возстали собственные родственники Завоевателя — сначала братъ, потомъ старшій сынъ, Робертъ, который, въ одной битвѣ, даже прокололъ копьемъ руку отца. Роберту помогали мѣстные вассалы, самъ французскій король и даже Григорій VII. Усмиряя его, Вильгельмъ умеръ, въ Руанѣ, свалившись съ коня. Приближенные ограбили его трупъ и разбѣжались.

Печать Вильгельма Завоевателя. Оборотная сторона.

Нормандія осталась за Робертомъ, Англію получилъ его братъ, Вильгельмъ II Рыжій. Робертъ вскорѣ отправился въ Іерусалимъ и, нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ Нормандію брату. Вильгельмъ выказывалъ способности, рѣшительность, храбрость, пока былъ живъ его воспитатель, Ланфранкъ. Но затѣмъ изъ него выработался жадный и капризный деспотъ, съ колкой и сальной рѣчью, со страстью только къ деньгамъ, вину и женщинамъ. Онъ раздражалъ не только бароновъ, но и кроткаго ученика Ланфранка, архіепископа кентерберійскаго, Ансельма, который замѣтилъ ему: „еслибы вы обращались со мной, какъ съ свободнымъ человѣкомъ — и я, и все мое было бы ваше; но вы обходитесь со мной, какъ съ рабомъ — и ничего не получите“. Рыжаго нашли въ лѣсу со стрѣлой въ груди, и ни одна душа не оплакала тирана. Тутъ возвратился Робертъ. Но анг-

личане признали своимъ королемъ его младшаго брата, Генриха I, который заточилъ его въ мрачный зâмокъ.

Генрихъ отблагодарилъ англичанъ хартіей или жалованною грамотой (1100 г.), которая послужила первымъ ограниченіемъ абсолютизма: онъ обязывался соблюдать „законы Эдуарда" и не притѣснять бароновъ, которые обѣщали то же относительно своихъ подчиненныхъ. Была дана хартія и Лондону: она утверждала самосудъ горожанъ и „гильдіи" или торговыя общества. Многія мѣстечки получили подобныя же грамоты, даровавшія имъ самоправленіе и свободу рѣчи и сходокъ. Такъ началось развитіе англійскихъ городовъ, куда стали переселяться купцы и мастеровые изъ Нормандіи. А города помогали Генриху возвышать корону насчетъ феодаловъ. У Генриха была только дочь, Матильда, черезъ которую онъ рѣшилъ породниться съ своимъ главнымъ врагомъ—анжуйскимъ домомъ. По преданію, этотъ домъ пошелъ отъ бретонскаго лѣсного разбойника, которому Карлъ Лысый далъ титулъ графа анжуйскаго за изгнаніе норманновъ съ береговъ Луары. Его потомокъ, Фулькъ Черный (ок. 1000)—типъ анжуйцевъ. Онъ сжегъ одну красавицу, убравши ее въ свадебный нарядъ, мучилъ своего сына, обобралъ и заточилъ друга, спасшаго ему жизнь. Грабитель церквей, Фулькъ однако страшился конца міра: дикими воплями покаянія оглашалъ онъ Іерусалимъ, бродя по улицамъ въ рубищѣ, съ веревкой на шеѣ, весь въ крови отъ самобичеванія. Но Фулькъ, а также его дѣти, были искусными полководцами и политиками: тогда анжуйцамъ уже принадлежала 1/5 нынѣшней Франціи, и они посягали на Нормандію. Чтобы обезоружить ихъ, Генрихъ I выдалъ Матильду за Готфрида анжуйскаго, прозваннаго Плантагенетомъ по полевому цвѣтку (planta genista) на шлемѣ.

§ 52. **Славяне и венгры.** — Если норманны служили историческимъ бродиломъ на западныхъ окраинахъ Европы, то славяне играли такую же роль на ея восточныхъ границахъ. Тогда выступилъ великій славянскій вопросъ, такъ какъ это запоздавшее племя уже не только создало крупныя государства, но и вліяло на всю Европу: южные и восточные славяне находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Византіей, западные—примыкали къ папству и Римско-нѣмецкой имперіи. Всѣ славяне переходили тогда отъ языческаго и родового быта (§ 16) къ христіанству и государству. Это было плодомъ стремленія къ сплоченію, подъ вліяніемъ тяжелой борьбы съ разными туранцами, греками и особенно нѣмцами. Нѣмцы отдавали ихъ

земли въ лены, которые наполнялись ихъ переселенцами; ихъ духовенство притѣсняло туземцевъ десятинами. Карлъ Великій истреблялъ цѣлыя народности (§ 32), и послѣ него слово „славянинъ" (sclavus) стало означать „раба". Конечно, къ славянамъ не могъ привиться этотъ жестокій католицизмъ, проповѣдуемый вдобавокъ на латинскомъ языкѣ. Они обращали свои взоры къ Византіи, менѣе опасной, чѣмъ западная Римская имперія. Отсюда и пришли къ нимъ „первоучители", Кириллъ и Меѳодій, имена которыхъ сдѣлали изъ 9-го в. эпоху въ исторіи славянства (Р. И. § 16): они проповѣдовали Евангеліе на мѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Меѳодій прежде всего крестилъ болгаръ, которые быстро подчинились эллинизму: многіе изъ нихъ, съ царемъ Симеономъ во главѣ, занимались переводами съ греческаго; и это умственное движеніе уже породило сильную секту богомиловъ (ок. 950). Но это не мѣшало болгарамъ вскорѣ сдѣлаться грозой Византіи, которая призывала противъ нихъ то венгровъ, то русскихъ. Греки, наконецъ, покорили это первое болгарское царство (1018) и владѣли страной болѣе 150 л. Въ одно время съ болгарами приняли христіанство сербы и хорваты—первые изъ Византіи, вторые изъ Рима. Хорваты сначала владѣли моремъ до Рагузы, имѣли большой флотъ, вели обширную торговлю, удачно воевали съ Венеціей и Болгаріей; но потомъ покорились венграмъ, а ихъ берега отошли къ Венеціи. Сербы подчинялись то болгарамъ, то грекамъ, пока царь Михаилъ не образовалъ сильнаго государства (ок. 1050). Изъ западныхъ славянъ самыми могущественными были сначала бодричи (§ 32) и чехи. Но они были подавлены нѣмцами—и тогда (ок. 850 г.) поднялись, окрещенные Меѳодіемъ, моравaне. При Святополкѣ они покорили аваровъ (§ 16), присоединили къ себѣ чеховъ съ славянами Саксоніи и истребили цѣлую германскую армію. Устрашенные этимъ громаднымъ государствомъ у себя подъ бокомъ, нѣмцы призвали венгровъ или мадьяръ, которые и уничтожили славянскія государства въ Моравіи и Хорватіи (ок. 900).

Венгры нарушили цѣльность славянства—и его западная вѣтвь подпала нѣмецко-папскому вліянію. Но то же произошло съ самими мадьярами. Хотя эти кочевники сплотились уже при своемъ баснословномъ Арпадѣ (§ 35), который положилъ основаніе Венгріи (896) и далъ ей первую династію, длившуюся около 4 вѣковъ; хотя они, въ теченіе полвѣка, грабили всю Германію, имъ пришлось бы погибнуть, подобно гуннамъ и аварамъ,

когда нѣмцы сплотились, еслибы они сами не перешли къ быту государственному и христіанскому. Какъ враги славянъ, венгры обратились не къ Византіи, а къ Риму. Ихъ вождь, Стефанъ (ок. 1000 г.), выгналъ греческихъ монаховъ и такъ почиталъ папство, что изъ Рима прислали ему золотую королевскую корону, а потомъ назвали его Святымъ. Женатый на сестрѣ императора Генриха II, Стефанъ созвалъ нѣмецкихъ и итальянскихъ колонистовъ и, издавъ законы противъ родоваго быта, ввелъ германскій феодализмъ: королевство было подѣлено на комитаты (графства), съ магнатами (вельможами) во главѣ, которые ограничили королей сеймомъ и закрѣпостили народъ А нѣмцы заселили города и обратили Венгрію въ вассала Германіи.

Нѣмцы подчинили своему вліянію и чеховъ, окатоличивъ ихъ при князѣ Вячеславѣ, и внесли къ нимъ феодализмъ: здѣсь начались долгія междоусобія, благодаря мятежнымъ воеводамъ. У поляковъ христіанство съ государствомъ явились столѣтіемъ позже, чѣмъ у чеховъ, при Мечиславѣ, послѣ котораго настала блестящая эпоха трехъ Болеславовъ, когда польское королевство простиралось до Эльбы, Балтики, Вислы и Карпатъ. Но тогда же поляки подпали римско-нѣмецкому вліянію: и здѣсь развился феодализмъ; паны и шляхта закрѣпостили кмета (мужика) и начали бороться съ своими королями. Почти въ одно время съ чехами восточные славяне образовали государство (862), благодаря варягамъ или руси, которые вскорѣ слились съ туземцами въ одинъ, русскій, народъ. При св. Владимірѣ русскіе крестились, а при его сынѣ, Ярославѣ († 1054), „слава о нихъ прошла даже до Рима"; но затѣмъ у нихъ начались такія же усобицы, какъ у чеховъ и поляковъ. Русскіе развивались тогда подъ вліяніемъ Византіи: покорное духовенство поддерживало князей; не было феодаловъ и закрѣпощенія народа; культура, еще весьма слабая, вся шла изъ Царьграда (Р. И. §§ 19—32).

§ 53. **Византія. Македонцы.** — Славяне играли тогда важную роль и въ исторіи Византіи. Отчасти благодаря имъ, положеніе этой имперіи становилось все затруднительнѣе. Славяне насѣдали на Византію, какъ саранча. Они захватывали тучныя земли внутри страны, вытѣсняя грековъ къ берегамъ. По всему Балканскому полуострову, не только деревни, но и большинство городовъ получили ихъ названія. Сами императоры говорили, что даже „весь Пелопоннесъ ославянился": этотъ полуостровъ, дѣйствительно, сталъ называться на Западѣ Мо-

реей. Византіи приходилось откупаться уступкой земель на льготныхъ для нападающихъ условіяхъ. Впрочемъ, славяне же поднимали значеніе Восточной имперіи. Они вносили свѣжую кровь и жизненное разнообразіе, сохраняя свое старое общинное устройство и свои особые нравы. Они были выносливыми воинами и тудолюбивыми земледѣльцами, а вскорѣ обнаружили и такую смѣтливость, что стали соперничать съ итальянцами и евреями въ торговлѣ и промыслахъ: ихъ поселенія были богаче греческихъ. Въ то же время, какъ полудикари, славяне легко поддавались византійской культурѣ: къ концу 9-го в. они приняли христіанство и вскорѣ утратили свой языкъ и національность. Такъ, и здѣсь эллинизмъ сплачивалъ ветшавшую имперію, придавалъ ей устойчивость, собенно выгодную въ виду распрь между ея врагами и феодальныхъ неурядицъ на Западѣ. Въ этомъ смыслѣ, былъ полезенъ и строгій абсолютизмъ, который тогда окончательно выработался въ Византіи: онъ смирялъ зачатки феодализма и держалъ порядокъ въ обширной, разноплеменной державѣ, создавъ твердую администрацію на основахъ строгаго чиноначалія и преобладанія военнаго элемента. Даже укоренялась мысль о наслѣдственности престола, который былъ до тѣхъ поръ игрушкой всякихъ хищниковъ и случайностей. Сначала недоставало только главнаго, религіознаго сплоченія: съ полвѣка свирѣпствовало новое иконоборство, когда иконописцамъ прижигали руки желѣзомъ, а одного императора зарѣзали у алтаря. Но православіе окончательно восторжествовало. Иконоборство было уничтожено (842) св. Θеодорой, которая умно управляла въ малолѣтство своего сына, Михаила III, когда жили Кириллъ и Меθодій, а подъ стѣнами Византіи появился новый врагъ — русскіе. Оттого, когда Михаилъ былъ умерщвленъ конюхомъ изъ Македоніи, Василіемъ, настало возрожденіе Восточной имперіи, длившееся два вѣка.

Василій основалъ блестящую македонскую династію (867—1057), которая снискала преданность народа способными и дѣятельными правителями. Среди нихъ были и такіе Меценаты, какъ Константинъ VII Порфирородный; но наиболѣе прославились они, какъ полководцы и дипломаты, ловко поднимавшіе враговъ имперіи другъ противъ друга. Василій I отвоевалъ у арабовъ часть Малой Азіи. Никифоръ Фока прогналъ ихъ съ Крита, служившаго гнѣздомъ мусульманскаго флота. Іоаннъ Цимисхій завоевалъ Сирію, доходилъ почти до Багдада и остановилъ напоръ русскихъ, погубивъ Святослава (Р. И.

§ 20). Братъ западной императрицы (§ 40) и русской великой княгини (Р. И. § 21), Василій II, заслужилъ имя Болгаробойца, разрушивъ первое болгарское царство. Константинъ IX, прозванный Мономахомъ (Единоборцемъ) за побѣды на военныхъ играхъ, неутомимо боролся съ русскими, печенѣгами, турками и норманнами. Въ то же время еще не утратилось обаяніе Византіи, какъ продолжательницы древней Римской имперіи, и оно поддерживалось хитрою греческой дипломатіей: даже западные императоры старались породниться съ нею. Византія была окаймлена вассальными государствами: ихъ властители получали инвеституру и даже придворныя званія отъ ея императоровъ; они ставили имена послѣднихъ въ заголовкѣ своихъ грамотъ, ссужали ихъ деньгами, кораблями, войсками. Самыми важными вассалами были ломбардскіе герцоги южной Италіи, въ особенности же итальянскія республики, съ Венеціей во главѣ, которыя богатѣли отъ льготной торговли съ Византіей. Къ нимъ примыкали, съ одной стороны, цвѣтущіе города Далмаціи—Рагуза, Спалатро, Зара, съ другой—уцѣлѣвшія греческія колоніи на Черномъ морѣ, съ крымскимъ Херсонесомъ во главѣ. Вассалами имперіи числились и сербы съ хорватами, и кавказскіе народцы, и арабскіе эмиры Малой Азіи, и цари Арменіи. Византія процвѣтала и культурно. Греки превосходили Западъ не только въ земледѣліи, которымъ они славились тогда, но также въ производствѣ предметовъ роскоши и вкуса. Они все еще первенствовали въ наукахъ и искусствахъ, какъ хранители античности и учителя Запада.

Но это возрожденіе не могло быть прочнымъ: Византія билась, какъ рыба объ ледъ, въ борьбѣ съ обстоятельствами и съ собственными пороками. И болѣе сильное государство не устояло бы, когда приходилось вести непрерывныя войны съ цѣлой тучей внѣшнихъ враговъ — съ южными славянами, русскими, венграми, печенѣгами, турками, сарацинами и норманнами. А тутъ еще постоянныя козни папъ и притязанія западныхъ императоровъ. Рознь между греческимъ востокомъ и латинскимъ западомъ Европы, между православіемъ и католичествомъ, росла. Византія презрительно смотрѣла на папу, какъ на своего ослушника, а на римскаго императора, какъ на похитителя своего престола. Императоръ же вездѣ подставлялъ ей ногу и отбиралъ у нея остатки Италіи. А борьба съ папствомъ привела къ ненависти между двумя мірами Европы: къ концу періода восточная церковь совсѣмъ отдѣлилась отъ за-

падной (1054). Этотъ расколъ привелъ къ открытой враждѣ, гибельной для Византіи: крестовые походы Запада были направлены противъ грековъ столько же, сколько противъ мусульманъ. Оттого, несмотря на военные успѣхи Византіи, предѣлы ея съуживались: подконецъ они ограничивались почти только Греціей, Ѳракіей и Македоніей. Ея флотъ уже не могъ соперничать не только съ итальянскими норманнами, но даже съ мусульманскими пиратами, грабившими Архипелагъ. Морское владычество переходило къ расцвѣтавшимъ республикамъ—къ Венеціи, Генуѣ и Пизѣ, которыя захватывали левантскую торговлю въ самой Византіи, оставляя за нею покуда одно Черное море.

Въ то же время абсолютизмъ достигалъ крайностей: онъ превратился въ султанатъ или восточный деспотизмъ. Періодъ начался синодальнымъ постановленіемъ, что „императоръ выше закона и не связанъ имъ". Подъ гнетомъ чиновничества и военщины, изсякали источники жизни — личность и мѣстное самоправленіе; а этимъ пользовались вельможи, закрѣпощавшіе народъ. Придворная жизнь все болѣе становилась бездушною обрядностью да цѣлью козней евнуховъ и женщинъ. И лишь ненадолго прерывались придворные перевороты, въ силу которыхъ, въ теченіе 1058 л. (395 — 1453), только 34 властителя изъ 107 умерли спокойно. Однажды явилось разомъ 5 императоровъ и настало господство женщинъ. Красивая, энергичная спартанка, Ѳеофанія, управляла за своего мужа, а когда его отравили, вышла за полководца Фоку. Но когда прославился другой полководецъ, Цимисхій, она помогла ему убить Фоку и стала его женой. Умный, справедливый Цимисхій думалъ даже истребить евнуховъ; но тѣ отравили его. Послѣ Василія II господствовали его племянницы, Зоя съ Ѳеодорой: онѣ поставили 6 императоровъ. Немудрено, что послѣ Македонцевъ настало 25-лѣтнее безначаліе, пока престоломъ не овладѣла династія Комненовъ. Первый изъ нихъ, Алексѣй, искусно отражалъ внѣшнихъ враговъ; но онъ окталкивалъ отъ себя своимъ коварствомъ, жадностью и ледяною обрядностью; а борьба съ турками была такъ тяжела, что ему пришлось искать помощи на Западѣ. И начались гибельные для Византіи крестовые походы.

§ 54. **Исламъ и христіанство въ Испаніи**. — Такъ, къ концу періода выступалъ на первый планъ исламскій вопросъ. Онъ принималъ новую форму: дѣло шло уже не о господствѣ

арабовъ, которое исчезало, и прежде всего на Западѣ, подъ напоромъ новыхъ христіанскихъ государствъ. Тогда рухнуло не одно владычество сарацинъ въ Италіи, вытѣсненныхъ норманнами (§ 49): сила мавровъ въ Испаніи также вымирала Хотя Омайяды держались здѣсь болѣе трехъ вѣковъ и содѣйствовали культурному значенію ислама, кордовскій халифатъ (§ 22) падалъ политически. Омайяды погружались въ изнѣженность гарема, предоставляя правленіе визирямъ. Арабскій элементъ слабѣлъ: высшія мѣста занимали евреи и христіане; гвардію наполняли проходимцы, въ особенности славяне (ихъ было до 6.000). Плодъ родоваго быта, Коранъ (§ 19), уже не годился: развивался восточный деспотизмъ съ своими спутниками—бунтами народа и крамолой эмировъ и валіевъ (намѣстниковъ). Вѣротерпимость смѣнялась фанатизмомъ, разжигаемымъ борьбой съ христіанами, которые вели упорную гверилью или „малую войну“ (партизанство). Около 1000 г. ученый визирь, Альмансоръ или Побѣдитель, озарилъ кордовскій халифатъ послѣднимъ лучемъ славы: даже христіане изумлялись его справедливому правленію, его милосердію и терпимости. Онъ задумалъ вновь завоевать Испанію, и, пользуясь усобицами христіанъ, въ 50 походовъ дошелъ до Пиренеевъ, гдѣ умеръ отъ ранъ. Послѣ него кордовскій халифатъ распался на 19 царствъ; послѣдній Омайядъ самъ отрекся отъ престола (1031). Христіане наносили все болѣе и болѣе жестокія пораженія исламу, который былъ поддержанъ лишь притокомъ новыхъ магометанъ изъ Африки, называемыхъ маврами попреимуществу. То были фанатичные арабскіе „пустынники“, Моравиды. Они построили Марокко, уничтоживши Эдризидовъ (§ 23), и нахлынули въ Испанію, по призыву севильскаго эмира (1086).

Но Моравиды могли лишь на время задержать развитіе христіанскихъ государствъ, которое не прерывалось съ Карла Великаго. Астурія (§ 22) расширялась во всѣ стороны, служа оплотомъ христіанству: астурійцы уже въ 900 г. нанесли жестокое пораженіе мусульманамъ у Заморы; они усѣяли горы крѣпостями (castella)—и Астурія превратилась въ Кастилію, обнимавшую $^1/_4$ полуострова. Тогда же возникло королевство Арагонія. Родственные между собой короли Кастиліи и Арагоніи слезно молились, пѣли на клиросѣ, носили власяницы; на ихъ могилахъ совершались чудеса: ихъ задачей были крестовые походы противъ мусульманъ. Они одушевляли пылкихъ витязей, типомъ которыхъ служитъ богатырь Діазъ, прозванный

христіанами Кампеадоромъ (полководцемъ), а арабами — Сидомъ (господиномъ). Жестокій, вѣроломный, грабившій и чужихъ, и своихъ, Сидъ умеръ въ покоренной имъ Валенсіи (ок. 1100). Изъ марки Карла Великаго (§ 22) образовались еще королевство Наварра и маркграфство Каталонія, къ которой вскорѣ присоединился Провансъ. Здѣсь было сильное французское вліяніе: однажды Вильгельмъ аквитанскій пришелъ съ цѣлою арміей французскихъ рыцарей подраться съ арабами. Оттого эти страны выдѣлялись въ Испаніи своимъ просвѣщеніемъ; но онѣ же первыя подпали аскетическому духу Клюни, перемѣнили готскую обѣдню на латинскую и слѣпо подчинились папству. Пятое государство выдѣлилось изъ Кастиліи, король которой уступилъ своему зятю, Капетингу Генриху Бургундскому, гавань Порто-Калле, у устьевъ Дуро (1095): отсюда королевство Португалія, столицею которой вскорѣ сталъ Лиссабонъ, отнятый у мавровъ проѣзжими крестоносцами. Въ новыхъ государствахъ выдвинулось среднее сословіе: между тѣмъ какъ бароны руководились старымъ, готскимъ правомъ, города и мѣстечки были награждены, за борьбу съ исламомъ, фуерами (fuero, отъ forum) — жалованными грамотами, которыя ограждали личность и имущество гражданъ, давая имъ право ставить своихъ выборныхъ наряду съ коронными графами и алькадами. Въ важныхъ дѣлахъ короли совѣщались съ государственнымъ собраніемъ изъ графовъ и епископовъ.

§ 55. **Багдадскій халифатъ и турки.** — Исламъ слабѣлъ и въ своемъ сердцѣ, въ Багдадѣ. Уже перенесеніе столицы въ этотъ городъ, удаленный отъ центра магометанства, и самая побѣда Аббасидовъ, представлявшихъ собой восточный, персидско-шіитскій элементъ (§ 21), указывали на близость разложенія арабскаго могущества. Впрочемъ сначала, несмотря на отпаденіе западныхъ странъ (§ 23), всѣ мусульмане признавали верховенство багдадскаго владыки, который одинъ носилъ званіе „халифа". Но съ 10-го в. подлѣ него возникаютъ еще два халифа — кордовскій и каирскій, такъ какъ онъ утрачивалъ и матеріальную, и нравственную силу. Падали религіозность, воинственность, патріархальность бедуиновъ и ихъ первобытное устройство (§ 19). Исчезали и сами арабы: одни возвратились въ свои пустыни; другіе превратились въ лукавыхъ, изнѣженныхъ торгашей. Въ исламѣ выдвинулись на первый планъ персы, сирійцы, берберы, затѣмъ турки. Еслибы не богатая идеальная культура, багдадскій халифатъ уже напоми-

налъ бы грубыя деспотіи Востока. Развивались притѣсненія, политическія и религіозныя: съ обращенныхъ стали брать налоги; а мусульмане забыли законъ о безземеліи. Служилые люди получали большія вотчины и львиную долю въ добычѣ, образуя феодализмъ, съ его кулачнымъ правомъ, съ порабощеніемъ народа. Духовенство поднимало голову, развивая фанатизмъ. Престолъ занимали то ханжи и кровопійцы, то сластолюбцы: презирая Коранъ, они предавались разврату, пьянству, щегольству, игрѣ въ шахматы, шашки и мячъ. Вмѣсто халифовъ, управляли коварные и жестокіе визири да эмиры-аль-омра, игравшіе роль майоръ-домовъ (§ 14). Они попирали законъ—и водворились безпорядки, нищенство, голодъ. На улицахъ Багдада, передъ дворцомъ, сунниты рѣзались съ шіитами; по провинціямъ буптовали полководцы и эмиры, съ помощью разбойничьихъ шаекъ. Въ 850—950 гг. халифатъ распался на множество мелкихъ мимолетныхъ царствъ. Въ Персіи, Бухарѣ, Арменіи, Сиріи—всюду завелись свои „султаны“, „эмиры“, „шахи“. Среди нихъ были важны, по культурному значенію, только двѣ династіи. 1) Гасневиды овладѣли всѣми землями между Тигромъ, Индомъ и Аральскимъ м. и вывезли изъ Индостана несмѣтныя сокровища для возвеличенія своей Гасны (въ Кабулѣ), которая превратилась въ свѣточъ арабской образованности. 2) Хамданиды, чистые арабы, владѣли, около 1000 г., частью Месопотаміи и Сиріи. Ихъ столица, Халебъ, была средоточіемъ наукъ и искусствъ: тамъ пріютились и вольнодумные поэты, и философы, которыхъ считали, въ другихъ мѣстахъ, еретиками; тамъ жилъ и первый мыслитель всего ислама, Аль-Фарабій.

Всѣ эти мелкія царства были поглощены врагомъ, воспитавшимся въ Багдадѣ. Ничтожные халифы не могли держаться сами: не довѣряя своимъ раздраженнымъ подданнымъ, они завели преторіанцевъ изъ чужаковъ. Среди послѣднихъ выдвигаются, съ 10-го в., турки западной отрасли. Уже Тулуниды (§ 23) и Гасневиды принадлежали къ ихъ отродью. Въ Багдадѣ же они сначала составляли лейбъ-гвардію халифовъ, которые покупали у нихъ мальчиковъ и обращали ихъ въ исламъ. Затѣмъ начальники этой гвардіи, султаны, захватили власть въ свои руки, оставивъ главѣ правовѣрныхъ одинъ титулъ и церковное значеніе: они били строптивыхъ халифовъ желѣзнымъ жезломъ, выкалывали имъ глаза, ставили ихъ нагишомъ на солнце. Въ 1058 г. султанатомъ овладѣли свѣжіе турки, сельджуки, приведенные изъ-за Арала Сельджукомъ и окрѣпшіе при Алп-Ар-

сланѣ или Храбромъ Львѣ. Алп-Арсланъ пріобрѣлъ огромную власть во имя аббасидскихъ халифовъ: онъ истребилъ мелкія царства, доходилъ до Грузіи, плѣнилъ византійскаго императора. Но вскорѣ распалась и держава Сельджукидовъ отъ усобицъ. Ихъ главная линія господствовала отъ Тигра до Инда почти до 1200 г., когда она была уничтожена собственными рабами, ховарезмійцами. Остальные Сельджукиды основали недолговѣчные султанаты въ Месопотаміи, Сиріи и Малой Азіи. Самымъ сильнымъ изъ нихъ былъ Иконійскій или Румъ, съ богатою столицей, Никеей: онъ обладалъ даже флотомъ, передъ которымъ трепетала Византія. Въ то же время многіе эмиры Сельджукидовъ образовали мелкія владѣнія въ Антіохіи, Мосулѣ, Эдессѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и др.

Всѣ эти новые маленькіе деспоты старались поглотить другъ друга; съ другой стороны, они вѣчно дрались съ старыми туземными ханами и „атабегами“ (опекунами халифовъ). Ихъ поддерживала только связь съ суннитствомъ: они признавали багдадскаго халифа главою ислама, почитали черное знамя Аббасидовъ, ненавидѣли шіитовъ, которые стояли подъ бѣлымъ знаменемъ Алидовъ и выставляли все новыхъ имамовъ (§ 21). Около 1100 г. сунниты и шіиты занимали почти равное пространство; если у первыхъ было больше исповѣдниковъ, то у вторыхъ было больше единства. Центромъ суннитства были Аббасиды въ Азіи и Омайяды въ Испаніи, центромъ шіитства—египетскіе Фатимиды, вожди измаилитовъ. Измаилиты особенно развили ученіе объ имаматѣ и вели свое происхожденіе отъ 6-го имама, Измаила, лишеннаго наслѣдства за пьянство. Хитрые, назойливые политики, они отличались прочнымъ устройствомъ, имѣли свои знаки, обряды и клятвы, разсылали неустрашимыхъ проповѣдниковъ. Фатимиды, производившіе себя отъ Фатимы и Али (§ 18), уничтожили Тулунидовъ и основали Каиръ (970), ставшій средоточіемъ шіитства. Они завоевали всю сѣверную Африку, Сицилію и Сирію. Но ихъ жестокость и коварство вызывали мятежи: къ концу періода западныя провинціи подчинились Моравидамъ, а курдъ Саладинъ захватилъ самый Египетъ. Зато въ Сиріи образовались новыя измаилитскія секты, изъ которыхъ друзы до сихъ поръ отравляютъ жизнь своимъ сосѣдямъ, маронитамъ, этой отрасли моноѳелитовъ (§ 11), живущимъ и теперь на Ливанѣ, съ собственнымъ патріархомъ.

Важнѣе другая измаилитская секта, возникшая, въ концѣ періода, въ Аламутѣ или Орлиномъ Гнѣздѣ,—на высотахъ, окай-

мляющихъ югъ Каспійскаго моря. Это—ассассины, родъ ордена, основаннаго 100-лѣтнимъ старцемъ Хасаномъ. Этотъ злой и коварный честолюбецъ, передавшій своимъ преемникамъ званіе Горнаго Старца, считался людоѣдомъ. Онъ собиралъ, въ своей неприступной трущобѣ, фанатичную молодежь и опаивалъ ее гашишемъ: очнувшись, юноша видѣлъ себя въ роскошной залѣ, полной гурій и другихъ очарованій Востока, и клялся, для сохраненія за собой этихъ сокровищъ, безпрекословно слушаться невидимаго Старца; измѣнника постигала вѣрная смерть. Эта дружина „федавіевъ" или самоотверженныхъ, съ собственными знаками и обрядами, по одному слову Старца, съ ловкостью тигра, совершала загадочныя убійства и умирала подъ пыткой, не проронивъ слова. Пользуясь изумительнымъ шпіонствомъ и голубиною почтой, Старецъ совершалъ чудеса: у кровати султановъ находили его записку о смерти, приколотую кинжаломъ къ полу; и всякій его приговоръ исполнялся. Особенно онъ поражалъ важныхъ лицъ, и именно полезныхъ реформаторовъ; а иногда нанимался, какъ палачъ и сыщикъ, на службу къ сильнымъ властителямъ, и всюду строилъ козни, сѣялъ раздоры, проливалъ кровь. Ассассины, имя которыхъ означаетъ на Западѣ убійцу (assassin), были, въ теченіе 200 л., грозой особенно суннитовъ и христіанъ по всей Передней Азіи, гдѣ они захватили неприступныя скалы, начиная съ Ливана, занятаго ими около 1100 г. Даже турки не могли одолѣть ассассиновъ: только монголы (1256) перебили ихъ всѣхъ, до дѣтей въ колыбели. Остатки этой секты встрѣчаются и теперь въ Сиріи и Индіи, но лишь какъ мирные ремесленники и чиновники.

§ 56. **Арабская культура.**—Въ этомъ періодѣ процвѣтала знаменитая арабская культура, вліяніе которой отразилось на всѣхъ среднихъ вѣкахъ не только на Востокѣ, но и на Западѣ, во всемъ—въ наукахъ и искусствахъ, въ воспитаніи и управленіи, въ рыцарскомъ романтизмѣ и даже въ бытовыхъ словахъ (адмиралъ, альковъ, алькоголь, арсеналъ, диванъ, зенитъ, сиропъ, софа, цифра, эликсиръ и мн. др.). Подъ давленіемъ живого арабскаго элемента, на дремлющемъ Востокѣ быстро обнаружилось непрерывное движеніе по всему широкому поясу отъ плоскогорій Центральной Азіи до столбовъ Геркулеса. И исламъ кишѣлъ творческими силами, хотя онъ наслаждался покоемъ только два раза, и лишь на 17 и 6 л. Арабы съ юношескою жаждой восприняли первобытныя преданія Халдеи и Египта (Д. И. §§ 19, 48) и сѣдую мудрость Китая и Индіи—черезъ Персію, кото-

рая цвѣла возрожденіемъ при Сассанидахъ (Д. И. § 273); они питались эллинизмомъ, благодаря отчасти той же Персіи, а главное—Византіи. Геніальные ученики, они наложили на плоды наставниковъ печать своеобразія, свѣжести и граціозности. Терпимые, гибкіе нравомъ, арабы лишь одно столѣтіе увлекались только религіей: уже при Омайядахъ (§ 22), когда они завели собственную монету, вмѣсто византійской и персидской, и когда ихъ языкъ сталъ государственнымъ, появились, наряду съ почтами, фонтанами и больницами, греческіе ученые и мастера. Затѣмъ закономъ было признано ученіе о „сотворенности" Корана (827)—и началось свободное развитіе мысли: въ Багдадъ стекались атеисты всѣхъ религій.

Расплодилось множество сектъ. Онѣ вызывались искаженіемъ ислама (возникли „сыдыки" или святые и сказанія о Магометѣ, какъ о божествѣ) и трудностью арабскаго языка (не было ни знаковъ препинанія, ни прописныхъ буквъ, ни гласныхъ). Особенно выдавались три секты. 1) Хариджиты или „выходцы": они и теперь проповѣдуютъ, среди берберовъ Африки, республику, общину, равенство и братство. 2) Измаилиты: у нихъ ясны слѣды и парсизма, и гностицизма. 3) Мутазилиты или „раскольники", вольнодумцы ислама, вооруженные греческою діалектикой: критикуя Коранъ, сомнѣваясь въ самомъ Аллахѣ, отвергая обрядность, они ратовали за свободу мысли и человѣчность и были силой, на которую опирались Аббасиды. Въ то же время всюду возникали памятники искусства и просвѣтительныя учрежденія, въ особенности же разсыпались цвѣты поэзіи. Меценатство стало долгомъ халифовъ всякаго типа. Полоумный деспотъ Хакимъ основалъ университетъ въ Каирѣ; сельджукъ Малекъ-шахъ преобразовалъ календарь; монголъ Гулагу построилъ обсерваторію въ Китаѣ; турокъ Махмудъ гасневидскій, вмѣсто дани, взялъ у ховарезмійцевъ философа Авицену. Но особенно прославились меценатствомъ Гакемъ II кордовскій, создавшій цѣлую сѣть школъ и библіотеку съ полмилліономъ книгъ, да сынъ Гаруна (§ 23), Мамунъ, который предлагалъ Византіи возвратить свои завоеванія за дозволеніе перевести ученыя сочиненія, сохранившіяся въ Греціи.

Не прошло и двухъ вѣковъ со смерти пророка, какъ вспыхнули очаги просвѣщенія: Дамаскъ, „городъ чудесъ"—Багдадъ, Каиръ и Кордова, затѣмъ—Фецъ, Тунисъ, Каирванъ, Тлемсенъ и Палермо. А когда пробилъ ихъ часъ, въ 11-мъ в., арабская культура пріютилась въ новыхъ гнѣздахъ, отъ Инда до Гвадал-

квивира. На смѣну арабамъ выступили даровитые персіяне и евреи и образованность сосредоточилась на концахъ исламскаго міра, за Тигромъ и въ Испаніи. Персидскій элементъ возродился при Саманидахъ, производившихъ себя отъ Сассанидовъ: они превратили Бухару и Самаркандъ въ центры торговли и науки, соединивши ихъ знаменитыя обсерваторіи съ обсерваторіями Дамаска и Александріи. Еще болѣе сдѣлали Гасневиды (§ 55), которые опирались на персіянъ, хотя сами были турки и сунниты. И теперь толпы богомольцевъ ходятъ въ Гасну (съ 1839 г. англійская) къ гробницѣ султана Махмуда (ок. 1000), который помогалъ „персидскому Гомеру“, „райскому“ Фирдуси, написать „Шах-Наме“—сборникъ (въ 120.000 стиховъ) персидскихъ преданій о такихъ богатыряхъ. истребителяхъ турапства, какъ Искандеръ, Рустемъ, Зорабъ (Д. И. §§ 51, 147). Исламская культура процвѣтала также и у сирійскихъ Хамданидовъ, и у царей монгольскихъ и татарскихъ отъ Арала до Дели, откуда она переносилась даже въ Китай.

Но выше всего стояла исламская культура въ Испаніи. При безподобномъ орошеніи, страна цвѣла и зеленѣла: въ долинѣ Гвадалквивира раскидывалось 12.000 дачъ и хуторовъ, до 100 городовъ и 300 мѣстечекъ, съ мостовыми, банями, фонтанами; было много дорогъ, каналовъ, фабрикъ, горныхъ заводовъ, портовъ. Перломъ страны была Кордова, которую даже въ захолустьяхъ Германіи называли „жемчужиной міра“. Здѣсь блистали чудеса искусства—мечеть Аль-Джами и дворецъ Аль-Казаръ, утопавшій въ зелени садовъ и лавровыхъ аллей, со всѣми своими дворами, павильонами, террасами и каскадами. Въ 10-мъ в. въ Кордовѣ насчитывалось полмилліона жителей, болѣе 100.000 домовъ, 3.000 мечетей, 80 школъ, 50 госпиталей, 900 бань, 28 предмѣстій; а вокругъ красовался вѣнокъ цвѣтущихъ дачъ. Нигдѣ не было столько образованія и благовоспитанности, какъ у мавровъ, которые заводили даже женскія школы. У нихъ числилось до 20 университетовъ и 70 библіотекъ; Кордова и Севилья славились профессорами, къ которымъ стекались студенты изъ Европы и Азіи. Особенно много было стихотворцевъ: халифы, полководцы, чиновники, даже мавританки занимались лирикой; извивы стиховъ служили лучшимъ украшеніемъ колоннъ и стѣнъ; поэтовъ чествовали, собирая ихъ при дворѣ въ диваны (§ 20), именемъ которыхъ назывались и сборники стихотвореній. Евреи соперничали съ маврами въ культурѣ. До ислама они занимались только религіей, въ Вавилонѣ, гдѣ утвер-

дилось фарисейство: тамъ раввинъ Аше (ок. 500) собралъ толкованія Библіи или Талмудъ („наука"). Но въ 8-мъ в. возникли, изъ саддукеевъ, **караиты**, „строгіе библейцы", отвергавшіе толкованія. Затѣмъ, среди мавровъ, евреи ознакомились съ классицизмомъ—и у нихъ явились ученые; въ 11-мъ в. прославился **Гебироль** (Авиceбронъ), „Источникъ Жизни" котораго, проникнутый неоплатонизмомъ, былъ (въ латинскомъ переводѣ) любимымъ чтеніемъ въ средніе вѣка.

Арабская культура,—вѣрнѣе, исламская съ арабскимъ языкомъ,—далеко проявила свою творческую силу: въ четыре вѣка (8—12) своего процвѣтанія она стала наставницей Запада, благословеннымъ плодомъ для всего человѣчества. Она разнесла сотни тысячъ книгъ по міру. Въ лицѣ Колумба 14-го в., Ибн-Батуты, она заглянула чуть не во всѣ населенные уголки Стараго Свѣта—отъ Африки и Аравіи до Византіи, Россіи, Китая, Индіи и Явы, а путемъ торговли разбросала монеты халифовъ отъ Кадикса до Пекина, Бенареса и Суматры, отъ оазисовъ Сахары, отъ скалъ Мозамбика и Адена до глубины Монголіи, до береговъ Волги, Оки и Балтики, до равнинъ Силезіи. Торговля была въ почетѣ: Магометъ былъ купецъ. Всюду шумѣли „базары" и каравансараи; всюду тянулись проѣзжіе пути—отъ глубины Сахары до Великихъ Болгаръ (Р. И. § 7). Мусульмане славились садоводствомъ и орошеніемъ полей: они подарили Европѣ розы, камеліи и жасминъ, пальму, апельсины, артишоки и абрикосы, рисъ, бобы и коноплю, а также колодцы, водопроводы и каналы. Они изготовляли металлическія издѣлія съ обронною работой (дамасскіе клинки), щеголяли вещами изъ фаянса, фарфора, дерева и мрамора. У нихъ не было соперниковъ въ окрашиваніи матерій, въ обработкѣ кожи (кордовскій сафьянъ), въ приготовленіи винъ, сироповъ, конфектъ, духовъ и помадъ. Даже утварь и мебель, замки и цѣпи выходили у нихъ перлами искусства. Въ особенности же знамениты были ихъ предметы роскоши, по богатству, изяществу и тонкости работы: по всему свѣту блистали дамасскіе бархаты, шелки и ковры, мосульскія легкія ткани (муслинъ), камка, парча, ювелирныя издѣлія. Арабы заимствовали у китайцевъ бумагу и чернила, развили чистописаніе и книжное дѣло. Они дали Европѣ образецъ **систематическаго воспитанія**: при каждой мечети была „медресе", начальная школа; юноши отправлялись къ свѣтиламъ науки, которые сначала сами разъѣзжали, свободно открывая публичные курсы по всѣмъ „семи искусствамъ" древ-

ности; потомъ халифы стали заводить казенные университеты, но безъ стѣсненій въ преподаваніи. Еще больше было частныхъ университетовъ; они обмѣнивались профессорами и студентами, которыхъ было въ Каирѣ до 12.000. Богачи основывали еще дорогіе „дома наукъ“ или академіи своего имени, съ библіотеками при нихъ. Астрономія изучалась на обсерваторіяхъ, медицина — въ госпиталяхъ.

Такъ расцвѣтала наука, въ особенности точныя и реальныя знанія. Арабы ввели цифры („зифирь“ — нуль), хотя сами называли ихъ „индійскими“ (Д. И. § 63); они создали алгебру („упрощеніе“), тригонометрію и математическую физику. По ихъ переводу Эвклида Европа училась математикѣ во всѣ средніе вѣка; а ихъ обработка Птолемея или „Альмагестъ“ ставится выше подлинника (Д. И. §§ 172, 268). Арабы также вѣрнѣе древнихъ поняли звѣзды и эклиптику: ученые до сихъ поръ пользуются ихъ астрономическими таблицами. При багдадскомъ султанѣ, Джелладединѣ, была введена новая эра (1079), на основаніи солнечнаго года, и исправленъ юліанскій календарь (Д. И. § 238). Арабы изобрѣли маятникъ, измѣряли градусы меридіана, сдѣлали много географическихъ открытій. Введя опытъ въ изслѣдованіе, они положили начало научному естествознанію, въ особенности химіи, смѣнившей алхимію, которая, зародившись въ 3-мъ в. у александрійцевъ, искала волшебнаго камня, все превращающаго въ золото: открывъ пріемы для разложенія и соединенія многихъ тѣлъ, они нашли алкоголь, сѣрную кислоту, царскую водку, поташъ и т. д. Эти открытія прилагались къ промышленности (краски, сиропы, притиранья, духи), военному дѣлу (оружіе, порохъ съ 13-го в.), въ особенности же къ медицинѣ. Арабы были тогда единственными медиками: имъ и евреямъ довѣряли свое здоровье христіанскіе властители; по ихъ трудамъ учились европейскіе врачи вплоть до 16-го в. Они ввели анатомію животныхъ, физіологію, водолеченіе, клиники и аптеки, изобрѣли много лекарствъ, сначала растительныхъ, потомъ и минеральныхъ. Они дѣлали важныя операціи (камнесѣченіе, сниманіе катарактовъ), хотя вообще тяготились видомъ крови и мученій, и нашли что-то въ родѣ хлороформа. Изъ нравственныхъ наукъ процвѣтала философія, которая проникла даже въ богословіе: Фарабій, въ Халебѣ (§ 55), создалъ „калямъ“ или схоластику, связавъ философію съ Кораномъ. Арабы сразу увлеклись неоплатониками, но больше всего Аристотелемъ (Д. И. §§ 155,

283), который былъ впервые изложенъ весь, хотя и крайне своеобразно, въ „Канонахъ" Авицены.

Но больше всего работали пылкіе, впечатлительные и мягкіе нравомъ арабы въ области фантазіи и чувства. Ихъ любимицей была поэзія. Истинный рыцарь и порядочный человѣкъ долженъ былъ отличаться не только храбростью, ловкостью, красотой и великодушіемъ, но и поэтическимъ даромъ. Но это—юношеская, неглубокая поэзія: она щеголяла только гибкостью языка да богатствомъ риѳмы, перешедшей въ Европу. Это—все лирика, царемъ которой считался гордый Мутанабби, распѣвавшій по всему пространству отъ Каира до Шираза. Эпосъ былъ только въ персидской поэзіи, которая расцвѣтала, когда падала арабская; да и то басни и „арабскія" сказки („Тысяча и одна ночь", эта основа почти всѣхъ европейскихъ сказокъ) заимствованы у индусовъ.

Зато высоко значеніе искусства арабовъ. Къ сожалѣнію, Коранъ воспретилъ изображеніе человѣка — и живопись съ ваяніемъ не могли развиться: да они и были чужды точному уму араба и его пылкой фантазіи, не укладывавшейся въ строгіе пластическіе образы. Арабы больше занимались музыкой и передали Европѣ ноты да свои напѣвы. Истинными же мастерами оказались они въ зодчествѣ. Здѣсь однимъ изъ главныхъ отличій всего средневѣковаго художества былъ мавританскій стиль, эта дивная смѣсь вліяній древняго Египта, Индіи и особенно Византіи. Онъ проявился преимущественно въ мечетяхъ, иногда огромныхъ размѣровъ (до 40 саженей вышины), снабженныхъ „минаретами", т.-е. „маяками". Его архитектурная основа бѣдна и невыдержана: снаружи это—плоскія стѣны, съ немногими отверстіями. Но зато изумительно внутреннее узорочье или орнаментовка, въ которой, словно въ театральныхъ декораціяхъ, проявился весь юношескій геній араба, смѣлый до волшебной фантастичности. Это—изящная смѣсь яркихъ, пестрыхъ красокъ, мозаики, позолоты, мраморовъ, „лазурей" (цвѣтные изразцы), въ особенности же „арабесковъ"—геометрическихъ фигуръ съ вѣтвями и цвѣтами, напоминающихъ восточные ковры и шатры кочевниковъ. Еще отличія мавританскаго стиля: обширная срединная зала на столбахъ—намекъ на палатку Магомета; дворъ съ водоемомъ для омовеній, опоясанный колоннами, какъ каба (§ 17); куполъ; тонкая короткая колонна съ кудряво-лиственной головкой; въ особенности же сводъ подковой, разбитый на кучу подковочекъ или облѣп-

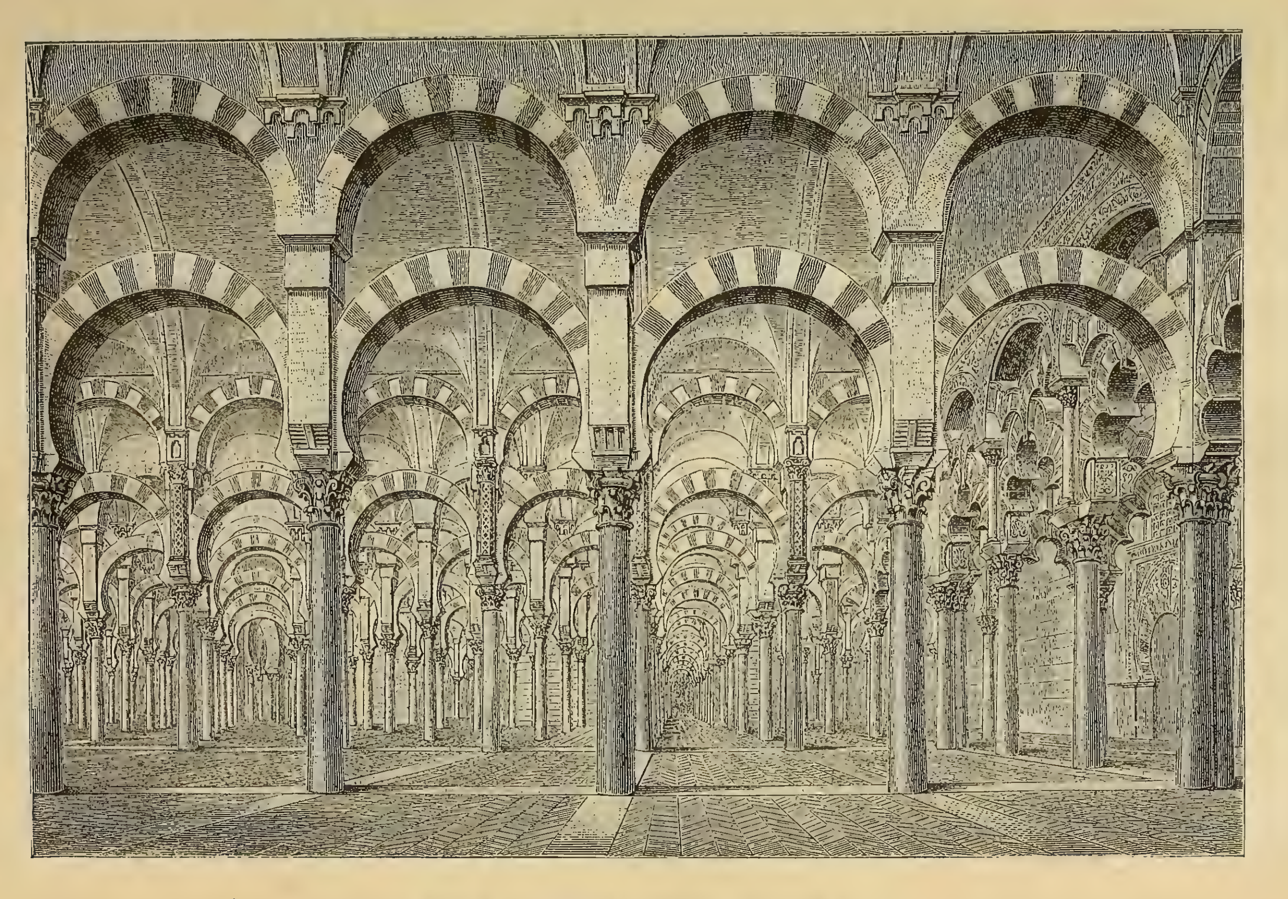
ленный штукатуркой па подобіе сталактитовыхъ сосулекъ и пчелиныхъ сотовъ. Конечно, и это зодчество было сначала бѣдно и несамостоятельно: каба—шатеръ, который и покрывается ковромъ; іерусалимская мечеть—христіанская базилика; въ старинныхъ мечетяхъ Багдада, Каирвана, Сициліи—прямо византійскій куполъ и коринѳская колонна (Д. И. § 130); въ кордовскомъ дворцѣ было болѣе 4.000 древнихъ колоннъ изъ Рима и Константинополя; въ Арменіи выработался арабо-византійскій стиль, проникавшій и въ Закавказье (соборы въ Ани и Эчміадзинѣ, Гелатскій монастырь въ Грузіи). Настоящій мавританскій стиль зародился лишь около 800 г., въ Каирѣ, и слагался съ 10-го в. въ Африкѣ, Сициліи, особенно же въ Испаніи, гдѣ перломъ его служитъ отчасти уцѣлѣвшая мечеть въ Кордовѣ [1]).

Богатая арабская культура создавала роскошную и пеструю жизнь. Бытъ халифовъ и вельможъ—сказачное царство „Тысячи и одной ночи“. Тамъ, гдѣ теперь пустынныя развалины и жалкія деревушки, красовались города, похожіе на наши столицы. Дворцы богачей напоминали чертоги ассирійскихъ владыкъ или римскихъ оптиматовъ (Д. И. §§ 42, 215). Баринъ одѣвался, какъ и теперь на Востокѣ, поперсидски; онъ не брился и не стригся (это ввели турки), но красилъ волосы и употреблялъ европейское мыло съ кучей азіатскихъ духовъ и притираній. Вставши, онъ бралъ ванну и пилъ верблюжье молоко съ медомъ; часъ спустя—завтракъ (голуби, цыплята, рыба, барашекъ), въ полдень—обѣдъ, съ закатомъ солнца—катанье на яхтахъ и вечеринка съ горами сластей, съ разливаннымъ моремъ винъ, медовъ, шербетовъ, съ пѣніемъ и пляской разубранныхъ рабынь и красавцевъ-мальчиковъ. А толпа, доставлявшая своимъ трудомъ эту благодать, погрязала въ нищетѣ и невѣжествѣ: даже въ Багдадѣ она жила въ жалкихъ мазанкахъ, а въ провинціи ее мучили чиновники да податные откупщики,—и развивалось рабство съ его бунтами.

Сама арабская культура отцвѣтала къ концу періода. Подъ

---

[1]) На нашемъ рисункѣ изображенъ остатокъ внутренней части, въ первобытномъ видѣ: вообще уцѣлѣло только 860 колоннъ; остальное попорчено, частью отъ фанатизма, частью отъ страсти къ подновленію. А всего въ кордовской мечети, которая строилась болѣе 200 л., было 1.400 мраморныхъ колоннъ и 52 придѣла. Колоннады составляли прямоугольникъ; а посрединѣ находился дворъ съ водоемомъ, усѣянный пальмами, апельсинными деревьями, журчащими фонтанами. Мечеть производитъ особенное, сказочное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что колонны расположены не правильными рядами, а въ шахматномъ порядкѣ. Теперь это—кордовскій соборъ.

Мечеть въ Кордовѣ. Около 800—1000 г.

вліяніемъ турокъ, подражавшихъ Византіи, развился заимствованный еще у Персіи восточный султанатъ, съ его опорами—солдатчиной и чиновничествомъ. Халифы стали „земными богами“: ихъ окружали чудеса механики, розы, ѳиміамы, живые львы и тигры; въ кордовскомъ дворцѣ нѣжился гаремъ изъ 6.000 слишкомъ женщинъ, окруженныхъ 17.000 евнуховъ и слугъ; тамъ плавали въ басейнахъ золотые лебеди; съ потолка свѣтили огромныя жемчужины; били фонтаны изъ ртути. Халифы платили по 50.000 р. за красавицу, тратили до 5.000 ежедневно на столъ, въ праздники осыпали толпу золотомъ, серебромъ и розами. Нравы ожесточались. Аббасиды еще истребляли свою родню таинственнымъ ядомъ, а послѣ нихъ пошли открытыя убійства да ослѣпленія посредствомъ раскаленнаго металлическаго стержня. Войско подвергалось безпощадной дисциплинѣ: въ Испаніи, на смотрахъ, наказывали даже за ржаніе коней. Покоренные, вмѣсто „покровительствуемыхъ гражданъ“, стали жертвами побѣдителей: у нихъ отнимали земли; за воровство отсѣкали руку и ногу. Женщина понизилась противъ прежняго (§ 19): она стала рабыней, „вервіемъ Сатаны, карой мужчины“; употреблять имя „жены“ стало зазорно для правовѣрнаго, который, по примѣру Византіи, заперъ свою половину въ „гаремъ“ и окружилъ ее шпіонами-евнухами; дѣвушкамъ запретили даже посѣщать мечети. Распалялся фанатизмъ: брали верхъ окаменѣлые сунниты; невѣжественные Моравиды (§ 54) губили культуру Андалузіи. Ок. 850 г. была возстановлена божественность корана—и стали сѣчь за вино, казнить за сомнѣніе, истреблять мутазилитовъ. Багдадскій мистикъ, Газель написалъ грозное „Разрушеніе философовъ“ — и мысль замолкла навремя. Споры ученыхъ смѣнились мистическою пляской софъ—богослововъ, названныхъ такъ по ихъ одеждѣ, вродѣ власяницы; а за ними послѣдовали грязные дервиши и факиры — „нищіе“, юродивые и хлысты, похожіе на индійскихъ муни (Д. И. § 62). Мечети ломились отъ приношеній; а астрономія превращалась въ астрологію (гаданье по звѣздамъ), химія—въ алхимію, медицина—въ знахарство (исканіе жизненнаго элексира, возвращающаго молодость).

Реакція опиралась на толпу, которая не знала даже арабскаго языка и лепетала на грубыхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Между тѣмъ какъ наверху праздныя поколѣнія разслаблялись въ роскоши, забитая масса становилась звѣремъ, особенно на

Востокѣ, подъ вліяніемъ турокъ. Исламскій міръ былъ озадаченъ, встрѣтивъ энергію у туземцевъ Индіи. Испаніи и Италіи. Почуявъ смертельнаго врага, онъ закипѣлъ негодованіемъ, особенно къ своимъ ученикамъ, христіанамъ. Это чувство уже изливалось на беззащитныхъ богомольцевъ, которые толпами брели, въ концѣ періода, изъ Европы въ Палестину.

§ 57. **Византійская культура**.—Какъ ни богата арабская культура, она все-таки была дочерью византійской, которая раздѣляла съ нею міровое значеніе, особенно въ началѣ періода. Вліяніе Византіи все еще ясно сказывалось почти во всѣхъ сторонахъ жизни и самого ислама, и славянскаго Востока Европы, и латинскаго Запада. Южная Италія все еще оправдывала свое древнее названіе Великой Греціи (Д. И. § 99): не только норманны, но и сарацины не могли истребить здѣсь эллинизма; Апулія въ 10 в. была прямо греческою страной не только по языку и нравамъ, но и по душѣ обитателей. Венеціанцы заимствовали изъ Византіи даже одежду и всю свою обрядность: они воспитывали тамъ своихъ сыновей и женились на знатныхъ гречанкахъ; къ нимъ перешла коварная дипломатія византійцевъ, державшая иностранныхъ пословъ, какъ въ плѣну, чтобы чванливо показывать имъ одну пышность имперіи,—дипломатія, которая охватила оттуда всю Европу, особенно въ концѣ среднихъ вѣковъ. Византія все еще была самымъ пышнымъ и изящнымъ городомъ въ свѣтѣ, узломъ міровой торговли, высшею школой технологіи, механики, промышленнаго и художественнаго производства. Крестоносцы „не вѣрили своимъ глазамъ“, когда увидали эту царицу міра, которая доставляла въ казну до 20.000 червонцевъ въ день, вмѣщала въ своихъ дворцовыхъ башняхъ милліоны золота, пурпура и шелка, блистала школами, храмами, госпиталями, сиротскими домами и т. под. Они принимали за „царскихъ дѣтей“ этихъ византійцевъ, облеченныхъ въ шелки съ золотымъ узорочьемъ, возсѣдающихъ на богатѣйшихъ колесницахъ. Всюду славились парчи Византіи, паволоки (Р. И. § 7), пурпуровыя краски, живопись, пергаментъ, дорогія бездѣлушки. Вездѣ производило впечатлѣніе ея внѣшнее могущество—этотъ чинный государственный строй съ милліардомъ рублей годового дохода; это хитрое военное искусство, съ его мудреными машинами, секретами, крѣпостями, съ его блестящими вождями; эта громадная земля, усѣянная такими богатыми торговыми складами, какъ Салоники, Ѳивы, Коринѳъ, Патрасъ, Херсонесъ Таврическій, Трапезунтъ,

Эрзерумъ (Arx Romanorum). А главное—одна только Византія сохраняла обаяніе античной культуры. Здѣсь римское право еще дѣйствовало въ жизни; императоровъ окружалъ былой блескъ; засѣдали сенаторы; толпа спорила всенародно, какъ на форумѣ, тѣшилась дорогими играми, получала кормовыя подачки, какъ при цезаряхъ.

Важнѣе всего, что Византія продолжала служить всеобщею наставницей, какъ хранительница классицизма. Аѳины все еще считались міровою школой: сюда стекались ученики отовсюду—отъ Грузіи до Парижа и Лондона. Университетъ въ Константинополѣ, гдѣ профессорами были свѣтила учености, посѣщался даже арабскими студентами. Императоры возводили профессоровъ въ сановныя званія „князя риторовъ, консула философовъ"; они сажали студентовъ, обучавшихся вообще даромъ, за свой столъ и выбирали изъ нихъ министровъ и епископовъ. Въ Византіи воспитывались на Аристотелѣ и Платонѣ; въ залахъ дворца читались публичныя лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія; у св. Софіи пріютилась академія наукъ съ несравненною библіотекой классиковъ. Императоры считали меценатство своимъ долгомъ. Сынъ Василія I, Левъ, былъ прозванъ Философомъ за свои сочиненія. Его сынъ, Константинъ VII Порфирородный, забывалъ правленіе за выписками изъ классиковъ. Анна Комнена, ученая дочь царя Алексѣя, прославила царствованіе своего отца въ „Алексіадѣ". Литература обогащалась сочиненіями по всѣмъ наукамъ; славился даже механикъ и архитекторъ, Левъ, изобрѣтавшій чудеса акустики и автоматства (также пиротелеграфъ—знаки огнями) и слывшій чародѣемъ. Но господство все еще принадлежало филологіи: ученые попрежнему (§ 24) назывались грамматиками или „полигисторами" (многознайки). Ихъ главой считался учитель Льва Философа, патріархъ Фотій, оставившій, помимо богословскихъ трактатовъ и церковныхъ законовъ (Νομοκανών), „Библіотеку" (Βυβλιοθήκη)—выписки изъ 280 классиковъ, за которыя его назвали „отцомъ библіографіи". Изъ преемниковъ Фотія важны Свида, издавшій богатый лексиконъ всевозможныхъ свѣдѣній, и Пселлъ Младшій, авторъ общепринятаго учебника квадривіума (Σύνταγμα). Было много хронистовъ, излагавшихъ событія отъ сотворенія міра, съ выписками изъ классиковъ (Амартолъ, Метафрастъ, Левъ Дьяконъ и др.). Македонцы особенно прославились изданіемъ Базиликъ или царскихъ законовъ: это — греческая переработка Юстиніанова Кодекса (§ 24), драгоцѣнная

для критики текста и для изученія правоваго быта Византіи. Здѣсь римское право эллинизовалось, приноравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ (есть даже слѣды славянской общины). Византійское искусство сначала также сохраняло свое значеніе. Оно блистало пышностью храмовъ и дворцовъ, яркостью иконъ и миніатюръ, миловидностью складней, ящичковъ и драгоцѣнныхъ издѣлій. Оно снабжало мастерами халифовъ Багдада и Кордовы. Его вліяніе ясно всюду — отъ Грузіи и Арменіи до Венеціи, Рима, юга Италіи и Франціи.

Но византійская культура важна только, какъ хранительница классицизма: большинство сохранившихся его рукописей идетъ отъ этого времени. Попрежнему ученость состояла въ кропотливыхъ извлеченіяхъ изъ грамматиковъ, лексикографовъ, глоссаторовъ, схоліастовъ, комментаторовъ. Историки отличались лестью, напыщенностью и невѣжествомъ, Базилики—искаженіемъ римскаго права, богословіе—вычурностью догматическихъ преній. За исключеніемъ народныхъ пѣсенъ съ эпическимъ характеромъ, отчасти сохранившихся доселѣ, поэзія была стихотворною прозой, проникнутою педантизмомъ лжеучености. Въ ней господствовалъ романъ — образецъ софистики и неестественности; языкъ въ немъ — смѣсь древняго греческаго съ неуклюжимъ народнымъ. Древніе эллины уже вымерли: византійцы назывались ромейцами (въ Азіи — „румъ“ и теперь); ихъ языкъ, „ромайкосъ“, попорченный вліяніемъ славянъ и итальянцевъ (потомъ турокъ и албанцевъ), отошелъ отъ эллинскаго, хотя и не такъ далеко, какъ романскіе языки отъ латинскаго Казенная школа стягивала просвѣщеніе къ престолу, гдѣ оно подвергалось вліянію церкви: тогда возникло и средоточіе монастырской науки — Аѳонъ. Въ искусствѣ насталъ застой въ содержаніи, а подконецъ—и паденіе формы отъ полнаго забвенія античныхъ преданій. Ваяніе совсѣмъ прекратилось, какъ „языческое“ дѣло, а живопись перешла, при иконоборцахъ, въ Римъ: по преданію, патріархъ перекинулъ папѣ, черезъ море, ликъ Христа. Измѣнялась даже античная одежда: только женщины наряжались, какъ римлянки, до 13-го в., но впадали въ роскошь, пестроту и сдѣлали бѣлый цвѣтъ траурнымъ; мужчины же укоротили и съузили тунику (Д. И. § 186), замѣнили сандаліи сапогами, а голова, которую прежде покрывали только въ пути, украсилась у нихъ подобіемъ фригійской шапки; духовенство одѣвалось, какъ теперь.

Новые греки стали народомъ жадныхъ, двоедушныхъ тор-

гашей и забитыхъ рабовъ. Впадая въ умственную лѣнь, читая извлеченія вмѣсто самыхъ сочиненій, они подчинялись суевѣріямъ и аскетизму грубыхъ монаховъ. Фатализмъ поддерживался смутами: такъ какъ встрѣчались императоры изъ конюховъ, мясниковъ и свинопасовъ, то развилось гаданье; ворожеи, монахи, евреи предсказывали каждому „счастливую звѣзду"; никакіе законы не могли подавить этой страсти; императоръ, положившій смертную казнь ворожеямъ, самъ составилъ оракулъ. Толпа въ столицѣ была сварлива, мятежна и лакома. На гипподромѣ и у храмовъ происходили кровавыя драки изъ-за споровъ о достоинствѣ коней или догматическихъ хитросплетеній. По праздникамъ, толпу увеселяли скоморохи, хоры и оркестры; изъ пасти мѣдныхъ львовъ лился ея любимый напитокъ—вино съ медомъ и перцомъ, а изъ златоверхихъ башенъ дворца сыпались орѣхи, финики, миндаль, царьградскіе стручки; дворъ любовался на толпу изъ-за прохладныхъ струй серебряныхъ фонтановъ, причемъ императоръ возсѣдалъ на роскошномъ престолѣ, словно въ воздухѣ, и какъ-то внезапно смѣнялъ облаченія; а подлѣ порхали по золотому платану и пѣли металлическія птички, рыкали и терзали коровъ такіе же львы. Но подлѣ богатыхъ домовъ, залитыхъ свѣтомъ лампъ, у бѣдняковъ царствовали мракъ, грязь да грабежъ. А провинціи возставали отъ гнета податей и чиновничества. Завидовали даже колону (§ 2), за котораго помѣщикъ уплачивалъ подать. Свободные крестьяне старались перейти въ колонатъ или же закладывались за динатовъ, т.-е. мощныхъ: такъ назывались въ Византіи служилые люди—тѣ же сеньеры (§ 34), владѣвшіе „военными имѣніями" или бенефиціями (§ 5) изъ императорскихъ земель.

Правда, императоры старались защищать народъ отъ угнетенія динатами, особенно духовными: они превратили ихъ всѣхъ въ „непосредственно" зависимыхъ отъ короны; даже воспрещали церквамъ пріобрѣтать земли и препятствовали постройкѣ монастырей. Но они сами окончательно подчинились вліянію восточнаго султаната. Пышный и могучій снаружи, государственный строй Византіи сталъ образцомъ крайней централизаціи и обрядности. Утвердилась мысль о наслѣдственности престола. Императоръ, у котораго діадема (Д. И. § 274) смѣнилась короной, а туфли—восточными красными полусапожками въ жемчугѣ, сталъ „деспотомъ, автократомъ, базилевсомъ, апостолоравнымъ", предъ которымъ всѣ падали ницъ, стараясь приложиться къ его ногамъ. Его жизнь представляла мучительный безконечный чинъ, гдѣ предписы-

вается все, отъ облаченія до проявленій восторга: онъ преважно описанъ въ „Придворномъ Церемоніалѣ“ Константина Порфиророднаго. „Выходы“ деспота были оглушительнымъ всенароднымъ торжествомъ, съ массой свиты, облеченной въ мундиры, которые различались, по чинамъ, шитьемъ и пурпурными каймами. Къ придворному чину относятся и игры въ циркѣ: гипподромъ былъ соединенъ съ дворцомъ; зеленые и синіе (§ 7) стали придворными корпораціями, съ большими правами и землями. Царедворцы, изъ среды 10.000 членовъ „сенаторскаго сословія“, съ „великимъ логоѳетомъ“ во главѣ, занимали высшую ступень длиннѣйшей лѣстницы чиноначалія. Изъ нихъ выбирались „стратеги“ или правители „темъ“, на которыя распадалась имперія; и у нихъ была своя свита чиновниковъ. Все это частью на жалованьи, а больше на кормленіи (Р. И. § 26): самое имя стратеговъ показываетъ, что опять, вопреки Константину (Д. И. § 276), военная власть возобладала надъ гражданской. Въ то же время, наверху, сенатъ сталъ игрушкой императоровъ, а въ провинціяхъ были уничтожены послѣдніе слѣды самоправленія, выборнаго начала.

Къ концу періода слабѣло обаяніе этой поверхностной византійской культуры. Арабы далеко опередили ее; Западъ вытѣснялъ ее у западныхъ славянъ и даже у хорватовъ. Ей подчинялись только южные и восточные славяне: болгары и сербы уже въ 9-мъ в. переводили церковныя книги съ греческаго. Но здѣсь жадный и деспотичный греческій клиръ подрывалъ вліяніе византизма. Послѣдній привился больше всего у русскихъ (Р. И. § 21—32).

§ 58. **Западная культура. Государство.** — На Западѣ, при всемъ его подчиненіи византизму и арабизму, уже слагался свой культурный типъ. Это особенно ясно въ государственномъ и общественномъ быту. Дружина и римское вліяніе разрушили родовой и общинный бытъ (§ 5) у варваровъ; но пережитки его еще не допускали укорененія абсолютизма павшей Римской имперіи. Вожди должны были покупать у своихъ сподвижниковъ службу ленами изъ покоренныхъ земель да уступкою имъ верховныхъ правъ: такъ образовался феодализмъ, и именно при Карлѣ Великомъ (§ 34), который лично просилъ, на сходкѣ, всѣхъ дружинниковъ „до самаго ничтожнаго“ повиноваться его сыну. Но при этомъ могучемъ государѣ ясна также сила сплоченія: она сдѣлала тогда шагъ впередъ (§ 25). Ея высшимъ и внезапнымъ проявленіемъ служило, для всего

Запада, возстановленіе Римской имперіи (§ 33), которое было необходимо: Карлъ Великій немыслимъ безъ католичества, папа — безъ помощи германцевъ. Для этого событія выбрали рождественскую ночь 800-го г., когда начинался и новый годъ, и новый вѣкъ; Римъ считался тогда столицей міра (matrona imperii), императоръ — созданіемъ „христіанскаго народа“ и папства. Но Карлъ, передъ которымъ унижался намѣстникъ св. Петра, принялъ императорскую корону по своей силѣ, какъ свободную и заслуженную. Западъ признавалъ Карла „главой всего міра“ (caput totius orbis); а Карлъ мечталъ о сліяніи обѣихъ римскихъ имперій, Восточной и Западной, путемъ своего брака съ Ириной (§ 11).

Знаки императорскаго достоинства. Съ 9-го в.

Но бѣда въ томъ, что то было скороспѣлое, идеальное сплоченіе. Оно не основывалось ни на какомъ правѣ или законѣ. Оттого тутъ все было неясно и нетвердо: отсюда жестокія распри между папствомъ и императорствомъ, между Западомъ и Востокомъ. Императорская корона принесла мало выгодъ нѣмецкимъ королямъ. Они пользовались только титуломъ да внѣшними церемоніями, во главѣ которыхъ стояло вѣнчаніе золотою короной въ Римѣ и желѣзною — въ Миланѣ. Еще у нихъ былъ пышный дворъ, развившійся изъ франкскаго (§ 25), да „инсигніи“ или знаки императорскаго достоинства [1]). Но власть импе-

[1]) Вотъ эти знаки, которые возникли, съ Карла Великаго, изъ церковнаго облаченія, въ разное время и изготовлялись сицилійскими сарацинами: корона, скипетръ, держава, посохъ, 3 меча (одинъ—подарокъ Гаруна Карлу), копье съ нако-

ратора ограничивалась обрядомъ вассальной присяги, со стороны нѣкоторыхъ государей, да особою клятвой собственныхъ подданныхъ. Сами нѣмцы дорожили имъ, только какъ германскимъ королемъ, который вѣнчался постарому, въ Ахенѣ, серебряною короной. Имъ онъ былъ нуженъ, какъ символъ націи: у нихъ тогда не было даже столицы; государи еще странствовали по своимъ пфальцамъ, гдѣ творили судъ и расправу, сообща съ случавшимися феодалами.

Этотъ король представлялъ силу только при Карлѣ Великомъ, который, послѣ 800-го г., развивалъ особенную внутреннюю дѣятельность, стремясь объединить всѣ народы своей пестрой монархіи (§ 34). Онъ уничтожалъ такихъ властителей, какъ баварскій герцогъ, которому недоставало только королевскаго титула, и назначалъ графами и епископами людей низкаго происхожденія. Онъ руководилъ своимъ совѣтомъ (§ 25), члены котораго играли роль министровъ и выдѣляли изъ своей среды крупныхъ политиковъ. Если лѣтомъ еще собиралось майское поле (§ 25), которое уже называлось „синодомъ", то немногочисленное: „свободныхъ" становилось мало, и они смотрѣли на эту сходку, какъ на тяжелую повинность. Да и спрашивалъ король этихъ „чужихъ, меньшихъ людей" (extranei, minores), когда хотѣлъ: все дѣлали его „ближніе" (proceres). Король выступилъ и противъ хаоса варварскихъ законовъ (leges) или обычныхъ правъ (coutumes, Weisthümer), при которыхъ иногда въ одной и той же семьѣ 5 человѣкъ судились разно: эти гражданскія Правды смѣнились государственнымъ правомъ капитуляріевъ, обязательнымъ для всѣхъ народовъ монархіи и созданнымъ королемъ, его совѣтомъ да его скабинами (§ 34), на основаніи не римскаго кодекса, а общихъ положеній германскаго обычнаго права, связанныхъ духомъ христіанства. Король захватывалъ въ свои руки и правосудіе: его скабины или 7—12 присяжныхъ изъ зажиточныхъ людей, зародившіеся давно (§ 25), теперь получили свое имя: они замѣняли народные суды, по мѣрѣ исчезновенія общины и свободнаго крестьянства, которое отвлекалось также войнами.

Эти, почти безпрерывныя, войны возвышали значеніе вождя

нечникомъ изъ гвоздя креста Господня, Евангеліе, коробочка съ мощами и другія святыни, взятыя изъ Рима и Византіи. Все это хранится и теперь въ вѣнской казнѣ. Какъ видно изъ нашего рисунка (съ гравюры 16-го в.), облаченіе римско-нѣмецкаго императора состояло еще изъ туники до пятъ, пояса, столы (омофоръ), мантіи (порфира), сандалій и перчатокъ.

націи. Въ случаѣ общей опасности, король созывалъ пѣхоту или старое ополченіе (Д. И. § 262); но вообще народное войско исчезало, вмѣстѣ съ „свободными", уступая мѣсто феодальному. Зато Карлъ Великій обязалъ всѣхъ вассаловъ носить оружіе. Они являлись конно и оружно: всадникъ прикрывался круглымъ деревяннымъ или кожанымъ щитомъ, шлемомъ съ наносникомъ и броней (франц. broigne) или кольчугой (кожаная рубаха съ желѣзными колечками); къ двуострой сѣкирѣ и копью прибавились мечъ и ножъ, почти замѣнившіе старинныя палицы, топоры и молоты; норманны принесли въ Англію лукъ въ ростъ человѣка, изъ котораго они дѣлали до 12 выстрѣловъ въ минуту и попадали на 300 шаговъ. У римлянъ и византійцевъ заимствовали осадныя орудія. Флотъ только зарождался въ Англіи и Италіи; но ему еще было далеко до флота древнихъ. Объявленіемъ войны служило препровожденіе перчатки противнику. Битвы были рядомъ поединковъ, въ которыхъ участвовала, на каждой сторонѣ, вся родня, до 7-го колѣна. Убитыхъ бывало мало: всякій старался только выбить изъ сѣдла противника, котораго оруженосцы брали въ плѣнъ, вмѣстѣ съ его конями, чтобы ихъ баринъ получилъ потомъ выкупъ. У Карла Великаго хватало финансовъ на весь этотъ государственный нарядъ. Онъ былъ богатъ и безъ общей римской подати (§ 2), которая исчезла совсѣмъ. Помимо натуральныхъ повинностей (кормленіе двора и чиновниковъ), ему принадлежали: мыта, соляной налогъ, чеканка монетъ, судебныя пени, ежегодные дары и ленная помощь. Особенно много доставляли доходы съ королевскихъ вотчинъ (удѣлы покоренныхъ государей, лѣса, воды, рынки—словомъ, все, что̀ не имѣло хозяина) и почти со всѣхъ церковныхъ земель да контрибуціи и добыча съ побѣжденныхъ: по словамъ современника, сокровища лонгобардовъ и аваровъ превратили франковъ „изъ нищихъ въ богачей".

§ 59. **Общество**. — Но послѣ Карла королевская власть снова падаетъ среди общественныхъ неурядицъ. Государственному сплоченію все еще мѣшали пережитки племеннаго, общиннаго и родоваго быта (§ 25). Многіе капитуляріи исчезали вмѣстѣ съ императорами, а обычное право мѣстами сохранялось до конца среднихъ вѣковъ. Правосудіе еще не все ушло изъ рукъ народа: Тассильонъ баварскій и Бернаръ ирвейскій были осуждены всеобщею сходкой свободныхъ. Тамъ, гдѣ больше сохранилось свободныхъ, еще не было скабиновъ: дольше всего держался народный судъ въ Вестфаліи, на „красной землѣ",

которая и называлась „Свободнымъ Графствомъ“ (Freigrafschaft). Онъ совершался даже не всегда на дворѣ замка или монастыря: часто его творили въ лѣсу, на горкѣ, на мосту, на перекресткѣ. И всюду сохранялось первобытное судопроизводство (Д. И. § 262), съ ордаліями (особенно испытаніе кипяткомъ и раскаленнымъ желѣзомъ) и поединкомъ, который замѣнялъ и апелляцію, такъ какъ обыкновенно обвиненный вызывалъ на бой. Судъ былъ не государственнымъ дѣломъ, какъ въ римскомъ правѣ, а частною тяжбой: даже въ уголовщинѣ починъ принадлежалъ не чиновнику, а пострадавшему; оттого, до рѣшенія, обвинитель раздѣлялъ тюрьму и всѣ пытки съ обвиняемымъ.

Но главнымъ препятствіемъ къ сплоченію было новое начало, феодализмъ,—это великое и любопытное явленіе, которое сложилось, изъ порядковъ римскихъ и варварскихъ (§§ 2, 5, 9, 12, 14, 15), незамѣтно, безъ всякихъ узаконеній или плановъ, вездѣ на свой ладъ, и до сихъ поръ не имѣетъ своей отдѣльной исторіи. Зародыши феодализма ясны въ капитуляріяхъ Карла Великаго, гдѣ уже встрѣчаются слова: „сеньеръ“, его „дворъ“ (maison), „вассалъ“, „бенефиціи“, какъ назывались помѣстья въ Италіи и Германіи до конца періода, тогда какъ во Франціи, съ 10-го в., является „феодъ“ (feodum, fief). Съ Карла идетъ и оммажъ (§ 34). Вассалъ клялся уважать „жизнь и члены“ сеньера; тѣмъ же обѣщаніемъ ограничивался сеньеръ. Но вассалъ, сверхъ того, обязывался подавать своему сюзерену „помощь и совѣтъ“ (auxilium et consilium). Помощь означала: быть воиномъ сеньера, давать ему, при инвеститурѣ, подарки (копье, золотыя шпоры, пара перчатокъ, конь), выручать его въ нуждѣ, давать ему постой и кормъ при проѣздѣ. Совѣтъ—обязанность являться ко двору сюзерена на его праздники, на его суды и совѣщанія. Феодализмъ достигъ своего расцвѣта къ началу новаго тысячелѣтія (§ 36). Въ силу необходимости, король самъ подрывалъ свою власть путемъ иммунитета, политическое значеніе котораго ясно изъ формулы тарханныхъ грамотъ (Р. И. § 102): „чиновникамъ не вступать на землю иммунитета, не чинить тамъ суда, не взимать налоговъ“. За нарушеніе иммунитета налагалась огромная пеня. Иммунитетами, которые давались прежде лишь жителямъ королевскихъ земель, стали жаловать вассаловъ, сначала только монаховъ, а потомъ всякихъ. И начали распространять права такихъ ленниковъ на всѣхъ обитателей иммунитета. Отсюда развитіе вотчиннаго суда и вообще сеньеріальнаго, помѣщичьяго строя государства, установленнаго фео-

дальною системой. Эта система, въ которой Карлъ Великій могъ черпать свою силу, стала гибелью для его преемниковъ: имъ приходилось давать все новыя земли, права и иммунитеты, какъ бы исходить кровью изъ открытой раны. И вотъ, феодалы уже низлагаютъ своихъ сюзереновъ-королей (§ 35), а въ 11-мъ в. корона становится игрушкой вельможъ и папъ. Вотъ отличія феодализма:

1) Знатность (наша знать – то же, что лат. nobilitas, Д. И. § 201; франц. noblesse; нѣм. Adel) или привилегированность высшаго класса. Феодалы, особенно во Франціи и Италіи, постепенно становились подконецъ наслѣдственными, и даже въ женскихъ линіяхъ, и у нихъ утвердился майоратъ; король же считался избирательнымъ и дѣлилъ земли между своими дѣтьми. Сходки вельможъ, замѣнившія майское поле, стали законодательными собраніями (рейхстагъ или имперскій сеймъ, synodus, concilium). Если феодалы судились при дворѣ, то не королемъ, а своими перами (§ 38). Они захватили въ своихъ земляхъ верховныя права, которыя стали частными, личными привилегіями: каждый вассалъ даже чеканилъ свою монету и велъ „частную войну" со всѣми, не исключая собственнаго сюзерена. У короны оставались только доходы съ собственныхъ земель, которые сокращались отъ ленныхъ раздачъ. Ничтожна была и ея военная власть: вассалъ только сначала обязывался служить сюзерену безпрекословно, но вскорѣ онъ сталъ ограничивать свою службу.

2) Чиноначаліе, вслѣдствіе разнообразія правъ. Оно также было запутано. Его строгая выработка установилась, подконецъ, только въ Германіи: здѣсь привилегированные раздѣлялись, примѣнительно къ военному строю, на 7 войсковыхъ щитовъ (Heerschild)—король, духовные и свѣтскіе „фюрсты" или имперскіе князья, графы и рыцари разныхъ ранговъ. Рыцари составляли низшую аристократію, остальные — высшую (§ 36). Среди свѣтскихъ фюрстовъ выдѣлялись 4 герцога—франконскій, лотарингскій, швабскій и баварскій; изъ нихъ, кромѣ Салійцевъ, становились сильными династами Гогенштауфены швабскіе да Вельфы баварскіе. Почти равны герцогамъ были пфальцграфы и маркграфы, особенно въ Австріи. Среди духовныхъ фюрстовъ герцогамъ соотвѣтствовали архіепископы Майнца, Кёльна и Трира, какъ канцлеры Германіи, Италіи и Бургундіи. Графы были тѣ же герцоги у себя дома, но подчинялись имъ въ военномъ отношеніи. Вся эта высшая знать владѣла сотнями деревень, выставляла тысячи всадниковъ и имѣла такіе же дворы,

какъ король. Она была окружена „министеріалами“ или служней (ministerium—служба; отсюда франц. métier—ремесло), отъ „щитоносцевъ“ (écuyer, нѣм. Edelknecht) или приспѣшниковъ (valet) до сапожниковъ и хлѣбопековъ, носившихъ платье цвѣта барина: они слились потомъ съ рыцарями. Рыцари (латинское miles; итальянское valvassor; англійское knight — отъ Knecht, § 36) владѣли одною деревней или частью ея. Ихъ низшій разрядъ составляли щитоносцы, которые назывались въ Англіи сквайрами (squire — испорч. écuyer). Рядомъ со всѣми этими вассалами существовали еще подвассалы: обыкновенно одно и то же лицо было и сюзереномъ, и вассаломъ; самъ французскій король былъ вассаломъ аббатства С.-Дени по клочку земли.

3) При такой лѣстницѣ чиноначалія, развилось **мелкодержавіе**: сколько феодаловъ, столько же было царьковъ въ государствѣ. Въ особенности кишѣли они на югѣ Франціи въ 10-мъ в.: тамъ ихъ было болѣе десятка тысячъ. Наварскій лѣтописецъ наивно отмѣчаетъ: „въ Пампелунѣ возникъ король“.

4) Отсюда **сложность и путаница** отношеній: у каждаго сеньера были свои законы и суды, „у каждаго барона своя фантазія“. Еще господствовала черезполосица — постоянные „анклавы“ (клинья чужихъ земель). Такъ же безпорядочно, какъ земли, отдавались въ ленъ права и должности: въ извѣстной мѣстности уголовный судъ принадлежалъ одному лицу, гражданскій — другому и т. д. Сѣть ленныхъ отношеній опутывала жизнь до мелочей: пенсіи, титулы, охота, баня, улей пчелъ— все „феодализовалось“, отдавалось какъ бы на откупъ. Сдавались въ ленъ одна зала въ замкѣ, кусокъ ограды, часть суда; однажды была уступлена „треть половины двухъ частей десятины“.

5) Путаница и мелкодержавіе приводили къ **анархіи**: феодалъ презиралъ даже судъ перовъ, апеллировалъ на него къ своему оружію. Безначаліе особенно свирѣпствовало во Франціи: оттого тамъ возникъ „Божій миръ“ (§ 38) и стремленіе къ усиленію короны.

6) Важнѣе всего было **крѣпостничество**, безъ котораго не могла прокормиться эта громадная пирамида властей и тунеядцевъ. Низшій классъ народа, подавляемый феодалами, крестьяне или „вилланы“ (отъ villa, §§ 2, 36), составляли уже, къ концу періода, почти цѣльную массу крѣпостныхъ (франц. serfs, нѣм. Eigene, Leibeigene—„собственные“), зародыши которыхъ

коренились и въ римскихъ колонахъ (§ 2), и въ германскихъ литахъ (Д. И. § 262), и въ рабахъ. Крѣпостной — не рабъ: его личность не была вещью, собственностью „господина“ (лат. dominus, исп. don, франц. seigneur, нѣм. Herr, англ. lord). Но на немъ лежитъ печать рабовъ, которые и составили значительную часть этого класса, наряду съ закладнями (§ 25). Баринъ, самъ не обязуясь ничѣмъ, налагаетъ на него „поголовный“ оброкъ (capitatio) „по прихоти“ (крѣпостной — „taillable et corvéable à merci“) и всевозможныя барщины, которыми онъ „эксплуатировалъ“ народъ (это слово явилось тогда): списокъ послѣднихъ занимаетъ 27 страницъ въ средневѣковомъ словарѣ; и тутъ встрѣчались дикія повинности (напримѣръ, усмирять лягушекъ въ прудѣ, пока господа почиваютъ). Баринъ пользуется правомъ „мертвой руки“ (это слово, означающее выморочное имущество, возникло въ 11-мъ в.); онъ разрѣшаетъ ему бракъ и беретъ откупъ за невѣсту тотчасъ послѣ вѣнца; онъ не дозволяетъ ему отлучаться съ своей земли, даже заставляетъ его стричься и носить особое платье. Если, такимъ образомъ, вилланъ былъ лишенъ даже гражданскихъ правъ, то про политическія льготы и говорить нечего: волостное самоправленіе исчезло вмѣстѣ съ сельскою общиной; всѣ дѣла вершалъ сеньеръ, который былъ и государемъ, и помѣщикомъ. Положеніе крѣпостныхъ было тѣмъ тяжелѣе, что ими распоряжался не самъ господинъ, а его управляющій (лат. major, нѣм. Meier, франц. prévôt, châtelain), который назначался изъ крестьянъ же и былъ ихъ кормленщикомъ. Наконецъ, мучительно было и то, что общихъ законовъ о воинской повинности не имѣлось, а приказы о каждомъ походѣ давали поводъ графамъ притѣснять народъ. Немудрено, что слово вилланъ стало браннымъ (франц. vilain). Крѣпостныхъ обыкновенно называли „глупымъ животнымъ“; въ Германіи они числились въ „несчастныхъ“, а славяне именовались даже рабами (Sklaven); въ Англіи употребляли „живую монету“ — скотъ и мужиковъ. Закрѣпощеніе раньше всего развилось въ державѣ франковъ. Затѣмъ, съ усиленіемъ анархіи, всюду „свободные“ стали закладываться за феодаловъ, чтобы просуществовать хоть какъ-нибудь: они превращались въ вѣчныхъ арендаторовъ, платившихъ сеньеру древнюю, небольшую, дань деньгами или натурой. Къ концу періода на материкѣ сложилось правило: „нѣтъ земли безъ ленного господина“. Свободные крестьяне (лат. liberi; франц. vilains francs; нѣм. Freie, Kerlen; англ. черлы) уцѣлѣли только въ глуши—въ суровой Скандинавіи, въ затопленной моремъ Фри-

сландіи и Шлезвигѣ (штединги и дитмарши), въ горныхъ трущобахъ Трансильваніи (саксы), Пиренеевъ (баски) и Швейцаріи. Въ старыхъ, „лѣсныхъ“, кантонахъ Швейцаріи (Швицъ, Ури, Унтервальденъ) сохранялась германская община, которая избирала, на мірскомъ сходѣ (ландтагъ), свое правленіе—совѣтъ и ландамана.

Закрѣпощеніе подконецъ уже равнялось прикрѣпленію къ землѣ: оно оттого и шло такъ быстро, что все дѣло было въ землѣ. То было общество сельчанъ, земледѣльцевъ. Промышленность и торговля только зарождались. Первыми городами были остатки римскихъ муниципій (Д. И. § 245) и лагерей (civitas, castrum) въ романскихъ земляхъ. Но они были по большей части уничтожены или обратились въ села, въ вихрѣ переселенія народовъ: во Франціи только 80 изъ 500 городовъ относятся къ галло-римской эпохѣ. Съ Карла Великаго потребность въ защитѣ отъ враговъ, въ особенности отъ норманновъ, да возраставшія сношенія между густѣвшимъ населеніемъ привели къ зарожденію новыхъ городовъ, которые назывались и новыми именами (во Франціи ville—отъ villa, въ Германіи—Stadt, мѣстечко). Они выростали вокругъ епископскихъ резиденцій, монастырей да королевскихъ пфальцовъ и бурговъ (§§ 25, 32). Такъ, первые города „непосредственно“ зависѣли отъ короны и церкви: ими управляли королевскіе бургграфы или епископскіе фохты. Сначала это были лишь огороженныя села, бѣдныя и малолюдныя: сами помѣщики жили не здѣсь, а по своимъ усадьбамъ. Правда, и города феодализовались, стали „посредственными“, т. е. связанными съ короной черезъ вельможъ; но они всегда стремились выйти изъ власти феодаловъ съ помощью короны и церкви, которыя давали имъ льготныя грамоты, а крѣпостнымъ—свободу, и даже сами строили „новые города“ (теперь много Villeneuve). Такъ, подконецъ эти мѣстечки превращались въ коммуны или „общины“ городскія, со своими кутюмами, скабинами и братствами; а это привлекало къ нимъ массу всякихъ бродягъ средневѣковья — купцовъ, иностранцевъ, изгоевъ, преступниковъ, бѣглыхъ холоповъ и рыцарской бѣдноты. Сначала горожане говорили: „подъ посохомъ—житье“; но когда іерархи сами пропитались феодальнымъ духомъ, они окончательно примкнули къ коронѣ, которая рада была зарожденію средняго сословія. Но все-таки, такъ какъ торговля процвѣтала лишь у Средиземнаго моря, то истинными городами были только торговые узлы въ Италіи и отчасти въ южной Франціи. Въ особенности въ Лом-

бардіи города представляли уже крупную силу, по своему богатству и политическому значенію, поддержанному муниципальными преданіями и папствомъ, которое помогало имъ сбросить съ себя иго епископовъ (§ 46)

Таковы были государство и общество на материкѣ. Англія уже представляла своеобразный типъ (§ 31). Конечно, и тамъ былъ феодализмъ. Черлы закладывались за „тановъ“ (thane) или „лордовъ“, обрабатывая отданную имъ землю на общинныхъ началахъ: такъ, свободные превращались въ вилановъ. При внукѣ Альфреда даже вышелъ законъ, чтобы всякій безземельный выбралъ себѣ лорда: „безгосподскій“ (lordlessman) становился опальнымъ, изгоемъ (outlaw). А надъ танами возвышались могучіе, наслѣдственные „эльдорманы“ (§ 31) и „эрлы“ (earl) — родъ герцоговъ и графовъ. Изъ нихъ выростали уже свои майоръ-домы: ставшій королемъ Гарольдъ напоминалъ Гюга Капета (§§ 38, 50). Норманны принесли въ Англію даже термины материковаго феодализма. Ленники стали баронами, которые распадались на два разряда — „набольшихъ и меньшихъ“ (barones majores и minores); къ первымъ принадлежалъ „графъ“, замѣнившій эрла, ко вторымъ — „найтъ“ (knight — всадникъ, рыцарь), замѣнившій тана. И бароніи или сеньеріи стали наслѣдственными, по праву майорота. Но въ Англіи король былъ сильнѣе, чѣмъ на материкѣ, уже при Альфредѣ (§ 50), котораго народъ такъ полюбилъ за патріотизмъ: тотъ же его внукъ, который развивалъ лордство, установилъ такой оплотъ противъ произвола феодаловъ, какъ „гильдіи мира“ (frith-gilds). Король уже былъ богатъ: онъ захватилъ почти всю общинную землю (§ 31) и ввелъ государственную подать — „датскія деньги“, а также получалъ очень высокія судебныя пени. У него была національная армія, которая закалялась въ борьбѣ съ датчанами. Съ Альфреда росла стройная администрація, съ могучимъ „лордомъ-канцлеромъ“ во главѣ и съ королевскимъ шерифомъ, чинившимъ судъ и расправу въ „ширахъ“ (shire) или графствахъ, на которыя была раздѣлена страна. Была уже и сильная полиція, хотя первобытная: противъ воровства строго примѣнялась взаимная порука обитателей. А уитенагемотъ (§ 31) мало стѣснялъ королей: онъ состоялъ изъ немногихъ епископовъ и эрловъ, почти игравшихъ роль царедворцевъ.

Съ Вильгельма Завоевателя уже водворяется абсолютизмъ „желѣзныхъ королей“. Онъ опирается на церковь, которая

заправляетъ высшими должностями, смиряетъ феодаловъ и сплачиваетъ народъ: высшее духовенство набиралось изъ норманновъ, низшее—изъ англосаксовъ. Король жалуетъ лены только покорнымъ туземцамъ; вообще же земли отняты у нихъ и розданы норманскимъ баронамъ, но вразбивку, чтобы не создавалось крупныхъ графствъ, какъ на материкѣ. Эти бароны — больше все непосредственные или „держатели во главѣ“ (tenantes in capite): подвассалы допускаются лишь изрѣдка, да и тѣ не были избавлены отъ присяги королю. Король становится грозенъ для героевъ кулачнаго права, что снискиваетъ ему любовь массъ: бароны побаиваются его неумолимаго шерифа. Даже королева въ небываломъ почетѣ: она коронуется отдѣльно и владѣетъ особымъ богатымъ удѣломъ. Желѣзный король знаетъ все, такъ что никому не избыть тяжелаго тягла: уже Вильгельмъ завелъ „Книгу Страшнаго Суда“ (Domesday book“)—писцовую книгу (Р. И. § 114), гдѣ числилась каждая пядь земли, каждая корова, каждый поросенокъ у англичанина. Уитенагемотъ превратился въ совѣтъ короля (curia regis), гдѣ, наряду съ уитенами, засѣдаютъ „ближніе“ короля, его нормандскіе дружиники или набольшіе бароны. И изъ этого совѣта уже выдѣлялось казначейство (exchequer)—это главное административное орудіе короля, съ „лордомъ канцлеромъ“ во главѣ, хранителемъ большой государственной печати: оно и завѣдывало финансами, и было высшимъ королевскимъ судилищемъ, куда поступали апелляціи изъ всѣхъ судовъ, тяжбы вассаловъ короля и всѣ дѣла, гдѣ замѣшивались интересы короны. Даже низшими судами завѣдывали королевскіе судьи. А областное управленіе уже почти все сосредоточилось въ рукахъ шерифа: графъ стушевывается до одного титула, а епископъ вѣдаетъ только церковныя дѣла. Но подлѣ желѣзнаго короля держатся зародыши мѣстной свободы. Попрежнему собираются земства—„дворы (или суды) графствъ и сотенъ“ (county-, hundred-courts) изъ феодаловъ, приходскихъ поповъ и представителей городовъ и мѣстечекъ, хотя народъ еще мало понималъ политическія права: шерифу было много хлопотъ собирать эти дворы, и онъ часто налагалъ высокія пени на нѣтчиковъ. Земщина немного участвовала и въ высшемъ управленіи: изрѣдка призывались въ совѣтъ короля меньшіе бароны и мѣщане отъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ и Іоркъ. Въ этихъ же городахъ замѣтны зародыши муниципальной свободы, въ видѣ гильдій и разныхъ сходокъ. Наконецъ, въ судахъ развивалось учрежденіе присяжныхъ: прежде

имъ поручалась только уголовщина, съ норманновъ — и гражданскія дѣла.

§ 60. **Церковь**. – Въ бытѣ церкви главными событіями были ея раздѣленіе и торжество папства. Раздѣленіе церквей на греко-восточную и римско-католическую было неизбѣжно, вслѣдствіе различія между двумя частями Европы (§ 33). Это различіе, сказывавшееся во всемъ, выражалось здѣсь съ особенною силой: на Востокѣ церковь всегда была государственнымъ учрежденіемъ, на Западѣ же тогда государство какъ бы стремилось превратиться въ церковное учрежденіе. Фактически раздѣленіе началось уже при Николаѣ I и Фотіѣ (§ 37), въ то самое время, когда возникала Россія (Р. И. § 9): тогда папа, пользуясь ослабленіемъ Византіи отъ деспотизма, иконоборства и ислама, отлучилъ отъ церкви патріарха, а патріархъ объявилъ католичество ересью за безбрачіе духовенства и за прибавку filioque („иже отъ Отца и Сына исходящаго") въ Символѣ Вѣры. Но формально церкви раздѣлились въ 1054 г., подъ вліяніемъ національной вражды и соперничества изъ-за славянъ: тогда папскій посланецъ положилъ на престолъ св. Софіи буллу своего владыки, въ которой проклинался всякій, кто не покоряется римскому первосвященнику. Восточная церковь оставалась слугой трона, погрязала въ богатствѣ и невѣжествѣ; даже южные славяне ненавидѣли ее за властолюбіе (§ 57). Католическая церковь крестила западныхъ славянъ, венгровъ, сѣверную Европу и становилась главою Запада.

Впрочемъ сначала и папство нуждалось въ свѣтской власти, при борьбѣ съ Византіей и съ лонгобардами, которые подъ стѣнами Рима рылись въ катакомбахъ. Но съ „даромъ Пипина" (§ 10) окончилась лучшая, пастырская, пора церковнаго смиренія: уже возникла смѣлая сказка о „дарѣ Константина"; уже устроилась сдѣлка на основаніи равенства папы съ императоромъ (§§ 26, 33); уже сложилась властная и ловкая „курія" или дворъ папы, ватиканское правленіе; и гордый первосвященникъ облекся въ собственныя „инсигніи" или знаки отличія [1]). Вслѣдъ затѣмъ католическая церковь пала навремя: папство опозорилось нравственно (§ 37); симонія дошла до того,

[1]) Гербъ у всякаго папы свой, а знаки папскаго достоинства—неизмѣнны. Это—тіара (§ 45), лежащая на двухъ скрещенныхъ ключахъ, обвитыхъ столой. Тіара — корона, которую носили еще ассирійскіе и персидскіе цари, а также мидійскіе маги и еврейскіе левиты. Появившись около 850 г., она сначала была однимъ вѣнцомъ съ матерчатымъ верхомъ.

что продавали даже тіару; безбрачіе, считавшееся съ 4-го в. правиломъ на Западѣ, исчезало; іерархи становились грубыми феодалами, монастыри — притонами разврата и невѣжества. И ни къ чему не вели благочестивыя попытки такихъ лицъ, какъ епископъ мецскій, Хродегангъ, который превратилъ свѣтское духовенство въ каноников, обитающихъ, по монашескимъ „канонамъ“ (уставамъ), въ капитулахъ или общежитіяхъ при храмахъ, подъ управленіемъ декановъ. Свѣтская власть торжествовала, тѣмъ болѣе, что зарождались, вмѣстѣ съ народностями, національныя церкви съ собственными синодами, которые поддерживали своихъ государей въ борьбѣ съ притязаніями Рима; особенно выдвинулся давно слагавшійся (§ 10) „галликанизмъ“, благодаря упорству такихъ реймскихъ владыкъ, какъ Гинкмаръ. Униженіе папства ярко проявилось при возстановленіи Римской имперіи: передъ тѣмъ папа Левъ III самолично ѣздилъ къ Карлу Великому въ Саксонію; затѣмъ онъ оправдывался, на римскомъ соборѣ, присягой предъ нимъ; онъ ставилъ его имя на своихъ монетахъ и первый началъ помѣчать папскія бумаги годами царствованія императора.

Знаки папскаго достоинства. Съ 9-го в.

Но къ концу періода церковь снова подымается. Высшее духовенство, владыки или „прелаты“ (превознесенные), т.-е. кардиналы, архіепископы, епископы и аббаты, стали первостатейными феодалами. Подобно свѣтскимъ вассаламъ, они получали отъ королей инвеституру на лены и выходили на войну; и если они были безбрачны, зато капоникатъ, состоявшій изъ младшихъ сынковъ знати, избиралъ ихъ изъ своей среды. А монастыри связывались съ знатью, выбирая себѣ изъ нея защитниковъ или „адвокатовъ“ (нѣм. Voigt). Клиръ размножился и сознáлъ свой іерархическій интересъ. Онъ становился главнымъ землевладѣльцемъ, пріобрѣталъ все новые иммунитеты и регаліи. За одинъ и тотъ же проступокъ наказывали втрое сильнѣе, если онъ былъ совершенъ противъ духовной особы. Среди народа постоянно сновали странствующіе церковные суды (они вытекли изъ епископскихъ визитацій или объѣздовъ), рѣшавшіе семейно-религіозныя дѣла, налагавшіе эпитеміи и пени. Своими льго-

тами церковь привлекала па свои земли толпы крестьянъ, бѣглыхъ, даже преступниковъ; она же заводила благотворительныя учрежденія, гостинницы, рынки и ярмарки. Церковь богатѣла и отъ даровъ, которые росли вмѣстѣ съ войнами, и отъ тройныхъ десятинъ—по праву „господскому“ (съ своихъ крестьянъ), „римскому“ (казенные доходы) и „божескому“ (съ чужихъ леновъ). Особенно усилилось духовенство въ Германіи: здѣсь оно владѣло почти 1/3 земли, и епископы руководили императоромъ и всею жизнью народа; здѣсь было 6 архіепископовъ и 35 епископовъ; а Рейнъ былъ усѣянъ церковными владѣніями. И здѣсь-то іерархія наиболѣе враждовала съ короной, а послѣ вормскаго конкордата (§ 48) стала къ ней въ такія же отношенія, какъ феодалы.

Въ 11-мъ в. возвеличилось и папство. Оно выработало такія орудія деспотизма, какъ индульгенція или отпущеніе грѣховъ, отлученіе отъ церкви и интердиктъ или запретъ. Страшенъ былъ интердиктъ, налагаемый па цѣлую страну, при мрачной церемоніи, съ погашеніемъ свѣчей въ храмѣ: алтари и иконы покрывались трауромъ; служба и требы прекращались; никто не смѣлъ ѣсть мясо и стричься; всѣ каялись ежедневно; трупы валялись на улицахъ и дорогахъ безъ погребенія. Тогда же національныя церкви падали, за исключеніемъ стойкаго галликанизма. Григорій VII вознесъ папство почти на баснословную высоту (§§ 44—46). Если онъ не создалъ ничего новаго, зато подвелъ старыя учрежденія подъ папскую руку: такъ, случайные, ничтожные папскіе посланцы, существовавшіе съ 4-го в., превратились въ прочное и великое орудіе Рима, въ видѣ легатовъ, этихъ властныхъ и пышныхъ подобій папы, которые повелѣвали владыками, соборами и государями, хотя сами были иногда изъ простыхъ монаховъ. Григорій VII дѣлалъ уже попытки составить сводъ каноническаго права, гдѣ все подводилось и перетолковывалось тонкими крючкотворцами въ рясахъ на пользу папскаго міродержавія. Онъ располагалъ огромными средствами, получая, помимо собственныхъ доходовъ, грошъ или динарій св. Петра,—эти взносы закладней св. престола, среди которыхъ кишѣли почти всѣ города и даже короли Европы. Бывшій жалкій монахъ Гильдебрандъ унизилъ императорство до каносскаго позора и раздавалъ короны, какъ свои лены.

Помимо паденія цезаризма, водворенію ѳеократіи содѣйствовали слѣдующія причины. 1) Только въ церкви была организація, іерархическій порядокъ и законы, написанные подъ влія-

ніемъ римскаго права. Оттого она всюду вносила благодѣтельный для массъ порядокъ, подавляя феодальную анархію. Только церковь могла ввести Божій миръ, объявленный на синодахъ южной Франціи; а папа вскорѣ внесъ это учрежденіе въ каноническое право для всѣхъ: и тогда-то былъ изобрѣтенъ интердиктъ для наказанія ослушниковъ. 2) Германо-романскія массы нуждались въ культурномъ единствѣ, въ виду разницы между латинствомъ на Западѣ и византійствомъ, язычествомъ и исламомъ — на Востокѣ. Карлъ Великій ходилъ крестовыми походами противъ славянъ и аваровъ: воины пѣли псалмы, впереди шли священники съ хоругвями и крестами. Возобновленная Римская имперія могла быть только „Священною", тѣмъ болѣе, что только папа хранилъ міровыя преданія Вѣчнаго Города. 3) Подъ вліяніемъ 1000-го года и успѣховъ ислама, Западомъ овладѣла небывалая религіозность. Отсюда развитіе монашества. До 11-го в. оно падало, вмѣстѣ съ папствомъ и клиромъ: гдѣ появлялась обитель, тамъ быстро закрѣпощались „свободные", исчезали слѣды классицизма, падала нравственность въ окрестностяхъ. Но здѣсь же раньше всего зародился духъ крайней религіозности и дисциплины. Въ минуты глубокаго паденія папства (910), возникъ строжайшій уставъ въ Клюни (§ 44), духъ котораго и воплотился въ Григоріи VII. Этотъ духъ проникалъ католичество всюду, увлекая и народы. Даже въ отдаленной и гордой Англіи Ланфранкъ очищалъ церковь правилами клюнійцевъ, а Ансельмъ боролся съ желѣзными королями, за что и былъ сопричисленъ папой къ лику святыхъ (§ 51): тамъ шла своя борьба за инвеституру, и окончилась она такъ же, какъ на материкѣ (§ 48), только лѣтъ на 15 раньше. Но сильнѣе всего папскій духъ охватывалъ Германію. Въ Швабіи, въ лѣсныхъ тѣснинахъ Шварцвальда, монастырь Гиршау сталъ нѣмецкимъ Клюни: онъ изобрѣлъ даже „свѣтскихъ братьевъ"—полумонаховъ, которые оставались въ міру и несли въ него новую идею. Тогда же папское христіанство распространялось по окраинамъ Германіи. Оно шло на юго-востокъ изъ С. Галлена, на сѣверо-востокъ— изъ Фульды и Корвея (на Везерѣ), созданнаго Карломъ Великимъ изъ саксонскихъ мальчиковъ. Отсюда выходили такіе подвижники, какъ „апостолъ Помераніи", Оттонъ, и „апостолъ Сѣвера", Анскаръ, крестившій шведовъ и датчанъ.

§ 61. **Понятія.**—Церковь торжествовала къ концу періода: наставала эпоха религіозная попреимуществу, вѣнцомъ кото-

рой были крестовые походы. Но въ началѣ періода настроеніе умовъ было нѣсколько иное. Въ 9-мъ и отчасти 10-мъ вѣкахъ сохранялись слѣды классицизма, античныхъ понятій. Въ Италіи, которая была самою богатой и просвѣщенной страной, особенно въ муниципіяхъ, господствовали почти языческій духъ, городской лоскъ или urbanitas (Д. И. § 247), поклоненіе антикамъ. Но и въ другихъ мѣстахъ масса еще не чуждалась жизни и считала монашество то чудачествомъ, то призваніемъ избранныхъ; она еще мирно жила съ евреями, которые оживляли торговлю и промыслы, ставши капиталистами въ силу запрещенія имъ владѣть землей. Церковь человѣчно относилась къ людскимъ слабостямъ, не преслѣдовала еретиковъ и колдуній. Она еще не установила догмы: духовенство, учившееся семи искусствамъ, допускало разсужденія о вѣрѣ, толкованіе Библіи; епископы и даже папы склонялись къ взглядамъ, которые вскорѣ были признаны еретическими. Борьба между папствомъ и цезаризмомъ и національныя стремленія мѣстныхъ церквей поддерживали разнообразіе воззрѣній. Въ Римѣ проповѣдывалось почитаніе иконъ, мощей, святыхъ, пилигримствъ (хожденія къ св. мѣстамъ); а у Каролинговъ церковь стояла за иконоборство, синоды гремѣли противъ мощей и паломничества.

Оттого появлялись независимые мыслители, напоминавшіе Оригена и Пелагія (Д. И. §§ 277, 284). Архіепископъ ліонскій, св. Агобардъ, возставалъ противъ суда Божія, противъ богословскаго объясненія града, молніи и падучей болѣзни; онъ называлъ иконы антропоморфизмомъ (Д. И. Введ. § 6), а Гинкмару (§ 37) статуи святыхъ казались „куклами“. Архіепископъ майнцскій, Рабанъ, отвергалъ предопредѣленіе и пресуществленіе. Монахъ Готшалькъ, который ѣздилъ по Италіи и Франціи и славился аскетизмомъ, въ особенности же ученостью и діалектикой, горячо отвергалъ пресуществленіе и въ то же время развилъ предопредѣленіе Августина до того, что, по его мнѣнію, Богъ наслаждается муками предназначенныхъ въ адъ. Церковь же, благоговѣвшая передъ Августиномъ, держалась семипелагіанизма, допуская отчасти и свободную волю съ добрыми дѣлами: Готшалька высѣкли до полусмерти и похоронили, какъ собаку. Но истиннымъ представителемъ ума 9-го в. былъ странствующій ирландецъ Эригена, который обладалъ всѣми знаніями эпохи и первый выставилъ, вмѣсто энциклопедій, міровоззрѣніе античнаго міра. Онъ старался ввести философію въ богословіе, т.-е. сталъ отцомъ средневѣковой или „школьной“ науки,

схоластики [1]). Но Эригена не подчинялъ философіи богословію: онъ первый у христіанъ поставилъ „разумъ" (ratio) выше „авторитета" церкви (auctoritas ex vera ratione processit, ratio vero nequaquam ex auctoritate), т.-е. сталъ отцомъ раціонализма. Подобно Оригену и гностикамъ, Эригена находилъ въ Библіи много „символическаго, фигуральнаго", какъ въ миѳологіяхъ, и отвергалъ сотвореніе, Троицу, предопредѣленіе, адъ, пресуществленіе: оттого папа заставилъ Карла Лысаго выгнать его изъ придворной школы, хотя онъ велъ монашескую жизнь и признавалъ Откровеніе. Въ системѣ Эригены (De divisione naturae) догма—мистицизмъ и пантеизмъ неоплатониковъ, а общій духъ, методъ и форма—Аристотель: оттого его считаютъ отцомъ всѣхъ трехъ направленій въ схоластикѣ—мистическаго, идеальнаго и реальнаго. Въ 9-мъ же в., въ Пиренеяхъ появились адопціане, считавшіе Христа лишь „усыновленникомъ" Божіимъ. Въ концѣ періода на югъ Европы проникало богомильство (§ 52), вытекшее изъ ученія манихеевъ (Д. И. § 277) и павликіанъ (приверженцевъ ап. Павла), проповѣдывавшихъ, въ 7-мъ в., въ Арменіи. Послѣдователи болгарскаго попа, Богомила, придерживались дуализма и отвергали мощи и иконы, таинства и іерархію. Подконецъ, когда богомилы захватили весь Балканскій полуостровъ и имъ стали покровительствовать власти и даже епископы, церковь воздвигла на нихъ тяжкое гоненіе—и они потянулись на Западъ. Но здѣсь вскорѣ замолкъ раціонализмъ: одиноко стоитъ знатокъ классиковъ и любимецъ студентовъ, дьяконъ Беренгаръ турскій, который страстно боролся за права разума и отвергалъ пресуществленіе, ссылаясь на Эригену; по настоянію соперника въ преподаваніи, Ланфранка, соборъ принудилъ его къ отреченію, вопреки Григорію VII.

Сильнѣе классицизма было вліяніе язычества варваровъ, которое все возрастало. Варвары крестились больше для того, чтобы получать подарки, и вспоминали церковь только когда платили ей десятину. Оттого между тѣмъ какъ на югѣ было лишь немного античныхъ суевѣрій (обѣтныя статуэтки, праздникъ Миѳры, перешедшій въ Рождество), на сѣверѣ, особенно въ Германіи, кишѣли пережитки язычества, отчасти сохранившіеся и теперь въ предразсудкахъ, нравахъ, обычаяхъ и на-

---

[1]) *Scholasticus* (отъ σχόλα—школа)—учитель одного изъ 7 свободныхъ искусствъ въ монастырскихъ школахъ Карла Великаго, потомъ — вообще ученый, и именно философъ.

родной поэзіи. Тамъ Богъ былъ одноглазымъ, бородатымъ старикомъ въ голубомъ плащѣ (Одинъ), а на зимняго Николу онъ ходилъ по избамъ въ епископскомъ облаченіи. При громѣ говорили, кто — „Одинъ промчался", кто — „Илья проѣхалъ". Зигфридъ (Д. И. § 262) сталъ св. Георгіемъ, Торъ — св. Яковомъ, кидающимъ свой молотъ изъ Швейцаріи въ Испанію; и клялись — „убей меня молотъ". Въ празднованіи Рождества и Пасхи все языческое — ёлка, гаданье, ряженые и пр. Таковы же: „приподнесеніе" дѣтей монастырямъ, костры на горахъ, зажигаемые треніемъ двухъ полѣнъ, и мн. др. Ордаліи (§ 27) не только сохранялись, но къ нимъ прибавили поединокъ женщинъ и церковный искусъ: приводили къ причастію, думая, что виноватый не дерзнетъ проглотить его.

Церковь должна была считаться съ силой пережитковъ: она приняла многіе символы, обряды и сказки язычества и развивала внѣшнюю сторону. Церковь создала демонологію, въ связи съ ученіемъ объ адѣ, Страшномъ Судѣ и воскресеніи мертвыхъ, причемъ превратила въ демоновъ языческія божества точно такъ же, какъ она низвела жрецовъ на степень колдуновъ. Тогда „Дикій охотникъ" (Д. И. § 262) сталъ „царемъ ада" (Höllenkönig, отсюда Erlkönig), который носится вихремъ, съ собственной головой подъ мышкой; въ Германіи это — Карлъ Великій, во Франціи — Артуръ, Роланъ, Гюгъ; иногда это — великанъ, переносящій своего сына черезъ воду (Христофоръ), иногда же — Локи. Чортъ принялъ тогда свой обычный видъ, хотя его считали глупымъ и еще не боялись; а въ Италіи вовсе не вѣрили въ него. Явилась и чертовка: это — богиня германцевъ, Гульда, но похожая частью на Діану, частью на Иродіаду, а больше на Бабу-Ягу; она еще принимаетъ видъ красавицы для завлеченія такихъ рыцарей, какъ Тангейзеръ; она же — „бѣлая женщина", что̀ колобродитъ въ за̀мкахъ по ночамъ, особенно передъ смертью хозяина. Ей подчинялись вѣдьмы, типъ которыхъ возникъ тогда же, подъ вліяніемъ нѣмецкой и классической миѳологіи. Звѣзды считались обителями мертвецовъ, которые собираются по ночамъ и двигаются хороводомъ: отсюда пляски смерти, отразившіяся въ искусствѣ. Ходила масса разсказовъ о продѣлкахъ нечистой силы; много легендъ сложилось тогда и о чудесахъ, особенно отъ мощей, которыя размножились съ 9-го в., когда венеціанцы привезли изъ Александріи мощи св. Марка. Крайне распространились пилигримства, особенно въ Римъ: шелъ всякій, отъ императора до

нищаго, шли богомолки съ дѣтьми; брели босые, съ клюкой и котомкой, по бездорожью, въ непогодь, а ихъ подстерегалъ душегубъ, венгерецъ, норманнъ, сарацинъ. Съ этимъ связана романтическая страсть къ приключеніямъ и бродяжничеству, отличающая средніе вѣка. Внѣшнее пониманіе христіанства выражалось также въ пышности обрядовъ, въ модѣ на суды божіи да въ монашествѣ, которое развилось, въ концѣ періода, до „конгрегацій“ (союзы монастырей одного ордена) и до созерцательнаго аскетизма клюнійцевъ. Этотъ духъ дошелъ до умопомраченія около 1000-го г., съ которымъ связывалось суевѣріе хиліастовъ (Д. И. § 271). Наканунѣ, цѣлые годы не работали, не сберегали, не строились и все приносили церквамъ земли и дома „mundi fine appropinquante“. А съ 1001-го г. стали, съ радости, дѣлать новыя пожертвованія, то „для искупленія своихъ грѣховъ“, то „для спасенія души“: по словамъ очевидца, „міръ одѣлся въ бѣлое платье церквей“.

Такъ насталъ разгаръ христіанской религіозности, — вѣкъ Григорія VII, царство клюнійцевъ. Пылкая вѣра охватываетъ народы, превращая ихъ въ фанатичное воинство папъ: въ Швабіи возникло, среди мірянъ, духовное общество Братьевъ Общей Жизни, и къ нему причислялись цѣлыя деревни. Догма становится рѣшительною... На первый планъ выступаютъ святые съ ихъ мощами и чудесами, и Римъ бойко торгуетъ костями и цѣлыми трупами изъ катакомбъ. Надъ ними царствуетъ, въ романтической красотѣ, Дѣва Марія: тогда явилась молитва „Ave Maria“. Пилигримы уже достигаютъ Іерусалима. Обрядность доходитъ до установленія праздника ословъ въ честь тѣхъ животныхъ, на которыхъ въѣхали Христосъ въ Іерусалимъ и Богородица въ Египетъ; въ Веронѣ хранились кости одного изъ нихъ, прибывшія изъ Палестины по морю, яко по суху; а во Франціи осла приводили къ алтарю въ облаченіи, причемъ попъ съ богомольцами издавали ослиные крики. Вѣра въ чорта выдвигаетъ новую требу—экзорцизмъ (§ 27). Лѣтописи наполняются мрачными баснями объ „одержимыхъ“, о гуннахъ и евреяхъ, о морѣ, трусѣ и потопѣ. Сверкнулъ и фанатизмъ. Церковь осудила Эригену, какъ еретика; во Франціи были сожжены первые 13 еретиковъ (1022). Евреямъ воспретили коронную службу и сношенія съ христіанами: ихъ заточили въ особые кварталы и одѣли въ желтое платье шутовскаго покроя; во Франціи, на Пасху, вельможа, по выбору епископа, всенародно давалъ оплеуху „жиду“ передъ храмомъ; тамъ уже было и первое гоненіе на

евреевъ (1010) за то, что халифъ разрушилъ храмъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Словомъ, Западъ какъ бы соперничалъ съ Византіей (§ 57) въ суевѣріяхъ и фанатизмѣ.

Въ концѣ періода возникло и богословіе, забытое послѣ Августина. Отцомъ его былъ клюніецъ по духу, „второй Августинъ“, Ансельмъ (§ 51), развившій ученіе Августина объ ангелахъ, Троицѣ, безсмертіи, воскресеніи мертвыхъ, въ особенности же объ идеѣ Божества, которую онъ выводилъ, кромѣ Откровенія, изъ природы нашего разума. Онъ достигъ этого посредствомъ введенія философіи въ богословіе—мысль, которая долго лишала его сна, пищи, даже молитвы. Но Ансельмъ, негодуя на раціонализмъ Эригены, объявилъ, что разумъ долженъ разсуждать только о томъ, что̀ дано вѣрою (credo ut intelligam). Положивъ жизнь на защиту невидимаго, сверхчувственнаго міра, Ансельмъ содѣйствовалъ уясненію вопроса, который волновалъ умы съ основанія схоластики Эригеной—именно, что̀ такое понятія (universalia), роды и виды вещей (genera et species rerum)? Вообще думали, увлекаясь Платономъ вмѣстѣ съ Эригеной, что понятія существуютъ внѣ нашего ума (extra animam), „реально“ и независимо отъ предметовъ видимаго міра, которому они предшествуютъ (ante rem): universalia sunt realia—и этотъ крайне идеалистическій взглядъ назвали реализмомъ, отцомъ котораго должно считать Ансельма. Но отъ Эригены же шелъ Аристотелевскій раціонализмъ, который привелъ къ противоположному взгляду, именно въ отпоръ Ансельму. Его отцомъ былъ французскій каноникъ, блестящій профессоръ Росцеллинъ. Онъ объявилъ, что понятія не живутъ сами по себѣ (есть цвѣтныя тѣла, но нѣтъ цвѣта): это — не метафизическія сущности, а простые звуки (flatus vocis) или „названія“, приложенныя къ предметамъ (post rem) и имѣющія мѣсто лишь въ нашемъ умѣ (in anima): universalia sunt nomina — и это ученіе назвали номинализмомъ. Отсюда у Росцеллина выходило, что таинства немыслимы, что Троица есть троебожіе. Ансельмъ проклиналъ соперника, и Росцеллинъ долженъ былъ бѣжать въ Англію, оттуда опять во Францію; измученный бѣдствіями, онъ, наконецъ, отрекся отъ своего ученія, по требованію собора (1092), и даже донесъ на своего ученика, Абеляра, какъ на еретика.

§ 62. **Нравы.**—Нравы отличались еще прежнею первобытностью (§ 28). Тогда руководились страстностью, которая вела къ непостоянству и безшабашности: человѣкъ того времени легко

переходилъ отъ любви къ ненависти и обратно, изъ мести дружилъ даже съ сарациномъ. Ему не былъ писанъ законъ, даже естественный: дѣти, отцы, братья воевали другъ съ другомъ. Только тотъ не былъ воиномъ, у кого не было средствъ для этого. Да и откуда было взяться нѣжнымъ чувствамъ, когда въ монастыряхъ основой воспитанія были розга для дѣтей и кнутъ для братіи, отчего школьники, случалось, убѣгали въ лѣса и поджигали училище? А рыцарь воспитывался только на своей клятвѣ (foi стало loi: „лойяльный“ или „легальный“, т.-е. честный человѣкъ — тотъ, кто держитъ свое слово) да на своей „чести“ (honneur), которая повелѣвала ему дерзать на что угодно, лишь бы только не прослыть трусомъ, т.-е. быть недотрогой, забіякой, нарушителемъ всякихъ законовъ и обычаевъ.

Тогда предпочиталось открытое насиліе, причемъ не жалѣли и своей жизни: это—пережитокъ богатырства, преклоненія передъ мускульной силой. Около 1000-го г. одинъ владыка сказалъ на соборѣ во Франціи: „всякій слушается только голоса своего честолюбія; сильный угнетаетъ слабаго; и люди походятъ на рыбъ, пожирающихъ другъ друга“. При Григоріи VII, въ самомъ Римѣ сынъ префекта, Ценцій, построилъ башню на мосту и грабилъ прохожихъ. Бурною ночью, служилъ Григорій всенощную въ рождественскій сочельникъ; вдругъ ворвался Ценцій съ своей шайкой: онъ стащилъ папу за волосы со ступеней алтаря и отвезъ въ свой замокъ, гдѣ позорилъ его, пока не пришла на выручку ревущая толпа съ факелами. А Григорія VIII сами римляне зашили въ вонючую козлиную шкуру, посадили на осла задомъ напередъ, провезли по городу, бичуя и забрасывая камнями; и потомъ всю жизнь таскали они его изъ тюрьмы въ тюрьму. Войны были разбоемъ: убивали дѣтей, насиловали женщинъ, истребляли что̀ ни попало. Встрѣчались и варварскія казни, особенно у грубыхъ венгровъ (обезглавленіе, сожженіе, ослѣпленіе, отсѣченіе членовъ), хотя вообще еще не было юридическаго фанатизма: больше налагали пени, особенно натурой, а политическихъ преступниковъ изгоняли. Преступниковъ обыкновенныхъ нерѣдко зарывали живыми въ землю. Если обвиненный умиралъ, казнили его трупъ, если убѣгалъ—его изображеніе. Казнили и животное, убившее человѣка. Если насиліе не помогало, прибѣгали къ коварству: обманъ не считался дурнымъ дѣломъ, какъ доказываютъ Исидоровы декреталіи (§ 37), множество подложныхъ грамотъ для цѣлыхъ учрежденій, „Поле Лжи“, какъ названо мѣсто, гдѣ всѣ покинули Людовика Благочести-

ваго (§ 35). Вильгельмъ, захвативъ Гарольда (§ 51), потребовалъ у него Англію съ клятвой на маленькой ракѣ съ мощами; тотъ согласился, соображая, что это будетъ не важная клятва, которую можно нарушить; но онъ поблѣднѣлъ, когда коварный норманнъ показалъ ему цѣлый погребъ костей, скрытый подъ ракою; потомъ Вильгельмъ напоминалъ Гарольду, что онъ клялся „на хорошихъ мощахъ“.

Но ни насиліе, ни обманъ не вели къ обогащенію: тогда не понимали сбереженія, т.-е. самоограниченія, и не умѣли хозяйничать. Да и что было заботиться о завтра, когда собственность была не обезпечена! Ее употребляли на немедленное удовлетвореніе чувственности — пьянства, обжорства, разврата. Тогда еще не отвыкли отъ первобытнаго многоженства: церковь напрасно проповѣдывала цѣломудріе, затрудняла разводъ и даже сокращала бракъ, запрещая его между родными до 7-го колѣна и между крестными отцомъ и матерью. Женщина сначала еще участвовала въ правленіи, въ выборѣ папъ, обращала язычниковъ, училась и занималась литературой. Она получала ленъ въ наслѣдство и даже въ приданое, совершенно какъ вассалка: подданные почитали ее, какъ „даму“, т.-е. госпожу (domina, исп. donna). Иногда она даже сражалась; но вообще она выставляла замѣстителя для войны и не могла выйти замужъ безъ согласія своего сюзерена. Но къ концу періода женщина превращается въ рабу и игрушку мущины, отчасти же въ покаянницу и вѣдьму; она тупѣетъ, предается разврату и нарядамъ. „Женщины, говоритъ очевидецъ, ходятъ съ чужими красками на лицѣ, въ желтыхъ лентахъ и длинныхъ платьяхъ, пуская пыль въ глаза своими хвостами“. Женщина особенно была унижена, даже по закону, у свирѣпыхъ венгровъ.

Эти нравы принадлежали всѣмъ народамъ и сословіямъ. Они отразились у Ліудпранда въ описаніи дворовъ. Дворъ Карла Великаго, имѣвшаго 15 дѣтей отъ женъ и наложницъ, былъ притономъ разврата, даже противуестественнаго. Пребываніе двора было бѣдствіемъ для страны, особенно въ безстоличной Германіи, гдѣ постоянно раскидывались „придворные лагери“ (Hoflager), т.-е. гнѣзда царедворцевъ, которые все грабили и насиловали кругомъ. Въ Англіи уродовали королевъ (§ 50), у Каролинговъ члены императорской семьи ослѣпляли другъ друга. Печальны были дѣтство и старость Генриха IV. Жена Роберта французскаго самолично смотрѣла на сожженіе ерети-

ковъ и, узнавши среди нихъ своего духовника, выколола ему глазъ хлыстомъ. Если Болгаробойца (§ 53) ослѣпилъ 15.000 болгарскихъ плѣнниковъ и отправилъ ихъ домой съ 150 кривыми поводырями, то Карлъ Великій тысячами рѣзалъ, жегъ и вѣшалъ саксовъ, которые, въ свою очередь, приносили его воиновъ въ жертву богамъ и ѣли мясо колдуновъ и вѣдьмъ. А Кнутъ (§ 50) на первыхъ порахъ рѣзалъ руки, уши и носы англійскимъ заложникамъ и истреблялъ отпрыски англійскихъ королей, зазывая ихъ къ себѣ на пиръ. Государи обирали все беззащитное, не щадя даже церкви. А церковь, которая гремѣла противъ кровомщенія и ордалій, сама вводила пытки, костеръ и избіеніе камнями, да укрывала преступниковъ. Нравы духовенства разоблачены синодами. Избранный изъ знати владыка былъ тотъ же баронъ: также при мечѣ и въ латахъ, въ челѣ воиновъ или охотничьей справы, также грабилъ и распутствовалъ съ своею „епискописой". Одинъ епископъ дрался дубинкой, „чтобы не проливать крови". Священники, особенно сельскіе и итальянскіе, не признавали безбрачія; монахи бражничали и покушались на жизнь строгихъ аббатовъ, а въ своихъ школахъ засѣкали дѣтей на смерть. Въ Римѣ, въ концѣ періода, бывало по нѣскольку папъ разомъ; ихъ били, изгоняли, а они возвращались—кто съ нѣмцами, кто съ норманнами, и обзывали другъ друга „слизнякомъ, глинянымъ идоломъ, апокалипсическимъ звѣремъ". Феодалъ рисуется въ пѣсняхъ людоѣдомъ: онъ разбиваетъ головы дѣтей о камень; онъ „погружаетъ свой мечъ въ грудь женщины, вынимаетъ тепленькое сердце и кидаетъ его въ лицо брату жертвы, крича: вотъ сердце сестрицы; можешь посолить его и сжарить!" Знать выставила такіе образцы разбойничества, какъ Беренгаръ иврейскій и Фулькъ Черный (§§ 37, 51). Въ Германіи былъ цѣлый разрядъ „разбойниковъ-рыцарей" (Raubritter). Мужикъ работалъ дни и ночи, у него празднества случались рѣдко; но зато это были убійственныя гульбища. Пьянство было богатырское, и при всякомъ удобномъ случаѣ. Первобытною грязью покрыты народныя игры, пляски и пѣсни, которыя часто даже прерывали богослуженіе въ церквахъ.

Къ концу періода наверху общества замѣчается наклонность къ смягченію нравовъ. Среди феодаловъ, особенно во Франціи, слагались болѣе идеальныя черты: людоѣдъ превращался въ покорнаго раба церкви и правилъ благородства. „Божій миръ", распространенный на все христіанство, на клермонскомъ соборѣ (1095), сохранялъ народу, въ годъ, 240 дней спокойствія: чтобы

поддержать его, владыки устраивали особыя общества съ „арміей мира“. У феодала зарождалась и домовитость: поклявшись хранить „Божій миръ“, онъ часть времени сидѣлъ въ своемъ замкѣ, сближаясь съ семьей; онъ прислушивался къ голосу церкви. Церковь вообще старалась смягчать нравы. Но тутъ возникла другая бѣда: разростался аскетизмъ. Къ концу періода внизу общества возникла цѣлая армія отшельниковъ, враговъ свѣтскости и разврата наверху. Въ затишьи горъ и лѣсныхъ трущобъ кишѣли кельи и пещеры съ нечесанными подвижниками, жившими иногда въ сору, вмѣстѣ съ гадами. Здѣсь слышался свистъ бичей: церковь сама стала налагать бичеваніе за грѣхи—3.000 ударовъ вмѣсто года покаянія. Аскетизмъ уже выставилъ крупныхъ героевъ (§ 46), и во главѣ ихъ Петра Даміани. Сначала пастухъ, потомъ отшельникъ, Даміани задумалъ истязаніями тѣла сдѣлать душу „рабою церкви“: онъ въ годъ прошелъ 100 л. покаянія. Клюнійцы вызвали его въ Римъ и сдѣлали кардиналомъ: холодный Гильдебрандъ пользовался этою страстною натурой, чтобы возжигать сердца толпы и карать строптивый клиръ. Даміани все исполнялъ, съ особеннымъ злорадствомъ разоблачая пороки духовенства („Книга о Гоморрѣ“). Но онъ плакалъ по своей пустынѣ: онъ называлъ своего очарователя „святымъ Сатаной“ и говорилъ: „Гильдебрандъ любитъ меня, какъ Неронъ, ласкаетъ орлиными когтями да палками“. Подконецъ аскетизмъ подошелъ даже къ престоламъ. Коварный Робертъ Дьяволъ сочинялъ гимны, и сложились легенды объ его чудесахъ; въ Англіи явился Исповѣдникъ (§ 50), а въ Германіи — монахъ на тронѣ, Генрихъ II, бичевавшій себя до крови (§ 41). Мать Генриха IV, не перенесшая позора сына въ Каноссѣ, валялась у ногъ Даміани и умерла монахиней. Племянница Генриха III, Беатрикса тосканская, отказалась отъ семейной жизни, чтобы передать папѣ свои богатства; а ея дочь, Матильда (§ 45), дважды вступала въ бракъ лишь для того, чтобы имѣть защитника этихъ богатствъ для церкви, и умерла непорочною монахиней. При Григоріи VII аскетизмъ овладѣвалъ всею жизнью. Тогда великимъ событіемъ было перенесеніе мощей св. Николая изъ Мира ликійскаго въ Баръ, куда потянулись толпы богомольцевъ со всей Европы. И все чаще попадались странники на пути въ Іерусалимъ: изъ Франціи и Германіи уже потянулись туда двѣ артели (до 1.000 человѣкъ), съ пятью іерархами во главѣ; а Робертъ заложилъ Нормандію брату (§ 51), чтобы под-

нять походъ для освобожденія Гроба Господня изъ рукъ магометанъ.

§ 63. **Просвѣщеніе. Литература.**—Два основныхъ начала, руководившія тогда умами, христіанство и классицизмъ (§ 61), сталкивались между собой въ дѣлѣ просвѣщенія Запада, какъ въ прошломъ періодѣ (§ 29). Христіанство сдѣлало много успѣховъ. Тогда крестились восточные франки, тюринги и саксы, скандинавы и славяне. Христіанство взяло на себя роль трибуната и общественнаго мнѣнія, защищая бѣдныхъ и угнетенныхъ. Противъ аристократическаго начала рожденія оно выставило выборное начало: мужикъ могъ сдѣлаться папой. Оно подавляло чувственность, смягчало кровожадность обычнаго права и было учителемъ націй: въ монастыряхъ списывали не только св. Писаніе, но и классиковъ, устраивали школы, гдѣ учились семи искусствамъ; здѣсь создавались лѣтописцы, зодчіе, живописцы и ваятели, сочинялись гимны и пѣсни; здѣсь же лечили больныхъ.

Но вездѣ, особенно вначалѣ, сохранялись слѣды классицизма, который проходилъ изъ Рима, Византіи и отчасти отъ арабовъ. Они ясны даже у германскаго племени. Подъ этимъ вліяніемъ, Карлъ Великій, который въ политикѣ былъ лишь искуснымъ продолжателемъ своихъ предмѣстниковъ, сталъ творцомъ идеальнаго возрожденія Запада. Онъ заставлялъ клиръ устраивать безплатныя школы и не давалъ приходовъ безграмотнымъ. Тогда, не говоря уже про обученіе духовенства, для котораго у каждаго епископа, при соборѣ, была школа, руководимая псаломщикомъ, даже по деревнямъ приходскіе священники держали начальныя школки; и много грамотныхъ клерковъ обрабатывали поля, въ ожиданіи мѣста, бенефиція. А при монастыряхъ находились „малыя и большія школы“ (scolae minores и majores), управляемыя „схоластиками“, гдѣ обучался всякій. Въ большихъ школахъ преподавались 7 свободныхъ искусствъ (artes) и богословіе; изъ нихъ выходили славные „артисты“, которые нерѣдко кочевали изъ монастыря въ монастырь, увлекая за собой толпы учениковъ. Какъ ни любилъ Карлъ родной языкъ, латынь господствовала при немъ: онъ самъ говорилъ по-латыни и немного понималъ по-гречески, хотя выучился читать 32-хъ лѣтъ и не совладалъ съ письмомъ. Карлъ покупалъ древнія рукописи на вѣсъ золота и давалъ ихъ списывать, заводилъ школы, гдѣ учили даже немного по-гречески; а университетъ замѣнялся у него придворнымъ кружкомъ ученыхъ изъ Италіи и

Британіи, гдѣ одни увлекались Платономъ, другіе Аристотелемъ. Этотъ кружокъ, къ которому принадлежали даже придворныя дамы, всюду слѣдовалъ за императоромъ. Душой его былъ британскій монахъ, Алькуинъ, изъ школы Беды, составившій учебникъ тройки и четверки (§ 29); его „Письма" и „Житія Святыхъ" долго были любимымъ чтеніемъ на Западѣ. Его ученикъ и любимецъ Карла, Эгингардъ, составилъ, хотя пристрастное, но по формѣ похожее на Светонія (Д. И. § 268), жизнеописаніе своего императора. Другой ученикъ, женатый на дочери Карла, назывался въ кружкѣ Гомеромъ за свои живые стихи въ духѣ античнаго реализма. Ученикомъ Алькуина былъ и Рабанъ Мавръ—вольнодумецъ (§ 61), который славился не только ученостью (его De universo—энциклопедія, какъ у Исидора и Беды), но даже хорошими латинскими стихами и гимнами (Veni Creator Spiritus). При Карлѣ оживилась литература, и латынь была лучше, чѣмъ въ 8-мъ в. Къ его кружку принадлежалъ ломбардскій латинистъ, Павелъ Дьяконъ, который насаждалъ въ Германіи даже эллинизмъ: его „Лонгобардская исторія" — лучшее сочиненіе эпохи.

Школы Карла держались въ теченіе всего 9-го в.; въ нихъ хранились списки главныхъ классиковъ; къ нимъ примыкаетъ самый сильный эллинистъ эпохи, Іоаннъ Скотъ Эригена. Даже такой грубый императоръ, какъ Карлъ Лысый (§ 35), завелъ у себя школу, гдѣ обучались и его придворныя дамы [1]). Если затѣмъ просвѣщеніе пало въ Германіи, то оно временно блеснуло при дворѣ Оттоновъ, подъ вліяніемъ латинскаго и греческаго классицизма, принесеннаго Аделаидой и Ѳеофаніей (§ 41). Эти иностранки, презиравшія варварство Германіи, старались ввести у себя античную образованность и изящество. Братъ Оттона I, архіепископъ кёльнскій Брунъ, возстановлялъ каролингскія школы и заводилъ новыя; онъ дорожилъ британскими монахами и учился по-гречески у византійскихъ пословъ. Племянница императора, герцогиня Гедвига швабская, утѣшалась во вдовствѣ латинскими поэтами; Оттонъ III, ученикъ грека, считался уже „чудомъ учености". Въ Гандерсгеймѣ, гдѣ аббатисами были члены императорской семьи, а монахинями знатныя дѣвицы, Гросвита сочинила хронику въ стихахъ и латинскія

[1]) Эти дамы—Emma, Irmintrud, Richildis и Swanhilde—изображены на нашемъ рисункѣ, снятомъ съ миніатюры Библіи Карла Лысаго, хранящейся въ парижской библіотекѣ. Онѣ сидятъ съ книгами и свитками (volumina) въ рукахъ, быть можетъ, слушая лекцію Эригены.

драмы изъ житій святыхъ, въ посрамленіе легкомыслія Теренція. Монахи списывали и перерабатывали Виргилія, Боэція, Аристотеля. Одинъ изъ нихъ, Видукиндъ, написалъ „Саксонскую исторію" въ подражаніе Саллюстію, а епископъ мерзебургскій, Дитмаръ— исторію Саксонскаго дома, гдѣ дѣльно изображены нравы саксовъ и славянъ. Но душой классицизма былъ льстивый наперсникъ Аделаиды и Ѳеофаніи, Гербертъ (папа Сильвестръ II): французъ родомъ, обучавшійся у арабовъ въ Испаніи, онъ былъ живою энциклопедіей классицизма, какъ видно изъ его „Писемъ"; онъ дѣлалъ глобусы, изобрѣлъ нѣчто вродѣ часовъ и автомата; въ его школѣ, въ Реймсѣ, обучались даже принцы крови.

Придворныя дамы Каролинговъ. 9-го в.

Классицизмъ оживлялъ и Англію. Полюбивши въ Римѣ науку и искусство, Альфредъ (§ 50) вѣчно учился и училъ, чтобы просвѣтить англичанъ, которые даже утратили грамотность при набѣгахъ датчанъ: его цѣлью было принудить всѣхъ молодыхъ людей своего королевства выучиться читать по-англійски. Альфредъ приглашалъ ученыхъ и зодчихъ изъ Италіи, Нормандіи и Корвея. Онъ завелъ школы съ высшею, оксфордскою, во главѣ; снаряжалъ экспедиціи къ Бѣлому м. и въ Эстляндію, въ Индію и Іерусалимъ; самъ собиралъ англосаксонскія пѣсни, сказки и законы и перевелъ на родной языкъ ходячую литературу эпохи — Беду, Боэція, Орозія. Рѣдкій труженикъ, Альфредъ трогательно скроменъ и простъ, какъ писатель; а онъ создалъ англійскую прозу: съ тѣхъ поръ англійскій языкъ чаще латыни употреблялся и въ грамотахъ, и въ

литературѣ. Подъ его вліяніемъ явилась и англійская лѣтопись, „English Chronicle“,—старѣйшій памятникъ прозы въ цѣломъ тевтонскомъ племени и первая изъ лѣтописей на новыхъ языкахъ. Послѣ Альфреда, классицизмъ проникалъ въ Англію черезъ Францію, особенно при норманнахъ. Отчасти онъ шелъ отъ арабовъ: французскіе евреи, переселяясь въ Британію для торговли, заводили школы, гдѣ обучали математикѣ и естествознанію. Но важнѣе прямое вліяніе итальянцевъ, Ланфранка и Ансельма, которые славились не только, какъ правители (§ 51), но и какъ просвѣтители: первый ученый своего времени, Ансельмъ, эта мягкая, мечтательная натура, показалъ однако примѣръ стойкости убѣжденій, вселилъ въ націю духъ независимости. Англійская культура проходила въ Шотландію: при Дунстанѣ (§ 50), въ Эдинбургѣ, короли перемѣнили даже кельтскую рѣчь на англійскую. Только въ Ирландіи и Уэльсѣ сохранялась кельтская старина, заглушая блестящій когда-то классицизмъ, да въ уединенной Исландіи, среди угрюмыхъ красотъ сѣвера, скандинавъ, ставшій кроткимъ романтикомъ, короталъ безконечные вечера, слушая пѣсни скальдовъ, добавлявшихъ древнія сказки.

Важнѣе культура романцевъ, отъ которыхъ шло просвѣщеніе къ германскимъ націямъ. Во главѣ ея стояла все еще Италія, особенно сѣверная. Здѣсь античность сохранялась, помимо рукописей и памятниковъ искусства, въ самомъ духѣ населенія, да ее поддерживало еще вліяніе Византіи и арабовъ. Здѣсь латынь не вполнѣ утратила свою чистоту, и ея знатоки несли просвѣщеніе за Альпы. Арабы вызвали устройство школъ съ болѣе широкою программой. Лучшими писателями были итальянцы—въ 9 в. Павелъ Дьяконъ, въ 10-мъ—епископъ кремонскій Ліудпрандъ. Послѣдній, подобно первому, воспитался не въ монастырѣ, а при павійскомъ дворѣ; онъ дважды ѣздилъ посломъ въ Византію, гдѣ усвоилъ эллинизмъ, и путешествовалъ съ Оттономъ I по Италіи. Горячій, тщеславный, хвастливый, но живой и своеобразный, Ліудпрандъ оставилъ родъ мемуаровъ—сочиненій пристрастныхъ, но щеголяющихъ хорошею латынью, богатствомъ знаній, свѣткостью духа: его „Дѣянія Оттона Великаго“—панегирикъ, а отчетъ о посольствѣ и „Возмездіе“ —злая сатира на дворы Византіи и Италіи. Не менѣе Италіи была просвѣщена христіанская Испанія, хотя здѣсь культура была арабская, а латынь пала. Уже около 850 г. епископъ кордовскій жаловался: „все, что

есть талантливаго среди нашей молодежи, знаетъ только языкъ и литературу арабовъ и не жалѣетъ средствъ на библіотеки изъ ихъ книгъ; а по-латыни врядъ ли одинъ изъ тысячи напишетъ сносное письмо къ другу". Въ Испаніи и Италіи мавры сами распространяли свою культуру, а дальше—ихъ ученики, евреи, вліяніе которыхъ особенно замѣтно во Франціи. По просвѣщенію, Франція выдвигалась на первый планъ, наряду съ Италіей и Испаніей. Помимо Реймса съ его Гербертомъ, наиболѣе славились школы Нормандіи, въ особенности высшая, въ монастырѣ Бекъ, гдѣ учили Ланфранкъ съ Ансельмомъ, къ которымъ стекалось до 4.000 студентовъ даже изъ Германіи, Англіи, Даніи и Италіи. Изъ Нормандіи далеко распространялись наука и зодчество; тамъ выработался французскій языкъ; тамъ же рано исчезло рабство и смирились феодалы. Въ Бургундіи и Лотарингіи сохранялись слѣды классицизма, вліявшіе на Германію. Но больше всего просвѣщенія было въ Провансѣ. Подъ вліяніемъ остатковъ древности, даже муниципій, а также отъ сосѣдства съ Италіей и Испаніей, здѣсь рано развилась городская жизнь съ ея богатствомъ, веселою свѣтскостью и демократизмомъ: горожанинъ былъ гордъ, носилъ оружіе, роднился съ феодаломъ. Здѣсь сложился первый изъ новыхъ языковъ, провансальскій или лангедокскій (§ 25), вытѣснявшій падающую латынь. На немъ возникла первая народная поэзія, прославленная трубадурами—перехожими пѣвцами, среди которыхъ въ самомъ началѣ встрѣчается графъ, Вильгельмъ аквитанскій (ок. 1070).

Къ концу періода настаетъ реакція, паденіе просвѣщенія, подъ вліяніемъ аскетизма, смутъ и набѣговъ венгровъ и норманновъ. Эллинизмъ исчезаетъ, особенно послѣ раздѣленія церквей. Классическая латынь выходитъ изъ употребленія до того, что потребовались словари: ее замѣнялъ испорченный жаргонъ, названный потомъ „кухонною" латынью. И эта-то латынь не давала рости новымъ нарѣчіямъ, которыя церковь называла „варварскими", признавая только три священныхъ языка на надписи креста Спасителя — греческій, латинскій и еврейскій. Искореняя народныя нарѣчія въ богослуженіи (славянское въ Моравіи), церковь, по завѣту Григорія I (§ 10), уже истребляла классиковъ, которыхъ сохраняли только бенедиктинцы, безсознательно списывавшіе, по своему уставу, все—и духовное, и свѣтское. Школы служили только для церкви, да и то плохо: на соборахъ уже епископы ставили кресты вмѣсто своихъ под-

писей; феодалъ отмѣчалъ свои доходы зарубками на бпркѣ. А міряне за предѣлами Италіи были до того безграмотны, что слово клеркъ стало означать вообще умѣющаго хоть читать. Наука становилась чудовищемъ: Герберта считали колдуномъ. Литературой овладѣли богословскій педантизмъ да мистическое исканіе чего-то; но больше она стала кропотливымъ собираніемъ безсвязныхъ свѣденій въ церковныхъ видахъ. Исторія превратилась въ сухую лѣтопись, гдѣ, безъ критики, помѣщались нелѣпыя сказки да легенды. Монахи даже невинно истребляли классиковъ: когда, вслѣдствіе завоеванія Египта арабами, вздорожалъ папирусъ, они давай писать на старыхъ пергаментахъ, соскребывая Ливія, Тацита, Гая (палимпсесты). Падала и народная поэзія, которая начала-было обогащаться сказками о Карлѣ Великомъ и о событіяхъ 10-го и 11-го вв., смѣшивая венгровъ и норманновъ съ гуннами и подсмѣиваясь надъ знатью и клиромъ. Здѣсь вѣрно отразились феодальныя усобицы; но много такого вздора, какъ подвиги Мозеллануса, сына Гектора и кузена Франсіона. Церковь преслѣдовала эту поэзію, какъ непристойность и язычество: тогда утратилось много древнихъ „сагъ“ или сказокъ; а нѣкоторыя перешли въ легенды и въ лѣтописи.

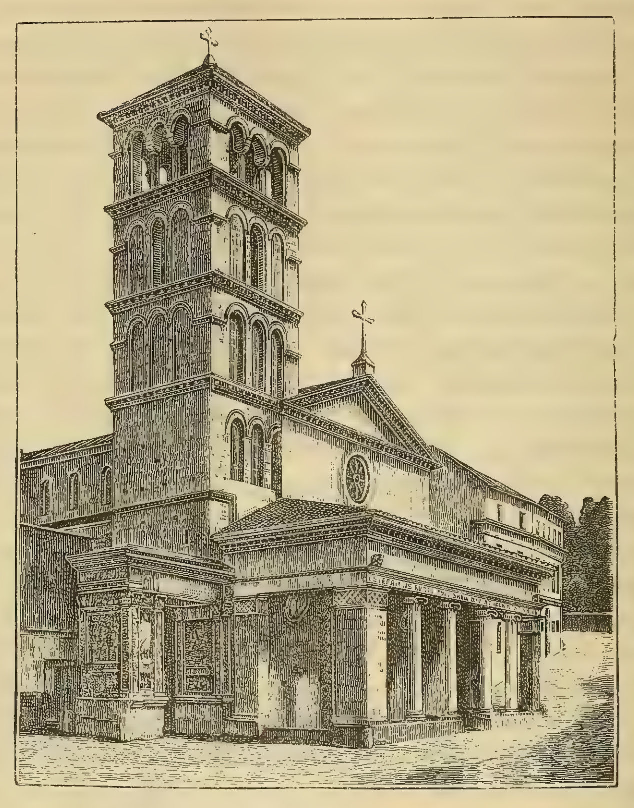
Въ Германіи народное творчество убивала еще церковная поэзія, которая принесла только ту пользу, что ввела риѳму вмѣсто первобытной аллитераціи (§ 29). Сначала это были духовные стихи на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ Библія смѣшивалась съ Эддой (Heliand; Muspilli). Затѣмъ пошли латинскія переложенія сагъ и животнаго эпоса неуклюжимъ леонинскимъ стихомъ (гекзаметръ съ риѳмой): здѣсь переходъ отъ древнихъ сагъ верхней Германіи къ рыцарской поэзіи (Ruodlieb). Наконецъ, возникла риѳмованная проза мрачнаго аскетическаго духа или „Рѣчи“, гдѣ грубый нѣмецкій языкъ путался съ кухонною латынью: ея образецъ — „Четвероевангеліе“ монаха Эццо, ходившаго въ Іерусалимъ. Вообще въ Германіи мракъ сталъ сгущаться раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ; онъ достигъ крайняго развитія при ужасахъ борьбы за инвеституру. Тогда одинъ пфальцграфъ, самъ читавшій письма, приводилъ всѣхъ въ изумленіе. Генрихъ II тайкомъ вычеркнулъ въ требникѣ одного изъ лучшихъ епископовъ fa въ словахъ pro famulis et famulabus — и почтенный іерархъ молился pro mulis et mulabus. Оживленіе замѣтно только въ лѣтописи, такъ какъ Германія была тогда поприщемъ борьбы за міровые интересы. Первая всеобщая исто-

рія, и написанная съ критикой, хорошею латынью, принадлежитъ графу Герману Калѣкѣ (Contractus), который зналъ погречески, полатыни и поарабски, славился какъ философъ, риторъ, астрономъ, музыкантъ и изобрѣтатель инструментовъ; молодежь издалека стекалась въ Рейхенау слушать этого ученаго монаха. „Церковная Исторія“ Адама Бременскаго, сподвижника Адальберта (§ 43), написанная по образцу Саллюстія,—сокровище для начальной исторіи скандинавовъ и славянъ. Всѣ хроники того времени носятъ или папскій, или императорскій оттѣнокъ. Тогда же развилась латинская полемика между друзьями Генриха IV и Григорія VII, особенно на западѣ, гдѣ города и клиръ стояли за императора: въ нидерландскихъ монастыряхъ возникли и нѣмецко-латинскія обработки Кумушки Лисы (Reinecke Fuchs), направленныя противъ папства и духовенства. Культура западныхъ славянъ и венгровъ представляла западный типъ: въ концѣ періода жилъ „отецъ чешской исторіи“, Козьма Пражскій, подражатель Саллюстія и Видукинда; слабѣе польская лѣтопись иностранца, Мартина Галла.

§ 64. **Искусство**. — Въ началѣ періода искусство было слабо; да имъ и мало занимались, частью по неумѣлости, частью изъ опасенія кончины міра. Тогда еще господствовали общій, или древне-христіанскій, да византійскій стили (§ 30): перломъ послѣдняго былъ соборъ св. Марка въ Венеціи, съ пятью куполами, тогда еще простой, безъ украшеній (§ 74). Да и съ этими стилями умѣли справляться только итальянцы и греки. Ихъ мастера работали и въ Германіи, гдѣ туземные монахи учились у нихъ, хотя разомъ всему и плохо. Оттого-то, между тѣмъ какъ церковки Бонифація (§ 10) были избушками или шалашами изъ прутьевъ, у Карла Великаго пфальцы уже напоминали дворцы цезарей, а церкви — св. Виталія (§ 30). Но и эти обширныя постройки были слабы (онѣ не сохранились), аляповаты; и ихъ украшенія, даже колонны, были похищены изъ античныхъ зданій. Съ 10-го в. искусство начинаетъ оживать на Западѣ, благодаря арабамъ, усиленію папства и классицизма и образованію крупныхъ государствъ; вмѣстѣ съ зарожденіемъ народностей, стремятся выступить даже мѣстныя черты. Въ особенности все оживилось, когда миновалъ страшный 1000-й годъ: пошла усиленная стройка, и именно воздвигались церкви, въ силу напряженной религіозности эпохи. Началось собственно средневѣковое великое зодчество.

Какъ въ прошломъ періодѣ, на Востокѣ, создался изъ древне-христіанскаго искусства византійскій стиль (§ 30), такъ теперь, на Западѣ, возникъ, изъ того же источника, своеобразный романскій или „круглосводчатый“ стиль. Онъ процвѣлъ въ 11-мъ в., при окончательномъ отдѣленіи Запада отъ Византіи, и красовался почти до половины 13-го в. Онъ захватывалъ всю Европу, отчасти проникая даже въ ея восточную половину (Р. И. §§ 36, 69); но его гнѣздами были Италія, южная Франція, Бургундія, въ особенности же Рейнъ и нижняя Саксонія. Романскій стиль служилъ религіи, и художники были все монахи: отсюда вначалѣ преобладаніе церковнаго зодчества, съ его строгимъ, тяжелымъ характеромъ, и первобытная безпомощность, съ намеками на деревянную постройку тамъ, гдѣ, какъ на сѣверѣ, нельзя было соблюсти античную форму. Но въ немъ уже тогда было не мало жизни, разнообразія, новизны, благодаря проявленію народности. Романскій стиль также относится къ древне-христіанскому, какъ романскіе языки къ латыни. Основа романскаго храма прежняя — базилика; но она стала новымъ, своеобразнымъ организмомъ. Особенно измѣнились восточная и западная стороны базилики — хоръ и фасадъ. Хоръ, гдѣ засѣдалъ многочисленный причтъ и помѣщался алтарь, отдѣлился ступеньками отъ остальнаго храма и расширился, что̀ придало зданію видъ креста. Подъ нимъ скрылась темная сводчатая крипта (подземная церковь), гдѣ покоились кости зиждителей храма и высокихъ особъ, а также совершались таинственныя службы. Между хоромъ и фасадомъ протянулись три длинныхъ корабля (Д. И. § 10), средній — повыше и пошире. Вслѣдствіе частыхъ пожаровъ, плоская тесовая крыша замѣнилась тяжелою остроконечною, что̀ выдвинуло главное отличіе романскаго стиля — круглый сводъ, но также вызвало подпорки или „контрфорсы“ для стѣнъ. Зодчіе стали щеголять фасадомъ: здѣсь порталъ (входъ), расширенный снаружи, съ „окномъ-колесомъ“ или „розой“ надъ нимъ, сдѣлался главнымъ предметомъ узорочья; а у боковыхъ кораблей поднялись колокольныя башни, сначала круглыя, потомъ 4-угольныя, съ продушинами въ верхнихъ этажахъ. Особеннымъ разнообразіемъ отличались головки колоннъ, стоявшихъ на іоническомъ базисѣ съ „угловыми листьями“ или лапками: у романцевъ долго держалась коринѳская капитель; но у германцевъ возникла полукруглая „кубическая“; была еще головка „чашечкой цвѣтка“, иногда сливавшаяся съ кубиче-

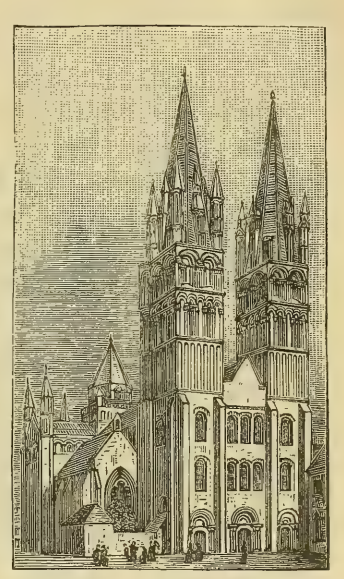
скою. Несомнѣннымъ признакомъ романскаго стиля, даже въ дворцахъ, служилъ еще фризъ — ободокъ подъ крышей изъ безконечной линіи круглыхъ сводиковъ. Иногда посреди крыши возвышался куполъ, въ память Византіи. Окна были маленькія, подслѣповатыя, изрѣдка съ расписными стеклами.

Базилика св. Георга въ Римѣ. 7-9 вв.

Образцомъ первоначальнаго романскаго стиля была базилика св. Георга въ Римѣ. Главныя черты романскаго стиля сохранялись и въ свѣтскомъ зодчествѣ—въ домахъ богачей, въ особенности же въ зàмкахъ, благороднымъ образчикомъ которыхъ служитъ Госларъ (§ 43). Мало сохранилось цѣльныхъ образцовъ чистаго романскаго стиля, неиспорченныхъ позднѣйшими пристройками или чуждыми вліяніями. Такъ, въ средней Италіи ясны античное и древне-христіанское преданіе; въ Неаполѣ и Сициліи— вліяніе Византіи и арабовъ. Въ южной Франціи античное вліяніе

сильнѣе даже, чѣмъ въ Италіи; и оно отражалось въ Бургундіи (аббатство Клюни), Швейцаріи и Испаніи. На сѣверѣ, у норманновъ, романскій стиль близокъ къ германскому типу [1]). Норманны перенесли его и въ Англію (кентерберійскій соборъ), хотя тамъ онъ огрубѣлъ (безобразная кубическая капитель „со складками“): съ нимъ долго боролся англо-саксонскій стиль — первобытныя, тяжелыя деревянныя церковки. Въ Ирландіи еще господствовали кельтскія, почти циклопическія формы—часовенки съ глинянымъ сводомъ и съ странною рѣзьбой по дереву, вродѣ чудовищныхъ арабесковъ, напоминающихъ мрачную, фантастическую поэзію Оссіана (Д. И. § 261). Эти формы встрѣчаются также въ Уэльсѣ, Шотландіи и Норвегіи.

Храмъ св. Стефана въ Канѣ.

Гораздо слабѣе изобразительныя искусства, хотя въ нихъ была большая потребность: ваятели украшали хоры, каѳедры, порталы, капители и даже стволы колоннъ, церковную утварь, печати; живописцы — стѣны, своды, отчасти стекла и колонны храмовъ, въ особенности же рукописи. Здѣсь сохранялась символика (Д. И. § 285), во главѣ которой стояли грѣхопаденіе и жизнь Христа, причемъ часто прибѣгали къ параллелизму (поясненіе Новаго Завѣта Ветхимъ). Здѣсь, рядомъ съ античною миѳологіей, встрѣчаются сцены изъ нѣмецкихъ сагъ, въ особенности же чудища изъ животнаго эпоса, наивный символизмъ котораго пояснялся „бестіаріями“ — учебниками, гдѣ иногда левъ означалъ и Христа, и дьявола. Стиль— церковный, выспренній, рабски слѣдующій преданію, особенно византійскому; народныя особенности слабы и проявляются въ грубости, впрочемъ со слѣдами свѣжести и энергіи варва-

[1]) Прекраснымъ образцомъ норманнскаго зодчества конца періода служитъ изображенный у насъ St. Etienne въ Caen'ѣ , городкѣ недалеко отъ устьевъ Сены. Въ этомъ храмѣ, построенномъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, ясны: простота архитектурной основы, строгая соразмѣрность частей и свойственная сѣверу изящная игра линій въ орнаментовкѣ, особенно на башняхъ, высота которыхъ достигаетъ 45-ти саженей.

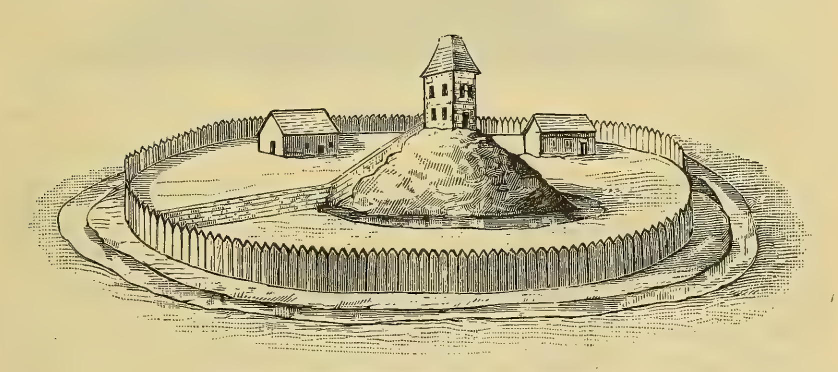
ровъ. Техника—старая, античная; но она падала къ концу періода, доходя до безобразія, по мѣрѣ усиленія аскетизма, презиравшаго природу и все тѣлесное, пластичное. Болѣе всего работали въ Германіи, благодаря блеску императорства да связямъ съ Византіей и Италіей. Но здѣсь-то особенно сказывалась безпомощность самоучекъ. Нѣмецкое ваяніе особенно аляповато: здѣсь вытянутая статуя; одна половина фигуръ плоская, другая—выпуклая; особенно вылѣзаетъ голова съ вытаращенными глазами, которая, кажется, сейчасъ перевѣситъ и уронитъ фигуру. Не лучше живопись: это — все еще очерки яркими красками, безъ тѣней, безъ знанія природы; здѣсь неизбѣжное голубое поле, иногда зеленые волоса, тѣла словно трупы. Было много стѣнной живописи, на сухой штукатуркѣ; но она не сохранилась. Важнѣе миніатюры, среди которыхъ выдаются, по своеобразію, живости и античности, ирландскія, вліявшія на живопись англосаксовъ и даже франковъ.

Вслѣдствіе упадка ваянія и живописи, выдвинулось декоративное искусство, которымъ особенно щеголяла Византія. Явилось множество работъ изъ слоновой кости—оклады книгъ, церковная утварь, охотничьи рога, кубки и проч. Въ музеяхъ и ризницахъ сохранилась масса серебряныхъ и позолоченныхъ мѣдныхъ пластинокъ, покрытыхъ пестрою эмалью, которыми украшали церкви. Особенно щеголеватъ былъ старый храмъ св. Петра въ Римѣ. Здѣсь алтарь, аналои, двери, отчасти даже столбы и полъ были покрыты упомянутыми пластинками; серебряный агнецъ помѣщался на столбѣ, изъ котораго точилась вода; шелковые и пурпурные ковры разстилались въ алтарѣ и висѣли между колоннами; въ нишахъ стояли золотыя и серебряныя статуи, а въ алтарѣ—ковчежецъ на колонкахъ, столикъ и чаши изъ золота да дорогіе подсвѣчники въ видѣ дельфиновъ, кораблей, вѣнцовъ, крестовъ; всюду пестрота красокъ, въ особенности дорогой ультрамаринъ. До какой грубости доходила эта роскошь въ Германіи, видно изъ соборной ризницы въ Майнцѣ. Здѣсь—золотая чаша, вышиной въ локоть и толщиной въ палецъ, серебряныя курильницы въ видѣ журавлей натуральной величины, золотое распятіе больше человѣческаго роста, и на немъ вмѣсто глазъ карбункулы съ желтокъ величиной, члены складываются, внутри пустота, наполненная мощами и драгоцѣнными камнями.

Музыка пріобрѣла возможность развиваться съ появленіемъ нотъ, заимствованныхъ, въ 11-мъ в., Гвидономъ аретинскимъ у арабовъ; но она еще сдѣлала мало успѣховъ. Все еще цѣлью

и источникомъ музыки былъ человѣческій голосъ, и ради религіозныхъ цѣлей. Всюду заводились „капеллы“ или церковные хоры, съ легкой руки Карла Великаго, который заботился о пѣвческихъ школахъ, съ помощью итальянцевъ, занесшихъ въ Германію и органъ. Но все еще господствовалъ римскій, григоріанскій, напѣвъ (§ 10), вытекшій изъ античнаго преданія и основанный на мелодіи или на одногласіи, на пѣніи отдѣльнаго лица. Лишь въ концѣ періода появляются попытки гармоніи или многогласія, но наивнаго, византійскаго: тутъ напѣвъ все еще одногласный, но усиленный хоромъ. Это—родъ нашего аккомпанимента при аріи или речитативѣ. Инструменты прежніе—арфа, флейта, скрипка, въ церкви—органъ, въ войскахъ—рожки и свистки. Танцы все еще были хороводные, съ медленнымъ движеніемъ и ужимками, а иногда и съ подпрыгиваніемъ многихъ паръ.

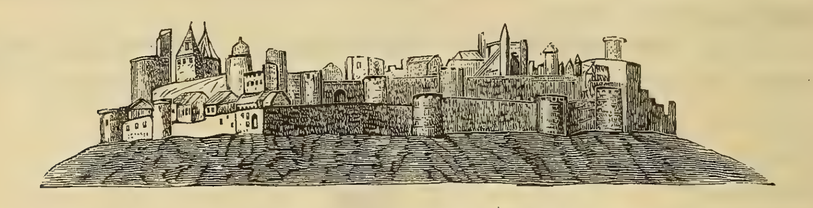
§ 65. **Внѣшній бытъ.**—Внѣшній бытъ представлялъ прежнюю (§ 30), печальную, картину въ массахъ и въ глуши. Но

Первоначальный зáмокъ. 9-го в.

наверху общества и у наиболѣе романизованныхъ націй замѣчается значительный комфортъ, т.-е. удобства матеріальной жизни. Правители уже вездѣ обитали въ большихъ и иногда роскошныхъ дворцахъ, напоминая римскихъ цезарей. Феодалы жили, въ зáмкахъ, хотя еще тѣсныхъ, низкихъ, подслѣповатыхъ, но хорошо защищенныхъ земляными подѣлками и всѣмъ снабженныхъ. Эти крѣпостцы быстро росли повсюду съ 9-го в., по мѣрѣ развитія феодализма. Первоначально онѣ были незатѣйливы. Гдѣ можно было, сеньеръ просто захватывалъ развалины римскихъ укрѣпленій. Нето первымъ дѣломъ вырывалъ ровъ на пригоркѣ и изъ вырытой земли набрасывалъ курганъ, въ кото-

ромъ устраивалъ подвалъ съ колодцемъ. На немъ ставилась четырехугольная деревянная изба или глиняная мазанка въ 3—4 маленькихъ этажа: это — „господня" (domnio, donjon, отъ dominus), покрытая свѣжими кожами, на случай пожара. Входъ въ нее прорѣзывался высоко, и изъ него вытягивался помостъ, хватавшій черезъ ровъ. Подконецъ, особенно на югѣ, строились уже и каменные обширные замки и цѣлые кремли романскаго стиля [1]). Замокъ обыкновенно окаймляли „палисадомъ" или частоколомъ. Столь же крѣпко, но болѣе уютно и богато жила братія и клиръ въ обширныхъ монастыряхъ, аббатствахъ и капитулахъ: они роскошествовали даже въ бѣдной Германіи, въ такихъ раяхъ земныхъ, какъ С.Галленъ, Фульда, Корвей. Затѣмъ уже знали роскошь богатые изъ мѣщанъ.

Кремль въ Каркассонѣ 11-го в.

Матеріальная культура вообще была связана съ городами. Они расцвѣтали, прежде всего, въ Италіи и южной Франціи, гдѣ поэтому рано развились торговля съ промышленностью, и первобытное естественное хозяйство замѣнялось денежнымъ: богатые, ловкіе, веселые ломбардцы уже славились мастерствомъ въ денежныхъ оборотахъ. Затѣмъ стала подыматься Фландрія, гдѣ быстро росли города, благодаря морской торговлѣ и въ силу необходимости защищаться отъ норманновъ. Города — дѣти торговли: они зарождаются по ея путямъ, словно гостинницы на станціяхъ. А ея колыбелью была Италія, гдѣ сначала видвинулись Амальфи, Неаполь и Миланъ, въ которомъ подконецъ было 300.000 жителей, потомъ возобладали Венеція, Генуя и Пиза, ставшія даже республиками. Во Фран-

---

[1]) Кремль въ Каркассонѣ (недалеко отъ Тулузы) возвышается на крутой скалѣ. Онъ обнесенъ двойными стѣнами, которыя тянутся на полторы версты въ окружности и уставлены 50-ю башнями. Главная постройка относится къ 11-му в.; но есть башни и 5-го в., и временъ Людовика IX. Городъ Каркассонъ, пріютившійся подъ этимъ могучимъ кремлемъ, образовался лишь въ 14-мъ в.

ціи торговля сосредоточивалась на югѣ—и процвѣли Тулуза, Марсель, Бордо, а затѣмъ Парижъ. Въ Германіи торговыми жилами были Дунай и особенно Рейнъ, который связывалъ ее съ Франціей, а также съ Англіей, гдѣ культура материка утвердилась при иноземныхъ короляхъ (§§ 50, 51): подконецъ нѣмцы брали въ Лондонѣ шерсть, кожу, олово, а англичане покупали въ Голландіи сукна. И во время борьбы за инвеституру, когда и въ Германіи зарождалось среднее сословіе (§ 48), росли города по этимъ жиламъ—Кёльнъ, Майнцъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ, затѣмъ во Фландріи; а Бременъ и Гамбургъ уже торговали съ Норвегіей (Бергенъ), Іомсбургомъ и Висби на о. Готландѣ (§ 49). И въ Англіи такіе города, какъ Лондонъ и Іоркъ, становились средоточіями богатства и даже политической силы, получивъ льготы, напоминавшія фуэры (§§ 51, 54); а Эдинбургъ сталъ вѣковѣчною столицей Шотландіи. Оптовая торговля была еще мѣновая; но въ мелочной уже началось денежное обращеніе, хотя весьма неудобное: вслѣдствіе феодальныхъ привилегій, во Франціи, напримѣръ, въ концѣ періода было 150 разныхъ монетъ, и каждый сеньеръ признавалъ только свою. Въ странахъ менѣе образованныхъ денегъ было мало, да и тѣ чужія: такъ, въ Венгріи Стефанъ ввелъ византійскіе червонцы. Торговлю стѣсняли также плохіе пути сообщенія и многія привилегіи феодаловъ, вродѣ „чужеземства“ (droit d'aubaine), по которому прожившій годъ и 1 день во владѣніяхъ сеньера становился какъ бы его рабомъ: его наслѣдство переходило къ сеньеру.

Промышленность слѣдовала за торговлей, которая доставляла, предварительно, богатство и независимость человѣку, высвобождая его изъ феодальнаго ярма. Она лишилась античнаго значенія, при разгромахъ варваровъ: съ паденіемъ древнихъ городовъ, она стала сельскимъ дѣломъ. Каждое мѣсто сдѣлалось особымъ экономическимъ міркомъ, обреченнымъ на уединеніе, рабство, нищету и страхъ и плохо изготовлявшимъ только для себя все нужное. Промышленность долго сохраняла этотъ первобытный видъ въ такихъ отсталыхъ странахъ, какъ Германія, гдѣ грубый феодалъ, при своихъ скромныхъ потребностяхъ, довольствовался домашнимъ производствомъ своей дворни. Ремесла начали вновь развиваться въ Италіи и южной Франціи. Прежде всего, еще въ эпоху паденія Западной римской имперіи, появились пекари и мельники, затѣмъ плотники, каменщики, ткачи и кузнецы, сначала приготовлявшіе преимущественно оружіе. Въ Германіи же лишь съ Карла Великаго

начали выдѣлывать холстъ и боченки для вина, взамѣнъ античныхъ глиняныхъ вазъ. Тогда же нѣмцы стали заниматься, хотя и слабо, горнымъ дѣломъ и токарнымъ искусствомъ (точили дерево, рогъ, слоновую кость). Появились солнечные и водяные часы, но только какъ придворная роскошь: даже Альфредъ Великій измѣрялъ время свѣчами (§ 50). Колокола, возникшіе уже въ 6-мъ в., въ Италіи, стали повсюду замѣнять призывныя трубы и удары молотомъ въ доску.

Менѣе успѣховъ сдѣлало сельское хозяйство, особенно у нѣмцевъ, которые только заимствовали кое-что у славянъ, какъ свидѣтельствуютъ названія земледѣльческихъ предметовъ въ ихъ языкѣ (Pflug, Roggen). Причиной тому было паденіе крестьянства отъ гнета феодализма, вражескихъ набѣговъ и жестокихъ усобицъ (§ 59). Сколько посѣвовъ и мужицкаго добра пропадало отъ одной господской охоты да отъ такихъ правъ (droit de gîte, de pourvoirie), по которымъ сеньеръ, разъѣзжая съ своей дворней, всюду требовалъ квартиръ и продовольствія, забиралъ людей, лошадей, телѣги! А о рыцарскихъ разбояхъ можно судить по слѣдующимъ словамъ лѣтописцевъ конца періода: „во Франціи только и рѣчи было, что о грабежахъ по дорогамъ; пожарамъ не было числа; собственность не была обезпечена; довольно было прослыть богатымъ, чтобы попасть въ тюрьму, быть закованнымъ въ кандалы и претерпѣть жестокія истязанія; опоясанные мечемъ разбойники осаждали дороги, устраивали засады, не щадили ни чужеземцевъ, ни монаховъ; самые города и крѣпости не были избавлены отъ этихъ бѣдствій". Суды были переполнены жалобами на разбои сеньеровъ; и въ грамотахъ уже требовалось „разрушить замки, крѣпости и изгороди, отъ которыхъ сосѣди становятся жертвами многихъ лишеній и безпокойствъ". А тутъ еще постоянные набѣги норманновъ, датчанъ, сарацинъ и венгровъ, сдѣлавшіе борцовъ съ ними героями народныхъ пѣсенъ. Норманны превращали въ пустыню даже страну между Сеной и Луарой; а Римъ, послѣ нихъ (§ 47), сталъ „развалиной на болотѣ", по словамъ поэта-очевидца. Отъ сарацинъ часто нельзя было обсѣменять полей почти по всей южной Италіи. Венгры, въ 10-мъ в., 6 разъ опустошили Лотарингію и такъ отдѣлывали богатые города Италіи, что въ Павіи однажды уцѣлѣло только 200 человѣкъ.

Прибавьте къ этимъ бичамъ дурное управленіе и неумѣнье бороться съ природой—и голодъ да моръ станутъ обычнымъ

явленіемъ: во Франціи, около 1000 г., въ 70 л. было 48 голодныхъ и заразныхъ годовъ. Одинъ изъ нихъ такъ описанъ очевидцемъ: „Сначала ѣли кору и водоросли, потомъ стали пожирать людей. Иные заманивали дѣтей яичкомъ или яблочкомъ и приносили ихъ въ жертву своей алчности. Часто вырывали трупы на завтракъ. Одинъ бѣдняга дерзнулъ даже продавать на рынкѣ жареное человѣчье мясо. Его схватили: онъ не отпирался. Его сожгли, а мясо закопали. Другой ночью вырылъ мясо и съѣлъ: его также сожгли. Въ одномъ лѣсу, близъ уединенной церкви, поселился злодѣй, который убивалъ проходящихъ и останавливавшихся у него путниковъ и питался ихъ трупами. Одинъ странникъ съ женой, отдыхая у него, замѣтилъ 48 череповъ. Ему удалось бѣжать и разсказать въ городѣ: лютаго звѣря схватили въ его берлогѣ, и я самъ видѣлъ, какъ его сожгли". Путешествіе было тяжело и въ хорошіе годы. при слабомъ развитіи городовъ, госпитали попадались рѣдко, только по монастырямъ (§ 60), а кабачки встрѣчались лишь въ замкахъ феодаловъ. Даже въ городахъ улицы были узенькія, кривыя, дворы, какъ у мужиковъ, а дома вродѣ избъ: крыша высокая, соломенная; потолокъ съ нависшими балками; окна крошечныя, неуклюжія, слѣпыя; полы глиняные, а въ замкахъ — просто часть скалы, застланная рогожею; печь глиняная, хрупкая. Пожары часто истребляли эти жалкія постройки, также какъ и церкви, по большей части маленькія, деревянныя. Каменные храмы изрѣдка появляются съ 9-го в. и становятся архивами, библіотеками, арсеналами. Лишь въ концѣ періода городскія избы понемногу замѣняются каменными домами даже въ Германіи и Англіи, подъ вліяніемъ романцевъ и евреевъ: въ Англіи остатки ихъ и теперь называются „еврейскими домами".

Мебель еще первобытная: кованые лари вмѣсто коммодовъ, скамьи вокругъ всей комнаты — вмѣсто стульевъ, шаткіе столы, прибитые къ стѣнамъ и полу. Посуда аляповатая глиняная; только у богачей она изъ рога и моржеваго зуба. Вмѣсто тарелокъ—особые хлѣбцы; подлѣ ложекъ являются столовые ножи. Пища грубая, тяжелая, однообразная, но изобильная: попреимуществу жареное мясо, и именно свинина, да хлѣбъ ячменный, овсяной, полбенный, а по праздникамъ — пшеничные пироги; огородничество процвѣтало только по монастырямъ. Напитки у романцевъ состояли изъ винъ, которыя, по преданію, съ самаго начала влекли варваровъ въ Италію. Но нѣмцы все

еще тянули въ изобиліи родное пиво да медъ; впрочемъ съ Карла Великаго императоры соперничали съ монастырями въ винодѣліи и стремились къ лѣвому берегу Рейна „по причинѣ изобилія вина". Нищенская жизнь массъ на материкѣ освѣщается, въ опустошаемой иноземцами и далекой отъ Италіи Англіи, картиной жизни провинціальнаго тана или барона. Въ усадьбѣ его моръ на людяхъ и звѣряхъ, захлебывающихся въ грязи. Сидитъ онъ въ низкой мазанкѣ или въ угловатомъ замкѣ изъ неотесаннаго камня, съ крошечными оконцами. Ѣстъ онъ, со всею своей дворней, въ залѣ, съ очагомъ посрединѣ, изъ котораго дымъ валитъ черезъ дыру въ крышѣ. Вмѣсто столовъ ставились деревянные козлы. Вилокъ нѣтъ; стаканы—съ заостренными донушками, ихъ не поставить. Послѣ ужина съ попойкой, козлы долой—и всѣ храпятъ на полу вповалку, съ оружіемъ подъ головами отъ разбойниковъ. Хуже жилось только развѣ за Пиренеями да въ Венгріи. Испанцы изображаются арабскими историками въ видѣ дикарей: грязные, вшивые сельчане не смѣняли своихъ звѣриныхъ шкуръ, пока онѣ не сгніютъ на нихъ; гранды и короли ставили осѣдланныхъ коней въ своихъ логовищахъ. Мадьяры же даже до половины 12-го в. тѣснились зимой въ камышевыхъ хижинахъ, а лѣтомъ прохлаждались на чистомъ воздухѣ, въ шатрахъ.

Одежда была почти одинаковая у всѣхъ сословій, только у вельможъ пороскошнѣе. Развивалось смѣшеніе римской моды съ кельто-германскою (§ 30): у мужчинъ—длинная туника съ узкими рукавами, подобранная поясомъ выше колѣнъ, плащъ, прикрѣпленный на плечахъ фибулами (застежками), узкіе шаровары, кожаные сапоги; у женщинъ — длинная безрукавка, узкая на станѣ, широкая внизу; подъ нею платье и рубаха съ рукавами, на ней накидка; ноги въ башмакахъ. Мужчина все еще ходилъ безъ шапки; только въ дождь накидывалъ плащъ на голову. Женщина носила платокъ на головѣ; дѣвушка щеголяла распущенною косой. Никто, не исключая духовенства, не стригся и не брился. Любили яркіе цвѣта; и, какъ потомъ у паяцовъ, одна половина платья была одного цвѣта, а другая—другого.

§ 66. **Значеніе періода**.—Вѣка 9—11 представляютъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ періодовъ въ исторіи: тогда произошелъ окончательный разсчетъ между броженіемъ стихійныхъ силъ, порождавшихъ хаосъ перехода отъ древней исторіи къ новой, и установленіемъ прочныхъ началъ жизни, не вы-

мершихъ до нашихъ дней. Эта знаменательная историческая тяжба, рѣшившая участь человѣчества, воплотилась въ той могучей личности, имя которой и теперь означаетъ, у славянъ, „короля“, какъ у римлянъ „августъ“ и „цезарь“ означали императора, а у французовъ слилось съ титуломъ „великій“ (Charlemagne—Carolus Magnus). Карлъ Великій—Петръ Великій Запада, и по своему обличію, и по своему значенію. Подобно нашему богатырю (Р. И. §§ 219, 221), онъ, вѣчно свѣжій и дѣятельный, неутомимо работалъ, какъ воинъ, правитель и просвѣтитель народа, самолично носясь изъ края въ край огромной державы, хозяйски провѣряя своихъ фискаловъ (§ 34; Р. И. § 215). Весь отдаваясь общей пользѣ, онъ грозно заставлялъ всѣхъ тянуть государственное тягло, но въ гору-то тянулъ онъ одинъ: Алькуинъ жалуется, что у императора было „не столько выручателей, сколько нарушителей справедливости, не столько praedicatores (учителей), сколько praedatores (предателей)“. Карлъ ворошилъ всѣ стороны жизни: онъ, словно дѣтей, училъ своихъ подданныхъ всему, даже какъ строиться, собирать и беречь хозяйственные запасы. Какъ Петръ съ Запада, такъ онъ изъ Италіи жадно заимствовалъ всякіе признаки цивилизаціи, часто увлекаясь внѣшностью, какъ геніальный ребенокъ; но онъ всегда былъ нѣмецъ душой. Религіозный человѣкъ, мечтавшій водворить всюду христіанство, онъ былъ здравомысленный практикъ и поклонникъ свѣтской образованности: и въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ онъ церковь, какъ слугу общей пользы. Западный великанъ, какъ и нашъ, былъ смиреннымъ орудіемъ исторіи: у него не было строгой системы собственнаго измышленія; все шло опытомъ, ощупью, частными случаями, по требованію обстоятельствъ; все было продолженіемъ дѣла предмѣстниковъ, особенно Пипина Малаго, этого западнаго Алексѣя Михайловича (§§ 14, 25; Р. И. §§ 195, 206). А главное, Карлъ, подобно Петру, хотѣлъ, въ страстномъ порывѣ генія, сразу осуществить великій идеалъ, лишь смутно зарождавшійся въ обществѣ,—вдругъ создать новую, стройную и прочную Европу среди еще могучаго хаоса переходной поры.

То была богатырская и жизненная попытка — даровать Западу, даже всему міру, блага высшаго сплоченія, котораго давно жаждали народы (§ 31) и которое возможно было тогда только въ формѣ цезаропапизма (§ 33). И она была проведена, какъ дѣло Петра, изумительно успѣшно: новыя

идеи и учрежденія пережили ихъ дерзкаго основателя, служа цѣлью, къ которой стремились народы въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Идеалъ былъ вѣренъ, но скороспѣлъ. Самъ Карлъ проводилъ его отчасти безсознательно: грубый, еле-грамотный, онъ былъ окруженъ еще дружинниками-паладинами; онъ не упомянулъ объ имперіи въ своемъ завѣщаніи; онъ даже не понималъ единства своего королевства и національнаго вопроса, раздѣливъ наслѣдство механически между своими сыновьями. И послѣ западнаго великана, какъ послѣ нашего (Р. И. §§ 221, 222, 262), снова настала смута, задержавшая на-время осуществленіе новаго идеала. Только характеръ ея былъ иной, по разницѣ эпохъ: борьба въ средѣ Каролинговъ, съ ихъ безплодными мировыми съѣздами, съ игомъ норманновъ, венгровъ и сарацинъ, напоминаетъ наши удѣльныя усобицы (Р. И. §§ 37, 71); но она еще осложнялась невѣдомымъ намъ міровымъ вопросомъ времени—борьбой между свѣтскою и духовною властью, между имперіей и папствомъ. Держава Карла Великаго распалась на части, по народностямъ; изъ его цезаропапизма вытекла непримиримая тяжба между имперіей и папствомъ, которая ожидалась уже въ прошломъ періодѣ (§ 31). Стремленіе же къ міродержавію, завѣщанное Карломъ нѣмцамъ, мѣшало ихъ внутреннему устройству: оно поддерживало смуту въ Германіи, отвлекая за Альпы представителей Священной римско-нѣмецкой имперіи. Борьба двухъ основныхъ силъ времени приняла ожесточенный и міровой характеръ въ концѣ періода, когда стала разомъ этнографической, политической, соціальной и идейной (§ 45). Она завершилась побѣдой папства, благодаря религіозности народовъ, достигшей подконецъ крайней степени. Задача тогдашняго христіанства—исканіе сплоченія среди всеобщаго хаоса—осуществилась, какъ доказываетъ начало слѣдующаго періода, но не въ Ахенѣ, а въ Римѣ: настоящій же періодъ окончился столь же крупною личностью въ тіарѣ, какая начинала его—въ императорской коронѣ.

Во внутренней политикѣ разныя государства пришли къ различнымъ слѣдствіямъ, хотя основное стремленіе вездѣ было одно—борьба съ первобытнымъ хаосомъ, сплоченіе въ формѣ неограниченной монархіи или абсолютизма. Слабѣе всего оказался монархизмъ въ Германіи и Италіи, которыя были заняты міровымъ вопросомъ. Пышные по внѣшности императоры были ничтожными королями: усилія умныхъ и дѣятельныхъ Салійцевъ (§ 42) не привели ни къ чему. Власть папъ, предписы-

вавшихъ законы иноземнымъ государямъ, была нечувствительна въ Италіи, гдѣ къ концу періода развились городскія республики. Силенъ былъ монархизмъ у славянъ и скандинавовъ, хотя и здѣсь онъ падалъ подконецъ отъ усобицъ и притязаній знати. Въ христіанской Испаніи онъ былъ ограниченъ привилегіями феодаловъ и средняго сословія. Больше всего успѣховъ монархизмъ сдѣлалъ во Франціи при Капетингахъ и въ Англіи при „желѣзныхъ короляхъ"; въ этихъ же странахъ видимъ наибольшее проявленіе національнаго сознанія даже среди духовенства. Въ Англіи, сверхъ того, всеобщій гнетъ власти уже объединялъ сословія, что̀ привело къ подготовкѣ политической свободы (§ 51).

Различныя формы государственности зависѣли отъ сословной постановки. Общимъ соціальнымъ явленіемъ, а также самымъ крупнымъ фактомъ, наряду съ папствомъ и императорствомъ, былъ феодализмъ, напоминавшій первобытную племенную и родовую разрозненность (§ 59). Важно, что феодалъ былъ и государемъ въ своей землѣ, и помѣщикомъ: отсюда его сопротивленіе монархизму и закрѣпощеніе народа, исчезновеніе свободнаго крестьянства. Ужасы феодализма особенно чувствовались во Франціи, гдѣ онъ былъ очень силенъ: тамъ 10-й в. былъ порой образованія большихъ леновъ (Бретань, Нормандія, Аквитанія, Септиманія или Готія), что̀ вело и къ обособленію областей, сказавшемуся въ мѣстныхъ литературахъ и искусствахъ. Въ Англіи же сила монархизма объясняется слабостью феодализма, только-что занесеннаго съ материка. Масса повсюду сочувствовала монархизму, безъ котораго она не могла остановить безначалія и насилія феодаловъ; оттого и монархизмъ всюду выказывалъ демократическія наклонности. Здѣсь тайна прочности и установленнаго Григоріемъ VII папскаго абсолютизма, и возобновленной Римской имперіи, и мѣстнаго монархизма, лучше всѣхъ понятаго на материкѣ Капетингами (§ 38). Отсюда же, къ концу періода, первыя попытки возстановленія народной свободы — зарожденіе средняго, городского сословія не только въ Италіи и южной Франціи, но даже у германцевъ.

Самый феодализмъ способствовалъ зарожденію новой жизни: онъ былъ отрицаніемъ племеннаго и общинно-родового быта. Старина жила „кутюмомъ", обычаемъ, пошлиной, преданіями: когда сомнѣвались, дѣлали опросъ народа, особенно стариковъ, чтобъ узнать, какъ водилось прежде. У нея судъ со-

стоялъ не въ отысканіи истины, а въ соблюденіи формалистики обычая дословно: оттого говорилось, что „слово — не воробей“. Считалось, что правда — „добрый обычай“, а зло — „новшество“ (nouvelté). А феодалъ, съ новымъ воспитаніемъ. съ своей личной „честью“, разлагалъ этотъ взглядъ. Обычное право дѣлило наслѣдство поровну между всѣми дѣтьми, феодальное — держалось майората и старалось исключить женщину. Феодализмъ вносилъ личное начало и въ оммажъ. Оно только не могло преодолѣть значенія земли въ бѣдной, лишенной промышленности странѣ. Все сводилось еще къ землѣ, къ тремъ видамъ собственности — къ аллоду, впрочемъ исчезавшему, къ лену и держанію (tenure) крѣпостными: кто жилъ на „неблагородной“ землѣ, тотъ и самъ становился крѣпостнымъ; кто имѣлъ больше земли, тотъ стоялъ выше на лѣстницѣ феодализма. Но зато въ самомъ феодализмѣ все стремилось подконецъ къ наслѣдственности, къ упорядоченію — не только лены, но и земледержаніе, и должности, и министеріалы, и управляющіе.

Такъ, несмотря на разгаръ феодализма, несмотря на присутствіе еще невымершихъ пережитковъ старой смуты (§ 31), сплоченіе уже ясно на Западѣ. Исторія уже не представляетъ, какъ въ первые 8 вѣковъ нашей эры, сухаго лѣтописнаго наброска именъ, годовъ и мелкихъ фактовъ: это — сочная картина. Передъ нами живой организмъ, скованный вездѣ одинакими политическими и общественными стремленіями. Самый феодализмъ, въ которомъ подготовлялся типъ новаго воспитанія, связывалъ всѣ его части, словно масонскій орденъ; и, заодно съ папствомъ, латынью и торговлей, онъ уже пролагалъ путь международному праву. Уже выступили всѣ народы и государства съ историческою будущностью, между тѣмъ какъ падали тѣ, которымъ не суждено было жить. На первый планъ выдвинулись итальянцы, французы и нѣмцы, а подлѣ нихъ группировались мелкія государства романскія (въ Испаніи), германскія (въ Англіи и Скандинавіи) и славянскія (Россія, Польша, Богемія). Изъ нихъ наиболѣе окрѣпли и опредѣлились окраины — Франція, Англія и Россія, между тѣмъ какъ Византія клонилась къ паденію, а багдадскій халифатъ распался и смѣнился господствомъ сельджуковъ въ Азіи.

Англія даже приняла свой особый отпечатокъ, столь важный для будущности всего міра. Она какъ бы предвосхитила идею Карла Великаго. Если она до конца подвергалась набѣгамъ чужеземцевъ и игу иностранныхъ королей, зато это горе, въ связи съ ея

островнымъ положеніемъ, выработало изъ ея обитателей націю крѣпкихъ, свободолюбивыхъ характеровъ. Нигдѣ не выступало такъ рано національное и политическое сплоченіе. Альфредъ, съ его ополченіемъ, англійскимъ языкомъ и англійскою лѣтописью, былъ уже представителемъ народа; его преемники именовались „монархами всей Британіи"; Кнутъ долженъ былъ превратиться въ англичанина; Вильгельмъ Завоеватель сталъ національнымъ героемъ. Норманны такъ же быстро сливались съ англосаксами, какъ прежде датчане и какъ они сами сливались съ французами въ Нормандіи. Полудикіе кельты Уэльса уже подчинялись культурѣ англичанъ, которые во множествѣ переселялись къ нимъ. То же совершалось въ Шотландіи, короли которой уже смотрѣли на кельтовъ, ютившихся въ горныхъ трущобахъ, какъ на завоеванныхъ дикарей. Деспотизмъ „желѣзныхъ" королей, которые уже назывались въ законахъ „единственными собственниками въ странѣ", окончательно сплачивалъ всѣ составныя части населенія и даже всѣ сословія: въ борьбѣ съ нимъ, феодалы и церковники братались съ массами. Оттого въ Англіи ранній абсолютизмъ принужденъ былъ и рано дать народу первую основу политической свободы. Такъ, уступая материку въ культурѣ, Англія явно опередила его въ политикѣ. Сенлакъ (§ 51) былъ наглядною побѣдой новыхъ началъ христіанскаго абсолютизма надъ варварскою рознью. Тутъ сразились двѣ тактики, двѣ цивилизаціи, два міра: норманны были всадники, съ длинными копьями, да мѣткіе лучники, англичане—пѣхота, съ дротиками и древними сѣкирами; тѣ постились и причащались передъ битвой, эти бражничали и распѣвали свои военныя пѣсни.

Западъ не только опредѣлился и разграничился внутри: онъ совершенно отдѣлился отъ Востока, благодаря возстановленію Римской имперіи и раздѣлу церквей. Онъ оградился отъ набѣговъ туранскихъ кочевниковъ Азіи: сплотившіеся въ государства славяне заслонили его съ этой стороны. И если венгры, эта послѣдняя волна кочевниковъ, застряли въ Европѣ, то они уже стали христіанами, подражали Западу въ образованіи государства и, принимая его культуру, стали союзниками нѣмцевъ въ ихъ борьбѣ съ раннимъ панславизмомъ, разрѣзавши славянство, какъ клиномъ, и бросивъ его западную вѣтвь въ руки папы И надъ всею феодальною и народною пестротой Запада уже простирались эти властныя руки, какъ символъ высшаго, все-европейскаго сплоченія: среди десятковъ королей,

двухъ императоровъ и трехъ халифовъ, папа былъ единственный міродержавецъ, и тѣмъ болѣе необходимый, что созрѣвшій исламъ уже вызывалъ христіанство къ барьеру, на историческій поединокъ.

Папа былъ символомъ все-европейскаго сплоченія и какъ представитель высшей тогда силы въ идеальной культурѣ, тѣмъ болѣе, что „латинскій" Западъ совсѣмъ отдѣлился отъ „греческаго" Востока. Правда, сначала здѣсь папству мѣшалъ его вѣчный соперникъ, представитель свѣтскости —классицизмъ (§ 29). Онъ распространялся теперь и дворами, и городами. И на помощь ему шла арабская культура (§§ 56, 63) Впрочемъ, она еще мало выходила за предѣлы исламизма: въ Европѣ главная роль просвѣтительницы все еще принадлежала Византіи, какъ хранительницѣ классицизма, которая передала его и арабамъ; подлѣ нея дѣйствовали античныя преданія, отчасти сохранявшіяся въ Италіи и южной Франціи. Попрежнему образованность переходила съ юга на варварскій сѣверъ: въ этомъ смыслѣ, были полезны кровавыя связи нѣмцевъ съ Италіей, которую онѣ спасали притомъ отъ поглощенія Византіей; а въ Англіи культура развилась при французскихъ норманнахъ, съ которыми прибыли и евреи, вынесшіе изъ Испаніи сѣмена арабской цивилизаціи. Церковь сначала помогала дѣлу и прямо, сохраняя въ монастыряхъ остатки классицизма, и косвенно, проповѣдуя Божій миръ и нравственность, защищая низшіе классы противъ феодаловъ, не переставая распространять христіанство среди остатковъ европейскаго язычества на сѣверо- и юго-востокѣ. Правда, она же стѣсняла развитіе классицизма, ставя ему одностороннюю цѣль, придавая ему клерикальную общность, блѣдную типичность; тѣмъ не менѣе, въ началѣ періода заводились классическія школы даже въ Германіи и Англіи и выдвинулся такой античный умъ, какъ Эригена; духовенство было не чуждо раціонализму или духу свѣтскости; въ обществѣ еще не утратилось реальное міровоззрѣніе древности; въ литературѣ и искусствѣ зарождались народныя особенности. Но къ концу періода, подъ вліяніемъ смутъ и разрыва съ Византіей, настаетъ упадокъ классицизма, который лишь слабо поддерживался въ Италіи и Франціи. Ему сопутствуетъ умственное и нравственное паденіе. Въ христіанство вторгаются языческія понятія; нравы ожесточаются; женщина превращается въ рабу и вѣдьму. И папа окончательно становится властителемъ думъ фанатичныхъ поколѣній. Подъ вліяніемъ клюнійцевъ и Григорія VII, іерархія

превращается въ могучій организмъ, оторванный отъ жизни, и проповѣдуетъ аскетизмъ. Исчезаютъ мірскія заботы съ ихъ реализмомъ, а съ ними—національныя черты и народная поэзія. Средневѣковой міръ разрываетъ съ классическими преданіями, населяется отшельниками, колдунами и пророками; христіанская Европа снаряжается въ походъ противъ мусульманскаго Востока.

IV. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. РЫЦАРСТВО И СХОЛАСТИКА.

Около 1100—1300.

§ 67. **1-й крестовый походъ**.—Когда христіанство стало государственною религіей, Константинъ съ Еленой воздвигли Честной Крестъ (Д. И. § 277) и соорудили богатый склепъ съ часовней у подошвы Голгоѳы, надъ Гробомъ Господнимъ, а въ Виѳлеемѣ, на мѣстѣ святыхъ яслей, поставили церковь. Съ тѣхъ поръ не прекращался притокъ странниковъ сюда изъ Европы, даже изъ Норвегіи: кто шелъ поклониться святынямъ, окунуться въ священныя струи Іордана, сорвать вѣтку съ пальмы іерихонской; кто увлекался торговлей (особенно мощами); не мало было тунеядцевъ и искателей приключеній, такъ какъ богомольцевъ ласкали, одаряли, а по дорогамъ завелись удобныя гостинницы. Когда арабы взяли Іерусалимъ, они не трогали странниковъ и дорожили торговлей съ христіанами. Но сельджукскіе турки начали осквернять святыни и брать дань съ богомольцевъ, которые уже устрашали ихъ своею многочисленностью. Въ то же время у христіанъ, которые боролись съ исламомъ уже съ Карла Мартела (§ 14), разгорался фанатизмъ, поддерживаемый надеждой легко справиться съ разлагающимся халифатомъ (§ 55). Уже Генрихъ IV помышлялъ объ истребленіи турокъ. О томъ же мечталъ его соперникъ, Григорій VII, который надѣялся при этомъ возсоединить церкви, захвативши Византію. Вскорѣ послѣ него самъ императоръ Алексѣй (§ 53) обратился въ Римъ съ просьбой о помощи противъ магометанъ—и папа Урбанъ II, французъ родомъ, созвалъ въ Клермонѣ (1095) блестящій соборъ (14 однихъ архіепископовъ), гдѣ, подъ открытымъ небомъ, обратился къ несмѣтной толпѣ съ горячимъ призывомъ идти на освобожденіе Гроба Господня, заранѣе отпуская грѣхи тѣмъ,

кто отвергнется отъ себя и возьметъ „крестъ“ свой. „Божья воля! Божья воля!“ грянула очарованная толпа—и воины стали нашивать себѣ красный крестъ на правое плечо. Такъ образовались **крестоносцы**—церковные бойцы, личность и добро которыхъ были объявлены неприкосновенными, подъ страхомъ отлученія. И начались **крестовые походы**, длившіеся 175 л. (1095—1270). По христіанской землѣ пошли пылкіе проповѣдники, во главѣ ихъ французъ Петръ, по прозванью Пустынникъ. Онъ бросилъ семью и солдатскую службу, испостился въ пустынѣ и добрелъ до Іерусалима, гдѣ палъ въ изнеможеніи у Гроба Господня. Очевидецъ исламскаго ига, изможденный, полунагой фанатикъ съ сверкающимъ взоромъ, онъ ѣздилъ теперь по Франціи съ страстными рѣчами; въ одной рукѣ у него былъ крестъ, въ другой — веревки, которыми онъ бичевалъ себя такъ, что струилась кровь.

Крестоносецъ перваго похода. Изъ рукописи Британскаго музея 12-го в.

Появились чудеса и знаменія; разнеслась молва, что воскресъ самъ Карлъ Великій, и поведетъ онъ крестоносцевъ. Волной подымался ошалѣлый народъ: „отецъ не смѣлъ удерживать сына, жена — мужа, господинъ — раба“; снаряжались даже женщины и дѣти. Благочестіе и отпущеніе грѣховъ, жажда приключеній и драки, надежда пресытиться сказочными наслажденіями и богатствомъ Востока, освобожденіе отъ крѣпостничества и податей, а для преступниковъ—и отъ казни, отсрочка долговъ,—все влекло христіанина вдаль. Всѣмъ казалось, что нашелся выходъ изъ давней тяготы и безразсвѣтнаго горя: снаряжались въ походъ, какъ переселенцы, съ семьями и домашнимъ скарбомъ. Особенно волновались французы; изъ нѣмцевъ подымались только прирейнскіе. Живо набралось, въ сѣверной Франціи, больше 100.000 нищихъ, крѣпостныхъ, бродягъ, и все почти безоружныхъ: они думали, что Іерусалимъ падетъ передъ ихъ вѣрой, какъ стѣны Іерихона. Вождями ихъ были такіе же герои — Петръ Пустынникъ да Готье Нищій; а нѣмцами предводительствовали коза и гусь—священныя животныя германской миѳологіи. **Первый крестовый походъ** начался (1096) самыми недостойными подвигами. Шайки избавителей гроба Христа перебили евреевъ у

Рейна и ограбили Византію. Оттого ихъ уничтожали венгры и болгары. А когда онѣ перебрались въ Азію, ихъ тотчасъ же истребили турки: на никейской равнинѣ поднялись цѣлые холмы изъ костей несчастныхъ.

Между тѣмъ снарядилось войско — до 300.000 рыцарей и пѣхоты; а за нимъ тянулись 200.000 богомольцевъ, въ томъ числѣ женщины, дѣти, скоморохи. Тутъ были уже почти всѣ народы. Вмѣсто папы, пошелъ его легатъ. Общаго вождя не было, и рыцари переходили изъ лагеря въ лагерь, не зная никакихъ приказаній. Но выдавалась феодальная знать, особенно Готфридъ Бульонскій изъ Лотарингіи да Танкредъ изъ Неаполя. Любимецъ сказокъ, Готфридъ, былъ „святымъ монахомъ, какъ въ вооруженіи, такъ и въ герцогскомъ уборѣ"; самый храбрый и сильный воинъ, онъ былъ также самымъ скромнымъ, великодушнымъ, разсудительнымъ и вѣжливымъ; это — первый типъ идеальнаго рыцарства и поэтическаго романтизма. Танкредъ же, потомокъ Хитреца (§ 49), отличный стратегъ и храбрецъ, отличался коварствомъ, заносчивостью и тщеславіемъ, любилъ блескъ и необычайность. Славился еще вождь самаго блестящаго и благочестиваго отряда, провансальцевъ, Раймундъ тулузскій. Предпріимчивый, отважный, но славолюбивый и сварливый рубака, онъ подъ старость окривѣлъ въ борьбѣ съ маврами и женился на юной красавицѣ, Эльвирѣ; желая имѣть все свое, Раймундъ взялъ въ Іерусалимъ Эльвиру и собственнаго монаха съ мощами. Другой богатырь, выше всѣхъ ростомъ, величавый съ виду, братъ Готфрида, Балдуинъ, считался первымъ политикомъ и ученымъ среди крестоносцевъ: онъ сначала готовился въ монахи.

Крестовая армія шла разными путями — кто по Германіи, кто черезъ Италію, гдѣ Пиза и Генуя предлагали свои суда изъ торговыхъ выгодъ. Въ Византіи произошли кровавыя ссоры: крестоносцы думали уничтожить „этихъ греченковъ, самый подлый народъ въ мірѣ" и бросились грабить богатую столицу. Но Алексѣй ловко плѣнилъ вождей и взялъ съ нихъ ленную присягу; одинъ Танкредъ перехитрилъ его, миновавъ Византію. Въ Азіи крестоносцы натолкнулись на болѣе серьезныя препятствія. Мусульманское войско, составленное изъ арабовъ, курдовъ, берберовъ, христіанскихъ отступниковъ, черкескихъ рабовъ, славянъ и норманновъ, но, главнымъ образомъ, изъ турокъ, было неистощимо и отличалось отвагой, хитростью, въ особенности же подвижностью. Его основа, кавалерія, отличалась легкими и острыми,

какъ бритва, дамасскими саблями, мѣткими стрѣлами, быстрыми конями и ловкими всадниками, „тонкими и длинными“ красавцами. Разложеніе халифата не мѣшало сплотиться всѣмъ правовѣрнымъ для фанатическаго отпора гяурамъ. А у крестоносцевъ оказался одинъ только союзникъ въ Азіи — Малая Арменія, у Тарса и тѣснинъ Ливана, бывшая скопищемъ бѣглецовъ изъ Великой Арменіи, гдѣ сельджуки и византійцы разрушили славное царство Пагратидовъ. Сверхъ того, крестоносцевъ встрѣтили сильныя крѣпости, жажда и голодъ: непріятель тщательно истреблялъ всѣ запасы. Они блуждали, не зная дорогъ, по опаленнымъ пустынямъ, попадали въ засады, долго стояли подъ крѣпостями, не имѣя осадныхъ орудій. Кони падали: рыцари ѣхали на быкахъ и ослахъ, припасы везли на баранахъ и собакахъ.

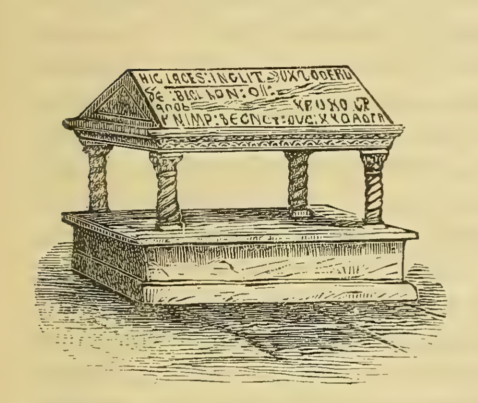
Многіе ушли домой или основали отдѣльныя владѣнія въ Азіи. У оставшихся германцы дрались съ романцами, въ особенности норманны съ провансальцами. Вожди злобно соперничали между собой: каждый старался усѣсться въ покоренномъ городѣ, какъ независимый владѣтель. Этимъ пользовались коварные греки, которые тайкомъ даже помогали туркамъ. Особенно претерпѣли крестоносцы подъ Антіохіей, этою Троей средневѣковой поэзіи. Она была обнесена стѣной съ 450 бойницами и такой толщины, что по ней можно было проѣхать четверней. Едва успѣли взять ее, послѣ годичной осады, какъ самихъ побѣдителей осадилъ эмиръ Кербога съ войскомъ вчетверо сильнѣйшимъ. Въ Антіохіи насталъ моръ и такой голодъ, что ѣли подошвы и трупы; явилось много „веревочныхъ бѣглецовъ“ (спускались по веревкѣ къ непріятелю), въ томъ числѣ Пустынникъ, котораго однако изловилъ Танкредъ. Осталось всего 25.000 крестоносцевъ. Они каялись, постились, ждали чудесъ. Одному монаху приснился св. Андрей и велѣлъ вырыть въ храмѣ копье, которымъ былъ прободенъ Христосъ. Копье нашлось; всѣ ободрились, причастились. Раздалось „Божья воля!“ — и полчища Кербоги, безпечно игравшаго въ шахматы, были разсѣяны. Черезъ три года послѣ начала похода, крестоносцы узрѣли Іерусалимъ. Они пали на колѣна, обнимали землю, рыдали, а по рядамъ проносилось: „Вотъ онъ! Божья воля!“ Изможденные, въ лохмотьяхъ, безъ капли воды на іюльскомъ припекѣ каменистой пустыни, рыцари цѣлый мѣсяцъ съ отчаяніемъ стояли подъ стѣнами святынь. Но, вотъ, приплыли генуэзцы съ осадными орудіями и припасами — и крестоносцы вломились въ Іерусалимъ, въ числѣ первыхъ

Готфридъ съ Танкредомъ (1099). „Божья воля!“ — и всѣ, не исключая Готфрида, бросились истреблять мусульманъ и ихъ семьи. Кровь струилась ручьями по ступенямъ мечетей, доходя „до колѣнъ всадника“; евреевъ жгли въ синагогахъ. Вслѣдъ затѣмъ побѣдители сложили оружіе, омылись отъ крови и босые, безъ шапокъ, начали молиться, съ рыданіями, обходя святыни.

§ 68. **Іерусалимское королевство. Рыцарскіе ордена.** — Вскорѣ крестоносцы возвратились домой, вмѣстѣ съ Пустынникомъ, который мирно кончилъ жизнь въ собственномъ монастырѣ. Остались главные герои съ горстью рыцарей. Раймундъ и Балдуинъ успѣли еще прославиться избіеніемъ многихъ мусульманъ. Раймунду удалось основать графство Триполисъ, Балдуину—графство Эдессу. Танкредъ создалъ княжество Антіохію, откуда искусно воевалъ съ турками и греками и захватилъ всю Киликію и сѣверную Сирію; онъ и умеръ среди походовъ. Готфридъ успѣшно боролся, на югѣ, съ Фатимидами, съ помощью венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ: вскорѣ весь сирійскій берегъ отошелъ къ христіанамъ. Такъ образовалось значительное іерусалимское королевство; но Готфридъ сказалъ, что „не станетъ носить золотой короны тамъ, гдѣ Христосъ носилъ терновый вѣнецъ“, и принялъ титулъ „защитника (advocatus) и барона Гроба Господня“. Когда онъ умеръ, въ честь его избрали королемъ Балдуина эдесскаго, потомство котораго царствовало около столѣтія. Новое королевство приняло стройный видъ. Былъ назначенъ патріархъ, который пользовался почти такою же независимостью, какъ папа; на судьбищахъ рыцарей или ассизахъ выработались законы, названные тѣмъ же именемъ. Ассизы — собраніе тогдашняго обычнаго права разныхъ народовъ, въ особенности же французовъ: это — единственное точное, писанное опредѣленіе всѣхъ феодальныхъ отношеній.

Въ іерусалимскомъ королевствѣ возникло и новое явленіе— духовно-рыцарскіе ордена. Это — сліяніе рыцарства съ монашествомъ: тутъ носили монашескій плащъ сверхъ рыцарскаго вооруженія. Поступавшій, послѣ искуса, въ орденъ клялся соблюдать монашескіе обѣты и жить по уставу (ordo) св. Бенедикта, но лишь съ цѣлью охранять Гробъ Господень и защищать христіанъ, особенно богомольцевъ; сверхъ того, онъ долженъ былъ имѣть 8 знатныхъ предковъ да доказать свою храбрость и незапятнанность чести. Рыцарскіе ордена — словно независимыя государства: у каждаго былъ свой „великій магистръ“ (grand maître, Grossmeister), свой судъ, своя „служащая братья“

(мастеровые, землепашцы и проч.). Обладая огромною казной и даровыми землями по всей Европѣ, они содержали собственныя арміи и даже флоты. Старѣйшимъ былъ орденъ іоаннитовъ или госпиталитовъ, возникшій изъ госпиталей (гостинницы съ больницами) для богомольцевъ, устроенныхъ итальянскими купцами въ честь Іоанна Милостиваго. Затѣмъ французскіе рыцари основали орденъ храмовниковъ (templiers): Готфридъ далъ имъ часть своего дворца подлѣ того мѣста гдѣ находился Соломоновъ храмъ. Храмовники особенно соблюдали обѣтъ бѣдности: на ихъ печати изображались два рыцаря на одномъ конѣ; отсюда ихъ военный кликъ — „важная посадка!“ (beauséant). Они

Гробница Готфрида Бульонскаго въ церкви св. Гроба, въ Іерусалимѣ. 12-го в.

Храмовникъ. Миніатюра 12-го в., въ Британскомъ музеѣ.

раздавали богомольцамъ отовсюду стекавшіяся къ нимъ приношенія. Храмовники превзошли всѣхъ необузданною храбростью: ассасины (§ 55), которымъ даже короли тайкомъ платили дань, только и боялись, что этого всклоченнаго, неумытаго, вѣчно запыленнаго воинства; турки стращали дѣтей именемъ храмовниковъ и разбѣгались, завидѣвъ ихъ бѣлое знамя съ надписью — „не намъ, не намъ, а имени Твоему“. Въ сущности эти, романскіе, ордена различались между собою только одеждой: іоанниты носили черный плащъ съ бѣлымъ крестомъ, храмовники — бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ. Позже былъ основанъ, по образцу іоаннитовъ, самый ничтожный, тевтонскій, орденъ во имя Дѣвы Маріи: его рыцари носили бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ.

Рыцарскіе ордена поддержали іерусалимское королевство,

которое быстро падало, покинутое Европой. Кромѣ вѣчной борьбы съ мусульманами, его истощали внутренніе пороки. Тутъ было мало европейцевъ: рыцарство состояло изъ однихъ французовъ, купечество—только изъ итальянцевъ. Они жили или въ укрѣпленныхъ городахъ по берегамъ, или въ замкахъ на скалистыхъ горахъ. Здѣсь воцарился феодализмъ, въ самой чистой формѣ, съ его усобицами и угнетеніемъ народа: вожди боролись между собой, патріархъ съ вождями, германцы съ романцами, „пуланы" (европейцы) съ „суріанами" (туземные христіане восточной церкви); когда остылъ фанатизмъ, пришельцы стали погружаться въ восточную изнѣженность и добывать средства разбоемъ. Мусульмане освободились отъ паники, начали презирать рыцарей и перешли въ упорное наступленіе. У нихъ явился герой, воспѣтый поэтами, прославленный отъ Тигра до Тахо. Облеченный халифомъ въ санъ атабека (опекуна), умный, храбрый и великодушный Зенки положилъ изгнать „франковъ" (такъ и теперь зовутъ европейцевъ въ Азіи) — и быстро „царство атабековъ" распространилось отъ Бухаріи до Арменіи и Дамаска. При такой грозѣ, даже греки соединились съ латинцами; однако Зенки, съ помощью своего доблестнаго сына, Нуреддина, все преодолѣлъ и взялъ оплотъ крестоносцевъ, пышную, неприступную Эдессу (1144). Только новый крестовый походъ могъ поддержать владычество христіанъ въ Азіи. Но не легко было поднять его: въ Европѣ царствовали разочарованіе и безпорядки, причиненные первымъ походомъ; въ каждой странѣ были свои жгучіе вопросы.

§ 69. **Людовики VI и VII.** — Въ Испаніи не прерывались свои крестовые походы. Въ Англіи и Германіи свирѣпствовали усобицы. Во Франціи начиналось трудное дѣло—установленіе абсолютизма и централизаціи, которое подготовлялось уже при первыхъ Капетингахъ (§ 38), но окончилось лишь 500 лѣтъ спустя. Оно выяснилось при Людовикѣ VI и его сынѣ, Людовикѣ VII, которымъ помогалъ Сугерій—сирота, вскормленный монахами С.-Дени, гдѣ онъ потомъ сталъ аббатомъ. Умный, энергичный, бережливый, знакомый съ римскимъ правомъ, любитель власти и роскоши, этотъ первый въ ряду государственныхъ людей Франціи твердилъ: „долгъ королей — подавлять могучею рукой дерзость вельможъ". Къ его идеалу подходилъ Людовикъ VI, характеръ крупный и практическій. При всей своей чувственности и жадности, этотъ король отличался такимъ добродушіемъ, что его называли „простакомъ".

Прямой, твердый и рѣшительный, онъ славился пылкой храбростью и неутомимой подвижностью. Несмотря на свою тучность, доставившую ему прозвище Толстяка, этотъ дѣльный хозяинъ 35 л. носился по своему маленькому Иль-де-Франсу, съ копьемъ въ рукѣ, доказывая феодаламъ, что „у королей руки длинны": онъ защищалъ слабыхъ, въ особенности церковниковъ, былъ другомъ „оратая и оратора", по словамъ Сугерія, водворялъ миръ и правду, добывалъ земли мечемъ или деньгами, которыя онъ любилъ копить.

Людовику помогъ крестовый походъ, отвлекшій вельможъ въ Азію; но больше всего выручило его появленіе средняго сословія или третьяго государственнаго чина (tiers état). Уже въ 11-мъ в., на сѣверѣ Франціи многія села, разбогатѣвши, стали городками и начали искать „добраго мира", т.-е. средствъ избавиться отъ помѣщичьяго гнета. Поощряемые примѣромъ южныхъ муниципій, горожане составляли коммуну (общину) и клялись добиваться льготной хартіи. Иногда они покупали хартіи, особенно у рыцарей, ходившихъ въ Азію; но чаще пріобрѣтали силой, послѣ десятковъ лѣтъ борьбы. Добывши хартію, общинники заводили самосудъ и выборныя власти. Этихъ хартій масса въ 12-мъ и 13-мъ вв., и каждая на свой образецъ. Людовикъ VI сталъ утверждать ихъ, т.-е. обезпечивалъ общинникамъ свободу, которой онъ, однако, не допускалъ въ собственныхъ земляхъ; а коммуны снабжали его своими милиціями для борьбы съ феодалами. Дѣло развивалось при Людовикѣ VII, несмотря на его бездарность, безволіе и монашескія наклонности, сохранившія за нимъ на всю жизнь прозвище Юноши: за него правилъ Сугерій, высоко державшій „карательную лозу" надъ баронами. Вздохнувшая свободно масса назвала строгаго аббата „Отцомъ Отечества", и въ ней проявился первый проблескъ патріотизма въ борьбѣ съ англичанами: тогда орифламма (хоругвь аббатства С. Дени огненнаго цвѣта на золотомъ древкѣ) стала національнымъ знаменемъ. Сугерію удалось даже женить Людовика VII на герцогинѣ аквитанской, Элеонорѣ, приданое которой состояло изъ половины южной Франціи (§ 38). Разъ только король не послушалъ своего аббата — и поплатился за это. Набожный Людовикъ VII, усмиряя одного феодала, сжегъ цѣлую тысячу его людей: съ тѣхъ поръ совѣсть не давала ему покоя.

А тутъ пронеслась вѣсть о паденіи Эдессы. Отъ нея встрепенулся Бернаръ. Хорошо воспитанный, красивый вельможа,

Бернаръ, увлеченный аскетизмомъ матери, основалъ монастырь въ Клерво, этотъ храмъ святости и цѣломудрія, который далъ много іерарховъ и аббатовъ, замѣняя павшій Клюни. Скромный, застѣнчивый Бернаръ привлекалъ всѣхъ ученостью, добротой, утонченностью манеръ и пылкимъ, образнымъ краснорѣчіемъ. Онъ былъ совѣстью и пророкомъ всего Запада: вездѣ прислушивались къ его голосу, вчитывались въ его грамоты, блиставшія кудрявымъ слогомъ, таинственностью и чувствительностью. Но Бернаръ былъ самоувѣреннымъ и неумолимымъ фанатикомъ, какъ Григорій VII: цѣлью его жизни было сдѣлать мысль рабою церкви, а церковь — рабою папы. Онъ яростно преслѣдовалъ науку, въ лицѣ геніальнаго Абеляра, и требовалъ или крестить, или истребить славянъ всѣхъ до единаго. Бернаръ началъ проповѣдовать крестовый походъ, какъ легатъ папы, и первою же рѣчью такъ воспламенилъ массу, что долженъ былъ изорвать собственную одежду на кресты, которыхъ не хватило. Онъ ѣздилъ самъ по Франціи и посылалъ жгучія грамоты. Только его энергія, краснорѣчіе и слава могли поднять народъ, который уже холоднѣе относился къ дѣлу, чѣмъ 50 л. тому назадъ. Подѣйствовалъ и примѣръ короля, котораго никакъ не могъ отговорить Сугерій: Людовикъ обрадовался случаю искупить свой грѣхъ; его подстрекала еще пылкая, воспитанная въ роскоши Элеонора, которая скучала съ мужемъ-монахомъ и мечтала о бравыхъ рыцаряхъ да о чарахъ Востока.

§ 70. **Конрадъ III. 2-й крестовый походъ.**—Бернаръ явился даже на Рейнѣ, гдѣ опять стали избивать евреевъ, и къ императору Конраду III, съ которымъ совершилъ „чудо изъ чудесъ“: Конрадъ былъ такъ растроганъ рѣчью пророка, сулившаго блестящій успѣхъ, что со слезами потребовалъ креста немедленно. Нѣмцы рады были выйти изъ невыносимаго положенія. По смерти Генриха V (§ 48), у нихъ настали небывалыя смуты. На выборахъ, съ новою силой обнаружились папская и императорская партіи, непримиренныя вормскимъ соглашеніемъ. Онѣ только получили новыя клички. Папистами руководили сильные баварскіе Вельфы, цезаріанцами — швабскіе Гогенштауфены (§§ 35, 47), которыхъ называли еще Вайблингами, по ихъ родовому замку. Борьба попрежнему захватывала и Италію, гдѣ слово гвельфъ означало еще приверженца демократіи и національной независимости, а гибеллинъ — поборника аристократіи и порабощенія Италіи нѣмцами. Драки между круп-

ными и мелкими феодалами, даже между родственниками, не прекращались, и въ нихъ вмѣшивались венгры, чехи, поляки. Однажды было разомъ два папы и два короля Германіи. Особенно жестока была борьба между бездарнымъ императоромъ Конрадомъ III изъ Гогенштауфеновъ и предпріимчивымъ Генрихомъ Гордымъ изъ Вельфовъ, который хвастался, что „его власть простирается отъ моря до моря“ (отъ Сѣвернаго до Средиземнаго).

Въ Италіи смута осложнялась появленіемъ новой силы, возставшей противъ столповъ старины, противъ феодализма и іерархіи. Это—демократизмъ городовъ. Когда пали старѣйшіе, южные, города (Неаполь, Амальфи, Салерно) подъ игомъ норманновъ, на сѣверѣ выдвинулись новыя средоточія торговли, пользуясь борьбой между клерикализмомъ и цезаризмомъ. Сначала епископы, все изъ знати, пріобрѣли политическія права отъ императоровъ, потомъ горожане, въ союзѣ съ вальвассорами (§ 37), отняли у нихъ эти права. Въ началѣ 12-го в. сѣверные города стали „общинами“ (communitas), т.-е. республиками, съ своими выборными „консулами“ или правителями, съ своими милиціями и судами. То же движеніе было въ умахъ, которые изощрились при спорахъ объ инвеститурѣ (§ 48). Люди консервативные, эти оплоты старины, примкнули къ фанатизму Клюни и доходили до мистицизма: ихъ вождемъ былъ Бернаръ. Умы свѣжіе ударились въ критику церкви и іерархіи: ихъ главой, въ теоріи, былъ Абеляръ, на практикѣ—его любимый ученикъ, Арнольдъ изъ Брешіи. Пылкій ораторъ, тонкій діалектикъ, праведникъ по жизни, предпріимчивый и неугомонный, Арнольдъ страстно поддерживалъ своего учителя въ борьбѣ съ Бернаромъ, требуя, чтобы церковь объявила сказкой „даръ Константина“ (§ 26) и возвратилась къ апостольской чистотѣ и нищетѣ. Бернаръ донесъ на этого „оруженосца Голіаѳа-Абеляра“, и его выгнали изъ Франціи, какъ еретика. Арнольдъ скрывается въ горы Швейцаріи, но тамъ узнаетъ, что въ Римѣ одинъ папа убитъ, другой изгнанъ. Онъ спѣшитъ туда; лихорадочно работаетъ, какъ трибунъ и пророкъ; разрушаетъ башни „капитановъ“—и въ Вѣчномъ Городѣ воскресаетъ Senatus populusque romanus, т.-е. античная республика, на основахъ свободы, равенства и республиканскихъ добродѣтелей (1145). Бѣдняки и угнетенные, даже въ Швейцаріи и Германіи, жадно прислушивались къ голосу братской любви, разносившемуся изъ Рима. Но іерархія уже ополчалась за старину; а новое начало само

губило себя: юныя республики стремились поглотить другъ друга изъ зависти.

Такъ, въ Италіи и Германіи повсюду лилась кровь, и не было минуты покоя. Народами снова овладѣвало тоскливое ожиданіе кончины міра. А тамъ, въ странѣ далекой, но упитанной христіанскою кровью, гибнетъ святыня: Эдесса пала. Въ

Рыцарь 12-го в.

1147 году состоялся второй крестовый походъ. Теперь пошли уже государи—Людовикъ VII да Конрадъ III. Но этотъ походъ былъ несчастнѣе перваго: онъ принесъ лишь трехлѣтнія невыносимыя страданія, сгубившія съ полмилліона однихъ нѣмцевъ. Какъ ни хорошо были снаряжены рыцари [1]), ихъ по-

[1]) Изображенный у насъ рыцарь того времени взятъ изъ миніатюры въ Псалтыри эпохи Людовика Толстаго. Онъ въ полномъ вооруженіи: даже конь въ кожаномъ панцырѣ.

прежнему били, за разбой, венгерцы, болгары и греки; попрежнему ссорились между собой націи и ихъ вожди. Въ Малой Азіи тощіе, оголтѣлые нѣмцы блуждали по невѣдомымъ трущобамъ и разбѣгались при встрѣчѣ съ врагомъ: ихъ избивали, какъ стада барановъ. Французы держались лучше: Людовикъ VII не струсилъ, когда ему пришлось разъ самому биться съ нѣсколькими турками, на одной скалѣ. Но и ихъ выручали только храмовники. Наконецъ, короли съ вельможами бросили войско и моремъ прибыли въ Антіохію, гдѣ Элеонора предалась прелестямъ Востока: Людовикъ насильно увезъ ее, ночью, оттуда и потомъ развелся съ нею, а она вышла замужъ за Генриха II англійскаго, который получилъ, такимъ образомъ, весь западъ Франціи, что̀ тотчасъ же повело къ безконечной войнѣ народовъ по обѣимъ сторонамъ Ламанша. Ничего не сдѣлавши, возвратились домой—Конрадъ почти одинъ, а Людовикъ съ горстью спутниковъ, измученныхъ бурями и плѣномъ у греческихъ пиратовъ. Всѣ проклинали Бернара; а Бернаръ, вскорѣ умершій, проклиналъ крестоносцевъ за безпутство и разбои.

§ 71. **Фридрихъ I Барбаросса и республиканизмъ. 3-й крестовый походъ.**—Въ отсутствіе Конрада, въ особенности же по смерти его, смута усилилась въ Германіи. Императоромъ выбрали его племянника, Фридриха I Барбароссу (Рыжая Борода), доблестнаго рыцаря, отличившагося въ крестовомъ походѣ. Статный блондинъ, съ привѣтливымъ взоромъ и и утонченными манерами, ловкій на турнирахъ и охотахъ, щедрый, ученый и справедливый, неутомимый и упорный, Фридрихъ могъ бы привлекать людей, еслибы самъ не увлекался устарѣлою задачей: его идеаломъ было міродержавіе Карла Великаго, котораго онъ даже причислилъ къ лику святыхъ самовольно, помимо папы. Этотъ романтикъ цезаризма вступилъ въ союзъ съ казуистами римскаго права, которые называли его „владыкой міра", на основаніи кодекса Юстиніана (§ 7). Въ его глазахъ, другія государства были его „провинціями", ихъ правители—„корольками", папа—однимъ изъ его епископовъ, Римъ—имперскимъ городомъ. Колыбель римскаго императорства, Италія особенно приковывала къ себѣ державныя думы Гогенштауфена. Но тамъ уже расцвѣтали новыя силы — монархизмъ у неаполитанскихъ норманновъ и демократизмъ въ городахъ Ломбардіи, идеаломъ которыхъ была римская республика. Въ той же Италіи гнѣздилось невѣдомое древнимъ цезарямъ, могучее

папство, которое само добивалось міродержавія. Оттого Фридрихъ I могъ приковывать къ себѣ вниманіе міра въ теченіе почти 40 л., но долженъ былъ проиграть, несмотря на свою военную доблесть и дипломатическую ловкость.

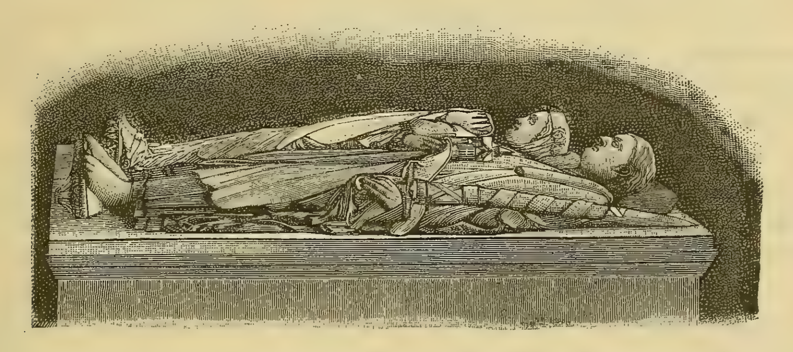
Много бѣдствій принесла нѣмцамъ болѣе чѣмъ 20-лѣтняя борьба съ Италіей, эти тяжкіе шесть походовъ, которые предпринималъ Фридрихъ въ Ломбардію, чтобы подавить „бунтъ своихъ рабовъ", въ особенности же чтобы истребить „мятежный" Миланъ — богатый, просвѣщенный городъ, съ неприступными стѣнами и дружиной „мучениковъ свободы", охотно умиравшихъ за свою карроччьо (§ 42). Но сначала, пока Барбаросса воевалъ съ одними ломбардцами и слабые папы сами призывали его на помощь противъ республиканцевъ Арнольда, его дѣло шло успѣшно, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо приготовился. Уступкою земель, титуловъ, даже верховныхъ правъ онъ задобрилъ главныхъ феодаловъ Германіи. Австрія стала тогда герцогствомъ, а Богемія — королевствомъ. Въ особенности усилился сынъ Генриха Гордаго (§ 70), Генрихъ Левъ, на замкѣ котораго, Брауншвейгѣ, красовался мѣдный левъ—символъ его могущества и звѣрства: онъ владѣлъ Баваріей, Саксоніей и сѣверною Германіей отъ Вестфаліи до Голштиніи, былъ женатъ на дочери Генриха II англійскаго и осоюзился съ Византіей во время своего странствія въ Іерусалимъ. Высокомѣрный деспотъ, Генрихъ былъ грозой сосѣдей, особенно датчанъ и славянъ, которыхъ онъ безпощадно избивалъ въ Помераніи; но врагъ знати, другъ городовъ, онъ же обогащалъ страну, поднявши торговлю истребленіемъ норманскихъ пиратовъ. Могучій Вельфъ, во главѣ другихъ вельможъ Германіи, помогалъ Барбароссѣ, который усилился еще отъ брака съ наслѣдницей Верхней Бургундіи, просвѣщенною красавицей, Беатриксой. Барбаросса быстро явился въ Римъ и выдалъ папѣ Арнольда, котораго повѣсили, а трупъ его сожгли и пепелъ бросили въ Тибръ (1155), „чтобы безумная чернь не покланялась ему". Затѣмъ палъ Миланъ, послѣ геройской защиты:

Фридрихъ I и Беатриче. Барельефы въ соборѣ во Фрейзингенѣ. 12-го в.

его архіепископъ и 12 консуловъ вышли къ побѣдителю босые, съ пепломъ на головахъ, съ веревками на шеяхъ, съ обнаженными мечами на спинахъ. Съ помощью юристовъ болонскаго университета, награжденнаго привилегіями, императоръ опредѣлилъ свои регаліи (верховныя права) и поставилъ въ республикахъ своихъ „подестъ" (potestas римскаго права). Миланъ былъ разрушенъ, карроччіо сожжена: по словамъ очевидца, когда „эта гордость города" склонилась предъ императоромъ, миланцы пали на землю со стонами, обливаясь слезами. Подесты наложили „египетское иго" на республиканцевъ.

Вопли угнетенныхъ и возвеличеніе императорства вызвали повсюду негодованіе и страхъ. Въ Римѣ раздался грозный голосъ

Генрихъ Левъ и его жена Матильда. 12-го в. Гробница въ соборѣ въ Брауншвейгѣ.

одного изъ крупнѣйшихъ папъ, искуснаго и непреклоннаго политика, Александра III, котораго чуть не убили нѣмцы, когда онъ, будучи еще кардиналомъ, сказалъ Фридриху на сеймѣ: „отъ кого же, какъ не отъ папы, императоръ получаетъ корону?" За него, какъ за „мученика церкви", поднялись не только Рожеръ II неаполитанскій, но даже Людовикъ VII и Генрихъ II, которые уже поукрѣпили монархизмъ у себя дома, не увлекаясь міродержавіемъ. Александръ III работалъ неутомимо: онъ всюду разсылалъ толпы преданныхъ монаховъ съ искусными грамотами, одушевляя гвельфовъ въ самой Германіи, и не погнушался союзомъ съ итальянскими республиканцами и даже греками. Когда онъ отлучилъ отъ церкви Фридриха, ломбардцы ободрились. Миланъ воскресъ изъ пепла и образовалъ союзъ 15-ти ломбардскихъ городовъ, одушевленный даже національнымъ чувствомъ: тогда построили „оплотъ противъ

нѣмцевъ"—неприступную крѣпость, которую назвали Александріей, въ честь папы-патріота. Въ самой Германіи народъ и низшее духовенство возстали противъ Барбароссы: въ Майнцѣ былъ убитъ его другъ, архіепископъ. Генрихъ Левъ сбросилъ маску: онъ отказалъ въ помощи императору, который напрасно палъ къ его ногамъ, обливаясь слезами. При Леньяно Фридрихъ потерпѣлъ примѣрное пораженіе (1176): „священный отрядъ карроччіо" захватилъ его оружіе; онъ самъ спрятался и лишь ночью прибрелъ къ своимъ. Императоръ всенародно палъ къ ногамъ папы и покаялся въ своей несправедливости: Каносса повторилась ровно черезъ 100 л. (§ 46). Фридрихъ согласился на позорный миръ, по которому цезаризмъ былъ введенъ въ границы: императоръ держалъ стремя папѣ и цѣловалъ ему ногу, какъ „вѣрный и покорный сынъ"; ломбардцы возвратили свои права, лишь по имени признавая Фридриха своимъ государемъ; тѣ же выгоды были распространены на тосканскіе города и на Венецію.

Такъ, подлѣ іерархизма и цезаризма оффиціально стала третья сила, республиканизмъ, который быстро развивался: вмѣсто нѣсколькихъ консуловъ, города стали выбирать, не болѣе какъ на годъ, подесту съ военною и судебною властью, а законодательство предоставили парламенту или народной сходкѣ-говорильнѣ (parliare — говорить). Смирившійся Барбаросса сталъ другомъ ломбардцевъ, и они помогли ему пріобрѣсти Неаполь посредствомъ брака его сына, Генриха, съ Констанцой (§ 49). Умиротвореніе юга дало ему возможность успокоить сѣверъ, гдѣ противъ Генриха Льва ополчились, наконецъ, всѣ главные князья. Союзниками руководилъ хитрый, отважный Альбрехтъ Медвѣдь ангальтскій (Ангальтъ—замокъ въ Саксоніи) изъ рода Асканцевъ. Онъ вѣчно боролся съ Вельфами изъ-за Саксоніи и успѣлъ захватить Бранденбургъ. Въ саксонской народной пѣснѣ говорится про Барбароссу, Льва и Медвѣдя: „эта тройка перевернетъ міръ". Генрихъ Левъ сдался послѣ жестокой борьбы. За его родомъ оставили одинъ Брауншвейгъ; самъ онъ пріютился у тестя. Саксонію отдали даровитымъ, сильнымъ потомкамъ Медвѣдя, за которыми утвердилось и маркграфство Бранденбургъ; Баварія досталась Виттельсбахамъ. Барбаросса сталъ „миротворцемъ" (pacificus), т.-е. грозой насильниковъ: онъ носился по Германіи, снимая съ нихъ головы, разрушая ихъ замки; одного графа онъ заставилъ нести, босикомъ, собаку—страшная обида

по тогдашнимъ понятіямъ. Его слушались короли Польши, Венгріи, Богеміи, Даніи; англійскій король призналъ себя его вассаломъ.

Все успокоилось; но издалека снова послышались вопли христіанъ. Въ Іерусалимѣ пуланы одичали среди разврата и невѣжества и ссорились между собой; а бездарные короли изъ французовъ, вмѣсто борьбы съ атабеками, совершали безполезные походы въ Египетъ. Мусульманство, напротивъ, процвѣтало. Уже Нуреддинъ (§ 68) высоко поднялъ исламъ. Этотъ „справедливый царь“ давалъ женѣ тотько 20 червонцевъ изъ собственной шкатулки, а огромную казну тратилъ на бѣдняковъ и страдальцевъ. Онъ отечески обходился съ подданными и отдавалъ свои дѣла на ихъ судъ, а свое слово держалъ даже съ врагами. Нуреддинъ владѣлъ почти всею западною Азіей и спасъ для ислама Египетъ, пославъ на выручку ничтожнаго Фатимида курдовъ — разбойниковъ и конокрадовъ, но отважныхъ и предпріимчивыхъ воиновъ. Среди нихъ выдвинулся отличный полководецъ и политикъ, сынъ Эюба, Саладинъ, который вскорѣ утвердилъ династію эюбидовъ на каирскомъ престолѣ (§ 55), а по смерти Нуреддина захватилъ и царство атабековъ. То былъ баловень счастья: никто изъ государей Востока не пользовался такою любовью современниковъ, не возбуждалъ столько удивленія въ потомствѣ. Строгій мусульманинъ (Саладинъ—„чистота вѣры“), онъ былъ любимъ и христіанами, которые занимали у него даже высшія должности: немудрено, что онъ такъ же мало боялся людей, какъ и привидѣній. Въ пѣсняхъ и лѣтописяхъ Саладинъ представляется идеаломъ правдивости, великодушія, ласковости и образованности. Ничто не могло разозлить его, и ничто такъ не мучило его, спокойнаго даже въ бѣдствіяхъ, какъ видъ печальнаго лица. Онъ пилъ одну воду, одѣвался въ грубую одежду, все раздавалъ бѣднымъ: его не на что было похоронить. Правда, какъ политикъ, и Саладинъ отдавалъ дань времени: онъ обманомъ отбился отъ повиновенія Нуреддину, посредствомъ козней уничтожилъ Фатимидовъ, направилъ кинжалъ ассасиновъ въ сердце короля іерусалимскаго. Но это знали немногіе; а всѣхъ поражали такіе подвиги нравственнаго величія, какъ поведеніе Саладина при взятіи іерусалима, которое было отвѣтомъ на разграбленіе его каравановъ рыцарями: между тѣмъ, какъ христіане губили другъ друга, его воины кормили, лечили, охраняли покоренныхъ; Саладинъ изъ своихъ рукъ напоилъ умиравшаго отъ

жажды короля іерусалимскаго. Вѣсть о паденіи Іерусалима огорчила нѣмцевъ; но уже никто не трогался, и церковь не высылала проповѣдниковъ. Самъ старикъ-императоръ взялся за третій крестовый походъ (1190) и велъ его, какъ политикъ: онъ разсчитывалъ на пріобрѣтенія и торговыя выгоды, собралъ стройную армію только изъ зажиточныхъ рыцарей, вошелъ въ переговоры съ Франціей, Англіей, Венгріей, Сербіей и Византіей. Но Фридрихъ не дождался своихъ союзниковъ, королей Франціи и Англіи; а византійскій императоръ, Исаакъ Ангелъ, измѣнилъ ему. Съ голоднымъ войскомъ, избитымъ сельджуками и греками, едва дошелъ Барбаросса до Селевкіи. Здѣсь онъ погибъ, при купаньѣ въ холодныхъ струяхъ горной рѣчки, далеко отъ родины. Немногіе изъ сподвижниковъ Фридриха возвратились домой; оставшіеся почти всѣ погибли. Тогда только поднялись короли Франціи и Англіи, которые были заняты до того своими дѣлами.

§ 72. **Филиппъ II. Генрихъ II. Ричардъ I.**—Во Франціи трудился сынъ Людовика VII, Филиппъ II Августъ (родился въ августѣ)—первый изъ крупныхъ „собирателей королевства“, котораго трубадуры изобразили паладиномъ Карла Великаго, а лѣтописцы называютъ „умницей“. Онъ былъ красивъ и крѣпокъ, любилъ поѣсть, попить и повеселиться. Но вѣчная улыбка не могла сгладить суровости бровей и остраго носа. Филиппъ похоходилъ на рыцаря пылкостью, жестокостью и суевѣріемъ; но, въ сущности, это былъ хитрый, находчивый и упорный дипломатъ, беззавѣтный поборникъ абсолютизма и предпріимчивый скопидомъ. Филиппъ былъ „страшенъ, какъ левъ, проворенъ, какъ хищная птица“ по отношенію къ феодаламъ: онъ захватывалъ у нихъ земли, разрушалъ замки. Собираніе Франціи тотчасъ же привело и Филиппа къ борьбѣ съ англичанами, которая не прекращалась во все его 32-лѣтнее царствованіе.

Въ Англіи воцарились тогда Плантагенеты. И послѣ жестокихъ усобицъ между родственниками Генриха I, длившихся 15 л., сынъ Готфрида (§ 51), Генрихъ II, имѣлъ больше земель во Франціи, чѣмъ въ Англіи: отъ отца и отъ своего сына, женатаго на наслѣдницѣ Бретани, онъ получилъ западную Францію, отъ жены, Элеоноры — южную (§ 70). Здѣсь у него было втрое больше владѣній, чѣмъ у Филиппа, — и онъ отказался преклонить колѣно передъ своимъ сюзереномъ. Но Филиппъ воспользовался слабою стороной гордаго вассала, которому вредили горячая южная кровь Анжуйцевъ

да семейные раздоры. Генрихъ походилъ на поденщика: коренастая фигура, заскорузлыя руки, кривыя ноги, бычачья шея, глаза на выкатѣ, наливавшіеся кровью въ гнѣвѣ, рыжіе остриженные подъ гребенку волосы, какъ щетина; грубый, непріятный голосъ. Онъ одѣвался небрежно, ѣлъ какъ попало, былъ на ногахъ отъ зари до зари, всякаго разспрашивалъ, во все вникалъ. Онъ признавалъ только полезное: болталъ и сквернословилъ за обѣдней, никогда не исповѣдывался; зато окружалъ себя учеными, самъ много зналъ, обладая дивною памятью,

Филипъ II Августъ. 12-го в.

Генрихъ II. Гробница 12-го в.

и изъяснялся полатыни, копилъ деньгу, предпочиталъ дипломатію и стратегію войнѣ. Изъ смутъ Генрихъ вынесъ убѣжденіе въ необходимости абсолютизма „желѣзныхъ королей“. Онъ замѣнилъ воинскую повинность бароновъ „щитными деньгами“, на которыя содержалъ наемниковъ (особенно брабансоновъ), и отнялъ у феодаловъ судъ: его странствующіе судьи разбирали дѣла, съ помощью 12 присяжныхъ (jurati); на нихъ можно было жа-

ловаться въ королевскій судъ при дворѣ. Шерифы назначались не изъ бароновъ, а изъ законниковъ, разсадникомъ которыхъ служилъ дворъ.

Въ этихъ реформахъ королю помогалъ его сверстникъ, Ѳома Бекетъ, сынъ купца, учившійся въ Парижѣ и Болоньѣ. Остроумный, ученый, ловкій и красивый рыцарь, съ рѣзкими чертами блѣднаго лица и съ черными кудрями, Бекетъ былъ отважный охотникъ и искусный дипломатъ: подъ его скромнымъ видомъ и обольстительною рѣчью скрывалась страстная, честолюбивая, надменная душа. Въ молодости онъ любилъ забавы и роскошные пиры, развлекая короля, съ которымъ жилъ „душа въ душу". Генрихъ сдѣлалъ его сначала своимъ канцлеромъ, потомъ, задумавъ сломить и церковь, пріобрѣвшую самостоятельность въ смуту, назначилъ его архіепископомъ кентерберійскимъ. Но тутъ Ѳома вдругъ надѣлъ власяницу, сталъ бичеваться и объявилъ, что обязанъ защищать права церкви и папства: „архіепископъ кентерберійскій—сказалъ онъ,—долженъ оскорблять или бога или короля" Генрихъ издалъ кларендонскія статьи въ духѣ цезаризма, отнимавшія у церкви даже самосудъ. Онѣ были приняты всѣми іерархами и баронами; одинъ Ѳома отвергъ ихъ и, въ бурную ночь, переодѣтый, бѣжалъ во Францію. Генрихъ выгналъ его друзей съ семьями—и Ѳома 6 л. ходилъ съ ними изъ монастыря въ монастырь, питаясь подаяніемъ и проклиная „Ваала королевской власти, грабителя церквей". Народъ въ Англіи волновался. Александръ III погрозилъ Генриху отлученіемъ—и Ѳома былъ возвращенъ. Но онъ началъ отлучать отъ церкви своихъ враговъ; и народъ ходилъ за нимъ толпами, и монахи называли его „ангеломъ божіимъ". Взбѣшенный король воскликнулъ: „неужели же никто изъ этихъ трусовъ, которыхъ я кормлю, не избавитъ меня отъ этого дряннаго попа!" Четыре рыцаря изъ его свиты внезапно скрылись—и Бекета нашли съ раскроеннымъ черепомъ на ступеняхъ алтаря. Папа причислилъ Ѳому къ лику святыхъ, а народъ сталъ толпами ходить на могилу жертвы абсолютизма, покровителя націи. Устрашенный Генрихъ пришелъ босикомъ въ Кентербери, далъ монахамъ бичевать себя по голой спинѣ, провелъ ночь въ склепѣ святителя, обливаясь слезами, и отмѣнилъ кларендонскія статьи. Тогда только онъ получилъ отпущеніе грѣховъ, вмѣстѣ съ пузырькомъ крови Ѳомы.

Но страна взволновалась. Народъ оплакивалъ „мученика";

бароны негодовали на деспотизмъ короля. Франція и Шотландія выдвинули войска. И на Генриха возстали собственныя дѣти, подстрекаемыя Элеонорой, которая мстила мужу за красавицу Розамунду, воспѣтую поэтами, и бѣжала, въ мужскомъ платьѣ, во Францію, но была изловлена и 10 л. просидѣла взаперти. Сыновья Генриха всѣ получили земли, за исключеніемъ маленькаго Іоанна, прозваннаго Беземельнымъ, хотя этотъ любимецъ отца былъ щедро надѣленъ впослѣдствіи. Но они были недовольны своими удѣлами, въ особенности Ричардъ, достойный любимецъ Элеоноры, воспитанный въ пылкой Аквитаніи, — трубадуръ и первый рыцарь по бѣшеной отвагѣ, но безразсудный, жадный, жестокій, высокомѣрный и сварливый: онъ вѣчно дѣлалъ глупости, впрочемъ заглаживая ихъ храбростью и неутомимостью. Филиппъ II подружился съ Ричардомъ, спалъ съ нимъ на одной постели. Онъ вооружилъ сына противъ отца, котораго тогда же тѣснили шотландцы. Противъ Генриха возстала и только-что покоренная Англійская Украйна—восточная часть Ирландіи съ Дублиномъ: одичалая Ирландія, даже торговавшая людьми, не разставалась съ своимъ обычнымъ правомъ (brehon law) и съ кровавыми распрями своихъ клановъ; даже „англичане по крови“ (переселенцы) быстро усваивали нравы, имена и одежду туземцевъ и дрались съ пришельцами или „англичанами по рожденію“. Изнеможенный Генрихъ II призналъ Ричарда I наслѣдникомъ, а Филиппа II своимъ сюзереномъ. Но тутъ ему донесли, что возсталъ его любимецъ, Іоаннъ—и старикъ умеръ, восклицая въ бреду: „срамъ, срамъ побѣжденному королю!“

Теперь друзья управляли Франціей и Англіей, и тогда же пронеслась вѣсть о погибели Барбароссы: они рѣшились докончить походъ, печально начатый нѣмцами. Союзники наложили на подданныхъ тяжкую „Саладинову десятину“. Ричардъ грабилъ кого ни попало, особенно евреевъ, которые, въ отчаяніи, сами избивали свои семьи или бросались въ огонь съ своими сокровищами. Онъ продавалъ даже должности и правосудіе, восклицая: „продалъ бы Лондонъ, если бы нашелся купецъ!“ Армія союзниковъ представляла сбродъ искателей приключеній; въ ней не было порядка, царствовалъ развратъ. Съ самаго начала пошли драки между французами и англичанами. Ричардъ разграбилъ Мессину и такъ мучилъ сицилійцевъ, что они прозвали его Львинымъ Сердцемъ. Затѣмъ онъ забралъ Кипръ у Византіи. Подвиги союзниковъ ограничились взятіемъ „воротъ къ

святымъ мѣстамъ“—Акры (С.-Жанъ-д'Акръ, Аконъ Библіи и мусульманъ, Птолемаида классиковъ), стоившимъ великихъ жертвъ: Саладинъ два года отбивалъ ихъ, истребляя греческимъ огнемъ ихъ машины. Въ минуты перемирія Саладинъ посылалъ врагамъ подарки, плоды; а Ричардъ красовался на конѣ, на шеѣ котораго болталось ожерелье изъ головъ исламскихъ заложниковъ; по взятіи города, онъ вырѣзалъ всѣхъ жителей, вопреки условіямъ сдачи. Этотъ звѣрь пріобрѣлъ тогда такую славу, что мусульманки пугали дѣтей его именемъ, а всадникъ говорилъ шарахнувшемуся коню: „развѣ ты увидѣлъ короля Ричарда?“ У христіанъ оставался только берегъ отъ Тира до Яфы да островъ Кипръ, гдѣ поставили королемъ бывшаго іерусалимскаго короля, Гвидона Луизиньяна. Изъ-за Кипра Ричардъ поссорился съ Филиппомъ II, который напрасно требовалъ себѣ полострова; нѣмцевъ же онъ жестоко оскорбилъ, истоптавши въ грязи ихъ знамя. Когда буря заставила Ричарда, на возвратномъ пути, пробираться, въ видѣ купца, черезъ Австрію, нѣмцы узнали его по перстню и годъ держали въ тюрьмѣ, пока англичане не доставили имъ огромнаго выкупа. Но тутъ Филиппъ написалъ Іоанну Безземельному: „дьявола спустили съ цѣпи“—и они встрѣтили соперника съ оружіемъ въ рукахъ. Ричардъ бросился въ Аквитанію, но тамъ его сразила стрѣла, при осадѣ одного замка. Онъ умеръ, отвѣчая проклятіями и богохульствомъ на предложеніе покаяться. Въ рыцарской поэзіи нѣмецкій плѣнъ вѣнценоснаго трубадура украшенъ сказаніемъ о томъ, какъ его менестрель узналъ о мѣстѣ заточенія узника по его пѣснѣ. Къ 1200 г. изъ 4-хъ христіанскихъ государствъ въ Азіи (§ 68) осталось только 2—княжество антіохійское да королевство іерусалимское, столицей котораго сталъ С.-Жанъ-д'Акръ.

Ричардъ Львиное Сердце. Гробница въ монастырѣ Fontevrault. 13-го в.

§ 73. **Великая Хартія.**—Съ воцареніемъ Іоанна Безземельнаго небывалыя бѣдствія постигли Англію, истощенную

выкупомъ Ричарда. Іоаннъ—самый даровитый и самый порочный изъ Плантагенетовъ. Обольстительный по манерамъ, хотя безобразный и толстый, веселый, проворный и изворотливый питомецъ страны трубадуровъ, онъ славился жестокостью, безпутствомъ и алчностью, презиралъ религію, честь и правду, ребенкомъ таскалъ за бороды бароновъ, юношею измѣнялъ отцу и братьямъ, королемъ бралъ послѣднюю копѣйку съ подданныхъ, хвастался изнасилованіемъ женщинъ, изобрѣталъ изысканныя казни. „Адъ (говорили англичане по смерти его) — скверна, но и она осквернена присутствіемъ Іоанна". Такому королю пришлось управлять страной, которая дорожила „законами Эдуарда" и „хартіей" Генриха I (§ 51), обладала значительнымъ образованіемъ, богатствомъ и такими городами, какъ Лондонъ, гдѣ голова назывался „лордомъ-меромъ" и гдѣ завелась своя „коммуна", которую всѣ клялись защищать—какъ мѣщане, такъ и бароны съ іерархами. Іоаннъ началъ забирать земли у вельможъ, истреблять и позорить ихъ дѣтей, взятыхъ заложниками. Онъ мучилъ горожанъ невыносимыми налогами, вынуждалъ пытками деньги у евреевъ. Наконецъ, онъ, столкнулся съ гордою церковью, когда еще было свѣжо преданіе о Ѳомѣ, а въ Римѣ воскресъ Гильдебрандъ въ лицѣ Иннокентія III. Папа проклиналъ непокорнаго короля и наложилъ интердиктъ на Англію. А Іоаннъ клялся „зубами Бога", что „прогонитъ всѣхъ поповъ къ папѣ, отобравъ у нихъ имѣнія", и освобождалъ убійцъ духовенства, которые „избавляютъ его отъ враговъ". Наконецъ, Иннокентій отдалъ Англію Филиппу-Августу, поручивъ ему поднять крестовый походъ противъ безбожника. Филиппъ уже раньше поддерживалъ возстаніе племянника Іоанна, Артура, въ Бретани; но юный, симпатичный Артуръ былъ вѣроломно убитъ дядею. Теперь Филиппа поддержала вся Франція—бароны, іерархи и горожане; при Бувинѣ (у Лилля) онъ разбилъ Іоанна и его союзниковъ, князей фландрскихъ и императора Оттона IV (1214).

Жестокое пораженіе англичанъ было источникомъ ихъ политической свободы. Бароны возстали открыто, вмѣстѣ съ іерархами, и рѣшили возвести на престолъ сына Филиппа-Августа. Вся страна стала за ихъ „армію Бога и св. церкви". У Іоанна остался десятокъ всадниковъ — и онъ смирился. Уже раньше онъ призналъ себя вассаломъ папы и утвердилъ присланнаго изъ Рима кардинала Лангтона архіепископомъ кентерберійскимъ. Теперь этотъ Лангтонъ напомнилъ англичанамъ о хартіи Ген-

риха I (§ 51). Бароны потребовали у своего короля подтвердить ее новою хартіей и бросились, въ боевомъ порядкѣ, въ Лондонъ. Они нашли Іоанна на Рунимедскомъ лугу, у Виндзора. Здѣсь-то онъ подписалъ, въ 1215 г., знаменитую Великую Хартію Вольностей (Magna Charta libertatum, Great Charter [1]).

---

[1]) Самая Великая Хартія не сохранилась. Но уцѣлѣло четыре изъ множества офиціальныхъ списковъ ея, разосланныхъ тогда же по графствамъ и епархіямъ—2 въ Британскомъ Музеѣ, 1 въ Линкольнѣ, 1 въ Салисбери. Въ нихъ нѣтъ нумераціи статей, которая однако является уже у Брактона (De legibus Angliae, ок. 1250) и во многихъ собраніяхъ англійскихъ статутовъ въ средніе вѣка. Великая Хартія была впервые напечатана въ 1507 г. Но текстъ ея приводится у историковъ въ неполномъ и нерѣдко въ искаженномъ видѣ. Представляемъ фотографическій снимокъ съ линкольнскаго списка, въ половину настоящей величины. Вотъ его дословный переводъ, сдѣланный кіевскимъ студентомъ, г. Ясинскимъ:

„Іоаннъ, Божіей милостью, король Англіи, сеньоръ Ирландіи, герцогъ Норманніи и Аквитаніи, графъ Анжу, архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, судьямъ, лѣсничимъ, шерифамъ, прево, чиновникамъ, всѣмъ баллифамъ и своимъ вассаламъ—привѣтъ! Да будетъ вамъ извѣстно, что мы, по внушенію Бога и для спасенія души нашей и всѣхъ нашихъ предшественниковъ и преемниковъ, ради славы Бога, величія святой церкви и блага нашего королевства, по совѣту достопочтенныхъ отцовъ нашихъ, архіепископа кентерберійскаго Стефана, примаса всей Англіи и кардинала св. римской церкви, архіепископа дублинскаго Генриха, епископовъ—Вильгельма лондонскаго, Петра винчестерскаго, Джосцелина батскаго и гластонберійскаго, Гуга линкольскаго, Вальтера ворчестерскаго, Вильгельма ковентрійскаго и Бенедикта рочестерскаго, магистра Пандульфа, субъ-діакона и друга владыки папы, брата Эмериха, магистра ордена храмовниковъ въ Англіи, и знатныхъ лицъ, Вильгельма Маршалля, графа Пемброка; Вильгельма, графа Салюсбери; Вильгельма, графа Варенна; Вильгельма графа Арундель; Алана де-Галвейя, констабля Шотландіи; Варина, сына Герольда; Петра, сына Герберта; Губерта Бурга, сенешаля Пуату; Гуга Невилля; Матвѣя, сына Герберта; Ѳомы Бассета; Филиппа Альбиньяка; Роберта де-Роппелэ; Іоанна Маршалля; Іоанна, сына Гуга, и другихъ нашихъ вассаловъ:—1) Прежде всего жертвуемъ Богу и этою предлежащею хартіею нашею, за себя и преемниковъ своихъ, навсегда подтверждаемъ, чтобы англійская церковь была свободна и сохраняла свои права неприкосновенными, а свои вольности—нерушимыми. И что мы желаемъ поступать такъ, это видно изъ того, что свободу выборовъ, которая признается для англійской церкви весьма важной и крайне необходимой, мы чистосердечно и вполнѣ добровольно пожаловали и нашей хартіей утвердили, до возникновенія между нами и нашими баронами раздора, и исходатайствовали у папы Иннокентія III ея подтвержденіе; ее и мы будемъ соблюдать и желаемъ, чтобы преемники наши всегда добросовѣстно соблюдали. Далѣе, мы и наши въ грядущемъ преемники пожаловали всѣ нижеписанныя вольности всѣмъ свободнымъ людямъ нашего королевства, дабы они и наслѣдники ихъ владѣли и пользовались ими отъ насъ и преемниковъ нашихъ:—2) Если умретъ кто изъ графовъ, бароновъ или другихъ вассаловъ, которые держатъ ленъ непосредственно отъ насъ за рыцарскую службу, а наслѣдникъ, при его кончинѣ, будетъ совершеннолѣтнимъ, то съ него слѣдуетъ рельефъ (ленная дань), и онъ вступаетъ во влѣдѣніе своимъ наслѣдствомъ по установившемуся изстари рельефу, т.-е. наслѣдникъ или наслѣдники

Magna Charta Libertatum.—Be

Хартія Вольностей. 1215.

Эта основа политической свободы англичанъ была развитіемъ всѣхъ прежнихъ льготъ, начиная съ „законовъ Эдуарда“ (§ 50),

---

графа за цѣлую графскую баронію (уплачиваютъ) по 100 фун. стер., наслѣдникъ или наслѣдники барона за цѣлую баронію—по 100 фун. стер., наслѣдникъ или наслѣдники рыцаря за цѣлый рыцарскій феодъ — по 100 полновѣсныхъ шиллинговъ; съ кого же менѣе будетъ слѣдовать, тотъ пусть менѣе уплачиваетъ, на основаніи изстари установившагося феодальнаго обычая. 3) Если же наслѣдникъ кого-либо изъ упомянутыхъ окажется малолѣтнимъ и подъ опекою, то онъ вступаетъ, по достиженіи совершеннолѣтія, во владѣніе своимъ наслѣдствомъ безъ (уплаты) рельефа взысканія. 4) Опекунъ имѣнія такого наслѣдника, который окажется малолѣтнимъ, пусть собираетъ въ имѣніи лишь законные доходы, законныя пошлины и законныя службы, и то безъ разграбленія и опустошенія для населенія и собственности; и если мы поручимъ опеку надъ имѣніемъ кого-либо изъ такихъ наслѣдниковъ шерифу или кому другому съ тѣмъ, что онъ обязанъ давать намъ отчетъ о доходахъ, а онъ произведетъ разграбленіе въ имѣніи или опустошеніе; то намъ взыскать съ него убытки, а имѣніе передать въ завѣдованіе двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они давали намъ или кому мы укажемъ отчетъ о доходахъ; но если мы передадимъ или отдадимъ на откупъ комулибо опеку надъ имѣніемъ кого-нибудь изъ такихъ (наслѣдниковъ), а тотъ произведетъ тамъ разграбленіе или опустошеніе, то лишить его самой опеки и передать (таковую) двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они давали намъ отчетъ, какъ выше уже объяснено. 5) Опекунъ же, пока онъ будетъ завѣдовать опекою надъ имѣніемъ, обязывается поддерживать дома, парки, садки, пруды, мельницы и прочія того имѣнія угодья изъ доходовъ того же имѣнія; и обязывается передать наслѣднику, когда тотъ достигнетъ совершеннолѣтія, все его имѣніе съ исправнымъ инвентаремъ и такъ воздѣланнымъ, какъ того требуетъ время обработки, и насколько доходы имѣнія давали возможность хозяйственно распорядиться. 6) Браки наслѣдниковъ пусть заключаются равные (absque disparagatione), съ тѣмъ однако, чтобы до заключенія брака близкіе родственники самого наслѣдника были увѣдомлены. 7) Вдова, по смерти ея супруга, тотчасъ и безпрепятственно пусть получаетъ приданое и свою собственность, ничего не уплачивая ни за свою вдовью часть, ни за свое приданое, ни за свою собственность изъ того имущества, которымъ ея супругъ и она владѣли совмѣстно въ день кончины самого супруга; и пусть она остается въ домѣ супруга сорокъ дней по смерти послѣдняго, въ теченіе которыхъ да опредѣлятъ ей вдовью часть. 8) Никакая вдова пусть не приневоливается къ выходу замужъ, если желаетъ вдовствовать, съ тѣмъ однако, чтобы она дала обязательство не выходить замужъ безъ нашего согласія, если будетъ держать феодъ отъ насъ, или безъ согласія того сеньора, отъ котораго будетъ держать феодъ, если она будетъ держать отъ кого-либо другого. 9) Ни намъ, ни баллифамъ нашимъ не вступать во владѣніе какимъ-либо имѣніемъ или доходомъ за долги, пока у должника хватаетъ движимаго имущества для погашенія долга. Не привлекать (къ уплатѣ) поручителей самого должника, пока самъ главный должникъ въ силахъ уплатить долгъ; но если главный должникъ окажется не въ состояніи уплатить долгъ, не имѣя къ тому средствъ, пусть отвѣчаютъ за долгъ поручители. Когда они пожелаютъ, то пусть владѣютъ имѣніями и доходами должника, пока не вознаградятъ себя за долгъ, который ранѣе они уплатили, если главный должникъ не докажетъ, что онъ свободенъ отъ обязательства по отношенію къ этимъ самымъ поручителямъ. 10) Если кто возьметъ у евреевъ нѣкоторую сумму, бо́льшую или меньшую, въ займы и умретъ

въ особенности же дополняла хартію Генриха: англичане никогда не забывали пріобрѣтеннаго, шли путемъ „прецедентовъ“,

---

не уплативши того долга, то долгъ, пока наслѣдникъ, отъ кого бы онъ ни держалъ феодъ, будетъ малолѣтнимъ, не подлежитъ росту; а если тотъ долгъ попадетъ въ наши руки, то намъ взыскивать лишь капитальную сумму векселя. 11) Если кто умретъ и долженъ будетъ евреямъ, то его супруга пусть получаетъ свою вдовью часть и ничего не платитъ въ счетъ того долга; а если останутся малолѣтнія дѣти покойнаго, то доставлять имъ необходимое, соотвѣтственно лену покойнаго, содержаніе, а остающеюся, по выполненіи слѣдуемыхъ сеньорамъ службъ, суммою уплачивать долгъ. Подобнымъ же образомъ поступать съ долгами, которые слѣдуютъ другимъ лицамъ, какъ (съ долгами) евреямъ. 12) Всякія щитовыя деньги и субсидіи пусть назначаются въ нашемъ королевствѣ только общимъ нашего королевства собраніемъ, за исключеніемъ того, когда насъ выкупаютъ изъ плѣна, когда нашъ старшій сынъ посвящается въ рыцари, и наша старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ, но при этомъ взимать лишь законную помощь. Подобнымъ же образомъ взимать помощь въ городѣ)civitate) Лондонѣ. 13) Городъ Лондонъ пусть владѣетъ всѣми старинными вольностями и своими свободными обычаями и на сушѣ, и на водахъ. Кромѣ того, мы хотимъ и жалуемъ, чтобы всѣ другія общины (civitates), бурги, города и порты владѣли всѣми вольностями и своими свободными обычаями. 14) При созывѣ же общаго государственнаго собранія, для голосовки помощи въ другихъ случаяхъ, помимо трехъ вышеозначенныхъ, или (по поводу) щитовыхъ денегъ, приглашать намъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ личными призывными грамотами за нашею печатью; а кромѣ того, черезъ шерифовъ и нашихъ баллифовъ окружною грамотою приглашать всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ, къ опредѣленному дню, т.-е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока, и въ опредѣленное мѣсто; но во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указываь причину приглашенія. Итакъ, когда уже разосланы пригласительныя грамоты, дѣло, въ назначенный день, подлежитъ рѣшенію, согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы не всѣ изъ приглашенныхъ явились. 15) Не разрѣшать намъ отнынѣ никому взимать помощь съ его свободныхъ людей, за исключеніемъ того, когда его выкупаютъ изъ плѣна, когда старшій его сынъ посвящается въ рыцари и старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ; но при этомъ взимать лишь законную помощь. 16) Никого не принуждать къ отправленію большей (феодальной) службы съ рыцарскаго феода или другого свободнаго лена, чѣмъ сколько слѣдуетъ. 17) Судъ Общихъ Тяжбъ пусть не слѣдуетъ за нашимъ дворомъ, но засѣдаетъ на какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ. 18) Слѣдствія о новомъ нарушеніи владѣнія, о смерти наслѣдователя и о послѣднемъ назначеніи (клирика на духовное мѣсто) производить лишь по графствамъ, и такимъ образомъ: мы или, если будемъ мы внѣ королевства, великій нашъ юстиціарій будемъ отправлять двухъ объѣздныхъ судей въ каждое графство четыре раза въ годъ, чтобы они, вмѣстѣ съ 4-мя рыцарями каждаго графства, выбранными въ графствѣ, произвели вышеуказанные ассизы въ графствѣ въ день и на мѣстѣ (засѣданій) ширмота (суда графства). 19) И если въ день (засѣданія) ширмота вышеуказанные ассизы не могутъ быть произведены, то изъ засѣдающихъ въ тотъ день въ ширмотѣ лицъ пусть остается такое количество рыцарей и свободныхъ владѣльцевъ, при участіи которыхъ возможно было бы удовлетворительно разсмотрѣть тяжбы, сообразно съ тѣмъ, насколько дѣло будетъ большей или меньшей важности. 20) Свободнаго человѣка штрафовать за маловажный проступокъ лишь сообразно размѣру проступка, а за значительный проступокъ

т.-е. „предшествовавшихъ“ примѣровъ. Великая Хартія обезпечиваетъ личность и имущество гражданъ, обѣщая никого не

штрафовать, сообразно его тяжести, оставляя виновному средства къ содержанію (salvo contenemento suo); равнымъ образомъ купцу оставлять средства для торговли, а крѣпостному — необходимое его хозяйство, если они подвергнутся нашей опалѣ; но всякую изъ вышеуказанныхъ опалъ налагать только послѣ опроса, подъ присягою добросовѣстныхъ сосѣдей. 21) Графовъ и бароновъ штрафовать лишь по суду перовъ и сообразно размѣру поступка. 22) Всякаго изъ церковниковъ штрафовать на основаніи только его свѣтскаго лена, согласно вышеуказанному для другихъ порядку, но не сообразуясь съ величиною его духовной бенефиціи. 23) Ни деревню, ни жителя не принуждать строить на рѣкахъ мосты, если къ этому они не обязываются стариною и правомъ. 24) Никому изъ шерифовъ, констаблей, коронеровъ или другихъ нашихъ баллифовъ не рѣшать тяжбъ, касающихся нашей короны. 25) Всѣ графства, сотни и другіе округи (т.-е. сборъ податей въ нихъ) отдавать на откупъ по старой цѣнѣ, безъ всякой прибавки; исключеніе представляютъ наши королевскіе домены. 26) Если кто изъ держащихъ отъ насъ свѣтскій феодъ умретъ, а шерифъ или нашъ баллифъ предъявитъ нашъ приказъ о взысканіи долга, который намъ слѣдовалъ съ покойнаго, то дозволяется шерифу или нашему баллифу наложить, въ суммѣ того долга, запрещеніе и описать, въ присутствіи свѣдущихъ людей, движимое имущество покойнаго, находящееся въ свѣтскомъ феодѣ, чтобы оттуда ничего не унесли, прежде чѣмъ намъ будетъ уплоченъ предъявленный долгъ; но остальное предоставляется въ распоряженіе душеприказчиковъ покойнаго. Если же намъ ничего не слѣдуетъ, то оставлять все движимое имущество покойнаго его супругѣ и дѣтямъ, въ неприкосновенности ихъ законныхъ частей. 27) Если какой свободный человѣкъ скончается, не оставивши завѣщанія, то его движимое имущество, подъ надзоромъ церковнаго суда, распредѣлить, при участіи близкихъ родственниковъ и его друзей, съ уплатою каждому долговъ, которая слѣдовала съ покойнаго. 28) Никому изъ констаблей или другихъ нашихъ баллифовъ не брать хлѣба и другого движимаго имущества, безъ немедленной уплаты за это денегъ, если онъ не можетъ получить, съ согласія продавца, отсрочки. 29) Ни одинъ констабль пусть не принуждаетъ никакого рыцаря къ уплатѣ денегъ вмѣсто охраненія замка, когда тотъ такое охраненіе пожелаетъ производить самолично или черезъ другое довѣренное лицо, если не можетъ самъ по законной причинѣ; но если мы поведемъ или пошлемъ его въ походъ, то онъ освобождается отъ охраненія (замка) въ теченіе того времени, пока изъ-за насъ будетъ въ походѣ. 30) Пусть никакой шерифъ или баллифъ нашъ или кто другой не беретъ лошадей и подводъ какого-либо свободнаго человѣка для разъѣздовъ, безъ согласія самого свободнаго человѣка. 31) Ни намъ, ни нашимъ баллифамъ не брать чужого (лѣсного) матеріала для замка или другой нашей надобности, безъ согласія самого хозяина того матеріала. 32) Мы будемъ пользоваться имѣніями изобличенныхъ въ измѣнѣ лицъ только одинъ годъ и одинъ день, и затѣмъ имѣнія передавать сеньорамъ феодовъ. 33) Отнынѣ уничтожить всѣ загражденія по Темзѣ, Медвэю и во всей Англіи, за исключеніемъ морского берега. 34) Приказъ (writ), который называется praecipe (запродажная запись), отнынѣ не выдавать никому на какой-либо ленъ, отчего свободный человѣкъ можетъ потерять свое право суда. 35) Во всемъ нашемъ королевствѣ пусть будетъ одна мѣра вина, одна мѣра пива и одна мѣра хлѣба, т. е. Четверть Лондонская, и одинаковая ширина суконъ крашеныхъ и красныхъ и матеріи (halbergettorum), т. е. два локтя безъ кромки; съ вѣсами пусть

трогать иначе, какъ по суду и по закону, и не облагать налогами иначе, какъ въ общемъ собраніи королевства, куда

будетъ, какъ съ мѣрами. 36) Ничего не давать и не брать впредь за приказъ о разслѣдованіи относительно жизни или увѣчья, но безвозмездно выдавать его и не отказывать. 37) Если кто держитъ отъ насъ владѣніе, какъ феодофирму (владѣніе, связанное съ рыцарскою службой) или сокажъ (владѣніе свободное, связанное только съ податями), или бургажъ (такое же свободное владѣніе, только въ городѣ), и отъ другого лица держитъ имѣніе (какъ феодъ) за рыцарскую службу, то мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ и тѣмъ его имѣніемъ, которое изъ чужого феода, на основаніи той феодофирмы или сокажа, или бургажа; не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ той феодофирмой, сокажемъ или бургажемъ, если съ самой феодофирмы не слѣдуетъ рыцарской службы. Мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ или его какимъ-нибудь имѣніемъ, которое онъ держитъ отъ другого лица за рыцарскую службу, на основаніи какой-либо малой серджентеріи (владѣніе, связанною съ особою службой сеньеру), которую отъ насъ онъ держитъ, обязываясь доставлять намъ ножи или стрѣлы, или тому подобное. 38) Пусть никакой баллифъ впредь никого не понуждаетъ къ ордаліямъ на основаніи простой жалобы, когда при этомъ не представлены добросовѣстные свидѣтели. 39) Ни одинъ свободный человѣкъ пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ: мы не пойдемъ на него (войною), не пошлемъ за нимъ (войска), развѣ лишь по законному рѣшенію его перовъ (равныхъ) или по закону страны. 40) Никому мы не продадимъ, никому не откажемъ и не отсрочимъ права и справедливости (при разборѣ дѣла). 41) Всѣмъ купцамъ имѣть свободный и безопасный выѣздъ изъ Англіи, въѣздъ въ Англію, пребываніе и путешествіе по Англіи, на сушѣ и на водѣ, для купли и продажи, безъ всякихъ несправедливыхъ сборовъ, на основаніи старинныхъ и законныхъ обычаевъ, если только въ военное время они не будутъ изъ воюющей съ нами страны; и если такіе будутъ находиться въ странѣ нашей въ началѣ войны, то задержимъ ихъ, но безъ ущерба для здоровья и товаровъ, пока нами или нашимъ великимъ юстиціаріемъ не получатся свѣдѣнія (о томъ), какъ обращаются съ купцами нашей страны, которые тогда окажутся въ воюющей съ нами странѣ; и если наши (купцы) тамъ неприкосновенны, то чужіе неприкосновенны въ странѣ нашей). 42) Дозволяется каждому впредь выѣзжать изъ нашего королевства и возвращаться, свободно и безопасно, по сушѣ и водѣ, подъ условіемъ сохраненія намъ вѣрности; но въ военное время лишь на нѣкоторое короткое время, ради общей государственной пользы, за исключеніемъ однако заключенныхъ въ тюрьмѣ, лишенныхъ по закону страны покровительства законовъ, уроженцевъ воюющей съ нами страны и купцовъ, съ которыми будетъ поступлено, согласно вышеуказанному. 43) Если кто будетъ держать (ленъ) отъ какой-либо эскеты (имѣніе, которое считалось выморочнымъ до совершеннолѣтія наслѣдника), вродѣ бароніи Валингфортской, Нотингамской, Бононской, Ланкастерской, или отъ другихъ эскетъ, которыя находятся въ нашихъ рукахъ, будучи бароніями, и скончается, то наслѣдникъ его пусть не уплачиваетъ иного рельефа, не несетъ намъ иной службы (кромѣ той), какую онъ бы несъ, еслибы баронія та находилась въ рукахъ барона; и мы таковую такъ же будемъ держать, какъ баронъ ее держалъ. 44) Обывателямъ, которые проживаютъ внѣ лѣсного округа, не являться впредь на ассизы нашихъ судей лѣсного вѣдомства, въ силу общихъ призывныхъ грамотъ, если только они не причастны тяжбѣ и не являются поручителями за

должно созывать прелатовъ и бароновъ всѣхъ степеней, по точно-опредѣленному порядку. Бароны заставили короля утвер-

---

кого-либо изъ тѣхъ, которые задержаны изъ-за лѣсной прерогативы. 45) Мы будемъ назначать судей, констаблей, шерифовъ и баллифовъ лишь изъ такихъ лицъ, которыя знаютъ законы королевства и желаютъ ихъ добросовѣстно соблюдать. 46) Всѣ бароны, основавшіе аббатства и имѣющіе на это (учредительныя) грамоты англійскихъ королей или старое держаніе, пусть имѣютъ право охраны (custodia), въ случаѣ ихъ вакантности, какъ имѣть должны. 47) Со всѣхъ лѣсовъ, на которые въ наше правленіе наложено запрещеніе, (таковое) тотчасъ снять; и такъ же поступить съ рѣками, на которыя въ наше правленіе было наложено запрещеніе. 48) Обо всѣхъ злоупотребленіяхъ въ пользованіи лѣсами и въ ловлѣ кроликовъ, со стороны лѣсничихъ и бобровниковъ, шерифовъ и ихъ подчиненныхъ, рыбными ловами — со стороны сторожей, тотчасъ произвести въ каждомъ графствѣ разслѣдованіе, при посредствѣ присяжныхъ изъ 12 рыцарей того же графства, которыхъ должны выбрать добросовѣстные обыватели того же графства; и въ теченіе 40 дней послѣ окончанія разслѣдованія (злоупотребленія) должны быть уничтожены этими же лицами такъ, чтобы никогда не возобновлялись, но съ тѣмъ, чтобы мы объ этомъ были ранѣе увѣдомлены или нашъ великій юстиціарій, если насъ не будетъ въ Англіи. 49) Всѣхъ заложниковъ и тѣ (поручныя) записи, которыя намъ были вручены англичанами, въ обезпеченіе мира и вѣрной службы, мы немедленно возвратимъ. 50) Мы совершенно удалимъ изъ балльяжей родственниковъ Герарда (de Athyes), чтобы впредь они не имѣли въ Англіи никакого балльяжа, также Энгеларда (de Cygoniis), Андрея, Петра и Гюно (de Cancellis), Гюно (de Cigoniis), Гальфрида (de Martyni) съ его братьями, Филиппа Маркъ и его братьевъ и Гальфрида, его племянника, и всю ихъ свиту. 51) И немедленно, по заключеніи мира, мы удалимъ изъ королевства всѣхъ чужеземныхъ рыцарей, стрѣлковъ, пѣхотинцевъ и наемниковъ, которые прибыли съ лошадьми и оружіемъ, ко вреду для королевства. 52) Если кто безъ законнаго суда его перовъ будетъ лишенъ владѣнія или отстраняемъ нами отъ имѣній, движимаго имущества, вольностей и права, то мы немедленно это ему возвратимъ; а если по этому поводу возникнетъ тяжба, тогда поступать по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже упоминается. Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ, которые безъ законнаго суда ихъ перовъ были лишены владѣній или отстранены отцемъ нашимъ, королемъ Генрихомъ, или братомъ нашимъ, королемъ Ричардомъ, отъ того, что (теперь) находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ, подъ нашимъ обезпеченіемъ, мы будемъ имѣть отсрочку въ теченіе времени обычнаго для крестоносцевъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ было возбуждено дѣло или произведено по нашему указанію разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ нашего пилигримства, или если случайно не состоится наше пилигримство, немедленно въ этомъ окажемъ имъ полную справедливость. 53) Ту же самую отсрочку и въ томъ же порядкѣ мы будемъ соблюдать, чтобы оказать справедливость (по вопросу) о томъ, снять ли запрещеніе съ лѣсовъ, на которые его наложили отецъ нашъ, Генрихъ, или братъ нашъ, Ричардъ, или оставить, а равно объ опекѣ надъ имѣніями, принадлежащими къ чужому феоду, какого рода опеку и доселѣ мы имѣли, на основаніи феода, который отъ насъ держали за рыцарскую службу, и (по вопросу) объ основанныхъ не на нашемъ, а на чужомъ феодѣ аббатствахъ, на которыя сеньоръ феода, по его словамъ, имѣетъ право (патроната). Когда же возвратимся, или если случайно не состоится наше пилигримство, то этимъ жалобщикамъ полную справедливость немедленно окажемъ. 54) Ни-

дить эти права также за городами, подвассалами и фермерами. Затѣмъ назначили 25 бароновъ слѣдить за королемъ и, въ слу-

---

кого не подвергать аресту или заключенію въ тюрьмѣ по донесенію женщины относительно смерти посторонняго человѣка, а не ея мужа. 55) Всѣ взысканія, которыя несправедливо и вопреки законамъ страны были произведены нами, и всѣ несправедливо и вопреки законамъ страны наложенные штрафы совершенно простить, или поступить по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже упоминается, или по рѣшенію ихъ большинства, совмѣстно съ вышеупомянутымъ Стефаномъ, архіепископомъ кентерберійскимъ, если ему будетъ возможно участвовать въ засѣданіи, и другими лицами, коихъ онъ пожелаетъ съ собою для сего пригласить; но если ему не будетъ возможно засѣдать, то дѣло тѣмъ не менѣе подлежитъ рѣшенію безъ него съ тѣмъ, чтобы если одинъ или нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ 25 замѣшаны въ однородной тяжбѣ, то были бы они удаляемы только отъ рѣшенія этого дѣла, а другія лица, на мѣсто ихъ остальными изъ тѣхъ же 25 исключительно для этого дѣла выбранныя, по принесеніи присяги, приглашаются. 56) Если мы лишили владѣнія или отстранили уельсцевъ отъ имѣній, вольностей или другого имущества безъ законнаго суда ихъ перовъ въ Англіи или Уельсѣ, то ихъ немедленно удовлетворить, а если изъ-за этого возникнетъ тяжба, тогда поступать въ маркѣ по рѣшенію ихъ перовъ: относительно леновъ Англіи, сообразуясь съ англійскимъ закономъ, леновъ Уельса—съ уельсскимъ закономъ, леновъ марки—съ закономъ марки. Также будутъ поступать уельсцы по отношенію къ намъ и нашимъ. 57) Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ изъ уельсцевъ, которые, безъ законнаго суда ихъ перовъ, отцомъ нашимъ, королемъ Генрихомъ, или братомъ нашимъ, королемъ Ричардомъ, были лишены владѣній или отстранены отъ того, что (теперь) находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ, подъ нашимъ обезпеченіемъ, мы будемъ соблюдать отсрочку въ теченіе времени обычнаго для крестоносцевъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ возбуждена была тяжба или произведено, по нашему указанію, разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ нашего пилигримства, или если случайно не состоится наше пилигримство, то мы немедленно въ этомъ окажемъ полную справедливость, сообразно законамъ уельсцевъ и вышеуказанныхъ странъ. 58) Мы немедленно возвратимъ сына Левелина и всѣхъ уельсскихъ заложниковъ и (поручныя) записи, которыя намъ, въ обезпеченіе мира, были вручены. 59) Мы удовлетворимъ Александра, короля Шотландіи, въ отношеніи его сестеръ, возвращенія заложниковъ, его вольностей и правъ, соотвѣтственно той формѣ, которою мы удовлетворили другихъ нашихъ бароновъ въ Англіи, если только это не будетъ противорѣчить хартіямъ, которыя мы имѣемъ отъ его отца Вильгельма, покойнаго короля Шотландіи; но это будетъ (рѣшаться) судомъ его перовъ при нашемъ дворѣ. 60) Всѣ же эти вышеуказанные обычаи и вольности, которые мы пожаловали въ нашемъ королевствѣ, какъ долженствующіе подлежать исполненію, сколько до насъ касается, по отношенію къ нашимъ (вассаламъ), пусть соблюдаютъ всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе (сеньоры), сколько до нихъ касается, по отношенію къ своимъ (вассаламъ). 61) Такъ какъ, ради Господа и для блага нашего королевства и лучшаго прекращенія возникшаго между нами и баронами нашими раздора, мы все это вышеуказанное пожаловали, то, изъ желанія, чтобы этою неприкосновенною и прочною устойчивостью (государственнаго строя) они вѣчно наслаждались, мы даемъ и жалуемъ имъ нижеслѣдующее обезпеченіе: именно, чтобы бароны избрали 25 бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами соблюдать, поддерживать и принуж-

чаѣ нарушенія хартіи, подымать народную войну противъ него. „Надо мной поставили 25 королей"! кричалъ Іоаннъ въ ярости,

---

дать къ тому, чтобы соблюдали миръ и вольности, которыя мы имъ пожаловали и этою предлежащею хартіею подтвердили, т. е. такъ, чтобы, если мы, или юстиціарій нашъ, или баллифы наши, или кто изъ подчиненныхъ нашихъ, погрѣшимъ въ какомъ-нибудь отношеніи противъ кого-либо или преступимъ какой пунктъ мира или обезпеченія, и проступокъ будетъ указанъ 4 баронами изъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ,— эти 4 барона обращались къ намъ или къ нашему юстиціарію, если мы будемъ внѣ королевства, докладывая намъ о правонарушеніи; и пусть они просятъ, чтобы мы немедленно заставили исправить правонарушеніе. И если мы не возстановимъ права, или, если будемъ внѣ королевства, юстиціарій нашъ не возстановитъ, въ теченіе 40 дней, считая съ того времени, когда было указано намъ или юстиціарію нашему, если мы были внѣ королевства, то вышеупомянутые 4 барона передаютъ это дѣло остальнымъ изъ 25 бароновъ, и тѣ 25 бароновъ, при содѣйствіи всей страны, будутъ принуждать и преслѣдовать насъ всѣми способами, какими бы могли, т. е. захватомъ замковъ, имѣній, владѣній и другими способами, какими бы могли, пока не послѣдуетъ удовлетвореніе, согласно ихъ волѣ, при неприкосновенности нашей особы, королевы и дѣтей нашихъ; и когда послѣдуетъ удовлетвореніе, то они будутъ повиноваться намъ, какъ ранѣе поступали. И кто бы въ странѣ ни пожелалъ, можетъ дать присягу, что для достиженія всего вышеуказаннаго будетъ повиноваться приказаніямъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ и будетъ съ ними насъ преслѣдовать по силѣ возможности; а мы открыто и свободно даемъ позволеніе всякому, кто ни пожелаетъ, приносить подобную присягу, и никому никогда въ этомъ не воспрепятствуемъ. Всѣхъ же тѣхъ въ странѣ, которые сами по себѣ и добровольно не пожелаютъ принести 25 баронамъ присягу въ томъ, что будутъ принуждать и преслѣдовать насъ вмѣстѣ съ ними, мы заставимъ принести присягу нашимъ указомъ, какъ было выше сказано. И если кто изъ 25 бароновъ скончается, удалится изъ страны или какимъ другимъ образомъ будетъ поставленъ въ затрудненіе, то остальные изъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ, дабы они въ той же степени были въ состояніи выполнить вышеуказанное, по своей волѣ выбираютъ на его мѣсто другого, который такъ же, какъ прочіе, принесетъ присягу. При выполненіи всего, что этимъ 25 баронамъ поручается, если случится, что сами 25 будутъ присутствовать и между собою относительно чего-либо будутъ несогласны, или нѣкоторые изъ приглашенныхъ не захотятъ и не будутъ имѣть возможности принять участіе (въ засѣданіи), тогда одобренное или предписанное большинствомъ присутствующихъ признается рѣшеннымъ и установленнымъ, какъ еслибы по этому вопросу были въ согласіи всѣ 25. Вышеупомянутые же 25 пусть принесутъ присягу, что все вышеуказанное добросовѣстно будутъ соблюдать, и, по мѣрѣ своихъ силъ, будутъ всѣхъ заставлять, чтобы соблюдали. Мы же, ни сами лично, ни черезъ другого, ни отъ кого не потребуемъ ничего такого, вслѣдствіе чего отмѣнялась бы или умалялась хотя одна пожалованная вольность; и если что-либо такое будетъ вытребовано, то пусть таковое остается не имѣющимъ силы и ничтожнымъ, а мы, ни сами лично, ни черезъ другого, не будемъ этимъ пользоваться. 62) Всѣ же зложеланія, обиды и оскорбленія, возникшія, со времени раздора, между нами и вассалами нашими, духовными и свѣтскими, совершенно всѣмъ мы отпустили и простили. Кромѣ того, всѣ случаи измѣны, происшедшіе во время того же раздора, начиная съ Пасхи на 16-омъ году нашего правленія до заключенія мира, мы отпустили совершенно всѣмъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и, сколько зависитъ отъ насъ, совершенно простили. Сверхъ же сего, мы соизво-

валяясь по полу, грызя прутья и солому. Онъ дерзко началъ войну съ націей, тѣмъ болѣе, что Иннокентій III вдругъ перешелъ на его сторону. Тогда бароны пожаловались Филиппу-Августу, какъ сюзерену Іоанна по владѣніямъ во Франціи. Сынъ Филиппа явился въ Лондонъ, во главѣ арміи, и началъ травить Іоанна, какъ звѣря, который рыскалъ по странѣ, съ шайкой наемниковъ, убивая всѣхъ на своемъ пути, все сожигая и грабя. Король-измѣнникъ своего народа чуть не утонулъ въ рѣчкѣ, у границъ Шотландіи, гдѣ и умеръ отъ простуды и обжорства. Іоаннъ лишилъ Англію владѣній на материкѣ, но даровалъ ей свободу, навѣки подорвавъ абсолютизмъ „желѣзныхъ" королей. Впрочемъ послѣдній еще долго сопротивлялся волѣ народа: 13-й в. въ Англіи — вѣкъ борьбы націи за Великую Хартію свободы, которую она заставила королей подтвердить 38 разъ.

§ 74. **4-й и 5-й крестовые походы.**—Филиппъ-Августъ отлично воспользовался паденіемъ Іоанна: онъ удвоилъ свои владѣнія, захвативши Нормандію и земли отъ Луары до Гаронны. Онъ умно покровительствовалъ третьему чину, который отстоялъ его при Бувинѣ. Эта битва, гдѣ Филиппъ дрался впереди всѣхъ и едва спасся отъ плѣна и смерти, окрестила кровью юный абсолютизмъ и разрушила гнѣздо феодализма, фландрское рыцарство, которому помогали вѣчные враги Франціи, Германія и Англія. Небывалый восторгъ, съ которымъ встрѣтили побѣдителя въ Парижѣ, вновь (§ 69) обнаружилъ зарожденіе національнаго и монархическаго чувства у французовъ. Тотъ же политическій смыслъ имѣетъ крестовый походъ изъ-подъ Парижа графа Симона Монфора противъ графа Раймунда VI тулузскаго, главы еретиковъ, альбигойцевъ (1208), — походъ,

---

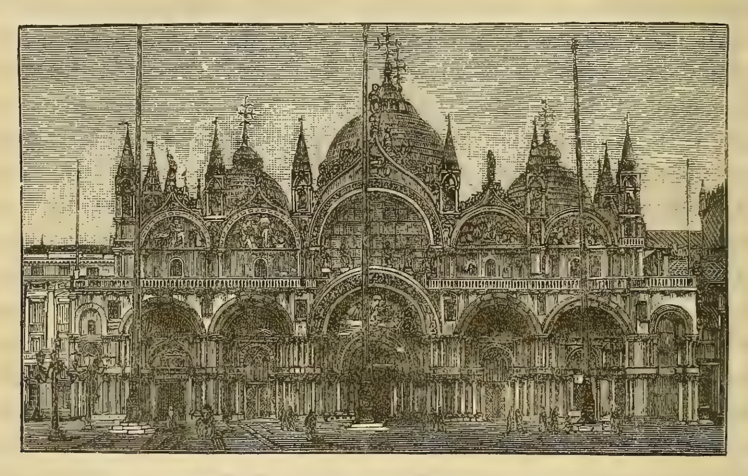
лили выдать имъ, за поручительствомъ отца Стефана, архіепископа кентерберійскаго, отца Генриха, архіепископа дублинскаго, вышепомянутыхъ епископовъ и магистра Пандульфа, грамоты на то обезпеченіе и пожалованія вышеприсанныя. 63) Итакъ, мы желаемъ и неизмѣнно предписываемъ, чтобы англійская церковь была свободна, и чтобы всѣ жители нашего королевства имѣли и пользовались всѣми вышеуказанными вольностями, правами и пожалованіями, прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполнѣ и неприкосновенно, сами и наслѣдники ихъ, отъ насъ и преемниковъ нашихъ, во всемъ и на всѣхъ мѣстахъ, вѣчно, какъ выше было сказано. Дана присяга, съ нашей стороны и со стороны бароновъ, соблюдать добросовѣстно и безъ злоумышленія все вышеуказанное. Дано нами, въ присутствіи вышеупомянутыхъ и многихъ другихъ свидѣтелей, на Руннмедскомъ лугу, между Винделесомъ и Стайною, іюня въ 15-й день, въ годъ правленія нашего семнадцатый".

отъ котораго самъ Филиппъ хитро уклонялся, желая загребать жаръ чужими руками. Иннокентій III изъ фанатизма требовалъ истребленія еретиковъ, а грубые сѣверяне шли изъ ненависти къ образованнымъ южанамъ и изъ жажды богатствъ Прованса. Югъ Франціи лишился роскошной цивилизаціи, но онъ слился съ сѣверомъ, довершая національное единство.

Тогда же совершился четвертый крестовый походъ, при главномъ участіи французовъ и итальянцевъ. Его задумали венеціанцы: ихъ дожъ, даровитый политикъ и патріотъ, 90-лѣтній Дандоло, коварно ослѣпленный греками, собирался отомстить безсильной Византіи, которую побивали даже пираты, какъ вдругъ французскіе рыцари, воспламененные Иннокентіемъ III, попросили у него перевезти ихъ въ Палестину. Дандоло согласился, но съ условіемъ прежде помочь ему наказать грековъ. Властолюбивый папа понялъ политику дожа и отлучилъ отъ церкви венеціанцевъ за отвлеченіе рыцарей отъ св. земли. Но крестоносцы обрадовались случаю пограбить грековъ, у которыхъ кипѣла смута: ихъ императоръ, Исаакъ Ангелъ, былъ ослѣпленъ соперникомъ, и сынъ его, Алексѣй, просилъ помощи на Западѣ. Такъ какъ Алексѣй соглашался даже подчинить восточную церковь Риму, то папа уже самъ сталъ поощрять рыцарей идти на Византію. Крестоносцы двинулись, съ Балдуиномъ фландрскимъ во главѣ; но душой похода былъ Дандоло: слѣпой старецъ самъ сражался впереди всѣхъ, у знамени св. Марка, и руководилъ превосходными машинами. Рыцари возстановили Исаака; но греки возненавидѣли его за подчиненіе церкви папѣ: вспыхнулъ мятежъ; Алексѣй былъ убитъ; Исаакъ умеръ съ горя. Тогда крестоносцы ворвались въ Константинополь (1204), совершая неслыханныя злодѣянія подъ вліяніемъ религіознаго и національнаго фанатизма: грабили даже церкви, особенно мощи, которыя бойко продавались на Западѣ; сажали на патріаршій престолъ грязныхъ женщинъ въ облаченіи; насиловали даже монахинь; истребляли книги; бронзовые перлы Скопаса и Праксителя (Д. И. § 158) переплавляли въ грубыя монеты.

Дандоло устроилъ крестоносцамъ цѣлое государство—Романію или Латинскую имперію, съ Балдуиномъ и венеціанцемъ-патріархомъ во главѣ, но самъ взялъ львиную часть. Онъ сталъ „дожемъ-деспотомъ“ (дожъ—отъ dux, вождь) или „господиномъ (dominator) четверти съ половиной всей Римской имперіи“ (totius imperii Romani). Къ Венеціи прирѣзали лучшіе порты и бо̀льшую часть древней Эллады, главные острова Эгейскаго моря

и Критъ, наконецъ, цѣлый кварталъ въ Константинополѣ, который сталъ средоточіемъ ея міровой торговли. Гордая республика пріобрѣла больше земель, чѣмъ всѣ крестоносцы, и массу дорогихъ памятниковъ искусства. По всему Леванту разсыпались ея конторы и консулы; на островахъ водворились промыслы, порядокъ, трудолюбіе. Словомъ, тогда-то настала пора полнаго разцвѣта Венеціи, эмблемой котораго служитъ гордый и роскошный соборъ Св. Марка [1]). Но Латинская имперія была маленькою Франціей, а не Италіей, не только по своимъ владѣніямъ, но и по культурѣ, не исключая языка; а по формамъ и нравамъ, это былъ сколокъ съ іерусалимскаго королевства.

Соборъ св. Марка въ Венеціи. 11-12 вв.

Здѣсь утвердился самый чистый образчикъ феодализма: множество вельможъ, занявшихъ Македонію и Грецію, особенно Морею, въ томъ числѣ историкъ Вильгардуэнъ, признавали своего императора лишь по имени; среди нихъ царствовали интриги, лѣнь, развратъ, особенно по смерти Дандоло. То была горсть чужаковъ, смѣсь разныхъ народовъ и строевъ жизни (сѣверный феодализмъ и итальянское республиканство; папство и имперія),

---

[1]) Знаменитый соборъ Венеціи посвященъ покровителю города, евангелисту Марку, мощи котораго покоятся тамъ. Онъ начатъ въ 9-мъ в., въ видѣ романской базилики, но въ 11-мъ в. былъ перестроенъ по византійскимъ образцамъ и украшенъ съ восточною пышностью. Въ 15-мъ в. были сдѣланы готическія прибавки. Соборъ имѣетъ форму греческаго креста, 5 византійскихъ куполовъ, 500 колоннъ, колокольню въ 50 саженей вышины и башню съ знаменитыми часами. Въ немъ находится гробница Манина, диктатора республики 1848 года.

таявшая среди туземной массы. А между тѣмъ какъ латиняне опускались нравственно, въ качествѣ господъ, греки вновь воспрянули духомъ, подъ гнетомъ бѣдствій и тираніи: въ тѣснинахъ Малой Азіи, среди простыхъ горцевъ, они вели лагерную жизнь и закалялись, какъ „эстрадіоты, арматолы и клефты“ (воины и разбойники). Пользуясь неурядицей у крестоносцевъ, греки тѣснили ихъ, съ помощью болгаръ, и вскорѣ убили Балдуина. А въ Никеѣ, куда стекались греческіе патріоты и гдѣ пребывалъ константинопольскій патріархъ, утвердились родственники Ангеловъ, которые храбро и умно расширяли свои владѣнія. Уже въ 1261 г. одинъ изъ нихъ, Михаилъ Палеологъ, почти безъ боя взялъ Константинополь, съ помощью болгаръ и заклятыхъ враговъ Венеціи—генуэзцевъ, къ которымъ и перешли теперь выгоды и привилегіи венеціанцевъ.

Печальны были плоды мимолетной Латинской имперіи: возрасла ненависть между Западомъ и греко-славянскимъ міромъ; разлагалась Византія; при смерти Михаила, въ Малой Азіи показался передовой отрядъ османскихъ турокъ. А іерусалимскаго королевства почти не существовало. Послѣдній король, храбрый, благородный французъ, Іоаннъ Бріенскій, покинулъ его, чтобы „въ монашеской рясѣ предстать въ раю“. Какъ ни взывалъ Иннокентій III, рыцари уже не шли въ св. землю. Тогда онъ вообразилъ, что „малые“ угодятъ Господу, и благословилъ дѣтей. Первый дѣтскій крестовый походъ былъ дѣломъ французскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ (до 30.000; тутъ было много и взрослаго сброду), которыхъ марсельскіе купцы завезли въ Египетъ и тамъ продали. Второй походъ былъ нѣмецкій: тутъ дѣти не пошли дальше Италіи, гдѣ почти всѣ погибли физически или нравственно; особенно пострадали дѣвочки. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій Иннокентія III, который призывалъ даже преступниковъ, состоялся пятый крестовый походъ изъ венгровъ, сѣверныхъ нѣмцевъ, скандинавовъ, отчасти славянъ. Впрочемъ, Андрей венгерскій тотчасъ же возвратился домой изъ Палестины, ничего не сдѣлавши, а нѣмцы съ трудомъ взяли „ворота въ Египетъ“, крѣпость Даміетту (1219). Но племянникъ Саладина (§ 71), султанъ Камель, напоминавшій дядю и дарованіями, и душой, построилъ новую крѣпость, Мансуру (Побѣдоносица); а у крестоносцевъ развились ссоры и развратъ, особенно благодаря заносчивому папскому легату. Прямодушный подвижникъ Францискъ, ходившій къ Камелю, чтобы или крестить его, или удостоиться мученической

смерти, нашелъ, что мусульмане нравственнѣе христіанъ, и съ негодованіемъ покинулъ крестоносцевъ. Подъ Каиромъ Камель обошелъ врага, истребилъ его корабли, затопилъ его водой. Голодные крестоносцы взмолились о мирѣ—и султанъ накормилъ ихъ и проводилъ въ Сирію. Іерархи вообразили, что это на него подѣйствовало христіанство, и предложили ему креститься: султанъ вѣжливо отказался. Плодами похода были: крещеніе плѣнныхъ мусульманскихъ дѣтей да Крестъ Господень, который Камель возвратилъ несчастнымъ крестоносцамъ.

§ 75. **Два императора и Иннокентій III**.—Слѣдующій походъ совершилъ самъ римскій императоръ, но не сынъ Барбароссы (§ 71), Генрихъ VI, который только готовился къ нему, расширяя свою власть. Болѣзненный, алчный, мстительный Генрихъ не зналъ состраданія. Иногда кровожадность доводила его до безумія, и онъ губилъ даже друзей, а враговъ истреблялъ самымъ жестокимъ образомъ. Его прозвали Грознымъ; матери пугали дѣтей именемъ этого худого, какъ щепка, человѣка, съ тревожнымъ взоромъ, съ блѣднымъ, мрачнымъ лицомъ. Генрихъ больше отца мечталъ о міродержавіи: изъ-за этой идеи онъ не зналъ развлеченій, забывалъ ѣду. Когда Ричардъ попался ему въ плѣнъ, онъ взялъ съ него ленную присягу, которой требовалъ и отъ византійскаго императора. Выкупъ за Ричарда пошелъ на пріобрѣтеніе Неаполя и Сициліи, которую онъ считалъ своимъ наслѣдіемъ, какъ мужъ Констанцы (§ 49). Тамъ всячески вредили ему, ненавидя „варваровъ": апулійскій аббатъ вычиталъ тогда у пророковъ, что нѣмцы съ своимъ Генрихомъ—бичъ, посланный Богомъ для наказанія народовъ за грѣхи. Ужасна была месть Генриха, который при этомъ награбилъ несмѣтное богатство: итальянцы прозвали его „Кровавымъ Сѣвернымъ Сіяніемъ". Гвельфы были усмирены и на сѣверѣ, куда внезапно возвратился Генрихъ Левъ, а съ нимъ и ужасы разрушенія: на одной развалинѣ и теперь читаемъ—„слѣдъ Льва". Левъ былъ разбитъ и окончилъ свои дни въ тиши уединенія; а сынъ его, Оттонъ, притаился въ Аквитаніи, у своего дяди, Ричарда.

Ненасытный императоръ собирался уже захватить и Византію, и Азію; но онъ, а также Констанца, вскорѣ умерли, оставивъ 3-лѣтняго сына, Фридриха, на попеченіе папы Иннокентія III. Тогда же насталъ жестокій голодъ, а по берегамъ Рейна промчался великанъ на черномъ конѣ, предвѣщая бѣду (Дитрихъ, § 29). Въ Германіи разразились но-

вые ужасы: съ помощью подкуповъ, гибеллины провозгласили императоромъ брата Генриха VI, Филиппа Швабскаго, а гвельфы — сына Льва, Оттона IV. То была борьба уже не двухъ нѣмецкихъ фамилій, а двухъ міровыхъ силъ, какъ при Генрихѣ IV: снова феодализмъ и папство выступили противъ цезаризма, причемъ въ судьбу Германіи впервые вмѣшались иностранцы. За Филиппа стояли юговостокъ Германіи и Франція, за Оттона—сѣверо-западъ и Англія. Соперники, оба молодые, не походили другъ на друга. Красивый, стройный, бѣлокурый рыцарь, съ утонченно-вѣжливыми манерами, Филиппъ готовился къ духовному званію и былъ благочестивъ, ученъ, велъ строгую жизнь, любилъ нѣмецкія пѣсни; такова же была его жена, гречанка Марія, „роза безъ шиповъ, нѣжная голубка", по выраженію поэтовъ. Любимецъ и ученикъ Ричарда и трубадуровъ, смуглый силачъ, Оттонъ былъ слѣпкомъ съ дяди—такой же необузданный, развратный. У Филиппа было больше средствъ, онъ становился національнымъ героемъ нѣмцевъ. Оттону уже грозила гибель, какъ вдругъ папа объявилъ его своимъ „дражайшимъ сыномъ".

Знатный французъ, Иннокентій III, учился въ Парижѣ и Болоньѣ, гдѣ усвоилъ римское право и сильную, образную рѣчь; но вдругъ онъ покинулъ свѣтскія занятія, написалъ пылкое сочиненіе о „презрѣнномъ" мірѣ и сталъ постникомъ. Непреклонный, неутомимый, предпріимчивый монахъ, тонкій юристъ и хитрый политикъ, Иннокентій 37-ми лѣтъ сталъ папой и со всею страстью предался властолюбію и фанатизму: третій изъ крупныхъ папъ въ средніе вѣка, онъ даже больше подходилъ къ Григорію VII, чѣмъ Александръ III. Иннокентій вѣрилъ, что Богъ предназначилъ его къ искорененію всего не-католическаго. Всю жизнь онъ благовѣствовалъ о крестовыхъ походахъ, велѣлъ истреблять альбигойцевъ съ корнемъ, посылалъ дѣтей въ Палестину, требовалъ у халифа отдать Іерусалимъ безъ крови, ибо по Апокалипсису выходитъ, что халифатъ скоро падетъ самъ собою. „На небѣ солнце и мѣсяцъ, на землѣ папа и императоръ: мѣсяцъ заимствуетъ свой блескъ отъ солнца, императоръ—свою власть отъ папы, и Господь оставилъ Петру управленіе не только всеобщею церковью, но и всѣмъ міромъ", возвѣстилъ Иннокентій и взялся за жалкую роль, которая возстановила противъ папства главные народы Европы и обманывала его въ его лучшихъ избранникахъ. Прежде всего онъ двинулъ дѣло объединенія Италіи. Сильный сочувствіемъ всѣхъ патріотовъ, не исключая

ломбардскаго союза, Иннокентій расширилъ границы Отчины св. Петра, выгналъ нѣмцевъ изъ полуострова и охранилъ отъ ихъ вліянія своего питомца, Фридриха, которому далъ въ Палермо лучшее арабское образованіе. Затѣмъ онъ взялъ подъ свою защиту Оттона IV, а судьба вскорѣ избавила его отъ Филиппа швабскаго, павшаго жертвой мстительности одного свирѣпаго Вит-

Иннокентій III. Фреска Рафаеля.

тельсбаха, которому императоръ отказалъ въ рукѣ своей дочери. Но тутъ „дражайшій сынъ“ переродился: онъ бросился отнимать Неаполь у питомца папы. Иннокентій отлучилъ Оттона отъ церкви и выдвинулъ Фридриха II, который отказался отъ Неаполя и отъ выгодъ вормскаго соглашенія, а также далъ обѣтъ предпринять крестовый походъ. Нѣмцы склонились къ юному Гогенштауфену, когда онъ явился въ Германію тайкомъ, спасаясь отъ преслѣдованій Вельфа. Но тогда все зависѣло

уже отъ иностранной политики: битва при Бувинѣ (§ 73) погубила Оттона, который вскорѣ умеръ, почти въ одно время съ Иннокентіемъ. Фридрихъ сталъ независимымъ (1215).

§ 76. Фридрихъ II-й и 6-й крестовый походъ.—Ловкій, вкрадчивый, красивый рыцарь, даровитый правитель и полководецъ, поэтъ и ученый, Фридрихъ былъ больше всего лживый, бездушный политикъ. Сирота, возросшій среди лести царедворцевъ, смутъ буйныхъ бароновъ и распущенности мусульманскаго юга, онъ презиралъ людей, считалъ женщинъ игрушками и рабынями (браки его были политическіе), лицемѣрилъ и думалъ только о своемъ величіи, для котораго не пренебрегалъ даже услугами ассасиновъ. По своимъ воззрѣніямъ, Фридрихъ былъ предтечею человѣка новаго времени. Питомецъ арабской культуры, знатокъ языковъ, математики, медицины и естествовѣдѣнія, онъ былъ чуждъ духу среднихъ вѣковъ: скептикъ и эпикуреецъ, поборникъ свободы совѣсти и мысли, онъ считалъ науку „источникомъ душевной бодрости", а церковь и вѣру—орудіями своей политики, точно также, какъ и нѣмцевъ, которые были противны ему, какъ „варвары". Фридрихъ жилъ, какъ халифъ: среди восточной пышности, пировъ, турнировъ [1]), охотъ, его окружали ученые, поэты, музыканты, сарацинская стража и гаремъ, который онъ возилъ съ собой въ походахъ, вмѣстѣ съ восточнымъ звѣринцемъ; а его жены сидѣли взаперти. Фридрихъ хотѣлъ и царствовать, какъ халифъ: онъ первый въ Европѣ формально вводилъ полный абсолютизмъ въ Сициліи, съ помощью чиновниковъ и юристовъ, въ особенности своего канцлера и друга, знатока римскаго права, отличнаго публициста, но льстиваго и жаднаго царедворца, Петра Винейскаго, котораго называли „апостоломъ императора-Мессіи".

Фридрихъ хотѣлъ подчинить церковь государству и, подобно еретикамъ, думалъ преобразовать ее: онъ требовалъ отъ папства апостольской простоты, отреченія отъ свѣтскихъ притязаній. Оттого его ненавидѣли феодалы и папы: они называли его учрежденія въ Сициліи „пагубными и негодными". Но самъ Фридрихъ губилъ новое дѣло, увлекаясь отжившею идеей міродержавія, которая перешла къ нему, какъ наслѣдственная болѣзнь нѣмецкихъ королей, въ особенности Гогенштауфеновъ.

---

[1]) Наше изображеніе рыцарской потѣхи взято изъ бреславльской рукописи сочиненія Фруассара. Оно представляетъ турниръ въ Парижѣ, въ 1389 г., при бракѣ Карла VI съ Изабеллой баварской.

Эта фантазія совсѣмъ запутала его: этотъ другъ средняго сословія, торговли и промысловъ стремился уничтожить ломбардскія республики; этотъ вольнодумецъ, основатель университета въ Неаполѣ, котораго благословляли сарацины, какъ „великаго султана христіанъ", подавалъ св. отцу руку для подавленія ересей. Когда папа настаивалъ на исполненіи обѣта идти въ Палестину, Фридрихъ не слушался его и даже подвергся отлученію; затѣмъ онъ женился на дочери Іоанна бріенскаго, Изабеллѣ, назвался

Турниръ. 14-го в.

іерусалимскимъ королемъ и устремился въ Азію, хотя папа уже удерживалъ его новыми .проклятіями. Шестой крестовый походъ окончился быстро и почти безъ крови. Фридрихъ дѣйствовалъ осторожно и мягко, какъ дипломатъ; а Камель (§ 74), вслѣдствіе усобицъ, какъ бы самъ призывалъ его и уступилъ ему много городовъ, не исключая Іерусалима, гдѣ императоръ короновался еще одною короной (1229). Только папа негодовалъ на мирный исходъ дѣла: онъ называлъ Фридриха „язычникомъ и магометаниномъ" за переговоры съ султаномъ и наложилъ интердиктъ на св. мѣста.

Возвратившись изъ похода, Фридрихъ засталъ въ Германіи

разгулъ своеволія феодаловъ, поджигаемыхъ папой. Вообразивши, что можно покорить вельможъ уступками, онъ сталъ называть ихъ „зѣницею ока", подчинилъ имъ города и утвердилъ за ними (1231) „верховныя права надъ землей" (Landeshoheit): феодалы стали владѣтельными особами (Landesherren, domini terrae), обязываясь только, при изданіи новыхъ законовъ, испрашивать согласіе чиновъ своей земли или земства (Landstände). А въ угоду папѣ, Фридрихъ допустилъ преслѣдованіе еретиковъ въ Германіи, которымъ самъ пользовался для подавленія независимыхъ людей: были истреблены почти поголовно штединги (§ 59), ересь которыхъ состояла въ упорномъ отстаиваніи своей свободы. Задобривши соперниковъ, Гогенштауфенъ бросился со всѣми силами на ломбардцевъ, которые отрѣзывали Неаполь отъ Германіи и представляли ненавистный ему республиканизмъ: онъ называлъ муниципальную свободу „ядовитымъ растеніемъ, которое нужно искоренить"; онъ призывалъ всѣхъ государей на защиту монархизма. Фридриху не суждено было увидѣть Германію: 15 л., до самой своей смерти, онъ промучился за Альпами. Воскресъ ломбардскій союзъ, даже Венеція сдружилась съ Генуей; Миланъ возсталъ въ прежнемъ величіи, какъ очагъ движенія; примкнули и центральные города, съ Флоренціей во главѣ. Папство работало всюду, какъ душа итальянскаго патріотизма, и армія нищенствующей братіи проповѣдывала, что Фридрихъ — „морское чудище, бичъ Божій, язва вѣка", самъ Антихристъ и глава „нечестія".

Борьба особенно разсвирѣпѣла, когда папою сталъ Иннокентій IV, юристъ и дипломатъ, жадный, коварный и страстный подражатель Иннокентія III. Этотъ властолюбецъ, котораго Фридрихъ называлъ своимъ „старымъ другомъ", жаждалъ уже не побѣды церкви, а истребленія всей „ехидной породы" Гогенштауфеновъ. Онъ приложилъ „топоръ къ корню": когда Фридрихъ былъ въ Палестинѣ, онъ наводнилъ Неаполь толпами „ключеносцевъ" — сброда людей, созванныхъ для крестоваго похода противъ императора, которымъ папа нашилъ ключи ап. Петра. Потомъ, когда Фридрихъ прогналъ ключеносцевъ, когда этотъ „второй Ганнибалъ" стоялъ у воротъ Рима, Иннокентій ускакалъ, темной ночью, переодѣтый рыцаремъ, созвалъ соборъ въ Ліонѣ и отлучилъ отъ церкви своего заклятого врага. „Только потоками крови отнимутъ у меня корону!" воскликнулъ разъяренный Гогенштауфенъ. „День гнѣва, бѣдствій и горя!" вторили ему друзья, съ Петромъ Винейскимъ во главѣ. И заки-

пѣла та вражда, отъ которой содрогнулся жестокій вѣкъ, которая дала главное содержаніе „Аду“ Данта. Фридрихъ превзошелъ себя въ энергіи и изобрѣтательности. Онъ въ одно время и направлялъ защиту Запада отъ татаръ Батыя (Р. И. § 81), разсыпавшихся тогда по Венгріи и Польшѣ, и вводилъ монархизмъ въ Германіи, развивая ея города, и громилъ Италію, и вовлекалъ всю Европу въ свою борьбу. Неугомонный императоръ задумалъ тогда придать своему дѣлу міровое значеніе: онъ мечталъ о новой, реформированной церкви, подчиненной императору, и воззвалъ ко всѣмъ монархамъ для защиты ихъ „общей чести“, призывая Людовика IX въ третейскіе судьи. И если смущенные властители Европы не шелохнулись, а могучій французскій король замкнулся въ нейтралитетѣ, зато Фридриха поддержали прелаты Германіи, мечтавшіе о независимой отъ Рима нѣмецкой церкви, да нѣмецкіе города, рвавшіеся къ свѣтской образованности и къ освобожденію отъ ига феодаловъ.

Встрепенулись и гибеллины за Альпами, руководимые рядомъ незаконныхъ сыновей Фридриха. Ихъ было много въ самомъ Римѣ—и тамъ не прерывались мятежи противъ св. отца: опустошались дворцы кардиналовъ и самый Латеранъ; смѣнялись папы и анти-папы; однажды престолъ св. Петра былъ пустъ цѣлыхъ полтора года. На югѣ распоряжался младшій сынъ, Веніаминъ императора, „сардинскій король“ Энціо (Генрихъ), любезный, красивый, отважный рыцарь и прекрасный правитель. Ловкими маневрами онъ отнялъ однажды всѣ владѣнія у папы и захватилъ 27 кораблей съ тремя легатами и съ сотней владыкъ, ѣхавшихъ со всей Европы на соборъ въ Римъ. Энціо подавалъ руки своему незаконному брату, орудовавшему въ Тосканѣ, и мужу незаконной дочери Фридриха, Эццелину да-Романо, веронскому тирану, который истреблялъ и капитановъ, и итальянскія республики, прославившись ловкостью и кровожадностью тигра. Но и Иннокентій IV оказался на высотѣ папской злобы и казнодѣйства. Онъ пустился на все: поднималъ нѣмецкихъ властителей, съ королемъ Богеміи и герцогами Австріи и Баваріи во главѣ, выставлялъ анти-императоровъ въ лицѣ разныхъ нѣмецкихъ вельможъ, подстрекалъ сыновей своего врага противъ отца; было даже нѣсколько покушеній на жизнь императора. Ломбардцы разбили Фридриха, захватили даже его казну, корону и гаремъ. Они уничтожили Эццелина, который умеръ у нихъ въ плѣну отъ ранъ, и захватили Энціо, котораго 23 г.

держали въ клѣткѣ. Старшій сынъ императора какимъ-то чудомъ спасся отъ убійцъ. Погибъ и лучшій другъ: Петра Винейскаго оклеветали въ продажности, въ желаніи отравить Фридриха,—и, по приказу самого императора, ему такъ варварски выкололи глаза раскаленнымъ желѣзомъ, что несчастный разбилъ себѣ черепъ о стѣну.

Вскорѣ непокорный вѣнчанный „нечестивецъ" умеръ, со злобой въ душѣ, въ Апуліи, 56-ти лѣтъ (1250). Но въ Германіи и Италіи долго являлись самозванцы, и даже монахи проповѣдовали о второмъ пришествіи грознаго Гогенштауфена. До 16-го в. держалась въ народѣ „императорская сказка": нето Фридрихъ II исчезъ, охотясь въ дремучемъ лѣсу, и живетъ гдѣ-то за морями, со своею вѣрною дружиной; нето онъ сидитъ въ Кифгейзерѣ (въ Тюрингіи), въ подземной пещерѣ, грустно опершись на столъ, сквозь который проросла его бородища, и поджидаетъ воскресенія императорства. Впослѣдствіи эти сказки были перенесены на Фридриха Барбароссу (§ 71).

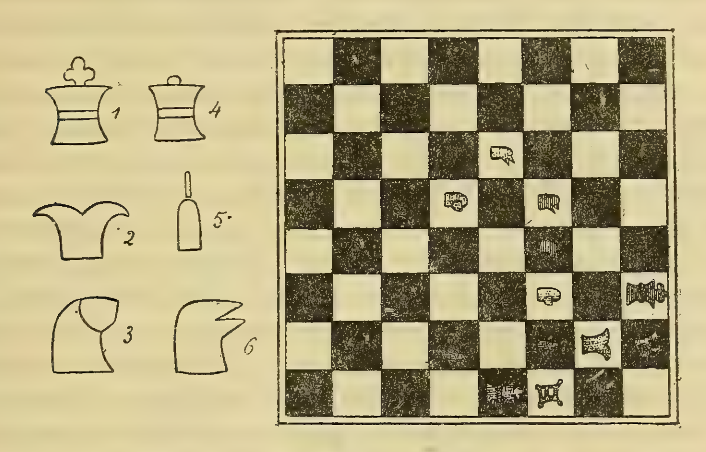
§ 77. **Гибель Гогенштауфеновъ. Анжуйцы.**—Фридрихъ завѣщалъ старшему сыну, Конраду, Германію и императорство, младшему, Манфреду — Неаполь съ Сициліей, третьему, Генриху—Іерусалимъ, а внуку, Фридриху—Австрію. Воспитанный въ Германіи, грубый, властолюбивый и подозрительный Конрадъ ненавидѣлъ и боялся Манфреда, выросшаго въ Сициліи. Манфредъ напоминалъ отца по образованію, свободомыслію и быту: дворъ въ Палермо, украшенный пребываніемъ красивой, просвѣщенной королевы, гречанки Елены, и при немъ былъ веселымъ, изящнымъ очагомъ арабской поэзіи, науки и утонченной вѣжливости. Но Манфредъ стоялъ выше отца нравственно: красивый, привѣтливый рыцарь, онъ славился правдивостью, великодушіемъ и щедростью, возвышалъ города и торговлю, искусно развивалъ учрежденія Фридриха, сдерживая пороки чиновничества. Любимецъ народа, Манфредъ могъ сдѣлаться національнымъ королемъ Италіи: больше онъ ничего и не желалъ, далекій отъ фантазій міродержавія. Казалось, Манфредъ спасетъ дѣло гибеллиновъ и просвѣщенія Европы: самый сильный изъ Гогенштауфеновъ, онъ вскорѣ сталъ и единственнымъ, такъ какъ въ одно полугодіе умерли Конрадъ, Генрихъ и Фридрихъ, а сынъ Конрада, Конрадинъ, остался ребенкомъ. Смерть собирала обильную жатву и среди гвельфовъ: она скосила и злого генія Гогенштауфеновъ, Иннокентія IV (1254); смѣнилось четверо папъ и двое ихъ созданій, „попов-

скихъ“ императоровъ. Напрасно изъ Рима разсылались толпы монаховъ съ буллами подымать итальянцевъ противъ „Иродова сына и ядовитаго сѣмени дракона изъ ядовитаго рода“, противъ „султана и язычника“. Манфредъ искусно разсѣивалъ враговъ и уже приближался къ Тибру.

Тогда папы стали продавать сицилійцевъ, „какъ бездушное стадо“, монархамъ Европы. Но никто не хотѣлъ брать „луны, которую нужно еще полѣзть да достать“. Согласился только братъ Людовика IX, Карлъ Анжуйскій, самый сильный феодалъ Франціи и ея злой геній, вовлекавшій ее въ тяжкія и безполезныя предпріятія. Смуглый, грозный, молчаливый, не знавшій улыбки, богатырь съ виду, Карлъ отличался свирѣпостью, упорствомъ, отвагой и ханжествомъ; въ своей лихорадочной дѣятельности онъ проклиналъ сонъ и все искалъ короны, чтобы тиранить людей, избавиться отъ долговъ и насытить честолюбіе своей жены, страстной провансалки. Теперь онъ задумалъ перенять роль Гогенштауфеновъ, овладѣть всею Италіей. На призывъ Карла стеклось много хищниковъ, потомковъ героевъ альбигойскихъ войнъ, мечтавшихъ о богатствѣ и наслажденіяхъ Сициліи. Въ ихъ глазахъ, это былъ и крестовый походъ: папа пожаловалъ имъ святое знамя противъ сарацинъ Манфреда. Не дождавшись войска, Карлъ, безъ гроша, съ горстью охотниковъ, чуть не утонувши въ морѣ, явился въ Римъ, гдѣ папа провозгласилъ его королемъ Неаполя и Сициліи и своимъ ленникомъ. У него составилось большое войско изъ провансальцевъ и итальянскихъ гвельфовъ, которое навело такой страхъ своими жестокостями, что многіе гибеллины измѣнили Манфреду, а истомленные ломбардцы не шевелились. У Гогенштауфена оставались только нѣмецкіе всадники да сарацинская пѣхота. Манфредъ въ сотый разъ предложилъ папѣ помириться, но ему отвѣтили: „пора милости миновала; уже выходитъ изъ дверей герой во всеоружіи“. На „Полѣ Розъ“, подъ Беневентомъ, дрогнулъ отрядъ сарациновъ. Манфредъ оглянулся,—и у него слетѣлъ серебряный орелъ съ шлема. „Это— знаменіе Божіе!“ крикнулъ онъ и ринулся въ массу непріятеля (1266). Лишь на третій день нашли его голый обезображенный трупъ.

Карлъ похоронилъ его съ честью, но папа выкинулъ кости изъ могилы, „чтобы дождь размылъ ихъ и вѣтеръ развѣялъ“. Дантъ поставилъ тѣнь Манфреда въ чистилищѣ, гдѣ она шепчетъ: „поповское проклятіе безсильно противъ всеприми-

ряющей любви". Елена съ дѣтьми спряталась въ одномъ городѣ, но ее выслѣдили монахи. Она вскорѣ умерла въ тюрьмѣ отъ дурного обращенія; трое сыновей томились до самой смерти въ башняхъ, въ цѣпяхъ, ослѣпленные; дочь освободили арагонцы, лѣтъ 20 спустя. Гибеллины погибали на эшафотѣ или въ тюрьмахъ; ихъ добро забирали „атлетъ и Маккавей церкви" да его „бойцы Божіе", которые не щадили даже папистовъ. Ихъ вопли донеслись до Боденскаго оз., гдѣ жилъ 15-лѣтній Конрадинъ, съ своимъ другомъ и сверстникомъ, Фридрихомъ австрійскимъ. Красивый, мягкій, прилежный мальчикъ увлекался народною поэзіей, гдѣ воспѣвалось величіе его

Шахматы. 13-го в.

дома. Напрасно мать предостерегала его отъ прелестей страны, губившей Гогенштауфеновъ. Онъ пошелъ на призывъ гибеллиновъ, собравшихъ значительную армію; но былъ разбитъ въ Апуліи. Конрадину удалось спастись, но его выдалъ итальянскій феодалъ, облагодѣтельствованный его дѣдомъ. Вопреки мнѣнію юристовъ, Карлъ приговорилъ къ смерти Конрадина съ Фридрихомъ. Мальчики играли въ шахматы [1]), когда имъ объявили ихъ судьбу. Они не смутились. „Мама, какую страшную вѣсть

[1]) Изображенные у насъ шахматы взяты изъ рукописи конца 13-го в., хранящейся въ парижской Національной Библіотекѣ. Вотъ ихъ французскія названія того времени: 1) *Roi*—король. 2) *Roc*—ладья (позже—tour, башня). 3) *Cavalier*—всадникъ, конь. 4) *Fierge* (ферязь)—королева. 5) *Paonnet* (позже—pion)—пѣшка. 6) *Aufin* (позже—fou)—слонъ.—Изображенная рядомъ доска представляетъ задачу для шахматной игры.

принесутъ тебѣ!“ проговорилъ Конрадинъ, подставляя шею палачу. Слезы текли по суровымъ лицамъ провансальцевъ. Вскорѣ умеръ и Энціо въ своей тюрьмѣ—послѣдній изъ Гогенштауфеновъ. За нимъ послѣдовали дочери Фридриха II: одна скончалась въ монастырѣ, другая — у добрыхъ людей, къ которымъ она бѣжала отъ свирѣпаго, развратнаго мужа, собиравшагося убить ее. Рядъ этихъ незаслуженныхъ бѣдствій, трогательная кончина Конрадина, героическая смерть Манфреда озарили славой, согрѣли всеобщимъ состраданіемъ пышный, шумный родъ Гогенштауфеновъ, въ которомъ сливались фантазіи глухого средневѣковья съ заревыми проблесками новой исторіи.

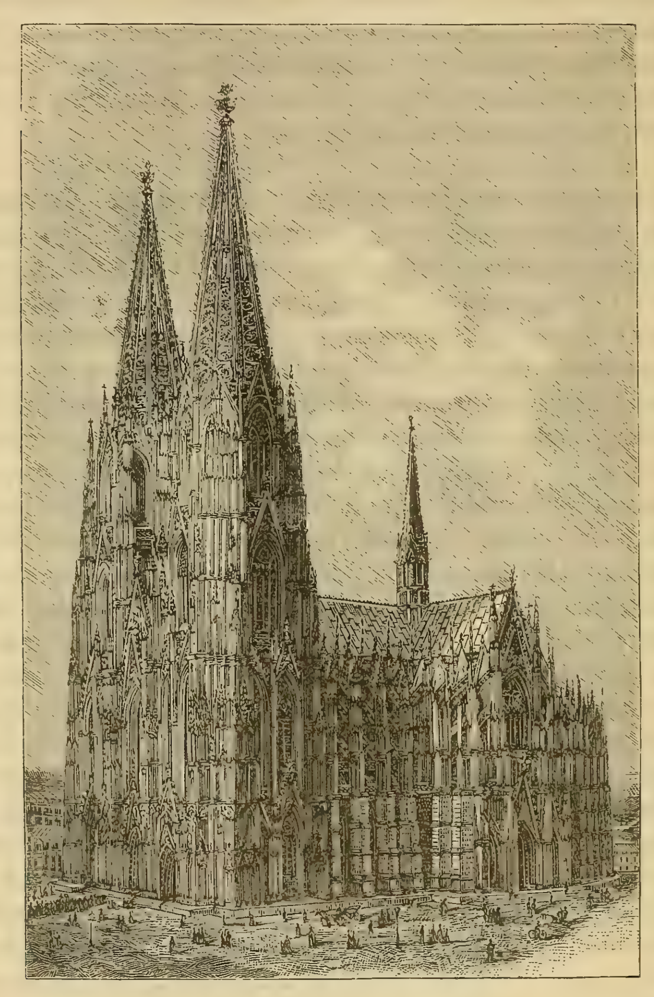
Такъ окончилась борьба нѣмцевъ и императорства съ итальянцами и папствомъ изъ-за обладанія очаровательнымъ полуостровомъ. Но его лучшая часть опять была въ рукахъ иностранцевъ, и французы превзошли нѣмцевъ въ тиранствѣ и развратѣ, особенно въ Сициліи, гдѣ Карлъ предавался полному произволу, уничтоживъ парламентъ. Система Фридриха II превратилась въ безобразное чиновничество. Нищіе искатели приключеній стали роскошными баронами. Карлъ, заслужившій названіе „циклопа-людоѣда“, сдѣлался Крезомъ среди государей Европы и хозяйничалъ даже въ Римѣ и средней Италіи. Онъ вздумалъ еще захватить Латинскую имперію, послѣдній король которой доводился ему родственникомъ. Но это вызвало вражду Михаила Палеолога (§ 74). Онъ не пожалѣлъ золота и всякихъ козней—и доведенные Карломъ до отчаянія туземцы возстали. Другъ Манфреда, врачъ Іоаннъ Прочида, составилъ заговоръ, охватившій всю Сицилію, и призвалъ Петра арагонскаго, зятя Манфреда. На Пасху 1282 г., ночью, въ Палермо были перерѣзаны всѣ до одного французы—и слово „сицилійская вечерня“ стало означать вообще народное возстаніе противъ тираніи чужеземцевъ. Петръ, окруженный хорошимъ флотомъ и умными вождями, сталъ королемъ Сициліи, а Прочида—его канцлеромъ; Карлъ же остался королемъ одного Неаполя: съ тѣхъ поръ между Сициліей и Неаполемъ укоренилась вѣчная вражда; а Франція была вовлечена въ несчастную войну съ Арагоніей. Но такой исходъ борьбы между французами и испанцами былъ также обидой папству, которому ничего не досталось изъ южной Италіи. Ея не могъ стерпѣть Бонифацій VIII. Этотъ папа—новый типъ свѣтскаго государя въ тіарѣ: краснорѣчивый юристъ и дипломатъ, красавецъ съ повелительнымъ видомъ и презрительной улыбкой, онъ окружилъ себя блестящею

римской знатью и ввелъ пышный этикетъ въ куріи. Бонифацій выступилъ противъ сицилійцевъ; но они отстояли свою свободу, получившую законное утвержденіе со стороны арагонцевъ. Тогда же въ самомъ Римѣ стали хозяйничать сильные вельможи — Орсини (гвельфы) и Колонна (гибеллины); въ средней Италіи возникали новыя республики; въ Палестинѣ все было утрачено; новый нѣмецкій король не являлся въ Римъ за императорскою короной. Такъ, около 1300 г. разлагалась ѳеократія на Западѣ, только-что побѣдившая цезаризмъ.

§ 78. **Рудольфъ Габсбургъ и Оттокаръ чешскій.** — Когда въ Италіи погибали Гогенштауфены, въ Германіи свирѣпствовала небывалая смута, подъ именемъ великаго междуцарствія (1256—1273), такъ какъ никто не признавалъ ни „поповскихъ" королей, ни выбранныхъ за деньги въ одно время двухъ иностранныхъ государей, короля кастильскаго и брата англійскаго короля, которые почти не видали Германіи. Титула императора совсѣмъ не было послѣ Фридриха II, а титулъ „нѣмецкаго короля" сталъ такимъ же пустымъ звукомъ, какъ званіе „іерусалимскаго короля" или „императора Латинской имперіи въ Константинополѣ". Страна распалась на кучу независимыхъ государствъ: иностранные лѣтописцы говорятъ о „Германіяхъ". Разбойничество доходило до того, что одинъ рыцарь плѣнилъ королеву, и ее должны были выкупать. Князья и епископы сочиняли подложныя грамоты на земли и защищали ихъ оружіемъ, увеличивая свои „верховныя права". Рыцари уничтожали другъ друга и грабили купцовъ, особенно по Рейну, откуда потянулись переселенцы въ Венгрію, Богемію, Польшу и Литву. Положеніе крестьянъ рисуется бунтами, которые только ухудшали ихъ участь. Еще тяжеле было евреямъ съ паденіемъ королевской власти, которая считала ихъ „придворными холопами" и имѣла право „защиты" ихъ. Безначаліе немного сдерживалось лишь таинственными казнями, по приговорамъ свободныхъ судовъ Вестфаліи, да городами. Тогда возникли городскіе союзы на Рейнѣ и на сѣверѣ, и во главѣ ихъ Ганза (ок. 1250), созданная Любекомъ и обнимавшая города отъ Фрисландіи до Лифляндіи. Союзы служили для самозащиты городовъ и помогали истребленію рыцарства: они имѣли свои сеймы и войска, охраняли свои выборныя права и самосудъ, были единственнымъ зерномъ національнаго единства. Благодаря имъ, даже среди ужасовъ междуцарствія не прекраща-

лось культурное развитіе: тогда-то нѣмцы начали воздвигать свой знаменитый кёльнскій соборъ [1]).

Чтобы прекратить междуцарствіе, рѣшили выбирать короля не всѣмъ князьямъ, а только семи изъ нихъ, облеченнымъ имперскими

Кельнскій соборъ. Съ 13-го в.

должностями, которые получили названіе курфюрстовъ (Kur — выборъ). Королемъ былъ выбранъ (1273) графъ Рудольфъ Габ-

[1]) Кёльнскій соборъ начатъ ок. 1250 г., по плану неизвѣстнаго зодчаго, который подражалъ амьенскому собору (§ 99). Въ средніе вѣка были отстроены только хоръ и сосѣднія часовни, которыя и теперь составляютъ лучшую часть всего соору-

сбургъ (Габсбургъ или Ястребиный Замокъ находится въ Швейцаріи), особенно благодаря его родственнику и сосѣду, Гогенцоллерну. Онъ славился своимъ богатствомъ и умѣньемъ, съ которымъ ему удалось, въ смуту, сохранить миръ въ своихъ земляхъ въ Швабіи и Швейцаріи. Всѣ знали эту сухую, высокую фигуру съ проницательнымъ взоромъ, въ мѣщанскомъ камзолѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, какъ у рабочаго. И этотъ практическій монархъ былъ любимъ народомъ, въ особенности же солдатами, которыхъ онъ поддерживалъ въ бѣдѣ собственнымъ примѣромъ, раздѣляя съ ними послѣднюю каплю воды, самолично вырывая для себя картошку на поляхъ. Бережливый, смѣтливый, хладнокровный, первый Габсбургъ не увлекался міровыми идеями, не приставалъ ни къ гвельфамъ, ни къ гибеллинамъ. Онъ называлъ Италію „берлогой льва". Онъ былъ занятъ только скопидомствомъ и слылъ прехитрымъ дипломатомъ. Одинъ епископъ воскликнулъ: „Хорошенько держись на своемъ престолѣ, Боже нашъ; нето Габсбургъ сброситъ тебя!" Но Рудольфъ былъ также храбрымъ и благочестивымъ рыцаремъ: онъ не жалѣлъ средствъ на церкви и монастыри.

Рудольфъ Габсбургъ. Статуя на фасадѣ собора въ Страсбургѣ. 1291 г.

женія. Затѣмъ дѣлались только украшенія внутри. Окончаніе собора, по плану 14-го в., пошло быстро съ 1840 г. и завершилось въ 1880 г., поглотивъ болѣе 10 милл. р. Съ тѣхъ поръ не прекращаются работы по внутреннему убранству. Въ главной башнѣ до 80 саж. вышины. На одной изъ нихъ виситъ величайшій въ Европѣ колоколъ (1.700 пуд.). Въ послѣднее время художественная критика подорвала благоговѣніе къ кельнскому собору: онъ болѣе важенъ для исторіи извѣстной школы зодчества, чѣмъ какъ перлъ готическаго стиля.

Габсбургъ прежде всего задобрилъ папу, признавъ его права на всѣ владѣнія въ Италіи. Затѣмъ онъ привлекъ города, утвердивъ ихъ привилегіи и истребивши до сотни замковъ мелкихъ феодаловъ: онъ даже вѣшалъ „рыцарей и разбойниковъ“, за что лѣтописецъ назвалъ его „спасителемъ народа“. Но крупныхъ феодаловъ Рудольфъ боялся трогать, предоставляя эту задачу потомкамъ, для чего старался укрѣпить свой домъ. Новыя земли можно было пріобрѣсти только на юго-востокѣ, гдѣ слѣдовало также дать отпоръ славянству, которое возвеличивалось, благодаря Оттокару II чешскому. Храбрый, благородный и привѣтливый рыцарь, умный и энергичный правитель, Оттокаръ далъ чехамъ первые писанные законы, поднялъ королевскіе суды, ослабилъ пановъ, одаряя старые города правами и создавая новые (Прага) съ помощью нѣмецкихъ колонистовъ. Поддерживаемый папою, котораго онъ призналъ своимъ сюзереномъ, Оттокаръ захватилъ Баварію, Штирію, Каринтію и Крайну, выгнавши оттуда венгерцевъ, которымъ помогалъ Данило галицкій (Р. И. § 89), и ходилъ противъ литовцевъ: говорили, что его королевство простирается отъ Адріатики до Балтики. Рудольфъ рѣшился отнять у него югъ. За него стояли венгерцы, за Оттокара — поляки и Бранденбургъ, гдѣ упорные преемники Медвѣдя (§ 71) далеко раздвинули свои предѣлы и основали Берлинъ. Жестокое побоище на Мархскомъ Полѣ (1278) рѣшило участь западныхъ славянъ: войско Оттокара бѣжало; онъ одинъ оставался, пока не палъ. Это было началомъ габсбургскаго могущества и нынѣшней Австріи, а также онѣмеченія славянъ. Богемія и Моравія стали ленами Рудольфа, а Австрія, Штирія, Каринтія и Крайна—наслѣдіемъ Габсбурговъ: подданные присягали не нѣмецкому королю, а своему герцогу, которымъ былъ назначенъ старшій сынъ Рудольфа, Альбрехтъ. Въ этомъ все значеніе Рудольфа: въ Германіи онъ ничего не сдѣлалъ. Тамъ продолжалась такая жестокая смута, что народъ уже вспоминалъ о Гогенштауфенахъ: явилось нѣсколько Лжефридриховъ. Рудольфъ даже не могъ передать корону своему сыну: Альбрехтъ австрійскій добился ея путемъ оружія, поразивъ избранника курфюрстовъ.

§ 79. **Людовикъ IX. 7-й и 8-й крестовые походы.**— Когда въ Германіи свирѣпствовала феодальная смута, во Франціи развивался монархизмъ, особенно при внукѣ Филиппа Августа (§ 72), Людовикѣ IX. Но ему и здѣсь пришлось выдержать опасную борьбу съ безначаліемъ: онъ былъ спасенъ только

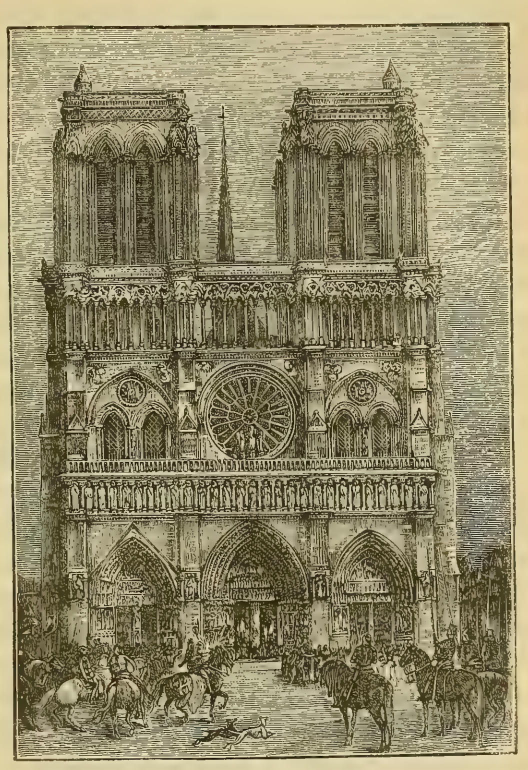
внутренними раздорами между самими феодалами и ихъ недальновидностью да героизмомъ вѣнчанной иностранки. То была дочь кастильскаго короля и мать Людовика IX, Бланка кастильская, которая 10 лѣтъ управляла Франціей въ малолѣтство своего сына и руководила имъ потомъ до послѣдняго своего издыханія. Ни одинъ правитель того времени не могъ сравниться съ этою хладнокровною, недоступною обидамъ, безстрашною и суровою женщиной въ мѣткости замысловъ, въ рѣшительности и оглушительной быстротѣ дѣйствій, въ дипломатической тонкости. Вся страсть этой испанки сосредоточилась на властолюбіи да на пылкомъ благочестіи, въ которыхъ она строго воспитала и своихъ сыновей, гнувшихся, какъ воскъ, въ ея неразжимистыхъ рукахъ. Противъ надменной и властной иностранки поднялась почти вся знать Франціи, да еще въ союзѣ съ англійскимъ королемъ. И вождемъ лиги мятежниковъ, наряду съ сыномъ Раймунда VI (§ 74), Раймундомъ VII, сталъ одинъ изъ младшихъ отпрысковъ Капетингскаго дома, графъ Бретани, коварный, изворотливый, отважный, но сварливый забіяка, Моклèръ. Не было козней, къ которымъ не прибѣгали бы спесивые феодалы; не было клеветы, которою не старались бы они очернить, въ глазахъ народа, имя своей гонительницы, какъ королевы, женщины, даже супруги и матери. Но Бланка расправилась съ феодалами счастливѣе Филиппа Августа. Почти безъ битвъ, одною своей дипломатіей она довела ихъ до того, что Раймундъ VII уступилъ королю лучшую часть своихъ владѣній, самъ снесъ стѣны Тулузы и другихъ своихъ оплотовъ, подчинился папѣ и пошелъ въ Палестину омывать въ крови невѣрныхъ грѣхъ своей дружбы съ еретиками. Затѣмъ Бланка поспѣшила доказать, что, при всемъ своемъ благочестіи, она признаетъ церковь, только какъ служанку короны: строптивые владыки лишались своихъ сокровищъ и даже своихъ земель. А когда парижскіе студенты побили горожанъ, на масляницѣ, правительница, не взирая на протесты папы, такъ стѣснила ихъ, что весь знаменитый университетъ покинулъ столицу Франціи. Бланка была гордымъ олицетвореніемъ новаго начала, погубившаго духъ средневѣковья: она была окружена новыми людьми—легистами или законниками, воспитанными на римскомъ правѣ и вышедшими снизу, изъ третьяго чина.

Въ такой-то школѣ воспитался Людовикъ IX. Это былъ „прекрасный рыцарь“ и „ангельская фигура“. Высокій, крѣпкій, статный блондинъ съ открытымъ лицомъ и обворожитель-

ными манерами, онъ смолоду былъ веселъ, разговорчивъ, одѣвался въ золото и багряницу, любилъ охоту и роскошные пиры, славился безумною отвагой. Но потомъ въ немъ развилось до крайности благочестіе матери. Онъ сталъ смиреннымъ, миролюбивымъ, до мелочей справедливымъ. Онъ вѣчно каялся, утомляя своихъ исповѣдниковъ, постился, бичевался, слушалъ обѣдни даже по ночамъ, не терпѣлъ трубадуровъ, шутокъ и сквернословія. Его цѣлью стало спасеніе души своей и своего народа да христіанская любовь, а идеаломъ—странствующій рыцарь, защитникъ обиженныхъ: „о, Іерусалимъ, Іерусалимъ!" шепталъ король-монахъ, умирая. Церковь причислила его къ лику святыхъ; въ воображеніи народа онъ и теперь сидитъ подъ венсенскимъ дубомъ и творитъ праведный судъ. Черты короля и 11-го, и 13-го вв. причудливо сливались также въ дѣятельности Людовика IX. Онъ упорнѣе всѣхъ королей отстаивалъ права монархизма противъ всякаго, не исключая ни папства, ни своего духовенства, которое было обложено данью и лишилось части своихъ судебныхъ правъ. Онъ почти уничтожилъ и такія же права коммунъ, хотя выдвигалъ среднее сословіе и бралъ изъ него своихъ чиновниковъ. Управленіе приняло стройный централизованный видъ. Подлѣ „великаго совѣта" или министровъ, всюду сопровождавшихъ короля, возникъ назначаемый и содержимый королемъ осѣдлый парламентъ, какъ апелляціонный судъ для всего королевства, а также „счетная палата", которая держала казну въ отмѣнномъ порядкѣ и чеканила хорошую монету, ходившую по всей Франціи. Въ провинціяхъ за чиновниками надзирали, какъ у Карла Великаго (§ 34), „инквизиторы". Они приводили въ исполненіе строгіе указы, воспрещавшіе мздоимство, злоупотребленіе властью: выходящій въ отставку чиновникъ долженъ быть оставаться 40 дней въ своей провинціи, чтобы народъ могъ уличить его.

Но особенно энергично подавлялъ Людовикъ феодализмъ: онъ разрушалъ мелкіе замки, ограничилъ частную войну, судебный поединокъ и сеньеріальные суды. У правдиваго короля не было лицепріятія: онъ осуждалъ своего брата, Карла анжуйскаго, за дѣла въ Сициліи и уличалъ папу въ стремленіи „стать на горло императору и всѣмъ королямъ"; иностранные государи брали его въ третейскіе судьи при своихъ раздорахъ; король англійскій отдалъ на его рѣшеніе свою распрю съ баронами. Умирая, Людовикъ сказалъ сыну: „дорожи честью и ненавидь зло, гдѣ бы оно ни было; будь справедливъ ко всѣмъ, внимательно выслушивай бѣдняка и

пріобрѣти любовь народа; если же будешь дурно править, лучше пусть придетъ хоть шотландецъ, лишь бы хорошій государь". Монархія освятилась, въ глазахъ народа, добродѣтелью и правосудіемъ Людовика IX. Народная пѣсня печаловалась у его гроба: „Да, умерла правда, погасла честность, когда умеръ добрый король, святое созданіе. Кому будетъ теперь жаловаться бѣдный людъ, когда умеръ добрый король, который такъ умѣлъ любить его?"

Соборъ Богоматери въ Парижѣ. 12-13 вв.

Совсѣмъ другой былъ Людовикъ тамъ, гдѣ дѣло касалось его церковной совѣсти. Онъ заботился о благолѣпіи храмовъ: при немъ окончили соборъ Парижской Богоматери. Людовикъ особенно покровительствовалъ инквизиціи и нищенскимъ орденамъ: монахи обучали у него народъ, занимали мѣста дипломатовъ и инквизиторовъ, которые и были заведены передъ крестовымъ походомъ, для очищенія совѣсти короля. Набожный король грабилъ евреевъ, наказывалъ богохульниковъ, подвергалъ еретиковъ жестокимъ пыткамъ: при немъ окончились альбигойскія войны разгромомъ несчастныхъ (1229). Онъ возвратилъ Англіи, какъ лены, Гіень и Гасконь, которыя считалъ несправедливымъ пріобрѣтеніемъ. Наконецъ, святой король совершилъ послѣдніе крестовые походы, вопреки убѣжденіямъ матери, легистовъ, самихъ рыцарей, которыхъ онъ увлекъ только хитростью. Людовика мучила совѣсть, при видѣ погибели христіанства въ Палестинѣ. Тамъ все разваливалось послѣ Фридриха II. Его намѣстники и рыцари передрались между собой: и тамъ отражалась борьба гвельфовъ и гибеллиновъ. Христіане держались, только благодаря такимъ же смутамъ среди мусульманъ,

которыя привели къ тому, что египетскій султанъ призвалъ къ себѣ на помощь хoварезмійцевъ (§ 55). Эти новые завоеватели, изъ Ховарезма (Бухары), уничтожили подорванное атабеками (§ 68) господство Сельджукидовъ и образовали сильное государство между Тигромъ и Индомъ, ставшее очагомъ персидской культуры. Ихъ „шахъ“, Мухаммедъ, фанатичный шіитъ, собирался покончить и съ багдадскимъ Аббасидомъ; но тотъ призвалъ противъ него татаръ или монголовъ, съ ихъ грознымъ Чингисханомъ. Татары уничтожили Ховарезмъ. Разсѣянное войско Мухаммеда пошло на призывъ египетскаго султана, завоевало для него Сирію и захватило Іерусалимъ, послѣ жестокаго пораженія рыцарей (1244).

У христіанъ опять осталась одна Акра (§ 72) съ клочкомъ берега. Папа горячо призывалъ на помощь; но никто не вѣрилъ ему, такъ какъ тогда же онъ объявилъ крестовый походъ противъ Фридриха II; да никто и не думалъ о Палестинѣ. Одинъ Людовикъ IX пошелъ въ седьмой крестовый походъ: онъ далъ такой обѣтъ во время опасной болѣзни. Поручивъ правленіе Бланкѣ, онъ двинулся въ Египетъ (1248), какъ богомолецъ, въ темной бѣдной одеждѣ, съ желѣзными шпорами, и пропадалъ тамъ 6 л., пока не умерла мать. При высадкѣ, Людовикъ соскочилъ первый по горло въ воду и бросился на Даміетту. Она была взята съ великимъ трудомъ; затѣмъ крестоносцы вынесли голодъ и заразу подъ Мансурой. Кончилось плѣномъ короля, его двухъ братьевъ и всего воинства. Когда потребовали милліонъ червонцевъ выкупа, Людовикъ сказалъ: „короли не откупаются золотомъ; вотъ вамъ Даміетта за меня, а милліонъ берите за остальныхъ“. Изъ Египта Людовикъ приплылъ въ Палестину, гдѣ поправлялъ крѣпости, самъ таская камни, и ходилъ босикомъ, во власяницѣ, по св. мѣстамъ; а мусульмане тотчасъ разрушали новыя сооруженія. Людовикъ обнищалъ: у него оставалось всего двѣ пары платья; его другъ, Жуанвиль, ходилъ въ одѣялѣ съ прорѣзами для рукъ; а рыцари стали грабить такъ, что сами христіане желали отъѣзда спасителей во-свояси. Изъ Франціи помощи не было: пошли-было пастухи, но они такъ разбойничали, что ихъ тамъ же перебили. Наконецъ, смерть Бланки вызвала короля домой. Послѣ него въ Египтѣ воцарились воинственные мамелюки, набранные изъ кавказскихъ мальчиковъ отличные наѣздники. Ихъ султанъ, Бибарсъ, напоминалъ Саладина справедливостью, благочестіемъ, нравственностью и умомъ, но былъ кро-

вожаденъ. Онъ прогналъ татаръ изъ Сиріи и отнялъ у христіанъ почти все, истребивши бо́льшую часть рыцарей.

Тогда Людовикъ IX, уже немощный старикъ, снова взялъ орифламму, посохъ и суму; а креста онъ не снималъ со своего платья со времени перваго похода. Восьмой крестовый походъ (1270) былъ послѣднимъ и самымъ печальнымъ. Крестоносцевъ набралось мало, да и то лишь за жалованье. Карлъ анжуйскій направилъ ихъ противъ безпокоившихъ его сарацинъ въ Тунисѣ, увѣривъ Людовика, что одинъ видъ его воинства заставитъ бусурманъ креститься. Людовикъ медлилъ натискомъ, вообразивши, что эмиръ пожелаетъ креститься; а этимъ пользовались сарацины. Быстро развилась жестокая зараза, которая унесла въ могилу много важныхъ особъ, одного сына Людовика и, наконецъ, его самого. Крестоносцы поспѣшили домой, но многіе погибли отъ бурь. Въ Палестинѣ появился Эдуардъ англійскій, но лишь затѣмъ, чтобы едва не умереть отъ раны, нанесенной ему ассасиномъ. Вскорѣ мамелюки взяли послѣдній оплотъ крестоносцевъ въ Азіи, Акру (1291). За христіанами осталось только королевство Кипръ, которое держалось еще два вѣка: вдова послѣдняго „іерусалимскаго“ короля, венеціанка, отказала его дожу. Малая Арменія была уничтожена мамелюками. Храмовники перешли въ Парижъ, іоанниты—на Родосъ, а тевтонцы—въ Пруссію. Папы еще въ началѣ 14-го вѣка проповѣдовали крестовый походъ; но то была уже романтическая затѣя, на которую никто не обращалъ вниманія. Около 1300 г. главная участница крестовыхъ походовъ, Франція, повернула на новый путь, при внукѣ Людовика IX, Филиппѣ IV.

§ 80. **Генрихъ III и англійскій парламентъ**.—Англія не принимала участія въ крестовыхъ походахъ послѣ Ричарда (§ 72). Она была занята борьбой съ Франціей, въ особенности же самоустройствомъ. Смута не прекратилась со смертью Безземельнаго (§ 73): непримиримая ненависть, раздоры въ семьѣ и борьба съ собственнымъ народомъ лежали проклятіемъ на родѣ Плантагенетовъ. При сынѣ Іоанна, Генрихѣ III, который вступилъ на престолъ 13-лѣтнимъ мальчикомъ, оказалось, что Великую Хартію не думали исполнять. Легкомысленный, бездарный и суевѣрный, нерѣшительный и упрямый, Генрихъ соединялъ набожность съ легкими нравами южной Франціи, которые поддерживала жена-провансалка: самъ трубадуръ, онъ любилъ веселье, поэзію и искусства; онъ первый изъ королей Англіи тратилъ массу денегъ на постройку церквей и рос-

кошныхъ замковъ. Вдобавокъ онъ былъ одержимъ великою спесью властителя, недопускавшаго ни возраженій, ни непрошенныхъ совѣтовъ. Небывалая пышность двора, слава перваго богача въ мірѣ да возвращеніе владѣній во Франціи и даже пріобрѣтеніе коронъ Сициліи и Германіи — вотъ что̀ считалъ онъ своимъ королевскимъ долгомъ. Генрихъ былъ игрушкой папы, родственниковъ и любимчиковъ-французовъ, которые заняли лучшія мѣста въ правленіи и привезли кучу жадныхъ искателей приключеній да невѣстъ, жаждавшихъ выгодныхъ партій. Въ 56 л. его царствованія развились подкупы, взяточничество, продажа должностей; придворные грабили купцовъ, дрались на рынкахъ, даже убивали бароновъ изъ корысти. Папа высасывалъ послѣдніе соки у народа: онъ боролся съ Гогенштауфенами на средства Англіи, которую называлъ „садомъ сокровищъ и неисчерпаемымъ кладеземъ“. А король чуть не ежегодно совершалъ веселыя прогулки по Аквитаніи: отъ битвъ онъ уклонялся; нето терпѣлъ постыдныя пораженія.

Бароны негодовали: „Англію — говорили они — растираютъ между двумя жерновами“ (папа и король). „Пошлю моихъ жнецовъ на ваши поля!“ — крикнулъ король одному изъ нихъ. „А я пошлю вамъ головы вашихъ жнецовъ!“ — отвѣчалъ баронъ. Еще больше роптали массы, одушевляемыя монахами. Богатые города вооружались. Въ Оксфордѣ вся сила науки, профессора и студенты требовали соблюденія Хартіи. Въ Лондонѣ толпа каменьями и бранью остановила королеву, когда она собралась бѣжать во Францію. Все это поддерживало „англійскую партію“ патріотовъ или правильную оппозицію предательскому правительству. Она сосредоточилась, среди свѣтской и духовной знати, въ великомъ совѣтѣ (§ 73), который часто (по нѣскольку разъ въ годъ) созывался королемъ, нуждавшимся въ деньгахъ для своихъ военныхъ затѣй во Франціи. У оппозиціи явился и достойный вождь.

Сынъ альбигойскаго героя (§ 74), Симонъ Монфоръ, женатый на сестрѣ короля, былъ такимъ его другомъ, что англійскіе бароны замышляли убить этого „иностранца“. Генрихъ III сдѣлалъ его графомъ лейчестерскимъ и намѣстникомъ Гаскони, гдѣ онъ до того прославился, какъ правитель и полководецъ, что французы предлагали ему регентство, когда Людовикъ IX отплылъ въ Египетъ. Но вотъ Симонъ спросилъ у Генриха свои деньги. Вскипѣвшій король назвалъ его „лживымъ измѣнникомъ“. „Если бы вы не были король,

вы дорого заплатили бы мнѣ за обиду“, сказалъ Симонъ и удалился въ частную жизнь. Потомъ онъ только разъ случайно встрѣтился съ королемъ у пріятеля, къ которому тотъ заѣхалъ, укрываясь отъ бури. Симонъ выходитъ на дворъ и докладываетъ, что буря прошла. „Я боюсь васъ больше молніи и грома“, сказалъ Генрихъ. Симонъ дѣйствительно былъ силой: въ немъ соединялись черты уже сложившагося характера англичанина—грубоватое прямодушіе, упорный здравый смыслъ, гордое сознаніе своихъ правъ и обязанностей, неумолимая строгость къ себѣ и другимъ, наряду съ честолюбіемъ и пристрастіемъ къ деньгамъ. Простой и крайне воздержный въ жизни, онъ считалъ „непристойнымъ уклоняться отъ опасности“ при исполненіи долга и говорилъ всякому: „иди или умри!“ Самообладаніе покидало Симона, только когда задѣвали его гордость или чувство справедливости: онъ умѣлъ постоять за себя и даже принималъ чужую обиду за свою. Но больше всего современники прославляли его твердость, „постоянство“: не было дѣла, котораго онъ не довелъ бы до конца. Воспитанный у границъ Испаніи, знакомый съ ея политическою свободой (§ 54), Симонъ рѣшилъ, что его долгъ — утвердить Великую Хартію, или, какъ онъ выражался, „обезпечить миръ согражданамъ“. „Буду биться, хотя бы остался одинъ съ сыновьями!“—сказалъ онъ—и „какъ столбъ стоялъ“ за свободу, по выраженію народа, который смотрѣлъ на него, какъ на святого. Симона поддерживала вѣра, унаслѣдованная отъ отца: онъ ходилъ въ Іерусалимъ; на его соратникахъ красовался бѣлый крестъ.

Симонъ примыкалъ къ кружку передовыхъ людей Англіи, во главѣ которыхъ стояли оксфордскіе профессора и ученый Гростетъ: ихъ задачей было вызволить Великую Хартію, изгнать иностранцевъ, поднять нравственно англійскую церковь на высоту нищенствующихъ орденовъ. Имъ помогла неудачная внѣшняя политика Генриха III, который старался добыть своему сыну корону Сициліи, а брату—императорство (§ 78). Для этихъ предпріятій король выжималъ послѣдніе соки у англичанъ. Симонъ собралъ цѣлую армію бароновъ—и въ Оксфордѣ были приняты „мѣры“ (provisions) для отобранія управленія у короля, измѣнившаго Хартіи: въ силу оксфордскихъ провизій, бароны назначили на годъ министровъ и шерифовъ, а также особый совѣтъ, которому отчитывались сановники; великій совѣтъ долженъ былъ собираться три раза въ годъ, хотя бы ко-

роль и не созывалъ его. Генрихъ принужденъ былъ согласиться на все. Но вслѣдъ затѣмъ ему удалось добыть у Людовика IX приговоръ противъ „мятежниковъ", а у папы — отлученіе ихъ отъ церкви; королева наняла брабансоновъ. Малодушные бароны принесли повинную—и даровитый сынъ Генриха, Эдуардъ, разбилъ противниковъ, даже взялъ въ плѣнъ сына Симона. Зато города, съ Лондономъ во главѣ, выставили милиціи—и въ битвѣ у Льюиса бѣлые кресты побѣдили: король попался имъ въ плѣнъ. Симонъ собралъ великій совѣтъ и заставилъ Генриха дать письменное подтвержденіе оксфордскихъ провизій и Великой Хартіи; списки съ этой бумаги разослали шерифамъ, чтобы они два раза въ годъ читали ихъ народу.

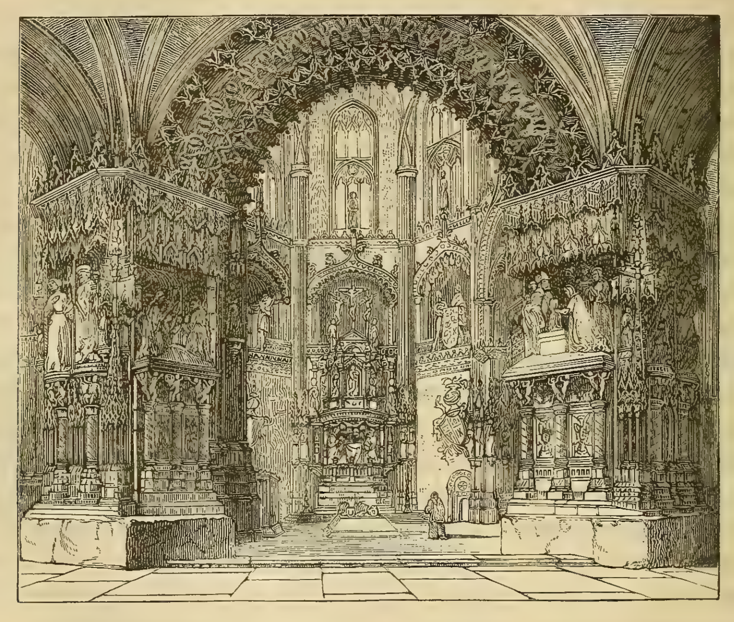
Эта побѣда была колыбелью **конституціи** или ограниченной монархіи въ Англіи: такъ какъ бароны были ненадежны, то Симонъ созвалъ, наряду съ ними и прелатами, „общины" (commons), т.-е. рыцарей изъ графствъ и депутатовъ отъ городовъ. Преобразованный великій совѣтъ сталъ называться **парламентомъ** (1265). Это смутило бароновъ, которые мечтали объ аристократическомъ правленіи. Симонъ сталъ въ ихъ глазахъ демагогомъ и тираномъ, который роскошествуетъ въ своемъ любимомъ замкѣ Кенильвортѣ. Они перешли къ королю. Эдуардъ захватилъ Симона врасплохъ, съ ничтожнымъ отрядомъ. „Ей-ей, они наступаютъ отлично: выучились у меня!"—воскликнулъ Симонъ, разглядѣвъ врага. Затѣмъ онъ сказалъ: „предадимъ души Богу; тѣла наши—достояніе непріятеля". Горсть героевъ была перебита вся до-единаго. „Вотъ и милость Божія!"—шепталъ Симонъ, падая послѣднимъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Изувѣченное тѣло героя было тайно погребено сосѣдними монахами. Жена съ остальными сыновьями бѣжала во Францію отъ мести брата. Народъ ходилъ на могилу своего „великаго патріота", какъ къ гробницѣ Бекета; и говорили, что тамъ совершаются чудеса и исцѣленія. Въ національныхъ пѣсняхъ увѣковѣчено имя Симона, а лѣтописецъ записалъ: „онъ затратилъ не только свое добро, но и жизнь, чтобы избавить бѣдныхъ отъ угнетенія, чтобы создать справедливость и свободу". Бароны образумились, когда началось прежнее хозяйство чужеземцевъ. Они начали вооружаться, нашлись преемники Симона, Лондонъ негодовалъ, — и Генрихъ подконецъ сталъ соблюдать Великую Хартію.

§ 81. **Исламъ и христіанство на Пиренейскомъ полуостровѣ.** — Крестовые походы совершались не въ одной Азіи, но и на Пиренейскомъ полуостровѣ, притомъ съ лучшимъ исхо-

домъ. И здѣсь ихъ проповѣдовали папы, пріобрѣтавшіе за это немало выгодъ. Въ Испанію шли рыцари изъ разныхъ мѣстъ; а иногда они помогали ей мимоходомъ, по пути въ Палестину; итальянская республика поддерживала ее флотомъ. Сами испанскіе христіане все время были въ ополченіи. Ихъ успѣхи объясняются больше всего смутами у мусульманъ. Испанскіе арабы возстали противъ иноземцевъ, Моравидовъ (§ 54), которые превратились изъ „нищихъ" пустынниковъ въ изнѣженныхъ деспотовъ, руководимыхъ фанатичными муллами и, живя на счетъ мавровъ, плохо защищали ихъ отъ христіанъ. Этимъ воспользовались суровые, фанатичные, невѣжественные берберы въ горахъ Атласа — Могады или „единобожники". У нихъ явился махдій (§ 21), долго жившій въ пустынѣ да на кладбищахъ и побывавшій въ Багдадѣ: онъ ввелъ аскетизмъ, поселилъ фанатизмъ въ своемъ племени — и Моравиды были уничтожены (ок. 1150). Но вскорѣ Могадовъ постигла участь побѣжденныхъ. И они не только увлекались мѣстною культурой, но стали наслаждаться да угнетать мѣстныхъ арабовъ. Арабы измѣнили имъ и тѣмъ доставили великое торжество христіанамъ. Подъ знаменемъ Дѣвы Маріи, испанцы и крестоносцы, съ кастильцами и французами во главѣ, одержали небывалую побѣду подъ Толозой (1212): потерявъ всего нѣсколько сотенъ своихъ, они избили до 100.000 Могадовъ. Съ тѣхъ поръ пало господство ислама за Пиренеями. Ок. 1300 г. арагонцы, подвигаясь постепенно, послѣ ряда битвъ, взяли восточную Испанію, даже Балеары, Сардинію и Сицилію; португальцы достигли нынѣшнихъ границъ; кастильцы овладѣли Кордовой, Севильей и достигли Гибралтара. У мавровъ осталась сильная Гранада, куда стекались послѣдніе мусульмане со всей Испаніи; да и она стала вассаломъ Кастиліи. Подконецъ уже начинается новый періодъ въ исторіи Пиренейскаго полуострова. Окончилось „второе завоеваніе" (reconquista): христіане уже забываютъ о маврахъ и берутся за новыя задачи. Подъ вліяніемъ мавровъ же, развивается культура, блестящимъ образчикомъ которой служитъ соборъ въ Бургосѣ. А въ политикѣ крестовые походы смѣняются борьбой между монархизмомъ и феодализмомъ. Съ другой стороны, усиливающіеся короли начинаютъ вмѣшиваться въ дѣла Европы: Педро III арагонскій становится королемъ Сициліи, Альфонсъ X кастильскій — королемъ Германіи; послѣдній дерется еще съ англичанами и французами изъ-за аквитанскихъ земель.

Христіане легче справились бы съ исламомъ, еслибы и у

нихъ не свирѣпствовали раздоры. Кастилія и Арагонія съ трудомъ уничтожили Наварру и Каталонію (§ 54). Затѣмъ между ними кипѣла страстная, но безплодная борьба изъ-за взаимнаго поглощенія, въ которую вмѣшивалась Португалія. Въ Кастиліи и Арагоніи, сверхъ того, шла сословная борьба, разжигаемая притязаніями папства. Вслѣдствіе религіозныхъ войнъ, возвысилась власть Рима и духовенства, у котораго была полная независимость и больше земель, чѣмъ у короля и бароновъ: церковь поддерживалъ фанатизмъ, который привелъ къ созданію

Бургосскій соборъ. 13-го в.

трехъ рыцарскихъ орденовъ, одаренныхъ большими преимуществами. Но войны выдвигали также знать—грандовъ или рикосомбровъ (богачи) и хидальговъ (рыцари), которые вынуждали себѣ привилегіи, составляя „хунты“ (уніи) или конфедераціи: они обращались съ своими крѣпостными, почти какъ съ рабами. Впрочемъ, войны заставляли обращаться и къ помощи народа: отсюда развитіе фуеровъ (§ 54) въ городахъ и даже въ крупныхъ селахъ, которыя имѣли свои сильныя милиціи и составляли „германдады“—союзы для отстаиванія дорогихъ фуеровъ противъ знати и противъ самого короля. Сверхъ того, слабой коронѣ приходилось дѣйствовать противъ мавровъ съ

общаго согласія—и возникли, какъ мѣстныя, такъ и государственныя собранія, съ участіемъ горожанъ, или кортесы (отъ corto—дворъ). Въ Арагоніи, благодаря „сарагосской привилегіи" (1283), это учрежденіе развилось такъ, что она стала почти республикой: законы, назначеніе податей и министровъ—все зависѣло отъ кортесовъ, безъ согласія которыхъ „король не смѣлъ также никого казнить или посадить въ тюрьму". Когда кортесы собирались сами, безъ призыва короля, они назывались „парламентомъ". Арагонцы завели еще особую должность—хустицію, напоминавшаго древняго трибуна. Это—бывшій главный королевскій судья, который сталъ стражемъ закона и правъ народа: онъ призывалъ къ отвѣту всякаго чиновника и самого короля, который присягалъ передъ нимъ на колѣнахъ, съ открытой головой. Самъ хустиція подчинялся кортесовымъ „инквизиторамъ". Въ Португаліи, гдѣ было мало феодаловъ и смутъ, создавался абсолютизмъ. Короли давали права и свободу городамъ, облегчали земледѣліе (одного прозвали „другомъ крестьянъ"), развивали торговлю, промыслы и мореплаваніе. Опираясь на народъ, они смиряли бароновъ и изгоняли и бросали въ тюрьму прелатовъ, презирая отлученія и интердикты папы.

§ 82. **Западные славяне и русскіе. Тевтонцы. Скандинавы.**—Крестовые походы происходили еще у Балтики: здѣсь они связаны съ судьбами славянъ и литовцевъ (§ 52). Благодаря подвигамъ Вельфовъ и Асканцевъ (§ 71), нѣмцы захватили послѣднихъ полабскихъ славянъ (нынѣшняя Саксонія) и наложили дань на поморскихъ князьковъ; а ихъ купцы овладѣли торговлей всей Балтики. Здѣсь славяне частью были истреблены, частью замѣнены нѣмецкими и французскими переселенцами: ихъ языкъ былъ запрещенъ въ судахъ ок. 1300 г И на ихъ счетъ все росло маркграфство Бранденбургъ, которое уже захватило, около 1250 г., мѣсто, гдѣ стояла деревушка Берлинъ; а подлѣ образовалось графство Мекленбургъ (замокъ Микулы), гдѣ и теперь царствуютъ потомки князя бодричей, женатаго на дочери Генриха Льва. Польша не могла остановить нѣмцевъ: она сама подчинялась ихъ культурѣ и призывала ихъ колонистовъ; Силезія тогда совсѣмъ онѣмечилась. У поляковъ, точно также, какъ у чеховъ и русскихъ, свирѣпствовала борьба за удѣлы между членами царствующихъ домовъ (Р. И. §§ 36—37). Оттого въ Богеміи и Польшѣ усилились паны и духовенство, которые ограничивали власть князей и закрѣпощали народъ. Князья обращались за помощью къ Германіи, а та превра-

щала ихъ въ своихъ вассаловъ: чешскій князь сталъ королемъ и въ то же время „богемскимъ курфюрстомъ".

Чехи временно усилились лишь къ концу періода, при Оттокарѣ II (§ 78), который усердно поддерживалъ папу противъ гибеллиновъ и ходилъ помогать полякамъ противъ пруссовъ, гдѣ построилъ Кёнигсбергъ (Королевецъ): въ народной поэзіи борьба съ язычниками у Балтики сосредоточена вокругъ его героическаго облика. Нѣмцы называли его „Золотымъ Королемъ", татары—„Желѣзнымъ". Его владѣнія простирались отъ Балтики до Адріатики. Человѣкъ мягкій и великодушный настолько же, насколько пылкій и честолюбивый, Оттокаръ прививалъ къ чехамъ и цивилизацію, но чисто-нѣмецкую: онъ населилъ города, съ Прагой во главѣ, нѣмцами; его дворъ былъ полонъ миннезенгеровъ; тамъ говорили и одѣвались по-нѣмецки. Но нѣмцы же погубили Оттокара. Рудольфъ Габсбургъ, съ помощью венгровъ, разбилъ чеховъ при Дюррепкрутѣ. Оттокаръ палъ въ битвѣ. Поколѣніе спустя, около 1300 г., у чеховъ вымеръ родъ Премысличей, и на ихъ престолѣ утвердились нѣмцы: Богемія стала провинціей ихъ имперіи. Польша становилась также второю Германіей (Р. И. § 36); а подконецъ, избитая татарами, она представляла развалины: народъ отчаявался въ будущемъ, одичалъ, разбѣжался по лѣсамъ и наполнялъ монастыри; никогда въ Польшѣ не было столько святыхъ. У русскихъ усобицы не привели къ паденію національной независимости. Къ концу періода начиналось даже объединеніе русскаго народа, благодаря Суздалю, гдѣ монархизмъ настолько развился, что уничтожилъ Кіевъ и тѣснилъ независимый Новгородъ (Р. И. §§ 47—50). Оттого русскіе уже начали подчинять себѣ финскихъ эстовъ и литовскихъ ливовъ и куровъ, гдѣ еще Ярославъ I построилъ городъ Юрьевъ: ихъ походы на западъ изъ Новгорода и Полоцка все учащались.

Напротивъ, попытки поляковъ и нѣмецкихъ монаховъ захватить и крестить литовцевъ, особенно пруссовъ (между Нѣманомъ и Вислой), долго были безуспѣшны. Наконецъ, купцамъ изъ Бремена удалось проникнуть къ устьямъ Западной Двины, а съ ними прибыли энергичные монахи изъ Голштиніи, основавшіе Ригу (1187). Вскорѣ Иннокентій III объявилъ крестовый походъ для крещенія сѣверныхъ язычниковъ и назначилъ ливонскимъ епископомъ Альберта бременскаго. Альбертъ основалъ (ок. 1200), по уставу храмовниковъ, духовно-рыцарскій орденъ меченосцевъ, которые носили бѣлый плащъ съ выши-

тымъ краснымъ крестомъ и мечемъ. Папа и императоръ дали имъ право владѣть землями обращенныхъ. Такъ образовалось ѳеократическое государство, которое не столько крестило, сколько истребляло язычниковъ, замѣняя ихъ нѣмецкими колонистами. Вскорѣ меченосцы захватили все побережье отъ Двины до Финскаго залива, не исключая русскаго Юрьева, который они переименовали въ Дерптъ. Они цивилизовали страну, построивъ города Венденъ, Феллинъ и др. Но имъ грозила гибель: ихъ было немного (и теперь нѣмцевъ тамъ менѣе 10%); ихъ ненавидѣли язычники за жестокость; а у нихъ самихъ епископъ съ магистромъ ордена боролись изъ-за власти. Ихъ спасла помощь съ запада. Среди пруссовъ появился дѣятельный нѣмецкій монахъ, Христіанъ, который, съ помощью мазовецкаго князя, Конрада, крестилъ язычниковъ и построилъ крѣпкій Кульмъ. Папа далъ ему титулъ прусскаго епископа, а императоръ— права владѣтельной особы.

Но Христіанъ и Конрадъ не могли справиться съ пруссами и призвали на помощь рыцарей тевтонскаго ордена (§ 68), которые уже покидали Палестину, переселяясь частью въ южную Италію, частью въ Венгрію. Иннокентій III объявилъ крестовый походъ, отпуская грѣхи даже убійцамъ и расторгая браки: масса всякаго нѣмецкаго сброда стеклась въ армію тевтонцевъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ горькаго опыта, искатели приключеній уже не увлекались Палестиной. Гордясь званіемъ христіанина, рыцаря и нѣмца, этотъ сбродъ сталъ немилосердно крестить пруссовъ огнемъ и мечемъ и выгналъ перваго труженика, Христіана: оторванные отъ культуры Запада, нѣмецкіе рыцари превращались въ звѣрей на этихъ дикихъ мѣстахъ; только купцы приносили сюда сѣмена цивилизаціи и строили города. Вскорѣ тевтонцы стали силой въ этомъ заброшенномъ углу Европы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слабые меченосцы соединились съ ними (1237). Они заняли всю Балтику, почти отъ Вислы до Невы, грабили русскихъ подъ Псковомъ и даже у Новгорода, построили много городовъ (Данцигъ, Торнъ, Эльбингъ, Митава), съ столицей Маріенбургомъ, основали нѣсколько епископствъ съ архіепископомъ рижскимъ во главѣ. Нигдѣ онѣмеченіе не шло такъ быстро: въ началѣ 14-го в. уже утвердился нѣмецкій языкъ. Всѣ лучшія земли были захвачены рыцарями; и горька была участь закрѣпощенныхъ туземцевъ: въ литовской пѣснѣ грустно описывается родная земля, „гдѣ текутъ кровавые ручьи, гдѣ мосты изъ ко-

стей, гдѣ горы мечей, а мужи лежать, какъ дубы". Но рыцари уже начинали пожинать плоды своего безчеловѣчія. Туземцы были рады, когда выступили русскіе, остановившіе напоръ нѣмцевъ на востокъ. Вскорѣ послѣ пораженія рыцарей Александромъ Невскимъ (1242), поднялись и литовцы отъ Двины до Вислы: у нихъ родовой бытъ палъ при Миндовгѣ, который сталъ великимъ княземъ и, въ союзѣ съ русскими, билъ и истязалъ рыцарей въ самой Ливоніи (Р. И. §§ 78, 86).

Тогда же у нѣмцевъ возникъ новый соперникъ на сѣверѣ— скандинавы. Изъ трехъ государствъ Скандинавіи (§ 49) только въ Норвегіи было спокойно: тамъ сохранялось свободное крестьянство, съ помощью котораго короли подчинили себѣ мятежное духовенство и утвердили престолонаслѣдіе по прямой линіи. Но въ Швецію и Данію проникъ феодализмъ. Особенно слаба была корона въ Швеціи: тамъ и государственное собраніе называлось „господскимъ сеймомъ", такъ какъ состояло только изъ ярловъ и прелатовъ. Аристократы погубили многихъ королей, пока не воцарилась древняя фамилія Фолькунговъ, въ лицѣ Биргера и его сыновей (1250). Биргеръ основалъ Стокгольмъ, ввелъ хорошее управленіе и раздвинулъ предѣлы государства, окрестивъ сѣверныхъ язычниковъ. Но въ Финляндіи, куда христіанство было принесено около 1150 г., Александръ Невскій остановилъ напоръ шведовъ (1240). Успѣшнѣе было движеніе датчанъ на востокъ, когда, послѣ ужасовъ феодализма, у нихъ воцарился Вольдемаръ II († 1241), который привлекъ къ себѣ низшіе классы, съ помощью доброй, воспѣтой въ поэзіи жены своей, Дагмары. Вольдемаръ смирилъ бароновъ, завелъ небывалый флотъ и армію, уничтожилъ вассальную зависимость отъ Германіи, взялъ у поморскихъ славянъ Рюгенъ съ храмомъ въ Арконѣ и покорилъ эстовъ, у которыхъ основалъ Ревель. Передъ нимъ трепетало все побережье отъ Шлезвига до Финскаго залива, не исключая тевтонцевъ: его называли Побѣдителемъ, а также „королемъ датчанъ и славянъ". Но, наконецъ, нѣмцы одолѣли его и забрали его завоеванія; а въ Даніи снова водворилась феодальная смута.

§ 83. **Южные славяне, валахи, венгры и Византія. Татары и османліи.** — Южные славяне пережили много треволненій. Съ паденіемъ болгарскаго царства (§ 52), почти всѣ они подчинились Византіи. Но лѣтъ 150 спустя, они снова встрепенулись. Среди нихъ опять произошелъ переворотъ, напоминавшій вторженіе болгаръ (§ 16): появились ва-

лахи, которыхъ называютъ теперь румынами. Эти незнакомцы, дѣйствительно, происходили отъ римскихъ колонистовъ, поселенныхъ Траяномъ въ Дакіи (Д. И. § 265) или Трансильваніи: языкъ у нихъ испорченный латинскій; въ ихъ преданіяхъ Траянъ женится на Дакіи и строитъ Траяновы валы и мосты; млечный путь—дорога Траяна, а молнія—его мечъ; въ ихъ сельской жизни сохранились римскіе обычаи и обряды. Во время переселенія народовъ, валахи притаились въ ущельяхъ Карпатъ, откуда вышли потомъ и распространились по нынѣшней Трансильваніи, Буковинѣ, Бессарабіи и Румыніи. Мало того: съ 12-го в., пользуясь паденіемъ Византіи, они заняли многія мѣста Балканскаго полуострова, до Эпира (здѣсь это—цинцары, морлахи), и отчасти слились съ болгарами, отъ которыхъ получили восточное православіе и свое церковное письмо. Здѣсь они ютились на скалахъ неприступныхъ ущелій да въ покинутыхъ греками крѣпостяхъ, поражая всѣхъ и своею дикой отвагой, и своими черными бурками, и своею горскою легкостью, подвижностью. При Исаакѣ Ангелѣ, одинъ изъ валашскихъ вождей, Асѣнь, помогъ болгарамъ освободиться отъ Византіи: онъ создалъ второе болгарское царство, столицей котораго стало Терново. Его братъ, Іоаница (Іоанникій), отомстилъ грекамъ за болгаръ: онъ истреблялъ ихъ съ такою жестокостью, что былъ прозванъ Ромайобойцемъ. Во время Латинской имперіи болгары съ валахами безпрерывно тревожили ея предѣлы, жестоко мучили ея плѣнниковъ и разоряли ея города. Но подконецъ пало и новое болгарское царство: его подрывали и внутреннія усобицы, и вѣчная борьба съ сосѣдями. Одно время оно подчинялось даже сербамъ, которые стали возвышаться при Стефанѣ Неманѣ, когда они завоевали часть Босніи съ Герцеговиной и Черногорію.

Успѣхи сербовъ были задержаны венграми, которые все усиливались, несмотря на крамолу могучихъ владыкъ и магнатовъ, на усобицы при дворѣ и борьбу съ поляками, русскими, татарами и куманами (половцами). Ихъ поддерживалъ наплывъ нѣмцевъ, которые, пользуясь смутами, занимали лучшія земли (саксы въ Трансильваніи) и заводили богатые города на правахъ свободныхъ общинъ. Знать также пріобрѣла льготы, когда Андрей II легкомысленно предпринялъ крестовый походъ (§ 74): она вынудила у него (1222) основу нынѣшней конституціи—Золотую Буллу. Венгры успѣшно боролись съ нѣмцами, сербами, венеціанцами и греками изъ-за южныхъ славянъ; они

захватили хорватовъ и словенцевъ (Кроація, Боснія, Герцеговина) и отняли у дожа Далмацію. У Адріатики уцѣлѣлъ только славянскій Дубровникъ (Рагуза), который сталъ, подобно Венеціи, республикой и велъ торговлю отъ Египта до Англіи. Развитіе Венгріи было остановлено нашествіемъ татаръ, которые превратили ее въ пустыню. Послѣ татаръ, венграмъ пришлось бороться съ Оттокаромъ II; у нихъ снова пылали усобицы и крамола магнатовъ; а въ 1301 г. прекратился родъ Арпада. Его послѣдняя представительница вышла замужъ за одного изъ неаполитанскихъ Анжуйцевъ (§ 77), отъ котораго у нея былъ сынъ, Карлъ Робертъ.

Неурядицы въ Венгріи тяжело отражались на участи южныхъ славянъ, тѣмъ болѣе, что тогда же настало разложеніе Византіи. Преемники Македонцевъ (§ 53), Комнены, были храбры и энергичны. Они вводили западные обычаи, рыцарскіе нравы и брачились съ европейскими дворами. Но подконецъ они отличались жестокостью и коварствомъ: ихъ характеризуетъ Алексѣй (§ 67), этотъ типъ лицемѣра и обманщика, какъ видно даже изъ біографіи-панегирика, составленной его дочерью, Анной. Въ то же время Византію тѣснили новые враги—половцы, валахи, сельджуки и крестоносцы. Вскорѣ придворная революція уничтожила Комненовъ; ихъ смѣнила бездарная и кровавая династія Ангеловъ, которые истребляли сами себя. Исаакъ Ангелъ отнялъ у болгаръ послѣднія стада—и они возстали, возстановили свое царство. Онъ самъ палъ жертвой жестокости своего брата, и участіе крестоносцевъ не спасло его (§ 74). А между тѣмъ крестоносцы навѣки подорвали величіе и блескъ Византіи. Грекамъ некогда было оправляться послѣ паденія Латинской имперіи: при смерти перваго Палеолога, въ Малой Азіи возникъ послѣдній врагъ Византіи, погубившій ее. То было новое нашествіе туранцевъ.

Около 1150 г., въ глубинѣ Азіи, за Каспіемъ и Араломъ, опять началось великое переселеніе народовъ. На этотъ разъ толчкомъ къ движенію послужили татары или монголы (Р. И. § 80). Эти дикіе идолопоклонники начали напирать изъ глубины Гоби на западъ, тѣсня новыя турецкія орды, которыя, въ свою очередь, насѣдали на сельджуковъ. Эти орды дѣйствовали вразсыпную—и сельджукскіе эмиры брали ихъ въ плѣнъ и продавали по всей Передней Азіи, какъ „мамелюковъ", т.-е. „купленныхъ рабовъ". Изъ нихъ-то, съ прибавкой кавказскихъ горцевъ, составили свою гвардію ослабѣвшіе послѣ Саладина

каирскіе халифы (§ 79). Но мамелюки поступили съ своими господами такъ же, какъ сельджукскіе тѣлохранители съ Аббасидами: они стали распоряжаться престоломъ Египта. Въ то же время они опустошали сельджукскій Ховарезмъ и знаменитую Гасну (§ 55), отъ которой осталось теперь лишь два высокихъ минарета у жалкой деревушки. Эти „цари-рабы" даже господствовали болѣе полустолѣтія въ Индостанѣ. Но все это были только намеки на ужасы нашествія самихъ татаръ (ок. 1200), которые были тогда вытѣснены съ востока своими вѣчными врагами, китайцами.

Это нашествіе связано съ именемъ Темучина. Всѣ національныя сказки монголовъ сплетены съ этимъ чудовищемъ, который самъ называлъ себя „бичемъ Божіимъ" и считалъ звѣрскій деспотизмъ высшимъ наслажденіемъ человѣка. Его родъ происходилъ отъ оборотней, Оленя и Лани, потомковъ праотца всѣхъ туранцевъ, Сѣраго Волка. Лань, рожденная отъ дѣвственницы, сама произвела на свѣтъ безгрѣшно (послѣ посѣщенія ея ангеломъ въ видѣ солнечнаго луча) одного богатыря, отъ котораго произошли предки Темучина. Мать послѣдняго была тоже богатырша и жена святого, который посѣщалъ небеса на облачныхъ коняхъ. Темучину съ 13 до 30 лѣтъ пришлось испытывать всевозможныя бѣдствія отъ злой родни: онъ блуждалъ по степи, какъ „казакъ" или изгой (Р. И. § 28). Но то была натура повелительная, дальновидная и твердая: „доводи всякое дѣло до конца" — было его правиломъ. Подобравъ отважную дружину молодежи, подчинивъ ее искусному военному строю и молодымъ отчаяннымъ полководцамъ (самъ онъ заправлялъ всѣмъ, но не давалъ битвъ), Темучинъ сварилъ въ 70 котлахъ враждовавшихъ между собой родовыхъ князьковъ Монголіи: онъ не пощадилъ и своего дядьку и опекуна, христіанина Тогрула, который носилъ титулъ „оанга" (царя), послужившій основою сказки о царствѣ „попа Іоанна". Старый священный городъ Каракорумъ, у Байкала, сталъ столицей великаго татарскаго царства. Здѣсь, въ 1206 г., собрались князья 19-ти туранскихъ народовъ, — этихъ малорослыхъ, кривоногихъ, скуластыхъ, но выносливыхъ, расторопныхъ, отчаянныхъ людей, которые „разъ на конѣ, не знали своихъ отцовъ" и „родившись въ домѣ, умирали въ полѣ". Они провозгласили Темучина Чингисханомъ или Непреклоннымъ Владыкой, т.-е. самодержцемъ, но обязаннымъ исполнять Ясу или Уставъ, какъ назывался у нихъ сводъ обычнаго права, проникнутый духомъ рабскаго повиновенія. А онъ объявилъ своихъ татаръ единою

націей Синихъ (Синій Царь — древнѣйшее божество монголовъ), — „чистою, какъ горный хрусталь, и царящею надо всѣмъ, что̀ пресмыкается на землѣ". И начался 20-лѣтній кровавый ураганъ.

Маститый Китай, несмотря на появившееся тамъ тогда огнестрѣльное оружіе, былъ разгромленъ въ мигъ. Это потрясло умы азіятовъ, — и Синіе захватили весь востокъ отъ Сибири до Тибета и Памира: они показывались даже въ Японіи, Индо-Китаѣ и на Явѣ. Затѣмъ татары бросились на западъ. Они сразу сломили Ховарезмъ, владѣвшій почти всѣми землями ислама за Тигромъ: его султанъ, Мухаммедъ Воитель, „второй Александръ", погибъ, полунагой и голодный, на островкѣ Каспія, въ слезахъ и молитвахъ; а его семья, спрятанная въ горахъ, была найдена и перебита (§ 79). Полчища Чингисхана прошли до Индіи; а самъ онъ устроилъ свою „орду" (царскую стоянку) въ Самаркандѣ. Отсюда полетѣли его орлы, непобѣдимые Джебе и Субутай. Всего съ 25.000 кровожадныхъ безумцевъ, вихремъ пронеслись они черезъ Кавказъ, разсыпая золото пригоршнями для покорныхъ и истребляя строптивыхъ. Они уничтожили отряды армянъ, грузинъ, алановъ, черкесъ, лезгинъ и соплеменныхъ имъ половцевъ и разбили русскихъ при Калкѣ (Р. И. § 81); но отъ Днѣпра повернули на востокъ, помяли камскихъ болгаръ и изъ-за Каспія возвратились въ свою орду. Злодѣйства Синихъ были безпримѣрны. Они рѣзали людей, какъ стада барановъ: въ одномъ городѣ изъ 100.000 уцѣлѣло только 40 человѣкъ, скрывшихся въ сосѣднихъ ущельяхъ; мѣстами народъ и теперь слышитъ стоны истерзанныхъ жертвъ въ окрестной степи. Тяжко было и иго монгольское: вездѣ ставились ямены (палачи), баскаки и численники, безпощадно собирался ясакъ и заводились ямы (Р. И. §§ 83, 159); вездѣ укоренялся духъ китайскаго чиновничества, съ его крайнимъ формализмомъ и бумажнымъ производствомъ. Но затѣмъ наставало полное спокойствіе и порядокъ, при строжайшемъ исполненіи Ясы. И нигдѣ никогда Синіе не касались религіи: они даже покровительствовали мѣстному духовенству.

Послѣ Чингисхана, который умеръ на дорогѣ въ Каракорумъ, его внукъ, Батый, воцарился на Волгѣ и прошелъ на западъ до Венгріи; другая часть его орды разрушила Краковъ, разбила силезскаго герцога подъ Лигницомъ (1241) и добралась до Дуная и Адріатики. Устрашенный папа послалъ своего легата, Плано Карпини, къ главѣ монголовъ, въ Каракорумъ. Впрочемъ стальное рыцарство, крѣпкіе замки и монастыри, а также извѣстіе о

смутахъ въ Каракорумѣ заставили Батыя повернуть назадъ. Онъ основалъ ту Золотую Орду, которой около 200 л. подчинялись русскіе (Р. И. §§ 80—94).

А братъ Батыя, Хулагу, продолжалъ завоеванія Чингисхана въ Передней Азіи. Въ его ордѣ было много христіанъ, главою которыхъ считалась внучка Тогрула. Они ненавидѣли мусульманъ — и Хулагу осыпалъ ихъ милостями; онъ даже предложилъ Людовику IX, шедшему тогда на Египетъ, союзъ противъ ислама. Но Людовикъ и посланный имъ въ орду монахъ, Рубруквисъ, не поняли своей выгоды и грубо отказали татарамъ въ помощи. Крестоносцы были уничтожены въ Египтѣ; а Хулагу одинъ расправился съ исламомъ. Татары покорили Персію, Месопотамію, Румъ и уничтожили Аламутъ (§ 55). Багдадскій халифъ, послѣдній Аббасидъ, Мустасимъ, былъ казненъ (1258), со всѣмъ своимъ родомъ; Хулагу взялъ себѣ его 700 женъ и 1.000 евнуховъ, а также его сокровища, которыя горой лежали въ палаткѣ побѣдителя. Но монголы не пошли дальше Тигра: въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ уцѣлѣли турецкіе эмиры. Вскорѣ громадная держава Чингисхана распалась, тѣмъ болѣе, что монголы Туркестана, Персіи и Золотой Орды приняли исламъ, а ихъ сюзеренъ, китайскій богдыханъ, перешелъ въ буддизмъ и совсѣмъ окитаился. Какъ полудикари, татары подчинялись мѣстнымъ цивилизаціямъ—персидской, китайской, буддійской; а затѣмъ они были изгнаны туземцами, не оставивъ слѣда. Но для Европы важно одно изъ косвенныхъ послѣдствій ихъ погромовъ. Спасаясь отъ Чингисхана, одна турецкая орда, кочевавшая въ Туркестанѣ, была выведена Сулейманомъ къ соплеменнымъ сельджукамъ, которые дали ей пограничный съ греками Дорилеумъ. Внукъ Сулеймана, Османъ, далъ имя новымъ туркамъ—„османліи": онъ, его жена-красавица и ихъ сынъ, Урханъ, — любимые герои турецкой поэзіи. Ок. 1300 г. Османъ забралъ Малую Азію у Византіи, завелъ флотъ, овладѣлъ нѣсколькими островами и назвался султаномъ. Возобновлялось начало магометанства, но съ фанатизмомъ и свирѣпостью, приличными полудикимъ туранцамъ.

§ 84. **Культура византійская и славянская.**—Византійская культура доживала послѣдніе дни, едва держась подъ ударами сарацинъ и крестоносцевъ, которыхъ уже смѣняли османліи. До Латинской имперіи Византія отчасти сохраняла еще старое обаяніе (§ 57) для Запада, какъ хранительница классицизма, а также по своему внѣшнему блеску. Импера-

торы все еще не забывали меценатства, а Комнены, выставившіе рядъ искусныхъ и дѣятельныхъ правителей, принимали прямое участіе въ литературѣ. Но при Ангелахъ всеобщее паденіе становилось уже очевиднымъ. Происходили самые печальные дворцовые перевороты—съ участіемъ подонковъ столичной черни и наемниковъ. Никогда не было столько щпіонства и жестокихъ казней, по самымъ ничтожнымъ политическимъ подозрѣніямъ и изъ-за фанатизма. Никогда массы не страдали такъ отъ налоговъ, тѣмъ болѣе, что богатѣйшая церковь была освобождена отъ нихъ, а иностранные купцы не платили пошлинъ. Въ случаѣ войны, приходилось обдирать украшенія съ иконъ и императорскихъ гробницъ, хотя къ чести казны, она никогда не прибѣгала къ порчѣ денегъ: византійская монета до конца была любимицей даже всего Запада. Еще больше страдалъ народъ отъ массы жаднаго чиновничества: по деревнямъ правители брали взятки „даже яблоками и дынями". Торговлю почти совсѣмъ перехватили итальянцы; а промышленность чахла отъ уничтоженія цеховыхъ вольностей и отъ произвола надсмотрщиковъ. Флота почти вовсе не было: противъ пиратовъ нанимали пиратовъ же или итальянцевъ. Армія изъ всякихъ наемниковъ и плѣнниковъ, отъ грузинъ, абхазцевъ, печенѣговъ, кумановъ, варяговъ и сельджуковъ до испанцевъ и англичанъ, была жалка: даже греческій огонь и баллистика (осадныя орудія) стали хуже западныхъ; а заброшенныя крѣпости захватывали валахи.

Королевская власть падала: ее поддерживало только духовенство; но его приходилось одарять все новыми милостями и ублажать сожженіемъ и потопленіемъ богомиловъ цѣлыми тысячами. Усиливались динаты (§ 57), особенно духовные; а стратіоты (мелкіе служилые) и крестьяне-собственники исчезали. Рядомъ росло крѣпостничество, и было много рабовъ: родители отъ нужды продавали своихъ дѣтей. Церковь не учила народа— и невѣжество, языческія суевѣрія овладѣвали даже помѣщиками. Полуграмотные монахи истребляли древнія рукописи среди попоекъ. Шайки „меланхленовъ" (чернорizцевъ) или „демоновъ" бродили по странѣ, со сворами злыхъ псовъ: подъ предлогомъ истребленія еретиковъ и язычниковъ, онѣ грабили народъ и за деньги творили чудеса, продавали лже-святыни. А рядомъ развивался аскетизмъ: изобрѣли 3.000 эпитемій, закапывались въ землю по колѣна, „чтобы походить на столбы". Палъ и эллинизмъ, эта основа сплоченія Византійской имперіи:

отовсюду вторгались иностранцы, которыхъ призывало само разслабленное правительство; вліяніе Запада сказывалось даже въ названіи мѣстныхъ феодаловъ—„кавалларіи". Пышная имперія разлагалась: отпали Кипръ, Трапезунтъ и Пелопоннесъ, до того ославяненный, что въ Тайгетѣ былъ Славохоріонъ или Славянская Страна; всюду возникали независимые „архонты, приматы, топархи, филархи". Пограничные города передавались сельджукамъ или болгарамъ; греки радовались, въ 1204 г., крестоносцамъ, какъ римляне — варварамъ, при паденіи Западной имперіи.

Исчезало творчество и въ культурѣ. Изсякла даже дѣятельность въ законодательствѣ и искусствѣ. Рѣдко издавались новеллы (новые законы). Почти не созидали новыхъ храмовъ; а если строили, то мрачныя и тѣсныя церкви. Изобразительныя искусства заглохли, подорванныя иконоборствомъ и господствомъ подлинниковъ (Р. И. § 123). Если въ литературѣ замѣчалось еще оживленіе, то лишь внѣшнее: выходило много стиховъ, сатиръ, даже драмъ, въ особенности же романовъ. Но поэты стали исключительно грамматиками, образцомъ которыхъ служитъ Іоаннъ Цецъ: его стихи — кропотливая, сухая переработка Гомера да разсказы изъ миѳологіи и исторіи, интересные только по массѣ ученыхъ замѣтокъ объ античномъ бытѣ. Попрежнему много занимались исторіей, и у Зонары, Никиты Акомината, Анны Комненой замѣтны еще слѣды классицизма. Но Никитою, пережившимъ водвореніе латинянъ въ Греціи, руководила ненависть къ Западу; а Анна написала тщеславный панегирикъ своему отцу. У ихъ преемниковъ еще больше педантизма, пристрастій и легковѣрія. Историками погибели Византіи, Грегорой и Халкондилой, окончилась византійская письменность среднихъ вѣковъ: они описали событія 1204—1462 гг. Только на народномъ языкѣ допѣвались лирическія и эпическія пѣсни погибающей націи. Со времени Латинской имперіи исчезаетъ культурное вліяніе Византіи на Западѣ даже въ искусствѣ. Господа Греціи, латиняне, стали презирать грековъ; ихъ культура уже становилась на свои ноги въ то время, какъ Византію начали тѣснить османліи.

Попрежнему византійское вліяніе сохранялось только у южныхъ и восточныхъ славянъ, да по временамъ захватывало Венгрію. Благодаря ему, развивалась болгарская письменность, переходившая въ Россію, и началась письменность въ Сербіи, гдѣ придворная жизнь была сколкомъ съ византійской.

Русскіе еще жили византійскою культурой (Р. И. §§ 58—71). Правда, подконецъ они начинали освобождаться отъ этого вліянія: у нихъ вырабатывался книжный языкъ, народная поэзія и проповѣдь, возникъ суздальскій стиль въ зодчествѣ, съ примѣсью романскихъ и персидскихъ мелочей, а на сѣверѣ явились нѣмецкіе зодчіе; князья начинали обращать вниманіе и на латинскій языкъ. Но нашествіе татаръ остановило развитіе этихъ зачатковъ новой цивилизаціи, бывшей плодомъ сношеній не съ одною Византіей. У западныхъ славянъ, также какъ у венгровъ, попрежнему господствовала культура Запада. Она охватила и послѣднихъ славянскихъ язычниковъ отъ Эльбы до Вислы (§ 82). Здѣсь, по почину „апостола Помераніи", епископа бамбергскаго, Оттона, нѣмецкіе монахи утверждали христіанство. Имъ помогала власть въ лицѣ Альбрехта Медвѣдя и Генриха Льва (§ 71). Подвиги этихъ тирановъ, напоминавшіе расправу Карла съ саксами, назывались „крестовыми походами противъ вендовъ"; ихъ знаменемъ былъ крестъ на кругѣ—символъ міродержавія. Съ помощью чеховъ и поляковъ, Альбрехтъ и Генрихъ истребляли родовыхъ князьковъ и мучили самихъ поморянъ, часто возстававшихъ противъ ихъ гнета. Но они привели много переселенцевъ изъ Саксоніи, Голштиніи и Нижняго Рейна — и среди полудикарей развились земледѣліе и скотоводство, возникли города (Мекленбургъ, Ростокъ), а на морѣ появились торговыя суда вмѣсто пиратовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, настало упорное онѣмеченіе славянъ, которому помогало потомъ усиленіе тевтонскаго ордена (§ 82).

§ 85. **Культура арабская.** — Исламъ не переставалъ распространяться. Подконецъ онъ снова показалъ свою замѣчательную гибкость, умѣнье приноравливаться къ средѣ: въ него переходили татары не только Персіи и Туркестана, но и отдаленной Золотой Орды и самой Монголіи. Исламъ побѣдилъ здѣсь болѣе ранніе зачатки христіанства, чему способствовали сами папы, проклинавшіе ересь несторіанъ, которая одна и имѣла успѣхъ среди монголовъ. Но туранцы же содѣйствовали паденію арабской культуры, которое началось съ конца прошлаго періода (§ 56). Она не двинулась ни на шагъ впередъ при сельджукахъ, въ теченіе двухъ вѣковъ. Тогда только выходили плохіе учебники старой науки, а главное—развивались мистика и аскетизмъ суфизма: оттуда идутъ почти всѣ нынѣшніе ордена дервишей, съ „плясунами, воющими и вертунами" во главѣ. Монголы уничтожили самую возможность возрожденія

арабской культуры. При нихъ Багдадъ погрузился въ нынѣшнее запустѣніе. Заглохли даже старые торговые пути черезъ Переднюю Азію: окитаившись въ Пекинѣ, татары открыли морской путь на западъ—черезъ Кантонъ, Малакку, Цейлонъ, Индію и Аравію. Татары уничтожили даже „Орлиное Гнѣздо“ ассасиновъ (§ 83), которые уже предавались не убійствамъ, а наукамъ, завели свою библіотеку, обсерваторію, физическій кабинетъ. Погибли и Гасневиды, послѣдніе отпрыски которыхъ исчезли въ Лагорѣ.

Держалась только, въ Ширасѣ, персидская поэзія, прямая наслѣдница арабской. Но и здѣсь эпосъ выродился въ напыщенные романы—плохое подражаніе Фирдуси; его подавляла жалкая лирика—панегирики сельджукскимъ султанамъ да пантеистическая мистика Индіи и фанатизмъ софъ. Главный поэтъ, назидательный Руми, требовалъ созерцательнаго погруженія въ божество посредствомъ уничтоженія собственной личности: онъ основалъ орденъ вертящихся дервишей. Въ концѣ періода мистицизмъ даже вызвалъ протестъ реализма: „Гюлистанъ“ (Розовый садъ) Саади, бывшаго въ плѣну у христіанъ, представляетъ собой чистую и кроткую философію здороваго человѣка: онъ полонъ любви къ радостямъ жизни, пониманія природы и сердца; онъ бичуетъ фанатиковъ и деспотовъ. Но въ 14-мъ в. у персовъ настаетъ умственное затменіе: ихъ лучшій поэтъ былъ дервишемъ и прорицателемъ, назывался Гафисомъ (Хранитель Вѣры), а подъ старость сталъ пылкимъ пѣвцомъ земныхъ наслажденій. Съ нимъ прекращается арабо-персидская культура. Ей начали подражать турки; но они оказались бездарными.

Собственно арабская культура попрежнему сосредоточивалась въ Испаніи да въ Сициліи, гдѣ норманны употребляли даже геджру, арабскій языкъ въ документахъ, арабскую монету и содержали гаремы. Но и здѣсь она слабѣла, подъ вліяніемъ фанатизма, распаленнаго крестовыми походами. Въ матеріальномъ быту не прибавилось ничего новаго. Филологи и историки напоминали византійскихъ грамматиковъ и панегириковъ. Распространялись астрологія и алхимія. Географія переполнилась нелѣпыми сказками, хотя она служила христіанамъ до самаго Колумба. Сохранялась свѣжесть только въ сильной сторонѣ арабскаго генія—въ искусствѣ и философіи. Тогда вполнѣ созрѣлъ мавританскій стиль (§ 56), остатками котораго усѣяны Севилья, Толедо, Марокко, Фецъ. Онъ проникъ даже къ сицилійскимъ норманнамъ и обогатился въ Египтѣ знаменитыми

мавзолеями съ куполомъ; его вліяніе замѣтно во всемъ христіанскомъ искусствѣ; въ формѣ армянскаго типа, онъ прошелъ къ иконійскимъ сельджукамъ. Въ концѣ періода, въ Гранадѣ началась эпоха его высшаго процвѣтанія. Арабскаи философія увѣнчалась великими твореніями Аверроеса († 1198). Знатный родомъ, врачъ и другъ кордовскаго эмира, Аверроесъ сталъ подъ старость жертвой реакціи улемовъ, которые донесли, будто онъ еретикъ и умаляетъ титулъ своего государя. Эмиръ сжегъ его книги; толпа выгнала его изъ мечети и сочинила, будто онъ колесовалъ пріѣзжавшаго къ нему Авицену; ученики даже не упоминали его имени; историки долго чернили его память.

Реакція, поддержанная поклонниками Аль-Газеля (§ 56), Могадами, распространилась на всѣхъ философовъ, которые стали лицемѣрить или работали тайкомъ, а вскорѣ перевелись: въ Египтѣ и теперь „философъ“ — бранное слово, все-равно, что „фармасунъ“. Оттого у Аверроеса, въ теченіе 4 вѣковъ, было много учениковъ среди евреевъ и христіанъ, а мусульмане вскорѣ забыли самое его имя. Аверроесъ, подобно Цицерону и Боэцію, имѣетъ значеніе составителя свода, энциклопедіи падающей культуры для передачи ея потомкамъ. Въ математикѣ, медицинѣ, правовѣденіи онъ прямо излагалъ древнихъ. Важнѣе его „Комментаріи“ къ Аристотелю, котораго онъ считалъ „высшею степенью человѣческаго превосходства“. Говорили, что „природа истолкована Аристотелемъ, а Аристотель — Аверроесомъ“, хотя первый былъ знакомъ послѣднему только по арабскимъ переводамъ съ сирійскаго. Изложеніе у Аверроеса ясное и живое, пересыпанное полемикой, особенно съ его соперникомъ, Авиценой. Здѣсь — все ученіе Стагирита (Д. И. § 155), съ небольшими отступленіями. У Аверроеса источникомъ жизни, которая развивается постепенно и по законамъ, служитъ движеніе, какъ плодъ теплоты; оно вѣчно и несотворенно такъ же, какъ и матерія. Безсмертіе заключается въ памяти потомства. „Опасный вымыселъ—представлять себѣ добродѣтель лишь средствомъ достиженія счастья. Я зналъ людей вполнѣ нравственныхъ, которые отвергали всѣ эти басни“. Женщина равна мужчинѣ по способностямъ: „только рабство, въ которомъ держитъ ее наше общество, не позволяетъ намъ оцѣнить всѣ ея силы“. „Лучшая религія — религія философовъ, которая состоитъ въ изученіи всего, что есть“, — фраза, выпущенная въ латинскихъ переводахъ. Со смертью Аверроеса исчезаетъ арабская философія, побѣжденная Кораномъ: она превращалась въ богословскую

мистику. Мусульмане зачитывались „Философомъ-Самоучкой“ Ибн-Тофайля (Абубацеръ у христіанъ), осѣненнаго, въ пустынѣ, „внутреннимъ свѣтомъ“—книжкой, которую любили христіанскіе мистики и квакеры.

Но философія сохранилась у евреевъ. Ея слѣды ясны даже въ каббалѣ—мистическомъ ученіи, которое выработалось тогда, хотя зародыши его идутъ со временъ гностицизма (Д. И. § 271): каббала стоитъ за свободу мысли противъ Талмуда, хотя въ ней есть и магія—аллегорическая игра въ буквы, слова и цифры. Подъ вліяніемъ арабскаго Аристотеля, среди еврейскихъ богослововъ появилось много раціоналистовъ, отвергавшихъ даже чудеса. Авероеса призналъ „еврейскій Аристотель“, Маймонидъ, который утверждалъ, что Откровеніе не должно противорѣчить разуму, возставалъ противъ обрядности такъ же, какъ противъ астрологіи, и хотѣлъ замѣнить Талмудъ своею раціоналистическою „Мишна-Тора“. Ревнители синагоги, а потомъ и папы, проклинали Маймонида и жгли его книги; но его ученіе овладѣло еврейскою интеллигенціей. Съ побѣдой христіанъ въ Испаніи, гонимые евреи разсѣялись по Европѣ; они служили врачами и астрономами у христіанъ и заводили школы, гдѣ учились христіанскіе мыслители до 16-го в. Евреи особенно утвердились въ Провансѣ; здѣсь у нихъ процвѣтала арабская культура—точныя науки и безчисленные переводы Авероеса на еврейскій, а потомъ и на латинскій языкъ.

Эта роль евреевъ не прерывалась до конца среднихъ вѣковъ. Ихъ ученые уже около 1150 г. были собраны архіепископомъ толедскимъ, Раймондомъ, въ коллегію, которая положила начало переводамъ арабскихъ философовъ на латинскій языкъ. Около 1200 г. появился и первый переводъ Авероеса, который былъ представленъ Фридриху II и рекомендованъ имъ итальянскимъ университетамъ. Тогда же началось вліяніе арабскихъ философовъ на схоластику: ихъ, вмѣстѣ съ греческими философами, называли philosophi antiqui, а схоластиковъ—philosophi latini. Душой авероизма стали францисканцы, центромъ его—парижскій университетъ (отчасти оксфордскій) и знаменитая улица Фуарръ: здѣсь образовалась цѣлая школа профессоровъ-авероистовъ, которая увлекала молодежь и становилась все сильнѣе къ концу періода. Побѣждаемые соперники францисканцевъ, доминиканцы, обратились за помощью къ властямъ: въ 1269 г., ихъ главный богословъ, Ѳома аквинскій, написалъ свое изобличеніе (Contra averroistas), а король запретилъ лекціи авероистовъ въ Парижѣ.

Затѣмъ папа издалъ въ 7 л. 40 буллъ противъ аверроистовъ. Тогда-то Аверроесъ началъ превращаться, на Западѣ, изъ типа философа въ типъ отца нечестія и матеріализма.

§ 86. **Культура западная. Государство.**—Между тѣмъ какъ вымирали оба восточные типа культуры, расцвѣлъ западный. На Западѣ 12-й и 13-й вв. были не только разгуломъ средневѣковыхъ силъ, но и колыбелью новаго порядка вещей. Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, гдѣ сталкивались всѣ націи, усилилось національное сплоченіе. Пробужденіе народнаго сознанія сказывалось и въ національной враждѣ (вопросы англо-французскій, ирландскій, нѣмецко-итальянскій, нѣмецко-славянскій), и въ международной политикѣ: даже въ борьбѣ императорства съ папствомъ участвовали всѣ главные народы, причемъ укрѣплялись національныя церкви. Въ Британіи уже сложился англичанинъ: въ концѣ періода одна монахиня умертвила послѣдняго героя независимости англосаксовъ, „разбойника" Робинъ-Гуда; а вокругъ типичнаго англичанина, графа Симона (§ 80), соединился весь народъ; и если при дворѣ, у знати, въ королевскихъ судахъ употреблялся еще французскій языкъ, зато уже опредѣлился англійскій „общій законъ" (common law)—смѣсь обычнаго права Англіи и Нормандіи. Характеръ француза ясенъ въ романтической поэзіи, а его патріотизмъ сказался и въ борьбѣ съ англичанами за собираніе земли (§§ 69, 74), и въ любимыхъ словахъ Ролана—„douce France". Даже у нѣмцевъ слово deutsch (отъ народа—тевтоны), значившее прежде чернь, стало именемъ націи. У итальянцевъ патріотизмъ проявлялся, при борьбѣ съ нѣмцами, у горожанъ, иногда даже у папъ, а подконецъ и у Данта.

Ясны и успѣхи политическаго сплоченія. Даже въ Скандинавіи, Венгріи и Португаліи упрочились государства, и были заложены основанія Австріи и Бранденбурга. Государственное начало все энергичнѣе боролось съ феодализмомъ. Есть даже королевскіе романы, гдѣ, напр., Карлъ Великій восклицаетъ: „Никто, кромѣ меня, не смѣй возводить въ рыцари! Иди ко мнѣ всякій—и сдѣлаю рыцаремъ!"—и дѣлаетъ рабовъ рыцарями. Верховная власть уже принимала опредѣленный видъ на Западѣ. Раньше всего это случилось въ южной Италіи, уже при Рожерѣ II (§ 71), который воцарился въ Палермо въ 1130 г. А при Гогенштауфенахъ здѣсь (§ 76) явился даже скороспѣлый примѣръ полнаго абсолютизма, подъ именемъ „конституцій Сицилійскаго королевства" (1231). Здѣсь впер-

вые возникли и строгая администрація, и вполнѣ коронные даровые суды, и система прямыхъ и всеобщихъ податей (поземельная коллекта), акцизовъ (пошлины съ товаровъ) и казенныхъ монополій (одна казна продавала соль, желѣзо, шелкъ), сдѣлавшихъ Фридриха II богатѣйшимъ государемъ. Здѣсь были отмѣнены пытки, судъ Божій, судебный поединокъ, право частной войны и даже ношеніе оружія. Замки феодаловъ были срыты; ихъ земли возвращались коронѣ; и даже ихъ дѣти не могли жениться безъ разрѣшенія короля. Церковь была подчинена суду короля, и ей воспрещалось покупать земли или брать ихъ въ даръ. Къ концу періода обнаружились уже крайности абсолютизма: чиновничество надзирало даже за науками и искусствами и пользовалось инквизиціей для уничтоженія людей, осуждавшихъ его за взяточничество и насилія; паспортная система стала тяжелымъ гнетомъ. Уже возставали и города, которые сначала восторгались системой, отмѣнявшей феодализмъ. Тогда болонскіе юристы выдвинули даже, изъ римскаго права, ученіе объ абсолютизмѣ: императоръ не только не зависитъ отъ народа, онъ выше закона. И Фридрихъ II, въ борьбѣ съ папствомъ, такъ обращался ко всѣмъ королямъ: „взываемъ къ вашей помощи, чтобы всѣ знали, что тутъ замѣшана наша общая честь“. Монархизмъ успѣшно развивался еще во Франціи (§§ 69, 72, 74, 79). Капетинги оставляли за вельможами только придворные титулы, а власть отдавали худороднымъ людямъ—„клеркамъ (дьякамъ) своей часовни“, которые были обязаны всѣмъ ихъ милости. Особенно выдвигалъ среднее сословіе Филиппъ-Августъ, который выбиралъ изъ него своихъ провинціальныхъ бальи (воеводы), подчинявшихся прямо королевскому совѣту и счетной палатѣ. Этотъ король былъ уже самымъ крупнымъ собственникомъ Франціи и первый не счелъ нужнымъ короновать сына при своей жизни.

Крѣпокъ былъ монархизмъ въ Англіи: шерифъ все еще былъ царькомъ графства, на котораго всѣ жаловались; онъ сурово исполнялъ королевскіе указы, свитками или столбцами которыхъ переполненъ государственный архивъ Великобританіи. Но здѣсь уже возникъ образецъ конституціи или ограниченной монархіи, возникшей самобытно, путемъ прецедентовъ (§ 73), во главѣ которыхъ стояло исконное правило англичанъ—не допускать взиманія податей безъ ихъ согласія. Власть короля съ самаго начала нѣсколько стѣснялась преемникомъ витановъ (§ 31), великимъ совѣтомъ изъ королевскихъ бароновъ. То было зерно па-

латы лордовъ, а въ 1265 явилась и палата общинъ, т.-е. сложился парламентъ (§ 80). Такая форма правленія была слѣдствіемъ политическихъ вольностей, доставленныхъ націи Великою Хартіей (§ 73). Эта бумага не прибавляла, по существу, ничего новаго къ прежнимъ хартіямъ; но она подробно и точно установляла основы политическихъ вольностей, прямо вовлекала всѣ классы общества въ защиту ихъ и подготовляла парламентъ, опредѣливъ, что король долженъ созывать въ великій совѣтъ прелатовъ и набольшихъ бароновъ личными и мотивированными письмами, а остальныхъ — указомъ для цѣлыхъ графствъ. Подобная же форма правленія выработалась въ Испаніи и Венгріи. Кортесы (§ 81), которые возникли около 1150 г. и установились лѣтъ черезъ 50, также добывали отъ королей все новыя вольности, отказывая имъ, иначе, въ деньгахъ. Въ Кастиліи они опредѣлили подконецъ королю по 150 мараведи въ день и совѣтовали его сотрапезникамъ „кушать поумѣреннѣе". А Педро III арагонскій далъ Всеобщую Привилегію (1283), напоминающую Великую Хартію. Кортесы состояли изъ трехъ „рукъ" (brazos) — прелатовъ и рикосомбровъ (они засѣдали по праву рожденія), хидальговъ (ихъ избиралъ народъ) и городскихъ депутатовъ. Венгерцы хвастаются, что ихъ Золотая Булла (§ 83) – самая ранняя конституція на материкѣ. Въ ней, дѣйствительно, есть всѣ основы Великой Хартіи—личная свобода, соизволеніе народа на подати, отвѣтственность министровъ, ежегодные сеймы, даже „право вооруженнаго сопротивленія" въ случаѣ нарушенія Буллы. А рядомъ господствовало такое всеобщее повиновеніе королю, въ предѣлахъ его власти, которое повергало нѣмцевъ въ изумленіе; и нигдѣ тогда подати не собирались такъ легко, феодальныя права не были опредѣлены такъ строго. Но, по сравненію съ Англіей, въ Венгріи политическое развитіе было ограниченнѣе: магнаты не распространили добытыхъ ими вольностей на остальной народъ, какъ британскіе бароны. Наконецъ, и въ Германіи явился намекъ на ограниченіе монархизма: возникли земства въ то самое время, какъ феодалы получили верховныя права (§ 76).

Но феодализмъ былъ еще въ цвѣтѣ силъ. Онъ составлялъ тогда именно душу средневѣковья. Онъ укоренился въ понятіяхъ до того, что люди называли „иностранцемъ" всякаго, кто не ихъ сеньеріи. Все обратилось въ ленъ до того что аллоды (§ 25) становились преданіемъ: воспѣвали „roi d'Yvetot", который былъ просто ихъ запоздалымъ пережиткомъ. Феодализмъ

утвердился въ Германіи (§ 76), охватилъ окраины Запада—Венгрію и Польшу, перешелъ въ Византію и даже въ латинскія государства Востока. Въ іерусалимскихъ ассизахъ (§ 68), за которыми подконецъ послѣдовали антіохійскіе, явилось ясное, идеальное опредѣленіе „феодальныхъ правъ и іерархіи". Если во Франціи сокращался вассальный муравейникъ (оставалось лишь до 40 мелкихъ владѣльцевъ), зато онъ еще кишѣлъ царьками въ Италіи, Испаніи и особенно въ Германіи.

Правда, Гогенштауфены совершали походы за Альпы, гоняясь за тѣнью цезаризма и хвастаясь, что они должны утверждать даже греческихъ императоровъ, не говоря уже о „провинціальныхъ царькахъ" (короли). Но эта фантасмагорія міродержавія только возвеличивала папство: тогда императоръ присягалъ „оказывать церкви и св. отцу должное повиновеніе и почтительную преданность". А его титулъ сталъ такимъ же пустымъ звукомъ, какъ „іерусалимскій король". Даже его придворныя должности сдѣлались наслѣдственными, а онъ—избирательнымъ, и сеймы вельможъ становились ежегодными и всемогущими. Германія распалась на кучу владѣньицъ, особенно на югѣ, въ Швабіи и Франконіи· среди нихъ имѣло будущее только маркграфство Бранденбургъ, которое легко распространялось на востокъ, среди славянъ. Подконецъ главныя владѣнія составляли федерацію „князей съ верховными территоріальными правами". И среди нихъ курфюрсты уже продавали свои голоса: архіепископъ кёльнскій получилъ однажды до 40.000 марокъ (ок. полмилліона р.). Феодалы опредѣлили всѣ свои отношенія къ собственной пользѣ: первоначальная основа феодализма, вѣрность (§ 34), падала, при наслѣдственности леновъ и при развитіи подвассальства, и замѣнялась договоромъ. Наслѣдственность леновъ, утвердившаяся въ концѣ прошлаго періода во Франціи и Италіи, была признана теперь во всей Германіи. Служба вассала, прежде неопредѣленная, ограничилась 40 днями, и то на небольшомъ разстояніи, больше для обороны. Денежная помощь сюзерену также опредѣлилась лишь „четырьмя случаями": выкупъ его изъ плѣна, снаряженіе въ крестовый походъ, посвященіе сына въ рыцари, выдача дочери замужъ. Установилось и право постоя: герцогу аквитанскому вассалъ долженъ былъ давать обѣдъ, на 10 персонъ, изъ свинины, говядины, жареныхъ курицъ, капусты и горчицы; а самъ обязывался служить ему за столомъ въ штанахъ изъ багряницы и въ золотыхъ шпорахъ. „Феодальныя права" (барщины и оброки) опредѣлились по обычаямъ,

по старинѣ. Крестьянъ, правда, не сгоняли съ земли, какъ теперь фермеровъ; и они привыкали считать себя ея собственниками. Но зато юристы говорили сеньеру: „между тобой и твоимъ вилланомъ одинъ только судья—Богъ".

Въ Италіи изъ потоковъ крови создавался еще новый типъ государственности. Папство тщетно старалось создать единое государство: увлекаясь ѳеократизмомъ, оно лицемѣрно играло на струнѣ пробуждавшагося патріотизма націи. Въ разгаръ фанатизма, оно достигло вліянія въ цѣлой Европѣ, но не добилось свѣтской власти въ самой Италіи: въ Римѣ едва не создалась античная республика, и самъ Григорій VII былъ плѣнникомъ своевольныхъ вельможъ. На сѣверѣ и въ центрѣ полуострова пестрѣли городскія республики (§ 71). Въ нихъ водворилась демократія, когда феодалы истребили другъ друга въ борьбѣ гвельфовъ съ гибеллинами. То была суровая форма правленія: каждый гражданинъ былъ прикрѣпленъ къ своему городу и даже цеху; опредѣлялось, сколько онъ можетъ сажать деревьевъ въ своемъ садикѣ, при сколькихъ свѣчахъ и попахъ хоронить его. Подконецъ эта демократія уже слабѣла отъ усобицъ. Городскіе союзы распались, съ гибелью Гогенштауфеновъ: города дрались между собой. А внутри ихъ партіи принимали соціальный, ожесточенный характеръ. Онѣ различались между собой цвѣтомъ и покроемъ платья, прической, походкой, поклонами, способомъ рѣзать хлѣбъ; улицы раздѣлялись цѣпями, а дома превращались въ крѣпости; никто не ходилъ безъ оружія; побѣдители грабили, рѣзали, изгоняли побѣжденныхъ. Типомъ республиканскаго развитія служитъ Флоренція. Когда наслѣдіе Матильды превратилось въ союзъ городскихъ „общинъ" (§ 48), власть захватили гвельфскіе аристократы, съ диктаторомъ Пизы, Уголино, во главѣ; но они были уничтожены „пополянами" (демократами) Флоренціи: Уголино былъ заморенъ голодомъ, съ двумя сыновьями и двумя племянниками. Вскорѣ въ средѣ самихъ пополяновъ закипѣли раздоры между „жирными" (popolo grasso—денежная аристократія, буржуазія, купцы и банкиры) и „тощими" (p. minuto—ремесленники). Этимъ воспользовались гвельфскіе аристократы или „черные": съ помощью Франціи и Бонифація VIII, они истребили „бѣлыхъ" (пополяновъ и гибеллиновъ), среди которыхъ долженъ былъ бѣжать Дантъ.

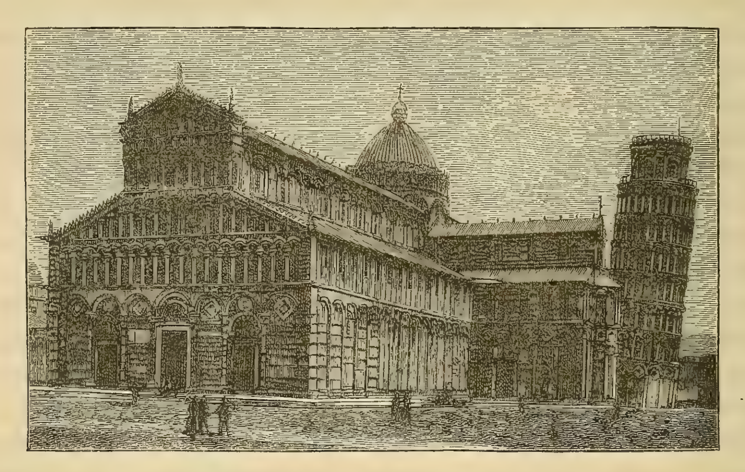
На сѣверѣ Италіи подобныя же смуты уже приводили къ мелкой тираніи: въ Миланѣ утвердились Висконти, въ Веронѣ—Эццелино (§ 76), потомъ Скàла, въ Урбинѣ—Монтефельтро; даже

въ Римѣ стремились къ подобной роли двѣ враждебныя фамиліи—гвельфы Орсини и гибеллины Колонна. Въ Венеціи, гдѣ сначала народъ избиралъ „дожа“ (отъ dux — вождь) и совершалъ обрядъ его вѣнчанія съ Адріатикой, выработался, около 1300 г., типъ олигархіи. „Нобили“ (до 400 богатѣйшихъ фамилій), внесенные въ „Золотую Книгу“, составили замкнутый „великій совѣтъ“ (480 членовъ), избиравшій дожа и „сеньерію“ (министерства); но за нимъ, какъ и за всѣми гражданами, слѣдилъ таинственный „Совѣтъ Десяти“, который располагалъ массой шпіоновъ и ужасною государственною инквизиціей; сверхъ того, всякій могъ кинуть доносъ въ пасть мраморныхъ львовъ на площади св. Марка. Лаконическіе приказы Десяти исполнялись мгновенно: осужденный исчезалъ невѣдомо куда. Никто не былъ увѣренъ, ложась спать, что увидитъ завтрашній день; самъ дожъ былъ узникомъ неумолимой власти въ своемъ пышномъ дворцѣ. Вліяніе папства не допускалось: духовное лицо не могло получить даже ничтожной должности.

Республики падали также отъ взаимнаго соперничества. Бывшая греческая колонія, Амальфи, создавшая морское право, была уничтожена Пизой, Пиза—Флоренціей и „Гордою“ (la Superba) Генуей. Венеція старалась погубить всѣхъ, заправляя крестовыми походами; но пока она распоряжалась на Востокѣ, Генуя овладѣла западнымъ бассейномъ Средиземнаго м. и помогла возстановленію Византіи (§ 74). Но при всѣхъ этихъ усобицахъ, республики представляли высшее культурное развитіе въ Европѣ. Тогда даже въ маленькой Пизѣ появились такія чудеса искусства и научнаго разсчета, какъ соборъ и его колокольня, прозванная „падающею“ башней.

Вмѣстѣ съ государственностью развивался правовой бытъ. И здѣсь—всюду стремленіе къ сплоченности да союзъ власти съ массами: отмѣнялись уставы и суды феодаловъ, входило въ писанное законодательство обычное право (§ 58), особенно въ Испаніи (фуеры и observancias). Но послѣднее уже соединялось съ римскимъ правомъ, столь полезнымъ для юнаго монархизма. Римское право, не умиравшее въ Италіи и южной Франціи, распространялось, прежде всего, посредствомъ церкви: первоначальные хранители классицизма, клерки, были секретарями королей. Папство пользовалось римскимъ правомъ не въ одной своей организаціи (§ 60): вводя завѣщаніе, контрактъ, довѣренность, клерки выдвигали частную собственность насчетъ родовой и общинной, которую не могъ передавать церкви набожный человѣкъ для

спасенія собственной души. Но, разлагая первобытность варваровъ, церковь воспитывала своего злѣйшаго врага: плодъ античности и цезаризма, римское право стало душой свѣтской власти. Съ 12-го в. оно перешло даже въ свѣтскія руки, въ болонскій университетъ, подъ именемъ юриспруденціи. Отцомъ этой науки былъ Ирнерій, привлекавшій до 15.000 студентовъ. Онъ первый ввелъ ученый „аппаратъ" или записываніе толкованій на поляхъ Юстиніанова Кодекса,—обычай, вызвавшій столько подражателей, что вскорѣ составился сборникъ глоссъ (Corpus Juris Glossatum). Высокая школа Ирнерія была разсадникомъ первыхъ юристовъ, которымъ вездѣ давали деньги и лучшія мѣста.

Соборъ и падающая башня въ Пизѣ. 11—12 вв.

Первыми учениками болонцевъ были французы: они вскорѣ перевели Юстиніановъ кодексъ и завели каѳедры юриспруденціи, создавшія легистовъ (§ 79), этихъ мѣщанъ, которые замѣнили безсловесныхъ феодаловъ въ высшемъ королевскомъ судѣ, названномъ теперь „парламентомъ". При Людовикѣ IX римское право уже было введено на югѣ Франціи; а на сѣверѣ оно поддерживало обычное право, ненавистное феодаламъ (въ немъ отмѣнялся майоратъ). Девизомъ легистовъ было: „воля короля — законъ" (si veut le roi, si veut la loi). И это отразилось въ Etablissements Людовика IX, гдѣ, сверхъ того, много обычнаго права и законовъ въ пользу третьяго чина. За французами слѣдовали англичане. Уже Бекетъ (§ 72), воспитанникъ Болоньи, и Іоаннъ Салисберійскій занимались

юриспруденціей, которую читалъ также въ Оксфордѣ заѣзжій итальянецъ; тогда же королевскій юристъ, Гленвиль, написалъ первое сочиненіе объ англійскихъ законахъ. „Клерки королевской часовни“ смѣнились придворными законовѣдами. Оттого „ассизы“ Генриха II считаются уже зарей правового правленія: здѣсь начало полнаго суда присяжныхъ, съ ихъ клятвой „говорить правду“ (vere dictum: отсюда вердиктъ), а также отмѣна феодальной юстиціи, суда Божія и судебнаго поединка. Великая Хартія—уже переходъ отъ обычнаго права къ парламентскимъ статутамъ. А въ одно время съ парламентомъ, явилось сочиненіе Брактона (De legibus et consuetudinibus Angliæ), гдѣ даже критикуется римское право съ конституціонной точки зрѣнія: „король и по смыслу пандектовъ подчиненъ Богу и закону, ибо законъ дѣлаетъ его королемъ; обязательно наложить узду на него, если онъ безъ узды, т.-е. безъ закона“.

Труднѣе было римскому праву проникнуть въ Германію, гдѣ обычныя права были мелки и крайне многочисленны, а „имперскіе законы“ и „конституціи“ (законы Гогенштауфеновъ), касавшіеся лишь отдѣльныхъ случаевъ, не исполнялись феодалами. При Барбароссѣ, выводившемъ свои притязанія изъ римскаго права (§ 71), нѣмцы познакомились съ болонцами, но примѣняли ихъ науку только въ Италіи. Въ Германіи же лишь въ концѣ періода юристы составили по-латыни два Зерцала—саксонское (Sachsenspiegel) для сѣвера и швабское (Schwabenspiegel) для юга, гдѣ, „какъ въ зеркалѣ“, отразилось обычное право, но съ такимъ придаткомъ римскаго, что ихъ называли „императорскимъ правомъ“. Имперскій сеймъ призналъ эту работу частныхъ лицъ сводомъ законовъ: она была переведена и введена во всѣ суды. Но въ смуту не исполнялись даже Зерцала—и возникла святая фема (отъ væ mihi—горе мнѣ!) или тайное судилище, передъ которымъ трепетала вся Германія (§ 78). Это—„свободный“ судъ Вестфаліи (§ 59), который пріобрѣлъ имперское значеніе, поступивши въ вѣденіе архіепископа кёльнскаго. Фемъ было болѣе сотни, и въ нихъ нѣсколько тысячъ „свободныхъ графовъ и шёффеновъ“, въ томъ числѣ князей и королей; они назывались „знающими тайну“ и клялись, подъ страхомъ смерти, не выдавать ея. Эти невѣдомые суды, подобно ассасинамъ, составляли строгую организацію, съ особыми знаками. Они были и безотчетными обвинителями на основаніи молвы, и судьями, и палачами. Призывали на судъ повѣстками, которыя невидимо прибивались къ жилищу отвѣтчика; въ случаѣ неявки, заочно приговаривали и таин-

ственно вѣшали жертву на деревѣ, воткнувши въ него ножъ, какъ знакъ фемы. Отъ фемы были свободны только дѣти, женщины, клиръ да слуги императора. Ужасныя сказки ходили про эту судебную инквизицію; но въ нихъ много преувеличеній: засѣданія фемъ совершались тайно, но не по ночамъ и не въ подземельяхъ; вестфальская земля называлась „красною“ не отъ крови, а отъ цвѣта глины; попасть въ члены фемы считалось большою честью. Народъ, заодно съ императорами, отстаивалъ фему, какъ единственное средство обузданія феодаловъ; и Гёте воспѣлъ ее.

Римское право проходило въ жизнь еще непосредственно черезъ церковь: въ дѣлахъ духовныхъ, тогда весьма многочисленныхъ, судились по каноническому праву, этой смѣси Юстиніанова кодекса съ декреталіями; сводъ его былъ составленъ доминиканцами въ 1234 г. Было еще много городскихъ правъ; самое важное, магдебургское, зародилось уже въ 12 в.

§ 87. **Общество.** — Развитіе національности и государственности связано съ перемѣнами въ составѣ общества. Конечно, на первомъ планѣ все еще стояла феодальная аристократія. И никогда она не была такъ замкнута и спесива. Чѣмъ болѣе она теряла правъ, тѣмъ сильнѣе старалась отдѣлиться отъ народа своими нравами, воспитаніемъ, образомъ жизни. Строго различались „благородные, жантильомы, сыновья чего-нибудь“, т.-е. собственники (Wohlgeboren, Gentilhomme, hidalgo) отъ неимущихъ, „пошлыхъ“ или обычныхъ людей (hommes coutumiers): они принимаютъ, съ 12-го в., имена своихъ земель и не допускаютъ въ свою среду даже богачей изъ мѣщанъ и называютъ „худымъ бракомъ“ (mésalliance) соединеніе съ подлородными. Для нихъ „коммуна“ была „словомъ новымъ, противнымъ; мятежнымъ заговоромъ; дьявольскимъ обычаемъ людей, которые превосходятъ ехиднъ свирѣпостью“. Впрочемъ знать уже держала себя такъ только во Франціи, Германіи да въ Венгріи, гдѣ дворянство усилилось отъ Золотой Буллы (§ 83). Въ Италіи она сама вовлекалась въ республиканскую жизнь могущественныхъ купцовъ; въ Испаніи она сливалась съ народомъ въ кортесахъ, а на югѣ подчинялась вліянію богачей маврскихъ городовъ. Въ Англіи же никогда не было чистаго феодализма; а съ 13-го в. главную массу дворянства составляли сквайры (§ 59) или джентри, въ которую попадало много разбогатѣвшихъ горожанъ, особенно посредствомъ браковъ. Сельскій сквайръ ничѣмъ не отличался даже отъ зажиточнаго крестьянина. Да и бароны

были не грабителями, а его соратниками въ общей борьбѣ съ „желѣзными“ королями. Для защиты отъ ихъ неумолимыхъ шерифовъ, вокругъ ихъ замковъ скучивались крестьяне: и сейчасъ почти нѣтъ города въ Англіи, гдѣ кремлемъ не служили бы развалины замка на пригоркѣ или на берегу рѣки; и вокругъ него навѣрно встрѣтите старѣйшіе дома.

Но и на материкѣ подконецъ замѣчалось, что знать доживаетъ свои послѣдніе дни. Созданіе іерархіи и рыцарства, крестовые походы, подрывали эти средневѣковыя силы, выдвинувъ низшіе класы. Когда рыцари пошли въ Палестину, въ Европѣ „водворилась великая тишина“, по словамъ лѣтописца. Возвращались немногіе, да и тѣ нищіе: снаряжаясь въ походъ, рыцари продавали или закладывали свои земли, давали за деньги льготныя грамоты общинамъ, освобождали крестьянъ за выкупъ или на поминъ души. Крестьяне, шедшіе въ походъ, получали свободу; если немногіе возвращались, да и тѣ становились разбойниками или наемниками, зато недостатокъ рабочихъ рукъ заставлялъ давать льготы остальнымъ. Еще больше пользы выпадало на долю купцовъ, которые обогащались отъ перевозки армій и запасовъ и отъ обширной торговли съ Левантомъ: крестовые походы выдвинули движимую собственность насчетъ недвижимой и капиталистовъ насчетъ землевладѣльцевъ. Мѣщане уже и оружіемъ мѣрились со вторымъ чиномъ: при Бувинѣ (§ 73) французскія „милиціи коммунъ“ побили фландрскихъ рыцарей, которые сначала даже не хотѣли драться съ мужичьемъ; и съ какою гордостью онѣ привели къ парижскому головѣ 110 благородныхъ плѣнниковъ, которыхъ король подарилъ имъ для выкупа! Словомъ, настала пора коммунальной революціи, зародившейся въ концѣ прошлаго періода (§ 59).

Эта революція рѣдко бывала кровава и внезапна. Коммуны создавались не столько оружіемъ, сколько деньгами: иногда даже обнищалый сеньеръ принуждалъ своихъ мѣщанъ покупать себѣ независимость; чаще онъ давалъ хартію, которая лишь узаконяла вольности, уже пріобрѣтенныя постепенно путемъ примѣровъ и обычая. Это дѣлалось тѣмъ легче, что городъ принадлежалъ обыкновенно нѣсколькимъ сюзеренамъ-соперникамъ, которые сами вовлекали гражданъ въ политику, предлагая имъ свободу подешевле. Оттого хартіи крайне разнообразны, неясны и неполны. И онѣ были до того пропитаны духомъ феодализма, что коммуна представляла какъ бы собирательную сеньерію. Она несла всѣ ленныя обязательства, стараясь только доводить

ихъ постепенно до нуля. Но зато она сама становилась сюзереномъ, отдавая свои земли въ ленъ, и пользовалась верховными правами—самосудомъ (ея власти даже назывались иногда „эшевенами“, т.-е. скабинами), съ висѣлицей, тюрьмой и позорнымъ столбомъ, законодательствомъ, собственными финансами и милиціей, своею печатью, даже правомъ частной войны и иногда чеканки монеты. Душой коммуны была, какъ господня въ замкѣ (§ 65), „каланча“ (beffroi, Bergfried — отъ лат. berfredus, оплотъ мира), съ залой совѣщаній, съ хартіей, печатью и казной, а на ней вѣчевой колоколъ, который созывалъ на сходки и на работы. Власти, которыхъ было отъ 2 до 50, по размѣрамъ коммуны, назывались „жюри“ или присяжными (jurati), синдиками, совѣтниками; во главѣ ихъ стоялъ „мэръ“ (maire, mayeur, отъ лат. major), а на югѣ—консулъ. Выбирались онѣ различно, иногда даже по жребію; гдѣ на годъ, гдѣ даже пожизненно; но вообще изъ немногихъ богатыхъ семей. Сначала ихъ нерѣдко назначалъ сеньеръ. Онъ созывалъ вѣча (на югѣ — „парламенты“) изъ всѣхъ взрослыхъ гражданъ, не меньше раза въ мѣсяцъ.

Первоначально коммуну составляли всѣ жители города (cité отъ civitas, § 2) или бурга (мѣстечка), на югѣ не исключали даже знати и духовенства; и назывались они „граждане“ (citoyens), или „буржуа“. Затѣмъ это были только собственники, а остальная мелочь превращалась въ безправныхъ „обывателей“ (manants). Чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивалась кастичность: городская демократія превратилась въ тимократію (Д. И. § 35) или господство богачей, и именно купцовъ и особенно мѣнялъ, а мѣстами—въ олигархію. И коммуны сдѣлались средоточіемъ усобицъ, борьбы съ сеньерами, особенно съ церковью, ссоръ между олигархами, вражды между бѣдняками и богачами. Подконецъ городская знать стала падать: короли помогали бѣднымъ и водворяли миръ. Но они кстати отбирали вольности у коммунъ, замѣтивъ здѣсь зародышъ ограниченія абсолютизма. А иногда сами общинники становились „королевскими мѣщанами“ (bourgeois du roi), т.-е. отказывались отъ своихъ льготъ, которыя дорого стоили и приводили къ кастичности, замкнутости да къ кровопролитіямъ. Но зато въ коммунахъ зародилась новая жизнь. Развивались общественный духъ, благородная гордость, чувства личности, независимости и свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ — новая культура: въ сравненіи съ прежнею пустыней, города стали шумными ульями; они бо-

гатѣли, веселѣли, умнѣли; ихъ затрогивала страсть къ искусствамъ и наукамъ. Словомъ, здѣсь-то постепенно слагалась великая сила новой исторіи — среднее сословіе, которое называли тогда третьимъ чиномъ (tiers état) или „буржуазіей, бюргерствомъ", т.-е. мѣщанствомъ. Въ Англіи оно уже высылало въ парламентъ по два депутата отъ городовъ и мѣстечекъ (citizens и burgesses). Въ Испаніи оно достигло высшаго развитія своихъ фуеровъ (§ 81), которые избирали, на годъ, собственныхъ алькадовъ.

Ремесленники. 12—14 вв. [1]).

Среднее сословіе развивалось теперь по сю сторону Альпъ, когда въ Италіи уже отцвѣтали республики (§§ 59, 70), и прежде всего во Франціи и Фландріи. Душой движенія было начало единодушія угнетенныхъ, какъ видно изъ всѣхъ хартій коммунъ: вездѣ — „присяжныя" сообщества или „корпораціи", которыя назывались гильдіями или „братствами, дружбами, пирами"

---

[1]) Бытъ ремесленниковъ почти одинаковъ повсюду съ крестовыхъ походовъ до конца среднихъ вѣковъ. Образчикомъ его можетъ служить нашъ рисунокъ, взятый изъ фламандской миніатюры 14-го в. На немъ французская надпись Gens de mestier—мастеровые. Въ Италіи они назывались „мастерами" (mestiere), отъ лат. ministerium—служба, работа, ремесло.

(gild—пиръ), напоминающими братства юго-западной Руси (Р. И. § 192). Ихъ члены клялись защищать и поддерживать другъ друга. Новичекъ выдерживалъ долгое испытанiе, пока не вступалъ въ составъ мастеровъ (maître, отъ magister), число которыхъ было ограничено. У каждой корпорацiи были свой святой (патронъ), свои праздники, значки и касса; каждая назначала свои цѣны, ревниво отстраняя постороннее соперничество. Въ Парижѣ было уже болѣе 150 корпорацiй; онѣ подчинялись своему старшинѣ, прево (prévôt, отъ praepositus), или главѣ купцовъ, который заправлялъ городомъ и тѣмъ прiобрѣталъ влiянiе на все государство. Во Фландрiи коммунальное движенiе шло спокойнѣе, просто въ силу развитiя промысловъ и торговли: это графство уже въ 12-мъ в. было покрыто городами съ гордою буржуазiей. Въ Брюгге бывшiй крѣпостной, Бертольфъ, собралъ цѣлую армiю и уничтожилъ спесиваго графа, замышлявшаго остановить развитiе демократiи; хотя феодалы казнили его съ помощью Людовика VI, однако новое возстанiе утвердило независимость буржуазiи.

Въ Англiи, гдѣ не было ни древнихъ муниципiй, ни сильнаго феодализма, города возникли просто изъ скученности населенiя на клочкѣ земли короля или лорда. Сначала они ничѣмъ не отличались отъ селъ. Въ нихъ такъ же, какъ въ селахъ, были сходки по набату и „гильдiи мира“ (§ 59)—товарищества, возникшiя еще для борьбы противъ датчанъ и замѣнившiя родовые союзы (онѣ были и на материкѣ, но тамъ ихъ истребили феодалы); только въ городѣ онѣ назывались купеческими гильдiями (merchant-gilds) и сливались въ одну общину богачей, землевладѣльцевъ и торгашей. Эти гильдiи смотрѣли за торговлей и порядкомъ, покупали себѣ привилегiи, уничтожали барщины: къ 1300 г. у нихъ уже видимъ самосудъ и самоправленiе. Между тѣмъ въ города начали стекаться бѣдняки, рабочiе, ремесленники, для которыхъ старые горожане стали господами. Чтобы избавиться отъ гнета, они стали составлять ремесленныя гильдiи (craft-gilds). Въ 13-мъ в. они назывались еще „меньшимъ народомъ“ (lesser folk), а богачи—„бо̀льшимъ“ (greater-folk). Въ Лондонѣ, гдѣ альдермановъ (старшинъ) купеческихъ гильдiй называли даже „баронами, магнатами“, уже началась борьба между бо̀льшими и меньшими, и демократiя побѣдила: возбужденные монахами мастеровые вырвали власть у купцовъ и назвали новое самоправленiе „коммунами“, которыя и отстояли дѣло графа Симона (§ 80). Вообще въ Анг-

ліи, гдѣ народу приходилось бороться не съ феодалами, а съ „желѣзными“ королями, города не сдѣлались французскими коммунами, т.-е. муниципіями: здѣсь мѣщане сливались съ прелатами и баронами, съ которыми они и вошли въ парламентъ; и гильдіи стали торговыми обществами, а не политическими единицами.

Въ Германіи города выслали своихъ депутатовъ въ имперскій сеймъ лишь при Рудольфѣ (§ 78). Здѣсь „посредственные города“ (§ 59) освобождались отъ феодаловъ, пользуясь смутой и поддержкой королей: они становились „имперскими“, которые получали, за вѣрность императорамъ, самосудъ и право выбирать „раты“ или городскіе совѣты, съ ихъ „ратманами“ и „бургомистрами“ (Bürgermeister). Въ старѣйшихъ городахъ (Кёльнъ), гдѣ, какъ въ римскихъ муниципіяхъ, власть была у патриціата или богачей (Richerzechheit), ремесленники пріобрѣли ее силой и образовали свои корпораціи или цехи (Zünfte), съ „мастерами“ (Meister, отъ magister) во главѣ. Въ Богеміи возникло много городовъ при Оттокарѣ II (§ 82): они пользовались подобными же вольностями по магдебургскому праву. Въ Венгріи города состояли только изъ иностранцевъ, и сильная знать не давала имъ политическаго значенія Такъ, къ концу періода вся Европа покрылась коммунами, и города вездѣ приближались къ одному типу независимости и демократіи. Они даже сплачивались въ союзы, гдѣ было безпокойнѣе (§ 78): въ Рейнскомъ союзѣ насчитывалось уже до 70 городовъ.

Коммунальное движеніе отражалось уже и на крестьянствѣ. Оно также стало поправляться отъ сношеній съ богатѣвшими городами и старалось подражать имъ: возникли сельскія коммуны, причемъ иногда деревеньки складывались для выкупа правъ у сеньеровъ, которые, въ свою очередь, поняли, что свободный труженикъ выгоднѣе раба, „не любящаго работать на другихъ“. Много крестьянъ уходило также въ города, изъ которыхъ иные имѣли право азила и даже назывались „спасительностью“ (sauvété). Такъ началось, опять съ юга, „освобожденіе“ крѣпостныхъ (§ 59) путемъ хартій, схожихъ съ городскими. Въ Италіи, южной Франціи, Фландріи и Нормандіи, уже къ концу 12-го в. видимъ почти однихъ свободныхъ крестьянъ. Въ Англіи также безправные „держатели“ (tenants) земли, которыхъ лордъ всегда могъ прогнать (§ 59), превратились въ „фригольдеровъ“ или „свободныхъ тяглецовъ“, владѣвшихъ участками безсрочно за извѣстную „ренту“ (отъ лат. redditus—возвратъ), которая сна-

чала состояла въ провіантѣ для лордовъ, шедшихъ на войну. И, по правилу—никого не облагать податями безъ его согласія, пришлось призвать ихъ въ парламентъ: фригольдеры избирали въ палату общинъ (§ 80) по два „рыцаря графствъ". Въ менѣе развитыхъ, чисто земледѣльческихъ странахъ положеніе крестьянъ улучшалось медленнѣе. Въ Испаніи еще господствовало суровое крѣпостничество; но въ Кастиліи были „бехетріи"—области, гдѣ крестьяне свободно мѣняли господъ до 7 разъ въ годъ. Нѣмцы, въ лицѣ своихъ Габсбурговъ, даже нарушали исконную независимость народа въ Швейцаріи. Въ Венгріи крестьяне скорѣе теряли, чѣмъ выигрывали отъ Золотой Буллы, увеличившей права феодаловъ. Въ Даніи и Швеціи феодализмъ истребилъ свободное крестьянство, а ревнивая нѣмецкая Ганза мѣшала развитію городовъ. Данія даже славилась обиліемъ рабовъ, особенно изъ англичанъ, вслѣдствіе морскихъ разбоевъ. Въ Швеціи только Биргеръ поддерживалъ народные суды противъ притязаній помѣщиковъ, старался ввести Божій миръ, одно для всѣхъ право, общую подать „съ носа". Только въ Норвегіи крестьянинъ попрежнему имѣлъ собственную, обнесенную заборомъ пашню (harda) при общинныхъ выгонахъ и лѣсахъ, засѣдалъ въ „тингахъ" (сеймахъ) и судахъ (присяжные), выбиралъ королей.

§ 88. **Церковь**.—Среднее сословіе выступало на смѣну не одного второго, но и перваго чина. Паденіе духовенства также было слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Но сначала они возвышали создавшую ихъ іерархію. Земля и крестьяне, которыхъ лишался рыцарь, снаряжаясь въ Палестину, доставались по преимуществу епископамъ и аббатамъ, которымъ короли давали, съ своей стороны, большія привилегіи, отправляясь въ походъ. У папъ задерживалась добрая часть Петровыхъ грошей изъ всюду разосланныхъ кружекъ; имъ платили дань отнятыя у мусульманъ царства. Крайній фанатизмъ дозволялъ выгодное Риму истребленіе богатыхъ еретиковъ и создалъ невиданную папскую армію—рыцарскіе и нищенствующіе ордена. Къ срединѣ періода церковь стала душой средневѣковья больше даже, чѣмъ феодализмъ. Она вполнѣ сложилась. Въ 13-мъ в. всюду было принято безбрачіе духовенства, и избраніе епископовъ стало дѣломъ исключительно церковнымъ: оно сосредоточилось въ капитулахъ (§ 60), которые помѣщались въ монастыряхъ при соборахъ и подчинялись только своимъ деканамъ, а сами заправляли епархіями. Тогда же установился епископскій судъ владычныхъ „официаловъ", имѣвшій огромное значеніе: болѣе ра-

зумный и мягкій (церковь чуждалась тѣлесныхъ наказаній), онъ до того привлекалъ народъ, что многіе дѣлали себѣ тонзуру (выбривали маковку), чтобы подлежать ему, какъ клерки; онъ вѣдалъ не только церковниковъ, но и вдовъ, сиротъ, крестоносцевъ, студентовъ, не одни религіозные случаи, но и браки, завѣщанія, проценты, миръ Божій, наконецъ—всякое дѣло съ присягой. Церковный судъ уже вызвалъ борьбу со стороны королей, особенно при Генрихѣ II и Фридрихѣ II (§§ 72, 76), а еще больше со стороны феодаловъ; но это-то и дѣлало его особенно дорогимъ народу. Окончательно упорядочилась и обрядность. На первый планъ выступило причащеніе и покаяніе. Такъ какъ миновалъ обычай прибѣгать къ нимъ часто и всенародно, то явился приказъ совершать эти обряды на Пасху, и только взрослымъ, притомъ причащаться „подъ однимъ видомъ“ или облаткой, щадя кровь Христа. Затѣмъ былъ введенъ праздникъ Св. Даровъ и повелѣно падать на колѣни при вознесеніи ихъ въ церкви и при прохожденіи ихъ па улицѣ. Богословы стали писать много трактатовъ объ евхаристіи; а латеранскій соборъ 1215-го г. ввелъ слово „пресуществленіе“. Тогда же развилась, благодаря нищенствующей братіи, проповѣдь на туземныхъ языкахъ, — дѣло тѣмъ болѣе важное, что иного краснорѣчія тогда еще не знали.

Папство достигло того идеала ѳеократіи, о которомъ только мечталъ Григорій VII (§ 44). Воскресшіе, въ болѣе благопріятную пору, Гильдебранды, Александръ III и Иннокентій III (§§ 71, 75), вознесли его на высоту могущества, которой не видалъ міръ со времени цезарей. Ѳома аквинскій освятилъ его обаяніемъ богословія. Ученые юристы возвели его въ законъ, въ видѣ каноническаго права. Изъ обычнаго права, изъ каноновъ вселенскихъ соборовъ (ихъ было тогда 6), а главное, изъ безчисленныхъ папскихъ декреталій они создали Corpus juris canonici или сводъ церковныхъ законовъ, который стала изучать куча „декретистовъ“, все въ папскомъ духѣ: это—3 обширныхъ книги, къ которымъ вскорѣ прибавились „Климентины“, а въ 16-мъ вѣкѣ—Extra-Vagantes. Былъ устраненъ скандалъ, подрывавшій папство при выборахъ, служившихъ источникомъ козней и смутъ. Кардиналы, которыхъ поставили выше даже патріарховъ и отличили красною шапкой, должны были выбирать папу $^2/_3$ наличныхъ голосовъ, и немедленно, въ теченіе трехъ дней: ихъ запирали на это время на ключъ (cum clave), откуда названіе конклавъ (1274). Въ 1215 г., когда зарож-

далась политическая свобода въ Европѣ (§ 73), Иннокентій, ставшій за имъ же отлученнаго Іоанна Безземельнаго, чтобы только уничтожить Великую Хартію, созвалъ 4-й латеранскій соборъ, это обожествленіе папства и могилу свободы мысли и совѣсти: здѣсь 71 архіепископъ, 412 епископовъ, 900 аббатовъ и послы всѣхъ государей согласились на истребленіе враговъ куріи посредствомъ инквизиціи или „слѣдствія". Вскорѣ это небывалое судилище сыщиковъ, которые не допускали защиты, а сами брали свидѣтелей даже изъ опороченныхъ, стало постановлять и приговоры.

Около 1250 г. папство достигло высшей власти, какъ духовной, такъ и свѣтской. Оно превратило демократическій строй церкви въ іерархическій абсолютизмъ. Помимо индульгенцій, отлученій и интердиктовъ (§ 60), папа присвоилъ себѣ „канонизацію" (сопричисленіе къ лику святыхъ), всякія „диспенсаціи" или разрѣшенія (особенно изъятіе отъ епископскаго суда), вселенскіе соборы (они стали латеранскими), самую широкую апелляцію, бенефиціи во всѣхъ странахъ (онъ раздавалъ ихъ друзьямъ Рима изъ итальянцевъ), утвержденіе архіепископовъ посредствомъ палліума (§ 10). Его легаты, которымъ всѣ такъ сочувствовали прежде (§ 60), сновали теперь по всему Западу, какъ ходячее папство: они вызывали всеобщія жалобы, распоряжаясь въ земляхъ посланныхъ въ Палестину государей, унижая владыкъ національныхъ церквей, угнетая народы и высасывая у нихъ послѣдніе гроши. Папа сталъ крупнымъ властелиномъ, присоединивъ къ Отчинѣ св. Петра (§ 26) владѣнія Матильды Тосканской, Романью, Анконскую марку, герцогство Сполето. Онъ властвовалъ и надъ государями. Св. отецъ не только наказывалъ ихъ, какъ христіанъ (за прелюбодѣяніе или оскорбленіе церкви), но и какъ правителей. Страшны были такія его орудія, какъ инквизиція, интердиктъ и освобожденіе подданныхъ отъ присяги вѣрности. Съ ихъ помощью, папа развелъ Филиппа-Августа съ любимою женой и вызвалъ у него восклицаніе: „Счастливый Саладинъ! Надъ нимъ нѣтъ папы". Онъ низложилъ Генриха IV и Іоанна Безземельнаго, обезлюдилъ „еретическій" югъ Франціи, истребилъ съ корнемъ представителей свѣтскости и классицизма—Гогенштауфеновъ.

Римскій первосвященникъ сказалъ Барбароссѣ, когда тотъ звалъ его на судъ: „папа судитъ всѣхъ, а самъ не можетъ быть судимъ". Вслѣдъ затѣмъ ученіе о „двухъ мечахъ" (§ 33) замѣнилось сравненіемъ короля съ луной, а папы — съ солн-

цемъ. И св. отецъ сталъ короновать императоровъ, которые вели его коня подъ уздцы; а короли сами (въ Англіи, Арагоніи, Португаліи, Болгаріи, Арменіи) отдавали ему свои государства въ ленъ, уплачивая дани. Даже хитрые и гордые Капетинги, которые враждовали съ папствомъ, пока оно было орудіемъ нѣмцевъ, превратились, съ Людовика VI, въ „старшихъ сыновъ церкви", которая ополчилась на германскаго императора. Динарій св. Петра сталъ всесвѣтною казной папы; а крестовые походы—его международною политикой. И эта цѣпкая, назойливая политика хватала до новообращенныхъ славянъ, пруссовъ, литовцевъ, финновъ, до скалъ Лапландіи. Риму повиновались патріархи константинопольскій и іерусалимскій. Папу призналъ и Михаилъ Палеологъ (§ 74): на ліонскомъ соборѣ 1274 г., гдѣ греки приняли и filioque, и папскій приматъ съ апелляціей въ Римъ (§§ 4, 60), праздновалось „возвращеніе греческой церкви къ единству", хотя черезъ 8 л. папа и византійскій императоръ уже опять проклинали другъ друга за „схизму" и „ересь". Иннокентій III могъ принять титулъ „намѣстника Христа", а не св. Петра: онъ имѣлъ только скромность отвергнуть предложенную ему „непогрѣшимость".

Но подконецъ настало паденіе ѳеократіи. Ужасы инквизиторскихъ расправъ, безграничный деспотизмъ, алчность и нетерпимость церкви, а также всенародное разочарованіе отъ крестовыхъ походовъ, ставшихъ позорною игрой папства (§ 72),— все пробуждало ненависть къ Риму; а притупленная отъ частаго употребленія сила интердиктовъ и отлученій не дѣйствовала на умнѣвшее человѣчество. Иннокентій III больше всѣхъ возстановилъ противъ куріи національное чувство нѣмцевъ, англичанъ и французовъ. 4-й крестовый походъ (§ 74) вышелъ вредомъ для папства: онъ не освободилъ Іерусалима, а основалъ Латинскую имперію; и злодѣйства латинянъ греки сваливали на папу. Съ гибелью Гогенштауфеновъ, падало и папство. Цѣлые годы проходили безъ папъ; одинъ изъ нихъ провелъ 6 л. въ Ліонѣ и возвратился въ Римъ „дрожа"; другіе проживали въ городкахъ своей Отчины, между тѣмъ какъ въ Римѣ распоряжались вельможи (§ 77) да „сенаторъ". Карлъ Анжуйскій. Папскіе города превращались въ республики. Короли испугались участи Гогенштауфеновъ, и старшій сынъ церкви готовился отомстить за Фридриха II.

Въ то же время старый идеалъ всеобщаго сплоченія изнашивался: создавались прочныя государства, крѣпла свѣтская

власть, оберегавшая народы отъ усобицъ раздробленія. И она выступила противъ вредныхъ народамъ притязаній Рима. Кларендонскія статьи (§ 72) были громкимъ новымъ дѣломъ; и въ Англіи прелаты, заодно съ знатью, отстаивали независимость народа, какъ отъ короля, такъ и отъ папы. Даже Капетинги расправлялись съ непокорными владыками, какъ съ феодалами, такъ что св. Бернаръ возвышалъ голосъ негодованія противъ Людовика VI; а Людовикъ „святой" подготовлялъ независимость галликанской церкви. Крѣпнувшее римское право вездѣ стремилось вытѣснить каноническое. Въ государствахъ водворялся порядокъ—и дѣлались излишними наставленія клира. Да церковь уже становилась неспособною на это. Просвѣщеніе исчезало изъ рукъ невѣжественнаго клира; какъ онъ ни истреблялъ его, оно развивалось у третьяго чина. Римъ же снова превращался въ гнѣздо деспотизма и симоніи: съ присвоеніемъ инвеституры, папы составили цѣны должностямъ и брали цѣлый годовой доходъ (аннатъ) съ новопоставленнаго владыки. Они уже продавали индульгенціи. Всюду подымались крики объ алчности, властолюбіи и кровожадности св. отца. Вездѣ феодалы и города составляли союзы противъ вымогательства легатовъ. Латеранскій соборъ 1215 года требовалъ коренной реформы церкви; тоже проповѣдовали францисканцы. И задрожала негодованіемъ пѣсня трубадура: „Римъ! Ты окуталъ всѣхъ смутой и войной. Мало вредя сарацинамъ, ты велъ на убой грековъ и латинянъ. Лживый, коварный Римъ! Твое царство такъ порочно, что въ тебѣ скопляются, въ тебя сливаются всѣ козни міра. Вотъ подвиги твоего папства!"

§ 89. **Понятія**. **а) Церковный идеализмъ**.—Въ идеальной культурѣ продолжалась борьба католичества съ классицизмомъ или церковнаго идеализма съ свѣтскимъ реализмомъ. Послѣдній усиливался съ половины 13-го в.; первый достигъ передъ тѣмъ крайнихъ предѣловъ. Католичество утратило роль учителя варваровъ (§§ 26, 60): между тѣмъ какъ общество уходило впередъ, оно стало развивать фанатизмъ и внѣшнее пониманіе религіи, превращалось въ гонителя жизни. Въ его глазахъ существовалъ только „тотъ свѣтъ", человѣкъ былъ жалкою тварью, обреченною па погибель по первородному грѣху, а народы — единое стадо римскаго пастыря и его служителей, которые сами не могли быть отцами. Вѣра должна была стать единственною добродѣтелью и подчинить себѣ литературу, науку и искусство. Этотъ идеалъ воплощался въ искреннемъ, само-

отверженномъ отшельникѣ, св. Бернарѣ (§ 69), который громилъ клюнійцевъ и папство за паденіе церкви, а епископовъ, съ Сугеріемъ во главѣ,—за свѣтскость; называлъ Людовика VII Иродомъ, далъ уставъ храмовникамъ, увлекъ свою семью и друзей въ пустыню. Римъ и государи заискивали у него, страшась его укоровъ; и геній науки, Абеляръ, умолкъ отъ его доносовъ. Умирая, Бернаръ самъ раскаявался, что заправлялъ христіанствомъ, увлекаясь властолюбіемъ.

Но не раскаивался святой отецъ: Иннокентій III благословлялъ дѣтей на крестовый походъ. Чтобы поднять народы для 5-го похода, онъ возвѣстилъ, будто пришелъ конецъ царству Магомета, такъ какъ онъ явился за 666 л. передъ тѣмъ, а это — звѣриное число Апокалипсиса. Папство вносило терроризмъ и матеріализмъ въ догму. Устрашая муками ада, оно развивало, со времени осужденія Готшалька (§ 61), семипелагіанизмъ или „новое іудейство": оно учило, что спасеніе — только въ церкви, этой „сокровищницѣ благодати", которая вымолитъ прощеніе грѣховъ за „добрыя дѣла", т.-е. за исполненіе ея предписаній, обыкновенно связанныхъ съ денежными взносами. Чтобы уничтожить въ мѣстныхъ церквахъ злоупотребленіе святыми, папы ввели канонизацію, но сами такъ пользовались ею, что число святыхъ дошло до 25.000, а чудеса ихъ неисчислимы. Жизнь превращалась въ мертвую обрядность, а церковь — въ молитвенную машину, которая дѣйствовала даже въ отсутствіе заказавшаго обрядъ. Выработалась полная система таинствъ: Иннокентій III ввелъ исповѣдь дѣтей и утвердилъ пресуществленіе, что̀ привело къ пышному празднику Тѣла Христова. Возникли и другіе праздники, особенно въ честь Дѣвы Маріи (Безгрѣшное Зачатіе), причемъ явилась молитва Ave Maria. Учредили „тихую" обѣдню (по заказу); но особенно развилась обѣдня „задушная" — панихида для избавленія отъ чистилища: богословы говорили, что душа богача скорѣе пройдетъ его, чѣмъ душа бѣдняка. Торговля индульгенціями достигла небывалыхъ размѣровъ: 200.000 богомольцевъ накупили ихъ въ 1300 г., когда Бонифацій VIII устроилъ юбилей, объявивши отпущеніе грѣховъ сразу на 15 — 30 л. тому, кто придетъ лично каяться въ Римъ.

Высшимъ проявленіемъ церковнаго идеализма было новое монашество. Старинная бенедиктинская и клюнійская братія падала, несмотря на то, что она старалась сливаться въ „конгрегаціи" или „ордена", подчиняясь одному изъ своихъ монас-

тырей, какъ главѣ. Но на смѣну ей появились, особенно во Франціи, чернецы-отшельники. Изъ нихъ самыми строгими были картезіанцы (въ ущельѣ Chartreuse, у Гренобля), жившіе молчальниками въ пещерахъ; а цистерціанцы (Citeaux, у Дижона) прославились своимъ Бернаромъ (ихъ называли еще бернардинами), благодаря которому у нихъ вскорѣ накопилось до 1.800 обителей во Франціи, Германіи, Англіи, Ирландіи и Скандинавіи. Во Франціи славились еще тринитаріи или „ослиная братья" (ѣздили только на ослахъ) для выкупа плѣнныхъ, премонстранты — для крещенія славянъ и др. Въ религіозномъ рвеніи съ Франціей соперничала Испанія, гдѣ не прерывались крестовые походы противъ ислама: сюда стекалось отовсюду много рыцарей-монаховъ; завелись и собственные ордена — Сант-Яго, Калантара, Алькантара. Но самымъ важнымъ отличіемъ времени было появленіе нищенствующей братіи (fratres mendicantes), этой любимицы папъ, которые одаряли ее всякими привилегіями. Она состояла изъ невинныхъ августинцевъ-пустынниковъ, мечтательныхъ кармелитовъ (на палестинской горѣ Кармелѣ, обиталищѣ пророка Иліи), чувствительныхъ францисканцевъ и суровыхъ доминиканцевъ.

Послѣдніе два ордена, вызванные потребностью въ очищеніи церкви и въ отпорѣ ересямъ, пріобрѣли огромное значеніе. Подконецъ они прибрали къ своимъ рукамъ народное образованіе. Въ каждомъ изъ нихъ числилось до 200.000 монаховъ; у доминиканцевъ было 45 провинцій, изъ нихъ 11 — внѣ Европы. Они дали много папъ, іерарховъ и ученыхъ: францисканцевъ прославили Дунсъ Скотъ, Бонавентура, Роджеръ Беконъ, Оккамъ, доминиканцевъ—Ѳома аквинскій, Альбертъ Великій, Савонарола. Особенностью ихъ было то, что чернецы не удалялись изъ міра, а работали въ немъ, жили въ городахъ, даже прямо сливались съ мірянами. Душой этого новаго движенія въ церкви былъ симпатичный ревнитель апостольской бѣдности и христіанской любви, которыя нужно было выдвинуть, въ виду роскоши и властолюбія церкви, тѣмъ болѣе, что по этому же пути шли новые сильные еретики. Сынъ богатаго купца въ Ассизи (въ Италіи), Францискъ (онъ пристрастился къ французскому языку), одѣлся въ лохмотья, сталъ валяться по землѣ, бичуясь, проповѣдовать въ конюшнѣ, подражая блеянью овецъ. Родные прогнали полоумнаго—и онъ ушелъ въ лѣсныя трущобы, гдѣ бесѣдовалъ съ деревьями и горами, слезно молился „своимъ братцамъ" (солнцу и вѣтру), да „сестрицамъ" (лунѣ и водѣ). Нищета стала для него „не-

вѣстой Христовой, корнемъ и царицей добродѣтелей", а горе людское—его жизнью. „Въ моемъ сердцѣ—дерево любви, говорилъ онъ: оно вытѣснило все—умъ, волю и вкусъ. Мое сердце расплавилось, какъ воскъ: на немъ отпечатлѣлся образъ Христа. Безмѣрная любовь! Зачѣмъ доводишь меня до безумія? Зачѣмъ заставляешь меня умереть въ такой раскаленной печи?" Искренняя скорбь и любовь, поэтическая рѣчь этого небольшого, ласковаго человѣка, этого изможденнаго и ослѣпшаго отъ слезъ „Христова знаменосца и нищаго" собрали вокругъ него молодежь (1209)—и Иннокентій III утвердилъ орденъ францисканцевъ, уставъ котораго основанъ на нагорной проповѣди.

Эти „босоножки" въ темныхъ рясказъ, опоясанныхъ веревками, называли себя миноритами (меньшей братьей) и стали добрымъ геніемъ сельчанъ, нравственною сдержкой горожанъ: они устраивались въ лазаретахъ, въ самыхъ бѣдныхъ и прокаженныхъ улицахъ. Въ слѣдующемъ поколѣніи уже 20.000 францисканцевъ засѣдали на своемъ соборѣ, въ шалашахъ; затѣмъ явился „генералъ" ордена въ Римѣ и „провинціалы"—въ отдѣленіяхъ. Францискъ увлекъ свою землячку, дочь знатнаго рыцаря, Клару—и возникло женское отдѣленіе ордена, клариссы, среди которыхъ встрѣчались даже королевы. Когда орденъ разросся, Францискъ устроилъ третье, облегченное отдѣленіе—терціаріевъ, къ которымъ причислялись и міряне: нерѣдко королевская чета или богачъ носили власяницу подъ роскошною одеждой; а простые люди, которые и безъ того служили нищетѣ, приписывались массами. Минориты же доходили до аскетизма: главный ученикъ Франциска жилъ, какъ птица, въ шалашѣ на орѣшникѣ и проповѣдовалъ рыбамъ, когда не было людей. Отрасль ихъ, капуцины (они покрывали голову, въ ненастье, капишономъ) были циниками христіанства. Уже при жизни Франциска ходили легенды о немъ, какъ о живомъ подражаніи Христу; на его тѣлѣ ученики видѣли раны Спасителя; онъ былъ тотчасъ канонизованъ.

Доминиканцы, по устройству,—то же, что францисканцы: и у нихъ были свои доминиканки. Доминикъ предлагалъ даже Франциску слить оба ордена, но тотъ отказался. Но трудно найти больше противоположности, чѣмъ между этими собратами по оружію и цѣлямъ. Питомецъ испанскихъ университетовъ и очевидецъ альбигойскихъ войнъ, Доминикъ, этотъ высокій, сухой, мрачный кастилецъ, былъ ученымъ педантомъ, фанатикомъ и въ юности казался старикомъ: его цѣлью было

узкое, неумолимое единство вѣры да власть церкви, а средствомъ—суровая проповѣдь и безпощадное обученіе, основанное на страхѣ; онъ подалъ мысль объ инквизиціи на соборѣ 1215 г, гдѣ былъ утвержденъ и его орденъ. По одеждѣ, францисканцевъ называли „сѣрыми", доминиканцевъ—„черными", по нравамъ—тѣхъ „серафическою братіей", этихъ „псами Господа" (Domini canes: ихъ знакомъ была собака съ факеломъ въ зубахъ). Францисканцы владѣли сердцемъ народа, были духовниками, устраивали миръ въ семьяхъ и государствахъ; доминиканцы владѣли помыслами людей, были проповѣдниками и профессорами. Тѣ и другіе вначалѣ возвышали церковь, удовлетворяя стремленію народовъ къ христіанскому идеалу. Они поддерживали демократизмъ: принимали всякаго, отъ папы и короля до мужика.

Но доминиканцы быстро пріобрѣли всеобщую ненависть и даже были убиваемы народомъ: Иннокентій III поручилъ имъ инквизицію. Духъ этого учрежденія выразился въ словахъ одного инквизитора королю: „Мы будемъ жечь богачей, а имѣнія ихъ раздѣлите вы и епископъ. Что нужды, что сожжемъ сотню невинныхъ: лишь бы былъ среди нихъ хоть одинъ виновный". А это ужасное судилище было освящено богословомъ Ѳомой, который сказалъ, что св. Писаніе называетъ еретиковъ „волками", а волковъ истребляютъ. Подъ еретиками разумѣлись всякіе враги папства, хотя бы то были сами кардиналы, сверхъ того—евреи и магометане, совращающіе католиковъ. Инквизиціи подвергался даже тотъ, кто постился менѣе трехъ разъ въ годъ и кто читалъ Библію. Отъ нея не спасала самая смерть: вырывали, приносили на судъ и сожигали трупы. Чтобы добиться признанія, употребляли запугиваніе, лжесвидѣтельство, жестокія пытки, которыя совершались въ подземельяхъ палачами въ черныхъ маскахъ; за доносъ давались индульгенціи и часть имущества осужденнаго; а именъ судей и ихъ свидѣтелей никто не зналъ. Кто сознавался, того или навѣки замуравливали въ отвратительныхъ подземельяхъ, или приговаривали къ „ауто-да-фе" (по испански—„дѣло вѣры" или всенародное отреченіе отъ ереси): несчастнаго выставляли въ церкви, въ желтой одеждѣ съ красными крестами, со свѣчами въ рукахъ; и въ эти дни въ окрестностяхъ не было богослуженія. Даже прощенный ходилъ всю жизнь съ краснымъ крестомъ на платьѣ, чтобы отъ него бѣжали, какъ отъ зачумленнаго. Кто не сознавался или попадался во второй разъ, того „предавали свѣтской власти", ко-

торая охотно сожигала его живьемъ или послѣ задушенія, пользуясь всѣмъ земнымъ добромъ жертвы. Инквизиція была въ Римѣ только для примѣра; она свирѣпствовала во Франціи, особенно въ Альбй и Тулузѣ (§ 79), съ утвержденія Людовика IX. Въ Германіи ее допустилъ даже Фридрихъ II, въ лицѣ ученаго фанатика, Конрада марбургскаго, „безжалостнаго судьи", который добирался даже до графовъ; но они убили его. Впрочемъ, онъ успѣлъ донести на штединговъ (§ 59), будто они поклоняются дьяволу въ видѣ чернаго кота. Поднялись фландрскіе рыцари, которымъ не хотѣла подчиниться свободная община, даже епископъ бременскій, которому она не хотѣла платить поборовъ,— и штединги были истреблены: сожигали даже ихъ женщинъ и дѣтей. Въ Англіи и Скандинавіи появилась только своя, епископская инквизиція: папскихъ инквизиторовъ не допускали.

§ 90. **б) Идеализмъ внѣ церкви.**—Такой церковный идеализмъ немыслимъ безъ подобнаго же настроенія массъ. И толпа видѣла въ реальномъ мірѣ темницу души. Она завидовала дѣтямъ, кучами переходившимъ на „тотъ свѣтъ" отъ пренебреженія требованіями жизни. Опутанный на каждомъ шагу проявленіями то нечистой силы, то Промысла, лишенный даже слова Божія, скрытаго въ мертвой латыни, человѣкъ исчезалъ въ грезѣ безконечной, какъ небо, но такъ же холодной и однообразной; а женщина превращалась то въ неземное видѣніе (Дѣва Марія, Беатриче) или святую (ландграфиня Елизавета тюрингенская, покинувшая семью подъ вліяніемъ инквизитора Конрада), то въ фантастическую „даму сердца" рыцаря. На его обликѣ выступили черты аскета и фанатика. Все дѣлалось во имя вѣры; даже Симонъ Монфоръ велъ крестовый походъ противъ короля; его бароны назывались „воинствомъ Бога и св. церкви". Во 2-мъ крестовомъ походѣ участвовало много дамъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; а затѣмъ послѣдовали походы дѣтей (§ 74). Монахъ, открывшій св. копье (§ 67), пронесъ его черезъ костеръ; и если онъ умеръ, то лишь оттого, что „на мгновенье усомнился въ своей святынѣ". Причастіе становилось всемогущимъ талисманомъ: св. облатка творила много чудесъ. Нерѣдко человѣкъ предавался отвратительнымъ занятіямъ — все во славу Божію: напр., пили воду, въ которой мылось больничное бѣлье. Нето являлись небывалые сумасшедшіе: одинъ брабантецъ торжественно женился на Св. Дѣвѣ; одинъ бретонецъ объявилъ себя судьей Страшнаго Суда.

Францискъ позволилъ монахамъ жить въ міру, чтобы не обезлюдѣла Италія: такъ народъ стремился въ монастыри. Въ концѣ періода, въ Италіи, народъ, казалось, рѣшился забыть все на свѣтѣ, устремившись къ Лоретской Богоматери: его очаровала легенда о томъ, что часовня, въ которую было обращено жилище Дѣвы Маріи, вмѣстѣ съ портретомъ Ея, написаннымъ св. Лукой, были унесены ангелами отъ сарацинъ и поставлены въ Лоретѣ. Тогда человѣкъ жаждалъ смерти за вѣру—и политика представила небывалый примѣръ почти двухъ-вѣковой религіозной войны между цѣлыми частями свѣта. А когда настало всеобщее разочарованіе, при видѣ измученныхъ крестоносцевъ, принесшихъ еще заразу изъ Азіи, массами овладѣло фанатическое опьяненіе. Въ Италіи, гдѣ приставали побитые и больные крестоносцы, возникла жестокая душевная эпидемія—хлыстовщина или флягеллянты (1260). Богачи и бѣдняки, старцы и юноши, женщины и дѣти ходили толпами съ гимнами, бичуя себя до глубокихъ ранъ; во главѣ шли монахи и даже епископы, съ хоругвями и крестами; кто не присоединялся, тому приходилось плохо. Черезъ годъ болѣзнь уже овладѣла Германіей и перешла въ Польшу. Затѣмъ явились плясуны, совершавшіе дикія тѣлодвиженія въ честь св. Вита (отсюда названіе падучей—„пляска св. Вита").

Такъ какъ этотъ фанатизмъ возникъ помимо церкви, то она употребляла противъ него экзорцизмъ (§ 27) и инквизицію, конечно безуспѣшно. Но церковь, сожигавшая еретиковъ, не возставала противъ фанатизма толпы относительно евреевъ, хотя они уже не одни занимались ростовщичествомъ. Тогда узнали богохульную „Толдотъ Іешу" („Жизнь Христа"), сочинили сказки объ употребленіи евреями крови христіанскихъ младенцевъ для Пасхи и о прободеніи ими св. облатки, объявили ученыхъ евреевъ чародѣями. Тогда же возникла легенда о Вѣчномъ Жидѣ. Одинъ служитель ударилъ-де Христа, шедшаго на казнь, по лицу, прикрикнувъ: „пошелъ скорѣй!" „Я-то пойду (возразилъ Христосъ), а ты жди, пока не вернусь". Злодѣй и ждетъ до сихъ поръ, тщетно прося смерти. Племенная ненависть, а также зависть къ богатству и образованности евреевъ достигли небывалыхъ размѣровъ: ихъ избивали десятками тысячъ, особенно въ Германіи; ихъ изгоняли изъ Франціи и Англіи; ихъ убѣжищами оставались только Польша да арабская Испанія. Этихъ „невѣрныхъ" заточали въ черту осѣдлости (грязные кварталы въ городахъ), не принимали въ корпораціи, сгоняли съ полей; ихъ отли-

чали позорнымъ платьемъ паяцовъ (рогатый колпакъ и желтая пелеринка). Гоненія возрастали къ концу періода. Сожигали христіанъ, жившихъ съ еврейками; власти покровительствовали убійцамъ, которые избавляли ихъ такимъ образомъ отъ кредиторовъ. Кроткій Людовикъ Святой воскликнулъ: „только ученѣйшій богословъ можетъ спорить съ евреемъ о вѣрѣ; а рыцарь долженъ защищать вѣру Христову мечемъ, вонзая его въ тѣло богохульника, насколько влѣзетъ". Онъ же приказалъ пронзать раскаленнымъ желѣзомъ языкъ всякому нечестивцу.

Тотъ же строй мысли въ демонологіи, которая развилась до того, что, сама причастная къ ней (§ 61), церковь стала преслѣдовать ее, доказывая тѣмъ свою вѣру въ сатану: папы издавали буллы противъ нея, посылали инквизиторовъ для истребленія колдуновъ, вносили въ требникъ формулу экзорцизма. При такомъ вниманіи церкви и при всеобщемъ горѣ, чортъ сдѣлался смѣлъ и высокомѣренъ. Онъ сталъ нападать на монаховъ: храмовникъ, по уставу его ордена, „не долженъ былъ гасить свѣчи въ своей спальнѣ даже въ дорогѣ, чтобы князь тьмы не осилилъ его". Дьяволъ уже спорилъ со святыми и схоластиками. Унося душу, онъ кричалъ побѣжденному ангелу: „а ты не зналъ, что я діалектикъ!" Прежде бѣсъ ждалъ смерти человѣка, чтобы овладѣть его душой, теперь онъ хваталъ живыхъ: одного вельможу день и ночь охраняли отъ него 200 воиновъ. Въ церквахъ уже изображали сатану, а передъ нимъ народъ на колѣнахъ; въ Испаніи явилась секта „люциферіанъ". Ѳома аквинскій доказывалъ, что бѣсъ можетъ подражать Богу во всемъ естественномъ; онъ не въ силахъ только превращать человѣка въ скота и воскрешать мертвыхъ. Но зато дьяволъ сталъ легко сообщаться съ людьми, особенно съ женщинами: тогда вполнѣ выработались типы колдуна и вѣдьмы. Въ болѣе образованной Италіи колдовства не было: тамъ вѣрили только въ астрологію, въ порчу съ глазу, особенно въ талисманы. Но за Альпами, и именно въ Германіи, было царство вѣдьмы, сродной съ нѣмецкою миѳологіей (Д. И. § 262). Здѣсь колдовство, также какъ и еретичество, подлежало даже фемѣ, хотя вообще за него судили не какъ за гражданское преступленіе (взглядъ античнаго міра), а какъ за богохульство,—въ судахъ инквизиціи, которая уже начинала сожигать вѣдьмъ. Въ Германіи зарождалась даже монашеская литература, посвященная дьявольскимъ продѣлкамъ (сборникъ Цезарія Гейстербаха).

Тотъ же строй мысли виденъ въ упорномъ сохраненіи пе-

режитковъ язычества. Еще употреблялись ордаліи, несмотря на прямое запрещеніе церкви. Въ Германіи, при погребеніи, ставили на алтарь хлѣбъ, медъ, вино. Нѣмцы шли, въ 4-мъ крестовомъ походѣ, подъ начальствомъ козы и гуся — героевъ языческой миѳологіи (§ 67); они вѣрили въ „императорскую сказку" (§ 76), основа которой встрѣчается почти во всѣхъ миѳологіяхъ язычества. Въ Англіи еще вѣрили въ Артура (Д. И. § 261): одни считати его живущимъ среди антиподовъ, другіе находили кости его, его жены и его родителей. Въ рыцарской поэзіи рай — „успокоеніе въ хорошей постелѣ", въ прекрасномъ саду, съ вѣнкомъ на головѣ. У Данта точно такая же церковная космологія, какъ на тогдашнихъ картахъ. Земля — центръ міра, круглый островъ; внутри адъ, на днѣ котораго корчится Люциферъ, врѣзавшійся туда при паденіи съ неба; чистилище хотя и не въ землѣ рядомъ съ адомъ, какъ думали тогда, считая другое полушаріе залитымъ водой, но все-таки помѣщается у антиподовъ, противоположно Іерусалиму; рай земной хотя и не на крайнемъ Востокѣ, какъ думалъ даже Колумбъ, но существуетъ рядомъ съ чистилищемъ, гдѣ видны 4 звѣзды (Южный Крестъ ясенъ на арабскихъ картахъ 13-го в.). Астрономія Данта, какъ у всѣхъ тогда, — соединеніе Птолемея съ Платономъ: надъ неподвижною землей воздухъ и огонь; далѣе 7 планетныхъ сферъ (небесъ) да еще сфера неподвижныхъ звѣздъ, primum mobile или кристальное небо и эмпирей или небесный рай; всѣ небесныя движенія исходятъ изъ primum mobile, этого послѣдняго тѣла; эмпирей — не тѣло, а умственный кругъ свѣта и любви, гдѣ живетъ Богъ; движеніе сферъ происходитъ при помощи 9 ангельскихъ чиновъ, и при немъ происходитъ пѣніе сферъ или міровая гармонія. Устройство „того свѣта" у Данта — тоже, что̀ въ сказаніяхъ, проповѣдяхъ и живописи. Адъ — воронка съ 9 отдѣленіями; чѣмъ глубже, тѣмъ важнѣе грѣхи. Чистилище — воронка кверху ногами съ 9 отдѣлами: здѣсь худшее то, что въ аду лучшее (чувственность); 9-й отдѣлъ — рай земной съ древомъ жизни и Летой — рѣкой забвенія грѣховъ; но и во всѣхъ отдѣлахъ ласковыя звѣзды, ангелъ вмѣсто Харона, души не стонутъ, а поютъ; казни не вѣчны и отчасти не физическія; очистится душа — трещитъ Гора Очищенія и слышится громкое „Слава въ вышнихъ Богу". Рай небесный также съ 9 отдѣлами, по сферамъ (народъ признавалъ 7 небесъ блаженства, церковь вовсе не дѣлила святыхъ); на 8-мъ небѣ — Марія съ апостолами и Адамомъ, на 9-мъ ангелы; но во всѣхъ небесахъ миръ да

любовь къ Богу и ближнему. Такова же антропологія Данта, которую онъ раздѣлялъ со всѣми учеными той эпохи. Первая заговорила Ева, произнеся „Eli“ („Богъ“ по-еврейски); еврейскій языкъ распался, при столпотвореніи, на столько нарѣчій, сколько было различныхъ работъ; латынь изобрѣтена, по соглашенію народовъ, для объединенія интеллигенціи. Впрочемъ, позже Дантъ говорилъ, что Богъ далъ Адаму только даръ слова, языки же развились сами собой, какъ дѣло природы и благодати.

§ 91. **в) Свѣтскій реализмъ. Ереси.**—Церковный идеализмъ встрѣчается всюду и въ теченіе всего періода — въ правахъ, литературѣ, наукѣ и искусствѣ; даже его враги невольно отдавали ему дань. Но вездѣ, особенно подконецъ, ему приходилось бороться съ свѣтскимъ реализмомъ, который связанъ съ классицизмомъ и съ выступленіемъ новыхъ общественныхъ силъ. Въ жизни главными проявленіями свѣтскости были новыя воззрѣнія, которыя церковь огульно называла ересями. Тогда возникли самыя важныя ереси, прежде всего въ Италіи: здѣсь сохранялись преданія богомиловъ (§ 61), подновленныя патаріей и Арнольдомъ (§§ 46, 70), этимъ отцомъ новыхъ ересей, который первый поставилъ вопросъ объ апостольской чистотѣ и первобытной простотѣ. Отсюда движеніе распространилось по южной Франціи, Швейцаріи и Нидерландамъ. Въ старину ереси были догматическія (§§ 4, 61); теперь же, когда церковь пала нравственно и установила догму, несогласную съ Библіей, которую поэтому запретили для народа, онѣ приняли нравственное, жизненное направленіе, поддержанное такой силой, какъ францисканцы. Противъ авторитета папъ была выставлена Библія па народномъ языкѣ (она была вся переведена на французскій языкъ въ 1235 г.)—и идеаломъ праведничества стала апостольская эпоха, съ ея общиннымъ характеромъ, столь понятнымъ для городскихъ коммунъ. Противъ роскоши и мертвой обрядности церкви выдвинули нищету, т.-е. отмѣну церковныхъ имуществъ, да мистицизмъ — стремленіе непосредственно сливаться душой съ Богомъ, замѣнивши „внѣшнюю дисциплину внутреннею“, „добрыя дѣла“—подвигами христіанской любви да искреннею вѣрой и молитвой, „по личному вдохновенію“, безъ посредничества клира и святыхъ Изъ обрядовъ признавалось только причащеніе, какъ братская трапеза, притомъ съ чашей.

Вскорѣ мистики дошли до фанатизма: они пѣли свои гимны среди пламени костровъ, иногда и сами сожигались; во

Франціи и Фландріи появились Богочеловѣки. Ангелъ принесъ съ неба загадочное (папы истребили его) Вѣчное Евангеліе калабрійскаго монаха, Іоахима Флориса: здѣсь доказывалось, что настанетъ воплощеніе св Духа во всемъ (пантеизмъ), послѣ воплощенія Отца и Сына въ Авраамѣ и Іисусѣ, и что св. Духъ уничтожитъ католичество съ папой-Антихристомъ. Въ разгаръ альбигойскихъ войнъ, Амальрихъ бенскій успѣшно проповѣдовалъ въ Парижѣ Вѣчное Евангеліе; потомъ онъ отрекся, но у него осталось много учениковъ, которыхъ сожигали десятками. Въ Нидерландахъ изъ нихъ образовалась сильная секта Братьевъ и Сестеръ свободнаго духа. Къ нимъ примыкалъ свѣтскій орденъ бегиновъ и бегинокъ, основанный попомъ Бегомъ, который перевелъ Библію на голландскій языкъ и ввелъ созерцаніе и благотвореніе. Множество общинъ этого ордена встрѣчается въ 13-мъ в., особенно въ Германіи; ихъ отраслью были лолларды, посвятившіе себя уходу за больными и погребенію. Въ концѣ періода даже въ Италіи явилась Богородица, и были сожжены Сегарелли, основатель общины Апостольскихъ Братьевъ, и его ученикъ Дольчино, съ своей подругой, знатной, богатой и красивой монахиней Маргаритой. Мистикамъ придавала особенное значеніе связь съ францисканцами, которые считали, по Вѣчному Евангелію, Франциска воплощеніемъ св. Духа: ихъ секты примыкали къ этому ордену на правахъ терціаріевъ.

Важнѣе всѣхъ были ереси, утвердившіяся въ Лангедокѣ, въ эпоху его процвѣтанія. Ихъ называли общимъ именемъ альбигойцевъ, по ихъ главному городу—Альби. Душой ихъ были катары (καθαροί — чистые, отсюда нѣм. Ketzer — еретикъ), которые примыкали къ богомиламъ: въ 13-мъ в. французы называли всякаго еретика „бугромъ“ или „булгаромъ“. Они признавали творцомъ видимаго міра бога Зла, Іегову, и его сына Люцефера, для борьбы съ которымъ былъ созданъ богомъ Добра Христосъ. Отсюда ихъ презрѣніе ко всему матеріальному, чувственному — отъ мясной пищи и собственности до брака и всякой внѣшности религіи, а также непризнаніе никакихъ властей. У нихъ были только братскія трапезы, молитва, проповѣдь да рукоположеніе (consolamentum) въ смыслѣ посвященія въ „чистые“. Признавая одинъ Новый Завѣтъ на народномъ языкѣ, катары горячо возставали противъ папства, войны и смертной казни. Ихъ нравственную чистоту признавалъ самъ Иннокентій III, а Бернаръ говорилъ: „они безукоризненны, никому не дѣлаютъ

зла, не ѣдятъ даромъ хлѣба и учатъ, что всякій долженъ жить только своимъ трудомъ". Образованные и богатые промышленники (ихъ называли еще „ткачами"), катары не отдѣлялись отъ народа, который называлъ ихъ „хорошими" и негодовалъ на папскія проклятія противъ нихъ. Къ катарамъ примыкали вальденсы. Они подражали ліонскому купцу, Вальдесу, который роздалъ имѣніе нищимъ и перевелъ Евангеліе на романскій языкъ: народъ называлъ ихъ „ліонскими нищими", а они именовали сами себя „нищими духомъ" (humiliati). Зная Библію такъ, что сама церковь пользовалась ихъ сочиненіями, они усердно проповѣдовали свое ученіе даже въ формѣ народныхъ поэмъ: вальденсы ходили въ видѣ мастеровыхъ и коробейниковъ, читали „лекціи", раздавали свои книжки.

Около 1200 г. ересь альбигойцевъ охватила альпійскія долины, Испанію, Англію, потомъ Германію и Богемію. Катары кишѣли въ Ломбардіи, вліяли на выборахъ во Флоренціи, владѣли чуть не половиною домовъ въ Римѣ. Стойкость ихъ напоминала апостольскія времена. Въ Кёльнѣ инквизиторы, сожигая ихъ, пощадили одну красивую дѣвушку. „Дайте мнѣ взглянуть на моего почтеннаго учителя!" крикнула она, рванулась изъ рукъ друзей, закрыла лицо и бросилась къ нему въ костеръ. А въ Лангедокѣ у альбигойцевъ уже было цѣлое цвѣтущее государство: свои замки и города, школы и молельни, масса земель и богатствъ, даже свои соборы, свой папа и какъ бы свой государь—сильный графъ Раймундъ тулузскій, племянникъ Людовика VII. Они изгоняли прелатовъ, избивали поповъ; однажды былъ заколотъ даже папскій легатъ. Ни отъ кого клиру не доставалось такъ жестоко, какъ отъ ихъ трубадуровъ и начетчиковъ. Народъ кричалъ, указывая на монаховъ и владыкъ: „вотъ кто еретики, вотъ лицемѣры!"—и имъ приходилось переодѣваться въ свѣтское платье.

„Да расточатся всѣ до единаго эти невѣрные, что̀ злѣе сарацинъ, и пусть католики сядутъ на ихъ мѣстахъ!" возвѣстилъ Иннокентій III, поручая крестовый походъ королю Франціи. Жажда добычи, руководимый Доминикомъ фанатизмъ, ненависть сѣверянъ къ южанамъ и богачей къ врагамъ собственности—всѣ эти страсти собрали большое войско подъ начальствомъ палестинскаго рубаки, графа Симона Монфора, котораго подстрекала храбрая жена-фанатичка. Оно состояло главнымъ образомъ изъ сеньеровъ, среди которыхъ было даже не мало нѣмцевъ. Папскій легатъ одушевлялъ армію: „не оставляйте камня на камнѣ и ни живой души!" Кре-

стоносцы вѣшали, жгли, бросали въ колодцы даже женщинъ и дѣтей; погибъ и король арагонскій, пришедшій съ войскомъ на помощь къ своему родственнику, Раймунду. Война становилась все ожесточеннѣе: она переходила изъ религіозной въ династическую. Она длилась 20 лѣтъ (1209—1229). Симонъ, прозванный Католикомъ, палъ въ бою; Раймундъ умеръ, послѣ раскаянія и публичнаго бичеванія, и сынъ его передалъ графство французскому королю. Инквизиція довершала работу крестоносцевъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія. Альбигойцы не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, сами бросались въ костры—и они исчезли, вмѣстѣ съ роскошною провансальскою культурой. Уцѣлѣли отчасти одни вальденсы, которыхъ и теперь встрѣтишь въ уединенныхъ долинахъ Альпъ. Незлобивые богомольцы, жили они смиренно въ своихъ трущобахъ, узнавая другъ друга по особымъ знакамъ. Ихъ имя стало означать вообще библейскихъ христіанъ, отторгнувшихся отъ католицизма.

Помимо ересей, свѣтское, реальное міровоззрѣніе сказывалось повсюду, по мѣрѣ приближенія къ концу періода. Сама церковь, въ лицѣ вселенскаго собора, при Иннокентіѣ III, сокращала мощи, индульгенціи, интердикты и отмѣняла ордаліи. Уже 2-й крестовый походъ самъ Бернаръ считалъ „чудомъ изъ чудесъ“: тогда толпа убила одного аббата, заманивавшаго въ Палестину; противъ похода былъ аббатъ Сугерій (§ 69), любившій власть, деньги, роскошь. 4-й походъ былъ уже политическимъ и даже торговымъ предпріятіемъ; а потомъ шли только дѣти да отсталыя націи—венгры, сѣверные нѣмцы, скандинавы. Людовикъ IX заставилъ вельможъ пойти въ Египетъ, нашивши тайкомъ кресты на плащахъ, которые подарилъ имъ, по обычаю, на праздникъ. Его другъ, Жуанвиль, едва разстался съ своимъ замкомъ и ужъ не пошелъ во второй походъ; онъ также не хотѣлъ послѣдовать примѣру своего короля — обмывать ноги нищимъ, считая это гадостью. И этотъ же король-монахъ не отставалъ отъ другихъ государей въ борьбѣ съ папствомъ за независимость національной церкви. Явился даже типъ вольнодумца на тронѣ: питомецъ арабовъ, Фридрихъ II, писалъ о птицахъ и лошадяхъ, зналъ языки, довѣрялъ только доводамъ разума, былъ другомъ египетскаго султана, смѣялся въ Іерусалимѣ надъ святынями; и папа съ ужасомъ говорилъ, что этотъ „король-чума“ вѣритъ „только въ то, что̀ доказывается силою вещей и естественнымъ разумомъ“. Проѣзжая однажды по пашнѣ, вѣнчанный раціоналистъ воскликнулъ: „сколько боговъ понадѣлаютъ наши священники изъ этихъ

колосьевъ!" Фридрихъ жарится у Данта въ огненномъ гробу; а папы проклинали его, какъ „богохульника и магометанина", и приписывали ему изданную тогда кѣмъ-то книжку „О трехъ нечестивцахъ" (De tribus impostoribus).

Государи вообще придерживались свѣтскихъ взглядовъ: они опирались на среднее сословіе, этотъ очагъ реализма, выступавшаго въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ, когда они перешли въ руки горожанъ. Умный правитель, другъ наукъ, Рожеръ II неаполитанскій, думалъ и жилъ съ арабскимъ оттѣнкомъ. Филиппъ-Августъ запрещалъ отлученія за торгъ въ воскресенье и за сношенія съ евреями. Даже въ Испаніи 3 короля, отлученныхъ папой, не обращали на это никакого вниманія и жили счастливо. Когда, во время борьбы съ Фридрихомъ II, папа отлучилъ Регенсбургъ, горожане преспокойно обходились безъ духовенства: они сами хоронили своихъ покойниковъ подъ звуки трубъ. Англійскій поэтъ Мапъ говорилъ: „священникъ продастъ всю Троицу за полкопѣйки; а у папы сердце больше лежитъ къ серебрянымъ маркамъ, чѣмъ къ евангелисту Марку; пропасть римской жадности хочетъ поглотить богатство Англіи". Дорожившій папствомъ Дантъ особенно бичевалъ его пороки, осмѣивая вздорныя проповѣди нищей братіи и продажу „дутыхъ векселей на рай" (индульгенцій). Даже въ Германіи Фогельвейде восклицалъ: „Долго ли будешь спать, небесный Отецъ? Хранитель твоей сокровищницы—воръ, который обогащается насчетъ насъ, глупыхъ нѣмцевъ; твои пастыри—волки, жрущіе овецъ; твои судьи — атаманы разбойниковъ и убійцъ". На Рейнѣ пророчица предвѣщала гибель „папства, лишеннаго всякой религіи". И, въ разгаръ борьбы съ Гогенштауфенами, ходили слухи и намеки въ письмахъ, что Фридрихъ II хочетъ стать главой реформированной церкви. Въ самомъ Римѣ Арнольдъ (§ 70) ненавидѣлъ св. отца, съ его „попами и монахами". И францисканцы требовали реформы церкви.

Особенно смѣлы были французскіе трубадуры. Они пѣли: „Всѣ пороки идутъ изъ Рима, этого царства золота: приглашаемъ всѣхъ христіанъ уничтожить эту червоточину. Священники называются пастырями, а на дѣлѣ это—мясники, и я не дерзну разсказать о томъ, что̀ они дерзаютъ дѣлать. Знатность не въ породѣ, а въ добротѣ сердца и храбрости. Въ золотомъ вѣкѣ не было ни королей, ни поповъ: онъ прекратился съ появленіемъ монарховъ и собственности". Трубадуры насмѣхались даже надъ чортомъ, котораго совсѣмъ отвергали такіе ученые, какъ Абеляръ. У нихъ

уже сложился типъ рыцаря-атеиста, клянущаго все божеское. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „Да, да, Богъ поклялся не оставить въ живыхъ ни одного христіанина и превратить церковь Маріи въ мечеть. Муракъ же тотъ, кто еще идетъ противъ турокъ, которымъ Богъ все попускаетъ. Богъ прежде бодрствовалъ, а теперь спитъ: Магометъ развернулъ всѣ свои силы“. Въ Провансѣ однажды, когда монахи просили Христа-ради, толпа, скрежеща зубами, подозвала нищаго и, давая ему деньги, закричала: „возьми во имя Магомета; онъ сильнѣе Христа!“ А въ Парижѣ образовался кружокъ аверроистовъ, какъ называли тогда вольнодумцевъ. И онъ выставлялъ такіе тезисы для преній: „одни философы—мудрецы; христіанство, какъ и всякая другая религія—ложь и сказки“.

Тутъ уже не еретичество, а впервые обнаруживалось невѣріе. Раньше и сильнѣе всего оно овладѣло Франціей и Италіей. Нигдѣ церковь не подвергалась такой критикѣ, какъ въ Италіи, гдѣ на глазахъ у всѣхъ развивались пороки папства. У Данта есть папы въ аду. Самъ св. Францискъ былъ протестомъ противъ бездушія іерархіи и пророчествовалъ, въ духѣ Вѣчнаго Евангелія, что „былъ вѣкъ рабства и вѣкъ сыновняго подчиненія церкви, а теперь настаетъ вѣкъ свободы“. Интеллигенція, особенно гибеллины, уже въ 12-мъ в. склонялись къ матеріализму: эпикурейцы, жившіе въ гробахъ, занимаютъ цѣлое отдѣленіе въ аду Данта. Въ кружкѣ Фридриха II, къ которому принадлежали даже кардиналы, безсмертіе души считалось выдумкой государей для сдержки народовъ. Здѣсь былъ и типъ нечестивца, Кавальканти, который говорилъ: „одинъ конецъ, что человѣку, что скотинѣ!“ Аверроесъ прослылъ отцомъ нечестія именно потому, что за него стояли Гогенштауфены. Толпа, не любившая аверроистовъ, какъ богачей и эпикурейцевъ, выдумала, будто Фридрихъ II разрѣзывалъ брюхо живымъ людямъ для изученія пищеваренія и воспитывалъ дѣтей въ уединеніи, чтобы видѣть, на какомъ языкѣ заговорятъ они. Но сама толпа уже такъ критически относилась къ церкви, что та угождала ей пародіями на себя самое: подлѣ праздника ословъ (§ 61) возникли праздники шутовъ, когда народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, подъ надзоромъ владыки, выбиралъ потѣшныхъ епископовъ и служилъ съ ними обѣдни въ церквахъ, оскверняемыхъ тутъ же кутежемъ. Подконецъ соборы запрещали основывать новые монастыри: до того господствовали оргіи и ссоры въ разбогатѣвшихъ обителяхъ.

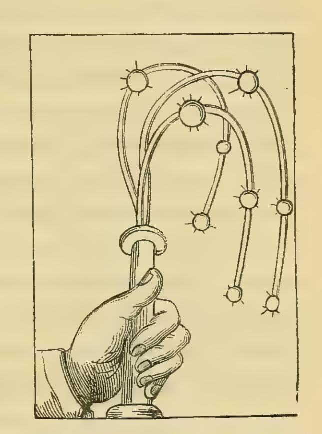
§ 92. **Нравы.**—Нравы грубѣли, подъ вліяніемъ церковнаго идеализма и усобицъ, особенно въ Германіи и Италіи. Коварство было возведено въ правило: клятвопреступленіе считалось полезнымъ средствомъ, хотя осуждалось у враговъ; Дантъ особенно негодовалъ на господство „обмана, измѣны, лицемѣрія и неблагодарности“, которыя онъ относилъ къ высшему грѣху — къ несправедливости. Тутъ церковь подавала примѣръ. Иннокентій III предписывалъ ложными обѣщаніями склонять альбигойцевъ къ сдачѣ. Инквизиція, осуждавшая до 7-го колѣна, прощала дѣтей, уличавшихъ своихъ родителей, и казнила недоносившихъ. Въ Провансѣ сожгли молодую дѣвушку, ревностную католичку, за то, что она пріютила своего отца-еретика, котораго не видала съ дѣтства. Симонія тоже развивала шпіонство и доносы, такъ какъ всякому дозволялось изобличать ее. Владыки уподоблялись сеньерамъ, а сельскіе батюшки напивались „по горло“, держали наложницъ, играли въ кости, носили оружіе, не жили въ своихъ приходахъ или дрались съ паствой и ничего не знали въ своемъ дѣлѣ. Монастыри стали притонами разврата и роскоши. Не лучше былъ угнетавшій ихъ феодалъ. Безграмотный кутила, рыцарь зналъ одну добродѣтель—гостепріимство, которое было предлогомъ къ попойкамъ и разгоняло его скуку въ промежуткахъ между разбоемъ и дикою охотой. Онъ бездѣльничалъ и подсмѣивался насчетъ своихъ шутовъ и вилланов, а жена выносила на своихъ плечахъ, кромѣ его побоевъ, все хозяйство—ткала, пряла, обшивала семью, смотрѣла за кухней, погребами и конюшнями, лечила дворню. Жонглеры уже схватили типъ богатѣвшаго буржуа — развратнаго, болтливаго эгоиста, но хитреца и вольнодумца. Они же описываютъ грязь, грубость виллана и смѣются надъ его страданіями.

Не красна была даже университетская жизнь. Профессора нищенствовали и отличались грубостью да педантизмомъ. Студенты представляли анархическую республику, шумную, грязную и развратную. Они вѣчно дрались то съ мѣщанами, то между собой; при малѣйшемъ нарушеніи ихъ вольностей, они перекочевывали всею массой изъ города въ городъ. Они или бражничали по кабачкамъ, или били своихъ подругъ, или, съ оружіемъ въ рукахъ, врывались въ дома гражданъ. Бѣднѣйшіе изъ нихъ брались за самыя низкія занятія, нето просто собирали милостыню. Оттого вскорѣ частные люди стали жертвовать деньги для устройства „бурсъ“ (стипендій) и

„коллегій“ или общежитій для студентовъ, съ монастырскими правилами, съ безбрачіемъ для всѣхъ членовъ университета. Наконецъ, крестовые походы—цѣлая эпопея эгоизма и распущенности нравовъ. Францискъ говорилъ съ отчаяніемъ, что мусульмане не въ примѣръ лучше христіанъ. Крестоносцы были шайками сброднаго люда, который не хотѣлъ никому повиноваться, руководясь только жадностью, звѣрствомъ и фанатизмомъ. Они были окружены багажомъ, слугами, мародерами, и послѣ первой побѣды бросали все и уходили домой съ добычей; они дрались между собой, и иногда въ союзѣ съ мусульманами. Развратъ пулановъ (§ 68) вошелъ въ пословицу. Не лучше было въ Латинской имперіи: герцогъ аѳинскій, Готье бріенскій, призвалъ противъ сосѣднихъ владѣтелей „великую компанію“ каталонцевъ, среди которыхъ были и турки, и всякіе разбойники; она побѣдила, но затѣмъ убила самого Готье, взяла его герцогство, переженилась на женщинахъ своихъ жертвъ, — словомъ, возобновила стратократію мамертиновъ (Д И. § 207): „katilano“ — и теперь бранное слово у аѳинянъ. Генуэзцы и венеціанцы подводили другъ друга и, ради барышей, губили Византію. Коварная политика Иннокентія III въ 4-мъ походѣ возмущала самыя вѣрующія души не меньше, чѣмъ поведеніе восточныхъ императоровъ, которые, при нуждѣ, всѣ обѣщали папамъ окатоличиться, а потомъ проклинали ихъ. Крестоносцы грабили грековъ, а тѣ подводили ихъ подъ удары турокъ или расправлялись съ ними, какъ въ константинопольскій мятежъ 1182 г., когда легатъ былъ обезглавленъ и брошенъ въ ровъ вмѣстѣ съ собакой, больные латинянъ были перерѣзаны въ госпиталяхъ и 4.000 ихъ женщинъ и дѣтей были проданы мусульманамъ. Норманны отплатили грекамъ такими же звѣрствами при взятіи Ѳессалоники.

Жестокость вообще преобладала. переходя у аскетовъ въ самоистязаніе. Война была прямо разбойничествомъ. По словамъ капеллана 1-го крестоваго похода, крестоносцы, при разграбленіи турецкаго лагеря, „не сдѣлали ничего дурного женщинамъ; они только погрузили свои мечи въ ихъ нѣдра“. Передъ 4-мъ походомъ, византійскій императоръ, среди мира, бросилъ въ тюрьму всѣхъ венеціанцевъ въ своихъ владѣніяхъ (20.000) и захватилъ ихъ имущества. Онъ не лучше поступалъ и съ своими: по малѣйшему доносу имъ выкалывали глаза, отсѣкали члены. Когда императору принесли голову одного мятежника, онъ велѣлъ подать ее себѣ за обѣдомъ; и придворные играли ею,

какъ мячемъ, стрѣляли въ ея открытый ротъ, затѣмъ понесли ее, на копьѣ, къ вдовѣ несчастнаго. Генрихъ VI (§ 75) сдиралъ кожу съ неаполитанцевъ, распиливалъ ихъ пополамъ, жарилъ въ смолѣ, зарывалъ живьемъ въ землю. Подобными же ужасами ознаменовали нѣмцы крещеніе славянъ и пруссовъ. Голое Христово воинство подъ Толозой (§ 81) начало съ вырѣзыванія евреевъ, чтобы воспользоваться ихъ достаткомъ. Поединокъ встрѣчался на каждомъ шагу, по любому поводу: подконецъ одинъ кастильскій король прибѣгнулъ къ нему, чтобы рѣшить—ввести ли римское право въ своей странѣ, или нѣтъ. Работорговля была еще въ ходу: евреи продавали плѣнныхъ европейцевъ въ Ліонѣ и Римѣ, генуэзцы—русскихъ и черкесъ въ Египтѣ.

Бичъ или трехвостка. Изъ «Космографіи» Мюнстера. 1541 г.

Сохранялись прежнія лютыя казни (§ 62), съ прибавленіемъ костровъ, которые поджигались въ Испаніи самимъ королемъ; на крайнемъ западѣ преобладалъ топоръ, въ Германіи—презрѣнная висѣлица, красовавшаяся при въѣздѣ въ каждый городъ (Henker, палачъ, значитъ собственно вѣшатель); иногда разрывали преступника, привязавъ коней къ рукамъ и ногамъ. Грозный бичъ или трехвостка (лат. flagellum, русскій кнутъ) свирѣпствовалъ, какъ обыденное дѣло. Это орудіе наказанія и по суду, и въ школахъ состояло изъ 3 ремней, со „скорпіонами“ или жалящими свинцовыми шариками. Оно носило священный характеръ, потому что имъ били Христа и апостоловъ: оттого трехвостка служила въ монастыряхъ и у флягеллянтовъ для самобичеванія аскетовъ. Кровопролитіе почти не считалось преступленіемъ: позорно было только воровство, и вора убивали безъ суда; его спасало только поступленіе въ палачи, причемъ ему отрѣзывали уши. Главными типами были окровавленный аскетъ Францискъ, благочестивый палачъ Доминикъ да злодѣй-рыцарь Ричардъ Львиное Сердце, нравственное уродство котораго особенно оттѣнялось свѣтлою личностью Саладина. Агамемнонъ рыцарскаго эпоса, Карлъ Великій, рисуется „желѣзоломомъ“ (brise-fer) 8-ми футовъ росту, который гнетъ 3 подковы заразъ, подымаетъ рыцаря въ вооруженіи и совершаетъ нелѣпыя звѣрства. „Святой“ Роланъ разрываетъ свои пеленки и возбуждаетъ хохотъ нянекъ

своимъ обжорствомъ; бѣшеный, циничный съ дамами, онъ такъ жметъ руку Карлу, что у того кровь брызнула изъ-подъ ногтей, а Карлъ восклицаетъ: „вотъ соколъ христіанства!“. Сидъ (§ 54)—разбойникъ изъ кастильской знати, обманомъ захватившій Валенсію: онъ служилъ и своимъ, и маврамъ, разрушалъ церкви и мечети, плѣнницъ продавалъ въ рабство, а мужчинъ бросалъ на растерзаніе псамъ. А Рауль камбрейскій—истинная эпопея людоѣдства. Воплощеніемъ его въ жизни былъ одинъ феодалъ въ Бретани, владѣлецъ гибельной для мореходовъ скалы. Онъ говорилъ, указывая на нее: „вотъ у меня алмазъ, какого нѣтъ ни въ одной коронѣ!“ и завлекалъ къ своей скалѣ несчастныхъ лживыми огнями. Съ нимъ могъ поспорить въ лютости архіепископъ майнцскій, который подавалъ примѣръ при избіеніи евреевъ на Рейнѣ (§ 67) и обогатился больше всѣхъ. Когда, во время альбигойскихъ войнъ, начальникъ хотѣлъ пощадить одинъ сдавшійся городъ, крестоносцы вопили: „мы пришли истреблять, а не миловать!“. Еретики отвѣчали крестоносцамъ и инквизиторамъ тѣмъ же.

Подъ Антіохіей крестоносцы бросали въ городъ изъ машинъ головы плѣнныхъ, а если кого отпускали, то съ отрѣзаннымъ носомъ или съ выколотыми глазами. Тамъ же, дѣтски увѣровавши въ копье (§ 67), потомъ подвергли нашедшаго прохожденію между костровъ, и, какъ со святого, рвали съ него одежду вмѣстѣ съ клочками мяса; а когда несчастный умеръ отъ ранъ, объявили его обманщикомъ и бросили копье, съ которымъ столько носились. Когда взяли Дольчино, который долго отбивался въ горахъ и истязалъ плѣнныхъ, сначала сожгли на его глазахъ Маргариту, потомъ водили самого по улицамъ, отрывая членъ за членомъ раскаленными щипцами. Въ Римѣ сынъ графа Симона (§ 80) выслѣдилъ сына Ричарда Львиное Сердце и, мстя за убіеніе своего отца его дядей, безнаказанно убилъ юношу у алтаря и выволокъ трупъ за волосы на площадь Въ Римини безобразный тиранъ города закололъ свою красавицу-жену, Франческу, и своего красавца-брата—фактъ, трогательно описанный Дантомъ. Въ Веронѣ цѣлое поколѣніе свирѣпствовалъ другъ Фридриха II, графъ Эцелино да Романо. Даровитый и воздержный, но жадный, бѣшеный и суевѣрный извергъ, съ дикимъ взоромъ и страшными манерами, онъ истреблялъ цѣлыя семьи гвельфовъ въ с.-в. Италіи, особенно своихъ соперниковъ, графовъ Эсте феррарскихъ. У него были такія темницы съ пытками, что въ нихъ живые завидовали мертвымъ; кто пытался бѣжать, тому

отрубали ноги. Чѣмъ больше тѣни жертвъ преслѣдовали „дьявола въ образѣ человѣка", тѣмъ подозрительнѣе и жесточе становился онъ. Когда миланцы изловили его, онъ ускорилъ свою смерть, сорвавши повязки съ ранъ. Брата Эцелина, такого же изверга, растерзали конями; но прежде убили на его глазахъ его жену, 6 сыновей и двухъ дочерей-красавицъ.

Въ Англіи лѣтописецъ такъ описываетъ ужасы междоусобія по смерти Генриха I: „вѣшали людей за ноги надъ вонючимъ дымомъ, нето за большой палецъ или за голову, а подъ ногами разводили огонь; однимъ затягивали черепъ узловатой веревкой, пока она не вопьется въ мозгъ, другихъ замучивали въ подземельяхъ, гдѣ кишѣли змѣи, ужи, жабы, или давили въ узкихъ и мелкихъ ящикахъ съ острыми камнями, пока не расщеплялись члены; во многихъ замкахъ были ужасныя, противныя штуки, едва подъ силу поднять двумъ-тремъ человѣкамъ,—родъ желѣзныхъ цѣпей, которыми привязывали къ столбу за шею, такъ что ни тебѣ сѣсть, ни лечь; много тысячъ переморили голодомъ". А самъ Генрихъ I велѣлъ выколоть глаза одному сатирику, чтобы „другіе стихоплеты видѣли, что̀ значитъ оскорблять короля Англіи"; поэтъ вырвался изъ рукъ палачей и разбилъ себѣ черепъ о стѣну. Іоаннъ Безземельный каждый день вырывалъ по зубу у богача-еврея, пока не получилъ денегъ. Далѣе къ востоку къ этой картинѣ прибавляется грязный оттѣнокъ.

Съ появленіемъ городовъ, у нѣмцевъ развивалось пьянство: виноторговля стала одною изъ главныхъ статей городского хозяйства. При дешевизнѣ напитковъ, развелись кабаки и трактиры: у каждаго цеха была своя „пивная", гдѣ почти всегда и обѣдали, покидая семьи; всеобщимъ клубомъ былъ „ратушный погребъ", куда приходили съ женами и дочерьми. Во время междуцарствія, опьянѣлая толпа истребляла церкви и монастыри, особенно женскіе, покрывала коней ризами, привязывала плѣнныхъ къ хвостамъ лошадей. Еще грубѣе были скандинавы, въ особенности же венгры. Вѣчная борьба съ поляками и русскими да наплывъ подонковъ рыцарства, татаръ и кумановъ произвели въ Венгріи распущенность нравовъ. Здѣсь воровство дошло до того, что стали казнить за украденную курицу; въ шатрахъ кумановъ происходили цыганскіе кутежи, и полудикія куманки кружили головы даже королямъ, воспитаннымъ въ Византіи и Италіи.

При всеобщей грубости на Западѣ и при знакомствѣ съ

Азіей, женщина не могла возвыситься. Она сошла съ общественной сцены (исключеніе — Бланка, § 79); только у еретиковъ она отличалась мужествомъ и даже богословскою начитанностью. Въ идеалѣ она становилась царицей жизни: сантиментальная женственность проникала всюду; Христа называли не иначе, какъ „сыномъ Маріи"; „дама сердца" посылала рыцаря на смерть. Но на дѣлѣ женщина оставалась рабой и грубою забавой. Рыцарь взваливалъ всѣ домашнія работы на жену и даже по закону имѣлъ право бить ее, только „разумненько". Онъ больше уважалъ своего коня и сокола, чѣмъ свою подругу, съ которою считалъ унизительнымъ совѣщаться: она вставала передъ нимъ и называла его „мой господинъ, мой баронъ". Изъ выгоды рыцарь отдавалъ дочь замужъ съ пяти лѣтъ; а наслѣдницъ леновъ король принуждалъ немедленно выйти за одного изъ трехъ его жениховъ. Женщина считалась низшимъ созданьемъ. Одинъ монахъ, разбитый въ богословскомъ спорѣ графиней-катаркой, замѣтилъ ей: „идите-ка, сударыня, за свою прялку; это — не вашего ума дѣло". Дантъ, раздѣляя ходячее мнѣніе, что Ева, какъ „черезчуръ быстрая", первая заговорила, недоумѣвалъ, какъ „такое важное дѣло досталось женщинѣ, а не мужчинѣ". Женщину считали еще вмѣстилищемъ зла и нечистоты — и она стала вѣдьмой, франтихой и бой-бабой: здоровыя, пускавшія въ ходъ кулаки и ногти, пылкія и болтливыя дамы замковъ молодцовато ѣздили верхомъ по-мужски, роскошно наряжались, бѣшено веселились, нагло осаждали скромныхъ юныхъ рыцарей хохотомъ и грязными шутками. Въ концѣ періода поэзія, окружавшая женщину сначала идеальною любовью, стала изображать ее въ неприличномъ видѣ. Во Франціи появились даже увеселительныя корпораціи и дома, быстро распространившіеся повсюду, особенно въ Германіи; и ихъ дозволялось посѣщать безбрачному духовенству.

Но были и проблески улучшенія нравовъ. Еретики отличались нравственностью, по свидѣтельству самой церкви. Города вводили въ жизнь трезвый элементъ общественности, съ ея критикой. Въ нихъ появились госпитали, богадѣльни, пріюты, подконецъ и воспитательные дома. Даже у феодаловъ возникли чувство чести, состраданіе къ слабому, въ особенности же любезность, галантность или куртуазія, т.-е. придворность: она — плодъ министеріаловъ (§ 59); и потому служеніе „дамѣ" было данью не полу, а званію, госпожѣ. Куртуазія возникла у французскихъ трубадуровъ и испанскихъ мавровъ, тамъ съ примѣсью

чувственности, здѣсь — съ оттѣнкомъ состраданія къ слабому полу. Наконецъ, важнѣе всего, что подконецъ фанатизмъ слабѣлъ, съ развитіемъ просвѣщенія. И уже выступали гибкіе, двусторонніе характеры переходной поры — Фридрихъ II, Людовикъ IX, Дантъ; а за ними слѣдуютъ новые, захватывающіе 14-й в. люди, — Бонифацій VIII, Альбрехтъ, Филиппъ IV, Эдуардъ I. А въ разгаръ крестовыхъ походовъ смягченію нравовъ способствовалъ идеалъ рыцарства.

§ 93. **Рыцарство**. — Рыцари были давно, рыцарство возникло только теперь. Это — идеалъ, такой же, какъ христіанство, и прямо связанный съ нимъ: каждый рыцарь понималъ его, но жилъ противно ему. Насколько возвышенно и наивно было рыцарство, настолько же грубы, своекорыстны были рыцари, за исключеніемъ такихъ рѣдкихъ идеалистовъ, какъ Готфридъ бульонскій и Людовикъ IX. Созданіе церковнаго идеализма и поэзіи, рыцарство было однимъ изъ главныхъ отличій среднихъ вѣковъ: это — „почетная стража феодализма". Но въ немъ столько общечеловѣческаго благородства, что феодализмъ давно исчёзъ, а и теперь говорится о „рыцарскихъ" поступкахъ и характерахъ. Рыцарство — идеальное военное братство, обнимавшее всѣхъ „всадниковъ" (§ 59), т.-е. весь военный чинъ. отъ простого рыцаря до короля, безъ различія націй. Это — не казенное учрежденіе; но условность его правилъ, строгость его обычаевъ были сильнѣе законовъ, которыхъ тѣ же феодалы никогда не исполняли: оттого рыцари отдаленнѣйшихъ странъ понимали другъ друга, какъ товарищи. Внѣшняя форма рыцарства вытекла изъ обычая германцевъ посвящать юношу въ воины, на сходкѣ родичей, посредствомъ врученія копья и щита. Его вспомнили въ концѣ 11-го в., когда на югѣ Франціи составлялись товарищества для поддержанія „Божьяго мира": тогда же провансалецъ Прёльи ввелъ турниры (torneamentum, tournoi) — рыцарскіе маневры или военныя игры. Рыцарство постепенно переходило изъ Прованса въ другія страны, вмѣстѣ съ пѣснями трубадуровъ. Церковь сообщила ему внутреннее содержаніе. Сначала осуждая кровопролитіе на основаніи Евангелія (взглядъ, сохранившійся у еретиковъ), она уже въ лицѣ Августина по необходимости стала за войну. Въ 9-мъ в. папы возвѣстили: „кто умретъ въ битвѣ, тому откроются врата Неба". Затѣмъ они устроили крестовые походы и освятили духовно-рыцарскіе ордена.

Рыцарство — такой же орденъ: это — войско на службѣ

у церковнаго идеализма. Его первою заповѣдью было „служить Христу и св. церкви“: такъ говорили мать, снаряжая сына, и духовникъ, освящая его мечъ. Рыцаря называли „Божіимъ воиномъ“. Онъ каждый день былъ у обѣдни, часто постился и все поминалъ Дѣву Марію; онъ обязывался истреблять „сарациновъ“, т.-е. всякаго не-паписта, и защищать слабыхъ—монаховъ, церковниковъ, сиротъ и нищихъ. Въ одномъ романѣ говорится двуострому мечу: „однимъ остріемъ коли богача, прижимающаго бѣдняковъ, другимъ—сильнаго, угнетающаго слабыхъ“. Истинный рыцарь, Готфридъ, былъ просто братъ милосердія: онъ устраивалъ госпитали, кормилъ нищихъ изъ собственныхъ рукъ. Безкорыстный поборникъ добра, рыцарь долженъ все прислушиваться, не зовутъ ли гдѣ на помощь, и летѣть на борьбу со зломъ. Онъ долженъ быть также воздерженъ, цѣломудренъ и честенъ даже въ обращеніи съ словомъ: феодальная присяга пріучала его держать свое слово; онъ клялся „нелживымъ Богомъ“. Второю заповѣдью рыцаря было платоническое служеніе слабому полу, но не женщинѣ, а дамѣ сердца — условному идеалу сантиментальной женственности, который обожался по сложнымъ правиламъ „науки любви“ или куртуазіи, придворной вѣжливости. Тиранъ своей жены, рыцарь былъ обязанъ идти на смерть по прихоти дамы сердца, которой онъ иногда почти не зналъ; наградой ему были лента, шарфъ, перчатка, рукавъ богини. Одинъ нѣмецъ даже разъѣзжалъ въ образѣ Венеры, съ распущенными волосами, вызывая всякаго на бой въ честь своего божества. Третья заповѣдь рыцаря—вѣрность или исполненіе своихъ феодальныхъ обязанностей, если это не противорѣчило церкви: измѣнникъ сюзерену шелъ въ Іерусалимъ простымъ богомольцемъ. Кто позорилъ рыцарство, особенно трусостью (рыцарь не долженъ бѣжать и передъ сотнею враговъ), того разжаловали—торжественно ломали ему шпоры.

Эти шпоры, главный признакъ рыцаря, добывались нелегко. Окрестивши мальчика чрезъ погруженіе (такъ крестили во всѣ средніе вѣка) и съ помощью нѣсколькихъ паръ крестныхъ (одна пара изъ нищихъ), его держали до 7 л. въ дѣтской, по-спартански, закаляя тѣло верховой ѣздой, фехтованьемъ, гимнастикой и охотой, а для души довольствовались шахматами, музыкой, пѣніемъ, въ особенности же стихами и сказками трубадуровъ. Внѣ Франціи учились немного французскому языку, уже полезному въ путешествіи. Отецъ наставлялъ сына въ кур-

туазіи и внушалъ ему: „будь почтителенъ съ своимъ братомъ и гордъ съ чернью; въ дорогѣ всѣмъ кланяйся; въ чужихъ людяхъ не болтай, все улыбайся и дѣлай видъ, будто ничего не видишь и не слышишь; не напивайся; съ дамами будь, какъ красная дѣвица; а главное, помни—дѣлай, что должно, будь что будетъ“. Затѣмъ мальчикъ поступалъ къ патрону или дядькѣ—къ извѣстному рыцарю, а чаще къ сюзерену отца, и назывался „щитоносцемъ“, а иногда „валетомъ, т.-е. вассаликомъ, (valet—

Рыцарскій гонецъ. 13-го в. Миніатюра парижской библіотеки.

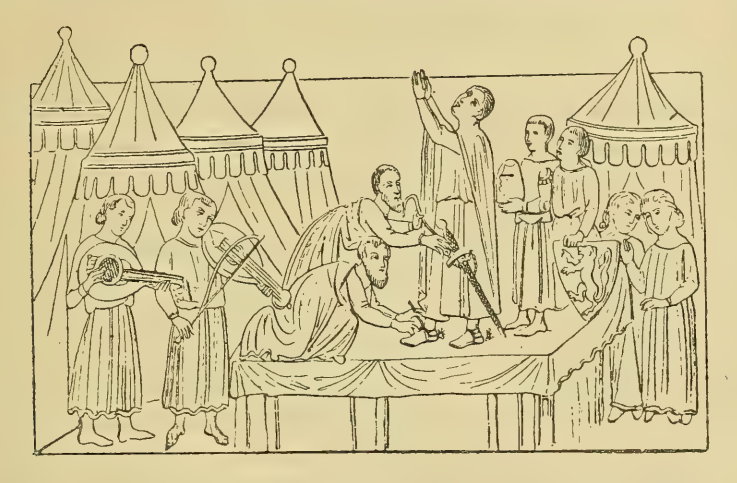
отъ vassallet) и барченкомъ“ (damoiseau—отъ domnicellus, нѣм. Jungherr, откуда—юнкеръ). На войнѣ этотъ „питомецъ“ несъ щитъ патрона, одѣвалъ его, чистилъ ему доспѣхи и коня; самъ онъ не смѣлъ носить шлемъ и кольчугу и былъ вооруженъ только палицей или рогатиной. Дома щитоносецъ служилъ за столомъ, стоя позади гостя, ночью обходилъ замокъ дозоромъ, ѣздилъ гонцомъ: привяжутъ ему на шею коробочку съ письмомъ, запечатаннымъ воскомъ, дадутъ легкаго коня, ржаного хлѣба, сыру и вина; онъ вооружится, возьметъ въ руку вѣточку или жезлъ господина, прихватитъ сокола на руку—и смѣло скачетъ съ веселыми пѣснями, зная, что тамъ получитъ хорошую подачку.

На 21-мъ г. происходило посвященіе въ рыцари, на

Пасху или Троицу, а на войнѣ — тотчасъ послѣ славнаго подвига. Каждый рыцарь могъ быть посвятителемъ; но юноша выбиралъ больше отца или сильнаго сюзерена. Знатный даже ѣздилъ къ королю, который радъ былъ пріобрѣсти вѣрнаго слугу: пріѣдетъ въ столицу, угоститъ всѣхъ поцарски, одаритъ одеждами — и пошла слава про новаго важнаго рыцаря. Обрядъ сначала былъ чисто-военный. Вымытый наканунѣ, убранный въ лучшія одежды и доспѣхи, новобранецъ вскакивалъ на рослаго боеваго коня, не касаясь стремени, галопировалъ по двору и сбивалъ копьемъ чучело рыцаря. Посвятитель опоясывалъ его мечемъ на крыльцѣ замка, пригонялъ ему шпоры и, съ словами: „будь храбръ!“ давалъ ему „рыцарскій ударъ“ — сначала „военную оплеуху“ или ударъ ладонью по затылку, приводившій матерей въ трепетъ, потомъ троекратное прикосновеніе мечемъ плашмя къ плечу. Къ концу періода обрядъ принималъ церковный и пышный характеръ: его даже называли „таинствомъ“. Въ посвятители выбирали аббатовъ, епископовъ, папъ. Юноша „омывался отъ грѣховъ“ въ ваннѣ, постился, одѣвался въ бѣлое, прикладывался къ рукояти меча, гдѣ задѣлывались мощи. Онъ клалъ наканунѣ доспѣхи на алтарь и совершалъ ночное бдѣніе въ церкви. Затѣмъ обѣдня — и владыка опоясывалъ новобранца освященнымъ мечемъ, прикоснувшись имъ къ его шеѣ. При выходѣ изъ церкви, ждали толпы нищихъ и трубадуровъ, которыхъ щедро одаряли. Въ сопровожденіи названныхъ отовсюду гостей, которымъ наканунѣ показывали дорогой уборъ новаго рыцаря, словно приданое, ѣхали на лугъ передъ замкомъ, гдѣ посвященный показывалъ свою выѣздку, сбивалъ чучело (пережитокъ — въ нашихъ каруселяхъ) и совершалъ рыцарскія игры со сверстниками. Въ заключеніе — пиръ горой, иногда цѣлую недѣлю: обжорство, охота, танцы, скоморохи, трубадуры, а главное — разливанное море, причемъ царствовалъ цинизмъ, раздѣляемый самими дамами, и происходили потасовки до убійствъ. Особенно дорого обходилось посвященіе старшаго сына: въ этомъ случаѣ, на подданныхъ налагалась особая подать или „помощь“.

Надѣлъ новый рыцарь на палецъ именное кольцо жены (долго въ этомъ состоялъ весь брачный обрядъ), получилъ приданое (рѣдко гдѣ сохранялся древній обычай покупки невѣсты или „утренняго подарка“ женѣ на другой день послѣ свадьбы), обзавелся кучей дѣтей (по дюжинѣ мальчиковъ), — а скука смертная. Чуть зорька — рожокъ на башнѣ и благовѣстъ въ часовнѣ: все подымается и идетъ къ заутрени; въ тусклой церкви распрости-

раются по землѣ крестомъ или стоятъ съ поднятыми руками, какъ въ древности (съ 14-го в. становятся на колѣни и кладутъ земные поклоны). Затѣмъ—завтракъ, въ полдень обѣдъ, на ночь ужинъ. Рыцарша хлопочетъ по хозяйству да возится съ дѣтворой; но рыцарь не знаетъ, какъ убить время. Онъ ловитъ рыбу, стравляетъ медвѣдей и кабановъ; заглянетъ къ работающимъ женщинамъ, среди которыхъ неизбѣжно дремлетъ огромный песъ; пофехтуетъ, подастъ нищему, распечетъ многочисленную дворню, а главное—играетъ, даже съ дѣтьми, въ шахматы и кости да глазѣетъ съ башни на прохожихъ. Но первая задача—получше да почаще ѣсть

Посвященіе въ рыцари. 13-го в. Миніатюра въ парижской библіотекѣ.

и пить: рыцарь храпѣлъ и ночью, и въ полдень, пускалъ себѣ кровь, ставилъ банки и рожки̇, часто принималъ ванны. Отъ бездѣлья и грубости часто въ замкѣ содомъ, барская расправа: заслыша голосъ хозяина, трепетала не только дворня, но и его дамы и дѣти, которыя цѣловали ему ноги и шпоры. Появленіе новаго лица—праздникъ для замка, хотя бы то былъ простой богомолецъ, отшельникъ, трубадуръ или скоморохъ, не говоря уже о коробейникѣ съ прельстительнымъ товаромъ всякаго сорта. Но особенно рады гостямъ: ихъ встрѣчаютъ съ поцѣлуями (и мужчины лобызались, а важнымъ лицамъ цѣловали ноги и шпоры), одѣваютъ въ свое платье, помѣщаютъ въ запасные покои; первое дѣло—имъ ванна, а ихъ конямъ новыя подковы. Спѣшатъ съ большимъ обѣдомъ, послѣ котораго хозяйка одѣляетъ гостей поясами, матеріями, мѣхами, скоморохи дурачатся, трубадуры поютъ, и имъ всѣ подпѣваютъ. Затѣмъ кто идетъ на лугъ фехто-

вать и сбивать чучела, кто любуется травлей звѣрей, кто увлекается шахматами до драки; дамы бѣгаютъ взапуски, играютъ въ фанты, водятъ хороводы. А вечеромъ—новая попойка, оживляемая романсами трубадуровъ и розказнями бывалыхъ рыцарей.

Любимою забавой рыцаря была охота: даже у дамъ и дѣтей были свои своры и ловчія птицы. Особенно цѣнилась соколиная охота: лучшимъ подаркомъ былъ ученый соколъ. Жизнью рыцаря была драка. „Будь я одной ногой въ раю, я выскочилъ бы, чтобы подраться!“ восклицаетъ онъ въ романѣ. Рыцарь придирался ко всему, чтобы оскорбиться и вызвать кого-нибудь на бой, кинувъ ему въ лицо перчатку или клокъ волосъ изъ своей шубки. Его торжествомъ были турниры (стр. 246), на которые приглашались всѣ, даже чужеземные, бойцы глашатаями и пергаментами, развѣшанными на придорожныхъ деревьяхъ. Здѣсь сначала сражались серьезно, стѣна на стѣну, потомъ поединками и съ притупленнымъ оружіемъ. Рыцари располагались въ сосѣднихъ мѣстечкахъ или въ палаткахъ на лугу. Поприще состязанія обносилось частоколомъ; для дамъ и судей—трибуны. Послѣ заутрени, бойцы въѣзжали въ загородь, а за ними—толпа трубадуровъ и скомороховъ. Герольдъ (нѣм. haren—звать, кричать), знатокъ боевыхъ правилъ, куртуазіи и пѣсенъ, выкрикивалъ имена бойцовъ, подбодряя ихъ за деньги и побуждая къ тому же дамъ, кидавшихъ ленты, шнурки, рукава, которые вздыхатели прицѣпляли къ своимъ копьямъ. Иногда набиралось нѣсколько тысячъ храбрецовъ, и дрались они по цѣлымъ днямъ. Задачей было сломить по три копья, стараясь свалить противника ударомъ въ грудь или горло. Чтобы не передрались на смерть, пазначался срокъ битвы по песочнымъ часамъ: да и то бывало много разбитыхъ зубовъ, ногъ и рукъ. Но иногда разъяренные рыцари требовали „стараго“ турнира: тутъ выѣзжали въ поле и дрались стѣнами, нація съ націей, провинція съ провинціей, дрались до-темна, задыхаясь, ничего не различая отъ пыли и азарта; и бывало много убитыхъ, иногда больше, чѣмъ на войнѣ. Увлекались тѣмъ болѣе, что побѣжденный дорогою цѣной выкупалъ своего коня и оружіе (§ 58): каждому хотѣлось возмѣстить убытки на снаряженіе; иной ухлопывалъ все состояніе на блескъ своей турнирной выправки. Конечно, послѣ боя шелъ богатырскій пиръ на всю ночь.

Турниры были подготовкой къ войнѣ, на которую рыцарей созывали грамотами, а чернь — набатомъ. Рыцарь оставлялъ завѣщаніе у монаховъ, прося похоронить его кости

въ церкви, поближе къ алтарю. Передъ битвой причащались и цѣловались. Умирая, рыцарь принималъ схиму и одѣлялъ дворню и нищихъ. Его сердце и внутренности отдавали въ монастырь, тѣло зашивали въ саванъ и оленью шкуру; гробъ наполняли пахучими травами и духами, покрывали парчей, давно припасенной покойникомъ, и опускали въ каменный склепъ, надъ которымъ сажали дерево. Вдова сожигала свои наряды, и наставала недѣля траура. Всѣ молились, да возьмутъ ангелы усопшаго въ рай, да вступитъ онъ туда „съ цвѣтами на головѣ и съ пѣснями“, да ожидаетъ онъ тамъ мирно Страшнаго Суда, когда „задрожатъ сами святые, какъ листья смоковницы, и Іисусъ покажетъ имъ свои раны, изъ которыхъ потечетъ кровь“.

Рыцарство было тогда въ полномъ цвѣту на всемъ материкѣ: только въ серьезной и уединенной Англіи, гдѣ въ немъ не было нужды, сквайры уже перестали добиваться „посвященія“, довольствуясь своимъ скромнымъ деревенскимъ удѣломъ.

§ 94. **Просвѣщеніе.**—Въ идеальной культурѣ особенно замѣтенъ переворотъ, произведенный крестовыми походами. Здѣсь, вмѣстѣ съ паденіемъ іерархіи, ясно падалъ и церковный идеализмъ. Христіанство распространялось мало; и лишь въ концѣ періода, когда перестали увлекаться Палестиной, оно проникло къ послѣднимъ язычникамъ—литовцамъ и финнамъ. Попытки же обращать мусульманъ въ Испаніи, Африкѣ и даже Монголіи оказались безуспѣшными. Церковныя школы, держась рутины, не удовлетворяли жаждѣ знаній; ихъ кухонная латынь дошла до крайняго безобразія. Мракъ невѣжества царствовалъ среди питомцевъ церкви—высшихъ классовъ. Рыцари даже презирали ученіе: они предоставляли грамотность своимъ дамамъ, а главное—въ замкахъ проживали клерки, которые писали имъ письма и лечили ихъ раны доморощенными травами да пластырями. Даже въ Провансѣ рѣдкій сеньеръ могъ читать по-романски, не говоря уже про латынь; сынъ Людовика IX не умѣлъ писать. Въ Англіи королевскіе автографы начинаются лишь съ конца періода, а женскіе—100 лѣтъ спустя. Въ Германіи сначала даже поэты диктовали свои пѣсни клеркамъ. Въ Венгріи магнаты и короли дѣлали объявленія черезъ герольдовъ, вообще игравшихъ тогда видную роль отъ недостатка грамотности; лишь въ концѣ періода юные царедворцы стали ѣздить въ Парижъ учиться. Учеба рыцаря ограничивалась нагляднымъ обученіемъ: по коврамъ и обоямъ изучалъ онъ исторію (Даніилъ, Іона и три отрока въ

пещи; Троя, Александръ Великій, Цезарь и Карлъ Великій), по миніатюрамъ—космографію Козьмы (§ 24), по картамъ 11-го в.—географію „Апокалипсиса“ монаха 8-го в., Беата, гдѣ кипитъ океанъ къ югу отъ Африки и процвѣтаетъ рай на землѣ, за желѣзною стѣной до небесъ.

Но по мѣрѣ паденія церкви, выступалъ свѣтскій реализмъ, связанный съ классицизмомъ, которому помогли крестовые походы. Столкновенія между европейцами, сношенія съ Востокомъ и Византіей. прямое знакомство съ арабскою культурой—все разжигало любознательность и выдвигало античное міровоззрѣніе. А такъ какъ крестовые походы отвлекали рыцарей отъ ученія и подготовляли ихъ паденіе, то выступили низшіе классы, съ ихъ жаждой жизни, съ ихъ разнообразными талантами, съ ихъ смѣлою пытливостью: даже братства рабочихъ были родникомъ ересей и свободомыслія; и церковь не терпѣла ихъ. Здѣсь явились трубадуры, студенты, купеческіе секретари, законовѣды, которые умѣли бойко писать: слово „клеркъ“ стало означать не церковника, а грамотѣя. Блеснулъ даже рѣдкій идеалъ женской культуры въ лицѣ Элоизы, знавшей не только латынь, но также греческій и еврейскій языки. Возростала частная переписка, которой помогла взятая у мавровъ писчая бумага, сначала хлопчатая, потомъ тряпичная. Возникала книжная торговля: подлѣ переписчиковъ (librarii и antiquarii), которые также расписывали и переплетали рукописи и продавали пергаментъ, завелись книжники (stationarii: statio—лавка), вызванные университетами, которымъ они доставляли рукописи, какъ посредники.

Но книги были дороги и рѣдки: требовалось устное преподаваніе. И вотъ, между тѣмъ какъ рыцари уходили въ Палестину, другая армія, молодежь изъ простыхъ, шла къ новымъ учителямъ-бѣднякамъ, которые диктовали свои лекціи, и оттого тщедушные предметы проходились не менѣе какъ въ 5—7 л. Такъ какъ тогда все превращалось въ корпорацію, то и студенты и магистры „всѣхъ“ націй составляли университеты, которымъ папы давали уставы, а короли—привелегіи. Въ Италіи, гдѣ учились взрослые, студенты сами выбирали профессоровъ и подчиняли ихъ своимъ правиламъ; въ Парижѣ, гдѣ было много почти мальчиковъ, они подчинялись профессорамъ и розгѣ канцлера. Университеты родились въ Италіи, вмѣстѣ съ республиками. Первые изъ нихъ возникли почти въ одно время (1158) въ Болоньѣ—для юриспруденціи и въ Са-

лерно—для медицины. Въ Болоньѣ вскорѣ было уже до 10.000 студентовъ, но потомъ часть ихъ перекочевала въ Падую — и тамъ образовался второй центръ юриспруденціи. Фридрихъ II основалъ въ Неаполѣ высшую школу „всѣхъ“ наукъ — первый университетъ въ нашемъ смыслѣ: всѣ другіе были посвящены каждый особой наукѣ. Этотъ предтеча итальянскаго Возрожденія создалъ свой университетъ для того, чтобы его подданные „не вымаливали себѣ знанія на чужбинѣ“. Онъ писалъ: „наука должна идти наравнѣ съ законами и оружіемъ; безъ нея не можетъ быть достойной жизни; она дѣлаетъ насъ болѣе способными управлять самими собой и государствомъ“. Дворъ Фридриха въ Палермо былъ полонъ трубадуровъ созданной имъ сицилійской школы и ученыхъ арабскихъ, латинскихъ и греческихъ; тамъ жилъ знаменитый математикъ 13-го в., Фибоначчи или Леонардъ Пизанскій. Тогда же выдвинулась парижская школа, какъ средоточіе схоластики; но она получила университетскій уставъ лишь 100 л. спустя (1225), когда создала и свободный „латинскій кварталъ“, перекочевавъ туда изъ окрестностей собора Парижской Богоматери, капитулъ котораго угнеталъ ее своимъ деспотизмомъ. Вслѣдъ затѣмъ парижскій университетъ сталъ какъ бы избирательною и федеративною республикой: онъ распался на 4 „факультета“ и 4 „націи“, подъ начальствомъ „ректора“ и „декановъ“. Онъ не имѣлъ только своего зданія: лекціи читались то въ монастырѣ, то въ церкви, то на квартирѣ декановъ. Стали славиться также университеты въ Саламанкѣ и особенно въ Оксфордѣ, этомъ центрѣ еврейскихъ богачей и торговли южной Англіи.

По виду, университеты были церковными учрежденіями: профессора и студенты даже считались клерками и подчинялись духовному суду. Но въ сущности это были колыбели новаго направленія. Здѣсь не аристократизмъ рожденія, а демократизмъ таланта и знанія; здѣсь мирное объединеніе всѣхъ „націй“, котораго не могли добиться папы и императоры насиліемъ; здѣсь окрѣпъ классицизмъ, съ его критикой и свѣтскостью воззрѣній. Здѣсь не могильная тишина монастыря, а кипучая жизнь, доходившая, правда, до кровавыхъ шалостей надъ обывателями, но больше посвященная ученымъ диспутамъ: въ Парижѣ, изъ опасенія оглохнуть, обходили студентскую улицу Фуарръ, гдѣ юные схоластики вѣчно препирались, сидя на соломѣ передъ воротами (fouarre—охапка соломы). Не было вопроса въ жизни націи, въ которомъ университетъ не принималъ бы горячаго и часто

рѣшающаго вліянія. Города дорожили университетами, какъ врагами воинственности и рыцарства, которые притомъ обогащали ихъ, привлекая массу народа: они устраивали фонды для содержанія бѣдныхъ студентовъ; кое-гдѣ канцлеръ, обыкновенно поставляемый епископомъ, уже избирался думой.

При такихъ средствахъ, сталъ возрождаться классицизмъ, начиная съ Италіи. Здѣсь его слѣды никогда не вымирали въ самой жизни—въ языкѣ, муниципіяхъ, памятникахъ искусства. Здѣсь не трудно было встрѣтить списки классиковъ и грамотныхъ мірянъ; попадались и греческіе псалтыри и надписи; приходили изъ Византіи художники. Въ Италіи воспитались лучшіе латинисты—Ансельмъ, Ланфранкъ и Петръ Ломбардскій, а также творцы римскаго и каноническаго права, Ирнерій съ Граціаномъ, и авторъ перваго латинскаго словаря, Папій. Здѣсь же, съ помощью арабовъ, возникла положительная наука, вызванная потребностями приморскихъ городовъ: когда пизанскій купецъ Фибоначчи ввелъ арабскія цифры, явились первые труды по алгебрѣ и анатоміи (1228). Съ 12-го в. идетъ непрерывный рядъ раціоналистовъ, даже атеистовъ, именно подъ античнымъ вліяніемъ (§ 91). Тогда же начали переходить даже за Альпы странствующіе клерики (clerici vagantes) и галіарды—новолатинскіе поэты съ народнымъ духомъ, которые „читали больше Горація, чѣмъ св. Марка", и служили обѣдни Вакху и Венерѣ.

Но роль вождя культуры временно ускользнула отъ Италіи, когда въ ней разгорѣлась борьба между гвельфами и гибеллинами. Она перешла къ Франціи, гдѣ 12-й и отчасти 13-й вв. называются первымъ Возрожденіемъ классицизма. Оно началось въ Провансѣ, гдѣ, наряду съ свѣтской романтической поэзіей, процвѣталъ классицизмъ у альбигойцевъ, въ особенности же у евреевъ, которые стали переводить арабскихъ ученыхъ полатыни—и авверроизмъ вытѣснилъ жалкія компиляціи Беды, Исидора, Беата. Во всей Европѣ, внѣ Италіи, одинъ только университетъ въ Монпелье, сносившійся съ Кордовой и Толедо, былъ посвященъ положительной наукѣ—медицинѣ, ботаникѣ, математикѣ. Благодаря латинской грамматикѣ, раньше всѣхъ выработался провансальскій языкъ, а подъ его вліяніемъ—французскій, который дальше повелъ дѣло Возрожденія. Французскій языкъ первый дошелъ до прозы въ іерусалимскихъ ассизахъ и у историковъ. Онъ сталъ языкомъ двора и знати въ Англіи, Германіи и Италіи и слышался въ Палестинѣ и Малой Азіи, а Морея превратилась въ „Новую Францію". Этотъ

легкій, пріятный, отдѣланный языкъ несъ съ собою великое содержаніе. У французовъ возникли романтическій эпосъ, народная сатира, готическій стиль. Въ парижскомъ университетѣ расцвѣла схоластика, которая отсюда овладѣла всѣмъ сѣверомъ Европы, удовлетворяя его страсть къ богословію и метафизикѣ, тогда какъ югъ склонялся къ реализму, въ видѣ медицины и римскаго права. Схоластика была выдвинута, какъ образовательное средство, геніальнымъ Абеляромъ, который ввелъ діалектику перипатетиковъ (Д. И. § 155) своимъ учебникомъ „Да и нѣтъ“ (Sic et Non) или Pro и Contra. Всѣ ея главы были или французы, или здѣсь учились и учили. Со временъ Абеляра, въ Парижъ стекалась интеллигенція со всего Запада: студентовъ стало больше обывателей (20.000), и Филиппъ Августъ долженъ былъ расширить городъ. Въ Парижѣ славилась еще богословская школа, Сорбонна, основанная духовникомъ Людовика IX, Сорбономъ; а въ Орлеанѣ была лучшая, послѣ болонской, юриспруденція. Во Франціи же сосредоточивалась дѣятельность мастеровъ въ чистописаніи и раскраскѣ, бенедиктинцевъ, которые изобрѣли скоропись съ удачными сокращеніями, составляли рѣдкія библіотеки и заводили школы, гдѣ увлекались Цицерономъ и Квинтиліаномъ. Французы бросались къ заѣзжимъ изъ Византіи монахамъ, чтобы познакомиться съ греческимъ языкомъ, который уже знали такіе передовые люди, какъ Абеляръ и Элоиза. Здѣсь имъ помогало основаніе Латинской имперіи: Филиппъ Августъ тотчасъ же (1209) велѣлъ привезти изъ Византіи подлинную „Метафизику“ Аристотеля.

Изъ Франціи просвѣщеніе проникло больше всего въ Англію. Здѣсь уже въ началѣ періода встрѣчались такіе его ревнители, какъ монахъ Аделяръ, который ѣздилъ за древними рукописями въ Испанію, Грецію и Аравію, а позже епископъ Гростетъ, который вывезъ изъ Италіи греческія рукописи и эллинистовъ. Затѣмъ англичане начали заводить школы по образцу французскихъ. Оксфордскій университетъ, въ которомъ скоплялось уже до 15.000 студентовъ, сталъ лучшимъ послѣ парижскаго, и съ нимъ уже соперничалъ кембриджскій. Отсюда вышли Іоаннъ Салисберійскій, Роджеръ Беконъ, Дунсъ Скотъ, двигавшіе науку даже на материкѣ. Все это—враги схоластическаго богословія и проповѣдники классицизма: Іоаннъ презиралъ все, что отвлекало умы отъ древнихъ, и вѣчно приводилъ мѣста изъ Горація да Цицерона; возстановитель Аристотеля, Беконъ зналъ погречески; одинъ ученый пытался пере-

водить Стагирита съ подлинника. Очагомъ просвѣщенія сталъ французскій дворъ Плантагенетовъ. Здѣсь, на одной свадьбѣ, собралось болѣе 400 трубадуровъ, которыхъ любили и въ народѣ, и въ монастыряхъ; здѣсь образовалась цѣлая школа политическихъ писателей — законовѣдовъ и историковъ (§ 86), владѣвшихъ порядочною латынью. Выступилъ и англійскій языкъ— сначала въ поэзіи (поэма „Brut"), потомъ въ прозѣ (оксфордскія провизіи, § 80). При борьбѣ за Великую Хартію, на немъ уже было много народныхъ пѣсенъ и воззваній противъ деспотизма и папства: ихъ герои — графъ Симонъ да Робинъ-Гудъ (§ 86), принявшій черты „дикаго охотника" (Д. И. § 262). Послѣ побѣды у Льюиса (§ 80), народъ пѣлъ, какъ бы по программѣ Симона: „Теперь англичане, которыхъ презирали, какъ собакъ, одушевлены надеждой на свободу. Кто захочетъ быть истиннымъ королемъ, кто станетъ праведно править собой и своимъ государствомъ, тотъ будетъ и свободнымъ королемъ: ему все дозволительно для управленія своей землей, но ничего— для ея разрушенія... Совѣщайтесь съ народомъ, узнавайте его мнѣніе: онъ лучше всѣхъ знаетъ свои законы, ежедневно вращаясь въ кругу ихъ; онъ больше всѣхъ позаботится о своихъ дѣлахъ. Дѣло общества—смотрѣть, кто достоинъ выбора ко благу государства".

Даже въ Германіи попадались такіе хорошіе латинисты, какъ Саксонъ Грамматикъ, впрочемъ рѣдко: тамъ 10-й в. былъ золотымъ вѣкомъ классицизма сравнительно съ 13-мъ; единственный крупный ученый въ Германіи, Альбертъ Великій, употреблялъ безобразнѣйшій синтаксисъ. А нѣмецкій языкъ вошелъ только въ поэзію: проза зарождалась, въ концѣ періода, лишь въ плохихъ проповѣдяхъ нищей братіи. Усилія Фридриха II распространить классицизмъ посредствомъ переводовъ Аристотеля, Птолемея, Галіена и арабовъ имѣли успѣхъ только въ Италіи. Впрочемъ, и въ Германіи появились предтечи университетовъ—„учебныя общества" (Lehr-Vereine), которыя нанимали себѣ случайныхъ профессоровъ. Гораздо болѣе развилось просвѣщеніе въ Испаніи, къ концу періода. Альфонсъ X кастильскій, плохой король, игрушка знати, славился, какъ ученый, поэтъ, историкъ: онъ возвысилъ саламанкскій университетъ наравнѣ съ оксфордскимъ, собиралъ ученыхъ всѣхъ религій, ввелъ кастильскій языкъ въ суды и законы, велѣлъ перевести на него Библію.

Тогда же, по прекращеніи борьбы гвельфовъ съ гибелли-

нами, просвѣщеніе снова стало сосредоточиваться въ Италіи, которая, временно уступивъ первую роль французамъ, не переставала развиваться, отчасти уже подъ ихъ вліяніемъ. Здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-либо, утвердился свѣтскій реализмъ, благодаря Фридриху II, тиранамъ-меценатамъ, въ особенности же республикамъ. Здѣсь меньше всего уважали папство: доминиканцы не смѣли давать ходъ своей инквизиціи. Въ Италіи еще не знали схоластики: кто увлекался ею, тотъ ѣздилъ въ Парижъ и оставался тамъ; привезшій ее оттуда Ѳома аквинскій показался „страннымъ". Тамъ презирали готикъ, какъ варварство, и вырабатывали свою художественную школу на основахъ античнаго преданія. Начиналось даже литературное образованіе: въ концѣ 13-го в. писали лучше полатыни, чѣмъ вначалѣ; и во Флоренціи старики изъ мѣщанъ толковали, вечеркомъ на лавочкахъ, о Троѣ и Римѣ цезарей. Изворотливая церковь стала прославлять Виргилія, чуть не какъ святого, между тѣмъ какъ онъ проходилъ въ массу подъ видомъ чародѣя. Выработался и итальянскій языкъ, опередившій въ прозѣ (въ исторіи) всѣ другіе языки, кромѣ французскаго. Это—ближайшее къ латыни тосканское нарѣчіе, побѣдившее множество другихъ искаженій языка древнихъ римлянъ. Ему помогли провансальскіе трубадуры: овладѣвши вниманіемъ итальянцевъ, они убили ново-латинскую поэзію клериковъ; послѣдніе „трубадуры переходнаго времени" уже сочиняли поитальянски. У Брунетто Латини, который перевелъ Овидія и Боэція и даже бросилъ риѳму, уже почти нынѣшній итальянскій языкъ. Этотъ писатель, бѣжавшій въ Парижъ отъ борьбы партій, былъ классикъ и зналъ „Политику" Аристотеля. Желая дать энциклопедію не для однихъ итальянцевъ, онъ издалъ свое „Сокровище" (Trésor) на французскомъ языкѣ, какъ „наиболѣе распространенномъ". Старшимъ ученикомъ Брунетта былъ Кавальканти (§ 91), введшій въ итальянскую поэзію древнюю философію и исторію, младшимъ—Дантъ.

§ 95. **Схоластика.** — Высшимъ проявленіемъ классицизма было развитіе раціонализма въ наукѣ, которое выдвигало даже положительныя отрасли знанія, хотя на первомъ планѣ стояла схоластика: ея процвѣтаніе—одно изъ главныхъ отличій періода. Здѣсь вначалѣ господствовалъ церковный Платонъ, въ видѣ „реализма" школы Ансельма (§ 61), во главѣ которой стоялъ блестящій профессоръ въ Парижѣ и ученѣйшій епископъ Франціи, другъ Бернара, Шампо: онъ внесъ въ философію

богословскій взглядъ Ансельма и довелъ его до крайности, утверждая, что міръ — призракъ и что universalia могутъ существовать безъ предметовъ (etsi rationalitas non esset in aliquo, tamen in natura permaneret). Съ тѣхъ поръ „реализмъ" сталъ на твердую почву; но тогда же смѣло выступилъ его смертельный врагъ, раціонализмъ, такъ какъ, благодаря арабамъ и Латинской имперіи, узнали всѣ сочиненія Аристотеля (прежде знали только Organon, присланный изъ Византіи Карлу Великому), сначала въ видѣ аверроизма, потомъ въ подлинникѣ. Церковь запретила Стагирита въ Парижѣ, въ началѣ 13-го в.; но онъ уже успѣлъ произвести переворотъ въ умахъ, въ лицѣ Абеляра († 1142).

Абеляръ—міровое явленіе не только по своей геніальности, но и по своей судьбѣ: при жизни онъ всюду возбуждалъ броженіе и приковывалъ къ себѣ вниманіе не меньше своего соперника, Бернара; теперь забыто его ученіе, но всѣхъ занимаетъ его великое счастье и великое горе, запечатлѣнныя въ его „Исторіи бѣдствій" (Historia calamitatum) и въ перепискѣ съ Элоизой. Рыцарь, отвергнувшій выгоды первородства для науки, красавецъ, извѣстный поэтъ и музыкантъ, а съ 15-ти лѣтъ первый діалектикъ и профессоръ, быстро разбогатѣвшій отъ массы слушателей, „которымъ не хватало гостинницъ и корму", симпатичный и неутомимый Абеляръ рано достигъ небывалаго счастья. Но тутъ поднялись зависть и соперничество. Въ то же время одинъ каноникъ пригласилъ Абеляра учить свою племянницу, геніальную красавицу Элоизу, которая очаровала даже Бернара глубиной и добротой своей души. Учитель сталъ горячо воспѣвать ученицу, а она писала ему: „Вы сочинили столько нѣжныхъ, мелодичныхъ стиховъ, и за нихъ женщины обожаютъ васъ. Это все больше обо мнѣ, и меня далеко знаютъ, а многія завидуютъ мнѣ: на всѣхъ языкахъ славятъ вашу Элоизу; на каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ раздается мое имя. Клянусь, я не промѣняла бы моей доли, еслибы даже владыка міра, Августъ, удостоилъ меня руки и принесъ мнѣ въ даръ вселенную". Ему было подъ 40, ей 17 л. Когда у нихъ былъ уже сынъ, они женились тайно. Но счастье продолжалось всего 3 года. Разгнѣванный дядя Элоизы оскопилъ своего зятя. Абеляръ принялъ схиму и удалился въ пустыню, которая превратилась въ многолюдную школу; Элоиза стала аббатиссой устроеннаго имъ для нея монастыря. Она обучала своихъ монахинь классицизму, ввела греческую службу, писала своему Абеляру нѣжныя письма,

полныя упрековъ, а также ученыхъ вопросовъ. Абеляръ же долго мучился отъ завистниковъ, называвшихъ его „предтечей Антихриста“: его выжили изъ одного монастыря, едва не отравили причастіемъ—въ другомъ; выгнали-было и Элоизу. По доносамъ Бернара на „дерзость, съ которою онъ роется въ божественныхъ тайнахъ“, Абеляра осудили на двухъ соборахъ заочно, опасаясь его краснорѣчія. Лишь подъ старость успокоился онъ у клюнійцевъ, проповѣдуя смиреніе и защищая католичество. Отсюда онъ апеллировалъ къ папѣ; но смерть освободила его отъ страданій на дорогѣ въ Римъ. Прахъ его Элоиза перенесла въ свой монастырь; а когда она умерла, 22 г. спустя, на ихъ общей могилѣ въ Парижѣ, которую и теперь часто украшаютъ вѣнки, начертали:

Requiescant a labore
Doloroso et amore.

Церковный идеализмъ преслѣдовалъ эту чету, потому что она была первымъ проблескомъ человѣка новаго времени, горячимъ протестомъ личности, вырвавшейся изъ его оковъ, съ помощью античнаго реализма. Абеляръ былъ страшенъ ему и какъ учитель: онъ развивалъ раціонализмъ Эригены и Беренгара, утверждалъ номинализмъ своего учителя, Росцеллина (§ 61), заставилъ замолчать блестящаго поборника церкви, Шампо. Онъ геніально догадался о многомъ, чего еще не могъ самъ прочесть у Аристотеля, и былъ названъ Peripateticus. Проповѣдуя сомнѣніе и свободу сужденій, онъ толковалъ Библію самостоятельно и находилъ въ ней антропоморфизмъ (Д. И. Введ. § 6), допускалъ канонизацію языческихъ философовъ, называлъ своихъ соборныхъ судей невѣждами и интриганами, осуждалъ аскетизмъ. Опровергая ересь Росцеллина о Троицѣ, онъ самъ впалъ въ „ересь единства лица“, считая ипостаси лишь аттрибутами. Въ „Да и Нѣтъ“ (сочиненіе, которое еще не переведено и издано лишь въ нашемъ столѣтіи) онъ приводитъ противорѣчивые отвѣты отцовъ церкви на такіе вопросы: „Можно ли представлять Бога матеріально? Можетъ ли слово принять тѣло? Грѣшны ли дѣти? Справедливо ли самоубійство?“ Ученикомъ Абеляра былъ Арнольдъ (§ 70), и въ его судьбѣ видна участь, приготовленная папствомъ всей этой школѣ: главный изъ учениковъ Абеляра, Іоаннъ Салисберійскій, говоритъ, что отъ гоненій кто похоронилъ себя въ монастырѣ, кто погрязъ въ мірской суетѣ; болѣе счастливые перекочевали въ Монпелье и Салерно. Самъ

Іоаннъ сталъ другомъ папы; а сначала онъ прославился, какъ завзятой классикъ, называлъ схоластиковъ „рогодѣльцами" (cornuficii), восхвалялъ скептицизмъ и простоту здраваго смысла. Но Аристотель и аверроизмъ дѣлали свое дѣло: въ 13-мъ в. средоточіемъ раціонализма и номинализма сталъ даже орденъ францисканцевъ. У церкви оставалось одно средство—взять у врага его собственное оружіе, какъ она взяла нищету у еретиковъ. Около 1250 г., въ Парижѣ, доминиканцы начали читать Аристотеля съ благословенія папы; затѣмъ его назвали „предтечей Христа" (praecursor Christi in rebus naturalibus) и чуть не канонизовали. Наконецъ, ввели его въ богословіе взамѣнъ жалкихъ церковныхъ христоматій, во главѣ которыхъ стояла грузная и безсвязная книга епископа Петра Ломбардскаго — Liber Sententiarum.

Отцомъ схоластическаго богословія былъ Ѳома Аквинскій († 1274), сынъ вельможи, бѣжавшій отъ родителей, которые старались удержать его даже соблазнами. Въ Кёльнѣ, куда онъ пришелъ учиться у Альберта Великаго, студенты назвали этого нелюдимаго, неуклюжаго труженика „безмолвнымъ сицилійскимъ быкомъ". Но онъ оказался блестящимъ профессоромъ въ Парижѣ, а его Summa philosophica de veritate catholica— основой католическаго богословія: эту книгу тридентскій соборъ (1545) возложилъ на алтарь рядомъ съ Св. Писаніемъ, а въ 1879 г. папа требовалъ ввести ее въ университеты, какъ „разумъ, вознесенный на доступную людямъ высоту". Здѣсь пріемы Аристотеля и форма комментаріевъ Аверроеса соединены съ идеями Августина и отчасти Платона, а объ Откровеніи изложено по Маймониду. Здѣсь установлены всѣ догматы католичества (ангелологія—впервые) и выяснено, что „сверхъестественное" не есть „противоестественное", только оно постигается не разумомъ, а черезъ вѣру и Откровеніе. Здѣсь рабство признано полезнымъ; доказана необходимость истребленія еретиковъ и непослушныхъ Риму государей; философія объявлена „служанкой" (ancilla) богословія. Церковь назвала Ѳому „ангельскимъ и міровымъ" (doctor angelicus, universalis), заявила, что у него „сколько статей, столько чудесъ", и вскорѣ канонизовала своего архи-богослова. Доминиканцы оживились и выступили на искорененіе францисканцевъ, съ ихъ „аверроизмомъ" или нечестіемъ. Съ помощью Людовика IX, они завладѣли парижскимъ университетомъ, который сталъ „твердыней католичества" и далъ, въ 13-мъ в., 7 папъ и много кардиналовъ и

епископовъ. Развился крайній „реализмъ“; схоластика стала исключительно богословіемъ и окаменѣла въ нелѣпыхъ тонкостяхъ діалектики. Въ обществѣ уже говорили: „Сколько докторовъ, столько заблужденій; логика—дьявольское искусство“.

Но схоластика же подготовляла освобожденіе мысли, развивая разсудочную способность и гордость разума, а также создавая догматическія новшества. И, по мѣрѣ паденія ея, открывался путь раціонализму и положительной наукѣ, по которому твердо пошли францисканцы. Прежде всего они отдѣлили философію отъ богословія, знаніе отъ вѣры. Честь этого перваго шага къ научной независимости принадлежитъ задорному, колкому и прозванному „тонкимъ“ (doctor subtilis) за его остроуміе сопернику Ѳомы, шотландцу Дунсу Скоту († 1308). Онъ удесятерилъ число студентовъ въ Оксфордѣ, училъ также въ Парижѣ и Кельнѣ, много написалъ, не проживши и 40 л. Скотъ возвѣстилъ, что ни одна наука не зависитъ отъ богословія (nulla alia scientia accipit principia a theologia), и зло доказывалъ, что Ѳоминъ Аристотель—ничто иное, какъ аристотельствующій Ѳома. Отсюда безконечный и гибельный для схоластики споръ между скотистами и ѳомистами, какъ стали теперь называться номиналисты и реалисты, или между францисканцами и доминиканцами. Но и тѣ, и другіе уже двигали положительную науку. Даже испанскій сумасбродъ, Луллій, мечтавшій окрестить магометанъ, но замученный ими въ Африкѣ, надѣялся достигнуть своей цѣли популяризаціей раціонализма, хотя и съ придаткомъ каббалы. Въ его лицѣ схоластика достигла верха нелѣпости: онъ извѣстенъ „внушеннымъ ему Богомъ“ въ пустынѣ великимъ искусствомъ (Ars Magna)—думательной машинкой, при поворотахъ которой получалось множество силлогизмовъ. Масса людей, не любящихъ разсуждать, нѣсколько вѣковъ прославляла его, какъ „свѣтило (doctor illuminatissimus), трубу св. Духа“ и т. д.

§ 96. **Мистика. Наука.**—Къ схоластикѣ примыкало еще одно философское направленіе, враждебное церкви и разработанное францисканцами во Франціи: это—мистика или теоретическое проявленіе мистицизма (§ 91). Источникомъ ея служилъ Эригена (§ 61), поддержанный переводами арабовъ и такихъ діалоговъ Платона, какъ „Тимей“. Отцомъ мистики считается „медоточивый“ св. Бернаръ (doctor mellifluus), который училъ, что „нужно безмѣрно любить Бога“ и достигать этого уничиженіемъ да созерцаніемъ. Современникъ и поклон-

никъ Бернара, Гюгъ С. Викторъ, развилъ его мысль, примѣняя ее на дѣлѣ въ имъ же основанномъ монастырѣ, подъ Парижемъ; а Бонавентура сдѣлалъ то же для мистики, что̀ Өома (они умерли въ одинъ годъ)—для богословія. Глава викторинцевъ и генералъ францисканцевъ, быстро канонизованный Бонавентура представлялъ собой лучшія стороны мистицизма: всѣ такъ любили этого „серафическаго“ схоластика (doctor seraphicus) за доброту и безупречную жизнь, что похороны его были плачемъ чуть не всего Запада. Онъ восторгался Евангеліемъ и Франциcкомъ (имъ составлено его житіе), отличался поэтичностью и миротворной теплотой изложенія, а также оттѣнкомъ очарованнаго природой пантеизма, вообще свойственнаго мистикамъ. По ученію Бонавентуры, у человѣка три ока—тѣлесное, мысленное и созерцательное (oculum contemplationis); послѣднее вырабатывается самоуглубленіемъ въ душу (meditatio), отражающую въ себѣ Бога, самоуничиженіемъ (humilitas), самоотреченіемъ (devotio) и искреннею молитвой. Какъ 6 дней творенія, такъ есть 6 степеней созерцанія, а за ними—экстазъ (excessus), т.-е. выхожденіе духа изъ себя самого, или самоосвобожденіе отъ мышленія, что̀ составляетъ возвышеннѣйшее „ученое невѣжество“ (spiritus noster quadam ignorantia docta supra seipsum rapitur).

Среди экстазовъ мистиковъ, среди діалектическихъ турнировъ схоластиковъ, къ концу періода все явственнѣе проглядываютъ зародыши положительной науки, и не только у францисканцевъ, но даже у доминиканцевъ. Уже въ концѣ 12-го в. образовалась богатая классификація наукъ, гдѣ trivium и quadrivium составляютъ лишь ничтожную часть. Аделяръ (§ 94) добылъ у арабовъ Эвклида—и математика особенно привилась въ Англіи: Дунсъ Скотъ, любившій и естествознаніе, всюду вводилъ ее, какъ основу наукъ; она создала Бекона. Въ Италіи, Испаніи и Франціи зародилось естествознаніе. Цѣлые университеты посвящались медицинѣ; занимались ботаникой и физикой, въ особенности оптикой; почти всѣ ученые и многіе государи увлекались химическими опытами и астрологическими наблюденіями, причемъ такіе умы, какъ Беконъ и Альбертъ Великій, уже сомнѣвались въ алхиміи. Явились переводъ Альмагеста (§ 56) и годныя доселѣ таблицы Альфонса, исправившія астрономію древнихъ. Подконецъ моряки уже употребляли астролябію для опредѣленія широтъ по полярной звѣздѣ, а итальянецъ Флавіо Джіоія усовершенствовалъ компасъ (1302)—

и купцы да проповѣдники двинули географію своими смѣлыми путешествіями. Караваны итальянскихъ республикъ уже ходили отъ Азова до Китая. Папскій миноритъ Планокарпини ѣздилъ въ Кипчакъ и Монголію (1245); а миноритъ Людовика IX, брабантецъ Рубруквисъ, былъ въ Каракорумѣ (1253), и вездѣ онъ встрѣчалъ европейскихъ мастеровъ. Но Геродотомъ среднихъ вѣковъ считается венеціанскій купецъ, Марко Поло, который сталъ полководцемъ въ Монголіи за умѣнье строить военныя машины, 20 л. прожилъ въ Китаѣ, побывалъ въ Тибетѣ, на Зундскихъ островахъ и Цейлонѣ. Онъ первый описалъ

Братья Поло и великій ханъ. Миніатюра 14-го в.

дальній Востокъ, уничтожилъ сказку о царствѣ „попа Іоанна" (§ 83) въ Азіи и возвѣстилъ, что можно пройти въ Индію вокругъ Африки. Въ то же время арабы доставляли свѣдѣнія объ Азіи и Африкѣ, а норманны—объ Исландіи и Гренландіи, гдѣ уже возникло епископство. Еще важнѣе, что арабы занесли въ Сицилію глобусъ: утверждалось понятіе о шарообразности земли, какъ ни возставали противъ него папы, съ своимъ Козьмой Индикоплевтомъ и съ своими картами, на которыхъ красовались циклопы, амазонки, грифы, единороги, василиски, плавающій на западѣ „Островъ Блаженныхъ", магнитная гора въ океанѣ, замокъ духовъ на экваторѣ и т. п.

Къ концу періода уже возникаютъ попытки издавать энциклопедіи наукъ. Каноникъ Людовика IX, Венсанъ изъ монастыря Бовè, составилъ, хотя безъ связи и критики, „Большое

Зерцало“ (Speculum Majus) столько же изъ арабовъ, сколько изъ отцовъ церкви. Тогда же явился ученый энциклопедистъ, воспитанникъ арабовъ, 11 л. жившій въ Италіи, гдѣ и теперь попадаются въ народѣ его альманахи. Это—швабъ Альбертъ († 1280), единственный изъ невѣнценосцевъ Великій, получившій схоластическое прозвище „мірового“ (doctor universalis) за свои всесторонніе труды (21 толстый фоліантъ). Этотъ „реалистъ“, оставившій свою Summa theologiae, оказалъ большія услуги раціонализму. Красивый, энергичный, но скромный и задумчивый глава доминиканцевъ, Альбертъ составилъ небывалую энциклопедію естествознанія, гдѣ добавленъ Аристотель и есть многое изъ нынѣшней физики и химіи. Онъ говоритъ: „должно изучать въ природѣ не то, какъ Творецъ творитъ чудеса, а то, какъ живетъ она по своимъ естественнымъ причинамъ“. Церковь гордилась Альбертомъ, но не посмѣла канонизовать его, хотя и были попытки; толпа считала его чародѣемъ, у котораго волшебные сады, говорящіе горшки и проч.; молодежь такъ стремилась къ нему, что въ Парижѣ онъ долженъ былъ читать подъ открытымъ небомъ. Много сѣмянъ знанія посѣялъ онъ и въ Германіи, неутомимо разъѣзжая, по дѣламъ своего ордена, отъ Кёльна до Польши.

Но истиннымъ отцомъ положительной науки былъ геніальный современникъ Альберта, Роджеръ Беконъ († 1292), благороднѣйшій образецъ научной любознательности и новый Аристотель, въ смыслѣ возстановителя опыта и индукціи (Д. И. § 155). Онъ говорилъ: „Безъ математическихъ инструментовъ не овладѣешь наукой, а ихъ нельзя было найти у латинянъ и за 200—300 фунт. Я часто пробовалъ самъ изготовить ихъ, но бросалъ, по недостатку средствъ и по тупости рабочихъ. Труды Аристотеля, Авицены, Сенеки и Цицерона можно было добыть лишь за большія деньги; главные изъ нихъ не были переведены полатыни, списковъ другихъ нельзя было найти въ библіотекахъ. Нигдѣ нельзя было достать превосходнаго сочиненія Цицерона De republica, хотя я тщательно развѣдывалъ о немъ въ разныхъ частяхъ Свѣта черезъ разныхъ посланцевъ; также не могъ я добыть трудовъ Сенеки, какъ ни усердно искалъ ихъ болѣе 20-ти л. И такъ было со многими полезными книгами по эѳикѣ. Въ 20 л., которыя пошли на пріобрѣтеніе мудрости необычною колеей, я истратилъ болѣе 2.000 фунт. на книги, опыты, инструменты, таблицы, на изученіе языковъ и т. п. Прибавьте издержки на пріобрѣтеніе дружбы мудрецовъ да на наемъ под-

готовленныхъ помощниковъ". Такъ учился въ Парижѣ Беконъ, который прославился потомъ въ Оксфордѣ, какъ „удивительный" (doctor mirabilis) знатокъ схоластики, медицины, исторіи, въ особенности же математики, языковъ и естествовѣденія, именно оптики. Истративъ свое порядочное наслѣдство на науку (онъ содержалъ даровитѣйшаго изъ своихъ студентовъ, Жана Парижскаго) и опасаясь преслѣдованій, Беконъ поступилъ во францисканцы. Монахи сначала не давали ему писать, да и не на что было пріобрѣсти дорогой матеріалъ. Но друзья добыли пергаментъ, заложивши свои имѣнія,—и явился „Большой Трудъ" (Opus Majus), повлекшій за собой долголѣтнее заключеніе автора въ тюрьму подъ старость.

Въ „Большомъ Трудѣ" разсмотрѣны и добавлены знанія эпохи по всѣмъ отраслямъ наукъ, въ особенности же по математикѣ и физикѣ. И вездѣ, не исключая филологіи,—взгляды, близкіе къ нашимъ. Беконъ намекаетъ на телескопъ, воздушный насосъ, грегоріанскій календарь, порохъ и Америку, даже на законы свѣта, магнетизма и сохраненія силъ. Но важнѣе всего установленіе научнаго метода. Вотъ собственныя драгоцѣнныя слова средневѣковаго Бекона: „Древніе ошибались, какъ и мы; и Аристотель сдѣлалъ лишь то, что̀ было возможно въ его время. Святые также не непогрѣшимы. Указывать на преданіе—жалкое доказательство. Авторитетъ ничего не объясняетъ: онъ заставляетъ только вѣрить; онъ навязываетъ уму, не просвѣщая его. Хотите знать Аристотеля или Библію—бросьте переводы, изучайте греческіе и еврейскіе подлинники (Беконъ хотѣлъ исправить Вульгату). Хотите постигнуть законы природы или отличить софизмъ отъ доказаннаго сужденія—не покупайте книгъ, а запасайтесь инструментами да сами дѣлайте опыты: безъ опыта ничего нельзя знать достаточно (sine experientia nihil sufficienter sciri potest); съ нимъ же получается царица всѣхъ наукъ (domina scientiarum omnium). Хотите быть философомъ—овладѣйте математикой: это—азбука философіи. Пренебреженіе математикой за послѣднія 40—50 л. почти разрушило всю науку латинскаго христіанства: кто не знаетъ математики, тотъ не можетъ знать никакой науки, мало того—не можетъ замѣтить собственнаго невѣжества или найти средства противъ него". Считая христіанство лишь количественно выше ѳики классиковъ, которою онъ восторгался, Беконъ радовался, что аверроизмъ „снискалъ, наконецъ, единодушное признаніе со стороны мудрецовъ". Возмущенный тѣмъ, что Ѳома прикрывается фило-

софіей, онъ причислилъ его къ „мальчишкамъ, которые берутся учить другихъ, сами ничему не научившись“.

Но великаго учителя не слушали современники, особенно, какъ говоритъ онъ, „эти новые богословы (нищенствующая братія), которые презираютъ науки и тѣмъ утѣшаются въ своемъ невѣжествѣ и выставляютъ свою суетность передъ глазами глупой толпы“. Говорятъ, будто францисканцы прибили творенія своего собрата большими гвоздями къ доскамъ, чтобы они сгнили тамъ. Роджеръ Беконъ былъ выше своего времени на цѣлую голову. Относительно положительной науки тотъ періодъ больше обнаруживалъ ученической любознательности, чѣмъ дѣла. Къ древнимъ и арабамъ, къ ихъ теоріи ничего не прибавили: ограничивались ремесленною стороной науки. Дѣлали практическія примѣненія, составляли учебники, извлеченія и толкованія такихъ Левіаѳановъ науки, какъ Альмагестъ, отыскивали мелкіе факты, случайно нападали на немногія полезныя открытія и изобрѣтенія (компасъ, очки, порохъ, техническія орудія). И самъ Беконъ все еще предавался алхиміи и астрологіи.

Больше, чѣмъ точныя и опытныя науки, развилось римское право, вызванное требованіями монархизма. Въ Италіи не прерывалась образцовая школа Ирнерія (§ 86): здѣсь воспитывались и профессора юриспруденціи, и законовѣды для всѣхъ странъ Европы, пока не прославился во Франціи собственный юридическій факультетъ и не завелась въ Англіи придворная школа публицистовъ. Подконецъ молодежь устремилась въ эту выгодную спеціальность: даже Беконъ жаловался, что его „забывали, не слушали“. Въ одной Италіи поддерживались слабые слѣды филологіи: знать и тираны давали литературное образованіе своимъ дѣтямъ, особенно по примѣру любителя риторики и грамматики, Петра винейскаго (§ 76). Здѣсь расцвѣтала и первая изъ политическихъ наукъ—исторія. Она ускользала изъ рукъ духовенства, знавшаго только сухую форму лѣтописи: уже въ 12-мъ в. свѣтскіе стали составлять, по заказу республикъ, хроники, напоминающія прагматическую исторію древнихъ (Д. И. § 172); къ концу періода явилась примыкающая къ классикамъ, связная „Istoria Fiorentina“ Малеспини—одинъ изъ первыхъ образчиковъ прозы на новыхъ языкахъ. Еще больше сдѣлано французами, у которыхъ рано обнаружились политическій взглядъ, патріотизмъ и хорошая форма. Пулланъ Вильгельмъ Тирскій написалъ порядочною латынью правдивую исторію первыхъ крестовыхъ походовъ: онъ критикуетъ свое отечество, скорбя, что

не можетъ хвалить его. Вильардуенъ ввелъ форму мемуаровъ или безъискусственныхъ записокъ своимъ добродушнымъ, благочестивымъ и правдивымъ разсказомъ о 4-мъ походѣ, въ которомъ онъ самъ участвовалъ (§ 74). Выше его, по взглядамъ, языку и изложенію, „Histoire de St. Louis“ Жуанвиля. Въ Англіи образовалась, при дворѣ Плантагенетовъ, цѣлая школа свѣтскихъ историковъ, обладавшихъ критикой и документами. Глава ихъ—Матвѣй Парижскій, горячій, правдивый, несмотря на свою близость къ Генриху III: по его мнѣнію, „говорить ложь значитъ оскорблять Бога“. Его Chronica Majora, въ которой много вѣрныхъ фактовъ о всей Европѣ,—вообще главный историческій трудъ въ 13-мъ в. Въ Германіи долго были однѣ церковныя лѣтописи, съ узкими, мѣстными взглядами: богаты содержаніемъ только вендская хроника Гельмольда, служившаго у Генриха Льва, датская исторія Саксона Грамматика, да всемірная хроника участника 1-го крестоваго похода, монаха Эккегарда, который продолжалъ Калѣку (§ 63). Болѣе значенія имѣетъ дядя Фридриха I, епископъ Оттонъ Фрейзингенскій, вводившій Аристотеля въ школы: въ его историческихъ разсказахъ философскій, элегическій тонъ; они правдивы и основаны на документахъ. Ученая коммиссія составила для Альфонса X „Всеобщую хронику Испаніи“.

§ 97. **Поэзія.**—Падавшая подъ гнетомъ церковнаго идеализма (§ 63) поэзія выдвинулась, какъ одна изъ главныхъ чертъ періода, хотя больше по формѣ, чѣмъ по содержанію, которое страдало бѣдностью мыслей и условностью чувствъ. Она называется романтическою, какъ созданіе романскихъ языковъ. Она зародилась на каталонскомъ нарѣчіи, подъ вліяніемъ мавровъ и ранней борьбы съ ними, но расцвѣла на югѣ Франціи: ее называютъ еще провансальской. Раньше, въ Провансѣ, народъ забавляли жонглеры (joculatores) — скоморохи, музыканты и пѣвцы по ремеслу; они подыгрывали на балалайкѣ или трубѣ, представляли грязныя сцены, въ родѣ мимовъ (Д. И. § 157), плясали на канатѣ, кувыркались, прыгали сквозь обручъ, ножами ловили яблоки, передразнивали птицъ, водили ученыхъ собакъ и обезьянъ. Эти народные шуты были слишкомъ пошлы для рыцарства—и явились трубадуры, которые обратили жонглеровъ какъ бы въ своихъ щитоносцевъ, заимствовавши у нихъ предварительно музыку и пѣніе. Трубадуры—свободные поэты, „находившіе“ (прованс. trobar, франц. trouver—находить, изобрѣтать) новыя канцоны или „пѣсенки“ (canzos—пѣсни) и

новые „тоны" (стихосложенія). Къ нимъ принадлежали короли, дамы, богатые буржуа; но спеціалистами были бѣдные рыцари, которые иногда жили при „дворѣ" феодала, а больше ходили по замкамъ лѣтомъ, напоминая монаховъ длинною одеждой да бритою бородой и маковкой, но съ арфой за плечами. Зимой они сидѣли дома и сочиняли новыя канцоны. Подобно схоластикѣ и рыцарству, поэзія трубадуровъ служила къ объединенію націй: провансальское нарѣчіе было очень близко къ каталонскому и итальянскому; его легко усваивали нѣмцы, при постоянныхъ сношеніяхъ съ Бургундіей и Италіей; а когда палъ Провансъ, французскій языкъ еще лучше распространялъ его поэзію.

Притомъ содержаніе романтической поэзіи было несложно и дорого рыцарю всякой націи: ее называли „рыцарскою или придворною". Подъ вліяніемъ юга и изнѣженныхъ мавровъ, въ Провансѣ господствовала „веселая наука" (gaya scienza) — лирика, воспѣвавшая рыцарское обожаніе дамы (l'amor, нѣм. Minne) и природу. Это — смѣлый протестъ личности, вырвавшейся изъ оковъ церкви, въ пользу житейскихъ радостей, которыя прежде считались смертнымъ грѣхомъ. „Веселая наука" отличалась легкостью и законченностью строфъ и напѣвовъ, богатствомъ риѳмъ и стихосложеній да припѣвомъ (refrain — главный аккордъ и стихъ въ концѣ каждой строфы), который былъ заимствованъ у церкви и народа. Канцоны были крайне разнообразны. На первомъ планѣ стояли романсы — любовныя пѣсни, гдѣ, впрочемъ, чувства и природа описываются разсудочно, условно, по правиламъ куртуазіи; главные принадлежатъ Вантадуру. Сирвентами или „служебными" пѣснями называлась страстная сатира, то политическая, въ пользу партіи или двора, къ которымъ принадлежалъ трубадуръ, то нравственная, направленная обыкновенно противъ церкви, особенно со времени альбигойскихъ войнъ; тутъ прославился желчный Бертранъ де-Борнъ, не щадившій живыхъ личностей. Были еще сонеты (съ „звуками", т.-е. съ аккомпаниментомъ), баллады (съ приплясываньемъ), серенады (вечернія), пасторелли (сельская идиллія съ пастушьими масками), contes (сказки), lais (нѣм. Leiche, элегіи). Тенцонами назывались состязательныя пѣсни на поэтическихъ турнирахъ или „дворахъ любви" (corts d'amor), гдѣ судьями были дамы.

Когда альбигойскія войны истребили провансальскую культуру, романтизмъ перешелъ на сѣверъ Франціи. Хотя здѣсь

также было много трубадуровъ, съ Абеляромъ и пѣвцомъ Бланки Кастильской, Тибо Шампанскимъ, во главѣ, но значеніе принадлежало не имъ: здѣсь, подъ вліяніемъ сѣвера и кельто-германскихъ сагъ, чувство уступало мѣсто фантазіи и фанатизму: лирика смѣнилась богатырскимъ эпосомъ или рыцарскими „романами" съ религіознымъ оттѣнкомъ, которые назывались еще во Франціи „пѣснями о подвигахъ" (chansons de geste), а въ Германіи—„са-

Рыцарь—покровитель дамъ. 15-го в. [1]).

гамя" и сказаніями, т.-е. былинами о богатыряхъ. Тутъ ничего общаго съ „веселою наукой", кромѣ музыки. Трубадуровъ замѣнили труверы съ леонинскимъ стихомъ (§ 63), жонглеровъ—менестрели (отъ ministeriales); чувствительныя и ѣдкія пѣсенки смѣнились фантастическимъ и кровавымъ повѣствованіемъ о борьбѣ богатырей съ чародѣями, чудовищами и нехристями, угнетающими католичество, невинность и красавицъ. Герои со-

[1]) Нашъ рисунокъ, взятый изъ Псалтири 15-го в., хранящейся въ парижской библіотекѣ, изображаетъ рыцарское служеніе дамѣ. Путница совершаетъ туалетъ подъ розовымъ кустомъ. Ея рыцарь-стражъ, въ полномъ вооруженіи, держитъ передъ ней зеркальцо. На его копьѣ значекъ съ 3 розами; а на уздечкѣ коня, подъ венгерскимъ (азіятскимъ) сѣдломъ, виситъ крестикъ.

браны изъ разныхъ народныхъ преданій; но всѣ пріурочены къ рыцарству и крестовымъ походамъ. Есть даже античные великаны (Ахиллесъ, Александръ Великій, Цезарь — всѣ въ видѣ христіанъ) и мотивы индійскихъ сказокъ; но ихъ мало.

По главнымъ предметамъ, романтическій эпосъ дѣлится на слѣдующіе два круга или „цикла". 1) Германскій, съ Карломъ Великимъ въ центрѣ. Это—обработка древнихъ сагъ (§ 63), въ духѣ куртуазіи. Карлъ—образецъ крестоносца: онъ ратоборствуетъ въ Палестинѣ, истребляетъ мятежныхъ бароновъ и терпитъ пораженіе въ Ронсевалѣ. Подлѣ него 12 паладиновъ, какъ 12 апостоловъ, и во главѣ ихъ Роланъ—примѣръ вѣрности и благородства; есть и сатанинскій типъ измѣнника, Ганелонъ. Послѣднюю обработку этого круга представляетъ Chanson de Roland или Roman de Roncevaux, возникшій въ одно время (ок. 1150) съ Poema del Cid, этимъ высшимъ твореніемъ испанскаго эпоса. 2) Кельтскій циклъ, съ Артуромъ въ центрѣ, этотъ перлъ тогдашняго эпоса. Поэзія бардовъ, созданная борьбой бритовъ съ англо-саксами и замиравшая въ Уэльсѣ и Бретани, воскресла при норманнахъ: бретонцы радостно шли за Вильгельмомъ Завоевателемъ, надѣясь отомстить англо-саксамъ; позже уэльсцы горячо отстаивали свою свободу отъ Плантагенетовъ. Въ ихъ пѣсняхъ, блиставшихъ роскошью фантазіи, живостью впечатлѣній, богатствомъ риѳмы (кельт. rhim), вспыхнула любовь къ свободѣ и бою. Въ ихъ воображеніи воскресъ Артуръ, потомокъ родоначальника бритовъ, Брута троянскаго: имъ повѣрилъ даже Генрихъ II, ходившій на могилу богатыря. Артуръ (§ 29), лишился кельтскихъ чертъ и превратился въ идеалъ рыцаря, въ крестоносца и учредителя рыцарскаго братства Круглаго Стола, съ такими 12 богатырями, какъ Лансело, похитившій у него жену, Жиневру, Тристанъ, влюбленный въ Изольду, Лоенгринъ, прибывшій на лебедѣ спасать одну герцогиню отъ чародѣя. Тутъ и свой Ганелонъ—сынъ демона, Мерлинъ. Самъ Артуръ, послѣ великихъ подвиговъ за вѣру и свободу, взятъ въ страну чудесъ, откуда возвратится, подобно Карлу Великому. Все это собралъ поэтъ Генриха II, Готфридъ Монмоутскій, въ своей „Исторіи британскихъ королей", которую обработали норманскіе труверы, въ особенности Васъ, этотъ всеобщій источникъ не только кельтскаго (его Roman du Brut), но и норманскаго эпоса (Roman de Rou или Rollon). Ревнивая къ популярности Артура церковь создала свой идеалъ героизма — романъ о св. Граалѣ. Graal — чаша изъ камня съ вѣнца Люцифера,

въ которую была собрана кровь Христа; кто увидитъ ее, тотъ станетъ блаженнымъ и безсмертнымъ. Чаша охраняется въ пышномъ замкѣ, въ Испаніи, рыцарями-аскетами, которыхъ она сама выбрала; во главѣ ихъ стоитъ непобѣдимый Парсиваль, кончающій отшельничествомъ. Англійскій придворный поэтъ Мапъ сплелъ Грааля съ Артуромъ, но сдѣлалъ его независимымъ отъ Рима и далъ ему въ стражи храмовниковъ, уже считавшихся еретиками. Вообще только въ такой безобразной переработкѣ дошелъ до насъ раньше создавшійся эпосъ, въ которомъ были прежде историческія черты: онъ важенъ только по чертамъ быта 12—13 вв., отразившимся въ немъ.

Романтическая поэзія проникла изъ Франціи всюду, гдѣ было рыцарство, раньше всего (въ 12 в.) во Фландрію, Англію, Испанію и Португалію, гдѣ интеллигенція говорила пофранцузски, да въ Италію, гдѣ даже народъ понималъ попровансальски. Въ Италіи трубадуры сначала пѣли на родномъ нарѣчіи, особенно при палермскомъ дворѣ Гогенштауфеновъ: ихъ много перекочевало сюда послѣ альбигойскихъ войнъ. Все это были гибеллины: они и исчезли вмѣстѣ съ Гогенштауфенами. Но часть ихъ перешла во Флоренцію, гдѣ они первые стали употреблять итальянскій языкъ и сдѣлались элегичны, даже религіозны. Тутъ видно уже французское вліяніе. Въ 13-мъ в. здѣсь интеллигенція стала говорить пофранцузски; Брунетто Латини и Марко Поло писали на этомъ языкѣ. Знать взяла героевъ французскаго эпоса себѣ въ предки и распѣвала о Роланѣ; подъ Миланомъ нашелся даже мечъ Тристана. Изъ Франціи пришла и сказка о Бовѣ-королевичѣ, до сихъ поръ любимая итальянцами. При Латинской имперіи, такіе герои эпоса, какъ Роланъ, Артуръ, Бова, Ланседо, проникли даже въ греческую литературу, а оттуда къ славянамъ. Тогда же возникъ романтизмъ и въ Германіи, особенно въ Швабіи, гдѣ выработалось новое нарѣчіе — средне-верхне-нѣмецкое (Mittel-hochdeutsch). Толчкомъ къ нему были браки императоровъ съ бургундками и итальянками да связи Вельфовъ съ Англіей; его процвѣтаніе связано съ Гогенштауфенами, и именно съ Фридрихомъ II. Здѣсь романтическая поэзія слаба и искажена. Миннезингеры, „пѣвцы любви", черезчуръ гонялись за разнообразіемъ „тоновъ"; каждый усиливался изобрѣсти свой размѣръ стиха. Эти „соловьи", какъ называли они сами себя, больше французовъ воспѣвали природу; но слащавы и однообразны ихъ вздохи по милой, по маю, розамъ и соловьямъ. У нихъ элегическій тонъ, назида-

тельность, церковный идеализмъ да чувственность: по преданію, миннезингеръ Тангейзеръ (§ 61) попалъ, въ своихъ странствіяхъ, на Венерину Гору и едва вышелъ оттуда. Средоточіемъ миннезингеровъ былъ Вартбургъ, замокъ ландграфа тюрингенскаго Германа, мужа св. Елизаветы венгерской (§ 90). Здѣсь проживалъ и ихъ глава, Фогельвейде, пріятель Фридриха II, патріотъ, изобличавшій феодаловъ и папъ; бѣдный рыцарь, онъ вѣчно странствовалъ по Германіи, Франціи и Италіи, гдѣ на клячѣ, гдѣ въ своихъ неразлучныхъ „журавляхъ", какъ называлъ онъ простые башмаки съ безконечными носками. Въ Вартбургѣ пребывалъ и главный эпикъ, Эшенбахъ, передѣлавшій „Парсиваля" съ французскаго: то былъ мистикъ, мечтатель. Ближе къ труверамъ Готфридъ Страсбургскій, шутливый бюргеръ, колкій реалистъ; онъ оставилъ нѣсколько чувственный, но блестящій романъ (Тристанъ и Изольда), гдѣ много злыхъ выходокъ противъ церковнаго идеализма.

Съ половины 13-го в. настаетъ паденіе романтической поэзіи, вмѣстѣ съ рыцарствомъ. Она проникается назидательностью, аллегоризмомъ и повторяетъ зады. Въ лирикѣ являются размалевка мелочей, педантизмъ, жеманство и „темная рѣчь". Эпосъ сближается съ церковной поэзіей, выдвигая св. Грааля, вводя святыхъ и ангеловъ; онъ впадаетъ въ театральность и страсть къ нелѣпымъ приключеніямъ. Во Франціи возникаетъ жалкій Roman de la Rose, любимецъ дамъ: это—вздорныя похожденія неизвѣстныхъ поэтовъ (22.000 стиховъ) въ поискахъ за розой сада любви, пересыпанныя мистическими поученіями да неприличіями. Здѣсь же создался новый родъ эпоса—фабльо изъ котораго произошла итальянская новелла (повѣсть): это—мелкіе капризные разсказы и грязныя шутки, вѣнцомъ которыхъ былъ „Романъ семи римскихъ мудрецовъ мастеровъ".

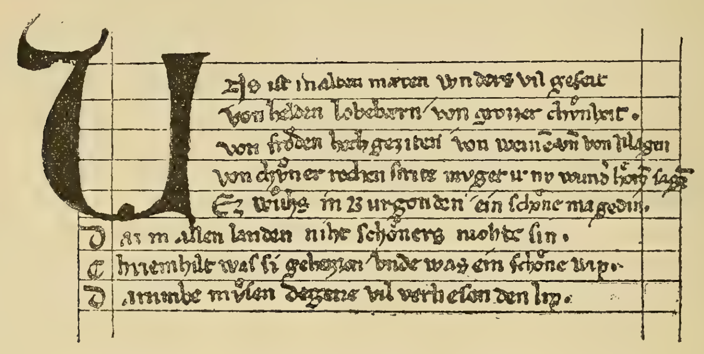
Но въ то же время зародился новый духъ въ поэзіи мѣщанъ сѣверныхъ коммунъ, близкой, по реализму, къ народному творчеству. Уже Roman de la Rose испещренъ злыми выходками противъ церкви и феодализма: онъ былъ запрещенъ парижскимъ университетомъ. Фабльо—созданіе мѣщанина, который и выводится въ нихъ въ компаніи съ мужикомъ, вмѣсто рыцаря: здѣсь трезвое наблюденіе надъ пошлостью жизни; и содержаніе уже отчасти взято у классиковъ и арабовъ. Въ Англіи Мапъ довелъ сатиру на церковь до дерзости въ своемъ „Епископѣ-Голіаѳѣ", гдѣ весело описываются аббаты, „красные, какъ ихъ вина". Въ Нидерландахъ она приняла форму

животнаго эпоса (§ 63), развившагося изъ древне-германскихъ басенъ: здѣсь доморощенный Мишка былъ замѣненъ Львомъ со времени знакомства съ Азіей, а лютый Волкъ уступалъ мѣсто хитрой Лисѣ, которую назвали Совѣтчицей (Reinard отъ Rath) и одѣли въ монашескую ряску. Лисій романъ (Roman du Renart) развился, когда французы взяли его у голландцевъ и переработали. У нѣмцевъ особенно пала рыцарская поэзія: грубыхъ миннезингеровъ стали даже гонять изъ замковъ, наравнѣ со скоморохами; и они начали сближаться съ бюргеромъ и мужикомъ, что̀ привело къ такой злой сатирѣ на церковный идеализмъ, какъ Попъ Амисъ (Pfaff Amis).

Впрочемъ, въ Германіи паденіе романтизма болѣе характеризуется возрастаніемъ церковнаго идеализма. Даже обличая рыцарство и іерархію, поэты взывали къ смиренію, раскаивались, что сочиняли „лживыя сказки“, воспѣвали Дѣву Марію; одинъ составилъ сводъ легендъ въ 100.000 стиховъ — Passional, расположивъ ихъ по церковному календарю. Тогда писалось много благочестивыхъ разсказовъ и поученій, наряду съ такими народными энциклопедіями всякихъ знаній, какъ Лапидаріи, Бестіаріи и т. под. Возникли и риѳмованныя хроники — жалкая легендарная исторія въ стихахъ, которую усердно измышляли по всей Германіи и Нидерландамъ. Повсюду воскресла безъименная церковная поэзія (§ 63), убитая-было романтизмомъ. Стали зачитываться жизнью св. Іосафата (обращеніе индійскаго царевича отшельникомъ Варлаамомъ), которая была взята у Дамаскина и обработана во Франціи, въ началѣ періода. А вокругъ нея выросла масса житій святыхъ въ стихахъ, особенно въ Германіи, гдѣ, съ усиленіемъ фюрстовъ, при паденіи императорства, явилось, подлѣ Христа, много святыхъ и чудотворцевъ: это — самая изумительная смѣсь матеріала изъ всякихъ странъ и временъ. Клиръ занимался и латинскою поэзіей. Здѣсь сначала встрѣчалась, хотя жеманная, но изящная и утонченная мистика викторинцевъ и цистерціанцевъ, притомъ въ такой латыни, что эти поэмки принимались за произведенія древнихъ: явились новые гимны (Stabat Mater, Dies irae и др.) Бернара, Ѳомы Аквинскаго и др. и даже застольныя пѣсни и новеллы (собраны Гейстербахомъ). Но подконецъ, какъ въ проповѣдничествѣ пылкіе, цвѣтистые Бернары замѣнялись сухими и пошлыми болтунами, такъ и латинская литература превращалась въ схоластику „кухонной“, варварской латыни: она щеголяла тяжеловѣсными, педантичными учебниками и компиляціями славныхъ „докторовъ

и магистровъ": все это—тотъ упрощенный „ѳомизмъ", который сохранился до сихъ поръ въ церковныхъ школахъ.

Но въ Германіи же расцвѣла другая безъименная поэзія—народная. Ок. 1200 г. древнія сказки о Дитрихѣ и Гунтерѣ (§ 29) приняли стройный видъ на средне-верхненѣмецкомъ нарѣчіи, подъ именемъ Нибелунговъ и Гудруна, открытыхъ нѣмцами лишь ок. 1750 г. Въ основѣ, это—древняя миѳологія (Д. И. § 262), тогда же собранная, въ чистомъ видѣ, въ Исландіи въ двухъ Эддахъ (Бабушкахъ), Старой и Молодой,—одна въ стихахъ, другая въ прозѣ. Нибелунги—жители Нифлгейма, крайняго сѣвера, царства черной Геллы; центръ эпоса—истребитель дракона, Зигфридъ (Солнце), и его 2 жены, Брунгильда и Гудрунъ (Луна). Но

Uns ist in alten mæren wunders vil geseit
von helden lobebæren, von grozer chůnheit.
von froden hochgeziten, von weinen unt von klagen
von chůner recken striten muget ir nu wunder hœren sagen.
Ez wuhs in Burgonden ein schœne magedin.
Daz in allen landen niht schoners mohte sin.
Chriemhilt was si geheizen unde was ein schone wip.
Dar umbe musen degene vil verliesen den lip.

Пѣсня Нибелунговъ. Начало рукописи 13-го в. Въ Мюнхенѣ.

сюда введена исторія—Этцель (Аттила), Гундикаръ (Гунтеръ), Дитрихъ, который, съ помощью Этцеля, борется съ Нибелунгами; Зигфридъ напоминаетъ Сигиберта, мужа Брунгильды (§ 13). Но по мыслямъ, нравамъ, обычаямъ, языку, даже по стихосложенію, „Нибелунги"—рыцарскій романъ. „Гудрунъ"—нѣмецкая Одиссея: она лиричнѣе, мягче и складнѣе „Нибелунговъ"; въ ней есть морскія сцены.

§ 98. **Дантъ.**—Борьба церковнаго идеализма съ свѣтскимъ реализмомъ, столь очевидная въ письменности конца періода, особенно ярко обнаружилась въ Италіи, которая снова становилась вождемъ европейской цивилизаціи (§ 94). Тамъ, на порогѣ новаго періода въ исторіи, явился Дантъ Алигьери—геній, которому нѣтъ равнаго по всеобъемлемости. Дантъ (1265—1321) принадлежалъ, по рожденію, къ „чернымъ" (§ 86) и въ дѣтствѣ лишился отца. Мѣстная школа познакомила его съ классиками, а Брунетто (§ 94)—съ романтической поэзіей и итальян-

скимъ языкомъ, на которомъ юноша сталъ сочинять канцоны, что̀ свело его съ Кавальканти и съ Джіотто, написавшимъ его портретъ. Увидавши въ дѣтствѣ очаровательнаго ребенка, Беатриче, дочь сосѣда-купца, Дантъ сталъ обожать ее, какъ трубадуръ, и до смерти жилъ этимъ чувствомъ, хотя Беатриче выдали замужъ за вельможу, и она вскорѣ умерла, а самъ поэтъ женился и имѣлъ 5 дѣтей, о которыхъ нигдѣ не упоминаетъ. Потерявши Беатриче, Дантъ затосковалъ, тѣмъ болѣе, что его окружали ужасы междоусобія: онъ былъ въ кавалеріи и участвовалъ въ двухъ битвахъ. Поэтъ сначала кутилъ, потомъ жадно сталъ учиться всему, въ особенности же схоластикѣ, въ Болоньѣ, Падуѣ и Парижѣ: онъ перерождался, написалъ „Новую Жизнь" (Vita Nuova) и сталъ гибеллиномъ, когда восторжествовали пополяны. Но вслѣдъ затѣмъ (1301) черные снова побѣдили, съ помощью Бонифація VIII: Дантъ былъ разоренъ и изгнанъ; его семья осталась во Флоренціи, гдѣ почти вся вымерла отъ нищеты и заразы. Такъ начался 14-й в. Поэтъ тосковалъ, но отвергъ предложеніе возвратиться на условіи отречься отъ своихъ убѣжденій. „Міръ—мое отечество, какъ вода—стихія рыбъ", сказалъ онъ—и началось скитальчество. 10 л. прожилъ Дантъ, съ своей любимой дочерью, въ Тосканѣ, у гибеллинскихъ вельможъ: онъ все учился и написалъ „Пиръ" — опытъ научной энциклопедіи въ стихахъ. Но, вотъ, императоръ Генрихъ VII идетъ за Альпы (1310): ободренный поэтъ горячо привѣтствуетъ его, какъ „спасителя Италіи", и пишетъ „О монархіи", гдѣ доказывается, что только идеалъ императорства избавитъ страну отъ усобицъ. Внезапная смерть Генриха разрушила надежды гибеллиновъ: Италія у Данта тоскливо обращаетъ взоры за Альпы, и у нея вырывается вопль—„О мой Цезарь! Чтожъ не слѣдуешь за мной?" Лѣтъ 10 спустя, поэтъ скончался въ Равеннѣ, у племянника Франчески Римини (§ 92), тщетно поджидая спасителя Италіи. Передъ смертью онъ окончилъ начатую по возвращеніи съ папскаго юбилея (1300) Комедію, которую потомство назвало Божественной (Divina Commedia).

Какъ по своимъ сочиненіямъ, такъ и по характеру, Дантъ— не только воплощеніе средневѣковой культуры временъ ея разложенія, но и великое общечеловѣческое явленіе. Это—рѣдкій, по цѣльности, типъ глубокомысленнаго идеалиста. Мягкой печалью омраченъ мечтательный обликъ скитальца, отъ котораго сторонились на улицѣ смущенныя дѣти: весь—состраданіе, онъ нѣжно любилъ человѣчество и все скорбѣлъ, что нѣтъ на

свѣтѣ справедливости, хотя „эту добродѣтель любятъ даже ея враги“, а всюду царствуетъ главный грѣхъ — ненавистный „обманъ“ въ разныхъ видахъ. Но Дантъ вѣрилъ въ торжество правды — и, подобно Аристофану, не щадилъ даже живыхъ: „скреби, гдѣ только есть ржавчина“, говорилъ онъ. Призваніе писателя было для него священнымъ долгомъ службы человѣчеству и своему народу: онъ требовалъ для него нешуточныхъ упражненій и учености; онъ выбралъ канцону, какъ „самый трагическій“ (серьезный) стиль, и взялъ родной языкъ вопреки друзьямъ, которые называли это „метать бисеръ передъ свиньями“. Ни нищета, ни томленія патріотизма и родительскаго чувства — ничто не могло склонить его къ измѣнѣ, которую онъ относилъ, наравнѣ съ неблагодарностью, къ этому ужасному „обману“. Онъ писалъ соблазнявшимъ его чернымъ: „Другу философіи, человѣку, который всюду проповѣдовалъ справедливость, чужда безумная низость тѣхъ, которые мечтаютъ о земномъ. И развѣ не вездѣ блеститъ солнце со звѣздами? Развѣ я не могу подъ всякимъ небомъ изслѣдовать сладкую истину, пока не сдѣлалъ ничего безславнаго, ни даже безчестнаго для флорентійцевъ и республики?“ Неизмѣнно было и сердце поэта. Разъ навсегда возненавидѣлъ онъ Бонифація VIII, какъ воплощеніе пороковъ Рима; разъ навсегда полюбилъ онъ Брунетто, Кавальканти, Джіотто. А Беатриче, живая или мертвая — все-равно, всегда оставалась для него Беатриче: „дочь Бога и природы, стремленье къ которой было знакомствомъ съ добромъ“, этотъ неисчерпаемый источникъ состраданія и милосердія, гдѣ въ міровой гармоніи примиряются всѣ противорѣчія, Беатриче — сама душа Данта, съ ея сокровенными и непорочными помыслами. 9-ти лѣтъ увидалъ трубадуръ даму своего сердца въ платьицѣ кроваваго цвѣта — и воскликнулъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: „о, Богъ сильнѣй меня!“ 9 л. спустя, мелькнула она въ

Дантъ. Бронзовый бюстъ, по маскѣ съ мертваго. 15-го в.

бѣломъ уборѣ, ласково кивнувъ головкой — и полились пѣсни поэта. Еще видѣніе, но безпривѣтное—и какой-то юноша, весь въ бѣломъ, горько заплакалъ, скорбно прошептавъ ему: „сынъ мой!“ Умерла Беатриче — и вся природа залилась слезами, а поэтъ сталъ безпріютнымъ скитальцемъ: и уже не было у него личной жизни. Беатриче—лазурный Серафимъ; но любовь Данта полна огня и слезъ; и самъ онъ слышалъ, какъ кузнецы и извощики пѣли его канцоны и сонеты.

Это—живой протестъ новаго человѣка противъ чопорной условности церковно-рыцарскаго идеализма: это — начало личности, раньше мелькнувшей, во Франціи, въ судьбѣ Абеляра и Элоизы (§ 95). Оттого-то Дантъ не былъ монахомъ, писалъ на живомъ языкѣ, назвалъ „Новою Жизнью“ свою юношескую исповѣдь—собраніе стиховъ съ поясненіями прозой, посвященное новому чувству. Несмотря на жестокія страданія поэта, въ этой книжкѣ жизнь не оскорблена мрачнымъ приговоромъ аскета или мистика. Такъ же человѣченъ, искрененъ паѳосъ состраданія, одушевляющій „Божественную Комедію“, въ которой, сверхъ того, столько живости красокъ и пластичности образовъ, что Данта называютъ предтечею новой живописи. Въ „Пирѣ“, этой исповѣди зрѣлаго человѣка,—не любовь, а мысль, но того же реальнаго характера: авторъ порицаетъ педантизмъ схоластиковъ и впервые пытается дать обществу науку на родномъ языкѣ; по его мнѣнію, „разумъ составляетъ всего человѣка и его счастье“, и знатность дается не породой, а добродѣтелью и талантомъ. Какъ здѣсь (самое названіе „Пира“ — подражаніе Платону), такъ и вездѣ, у Данта ясны слѣды классицизма. Онъ знаетъ Цицерона, Ливія и латинскихъ поэтовъ, а вліяніе Виргилія замѣтно даже въ его стихѣ. Онъ прославляетъ Аристотеля, какъ учителя политики, и съ грустью сажаетъ Аверроеса въ болѣе покойный уголъ ада между „великими умами“. У него античное славолюбіе, враждебное церковной идеѣ безсмертія: онъ молитъ Аполлона о славѣ и думаетъ, что поэтъ даетъ безсмертіе. Изъ того же источника патріотизмъ и политическій смыслъ Данта. Разочарованный въ папствѣ, поэтъ не помѣстилъ въ раю ни одного св. отца. Въ „Монархіи“ первый идеалъ новой государственности. Здѣсь начало отдѣленія церкви отъ государства; императоръ владѣетъ Римомъ и управляетъ независимо отъ папы, подчиняясь лишь законамъ да предписаніямъ философіи. Виргилій оказывается пророкомъ монархизма, оправдываемаго даже съ помощью схоластическихъ тонкостей и мистики; Цезарю отводится мѣсто въ чистилищѣ,

а Генриху VII—въ раю. Въ эпитафіи Данта, имъ самимъ составленной, и теперь читаемъ: „Я воспѣвалъ права монархіи“ (jura monarchiae cecini).

Но въ Дантѣ же отпечатлѣлся геній среднихъ вѣковъ. Воспитанный на семи свободныхъ искусствахъ и на схоластикѣ, диспуты которой увлекали его, Дантъ руководился Библіей, Августиномъ и Ѳомой, у котораго взялъ взглядъ на Аверроеса, какъ безбожника. У него человѣчество—„неразрывная одежда Христа“, всякій смертный — частица католичества, а Виргилій — пророкъ, предсказавшій Спасителя (4-я эклога). Въ его твореніяхъ много аллегоріи, мистики и схоластики: его Беатриче — райское созданіе, на которое перешла слава въ вышнихъ Маріи; его адъ — исчадіе средневѣковаго мрака, пагубно вліявшее на искусство. Ненавидя больше всего раздоры, губившіе и Италію, и его самого, Дантъ не терпѣлъ ересей, городскихъ коммунъ и народностей: онъ превозноситъ доминиканцевъ за искорененіе „еретическихъ дебрей“ и, умалчивая объ Абелярѣ, помѣщаетъ въ раю Бернара. Самый цезаризмъ рисовался Данту въ формѣ отжившей идеи міродержавія Гогенштауфеновъ: онъ стоялъ и за идеальное папство, по теоріи двухъ мечей, необходимыхъ человѣчеству вслѣдствіе грѣхопаденія. Цѣль „Божественной Комедіи“—„освободить людей отъ бѣдствій“ путемъ наказанія ихъ за порчу этихъ средневѣковыхъ основъ. Дантъ мечталъ о возвращеніи къ началу періода, когда Миланъ еще не возставалъ противъ своего императора: тогда итальянцы жили-де просто и богобоязливо, не воздвигали большихъ зданій, не одѣвались въ кожаное платье, не лѣзли въ города и не мѣняли правительствъ; а итальянки не носили роскошныхъ поясовъ и сандалій, не румянились, занимались пряялкой да дѣтьми и не сидѣли безъ мужей, разъѣзжающихъ съ цѣлью ростовщичества.

Черты переходной эпохи ярче всего отразились въ „Божественной Комедіи“. Это — созданіе среднихъ вѣковъ по идеѣ, формѣ и пророческому, судному тону; но это же—и автобіографія поэта. Здѣсь Аристотель сливается съ Ѳомой, Олимпъ – съ Троицей, каноны — съ римскимъ и обычнымъ правомъ. Дантъ самъ называетъ „Божественную Комедію“ аллегоріей; и эта аллегорія не сочинена имъ, а взята съ улицы. Это — экстатическое странствіе поэта, съ поводыремъ Виргиліемъ, по аду, чистилищу и раю. Оно начинается 25 марта — день сотворенія міра, смерти Христа и начала весны. Въ аду, гдѣ самыя вели-

чественныя сцены „Божественной Комедіи“, трехликій Люциферъ самъ пожираетъ обманщиковъ и измѣнниковъ, въ томъ числѣ Іуду и Брута съ Кассіемъ. Здѣсь исполняютъ свою службу античные боги въ видѣ демоновъ (падшіе ангелы), Харонъ, Миносъ, Церберъ, фуріи, центавры и гарпіи. Въ чистилищѣ много добродѣтельныхъ язычниковъ, повинныхъ лишь въ семи смертныхъ грѣхахъ — гордости, зависти, гнѣвѣ, лѣности, скупости, чревоугодіи, сладострастіи (исчисленіе Ѳомы); здѣсь привратникъ Катонъ — образецъ справедливости. Небесный рай — дивное опоэтизированіе грубаго народнаго представленія. Перлъ поэтическаго сліянія стараго съ новымъ — встрѣча Данта съ Беатриче въ земномъ раю: здѣсь обстановка по Ѳомѣ (Рафаэль въ своей „Теологіи“ имѣлъ въ виду Беатриче), а содержаніе полно реальной жизни и пыла, какъ примиреніе измѣнника съ любимымъ существомъ. Беатриче возноситъ поэта въ эмпирей — и на него льется „свѣтъ славы Божіей“, который незамѣтно претворяется въ бѣлую розу (она встрѣчается въ искусствѣ до Данта). Беатриче покидаетъ своего поэта и помѣщается среди лепестковъ розы, а его ведетъ дальше отецъ мистики, Бернаръ. Но блаженство начинается лишь съ лицезрѣнія Маріи — и Бернаръ возноситъ къ ней дивную молитву, а Беатриче и блаженные сливаются съ нимъ въ хорѣ. Тутъ раскрывается тайна: поэтъ созерцаетъ св. Троицу и воплощеніе; онъ слышитъ непостижимую гармонію сферъ.

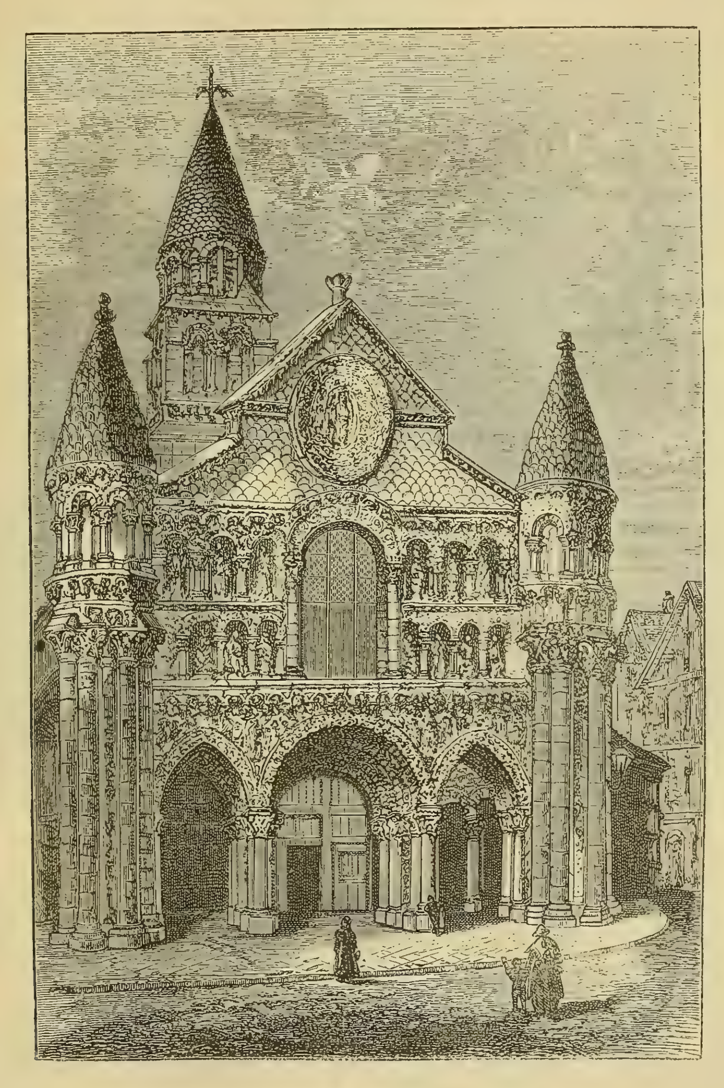
Такія сцены могъ изображать только аскетъ, которому были видѣнія, — самъ Бернаръ или Францискъ. Но и здѣсь Дантъ — новый человѣкъ: онъ реально рисуетъ горняя и свое блаженство; онъ не перестаетъ страстно любить Беатриче и цезаризмъ, ненавидѣть Бонифація VIII и республики. Довольно указать на главныя лица „Божественной Комедіи“, чтобы видѣть всеобъемлемость этой энциклопедіи среднихъ вѣковъ. Въ аду помѣщены: Бонифацій VIII, Орфей, Ахиллесъ, Гекторъ, Парисъ, Эней, Улиссъ, Гомеръ, Платонъ, Аристотель, Діогенъ, Сенека, Птолемей, Ливій, Цицеронъ, Горацій, Овидій, Цезарь, Пирръ, Магометъ, Аттила, Ганелонъ, Аверроесъ, Саладинъ, Дольчино, Фридрихъ II, Петръ винейскій, Эццелино, Уголино, Брунетто Латини, Семирамида, Дидона, Елена, Клеопатра, Корнелія, Франческа Римини. Въ чистилищѣ: Гюгъ Капетъ, Манфредъ, Карлъ анжуйскій (за его раскаяніе передъ смертью), Рудольфъ Габсбургъ, арагонскіе принцы. Въ раю: Давидъ, Соломонъ, Маккавеи, Константинъ Великій, Юстиніанъ,

Карлъ Мартелъ, Карлъ Великій, Ролань, Робертъ Гюискаръ, Готфридъ бульонскій, Бенедиктъ, Даміани, Бернаръ, Бонавентура, Констанца и др.

„Божественная Комедія“—первое самобытное произведеніе поэта-личности въ средніе вѣка. Это—лебединая пѣснь отходящей эпохи, но также и заря новаго времени. Практическіе итальянцы проглядѣли ее, заимствовавши изъ нея лишь нѣсколько сатирическихъ стиховъ; а курія требовала выдачи костей „проклятаго чародѣя и еретика, поносителя папства“, и сожгла „Монархію“. Дантъ — до сихъ поръ учитель человѣчества, по своему космополитизму, честности и благородному идеализму: изъ него черпали схоластики и гуманисты, ученые и художники. Чѣмъ дальше, чѣмъ больше изучаютъ его, тѣмъ больше у него восторженныхъ поклонниковъ.

§ 99. **Искусство**. — Главныя черты эпохи наглядно представлены въ искусствѣ. И церковный идеализмъ съ рыцарствомъ, и свѣтскій реализмъ съ мѣщанствомъ отразились въ новомъ стилѣ, который названъ готическимъ, т.-е. „варварскимъ“, итальянцами, презиравшими нѣмцевъ, какъ своихъ учениковъ и политическихъ враговъ. Готикъ — все еще своего рода идеографическое письмо (Д. И. Введ. § 14), полное религіознаго символизма: посвященный церковному зодчеству, лишенный чертъ личности, онъ мало даетъ для того изученія быта, которому уже помогаетъ романтическая поэзія. Но въ немъ есть признаки новой жизни. Вмѣсто массивнаго единства романскаго стиля (§ 64), вмѣсто этихъ „твердынь Божіихъ“, въ которыхъ окаменѣло однообразіе догмы съ мертвою обрядностью и суровою дисциплиной, возникло затѣйливое разнообразіе формы, въ которомъ выразились рыцарство и мѣщанство, чувствительность трубадуровъ и тонкости схоластики, „еретическія дебри“ и мечтательность мистиковъ; подконецъ выступаютъ даже черты народности и городского реализма. Вмѣсто тяжелаго круглаго свода, тупо подчиняющагося цѣлому, явилась легкая и капризная стрѣлка или копье (этотъ первоначальный готикъ называютъ копьевиднымъ—lancéolé); вмѣсто угрюмой колонны—связка колонокъ, намекающая на общинный духъ городовъ; вмѣсто придавленной, крытой башни и купола — безконечныя прозрачныя башенки. Исчезла крипта и съ нею символизмъ неба, земли и ада, а хоръ сталъ многоугольнымъ; могучія стѣны распались на рядъ устоевъ (§ 64), промежъ которыхъ вытянулись узкія окна съ расписными стеклами. Внутри, готическій храмъ—святая святыхъ поэтиче-

скаго экстаза, навѣваемаго перспективой отступающихъ арокъ и глубокаго потолка да волшебнымъ полумракомъ пестрыхъ оконъ. Снаружи, это—воздушная, уносящаяся подъ облака пирамида,

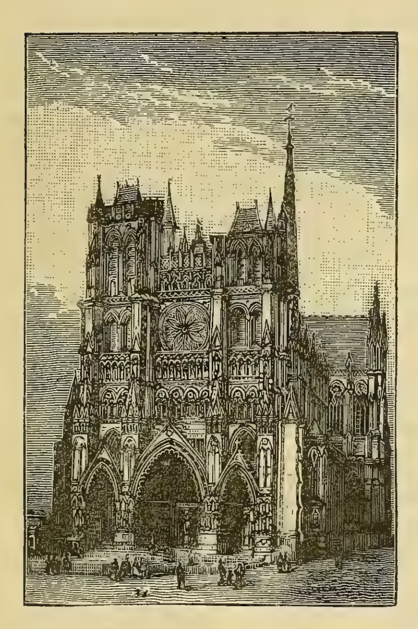
Соборъ Богоматери въ Пуатье. 12-го в.

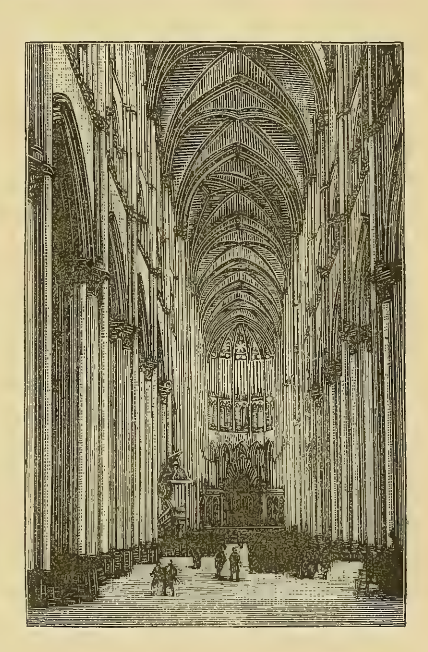
чудо циркуля и линейки: въ романскомъ стилѣ ширина доходила до 80 фут., вышина до 110, въ готикѣ — 140 фут. вышины на 45 ширины.

Чѣмъ позже, тѣмъ болѣе высокимъ, легкимъ, свѣтлымъ становился готическій храмъ, въ противоположность низкимъ, массивнымъ, подслѣповатымъ церквамъ романскаго стиля. И если была тоща его архитектурная форма, съ кучей невзрачныхъ устоевъ, то она скрадывалась цѣлымъ лѣсомъ орнаментовки: здѣсь башни фасада, кончающіяся сквозною стрѣлкой, сложенной изъ однихъ каменныхъ реберъ, тройные порталы, пояса изъ стрѣльчатыхъ арокъ съ розетками (круглыя окна) да изъ каменныхъ галлерей на выступахъ крыши — все усѣяно рельефами и статуями, цвѣтами и геометрическими фигурами, словно вся каменная глыба распустилась пышнымъ узоромъ. Всякая мелочь протѣсняется впередъ, лѣзетъ вверхъ, даже нарушая гармонію цѣлаго, напоминая, что готикъ — плодъ перваго Возрожденія (§ 94), съ его броженіемъ умовъ: его и называютъ „полувозрожденіемъ". А къ концу періода въ этой каменной фантасмагоріи, требовавшей частыхъ починокъ, все сильнѣе выступаютъ свѣтскія черты: украшенія становятся реальными; въ нихъ сквозитъ даже народный юморъ; возникли свѣтскія сооруженія, въ особенности ратуши, биржи, гильдейскіе дома въ богатыхъ городахъ Франціи, Нидерландовъ и Италіи. Весь готикъ былъ дѣломъ свѣтскихъ рукъ. Подконецъ въ городахъ образовались „братства" или артели „свободныхъ каменьщиковъ" (liberi muratores, англ. freemasons, фр. francs-maçons), съ уставами на подобіе монастырскихъ. Здѣсь изъ опыта было выведено ученіе о „пропорціяхъ", при которомъ каменьщики могли справляться и безъ художниковъ. Артели жили въ „хижинахъ" или „ложахъ" (англ. lodges, отъ locus — мѣсто) на мѣстѣ построекъ. Онѣ особенно развились въ Германіи, и именно въ Кёльнѣ, при Альбертѣ Великомъ, который былъ и крупнымъ строителемъ.

Готикъ образовался въ сѣверо-восточной Франціи, куда норманны завезли изъ Сициліи арабскій стрѣльчатый сводъ (§ 56): его и называли „французскою работой" (opus francigenum). Его первымъ образцомъ служитъ монастырь С. Дени, построенный Сугеріемъ (1144). Но сначала стрѣлку употребляли только въ украшеніяхъ, затѣмъ строили храмы наполовину романскіе, наполовину готическіе. Вообще романскій стиль держался до начала 13-го в.: его перлъ — соборъ Богоматери въ Пуатье, съ изукрашеннымъ аркадами, барельефами и статуями фасадомъ, гдѣ уже показывается готикъ въ боковыхъ входахъ и въ пирамидальномъ фронтонѣ. По мѣрѣ вымиранія романскаго стиля,

постепенно развивался готическій. Еще тяжелый въ богатомъ парижскомъ соборѣ (стр. 259), онъ достигъ полнаго развитія съ начала 13-го в., въ Амьенѣ [1]), соборъ котораго послужилъ образцомъ для главныхъ сооруженій во всей Европѣ: на Рейнѣ, въ Англіи, Швеціи, Италіи, Испаніи и до глубины Венгріи даже строителями были французы, которыхъ призывали епископы, бывшіе студенты парижскаго университета. Раньше и сильнѣе всего готикъ утвердился въ Нидерландахъ: здѣсь, также какъ

Соборъ въ Амьенѣ снаружи. Начатъ въ 1220 г.

Соборъ въ Амьенѣ внутри.

въ Швейцаріи, онъ чисто-французскаго типа. Но далѣе въ немъ проявились національныя особенности. Въ Англіи строили длинные, невысокіе храмы съ короткими стрѣлками и плоскою крышей: перлъ ея готика, соборъ въ Салисбери, имѣетъ 78 фут. вышины на 430 длины и 33 ширины. Подконецъ этотъ стиль сталъ называться „раннимъ англійскимъ“ (уэстминстерское аббатство). Онъ проникъ въ Норвегію, гдѣ видоизмѣнился по требованіямъ деревянной постройки и принялъ своеобразныя украшенія, напоминающія руны и чудовища сѣверной миѳологіи. Въ Швеціи

[1]) Корабль или средняя, главная, часть амьенскаго собора—перлъ готика: его стрѣлка подымается на высоту почти 70-ти саженей.

готикъ былъ созданъ французскими мастерами. Но въ Даніи и с.-в. Германіи, гдѣ строили изъ кирпича, долго сохранялся романскій стиль, образчикомъ котораго служитъ замокъ Госларъ (стр. 116). Въ Испаніи романскій стиль, смѣнявшійся мавританскимъ по мѣрѣ приближенія христіанъ къ югу, легко уступилъ французскому готику, который разукрасился арабскою орнаментовкой: соборы въ Бургосѣ (стр. 266), Толедо и Леонѣ — одно изъ самыхъ роскошныхъ проявленій готика въ Европѣ. Въ Германіи готикъ развился лишь къ концу періода и принялъ такой своеобразный видъ, что получилъ названіе „поздняго", въ отличіе отъ французскаго или „ранняго" стиля. Перлы его — соборы въ Страсбургѣ и Кёльнѣ; послѣдній — роскошная копія амьенскаго собора (стр. 254). Въ гордой своею античностью Италіи, мало допускавшей даже романскій стиль, покуда вовсе не было готика: знаменитая падающая колокольня въ Пизѣ, со многими этажами колонокъ и аркадъ, — романскаго стиля; св. Маркъ въ Венеціи — сліяніе того же стиля и античнаго изящества съ восточною роскошью и живописностью византизма (стр. 240, 288). Въ сѣверной и средней Италіи стрѣлка служила только иногда для украшеній: больше придерживались круглаго свода, даже купола и базилики, и не поступались стѣнами, дорожа живописью; встрѣчаются и прекрасные слѣды классицизма. Въ южной Италіи и Сициліи господствовала роскошная смѣсь мавританскаго стиля съ византійскимъ и даже норманскимъ. Много строилось также частныхъ зданій въ готическомъ стилѣ, почти не сохранившихся безъ передѣлокъ: образчикомъ ихъ можетъ служить древнѣйшій домъ (13-го в.), сохранившійся въ Германіи (§ 100).

Изобразительныя искусства все еще были лишь придаткомъ къ церковному зодчеству: готикъ даже вытѣснялъ живопись, отнимая у нея стѣны для оконъ, и задерживалъ ваяніе на ступени орнаментальныхъ рельефовъ, подгоняемыхъ къ свободному мѣсту въ храмѣ. Содержаніе здѣсь также церковное: грѣхопаденіе, подвигъ Христа, Страшный Судъ да легенды о мѣстныхъ святыхъ, но больше всего Дѣва Марія; Бога-Отца изображали только въ видѣ перста или ока Провидѣнія. Символизмъ достигаетъ крайнихъ размѣровъ. Правда, крестовые походы произвели и здѣсь юношеское броженіе, стремленіе къ правдѣ и классицизму. Окаменѣлая строгость и старообразіе византизма смѣняются чувствомъ, хотя сантиментальнымъ и условнымъ, какъ въ романтической поэзіи; гибкія, миловидныя фигуры съ юными,

кудрявыми, загадочно улыбающимися головками, принимаютъ оживленныя, естественныя положенія и личныя черты; вездѣ, даже у мужчинъ, женственная мягкость, какъ у трубадуровъ и мистиковъ; роскошныя смѣлыя складки напоминаютъ древность. Таковы рельефы (отчасти статуетки), которые массами облѣпляли весь храмъ (иногда цѣлые циклы въ 2.000 фигуръ), напоминая изобиліе египетской скульптуры. Подконецъ появляются даже бытовыя сценки и невинная насмѣшка свѣтскихъ людей, въ руки которыхъ перешли и изобразительныя искусства. Эта новая жизнь родилась также въ сѣверо-восточной Франціи. Но готикъ стѣснялъ развитіе юнаго ваянія, тискал его, гдѣ позволяло мѣсто, и подвергая полихроміи (Д. И. § 158) или раскраскѣ, подстать цвѣтнымъ стекламъ. Это ваяніе расцвѣло во Франціи, особенно при Людовикѣ IX, царствованіе котораго называютъ „вѣкомъ Перикла". Лучшій его образчикъ—соборъ въ Реймсѣ, весь усѣянный рельефами: его и называютъ готическимъ Парѳенономъ (Д. И. § 130). Позже съ Франціей соперничала подражавшая ей Германія, именно Рейнъ, Нюрнбергъ и Саксонія: образчиками нѣмецкаго ваянія начала и конца періода могутъ служить статуи Фридриха I, Оттона I, Рудольфа, Генриха II и Ричарда (стр. 109, 220, 225, 228, 255). Въ Англіи развились надгробные памятники, которые вездѣ сначала были простыми плитами съ крестомъ (нерѣдко ихъ прислоняли къ стѣнѣ въ храмѣ), потомъ рельефомъ покойника, иногда на каменномъ гробу съ колонками: это—зародышъ портретнаго ваянія.

Въ большой модѣ было искусство переходное отъ ваянія къ живописи — эмаль и рѣзьба на позолоченныхъ мѣдныхъ и серебряныхъ доскахъ, особенно на ракахъ мощей, имѣвшихъ видъ готическихъ храмиковъ. Готикъ развивался и въ печатяхъ, число которыхъ возрастало вмѣстѣ съ городами, а также въ коврахъ, гдѣ вышивались цѣлыя сцены, и часто изъ быта рыцарей: на одномъ французскомъ коврѣ, въ 210 фут. длины и 2 ф. вышины, весьма реально изображено завоеваніе Англіи норманнами. Подавляя стѣнную живопись, готикъ выдвигалъ расписываніе оконныхъ стеколъ — низшій родъ по техникѣ, близкій къ мозаикѣ: писали рѣзкими цвѣтами (синій, красный) на стеклышкахъ, соединяемыхъ свинцовыми нитями, и щеголяли яркими красками, тайна которыхъ еще не постигнута. Эта живопись процвѣтала во Франціи, къ которой потомъ примкнула Германія. Важнѣе миніатюра, которая достигла во Франціи, подъ именемъ „иллюминированія" книгъ,

высокой техники, отчасти подъ вліяніемъ расписки стеколъ. Перломъ ея считается Псалтырь Людовика IX (въ Bibliothèque Nationale). Въ Германіи техника ниже, воскресла даже первобытная манера дѣлать одни очерки черными и красными чернилами; но она давала свободу художнику—и проглянула наивная живопись, даже юморъ, особенно въ иллюстраціяхъ рыцарскихъ романовъ. Съ отстраненіемъ стѣнной живописи выдвигалась досчатая, особенно въ виду потребности въ алтарныхъ иконахъ,—также во Франціи и Германіи. Она вызвала новый матеріалъ: масляныя краски употреблялись только малярами, такъ какъ онѣ медленно сохли, а стѣнная живопись довольствовалась фресками; на доскахъ же стали писать темперами (tempero-смѣшиваю)—красками съ бѣлкомъ или сокомъ незрѣлыхъ винныхъ ягодъ. Работа темперами на крѣпко намѣленной доскѣ приводила къ тонкой, мелочной техникѣ и къ нѣжнымъ, свѣтлымъ тонамъ.

Италія уже представляла свой міръ. Здѣсь почти въ теченіе всего періода изобразительныя искусства были плохи до первобытности: господствовалъ византизмъ низшаго сорта, да и художники нерѣдко были греки; символизмъ доходилъ до того, что Лука и Іоаннъ изображались съ головами вола и орла. Но къ концу вдругъ выростаетъ могучее движеніе, подготовка великаго искусства новаго времени, именно въ средней Италіи, у современниковъ Данта. У Никколо Пизано античное ваяніе: сохранились образцы, съ которыхъ онъ копировалъ. Въ его собственныхъ произведеніяхъ проглядываетъ естественность, хотя въ содержаніи еще есть символизмъ. Съ этихъ поръ античный геній уже не могъ вновь умереть въ Италія, несмотря на церковную реакцію: сынъ Пизана, у котораго образовалась цѣлая школа, повелъ дѣло дальше отца. Помогало и то, что эти предтечи Возрожденія совмѣщали въ себѣ таланты живописцевъ, ваятелей и зодчихъ. Быстрѣе ваянія двинулась живопись, для которой сохранились стѣны храмовъ. Во Флоренціи Чимабу—переходъ къ новой живописи: онъ еще византинистъ, у него даже позолоченный фонъ; но классицизмъ и естественность ясны въ свободной одеждѣ, въ миловидности лицъ, въ свѣтлѣющемъ колоритѣ. Тогда въ Италіи обнаружилась и личность въ искусствѣ: художники выставляли свои имена на своихъ созданіяхъ, даже хвастались, и ихъ почитали въ обществѣ; а за Альпами, особенно въ Германіи, и въ этомъ отношеніи господствовала церковная безъименная типичность. Въ Италіи личность уже дала

такіе образцы, какъ Дантъ и его другъ, отецъ новой живописи, Джіотто; говорятъ, они совѣщались о своихъ трудахъ и оба ставили энергію, характеръ въ число первыхъ добродѣтелей.

Крестовые походы быстрѣе всего повліяли на музыку: христіане легко замѣтили здѣсь превосходство арабовъ—и ихъ рожокъ, годный для поединковъ, замѣнился арабскими литаврами, барабаномъ, трубой, необходимыми при боѣ массами. Были заимствованы у мавровъ и болѣе нѣжные инструменты, служившіе поэзіи: наряду съ балалайкой, неизбѣжною принадлежностью трубадура, стала арфа—испанская гитара, принятая во всей Европѣ. У жонглеровъ были еще дудки съ мѣхомъ, лира, цитра, гусли, бубенъ, кастаньеты; въ церквахъ распространился взятый изъ Византіи, при Оттонахъ, органъ съ клавишами шириной въ четверть, по которымъ работали кулаками и локтями. Мелодіи, также обогащенныя знакомствомъ съ арабами, еще бѣдныя и грубыя у жонглеровъ, стали разнообразными и нѣжными у трубадуровъ. Развивалась и теорія музыки: въ Кёльнѣ изобрѣли тактъ, а въ Парижѣ, гдѣ стали учить гармоніи, хотя только устно (за недостаткомъ музыкальнаго письма), явилась система обозначенія достоинства нотъ (цѣлыя, половины и проч.). При такомъ усовершенствованіи, въ концѣ періода, когда падала сама лирика, музыка начала покидать напѣвы трубадуровъ. Она переходила въ города, гдѣ возникала полифонія или многогласіе, т.-е. сліяніе разныхъ голосовъ и мелодій. Этотъ переходъ ясенъ у француза Галя: онъ и трубадуръ, и композиторъ; особенно важны его комическія сцены съ музыкой, которая служитъ зародышемъ оперы, а также начало водевиля (pastourelle). По паденіи провансальской поэзіи, музыка сосредоточилась въ Парижѣ, откуда перешла къ англичанамъ. Въ Англіи „минстрель“ (minstrel—трубадуръ) встрѣтилъ остатки кельтскихъ бардовъ и англо-саксонскихъ „хороводчиковъ“ (gleemen); онъ заимствовалъ у нихъ напѣвы—и образовалась англійская музыка, которая отличается хоровымъ началомъ, намекающимъ на политическое единодушіе гражданъ: въ Парижѣ изумлялись капеллѣ Бекета, состоявшей изъ 250 мальчиковъ. Напѣвы миннезингера—тѣ же, что у минстреля и трубадура; только его музыка суше, однообразнѣе, и она развилась позже. У нѣмцевъ, какъ и у французовъ, не было многогласія. Подконецъ музыка уже проскользаетъ повсюду: въ церкви слышимъ лучшія пѣснопѣнія обѣдни и почти оперныя мистеріи, въ замкахъ—цѣлые концерты, на площадяхъ—оркестры оффиціальныхъ церемоній,

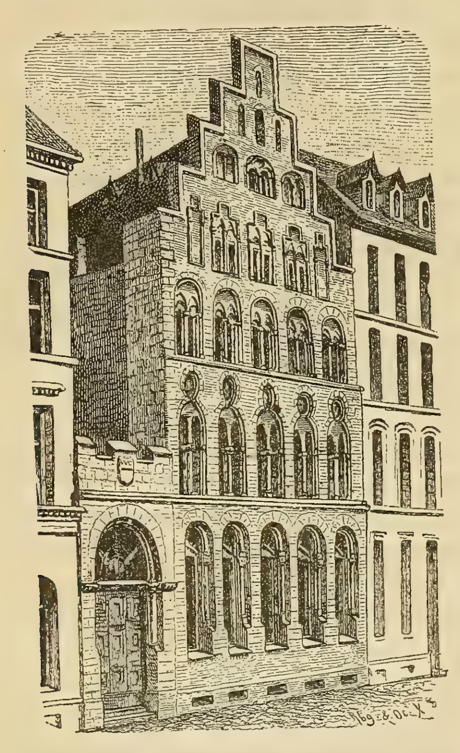
и вездѣ—пѣсни трубадуровъ, труверовъ, миннезингеровъ, минстрелей. Такъ создалась наша новая музыка, столь отличная отъ античной, принесенная варварами и отчасти арабами,—эта знаменитая гармонія, которую подмѣтилъ впервые, еще въ 7-мъ в., Исидоръ Севильскій, сказавшій: „музыка есть согласованіе многихъ звуковъ и ихъ одновременное сліяніе".

§ 100. **Внѣшній бытъ.**—Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, развивалась и матеріальная культура: особенно къ концу періода ясны новыя потребности и отвѣчающія имъ удобства жизни, а также болѣе свѣтскій, радостный бытъ. Впрочемъ, это не касалось крестьянина, который, выражаясь словами трубадура, велъ прежнюю, „сѣренькую жизнь", если не попадалъ въ третій чинъ. Земледѣліе шло по старинѣ, трехпольнымъ хозяйствомъ, взятымъ у римлянъ: только подъ городами стали разводить растенія для одежды, краски и лекарствъ, да во Франціи появилась вѣтряная мельница; и всюду развивалось пчеловодство, такъ какъ требовалось много воску для свѣчей въ церкви и дома для печатей, а безъ меда не обходилась ни одна попойка и ни одно лакомство. Садоводства еще не знали. Скотоводство предоставлялось природѣ: о немъ заботились только у промышленныхъ центровъ, гдѣ былъ запросъ на шерсть, кожу, рога, молочные скопы. Во Франціи или Англіи жилось еще сносно, благодаря усиленію правительства, порядка, хотя даже въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Нимъ, въ амфитеатрѣ (стр. 20) ютились бѣдняки, словно собаки, а въ Англіи, по смерти Генриха I (§ 51), свирѣпствовали такія усобицы, что лѣтописецъ говоритъ: „то былъ адъ; сама земля отказалась родить; Христосъ и святые дремали". Англія, гдѣ прежде 1/3 земли была подъ лѣсами и кустарниками и 1/3 подъ болотами и камышами, уже доставляла массу шерсти и даже лучшее золотое шитье во Фландрію и Францію. При Вильгельмѣ Завоевателѣ явилась первая въ Европѣ перепись (§ 59), которая позволяетъ предполагать населеніе почти въ 2 милл. жителей. Даже въ Испаніи, гдѣ прежде христіане только дрались съ маврами, внося свои „алгарады" (опустошенія) до Кадикса, теперь они стали заполнять эти пустыни „населеніями" (poblaciones) изъ крестьянъ и воиновъ; этимъ колонистамъ, какъ казакамъ, приходилось давать большія вольности, даже право азила, что и привело къ быстрому развитія фуеровъ. Но въ другихъ странахъ масса бѣдствовала, особенно въ Германіи, гдѣ на западѣ свирѣпствовали усобицы, а на востокѣ—борьба съ полу-

дикарями: въ Венгріи, послѣ нашествія монголовъ, народъ ѣлъ человѣчье мясо и скрывался въ лѣсахъ и пещерахъ отъ разбойниковъ и волковъ, привлекаемыхъ непогребенными трупами; и мужикъ самъ впрягался въ плугъ и телѣгу. Впрочемъ, подконецъ даже въ Германіи земледѣліе улучшалось: дѣвственные боры рѣдѣли, уступая мѣсто пашнямъ, мѣстами даже виноградникамъ. По Рейну земля уже цѣнилась въ 7 разъ дороже, чѣмъ въ 10-мъ в. Подъ вліяніемъ нѣмцевъ, начинали даже подыматься матеріально Богемія, Венгрія и Польша.

Но самое замѣтное улучшеніе внѣшняго быта видно у рыцаря да у мѣщанина крупныхъ городовъ. Послѣднихъ было уже не мало во Франціи, гдѣ такіе короли, какъ Филиппъ-Августъ, украшали ихъ, оздоровляли, мостили. Во Флоренціи и Брюгге было по 200.000, въ Римѣ—50.000 жителей; а Парижъ уже поражалъ своею роскошью: стѣны и башни, мостовыя и гостинные дворы изъ камня, луврскій дворецъ и Notre-Dame, обширные госпитали (даже для слѣпыхъ) и куча гостинницъ—все дѣлало его первымъ городомъ въ мірѣ. Въ подобныхъ городахъ кипѣла жизнь, съ праздниками цеховъ и стрѣлковъ, съ увеселительными заведеніями, съ пѣвцами и скоморохами, которыхъ порой даже выгоняли за буйную шумливость. Улицы кишѣли тюками, корзинами, крикливыми разнощиками, были полны суетливаго гама торговли и промысловъ, скрипа огромныхъ телѣгъ и вывѣсокъ, которыя качались отъ вѣтра и ушибали зазѣвавшагося прохожаго. Особенно одушевленный уголокъ представляла краса и гордость города—дума (§ 87). Это—четыреугольная каланча, тѣсная, неуклюжая, мрачная, съ толстыми окнами-бойницами. Въ ея верхнемъ этажѣ, куда взбирались по веревочной лѣстницѣ или по подъемному мосту съ крыши сосѣдняго дома, хранились метательныя орудія, а по наружной галлерейкѣ ходилъ дозорщикъ; въ срединѣ находился залъ совѣщаній присяжныхъ властей и архивы, внизу—тюрьма и кладовая. Въ „новыхъ городахъ“ Франціи (§ 59), въ этихъ созданіяхъ королей,было даже просторно и удобно: они строились по плану, словно шашешницы. Даже у нѣмцевъ такіе центры торговли, какъ Кёльнъ, щеголяли прекрасными частными домами. Но мелкіе города, особенно въ Германіи, еще напоминали села. Здѣсь дѣлались запашки. Потребность скучиваться, чтобы жидкому населенію было удобнѣе защищаться, совсѣмъ измѣнила римскій планъ низенькихъ построекъ, съ обширнымъ атріумомъ (Д. И. § 180): дворъ исчезъ, крыши

поднялись неуклюже надъ кучей неровныхъ этажиковъ съ тѣсными, смрадными клѣтушками. Деревянные дома вылѣзали изъ плана своими крыльцами и погребами; въ соломенныхъ крышахъ гнѣздились воробьи, ласточки и мыши; дождь стекалъ на улицы, производя потопъ; навѣсцы плохо защищали отъ него окна, въ которыхъ кожа, масляная бумага да роговыя пластинки играли роль стеколъ. По узкимъ, кривымъ, вонючимъ улицамъ, куда выбрасывался соръ изъ домовъ, ходилъ скотъ и стада свиней, а по ночамъ — гвалтъ, шумъ и гамъ, за отсутствіемъ освѣщенія и полиціи, хотя и былъ приказъ ходить съ факелами; съ наступленіемъ ночи, послѣ набата „гаси огонь!“ запирались городскія ворота, а обыватели загромождали двери и окна мебелью. Все это вызывало болѣзни, тѣмъ болѣе, что мѣщанинъ даже надосугѣ не провѣтривался: онъ глазѣлъ въ окошко, а дѣти возились на полу или въ сору передъ домомъ, гдѣ они иногда становились жертвой свиней.

Древнѣйшій домъ въ Германіи (въ Кёльнѣ). Начало 13-го в.

Обстановка зажиточнаго горожанина почти не отличалась отъ быта рыцаря; только рыцарь жилъ въ одиночку, въ своемъ углу. Кто побѣднѣе, тотъ прозябалъ въ своей помѣщичьей усадьбѣ (manoir, отъ лат. manere—пребывать),—избѣ съ толстыми стѣнами, массивными воротами и окнами подъ застрѣхой; въ такихъ же домахъ-крѣпостцахъ проживали рыцари въ городахъ, особенно на югѣ. Знатный же рыцарь ютился въ зàмкѣ, который, какъ и вся культура, развился первоначально на югѣ, особенно во Франціи, на римской основѣ. Въ Германіи „бурги“ (§ 39) утвердились позднѣе, но они были разнообразнѣе: мѣстами держались плана валовъ германцевъ; изрѣдка встрѣчались

даже пещерные и высѣченные въ скалѣ бурги, въ родѣ Штейна (у Линца), принадлежавшаго, по преданію, рыцарю-людоѣду, Гейнцу. Настоящій, южный зàмокъ вытекъ изъ римской крѣпостцы въ странѣ варваровъ (франц. château, англ. castle, отъ лат. castellum, castrum—укрѣпленный лагерь; нѣм. Burg). Вопреки первоначальной формѣ (§ 65), онъ теперь вытянулся, согласно готическому стилю; его сооружали уже изъ камня и окружали круглыми высокими башнями, но онъ еще былъ неуклюжъ и лишенъ украшеній. Этотъ зàмокъ гордо возвышался или на скалѣ, или на холмѣ, у рѣчки, отъ которой проводилась вода въ опоясывающіе его рвы, гдѣ ловили рыбу и ѣздили на лодкахъ. Передъ зàмкомъ—засѣка противъ конницы непріятеля, за нею ровъ и подъемный мостъ черезъ него на толстыхъ цѣпяхъ, ведущій во внѣшнюю башню съ незамѣтною дверцой. За этою башней новый ровъ съ мостомъ (бывало до 5 такихъ оградъ), по которому входятъ въ узкіе, низкіе ворота римскаго типа, съ двумя дверями, двумя желѣзными рѣшетками и двумя башнями по бокамъ. За воротами, надъ которыми красуются кабаньи и волчьи головы и сидитъ въ сторожкѣ дерзкій, продажный привратникъ, бьющій тревогу въ мѣдную доску, тянутся частоколъ и стѣна съ бойницами, вся въ римскихъ зубцахъ для защиты воиновъ, а подъ зубцами, внутри, идутъ, по стѣнѣ, выступы или дорожки для обхода; башни по угламъ стѣны снабжены прорѣзанными снизу галлереями, изъ которыхъ льютъ на врага кипятокъ и смолу. За стѣной обширный нижній дворъ (basse-cour, теперь—задній), который занимаютъ службы—мельница, кузница, прачешная, колодцы, птичникъ, сараи, кладовыя, солильни, сушильни, людскія, погреба. Здѣсь же, при осадѣ, укрывались крѣпостные съ своимъ добромъ. Затѣмъ опять ровъ, мостъ, стѣна—и верхній дворъ: здѣсь часовня, хлѣбные магазины, огромная кухня, конюшня, соколятникъ, звѣринецъ и, въ глубинѣ, отгороженная каменною „сорочкой“ господня (§ 65), которая достигала иногда 25 саж. вышины и 12—въ діаметрѣ.

На господню всходили по „перрону“—подъѣздъ съ широкою каменною лѣстницей, гдѣ совершались всѣ парадныя встрѣчи и церемоніи этикета. Эта башня, наполненная витыми лѣстницами, которыя едва освѣщались бойницами въ толстыхъ стѣнахъ, состояла обыкновенно изъ 5 этажей; въ каждомъ одна, много двѣ мрачныя, сырыя, низенькія комнаты со сводами, душныя лѣтомъ и холодныя зимой; два этажа въ землѣ—для гостей и тюрьмы, въ 3-мъ зала съ развѣшаннымъ наверху оружіемъ, въ 4-мъ

живетъ самъ рыцарь, въ 5-мъ его дамы и дѣти. На самомъ верху—сторожевая будка (гдѣ нѣтъ отдѣльной дозорной башни) и шпицъ для флага, служащій также висѣлицей. Иногда тянутся подземные ходы въ лѣсъ, который всегда находится по сосѣдству, такъ же какъ и лугъ. У короля и вельможи, кромѣ башни, дворецъ—большое зданіе въ 2—3 этажа, и въ немъ обширная зала съ колоннами для пріемовъ и суда. Въ дѣтской видны лавки, сундуки и хозяйство шалуновъ—куклы, мячъ, воланъ, волчки, ходули, шахматы, а также пюпитръ съ восковыми дощечками, на которыхъ учились писать палочкой. Въ спальнѣ полъ изъ черныхъ и желтыхъ изразцовъ, стѣны и потолокъ расписаны желтою и красною охрой, а позже—золотомъ и ярко-синей краской. Здѣсь главная мебель—широчайшая, низкая кроватъ на золоченыхъ ножкахъ, съ занавѣсомъ, съ горой пуховиковъ и подушекъ (спали безъ бѣлья и высоко, почти сидя, изъ опасенія кошмара); днемъ на ней шелковыя, парчевыя, горностаевыя покрывала и наволоки; на окнахъ занавѣски, по стѣнамъ лавки; у кровати статуетка святого, вѣшалки для платья да подсвѣчникъ, въ родѣ церковнаго, съ толстою восковой свѣчей, горѣвшею всю ночь. Неизбѣжная принадлежность зàмка—баня: это—подземный этажъ, куда приносятъ лохани съ водой, травами, ароматами и пахучимъ оливковымъ масломъ (мыла еще не было); рыцарь долго возится въ ней; онъ любитъ растиранье, которое предлагается гостямъ даже въ постели, на сонъ грядущій. Въ залѣ на первомъ планѣ огромный каминъ, куда засовываютъ цѣлыя бревна, высѣкая огонь огнивомъ и кремнемъ; на немъ восковыя и сальныя свѣчи на желѣзныхъ шпинкахъ. Тутъ грѣются всѣ, не исключая многочисленной дворни съ кучей наименованій; иногда здѣсь же спятъ дѣти. Зачастую люди валяются на полу, покрытомъ подушками, шкурами, коврами, шелковыми подстилками, а у бѣдныхъ—рогожами: есть скамьи со спинками и перилами, даже тяжелыя кресла-троны, требующія скамеечекъ; но ихъ еще мало. Для платья и оружія—огромные комоды; для посуды—низкіе, тяжелые баулы; въ дорогу рыцарь беретъ красивый византійскій чемоданчикъ съ деньгами, драгоцѣнностями, мощами и локономъ дамы своего сердца. Песочные часы — большая рѣдкостъ: Людовикъ IX измѣрялъ время свѣчами.

Въ праздникъ замокъ наполняется курильницами, по стѣнамъ развѣшиваютъ азіатскіе или сицилійскіе шелки и парчи, полъ усыпаютъ листьями и цвѣтами: ждутъ гостей. Главная забота—парадный обѣдъ. Тутъ, по рожку, соблюдая этикетъ,

чтобы не задѣть родовой чести, гости разсаживаются по лавкамъ, подославши подушки, обыкновенно парами, и нерѣдко дама съ рыцаремъ, который угождаетъ ей. На столахъ (козлы и на нихъ доски, покрытыя скатертью) изобильная и щеголеватая утварь: много золотыхъ ложекъ, ножей съ дорогими ручками (вилокъ, а равно тарелокъ и салфетокъ еще нѣтъ), серебряныхъ и деревянныхъ кубковъ и мисокъ на двоихъ, солонокъ и соусниковъ, затѣйливыхъ кувшиновъ и вазъ съ крышками (вмѣсто бутылокъ). Слуги сначала подаютъ тазы для омовенія рукъ, потомъ разносятъ, на дорогихъ подносахъ, кучи пироговъ и 10—15 блюдъ—почти все изъ жареной на салѣ и приперченной дичи. Тутъ олень, кабанъ, фаршированная медвѣжатина, зайцы, кролики, голуби, фазаны; самое изысканное кушанье—павлинъ и лебедь, а изъ рыбы—угорь; на домашнюю же живность и не смотрятъ. Въ заключеніе, сдобныя пирожныя; послѣднее изъ нихъ разрѣзываетъ самъ хозяинъ—и изъ него выпархиваетъ рой птичекъ, которыхъ тутъ же бьютъ соколы. Для дессерта фрукты, сыръ, а главное — перецъ, имбирь, гвоздика, мускатный орѣхъ. Все это распаляетъ жажду—и за каждымъ блюдомъ обязателенъ почтенный кубокъ вина или варенухи со специями, медомъ и опять перцомъ. Вино распространялось даже въ Германіи насчетъ пива, когда нѣмцы познакомились, въ крестовыхъ походахъ, съ венгерскими, итальянскими и греческими винами. Иногда обѣдали на лугу, въ палаткахъ,—главная изъ синяго шелка. Провизія была непокупная: кругомъ тянулись первобытные лѣса со всякою дичью; на Рейнѣ сохранялись еще бобры. Охота ничего не стоила: рогатина, стрѣлы, ножъ, топоръ были подъ рукой; дорогъ былъ только рожокъ изъ слоновой кости, которымъ щеголяли.

Одежда только въ церкви оставалась неизмѣнной: лишь прибавилась красная шляпа кардинала, да цвѣта ризъ пріурочились къ извѣстнымъ праздникамъ. Вообще же она измѣнилась подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, и французы уже стали законодателями модъ. Здѣсь господствуетъ женственность, какъ въ искусствѣ и поэзіи. Рыцарь дѣлаетъ проборъ во всю голову и начинаетъ бриться. У него одежда длинная, широкополая, съ поясомъ (у мужика короткая, у горожанина безъ пояса), напоминающая наряды русскаго боярства (Р. И. § 188). Онъ щеголяетъ вышитыми шерстяными и даже шелковыми „рубахами", дорогими „шубками" или душегрѣйками, цвѣтными „блузами" (bliaut) или кафтанами, съ вышивками и позумен-

тами, дорогими, величаво волочившимися по землѣ „манто“ (наша шуба: оно сначала и было соболье или кунье, потомъ—лишь съ мѣховой оторочкой) или накидками съ капишономъ, которыя бросали на полъ при вызовѣ на поединокъ, шерстяными бѣлыми и узкими штанами (наслѣдіе галловъ) или „верхними“ поножьями, которыя соединялись съ „нижними“ (le bas de chausse) или чулками. Много значила обувь: былъ въ ходу восточный обычай цѣловать ноги высшему. Узкіе разноцвѣтные башмаки изъ кожи или матеріи, безъ коблуковъ, украшались вышивками, запонками, галунами и славились неимовѣрными носками, или „бараньими рогами“; въ походахъ и на охотѣ носили высокіе, непромокаемые сапоги, которые служили и карманами также, какъ дорогіе матерчатые пояса. Головной уборъ состоялъ сначала изъ „шапочки“ (родъ фригійскаго колпака, которымъ пользовались всѣ сословія), потомъ изъ матерчатыхъ и мѣховыхъ „чепцовъ“ (coifes), вродѣ низенькихъ тюрбановъ съ маленькими полями; подъ ними носили холщевые колпачки, вродѣ ночныхъ. Тогда всюду распространился холстъ, который сначала былъ такою рѣдкостью, что рубахи скидывали на ночь и даже завѣщали. А у рыцаря онъ уже смѣнялся шерстью и шелкомъ, что̀ отразилось въ ваяніи богатствомъ и мягкостью складокъ. Подъ вліяніемъ Востока, матеріи стали ярки и узорчаты; многія привозились изъ Бухары и Персіи. Завелись мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи (у низшихъ классовъ—черный барашекъ, заяцъ, лисица, енотъ), причемъ бѣлые красились въ красный цвѣтъ.

Дама стала щеголихой. Она подшафраниваетъ свое тонкое бѣлье, шитое золотомъ на воротникѣ и рукавахъ: ея рубаха, „бѣлая, какъ полевой цвѣтокъ“, красуется искусно сложенными „морщинками“—складками и завитками. Сверхъ сорочки—горностаевая шубка, въ золотыхъ галунахъ: это—всеобщее домашнее платье, въ холодныхъ замкахъ, длинное до пятъ и узкое, сидѣвшее вплотную. Но шубка почти скрывалась подъ роскошью туалета и заклятымъ врагомъ проповѣдниковъ — подъ блузой изъ зеленаго шелка съ золотыми узорами, которая надѣвалась только при торжествахъ: блуза состояла изъ очень узкаго корсета или жилета, изъ „срединнаго куска“ или животика, также убійственно стянутаго, и изъ юбки съ разрѣзными полами, какъ у мавританокъ, съ широкими рукавами до пятъ и съ дорогими оторочками. Поверхъ корсета небрежно брошенъ падающій до земли поясъ, эта гордость щеголихи, которая усы-

пала его драгоцѣнными камнями (каждый — противъ какой-нибудь болѣзни). А на блузу накинуто кокетливое шелковое манто пурпурнаго цвѣта до колѣнъ, съ широкими нашивками по краямъ, съ разрѣзомъ на правомъ боку, съ артистическими складками, съ позументами, бахромами и драгоцѣнными каменьями; оно картинно пристегнуто на правомъ плечѣ рубиномъ или сафиромъ; дама красиво приподымаетъ его лѣвымъ плечомъ, чтобы показать блузу и поясъ [1]). Дама-щеголиха ходила дома въ простыхъ шлепанцахъ, но на выходахъ носила очень тѣсные, шитые золотомъ башмачки изъ кордовской кожи, съ безконечными носками, да шелковые ажурные чулки разныхъ цвѣтовъ. На головѣ у нея темная, легкая, какъ пухъ, вуаль выбивалась изъ-подъ „золотого круга" или убранной драгоцѣнными камнями діадемы, которая замѣнялась у бѣдныхъ „шапочкой цвѣтовъ" — обыкновенно вѣнкомъ изъ розъ: въ Парижѣ уже былъ цѣлый цехъ цвѣточниковъ. Тщательно расчесанная гребнемъ изъ слоновой кости коса переплетена золотыми нитками и шелковыми лентами; есть уже и шиньоны. Дама румянится, особенно шафраномъ. Красавица романовъ—круглое бѣлое лицо съ яркимъ румянцемъ, ровные зубки, тонкія брови, ротикъ пуговкой, шея — что слоновая кость, глаза зеленые, соколиные, золотистыя кудри или разубранная коса. Она тонка и стройна, какъ пальма, держится смѣло и горделиво, ловко управляетъ скакуномъ, съ соколомъ на рукѣ, или картинно сидитъ въ дорогомъ сѣдлѣ на мулѣ, увѣшанномъ бубенчиками и колокольцами. Таковъ же красавецъ, только онъ высокъ,

Одежда рыцарши. Конца 12-го в.

[1]) На нашемъ рисункѣ, взятомъ со статуи Богоматери въ соборѣ С. Дени, видна блуза, а подъ ней рукава душегрѣйки; замѣтны также поясъ, драгоцѣнности на груди и головной уборъ, съ косами до пятъ.

грудастъ, широкоплечъ; у него соколиные глаза соедипяются со взглядомъ леопарда.

Въ вооруженіи рыцаря развилась оборонительная сторона: кольчуга (§ 58) замѣнилась желѣзною рубахой или панцыремъ, сначала до пятъ, потомъ до колѣнъ, съ разрѣзомъ назади и съ капишономъ, закрывавшимъ щеки и бороду; такіе же чулки; на головѣ шлемъ въ видѣ конической каски, съ оконцами для глазъ; къ шеѣ прицѣпленъ кожаный, расписной, продолговатый щитъ въ ростъ человѣка. Боевымъ оружіемъ были мечъ и копье съ цвѣтнымъ значкомъ или знаменцомъ; иногда употреблялись ножъ, сѣкира, булава, желѣзный бичъ. Рыцарь ненавидѣлъ лукъ и взятый у мусульманъ самострѣлъ, какъ признаки низшаго класса. Онъ говорилъ: „будь проклятъ первый лучникъ, этотъ трусъ, не смѣвшій приблизиться къ противнику!" Рыцарь представлялъ собой подвижную крѣпость: упадетъ онъ — самому не подняться. Его выносила только крѣпкая лошадь: оттого у него было два коня—одинъ походный, другой боевой или „подручный".

Матеріальное развитіе было плодомъ торговли и промысловъ, двинутыхъ крестовыми походами. Уже съ конца прошлаго періода общество пробуждалось отъ многовѣковой спячки, нарушаемой лишь кошмаромъ набѣговъ дикарей и кровавыхъ усобицъ. Съ водвореніемъ нѣкотораго мира и порядка, имъ овладѣла страсть къ приключеніямъ, передвиженіямъ, богомольствамъ, путешествіямъ, которую распаляли такія чудесныя предпріятія, какъ завоеваніе Англіи и Сициліи норманнами и Португаліи проѣзжими рыцарями (§§ 49, 50, 54), въ особенности же крестовые походы. Ей сопутствовала пробуждавшаяся жажда наживы и изобрѣтательности: вмѣстѣ съ 1-мъ крестовымъ походомъ, произведенія юга Европы появляются на сѣверѣ и Востокъ начинаетъ заваливать ее своими товарами. Въ то же время зародились капитализмъ и движимая собственность (§ 87), эти неизбѣжныя орудія мирныхъ сношеній между народами. И выдвинулась торговля, которая все крѣпла и расширялась къ концу, благодаря увеличенію населенія и порядка, улучшенію путей сообщенія, сокращенію разныхъ препятствій. Началась она съ приморскихъ городовъ Италіи — Амальфи, Пизы, Генуи и особенно Венеціи, которая, помимо своихъ торговыхъ плаваній, давала крестоносцамъ до 200 кораблей заразъ и извлекала огромные барыши изъ перевозки богомольцевъ въ св. земли. Итальянскіе купцы имѣли свои конторы по всей Азіи и Европѣ и цѣлые кварталы въ Византіи и городахъ крестоносцевъ;

итальянскіе „банкиры“ (banchеri—мѣнялы, сидѣвшіе на улицѣ, на „лавочкахъ“, banco) раскидывали свои золотыя сѣти повсюду и ссужали большими суммами даже папъ и королей. Венеція, создавшая цѣлую имперію (§ 74), господствовала даже на Черномъ морѣ, гдѣ Тана (Азовъ) и Солдайя (Судакъ) стали складами товаровъ Арменіи, Персіи и Индіи. По паденіи Латинской имперіи, съ Венеціей начала соперничать Генуя, основавшая Каффу (Ѳеодосія) въ Крыму; но дожъ сталъ продавать оружіе и самихъ христіанъ саранамъ и захватилъ торговлю Сиріи, Египта, Аравіи, Туниса, проникая даже внутрь Африки. Къ концу періода выдвинулась на первый планъ Флоренція: здѣсь было 200 шерстяныхъ фабрикъ, 80 торговыхъ конторъ, лучшіе въ свѣтѣ каналы и улицы, усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ.

Борьба итальянскихъ республикъ привела къ зарожденію „консульствъ“ или морского международнаго права (consulado del mar) и къ развитію сношеній по всей Европѣ. Каталонцы стали бойко торговать съ Византіей, Тунисомъ, Италіей и Франціей. Арагонія двинулась по тому же пути, съ присоединеніемъ Балеаровъ, гдѣ она подавила пиратство: морской уставъ Барселоны былъ подконецъ принятъ даже итальянцами. Тогда же вошла въ міровую связь Португалія, короли которой начали открывать безпошлинныя ярмарки и призывать иностранныхъ ремесленниковъ. Во Франціи уже Филиппъ-Августъ первый показалъ примѣръ покровительства иностраннымъ купцамъ; а сами французы прямо сносились съ Азіей и Африкой, особенно при Людовикѣ IX, и еще больше съ Италіей, Фландріей и Англіей; у нихъ возникли европейскія ярмарки (въ Труа). Англія, гдѣ Великая Хартія даровала иностранцамъ свободу торговли и установила одни вѣсы и мѣры для всей страны, торговала съ Фландріей, гдѣ выдвинулись Гентъ и Брюгге, а также съ Франціей и Испаніей. Лондонъ становился средоточіемъ міровыхъ сношеній: тамъ у фламандцевъ былъ свой торговый домъ, а у нѣмецкой Ганзы—первая заморская факторія, Стальной Дворъ. Ганза, съ помощью тевтонскихъ рыцарей, уже овладѣвала торговлей всего сѣверо-востока Европы (§ 78): ея второй опорой была Висби (§ 65); купцы Гамбурга, Бремена и Любека уже работали въ Швеціи, Эстляндіи, Ливоніи и Польшѣ до Кракова; а норвежцы развозили ея товары до крайняго сѣверо-запада. Только прекратились сношенія съ Америкой (§ 49): память о ней мерцала лишь въ преданіяхъ и считалась нелѣпою

сказкой. Торговлѣ содѣйствовали компаніи или сообщества, которыя начали составлять мѣстные купцы для обширныхъ предпріятій: это — „гильдіи“ или „ганзы“ (§ 87), во главѣ которыхъ стояли ганзы парижская и лондонская. Онѣ представляли собой, по сю сторону Альпъ, синдикаты или стачки торгашей, ради собственной выгоды, и успѣли овладѣть всѣмъ правленіемъ въ городахъ и коммунахъ: ихъ „залы“ стали городскими думами. Въ Италіи же купцы складывались капиталами и устраивали свои конторы по всей Европѣ, гдѣ ихъ называли „ломбардами“—имя, которое было пріурочено и къ изобрѣтеннымъ ими банкамъ или къ торговлѣ деньгами, которая упорядочила все денежное хозяйство. Они же, вмѣстѣ съ евреями, которымъ приходилось скрывать свое золото, изобрѣли „вексель“, т.-е. ввели кредитъ, который такъ облегчаетъ обращеніе цѣнностей, а тогда, при недостаткѣ монетъ, имѣлъ особенное значеніе.

Внутренняя, сухопутная торговля не могла идти въ сравненіи съ міровою, заморской. Она терпѣла еще много стѣсненій. Такъ, лишь подконецъ появились торговые скупщики или присяжные маклера: тогда боялись всякихъ посредниковъ, и законъ приговаривалъ ихъ къ позорному столбу. Каждый производитель самъ продавалъ свой товаръ въ собственной лавочкѣ; и крестьянинъ, везшій свои продукты въ городъ, не смѣлъ продавать ихъ по дорогѣ скупщику. Этимъ замедлялся мелочной, мѣстный торгъ. А повезетъ производитель свой товаръ гуртомъ вдаль—другая бѣда: пути сообщенія были еще плохи. Отправляясь въ дорогу, молились и дѣлали завѣщанія. Подъ самымъ Лондономъ возницы „часто опасались потерять все, что они везли“. И не было другихъ средствъ передвиженія, кромѣ грузныхъ большихъ телѣгъ и фургоновъ. Выѣздные экипажи были и немыслимы при скверныхъ дорогахъ: ходили пѣшкомъ или ѣздили верхомъ на коняхъ и ослахъ; изрѣдка встрѣчались носилки. Особенно плохи были мосты, при массѣ водъ: ихъ было мало, и по нимъ боялись переправляться. Церковь и благотворительныя общества старались побуждать людей къ ихъ постройкѣ, какъ къ душеспасительному дѣлу. Они же сооружали пріюты на пустынныхъ дорогахъ: въ Альпахъ ихъ колокола звонили непрестанно въ бурю или темную ночь. Пути служили, сверхъ того, приманкой для разныхъ грабителей: на проѣзжихъ нападали то шайки голодныхъ нищихъ и калѣкъ, то „рыцари-разбойники“, которыхъ называли еще „коровьими рыцарями“;

и они составляли караваны, сопровождая свои возы вооруженною компаніей. Оттого-то купцы предпочитали пути рѣчные, какъ болѣе безопасные и менѣе дорогіе. Но у береговъ новая бѣда: маяки попадались рѣдко; а свирѣпствовало „береговое право" — присвоеніе добра потерпѣвшихъ крушеніе: и встрѣчались такіе злодѣи, какъ бретонскій графъ (§ 92) и даже крестьяне, привязывавшіе лучины къ рогамъ коровъ, чтобы завлекать корабли къ подводнымъ камнямъ. Но если товаръ минуетъ всѣ опасности, ему не избѣжать кучи тяжелыхъ мытъ, которыя возникали весьма просто: загородитъ сеньеръ проѣздную дорогу или рѣку — и подавай за пропускъ, причемъ мытарь старался и себя не обидѣть. Часто сборы взимались натурой, что̀ вело къ самому тяжелому произволу. Доплетется товаръ до рынка — его встрѣчаютъ права „выставочное, вѣсовое, мѣрильное". Въ Германіи изобрѣли даже „право прикосновенія къ землѣ" (Grundruhrrecht): коснется нагруженный возъ дороги феодала — его забираютъ, упадетъ что съ воза — прощай; умретъ купецъ на чужбинѣ — имущество отнимаютъ у наслѣдниковъ.

Нужно прибавить еще два важныхъ препятствія, отъ которыхъ страдала и заморская торговля. Ходило еще много разнообразныхъ монетъ: даже во Франціи, несмотря на введеніе Людовикомъ IX королевскихъ денегъ, было еще 80 феодальныхъ монетъ. А между тѣмъ, вообще монеты не хватало, и она убывала съ каждымъ годомъ: она уходила на Востокъ, который давалъ Европѣ гораздо больше товаровъ, чѣмъ сколько получалъ отъ нея. А главное, кредитъ былъ еще въ зародышѣ, и ему мѣшало всеобщее отвращеніе къ процентамъ. Церковь горячо воевала съ „ростовщиками": лишала ихъ права погребенія, уничтожала ихъ завѣщанія, предавала ихъ инквизиціи. Предъ ея рвеніемъ умолкалъ робкій голосъ юристовъ, которые пытались защищать процентъ, на основаніи римскаго права. Слѣдствіе понятно: ростъ поднялся до того, что сами короли платили по 46%; а въ частномъ быту онъ доходилъ до 100%. Самыми злыми ростовщиками оказались ломбардцы со своими банками, которымъ покровительствовала римская курія: они захватили въ свои руки всю Европу и заставляли сожалѣть о евреяхъ, которые поневолѣ пользовались тѣмъ же дѣломъ, такъ какъ имъ воспрещались всѣ другіе занятія. Столь выгодною работой не брезгали даже каноники. А Ричардъ Львиное Сердце разрѣшалъ ее евреямъ за налогъ, который равнялся 1/13 всѣхъ государственныхъ доходовъ Англіи;

и когда „невѣрные“ были разорены, онъ взялъ ихъ дѣло въ свои руки, безпощадно преслѣдуя ихъ должниковъ. При всемъ томъ, не только заморская торговля, но и прямыя сношенія сѣвера съ югомъ Европы приняли подконецъ оживленный видъ. Старая дорога, по Дунаю, въ Византію, обогащавшая Вѣну и Регенсбургъ, пала передъ новымъ путемъ съ Востока—черезъ Венецію и Альпы, что̀ выдвинуло Нюрнбергъ и Аугсбургъ. Стали процвѣтать и города по побочному пути—черезъ Рону и Рейнъ. Подконецъ всюду возникало множество рынковъ и ярмарокъ, которые феодалы устраивали наперерывъ другъ передъ другомъ, надѣясь собрать много мытъ. Самыя значительныя ярмарки отбывались въ Шампани, особенно въ Труа, куда стекались купцы со всей Европы.

Рядомъ съ торговлей, но какъ ея плодъ и послѣдовательница, расцвѣтала промышленность, — опять, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ. При томъ оживленіи общества, которое выразилось въ развитіи международныхъ сношеній, человѣкъ уже не могъ самъ удовлетворять свои потребности, какъ прежде, когда и нужды-то были ничтожны, и земледѣлецъ былъ собственнымъ мастеровымъ. Промышленность обособилась и распалась на разныя ремесла, повинуясь закону раздѣленія труда. И она развивалась тѣмъ быстрѣе, что ей приходилось не изобрѣтать, а брать готовое изъ арабской культуры. Подражая купцамъ, отъ которыхъ они зависѣли во всемъ, ремесленники соединялись въ корпораціи (латинское corpus— тѣло, масса, сплоченное цѣлое), которыя обнимали всѣ занятія, такъ какъ одинокому труженику нельзя было устоять противъ феодальной неурядицы: тогда корпораціи составляли и члены университетовъ, и медики, и трубадуры, и нотаріусы, и художники, даже нищіе и мошенники. Собственно ремесленныя корпораціи вытекли изъ тѣхъ „министерій“ (§ 87), на которыя распадались прежде крѣпостные ремесленники сеньеровъ: отсюда ихъ названіе— „мастерства“ (франц. métier) или „цехи“ (нѣм. Zunft). Число ихъ разнообразилось по городамъ: въ Парижѣ ихъ было больше сотни. Каждая корпорація была какъ бы республикой: имѣла свою собственность и кассу, свои уставы, печати и хоругви съ собственными гербами, свои сходки, своихъ выборныхъ судей и исполнителей. Эти власти (ихъ называли „присяжными, мастерами и мастерицами, консулами, prud'hommes и prudes femmes), обыкновенно 2—4 лица, завѣдовали всѣми дѣлами корпораціи, а главное—надсматривали надъ работой. Онѣ же хра-

нили особую „кружку“, куда собирались пожертвованія членовъ, которыя шли на ихъ взаимную помощь. Новичекъ сначала проходилъ „ученичество“ (apprentissage), въ теченіе почти десятка лѣтъ; онъ дѣлался какъ бы рабомъ своего „патрона“ или хозяина, который могъ заставлять его работать, сколько влѣзетъ, могъ бить его и даже продавать товарищу. Затѣмъ онъ становился рабочимъ; впрочемъ допускались и рабочіе со стороны, которые собирались обыкновенно, для найма, на площади, но они должны были представлять свои ученическія свидѣтельства, аттестаты прежнихъ патроновъ и еще подвергаться опыту. Рабочій нанимался патрономъ посуточно, понедѣльно и погодно, на своихъ харчахъ и при своей квартирѣ; трудился онъ съ восхода до заката солнца (9—16 часовъ); за безнравственность, даже за жизнь съ наложницей онъ исключался изъ корпораціи; но зато патронъ долженъ былъ всегда давать ему работу, отстраняя чужаковъ и лишнихъ учениковъ.

Всякій рабочій могъ возвыситься до званія „мастера“ или „патрона“: стоило только выдержать экзаменъ,—сдѣлать „шедевръ“ или мастерскую работу. Но иногда требовалось, чтобы онъ былъ женатъ и имѣлъ извѣстный достатокъ. Производство въ мастера сопровождалось присягой соблюдать уставъ корпораціи, пирушкой, иногда забавными символическими церемоніями. Отношенія между рабочими и патрономъ были патріархальныя: патронъ былъ скорѣе старостой артели, чѣмъ нынѣшнимъ фабрикантомъ; онъ и самъ нерѣдко, при несчастьѣ, снова превращался въ рабочаго. И хотя случались стачки рабочихъ, но рѣдко и слабо: тогда еще не было рабочаго пролетаріата. Корпораціи представляли какъ бы зáмки, въ которыхъ защищалось юное производство отъ массы окружающихъ враговъ: въ нихъ господствовалъ духъ монополіи, своего рода касты. Все сводилось къ устраненію соперничества. О чужакахъ и говорить нечего: имъ дозволялось торговать лишь разъ въ недѣлю, на отведенномъ мѣстѣ, и ихъ товары придирчиво осматривались мѣстными властями цеха. Ревниво относились другъ къ другу даже сродныя мастерства одного и того же города: такъ, кузнецы и столяры не смѣли дѣлать замковъ, составлявшихъ привилегію слесарей. Отсюда вѣчныя распри между своими же: особенно сварливы были суконщики, которые вѣчно препирались съ валяльщиками и красильщиками. Но зато корпораціи были строги и сами къ себѣ. Здѣсь не знали свободы: все было подчинено строгой дисциплинѣ, мельчайшимъ правиламъ. Портной, напр., долженъ былъ работать не иначе, какъ

сидя у окна, на своемъ верстакѣ, поджавъ ноги. Строго опредѣлялись длина, ширина и качество нитей всякой матеріи: и только „хорошій и законный“ товаръ получалъ клеймо цеха. Ночью и въ праздники не работали. Впрочемъ обмановъ было много, какъ видно изъ судебныхъ дѣлъ и изъ громовъ проповѣдниковъ. Крайняя дисциплина и своекорыстная узкость корпораціи подавляли личную предпріимчивость: даже всякое новое изобрѣтеніе принадлежало всему цеху. Безъ соперничества производство не спѣшило улучшаться, пробавлялось рутиной; и цѣны стояли высокія, сокращая кругъ покупателей. Патроны угнетали рабочихъ, особенно учениковъ, число которыхъ было ограничено: рабочіе должны были работать только въ мастерской, а не у себя дома; чужаки не смѣли наниматься на сторону, внѣ цеха.

Но, рядомъ съ этими недостатками, корпораціи обладали крупными достоинствами, безъ которыхъ онѣ не могли бы продержаться болѣе полтысячелѣтія. Рабочему было обезпечено занятіе; плата ему была хороша и постоянна. Не было большой разницы между нимъ и патрономъ, такъ какъ оба работали руками, оба были равно невѣжественны и безкапитальны. Вслѣдствіе слабаго раздѣленія труда, рабочій не былъ бездушною машиной для мелочей и могъ пройти въ мастера. Экзамены и честь цеха поддерживали доброкачественность работы. Собственный судъ и „кружка“ благотворительности питали духъ общности и семейственности среди членовъ корпораціи. Всѣмъ полезно было также устраненіе скупщиковъ, кулаковъ, этихъ паразитовъ торговаго посредничества. Было и соперничество — между разными городами: оно поддерживало рвеніе и духъ улучшеній у производителей. А главное — тогда, подлѣ сплоченнаго эгоизма феодаловъ и церкви, только корпорація давала возможность жить труженику: она доставляла, если не личную, то хоть собирательную свободу рабочимъ обществамъ, охраняя ихъ привилегіями въ отпоръ привилегіямъ высшихъ классовъ. Она доставляла еще нравственное добро. Пріученные ею къ единодушію, рабочіе легко составляли братства (confrérie)—свободныя общества, съ равными правами всѣхъ членовъ, съ собственными правилами, обычаями и кассами. Эти общества носили религіозный оттѣнокъ: святой, покровитель извѣстнаго мастерства, былъ и ихъ патрономъ, и его день праздновался ими съ особенною торжественностью; они имѣли свою часовню въ церкви; они заботились о приличномъ погребеніи своихъ членовъ. Но братства служили также независимыми благотворительными учреж-

деніями и рабочими клубами (на югѣ они даже назывались „caritat“ — благотвореніе): на своихъ трапезахъ они собирали нищихъ, которыхъ угощали первыми. Братчики оказывали взаимную помощь, помогали хилымъ больнымъ, даже арестантамъ, а по праздникамъ устраивали общія пирушки. Тутъ происходилъ свободный обмѣнъ мнѣній и знаній: церковь терпѣть не могла братствъ; по доносамъ такихъ своихъ ревнителей, какъ Бернаръ, она преслѣдовала ихъ до того, что они превращались иногда въ тайныя общества.

Вотъ почему рабочій любилъ свой цехъ, гордился имъ, горячо защищалъ его, даже старался скорѣе съуживать, чѣмъ расширять его рамки. Онъ видѣлъ, что тутъ спасеніе и развитіе его дѣла. Правда, это дѣло — еще въ пеленкахъ: техника самодѣльная; мастерскія и лавченки при нихъ тѣсныя, душныя, подслѣповатыя; вмѣсто вывѣсокъ, за неграмотностью, торчатъ самые предметы производства. Но и здѣсь уже подготовляется возрожденіе: всюду кишатъ эти промысловые муравейники; ихъ работа кипитъ и кричитъ по безчисленнымъ рынкамъ и ярмаркамъ. И нужно изумляться тому, какъ быстро, подконецъ, разошлись по міру промышленность и торговля, объединяя даже Европу съ Азіей и Африкой.

Тогда были заимствованы у арабовъ матрацъ, софа, графинъ, кафтанъ, юбка, бурнусъ, туфли, какъ видно изъ самыхъ названій этихъ предметовъ. Востокъ далъ Европѣ еще четки, стекло, глазурь, вѣтряную мельницу, шерстяныя и шелковыя ткани, черносливъ, тутовникъ, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу, вообще — предметы роскоши и утонченной промышленности. Все это привилось въ Италіи, по климату, особенно въ Сициліи, гдѣ Фридрихъ II обращалъ пустыни въ пашни, разводилъ виноградъ, индиго, хлопчатникъ, финиковую пальму, привлекалъ переселенцевъ, отмѣнялъ внутреннія пошлины. Шерстяное производство быстро привилось въ Европѣ: фландрскія, французскія и флорентійскія сукна шли даже на Востокъ, въ обмѣнъ на парчи, шелки, пряности, ароматы и драгоцѣнные камни; въ Брюгге, затмившемъ даже Гентъ, было 80.000 ткачей. Въ Нидерландахъ процвѣтали также полотняныя издѣлія, а въ красильномъ искусствѣ ихъ превосходила одна Венеція. Дорого цѣнились еще золотое шитье англичанъ, фламандцевъ и французовъ да бордоскія вина, шедшія уже въ Нидерланды и Англію. Италія производила бархатъ, шелкъ, стекло и добывала мѣха на дальнемъ Востокѣ, а въ Африкѣ — сахаръ, слоновую кость,

очень тонкую шерсть козъ. Испанія доставляла оружіе, желѣзо, лѣсъ, кожи, бумагу, Англія — металлы, особенно олово, шерсть, кожи, Венгрія — коней, скотъ, вино, соль. Голландцы, норвежцы и гасконцы занимались китобойнымъ промысломъ и приготовляли ворвань для кожъ и освѣщенія; шведы и датчане торговали рыбой, въ особенности сельдью, которая тѣснилась тогда у южныхъ береговъ Швеціи, — не пустой предметъ при тогдашнемъ постничаньѣ. Богемія попрежнему славилась горнымъ дѣломъ; а добываніе серебра въ Гарцѣ оживляло торговлю, умножая монету. Наконецъ, нѣмецкая Ганза всюду развозила русскіе мѣха, кожи, сало, щетину, деготь и лѣсной матеріалъ.

§ 101. **Значеніе періода.**—12-й и 13-й вѣка — одинъ изъ самыхъ содержательныхъ періодовъ исторіи: здѣсь и расцвѣтъ силъ, составляющихъ понятіе средних ъ вѣковъ, и зарожденіе основъ новаго времени, придавшихъ переходный характеръ слѣдующему періоду. Первыя преобладаютъ въ первой половинѣ періода, вторыя—во второй, особенно съ середины 13-го в.; но тѣ и другія переплетаются между собой въ теченіе обоихъ столѣтій, придавая имъ смутный оттѣнокъ.

Пестрое разнообразіе явленій связывается крестовыми походами, которые тянутся почти черезъ весь періодъ и отражаются во всѣхъ сферахъ жизни, составляя самое яркое отличіе среднихъ вѣковъ. Мы лишь условно насчитываемъ ихъ 8: всѣхъ ихъ было не менѣе 20-ти. Они лишь на дѣлѣ окончились въ 1270 г.: ихъ духъ жилъ еще около столѣтія. Тамъ и сямъ готовились къ нимъ; папы, иногда даже короли собирали деньги на нихъ; и если изъ этого ничего не выходило, то крестоносцы еще долго ратоборствовали съ „нехристями“ въ Испаніи, Пруссіи, Венгріи и среди славянъ. Крестовые походы окончились неудачей, и не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. У христіанъ быстро остылъ религіозный пылъ, а у ислама прибывало число свѣжихъ, воинственныхъ поклонниковъ. Крестоносцы опозорились передъ лицомъ свѣта, обнаруживъ невѣжество, неумѣлость, разнузданность, въ виду арабской культуры и такихъ образцовъ нравственности, какъ Саладинъ (§ 71); враждуя между собой, они сами призывали мусульманъ къ себѣ на помощь, и по ихъ собственному признанію, создали изъ Палестины „международную колонію преступниковъ“. Мусульмане были правы, считая князей Антіохіи, Эдессы и Триполи своими заурядными эмирами и атабеками, которые грызлись между собой и со своимъ халифомъ, іерусалимскимъ королемъ, нанимая ассассиновъ, по-

добно сельджукамъ. Крестоносцы особенно осрамились своимъ, повидимому, величайшимъ созданіемъ. Латинская имперія (§ 74)—первый въ исторіи и крайне неудачный примѣръ механическаго, своекорыстнаго раздѣла большой державы; она доказала только, что нельзя искусственно слить два такихъ сложныхъ строя жизни, какъ латинство, съ его католичествомъ, феодализмомъ, конституціонализмомъ и республиканствомъ, и эллинизмъ, съ его православіемъ и византійскимъ абсолютизмомъ. Наконецъ, крестоносцы нисколько не повліяли на болѣе высокую, испанскую культуру: они только способствовали разложенію халифата внѣшнимъ потрясеніемъ; эмиры Передней Азіи пользовались ими для своего освобожденія отъ власти багдадскаго халифа. А подконецъ исламъ и Азія даже переходятъ въ наступленіе противъ христіанства, въ лицѣ татаръ и османліевъ.

Тѣмъ не менѣе, въ сущности, крестовые походы были благодѣяніемъ для Запада и гибелью для ислама и Византіи, потрясенныя культуры которыхъ пали. Плодъ церкви и рыцарства, они сначала вознесли эти силы на верхъ могущества, но потомъ послужили главнымъ толчкомъ къ ихъ разложенію. Произведенное ими потрясеніе разрушало феодально-іерархическій строй жизни, выдвигая монархизмъ съ среднимъ сословіемъ и освобождая крѣпостныхъ. Умственное броженіе и матеріальная культура, вызванныя соприкосновеніемъ между націями, открытіемъ новыхъ цивилизацій и самыми неудачами крестоносцевъ, открывали дорогу свѣтскому реализму. Новыя мысли овладѣвали умами христіанъ. Первые крестоносцы считали Магомета то идоломъ, то нечестивцемъ, а мусульманъ—какими-то людоѣдами; ихъ преемники признали ихъ выше себя по образованности и назвали крестовые походы „поучительными прогулками". Они были поражены и восхищены хорошими чертами врага и привыкали уважать его; духъ терпимости проникалъ въ ихъ сердца, а съ нимъ—и сомнѣніе въ непогрѣшимости и всемогуществѣ католичества. Христіане начали съ радостью заимствовать новинки исламской культуры: масса восточныхъ словъ, проникшихъ тогда въ языки, доказываетъ, что не было такой стороны жизни, которая не подверглась бы прямому и благотворному воздѣйствію арабовъ. Изъ Азіи христіане заимствовали и вѣтряную мельницу, и абрикосы, и барабанъ съ самострѣломъ, и обычай носить бороду, или надѣвать вѣнокъ изъ розъ. Еще важнѣе, что крестовые походы способствовали сплоченію европейскихъ націй: въ 1291 г., въ Тарасконѣ, состоялся пер-

вый международный конгрессъ (Франція. Англія, папа, Арагонія, Неаполь), по поводу паденія Акры (§ 79). Мало того. Крестовые походы привели къ самымъ оживленнымъ торговымъ сношеніямъ повсюду. Въ этомъ смыслѣ, они сильно двинули дѣло міроваго сплоченія и международнаго права, наряду съ рыцарствомъ, слагавшимся, какъ идеалъ, подъ ихъ же вліяніемъ (§ 93). Крестовые походы не только сливали Европу съ Азіей, но и помогли вселенской цивилизаціи, очистивъ путь туркамъ, которые, сами не создавъ ничего новаго, разносили по необозримымъ пространствамъ культуру арабовъ, иранцевъ, а потомъ и европейцевъ, переселяя мастеровыхъ и художниковъ западной Азіи въ Сибирь, Монголію, Китай, Тибетъ и Индію.

Прямое вліяніе крестовыхъ походовъ несомнѣнно: во главѣ исторіи стояли Италія и Франція, наиболѣе связанныя съ этимъ событіемъ; за ними, и подъ ихъ воздѣйствіемъ, шли прежде всего ближайшія страны—Англія и Нидерланды; позже и слабѣе развилась Германія, заимствуя у нихъ культуру и проводя ее къ венграмъ, литовцамъ и славянамъ, среди которыхъ уже зарождались Австрія и Бранденбургъ. Нѣмцы отчасти даже задерживали прогрессъ, увлекаясь фантасмагоріей міродержавія, которая поддерживала старую смуту въ центрѣ Европы и за Альпами. Оттого въ Италіи, при всей высотѣ ея цивилизаціи, національное единство проявилось только въ самомъ концѣ, да и то лишь въ языкѣ: вслѣдствіе борьбы съ императороми и папскихъ козней, она представляла хаосъ политическихъ формъ, который уже приводилъ, на сѣверѣ, къ превращенію республикъ въ мелкія тиранніи. Въ самой Германіи феодализмъ дошелъ до ужасовъ междуцарствія, вызвавшихъ политическую инквизицію—феме; подконецъ, съ паденіемъ рыцарства, онъ превращался въ мелкодержавіе или федерацію владѣтельныхъ князей.

Только на крайнемъ востокѣ и западѣ феодальный строй уступалъ новымъ силамъ. Въ Россіи создавался единый народъ и началось „собираніе земли“. Во Франціи и Англіи выработалось национальное чувство насчетъ мѣстныхъ, племенныхъ симпатій, питавшихъ феодализмъ. Тамъ же выросла верховная власть въ двухъ формахъ — абсолютизма и ограниченной монархіи. Англичане повели дѣло конституціи дальше, чѣмъ испанцы. Слабое развитіе феодализма, въ особенности же ранній гнетъ „желѣзныхъ“ королей-завоевателей, вызвали объединеніе сословій и связанное съ нимъ политическое развитіе массъ: въ пѣсняхъ народа отразилась программа графа Симона (§ 80).

Образцомъ слишкомъ ранняго и крайняго развитія абсолютизма была Сицилія того Фридриха II, который правилъ въ Германіи въ духѣ феодализма: здѣсь уже обнаружились пороки централизаціи и чиновничества, сдѣлавшіе страну легкой добычей испанцевъ. Вмѣстѣ съ успѣхами свѣтской власти, выдвигалось единое, строгое римское право, съ его законовѣдами, подавляя хаосъ мѣстныхъ обычаевъ. Все это вело къ паденію церковнаго идеализма, который былъ окончательно подорванъ образованіемъ третьяго чина или средняго сословія подъ покровомъ монархизма. Этотъ прирожденный врагъ питомцевъ папства — клира и рыцарей возросталъ по мѣрѣ развитія городовъ, которые даже отцвѣтали въ Италіи, но созрѣвали въ Испаніи, Франціи, Нидерландахъ и Германіи. Здѣсь народъ привыкалъ къ общественности, т.-е. къ сознанію собственныхъ интересовъ и къ совмѣстному дѣйствію на ихъ защиту: зарождались торговые и ремесленные союзы; выдвинулись корпораціи, эта тогда необходимая основа новой жизни, какъ охрана слабаго противъ произвола сильныхъ. Здѣсь же зарождался великій рычагъ прогресса новаго времени — движимая собственность или капитализмъ, и подконецъ даже начиналась борьба труда съ капиталомъ, ремесленниковъ—съ купцами и банкирами. Въ городахъ расцвѣтали всѣ блага, принесенныя крестовыми походами,—денежное хозяйство, новыя отрасли торговли, промышленности, наукъ и искусствъ.

Къ концу періода третій чинъ, презрѣнный въ глазахъ двухъ первыхъ, уже затмевалъ своихъ бывшихъ господъ и даже побилъ ихъ подъ Бувиномъ (§ 73). Оставляя покуда за ними внѣшнія привилегіи, онъ захватывалъ въ свои руки культуру и уже подсмѣивался надъ ними въ своихъ сатирахъ. Онъ брался за благородную роль двигателя прогресса, потому что ослабѣли прежнія силы. Выгоды, сначала доставленныя церкви крестовыми походами, были роковымъ для нея даромъ: клиръ разбогатѣлъ и погрузился въ эгоизмъ и невѣжество, забывая свою задачу наставника и культурнаго объединителя Запада; а когда міряне, опережая его въ образованіи, начали мыслить самостоятельно, папство вооружилось инквизиціей и выступило противъ науки и еретическихъ общинъ, блиставшихъ высокой нравственностью. Но такой образъ дѣйствій приличествовалъ первой половинѣ періода, когда христіане преслѣдовали Абеляра, мусульмане—Аверроеса, евреи — Маймонида. Теперь же онъ возбудилъ ненависть, презрѣніе, жажду мести: въ нѣдрахъ

самой церкви воспитывались ея враги—францисканцы, мистики, номиналисты; и этимъ пользовалась свѣтская власть, дававшая отпоръ папству даже въ лицѣ короля-святаго, Людовика IX.

Навстрѣчу отрицательному проявленію свѣтскаго реализма, изъ Италіи, Византіи и отъ арабовъ шелъ, какъ положительное начало, классицизмъ, дававшій Западу новое идеальное единство, въ формѣ университетовъ, созданныхъ аверроизмомъ и аристотелизмомъ. Первый намекъ на возрожденіе античнаго генія явился во Франціи: въ романтической поэзіи воскресла жажда земной жизни и человѣческаго чувства, а съ нею — народные, свѣтскіе взгляды; въ Парижѣ впервые мелькнула личность, въ характерахъ и судьбѣ Абеляра и Элоизы. Франція же, да ея смѣлая ученица, Англія, выставили богатырей новой мысли, признанныхъ въ Римѣ отцами вольнодумства — Абеляра, Дунса Скота и Бекона. Беконъ воскресилъ душу твореній Аристотеля—методъ положительнаго знанія. Церковь уже шла на сдѣлку: она плѣнила Аристотеля въ трудахъ своего Ѳомы точно также, какъ поэзію—въ св. Граалѣ и въ легендѣ о Виргиліи; но это вызвало ожесточенный споръ между номиналистами-францисканцами и реалистами-доминиканцами, т.-е. между свѣтскостью и церковностью. Такъ, въ самой схоластикѣ была струя новаго направленія. А на смѣну этой внѣшней, діалектической работѣ ума шла положительная наука—естествовѣдѣніе, вѣнчавшее ученаго именемъ „Великаго“, математика, воспитавшая Бекона, юриспруденція, уже отвлекавшая молодежь отъ схоластики, исторія, вышедшая изъ пеленокъ монашеской лѣтописи. Даже въ искусствѣ, уже перешедшемъ къ мірянамъ, проглянуло человѣческое чувство, облеченное въ нѣжные покровы женственности, которая проявлялась также въ мистикѣ, въ культѣ Маріи и въ рыцарской поэзіи, смягчая грубые нравы. Ясно выступала и душа искусства новаго времени—наша гармоническая музыка.

Въ концѣ періода новый намекъ на Возрожденіе явился въ Италіи, которая быстрѣе и шире другихъ странъ переживала ступени развитія, благодаря своей почвѣ, пропитанной классицизмомъ, подновляемымъ Византіей и арабами. Здѣсь презирали схоластику и готикъ; здѣсь воспитался вождь „нечестія“, Фридрихъ II, и цѣлый лагерь „аверроистовъ“; здѣсь возникли университеты, наука римскаго права и сѣмена новаго искусства; здѣсь Дантъ, — новый человѣкъ, какъ личность, — переводилъ Европу въ новую эпоху, подводя итоги среднимъ вѣкамъ. Если у Данта, какъ и у Фридриха II, двойственная, переходная на-

тура, то уже совсѣмъ новые характеры—Бонифацій VIII, Филиппъ Красивый, Альбрехтъ австрійскій, захватывающіе 14-й в. Выродился и коренной, самый драматичный средневѣковой интересъ — борьба папства съ императорствомъ за міродержавіе: Карлъ анжуйскій—судья послѣдняго Гогенштауфена, того Конрадина, который напомнилъ крестовый походъ дѣтей; а первый Габсбургъ не удостоиваетъ вниманія Римъ, гдѣ едва держится пошатнувшееся папство. Средніе вѣка, которымъ Дантъ уже воздвигаетъ величественный памятникъ своею „Божественной Комедіей“, очевидно близки къ вымиранію, которому и посвященъ слѣдующій періодъ.

V. МОНАРХИЗМЪ И ГОРОДА. ВОЗРОЖДЕНІЕ КЛАССИЦИЗМА.

Ок. 1300—1500.

§ 102. **Вавилонское плѣненіе. Бонифацій VIII и Филиппъ IV.** — Съ паденіемъ феодализма, папства и императорства начался періодъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени (§ 1). Съ начала 14-го в. міровые вопросы сосредоточиваются уже не въ Италіи и Германіи, а во Франціи и Англіи, гдѣ наиболѣе выступали новыя силы — монархизмъ и мѣщанство. Само папство надолго перемѣщается во Францію, властитель которой наноситъ ему міровое оскорбленіе. Смерть папства, въ его средневѣковой формѣ, связана съ личностями новаго типа — съ Бонифаціемъ VIII и Филиппомъ IV (§§ 77, 79). Оба они — жадные властолюбцы, считавшіе все дозволеннымъ для достиженія земныхъ благъ, хотя одинъ ходилъ въ рясѣ, другой носилъ власяницу; оба — ловкіе, любившіе пожить красавцы. Филиппа даже прозвали Красивымъ королемъ за его изящныя черты и манеры, за его высокій ростъ, царскую осанку и такую силу, что колѣна двухъ рыцарей подгибались, когда онъ клалъ свои руки имъ на плечи. Но Бонифацій — поверхностная натура: слишкомъ суетливый, самонадѣянный и тщеславный, онъ не соразмѣрялъ своихъ силъ съ задачей и палъ жертвой самообольщенія, свойственнаго отживающимъ началамъ. Его соперникъ былъ искуснѣе и тверже: Филиппъ IV понималъ свое положеніе, а безпримѣрное вѣроломство придавало страшную силу этому самоувѣренному, бойкому представителю юнаго абсолютизма. Онъ обыкновенно молчалъ, пристально вглядывался во всѣхъ и увлекался тонкостями дипломатіи едва ли не больше, чѣмъ охотой и тѣлесными упражненіями. Для

него ясна была цѣль, намѣченная предками—собираніе французской земли и верховной власти. Средства также уже давно были въ ходу.

Какъ въ Москвѣ послѣ Калиты (Р. И. § 92), во Франціи послѣ Людовика IX дѣло монархизма стояло уже такъ прочно, что развивалось и при плохихъ короляхъ. Его вели „ближніе“ государей — люди темнаго происхожденія, которые выдѣлялись, среди блестящей, но пустой и буйной свиты принцовъ и вельможъ, своимъ умомъ, волей и упорною, молчаливою энергіей. Они заправляли цѣлымъ штатомъ подобныхъ же, выдержанныхъ, „королевскихъ клерковъ“ — этихъ приказныхъ дьяковъ, которые прочно сидѣли на мѣстахъ совѣтниковъ, канцлеровъ, казначеевъ, нотаріусовъ. Среди нихъ всегда находился свой Шигона Поджогинъ, первообразъ знаменитыхъ Ришелье, съ которымъ король всѣ дѣла дѣлалъ, запершись у себя самъ-третей съ княгиней (Р. И. §§ 114, 119); только тутъ королева нерѣдко соединялась съ феодалами въ борьбѣ съ Шигоной. Первымъ Ришелье былъ какой-то Пьеръ (де-ля-Бросъ, т.-е. Щетка), скромный королевскій капеланъ при Людовикѣ IX: при ничтожномъ сынѣ послѣдняго, онъ жестоко расправлялся съ сеньерами; но тѣ обошли короля, съ помощью королевы,—и Пьеръ былъ повѣшенъ, безъ вѣдома его величества, какъ мошенникъ. Эти новые люди, легисты (§ 79), возросшіе въ школѣ римскаго права, внесли въ управленіе казуистическій, придирчивый, неумолимый духъ римской имперіи. Тутъ были и хитрецы-насильники, южане, и смутники-сутяги, сѣверяне. При Филиппѣ IV „правителемъ всего королевства“ считался южанинъ, канцлеръ Ногарэ, хо-

Бонифацій VIII. Портретъ работы Джіотто. Въ Римѣ. 14-го в.

лодный юристъ, который самъ себя называлъ „виртуозомъ тяжбъ" и началъ съ того, что устроилъ поголовное арестованіе и ограбленіе евреевъ.

Такъ, все было подготовлено, — и если Филиппа IV считаютъ творцомъ абсолютизма, то лишь въ томъ смыслѣ, что онъ успѣлъ сдѣлать больше своихъ предковъ въ короткое время, благодаря беззавѣтному деспотизму, за который Дантъ назвалъ его „новымъ Пилатомъ". Филиппъ отнялъ у феодаловъ монетное право, подъ предлогомъ, что они портятъ деньги, запретилъ частную войну, судебный поединокъ, турниры, даже созывалъ рыцарей безъ вѣдома ихъ сюзереновъ. Онъ выдвигалъ третій чинъ, продавая свободу крѣпостнымъ и дворянство мѣщанамъ. При немъ уже $^{2}/_{3}$ Франціи принадлежали коронѣ: изворотливою дипломатіей, особенно браками, онъ пріобрѣлъ Наварру, Шампань, Бургундію и Ліонъ, который освободился отъ Германіи при Гогенштауфенахъ, но напрасно старался отбиться отъ власти своего архіепископа. Филиппъ обезоружилъ своего опаснѣйшаго вассала, герцога гвіеньскаго и короля Англіи, Эдуарда I, выдавъ свою дочь, Изабеллу, замужъ за его сына. Эдуардъ покинулъ старыхъ друзей Англіи, фламандцевъ—и Филиппъ захватилъ ихъ страну и началъ грабить ее. Но здѣсь деспотъ наткнулся на новую силу, которая волновала Западъ въ теченіе всего періода.

Гордые, богатые мѣщане, руководимые „самымъ звонкимъ ораторомъ", старостой суконщиковъ, маленькимъ, кривымъ Конингомъ, устроили „фламандскую вечерню", — вырѣзали болѣе 3.000 французовъ. Въ кровавомъ дѣлѣ принимали участіе даже старики, женщины и дѣти. Фламандцы поклялись, цѣлуя землю, „скорѣе умереть въ бою, чѣмъ жить въ рабствѣ". Они разбили блестящее войско Филиппа у Куртре (1302),—въ битвѣ, названной „шпорною": побѣдители повѣсили въ своихъ церквахъ 7.000 золотыхъ рыцарскихъ шпоръ. Спесивые французскіе рыцари не постыдились бѣжать кучами передъ мѣщанами. Разъяренный Филиппъ приводилъ войско за войскомъ; но врагъ тоже являлся тучами. „Да это цѣлый дождь фламандцевъ!" воскликнулъ король въ ужасѣ и былъ радъ, что ему уступили хоть одну Валлонскую Фландрію (южная Бельгія), гдѣ говорили пофранцузски.

Филиппъ сталъ теперь первымъ государемъ въ Европѣ: его вліяніе отражалось всюду; онъ заключилъ договоры даже съ королями Сербіи и Норвегіи и съ монгольскими ханами и уже

мечталъ объ императорской коронѣ. Но примѣръ фламандцевъ потрясъ французовъ, измученныхъ тираніей: война, дипломатія, чиновничество, пышный дворъ требовали огромныхъ издержекъ,— и Филиппъ обратилъ феодальные „дары“ въ подать, грабилъ церкви, евреевъ и ломбардовъ, изобрѣталъ массу налоговъ, бралъ пошлины при всякой продажѣ, завелъ таможни, а главное— безъ зазрѣнія совѣсти портилъ монету, запретивши подъ страхомъ смерти изслѣдовать ее и ввозить чужія деньги и преслѣдуя феодаловъ, если они портили собственную монету. Наконецъ, онъ все дѣлалъ видъ, что собирается въ крестовый походъ, чтобы собирать особыя десятины Все это сопровождалось жестокимъ лихоимствомъ и насиліями финансовыхъ чиновниковъ. Народъ волновался: однажды Филиппъ едва спасся у храмовниковъ. И ихъ-то богатствъ онъ рѣшился коснуться теперь, видя, что уже нельзя больше трогать народъ. Онъ не боялся заступничества папства за церковный орденъ: оно уже было его рабомъ Это произошло такъ. Олицетворенное властолюбіе, а не св. отецъ, по природѣ, Бонифацій VIII заморилъ въ тюрьмѣ своего предмѣстника, истреблялъ замки феодаловъ, особенно ихъ вождей, фамилію Колонна, и задалъ такой юбилей папства (1300), что пришлось расширить улицы Рима для 2 милл. богомольцевъ, а два клерка не успѣвали сгребать лопатами благочестивыя приношенія, какъ видѣли Дантъ и Джіотто собственными глазами. Онъ прибавилъ третью корону къ тіарѣ Григорія VII и Иннокентія III (§ 45), облекся въ знаки императорскаго достоинства, припомнилъ ученіе о солнцѣ и лунѣ (§ 45) и возвѣстилъ міру, что „Господь поставилъ папу превыше королей и императоровъ“. Затѣмъ онъ воспретилъ свѣтскимъ властямъ взимать налоги съ духовенства.

Филиппъ IV не только не послушался, но запретилъ вывозъ изъ Франціи золота и серебра, которыя лились потокомъ въ Римъ. Папа потребовалъ его къ себѣ на судъ. Король, чтобы опереться на народъ, пустилъ въ народъ свой вымышленный отвѣтъ св. отцу, гдѣ, будто бы, говорилось: „да будетъ извѣстно вашему нахальству, что, какъ свѣтская власть, мы никому не подчинены; кто думаетъ иначе, тотъ бездѣльникъ и глупецъ“. Затѣмъ онъ созвалъ генеральные штаты (états généraux) или „государственные чины“—родъ земскаго собора: здѣсь къ прелатамъ и феодаламъ были присоединены депутаты отъ городовъ (1302). Штаты, разожженные легистами посредствомъ сочиненной ими самими крайне дерзкой буллы, „умоляли сохранить верховную свободу королевства“. Тогда король погрозилъ папѣ церковнымъ

соборомъ и обвинилъ его въ нечестіи, симоніи, чаромутіи, даже въ томъ, что онъ не вѣритъ въ безсмертіе души. Бонифацій, проживавшій тогда въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ въ Ананьи, отлучилъ соперника отъ церкви и собирался низложить его, какъ вдругъ къ нему ворвался отрядъ французовъ, предводимый Колонной и Ногаре, дѣдъ котораго былъ сожженъ, какъ альбигоецъ. Старикъ бѣжалъ въ церковь и, облачившись, встрѣтилъ убійцъ словами: „Вотъ моя шея, вотъ моя голова! Преданный, подобно Христу, я умру по крайней мѣрѣ папой". Колонна и Ногаре осыпали 86-лѣтняго старца бранью и угрожали ему жестами. Между тѣмъ сбѣжался народъ, и французы поспѣшили вонъ изъ городка. Бонифацій не ѣлъ, опасаясь отравы; всюду чудились ему убійцы; онъ изрыгалъ проклятія, плакалъ, грызъ себѣ пальцы, бился головой о стѣну и вскорѣ умеръ. Подъ вліяніемъ Филиппа, папой былъ избранъ французъ Климентъ V, который согласился упразднить орденъ храмовниковъ и перенесъ свою резиденцію въ Авиньонъ, принадлежавшій папскому престолу, гдѣ она находилась около 70 л. (1309—1377): это подчиненіе папства французамъ названо вавилонскимъ плѣненіемъ.

Теперь Филиппъ взялся за храмовниковъ, которые переселились во Францію по паденіи Аккона (§ 79). Ихъ было 15.000, не считая дворни; по всему Западу, отъ Палестины до Ирландіи, раскидывалось до 10.000 ихъ обителей и крѣпостей; ни одинъ король не могъ выставить такой арміи, какъ они; въ Парижѣ, гдѣ хранились ихъ несмѣтныя сокровища, имъ принадлежала $^1/_3$ города. Храмовники были первыми богачами въ мірѣ: они соперничали съ ломбардами и евреями, были банкирами королей; въ ихъ кладовыхъ хранились сокровища капиталистовъ и самихъ Капетинговъ. Они знали толкъ не столько въ догматахъ, сколько въ хозяйствѣ. Жадные, дерзкіе, высокомѣрные, какъ богачи, они умѣли пожить: „пьянъ, какъ храмовникъ", говорилось тогда. Подъ хмѣлькомъ, рыцари забавлялись грязными шутками, подсмѣивались надъ церковью, богохульствовали: они многое заимствовали у арабовъ, катаровъ и люциферіанъ (§§ 90, 91). Храмовники жили замкнуто, въ строгомъ строѣ, съ странными обрядами: „у насъ, говорили они, есть правила, которыя знаютъ только Богъ, дьяволъ да наша братья". Таинственность порождала безконечныя сплетни о „нечестивцахъ". Вся вина храмовниковъ была въ ихъ богатствѣ, вольнодумствѣ и, главное, въ безполезности религіозно-рыцарскихъ

орденовъ; а на нихъ взваливали преступленіе ересей и тайныхъ обществъ. Филиппъ IV былъ долженъ имъ огромныя суммы, а они стояли, въ его борьбѣ съ Римомъ, за своего главу, папу. Тутъ-то вдругъ пошли слухи сверху, будто ихъ обители—притоны разврата, преступленій, дикихъ церемоній, а они сами—тайные магометане. Обвинителями были выгнанные изъ ордена негодные рыцари, которыми руководилъ Ногаре; а доказательствъ вины не нашлось никакихъ. Папа упразднилъ орденъ—и государи, въ особенности Филиппъ IV, воспользовались его богатствами. Во Франціи храмовники были вездѣ схвачены въ одну ночь и подвергнуты жестокимъ пыткамъ доминиканцевъ; нѣкоторыхъ сожгли до суда. Филиппъ снова прикрылся генеральными штатами, гдѣ было особенно много горожанъ, этихъ соперниковъ подсудимыхъ по богатству: штаты приговорили храмовниковъ къ смерти, несмотря на заступничество парижскаго университета. Въ одномъ Парижѣ погибло на медленномъ огнѣ 54 рыцаря (1314). Когда великій магистръ, Молѐ, человѣкъ простой, неученый, былъ выведенъ съ товарищами изъ застѣнковъ, гдѣ они отсидѣли 7 л., у нихъ тѣло отваливалось кусками. Мужественному Моле, ничего не сказавшему подъ пытками, отрубили голову. Народъ призналъ его святымъ и собиралъ его прахъ. Въ годовщину казни, мученикъ сталъ являться, въ доспѣхахъ, на своей могилѣ. „Кто пойдетъ освободить св. Гробъ?“ спрашиваетъ тѣнь. „Никто—храмъ разрушенъ!“ раздается изъ могилы. Толковали, будто Моле на кострѣ призывалъ папу на судъ Божій черезъ 40 дней, а короля—черезъ годъ: и оба скончались въ назначенный срокъ. Трое сыновей Филиппа IV, здоровыхъ и красивыхъ, умерли, послѣ недолгаго царствованія, оставивъ только дочерей. Чтобы сохранить централизацію и отстранить иностранцевъ, приложили къ государственному праву частный салическій законъ (§ 25), воспрещавшій женщинамъ наслѣдовать лены,—и престолъ Франціи перешелъ къ младшей линіи Капетинговъ—къ Валуа, въ лицѣ Филиппа VI (1328), а третьей линіи выдѣлили герцогство Бурбонское. Но грозный вассалъ, Эдуардъ III англійскій, не хотѣлъ знать салическаго закона: онъ потребовалъ себѣ корону Франціи во имя своей матери, Изабеллы. Отсюда Столѣтняя война за престолонаслѣдіе между Франціей и Англіей (1337—1431).

§ 103. **Эдуарды I и II. Уэльсъ и Шотландія.** — Въ Англіи настала тогда важная эпоха трехъ Эдуардовъ. Первые Плантагенеты (§§ 72, 80) боролись съ несплоченными

національными элементами, съ баронами и церковью; имъ приходилось все изобрѣтать, заводить вновь. Къ Эдуардамъ же Англія перешла съ основами цѣльной народности и государственности—и они представляютъ новый типъ: это—собиратели земли, законодатели, распорядители. При нихъ началась современная Англія: даже ихъ языкъ понятенъ теперь. Уже при Эдуардѣ I почти сложился нынѣшній судебный строй, съ мировыми судьями, и нынѣшній парламентъ: въ Уестминстерѣ, стали правильно собираться (съ 1295 г.) не одни прелаты и бароны или лорды, но и мѣщане съ низшимъ дворянствомъ, которое стали называть джентри (§ 87) или „рыцарями" графствъ (country gentry, knights).

Но Эдуардъ I—еще переходный характеръ. Это—англичанинъ, и нація гордилась имъ. Надменный, упрямый и угрюмый дѣлецъ, девизомъ котораго было „держись правды!", Эдуардъ дорожилъ буквой закона, былъ формалистъ и деспотъ: монахъ, подошедшій къ нему съ укоромъ за жестокость, палъ мертвымъ у его ногъ отъ страха. Жилъ онъ просто, богобоязненно, нѣжно любилъ свою жену и всѣхъ 13 дѣтей, былъ смѣтливъ и сдержанъ. Но онъ презиралъ низшіе классы и увлекался рыцарствомъ французовъ. Самъ очень высокій, длинноногій, широкоплечій силачъ, до старости державшійся, „какъ пальма", на конѣ, онъ ввелъ турниры, даже устроилъ „Круглый Столъ" изъ сотни бароновъ и дамъ въ шелкахъ, внезапно впадалъ въ слезливость; въ походѣ, томясь жаждой, онъ выплеснулъ добытую для него кружку вина. Впрочемъ этотъ рыцарь забывалъ свой девизъ, когда дѣло касалось его власти. Подражая французскимъ королямъ, онъ окружалъ себя легистами и цѣпко держался за свои права. Онъ началъ-было взимать налоги помимо парламента и требовать бароновъ на войну. Одинъ графъ отказался. „Графъ, клянусь Богомъ, вы пойдете или будете повѣшены", воскликнулъ король. „Государь, клянусь Богомъ, я не пойду и не буду повѣшенъ", возразилъ графъ. Борьба съ парламентомъ кончилась тѣмъ, что Эдуардъ зарыдалъ передъ народомъ, сознаваясь въ своихъ беззаконіяхъ, и сталъ исполнять Великую Хартію: онъ много сдѣлалъ для улучшенія суда и издалъ столько законовъ, что его называютъ англійскимъ Юстиніаномъ.

Свое властолюбіе Эдуардъ направилъ на любезное народу дѣло — на собираніе англійской земли, причемъ выказалъ даръ полководца, научившись многому у Симона (§ 80). Въ

горахъ и болотахъ Уэльса проживали одичалые язычники, кельты, одѣваясь въ шкуры, питаясь молокомъ, истребляя другъ друга въ свирѣпой борьбѣ родовъ. Норманны уже давно охотились за ними, „убивая ихъ, какъ барановъ, и сдирая съ нихъ кожу желѣзными кошками". Но въ 13-мъ в. у кельтовъ вспыхнулъ патріотизмъ: запѣли барды; роды соединились вокругъ доблестныхъ Ллевелиновъ, которые помогали графу Симону и осоюзились съ французами. Генрихъ III призналъ ихъ независимость и далъ Ллевелинамъ титулъ „принцевъ уэльскихъ". Пользуясь новыми усобицами между родами, искусный Эдуардъ легко покорилъ Уэльсъ. Кельты сдали ему корону Артура; и онъ окружилъ родившагося тогда, среди нихъ, своего первенца уэльскою свитой, далъ ему уэльскую кормилицу и назвалъ его принцемъ уэльскимъ — титулъ, которымъ до сихъ поръ пользуются наслѣдники англійскаго престола. Послѣдній Ллевелинъ, женатый на дочери Симона, палъ въ стычкѣ. Эдуардъ ввелъ въ Уэльсѣ англійское управленіе, переселилъ туда много своихъ бароновъ и поступалъ такъ гуманно, что въ этой трущобѣ цѣлое столѣтіе царствовала глубокая тишина.

Эдуардъ же взялся за Шотландію. Общій врагъ, датчане, уже въ 10-мъ в. сблизили сосѣднія страны: англичане уступили шотландцамъ „Саксонію" (земля между рр. Твидомъ и Фортомъ, заселенная англо-саксами), а шотландцы признали себя ихъ вассалами. Шотландскіе короли перенесли свою резиденцію съ сѣвера въ Эдинбургъ и приняли культуру Англіи, дажеороднились съ ея королями. Но Эдуарду I хотѣлось совсѣмъ захватить Шотландію, въ которой прекратилась древняя династія и настали усобицы. Онъ поразилъ ея войско и сдѣлалъ коронаціонный тронъ изъ священнаго камня, на которомъ вѣнчались короли Шотландіи; въ странѣ водворилась тиранія чужеземцевъ. Вельможи малодушно преклонялись передъ силой. Но народъ возсталъ, одушевленный бѣднымъ опальнымъ рыцаремъ, Уоллесомъ, героемъ національныхъ сказокъ. Гигантъ ростомъ, сильный, находчивый, неуловимый, вѣчно съ народными шутками на языкѣ, Уоллесъ былъ идоломъ горцевъ, показавшихъ Европѣ первый образчикъ мужицкаго войска. Легкіе, какъ козы, вооруженные копьями и луками, горцы шли безъ обоза, питаясь водой, кускомъ почти сырого мяса да изрѣдка овсяною лепешкой; они внезапно появлялись и исчезали безслѣдно. Уоллесъ ловко поставитъ ихъ въ круги, первый рядъ на колѣнахъ, крикнетъ: „ну, теперь водите хороводъ!" — и объ ихъ копья разо-

бьются роскошные кони надменныхъ рыцарей. Горцы нанесли жестокое пораженіе англійскимъ феодаламъ у Стирлинга. Но явился самъ Эдуардъ—и возстаніе было сломлено. Уоллесу, не пожелавшему просить помилованія, отрубили голову, послѣ жестокихъ пытокъ, и выставили ее на воротахъ Лондона въ лавровомъ вѣнкѣ. Но борьба породила въ шотландцахъ сознаніе національнаго единства: они осоюзились прочно съ Франціей— и распря съ Англіей возобновилась при недостойномъ сынѣ Эдуарда I.

Безхарактерный, ограниченный Эдуардъ II умѣлъ только роскошествовать да наслаждаться, подчиняясь французамъ, которые наводнили дворъ, слѣдуя за Изабеллой (§ 102). Онъ былъ игрушкой въ рукахъ своего собутыльника, турнирнаго бойца и мота, пустого, наглаго, но ловкаго и храбраго гасконца, Гавестона, который обижалъ даже королеву и разогналъ бароновъ, называя ихъ кого „жидомъ", кого „чернымъ псомъ". Фаворитъ развивалъ въ королѣ желаніе подражать французскому абсолютизму—и началось ограбленіе народа безъ вѣдома парламента. Бароны негодовали; Черный Песъ поклялся, что гасконецъ узнаетъ его зубы,—и парламентъ назначилъ лордовъ-распорядителей (lords ordainers), которые потребовали, чтобы король не назначалъ правителей, не объявлялъ войны, не отлучался изъ государства безъ согласія ежегодно созываемаго парламента. Эдуардъ показалъ видъ покорности; Гавестонъ бѣжалъ въ Гасконь, но вскорѣ возвратился. Бароны обезглавили фаворита; но на его мѣсто явился новый такой же. Этими усобицами воспользовался Робертъ Брюсъ, такой же герой поэзіи шотландцевъ, какъ Уоллесъ: онъ такъ воодушевилъ горцевъ, что даже женщины доблестно защищали крѣпости. Его сподвижникъ, Дугласъ Черный, совершалъ чудеса храбрости и проворства, часто дурача враговъ. Товарищи долго скитались по болотамъ и утесамъ, питаясь охотой, пока не подняли народа. Повторилась побѣда мужика надъ рыцаремъ. Самъ Эдуардъ едва спасся. Онъ призналъ независимость Шотландіи, и Брюсъ умеръ королемъ, передавши корону своему сыну, Давиду, при которомъ возобновилась борьба сосѣднихъ странъ. Англичане негодовали. Изабелла бѣжала во Францію, съ своимъ сыномъ и съ любимцемъ, Мортимеромъ, но была призвана баронами. Когда она возвратилась, второй фаворитъ короля былъ повѣшенъ; и парламентъ передалъ правленіе Эдуарду III, причемъ гофмейстеръ сломалъ свой жезлъ, какъ при смерти государя.

Но Эдуардъ II еще жилъ 8 мѣсяцевъ. Его таскали изъ замка въ замокъ, пока не умертвили въ одномъ подземельѣ раскаленнымъ желѣзомъ, пропущеннымъ черезъ горло, чтобы не было внѣшнихъ слѣдовъ насилія. Изабелла и Мортимеръ предавались роскоши и правили деспотично. Но вскорѣ Эдуардъ III собственноручно схватилъ Мортимера и велѣлъ повѣсить его. Изабеллу заточили въ отдаленный замокъ.

§ 104. **Столѣтняя война. Эдуардъ III, Филиппъ VI, Іоаннъ Добрый.**—Эдуардъ III напоминалъ своего дѣда. Храбрый, ловкій, щекотливый, тароватый для бароновъ, онъ былъ „послѣднимъ рыцаремъ“ въ Англіи. Онъ любилъ турниры, празднества и развилъ Круглый Столъ, учредивши Орденъ Подвязки въ честь своей „дамы“, когда она уронила подвязку на балу, а король поднялъ ее съ отмѣнной любезностью, сказавши: „hony soit qui mal y pense“. Эдуардъ лично велъ битвы на сушѣ и на морѣ, вмѣстѣ съ своимъ доблестнымъ первенцемъ, котораго прозвали Чернымъ Принцемъ, по цвѣту вооруженія. Но это былъ разсчетливый полководецъ и умный политикъ. Его называли „торговцемъ шерстью“ за покровительство городамъ и торговлѣ. Мечтая объ абсолютизмѣ, онъ умѣлъ однако уступать во-время: при немъ развился парламентъ, распавшись на двѣ палаты — верхнюю (прелаты и бароны) и нижнюю (джентри и мѣщане) или на палату лордовъ и палату общинъ.

Царствованіе Эдуарда III было самое блестящее въ средневѣковой исторіи Англіи. Главною задачей этого величественнаго короля была борьба съ французами, которая глухо шла во Фландріи, Бретани, Нормандіи, Гіени и Шотландіи, съ тѣхъ поръ какъ прекратилось міровое соперничество папства съ императорствомъ въ Италіи и Германіи. Это также была борьба міровыхъ силъ—средневѣковаго строя съ духомъ новаго времени. Французскіе короли, при всемъ своемъ абсолютизмѣ, сохраняли рыцарскія черты: они увлекались страстями, тщеславіемъ и вѣчно нуждались въ деньгахъ. У нихъ было много непокорныхъ вассаловъ; ихъ руку держали все вельможи—графы фландрскіе, герцоги Бретани, Лотарингіи и Австріи да богемскій король, слѣпой Іоаннъ, этотъ странствующій рыцарь, жизнь котораго протекла въ приключеніяхъ, пѣсняхъ и турнирахъ. Ихъ армія состояла попреимуществу изъ тяжелыхъ, стальныхъ рыцарей, которые гнушались „пѣхтурой“ и дисциплиной, знали только поединки, ссорились, разстраивали ряды необузданнымъ стремленіемъ поско-

рѣе сразиться съ непріятелемъ, впереди всѣхъ. Англичане же выступили сплоченною націей. Ихъ союзниками были купцы и мастеровые во Фландріи и на Рейнѣ, что̀ отразилось въ мѣщанскихъ революціяхъ на материкѣ. У нихъ было много денегъ, которыми они подкупали даже фюрстовъ съ ихъ императоромъ. Ихъ армія напоминала шотландскую, у которой они многому научились. Легкая, выносливая пѣхота изъ крестьянъ и мѣщанъ, вооруженная луками, копьями да короткими мечами, была стойка и хладнокровна отъ строгой дисциплины и умнаго распорядка; ее защищали рвами, изгородями, повозками и ставили на хорошія позиціи; у нея было даже огнестрѣльное оружіе, подконецъ совсѣмъ устранявшее рыцарей; а, главное, она была національна, едина, собиралась когда-угодно и изъ всѣхъ классовъ общества. Таковъ же былъ англійскій флотъ, моряки котораго обыкновенно занимались, до набора, пиратствомъ. Велики были и послѣдствія войны. Во Франціи она привела къ истребленію рыцарства и къ сплоченію, сказавшемуся въ подвигахъ патріотизма. Въ Англіи она помогала развитію городовъ и конституціи: союзы съ мѣщанами материка расширяли торговлю; нужда въ деньгахъ и войскахъ пріучала королей къ соблюденію Великой Хартіи, тѣмъ болѣе, что ихъ прежняя опора въ борьбѣ съ подданными, папа, былъ рабомъ врага.

Когда началась великая Столѣтняя война (1337), Франціей правилъ первый изъ Валуа, вовсе не похожій на своего противника (§ 102). Молодой, ловкій рыцарь, но бездарный правитель, тщеславный и обидчивый Филиппъ VI сорилъ деньги на турниры и пиры, даже собирался въ крестовый походъ. Средства онъ добывалъ, какъ Филиппъ IV—портилъ монету, продавалъ должности, не доплачивалъ жалованья служащимъ, отпускалъ за выкупъ преступниковъ, изобрѣталъ всевозможные налоги, въ томъ числѣ ненавистную габель (gabelle — соляной амбаръ) или соляную монополію: въ Англіи смѣялись, что Филиппъ управляетъ истинно по „салическому“ закону (англ. salt, фр. sel—соль). Народъ негодовалъ; а многіе сеньеры были врагами короля. Въ Англіи же всѣ горячо поддерживали Эдуарда III, который заложилъ свои сокровища для войны. Этотъ „король Франціи“ явился, съ преданною арміей, у Креси (1346) и окопался, размѣстивъ невиданныя бомбарды (пищали) промежъ лучниковъ. Сюда же принеслось вдвое сильнѣйшее французское воинство, истомленное отъ грязи и ливня, который испортилъ тетивы у лучниковъ. Не отдохнувши, рыцари бросились на врага

съ гикомъ, вразсыпную; самъ Филиппъ не могъ сдержаться, завидѣвъ „очень противныхъ“ англичанъ. Непріятель, прятавшій отъ дождя свои тетивы въ шапки, встрѣтилъ натискъ молчаливо; но вдругъ изъ его рядовъ посыпался градъ мѣткихъ стрѣлъ и послышалась такая трескотня, что „казалось, будто Богъ гремѣлъ“ — и рыцарями овладѣла оторопь, а ихъ кони взбѣсились. Филиппъ, напиравшій впереди всѣхъ, потерялъ лошадь. Король-слѣпецъ, Іоаннъ, умолялъ свою дружину „вывести его такъ, чтобы онъ могъ нанести хорошій ударъ“; она привязала своихъ коней къ его коню—и всѣ погибли въ глубинѣ непріятельскаго строя. Французы бѣжали, оставивъ столько тѣлъ, сколько было враговъ.

Эдуардъ поспѣшилъ взять Кале, это гнѣздо французскихъ пиратовъ, перерѣзывавшихъ сношенія англичанъ съ Фландріей, и разбилъ ихъ союзниковъ, испанскихъ пиратовъ: его назвали „морскимъ королемъ“. Тогда же строптивый Брюсъ, попавшій въ плѣнъ, былъ заключенъ въ Тоуеръ, гдѣ, подлѣ дворца, помѣщалась страшная башня для государственныхъ преступниковъ. Шотландія перешла къ его родственнику, Роберту Стюарту. Филиппу же оставалось одно утѣшеніе: у промотавшагося графа, на гербѣ котораго красовался дельфинъ (dauphin), онъ купилъ Дофине—область между Ліономъ и Альпами, открывавшую путь къ Провансу. Съ тѣхъ поръ наслѣдные принцы Франціи стали называться „дофинами“.

При сынѣ Филиппа, Іоаннѣ Добромъ, Франція дошла до края погибели. Представительный, храбрый, вѣрный своему слову, но бездарный, какъ правитель, вспыльчивый, спесивый и капризный, Іоаннъ взялъ въ образецъ Іоанна богемскаго: онъ тратилъ несмѣтныя суммы на пиры и турниры и сразу дарилъ любимцамъ сотни тысячъ, когда избитую Францію посѣтила еще ужасная зараза— „черная смерть“. Много денегъ пошло также на подготовку возстанія гіеньскихъ сеньеровъ противъ англичанъ. А у враговъ явился герой—столь же рыцарственный, но умный и даровитый Черный Принцъ. Онъ опустошилъ страну между Гаронной и Луарой и при Пуатье (1356) встрѣтилъ Іоанна, у котораго было впятеро больше войска. Повторилось Креси: однихъ плѣнныхъ рыцарей было вдвое больше, чѣмъ воиновъ у Чернаго Принца, и ихъ поскорѣе отпустили, взявши слово доставить выкупъ. Іоаннъ былъ спасенъ отъ смерти храбростью своего младшаго сына, Филиппа Отважнаго, которому онъ пожаловалъ за это, на погибель Франціи, герцогство Бургун-

дію, какъ независимое владѣніе. Но онъ не избѣжалъ плѣна; и Черный Принцъ служилъ ему за столомъ, не смѣя сѣсть передъ вѣнценосцемъ.

Іоанна отправили въ Лондонъ, но вскорѣ выпустили, взявъ слово уплатить чудовищный выкупъ. Онъ не нашелъ такой суммы, хотя и отдалъ свою дочь замужъ за богатаго разбойника, Галлеаца Висконти, получивъ съ него чистыя денежки. Не зная, что̀ дѣлать съ обнищалымъ и разъяреннымъ народомъ, Іоаннъ съ радостью возвратился въ Англію, гдѣ и умеръ среди наслажденій. А во Франціи жадные откупщики собирали послѣдніе гроши съ народа на выкупъ короля и кучи сеньеровъ, не умѣвшихъ драться 10 противъ 1. По странѣ шатались „большія компаніи“ наемниковъ, которые чуть не ограбили самого папу въ Авиньонѣ и угрожали Парижу; и нерѣдко сами сеньеры поступали къ нимъ въ товарищи. „Нельзя было узнать Францію, говоритъ Фруассаръ: всюду передо мной была страшная пустыня, крайняя нищета, невоздѣланныя поля, развалины домовъ. Даже окрестности Парижа были переполнены слѣдами опустошенія и заразы: всюды безлюдныя улицы, дороги поросли травой; словомъ, огромная пустыня“. И вспыхнула мѣщанская революція, подъ вліяніемъ такого же зарева въ Нидерландахъ.

§ 105. **Мѣщанская революція въ Нидерландахъ и Франціи. Карлъ V.**—Нѣкогда часть Лотарингіи, Нидерланды принадлежали тогда феодаламъ, которые лишь по имени считались вассалами частью Германіи, частью Франціи. Герцогъ брабантскій, графы голландскіе, фландрскіе, люксембургскіе были пышными господами, не видѣвшими, что ихъ время прошло: здѣсь рано расцвѣло среднее сословіе (§ 102), особенно на югѣ, во Фландріи и Брабантѣ (Бельгія). Мастеровые, которыми особенно кишѣлъ Гентъ, ненавидѣли феодаловъ, а также богатыхъ „патриціевъ“, и рѣшились устроить демократическія общины, по примѣру Италіи. Вождемъ ихъ сталъ гентскій пивоваръ изъ дворянъ, даровитый, краснорѣчивый и мужественный патріотъ, Яковъ Артевельдъ. Онъ искусно правилъ городомъ, былъ другомъ Эдуарда III, у котораго крестилъ сына, держалъ себя, какъ король, ходилъ съ блестящею свитой; и всѣ кланялись ему. Благодаря ему и Англіи, города побѣдили феодаловъ: они частью ограничили ихъ права, частью стали коммунами. Въ Брюсселѣ возникъ „радостный въѣздъ“ (joyeuse entrée) — родъ Великой Хартіи, которую подтверждали герцоги при первомъ

въѣздѣ въ городъ, замѣнявшемъ коронацію. Артевельдъ устроилъ родъ союза независимыхъ республикъ изъ городовъ Нидерландовъ. Но онъ вскорѣ погибъ жертвой любви къ своему народу: разгорѣлись усобицы между городами и цехами — и патріотъ, оклеветанный въ желаніи продать страну англичанамъ, былъ убитъ на порогѣ своего дома тою самою толпой, которая наканунѣ покланялась ему (1345). Вслѣдъ затѣмъ Ріенци провозгласилъ республику въ Римѣ.

Въ это-то время Іоаннъ Добрый сидѣлъ въ плѣну; а Франціей правилъ дофинъ Карлъ,—ученый, но тщедушный, задумчивый и трусливый юноша, который первый бѣжалъ при Пуатье. Когда, тотчасъ послѣ этого пораженія, собрались генеральные штаты, гдѣ уже болѣе половины мѣстъ принадлежало мѣщанамъ, у депутатовъ возникла мысль взять правленіе въ свои руки, по примѣру англійскаго парламента. Во главѣ движенія стояли парижскіе мѣщане, съ своимъ купеческимъ головой, честолюбивымъ, энергичнымъ и рѣшительнымъ суконщикомъ Марселемъ, который былъ въ сношеніяхъ съ Фландріей: этотъ патріотъ уже отличился умомъ и волей на прежнихъ собраніяхъ штатовъ и поддерживалъ духъ парижанъ послѣ Пуатье. Ему помогалъ бывшій адвокатъ парламента, епископъ Лекокъ, человѣкъ способный, краснорѣчивый, но горячій и властолюбивый. Штаты потребовали законодательныхъ правъ, удаленія любимцевъ регента и контроля надъ казной. Карлъ немедленно согласился на все— и тотчасъ же обманулъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что феодалы, обиженные второстепенною ролью въ движеніи, покинули парижскихъ мѣщанъ. Потерявши терпѣніе, парижане вооружились, надѣли сине-красныя шапки (цвѣта столицы) и „волею народа“ умертвили двухъ главныхъ министровъ, на глазахъ Карла, такъ что онъ былъ обрызганъ ихъ кровью. Самъ дофинъ едва бѣжалъ изъ Парижа. Феодалы собрались вокругъ него и готовились осадить столицу. Марсель укрѣпился, устроивши цѣпи для загражденія улицъ. Но онъ сдѣлалъ ошибку; по совѣту Лекока, онъ вздумалъ выставить противъ дофина его родственника, короля наварскаго Карла, прозваннаго Дурнымъ за интриги и сумасбродства и сидѣвшаго въ тюрьмѣ за одно убійство. Этотъ маленькій человѣчекъ, съ пылающимъ взоромъ, съ неумолкаемой рѣчью, былъ само коварство: онъ держалъ аптечку „для своихъ тайныхъ нуждъ“. Карлъ только и думалъ, что о коронѣ Франціи, и былъ врагомъ народа, какъ чистокровный феодалъ.

Парижанамъ вредило также соперничество провинціальныхъ

городовъ, ненавидѣвшихъ столицу. Несчастьемъ для нихъ было и появленіе такого страшнаго союзника, какъ Жакъ Бономъ (bonhomme—простофиля)—прозвище, данное крестьянамъ сеньерами, которые говорили: „не поколоти Жака Бонома, не получишь денегъ.“ Возставшіе крестьяне такъ и называли своего „короля“, мужика Калье, который имѣлъ собственное знамя и печать; а весь бунтъ получилъ имя жакріи (1358). Характеръ жакріи виденъ уже изъ того, что ея вспышки назывались „ужасами“. Вооружившись топорами, дубинами, цѣпами, Жаки повсюду, особенно же подъ Парижемъ, стали поджигать усадьбы и истреблять помѣщиковъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Сеньеры соединились вокругъ дофина; ихъ поддержали даже провинціальные мѣщане, которыхъ грабили голодные Жаки, — и въ три недѣли жакрія была задушена въ потокахъ крови. Сеньеры поступали хуже Жаковъ: они пытали ихъ, жгли, охотились за ними, какъ за волками. Во главѣ охотниковъ былъ Карлъ Дурной: онъ короновалъ Калье раскаленною кострюлей. Тогда погибло болѣе 20.000 крестьянъ. Всеобщая ненависть имущихъ людей къ Жакамъ перешла и на Марселя, который явно посылалъ имъ подкрѣпленія. А Марсель, страшась дофина, не покидалъ безумной мысли короновать палача Жаковъ, Карла Дурного, который притомъ переговаривался съ англичанами: онъ собирался тайно отворить ворота столицы ему и его головорѣзамъ. Одинъ другъ и кумъ Марселя понялъ, въ чемъ дѣло, поднялъ парижанъ, самъ размозжилъ ему голову топоромъ и призвалъ дофина. Сподвижники Марселя были казнены; ихъ имущество отобрали въ казну. Карлъ Дурной заключилъ миръ съ дофиномъ.

Вскорѣ пришла вѣсть о смерти Іоанна Добраго,—и дофинъ сталъ королемъ Карломъ V. Наученный горькимъ опытомъ, многое заимствовавши у англичанъ, онъ выказалъ свойства, снискавшія ему названіе Мудраго. Свѣтлымъ, спокойнымъ умомъ было озарено худое, блѣдное лицо короля, смолоду пострадавшаго отъ загадочной болѣзни, которую приписывали отравѣ. Всегда серьезный, дѣловитый, онъ охотно и прекрасно говорилъ, выказывалъ сочувствіе къ людямъ достойнымъ и страдальцамъ, ободрялъ всѣхъ, подавая примѣръ терпѣнія, сдержанности и непреклонной воли: всякое дѣло у него доводилось до конца. Искренно религіозный, онъ 16 разъ перечелъ всю Библію, не пропускалъ обѣдни, участвовалъ въ церковныхъ ходахъ, босой и съ обнаженной головой. Но въ то же время мудрецъ любилъ сидѣть въ своемъ

„классѣ“—рабочемъ кабинетѣ, полномъ книгъ, гдѣ либо предавался чтенію и размышленіямъ, либо основательно бесѣдовалъ съ учеными, художниками, въ особенности же съ цѣлою школой юристовъ и полководцевъ—все людей новаго закала, неуклюжихъ, но дѣльныхъ и трезвыхъ, взятыхъ снизу: оттертые ими феодалы, возгордившіеся отъ побѣдъ надъ мѣщанами и Жаками, называли ихъ „мордами“ (marmousets). Разсчетливый хозяинъ, Карлъ V не скупился однако па поддержаніе королевскаго достоинства, которое ставилъ очень высоко: онъ собиралъ государственныя драгоцѣнности и хранилъ ихъ въ новыхъ роскошныхъ дворцахъ и замкахъ; и Лувръ превратился въ пышную резиденцію королей. Карлъ V не долюбливалъ шумные и неопытные генеральные штаты; но, въ помощь своимъ „мордамъ“, онъ часто созывалъ большой совѣтъ (до 200 лицъ) изъ „разныхъ мудрецовъ“ страны и предоставлялъ имъ даже выборъ высшихъ сановниковъ. Съ такими помощниками, Карлъ тихо, не вводя новыхъ учрежденій, устроилъ образцовое для того времени правленіе.

На первомъ планѣ, конечно, стояли финансы, для упорядоченія которыхъ Карлъ воспользовался рѣшеніями прежнихъ генеральныхъ штатовъ: по провинціямъ ими завѣдовали частью выборные отъ населенія, частью дѣльные чиновники; а счетная палата, помѣщенная рядомъ съ парижскимъ парламентомъ, стала главою администраціи, вмѣшиваясь, съ своимъ контролемъ, всюду и защищая казну противъ самого короля. И, несмотря на то, что „помощь“ (aides) или новые налоги (даже подымное), сдавались на откупъ, средствъ хватало даже на крупные памятники искусства и просвѣщенія. А военное дѣло поднялось на небывалую высоту при этомъ миролюбивомъ и вовсе не рыцарственномъ монархѣ. Феодальнаго воинства было уже недостаточно, да оно устарѣло и было мятежно: Карлъ только подчинилъ его себѣ, выдавая сеньерамъ жалованье; а нерѣдко онъ даже уничтожалъ ихъ замки, подъ предлогомъ, что они могутъ служить убѣжищемъ непріятелю. Наоборотъ, онъ втягивалъ низшіе классы въ военную службу: давалъ льготы городамъ и дворянство мѣщанамъ съ тѣмъ, чтобы они сами укрѣпляли свои стѣны и заводили отряды стрѣльцовъ—„лучниковъ“. Но главная сила состояла въ „компаніяхъ“ навербованныхъ наемщиковъ, которыми начальствовали дѣльные королевскіе офицеры. Завелся и подобный же флотъ: его постояннымъ ядромъ были огромныя королевскія баржи, начальники которыхъ вербовали купеческія суда,

въ случаѣ войны. Въ то же время блистательно дѣйствовала дипломатія—и переговорами, и браками, и „тайными стараніями“ или подкупами: наладились выгодные союзы съ папой, императоромъ, Фландріей, Шотландіей и Испаніей—и кастильскій флотъ далъ перевѣсъ французскому надъ англійскимъ. Ловко были сбыты разбойничьи „компаніи“ въ Кастилію. Война съ Англіей приняла неожиданный оборотъ. Одряхлѣвшій Эдуардъ III наслаждался, почивая на лаврахъ, или пускался въ невѣрныя предпріятія; а Карлъ V выдвинулъ рядъ дѣльныхъ полководцевъ. Во главѣ ихъ стоялъ крупный талантъ—безграмотный, невзрачный, презираемый феодалами Дюгекленъ, который изъ бѣднаго рыцаря сталъ конетаблемъ Франціи (фельдмаршаломъ): въ цвѣтѣ силъ (ему было 40 л.), добрый, великодушный, дьявольски отважный, онъ былъ божествомъ солдатъ, которые знали, что побѣда прикована къ его знамени. Когда король сдѣлалъ его конетаблемъ, онъ былъ ужасно смущенъ и отказывался, въ виду „такихъ великихъ сеньеровъ и доблестныхъ мужей Франціи“.

Теперь французы уже не увлекались блескомъ рыцарскихъ подвиговъ, ловили врага въ сѣти своихъ военныхъ хитростей, завели резервы, окопы, засады, даже осадную артиллерію; а главное—у нихъ была дисциплина и хладнокровіе въ арміи, въ которой уже наемная пѣхота преобладала надъ рыцарствомъ. Англійскій вождь воскликнулъ, завидѣвъ ихъ отрядъ: „Чортъ возьми! Да у нихъ все очень умно и прекрасный порядокъ“. Они брали врага измором, уклоняясь отъ битвъ: „буря пройдетъ сама собой“, спокойно говорилъ Карлъ. Англичане ходили по странѣ, изнывая отъ лишеній и грабя народъ изъ нужды; а это вызывало ненависть и патріотизмъ у населенія. Крестьяне прятали или истребляли припасы и уже составляли отряды, съ такими молодцами во главѣ, какъ Ферре, который десятками „молотилъ“ англичанъ своею тяжелой сѣкирой. Въ Дуврѣ схватили богатаго мѣщанина, Ренжуа, и требовали присягнуть Эдуарду III, грозя сбросить со скалы: онъ отказался — и морская пучина приняла кости патріота. Истомленные враги падали, какъ мухи, и ими овладѣло бѣшенство: Черный Принцъ, самъ чуть живой отъ нужды и чахотки, носимый на носилкахъ, сталъ истреблять женщинъ и дѣтей даже въ своей Гаскони. За англичанами уже оставалось лишь нѣсколько приморскихъ городовъ; а ихъ флотъ не разъ потерпѣлъ пораженіе, между тѣмъ какъ французскія суда показались даже на Темзѣ. Тутъ умеръ Черный Принцъ, а вслѣдъ за нимъ и Эдуардъ III (1377). Черезъ 3 г. сошли въ

могилу одновременно Карлъ V и Дюгекленъ: ихъ похоронили рядомъ въ С. Дени.

§ 106. **Новая революція во Фландріи и Франціи. Карлъ VI.**—Война пріостановилась на 35 л: враждебныя страны переживали внутренній переломъ. Карлъ V оставилъ 12-лѣтняго сына, Карла VI, Эдуардъ III — 10-лѣтняго внука, сына Чернаго Принца, Ричарда II. Во Франціи регентами стали дяди Карла VI, въ особенности Филиппъ Отважный бургундскій (§ 104); они считались также опекунами младшаго брата короля, Людовика орлеанскаго. Эти „лилейные принцы“ [1]) были народъ безпутный и пустой. Изъ Людовика вышелъ кутила и грабитель народа, любимецъ вельможъ и придворныхъ дамъ, изящный, любезный и остроумный рыцарь, изъ Карла—недалекій, капризный деспотъ. Добрый, мирный отъ природы, но испорченный дядями, король рано предался роскоши и чувственности. При немъ французскій дворъ становился образцомъ пышнаго этикета и пріятности: отовсюду съѣзжались вельможи тѣшиться неподражаемыми турнирами, маскерадами, танцами съ факелами. Европа была поражена блескомъ свадьбы Карла VI съ Изабеллой баварской, пажомъ которой служилъ влюбленный король. Эта чувственная женщина, которую одинъ августинецъ всенародно уличилъ въ связяхъ съ Людовикомъ орлеанскимъ, довершала разореніе королевства: она стала законодательницей самыхъ странныхъ модъ и затѣйщицей всякихъ скандаловъ. Все пришло въ безпорядокъ. Налоги росли, а казна пустѣла: деньги больше оставались въ рукахъ сборщиковъ податей или попадали къ лилейнымъ принцамъ. Заемъ слѣдовалъ за займомъ: корона была заложена ломбардцамъ, по кускамъ. А жадные регенты тиранили народъ, не заботясь даже о дина-

Карлъ VI. Миніатюра 14-го в.

[1]) И на нашемъ рисункѣ Карлъ VI возсѣдаетъ на тронѣ съ лиліями.

стическомъ интересѣ. Всюду бродили нищіе; ремесленники бѣжали за-границу отъ безработицы.

Настали 80-е годы 14-го в., когда, по словамъ Фруассара, казалось, „пришла погибель и смерть всему дворянству, всей рыцарственности во Франціи да и въ другихъ странахъ“: тогда вспыхнули народныя революціи во Фландріи, Франціи, Англіи и Германіи. Толчекъ былъ данъ опять изъ Фландріи, гдѣ неисправимые феодалы снова подымали голову. У Якова Артевельда (§ 105) остался сынъ, Филиппъ, къ которому перешли таланты и стремленія отца. Онъ составилъ изъ городовъ Фландріи союзъ Бѣлыхъ Шапокъ, къ которому примкнули коммуны Франціи и Англіи. Бѣлыя Шапки жгли замки и душили ихъ обитателей: ночь въ Брюгге, гдѣ сразу были вырѣзаны всѣ феодалы, распространила ужасъ повсюду. Тогда же въ Парижѣ заградили улицы цѣпями, вооружились найденными въ арсеналѣ молотами (maillets) и начали избивать сборщиковъ податей да евреевъ. Эта „молотная“ революція (maillotins) повторилась въ другихъ городахъ; а по усадьбамъ опять расправлялись Жаки. Бѣда соединила сварливыхъ рыцарей разныхъ странъ. Карлъ VI повелъ ихъ во Фландрію,—и у Росбека (1382) пали Бѣлыя Шапки (болѣе 25.000), со своимъ Артевельдомъ: онѣ дружно работали въ бою, привязавшись другъ къ другу веревками. Ужасно было мщеніе феодаловъ, спѣшившихъ обогатиться сокровищами убитыхъ; а Филиппъ Отважный пріобрѣлъ тогда цѣлую Фландрію, гдѣ умеръ его тесть.

Побѣдители бросились на Парижъ. Мѣщане, что̀ поумнѣе и побогаче, въ особенности же друзья Марселя, были перерѣзаны. По ночамъ всплывали тѣла на Сенѣ съ надписью: „пропустите королевское правосудіе“. Столицу лишили привилегій и корпорацій; въ ней воздвигли крѣпкую тюрьму, Бастилію. Та же участь постигла важнѣйшіе города провинціи. Все замерло — и при дворѣ возобновились пиры со скандалами, отъ которыхъ помутился слабый умъ Карла VI, когда какой-то полоумный испугалъ его, въ лѣсу, среди палящаго зноя песковъ, криками: „Не ѣзди! Тебя продали!“ „Морды“ исчезли—и 30 л. именемъ сумасшедшаго правили вельможные интриганы, съ Филиппомъ бургундскимъ во главѣ, который отстранилъ герцога орлеанскаго и разстраивалъ короля страхами, когда несчастный начиналъ приходить въ себя. По смерти Филиппа, регентствомъ хотѣлъ овладѣть сынъ его, Іоаннъ Безстрашный, участникъ неудачнаго крестоваго похода противъ турокъ. Болѣе фламандецъ, чѣмъ

француз, маленькій, большеголовый, скуластый, неуклюжій, молчаливый и мрачный, Іоаннъ былъ пронырливъ, разсчетливъ, хладнокровенъ и коваренъ. Онъ былъ готовъ на все, хотя бы на междоусобіе, на убійство, на союзъ съ непріятелемъ. Бургундецъ не терпѣлъ рыцарства, особенно его благороднаго, поэтическаго и красиваго представителя, Людовика орлеанскаго, которому вдобавокъ благоволила его жена. Людовикъ былъ соперникомъ Іоанна и по стремленію къ регентству; и если онъ самъ не былъ способенъ къ политической роли, зато имъ руководилъ энергичный родственникъ, хитрый и кровожадный графъ Арманьякъ.

Разразилась жестокая борьбы между арманьяками и бургундцами. Первые опирались на феодаловъ и на дофина Карла, вторые—на мѣщанъ и Изабеллу, изъ которой выработалась еще властолюбивая интригантка. Не проходило дня безъ неслыханныхъ злодѣяній на улицахъ Парижа, гдѣ сегодня король и министры надѣвали бѣлую шапку бургундцевъ, завтра—на всемъ, даже на иконахъ, красовалась бѣлая перевязь арманьяковъ. Въ провинціи грабили и тѣ, и другіе одинаково, приговаривая: „ступайте, жалуйтесь сумасшедшему“. Наконецъ, соперники рѣшились примириться: бургундецъ и орлеанецъ лобызались „за добрымъ виномъ“ и вмѣстѣ причастились. А три дня спустя, Людовика нашли мертвымъ на улицѣ, и Іоаннъ не отрицалъ, что это—его дѣло; жена несчастнаго, кроткая красавица изъ дома Висконти, умерла съ тоски; а сынъ женился на дочери Арманьяка, замышляя месть. Іоаннъ возвратилъ права Парижу и нагло заискивалъ расположенія цеховыхъ да гостиннодворцевъ (les gens des halles). Свирѣпые мясники, съ Кабошемъ во главѣ, взялись спасти „доброе дитя“, дофина, и сторожили дворецъ: бывало, какъ только заслышатъ музыку и танцы за полночь, тотчасъ идутъ туда прекращать разгулъ и избивать совратителей юноши. Впрочемъ, кабошевцамъ удалось выработать, съ помощью юристовъ и университета, которымъ руководили такія знаменитости, какъ Жерсонъ и д'Альи, прекрасный планъ реформъ, названный „кабошевымъ указомъ“. Но его ученые авторы трусливо держались въ сторонѣ, а реформу взялись исполнять мясники. Первымъ дѣломъ они взяли Бастилію да умертвили Арманьяка и нѣсколько дней потѣшались надъ его тѣломъ; затѣмъ истребили его вельможныхъ друзей и наемныхъ гасконцевъ, сбрасывая ихъ съ башенъ на копья; наконецъ, начали избивать и грабить всѣхъ имущихъ людей. По цѣлымъ днямъ на улицахъ и дворахъ валялись трупы кучами. Появилась зараза. Наконецъ, по-

шли переговоры, чтобы прекратить ужасы междоусобія. Іоаннъ былъ приглашенъ на свиданіе къ дофину Карлу. Но какъ-только онъ приблизился къ нему, на мосту, ударъ топоромъ сзади положилъ его на мѣстѣ. Арманьяки овладѣли Парижемъ и королемъ — и начался столь же ужасный бѣлый терроръ, прежде всего отмѣнившій кабошевъ указъ. Но тутъ подъ Парижемъ показались англичане, про которыхъ уже совсѣмъ забыли. Ихъ призвали бургундцы.

§ 107. **Народная революція въ Англіи. Ричардъ II и Виклифъ.** — Англичане испытали свою революцію, также связанную съ придворными смутами, во время регентства дядей Ричарда II (§ 106), во главѣ которыхъ стоялъ энергичный, ученый, но властолюбивый, жадный и безнравственный врагъ французовъ и папства, Іоаннъ ланкастерскій. Здѣсь революція отличалась своеобразными чертами. Въ Англіи мѣщанамъ жилось хорошо: города достигли даже политическихъ правъ. Но тяжело было крестьянамъ отъ налоговъ по поводу войны и отъ крѣпостничества. Хотя при Эдуардахъ они получили право покидать свою землю и платить оброкъ вмѣсто барщины, однако личная свобода безъ земли ставила ихъ въ безпомощное положеніе поденщиковъ. А между тѣмъ, съ развитіемъ націи, поденщики и мастеровые, тершіеся по городамъ, стали горды и разсуждали, за что они платятъ оброкъ? Они начали требовать отъ лордовъ высокой заработной платы, видя, что тѣ нуждаются въ ихъ рукахъ, которыхъ стало вдвое меньше, вслѣдствіе черной смерти, которая появлялась четыре раза въ 25 л. и ополовинила населеніе страны. Помѣщики не могли дать такой платы — и пашни пустѣли: хлѣбъ вздорожалъ до того, что рабочему нельзя было пропитаться и при высокой заработной платѣ. А тутъ, когда пошли неудачи во Франціи, назначили несправедливую подать — одинаковую какъ съ нищаго, такъ и съ богача. Въ то же время пришли вѣсти съ материка о революціяхъ. Въ 1381 г. революція вспыхнула и въ Англіи.

Крестьяне превращались сначала въ „дерзкихъ нищихъ“, потомъ — въ разбойниковъ. А парламентъ, гдѣ еще заправляли помѣщики, издалъ нелѣпый „законъ о рабочихъ“ (Statute of Labourers), возстановлявшій рабство: подъ угрозой тюрьмы, онъ заставлялъ рабочихъ служить нанимателямъ за установленную плату; имъ запрещалось также покидать „приходъ“, въ которомъ заставалъ ихъ законъ, а „бѣглымъ“ велѣно было клеймить лбы; наконецъ, воспрещалось крестьянамъ посылать своихъ дѣтей въ

школу. Тогда появились такіе краснорѣчивые подстрекатели, какъ Болъ, котораго лорды назвали „сумасшедшимъ кентскимъ попомъ“ и засадили въ тюрьму, якобы за еретичество. Возникли грамотки и пѣсни, въ которыхъ горячо и ядовито изобличались пороки знати и церкви. „Право предшествуетъ силѣ; поддержимъ правду; Богъ порука, Богъ наградитъ за возстановленіе справедливости; пришло время!“, говорилось въ нихъ. Мятежники требовали уже не только отмѣны крѣпостничества и податей, но и всеобщаго равенства, даже въ имуществѣ. Всюду распѣвали пѣсенку: „когда Адамъ копалъ, а Ева пряла, гдѣ былъ тогда джентльменъ?“ Говорили даже, что нужно перебить всѣхъ сеньеровъ, владыкъ и монаховъ и разбить Англію на нѣсколько королевствъ. Явился и вождь, — отставной солдатъ, смѣлый и бойкій на языкъ кирпичникъ, Тайлеръ.

Народъ сразу поднялся всюду, какъ по данному знаку. Особенно быстро мятежъ овладѣлъ югомъ. Главная сила шла изъ Кента въ Лондонъ. Она освободила Бола, разрушивши дворецъ архіепископа кентерберійскаго, жгла списки барщинъ и оброковъ по усадьбамъ лордовъ, съ яростью истребляла юристовъ, приговаривая: „пока не передушимъ этихъ господъ, землѣ не видать старой свободы“. Въ одномъ монастырѣ нашелся жерновъ, отнятый монахами у крестьянъ, чтобы они не смѣли молоть въ ихъ владѣніяхъ: его раскрошили, „какъ просвирку“, на память о первомъ днѣ свободы. Въ Лондонѣ примкнули мастеровые,—и толпа остервенилась, завидѣвъ дворцы правительственныхъ лордовъ. Ланкастеръ ускользнулъ въ Шотландію; архіепископъ и сборщики податей были обезглавлены. „Мы не воры, не разбойники; мы ищемъ правды и справедливости“, говорили убійцы. Кто-то стащилъ серебряный кубокъ: его бросили въ пламя вмѣстѣ съ добычей. Тутъ молодцовато выѣхалъ къ нимъ 16-лѣтній Ричардъ со свитой. Скакавшій впереди лордъ-меръ всадилъ кинжалъ въ горло выставившемуся изъ народа Тайлеру. „Бьютъ, бьютъ! Убили нашего вождя!“ заревѣла толпа. „Что вамъ нужно? Я—вашъ вождь и король! За мной!“ воскликнулъ юноша, выскакивая впередъ. Мятежники радостно бросились къ нему, крича, что хотятъ освободить его отъ злыхъ совѣтниковъ. „Что же вамъ нужно, милые мои?“ „Освободите насъ и наши земли, чтобы никто никогда не называлъ и не считалъ насъ рабами“. „Согласенъ“, отвѣчалъ Ричардъ—и въ тотъ же день 30 клерковъ работали безъ отдыха надъ составленіемъ освободительныхъ грамотъ. Толпы разошлись—и лорды очнулись отъ паники. Парламентъ,

руководимый дрожавшимъ отъ мести Ланкастеромъ, отвергъ грамоты и заставилъ самого короля стать во главѣ бароновъ. Мятежъ погасъ въ потокахъ крови; Болъ былъ повѣшенъ

Но крѣпостного права нельзя было воротить, тѣмъ болѣе, что возбужденіе народа было подогрѣто съ другой стороны. Въ Англіи новыя силы полнѣе, чѣмъ на материкѣ, выступали противъ среднихъ вѣковъ. Сразу былъ потрясенъ не одинъ феодализмъ, но и іерархія: народная революція слилась съ національнымъ движеніемъ противъ папства. Народъ негодовалъ на „французскихъ" папъ, этихъ „маклеровъ" новаго Вавилона, которые раздаютъ лучшія мѣста въ Англіи „невѣжественнымъ, недостойнымъ скотамъ" да иностранцамъ и „хуже жидовъ и сарациновъ грабятъ страну, получая съ нея больше любого государя за горяченькія индульгенціи" и т. под. злоупотребленія. Невѣжественные, жадные монахи вызывали ненависть даже со стороны бѣлаго духовенства и бароновъ, зарившихся на ихъ богатства. Геніальнымъ и честнымъ выразителемъ этихъ чувствъ явился питомецъ деревни, 60-лѣтній Виклифъ, профессоръ въ Оксфордѣ, гдѣ университетъ поднялся тогда выше парижскаго, павшаго отъ усобицъ и войнъ, и сталъ колыбелью смѣлыхъ мыслителей: тамъ преподавалъ Оккамъ. Изможденный труженикъ безупречной жизни, гордый и упорный, искренній и энергичный Виклифъ былъ первымъ богословомъ своего времени, рѣдкимъ діалектикомъ, здравымъ политикомъ и организаторомъ, отцомъ англійской прозы, бойкимъ народнымъ сатирикомъ. Готовый умереть за убѣжденія, онъ выступилъ одинъ противъ всѣхъ, въ дѣлѣ церковной реформы, и не измѣнялъ ему до гроба, внезапно посѣдѣвши и получивъ подагру. Уже больной, онъ встрепенулся, когда его позвали на церковный судъ. „Не умру, буду жить и разоблачать монаховъ!" воскликнулъ онъ — и, вмѣсто отреченія, смутилъ судей горячею критикой, безпощадною діалектикой. Критику церкви Виклифъ заимствовалъ у Оккама, Августиново ученіе о предопредѣленіи— у своего предмѣстника по каѳедрѣ. Онъ доказывалъ, что церковь должна отказаться отъ свѣтской власти и стяжанія, — и только съ его помощью парламентъ, руководимый Ланкастеромъ, могъ отвергнуть „дань" папѣ и наложить руку на клиръ.

Папа отлучилъ „еретика", и англійская церковь поспѣшила призвать его на судъ. Но Виклифа охраняли Ланкастеръ съ парламентомъ, даже самъ король съ королевой, Анной чешской, которая отправила его сочиненія въ Богемію. „Только самъ себя

можетъ человѣкъ отлучить отъ церкви!“ воскликнулъ Виклифъ и рѣшительно выступилъ на путь отрицанія „Антихристова царства“ или „Сатанинской синагоги“: признавъ церковью всѣхъ истинно вѣрующихъ, поставивъ Библію единственнымъ источникомъ вѣры, свободно толкуемымъ и читаемымъ на родномъ языкѣ, онъ отвергъ пресуществленіе, иконы, святыхъ, епископовъ. Тутъ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ—и монахи стали нашептывать: „это—виклифиты; это онъ, сѣятель раздоровъ, поднялъ рабовъ противъ господъ своими змѣиными подстрекательствами; Болъ признался въ этомъ передъ смертью“. Бароны съ парламентомъ отшатнулись отъ Виклифа. „Въ концѣ концовъ правда восторжествуетъ“, сказалъ онъ и обратился къ націи. Схоластикъ превратился въ блестящаго публициста: родилась англійская проза, трезвая, полная жизни и искренности, сарказмовъ и антитезъ. Въ то же время Виклифъ устроилъ родъ ордена—товарищество простыхъ поповъ. Клиръ насмѣхался надъ этими босыми, неуклюжими, помужицки жившими проповѣдниками новаго ученія, одѣтыми въ красноватыя овчины и лапти, и называлъ ихъ то „рыжими“, то лоллардами или „болтунами“, не безъ ядовитаго намека на ересь (§ 91). Однако восторженный „простой попъ“, съ его топорной, но задушевной рѣчью, нашелъ доступъ къ сердцу „искавшаго правды“ народа. Вскорѣ къ движенію присоединился и оксфордскій университетъ: церковники не смѣли показываться тамъ; студенты грозили имъ смертью. Церковь попыталась еще разъ позвать къ себѣ на судъ уже больнаго Виклифа, когда онъ работалъ надъ переводомъ Библіи на англійскій языкъ, что̀ на языкѣ клира называлось „разсыпать бисеръ передъ свиньями“. Но учитель отвѣтилъ нападеніемъ: онъ потребовалъ отъ парламента назначенія десятины для бѣдныхъ, а отъ папы — отреченія отъ свѣтской власти. Церковь принуждена была удовольствоваться лишеніемъ Виклифа каѳедры: вскорѣ онъ умеръ, отъ удара, скромнымъ приходскимъ священникомъ.

По смерти учителя, лоллардство, уже обладавшее своими школами, книгами, пѣснями, цѣлою литературой, глубоко разлилось въ народѣ духомъ протеста и нравственнаго идеала. Всюду, даже въ монастыряхъ и среди бароновъ, кишѣли страстные проповѣдники и проповѣдницы, доходя порой до аскетизма, до преслѣдованія невинныхъ развлеченій и удобствъ жизни; а родное сокровище, Библія, была даже въ рукахъ у дѣтей. Лолларды потребовали у парламента, наряду съ отмѣной обрядности,

уничтоженія войны и упраздненія цеховъ оружейнаго и золотыхъ дѣлъ. Ричардъ, уже совершеннолѣтній и устранившій Ланкастера, покровительствовалъ народному движенію и правилъ по волѣ парламента, который, въ благодарность. даровалъ ему пожизненный сборъ пошлинъ съ шерсти. Но король, взявши въ руки главный доходъ страны, вдругъ измѣнился: сталъ пировать и роскошничать, взимать незаконные налоги, даже посягать на независимость судей. Онъ сдѣлался жестокимъ и подозрительнымъ: всюду видѣлась ему крамола. Онъ мстилъ дядямъ за то, что они долго отстраняли его отъ правленія: сынъ умершаго Іоанна Ланкастера, Генрихъ, былъ изгнанъ и лишенъ всего. Прежде Ричардъ возстановлялъ противъ себя бароновъ и клиръ, теперь—мѣщанъ и крестьянъ. Однажды, въ его отсутствіе, Генрихъ внезапно возвратился изъ Парижа и сталъ во главѣ негодующихъ бароновъ. За Ричарда не поднялся ни одинъ человѣкъ. Онъ бѣжалъ, переодѣтый, но былъ пойманъ, принужденъ отречься отъ престола и вскорѣ убитъ въ темницѣ. Съ Генриха IV началась династія Ланкастеровъ (1399).

§ 108. **Генрихъ V и Карлъ VII**. — При Ланкастерахъ утвердилась конституція: „похитители престола“ въ глазахъ народа, выставившаго нѣсколько Лжеричардовъ, они должны были уступать парламенту, доставившему имъ корону. Нужно было задобрить и церковь—и явился законъ „о сожженіи еретиковъ“: еретикомъ считался даже тотъ, кто читалъ Виклифову Библію или нарушалъ малѣйшую обрядность. Лоллардовъ жгли, пожизненно заточали въ страшную „лоллардовскую башню“ при дворѣ архіепископа; имъ клеймили щеки, нашивали позорные знаки на рукава. Ихъ глава, другъ наслѣдника престола, извѣстный полководецъ, честный и непреклонный Ольдкестль, былъ оклеветанъ, какъ заговорщикъ; его повѣсили на цѣпяхъ, а подъ ногами развели медленный огонь; духовенство чернило его память въ народѣ, и онъ послужилъ Шекспиру типомъ для Фальстафа. Реакція обрушилась и на оксфордскій университетъ, поднявшій голосъ за человѣколюбіе: онъ палъ на цѣлое столѣтіе.

Чтобы утвердить династію и угодить баронамъ, видѣвшимъ въ войнѣ золотое дно, Ланкастеры горячо взялись за борьбу съ Франціей. Сынъ Генриха IV, Генрихъ V, сдѣлался національнымъ героемъ, любимцемъ музы Шекспира. Дѣльный и склонный къ наукамъ съ юности, онъ сначала любилъ покутить, но ставши королемъ, удержалъ хорошихъ отцовскихъ министровъ, и сталъ лучшимъ государемъ своего времени. Первый полководецъ

и политикъ, хладнокровный, но рѣшительный и стойкій повелитель, съ строгимъ видомъ и серьезною рѣчью, но благодушный и щедрый, Генрихъ любилъ прямоту, держалъ свое слово, отличался чистотой жизни, религіозностью и состраданіемъ къ бѣднымъ. Искусными браками онъ пріобрѣлъ значеніе въ Нидерландахъ, Германіи, Неаполѣ, Кастиліи и Португаліи. Если бы не смерть въ 35 л., далеко отразилось бы вліяніе короля, который уже задумывался надъ мыслью объ исправленіи церкви посредствомъ собора и объ изгнаніи турокъ, побѣждавшихъ на Дунаѣ. Англичане не только гордились своимъ героемъ, но и любили его за то, что онъ любилъ ихъ поэзію, языкъ и конституцію: его хоронили, „какъ святаго". Генрихъ блестяще повелъ кампанію. При Азенкурѣ (1415) онъ наткнулся на вдвое сильнѣйшаго врага—и напомнилъ ему Креси и Пуатье: французскіе сеньеры, лѣзшіе впередъ изъ чести пасть первыми, до того столпились, что не могли поднять рукъ для удара. Пока Генрихъ занималъ сѣверъ Франціи, осторожно подбираясь къ Парижу, палъ Іоаннъ Безстрашный. Сынъ его, надменный, тщеславный, чувственный эгоистъ, Филиппъ Добрый, жестоко отомстилъ дофину за смерть отца, сговорившись съ его бездушной матерью, которая продолжала порочную жизнь, несмотря на старость: по предательскому миру въ Труа, дофинъ былъ объявленъ лишеннымъ престола „за страшныя преступленія противъ государства"; регентство вручалось Генриху V, вмѣстѣ съ рукой дочери Карла VI; по смерти тестя, зять становился королемъ Франціи. Торжественно вступилъ въ Парижъ доблестный Генрихъ V; но онъ вскорѣ умеръ здѣсь, почти въ одно время съ сумасшедшимъ Карломъ VI (1422). Съ нимъ окончилась героическая пора въ средневѣковой исторіи Англіи.

Королемъ Франціи сталъ ребенокъ англійскаго героя, Генрихъ VI, подъ опекой герцога Варвика; регентами назначили его дядей—герцога Бедфорда во Франціи, герцога Глочестера въ Англіи. Но горсть сеньеровъ за Луарой провозгласила королемъ дофина, Карла VII. Пріятный, граціозный, но болѣзненный, капризный и перемѣнчивый юноша, Карлъ зналъ только свою латынь, связанную съ ханжествомъ, да забавы въ кругу жадныхъ злокозненныхъ любимцевъ и красавицъ, терпѣть не могъ государственныхъ занятій и все озирался пугливо передъ знакомымъ ему призракомъ насильственной смерти, тѣмъ болѣе, что его мучила неизвѣстность: вѣдь, мать отвергла его, и онъ выросъ вдали отъ нея. Феодалы стекались къ нему, надѣясь

найти въ немъ опору противъ мѣщанъ, и приводили наемниковъ, въ особенности шотландцевъ, съ ихъ доблестнымъ рубакой, Дугласомъ. Мѣщане примирились съ Карломъ, стыдясь за труаскій договоръ и довольные тѣмъ, что онъ отстранилъ головорѣзовъ-арманьяковъ. Жакъ Бономъ жалѣлъ своего дофина, который бѣгалъ отъ англичанъ изъ замка въ замокъ. Онъ вспоминалъ подвиги Ферре и Ренжуа (§ 105) и пылалъ местью къ Изабеллѣ, продавшей врагу своего сына вмѣстѣ съ Франціей: ему чудилось, что спасеніе принесетъ непорочная крестьянка, которая незаслуженнымъ страданіемъ искупитъ грѣхи недостойной королевы. Припоминалось друидское пророчество о дѣвѣ, которая выйдетъ изъ „дубоваго“ лѣса — и къ ногамъ ея падутъ „лучники“.

Патріотическія мечты расцвѣтали, когда страна переполнилась горемъ. Англичане дошли до Луары. Сеньеры предавались оргіямъ, вмѣстѣ съ своимъ Карломъ, который собирался бѣжать въ Шотландію. Народъ совершалъ пляски смерти и видѣлъ чудеса. „По всему Парижу (говоритъ очевидецъ) слышны были стоны малютокъ, пищавшихъ: „умираю отъ голода“. Мальчики и дѣвочки лежали на навозѣ, по 20—30 штукъ, отдавая Богу души отъ голода и холода. На кладбищахъ рыли большія ямы, куда складывали рядкомъ 30 — 40 труповъ, словно свиное сало, и слегка посыпали землей. Стаи волковъ рыскали за трупами по селамъ, даже забѣгали въ Парижъ по ночамъ. „Убѣжимъ въ лѣса, къ лютымъ звѣрямъ, въ руки дьявола; прощайте женки и дѣтки!“ говорили земледѣльцы“. Хорошо держался одинъ Орлеанъ, гдѣ мѣщане завели мѣткую артиллерію. Но и онъ уже голодалъ. Осажденные крѣпились, надѣясь на помощь Карла; а онъ не шевелился, дрожа отъ страха, съ своими феодалами. Тутъ-то появилась желанная, о которой мечталъ народъ.

§ 109. **Жанна д'Аркъ.**—Въ Лотарингіи, въ деревнѣ Домреми на Маасѣ, въ достаточной семьѣ, жила крестьянка Жанна д'Аркъ. Высокая, стройная, сильная смуглянка, съ роскошною черною косой, съ пріятной улыбкой и мягкимъ голосомъ, она была кроткая, граціозная и вообще веселенькая дѣвушка, но часто впадавшая въ серьезность до задумчивости, чувствительная до слезливости, и такая набожная, что, бывало, услышитъ въ полѣ благовѣстъ—и падетъ на колѣна съ горячей молитвой. Безграмотная, она дѣлила время между сельскими работами и уходомъ за больными и сиротами. Въ глуши вогезскихъ лѣсовъ еще сохраня-

лись друидскія воспоминанія: у Домреми струился чудодѣйственный источникъ и красовался вѣковѣчный „букъ фей", водившихъ подъ нимъ свои хороводы; дѣвушки вѣшали вѣнки то на деревья, то на статуи святыхъ. Тамъ, на границѣ, кипѣла борьба между бургундцами и арманьяками; не разъ трое братьевъ Жанны приходили въ крови; не разъ вся семья бѣжала въ лѣса отъ англичанъ. Жанна ходила за ранеными и все твердила: „жалко, жалко милой Франціи". Дофинъ представлялся ей невинною жертвой злой матери. Жанна стала все чаще ходить къ волшебному буку, гдѣ птички слетались на ея зовъ: тамъ она предавалась задумчивости, молилась, обливаясь слезами, изнурялась постами. Показались видѣнія, почудились „голоса": архангелъ Михаилъ и святыя Катерина и Маргарита внушали ей: „Богъ очень, очень жалѣетъ Францію; нужно тебѣ идти во Францію".

Три года сопротивлялась Жанна. Но чарующіе голоса стали неотступно, по три раза въ недѣлю, твердить ей: „Нужно идти! Жена погубила Францію: дѣва спасетъ ее". Наконецъ, когда дѣвушкѣ исполнилось 18 л., она воскликнула: „Мнѣ хотѣлось бы прясть подлѣ матери, но мой Господинъ велитъ мнѣ". „Кто твой господинъ, Жанна?" спрашивали родители. „Богъ". Отецъ спѣшилъ выдать ее замужъ, но она сказала: „Будь у меня сто отцовъ и матерей, будь я королевская дочь,—и тогда я пошла бы. Я должна дойти до короля, хотя бы у меня отнялись ноги до колѣнъ: вѣдь, ни король, ни герцогъ, ни шотландская царевна— никто другой, кромѣ меня, не можетъ возвратить французскаго королевства; безъ меня неоткуда ждать помощи". Жанна ушла къ ближайшему военачальнику возвѣстить, что, по волѣ Царя Небеснаго, она вскорѣ приведетъ короля французскаго въ Реймсъ вѣнчаться. Суровый воинъ прогналъ ее съ презрѣніемъ. Но народъ сложился и снарядилъ свою дѣву въ походъ: на ней были мужскіе штаны, прикрѣпленные шнурками къ черной курткѣ, поверхъ — короткое темносѣрое платьице изъ толстаго сукна, черная шапка, сапоги со шпорами и мечъ. Въ февралѣ 1429 г., постомъ, какъ назначила себѣ Жанна, она поскакала къ дофину, съ шестью спутниками [1]). Царедворцы не пускали Жанну

---

[1]) Наше изображеніе взято съ современнаго событію нѣмецкаго шитья, хранящагося въ Орлеанѣ. Жанна ѣдетъ, въ полномъ вооруженіи. На головѣ у нея красная шапка съ перьями, поверхъ шлема. Въ правой рукѣ—ея знамя: на немъ Богъ съ двумя ангелами, 3 лиліи и надпись: „Іисусъ—Марія". Слѣва Карлъ II, въ ко-

къ Карлу; священство стало испытывать — не колдунья ли? „Въ Божьей книгѣ больше написано, чѣмъ въ вашихъ книгахъ“, отвѣчала героиня и убѣдила всѣхъ, что она — просто крестьянка, вѣрующая въ Бога и въ свое призваніе. Карлъ принялъ Жанну, но спрятался въ толпѣ придворныхъ. Она тотчасъ узнала его и сказала: „Милый дофинъ, отчего не вѣ-

Прибытіе Жанны д'Аркъ къ Карлу VII. 15-го в.

рите мнѣ? Господь сжалился надъ вами и вашимъ королевствомъ: за васъ молятся св. Людовикъ и св. Карлъ Великій“. Народъ требовалъ того же — и Карлъ объявилъ крестьянку главнокомандующимъ арміей.

Жанна остриглась, одѣлась помужски и сшила себѣ знамя, съ бѣлыми лиліями и съ надписью: „Іисусъ-Марія“. Съ нимъ она не разставалась, чтобы не хвататься за мечъ: Господь

ронѣ, выходитъ навстрѣчу Дѣвѣ, на подъемный мостъ замка. Между ними одинъ изъ 4 рыцарей-проводниковъ указываетъ королю на всадницу. Наверху нѣмецкая надпись: „Вотъ ѣдетъ Дѣвственница, посланная Богомъ дофину въ его землю“.

запретилъ ей проливать кровь. Воины становились львами, когда Жанна, въ блестящихъ доспѣхахъ, въ бѣлой накидкѣ съ длинными складками, носилась, на горячемъ конѣ, впереди всѣхъ при нападеніи, позади всѣхъ — при отступленіи. „Посмотрѣть ли на нее, послушать ли ее—чисто богиня", шептали грубые воины—и цѣловали ея платье, слѣды ея ногъ, и становились кроткими, набожными, чистыми: они бросили даже привычку сквернословить и подсмѣивались надъ однимъ старымъ рубакой, который выпросилъ у Жанны позволеніе клясться хоть палкой. Сама героиня оставалась простушкой: она зарыдала при видѣ первой крови, испугалась своей первой раны, со слезами опровергала клеветы англичанъ насчетъ ея цѣломудрія. Но предводительница была непоколебима: она по цѣлымъ днямъ не сходила съ коня, спала въ кольчугѣ, ходила за ранеными, водила воиновъ въ церковь, трезво смотрѣла на вещи, внушала Карлу управлять, какъ Людовикъ св.,—щадить народъ. Когда лѣзли къ ней съ просьбами совершить чудо или благословить крестикъ, либо четки, она говорила: „сами благословите; ваше благословеніе не хуже моего".

Французы ободрились; и у нихъ явился талантливый вождь, юный графъ Дюнуа,—отважный, великодушный, неутомимый полководецъ, благоговѣвшій предъ Жанной. Англичане же пали духомъ: они были увѣрены, что врагами предводительствуетъ колдунья. Филиппъ Добрый разсорился съ Бедфордомъ—и подъ Орлеаномъ осталась горсть голодныхъ англичанъ, покинутыхъ бургундцами. Тутъ явилась Жанна съ своимъ отрядомъ: передъ нею шло духовенство съ пѣніемъ и иконами, а пажъ несъ ея знамя—съ богомъ, ангелами и лиліями. Крестьянка заставила строптивыхъ и трусливыхъ генераловъ повиноваться себѣ. Она первая приставила лѣстницу къ окопамъ англичанъ и пала, раненая въ плечо; но тѣмъ яростнѣе бросились воины мстить за свою Орлеанскую Дѣву—и непріятель бѣжалъ, объятый ужасомъ, бросивши лагерь и пушки (1329).

Дофинъ съ трепетомъ ожидалъ, подъ Туромъ, вѣстей изъ Орлеана. Побѣдоносная Дѣва явилась къ нему съ поздравленіемъ. Онъ поцѣловалъ ее; но не зналъ, что̀ дѣлать дальше: думали пообождать, поразмыслить и проводили время „въ доброй ѣдѣ". Но Дѣва сказала: „меня не хватитъ больше, чѣмъ на годъ"—и повела Карла въ Реймсъ. Онъ все время дрожалъ и упирался, подъ вліяніемъ царедворцевъ. „Что вы сомнѣваетесь?" наивно ободряла его Дѣва и скакала впередъ.

Города, по дорогѣ, сдавались ей почти безъ сопротивленія. Высокомѣрный вождь англичанъ, Тальботъ, воскликнулъ, въ отчаяніи: „ничего не подѣлаешь!“ и былъ плѣненъ героиней. Въ Реймсѣ произошло вѣнчаніе Карла VII. Во время обряда, великая крестьянка осѣняла короля своимъ знаменемъ, затѣмъ бросилась передъ нимъ на колѣна и сказала со слезами: „Милый король! Исполнилось желаніе Бога: вы пришли въ Реймсъ принять свое достойное вѣнчаніе, чтобы показать, что вы—истинный король“. Дѣва радовалась, какъ дитя: плакала, любовалась короной, цѣловала ноги помазаннику. Ее сдѣлали дворянкой; ей пожаловали гербъ, царскій дворецъ. По всей Европѣ заговорили о „французской Сивиллѣ“. Въ монастыряхъ пѣли гимны въ честь ея; молились на ея портреты; закидывали ее письмами; и государи спрашивали у нея совѣтовъ. А Дѣва оставалась прежнею простушкой, кроткою, свѣтлою крестьянкой, набожной и все пекущеюся о бѣдныхъ и униженныхъ.

Дѣло было сдѣлано: Дѣва уставала. Она твердила: „Хотѣлось бы мнѣ, чтобы Богу, Творцу моему, благоугодно было отпустить меня теперь домой послужить отцу съ матерью, пасти ихъ овецъ, вмѣстѣ съ сестрицею и братцами, которые такъ-то обрадуются мнѣ!“ Ее не пускали, но не давали ей ходу. Карлъ съ царедворцами завидовали своей спасительницѣ и боялись ея. какъ народной силы; церковь негодовала, что это—не ея чудо. Дѣва чуяла недоброе своею простой душой. „Ничего не страшусь, кромѣ измѣны“, говорила она—и начала смущаться: „голоса“ уже не такъ ясно слышались ей; нето говорили, что быть ей въ плѣну. Король снова скрылся за Луару, а Бедфордъ успѣлъ укрѣпиться въ Парижѣ. Истомленная бездѣйствіемъ, Жанна двинулась къ столицѣ на свой страхъ, съ ничтожнымъ отрядомъ, но была отбита и ранена. Она бросилась на сѣверъ, противъ главныхъ силъ врага; но потерпѣла новую неудачу и, прикрывая отступленіе своего отряда, попала въ плѣнъ къ бургундцамъ. Она хотѣла бѣжать, бросилась изъ окна темницы; но только расшиблась. Филиппъ Добрый продалъ Дѣву, за чистыя денежки, англичанамъ, которые привезли ее въ Руанъ, въ желѣзной клѣткѣ.

Начались пяти-мѣсячныя страданія Дѣвы. Ее всячески мучили въ темницѣ: ее сковывали по шеѣ, рукамъ и ногамъ; палачъ приносилъ орудія пытки и объяснялъ ихъ ей; злые „трепальщики“ (тюремщики) не отходили отъ нея ни днемъ, ни ночью, не щадя ея дѣвичьяго стыда; а слѣдователи удосто-

вѣрялись въ ея цѣломудріи. Наконецъ, нарядили церковный судъ изъ наемныхъ парижскихъ профессоровъ и французскаго клира, подъ предсѣдательствомъ епископа Кошона, которому посулили архіепископство, и при содѣйствіи инквизиціи. Судьи искажали показанія Жанны въ протоколѣ, сбивали ее схоластическою казуистикой, застращивали криками, осыпали оскорбленіями, не давали отвѣчать: она просила, чтобы, по крайней мѣрѣ, не всѣ разомъ закидывали ее вопросами. Но умны и правдивы были отвѣты праведницы. „Думаете ли вы, что душа ваша спасена?" — „Если да, то молю Бога не погубить ее; если нѣтъ — молю спасти ее". — „Ненавидитъ ли Богъ англичанъ?" — „Не знаю; но вѣрно то, что всѣхъ ихъ выпроводятъ изъ Франціи, кромѣ тѣхъ, которые погибнутъ въ ней". — „Хорошо ли сдѣлалъ вашъ король, что убилъ герцога бургундскаго?" — „Это было большимъ вредомъ для Франціи; но что̀ бы ни было между ними, Богъ послалъ меня на помощь королю Франціи". Жанна ограничивалась только смутными и ироническими отвѣтами, когда затрогивали святыню ея души — „голоса", причемъ спрашивали: „являлся ли ей св. Михаилъ совсѣмъ голый?" Невинная дѣвушка вовсе не отвѣчала на настойчивые вопросы о мужскомъ платьѣ, которое спасало ее отъ наглости воиновъ; но она сняла его, когда судьи объяснили ей, что это—великая ересь.

Жанну обвинили въ сообщничествѣ съ дьяволомъ и въ ношеніи мужского платья; и обѣщаніемъ легкаго наказанія вынудили у нея признаніе справедливости приговора. Англичане разозлились на Кошона за мягкость рѣшенія; но онъ сказалъ: „успокойтесь, она не уйдетъ отъ насъ". Вскорѣ двукратнымъ покушеніемъ на ея дѣвственность заставили Жанну снова надѣть подсунутое мужское платье—и неисправимая еретичка была приговорена къ сожженію. Возмущенная наглымъ обманомъ, Жанна пріобрѣла прежнюю твердость: „такъ скорѣе же умру, чѣмъ откажусь отъ того, что̀ сдѣлала по приказу моего Господа!" воскликнула она. Ее спросили: „подчиняетесь ли суду воинствующей церкви?" Она отвѣчала: „Богъ и торжествующая на небесахъ церковь послали меня; этой церкви я подчиняюсь". Голоса все еще говорили Жаннѣ: „случится движеніе—и великая побѣда освободитъ тебя". Но когда объявили ей день казни; она рыдала, рвала на себѣ волосы, восклицая: „Неужели же мое чистое, невинное тѣло превратится въ пепелъ? О, лучше бы вы семь разъ сняли голову, чѣмъ жечь!"

Рыдала жертва и на печальной колесницѣ: „Руанъ, Руанъ! Неужели мнѣ здѣсь умереть?“ Костеръ поражалъ своими чудовищными размѣрами. Долго тянулась церемонія, съ укоризненными проповѣдями владыкъ и обвинительными рѣчами юристовъ. Жанна все что-то думала, потомъ вдругъ пала на колѣни и, сама прощая всѣхъ, просила: „Помолитесь обо мнѣ“. Все это было такъ просто, задушевно, что дрогнула 10-тысячная толпа, прослезились англичане, зарыдалъ Кошонъ. Жанна попросила крестъ и судорожно спрятала его подъ платье, крѣпко прижимая къ тѣлу. Вдругъ заворчали солдаты. „Эй вы, попы! Обѣдать мы будемъ здѣсь, что ли?“ крикнули офицеры и сами потащили „вѣдьму“ къ палачу. Судьи разбѣжались въ ужасѣ. Орлеанская Дѣва воскликнула, озирая городъ съ громадной высоты: „Ахъ, Руанъ, Руанъ! Боюсь, не пострадать бы тебѣ отъ моей смерти“. Показался огонь. Вопль отчаянія вырвался изъ груди Жанны; но вдругъ она замѣтила, что опасность грозитъ напутствовавшему ее доминиканцу, и стала просить его сойти. „Дурно ли, хорошо ли я сдѣлала,—мой король тутъ ни причемъ; не онъ внушалъ мнѣ“, послышалось сверху. Потомъ раздирающій душу крикъ: „Воды!“ Но вслѣдъ затѣмъ: „Да, отъ Бога были голоса мои; не обманули меня голоса мои“. Это ясно слышалъ доминиканецъ: онъ уже стоялъ внизу, у самаго пламени, и поднималъ Распятіе къ жертвѣ, голова которой упала на грудь, шепча: „Іисусъ!“ Жанна вся превратилась въ пепелъ, который бросили въ Сену: уцѣлѣло только сердце.

Толпа колыхалась отъ рыданій. Молча расходились англичане. Но одинъ изъ нихъ сказалъ товарищамъ, что въ пламени ясно горѣло слово „Іисусъ“; а другой воскликнулъ: „Мы погибли, мы сожгли святую!“ Мученицѣ не было 20-ти лѣтъ. Поколѣніе спустя, французы торжественно „возстановили“ доброе имя Орлеанской Дѣвы, доказавши церковнымъ слѣдствіемъ, что то не была еретица и вѣдьма; а на мѣстѣ казни поставили ея статую; ея родственники получили дворянство, а земляки—свободу отъ податей.

Англичане же дѣйствительно погибали. Вскорѣ умеръ Бедфордъ, напоминавшій Генриха V талантами; а жадный, властолюбивый и развратный Глочестеръ, осужденный парламентомъ за злоупотребленія, былъ найденъ убитымъ въ постели. Передъ смертью, Глочестеръ писалъ Бедфорду, что слѣдовало бы схватить герцога бургундскаго; а Бедфордъ отвѣчалъ, что еще лучше—убить его. Филиппъ Добрый узналъ объ этомъ и примирился

съ Карломъ VII. Тогда же умерла, въ нуждѣ, всѣми презираемая, вѣнценосная старуха, Изабелла. Пылавшій мщеніемъ благородный сподвижникъ Жанны, Дюнуа, отнялъ все у англичанъ, за исключеніемъ Кале; Тальботъ палъ въ несчастной битвѣ. Около 1450 г. Столѣтняя война прекратилась сама собой, безъ мирнаго договора. Но казнь Орлеанской Дѣвы словно легла проклятіемъ на Англію: въ странѣ, истощенной войною и лишенной сильныхъ правителей, разразилась жестокая усобица—война Розъ.

§ 110. **Альбрехтъ I. Генрихъ VII. Лудвигъ Баварецъ.**—Подобно Франціи и Англіи, Германія переживала, въ 14-мъ в., народныя революціи. Съ Габсбурговъ началась серьезная борьба монархизма и мѣщанства съ феодализмомъ, въ лицѣ курфюрстовъ. Но ей мѣшала возрастающая сила Франціи, которая всюду становилась поперекъ дороги нѣмцамъ, а больше всего вредили ей пережитки соперничества между цезаризмомъ и папствомъ: сами короли сбивались на старый путь, тѣмъ болѣе, что около 150 л. вельможи выбирали ничтожныхъ государей, обходя сильныхъ, опасныхъ Габсбурговъ. Ихъ особенно напугалъ Альбрехъ I австрійскій (§ 78). Кривой, съ свирѣпымъ видомъ, алчный, безчеловѣчный, не разбиравшій средствъ, но умный и дѣятельный Альбрехтъ слѣдовалъ политикѣ отца. Опираясь на города и евреевъ, онъ расширялъ свои родовыя владѣнія и жестоко расправлялся съ феодалами: наложилъ даже руку на сильнаго архіепископа майнцскаго, который говорилъ, указывая на свою охотничью сумку—„тутъ еще много королей“. Наконецъ, даже народъ возненавидѣлъ деспота, когда онъ собирался разнести отложившихся отъ него швейцарцевъ. Вельможи составили заговоръ,—и грозный Габсбургъ палъ подъ ножомъ собственнаго племянника, котораго онъ ограбилъ.

Послѣ него Германія снова стала жертвой усобицъ. Ничтожные избранники курфюрстовъ не могли справиться съ феодалами, тѣмъ болѣе, что у нихъ воскресли фантазіи Гогенштауфеновъ. Генрихъ VII, изъ графовъ люксембургскихъ, справедливая, довѣрчивая душа, надежда Данта (§ 98), увлекался рыцарствомъ; воспитанникъ парижскаго и римскаго дворовъ, онъ не понималъ нуждъ Германіи и мечталъ о водвореніи спокойствія въ Европѣ посредствомъ міродержавія. Ктому же Дантъ призывалъ его спасти „запущенный садъ своего царства“, а хитрый тиранъ Висконти, изгнанный изъ Милана, соблазнялъ его мнимою силой гибеллиновъ въ Италіи. Генрихъ добился жалкаго импера-

торскаго вѣнчанія въ Римѣ: подлѣ него была всего горсть искателей приключеній. Онъ умеръ въ Италіи, почти всѣми покинутый; и нѣмцы думали, что одинъ доминиканецъ отравилъ его причастіемъ. А въ Германіи, утратившей тогда Ліонъ, кипѣли усобицы между Габсбургами, Люксембургцами и баварскими Виттельсбахами. Юному сыну Генриха VII, Іоанну, выбранному въ короли Богеміи (§ 104), не удалось наслѣдовать отцу: курфюрсты поставили разомъ двухъ королей въ Германіи—сына Альбрехта I, Фридриха Красиваго, и Лудвига Баварца.

Лудвигъ Баварецъ, въ облаченіи. Съ гробницы въ Мюнхенѣ. 14-го в.

Богатый, изящный, великодушный рыцарь, Фридрихъ былъ любимцемъ феодаловъ; бѣдный, простой Лудвигъ дружилъ съ городами, въ особенности же съ ремесленниками. Ок. 10 л. длилось мелкое междоусобіе. Наконецъ, Фридрихъ призвалъ кумановъ, а Лудвигъ—чеховъ, и борьба завершилась жестокою битвой, въ которой Габсбургъ потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ къ Баварцу. Филипъ Красивый сначала до того мучился въ заключеніи, что его роскошные кудри посѣдѣли, а его жена ослѣпла отъ слезъ. Но потомъ онъ такъ подружился съ соперникомъ, что до самой смерти жилъ у него и раздѣлялъ его труды. Недалекій, жадный, а главное, трусливый и подверженный разнороднымъ вліяніямъ, Лудвигъ сомнѣвался въ себѣ, мѣнялъ средства и воображалъ, что можно угодить всѣмъ, идя даже на униженія. Человѣкъ религіозный, онъ особенно боялся оскорбить св. отца; а время требовало рѣшительной борьбы съ куріей. Пользуясь смутами въ Германіи, жадный папа Іоаннъ XXII задумалъ овладѣть Ломбардіей, съ помощью своихъ „намѣстниковъ“, неаполитанскихъ Анжуйцевъ; его господинъ, французскій король, надѣялся, при этомъ, получить нѣмецкую корону. Лудвигъ счелъ долгомъ защищать Ломбардію, которая номинально все еще причислялась къ римской имперіи, и прогналъ Анжуйцевъ, а затѣмъ короновался въ Римѣ, какъ императоръ, но столь же жалко, какъ Генрихъ VII: вскорѣ онъ возвратился безъ гроша, съ горстью оборванцевъ. А Іоаннъ XXII наложилъ интердиктъ на Германію и отлучилъ

Лудвига, объявивши, что курфюрстскіе выборы должны быть утверждаемы папой. „Богъ, говорилъ онъ, даровалъ намъ верховную власть на землѣ также, какъ и на небѣ; и въ междуцарствіе всѣ права императора переходятъ къ церкви.“ „Разрушить имперію, отвѣчалъ баварецъ, значитъ внести смуту въ самую церковь, т.-е. посѣвать раздоры и ересь“.

Запоздалый идеалъ Иннокентія III вызвалъ въ Германіи такую же бурю, какъ въ Англіи (§ 107). Дворъ Лудвига сталъ очагомъ свѣтской оппозиціи, во главѣ которой находились минориты (§ 89), негодовавшіе на богатства церкви: здѣсь работали такіе свободные умы, какъ Оккамъ, и ихъ поддерживалъ Дантъ; отсюда выходили необычайно смѣлые, страстные ученые памфлеты, идея которыхъ—подчиненіе папъ собору. То же проповѣдывалось съ каѳедръ и на исповѣди. Патріотическій трепетъ пробѣжалъ по слабому государственному тѣлу Германіи. Клиръ отмѣнилъ интердиктъ и задумывался о нѣмецкомъ патріархатѣ; Іоанна XXII низложили, какъ „нечестивца, алчнаго еретика и государственнаго измѣнника“. На первомъ съѣздѣ курфюрстовъ въ Рензе (1338) было объявлено, что выборы „короля“ не нуждаются въ папскомъ утвержденіи; а имперскій сеймъ, гдѣ было много городскихъ депутатовъ, добавилъ, что король самъ собою становится и „императоромъ“. Былъ заключенъ союзъ съ Эдуардомъ III противъ Франціи. Но Лудвигъ тайно переговаривался съ Филиппомъ VI и съ папой, умоляя ихъ о снятіи отлученія; въ то же время онъ прибиралъ къ рукамъ земли нѣмецкихъ феодаловъ. Этимъ воспользовался его главный соперникъ, тесть Филиппа VI и другъ папы, слѣпецъ Іоаннъ богемскій. Онъ разжегъ негодованіе нѣмцевъ противъ Лудвига за его унизительное поведеніе—и императоръ былъ низложенъ. Королемъ Германіи былъ выбранъ сынъ Іоанна, Карлъ IV богемскій или люксембургскій (1346). Баварецъ тогда же умеръ скоропостижно.

§ 111. **Карлъ IV. Чехи и поляки.**—Кромѣ борьбы съ папствомъ, при Лудвигѣ выдвинулись два великихъ вопроса: подготовлялись революціи мѣщанская и чешская. Дальнѣйшія событія нѣмецкой исторіи связаны съ судьбой западныхъ славянъ. Здѣсь, какъ и на всемъ Западѣ, съ конца 13-го в. началось новое направленіе: затихали удѣльныя усобицы, открывалась борьба монархизма и низшихъ классовъ съ феодалами и клиромъ. Въ Польшѣ началось „Возрожденіе“ (odrodzenie) при умномъ, стойкомъ Владиславѣ, котораго прозвали Локот-

комъ за малый ростъ, а также собирателемъ польской земли. При немъ и при его сынѣ, Казимірѣ III Великомъ, страна объединилась, возвратила себѣ королевскій титулъ, освободилась отъ папскаго ига и пріобрѣла Червонную Русь. Коренастый, большеголовый, съ блестящими глазами, Казиміръ отличался проницательностью, настойчивостью, но и умѣренностью; воспитавшись у Анжуйцевъ въ Венгріи (§ 83), онъ полюбилъ французскую цивилизацію. Казиміръ утверждалъ монархизмъ умными преобразованіями, стѣснявшими власть пановъ и клира: онъ до того заботился о крестьянахъ, что его прозвали „королемъ хлоповъ". Онъ принималъ евреевъ и дорожилъ нѣмцами, приносившими западную культуру. Польша становилась средоточіемъ торговли, промысловъ и просвѣщенія на рубежѣ между Востокомъ и Западомъ: завелся даже собственный университетъ въ Краковѣ (1364). Но Казиміръ не могъ уничтожить пановъ, которые даже заимствовали тогда гербы и титулы у нѣмецкихъ феодаловъ. А по смерти его (1370), они стали еще сильнѣе, такъ какъ родъ Пястовъ прекратился, а призванный изъ Венгріи Людовикъ получилъ корону по договору, расширявшему права пановъ (Pacta Conventa). Людовикъ же, умирая, далъ политическія права и шляхтѣ, за признаніе королевой его дочери, Ядвиги.

Тѣснимые литовцами, которые основали сильное великое княжество (Р. И. §§ 78, 79) и отняли у русскихъ юго-западную Русь, поляки выдали Ядвигу за ихъ князя, Ягелла, которому не подъ силу было бороться одному съ Москвой и Тевтонскимъ Орденомъ. Ягеллоны соединяли оба государства около 200 л. (1386 — 1572). Вмѣстѣ съ католичествомъ, въ Литвѣ утверждалась западная культура, вытѣсняя русско-византійскую. Литовцы стали упорно бороться съ русскими и татарами. Но, прежде всего, они и поляки разсчитались съ нѣмцами, которые тѣснили славянъ уже два вѣка; къ нимъ пришли на помощь и чешскіе добровольцы, съ героемъ Жижкой во главѣ. Подъ Кёнигсбергомъ, между деревнями Грюнвальдомъ и Танненбергомъ (1410), разразилось жестокое испытаніе между двумя племенами и двумя военными строями, какъ при Креси (§ 104): тевтонцы, отжившіе свой вѣкъ, подобно храмовникамъ (§ 102), представляли собой рыцарство, славяне и литовцы—новое войско. Тевтонцы были уничтожены; по Торунскому миру, западная Пруссія и Померанія, т.-е. устья Вислы и Нѣмана, отошли къ Польшѣ; великій магистръ Ордена сталъ

ея вассаломъ, какъ владѣлецъ Восточной Пруссіи. Тогда же Ягеллоны воцарились въ Богеміи и Венгріи—и Польша простиралась отъ Балтики до Чернаго м. и отъ Днѣпра до Дуная. Поляки даже защищали венгерцевъ отъ турокъ: ихъ Владиславъ палъ героемъ подъ Варной. Но слабы были внутреннія связи огромнаго государства: Южная Русь и Литва стремились къ самостоятельности; аристократія усиливалась, въ особенности шляхта, изъ которой составлялось ополченіе, за недостаткомъ постояннаго войска. Нешавскій статутъ (1454), который называютъ польскою Великою Хартіей, утвердилъ конституцію, но дворянскую: верховная власть перешла къ сейму, гдѣ рѣшалъ дѣло не столько сенатъ (паны и епископы), сколько посольская изба (шляхта). Сеймъ избиралъ и королей: Польша стала, по формѣ, ограниченною монархіей, по существу — Рѣчью Посполитой (республикой). Но горожане исключались изъ управленія, а крестьяне были закрѣпощены. Панская олигархія смѣнилась шляхетскою анархіей.

Чехи раньше поляковъ стали оправляться отъ усобицъ: пользуясь смутами въ Германіи, они уже прославились при Оттокарѣ II (§ 78). Но вслѣдъ затѣмъ вымерли Премыславичи— и чехи выбрали Іоанна люксембургскаго (§ 110). То былъ типъ отживающей эпохи. Французъ по рожденію и склонностямъ. странствующій рыцарь по призванію, Іоаннъ наполнялъ міръ своимъ именемъ, благодаря своимъ приключеніямъ. Отчаянный боецъ сраженій и турнировъ, любитель пировъ, торжествъ и развлеченій, для которыхъ онъ сыпалъ деньги пригоршнями, покорный противорѣчивымъ вліяніямъ, богемскій король хватался на мгновеніе за сотни плановъ, и болѣе 20 л. не видалъ своего королевства. Онъ ратоборствовалъ въ Люксембургѣ и Италіи, въ Польшѣ и Венгріи, у пруссовъ и австрійцевъ, но больше веселился и пускалъ пыль въ глаза государямъ и вельможамъ въ Парижѣ и Авиньонѣ, пока не ослѣпъ и не палъ въ бою не за свое дѣло (§ 104): тогда говорили, что ничто не обойдется безъ Бога и короля Іоанна. Но это былъ, въ то же время, безпокойный интриганъ, лукавый дипломатъ, не стѣснявшійся средствами: въ погонѣ за добычей, онъ игралъ браками своихъ дѣтей, портилъ монету, отбиралъ имущество у подданыхъ, дѣлалъ безумные займы, перезаложилъ всѣ государственныя сокровища. Ему удалось округлить Богемію присоединеніемъ баварскаго Эгера, Лузаціи, Силезіи и Моравіи. Но онъ оставилъ ее въ развалинахъ: не было ни судовъ, ни полиціи; бароны

тиранствовали, какъ султаны; посланники грабили жителей; торговля застыла; крестьяне голодали; и преемнику слѣпца пришлось жить простымъ мѣщаниномъ въ городѣ. Богемія стала частью Нѣмецкой имперіи; и въ ней глухо подготовлялся переворотъ. Самое просвѣщеніе Запада развивало національное сознаніе у чеховъ, а между тѣмъ ихъ народность подверглась небывалому угнетенію со стороны папства и нѣмцевъ: нѣмецкій языкъ сталъ господствовать не только въ казенныхъ бумагахъ, но даже въ литературѣ, въ школахъ и въ частномъ быту высшихъ сословій; подонки нѣмецкой націи захватили лучшія мѣста.

Среди національной вражды вступилъ на престолъ Карлъ IV. Это былъ опытный воинъ, сопровождавшій отца въ его рыцарскихъ похожденіяхъ, и просвѣщенный человѣкъ: онъ воспитался въ Парижѣ, любилъ науки и искусства, былъ другомъ Петрарки, зналъ пять языковъ, юриспруденцію и богословіе, написалъ прекрасную автобіографію. Но больше всего Карлъ славился, какъ политикъ: проницательность, настойчивость, умѣнье считаться съ обстоятельствами, здравый смыслъ, пренебрегавшій приключеніями, преданность къ дѣлу, бережливость и простота жизни давали ему возможность достигать двухъ важныхъ цѣлей—мира въ Германіи и расширенія родовыхъ владѣній. Послѣднее особенно удавалось ему, благодаря ловкимъ денежнымъ и брачнымъ сдѣлкамъ. Но завѣтною цѣлью Карла было поднять чеховъ, среди которыхъ онъ родился и почти постоянно жилъ: при отцѣ онъ лѣтъ 15 былъ маркграфомъ Моравіи и правителемъ Богеміи. Онъ гордился названіемъ чеха, и чешскіе историки прославляли его, а нѣмцы чернили, какъ „отца Богеміи и вотчима Германіи“. Искренно любя свое отечество, Карлъ старался утвердить его независимость. Онъ учредилъ пражское архіепископство, чтобы избавить чеховъ отъ подчиненія майнцскому владыкѣ. Онъ усилилъ королевскую власть, сдѣлавъ ее наслѣдственною, воспретилъ частныя войны и ордаліи, издалъ сводъ чешскаго обычнаго права, съ прибавками изъ римскаго, направленными противъ пановъ, которые льнули къ нѣмцамъ и, вмѣстѣ съ ними, грабили народъ. Онъ заставилъ помѣщиковъ дать личную свободу и землю крестьянамъ и опредѣлить барщины. Онъ строилъ новые города (Карлсбадъ), а въ старыхъ возвышалъ чешскихъ мѣщанъ насчетъ нѣмецкихъ; ввелъ строгіе суды, при которыхъ развивался порядокъ, а съ нимъ торговля и промыслы; покровительствовалъ чешской литературѣ и основалъ въ Прагѣ уни-

верситетъ (1348), котораго еще не было въ Германіи; призывалъ художниковъ изъ Франціи и Италіи.

Карлъ весело поглядывалъ на оплотъ славянства — „Новую Прагу“, приговаривая: „это — мое дѣло“. При его смерти, уже замѣчалось національное сознаніе у чеховъ, которые выдвигались на степень учителей поляковъ, венгерцевъ, самихъ нѣмцевъ: даже паны, которые прежде подражали королямъ въ германофильствѣ, превращались въ патріотовъ славянства. Чешскій языкъ становился однимъ изъ первыхъ, по своей обработкѣ и литературѣ, и Карлъ вводилъ его въ управленіе и въ преподаваніе. На него уже было переведена почти вся Библія. Появилась стихотворная „Далимилова Хроника“, проникнутая гордымъ презрѣніемъ къ нѣмцамъ, и подобныя же сочиненія философа, Ѳомы Щитнаго. Сознаніе славянской народности поддерживалось религіей. Здѣсь католичество не вполнѣ подавило первобытное восточное православіе: чехи помнили его апостольскую простоту, со всенародною исповѣдью и причащеніемъ подъ обоими видами; у нихъ долго сохранялся народный языкъ въ богослуженіи. Мысль о реформѣ церкви должна была привиться здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, особенно въ виду папскихъ іерархов, которые потворствовали нѣмцамъ. Ктому же католическое духовенство отличалось въ Богеміи вопіющими пороками: необычайно богатое, властное и невѣжественное, оно предавалось симоніи и разврату, живя открыто семьями, не признавая свѣтскихъ судовъ, не платя податей, подавляя всячески свободу горожанъ, угнетая своихъ крѣпостныхъ. Оттого нигдѣ мысль о евангельской реформѣ церкви не укоренялась такъ быстро, какъ въ Богеміи, гдѣ за нее схватился особенно горячо пражскій университетъ. Нигдѣ сочиненія Виклифа (§ 107) не встрѣтили такой благодарной почвы: они стали основой лекцій молодыхъ профессоровъ въ Прагѣ, подъ вліяніемъ которыхъ было возстановлено славянское богослуженіе и начались проповѣди на чешскомъ языкѣ. Народомъ овладѣвало нравственное одушевленіе: женщины разставались съ богатыми нарядами, ростовщики отказывались отъ процентовъ, кабаки превращались въ богадѣльни. Уже выступали такіе стойкіе поборники національной церкви, какъ пражскій каноникъ Миличъ, пренебрегшій высокимъ постомъ для народной проповѣди. Его ученикъ, Матвѣй Яновъ, „парижскій магистръ“, перенесъ въ богословіе критическій взглядъ на католичество и требовалъ чаши въ причастіи. Студенты разно-

сили новую мысль до глубины страны. Ихъ дѣлу помогалъ ученикъ Янова, изъ рыцарей, Щитный своими краткими, но ясными и красивыми статейками. Впрочемъ всѣ эти первые поборники нравственно-національной реформы смиренно переносили церковныя эпитеміи за свои новшества. Но уже подросталъ непреклонный великій выразитель національнаго возрожденія, крестьянскій сынъ, Янъ Гусъ.

§ 112. **Карлъ IV. Германія и Италія. Ріенци.**—Труднѣе достигались другія цѣли Карла, связанныя съ Германіей. Ему удавалось только расширеніе родовыхъ владѣній: въ Ска-

Печать Золотой Буллы. Въ архивѣ Франкфурта на Майнѣ. 14-го в. [1]).

соніи, Баваріи, Бранденбургѣ, на Рейнѣ появились „богемскіе острова"—клинья, добытые люксембургскимъ собирателемъ земель. Но неудачна была попытка дать нѣмцамъ всеобщій миръ, извѣстная подъ именемъ Золотой Буллы (къ ней была привѣшена золотая печать). Правда, опредѣляя права семи курфюрстовъ и порядокъ королевскихъ выборовъ, Булла (1356) придавала Германіи хоть видъ государства и устраняла пагубныя междуцарствія. Но, въ сущности, это—развитіе идеи съѣзда

[1]) На лицевой сторонѣ печати императоръ на тронѣ; по бокамъ гербы римской имперіи и королевства Богеміи. Кругомъ надпись: Karolus quartus divina favente clementia, romanor(um) imperator semp(er) augustus et Boemi(ae) rex. — На оборотной сторонѣ вымышленныя зданія и надпись внизу: Aurea Roma. А кругомъ: Roma caput mundi regit orbis frena rotundi.

въ Рензе (§ 110). Булла установила недѣлимость и наслѣдственность курфюршествъ; она утверждала за курфюрстами королевскія права, не исключая права чеканки монетъ; покушеніе на ихъ жизнь приравнивалось къ покушенію на особу самого императора, „Семь свѣтильниковъ имперіи“, напоминавшихъ Апокалипсисъ, стали независимыми государствами: политика гвельфовъ восторжествовала. Булла превращала Германію въ формальную федерацію (союзъ) курфюрстовъ или владѣтельныхъ князей, связанныхъ съ королемъ лишь ленною присягой. Этимъ актомъ, въ соединеніи съ массой денегъ, Карлъ купилъ избраніе своего сына, Венцеслава, при своей жизни. Но Золотая Булла оскорбила рыцарей и еще больше мѣщанъ, которымъ она запрещала союзы безъ разрѣшенія курфюрстовъ. Она раздражила также папу, устраняя его вліяніе на королевскіе выборы. Здѣсь Карлъ продолжалъ дѣло Лудвига Баварца. Стремленіе подавить притязанія куріи даже увлекло его въ Италію, куда восторженно звалъ его Петрарка. Но Карлъ не удовлетворилъ поэта: его два похода были дѣломъ разсчетливой политики. Карлъ всѣхъ примирялъ за Альпами, со всѣми торговался, получилъ много денегъ и короновался императоромъ въ Римѣ. Итальянцы презирали его; однажды онъ чуть не умеръ съ голоду въ одномъ изъ ихъ дворцовъ.

Въ Италіи господствовало тогда новое настроеніе. О цезаризмѣ и папизмѣ мечтали лишь немногіе поэты; имена гвельфовъ и гибеллиновъ почти исчезли. За Альпами шла уже другая борьба—между республиками и мелкими тиранами, между демократами и аристократами внутри республикъ. Арміи состояли уже не изъ гражданъ, а изъ наемниковъ всѣхъ націй, которыхъ сначала вездѣ называли „англичанами“, такъ какъ Эдуардъ III впервые пользовался ими правильно. По виду, это — бродячія военныя государства, съ своими чинами, союзами и договорами, по нравамъ — шайки разбойниковъ, которые продавали свою жизнь тому, кто больше дастъ, и спѣшили прожить добычу, не имѣя ни отечества, ни семей, ни долголѣтія. Ихъ вожди, кондотьеры, отчаянные рубаки и коварные дипломаты, пробирались въ тираны: таковы были Висконти въ Миланѣ (§ 86), Эсте въ Феррарѣ, Скала въ Веронѣ, Гонзаго въ Мантуѣ, Монте-Фельтре въ Урбино и др. Оттого 14-й и отчасти 15-й вв. —эпоха ужасовъ въ Италіи, съ которыми тщетно соперничала черная смерть. Неувѣренные въ будущемъ, тираны не берегли денегъ; а чести и души у нихъ не было. Успѣхъ былъ ихъ

идоломъ, которому поклонялись и лучшіе итальянцы. Обольщеніе, кинжалъ и ядъ были ихъ дипломатіей. Они смѣялись надъ громами церкви, утопая въ роскоши и порокахъ, особенно въ сладострастіи, которое вызывало ревность и месть. Противъ этихъ звѣрей было одно средство — ихъ взаимное соперничество: братъ истреблялъ брата, сынъ — отца. Но среди ужасовъ этой эпохи блещутъ крупные характеры, республиканскій патріотизмъ, тонкій политическій умъ и заря возрожденія классицизма. Даже тираны свирѣпствовали только противъ своихъ союзниковъ, вельможъ, и не трогали народа: они, напротивъ, развивали торговлю, промыслы и земледѣліе, строили дороги и каналы, не жалѣли средствъ на науки и искусства. Среди нихъ самыми могучими были властители Милана, Висконти, получившіе отъ императора герцогскій титулъ, а по ихъ прекращеніи — Сфорцы или Сильные. Они захватили бы всю Ломбардію, еслибы ихъ не остановили савойцы и венеціанцы. Трезвые, мужественные, бережливые, дружные между собой, графы савойскіе твердо стояли за гибеллиновъ, разбогатѣли, завели много наемниковъ и утвердили свой домъ законами о нераздѣльности земель и о наслѣдствѣ по прямой линіи. Около 1400 г. они получили отъ императора герцогскій титулъ и владѣли отъ Женевы до Ниццы; у нихъ заискивали Франція и Неаполь; они охраняли Ломбардію отъ герцоговъ Висконти.

Но для Висконти еще страшнѣе была Венеція, гдѣ олигархія Десяти (§ 86) упрочилась, послѣ ловко раскрытаго заговора дожа, Марино Фальери, торжественно обезглавленнаго на лѣстницѣ дворца (1355). Венеція оправилась послѣ паденія Латинской имперіи (§ 74): она владѣла индійской торговлей, Далмаціей, половиной Ломбардіи и распоряжалась деспотами Мореи, которыхъ Византія не могла защитить отъ турокъ; ей достался Кипръ, какъ наслѣдіе венеціянки, вдовы послѣдняго Лузиньяна (§ 72). Всюду ненавидѣли Венецію за жадность и тиранство: первая половина 15-го в. ознаменована борьбой съ нею цѣлой лиги изъ сѣверной и средней Италіи, Венгріи и императора. Въ этой войнѣ посѣдѣлъ доблестный патріотъ, Фоскари, который одушевлялъ народъ, собиралъ лучшихъ кондотьеровъ и первый осмѣлился казнить одного изъ нихъ, могучаго Карманьолу, вынудивъ у него пытками признаніе въ измѣнѣ. Олигархи 35 л. удерживали его въ должности дожа, какъ ни просилъ онъ отставки, по усталости. А когда окончилась война, раздвинувшая предѣлы рес-

публики, они оклеветали его и изгнали, а его сына замучили пытками: когда дряхлый старикъ медленно сходилъ по громадной лѣстницѣ дворца, опираясь на палку, толпа роптала, но не посмѣла шевельнуть пальцемъ. Съ конца 14-го в. Венецію сталъ тѣснить, въ левантской торговлѣ, новый врагъ — османліи; но зато петеряла значеніе ея старая соперница, Генуя, истощенная 100-лѣтнею борьбой съ нею да усобицами. Геную не могло спасти отъ анархіи даже учрежденіе должности дожа, которому помогали въ управленіи депутаты отъ цеховъ. Ее окончательно подрывало усиленіе турокъ, арагонцевъ, савойцевъ, въ особенности же флорентійцевъ: генуэзцы уже сами призывали къ себѣ на помощь то французовъ, то страшныхъ Висконти.

Для Флоренціи новая эпоха была счастлива, но она настала не сразу: въ 14-мъ в. долго слышались отголоски борьбы гвельфовъ съ гибеллинами, въ формѣ господства „черныхъ" (§ 86) и ихъ друзей, неаполитанскихъ Анжуйцевъ. Но рядомъ развивалась демократія: даже аристократы стали приписываться къ цехамъ. Наконецъ, она низвергла иго вельможъ и чужеземцевъ посредствомъ жестокой революціи (1378), руководимой знатною фамиліей Медичи. Эта фамилія давно уже стояла за народъ и была изгнана аристократами. На чужбинѣ она предалась финансовымъ оборотамъ—и Джіованни Медичи былъ уже папскимъ банкиромъ, чтò давало ему вліяніе на весь Западъ. Строгій, но справедливый, честный другъ бѣдняковъ, Джіованни былъ любимцемъ народа: онъ ввелъ кадастръ (catastro—оцѣнка имуществъ) и разложилъ подати по достатку, такъ что ему самому пришлось платить больше всѣхъ. Умирая, онъ передалъ свое значеніе сыну, Козимо. Когда возвышалась Флоренція, падали ея враги—Неаполь и Римъ. Въ Неаполѣ прошла пора Анжуйцевъ, которые, благодаря бракамъ, овладѣли-было Венгріей и Польшей. Въ концѣ 14-го в. они вездѣ вымерли. Въ Неаполѣ главнымъ пятномъ на ихъ имени была жизнь ихъ послѣдней отрасли, Іоанны I. Энергичная, краснорѣчивая, ученая и изящная, но бездушная и порочная красавица, она около 40 л. терзала страну своими интригами. Ученица Петрарки, любимица поэтовъ и художниковъ, она ненавидѣла своего грубаго, невѣжественнаго мужа, Андрея венгерскаго—и онъ былъ безчеловѣчно убитъ. Но изъ Венгріи пришелъ мститель, неумолимый братъ Андрея, Людовикъ Великій—и началась кровавая усобица: съ обѣихъ сторонъ дрались знаменитые кондотьеры, и во главѣ ихъ Сфорцы. Іоанна выказала демониче-

скія свойства: она мутила всѣхъ своимъ коварствомъ, убивала, отравляла соперниковъ и соперницъ. Наконецъ, одинъ изъ родственниковъ Людовика задушилъ ее шелковымъ шнуркомъ. Но онъ самъ былъ убитъ, а сынъ его отравленъ—и Неаполь перешелъ къ его дочери, Іоаннѣ II, которая превзошла свою соименницу въ распущенности нравовъ. При ней продолжалась смута, въ которую вмѣшались еще Арагонцы, когда бездѣтная Іоанна завѣщала престолъ ихъ соперникамъ, французскимъ Анжуйцамъ второй отрасли. При такихъ смутахъ, государи Неаполя, эти „викаріи папы", не могли оказывать серьезной помощи намѣстнику Петра. А папы жадно смотрѣли на Италію изъ Авиньона: они мечтали, пользуясь смутами, овладѣть ею и вырваться изъ французскаго плѣна. Но они не имѣли вліянія даже въ своей Отчинѣ.

Въ Римѣ свирѣпствовала безобразная борьба между Колоннами и Орсини: открыто грабили и убивали на улицахъ. По городамъ возникали то республики, то тираніи. Чѣмъ непригляднѣе была современность, тѣмъ сильнѣе лучшіе умы увлекались древнимъ Римомъ. Поэтъ Петрарка горячо воспѣвалъ античныя республики. Его другъ, сынъ трактирщика и прачки, красивый и краснорѣчивый Кола Ріенци, весь отдавался изученію классиковъ, памятниковъ, надписей. Пылкая, искренняя и мечтательная душа, онъ превратился въ античнаго человѣка, переносилъ въ жизнь не только понятія, но даже названія древности, и съ восторженнымъ краснорѣчіемъ объяснялъ толпѣ надписи. Аристократы съ улыбкой прислушивались къ бреднямъ чудака. Но въ его груди кипѣла ненависть къ этимъ эгоистамъ: они же убили его брата среди своихъ уличныхъ безчинствъ. Сначала Кола, подобно Данту и Петраркѣ, мечталъ уничтожить ихъ посредствомъ обновленнаго папства: онъ ѣздилъ въ Авиньонъ; но папа далъ ему только своего легата въ помощники. Кола созвалъ народъ на Авентинъ и потрясъ его картиной величія древняго Рима: провозгласили республику, а Колу назвали „трибуномъ" и „спасителемъ Италіи" (1347). Водворился строгій, но справедливый порядокъ, охраняемый самими гражданами. Кола разослалъ грамоты, призывая патріотовъ на національный соборъ „для освобожденія святой Италіи отъ ига тирановъ". Отовсюду, даже отъ иноземныхъ королей, приходили поздравленія; папа утвердилъ республику; Петрарка одушевленно воспѣвалъ успѣхъ друга. Прибыло 25 депутатовъ отъ итальянскихъ республикъ; на Капитоліи пышно праздновалось

обрученіе депутатовъ кольцами съ Римомъ. Но дѣло ограничилось символическими церемоніями: совѣщаній не было. Самъ Кола, въ дорогихъ рыцарскихъ доспѣхахъ, вѣнчался трибуномъ и потрясалъ мечемъ во всѣ стороны, восклицая: „это—мое!“ Между тѣмъ аростократы, которыхъ выпустили изъ тюрьмы и даже приняли на братскіе пиры, ворчали: „лучше смерть, чѣмъ иго мужика!“ Они пустили въ ходъ интриги и запугали папу радикализмомъ Колы: черезъ 7 мѣсяцевъ трибунъ былъ отлученъ отъ церкви; въ Римъ вторгнулись неаполитанцы. Ріенци бѣжалъ и 2 г. скитался по монастырямъ, въ ущельяхъ Абруццъ. Потомъ онъ пробрался къ императору, предлагая ему завоеваніе Италіи; но тотъ продержалъ его съ годъ въ тюрьмѣ и отправилъ въ Авиньонъ. Папа обрадовался ему, такъ какъ въ Римѣ вельможи буйствовали пуще прежняго и прямо заявляли, что не отдадутъ города св. престолу. Легатъ привезъ Колу въ Римъ съ званіемъ „сенатора“—и возобновилась республика. Но измученный Ріенци сталъ подозрителенъ и жестокъ: пошли казни, тяжкіе налоги. Прибавились козни вельможъ и клеветы завистниковъ—и сама толпа умертвила своего трибуна и развѣяла прахъ его по вѣтру. Но затѣмъ народъ впалъ въ мучительное недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что снова зашевелились аристократы. Вдругъ всѣми овладѣла мысль, что одно спасеніе — возвращеніе папства. Явилась пророчица, предвѣщавшая смерть папѣ, который не внемлетъ гласу народа. Въ Авиньонъ полетѣли просьбы и угрозы; самъ Петрарка и Карлъ IV настаивали на томъ же. Церковная Жанна, св. Екатерина, привела Григорія XI въ Римъ (1377). Но отсюда вытекло новое бѣдствіе — церковный расколъ, который потрясъ католичество въ тѣ самые годы, когда народная революція, обошедши крайній Западъ, вспыхнула въ Германіи. Миротворецъ Карлъ IV видѣлъ, умирая, начало обоихъ переворотовъ.

§ 113. **Мѣщанская революція въ Германіи.**—Въ Германіи революція противъ феодаловъ была исключительно дѣломъ мѣщанъ: это—городская война, воспѣтая въ романсахъ Уланда. Она не могла разгорѣться, пока вниманіе бюргеровъ было поглощено внутреннею борьбой цеховыхъ съ патриціями. Но теперь, когда, съ побѣдой ремесленниковъ, произошло уравненіе правъ въ городахъ, бюргеры рѣшились сбросить съ себя феодальное иго, тѣмъ болѣе, что послѣ Золотой Буллы, которая была мачихой для городовъ (§ 112), князья начали посягать на ихъ независимость. Положеніе городовъ стало невыносимымъ

по смерти Карла IV, который защищалъ ихъ и поддерживалъ земскій миръ. Сынъ его, Венцеславъ, купившій корону новыми уступками феодализму, предоставилъ ихъ самимъ себѣ. Уже давно бюргеры привыкли къ торговымъ союзамъ (§ 78): теперь они взялись за союзы политическіе, съ общею казной и наемниками. Феодализмъ гнѣздился особенно на югѣ-западѣ, и именно въ Швабіи, гдѣ было также много городовъ,—и уже при Лудвигѣ Баварцѣ, этомъ другѣ городовъ (§ 110), возникъ союзъ швабскихъ городовъ. Здѣсь было болѣе 50 богатыхъ имперскихъ городовъ, съ Аугсбургомъ во главѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединились города Баваріи, Франконіи, даже Швейцаріи и сильный союзъ рейнскихъ городовъ. „Неслыхано, чтобы когда-нибудь въ Аугсбургъ стекалась отовсюду такая тьма-тьмущая народу, пѣшаго и коннаго, и все вооруженнаго", говоритъ озадаченный лѣтописецъ. Испуганные фюрсты, съ своей стороны, образовали союзъ. Во главѣ ихъ стоялъ графъ вюртембергскій, Эбергардъ Ворчунъ—типъ падающаго рыцарства: драчунъ, грабитель, обидчикъ и опытный рубака, онъ не давалъ спуску самой церкви и готовъ былъ передушить бюргеровъ поголовно. Цѣлью его жизни было превзойти въ скопидомствѣ своихъ предковъ, которые собрали разбоями много земель и сокровищъ, такъ что давали взаймы даже императорамъ. Достойнымъ сподвижникомъ Ворчуна былъ герцогъ Леопольдъ II австрійскій, дѣятельный и злой деспотъ, который уже почти поработилъ многихъ бюргеровъ, сидѣвшихъ на габсбургскихъ земляхъ въ Швабіи и особенно въ Швейцаріи.

Городская война тянулась около 20 л. съ перемѣннымъ счастьемъ. Ожесточеніе доходило до того, что вырѣзывали плѣнныхъ съ ихъ семьями, засѣвали поля горчицей и сорною травой, истребляли деревья и виноградники. „Тогда—говоритъ очевидецъ—земли шести баварскихъ герцоговъ и ихъ сподручниковъ, вся Швабія, Франконія и Эльзасъ, а также владѣнія другихъ господъ и городовъ, бывшія поприщемъ войны, были такъ опустошены огнемъ и разбоемъ, что погибло и обнищало больше народу, чѣмъ прежде въ нѣсколько вѣковъ". Неопытные въ бою, лишенные вождя, ладу и поддержки императора, бюргеры не могли устоять противъ соединенной силы фюрстовъ и рыцарей. Эбергардъ разбилъ ихъ въ рѣшительномъ сраженіи у Дёффингена (1388). Миръ былъ заключенъ тѣмъ охотнѣе, что у соперниковъ вдругъ возникъ общій страшный врагъ: великіе мастера по части ограбленія бюргеровъ, рыцари надѣялись упич-

тожить ослабленныхъ войною фюрстовъ, которые угнетали ихъ не меньше, чѣмъ горожанъ. У нихъ было много мелкихъ тайныхъ обществъ („Меча, Льва, Звѣзды“ и проч.), которыя слились теперь въ большой союзъ Дубинщиковъ (Schläger): ихъ знаменемъ была серебряная дубинка, въ насмѣшку надъ бюргерами, которые зачастую дрались палками. Ворчунъ уничтожилъ затѣю рыцарства одною битвой, въ которой плѣнилъ трехъ „королей“ Дубинщиковъ. Были запрещены всякіе союзы, какъ рыцарскіе, такъ и городскіе. Но время брало свое: города выиграли, несмотря на пораженіе. У нихъ сохранились мелкіе союзы. Истощенные борьбой феодалы принуждены были признать ихъ независимость: города стали своего рода республиками, получили самоправленіе, самосудъ, самообложеніе податями. Отсюда выходила вся идеальная культура Германіи. Но нѣмецкому мѣщанству недоставало политическаго смысла: въ разгаръ борьбы съ феодалами, между городами господствовали раздоры отъ взаимной зависти, эгоизма, узкости взглядовъ; никто не думалъ объ общихъ интересахъ Германіи. Бюргеры даже измѣнили своимъ вѣрнымъ друзьямъ, швейцарцамъ.

§ 114. **Народная революція въ Швейцаріи.**—Швейцарцы играютъ первостепенную роль въ борьбѣ народа съ феодализмомъ. Когда-то часть Бургундіи (§ 35), Швейцарія давно причислялась къ Нѣмецкой имперіи; но она не видала въ глаза императоровъ: въ сущности это было собраніе отдѣльныхъ мелкихъ земель. Особенно многочисленно было свободное крестьянство, среди котораго сохранялась древняя община (§ 86). Главными феодалами были графы Габсбурги въ трехъ лѣсныхъ (§ 87) или „первобытныхъ“ кантонахъ (Urcantonen); но и ихъ власть была стѣснена льготными грамотами императоровъ, которые, во время борьбы съ папствомъ, даровали жителямъ почти полную независимость. Достигнувъ императорскаго престола, Габсбурги вздумали подавить эту независимость. Но самый сильный и энергичный кантонъ, Швицъ, давшій имя Швейцаріи, устроилъ союзъ съ Ури и Унтервальденомъ для защиты свободы всѣхъ горцевъ. Братъ Фридриха Красиваго (§ 110), гордый и предпріимчивый герцогъ Леопольдъ I австрійскій, съ наслажденіемъ бросился на мужиковъ и пастуховъ, думая, что ему предстоитъ пріятная зимняя прогулка, слѣдствіемъ которой будетъ закрѣпощеніе „мятежниковъ“. Но въ скользкихъ тѣснинахъ Моргартена (1315) на блестящихъ рыцарей посыпался съ утесовъ градъ камней и бревенъ; затѣмъ

выскочили изъ-за скалъ коренастые, легкіе, закаленные въ лишеніяхъ горцы и уложили большую часть враговъ своими дубинками-сѣкирами. Лудвигъ Баварецъ призналъ Швейцарскій Союзъ „непосредственно“ подчиненнымъ имперіи, т.-е. независимымъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Первый подвигъ горцевъ, напомнившій Ѳермопилы, долго воспѣвался массами на Западѣ, ободряя ихъ въ борьбѣ съ феодализмомъ. Лучшее сказаніе связано съ скандинавскимъ преданіемъ (§ 49). Ловкій стрѣлокъ, Вильгельмъ Телль, не поклонился шапкѣ Габсбурга, вывѣшенной намѣстникомъ графа, тираномъ Геслеромъ. Геслеръ велѣлъ гордецу сбить стрѣлой яблоко съ головы собственнаго сына. Телль счастливо исполнилъ приказъ, но поднялъ горцевъ и убилъ Геслера.

Вскорѣ Союзъ обнималъ уже 8 кантоновъ. Основой ему служило рѣдкое единодушіе горцевъ: на материкѣ это былъ единственный примѣръ сліянія мѣщанства съ крестьянствомъ. Швейцарцы отстояли свою свободу отъ посягательствъ со стороны многихъ сильныхъ государствъ. Особенно прославились они во время „городской войны“, когда рыцарство, предводимое доблестнымъ Леопольдомъ II австрійскимъ, хотѣло отомстить за Моргартенъ, а нѣмецкіе бюргеры измѣнили своимъ союзникамъ. Тогда горцы совершили подвиги, также прославленные сказаніями. Народъ толковалъ, будто подъ Земпахомъ (1386) пастухи никакъ не могли прорвать густые ряды закованныхъ въ желѣзо рыцарей. Арнольдъ Винкельридъ крикнулъ своимъ: „я проложу вамъ улицу; позаботьтесь только о моей женѣ и дѣтяхъ!“ и сдѣлалъ проломъ, вонзивъ въ себя нѣсколько копій рыцарей. Вѣрно то, что рыцарство получило небывалое посрамленіе: гордый Леопольдъ погибъ, бросившись со стыда въ массу мужиковъ. Послѣ Земпаха, сильно порѣдѣли ряды нѣмецкаго дворянства—и Габсбурги стали наводнять Швейцарію наемниками. Но горцы одержали еще нѣсколько славныхъ побѣдъ, тѣмъ болѣе, что имъ стала помогать окрѣпшая Франція. Наконецъ, Габсбурги отступились отъ Швейцаріи, передавши свои мнимыя права на нее Новой Бургундіи.

§ 115. **Венцеславъ и Сигизмундъ.**—Создавшая Швейцарію народная революція не принесла пользы Германіи: императоры не поддержали ея—и никогда еще верховная власть не падала у нѣмцевъ такъ низко, какъ при Венцеславѣ. Добрый, мягкій Венцеславъ обладалъ чувствомъ долга и познаніями, которыя отрывали его отъ старины: его Библія

испещрепа зазорными картинками и замѣтками; онъ самъ, его вторая жена, Софья, большинство его министровъ сочувствовали Гусу. Венцеславъ началъ съ подражанія своему достойному отцу. Но онъ былъ черезчуръ впечатлителенъ, болтливъ, перемѣнчивъ, испорченъ придворною средой. Онъ не могъ управлять даже собой. При первыхъ неудачахъ, онъ сталъ пропадать по недѣлямъ на охотѣ и горько пить; отсюда порывы бѣшенства и неспособность къ труду. А пора была великая и тяжелая. Разгорался церковный расколъ. Выступалъ Гусъ противъ тираніи папъ и нѣмцевъ, а чешскіе владыки и паны стремились сравняться съ фюрстами. Начиналъ интриговать коварный братъ короля, Сигизмундъ, которому мало было Бранденбурга и Венгріи. Въ Германіи кипѣла городская война, такъ испугавшая Венцеслава, что онъ чуть не отрекся отъ престола. А въ Богеміи подымалась національная буря противъ папства. Пошли страшныя сцены. Громадные псы, съ которыми король не разставался даже въ спальнѣ, растерзали королеву. Вообразивши, что клиръ, заодно съ панами, злоумышляетъ на его жизнь, Венцеславъ схватилъ достойнаго любимца народа, викарія Іоанна Непомука, пыталъ его и велѣлъ сбросить съ моста въ Молдаву. Правда, чехи простили своему королю, даже стояли за него, когда онъ былъ всѣми покинутъ: они любили его, потому что онъ защищалъ Гуса и чешскую народность, ненавидѣлъ нѣмцевъ, пановъ и владыкъ, покровительствовалъ народу и евреямъ, правилъ съ помощью „кабинета“ изъ мѣщанъ. Но это приводило въ ярость богемскихъ вельможъ. Съ помощью Сигизмунда, они овладѣли королемъ, когда у него усилились припадки пьянства, и таскали его изъ замка въ замокъ, скрываясь отъ народа. Поднялись и курфюрсты, негодовавшіе на Венцеслава за пренебреженіе Германіей, за поддержку городовъ, за продажу надменнымъ Висконти титула миланскихъ герцоговъ. Заговоръ сосредоточился въ Майнцѣ, резиденціи перваго лица въ имперіи. Его душой былъ архіепископъ Іоаннъ, изъ нассаускихъ графовъ, жадный, жестокій интриганъ, „второй Пилатъ“, по выраженію народа, купившій свое мѣсто въ Римѣ. Онъ мастерски подстроилъ низложеніе Венцеслава, затѣмъ умертвилъ одного герцога-соперника и короновалъ одного изъ ничтожныхъ Виттельсбаховъ. 10 л. правилъ Германій коварный владыка именемъ своего орудія.

По смерти Виттельсбаха, когда курфюрсты выбрали Си-

гизмунда (1410), Пилатъ поставилъ-было свою новую креатуру; и такъ какъ Венцеславъ, уцѣлѣвшій на своемъ богемскомъ престолѣ, не уступалъ своихъ правъ, то въ Германіи оказалось разомъ три короля. Наконецъ, Іоаннъ призналъ Сигизмунда, выторговавъ у него небывалыя привилегіи. Наряду съ майнцскимъ владыкой выдвинулся Фридрихъ I бранденбургскій изъ Гогенцоллерновъ. Графы Гогенцоллерны (ихъ родовой замокъ, Гогенцоллернъ, находился недалеко отъ замка Габсбурга) давно распространяли свои владѣнія въ Швабіи и Франконіи частью браками, а больше скопидомствомъ, трезвостью да угодничествомъ императорамъ, которые наградили ихъ бургграфствомъ нюрнбергскимъ. Продавая бюргерамъ Нюрнберга свои права, они стали самыми богатыми фюрстами. Желая поправить дѣла, разстроенныя въ борьбѣ съ городами, Фридрихъ Гогенцоллернъ поступилъ на службу къ Сигизмунду, въ Венгрію, и сталъ его правой рукой. Храбрый, дѣльный, преданный слуга, онъ спасалъ Сигизмунда въ битвахъ съ турками, удерживалъ его отъ горячности и промаховъ въ политикѣ, твердо стремился къ реформѣ церкви и имперіи. Онъ помогъ Іоанну низложить Венцеслава и поставить Сигизмунда, который продалъ ему курфюршество Бранденбургъ (1415) и сдѣлалъ его намѣстникомъ Германіи. Фридрихъ съ трудомъ поддерживалъ верховную власть, которая обязана своимъ паденіемъ Сигизмунду еще больше, чѣмъ его брату. Сигизмундъ считалъ себя чуть не Карломъ Великимъ, такъ какъ одно время владѣлъ нѣсколькими коронами (Германія, Венгрія, Богемія, Бранденбургъ, Австрія) и былъ поставленъ въ центрѣ міровыхъ вопросовъ. Эта „широкая душа", какъ называлъ его Эней Сильвій, питала кучу вздорныхъ желаній. Сигизмундъ презиралъ народъ и усиливался разыграть роль средневѣковаго императора. Красивый рыцарь, увлекавшійся куртуазіей, дамами и искусствами, Сигизмундъ сыпалъ деньгами передъ вельможами, устраивалъ пышные турниры и походы въ Италію, смущалъ Европу фантазіей возстановленія покорнаго ему папства. Достойный соперникъ Іоанна майнцскаго въ пронырствѣ, онъ всю жизнь изворачивался, какъ змѣя, жертвуя своимъ честнымъ словомъ и жизнью друзей. Вѣчно нуждаясь въ средствахъ, онъ угнеталъ ненавистный ему народъ тяжкими налогами, не стыдился занимать, продавать имперскія званія и права, закладывать коронные алмазы. Ради минутнаго успѣха, онъ воевалъ съ братомъ, согласился на сожженіе Гуса, обманы-

валъ своего вѣрнаго Гогенцоллерна. Сигизмундъ пожалъ, что̀ посѣялъ: венгерцы держали его въ плѣну: чехи отстояли Венцеслава, а по его смерти возстали побѣдоносно; въ міровыхъ вопросахъ онъ снискалъ всеобщее негодованіе и позоръ. Эти вопросы прежде всего поглотили его вниманіе.

§ 116. **Расколъ. Констанцскій соборъ.**—Когда въ Германіи было три короля разомъ, явилось и трое папъ. Этотъ скандалъ католичества, длившійся 40 л. (1378—1418), названъ великимъ расколомъ (schisma). Онъ произошелъ оттого, что, по возвращеніи Григорія XI въ Римъ (§ 112), часть кардиналовъ осталась въ Авиньонѣ и избрала своего папу. Чуть не полвѣка было по два папы, которые проклинали другъ друга и дрались между собой, съ помощью наемниковъ, на почвѣ Италіи. Авиньонскаго папу признавали Неаполь, Испанія, Франція и Шотландія, римскаго—остальныя страны. Умы волновались—и начала укореняться мысль о реформѣ падшей церкви. Она возникла въ средѣ даровитыхъ парижскихъ богослововъ. То были канцлеры университета, кардиналъ д'Альи и его ученикъ, Жерсонъ (§ 106)—трезвые, мужественные и честные ученые, говорившіе правду въ глаза всѣмъ. Они спрашивали, что̀ дѣлать—и получили 10.000 противорѣчивыхъ отвѣтовъ; они собирали французское духовенство; но ничего не выходило. Тогда эти столпы церкви, противники ересей, Виклифа и Гуса, вдругъ выступили противъ схоластики и выработали программу церковной реформы: Библія—единственный источникъ христіанства, соборъ выше папы. Душой этой партіи былъ Жерсонъ, извѣстный церковный писатель и проповѣдникъ. Онъ неутомимо развивалъ новую идею въ рядѣ горячихъ памфлетовъ, добиваясь собора для устраненія церковнаго скандала. Въ Пизѣ состоялся первый, хотя и неполный, великій соборъ (1409). Онъ низложилъ обоихъ папъ и выбралъ ловкаго, коварнаго, властительнаго Іоанна XXIII. Но прежніе папы не послушались—и стало три папы, которыхъ называли св. Троицей. А новый папа оказался совсѣмъ недостойнымъ: знатный неаполитанецъ, корсаръ въ юности, жадный и воинственный, Іоаннъ обвинялся не только въ безбожной симоніи, но даже въ отравленіи своихъ соперниковъ. Сигизмунда осаждали требованіями новаго собора. Но онъ созвалъ его, въ Констанцѣ (1414), лишь вслѣдствіе гуситскаго движенія, съ которымъ не могъ справиться: онъ призвалъ Гуса на соборъ, ручаясь ему въ безопасности. У Іоанна вынудили согласіе: „Вотъ западня для лисицъ“! воскликнулъ

онъ, блѣднѣя, когда съ гребня горъ завидѣлъ Констанцское озеро. Впрочемъ папа не терялъ надежды: онъ везъ много денегъ и уже подкупилъ Іоанна майнцскаго и герцога Фридриха австрійскаго, на землѣ котораго стоялъ Констанцъ; на его сторонѣ были итальянскіе прелаты, т.-е. большинство на соборѣ.

Констанцскій соборъ былъ великимъ законодателемъ католичества, но также великимъ позоромъ Запада. Здѣсь собрались столпы іерархіи и цезаризма, а также свѣтила богословія, юриспруденціи, даже классицизма — папа, король Германіи, курфюрсты, депутаты нѣмецкихъ городовъ и всѣхъ государей Запада, 3 патріарха, 29 кардиналовъ, 33 архіепископа, 150 епископовъ, 100 аббатовъ, до 300 докторовъ, въ томъ числѣ д'Альи и Жерсонъ. За ними прикочевала масса дворни, рыцарей, зѣвакъ, комедіантовъ, женщинъ—всего болѣе 100.000. Вельможи соперничали между собой въ роскоши. Но всѣхъ превзошелъ майнцскій владыка: его пышность „показалась всѣмъ господамъ непристойною", замѣчаетъ очевидецъ. Задачи собора были ясны: уничтоженіе раскола (causa unionis), искорененіе ересей (c. fidei) и реформація церкви въ главѣ и членахъ (c. reformationis ecclesiae in capite et in membris). Сначала папѣ удалось замять свое дѣло, ловко выставивши впередъ ереси. Но когда покончили съ Гусомъ, партія реформы выдвинула свѣтскость и демократизмъ: въ дѣлѣ раскола дали голосъ государямъ, въ дѣлахъ вѣры—низшему духовенству, которое, по словамъ одного соборянина, больше смыслило въ нихъ, чѣмъ „вѣнчанные ослы", т.-е. епископы. А чтобы разрушить преобладаніе итальянцевъ, положили голосовать не лично, а по націямъ. Затѣмъ принудили Іоанна XXIII къ отреченію угрозой разслѣдовать его прошлое. Но онъ бѣжалъ, переодѣтый конюхомъ, въ суматохѣ турнира; а за нимъ ускользнули Фридрихъ австрійскій, майнцскій владыка и итальянцы. Тогда душа собора, упорный Жерсонъ, провелъ знаменитое постановленіе о томъ, что соборъ выше папы, такъ какъ его власть—прямо отъ Христа. Іоаннъ XXIII былъ низложенъ вмѣстѣ съ остальными папами, а Сигизмунда заставили ополчиться противъ Фридриха. Іоанна изловили и заточили въ тотъ самый замокъ, гдѣ онъ держалъ Гуса; онъ смирился и умеръ епископомъ въ Италіи. Фридрихъ былъ побитъ, заточенъ и лишенъ всего: его прозвали Пустымъ Кошелемъ.

„Смотрите, что можетъ дѣлать нѣмецкій король"! воскликнулъ Сигизмундъ и вообразилъ себя главой Запада: онъ пом-

чался въ Парижъ, Англію и Испанію на свиданіе съ королями, мечталъ прекратить англо-французскую войну и возвратить Бургундію имперіи, даровалъ герцогскій титулъ Савойѣ. Но вскорѣ онъ возвратился, словно выгнанный, ничего не сдѣлавъ и истратившись до послѣдняго гроша. А соборъ, поджидая его, мельчалъ: націи ссорились изъ-за мѣстъ. Возстали гуситы. Фридрихъ сбѣжалъ въ преданный ему Тироль, а Іоаннъ майнцскій строилъ новыя козни. На соборѣ даже французы отступились отъ своего горячаго требованія реформаціи до папскихъ выборовъ. Сигизмундъ величаво покинулъ собраніе и заперъ церковь и епископскій дворецъ, гдѣ происходили засѣданія; но противники совѣщались на паперти и на крыльцѣ. Наконецъ, они употребили средство, которымъ заставили его выдать Гуса— пригрозили ему уличеніемъ въ еретичествѣ. Сигизмундъ тотчасъ же согласился на избраніе папы и даже возвратилъ все Габсбургу. Три дня препирались соборяне; а на площади толпы на колѣняхъ молились о ниспосланіи имъ единодушія. Не описать радости народа, когда, наконецъ, новый папа, Мартинъ V, предсталъ на бѣломъ иноходцѣ, котораго вели Сигизмундъ съ Гогенцоллерномъ. О реформаціи уже не было рѣчи: папа заключилъ съ націями отдѣльные конкордаты, приносившіе имъ мало выгодъ. Такъ жалки были слѣдствія великаго собора, который длился около 5 л. Заглохла и другая реформа: лишь вначалѣ нѣмцы поговаривали о преобразованіи имперіи въ смыслѣ усиленія монархизма. Творческія идеи французовъ разбились о всеобщій эгоизмъ да о бездарность Сигизмунда, который теперь передалъ управленіе Германіей Гогенцоллерну, а самъ поскакалъ въ Богемію, гдѣ уже вспыхнула революція.

§ 117. **Іоаннъ Гусъ.** — Чешскій вопросъ, который подготовлялся съ конца прошлаго періода (§ 78), развился въ 14-мъ вѣкѣ, когда чехи, благодаря Люксембургцамъ, стали культурною націей и достигли сознанія своей славянской народности (§ 111). При такой подготовкѣ, могла явиться одна изъ величайшихъ личностей въ исторіи—Іоаннъ Гусъ, сынъ крестьянина мѣстечка Гусинецъ. Замѣчательный ученый и писатель, установившій литературный чешскій языкъ и его правописаніе, потрясающій сердца проповѣдникъ, образецъ нравственности, не выносившій лжи и лицемѣрія, Гусъ показалъ рѣдкій примѣръ самоотверженной преданности правдѣ и своему народу. То была кроткая, незлобивая душа, склонная даже къ мистицизму: Гусъ былъ человѣкомъ молитвъ, поста и воздержанія;

онъ признавалъ, вопреки Виклифу, пресуществленіе, а въ схоластикѣ придерживался реализма (§ 95). Онъ вовсе не думалъ разрывать съ церковью; но собственная совѣсть и обстоятельства привели его къ шагу, который былъ началомъ мірового переворота, — распаденія западнаго христіанства на двѣ вѣчно враждебныя части. Увлекшись Виклифомъ (§ 107), Гусъ глубоко изучилъ Библію и, убѣдившись въ порчѣ католичества, объявилъ, что готовъ умереть за возстановленіе первобытной чистоты христіанства. Онъ началъ распространять виклифизмъ на лекціяхъ въ пражскомъ университетѣ, въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, а также причащать изъ чаши. Студенты носили на рукахъ своего скромнаго, но славнаго и твердаго профессора; чешское дворянство надѣялось, съ его помощью, отнять земли у церкви и привилегіи у нѣмецкихъ мѣщанъ; крестьяне признали его своимъ отцомъ и учителемъ, который даруетъ имъ свободу и равенство; король видѣлъ въ немъ оплотъ своей политической независимости противъ притязаній Германіи; королева Софья взяла его себѣ въ духовники. Правою рукой Гуса сталъ его сверстникъ, краснорѣчивый, непреклонный и пылкій рыцарь, Іеронимъ пражскій, который учился въ Оксфордѣ и Парижѣ и побывалъ въ Іерусалимѣ: онъ говорилъ, что положитъ голову за своего друга и учителя, и распространялъ его новшества даже въ предѣлахъ Польши и Россіи. Такъ, подъ видомъ церковной реформы, образовалась могучая партія патріотовъ, кличемъ которой были слова Гуса: „чехи должны быть первыми въ Богеміи, какъ французы во Франціи и нѣмцы въ Германіи“. Ее разжигали и придирчивые нелѣпые догматическіе споры папскихъ богослововъ, и скандалъ церковнаго раскола, и страстныя притѣсненія со стороны нѣмцевъ-сановниковъ и мѣщанъ.

Борьба началась въ университетѣ, который и былъ собраніемъ „націй“. Патріоты вырвали у нѣмцевъ привилегіи, которыми они тамъ пользовались, и поставили ректоромъ Гуса, которому исполнилось тогда 40 л. (1409). Профессора-нѣмцы, съ 5.000 студентовъ, покинули Прагу, что̀ повело къ основанію лейпцигскаго университета. Іоаннъ XIII повелѣлъ сжечь болѣе 200 томовъ сочиненій Виклифа, отлучилъ Гуса и наложилъ интердиктъ на Прагу. Тогда только Гусъ рѣшился разорвать съ неисправимымъ католичествомъ. Студенты, съ пылкимъ Іеронимомъ во главѣ, всенародно, въ потѣшной процессіи, сожгли буллы, а также индульгенціи, которыми безсовѣстно торговалъ тогда за-

ѣзжій монахъ. Зашумѣла и улица: она огласилась ѣдкими пѣсенками и покрылась дерзкими листками противъ Рима; народъ билъ папскихъ поповъ. Папа потребовалъ Гуса на констанцскій соборъ. Учитель отправился, снабженный охранною грамотой Сигизмунда: онъ былъ спокоенъ; его осѣняла вѣра, что онъ, вѣрный и честный сынъ церкви, разубѣдитъ отцовъ-соборянъ. Народъ поддерживалъ его духъ: массы, повсюду на пути, встрѣчали его съ благоговѣніемъ, а въ Констанцѣ весь городъ поднялся на ноги. Но сюда уже нахлынули его заклятые враги изъ Праги, которые принесли страшныя вѣсти о разгоравшемся волненіи въ Богеміи. Они распустили слухъ, что учитель хочетъ бѣжать — и его заключили въ тюрьму, гдѣ продержали, въ цѣпяхъ, болѣе полугода. Та же участь постигла Іеронима, который добровольно прискакалъ защищать своего друга. Папа увѣрялъ всѣхъ, будто его принудили къ такому насилію, а самъ заставилъ Сигизмунда выдать Гуса угрозой обличенія въ потворствѣ еретичеству. На соборѣ не одни нѣмцы возстали противъ славянскаго учителя: англичане кричали, что онъ порочитъ оксфордскій университетъ; французы, конькомъ которыхъ были умѣренность и номинализмъ, обнаруживали отвращеніе къ смѣлому реалисту.

Дѣло велось при закрытыхъ дверяхъ; Гусу отказали въ адвокатѣ и даже въ допросѣ свидѣтелей. Гусъ стоялъ на томъ, что готовъ отречься, если Евангеліемъ докажутъ, что онъ заблуждается. Но это значило ставить свободу мысли выше авторитета церкви — и соборяне, не исключая кроткаго, справедливаго д'Альи, истощивъ всѣ мольбы и угрозы, подняли страшный шумъ, чтобы заглушить опасное краснорѣчіе праведника. Среди всеобщаго раздраженія, Сигизмундъ уже самъ требовалъ поскорѣе искоренить ересь и даже не вѣрить отреченію Гуса, еслибы оно состоялось. Въ его присутствіи, осудили „явно неисправимаго еретика“ за его сочиненіе „О церкви“, причемъ были допущены передержки и искаженія. Остервенѣлые соборяне сорвали рясу съ „проклятаго“ и надѣли на него бумажный колпакъ, съ изображеніемъ трехъ чертей и съ надписью: „архіеретикъ“. Когда они кричали, что отдаютъ его душу Сатанѣ, онъ спокойно сказалъ: „а я предаю ваши души моему Господу Іисусу Христу“. Въ тотъ же день соорудили костеръ. Гусъ шелъ твердо, съ пѣніемъ молитвъ, и улыбнулся, увидѣвши, какъ палачъ сожигалъ его книги. Когда, уже привязавши его къ столбу, снова предложили ему отреченіе, онъ спокойно отвѣтилъ; „съ

радостью умру за мое ученіе, которымъ я старался отвратить людей отъ грѣха". Затѣмъ послышались раздирающіе душу крики страдальца (1415). Прахъ Гуса развѣяли по вѣтру; но народъ собиралъ землю съ мѣста мученичества. А впослѣдствіи возникли сказанія. Одни говорили, что какая-то старуха подбросила дровъ въ костеръ, а страдалецъ сказалъ, съ кроткой улыбкой: „святая простота!" Другіе утверждали, будто учитель, идя на казнь, пророчествовалъ: „минетъ 100 л.—и придетъ бѣлоснѣжный лебедь, котораго не сожгутъ, какъ сожгли гуся". Іеронима запытали до того, что онъ отрекся, но потомъ вдругъ собрался съ силами и сказалъ твердо: „мой главный грѣхъ — отреченіе отъ моего учителя". Онъ мужественно перенесъ сож-

Талеръ Гуса. Лицевая сторона. 15-го в. [1]).

Талеръ Гуса. Оборотная сторона.

женіе. Очевидецъ, ученый Эней Сильвій, писалъ: „Гусъ и Іеронимъ гордо перенесли смерть; они шли на казнь, какъ на званый пиръ". Народы гдѣ сожалѣли и оплакивали мучениковъ, гдѣ признали ихъ святыми, гдѣ проклинали ихъ палачей. И чтобы затмить въ ихъ памяти чистый образъ Іоанна Гуса, іезуиты изобрѣли потомъ своего святого, въ лицѣ Іоанна Непомука (§ 115), сочинивъ сказку, будто этотъ несчастный викарій пострадалъ

---

[1]) Изображенный у насъ талеръ Гуса хранится въ монетномъ кабинетѣ въ Берлинѣ. На лицевой сторонѣ портретъ Гуса и надпись кругомъ: „Credo. unam. esse. ecclesiam. sanctam. catolicam (Вѣрую во единую святую католическую церковь)"; внутри—„Ioa. Hus".—На оборотной сторонѣ—Гусъ на кострѣ, въ колпакѣ еретиковъ. Надпись въ двухъ круговыхъ и въ двухъ поперечныхъ строкахъ: „Centum. revolutis. annis. deo. respondebitis. et. mihi. Io. Hus. anno. a. chris(t)i. nato. 1415. Condem.—natur". (По прошествіи ста лѣтъ, вы отвѣтите Богу и мнѣ. Іо. Гусъ, въ 1415 по Р. Х. приговоренъ къ смертной казни).

за то, что не выдалъ злому Венцеславу исповѣдальной тайны злополучной королевы.

§ 118. **Гуситскія войны.**—Чехи поднялись, какъ одинъ человѣкъ: даже паны совсѣмъ отдѣлились отъ нѣмцевъ. Они возвѣстили, что ихъ университетъ можетъ рѣшать церковные вопросы и что соборъ „навлекъ на себя вѣчный позоръ“. Интердикты не дѣйствовали: попы вездѣ были изъ чеховъ. Толпы стали собираться въ полѣ, вмѣсто храмовъ, и брататься въ Прагѣ. Когда онѣ шли мимо ратуши, нѣмцы-ратманы стали поносить Гуса—и семеро изъ нихъ вылетѣли въ окна. Такъ пролилась первая кровь: религіозно-національное движеніе перешло въ политическое, названное гуситскими войнами. Впрочемъ, вначалѣ чехи не разъ изъявляли покорность и даже готовы были идти на соборъ, если только туда пригласятъ грековъ и армянъ — такихъ же, какъ они, утраквистовъ (sub utraque specie—причащеніе „подъ обоими видами“): они стояли только за чашу да за старыя національныя права. Гогенцоллернъ настаивалъ на принятіи этихъ легкихъ условій. Но Сигизмундъ съ Мартиномъ V требовали отъ „еретиковъ и мятежниковъ“ безусловнаго подчиненія и объявили крестовый походъ.

То былъ новый примѣръ борьбы народа съ феодализмомъ. Помимо венгерцевъ и имперской арміи, къ Сигизмунду стекались сотни тысячъ всякаго рыцарскаго сброда, даже изъ Англіи и Ливоніи; у нихъ не было ни вождя, ни дисциплины; ихъ цѣлью была добыча. У гуситовъ же было ополченіе изъ крестьянъ и мѣщанъ, одушевленное идеями до фанатизма. Они были вооружены дубинками, цѣпами въ желѣзной оправѣ, копьями да крючками, которыми стаскивали рыцарей съ коней. Вождемъ ихъ былъ бѣдный рыцарь Жижка. Коренастый, плечистый, съ огромною головой, мрачный и фанатичный, но молодцовато одѣтый попольски, строгій къ себѣ и своимъ, жестокій къ врагамъ, Жижка прославился, какъ рѣдкій полководецъ (§ 111) и вѣрный патріотъ: онъ самоотверженно служилъ своему народу, даже послѣ того когда вражеская стрѣла лишила его зрѣнія. Онъ создалъ изъ толпы босыхъ оборванцовъ первую въ мірѣ армію по дисциплинѣ, быстротѣ и находчивости, а самъ озадачивалъ непріятеля искусными изобрѣтеніями. Онъ отлично пользовался пушками и превратилъ обозъ въ подвижную крѣпость и западню для врага, связывая телѣги цѣпями, покрывая ихъ досками и располагая лабиринтомъ по буквамъ или геометрическимъ фигурамъ. Когда умеръ Жижка, котораго ополченцы величали своимъ „отцомъ“, они

назвались „сиротами“. Эта армія, защитница свободы совѣсти и націи, была самъ народъ: ее называли „служащими въ полѣ общинами“ или „братьями“. Братья не знали пощады: передъ ними носился мученическій обликъ Гуса на кострѣ, пострадавшаго за Библію, которая лежала въ ихъ походныхъ сумкахъ. Когда выступали эти мускулистые молодцы, съ бронзовыми лицами, орлиными взорами, всклоченными бородами и съ величавымъ гимномъ: „Гей, вы, воины Божіи“! на враговъ нападала оторопь; именемъ Жижки матери пугали дѣтей въ Европѣ. Гуситы жили побиблейски: у нихъ все было общее; враги назывались филистимлянами, мѣстныя горы—Таборомъ (Ѳаворъ), Хоривомъ и т. д. Ихъ гнѣздомъ былъ Таборъ, гдѣ они устроили неприступный городъ: отсюда названіе таборитовъ.

Жижка умеръ въ рединѣ войнъ, отъ заразы, завѣщавши свою кожу на барабанъ. Но у него явились достойные, по патріотизму, преемники, хотя и не полководцы: Прокопъ Большой или Лысый и Прокопъ Малый или Прокопецъ были попы, но умѣвшіе одушевлять и подчинять себѣ воиновъ. Табориты блистательно выдержали 5 крестовыхъ походовъ, не говоря уже о множествѣ мелкихъ нападеній. Сначала рыцари дрались упорно. Но когда Жижка нанесъ имъ нѣсколько такихъ жестокихъ пораженій, какъ у Жижкиной горы (подъ Прагой), ихъ арміи, даже такія, какъ 150-тысячное воинство пяти курфюрстовъ, стали разбѣгаться при одномъ видѣ гуситовъ; а жители даже крѣпкихъ городовъ уходили въ лѣса, сожигая за собой свое добро, какъ только, бывало, заслышатъ скрипъ телѣжекъ Прокопа. Очистивъ Богемію отъ враговъ чаши, табориты разлились огненнымъ потокомъ по Венгріи, Австріи, Саксоніи, Бранденбургу; ихъ отчаянные отряды доходили до Баваріи и Данцига. Всюду дружески встрѣчаемые крестьянами, они истребляли добро феодаловъ и возвращались обремененные добычей. А изъ Табора расходились искреннія посланія ко всему христіанству насчетъ порчи церкви, которая проклинаетъ воиновъ Божіихъ, не выслушавъ ихъ, отвергая ихъ вызовъ доказать свою правду словомъ Божіимъ. Успѣхи таборитовъ были свѣжею и самою внушительною побѣдой духа новаго времени надъ феодализмомъ, свободы мысли надъ схоластикой. Они объясняются еще содѣйствіемъ соплеменныхъ поляковъ, но больше всего раздорами между нѣмцами и негодностью имперскаго наряда, съ королемъ во главѣ.

Сигизмундъ, на котораго тогда нападали еще турки, исполнялъ только свои фантазіи: онъ совершилъ „римскій походъ“, чтобы

интригами и уступками добиться у папы императорской короны. А это вело къ тому, что новый папа, Евгеній IV, возмечталъ о временахъ Иннокентія III. Только волненія въ Римѣ, дѣлавшія его игрушкой вельможъ, въ особенности же успѣхи гуситовъ заставили его согласиться на созваніе новаго собора въ Базелѣ (1431). Руководителемъ собора былъ папскій легатъ, Чезарини. Хорошій классикъ, гуманный политикъ, со свѣтскимъ взглядомъ на вещи и съ изящными манерами, онъ былъ типомъ новаго времени. Онъ горячо стоялъ за реформацію и дружелюбно предложилъ гуситамъ объясниться. Легатъ-миротворецъ разсчитывалъ на расколъ въ самомъ гусизмѣ, неизбѣжный при освобожденіи умовъ изъ-подъ долгаго гнета. Уже при Жижкѣ обнаружилось 3 направленія. Сами табориты находились какъ бы въ центрѣ: въ политикѣ они признавали республику, въ религіи — одну внутреннюю сторону, считая Библію церковью и каждаго брата — священникомъ; они отвергали обрядность и иконы, какъ „идолопоклонство“, а схоластику, какъ опору папства. Адамиты или николаиты (по имени крестьянина Николая) ударились въ радикализмъ: они отвергали не только феодальный строй, но всякую государственность и всякую религію, жили полнымъ коммунизмомъ, отвергая собственность и семью, даже ходили нагіе въ честь Адама и были проникнуты мрачнымъ, аскетическимъ духомъ Ветхаго Завѣта.

Жижка пережегъ ихъ за безпутную жизнь. Но сильнѣе всѣхъ были самые умѣренные гуситы или каликстины, которые готовы были помириться на одной чашѣ (calix). Они состояли изъ пановъ, богачей и интеллигенціи. Гнѣздомъ ихъ были „великая община“ (Дума) и университетъ: ихъ называли еще „пражанами“. Они признавали средневѣковой общественный строй. По мѣрѣ успѣховъ таборитовъ, разгоралась вражда между ними и каликстинами. Религіозный вопросъ стушевался: двѣ соціальныя партіи, революціонеры и охранители, демократы и феодалы, стояли другъ противъ друга во всеоружіи сословной ненависти. Жижка уже побивалъ пражанъ въ кровавыхъ стычкахъ. Послѣ него, при всеобщемъ утомленіи, возобладали каликстины. Они заключили миръ съ базельскимъ соборомъ или компактаты (1436): за чехами оставалась чаша и свободная проповѣдь, клиръ подчинялся общимъ судамъ; да и эти ничтожныя уступки были запутаны въ коварныя фразы. Табориты негодовали; но они были уничтожены каликстинами; тутъ пали и оба Прокопа. Сигизмундъ принялъ компактаты и утвер-

дилъ старыя права чеховъ, въ томъ числѣ назначеніе чиновниковъ изъ туземцевъ и выборы іерарховъ народомъ и клиромъ. Изъ уцѣлѣвшихъ таборитовъ образовались общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ: онѣ жили скромно, нравственно, придерживаясь буквы Библіи и чуждаясь образованія. А каликстины тотчасъ же были обмануты—и Сигизмундъ заслужилъ отъ чеховъ названіе „посрамителя правды и смертельнаго врага чешской націи". Такъ, не сбылись религіозныя и соціальныя надежды гуситовъ. Церковь утраквистовъ вскорѣ захирѣла, утративъ свое основное начало. Крестьянамъ и даже мѣщанамъ стало еще хуже, вслѣдствіе возвышенія знати, которая получила церковныя имущества и превратила корону въ свою игрушку. Но выиграла чешская національность: зародился глубокій патріотизмъ во всѣхъ классахъ общества, котораго уже ничто не могло истребить. Съ нѣмцами было покончено: послѣ Сигизмунда, чехи возстановили свое избирательное право и ставили на свой престолъ то польскихъ королей, то туземныхъ правителей. Патріотизмъ поддерживался племенною гордостью: въ лицѣ гуситовъ, славяне впервые явились міровою культурною силой. Они выдвинули душу новой исторіи — свободу совѣсти и разума, и, отстаивая ее, заставили соборъ и императора признать мятежниковъ равноправною имъ стороной.

§ 119. **Базельскій соборъ. Фридрихъ III.**—Вскорѣ послѣ признанія компактатовъ, умеръ Сигизмундъ, спокойно заснувши на тронѣ. Гуситское движеніе лишило его послѣдняго авторитета: его ненавидѣли даже нѣмцы, такъ какъ при немъ имперія утратила нѣсколько земель, была разоряема чехами, венгерцами и турками и даже не пріобрѣла церковнаго мира. Кандидатомъ на нѣмецкій престолъ выступилъ энергичный сподвижникъ Сигизмунда, Фридрихъ бранденбургскій (§ 115). Но курфюрсты испугались его деспотизма и быстраго усиленія Гогенцоллерновъ: они избрали зятя бездѣтнаго Сигизмунда, Альбрехта II австрійскаго,—и съ тѣхъ поръ престолъ Германіи оставался за Габсбургами (1438). Преемникъ Альбрехта, Фридрихъ III, былъ достойнымъ представителемъ упадка Германіи. Набожный, скромный, бережливый семьянинъ и ученый человѣкъ, но жадный, скрытный эгоистъ, онъ отличался убійственнымъ равнодушіемъ ко всему, кромѣ своихъ личныхъ или династическихъ интересовъ, ради которыхъ онъ собиралъ безбожные налоги, обманывалъ, портилъ монету. Онъ все разсуждалъ и ни на что не рѣшался. „То былъ безполезный императоръ, и нація, въ его 50-лѣтнее царство-

ваніе, почти забыла, что у нея есть король", говоритъ лѣтописецъ. На самыя потрясающія извѣстія Фридрихъ отвѣчалъ то шуточками, то такими изреченіями: „современемъ все получитъ свое возмездіе"; „они заслужили это своею непокорностью". Узнавши о паденіи Константинополя, онъ только заперся въ кабинетѣ и немножко поплакалъ. Фридрихъ сидѣлъ въ своей Австріи, изгоняемый по временамъ бунтами, собиралъ драгоцѣнные камни и книги, разводилъ сады, варилъ цѣлебныя травы, углублялся въ тайны астрологіи и алхиміи. Разъ только двинулся онъ, и то въ Римъ, чтобы получить императорскую корону, причемъ поразилъ итальянцевъ своею жадностью и бездарностью. Однажды, послѣ 25-лѣтняго отсутствія, явился онъ на сеймъ въ Германію — и заснулъ подъ рѣчи ораторовъ. А здѣсь былъ въ разгарѣ вопросъ о реформѣ, и не только церковной, но и имперской.

Базельскій соборъ, покончивъ съ гуситами, серьезно взялся за исправленіе церкви. Онъ приговорилъ отмѣнить папскіе поборы, особенно аннаты, предоставить избраніе клира капитуламъ, поднять нравственность духовенства строгостью наказаній. Евгеній IV возсталъ противъ такихъ рѣшеній и объявилъ соборъ закрытымъ, а самъ созвалъ новый соборъ въ Феррарѣ. Тогда „соборная" партія начала склоняться къ самымъ кореннымъ мѣрамъ: она стала демократичной; въ ней оказалось много простыхъ монаховъ и поповъ, докторовъ и магистровъ. Вождемъ ея былъ итальянскій классикъ типа Чезарини, Эней Сильвій Пикколомини. Тонкій наблюдатель, вкрадчивый царедворецъ, очаровательный ораторъ и писатель, но эгоистъ безъ совѣсти и убѣжденій, Эней былъ хорошимъ образчикомъ уже прославленной тогда итальянской дипломатіи. Ему помогалъ самый тонкій богословъ собора, ученый законовѣдъ и философъ, Николай Кузскій — человѣкъ смѣлыхъ и широкихъ мыслей, но ловкій, честолюбивый интриганъ, воспитанный также въ итальянской школѣ. Онъ издалъ тогда книжку о „Католическомъ соглашеніи", гдѣ строго доказывалось, что непогрѣшимость—свойство „всей" церкви, а не папъ, которые опираются на такіе подлоги, какъ Исидоровы декреталіи и Даръ Константина (§§ 26, 37).

Соборяне горячились: засѣданія оглашались криками, бранью; полиція съ трудомъ удерживала св. отцовъ отъ драки. Наконецъ, они низложили Евгенія, какъ „ослушника, упрямца и еретика", а феррарскій соборъ объявили „раскольничьимъ соборищемъ". Эти крайности вызвали всеобщее негодованіе, хотя

„папская“ партія или „евгеньевцы“ были не лучше: они прибѣгали даже къ подмѣнѣ соборныхъ приговоровъ при приложеніи печатей. На сторону папы перешли даже Чезарини, Николай Кузскій, ставшій папскимъ легатомъ, и Эней Сильвій, который поступилъ въ секретари къ императору и сдѣлался „папскими очами и ушами“ въ Германіи. Государи стали склоняться на сторону папы, а герцогъ баварскій даже объявилъ войну „базельцамъ“. Евгенія IV поддержалъ новый великій вопросъ — о „греческой схизмѣ“: тогда греки, тѣснимые турками, пожелали участвовать на соборѣ и просили папу перенести его ближе къ нимъ. Евгеній созвалъ соборъ во Флоренціи, куда прибыло до 700 грековъ, въ томъ числѣ самъ императоръ, патріархъ константинопольскій и ученый никейскій архіепископъ, Виссаріонъ. Здѣсь-то была устроена унія (1438), эта попытка Рима подчинить себѣ греческое православіе, которая привела лишь къ усиленію вражды между Востокомъ и Западомъ (Р. И. § 191). Евгеній хвастался ею, равняя себя чуть не съ Григоріемъ VII. Въ то же время, благодаря хитрому Энею Сильвію, онъ пріобрѣлъ союзъ Фридриха III, который продалъ ему интересы Германіи за деньги и династическія выгоды. Когда открылась измѣна, курфюрсты стали на минуту защитниками націи. У нихъ явился дѣлецъ-патріотъ, соперникъ Энея, Геймбургъ. Хорошій юристъ и дипломатъ изъ бѣдныхъ рыцарей, безстрашный и честный Геймбургъ былъ коренастый, грубый, упрямый нѣмецъ. Онъ не могъ совладать съ изворотливымъ итальянцемъ, за котораго громко говорили низкія побужденія императора. Курфюрсты, частью очарованные, а больше нагло обманутые Энеемъ, признали ашаффенбургскій конкордатъ, который все возвращалъ папѣ, не исключая аннатовъ. Евгеній IV умеръ при звонѣ колоколовъ, при блескѣ праздничныхъ огней по случаю церемоніи „повиновенія“ (Obedienz) папѣ, принесеннаго въ Римѣ многими фюрстами. Тогда же закрылся базельскій соборъ: почти всѣми покинутый, онъ призналъ новаго папу, Николая V (1449). Такъ окончился великій расколъ въ католичествѣ (§ 116). Вскорѣ римскій престолъ занялъ самъ возстановитель папства, Эней Сильвій, подъ именемъ Пія II. Церковь снова погрузилась въ бездну нравственнаго паденія: папы вели зазорную жизнь, думали только о своихъ семьяхъ да о свѣтской власти. интриговали въ Италіи, какъ мелкіе тираны. Вопросъ о реформаціи замолкъ на полвѣка.

§ 120. **Смута и преобразованія въ Германіи.**—Погибала и Германія въ правленіе Фридриха III. Чехи, венгерцы, въ особенности же турки безпрерывно нападали на нѣмцевъ. А императоръ съ папой пользовались бѣдствіями народа для своего обогащенія: они собирали „турецкую десятину“, продавали „турецкія индульгенціи“—и не шевельнули пальцемъ. Фридрихъ сидѣлъ-себѣ въ Австріи; а въ Германіи было хуже, чѣмъ во время междуцарствія (§ 78). Никогда еще не было такого господства кулачнаго права (Faustrecht). „Передъ нами потрясенная, разодранная Германія, говоритъ очевидецъ: нѣтъ тихаго уголка; разбой и смерть, куда ни взглянешь; и хотя мы плачемъ о мирѣ, мира не будетъ безъ права и закона“. Закономъ стала воля фюрстовъ, которые, какъ государи, вводили нераздѣльность земель и наслѣдованіе по прямой линіи. Но, дружно угнетая народъ, они дрались между собой, даже выхватывали одинъ у другого курфюршеское достоинство и, подобно англійскимъ баронамъ, гордо называли свои разбои защитой „свободы“ и „нѣмецкаго права“. Ужасныя драмы совершались также почти въ каждой княжеской семьѣ: топили, рѣзали, выкрадывали принцевъ; ни дѣтямъ, ни женщинамъ не было пощады. Самая ожесточенная борьба шла между цезаріанцами и оппозиціей или реформаторами. Друзья императора группировались вокругъ вѣрныхъ Гогенцоллерновъ. Эта фамилія становилась самою сильною, благодаря Бранденбургу, гдѣ рыцари напрасно кичились передъ „нюрнбергскою сволочью“. Уже Фридрихъ I (§ 115) усмирилъ ихъ, съ помощью „большихъ пищалей“ и мѣщанъ, и водворилъ миръ и монархизмъ раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Онъ, а также его сынъ, прозванный Желѣзнымъ Зубомъ, захватили много земель у силезскихъ, поморскихъ, брауншвейгскихъ герцоговъ, мекленбургскихъ фюрстовъ, тевтонскихъ рыцарей. Другой сынъ Фридриха, Альбрехтъ, сталъ вождемъ цезаріанцевъ. „Нѣмецкій Ахилъ“ по доблести, „бранденбургская лиса“ по коварству, „турокъ и тиранъ“ по жестокости, силачъ и драчунъ, съ лицомъ, исполосованнымъ рубцами, Альбрехтъ сначала славился сказочными пирами, турнирами да боевыми похожденіями, теперь же сталъ округлять свои владѣнія и въ этихъ видахъ примкнулъ къ императору. Онъ былъ также образцомъ ненавистника мѣщанъ: ихъ богатство, гордость, образованіе были для него личною обидой. Противъ него составился союзъ 30 городовъ въ Швабіи

и Франконіи, съ Нюрнбергомъ во главѣ, а за него стали фюрсты—и возобновилась городская война.

Въ теченіе 5 л. съ обѣихъ сторонъ было выставлено много наемниковъ, особенно швейцарцевъ и чеховъ; рыцари побивали мѣщанъ въ полѣ, мѣщане побивали рыцарей при осадѣ городовъ. Каждый остался при своемъ: только страна превратилась въ груду развалинъ. Но вообще города падали, превращались изъ имперскихъ въ княжескіе; внутри ихъ кипѣли усобицы. Иногда они даже воевали другъ съ другомъ и соединялись съ фюрстами: въ вихрѣ смуты сословія перепутались; все превратилось въ простое разбойничество. Имперія разваливалась. Пруссія нѣмецкихъ рыцарей стала вассаломъ Польши. Шлезвигъ-Голштейнъ отошелъ къ Даніи. Чехи и венгерцы выбрали собственныхъ королей. Дерзкій Сфорца захватилъ Ломбардію, а Карлъ Смѣлый бургундскій—много нѣмецкихъ земель въ Нидерландахъ. Швейцарцы совсѣмъ отбивались отъ Германіи. Чтобъ усмирить ихъ, Фридрихъ попросилъ у Франціи наемниковъ. Карлъ VII съ радостью выслалъ 20.000 арманьяковъ, которыхъ французы называли „живодерами“ (écorcheurs), а нѣмцы—„нищими франтами“ (Armen Gecken). Кто въ панцырѣ, кто въ фантастическомъ нарядѣ, попавшемся подъ руку, всѣ въ огромныхъ шляпахъ, эти головорѣзы только и знали, что опустошать страну. Разъ только встрѣтились они съ 16-ю сотнями швейцарцевъ, подъ Базелемъ, и, потерявши половину товарищей, разбѣжались съ крикомъ: „мы не видывали такихъ людей!“ Вскорѣ по смерти Фридриха III, горцы нанесли нѣсколько подобныхъ же пораженій нѣмцамъ и принудили ихъ къ базельскому миру (1499), по которому Швейцарія лишь по имени считалась частью Германіи, въ сущности же стала союзомъ 13-ти кантоновъ-республикъ, съ Цюрихомъ во главѣ.

Чѣмъ болѣе возрастали бѣдствія Германіи, тѣмъ сильнѣе становилась партія реформы, душой которой былъ спокойный, дѣльный майнцскій владыка, Бертольдъ, перомъ—Николай Кузскій, а мечемъ—Виттельсбахи, соперники Гогенцоллерновъ и ихъ сосѣди во Франконіи. Передъ смертью Фридриха III, уже всюду поднимался вопль о реформѣ: даже думали замѣнить императора его сыномъ, Максимиліаномъ I, который обращалъ на себя вниманіе своею противоположностью отцу. Неугомонная натура, въ которой текла южная кровь матери-португалки, храбрецъ, раненый при штурмѣ мятежной Вѣны, Максимиліанъ былъ послѣднимъ рыцаремъ на тронѣ. Онъ ру-

ководился быстро смѣнявшимися фантазіями, когда въ политикѣ уже воцарился холодный разсчетъ. Среди разгрома цезаризма, онъ считалъ себя владыкой Европы и, какъ человѣкъ просвѣщенный, великодушный и изящный, мечталъ о процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Онъ жилъ съ ослѣпительною пышностью и величіемъ, вмѣшивался во всѣ дѣла Запада, суетился, спѣшилъ — и всегда опаздывалъ, терпѣлъ пораженія, нуждался въ деньгахъ: другъ Дюрера, онъ закидывалъ его заказами, но не платилъ за нихъ. Чѣмъ меньше средства соотвѣтствовали замысламъ, тѣмъ больше становился онъ щекотливымъ, безпокойнымъ и не-

Максимиліанъ I. 16-го в. [1]).

разсчетливымъ. Ставши императоромъ, Максимиліанъ сразу разошелся съ нѣмцами: прежде чѣмъ поддерживать его міровыя затѣи, они потребовали имперской реформы. Онъ согласился, затаивъ злобу, — и сеймъ, съ участіемъ мѣщанъ, издалъ (1495) имперскую конституцію.

[1]) Нашъ портретъ взятъ съ прекрасной гравюры Дюрера. Императоръ изображенъ въ преклонномъ возрастѣ, съ характерною для Габсбурговъ отвисшею нижнею челюстью. Тогда же другъ Дюрера, аугсбургскій живописецъ, нарисовалъ Максимиліана, въ видѣ пышнаго рыцаря, съ спесиво поднятымъ павлиньимъ хвостомъ на каскѣ, смѣнившей старый шлемъ, и въ кирасѣ, которая замѣнила панцырь (§ 100) и продержалась до 17-го в. Образчикомъ такого рыцаря конца 15-го в., въ полномъ вооруженіи, служитъ прилагаемое изображеніе нѣмецкой работы, хранящейся въ нашемъ Эрмитажѣ.

Въ основаніи этой конституціи лежитъ вѣчный „земскій миръ“, т.-е. отмѣна кулачнаго права. „Имперскій судъ“, избираемый на сеймѣ наполовину изъ фюрстовъ, наполовину изъ юристовъ, долженъ былъ разбирать тяжбы всѣхъ „непосредственныхъ“ и служить высшею инстанціей для „посредственныхъ“ членовъ имперіи. Законодатель, сеймъ, замѣнился ежегоднымъ „рейхсратомъ“ или имперскимъ совѣтомъ изъ 20 пословъ отъ фюрстовъ и городовъ, съ президентомъ по назначенію императора. Для администраціи, имперію раздѣлили на 10 „округовъ“, съ избранными въ рейхсратѣ головами. Первою задачей головъ былъ поставленъ сборъ „общаго гроша“— личной подати, сообразной съ достаткомъ и обязательной для всѣхъ. Конституція отняла у императора остатокъ власти— судъ: только габсбургскія земли судились въ его собственномъ „гофратѣ“ или придворномъ совѣтѣ въ Вѣнѣ, которому изъ приличія предоставили впрочемъ нѣкоторыя имперскія дѣла. Конституція закрѣпляла права феодаловъ, дарованныя Золотою Буллой (§ 112). Это — сословная конституціонная монархія или побѣда мелкодержавія, федераціи фюрстовъ надъ монархизмомъ. Но на первый разъ и такая политическая форма была лучше безначалія. Германія успокоилась, стала богатѣть, приняла участіе въ возрожденіи классицизма. Максимиліанъ принялъ титулъ императора безъ коронованія въ Римѣ. „Счастливыми браками“ (Austria felix nube), которыми славятся Габсбурги, онъ возстановилъ связи имперіи съ Венгріей, Богеміей и Нидерландами: его женитьба на дочери Карла Смѣлаго, Маріи, имѣла даже міровое значеніе. Посредствомъ второго брака, съ герцогиней миланской, Максимиліанъ уже мечталъ захватить всю Италію съ папствомъ и повести Европу противъ турокъ. Но все это вовлекало его въ новый широкій міръ международной политики. Тогда на крайнемъ Западѣ создались гораздо болѣе сильныя державы: тамъ вторая половина 15-го в. ознаменована побѣдой монархизма надъ феодализмомъ, которая была подготовлена народными революціями конца 14-го в.

§ 121. **Война Розъ и новый абсолютизмъ. Эдуардъ IV.**—Въ Англіи утвержденію абсолютизма способствовала длившаяся четверть вѣка усобица—война Розъ (1460—1485), которая служитъ образцомъ ожесточенности и безнравственности. По окончаніи французской войны (§ 109), послѣдній Ланкастеръ, Генрихъ VI, заболѣлъ неизлечимо: онъ не могъ ни ходить, ни стоять и впадалъ въ помѣшательство, уна-

слѣдованное отъ Карла VI (§ 106). Государство перешло въ руки своевольныхъ бароновъ верхняго парламента да смѣлой, не разбиравшей средствъ, чувственной и мстительной королевы,

Рыцарь конца 15-го в.

Маргариты Анжуйской. Народъ былъ измученъ тиранiей, оскорбленъ постыднымъ исходомъ войны и предпочтенiемъ, которое королева оказывала французамъ. Вспыхнулъ мятежъ, во главѣ котораго стоялъ молодой герой французской войны, кра-

сивый ирландецъ Кедъ, по прозванью Кентскій Старшина. По странѣ ходила, поданная королю, „жалоба кентскихъ общинъ“, которая требовала смѣны министровъ и освобожденія парламентскихъ выборовъ отъ вліянія короны и бароновъ. Жалоба была отвергнута—и возобновились времена Тайлера (§ 107): въ Лондонѣ избили сановниковъ; одного епископа стащили со ступеней алтаря и изуродовали въ полномъ облаченіи. Дворъ поспѣшилъ съ обѣщаніями,—и мятежники разошлись: тогда Кедъ былъ коварно убитъ, и деспотизмъ усилился. Народъ дрожалъ отъ ярости; и этимъ воспользовались Іорки, происходившіе отъ младшаго сына Эдуарда III. Главой ихъ былъ храбрый и любимый народомъ Ричардъ, который прославился въ Столѣтней войнѣ и какъ дѣльный намѣстникъ Ирландіи. Онъ предъявилъ притязаніе на престолъ, который достался Ланкастерамъ посредствомъ убійства Ричарда II. На знамени Іорковъ красовалась бѣлая роза, у Ланкастеровъ—алая: и вся Англія раздѣлилась на двѣ партіи. Алая Роза—это бѣдный, полудикій сѣверо-западъ Англіи, въ особенности кельтскій Уэльсъ съ Ирландіей да бароны, у которыхъ было тамъ много земель; Бѣлая Роза—торговый, городской юго-востокъ, мѣщане, мужики да нижній парламентъ.

Сначала возобладала Алая Роза, съ ея страшнымъ лордомъ Клиффордомъ, личнымъ врагомъ Ричарда. Сѣверяне, привыкшіе къ разбоямъ въ борьбѣ съ шотландскими горцами, прославились своей лютостью. Когда Ричардъ палъ въ битвѣ съ ними, они сдали его трупъ Маргаритѣ, которая выставила его голову, въ бумажной коронѣ, на стѣнахъ Іорка. Его 17-лѣтній сынъ, на колѣняхъ, молилъ о пощадѣ; но Клиффордъ спокойно заколол ъ его, сказавши: „вашъ отецъ убилъ моего отца; вы должны пасть отъ моей руки“. Но мстителемъ за отца явился старшій братъ несчастнаго мальчика, высокій, сильный, вкрадчивый юноша рѣдкой красоты и обольстительнаго обхожденія, 18-лѣтній Эдуардъ. Подъ маской безпечности, въ немъ скрывались недюжинныя свойства: рядомъ съ властолюбіемъ, коварствомъ, кровожадностью, въ немъ уживались политическій и военный талантъ и энергія, смѣнявшаяся, послѣ успѣха, лѣнью и распущенностью нравовъ. Ловко угождая мѣщанамъ, Эдуардъ сталъ любимцемъ народа и нижняго парламента. Онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ даже образцоваго интригана, графа Ричарда Варвика. Варвика называли „послѣднимъ барономъ“ за его могущество: ему принадлежало до сотни по-

мѣстій; за нимъ слѣдовала ливрейная свита изъ 600 головорѣзовъ; у него была самая грозная артиллерія; онъ былъ бога-

Осадная артиллерія. 15-го в. [1]).

тѣйшимъ пиратомъ, предъ которымъ трепетали ганзейскія суда. Но душой это былъ вовсе не феодалъ. Варвикъ, которому было

[1]) Наше изображеніе представляетъ переходъ отъ метательныхъ машинъ къ первымъ пушкамъ, которыя стрѣляли камнями, вмѣсто ядеръ, и играли неважную роль при Креси (§ 104), но уже выдвигались подконецъ, именно въ осадномъ дѣлѣ.

тогда всего 32 г., отличался энергіей и изворотливостью. Онъ выигрывалъ битвы хитростями; его сферой было устройство заговоровъ и мятежей, спутываніе всѣхъ разсчетовъ, измѣна всѣмъ лагерямъ. Его называли „творцомъ королей": выигрывала то та, то другая Роза, смотря по тому, на какой сторонѣ онъ стоялъ.

Съ помощью Варвика, Эдуардъ нѣсколько разъ поразилъ противниковъ, которые, послѣ побѣды, занимались только грабежомъ да казнями, и взялъ Лондонъ. Верхній парламентъ низложилъ Ланкастеровъ и вручилъ корону іоркскому дому въ лицѣ Эдуарда IV (1461). Генриха VI три раза обвели вокругъ позорнаго столба; его возили по городамъ, привязавши къ коню, и посадили въ Тоуеръ. Маргарита бѣжала въ Парижъ. Людовикъ XI французскій, который боролся тогда съ Карломъ Смѣлымъ бургундскимъ, радъ былъ помочь Ланкастерамъ: Эдуардъ IV былъ союзникомъ Карла Смѣлаго и отдалъ за него свою сестру. Съ помощью французовъ, Маргарита 10 лѣтъ дѣлала попытки возвратить корону. Не разъ она имѣла успѣхъ, благодаря Варвику, который ошибся въ разсчетѣ: Эдуардъ не хотѣлъ быть его игрушкой и сталъ выдвигать, на его счетъ, родственниковъ своей любимой жены изъ джентри. Творецъ королей сначала думалъ замѣнить Эдуарда его братомъ, жаднымъ и бездарнымъ герцогомъ Кларансомъ, за котораго и выдалъ свою дочь. Потомъ онъ присталъ къ Маргаритѣ изъ ненависти къ Карлу Смѣлому, который защищалъ купцовъ отъ его пиратства: его другая дочь вышла замужъ за сына королевы, принца уэльскаго. При такихъ вождяхъ, какъ Эдуардъ IV и Варвикъ, война стала упорной: то тѣ, то другія головы торчали на городскихъ стѣнахъ. Однажды Эдуардъ едва не попался въ плѣнъ во время пирушки; онъ бѣжалъ въ Бургундію, въ чемъ былъ, заплативъ корабельщику за перевозъ своимъ дорогимъ плащомъ. Маргарита утвердилась въ Лондонѣ. Но черезъ полгода Эдуардъ возвратился съ войсками Карла Смѣлаго, и на его сторону перешелъ Кларансъ, увидѣвшій измѣну въ связяхъ Варвика съ принцемъ уэльскимъ. При Тьюксбери Эдуардъ нанесъ рѣшительное пораженіе Ланкастерамъ, самъ сражаясь отчаянно впереди всѣхъ (1471). Тогда же, въ другой битвѣ, палъ „творецъ ко-

---

Оно взято изъ бреславльской пергаментной рукописи Фруассара (1468), съ миніатюрами фламандской школы, которыя служатъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія культуры середины 15-го в.

ролей“, съ цвѣтомъ англійскаго феодализма. 17-лѣтній принцъ уэльскій напрасно просилъ пощады: побѣдитель умертвилъ его, сначала давши ему пощечипу своею желѣзною перчаткой Генрихъ VI, четыре раза мѣнявшій престолъ на тюрьму, погибъ въ Тоуерѣ. Маргарита долго голодала въ заточеніи, пока не была выкуплена Людовикомъ XI. Отдаленный родственникъ Ланкастеровъ, по преданію потомокъ вождей бритовъ, Генрихъ Тюдоръ, бѣжалъ въ Парижъ.

Эдуардъ IV спокойно процарствовалъ 12 л. Смыслъ его правленія—введеніе новаго абсолютизма, которому Англія подчинялась болѣе 150 л. Эдуардъ обходился безъ парламента, такъ какъ у него были средства: павшія на бароновъ конфискаціи доставили ему огромныя суммы и $1/5$ земли; онъ произвольно собиралъ съ мѣщанъ „добровольные дары“ и самъ торговалъ; его корабли, нагруженные товарами, ходили до Италіи и Греціи, подъ купеческими фирмами. Эдуардъ завелъ шпіоновъ и пытки въ Тоуерѣ, вмѣшивался даже въ суды, которые стали очень строги, подражалъ Карлу Смѣлому въ пышности власти. Народъ уже начиналъ понимать, что политическая свобода исчезаетъ. Ея защитники, бароны, погубили другъ друга въ битвахъ или были пущены съ сумой по міру: смыслъ борьбы Розъ—истребленіе феодализма въ Англіи. Отставшее въ просвѣщеніи, сожигавшее лоллардовъ духовенство утратило нравственное вліяніе и, заботясь лишь о своихъ богатствахъ, примкнуло къ коронѣ, какъ прежде оно цѣплялось за бароновъ. То же произошло со сквайрами—и парламентскіе выборы, зависѣвшіе прежде отъ бароновъ и короны, стали игрушкой одного короля. Мѣщане были еще неопытны и боязливы въ дѣлахъ государства. Ктому же они богатѣли, благодаря Эдуарду, который приказывалъ своимъ, садясь на боевого коня: „Бейте бароновъ, щадите народъ!“ Всѣ имущіе (капиталисты и землевладѣльцы) рады были продать политическія права за охраненіе порядка, т.-е. ихъ добра: Кедъ заставилъ ихъ трепетать не меньше, чѣмъ Тайлеръ. Но тѣни жертвъ преслѣдовали могущественнаго Эдуарда. Онъ становился крайне подозрительнымъ и жестокимъ, пуще прежняго предавался пирамъ и охотѣ, растолстѣлъ. Среди его братьевъ начались раздоры. Младшій, Ричардъ, который походилъ на Эдуарда по способностямъ и кровожадности и доблестно помогалъ ему въ войнѣ Розъ, былъ щедро награжденъ, особенно землями Варвика, на которыя разсчитывалъ зять творца королей, Кларансъ. Ричардъ разжегъ

подозрительность Эдуарда, — и Кларансъ исчезъ: говорятъ, Ричардъ утопилъ его въ бочкѣ вина. Вскорѣ умеръ Эдуаръ IV, отъ излишествъ, всего 41 года отъ роду. Онъ оставилъ двухъ мальчиковъ: старшему, Эдуарду V, было всего 12 л., младшему, Ричарду—9.

§ 122. **Ричардъ III и Генрихъ VII.**—Ричардъ откладывалъ коронованіе племянника. Между тѣмъ таинственно падали головы друзей вдовы-королевы, несмотря на слезы короля. Проповѣдники и царедворцы распускали молву, будто дѣти Эдуарда IV—плоды незаконнаго брака, такъ какъ ихъ мать овладѣла-де ихъ отцомъ посредствомъ чаромутія. Вдругъ Эдуардъ V съ братомъ исчезли: говорятъ, ихъ задушили во время сна, и трупы похоронили наскоро, подъ лѣстницей. Друзья Ричарда набрали толпу и предложили ему корону, которую онъ принялъ лишь послѣ долгихъ отказовъ. Малорослый, худой, со скорченною рукой, съ злобнымъ лицомъ, Ричардъ III воспитался среди смутъ: онъ считалъ хорошимъ безжалостно истреблять все, что бы ни стояло на пути. Это былъ, однако, изворотливый деспотъ, коварный покровитель искусствъ, другъ парламента, хорошій полководецъ, дальновидный правитель. Ричардъ превзошелъ брата въ подозрительности и жестокости: его стали чуждаться даже столпы Бѣлой Розы. Онъ замѣчалъ, какъ подлѣ него гнѣздилась измѣна; а цѣль жизни была утрачена: умеръ единственный сынъ. Его стали посѣщать мучительныя сновидѣнія; онъ скрывалъ страхъ и тоску подъ личиной веселости, среди роскошныхъ пировъ. Сбылись предчувствія. Въ Уэльсѣ высадился Генрихъ Тюдоръ (§ 121), съ горстью французовъ. На его знамени красовался драконъ бритовъ подлѣ англійскаго леопарда—и отчаянные кельты примкнули къ нему. Ричардъ выступилъ съ большимъ войскомъ; но онъ былъ блѣденъ и мраченъ. Какъ только начался бой у Босворта, лучшіе его отряды передались врагу. Ричардъ надвинулъ корону на шлемъ и бросился въ ряды непріятеля съ крикомъ: „измѣна, измѣна!“ Онъ палъ, какъ жилъ — неукротимымъ, купаясь въ крови. Корону нашли у куста и надѣли на голову Генриху VII, первому изъ династіи Тюдоровъ (1485), которому было тогда всего 28 л. Ради всеобщаго замиренія, Генрихъ женился на дочери Эдуарда IV.

Такъ кончилась война Розъ, истребившая 80 человѣкъ королевской крови и почти всю древнюю аристократію Англіи. Оттого съ Генриха VII утверждается не только новая династія,

но и новый порядокъ вещей. Духъ средневѣковой смуты возникъ-было въ Ирландіи, въ лицѣ нѣсколькихъ самозванцевъ; но они легко были уничтожены: одного Генрихъ сдѣлалъ даже своимъ поваренкомъ. А такъ какъ одинъ изъ нихъ разыгралъ роль сидѣвшаго въ Тоуерѣ ребенка, сына Кларанса, то кстати истребили этотъ послѣдній отпрыскъ Іорковъ. Затѣмъ даже могущественная и гордая Испанія почтила Тюдоровъ: богатѣйшая невѣста, Катерина Арагонская, дочь Фердинанда и Изабеллы (§ 127), стала женой сына Генриха VII. Въ первомъ Тюдорѣ уже не было ничего рыцарскаго. Болѣзненный, худой, лысый, со строгими чертами лица, съ тонкими губами и злобнымъ изглядомъ маленькихъ глазъ, холодно-вѣжливый, молчаливый Генрихъ былъ отъ природы мягокъ; но прошедши школу усобицъ, изгнанія и особенно двора Людовика XI, онъ сталъ спокойно-жестокъ и коваренъ, подозрителенъ и ревнивъ. Онъ окружикъ себя шпіонами, за которыми тоже строго слѣдилъ, и гвардіей (какъ у Людовика XI), которая сохранилась доселѣ при особѣ англійскаго короля. Тонкій наблюдатель, онъ во-время схватывалъ заговорщиковъ; и если оставлялъ имъ жизнь, то лишь потому, что больше интересовался ихъ добромъ. Корыстолюбіе было его главною страстью: онъ торговалъ браками своихъ дѣтей и жадно хватался за приданое Катерины Арагонской, а ее самое держалъ чуть не въ нищетѣ. Правда, онъ и тратилъ много денегъ съ пользой: дворъ былъ богатъ, строились церкви (часовня въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ) и госпитали, являя первый примѣръ „Тюдорова стиля“. Неважный полководецъ и дипломатъ, Генрихъ былъ дѣльнымъ и твердымъ, но осторожнымъ правителемъ. Избѣгая не только пышности, но даже придворныхъ церемоній и окруживъ себя хорошими, честными помощниками изъ простыхъ, онъ все занимался государскимъ дѣломъ, которое, по его понятіямъ, состояло въ накопленіи богатствъ и утвержденіи безотчетной власти. Генрихъ управлялъ безъ парламента, не терпѣлъ ничего выдающагося, никакого движенія: со страхомъ и недовѣріемъ прислушивался онъ къ Возрожденію наукъ и искусствъ. Мягкою рукой, заставляя забывать ужасы войны Розъ, подводилъ онъ основаніе абсолютизма, не трогая старыхъ формъ политическаго быта. Безъ шума истреблялъ онъ послѣдніе замки бароновъ, прибиралъ къ рукамъ ихъ имущества и строго соблюдалъ „ливрейный статутъ“, запрещавшій лордамъ держать свиту со своими знаками и цвѣтами на плащахъ. Неуклонно посѣщая обѣдни и постясь, онъ однако держалъ

въ рукахъ церковь и ввелъ исповѣдь въ систему шпіонства. Онъ съ любовью самъ велъ дневники политически заподозрѣнныхъ и устроилъ для нихъ Звѣздную Камеру (названіе – отъ комнаты засѣданій)—судъ безъ присяжныхъ: это страшное орудіе абсолютизма, вмѣстѣ съ застѣнками Тоуера, преслѣдовало даже за насмѣшки надъ властью на словахъ или на письмѣ. Какъ финансистъ, Генрихъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Онъ отбиралъ привилегіи, чтобы потомъ продавать ихъ вновь, портилъ монету, пользовался „добровольными дарами" и „деньгами съ тонъ и фунтовъ" (съ продажи); самъ велъ обширную торговлю. Народъ называлъ финансовыми „вилами" его правило: „бери много съ роскошествующихъ, ибо они богаты; бери еще больше съ живущихъ скромно, ибо они скрываютъ свои богатства". Но Генрихъ щадилъ мѣщанъ, помогалъ купцамъ и ремесленникамъ, заключилъ выгодные торговые договоры съ Нидерландами, Италіей и Скандинавіей, развилъ флотъ, участвовалъ въ заморскихъ открытіяхъ (путешествія Кабота), велъ выгодную иностранную политику и оставилъ своему сыну, Генриху VIII (1509), наимовѣрную по тому времени сумму—2 мимл. фунт. стерл. Словомъ, заурядная натура, Генрихъ VII рабски подражалъ даровитому отцу новаго абсолютизма въ Англіи, Эдуарду IV. Средніе вѣка кончились въ Англіи. Страна превращалась изъ страны земледѣльческой, дворянской, парламентской въ страну торгово-промышленную, мѣщанскую и самодержавную.

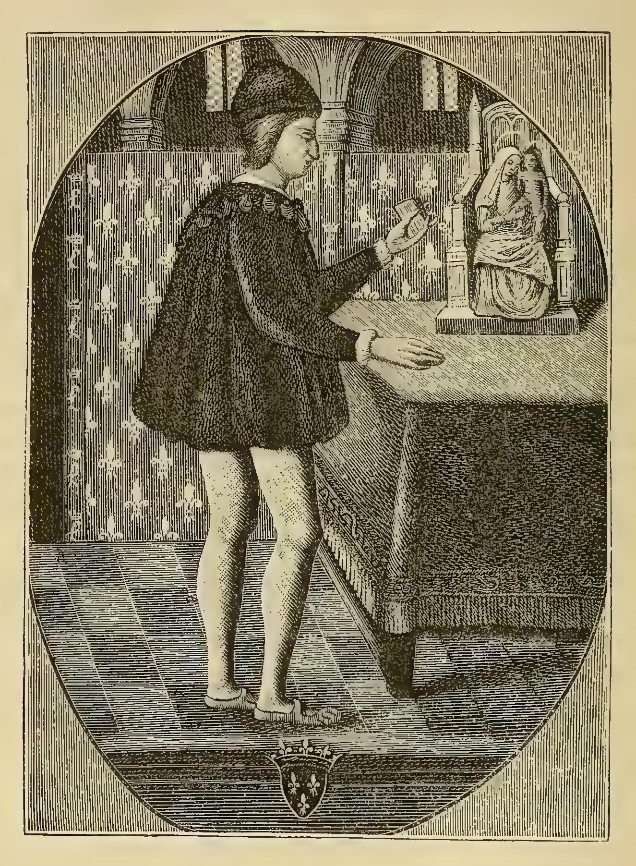
§ 123. **Карлъ VII. Людовикъ XI.**—Во Франціи новый порядокъ вещей выдвинулся послѣ англійской войны, несмотря на ничтожество Карла VII (§ 108). Подлѣ безпечнаго короля работали умные политики изъ мѣщанъ: его прозвали государемъ „съ хорошими слугами" (Bien servi). Главой ихъ былъ даровитый купецъ, Кёръ, обогащенный левантскою торговлей до того, что почти всѣ царедворцы Карла были его должниками: онъ не разъ выручалъ казну собственными деньгами, которыя ссужалъ безъ процентовъ, и много тратилъ на искусство. При такихъ министрахъ, монархизмъ быстро воспользовался ударами, нанесенными феодаламъ мѣщанскою революціей и войной съ Англіей. Возвышая города и охраняя крестьянъ, онъ отнялъ у сеньеровъ остатки судебной власти и сосредоточилъ ее въ парламентѣ, которому предоставилъ даже право утверждать указы внесеніемъ ихъ въ свои списки законовъ. Явилась и главная опора абсолютизма — постоянное войско на жалованьѣ, со строгою дисциплиной и лучшею въ

мірѣ артиллеріей; на содержаніе его была опредѣлена талья — постоянная подать, эта основа правильной казны. Шайки „живодеровъ“ (§ 120) были распущены или спроважены въ другія страны. Прагматическая Санкція (§ 119), освобождавшая галликанскую церковь отъ папскаго ига, въ то же время подчиняла ее коронѣ. Абсолютизмъ уже такъ утвердился, что вовсе не созывали государственныхъ чиновъ. При дворѣ возникъ фаворитизмъ (господство любимцевъ) — и женщины начали играть роль, въ лицѣ всемогущей фаворитки, „Дамы Красоты“, Агнесы Сорель. Съ ихъ помощью, царедворцы, прозванные „придворными собаками“, увѣрили короля, будто ихъ кредиторъ, Кёръ — заговорщикъ и отравитель Агнесы, умершей тогда внезапно. Карлъ VII посадилъ патріота въ тюрьму, откуда ему удалось бѣжать къ папѣ, а его имущество роздалъ клеветникамъ.

Феодализмъ воспользовался этимъ и собралъ свои послѣднія силы. Здѣсь еще были могущественные герцоги и графы. Во главѣ ихъ стояли „лилейные господа“, т.-е. принцы крови съ обширными удѣлами — Орлеаны, Бурбоны, Алансоны, Арманьяки и тѣ безпокойные Анжуйцы, которые хватались даже за короны Неаполя, Венгріи и Іерусалима. Но все это былъ народъ бездарный, пустой и сварливый, дичавшій въ своихъ захолустныхъ замкахъ: Жиль бретонскій послужилъ образцомъ для Синей Бороды сказокъ. Лилейные феодалы, которымъ помогали бургундцы, наняли „живодеровъ“ — и вспыхнулъ аристократическій мятежъ — прагери (praguerie — въ память Праги, т.-е. гуситскаго движенія), въ которомъ участвовалъ даже 17-лѣтній дофинъ Людовикъ. Но у бездарныхъ феодаловъ господствовали раздоры, а народъ сталъ за короля — и прагери быстро исчезла. Слабѣйшіе изъ мятежниковъ поплатились своими землями или посидѣли въ тюрьмѣ; одинъ изъ Бурбоновъ былъ брошенъ въ воду въ мѣшкѣ. Дофинъ бѣжалъ къ Филиппу Доброму бургундскому. „Филиппъ принялъ въ домъ лису, которая передушитъ его куръ“, замѣтилъ Карлъ VII. Дофинъ писалъ отцу полныя раскаянія и покорности письма, а самъ подготовлялъ новое возстаніе. Карлъ узналъ объ этомъ; ему указывали также, что непріятныя сыну лица недолго живутъ: онъ сталъ мраченъ, видѣлъ всюду измѣну, блуждалъ изъ замка въ замокъ, скрываясь отъ людей. Говорили, что онъ уморилъ себя голодомъ, не принимая пищи изъ опасенія отравиться.

Живое отрицаніе среднихъ вѣковъ, Людовикъ XI смѣялся надъ рыцарствомъ, ходилъ помѣщански въ сѣренькомъ сукон-

номъ камзолѣ, ѣздилъ безъ свиты, и часто тайкомъ, во избѣжаніе пышныхъ встрѣчъ. Онъ вѣчно обсуждалъ дѣла, даже въ минуты отдыха, и неутомимо странствовалъ по странѣ, желая все знать лично, распрашивая простыхъ людей. У него у одного

Людовикъ XI. 15-го в. [1]).

во всей Европѣ не было любимцевъ: „самъ онъ на своей лошади — вотъ его единственный совѣтникъ", говорилъ народъ. При рѣдкой любознательности, памяти и проницательности, онъ

[1]) Нашъ снимокъ сдѣланъ съ парижской миніатюры (на пергаментѣ) 15-го в., неизвѣстнаго художника. Людовикъ XI изображенъ въ одеждѣ учрежденнаго имъ ордена св. Михаила, знакъ котораго онъ держитъ въ лѣвой рукѣ: короткій камзолъ изъ краснаго бархата; штаны и шапка также красныя. Король молится въ своей часовенкѣ.

сталъ весьма свѣдущимъ, особенно въ познаніи людей. Но изучивши свое лживое и жестокое поколѣніе, онъ проникся презрѣніемъ къ нему. Религіей человѣка, въ юности готовившаго смерть своему отцу, стала выгода: „гдѣ успѣхъ, тамъ и честь", говаривалъ онъ и, самъ — образецъ лицемѣрія и себялюбія, считалъ міръ поприщемъ борьбы только этихъ двухъ силъ и восхищался итальянскою дипломатіей. Франческо Сфорца былъ его идеаломъ, какъ самъ онъ послужилъ моделью для „Государя" Макіавеля. Онъ завѣщалъ сыну правило: „кто не умѣетъ лицемѣрить, тотъ не правитель". Мелкой завистью и мстительностью омрачены даже его великія дѣла; кривые пути предпочитались имъ даже тамъ, гдѣ они были вредны ему; и высшимъ его наслажденіемъ было овладѣть чужою тайной. Осторожный, непроницаемый и терпѣливый, Людовикъ опутывалъ врага скрытными козпями: увѣренный въ силѣ своего коварства, онъ искалъ личныхъ переговоровъ съ людьми, заранѣе провѣдавши объ ихъ слабостяхъ. Только разъ онъ попался въ руки Карлу бургундскому отъ крайней самоувѣренности, но выпутался, поразивъ міръ невозможнымъ самоуниженіемъ. Разсоривши враговъ лестью, клеветой, деньгами, особенно обѣщаніями, которыхъ никогда не исполнялъ, Людовикъ истреблялъ ихъ со всею ихъ родней и друзьями. Онъ превращалъ въ орудіе своихъ замысловъ браки своихъ безплодныхъ безобразныхъ дочерей, прибѣгалъ даже къ яду и ножу наемнаго убійцы, а самъ хладнокровно изобрѣталъ пытки. Не понравился ему номинализмъ— и книги въ библіотекахъ были забиты гвоздями, а съ профессоровъ взята присяга, что они не будутъ держаться этого ученія. Другъ мѣщанъ въ борьбѣ съ феодалами, Людовикъ, при малѣйшемъ противорѣчіи, вѣшалъ ихъ на придорожныхъ деревьяхъ или бросалъ въ рѣку, въ мѣшкахъ. Но Бога лицемѣръ никогда не забывалъ: отправляясь на самое гнусное дѣло, онъ, прежде всего, заѣзжалъ поклониться какой-нибудь святынѣ и усердно молилъ ее объ успѣхѣ.

При всемъ томъ Людовикъ XI умеръ своею смертью и считается крупнымъ правителемъ: онъ преслѣдовалъ не династическія цѣли, а новый принципъ — государственную пользу (ratio status). Людовикъ понялъ, что Франція нуждалась въ централизаціи или въ собираніи земли и власти: міръ, съ которымъ онъ боролся, былъ готовъ къ паденію. Но Людовикъ былъ не выше его нравственно: онъ прибѣгалъ къ его же демоническимъ средствамъ, понималъ государственную пользу лишь

въ смыслѣ деспотизма. Трудолюбивый, трезвый, скупой Людовикъ не копилъ деньгу, а употреблялъ ее на покупку земель, на дипломатію, крѣпости и пушки, на содѣйствіе торговлѣ, промысламъ и просвѣщенію: онъ строилъ дороги, ввелъ почту и однообразныя мѣры, вѣсъ и монету, отмѣнилъ береговое право, завелъ шелководство, развилъ университеты, учреждалъ юридическія и особенно медицинскія школы, помогалъ книгопечатанію; его совѣтчикомъ былъ историкъ Коминъ. Явилась строгая полиція; страна очистилась отъ наемниковъ; въ провинціяхъ возникли парламенты и собранія трехъ чиновъ или земства. Но главное дѣло—собираніе земли, связанное съ истребленіемъ феодаловъ; и здѣсь-то проявился весь демонизмъ Людовика. Напрасно радовались герои прагери, когда ихъ союзникъ вступилъ на престолъ. Напрасно Филиппъ Добрый, окруженный блестящею знатью, пышно ввелъ своего гостя въ Парижъ, надѣясь заправлять страной. Бѣдно одѣтый Людовикъ, терявшійся среди этой роскоши, ловко выпроводилъ своихъ покровителей, на словахъ чуть не подѣливши всей Франціи между ними, и тотчасъ же принялъ политику своего отца.

Обманутые феодалы составили противъ „вездѣсущаго паука" грозную Лигу общественнаго блага, во главѣ которой стали братъ короля, юный герцогъ Берри, и сынъ Филиппа Добраго, Карлъ Смѣлый. У Людовика была ничтожная, но настоящая армія, съ отличною артиллеріей. Онъ призвалъ на помощь народъ, собравши однихъ горожанъ на генеральные штаты и принявъ ихъ депутатовъ въ управленіе. За него былъ патріотизмъ французовъ, которые выставили новую спасительницу, Жанну Гашетъ, стоявшую у бреши, при осадѣ одного города бургундцами. Пауку легко было перессорить недалекихъ лигистовъ; а въ городахъ Бургундіи онъ подстроилъ мятежъ. Чтобы ублажить парижанъ, онъ часто ходилъ къ обѣднѣ, ужиналъ запросто у купцовъ и крестилъ у нихъ дѣтей, а королеву посылалъ въ гости въ семьи юристовъ. Лига была разбита. Та же участь постигла нѣсколько другихъ подобныхъ мятежей, все руководимыхъ герцогомъ Берри, который былъ наконецъ отравленъ духовникомъ. Феодалы были отданы подъ судъ, и судьямъ заранѣе было опредѣлено ихъ имущество. Кто былъ обезглавленъ или запытанъ, кто заточенъ навѣки въ тюрьму; истребляли даже дѣтей и друзей крамольниковъ; подъ эшафотъ Арманьяка были поставлены его дѣти, чтобы на ихъ головы стекала кровь отца. Такъ Людовикъ собралъ 11

провинцій (Фландрія, Франшъ Конте, Провансъ, Анжу и др.). Самымъ важнымъ и ловкимъ шагомъ было пріобрѣтеніе цѣлаго государства Бургундіи. Оно связано съ блестящею дипломатіей короля. Людовикъ сталъ „буржуа швейцарскихъ кантоновъ", покровителемъ герцоговъ Лотарингіи, Савоіи, Милана и Флоренціи, союзникомъ Венеціи, Кастиліи и Шотландіи. Въ сильной, успокоенной Франціи онъ принялъ титулъ „величества" (Majesté) и „христіаннѣйшаго короля"; у него заискивали государи Европы. Но онъ не увлекался. Когда генуэзцы предложили ему свое подданство, которое могло вовлечь его въ рискованныя предпріятія, онъ воскликнулъ: „генуэзцы отдаются мнѣ, а я отдаю ихъ дьяволу!"

§ 124. **Новая Бургундія. Карлъ Смѣлый.** — Мимолетное государство, Новая Бургундія, возникло случайно. Когда вымерли владѣвшіе древнею Бургундіей Капетинги, Іоаннъ Добрый отдалъ ее, какъ независимое герцогство, своему сыну, Филиппу (§ 104). Новые герцоги были бойки, энергичны, властолюбивы: ихъ прозвища — Отважный, Безстрашный, Грозный, Смѣлый. Уже Филиппъ давалъ себя знать феодаламъ: облысѣлъ онъ отъ болѣзни — и всѣ они обрили головы. Герцоги быстро увеличивали свои владѣнія, пользуясь выгоднымъ положеніемъ страны между Германіей и Франціей, которыя наперерывъ заискивали у нихъ. Уже Филиппъ Отважный владѣлъ, кромѣ герцогства, бургундскимъ „графствомъ" (Франшъ Конте) и Фландріей. Его внукъ, Филиппъ Добрый (§ 108), пріобрѣлъ Голландію и Люксембургъ. Оставалось отнять Лотарингію у герцоговъ Анжу да Эльзасъ у Германіи — и воскресло бы древнее бургундское королевство. Властителей новой Бургундіи уже называли „великими герцогами Запада", и они свысока посматривали на своего сюзерена, французскаго короля. Благодатныя земли, усѣянныя пашнями, лугами и виноградниками, счастливое торговое положеніе между Роной, Луарой, Рейномъ и моремъ, связи съ промышленными Нидерландами, множество городовъ, соперничавшихъ съ Италіей по богатству, веселости, наукѣ (лувенскій университетъ) и искусству, уже прославленному именемъ ван-Эйковъ, — все дѣлало новую Бургундію самымъ роскошнымъ и изящнымъ уголкомъ Европы. Дворецъ герцоговъ въ Брюсселѣ и Гентѣ былъ послѣднимъ убѣжищемъ рыцарства и романтизма. Сюда стекались отовсюду феодалы весело пожить; отсюда выходили ихъ полчища на борьбу съ мѣщанами и мужиками Фландріи, Франціи и Швейцаріи. Особенно блисталъ

дворъ при тароватомъ, ласковомъ Филиппѣ Добромъ, котораго называли „звѣздой рыцарства“. Всюду славились его дивные дворцы, съ невиданной мебелью и утварью, и еще больше—его сказочные пиры, маскарады, турниры: рыцарство хваталось, передъ смертью, за внѣшній блескъ и шумъ. Гостей поражала сокровищница герцога, переполненная первыми въ мірѣ драгоцѣнными камнями, слитками золота, тканями и коврами. Орденъ Золотого Руна, къ которому принадлежали только рыцари съ четырьмя колѣнами знатныхъ предковъ, а гросмейстеромъ былъ самъ герцогъ, напоминалъ товарищество Круглаго Стола и мечталъ о „турецкой прогулкѣ“. Передъ Филиппомъ, обладавшимъ лучшими запасами военныхъ снарядовъ, преклонялись государи, особенно короли Франціи и Англіи, судьба которыхъ, казалось, была въ его рукахъ.

Филиппъ оставилъ своему сыну, Карлу Смѣлому, положеніе, которое могло вскружить голову,—и тотъ вообразилъ себя Александромъ Македонскимъ, отецъ котораго также назывался Филиппомъ. Карлъ воспитался на рыцарскихъ романахъ и турнирахъ, лишь ради моды изучивши латынь. Рослый и статный, онъ смолоду превзошелъ всѣхъ въ ловкости и силѣ и отличался въ битвѣ отвагой; для сохраненія силы онъ жилъ просто и умѣренно. Обидчивый, надменный, мстительный и упрямый, онъ былъ плохимъ полководцемъ и политикомъ. При неудачѣ, онъ бѣсился и становился кровожаднымъ: подконецъ его прозвали Грознымъ (le Terrible). Рыцарь душой, Карлъ былъ деспотъ по стремленіямъ. При дворѣ явился строгій этикетъ; всѣ должны были трепетать предъ герцогомъ, какъ „подданные“. Напрасны были мольбы швейцарцевъ не трогать ихъ земли, „такой бѣдной, что шпоры и удила его рыцарей дороже всего выкупа, который она могла бы дать за своихъ плѣнныхъ“. Въ юности Карлъ точно также возставалъ противъ своего отца, какъ его пріятель, дофинъ Людовикъ, противъ Карла VII; однажды Филиппъ чуть не закололь его. Теперь же онъ возмечталъ захватить Лотарингію, Швейцарію, Савою; а за королевскій титулъ предложилъ наслѣднику Фридриха III свое единственное дитя, Марію (§ 119), т.-е. все свое собственное наслѣдіе. Особенно привлекала его Лотарингія, столица которой, Нанси, должна была стать центромъ его владѣній. Онъ легко выгналъ ея юнаго, умнаго, симпатичнаго герцога, Рене. Но Карлъ забывалъ, что Бургундія наполовину состояла изъ нидерландскихъ и мѣщанскихъ земель, возстававшихъ даже противъ популярнаго Филиппа

Добраго. Онъ не видѣлъ, что, за исключеніемъ Германіи, Бургундія была окружена свѣжими государствами, гдѣ бойко развивался новый порядокъ вещей; и въ виду общей опасности, у нихъ былъ ловкій тайный вождь—„вездѣсущій паукъ“. Борьба Карла съ Людовикомъ была послѣднимъ разсчетомъ между двумя эпохами. Карлъ дѣйствовалъ сумасбродно, но открыто, какъ ры-

Карлъ Смѣлый. Фламандскій портретъ 15-го в. Въ Брюсселѣ.

царь; Людовикъ выказывалъ ему дружбу, а тайкомъ подготовлялъ вѣрную погибель героя государственныхъ приключеній, возмущая его подданныхъ, поддерживая его враговъ.

Орудіемъ Людовика были „альпійскіе коровники“, какъ называлъ Карлъ швейцарцевъ, которые превзошли себя въ почти баснословныхъ подвигахъ. Карлъ рѣшился немедленно „содрать шкуру съ бернскаго медвѣдя“ (медвѣдь далъ имя Берну и находится въ его гербѣ). Онъ бросился на горцевъ съ вдвое силь-

нѣйшей арміей, которая блистала рыцарствомъ и артиллеріей; съ нимъ были всѣ сокровища, въ роскошныхъ палаткахъ, которыми онъ хотѣлъ поразить иностранныхъ посланцевъ послѣ побѣды. Онъ занялъ у Грансона (1476) неприступную позицію, но не вытерпѣлъ—вышелъ изъ окоповъ, не желая уступать коровникамъ честь нападенія. Швейцарцы, по обычаю, пали на колѣни для молитвы. Разодѣтые, какъ на турнирѣ, рыцари захохотали, думая, что мужики просятъ у нихъ пощады. Но первая ихъ молодецкая аттака была молчаливо отбита непроницаемымъ квадратомъ изъ длинныхъ копій. А съ окрестныхъ горъ послышался страшный ревъ „урійскаго быка" и „унтервальденской коровы" (названіе огромныхъ роговъ)—и лучи заходящаго солнца сверкнули на копьяхъ и сѣкирахъ запаснаго отряда. Рыцарями овладѣла паника: они бросились вразсыпную; даже мало было убитыхъ. Карлъ скакалъ 16 часовъ съ 5 спутниками. Его сокровища достались побѣдителямъ, которые продавали ихъ за грошъ, не зная имъ цѣны. Нѣсколько сотенъ рыцарскихъ значковъ было развѣшано по церквамъ.

Карлъ сталъ мраченъ и впервые заболѣлъ; блѣдныя щеки, блуждающій взглядъ, дрожащій голосъ—все говорило о бѣшеной мести. Ему совѣтовали бросить дѣло; а онъ перелилъ колокола въ пушки, набралъ итальянскихъ и англійскихъ наемниковъ и черезъ 3 мѣсяца выступилъ съ болѣе многочисленною арміей. „Позавтракаю въ Муртенѣ, поужиною въ Бернѣ", сказалъ онъ, но лишь черезъ мѣсяцъ подошелъ къ Муртену. Въ горахъ господствовало небывалое движеніе, во главѣ котораго, какъ и всегда, стоялъ Бернъ, куда днемъ и ночью стекались молодцы, отъ хижинъ и вѣчныхъ льдовъ до богатыхъ городовъ. Прибылъ и Рене съ горстью преданныхъ храбрецовъ. Изъ Италіи, Германіи и Франціи прискакали гонцы: государи спѣшили узнать объ исходѣ битвы, рѣшавшей міровой вопросъ. Муртенскій бой былъ достоенъ свидѣтелей. Рыцари не тронулись съ мѣста, когда швейцарцы остервенѣло бросились на нихъ съ крикомъ: „Грансонъ, Грансонъ!" Какъ при Земпахѣ (§ 114) было истреблено рыцарство нѣмецкое, такъ здѣсь—бургундское и фландрское. Доблестно дрался и Рене: благодарные горцы помогли ему взять Нанси, гдѣ онъ, въ честь ихъ, завелъ медвѣдя у воротъ дворца. Карлъ, какъ помѣшанный, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ замкѣ, въ ущельяхъ Юры, потомъ воскликнулъ, вопреки всѣмъ совѣтамъ: „Буду драться одинъ, если нужно!" Онъ бросился въ Нидерланды и созвалъ депутатовъ;

но мѣщане бросился ему въ средствахъ, въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Карлъ собралъ ничтожный отрядъ и бросился на Нанси (1477). Но швейцарцы помогли своему другу. Рене, и легко разбили сумасброда. Передъ битвой упалъ золотой левъ съ шлема Карла. „Знаменіе Божіе! "сказалъ онъ и отчаянно ринулся въ бой. Среди мрачнаго, обледенѣлаго поля, въ тинѣ рва, нашли голое тѣло, до того обезображенное, что его съ трудомъ узнали, по примѣтамъ, врачъ и камердинеръ послѣдняго герцога Бургундіи.

§ 125. **Карлъ VIII и Людовикъ XII.** — Съ Карломъ исчезла и новая Бургундія. Людовикъ XI, который все время

Марія Бургундская. 15-го в. [1]).

изъявлялъ Смѣлому свои сожалѣнія и спрашивалъ его о здоровьѣ, а швейцарцевъ только поздравлялъ съ побѣдами да манилъ обѣщаніями прислать помощь, получилъ львиную часть — герцогство и графство Бургундію. Онъ протянулъ-было руку и къ Нидерландамъ; но дочь Карла, Марія, вышла замужъ за „великаго

---

[1]) Нашъ портретъ единственной дочери Карла Смѣлаго взятъ съ гравюры 15-го в., хранящейся въ парижской библіотекѣ. Здѣсь 20-ти лѣтняя Марія, тотчасъ по смерти отца, одѣта въ блестящій трауръ, чтобы идти въ гентскую думу спасать своихъ вѣрныхъ слугъ, осужденныхъ на смерть фландрскими чинами. У нея вер-

ландскнехта и самаго бѣднаго принца Германіи"—за Максимиліана, чтобы только имѣть защитника. Впрочемъ Людовикъ оттягалъ-таки у нея сосѣднія съ Франціей земли посредствомъ такихъ юридическихъ тонкостей, какъ доказательство, что „оккупація" не есть захватъ. Послѣ этого подвига, онъ жилъ недолго. Освободившись отъ главнаго соперника, онъ еще смѣлѣе и жесточе расправлялся съ феодалами, тѣмъ болѣе, что узналъ о заговорахъ противъ его жизни. Онъ сталъ изможденнымъ старикомъ, съ пронзительнымъ лихорадочнымъ взоромъ, съ загадочной, дьявольской улыбкой на сухихъ губахъ, съ язвительнымъ и неумолимымъ словомъ. Онъ ходилъ въ курткѣ толстаго сукна и мѣховой шапкѣ, къ которой были привѣшены свинцовые образки; на шеѣ болтались деревянныя четки. Людовикъ скрылся въ тѣсный уединенный замокъ Плесси-ле-Туръ, окруженный оградами и западнями, съ густымъ паркомъ, гдѣ по деревьямъ висѣли его „дочки"—желѣзныя клѣтки со скорченными страдальцами, ожидавшими своей очереди мученичества. Тамъ днемъ и ночью рыскали шпіоны и не дремала стража изъ отчаянныхъ шотландскихъ головорѣзовъ; а тиранъ сталъ добровольнымъ узникомъ. Онъ лишь изрѣдка любовался „дочками": все сидѣлъ въ душныхъ покояхъ, ежедневно мѣнялъ слугъ и поваровъ, рѣдко принималъ даже жену и дофина, дѣтски подчинялся грубому врачу, который тиранилъ и обиралъ его. Въ сообществѣ своихъ „кумовьевъ" (палачей), астролога и духовника, изобрѣталъ онъ пытки и казни да гадалъ, нето гонялся изъ комнаты въ комнату за крысами, взапуски съ своими псами. Но больше всего онъ боролся съ тѣнями своихъ жертвъ, въ особенности же съ неотвязнымъ призракомъ своей вѣрной союзницы — смерти. Несчастный все шепталъ молитвы передъ Распятіемъ, прикладывался колѣнопреклоненно къ своимъ образкамъ и четкамъ, призывалъ отшельниковъ, выписывалъ мощи, собирался помазаться мvромъ изъ св. реймской чаши, одарялъ святыни, прося у нихъ, прежде всего, „превосходнаго состоянія желудка". Съ трепетомъ и крестнымъ знаменіемъ проходилъ народъ мимо ужаснаго замка: онъ вѣрилъ даже, что король пьетъ кровь младенцевъ для сохраненія

хомъ великолѣпія служитъ головной уборъ—украшенный дорогою брошкой чепецъ, изъ котораго выходитъ высокій остроконечный колпакъ, съ причудливо вьющеюся, на проволокѣ, вуалью. Этотъ уборъ доведенъ до чудовищности такою щеголихой, какъ Изабелла баварская (§ 106).

своего здоровья. Людовикъ умеръ, углубленный въ политическія соображенія (1483).

Его наслѣдникъ, 13-лѣтній Карлъ VIII, болѣзненный, недалекій уродецъ, съ трудомъ читалъ рыцарскіе романы и мечталъ о роли паладина. Но умъ и воля отца перешли къ дочери, Аннѣ Божё, которую называли Великою (Madame la Grande). Когда феодалы возстали, подъ предводительствомъ шурина короля, Людовика Орлеанскаго, эта „женщина невиданно-тонкой проницательности", живо расправилась съ ними поотцовски: ее поддержалъ народъ, который назвалъ это возрожденіе лиги общественнаго блага (§ 123) „безумною войной". Затѣмъ Анна долго управляла мирною страной. Ей удалось докончить собираніе французской земли: несмотря на мѣшавшій ей союзъ Англіи, Германіи и Арагоніи, она пріобрѣла, посредствомъ брака Карла VIII съ наслѣдницей Бретани, это герцогство безусловно, хотя бретонцы цѣлыхъ три вѣка доказывали мятежами, что помнили свою независимость. Монархизмъ утвердился; но въ немъ самомъ гнѣздился духъ феодализма, стремленіе къ фантасмагоріямъ и пышности. Мечтавшій о роли Карла Великаго Карлъ VIII вздумалъ возобновить права Анжуйцевъ на Неаполь, а оттуда пойти на турокъ и взять Іерусалимъ. Напрасно Анна доказывала, что это значило бы „дорого заплатить за долгое раскаяніе". Подстрекаемый знатью, Карлъ началъ итальянскіе походы, которые мучили Францію полвѣка. Еще тише было во Франціи при его преемникѣ, Людовикѣ XII, отъ котораго пошла младшая, орлеанская, линія Валуа. Изъ мятежника онъ сталъ хорошимъ монархомъ. Умный, простой, скромный добрякъ, онъ заслужилъ названіе Отца Народа. Людовикъ не тронулъ друзей Анны, замѣтивъ: „король Франціи не станетъ мстить за обиды герцога орлеанскаго". Онъ жилъ одними доходами съ своихъ удѣловъ и могъ уменьшить подати на $^1/_3$. „Лучше пусть царедворцы смѣются надъ моей скупостью, чѣмъ плакать народу отъ моихъ тратъ", говорилъ честный король. У него каждая казенная копѣйка шла на войско, въ особенности же на процвѣтавшіе при немъ промыслы, торговлю, земледѣліе и искусства. Но и онъ увлекался итальянскими походами, гдѣ столкнулся съ новою замѣчательною силой — съ испанскимъ монархизмомъ.

§ 126. **Борьба съ феодализмомъ за Пиренеями**. — Испанія, наряду съ Франціей и Англіей,—третья страна, въ которой рано возобладалъ новый порядокъ вещей. Здѣсь „святая

война“ помогала національному и политическому сплоченію: когда мавры вздумали-было возвратить утраченное, всѣ три христіанскія государства (Кастилія, Арагонія и Португалія) выступили единодушно и нанесли имъ жестокое пораженіе у Саладо (1340), послѣ котораго они уже не смѣли выходить за предѣлы своей Гранады (§ 81). Но святая война воспитала въ испанцѣ фанатизмъ и кровожадность, развила въ грандахъ и хидальгахъ высокомѣріе и буйный духъ; а сношенія съ магометанами приводили къ сладострастію, съ его kознями, процвѣтавшими особенно при дворахъ Кастиліи и Португаліи. Когда миновала опасность со стороны мавровъ, эти страсти вошли внутрь націи — и конецъ среднихъ вѣковъ за Пиренеями ознаменовался такими же безпорядками, какъ во Франціи и Англіи. Кровавыя усобицы господствовали даже въ королевскихъ семьяхъ; соперники какъ бы старались превзойти другъ друга въ коварствѣ, безчеловѣчіи и развратѣ. Этимъ пользовались феодалы, которые захватили въ Кастиліи даже большую часть коронныхъ земель.

Но то была послѣдняя вспышка феодализма, среди которой монархизмъ не переставалъ дѣлать свое дѣло. Въ Португаліи онъ ясно обрисовался уже около 1400 г., когда вымерли Бургундцы (§ 54) и Іоаннъ I открылъ эпоху возрожденія націи. Этотъ умный, храбрый „король доброй памяти“ любилъ народъ,— и Лиссабонъ „любилъ его, какъ мать свое дитя“. Онъ смирилъ феодаловъ и повелъ успокоенную націю противъ ислама, въ его собственномъ гнѣздѣ. Окруженный всеобщимъ довѣріемъ, женой-патріоткой и доблестными сыновьями, изъ которыхъ младшій, Генрихъ, былъ душой похода, Іоаннъ взялъ Цейту (1415), это сердце Мавританіи, гдѣ устраивались всѣ нападенія на христіанъ. Когда король посвятилъ своего Генриха въ рыцари, въ цейтской мечети, въ португальцахъ пробудилась жажда широкой и славной жизни. Они рвались въ заманчивую даль океана и необозримой Африки. Ихъ героемъ сталъ симпатичный, отважный и неусыпный Генрихъ. Онъ усовершенствовалъ морское дѣло, собралъ всѣ свѣдѣнія по географіи и астрономіи, созвалъ храбрыхъ моряковъ со всей Европы—и началась великая эпоха открытій. Португальцы назвали его скромное жилище, у мыса С. Винцента, куда онъ скрывался для работъ, „виллой инфанта“ (принца крови); исторія назвала его Мореплавателемъ. Между тѣмъ какъ лучшіе сыны націи открывали новые міры, знать пыталась возобновить средневѣковую анархію. Но она была подавлена при Іоаннѣ II, напоминавшемъ Людовика XI. „Іоаннъ,

казалось, забывалъ, что онъ человѣкъ: вѣчно помнилъ только, что онъ — король и повелитель", говоритъ очевидецъ. Лаской, обѣщаніями заманивалъ онъ къ себѣ феодаловъ и рѣзалъ ихъ, отравлялъ, сажалъ въ тюрьму навѣки. Глава крамольниковъ, родственникъ короля, герцогъ Брагавцскій, былъ обезглавленъ даже всенародно на площади.

Въ Арагоніи, гдѣ пороки сдерживались суровыми нравами, гдѣ окрѣпъ законъ, охраняемый кортесами и хустиціей (§ 81), было спокойнѣе. Уже около 1350 г. феодалы смирились: коварный, недовѣрчивый деспотъ, Педро VI, собственноручно сломалъ печать уніи грандовъ—и частная война стала преступленіемъ. Только разъ вельможи вспомнили-было старину, воспользовавшись пребываніемъ королей въ Неаполѣ; но былъ призванъ на помощь Людовикъ XI—и королевство перешло умиротвореннымъ къ 18-лѣтнему Фердинанду (1469). Франція была вознаграждена землями у сѣвернаго склона Пиренеевъ — королевствомъ Наваррой, наслѣдница котораго вышла замужъ за французскаго вельможу, Жана д'Альбре. Въ Кастиліи труднѣе всего было утвердиться новому порядку вещей. Здѣсь рикосомбры (§ 81), владѣвшіе богатыми духовно-рыцарскими орденами, стали почти государями; а при дворѣ господствовали такіе пороки и распри, что имя кастильца становилось браннымъ словомъ въ Европѣ. Но и здѣсь развивался понемногу монархизмъ, опираясь на горожанъ въ кортесахъ, которые дали королямъ, за побѣду при Саладо, взятую у мавровъ постоянную подать или алькавалу — извѣстный % съ продажи. Безпримѣрные ужасы борьбы монархизма съ феодалами олицетворены въ послѣднемъ изъ Бургундцевъ, Педрѣ Жестокомъ, воцарившемся въ 1350 г. Жадное, сладострастное, незнавшее честнаго слова чудовище, Педро 20 л. истреблялъ не только грандовъ, съ ихъ родней и друзьями, но даже инфантовъ: несчастныхъ нерѣдко приглашали во дворецъ и тутъ избивали дубьемъ. Онъ извелъ свою мачиху, тещу, нѣсколькихъ женъ, четырехъ братьевъ: трупъ одного изъ нихъ былъ посланъ вдовѣ въ подарокъ. Педро казнилъ, даже сожигалъ людей безъ суда, по доносамъ, и нерѣдко просто чтобы забрать имѣніе богачей, выпытавши у нихъ показанія о сокровищахъ. Онъ впалъ въ бѣшенство, когда Арагонія пріютила у себя его брата, Генриха Трастамара. Но на помощь къ Генриху прибыли французы съ Дюгекленомъ (§ 105). Деспота поддержали англичане съ своимъ Чернымъ Принцемъ; но французы побѣдили—и Генрихъ, съ помощью конюха, за-

кололъ Педра въ палаткѣ, во время переговоровъ, послѣ отчаянной борьбы съ злодѣемъ. При Трастамарахъ у феодаловъ уже были отняты всѣ коронныя земли. Но послѣдній изъ нихъ, Генрихъ IV, едва не погубилъ дѣла своею порочностью и бездарностью: у грандовъ возникла давно забытая унія. Къ счастію, вождемъ уніи стала сестра короля, Изабелла.

§ 127. **Изабелла и Фердинандъ**.—Воспитанная матерью въ провинціальномъ захолустьѣ, очень красивая блондинка съ очаровательными манерами и прелестною кастильскою рѣчью, Изабелла была эмблемой нравственности среди окружающаго разврата. Серьезная и скромная до застѣнчивости, она сама обшивала семью, соперничала съ монахинями въ вышиваньѣ, хорошо воспитала сына и четырехъ дочерей, забывала себя для бѣдныхъ и страдальцевъ. При всей строгости правилъ, при королевской величавости, она внушала пріязнь: у нея было много личныхъ друзей. При трезвомъ умѣ и неутомимости, она умѣла выбирать людей и сама вела съ ними все управленіе. Сама дополняя свое образованіе чтеніемъ по ночамъ, она горячо стояла за книгопечатаніе, любила таланты, искала бесѣдъ съ крупными личностями: ея вѣрѣ въ геній и науку человѣчество обязано Америкой; съ ея смертью начались бѣдствія Колумба и знаменитаго полководца Гонсальва. Изабелла была вездѣсуща, всюду внося высокій тонъ: во всякую погоду странствовала она по своей землѣ; на войнѣ была то вождемъ, въ панцырѣ, на конѣ, то сестрой милосердія; „королевины больницы" были первымъ намекомъ на Красный Крестъ. Но Изабелла была испанка: набожная, покорная церкви до мелочей, она становилась сурова съ лѣтами и впадала въ фанатизмъ; строгій, скучный мадридскій дворъ превращался въ монастырь, королева—въ инквизитора. Характеръ проявлялся въ Изабеллѣ смолоду: 16-ти лѣтъ она отвергла толпу жениховъ, привлеченныхъ ея правами на престолъ, отчасти даже присланныхъ Генрихомъ IV. Она сама выбрала юнаго Фердинанда арагонскаго; но и ему предписала жить въ Мадридѣ и лишь подписываться наряду съ нею: управлять онъ долженъ былъ согласно ея волѣ и требованіямъ кортесовъ. Опасаясь убійцъ Генриха IV, Фердинандъ пробрался къ невѣстѣ переодѣтый слугой. Свадьба (1469) была самая скромная: ни у жениха, ни у невѣсты не было денегъ. Фердинандъ походилъ на Изабеллу только красотой, трудолюбіемъ и простотой жизни. Смуглый, мускулистый гимнастъ и наѣздникъ, онъ отличался рѣзкимъ голосомъ, ледянымъ обращеніемъ, жалкимъ образова-

ніемъ и стушевывался передъ одушевленной Изабеллой. Его бережливовость доходила до скупости: „Экій крѣпкій камзолъ! Вотъ ужъ третьи рукава жена пришиваетъ къ нему“, сказалъ онъ однажды. Мелочный, властолюбивый эгоистъ, Фердинандъ не разбиралъ средствъ, не зналъ сожалѣнія, даже обижалъ Изабеллу постоянными измѣнами; недюжинныя личности внушали ему страхъ и отвращеніе. Молчаливый, скрытный, онъ хвастался своимъ вѣроломствомъ, за которое Макіавель поставилъ его „выше всѣхъ современниковъ въ искусствѣ правленія“. „Вотъ ужъ второй разъ онъ надулъ меня!“ воскликнулъ Людовикъ XII. „Неправда, десятый разъ“, поправилъ его Фердинандъ. Изабелла постоянно боролась съ грубостью и деспотизмомъ своего сожителя, отстаивая таланты и науку, смягчая его жестокую политику: только въ фанатизмѣ она сходилась съ королемъ, котораго папа назвалъ Католикомъ.

Изабелла и Фердинандъ. Медаль 16-го в.

По смерти Генриха IV, Кастилія и Арагонія соединились подъ скипетрами Изабеллы и Фердинанда. Въ новой столицѣ, Мадридѣ, воцарился суровый, дѣловой дворъ. Изабелла соблюдала права кортесовъ, издала строгій сводъ законовъ, прославилась справедливостью, подняла торговлю, промыслы и просвѣщеніе. Признательные мѣщане обратили свои милиціи (§ 81) въ общую „святую германдаду“, т.-е. въ постоянную армію, съ помощью которой были разрушены сотни замковъ и отняты у знати не только чеканка монеты, но даже право изображать корону на гербахъ и употреблять въ бумагахъ древнюю формулу — „по моей милости“. Рикосомбры были вознаграждены пышными титулами и участіемъ въ придворномъ этикетѣ, т.-е. превращены въ царедворцевъ. Гранды и хидальги смирно сидѣли по своимъ помѣстьямъ, занимаясь хозяйствомъ. Рыцарскіе ордена отошли къ коронѣ. Изабелла сократила права папы, по примѣру Франціи, и завела посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Въ первое 10-тилѣтіе нельзя было узнать Ка-

стилю: и превращеніе совершилось безъ преступныхъ пріемовъ абсолютизма другихъ странъ. Но вторая половина царствованія—кровавое пятно на свѣтлой памяти Изабеллы. Испанскій фанатизмъ требовалъ жертвъ—и первыми стали евреи, разбогатѣвшіе до того, что почти не было знатной семьи, которая не породнилась бы съ ними черезъ браки. Сначала разными кознями привели многихъ къ купели. Но „новокрещены" были христіанами только съ виду,—и Фердинандъ настаивалъ на воскрешеніи инквизиціи, дремавшей послѣ альбигойскаго погрома: онъ надѣялся воспользоваться сокровищами евреевъ и пріобрѣсти шпіоновъ въ инквизиторахъ.

Долго сопротивлялась Изабелла, поддерживаемая кортесами. Но, вотъ, она услыхала про Хименеса, бѣднаго хидальго, который учился въ Римѣ, потомъ построилъ себѣ скитъ въ глухомъ ущельѣ и прославился, какъ праведникъ. Изабелла сдѣлала его своимъ духовникомъ, примасомъ и великимъ канцлеромъ; но во дворцѣ онъ оставался аскетомъ и завелъ такую строгость въ церкви, что монахи чуть не убили его. Хименесъ больше подходилъ къ Изабеллѣ, чѣмъ къ Фердинанду, который терпѣлъ его лишь по необходимости: онъ любилъ смѣлыя, открытыя мѣры, почиталъ таланты и науку. Но это былъ рожденный деспотъ. Онъ ненавидѣлъ кортесы съ ихъ рѣчами и любилъ войну: „запахъ пороха слаще мнѣ ароматовъ Аравіи", говорилъ онъ, и самъ, въ облаченіи, на мулѣ, велъ войска противъ мавровъ. Хименесъ не скрывалъ своего низкаго происхожденія, не хвастался, не выдвигалъ своей родни и друзей: онъ былъ поглощенъ служеніемъ церкви и государству. Но грубый, презиравшій жизнь аскетъ, Хименесъ безжалостно требовалъ мертваго единства во всемъ: въ немъ воплотился суровый духъ новаго времени. Онъ не могъ выносить зрѣлища трехъ религій въ Испаніи,—и Изабелла возстановила инквизицію, поручивъ ее Торквемадѣ, имя котораго стало синонимомъ изувѣрства.

Начались невиданныя ауто-да-фе. Торквемада сжегъ въ 18 л. болѣе 10.000 „злодѣевъ"; столько же „примиренныхъ" было подвергнуто унизительнымъ карамъ, и въ нѣсколькихъ колѣнахъ; почти столько же бѣжало, и ихъ изображенія были сожжены палачемъ. Въ рукахъ Фердинанда „святая" инквизиція превратилась еще въ ужасное политическое учрежденіе: король назначалъ инквизиторовъ, и они сожигали по малѣйшему подозрѣнію въ непочтеніи къ власти. Торквемада взялся и за некрещеныхъ евреевъ. Несчастные пришли къ Изабеллѣ поднести

30.000 дукатовъ на войну съ маврами. Но въ залу вбѣжалъ Торквемада и закричалъ на королеву: „Вы хотите продать Христа, какъ Іуда, за 30.000 сребренниковъ: вотъ Онъ, торгуйте Имъ!“. Онъ бросилъ Распятіе на столъ и вышелъ. Явился приказъ (1492) всѣмъ евреямъ, въ 4 мѣсяца, покинуть Испанію и не брать съ собой золота съ серебромъ. Болѣе 150.000 ушло въ разныя страны, особенно въ Африку, гдѣ ихъ избивали разбойники пустынь. Тогда же былъ искорененъ исламъ, процвѣтавшій въ веселой, роскошной Гранадѣ, гдѣ подолгу заживались испанскіе гранды и купцы. У эмира Абдаллы было до 100.000 войска, которое превосходило христіанъ по оружію, крѣпостямъ и флоту. Но мавры не знали артиллеріи и были изнѣжены, а ничтожный эмиръ былъ игрушкой придворныхъ интригъ. Изабелла же одушевляла всѣхъ къ „святой войнѣ“, заложивши даже коронные алмазы. Къ ней стекались рыцари даже изъ Англіи, и пришли грозные швейцарцы. Гранада легко сдалась, на условіи сохраненія ея быта (1492). Но вскорѣ повелѣли маврамъ или креститься, или выселяться. Хименесъ сжегъ нѣсколько тысячъ ихъ рукописей, плетьми и пытками загонялъ ихъ къ купели. Для ускоренія обряда лишь окропляли св. водой: это—„крещеные исопомъ“ или мориски. Хименесъ запретилъ Библію на арабскомъ языкѣ: „Зачѣмъ разсыпать бисеръ передъ свиньями? Слово Божіе внушаетъ больше благоговѣнія, когда оно закутано въ таинственую мглу чужого языка“. Мавры массами бѣжали въ горы Андалузіи—и вспыхнула вторая „святая война“. Тутъ погибло много испанцевъ. Но Гонсальво побѣдилъ—и избіеніе и ограбленіе нехристей было возведено въ законъ, въ христіанскій долгъ: даже взрывали порохомъ мечети, переполненныя дѣтьми и женщинами. Уцѣлѣвшіе ушли въ Африку и стали грозой христіанъ, какъ пираты, поддерживаемые османліями.

Маврскія войны довершили собираніе испанской земли и создали испанскую армію, прославленную доблестями и такими талантами, какъ Гонсальво. Вскорѣ испанцы пріобрѣли Неаполь и Америку. Тогда только умерла Изабелла (1504), среди государственныхъ заботъ, завѣщавши скромно похоронить себя въ Альгамбрѣ. Кастильскіе кортесы признали наслѣдниками больную, нервную, некрасивую дочь Изабеллы, Іоанну, и ея мужа, Филиппа бургундскаго, сына Маріи и Максимиліана (§ 124). Прозванный Красивымъ за свою внѣшность, Филиппъ былъ преданъ удовольствіямъ да своимъ фламандскимъ любимцамъ.

Онъ не терпѣлъ ни строгаго мадридскаго двора, ни скучной Іоанны, влюбленной въ него до безумія, и веселился въ Брюсселѣ; а Іоанна мучилась въ разлукѣ и впадала въ меланхолію. Наконецъ, Филиппъ пріѣхалъ, но вскорѣ умеръ отъ тоски по родинѣ, отъ мѣстнаго климата да отъ чаръ увлекавшихся имъ испанокъ. Безъ слезъ, безъ словъ, дни и ночи сидѣла Іоанна у постели умирающаго; долго не могла она разстаться съ трупомъ, все открывая гробъ и всматриваясь въ милыя черты. Днемъ она пряталась, говоря: „вдова, утратившая солнце своей души, не должна видѣть дневного свѣта". Черты ея оставались неподвижными, взоръ погасъ на изможденномъ лицѣ: ее прозвали Безумной. Фердинандъ устроилъ ей тихій замокъ у могилы Филиппа, гдѣ она прозябала около 50 л.

Сыну Безумной, Карлу, воспитывавшемуся въ Нидерландахъ, было 6 л., когда умеръ Филиппъ; Фердинандъ, какъ опекунъ его, управлялъ Кастиліей до своей смерти (1506—1516). Все шло попрежнему: внутреннія дѣла были въ рукахъ Хименеса, ставшаго кардиналомъ. Строгій къ грандамъ, онъ поднималъ города, отличался справедливостью, наполнилъ казну путемъ сбереженій, образовалъ сильное ополченіе и флотъ, укрѣпилъ границы. Онъ не жалѣлъ средствъ на покупку рукописей для своего изданія „трехъязычной" Библіи. Но его любимымъ дѣтищемъ былъ университетъ въ Алкалѣ, устроенный на подобіе Сорбонны: ему завѣщалъ онъ свое имущество; здѣсь велѣлъ и похоронить себя скромно. Только фанатизмъ возрасталъ съ годами: какъ глава инквизиціи, введенной даже въ Америкѣ, кардиналъ сжегъ $2^1/_2$ т. народу и 50.000 подвергъ разнымъ карамъ Звѣрствами запятнано доблестное покореніе Орана, Алжира, Туниса, устроенное Хименесомъ, который самъ велъ армію, набравши ее на свои деньги. Но дипломатія была въ рукахъ Фердинанда: тогда-то онъ прославился тѣмъ, что обманулъ всѣхъ въ итальянскихъ войнахъ. По смерти Фердинанда, прибылъ Карлъ, окруженный фламандцами. Холоднымъ письмомъ далъ онъ отставку Хименесу, даже не повидавшись съ труженикомъ, сохранившимъ ему Кастилію: старикъ вскорѣ умеръ. Вся Испанія перешла къ тому Карлу I, который потомъ соединилъ въ своихъ рукахъ Германію, Австрію, Богемію, Венгрію и Нидерланды; и такъ какъ ему же принадлежала Америка, то онъ былъ вправѣ хвастаться, что „солнце не заходитъ въ его владѣніяхъ". Создалась міровая держава обширнѣе имперіи Карла Великаго: средняя исторія кончалась тѣмъ, чѣмъ начиналась. Оттого въ

Испанія выдвинулась на первый планъ международная политика, поприщемъ которой служила Италія.

§ 128. **Италія. Медичи, Борджіа, Савонарола.** — Въ Италіи продолжались мучительныя попытки водворить порядокъ путемъ усиленія власти (§ 112). На сѣверѣ только Савоія и Венеція развивались мирно, хотя Савоія утратила швейцарскія земли, а торговля Венеціи страдала отъ турокъ и открытія морского пути въ Ост-Индію. Среди городскихъ республикъ, превращавшихся въ мелкія монархіи, прочнѣе всѣхъ была Феррара, которая подчинилась папамъ (ок. 1600) лишь по прекращеніи фамиліи Эсте, прославленной меценатствомъ и блескомъ двора. Подорванная турками и новымъ путемъ въ Ост-Индію Генуя была жертвой раздоровъ между сильными фамиліями Доріа и Фьески: ею овладѣвали то французы, то миланцы. Главная держава на сѣверѣ Италіи, Миланъ страдалъ больше всѣхъ. Новые герцоги, Сфорцы, едва ли не превзошли Висконти въ жестокой тираніи. Галеаццо-Марія, который изобрѣталъ неслыханныя пытки и насмѣхался надъ имъ же обезчещенными женщинами, былъ зарѣзанъ въ церкви. Его братъ, Людовикъ, прозванный Мавромъ по темному цвѣту лица, овладѣлъ престоломъ, отравивши его ребенка. Жестокій, коварный злодѣй, онъ внушалъ итальянцамъ почти суевѣрный страхъ своею ловкою политикой. „Папа—мой попъ, императоръ—мой кондотьеръ, Венеція—мой лакей, а французскій король—мой курьеръ“, говорилъ Мавръ—и призвалъ Карла VIII французскаго, чтобы утвердить свою похищенную власть.

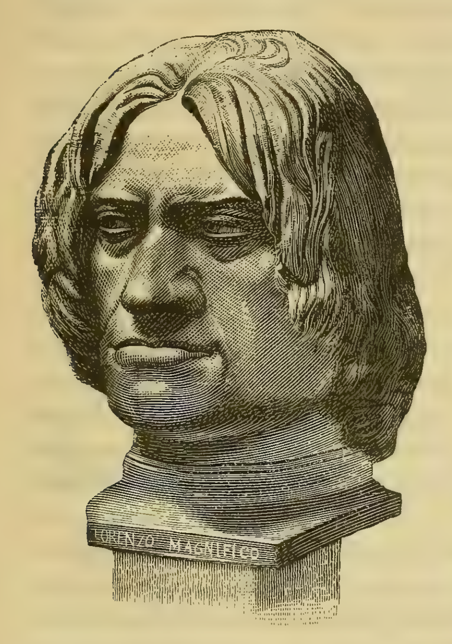
Въ средней Италіи, стремленіе къ порядку выразилось во Флоренціи въ небывалой формѣ. Городъ капиталистовъ добровольно подчинился банкирской семьѣ. Много испытавши въ молодости, какъ изгнанникъ, Козимо Медичи (§ 112), подобно Периклу (Д. И. § 114), управлялъ 30 л. нравственною силой—своими талантами, патріотизмомъ и образованностью, безъ формальныхъ правъ и титула, нося только прозвище Отца Отечества. Всѣ власти были какъ бы его министрами. Онъ смирилъ знать, но и демократовъ подчинилъ строгому закону. Другъ бѣдняковъ, онъ жилъ скромно, безъ хвастовства, и не искалъ связей посредствомъ браковъ своихъ дѣтей. Никто не завидовалъ ему: не было флорентійца, котораго онъ не одолжилъ бы или не почтилъ. Знатокъ людей, Козимо былъ прозорливымъ политикомъ. Съ помощью отличнаго войска, нанятаго на собственныя деньги, и благодаря

дружбѣ съ Сфорцами, онъ покорилъ весь тосканскій союзъ и затѣмъ старался установить мирную политику, на основѣ равновѣсія силъ: у Флоренціи уже заискивали государи. Онъ такъ утвердилъ свою династію, что вскорѣ Медичи стали герцогами: они дали двухъ папъ и двухъ французскихъ королевъ и продержались 300 л. Козимо много тратилъ также на украшеніе города, привлекая лучшихъ художникомъ.

Меценатство, эта наслѣдственная страсть Медичи, особенно проявилось у внука Козима, Лоренца. То былъ истиный представитель эпохи, по богатству и воспріимчивости своей природы, по широтѣ и независимости взглядовъ, по стройному развитію дарованій, которымъ руководила мать, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ свого времени. Соединяя живое воображеніе и быстроту и рѣшительность дѣйствій съ тонкимъ, яснымъ и находчивымъ умомъ, Лоренцо блисталъ богатствомъ мыслей, свѣжестью чувства и красотой формы, какъ классикъ, поэтъ и ораторъ и не уступалъ дѣду, какъ правитель, дипломатъ и банкиръ. Въ то же время онъ былъ ловкимъ охотникомъ, очаровательнымъ рыцаремъ и изящнымъ эпикурейцемъ: онъ любилъ, но безъ излишествъ, женщинъ, вино, музыку, живопись, въ особенности же ваяніе. Дворъ Лоренца сталъ пріютомъ вождей всѣхъ отраслей новой идеальной культуры: изъ нихъ была устроена Платонова Академія, а при ней—публичная библіотека. На образцахъ античнаго искусства, собранныхъ въ его саду, воспитался Микель-Анджело. За это неслыханное меценатство, а также за пристрастіе къ дорогимъ постройкамъ и къ изящной пышности, Лоренца прозвали Великолѣпнымъ (Magnifico). Проводя даже строже дѣда мирную политику, Лоренцо доставилъ своему отечеству „медицейскій вѣкъ“: Флоренція сдѣлалась новыми Аѳинами, средоточіемъ классицизма. Жизнь интеллигенціи приняла реальный и эстетическій оттѣнокъ древности: она протекала въ радостяхъ, въ изящныхъ наслажденіяхъ; Лоренцо совершалъ симпосіоны (Д. И. § 116) съ своими друзьями-классиками, среди которыхъ онъ и умеръ. Но строгій моралистъ могъ замѣтить въ новомъ быту легкомысліе и забвеніе долга, прикрытыя изящными формами, а это вело къ возбужденію еще неугасшаго средневѣковаго аскетизма. Въ то же время напоминавшая принципатъ Августа (Д. И. § 244) власть Лоренца и его слава породили зависть у знатныхъ Пацци. Подстрекаемые папой, они бросились на него за обѣдней: его братъ былъ заколотъ, самъ онъ отдѣлался легкою ра-

ной. Народъ перебилъ заговорщиковъ; вождь ихъ, архіепископъ, былъ повѣшенъ передъ дворцомъ Лоренца въ полномъ облаченіи.

Воспитанный въ роскоши сынъ Лоренца, Петръ II, былъ грубый, бездарный, развратный деспотъ. При немъ развились пороки новой цивилизаціи, и среди всеобщаго веселья и матеріализма раздался строгій голосъ новаго Арнольда (§ 71).

Лоренцо Медичи. Бюстъ изъ терракоты, флорентійскаго мастера 1490 г. Въ берлинскомъ музеѣ.

Савонарола. Бюстъ въ монастырѣ св. Марка, во Флоренціи. 1496.

Сынъ феррарскаго врача, Савонарола хорошо учился, увлекаясь Ѳомой и диспутами схоластиковъ. Грустная, замкнутая, односторонняя натура, онъ смолоду возненавидѣлъ блескъ и веселье двора Эсте и началъ оплакивать „гибель міра“ въ задушевныхъ стихахъ. Затѣмъ отвергнутая любовь—и юноша поступилъ въ доминиканцы. Здѣсь 7 л. предавался онъ изученію Библіи, аскетизму и молитвамъ до истерики. Узнавши клиръ, онъ увидѣлъ, что и „церковь гибнетъ“,—и, горячій католикъ въ душѣ, рѣшился исправить ее. Повинуясь видѣніямъ и тайнымъ голосамъ, выступилъ новый пророкъ-обличитель, изможденный, смуглый, съ сверкающимъ взоромъ, съ большими сжатыми губами,

съ морщинистымъ лбомъ, въ самомъ бѣдномъ, но очень чистомъ одѣяніи. Добрая, меланхолическая улыбка, грубоватыя манеры, простая, но пылкая рѣчь, отъ которой вѣяло Апокалипсисомъ, одушевленная любовь къ гибнущему человѣчеству, искренняя критика аристократовъ и богачей, этихъ „похитителей заработковъ народа, мрущаго съ голоду“ — все привлекало къ нему толпу, которая считала его праведникомъ. Доминиканецъ выставлялъ Библію противъ классицизма и папскихъ декретовъ, аскетизмъ — противъ разврата, христіанскую любовь, простоту и поэтическую мистику — противъ эгоизма, изысканности фразъ и манеръ, разсудочности интеллигенціи. Онъ ошеломлялъ массы картиной небесныхъ каръ: придутъ-де новые варвары — и все погибнетъ, а тирановъ поведутъ, съ желѣзными кольцами въ ноздряхъ, „какъ звѣрей цирка“. Лѣтъ сорока прибылъ Савонарола во Флоренцію. Онъ началъ обличать Петра II и горячо призывалъ Карла VIII, какъ Дантъ — Генриха VII (§ 98). Петръ былъ изгнанъ, въ виду французовъ, — и монахъ превратилъ Флоренцію въ умѣренно-демократическую республику (1495), которою всѣ восхищались: въ ея основаніе были положены выборы (отчасти даже жребій), полная амнистія, подоходный налогъ, особенно съ богатыхъ, и почти даровая ссудная касса (monte di pietà) для охраненія бѣдныхъ отъ ростовщиковъ.

Сначала Савонарола заботился также о развитіи школъ, библіотекъ, искусствъ: Микель-Анджело былъ его другомъ. Но для него политическая реформа была лишь ступенью къ нравственному возрожденію человѣчества. „Внутренній огонь пожираетъ мои члены и принуждаетъ меня говорить“, сказалъ „флорентійскій пророкъ“, и сталъ проповѣдовать. Онъ почти не ѣлъ и не спалъ, впадалъ въ восторженность и истерику: все чаще носились передъ нимъ видѣнія, слышались голоса. Онъ омрачился: все говорилъ о гибели отечества да о собственной смерти. Церкви переполнялись народомъ, который рыдалъ вмѣстѣ съ проповѣдникомъ. Рабочіе сидѣли на досугѣ за Библіей или за сочиненіями своего пророка; кутилы присмирѣли; женщины сбросили дорогіе наряды. Порой купецъ или банкиръ тайкомъ несъ въ храмъ неправедно скопленный капиталъ. Въ преобразованномъ монастырѣ св. Марка былъ такой наплывъ, что пристроили новое зданіе. По всей Европѣ заговорили о Савонаролѣ; отовсюду приходили къ нему письма и запросы — и онъ сильнѣе прежняго гремѣлъ противъ внѣшней церковности, противъ

тираніи и порчи папства, а флорентійцевъ старался превратить въ аскетовъ На масляницѣ сожигались пирамиды изъ масокъ, нарядовъ, сальныхъ книгъ и картинъ, какъ „плодовъ суеты"; школамъ, искусству, наукѣ придавался исключительно христіанскій характеръ. Но не прошло трехъ лѣтъ, какъ погибъ пророкъ съ своей республикой. Народу надоѣдалъ монашескій аскетизмъ; особенно опротивѣла свита пророка — эти ханжи-„плакальщики" да юноши, шнырявшіе по домамъ, чтобы смотрѣть, исполняются ли 10 заповѣдей. Пользуясь амнистіей, возвритились сѣрые (партія Медичи), съ аристократами и францисканцами. Они начали насмѣхаться надъ бѣлыми (друзья пророка): называли ихъ „хныкальщиками" и „ревунами", которые ноютъ, не зная съ чего, и „пережевываютъ свой „Отче Нашъ". Къ нимъ пристала жизнерадостная, просвѣщенная и остроумная интеллигенція, которая презирала монаха, съ высоты своего античнаго величія, и по классикамъ критиковала его политику. Росло число завистниковъ всемогущаго трибуна.

Наконецъ, выступилъ Римъ, который сначала презиралъ какого-то сумасброднаго монаха. Онъ былъ тогда притономъ пороковъ, искорененіе которыхъ было задачей Савонаролы: къ крайностямъ симоніи, непотизма, разврата и интригъ прибавилась жажда завоеваній, вытекшая изъ потребности истребить феодаловъ, грабившихъ Романью и самый Римъ. Олицетвореніемъ всего зла эпохи была испанская фамилія Борджіа, имя которой даже тогда внушало ужасъ и отвращеніе, какъ позоръ христіанства, какъ синонимъ нравственной грязи, ножа и яда: о ней сложились даже сказки, напоминающія Танталидовъ (Д. И. § 78) и Меровинговъ (§ 13). Глава ея, самый богатый изъ кардиналовъ, папа Александръ VI, купилъ тіару. Поверхностный юристъ и плохой писатель, онъ былъ самымъ пышнымъ свѣтскимъ бариномъ. Современникъ говоритъ: „высокій, вѣчно улыбающійся, съ черными глазами и розовыми губами, крѣпышъ здоровьемъ, онъ привлекалъ женщинъ своимъ магнетическимъ взглядомъ". Для встрѣчъ его всегда выставляли хороводы красавицъ, хотя ему было уже 70 л. Всегда веселый, онъ „дѣлалъ только то, что̀ ему нравится"; при дурныхъ вѣстяхъ, уѣзжалъ, ночью, хоть въ непогоду, изъ Рима и пропадалъ дня два на охотѣ. Этотъ эпикуреецъ въ тіарѣ думалъ только о деньгаъ и хитростяхъ, чтобы „сдѣлать изъ Италіи цѣльный кусокъ". Онъ заключалъ союзы со взаимными врагами и даже просилъ помощи у Баязета: онъ разомъ отдалъ Сицилію

и Людовику XII и Фердинанду Католику, чтобы пересcорить ихъ, а самому овладѣть островомъ. Когда его выбрали, одинъ кардиналъ шепнулъ другому: „вотъ мы и въ пасти волка". Александръ пускалъ въ ходъ все — свое краснорѣчіе, меценатство, изящныя манеры, обманы, отлученія, а больше всего прямое истребленіе враговъ. Его солдаты грабили народъ на улицахъ Рима и поджаривали крестьянъ по деревнямъ, чтобы вывѣдать, гдѣ ихъ сокровища; за неосторожное слово подъ хмѣлькомъ отрѣзывали языкъ и руку. И все это для того, чтобы возвеличить своихъ родныхъ, которые получали красныя мантіи и богатыя бенефеціи, въ особенности же своихъ четырехъ сыновей и дочери Лукреціи. А эта красавица въ юности наполняла Ватиканъ интригами, развратомъ и кровью, потомъ очаровывала поэтовъ и ученыхъ умомъ и образованіемъ въ Неаполѣ и Феррарѣ, гдѣ она послѣдовательно была замужемъ за принцами. Но любимецъ Александра VI, Чезаре, затмилъ свою сестру. Высокій, красивый силачъ, идолъ женщинъ, предпріимчивый эгоистъ, онъ хвастался своими злодѣяніями: обладая деньгами, властью, демонической отвагой, онъ считалъ себя непреодолимымъ и ни въ чемъ не отказывалъ себѣ. Молчаливый, непроницаемый, часто прятавшійся отъ людей, Чезаре всегда ходилъ въ сопровожденіи своего „Мишки" (Michelетто)—замаскированнаго брави-великана. Онъ душилъ, топилъ, отравлялъ своихъ соперниковъ, рѣзалъ ихъ дѣтей, ограблялъ ихъ „до соломы на конюшняхъ". Въ Римѣ всѣ трепетали предъ вельможнымъ разбойникомъ, и больше всѣхъ отецъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сынъ, подъ его рясой, закололъ его друга, такъ что „кровь брызнула въ лицо папы". Чезаре убилъ своего брата; говорили, что сотни труповъ, всплывавшихъ на Тибрѣ по ночамъ, были его дѣломъ. Въ Неаполѣ его убійцы ранили мужа Лукреціи. За несчастнымъ ходили жена съ сестрой: онѣ сами готовили ему пищу, опасаясь отравы; Александръ охранялъ его отъ собственнаго любимца. „Что не удалось въ полдень, то случится вечеромъ", сказалъ Чезаре, бросился къ больному, разогналъ его дамъ и задушилъ его, съ помощью приведеннаго палача. Александръ VI сначала сдѣлалъ Чезаре кардиналомъ, потомъ снялъ съ него это званіе и женилъ его на французской принцессѣ.

Александръ VI. Монета конца 15-го в.

Съ помощью Карла VIII, Чезаре завелъ хорошую армію и ходилъ по Церковной Области, распространяя ужасъ, забирая въ плѣнъ красавицъ десятками. Наконецъ, онъ сдѣлался „герцогомъ Романьи“, разогнавши ея мелкихъ сварливыхъ династовъ. Чезаре уже мечталъ о королевскомъ вѣнцѣ; но на пиру въ Ватиканѣ перепутали кубки съ ядомъ, приготовленнымъ для гостей, — и старый грѣховодникъ поплатился жизнью, а молодой отдѣлался болѣзнью. Чезаре дотащился до спальни отца, разогналъ всѣхъ ножомъ и началъ сгребать сокровища. А трупъ Александра VI, которому, предъ смертью, чудился дьяволъ, прыгающій вокругъ въ видѣ обезьяны, былъ схороненъ могильщиками, почти нагой, осыпаемый насмѣшками; тѣмъ временемъ въ папской базиликѣ швейцарцы покойнаго и кардиналовъ дрались между собой алебардами и подсвѣчниками изъ-за денегъ. Новый папа, Юлій II, плѣнилъ Чезаре; но злодѣй бѣжалъ въ Неаполь, откуда впрочемъ его спровадили въ Испанію, гдѣ онъ просидѣлъ 2 г. въ заточеніи. Отсюда ему удалось бѣжать въ Наварру; но тамъ его застрѣлили, при ночной вылазкѣ, во рву.

Передъ смертью, Александръ VI сталъ судьей Савонаролы. Сначала онъ старался привлечь его къ себѣ; но пророкъ отвергъ даже кардинальскую шапку. Папа разгнѣвался, тѣмъ болѣе, что не могъ найти ничего еретическаго въ словахъ проповѣдника: онъ отлучилъ его. Савонарола объявилъ, что разоблачитъ всѣ злодѣянія папы, и отправилъ „посланіе къ государямъ“, требуя собора. Александръ перехватилъ посланіе къ Карлу VIII и возбудилъ негодованіе противъ пророка, какъ друга французовъ, измѣнника Италіи. А во Флоренціи его агенты вызвали Савонаролу на испытаніе судомъ Божіимъ. Когда онъ отказался „искушать Господа“, они подняли толпу противъ „обманщика“, лжепророка. Друзья Савонаролы были перебиты въ монастырѣ св Марка; надъ нимъ самимъ нарядили судъ изъ враговъ, который пыталъ его 11 дней, и однажды 14 разъ въ сутки. „Боже, Боже, возьми же душу мою къ себѣ!“ молился страдалецъ. Но онъ былъ такъ твердъ, что потребовались фальшивые протоколы для изобличенія его въ ереси: въ промежуткахъ между пытками онъ писалъ статьи, въ которыхъ сквозила душа вѣрнаго католика. Среди насмѣшекъ и проклятій толпы, привели учителя, съ двумя упорными учениками, къ эшафоту. При обрядѣ разстриженія, онъ сказалъ, снимая рясу: „Божіею милостью была ты мнѣ дарована, и незапятнанною сохранилъ я тебя донынѣ“. Затѣмъ онъ воскликнулъ: „Господь столько пострадалъ за меня!“ —

и палачъ повѣсилъ его на желѣзной цѣпи (1498); тѣло было сожжено, а пепелъ брошенъ въ Арно. Безумная толпа, которою вдругъ овладѣло раскаяніе, говорила, будто, при сожженіи, освободившаяся отъ веревокъ рука пророка поднялась, чтобы благословить неблагодарныхъ.

Съ Савонаролой исчезла и республика. Съ помощью французовъ, во Флоренцію возвратились Медичи—поколѣнія бездарныхъ и злыхъ „герцоговъ", тѣмъ болѣе надменныхъ, что братъ Петра II сталъ папой Львомъ X. Ихъ враги были изгнаны, въ томъ числѣ Макіавель.

§ 129. **Итальянскія войны.**—Исторія Италіи связана съ послѣдними міровыми событіями въ средніе вѣка — съ итальянскими войнами, въ которыхъ принималъ участіе почти весь Западъ. Участь Савонаролы показываетъ, что итальянцы утратили республиканскій духъ: тогда во всѣхъ ихъ республикахъ не было и 50.000 „гражданъ" съ политическими правами (въ концѣ 13-го в. ихъ было около 2 милл.). Жертва олигархій и тираній, лишенная патріотовъ и предаваемая папствомъ, Италія привлекала къ себѣ всякаго алчнаго смѣльчака; колыбель наемничества и коварной дипломатіи, она должна была стать поприщемъ міровыхъ интригъ. Она же была самою богатою страной въ Европѣ и вождемъ просвѣщенія, какъ родина Возрожденія наукъ и искусствъ. А въ Европѣ образовались сильныя и умиротворенныя державы. Еще не укрощенная удаль, досужіе пережитки феодализма искали выхода за предѣлами отечества; юный абсолютизмъ нуждался въ военной славѣ и добычѣ для своего упроченія. А завоевательная политика вызывала взаимное недовѣріе: отсюда лиги (союзы) и контрлиги, означавшія исчезновеніе національной замкнутости.

Но главная борьба за Италію шла между самыми сильными и близкими державами, Франціей и Испаніей, причемъ у французовъ обнаружился угасающій духъ среднихъ вѣковъ, у испанцевъ—характеръ новаго времени. Испанцы выставили, наряду съ коварнымъ дипломатомъ, Фердинандомъ, отца новаго военнаго искусства, Гонсальва кордовскаго, прозваннаго „великимъ полководцемъ". Красивый, ласковый, просвѣщенный Гонсальво побѣждалъ строгою дисциплиной, тонкимъ разсчетомъ, военными хитростями, подземными минами, обходами и засадами. Онъ былъ также меценатъ, а въ политикѣ—соперникъ Фердинанда, который такъ боялся его проницательности, что за всѣ побѣды подвергъ его почетному плѣну: герой умеръ въ глухомъ по-

мѣстьѣ, среди занятій науками. А французы прославились послѣднимъ рыцаремъ, Баярдомъ—великодушнымъ, скромнымъ и отчаяннымъ богатыремъ, который подражалъ Ролану (§ 32) и заслужилъ названіе „рыцаря безъ страха и упрека". Простой начальникъ отряда, онъ стоилъ арміи, которую и спасалъ

Осада зáмка. 15-го в. [1]).

не разъ: однажды онъ одинъ защищалъ мостъ противъ цѣлаго войска и показался врагамъ „не человѣкомъ, а дьяволомъ". Орудіемъ борьбы за Италію были наемники, съ непобѣдимыми швейцарцами во главѣ. Они придали событіямъ свирѣпый, разбойничій характеръ: это были уже не легкія стычки кондотьеровъ, гдѣ часто деньги да переговоры рѣшали дѣло, а бойни, гдѣ падали десятки тысячъ остервенѣлыхъ головорѣзовъ.

[1]) Изъ той же рукописи Фруассара, чтó и на стр. 455. Здѣсь двѣ невооруженныя башенки взяты приступомъ посредствомъ лѣстницъ; а главное нападеніе произошло черезъ подкопъ, чтó было тогда въ большомъ ходу.

Итальянскія войны началъ Карлъ VIII (1494). Этотъ жалкій король (§ 125) возмечталъ объ „анжуйскомъ наслѣдіи“, откуда всего „10 купеческихъ дней“ до Константинополя и св. мѣстъ. Чтобы имѣть свободныя руки, онъ заключилъ тяжкіе для Франціи договоры съ Англіей, Германіей и Испаніей и объявилъ притязанія на Неаполь, принадлежавшій побочной отрасли Арагонцевъ, которая соединила его съ Сициліей, подъ именемъ Королевства Обѣихъ Сицилій. Походъ короля былъ веселою прогулкой: его призывали Савонарола, Александръ VI и сами неаполитанцы, угнетаемые жестокими и бездарными Арагонцами. Но, по словамъ Комина, французы, эта „веселая компанія, но съ малымъ повиновеніемъ“, эти „люди мѣшка (годные для утопленія) и веревки, злые негодяи, ускользнувшіе отъ правосудія и заклейменные лиліями на плечахъ“, вели „дурную войну“. Безъ хорошихъ офицеровъ, безъ денегъ, даже безъ палатокъ, они просто мародерствовали—и сами призывавшіе ихъ итальянцы возненавидѣли ихъ. Когда Карлъ отправился домой, задавши много пировъ и турнировъ и принявъ титулъ „короля Неаполя и Іерусалима и восточнаго императора“, онъ съ трудомъ пробился, въ Ломбардіи, сквозь итальянскія войска, во главѣ которыхъ стоялъ Людовикъ Мавръ. А Фердинандъ, давно мечтавшій уничтожить своихъ побочныхъ родственниковъ, тотчасъ послалъ Гонсальва, который легко взялъ Неаполь, съ помощью населенія. Людовикъ XII принялъ титулъ не только неаполитанскаго короля, но и герцога миланскаго, какъ потомокъ Висконти по матери. Страшась испанцевъ, онъ заключилъ съ Фердинандомъ договоръ о раздѣлѣ Неаполя. Походъ Людовика ознаменованъ турнирными подвигами послѣднихъ рыцарей, въ особенности же поединками такихъ богатырей, какъ Баярдъ, прославленными въ хроникахъ и у Макіавеля. Но еще болѣе прославился онъ расцвѣтомъ гнусной дипломатіи той эпохи. Мавръ и послѣдній неаполитанскій Арагонецъ умерли плѣнниками во Франціи. Фердинандъ 10 разъ обманулъ Людовика— и королевство Обѣихъ Сицилій на 200 л. стало испанскимъ владѣніемъ (1504). Тогда же выступилъ противъ Людовика Максиміліанъ I, съ своими императорскими притязаніями. Впрочемъ онъ, по обыкновенію, много суетился, хотѣлъ быть то рыцаремъ, то папой, а наемники разбѣгались у него передъ битвой: нечѣмъ было платить имъ.

Важнѣе былъ другой врагъ французовъ, папа Юлій II, проницательный, неутомимый старикъ, утвердившій монархизмъ

въ Церковной Области и давшій ей границы, которыхъ она не переступала. Безмѣрно-гордая, неумолимо-мстительная душа, онъ воображалъ даже на смертномъ одрѣ, что папа станетъ „владыкой и распорядителемъ міровой игры". Юлій раздувалъ войну по всей Италіи и служилъ соблазномъ для католиковъ, какъ завзятой дипломатъ и даже полководецъ: его жизнь протекла въ устройствѣ лигъ и въ битвахъ; онъ самъ сидѣлъ въ осадныхъ рвахъ,

Юлій II. Съ портрета кисти Рафаэля, 1512. Во дворцѣ Питти, во Флоренціи.

въ шлемѣ и латахъ, и бросался на брешь. Еще удивительнѣе, что это былъ папа-патріотъ: его задачей было освобожденіе Италіи отъ „варваровъ", какъ называлъ онъ иностранцевъ, въ особенности же отъ французовъ. Но сначала онъ искусно воспользовался варварами для обузданія Венеціи. Тогда турки отняли у нея всѣ владѣнія въ восточномъ басейнѣ Средиземнаго моря и брали съ нея дань за Кипръ. Нобилямъ нужно было пріобрѣсти новыя доходныя губернаторства — и Венеція стала захватывать земли въ Италіи, обнаруживая непозволительную алчность и

смущая всѣхъ интригами. Пользуясь всеобщею ненавистью, Юлій устроилъ противъ нея лигу изъ Франціи, Испаніи, Германіи и Ломбардіи.

Но какъ только Венеція была усмирена, съ помощью французовъ, Юлій, уже совсѣмъ больной, вдругъ заключилъ союзъ съ нею противъ Людовика XII, въ который вовлекъ еще Германію, Испанію и Англію: это—священная лига (1511), самый жестокій и безнравственный моментъ въ исторіи итальянскихъ войнъ. Людовикъ умеръ, когда французовъ вытѣснили изъ Италіи, швейцарцы, испанцы и англичане вторгнулись во Францію, Баярдъ попалъ въ плѣнъ. Его преемникъ, Францискъ I, бросился въ Ломбардію, гдѣ распоряжались швейцарцы именемъ сына Мавра. Послѣ поразительнаго перехода черезъ Альпы, съ огромною артиллеріей, онъ напалъ на нихъ у Мариньяно (1515). Несмотря на свою малочисленность (1 противъ 2) и отсутствіе артиллеріи, „укротители принцевъ" цѣлый день не уступали поля. Самъ Францискъ кидался на нихъ и получалъ удары: онъ заснулъ на лафетѣ, въ двухъ шагахъ отъ непріятеля. Баярдъ очутился, темной ночью, среди швейцарцевъ и на четвереринькахъ приползъ къ своимъ. Утромъ возобновился „бой великановъ". Въ полдень швейцарцы отступили въ свои горы въ полномъ порядкѣ: французы не смѣли преслѣдовать ихъ. Францискъ, на полѣ битвы посвященный Баярдомъ въ рыцари, вступилъ въ Миланъ. Италія успокоилась на время, а швейцарцы съ тѣхъ поръ подчинялись вліянію Франціи до 1814 г.

Итальянскія войны имѣютъ важное значеніе. Франція выступила на путь завоеваній; и началось вѣковое соперничество между нею и Германіей. Возникла идея политическаго равновѣсія, которая не допускаетъ слишкомъ сильныхъ державъ, вызывая противъ нихъ союзы между слабыми. Европа стала политическою системой, связнымъ цѣлымъ, чему содѣйствовало также появленіе посольствъ, почтъ, книгопечатанія и общепринятаго классицизма. Итальянскія войны служили распространенію новаго просвѣщенія, возникшаго въ Италіи. „Варвары" лично сталкивались съ нимъ и усваивали его. Сначала испанскій, потомъ, еще больше, французскій дворы стали законодателями вкуса и моды, заимствовавши у итальянцевъ изящество быта, вмѣстѣ съ художниками, учеными и сокровищами античной культуры.

§ 130. **Османліи. Тамерланъ.**—Итальянскія войны, въ особенности же политика Венеціи, связаны съ новою силой въ

Европѣ—съ османскими турками. Османліи или оттоманы уже при Урханѣ (§ 83) представляли сложившуюся народность: у нихъ явилось даже особое одѣяніе, въ отличіе отъ христіанъ, а знакомъ султана сталъ тюрбанъ. Урханъ раздѣлилъ государство на санджаки (знамена) и завелъ янычаръ („новое войско") изъ крѣпкихъ, красивыхъ христіанскихъ мальчиковъ, обращенныхъ въ исламъ. Обладая хорошимъ жалованьемъ, привилегіями, особою одеждой, они составляли родъ рыцарскаго ордена и были лучшею въ мірѣ пѣхотой. Съ ними соперничала превосходная конница—спаги; также на большомъ жалованьѣ были еще своего рода вассалы или служилые люди (Р. И. § 164), которымъ раздавались тимары—помѣстья съ обязанностью выставлять извѣстное число воиновъ по призыву. Во главѣ строгаго управленія сталъ визирь, „носильщикъ тяжестей". Урханъ уже захватилъ всю греческую Азію. Сынъ его, Мурадъ I, былъ типомъ султана-патріарха. Благочестивый, простой, справедливый, онъ почиталъ ученыхъ и поэтовъ, хотя самъ прикладывалъ къ документамъ свою обмоченную въ чернила пятерню, что долго было оффиціальнымъ обычаемъ въ Турціи. Но этотъ сильный, громогласный, храбрый и деспотичный султанъ былъ жестокъ. Онъ ослѣпилъ и потомъ обезглавилъ собственнаго сына. Онъ провелъ жизнь среди крови: его прозвали Гази (Побѣдитель). Гази ворвался въ Европу и сдѣлалъ Адріанополь своей столицей. Палеологи не могли дать ему ни одной битвы и едва держались на полуостровѣ между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Мурадъ встрѣтилъ сопротивленіе лишь со стороны славянъ и албанцевъ, которымъ помогали валахи и венгерцы. На Косовомъ Полѣ (1389), они дали битву, какой еще не испытывалъ Мурадъ: сначала турки были разбиты и палъ самъ султанъ, просившій у Аллаха смерти за вѣру; потомъ сынъ его, Баязетъ, одолѣлъ, оказавши чудеса храбрости. На глазахъ умирающаго Гази, янычары растерзали плѣннаго сербскаго короля и богатыря Лазаря.

Свирѣпый, высокомѣрный до безумія, крайне порочный Баязетъ жаждалъ крови. „Я рожденъ для битвъ и завоеваній", говаривалъ онъ, указывая на свой огромный лукъ съ тетивой изъ человѣчьей кожи. Онъ не зналъ пораженій, умѣя нападать на врага всегда съ быстротой тигра: его называли Молніей. Первымъ дѣломъ кровопійцы было убить своего брата: отсюда турецкій обычай истреблять крайне многочисленную, отъ многоженства, родню султана, по правилу Корана, что „мятежъ хуже казней". При Баязетѣ патріархальность двора смѣнилась роскошью и раз-

вратомъ до неестественности: жена, сербка, пріучила его пить вино, и онъ вскорѣ сталъ разслабленнымъ. Предоставивъ правленіе недостойнымъ любимцамъ, Баязетъ завоевалъ почти весь Балканскій полуостровъ съ Мореей и навелъ такой ужасъ своими звѣрствами, что императоръ Сигизмундъ, опасавшійся за свою Венгрію, поднялъ крестовый походъ. Онъ выступилъ съ 100-тысячной арміей, въ которой, помимо нѣмцевъ, венгерцевъ и валаховъ, красовался цвѣтъ французскаго, бургундскаго, даже швейцарскаго, англійскаго и мальтійскаго рыцарства. Но рыцари портили дѣло своею непокорностью, кутежемъ, въ особенности же высокомѣріемъ: „еслибы небо упало, мы поддержали бы его копьями", хвастались они и уже мечтали объ Іерусалимѣ. Они оторопѣли, когда у Никополя (1396) внезапно наткнулись на Баязета, который только-что былъ въ Малой Азіи. Крестоносцы потерпѣли жестокое пораженіе, тѣмъ болѣе, что валахи измѣнили: Сигизмундъ едва спасся, на лодкѣ, по Дунаю и Черному морю. Но и побѣдитель потерялъ до 40.000: въ ярости, онъ принесъ 3.000 плѣнниковъ въ жертву тѣнямъ павшихъ мусульманъ. Затѣмъ Баязетъ пронесся ураганомъ отъ Штиріи и южной Венгріи до Спарты и уже бросился на беззащитный Константинополь, какъ вдругъ—ужасное извѣстіе: его сынъ, гостившій въ Арменіи, живой закопанъ въ землю Тимуромъ. Баязетъ поспѣшилъ въ Азію отомстить невѣдомому врагу.

То было новое переселеніе народовъ, потрясшее Азію до основанія. Оно объясняется печальнымъ положеніемъ ислама при ильханахъ, какъ величали себя потомки Чингисхана (§ 83). Здѣсь, какъ и при послѣднихъ Сельджукидахъ (§ 79), свирѣпствовала анархія: главы племенъ, мусульманскіе беги и эмиры, образовали кучу мелкихъ владѣній и боролись съ кровожадными пьяницами и язычниками, ильханами, которыхъ донимали еще энергичные мамелюки. Такое государство было готовою добычей для свѣжихъ полудикарей „народоплодильни". Тамъ, среди потомковъ Чингисхана, вновь появился подобный же герой, Тимуръ (Желѣзо), котораго прозвали Ленкомъ (Хромымъ), когда онъ получилъ рану въ ногу: европейцы передѣлали это имя въ Тамерлана. Сынъ турецкаго эмира въ Самаркандѣ, Тимуръ былъ сильнымъ гигантомъ, съ широкими плечами, большою головой, огненнымъ взоромъ и громовымъ голосомъ: онъ отлично объѣзжалъ коней и натягивалъ самый тугой татарскій лукъ;

богатырь до смерти сохранилъ крѣпость и отвагу [1]). Тимуръ не зналъ шутокъ и смѣха: успѣхъ не веселилъ его, неудачи не печалили. Онъ самъ все создавалъ и всѣмъ руководилъ. Онъ отлично зналъ монголовъ, которыми владѣли турецкіе князьки, и ловко справлялся съ ними: ихъ пѣсни наполнены разсказами объ его подвигахъ и приключеніяхъ, которыя раздѣляла съ нимъ его жена, часто скакавшая, позади него, на одномъ конѣ.

Тамерланъ. 15-го в. [1]).

Замѣчательно коварный и безсовѣстный, Тимуръ ввелъ на Востокѣ тотъ макіавелизмъ, который подготовлялся тогда на Западѣ: больше обманомъ, чѣмъ насиліемъ, передушилъ онъ князьковъ и самого султана Туркестана. Онъ разыгрывалъ роль мецената: въ его лагерѣ толпились музыканты, поэты и ученые; при осадахъ онъ щадилъ жилища художниковъ и мастеровъ, а ихъ самихъ отсылалъ, вмѣстѣ съ сокровищами искусства, въ Самаркандъ, который сталъ напоминать блестящіе центры арабской культуры. Но, въ сущности, это былъ фанатикъ суннитства и второй Чингисханъ по свирѣпости. Проведя юность въ приключеніяхъ „казака" и разбойника, снискавшихъ ему сказочную славу, Тимуръ опредѣлилъ покорить весь міръ—и жизнь его стала эпопеей разрушенія. Его 35 походовъ, доставившихъ ему 27 престоловъ, превращали

---

[1]) Прилагаемое изображеніе Тамерлана взято изъ миніатюръ, которыми персы любили украшать свои рукописи. Эта миніатюра, 15-го в., находится въ Британскомъ Музеѣ.

города и села въ груды мусора и въ нѣмыя пустыни. Когда гератцы поцѣловали его слѣдъ, онъ пощадилъ ихъ: только 2.000 изъ нихъ положилъ рядами, какъ бревна, и возвелъ стѣну, замазавши ихъ, живыми, глиной и известью. Въ Испагани онъ велѣлъ каждому воину принести извѣстное число головъ—и изъ 70.000 череповъ было сложено нѣсколько пирамидъ на площадяхъ. Въ Индіи, когда масса плѣнныхъ, особенно мирныхъ гебровъ (Д. И. § 52), затрудняла походъ, явился приказъ перебить ихъ — и въ одинъ часъ свалилось болѣе 100.000 головъ. Не было спасенія даже среди неприступныхъ скалъ: въ Грузіи монголы спускались съ утесовъ въ коробкахъ и на воздушныхъ плотахъ и вползали въ пещеры или пускали въ нихъ градъ стрѣлъ и горючія вещества.

Вѣроломный Тимуръ, котораго покорное духовенство Самарканда изображало чуть не имамомъ (§ 21), разыгрывалъ роль гази — воителя за исламское правовѣріе: онъ возвѣщалъ, что Аллахъ судилъ ему наказать „раскольниковъ" Персіи, „язычниковъ" Индіи и „римскаго цезаря" (кайзаръ-и-Румъ: такъ именовалъ онъ султана османліевъ). А самъ сносился съ христіанскими государями, чтобы погубить Баязета, и, въ теченіе 30-ти л. (1370 — 1400), проливалъ все магометанскую кровь, вмѣсто того, чтобы поддержать монголовъ въ Китаѣ, гдѣ они были уничтожены національною династіей Минговъ (1370), и въ Россіи, гдѣ разразилось Куликовское побоище (Р. И. § 94). Онъ-то способствовалъ гибели Кипчака, преслѣдуя Тохтамыша (Р. И. §§ 82, 95), который былъ зарѣзанъ въ Тюмени, но именно въ пѣсняхъ сибирскихъ татаръ сохранился, какъ героическая жертва „адскаго демона". Онъ истребилъ въ Индостанѣ турецкую династію Гуридовъ, которая властвовала, изъ Дели, надъ кучей магометанскихъ вассаловъ. И онъ же потрясъ юную силу османліевъ. Когда уже все, отъ Москвы до Дели и отъ Иртыша до Средиземнаго моря (Сирія была отнята у мамелюковъ), трепетало подъ копытами его коня, страшный Хромецъ назвалъ своего наслѣдника Завоевателемъ Міра и перевалилъ въ Румъ. У Ангоры (1402) онъ паткнулся на достойнаго соперника, на такого же бича Божія, на другого турка и истиннаго гази, облитаго кровью гяуровъ. Но Молнія былъ слишкомъ самонадѣянъ и нетерпѣливъ: собравъ лишь втрое меньше войска, чѣмъ было у врага, онъ отправилъ къ нему повелительное посланіе, въ которомъ коснулся даже его гарема—высшая обида у мусульманъ. „Сынъ Мурада—сумасшедшій!" воскликнулъ Тимуръ и отвѣтилъ

ему роковымъ словомъ: „Покорись, если не хочешь, чтобы изъ ошибки нашихъ войскъ вскрылось все, что таится подъ покровомъ судьбы!“ Жестокая бойня окончилась въ пользу Хромца: Молнія попалъ въ плѣнъ; его дочь рабыней разносила вино въ гаремѣ побѣдителя. Вскорѣ умеръ Баязетъ, съ тоски, а за нимъ и 70-лѣтній Тимуръ, на походѣ въ Китай.

Тимуръ остановилъ развитіе ислама, какъ цѣльнаго міра. Послѣ него выдѣлились: Турція, Персія, Индія и Туркестанъ. Въ послѣднемъ настала обычная на Востокѣ анархія: въ каждомъ округѣ сидѣлъ царькомъ какой-нибудь Тимуридъ. Эти ничтожные потомки Хромца были легко уничтожены (ок. 1500) узбеками, отпрысками хановъ Золотой Орды, кочевавшими къ сѣверу отъ Сыр-Дарьи,нашествіе которыхъ па Самаркандъ было эпилогомъ великой эпопеи переселенія народовъ. Тимуриды утвердились только въ Индіи, гдѣ они создали многовѣковое царство Великаго Могола, служившее, въ глазахъ Европы, воплощеніемъ величія Востока, особенно при человѣчномъ и просвѣщенномъ падишахѣ Баберѣ, завоевавшемъ Индію въ 1525 г. Здѣсь-то сосредоточилась исламская культура, какъ поздній отблескъ арабской цивилизаціи. Она паходилась подъ сильнымъ вліяніемъ персидской образованности: сначала въ Дели, какъ и въ Самаркандѣ, персидскій языкъ былъ даже языкомъ двора и литературы; а за нимъ слѣдовалъ турецкій, который былъ выдвинутъ Баберомъ же, отличнымъ прозаикомъ; нынѣшній „индустани“ есть смѣсь языковъ индусскаго, турецкаго и персидскаго. Турецкій языкъ становился литературнымъ и въ Туркестанѣ со временъ Тимура. который самъ написалъ хорошую автобіографію. Здѣсь съ полвѣка сохранялось меценатство Хромца: строилось много роскошныхъ мечетей и дворцовъ; появилась знаменитая обсерваторія въ Самаркандѣ; процвѣтали искусства, въ особенности музыка и миніатюра; старое несторіанское письмо смѣнилось красивымъ арабо-персидскимъ; развивалась сельская культура, въ особенности садоводство и шелководство. Но, подконецъ, церковь захватила все въ свои руки—и насталъ смертельный застой: цезаропапизмъ подавлялъ свободу мысли и совѣсти; независимые люди и просвѣщенные умы уходили къ мудрому падишаху Баберу.

§ 131. **Варна. Паденіе Константинополя.**—А османліи быстро оправились послѣ Ангоры. Они прогнали Тимуридовъ и снова показались за Дунаемъ. Папа и Западъ не помогали византійскимъ императорамъ, хотя Мануилъ II Палеологъ ѣздилъ въ Парижъ лично просить помощи у Карла VI, а Іоаннъ VIII

понесъ униженіе, извѣстное подъ именемъ уніи (§ 119). Съ турками бились только два героя маленькихъ горныхъ земель— венгерецъ Гуніадъ да албанецъ Скандербегъ, которые десятками тысячъ истребляли османліевъ и получили отъ нихъ названіе „шайтановъ" (дьяволовъ). Отважный, неутомимый патріотъ, воевода трансильванскій Гуніадъ, ободрилъ христіанъ и поднялъ поляковъ, съ ихъ юнымъ королемъ, Владиславомъ. Скандербегъ, изъ рода Кастріотовъ, въ юности заложникъ у турокъ и султанскій пажъ, бѣжалъ къ своимъ албанцамъ, этимъ загадочнымъ потомкамъ пелазговъ (Д. И. § 78), жившимъ патріархальными родами, и сталъ героемъ народной поэзіи и любимцемъ Европы, которому папа хотѣлъ поручить крестовый походъ. Вѣрный союзникъ Гуніада и Венеціи, Скандербегъ превратилъ изрѣзанную горами, озерами и потоками Албанію въ оплотъ христіанства: ея ущелья были упитаны кровью турокъ, которые совершали туда много несчастныхъ походовъ, пока султанъ не призналъ ея независимости. Папа и вѣнценосцы присылали дары и привѣтствія Гуніаду и Скандербегу, которые отстояли бы Европу, еслибы не были раздѣлены пространствомъ. Скандербега не было подъ Варной (1444), гдѣ Гуніадъ хотѣлъ сломить исламскую силу, съ помощью поляковъ,—и османліи восторжествовали. Палъ самъ Владиславъ, и побѣдители отправили въ Азію его голову въ меду, вмѣстѣ съ 25-ю латниками, чтобы тамъ видѣли, какихъ желѣзныхъ людей одолѣли они.

Правнукъ Баязета, похожій на него, подозрительный, развратный, вѣроломный и безгранично честолюбивый деспотъ, но меценатъ и ученый человѣкъ, Магометъ II рѣшился покончить съ Византіей: онъ осторожно приготовилъ до 300.000 войска, съ грозною артиллеріей, и до 500 судовъ. Императоръ Константинъ XI, храбрый, энергичный патріотъ, былъ одинокъ: Западъ прислалъ ему только папскаго легата, бывшаго кіевскаго митрополита Исидора (Р. И. § 101), который возмутилъ грековъ обѣдней въ св. Софіи по уніатскому обряду. У него было менѣе 10.000 воиновъ и всего 30 кораблей. Но онъ сдѣлалъ все для защиты столицы и гордо отказался отъ предложенія султана пропустить его съ сокровищами. Константинъ не сходилъ со стѣнъ, подавая примѣръ мужества и неусыпности; и городъ продержался 53 дня, отбивши много ожесточенныхъ приступовъ. Монахи воодушевляли защитниковъ крестными ходами и пророчествами, подъ градомъ стрѣлъ и камней; толпы распростирались въ церквахъ съ рыданіями, съ жалобными „Господи помилуй!"

А за стѣнами дервиши воспламеняли фанатизмъ правовѣрныхъ; они нашли даже кости какого-то святого шейха и увѣряли, что передъ ними пойдутъ „легіоны чистыхъ духовъ, сошедшихъ изъ невидимаго міра“. Турецкій лагерь весело освѣщался по ночамъ: тутъ все рвалось въ бой; а трусливыхъ султанъ подгонялъ на приступъ своимъ золотымъ жезломъ да желѣзными прутьями. Наконецъ, Константинополь палъ (1453), вмѣстѣ съ послѣднимъ Палеологомъ, искупившимъ грѣхи предковъ доблест-

Магометъ II. На ¹/₃ уменьшенная мѣдная медаль 1481 г., работы итальянца. Въ Берлинѣ.

ною смертью на его стѣнахъ. Побѣдители трое сутокъ грабили и убивали. Соборъ св. Софіи былъ обращенъ въ главную мечеть, дворецъ—въ жилище султановъ. Такъ погибла Восточная римская имперія, пережившая Западную почти на 1000 л. Но Константинополь, потурецки Стамбулъ, остался греческимъ городомъ: Магометъ призвалъ сюда много христіанскимъ переселенцевъ, оставилъ имъ старые обычаи, подарилъ патріарху драгоцѣнный посохъ. Средоточіемъ греческой знати и банкировъ стало предмѣстье Фанаръ, гдѣ укрылись черты византійскаго двора — блескъ, алчность, бездушіе, догматическіе споры да интриги, особенно при патріаршихъ выборахъ.

Магометъ II жилъ еще около 30 л. и пріобрѣлъ имя Завоевателя. Онъ взялъ Боспію, Герцеговину, Черногорію, Сербію, Валахію и генуэзскія колоніи въ Крыму, обратилъ молдавскаго господаря и крымскаго хана въ своихъ данниковъ, отнялъ Сирію и Палестину у мамелюковъ, уничтожилъ въ Мореѣ мелкихъ греческихъ „деспотовъ", латинскихъ князей и венеціанскихъ губернаторовъ, которые такъ угнетали жителей, что они сами призывали турокъ. Затѣмъ Магометъ завелъ флотъ и захватилъ владѣнія венеціанцевъ и генуэзцевъ въ Архипелагѣ; онъ былъ остановленъ только іоаннитами Кипра, Скандербегомъ и стѣнами Бѣлграда. Венеціанцы 17 л. боролись съ нимъ, въ союзѣ съ албанцами, папой и Фердинандомъ Католикомъ; но должны были купить миръ дорогою цѣной. Въ Азіи османліи достигли Евфрата и границъ Египта. Магометъ, искоренявшій христіанскую культуру, прославился развитіемъ мусульманскихъ школъ, библіотекъ, мечетей, благотворительныхъ учрежденій: онъ самъ былъ поэтъ и начетчикъ. Магометъ же далъ Канунъ-Намэ (сводъ законовъ) и новое устройство своему государству, такъ какъ патріархальныя формы уже не годились. Государство представлялось турку шатромъ, у порога котораго вершаются дѣла: отсюда названіе Оттоманской Порты (Османова Дверь). Султанъ — господинъ, помѣщикъ; всѣ подданные — его рабы, безъ различія сословій. Бремя правленія лежитъ на „великомъ визирѣ", который созываетъ иногда „диванъ" или совѣтъ сановниковъ. Затѣмъ главное вліяніе принадлежитъ богословамъ и законовѣдамъ — „улемамъ", изъ которыхъ выбираются учителя и „кадіи" (судьи), съ „муфти" во главѣ; имъ подчинено духовенство — имамы, шейхи и дервиши. Дворомъ завѣдуютъ бѣлые и черные евнухи, провинціями или санджаками — „паши, беги и аги", съ неограниченной властью даже надъ тимарліями. Поголовную подать платитъ только райя (христіане), которая доставляетъ также мальчиковъ въ составъ янычаръ; но вообще турки не притѣсняли покоренныхъ, не трогали ихъ религіи и давали имъ богатѣть. Къ 1500 г. турецкая орда утвердилась въ Европѣ и Азіи: христіанскіе государи заискивали у нея; у французовъ подготовлялся союзъ съ нею. Ей помогло паденіе мамелюковъ (§ 83), которыхъ губила позорная черкесская династія: она легко завоевала у нихъ Египетъ, Сирію и Аравію. Въ началѣ 16-го вѣка стамбульскій султанъ Селимъ I даже присвоилъ себѣ, безъ всякаго права, титулъ халифа, т.-е. сталъ главой всего суннитскаго ислама.

§ 132. **Южные славяне и румыны.**—Успѣхи турокъ въ Европѣ были непосредственно связаны съ положеніемъ придунайскихъ странъ, заселенныхъ южными славянами и румынами. Они надолго остановили развитіе этихъ юныхъ народностей. Южные славяне только-что начали поправляться послѣ ига, наложеннаго на нихъ Византіей въ 11—12 вѣкахъ (§ 83), когда у нихъ даже въ церкви и письменности установился греческій языкъ. Ихъ освобожденію содѣйствовало потрясеніе Восточной имперіи отъ четвертаго крестоваго похода (§ 74). Возстановленіе византійской державы не могло остановить роста Сербіи и Болгаріи, расширявшихся, по обѣ стороны р. Моравы, до Адріатики и Чернаго моря, а на югѣ—до Балканъ. Но, окрѣпши, эти государства стали соперничать между собой. Отъ этого, прежде всего, пострадала Болгарія, которую начали тѣснить еще, съ сѣвера, румыны и татары, а внутри терзали усобицы, при слабости Асѣней. Она уже около 1400 г. стала легкою добычей турокъ, которые продолжали дѣло Византіи: болгары были снова подчинены константинопольскому патріарху; они изнывали подъ гнетомъ османскихъ чиновниковъ да фанаріотовъ (греческій клиръ Фанара, § 131), которые старались истребить слѣды ихъ народности—славянскія книги и богослуженіе, даже самый болгарскій языкъ.

Сербія же достигла, около 1350 г., верха процвѣтанія, при Стефанѣ Душанѣ, котораго прозвали Великимъ и Сильнымъ. Душанъ побивалъ венгровъ и даже грековъ; ему принадлежали Македонія, Ѳессалія, Эпиръ и Албанія; онъ дошелъ до береговъ Адріатики и Эгейскаго моря; болгарскій царь сталъ его вассаломъ. Душанъ изъ „краля“ сталъ „царемъ сербовъ и грековъ“, изображалъ себя на монетахъ съ державнымъ яблокомъ въ рукѣ, называлъ византійскихъ императоровъ своими „предшественниками“, завелъ независимое сербское патріаршество и собирался идти на Константинополь. Но послѣ него настало быстрое паденіе Сербіи, тѣмъ болѣе, что, кромѣ грековъ и венгровъ, у нея явились новые, самые страшные, враги—османліи. Много крови пролили сербы въ борьбѣ съ исламомъ, и героями ихъ народныхъ пѣсенъ стали царь Лазарь (§ 130) да Марко Кралевичъ, который до сихъ поръ будто бы блуждаетъ по ночамъ въ своемъ замкѣ Прилѣпѣ. Но и Сербія была обращена въ турецкую область (1459), а затѣмъ османліи захватили также часть Босніи и Герцеговины, принадлежавшую сербамъ. Изъ южныхъ славянъ одни черногорцы сохранили независимость,

благодаря своему особому героизму и своимъ неприступнымъ ущельямъ. У нихъ еще при Душанѣ образовалось собственное Зетское княжество (по р. Зетѣ), которое управлялось „господарями“ изъ рода Черноевичей, родственниковъ Неманичей. Этотъ родъ успѣшно боролся съ турками до самаго своего прекращенія (1516). Послѣ него господарство перешло, по избранію, къ „владыкѣ“ Рувиму и его потомству: въ Черногоріи водворилась ѳеократія.

Въ этомъ періодѣ и у румынъ возникли государства, судьба которыхъ также была связана съ османліями. Именно, когда турки надвигались къ Дунаю съ юга, туда устремились румыны, измученные угнетеніями католиковъ-венгровъ и запуганные нашествіемъ Батыя (Р. И. § 81). Предводимые „воеводами“ изъ стараго рода Бессарабовъ, которые породнились съ правителями Сербіи и Болгаріи, они, прежде всего, заняли весь лѣвый берегъ Дуная до Днѣстра (1290) и создали независимое „господарство“ Валахію. Немного позже, другая отрасль румынъ образовала, по Пруту, государство Молдавію, съ городами Берладомъ и Яссами, среди славянъ, кумановъ и ногаевъ. Но румыны были народомъ-мученикомъ: занимая страну, завидную по плодородію и военному значенію, они должны были постоянно отбиваться отъ притязаній на нее болѣе сильныхъ сосѣдей—венгерцевъ, поляковъ и въ особенности турокъ. Напрасно они дрались съ османліями на Косовомъ полѣ; напрасно побивалъ Баязета замѣчательный господарь Валахіи, Мирча Великій, а Магомета II — Владъ, прозванный Кольщикомъ за то, что онъ тысячами сажалъ на колъ турокъ; напрасно современникъ Влада, Стефанъ Великій молдавскій, успѣшно боровшійся съ венгерцами, поляками и татарами, нанесъ туркамъ, при Раковѣ (1475), такое пораженіе, что сталъ мечтать о предводительствѣ надъ Европой для изгнанія мусульманъ въ Азію и для этого выдалъ свою дочь за сына Ивана III (Р. И. § 114). Предаваемые христіанами въ тяжкія минуты, румыны сами предпочитали мягкое турецкое господство: сначала Валахія (1411), потомъ Молдавія (1513) стали вассалами султановъ.

§ 133. **Чехи и Венгрія.**—При взаимной враждѣ христіанъ, турки уже были бы за Дунаемъ, еслибы ихъ не сдерживали мадьяры. Въ этомъ и состоитъ историческая роль послѣднихъ. Впрочемъ, Венгрія и сама по себѣ пріобрѣтала значеніе. Ей благопріятствовали обстоятельства. Горы ограждали ее отъ русскихъ и поляковъ; Византія не допускала образоваться силь-

ному государству среди южныхъ славянъ; австрійскіе маркграфы были заняты нѣмецкими смутами, а императоры помогали имъ сдерживать силу чеховъ; наконецъ, переселенцы изъ Германіи, не опасные для мадьярской народности по своей малочисленности, снабжали полудикую страну цивилизаціей Запада. А теперь Венгрія переживала блестящую эпоху, при французской династіи, замѣнившей Арпадовъ. Анжуйцы много сдѣлали для прививки западной цивилизаціи къ грубымъ туранцамъ, у которыхъ еще несовсѣмъ исчезъ кочевой бытъ. Подобно Капетингамъ, они старались подавить могущество феодаловъ, пользуясь ихъ тщеславіемъ и опираясь на города и папство: и магнаты стали толпиться при дворѣ, мѣняя частную войну на рыцарскія потѣхи. Анжуйцы развивали торговлю и держали казну въ порядкѣ; они прекратили обычай чеканить дурную монету и ввели „флорины“ (подобіе флорентійскихъ денегъ). Они переносили въ Венгрію утонченные обычаи Италіи и Франціи и насаждали западное просвѣщеніе. Особенно прославился сынъ Карла Роберта (§ 83), грозный мститель за своего брата (§ 112), Людовикъ, прозванный Великимъ, царствованіе котораго занимаетъ почти всю вторую половину 14-го в. Образованный, ревностный правитель, щедрый и благородный рыцарь, онъ основалъ университетъ въ Печѣ (Фюнфкирхенъ), построилъ много пышныхъ дворцовъ, призывалъ съ запада художниковъ, ученыхъ и писателей: тогда мадьяры создали цѣлый эпосъ, который, къ сожалѣнію, утраченъ почти весь. Людовикъ распоряжался почти всею Италіей и отнялъ Далмацію у венеціанцевъ; а когда онъ былъ избранъ въ польскіе короли, его владѣнія касались трехъ морей—Балтійскаго, Чернаго и Адріатическаго. Одна изъ его дочерей соединила Польшу съ Литвой, какъ жена Ягелла, другая — Венгрію съ Германіей, вышедши замужъ за Сигизмунда (§§ 111, 115). У впечатлительнаго, пылкаго Людовика закружилась голова: онъ усиливался сдѣлать свой дворъ образцомъ величія и пышности, завелъ блестящіе турниры и возмечталъ о коронѣ Восточной имперіи. Но это привело только къ угнетенію поляковъ, южныхъ славянъ и далматинцевъ, что̀ пролагало путь господству османліевъ. Подконецъ падала и истощенная на внѣшнія затѣи королевская власть: по смерти Людовика, съ которымъ прекратились Анжуйцы, Венгрія около полутора вѣка служила поприщемъ смутъ и игрушкой иностранныхъ династій. Напрасно Сигизмундъ возвышалъ мѣщанъ и даже призывалъ на сеймъ город-

скихъ депутатовъ: магнаты, проведшіе законъ о неотчуждаемости ихъ земель, захватили всю власть и окончательно закрѣпили крестьянъ, которые часто отвѣчали на насиліе жестокими бунтами; народное войско превратилось въ пышныя „бандеріи" или конные отряды феодаловъ. И Венгрія утратила постепенно Далмацію, Польшу и Червонную Русь, пожиная, въ то же время, ненависть сосѣдей, въ особенности же славянъ и румынъ.

Венгрія пользовалась лишь временнымъ значеніемъ при Гуніадахъ, правленіе которыхъ занимаетъ всю вторую половину 15-го в. Хотя румынъ родомъ, „бѣлый рыцарь валаховъ", какъ поютъ венгерскія пѣсни, Іоаннъ, прозванный Гуніадомъ по своему замку, былъ венгерецъ душой. И въ этомъ доблестномъ потомкѣ бѣднаго дворянскаго рода Корвиныхъ (въ ихъ гербѣ былъ воронъ—corvus) воплотились лучшія свойства мадьяръ—отвага, энергія, пылкость. Гуніадъ прославился и какъ правитель; но онъ самъ говорилъ, что его жизнь—борьба съ турками: герой 10 разъ уничтожилъ ихъ въ большихъ битвахъ, при слабыхъ средствахъ, среди интригъ и измѣнъ. Завистливые магнаты даже покушались на его жизнь. Ихъ орудіемъ былъ ребенокъ, внукъ Сигизмунда, Ладиславъ Посмертный. Но страхъ передъ турками помогъ Гуніаду возвести на престолъ Владислава польскаго. Послѣ несчастія подъ Варной (§ 131), самъ Гуніадъ призналъ Ладислава и былъ избранъ правителемъ на время его малолѣтства. Онъ управлялъ образцово и успѣлъ совершить подвигъ, прославившій его повсюду. Магометъ II, наверху своего могущества, рѣшилъ уничтожить героя, который отравлялъ ему жизнь; но ключемъ къ Венгріи былъ Бѣлградъ, на который онъ и устремился, съ отборнымъ войскомъ и блестящею артиллеріей. Султанъ уже овладѣлъ-было крѣпостью, какъ вдругъ явился Гуніадъ со своимъ сбродомъ, вооруженнымъ косами да топорами и безъ пушекъ. Турки были разсѣяны: Магометъ едва спасся, оставивъ на полѣ битвы лагерь, 100 орудій и 25.000 труповъ (1456). Но Гуніадъ заразился въ лагерѣ и вскорѣ умеръ.

Патріотъ оставилъ двухъ сыновей-красавцевъ, такихъ же храбрыхъ патріотовъ, какъ самъ: старшему было 24 г. Магнаты внушили Ладиславу, будто „собачье отродье" хочетъ отнять у него корону—и старшій сынъ Гуніада былъ обезглавленъ. Но народъ возсталъ на защиту его брата и матери. Ладиславъ бѣжалъ и умеръ на дорогѣ. Такъ прекратился родъ Анжуйцевъ на престолѣ Арпадовъ. Мадьяры провозгласили королемъ млад-

шаго сына Гуніада, Матвѣя Корвина, и Венгрія стала формально избирательною монархіей. Матвѣй царствовалъ болѣе 30 л. и снискалъ славу лучшаго изъ королей Венгріи. Сильный рыцарь, первый наѣздникъ, повелительный, бѣшеный и надменный, онъ, подобно своему отцу, любилъ лагерь и отважныя предпріятія: устроивъ постоянную армію, подъ именемъ „гусаровъ“ и „чернаго легіона“, онъ сталъ грозой какъ турокъ, такъ и непокорныхъ магнатовъ. Но Матвѣй отличался еще образованіемъ и краснорѣчіемъ, находилъ и выдвигалъ таланты, сдѣлалъ Буду-Пештъ блестящимъ и веселымъ центромъ возрожденія наукъ и искусствъ. Человѣкъ безупречной жизни, онъ дорожилъ временемъ, былъ очень трудолюбивъ, не терпѣлъ лжи, былъ строгъ даже къ роднымъ. Мадьяры и теперь говорятъ про своего любимца: „умеръ Матвѣй, умерла и правда“. Они радовались, что ихъ безпорядочная земля стала образцомъ спокойствія въ Европѣ и быстраго матеріальнаго развитія, и гордились тѣмъ, что они одни не боятся турокъ. Но подконецъ честолюбіе одолѣло Матвѣя: „Я былъ грозой міра; одна смерть смогла покончить со мной“, велѣлъ онъ начертать на своей гробницѣ. Желая пріобрѣсти всю Австрію, онъ велъ тяжелыя войны съ своимъ тестемъ, Подебрадомъ чешскимъ, которому помогали поляки, и съ Фридрихомъ III (§ 119). А турки перешли Дунай и опустошили страну отъ Трансильваніи до Венеціи. По смерти Матвѣя, магнаты отстранили его сына и выбрали болѣзненнаго чешскаго короля, Ягеллона Владислава, котораго называли „королемъ Бене“: онъ на все отвѣчалъ— „хорошо, очень хорошо!“ Владиславъ далъ магнатамъ новыя привилегіи — и возвратилась анархія, которая довела крестьянъ до жестокаго бунта. Вождемъ магнатовъ сталъ Заполья, родъ котораго былъ возвышенъ изъ ничтожества Матвѣемъ. Дерзкій, надменный, предпріимчивый богачъ, онъ добился воеводства въ Трансильваніи и держалъ Владислава, какъ въ плѣну, да еще насмѣхался надъ нимъ. Заполья мечталъ уже о коронѣ и даже осоюзился съ турками, когда встрѣтилъ соперниковъ въ лицѣ австрійскихъ Габсбуровъ. Кончилось тѣмъ, что большая часть Венгріи досталась османліямъ, которые владѣли ею около двухъ вѣковъ, а остальное было навсегда присоединено къ Австріи (1526).

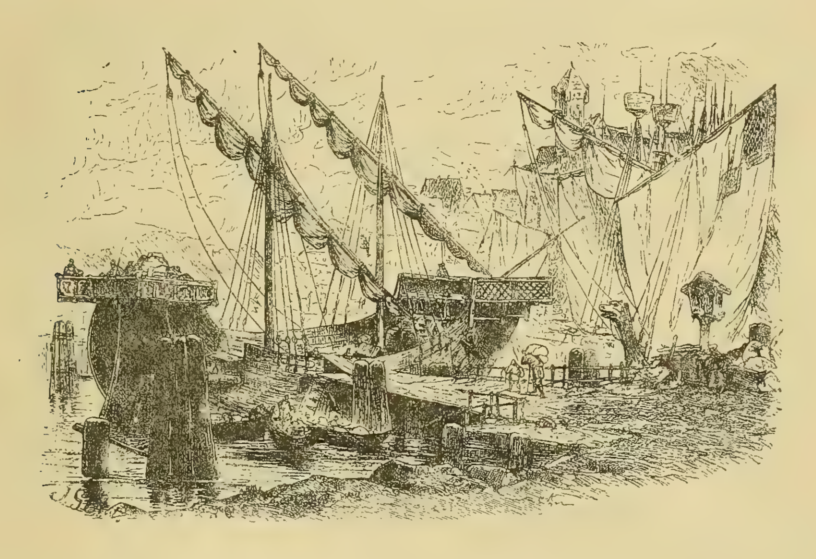
Въ Богеміи, тѣсно связанной тогда съ Венгріей, происходили однородныя явленія. И здѣсь, послѣ Сигизмунда (§ 118), господствовалъ произволъ феодаловъ, запустѣніе страны, огру-

беніе нравовъ. А затѣмъ настала краткая эпоха величія при королѣ-туземцѣ, Юріи Подебрадѣ, выбранномъ національною партіей вопреки нѣмцамъ и панамъ, стоявшимъ за Габсбурга. Дѣльный, скромный, терпимый и неутомимый патріотъ, котораго даже враги называли „честнымъ и благороднымъ человѣкомъ“, Подебрадъ любилъ миръ. Но ему пришлось бороться—и онъ оказался искуснымъ полководцемъ. Тонкій политикъ, онъ ввелъ порядокъ съ помощью строгихъ судовъ и полиціи, отнялъ коронныя земли у пановъ, помогалъ мѣщанамъ и крестьянамъ. Императоръ съ фюрстами обращались къ нему за рѣшеніемъ своихъ споровъ. Подебрадъ выказывалъ почтеніе папѣ, надѣясь добиться отъ него признанія компактатовъ (§ 118). Но курія, забывая гуситскія войны, требовала искорененія „ереси“. Тогда Юрій торжественно объявилъ, что готовъ умереть за чашу, бросилъ въ тюрьму надменнаго нунція и сталъ народнымъ героемъ. Папа отлучилъ „клятвопреступника и грабителя церкви“ и, вскорѣ по паденіи Константинополя, сталъ проповѣдовать крестовый походъ противъ чеховъ. Поднялись богемскіе нѣмцы и паны; поддержанные Фридрихомъ III, они увлекли за собой даже народъ въ онѣмеченной Моравіи, Силезіи и Лузаціи; выступилъ Матвѣй Корвинъ съ притязаніями на чешскую корону. Сбродъ папскихъ крестоносцевъ наводнилъ страну, совершая подвиги людоѣдства. Два національныхъ героя, тесть и зять, Юрій и Матвѣй, долго стояли другъ противъ друга: мадьяръ избѣгалъ рѣшительнаго боя. Но за Юрія была народная и славянская идея, вызвавшая помощь поляковъ,—и Матвѣй принужденъ былъ принять невыгодный миръ. По смерти Подебрада (1471), сами чехи обошли его двухъ доблестныхъ сыновей: чтобы пріобрѣсти поддержку отъ соплеменниковъ, они выбрали королемъ того Владислава Польскаго, который сталъ потомъ и королемъ Венгріи. Послѣ Владислава, Богемія, вмѣстѣ съ Венгріей, была присоединена къ Австріи (1526). Но долгое междоусобіе ослабило чеховъ: монархизмъ палъ; паны пріобрѣли прежнюю силу; народъ былъ закрѣпощенъ; города лишились своихъ правъ. Настала всеобщая смута.

Южные славяне надолго исчезли подъ турецкимъ игомъ, западные доживали лучшіе дни подъ властью иноземныхъ государей и съ внутренними условіями разложенія; только восточные крѣпли. Русскіе сбросили татарское иго и собрали почти всю свою землю, благодаря быстрому политическому сплоченію. Здѣсь абсолютизмъ развивался спокойнѣе и послѣдовательнѣе,

чѣмъ на Западѣ, въ лицѣ московскихъ великихъ князей. Современникъ Генриха VII, Людовика XI и Фердинанда Католика, Иванъ III, уничтожилъ первобытную общину въ лицѣ Новгорода и установилъ чинъ самодержавія. Москва уже объединила почти всю сѣверо-восточную Русь и перешла въ наступленіе на западъ, чтобъ отнять у Литвы юго-западную Русь (Р. И. §§ 112—118). Здѣсь, вслѣдствіе стремленія къ морю, русскіе вскорѣ должны были столкнуться со скандинавами.

§ 134. **Скандинавія. Кальмарская унія.**—Исторія Скандинавіи послѣ крестовыхъ походовъ напоминаетъ исторію Герма-

Ганзейскій военный корабль. 14-го в.

ніи, только съ еще болѣе мрачнымъ оттѣнкомъ. Здѣсь почти безпрерывно свирѣпствовала анархія, которую поддерживали усобицы въ королевскихъ семьяхъ, особенно въ Швеціи и Даніи въ 14 в. Въ Швеціи королей бросали въ тюрьму и изгоняли, въ Даніи ихъ убивали и даже отравляли посредствомъ причастія. Феодалы превратились почти въ государей: въ Даніи они даже формально отняли власть у короны путемъ избирательныхъ условій. Церковь также находилась въ ихъ рукахъ: они роднились съ духовенствомъ; изъ ихъ рядовъ наполнялся составъ прелатовъ. Народъ выносилъ гнетъ не одного феодализма, но и Ганзы, которая высасывала у него послѣдніе соки, вынудивъ у слабой власти безбожныя привилегіи и даже право участво-

вать въ выборѣ датскихъ королей. Но сама Ганза страдала отъ пиратства, которое нигдѣ не достигало такихъ размѣровъ, какъ на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ. Наконецъ, между тремя королевствами господствовало соперничество, нерѣдко переходившее въ войну. А между тѣмъ Шлезвигъ, первоначально страна чисто-датская (онъ назывался южною Ютландіей), заселился нѣмцами и отошелъ къ графамъ голштинскимъ; въ то же время усиливались опасные сосѣди—Бранденбургъ, Польша, Москва. Среди усобицъ вымерли древніе королевскіе роды и даже ихъ побочныя линіи: въ концѣ 14-го в. ихъ послѣднею представительницей была Маргарита датская, умная и мужественная, но честолюбивая королева. Она была замужемъ за норвежскимъ королемъ, сыномъ послѣдняго шведскаго Фолькунга (§ 82). По смерти мужа и тестя, она осталась единственною наслѣдницей всей Скандинавіи. Въ Кальмарѣ собрались депутаты отъ Даніи, Швеціи и Норвегіи и утвердили соединеніе трехъ королевствъ въ потомствѣ Маргариты, подъ именемъ кальмарской уніи (1397): внѣшняя политика становилась общею; во внутреннемъ же управленіи каждая страна сохраняла независимость и старые порядки. Ганза признала унію, надѣясь на искорененіе пиратства. Дальній родственникъ Фолькунговъ, Альбрехтъ мекленбургскій, вздумалъ-было оспаривать у Маргариты шведскую корону: онъ прислалъ ей брусокъ для точенія вязальныхъ иголъ, который донынѣ хранится въ Упсалѣ, и поклялся не снимать шляпы, пока не уничтожитъ соперницы. Но Маргарита тотчасъ же плѣнила авантюриста, пытала его и заточила въ тюрьму, подъ именемъ „Безшляпнаго короля".

Однако надежды скандинавовъ не оправдались. Кальмарская унія, бывшая, въ сущности, лишь черновымъ наброскомъ акта, притомъ составленнымъ въ неясныхъ выраженіяхъ, была однимъ громкимъ именемъ: какъ связь „личная", посредствомъ королей (Personalunion), она не давала внутренняго объединенія странамъ, изъ которыхъ въ каждой уже выработалась самобытность. Она даже принесла вредъ. Короли сидѣли въ Копенгагенѣ. Они стали высокомѣрны и старались извлекать пользу изъ уніи только для себя и для своихъ датчанъ. Они всюду совали датскихъ чиновниковъ. Они отняли у Норвегіи Исландію и Гренландію, а ей же принадлежавшіе острова Шетлендскіе и Оркадскіе уступили, съ выгодой, шотландцамъ. Начиная съ самой „Королевы Сѣвера", Маргариты, короли увлекались династическимъ интересомъ: они выдвинули

безконечный шлезвигскій вопросъ, который вызывалъ безпощадныя войны съ Голштиніей и ея союзницами, Германіей и Ганзой. А войны приводили къ тяжкимъ налогамъ и къ потворству знати, которая уже за унію получила новыя привилегіи, въ томъ числѣ право избранія королей. Феодализмъ и анархія росли: крестьяне, такъ гордившіеся своею свободой, утрачивали ее и начали избивать помѣщиковъ. Сословная борьба поддерживалась распрями между государствами, причемъ то одно, то другое сегодня покидало унію, завтра снова возвращалось къ ней.

Впрочемъ унія между Даніей и Норвегіей продержалась до 1814 г. Не то было съ самымъ сильнымъ изъ скандинавскихъ королевствъ, съ Швеціей, гдѣ, сверхъ того, гордый, мужественный народъ не могъ сносить ига вельможъ. Когда датская знать, вообще сильно онѣмеченная (тогда нѣмецкій языкъ былъ придворнымъ), низложила преемника Маргариты и отдала престолъ Ольденбуржцамъ, въ лицѣ Христіана I, въ Швеціи поднялось національное движеніе. Подобно первымъ Фолькунгамъ, роль майоръ-domовъ стали играть Стуры—знатная, богатая, но скромная, любимая народомъ фамилія. Главой ихъ былъ честолюбивый, но искусный политикъ и полководецъ, просвѣщенный и правдивый Стенъ. Его точно такъ же, какъ и Биргера (§ 82), можно было назвать „королемъ безъ титула“: онъ правилъ самостоятельно, признавая копенгагенскихъ королей лишь по имени. Стенъ Стуре держалъ въ рукахъ знать, опираясь на народъ, въ особенности же на грубыхъ, сильныхъ, свободолюбивыхъ горцевъ—далекарлійцевъ: онъ ввелъ парламентаризмъ, призвавши въ государственный тингъ депутатовъ отъ городовъ и селъ. Вельможи только ворчали на патріота, „сдѣлавшаго господами крестьянъ, которыхъ Богъ сотворилъ рабами“. Стенъ завелъ первыя типографіи и библіотеки и основалъ университетъ въ Упсалѣ. Его имя стало популярнымъ въ исторіи Швеціи. Когда онъ умеръ, народъ рѣшилъ, что его отравили феодалы и король. Вскорѣ Швеція и формально отвергла кальмарскую унію.

§ 135. **Культура византійская**. — Въ 14—15 вѣкахъ византійская культура, подобно арабской (§ 85), представляла картину разложенія. Восточная римская имперія распалась на 20 болѣе крупныхъ владѣній, не считая разной мелочи, — Болгарія, Сербія, Великая Валахія (Македонія), Аѳины, Морея, Архипелагъ, Іонійскіе о-ва, Трапезунтъ, Кипръ, Родосъ,

владѣнія венеціанцевъ, генуэзцевъ, сельджукидовъ и проч. Тутъ кишѣли всевозможные народы и уклады жизни—греки, славяне, турки, потомки пелазговъ (шкипетары или албанцы) и римлянъ (румыны), грузины, армяне, итальянцы, французы, арагонцы и бургундцы; католики, православные и мусульмане; пережитки родового и общиннаго быта, царства, султанаты, королевства, республики, герцогства, графства, бароніи, плутократіи, ѳеократіи и даже стратократіи. И все это стремилось къ единовластію: отсюда вѣчныя усобицы; всюду лилась кровь. Однажды два островка Архипелага вели между собой ожесточенную войну изъ-за одного сведеннаго осла и почти совсѣмъ обезлюдѣли. Если при Латинской имперіи Византія превратилась въ „Новую Францію“, т.-е. изъ патріархальныхъ родовыхъ старшинъ выработались свирѣпые феодалы, съ ихъ крѣпкими замками и разбойничьей дворней, то теперь она стала итальянскою банкирскою конторой да поприщемъ кондотьеровъ и пиратовъ. Итальянцы подконецъ почти владѣли самимъ Константинополемъ, гдѣ у нихъ были цѣлые кварталы, собственные суды и даже войска. А императорамъ принадлежалъ почти одинъ только округъ столицы, населеніе которой пало съ полмилліона до 180.000. И охранялся онъ наемниками, которые зачастую дрались между собой изъ-за недоданной платы. Финансы были такъ плохи, что казна пускалась на все—даже грабили церкви и подмѣнивали алмазы короны. Бездарные Палеологи занимались только забавами, пустыми церемоніями, догматическими преніями да ханжествомъ: въ столичномъ округѣ было 300 монастырей, а войска—всего 5.000. Дворъ постарому былъ притономъ козней и смутъ: однажды разомъ правили два императора и 3 императрицы. Обнищалые монархи могли давать своимъ дѣтямъ только послѣднія земли; и эти „деспоты“ поднимали удѣльныя усобицы да высасывали послѣдніе соки у народа, который наконецъ ужъ радовался туркамъ. А османліи, которыхъ нерѣдко призывали сами императоры противъ мятежныхъ подданныхъ, надвигались все ближе,—и гордые базилевсы должны были унижаться передъ ними хуже, чѣмъ русскіе князья въ Ордѣ. А помощи не было ни откуда. Если въ 14-мъ в. еще жилъ духъ крестовыхъ походовъ, то имъ пользовались чистолюбцы для политическихъ выгодъ; и во всѣхъ предложеніяхъ папамъ и государямъ наградой за завоеваніе святыхъ мѣстъ ставилась Византія, надоѣвшая Западу своимъ высокомѣріемъ и церковною нетерпимостью.

На самихъ же византійцевъ нельзя было разсчитывать: ихъ

культурное значеніе исчезло. При паденіи Константинополя, оказался одинъ только грекъ-патріотъ и благородная душа — послѣдній Палеологъ (§ 131): остальные прятались сами, а богачи прятали свои сокровища; ихъ защищали венеціанцы своею грудью. Да нечего было и защищать: эллинизмъ, придававшій смыслъ Византіи (§ 7), сталъ позоромъ въ глазахъ самихъ грековъ. Образованные изъ нихъ называли себя „романистами“ и увлекались Олимпійцами, даже въ народныхъ пѣсняхъ ромайкоса (§ 84) звучали отголоски политеизма. Потускнѣлые слѣды національнаго сознанія замѣчались лишь въ раскольничьемъ фанатизмѣ: изъ-за обрядности и схоластики губили свою имперію. Въ распряхъ съ папистами участвовали всѣ—отъ свѣтилъ науки до нищихъ и разбойниковъ; и наканунѣ паденія Константинополя, духовенство и знать твердили, что „лучше тюрбанъ Магомета въ Софіи, чѣмъ шапка легата“. И всѣ видѣли спасеніе только въ монашествѣ, пышно расцвѣтавшемъ въ оголтѣлой странѣ, да въ чудесахъ, которыя громко требовались и ожидались повсюду. Въ главномъ очагѣ этого направленія, на Аѳонѣ, возникла изумительная секта „омфалопсиховъ“ („душа—въ пупѣ“, какъ свѣтъ на Ѳаворѣ), которая сдѣлала грековъ посмѣшищемъ Запада, но въ Византіи вызывала горячее одушевленіе на синодахъ, при дворѣ и въ массахъ. А не было юристовъ: не издавалось новыхъ законовъ, хотя бы церковныхъ. Не было науки и литературы: нельзя назвать ими словари, жалкія и рѣдкія извлеченія изъ классиковъ или арабовъ да сборники аллегорій, одъ или эпиталамъ, подъ именемъ „букетовъ фіалокъ или розъ“ и проч. Исчезло даже искусство: новыхъ перловъ зодчества не появлялось; ветхую св. Софію снабдили подпорками; о полномъ паденіи изобразительныхъ искусствъ можно судить по лучшей миніатюрѣ временъ Мануила II (§ 131). Только подконецъ казалось, что благородное эллинство можетъ воспрянуть вновь. Духъ Возрожденія коснулся и этого трупа. Подъ вліяніемъ итальянскихъ гуманистовъ, бросившихся въ Византію, въ погонѣ за источниками классицизма, греки подняли голову. Явились такіе толкователи Аристотеля и Платона, какъ Виссаріонъ, Плетонъ, Газа, Хризолора. Возникли такіе оживленные мемуаристы, какъ Грегора и Халкокондила. Литература стала рости, хотя количественно, и почти по всѣмъ провинціямъ. Ея языкъ, напоминавшій передъ тѣмъ кухонную латынь, приближался къ рѣчи Демосѳена; а ромайкосъ украсился цвѣтами болѣе свѣжей поэзіи, хотя и навѣянной Западомъ. И византійцы уже начинали опять

называть себя гордымъ именемъ „эллиновъ“. Но все это было дѣломъ монаховъ же, вносившихъ всюду оттѣнокъ исключитель-

Мануилъ II Палеологъ, съ семействомъ. 1408 [1]).

ности, церковнаго фанатизма. А главное — все это проростало на дряблой почвѣ уже при туркахъ, которые, съ свойственною

[1]) Это—снимокъ съ тщательно отдѣланной греческой рукописи на пергаментѣ, которую Мануилъ, въ бытность свою у Карла VI. подарилъ аббату С. Дени. Миніатюра изображаетъ Богородицу съ Сыномъ, благословляющую императора, его жену, сербку Елену, и ихъ трехъ сыновей. Здѣсь все — по стариннымъ подлинникамъ, условно, безжизненно и аляповато. Фигуры стоятъ на скамеечкахъ, вмѣсто ногъ.

имъ сонливой терпимостью (§ 130), не обращали вниманія на движеніе, грозившее опасностью ихъ владычеству.

§ 136. **Культура славянская, румынская и мадьярская**. — Съ исчезновеніемъ южныхъ культуръ — византійской и арабской, въ Европѣ остались два основныхъ бытовыхъ вида — восточный и западный. Къ первому изъ нихъ относится, главнымъ образомъ, культура славянская, затѣмъ румынская и мадьярская. Правда, онѣ не были самостоятельны: южные и восточные славяне и румыны примыкали къ византійскому виду, западные славяне и мадьяры — къ западному. Но у всѣхъ у нихъ уже слагались своеобразныя черты, которыя дали возможность, въ наше время, развиться собственной культурѣ среди этихъ народностей.

Живучесть этихъ чертъ, среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, служила залогомъ исторической будущности славянства. Разбросаннымъ, сварливымъ, полудикимъ славянскимъ племенамъ, казалось, было невозможно уцѣлѣть въ борьбѣ съ такими сильными и упорными врагами, какъ нѣмцы, греки и турки, которые притомъ насѣдали на нихъ съ стихійнымъ остервенѣніемъ, какъ доказываютъ подвиги Карла Великаго, Болгаробойцы и Мурада (§§ 32, 53, 130). Но они стойко выдерживали даже зваменитый „напоръ на Востокъ“ (Drang nach Osten) нѣмцевъ, который, правда, задерживался усобицами и увлеченіемъ Италіей, но пошелъ круто съ 12-го в., съ Гогенштауфеновъ. Онѣмеченіе (германизація) удалось только на Украйнѣ между Эльбой и Вислой, гдѣ нѣмцы зачастую совсѣмъ истребляли славянъ, охотясь за ними по лѣсамъ, какъ за лютымъ звѣремъ, нето подавляя ихъ массой своихъ колонистовъ, а также устраивали цѣлые крестовые походы и религіозно-рыцарскіе ордена для искорененія язычества (§ 82). Такіе ихъ неумолимые князья, какъ Альбрехтъ Медвѣдь и Генрихъ Левъ, совсѣмъ выжили лютичей, бодричей и поморянъ (§§ 71, 82). При всемъ томъ, даже въ Ганноверѣ мѣстами говорились проповѣди пославянски до средины 18-го в.; подъ Бауценомъ сейчасъ слышится славянская рѣчь; въ Помераніи сохранились отголоски славянства въ прусскихъ фамиліяхъ на „ow“ да въ названіяхъ мѣстъ (Kolberg — Колобрегъ, Königsberg—переводъ Королевца, § 82, и др.); а поморскіе князья сохраняли независимость до 17-го в; но важнѣе всего, что уцѣлѣли такіе надежные оплоты западнаго славянства, какъ Польша и Богемія.

Еще труднѣе было сохраниться южнымъ славянамъ, въ

виду коварной Византіи, которая изъ страха неотступно разлагала ихъ свѣжую силу, подчиняла ихъ своему патріарху, съ помощью фанатичныхъ, жадныхъ фанаріотовъ (§ 132), старалась истребить даже ихъ языкъ, не давая имъ взамѣнъ эллинизма, и наконецъ предоставляла ихъ на жертву туркамъ. Тѣмъ не менѣе, у нихъ слагалась своя культура, и до того національная, что они даже поддерживали грековъ въ борьбѣ съ уніей. У нихъ было восточное богослуженіе, собственное письмо (кирилица), народная поэзія и книжное ученіе на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. У сербовъ выработался даже отчетливый видъ культуры при Душанѣ (§ 132). Подавивъ удѣльныхъ „жупановъ" и „властелей", этотъ пережитокъ родового быта, Душанъ, по образцу Византіи, сталъ „автократомъ (самодержцемъ) милостію Божіей": онъ окружилъ себя пышностью и массой чиновниковъ изъ народа, которыхъ назначалъ „банами" и „воеводами" или покорными начальниками провинцій. Душанъ издалъ „Законникъ" — главный законодательный памятникъ южныхъ славянъ. Хотя то былъ переводъ византійскаго свода, но въ него вошло обычное право сербовъ. Изъ него видно, что тогда въ Сербіи уже исчезъ родовой бытъ и даже общинная собственность: землевладѣліе состояло изъ „баштинъ" или полной частной собственности; были неотчуждаемы даже „проніи" (πρόνοια) — помѣстья служилыхъ людей. „Люди" (масса народа) были сравнены въ правахъ съ властелями, и всякій могъ переходить изъ одного класса въ другой: крѣпостничество было слабо. Но средняго сословія еще не было: города только-что зарождались; торговля находилась въ рукахъ „гостей" или „латинянъ", и особенно венеціанцевъ. Выдѣлялась только церковь, на которую опирался Душанъ также, какъ на массы, въ своей борьбѣ съ боярствомъ: православіе было объявлено государственною религіей; духовенство, наслѣдственное, какъ и теперь, пользовалось свободой отъ повинностей и богатѣло; монастыри владѣли цѣлыми округами.

Съ Душана развивалась и идеальная культура. Возникла письменность, хотя и на церковномъ, древне-болгарскомъ нарѣчіи; впрочемъ, то были переводы съ греческаго священныхъ книгъ, многіе подлинники которыхъ утратились, а также романовъ, повѣстей и хронографовъ; лишь подконецъ появлялись собственныя лѣтописи. Важнѣе народный эпосъ, который отличается богатствомъ и поэтичностью. Здѣсь Маркъ Кралевичъ совершаетъ подвиги Георгія Побѣдоносца; витязь Милошъ, поразившій Мурада въ его собственной ставкѣ (§ 130), „побилъ съ нимъ 12.000 ту-

рокъ"; а царь Лазарь, этотъ „золотой вѣнецъ Сербіи", получилъ, передъ походомъ, письмо отъ Дѣвы Маріи о выборѣ между земнымъ и небеснымъ царствомъ, — письмо, которое доставилъ св. Илья, въ видѣ сокола, прилетѣвшаго изъ Іерусалима. Зарождалось и искусство, по монастырямъ и усадьбамъ властелей, и не только византійскаго, но и готическаго стиля; но отъ него сохранились лишь ничтожныя развалины. Душанъ спѣшилъ, подобно Карлу Великому: послѣ него, подъ вліяніемъ внѣшнихъ бѣдствій, настало быстрое паденіе сербовъ, у которыхъ еще слабый общественный духъ не успѣлъ подавить мѣстной жизни страны, изрѣзанной горами и ихъ потоками. Бояре снова подняли голову, подчиняясь византійскому феодализму, съ его проніями и кулачнымъ правомъ: народъ не поддерживалъ царей противъ крамолы, потому что они предавались греческому деспотизму; онъ самъ призывалъ господство турокъ. Османліи окончательно остановили ростъ культуры южныхъ славянъ. Она сохранялась только въ независимой Черногоріи, гдѣ уже при Черноевичахъ (§ 132) завелась первая у южныхъ славянъ типографія, издавшая „Осмогласникъ" кирилицей. Отчасти благодаря этимъ непокорнымъ горцамъ, національное чувство тлѣло у южныхъ славянъ, чтобы вспыхнуть 400 л. спустя.

Румынская культура представляла собой отрасль славянской, и преимущественно болгарской, какъ доказываетъ уже множество словъ: здѣсь встрѣчаются „бояре, старосты, ворники (отъ дворъ дворецъ), постельники, ключники, десятина, биръ (подушная подать)", распредѣляемый крестьянами между собой по „числамъ". Болгарскій языкъ былъ даже языкомъ церкви и правительства. Государь назывался сначала „воеводой", потомъ „господаремъ" и „самодержцемъ". Онъ имѣлъ полную власть даже надъ церковью. При патріархальности быта, бояре мало чѣмъ отличались отъ массы: крѣпостные отбывали легкую барщину, владѣли землей и имѣли право свободнаго перехода. Рядомъ сохранялось много свободныхъ крестьянъ-собственниковъ. Народъ жилъ просто, сохраняя пастушьи привычки, пріобрѣтенныя имъ въ Карпатахъ: женщины производили всю необходимую мануфактуру; мужчины кормили страну и вывозили скотъ, особенно коней, медъ и воскъ. Всюду царствовало сравнительное равенство и довольство: Молдавія даже ссужала деньгами неразсчетливую Польшу и нищій Бранденбургъ. Но съ 15-го в. бояре стали зазнаваться: они захватили почти всю землю, закрѣпостивъ народъ; они пользовались своимъ правомъ избирать господарей, хотя и

изъ царствующей династіи, какъ было у сосѣдей—болгаръ, венгерцевъ и поляковъ. Напрасно Владъ (§ 132), котораго прозвали Палачемъ и Дьяволомъ, загубилъ до 20.000 бояръ и разбойниковъ, насмѣхаясь надъ ихъ страданіями: изъ Валахіи и Молдавіи выработались подконецъ самыя печальныя олигархіи, съ безконечными усобицами честолюбцевъ среди порабощенной массы. Опираясь на непримиримыя партіи бояръ, отовсюду являлись претенденты на престолъ, которыхъ поддерживали то Венгрія, то Польша или Порта: тутъ встрѣчались и богатый турецкій купецъ, и нищій мекленбургскій учитель, и бездомный бѣглый полякъ, и дерзкій питомецъ русской Украйны. Успѣхъ зависѣлъ отъ того, кто кого прежде задушитъ. Но и доля побѣдителей была незавидна: ихъ живо изводили собственные бояре или турки, которымъ была выгодна частая смѣна вассаловъ. Язвы политики поддерживались отсутствіемъ идеальной культуры. Румыны довольствовались крохами, которыя перепадали къ нимъ изъ убогой умственно Болгаріи. Ихъ православіе отличалось византійскимъ фанатизмомъ и узкостью взгляда: въ ихъ гербѣ побѣдоносный римскій орелъ держитъ въ клювѣ страдальческій крестъ. Турки надолго устранили возможность развитія валаховъ и молдаванъ.

Къ румынской культурѣ ближе всего подходила, по своимъ источникамъ, культура восточныхъ славянъ. Ей также трудно было развиваться, вслѣдствіе татарскаго ига (Р. И. §§ 96—108). Только въ политикѣ русскіе даже отчасти опередили Европу: въ Москвѣ установился абсолютизмъ и возникъ терминъ—„собираніе русской земли“. Но въ бытовомъ отношеніи у нихъ господствовалъ застой, вслѣдствіе татарщины, отпаденія южной Руси и прекращенія связей съ Византіей. Впрочемъ, въ силу сближенія южной Руси съ Западомъ, подготовлялось умственное развитіе, которое перешло потомъ въ Москву. Эта подготовка шла и другиить путемъ: Новгородъ сливался съ Москвой, а онъ подчинялся нѣмецкому вліянію. Вскорѣ совпаденіе вліяній Византіи и Запада создало своеобразную русскую культуру.

Но покуда въ бытовомъ отношеніи на первомъ планѣ стояли западные славяне, которыхъ не касалось иго турокъ и татаръ. Съ Казиміра Великаго въ Польшѣ создавалась своя культура, хотя подъ прямымъ вліяніемъ Запада (§ 111). „Король хлоповъ“ поднялъ свой народъ гуманными преобразованіями, направленными къ его освобожденію отъ папства, къ приголубливанію всѣхъ подданныхъ, не исключая русскихъ и

евреевъ. Если у него замѣчалось пристрастіе къ нѣмцамъ, то какъ къ носителямъ западной культуры. Оттого тогда даже паны одѣвались и говорили понѣмецки. Возникло много городовъ со стѣнами, которыя могли сопротивляться и европейскому войску. Даже частныя лица строили каменныя зданія, такъ что говорили: „Казиміръ превратилъ Польшу изъ деревянной въ каменную". Появилось много ремеслъ; и Польша стала средоточіемъ торговли сѣверо-запада Европы съ юго-востокомъ, богатѣя сначала отъ „складочнаго права", а потомъ, съ пріобрѣтеніемъ устьевъ Вислы и Нѣмана (§ 111), отъ сплава хлѣба заграницу. Нѣмцы принесли готическій стиль, живопись, рѣзьбу, золоченье, образцы которыхъ сохранились въ миніатюрахъ, королевскихъ печатихъ и церковныхъ поминаньяхъ. Развивалась наука, основаніе которой было положено также Казиміромъ: въ краковскій университетъ стекались даже нѣмцы, чехи и шведы. При Ягеллонахъ въ Польшу проникло Возрожденіе, которое развивалось долго и многосторонне. проникая отчасти до низшихъ слоевъ даровитой націи. Поляки учились въ Италіи; а оттуда наѣзжали къ нимъ гуманисты. По Европѣ гремѣла слава классицизма краковскаго университета. Наука становилась свѣтскою: крупный историкъ, Длугошъ, подражалъ Ливію. Особенно изучалось римское право: юристы, поддерживавшіе монархизмъ, занимали высшіе посты въ государствѣ.

Этими культурными успѣхами поляки поддерживали славянскую идею, разрушая взглядъ Запада на своихъ соплеменниковъ, какъ на дикихъ азіятовъ; но главнымъ двигателемъ ея были тогда чехи. Они-то выдвинули славянскій вопросъ на чреду первостепенныхъ европейскихъ задачъ (§§ 117, 118). Онъ въ теченіе всего 15-го в. занималъ вниманіе міра, по своей связи съ преобразованіемъ церкви. И если англичане теоретически подготовляли великій переворотъ, названный реформаціей (§ 107), то чехи начали его въ жизни. Въ этомъ смыслѣ гусизмъ затрогивалъ всѣ западныя націи, въ особенности нѣмцевъ, и имѣлъ непосредственное вліяніе на поляковъ, словаковъ, даже на мадьяръ Съ другой стороны, онъ больше виклиѳизма вызывалъ другую основу новой исторіи—національзмъ. При героѣ чешской народности, Подебрадѣ (§ 133), эта основа, поддерживаемая въ Богеміи борьбой съ нѣмцами и папствомъ, достигла высшаго развитія. Страна становилась явно славянскою державой. Нѣмцы составляли всего $^1/_{10}$ населенія (теперь — $^1/_3$). Въ пражскомъ университетѣ былъ сильный подъемъ національнаго духа, ко-

торый проявлялся во множествѣ книгъ, школъ, профессоровъ. Всюду, даже въ низшихъ классахъ, мечтали объ исправленіи церкви на гуситской основѣ. Баснословныя побѣды Жижки и Подебрада надъ цѣлыми католическими коалиціями предвѣщали паденіе всего средневѣковья и зарю свободы мысли, народной независимости. Оттого чехи и при Габсбургахъ долго отстаивали особенности своей культуры, которая вновь расцвѣла съ пышностью и блескомъ въ 19-мъ в., несмотря на неимовѣрныя усилія германизаціи въ теченіе 17—18 вѣковъ. Этотъ подвигъ чеховъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что даже въ лучшую пору имъ приходилось считаться съ громадными препятствіями. Помимо основной борьбы съ германизаціей и папизмомъ, ихъ изнуряла внутренняя язва панской олигархіи, которая вела къ закрѣпощенію народа и къ воцаренію чужеземныхъ королей, не понимавшихъ чешскаго націонализма. Ихъ мучила еще вѣчная вражда съ Венгріей.

А между тѣмъ судьба Венгріи и мадьярская культура были сходны съ дѣлами Богеміи. И здѣсь этотъ періодъ былъ блестящею порой. И мадьяры сыграли тогда міровую роль, показавъ примѣръ героической борьбы христіанскихъ туранцевъ съ туранцами мусульманскими, защищая Европу отъ османліевъ. И здѣсь было сдѣлано много для культуры народа, хотя она и приносилась прямо съ Запада (§ 133). И здѣсь былъ подъемъ національнаго духа: Гуніадъ и Корвинъ сохранились, въ памяти массъ, героями, обаяніе которыхъ помогало мадьярамъ сохранить свою народность, вновь расцвѣтшую въ 19-мъ вѣкѣ. А для нихъ этотъ подвигъ былъ труднѣе даже, чѣмъ для чеховъ. Здѣсь внутреннія язвы были еще опаснѣе. Нигдѣ не было такой жестокой олигархіи, какъ венгерское магнатство, приводившее, какъ и въ Богеміи, къ рабству народа и къ господству иностранныхъ государей. И эти государи были такъ стѣснены, что подконецъ современникъ говорилъ: „я самъ видѣлъ въ Будѣ, какъ придворные лакеи ходили, съ пустыми бутылками, къ епископу и выпрашивали у него вина къ королевскому столу“. Въ Венгріи неурядицы осложнялись ненавистью племенной и мѣстной: тамъ вѣчно боролись между собой, съ одной стороны, мадьяры, славяне, румыны, нѣмцы и итальянцы, съ другой — раздѣленные горами комитаты (§ 52), съ ихъ узкимъ духомъ захолустій. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы соединиться съ чехами, въ виду надвигающихся турокъ, мадьяры жестоко враждовали съ ними, какъ чуждые по породѣ и какъ соперники по власти.

§ 137. **Культура западная. Государство.** — Въ культурѣ Запада развились сѣмена, посѣянныя крестовыми походами (§ 101). Земельное и національное сплоченіе сдѣлало очевидный шагъ впередъ. Всюду шло собираніе земель, въ особенности же на крайнемъ Западѣ, гдѣ наиболѣе развилась и политическая власть. Подконецъ сложились Франція, Англія и Испанія, что̀ и было главнымъ плодомъ Столѣтней войны и борьбы христіанъ съ маврами. Тогда же это стремленіе замѣчалось даже въ такихъ притонахъ мелкодержавія, какъ Германія и Италія, а еще яснѣе у чеховъ и мадьяръ; въ Скандинавіи же оно выразилось въ цѣлой уніи (§§ 120, 129, 134). Собираніе земель принимало сознательный видъ исканія предѣловъ національности, что̀ выразилось и въ появленіи патріотизма. Не говоря уже про Англію, гдѣ народность замѣчалась давно (§ 101), а теперь выразилась во введеніи родного языка въ суды и парламентъ, а также въ мѣстной поэзіи, патріотизмъ пробуждался даже въ Германіи и за Альпами (§§ 112, 119): въ Италіи онъ воплощался уже въ такой личности, какъ Макіавель, который примыкаетъ къ Данту и Петраркѣ по глубинѣ этого чувства такъ же, какъ и по широкому государственному уму и образованію. Въ Франціи онъ создалъ дивное явленіе (§ 109): тамъ народъ жилъ вѣрой въ чудесное спасеніе своей героини; появлялись Жанны-самозванки. Швейцарцы уже во второмъ поколѣніи вѣрили въ сказки о своемъ Теллѣ и Винкельридѣ (§ 114). Какъ они, такъ и горцы Черногоріи и Албаніи, утвердили подвигами независимость своихъ крохотныхъ народностей. Нѣмецкій „напоръ на Востокъ“ уже встрѣчалъ отпоръ со стороны славянъ и мадьяръ, патріотизмъ которыхъ одно время выступалъ ярко (§ 136). При этомъ гусизмъ пріобрѣлъ міровое значеніе. Національизмъ съ полной сознательностью проявился въ словахъ Гуса: „Богемія для чеховъ, какъ Франція для французовъ и Германія для нѣмцевъ“. Въ Богеміи даже города и замки пановъ становились очагами славянской идеи.

Не безъ вліянія гусизма, подконецъ въ соборныхъ конкордатахъ и у богослововъ, въ народныхъ революціяхъ и письменности, — всюду обнаруживалось стремленіе учредить національныя церкви, чтобы свергнуть папское иго. Новые языки сложились и облекались въ литературную форму. Возникли національныя искусства, поэзія, исторія и публицистика. Каждая народность до того окрѣпла, что неудачны были по-

пытки сліянія даже соплеменныхъ странъ (§§ 111, 126, 134). Подготовлялось и высшее, международное сплоченіе. Племенной хаосъ смѣнялся союзами и идеей политическаго равновѣсія, и прежде всего въ раздробленной Италіи (§ 129), гдѣ сложилось 5 равносильныхъ государствъ (Миланъ, Венеція, Флоренція, Римъ, Неаполь), которыя никакъ не могли объединить страну взаимнымъ поглощеніемъ. Юлій II былъ типомъ дипломата новаго времени болѣе даже, чѣмъ Фердинандъ Католикъ и Людовикъ XI; а Лоренца Медичи называли „стрѣлкой политическихъ вѣсовъ“. Въ европейской дипломатіи установлялись преданія и свой языкъ (латынь); и ее вели уже не одни церковники, но и нотаріусы; число посольствъ быстро росло повсюду. Въ особенности итальянскія государства содержали при иностранныхъ дворахъ и явныхъ „ораторовъ“ (пословъ), среди которыхъ былъ Макіавель, и шпіоновъ, которые проникали до спаленъ государей и знали тайные помыслы властителей: „депеши“ (dispacci) венеціанцевъ—тонкая психологія дворовъ, особенно папской куріи. Послы отправляли домой, иногда не разъ въ день, тайныхъ курьеровъ, которые скакали, сломя голову и сыпля деньгами. Наконецъ, выступила могучая сила и душевнаго сплоченія Европы—тотъ гуманизмъ, который смѣнилъ, какъ міровоззрѣніе, церковный идеализмъ и романтику рыцарства.

Еще яснѣе политическое сплоченіе въ предѣлахъ каждаго государства. Всюду шло собираніе верховной власти: феодализмъ уступалъ мѣсто монархизму, который даже превращался въ абсолютизмъ. Республики доживали свой вѣкъ въ Италіи: здѣсь демократія вырождалась въ олигархію; кондотьеры да банкиры становились династами и деспотами; попытки въ духѣ классицизма имѣли трагическій исходъ въ лицѣ Савонаролы, Ріенци и его подражателя, гуманиста Поркаро, казненнаго при Николаѣ V. Если монархизмъ не установился въ Германіи, то стремленіе къ нему ясно, какъ у императоровъ, такъ и у народа; съ другой стороны, абсолютизмъ уже дошелъ до крайности въ лицѣ Людовика XI, Фердинанда Католика, Эдуарда IV и Генриха VII. Могучимъ подспорьемъ ему служило римское право, которое проникало во всѣ своды законовъ, возникавшіе тогда повсюду: оно входило даже въ такія новыя городскія права, какъ швабское (на югѣ Германіи), магдебургское и любекское (на сѣверѣ, въ Швеціи и Польшѣ). Римское право стало основой юриспруденціи, какъ „писанный разумъ“ (ratio scripta), и усердно изучалось повсюду, вытѣсняя каноническое право, бывшее прежде душой

юридическихъ факультетовъ. Государи выдвигали его, какъ свою опору, не только противъ феодальнаго, но и противъ обычнаго права, которое становилось подозрительнымъ въ ихъ глазахъ, какъ плодъ окрѣпшаго третьяго чина. Юристы получили рыцарскія права, какъ „воины закона", заняли лучшія мѣста въ управленіи, образуя чиновничество, неизбѣжное при абсолютизмѣ, захватили суды, лишая ихъ родного языка, гласности и устности, отчасти связанной съ безграмотностью. Они презирали

Кондотьеры. Съ фрески Луки Синьореллн, конца 15-го в.

народный судъ, съ его поэзіей, юморомъ и вниманіемъ къ положенію судимаго, и называли обычное право „мужицкимъ, неразумнымъ". Они притѣсняли народъ въ пользу государей, вводили бездушное крючкотворство, утонченный юридическій фанатизмъ. Народы съ ужасомъ замѣчали быстрое распложеніе этой „саранчи", этихъ „ростовщиковъ" и уже сочиняли про нихъ язвительныя прибаутки (juristae sunt jurgistae; Iuristen—böse Christen; jurisconsultus—ruris tumultus).

Такъ. абсолютизмъ былъ, въ значительной степени, плодомъ античнаго цезаризма, преданій древности. Онъ и восторжествовалъ

подконецъ, въ эпоху возрожденія классицизма. Сначала же коронѣ приходилось вездѣ призывать народъ на помощь, въ борьбѣ съ феодалами: отсюда любопытный оттѣнокъ демократіи въ самыхъ разнообразныхъ, причудливыхъ формахъ. Ея духъ проявлялся всюду — отъ проповѣдей Виклифа и Савонароды до рѣчей къ народу какъ Марселя и Лекока, такъ и Карла V и Карла Дурнаго, отъ нидерландскихъ цеховъ и англійской палаты общинъ до коронаціи Лудвига Баварца, какъ избранника народа (§ 110), отъ польской шляхты до нѣмецкихъ земствъ. Онъ наложилъ свою печать на цѣлую эпоху 1380-хъ годовъ, создалъ безсмертную крестьянскую республику въ сердцѣ Европы и знаменитый гусизмъ (§§ 105, 114, 118). Но, за исключеніемъ Швейцаріи и отчасти Норвегіи, демократія нигдѣ не могла упрочиться. Какъ страстная реакція заматерѣлому аристократизму, она сама вдавалась въ подрывавшія довѣріе къ ней насилія и такія крайности, какъ жакріи, табориты и адамиты. Она отличалась внутреннимъ нестроеніемъ, какъ всякая скороспѣлая сила. Ея идеалы предвосхищали время, которое требовало сплоченной верховной власти для искорененія еще крѣпкихъ пережитковъ всего средневѣковаго хаоса, съ феодализмомъ во главѣ.

Юристъ. 15-го в. Изъ гравюры „Пляска Смерти“.

Тѣмъ не менѣе, такая живая историческая сила, какъ демократическій духъ, не могла пройти безслѣдно. Отсюда одна изъ основныхъ чертъ средневѣковья вообще и послѣдняго періода въ особенности: это—попытки сліянія верховной власти съ демократіей. Онѣ привели къ тремъ главнымъ видамъ государственности въ руководящихъ державахъ. Англія, эта крайне своеобразная страна, благодаря особенностямъ ея положенія

(§§ 51, 66, 101), выработала новую форму, невѣдомую древнему міру, за исключеніемъ намека на нее въ Финикіи (Д. И. §§ 35, 237). То не былъ цезаризмъ: самые законы Англіи, которыхъ была масса, были не списками римскаго права, а развитіемъ обычнаго права (Common Law), безсвязнымъ, путаннымъ, но гибкимъ, подвижнымъ и приложеннымъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Англія стала колыбелью „конституціонной монархіи" или „парламентаризма",—сложнаго, но прочнаго строя, устраняющаго крайности какъ сплоченія власти, такъ и безначалія. Англійская конституція сложилась въ эпоху Эдуардовъ. Она примыкала, по своимъ основамъ, къ „законамъ Эдуарда Исповѣдника" (§ 50), по формѣ—къ древней общинѣ. При англосаксахъ, каждый черлъ говоритъ свое „да" или „нѣтъ" на утенагемотѣ (§ 31), собиравшемся просто подъ дубомъ или въ загороди. При норманнахъ, утенагемоты превратились въ „дворы графствъ" (county-court), гдѣ собиралась мѣстная джентри (§ 103) вокругъ шерифа, когда онъ, окруженный стражей въ ливреяхъ, объявлялъ королевскіе „риты" (writ—грамота, указъ), судилъ съ 12 присяжными, раскладывалъ налоги. Сюда обращалась Великая Хартія, призывая въ „великій совѣтъ" прелатовъ и бароновъ поименно, а джентльменовъ — ритами. Симонъ Монфоръ ввелъ мѣщанъ въ совѣтъ (§ 80), который сталъ съ тѣхъ поръ „парламентомъ" или представителемъ всѣхъ свободныхъ англичанъ.

Но мѣщане стѣснялись непонятною имъ политикой, тѣмъ болѣе, что ихъ звали только для денегъ, и тяготились содержаніемъ своихъ депутатовъ (2 шиллинга суточныхъ): иногда они покупали грамоты, увольнявшія ихъ отъ права представительства, а съ ихъ депутатовъ приходилось брать залоги въ обезпеченіе явки. Такъ же поступали джентльмены, которые обжились въ своихъ помѣстьяхъ и не желали тратиться на далекую поѣздку. Лишь съ конца 13-го в. парламентъ сталъ собираться правильно и въ одномъ мѣстѣ, въ мѣстечкѣ Вестминстерѣ; еще позже установилось его дѣленіе на двѣ палаты (§ 104). Короли настойчиво созывали „общины" (нижнюю палату), надѣясь получить съ нихъ не только деньги, но и поддержку въ борьбѣ съ лордами. Они не опасались этой деревенщины, которая утверждала ихъ вопіющія насилія и такъ отвѣчала Эдуарду III на вопросъ о французской войнѣ: „Дражайшій государь! Что касается вашей войны, то мы, люди простые и темные, не знаемъ, что̀ сказать. Извините насъ и прикажите, что̀ вамъ благоугодно бу-

детъ, по совѣту съ великими и мудрыми особами вашего совѣта". Но общины поддерживали не короля, а бароновъ, которые отстаивали общую свободу націи и имѣли навыкъ въ управленіи (§ 103); и у нихъ уже сложился обычай соглашаться на подати лишь въ концѣ сессіи, по удовлетвореніи всѣхъ ихъ требованій. Лишь къ концу эпохи Эдуардовъ, когда мѣщане развились и разбогатѣли, стала падать палата лордовъ: власть переходила къ общинамъ.

При Эдуардахъ же выработались основы конституціи, зерно которыхъ въ Великой Хартіи (§ 73), 38 разъ подтвержденной королями. Во главѣ ихъ стоитъ правило — „исправленіе злоупотребленій предшествуетъ соизволенію налоговъ". Это— „парламентская таксація" или самообложеніе данями, которыя были названы „благосклоннымъ даромъ" и „ссудой" (benevolence, loan). Послѣ Эдуардовъ парламентъ даже пріобрѣлъ право надзора за соизволенными данями (appropriation of supplies), назначая для этого присягавшую ему коммиссію. Вторая основа конституціи — „законодательная иниціатива" (вчинаніе законовъ). Сначала король предлагалъ проекты законовъ, а общины подавали только „петиціи" (челобитныя), которыя можно было измѣнять или и вовсе устранять. Но въ 1415 г. общины потребовали, чтобы „не издавалось законовъ помимо ихъ согласія и чтобы не дѣлалось прибавокъ или урѣзокъ въ ихъ петиціяхъ". Затѣмъ петиціи превратились въ „билли" или предначертанія законовъ, которыя король и лорды должны были или совсѣмъ отвергать, или принимать всецѣло: законодательный починъ вполнѣ переходилъ къ нижней палатѣ. Но нужно было обезпечить исполненіе законовъ, т.-е. подчинить администрацію парламенту. Такъ какъ самъ парламентъ не можетъ завѣдывать текущими дѣлами, то англичане всегда держались правила, что исполнительная власть принадлежитъ королю и его министрамъ. Они добивались только надзора за нею, то назначая для этого особыя коммиссіи (§ 104), то пользуясь правомъ возстанія (§ 73) до того, что съ Эдуарда II до Генриха VII изъ 9 королей 6 были низложены и 5 изъ нихъ потеряли жизнь вмѣстѣ съ короной. Но это были временныя мѣры, тяжелыя для страны и незаконныя: Великая Хартія установляла неприкосновенность священной особы короля. Въ Англіи и теперь правило, что „королева не можетъ дѣлать зла" (the queen cannot do wrong), такъ какъ она, по выркженію французовъ, „царствуетъ, но не управляетъ" (regne, mais ne gou-

verne pas). Управляютъ министры, которые и должны нести отвѣтственность передъ страной. Парламентъ пріобрѣлъ право „обвиненія“ министровъ (impeachement), которымъ часто пользовался при Ланкастерахъ, подвергая лишенію имуществъ, изгнанію и тюремному заключенію даже придворныхъ духовниковъ и фаворитовъ. Наконецъ, была признана за депутатами личная неприкосновенность и свобода рѣчи. Ихъ не могли арестовывать, во время засѣданій парламента, ни за какія преступленія, кромѣ государственной измѣны. „Спикеръ“ (глава палаты общинъ) напоминалъ, при открытіи засѣданій, о свободѣ рѣчи, которая обезпечивалась правиломъ, что король не долженъ слышать, что говорится въ парламентѣ.

Къ концу періода, Англія, по словамъ Комина, была „единственною страной въ мірѣ, гдѣ общественное благо наиболѣе обезпечено и народъ наименѣе подвергнутъ насилію: оттого нигдѣ не служатъ монархамъ строже и лучше, чѣмъ въ Англіи“. Но основы конституціи вырабатывались среди упорной борьбы, томительнымъ путемъ „прецедентовъ“, т.-е. примѣровъ (§ 73). Онѣ постоянно нарушались даже такими любимцами народа, какъ Эдуардъ III: при всякомъ удобномъ случаѣ, обходились безъ парламента; административнымъ порядкомъ сажали въ тюрьму за мнѣнія, даже не стѣсняясь званіемъ депутата; въ Тоуерѣ ввели пытку, которой подвергали и политическихъ противниковъ короля. Парламентъ самъ подрывалъ свою силу сословнымъ духомъ: сначала онъ представлялъ только интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, потомъ—еще интересы капиталистовъ. Отсюда разладъ между нимъ и народомъ, такіе статуты, какъ „законъ о рабочихъ“ (§ 107), и волненія массъ. Оттого конституція пошатнулась, когда война Розъ подкосила силу бароновъ, а страхъ передъ безначаліемъ заставилъ капиталистовъ пожертвовать правами, добытыми при Эдуардахъ и Ланкастерахъ. Слабость Ланкастеровъ, не умѣвшихъ справиться съ анархіей, которою особенно пользовались бароны, и погубила ихъ. Измученный народъ ожидалъ порядка отъ ихъ соперниковъ, отъ своихъ любимцевъ, Іорковъ: онъ попустилъ имъ возстановить преданія „желѣзныхъ королей“ (§ 51). Съ Эдуарда IV Англія становится конституціонной страной лишь по виду: въ ней водворяется вѣковой абсолютизмъ Тюдоровъ (§ 122). По примѣру Англіи, и въ Шотландіи появился парламентъ, только съ одною палатой, въ началѣ 15-го в., при Яковѣ I Стюартѣ. Но тамъ государственный порядокъ постоянно

нарушался крамолами феодаловъ: всѣ короли съ Якова I до Якова V частью были умерщвлены, частью пали въ битвахъ

На материкѣ выработались иные виды государства: Франція и Германія представляютъ именно тѣ крайности, которыхъ такъ счастливо избѣгнула Англія. Во Франціи постепенно водворился абсолютизмъ, и неизбѣжныя демократическія попытки были неудачны, такъ какъ онѣ шли сверху. Сначала здѣсь, какъ и въ Англіи, управлялъ „великій совѣтъ“ изъ знати. По мѣрѣ подавленія феодализма и накопленія дѣлъ, отсюда выдѣлилось судебное вѣдомство—парижскій „парламентъ“, который состоялъ изъ легистовъ (§ 79) или „мантьеносцевъ“ (les gens de robe), засѣдавшихъ въ длинныхъ мантіяхъ съ горностаевой оторочкой (la robe—родъ судейскаго мундира, въ отличіе отъ рыцарскаго одѣянія). Охрана народа противъ феодаловъ и главная опора абсолютизма, парламентъ вскорѣ пріобрѣлъ политическое значеніе, въ видѣ права „регистраціи“ (enregistrement), по которому указъ короля становился закономъ лишь по внесеніи въ парламентскіе списки. Но потребность въ деньгахъ и въ поддержкѣ народа для отпора папству заставили Филиппа IV (1302) созвать всеобщіе „государственные чины“ (§ 102), напоминающіе англійскій парламентъ: здѣсь, наряду съ двумя первыми чинами, были депутаты „добрыхъ городовъ“. Затѣмъ чины созывались только когда это было выгодно коронѣ, которая произвольно опредѣляла и ихъ составъ, выбирая покорныхъ депутатовъ. Они имѣли значеніе лишь въ минуту бѣдствій, когда въ нихъ возобладалъ третій чинъ, согласно съ мѣщанскимъ движеніемъ (§§ 105, 106): тогда они мѣстами почти совсѣмъ устранили королевскую администрацію. Но ихъ судьба колебалась вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ, а при Карлѣ VII они сами себѣ подписали приговоръ, разрѣшивши королю постоянную армію и подать на ея содержаніе: съ тѣхъ поръ ихъ рѣдко созывали.

Французы разумѣли дѣло не меньше англичанъ. Государственные чины рѣшали великіе вопросы; въ ихъ „тетрадяхъ“ (cahiers—родъ петицій) и рѣчахъ встрѣчается раннее пониманіе основъ конституціи, которое перешло въ пословицы („не облагай данями противъ воли; продавать должность — продавать правосудіе“). Чины 1355—1357 годовъ присваивали себѣ всю государственную власть. Ихъ „великій указъ“ (grande ordonnance)—замѣчательный памятникъ коренной политической реформы. Здѣсь предписывалась передѣлка королевскаго совѣта, парла-

мента и счетной палаты, очищеніе всей администраціи, подчиненіе даже казны и войскъ представителямъ народа, которые собираются для этого, даже безъ призыва, три раза въ годъ: и все это—для обезпеченія правъ всѣхъ гражданъ, въ особенности же „изъ любви къ бѣднякамъ“. Чины по смерти Людовика XI (1484), гдѣ красовались ученыя и литературныя свѣтила, а въ избраніи депутатовъ участвовали даже крестьяне, были представителями всей страны и блестящимъ проявленіемъ ума и краснорѣчія націи: они назначили Анну Божё правительницей (§ 125); ихъ „тетради“—планы великихъ реформъ. Когда королевскій канцлеръ поздравилъ ихъ съ „неутомимымъ повиновеніемъ“, какого нѣтъ нигдѣ, они отвѣчали: „Верховный народъ сотворилъ королей своимъ избраніемъ, и не для того, чтобы они извлекали пользу изъ него и обогащались на его счетъ, а для того, чтобы они, забывая свои выгоды, обогащали и осчастливливали его: иначе они—тираны“. И чины рѣшили собираться каждые 2 года. Но безъ нихъ прошло 76 л., и послѣ 1484 ихъ созвали только 7 разъ въ 3 вѣка.

Словомъ, государственные чины были явленіемъ случайнымъ, орудіемъ короны, подобно московскимъ земскимъ соборамъ (Р. И. § 155). Именно въ ихъ пору неуклонно шло сплоченіе власти наверху, при неизбѣжномъ соучастіи римскаго права. Съ Филиппа IV легисты все заводили „новшества“ (nouvelletés). Они вводили цезаризмъ въ сводъ кутюмовъ, изданный при Карлѣ VIII, а при Людовикѣ XI собирались прямо замѣнить его общимъ сводомъ римскаго права. Правосудіе стало дѣломъ короны: обжалованія со всѣхъ концовъ Франціи стекались въ 4 провинціальныхъ парламента, а оттуда — въ парижскій, который велъ свои сакрытыя, педантичныя засѣданія во Дворцѣ Правосудія (Palais de Justice—съ Филиппа IV), гдѣ, въ Залѣ Замирающихъ Шаговъ (Salle des Pas-Perdus), толпились ловкіе адвокаты, уже составлявшіе „базошь“ (отъ basilica) или артель придворныхъ крючкотворцевъ. Судьи здѣсь — королевскіе чиновники на жалованьѣ, только безсмѣнные; они безжизненно держались римскихъ порядковъ въ ходѣ дѣлъ, который былъ узаконенъ, въ 1453, первымъ въ Европѣ „процессуальнымъ“ уставомъ. Казна также приняла новый, строгій видъ королевскаго кармана. Прежде короли стѣснялись, довольствуясь, въ мирное время, доходами съ своихъ вотчинъ: въ 1443 г. королева заложила Библію своему лакею за 343 ливра. Подконецъ уже талья (§ 123) доставляла до 5 милліоновъ, и сами государственные чины обратили ее въ постоян-

ную; да взимались косвенные налоги (aides и gabelles), продавались дворянскія и цеховыя грамоты, дѣлались займы и т. д. Съ Филиппа IV появились особые сборщики податей, завелся контроль Счетной Палаты; и стали смотрѣть въ-оба всюду шнырявшіе королевскіе „слѣдователи“ (enquesteurs) или сыщики, фискалы. Подконецъ все управленіе сосредоточилось въ рукахъ „двора“, гдѣ великіе феодальные чины смѣнились назначаемыми монархомъ изъ буржуазіи и мелкаго дворянства „совѣтниками“ короля и знающими его тайны клерками (clercs du secret) его канцеляріи, изъ которыхъ вышли потомъ государственные секретари.

И власть уже становилась капризомъ автократа: самъ Людовикъ XI велъ внутреннее управленіе произвольно, изо дня въ день, по требованію минуты, по расположенію своего духа. Отсюда появленіе ученія о тираноубійствѣ, которое занимало умы до конца среднихъ вѣковъ: оно было выставлено партіей бургундцевъ, въ лицѣ доминиканца Пти (Petit), чтобы оправдать убіеніе Людовика Орлеанскаго Іоанномъ Безстрашнымъ (§ 106). Но французскій абсолютизмъ былъ послѣдователенъ и искусенъ во внѣшней политикѣ. Терзаемая смутами Европа подчинялась обаянію этой силы, которая располагала и деньгами для подкуповъ, и постоянною арміей съ новымъ военнымъ искусствомъ, усовершенствованнымъ гуситами,—съ этою пѣхотой, ружьями и артиллеріей, съ быстротою сосредоточенія массъ, съ изученіемъ мѣстности. И Франція уже съ Карла VII осѣтила всю Европу своею дипломатіей, стала первенствующею державой. Она тревожила весь міръ въ итальянскихъ войнахъ, распоряжалась папствомъ, вмѣшивалась даже въ дѣла Испаніи, Венгріи и Даніи. Фюрсты называли ея властителя „нашимъ королемъ“, а дожъ говорилъ: „это—королямъ король, безъ него ничего не подѣлаешь“. При парижскомъ дворѣ, съ дипломатами всѣхъ странъ Европы встрѣчались послы персидскихъ и армянскихъ царей и восточные патріархи: и начиналось покровительство Франціи надъ св. мѣстами уже съ политическою, а не религіозною цѣлью.

Въ Германіи совсѣмъ иная картина. Здѣсь не выработалось ни демократіи, ни монархизма: сохранялся феодальный хаосъ. Демократическія попытки имѣли такой же исходъ, какъ во Франціи. Это—„земскіе чины“ (Landstände), съ ихъ земскими сеймами (Landtag), примыкавшіе къ союзамъ городовъ и рыцарей для защиты народа отъ произвола феодаловъ (§§ 113, 120). Потерявши спасительную „непосредственность“ (§ 87), низшее

духовенство, рыцари и бюргеры стали собираться для обсужденія собственныхъ выгодъ: они участвовали въ законодательствѣ, отстаивая льготное обычное право (Weisthümer), назначали подати, иногда даже присваивали себѣ право распоряжаться престолонаслѣдіемъ и возставать противъ своего фюрста. По словамъ Фруассара, „фюрсты, подчинивъ себѣ императора, сами подчинились земскимъ чинамъ": нерѣдко они даже сами созывали ихъ, нуждаясь въ деньгахъ. Но подконецъ оказалось, что земскіе чины Германіи—то же, что̀ государственные чины Франціи. Ихъ права были лишь частнымъ, случайнымъ договоромъ, обыкновенно купленнымъ у оголтѣлаго фюрста. У нихъ не было даже уставовъ: требованіе единогласія, этого „одиночества" нашихъ сельскихъ сходовъ (Р. И. § 155), мѣшало прочности строя; а главное, здѣсь не было представительства, каждый являлся лично и хлопоталъ только о себѣ. Важнѣе всего, что земскіе чины были лишены политическаго смысла: они не поддерживали своего естественнаго союзника, императора, не понимая, что онъ былъ врагомъ „свободы" не ихъ, а фюрстовъ. Фюрсты пользовались недостатками чиновъ и всячески стѣсняли ихъ, искусно посѣвая раздоры въ ихъ средѣ. Конечно и имъ помогали юристы, которыхъ народъ считалъ язвой „рыцарей-разбойниковъ". Они съ особою яростью истребляли слѣды обычнаго права, стараясь „упростить" его путаницу, т.-е. подогнать его къ римскому праву: они дошли до того, что отняли у народа самосудъ и объявили, что рабство было изначала и должно вѣчно оставаться жизненнымъ условіемъ нѣмцевъ.

Такъ, въ Германіи абсолютизмъ сосредоточился въ рукахъ фюрстовъ. Отъ императорства оставался одинъ титулъ; зато нѣмцы такъ тщеславились имъ, что величали своихъ королей „императорами" даже послѣ Фридриха III, при которомъ совершилось послѣднее ихъ вѣнчаніе въ Римѣ (1452): Максиміліанъ I уже назвался „избраннымъ римскимъ императоромъ" безъ папскаго коронованія. Исчезновеніе этого „римскаго похода" (Römerzug), съ которымъ связано превращеніе „римскаго мѣсяца" (Römermonate — временный взносъ вассаловъ на коронацію) въ настоящую ежемѣсячную воинскую подать, имѣло смыслъ. Имъ завершалась идея перваго Габсбурга (§ 78): „священная" римско-нѣмецкая имперія средневѣковья смѣнялась свѣтскимъ государствомъ новаго времени, что̀ и было узаконено на съѣздѣ въ Рёнзе (§ 110). Но на этомъ же съѣздѣ произошло ограбленіе императора въ пользу фюрстовъ,

которые заодно освободились и отъ папской власти. Золотая Булла (§ 112) закрѣпила это дѣло: она совсѣмъ передала Нѣмецкую имперію въ руки семи „курфюрстовъ“ (духовные—Майнцъ, Кёльнъ, Триръ; свѣтскіе — Богемія, Саксонія, Бранденбургъ, Рейнскій Пфальцъ), уподобленныхъ свѣтильникамъ Апокалипсиса. Они пріобрѣли регаліи (пошлины), монету, безапелляціонный судъ (privilegium de non appellando) и первыя должности въ имперіи; ихъ земли стали неотчуждаемы и нераздѣльны. Они начали избирать императора окончательно и судить его за злоупотребленія; они собирались ежегодно и управляли въ междуцарствіе. Даже свободные, сидѣвшіе на ихъ земляхъ, стали ихъ подданными. Иго семи деспотовъ приводило къ волненіямъ — и при Фридрихѣ III заговорили о „реформаціи“ не одной церкви, но и имперіи. Но реформа явилась въ видѣ имперской конституціи (§ 120), закрѣплявшей старое зло: Германія перешла въ новую исторію въ формѣ федераціи фюрстовъ, подъ которой укрылись пережитки „мелкодержавія“ (Kleinstaaterei) истиннаго феодализма (§ 59).

Изъ мелкихъ государствъ материка подобнымъ строемъ отличались Венгрія, Богемія, Польша, Валахія съ Молдавіей, Сербія съ Болгаріей. Въ Скандинавіи также уцѣлѣлъ феодализмъ, но запоздалый (лишь съ 14-го в.) и потому своеобразный (§ 134). Въ Норвегіи сохранялись слѣды первобытнаго сильнаго крестьянства, въ Швеціи и Даніи—пережитки родового быта: шведскіе вельможи, эти могучіе, любимые народомъ Стуры, Вазы, Оксенширны, отчасти были еще родовыми старшинами; въ Даніи дяди и братья короля оспаривали престолъ у его наслѣдниковъ, и удѣльныя усобицы терзали страну. Феодализмъ укоренился, главнымъ образомъ, въ Даніи, подъ вліяніемъ нѣмцевъ, которые плотно окружали престолъ. Вельможи обратили королевство въ избирательную монархію, все сильнѣе ограничиваемую „капитуляціями“ при всякомъ новомъ избраніи: они принуждали даже королей срывать собственные замки, а сами могли строить ихъ сколько угодно. Вся власть сосредоточилась въ государственномъ совѣтѣ (rigsraad), гдѣ засѣдали только свѣтскіе и духовные феодалы.

Италія и Нидерланды представляли какъ бы переходъ отъ демократіи къ монархизму. Въ Италіи господствовала смѣсь феодальной анархіи, пережитковъ муниципальной свободы и абсолютизма мелкихъ тирановъ, которыми становились чаще всего кондотьеры, нерѣдко древніе феодалы, а порой и искусные банкиры (§ 128).

Классическая, по сю сторону Альпъ, страна республиканскаго духа мѣщанъ (§§ 105, 106), Нидерланды, въ главномъ, сохранили тѣ вольности, которыя пріобрѣтались съ конца 13-го в. кровью и замѣчательною волей коммунъ. Это доказывается живучестью основной хартіи брабантскаго „радостнаго въѣзда“ (Joyeuse Entrée), по которой государь не могъ, безъ согласія націи, ни объявлять войну, ни чеканить монету, и его совѣтники подвергались суду народа при отставкѣ; а если онъ нарушалъ хартію, страна имѣла право „отказать ему въ повиновеніи“. Съ 15-го в. возникли даже государственные „чины“ (staten) изъ представителей дворянства, духовенства и мѣщанства. Но они свидѣтельствовали уже о наступленіи новаго времени: то были скорѣе французскіе государственные чины, чѣмъ англійскій парламентъ. При Бургундцахъ (§ 124) и въ Нидерландахъ проявилась потребность въ сплоченіи власти, вызванная городскими усобицами и поддержанная юристами. Гордыя коммуны начинали подчиняться герцогамъ, которые заводили централизацію по французскому образцу. Новой силѣ сочувствовалъ и городской патриціатъ, который она выдвигала въ ущербъ цехамъ и массамъ, повинности которыхъ впрочемъ были облегчены. Она, сверхъ того, сплачивала провинціи: и здѣсь сглаживались мѣстныя особенности и „патріотизмы колокольни“ пестраго средневѣковья; слагалась нація современнаго вида.

Самые чистые виды демократіи и абсолютизма выработались въ сердцѣ Европы и на ея окраинѣ, переходившей въ исламскую Африку. Въ Швейцаріи всѣ дѣла каждаго кантона рѣшались въ „земской общинѣ“ (Landesgemeinde) или на сходкѣ всѣхъ крестьянъ (съ 16-ти л.), которая собиралась 1-го мая, въ видѣ круга, и постановляла приговоры большинствомъ голосовъ. Здѣсь же избирались, на годъ, судьи и главная власть— ландаманъ, при которомъ состоялъ „совѣтъ“, съ участіемъ и горожанъ. Дѣла всего союза (§ 114) вершались на сеймѣ (Tag), который собирался въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ надобности. Въ Испаніи утвердился чистый абсолютизмъ, который походилъ еще, по своему фанатизму, на государственный строй другой окраины Европы, Москвы (Р. И. §§ 97, 151). Но ему долго пришлось бороться съ феодализмомъ, особенно въ Кастиліи. Здѣсь знать преобладала точно такъ же, какъ въ Португаліи духовенство. Она руководила и кортесами, хотя тамъ засѣдали всѣ три „руки“ (дворянство, духовенство, мѣщанство) и рѣшали дѣла единогласно. Кортесы,

по существу, представляли всю власть: за ними признавалось право соизволять подати; и короли, при воцареніи, прежде всего присягали имъ въ соблюденіи вольностей королевства. Но и они, подобно государственнымъ чинамъ Франціи, не были правильнымъ учрежденіемъ: они собирались когда было угодно королю; и не были опредѣлены закономъ ни выборы депутатовъ, ни ихъ права; подконецъ ихъ засѣданія стали закрытыми, и корона даже требовала отъ нихъ соблюденія тайны. Сильнѣе ограничивалъ монарховъ „королевскій совѣтъ“, въ которомъ засѣдали и горожане: безъ него король не могъ ни продавать своихъ земель, ни назначать пенсій.

Въ Арагоніи кортесы были сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: они пользовались законодательнымъ почином и надзоромъ надъ чиновниками короля. Ихъ созывали обязательно разъ въ 2 года; а въ промежуткахъ засѣдала безсмѣнно ихъ коммиссія изъ 8 человѣкъ да бодрствовалъ хустиція (§ 81). Такой демократизмъ арагонцевъ объясняется сосѣдствомъ съ Каталоніей. Эта страна отважныхъ моряковъ и богатыхъ купцовъ была чистою республикой: Барселона имѣла даже монетное право. Каталонцы смотрѣли на арагонскаго короля, какъ на своего наслѣдственнаго президента. У нихъ безсмѣнная коммиссія кортесовъ управляла, какъ монархъ; въ каждомъ городѣ сидѣлъ ея депутатъ, который и охранялъ права народа, и доносилъ объ его настроеніи. Но всѣ части Пиренейскаго полуострова страдали отъ смутъ, учиняемыхъ рикосомбрами. Оттого массы вездѣ сочувствовали сплоченію власти—и Педро Жестокій, Педро IV, Іоаннъ II сдѣлали свое дѣло (§ 126), безпощадно подавляя феодализмъ. Особенно отличились тутъ короли Кастиліи, которые, несмотря на свою рыцарскую природу, какъ бы безсознательно выдвигали города, которые, съ своей стороны, помогали имъ алкавалой и превращеніемъ германдадъ въ постоянную армію (§ 126). Короли все стягивали къ себѣ власть, назначая собственныхъ „алкадовъ“ и „коррежидоровъ“ по городамъ и стѣсняя кортесы. Съ помощью юристовъ, они ввели (ок. 1350) римское право, въ видѣ перваго общеобязательнаго свода законовъ. Такъ, все вело за Пиренеями къ тому строгому абсолютизму, съ застѣнками инквизиціи, который воплотился подконецъ въ суровой личности Фердинанда Католика (§ 127). Полному сплоченію страны мѣшали только мѣстныя особенности изрѣзаннаго горами полуострова: баски долго еще сохраняли всѣ свои древніе кутюмы, а каталонцы—свой особый языкъ, который былъ нарѣчіемъ провансальскаго.

§ 138. **Общество.** — Теперь завершилось разложеніе феодальнаго строя общества, возникшее подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ (§ 87). Рыцарство рухнуло, какъ родовитая твердыня, опиравшаяся на дѣйствительное могущество. Самые видные представители его, храмовники, были легко уничтожены, какъ безполезная отжившая сила (§ 102). А они были без-

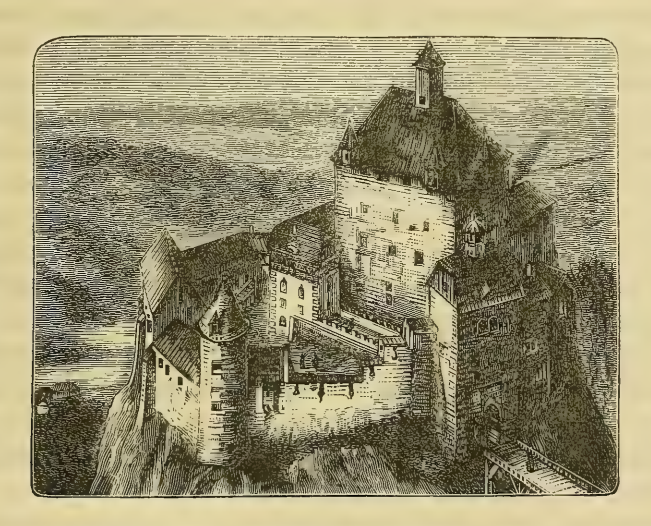
Ланцкнехты. Изъ гравюры конца 15-го в., изображающей тріумфъ Максимиліана I.

вредны. Тѣмъ болѣе должно было пасть остальное рыцарство, которое стало паразитомъ, жившимъ насчетъ массъ. Народныя революціи и междоусобія истребляли его непосредственно; а порохъ и пѣхота дѣлали его излишнимъ: его работа уже не шла въ сравненіе съ новымъ военнымъ искусствомъ, какъ доказали Креси, Азенкуръ, Земпахъ, Никополь, Танненбергъ и гуситскія войны. Тогда требовалось уже новое войско, образцомъ котораго, хотя и печальнымъ, служила такая наемная пѣхота, какъ возникшіе при Максимиліанѣ I ланцкнехты или „копей-

щики",—буйные головорѣзы, приходившіе отовсюду во всевозможныхъ нарядахъ и съ собственнымъ оружіемъ, сначала преимущественно съ копьями (Lanze), потомъ съ пищалями. Рыцарство совсѣмъ исчезало на крайнемъ Западѣ. Во Франціи уже въ началѣ періода король жестоко расправлялся съ баронами, несмотря на просьбы всего второго чина и папы (§ 104); а съ введеніемъ постоянной арміи, своекорыстная знать, не признававшая интересовъ народа, превратилась изъ „феодальной" (noblesse de fief) въ „шпажную или придворную" (n. d'epée, n. de cour). Въ Англіи короли также сначала всячески ослабляли феодализмъ: они подрывали майоратъ и замѣняли ленную службу податью (щитныя деньги). И старая знать, добывшая Великую Хартію, вымерла уже при Эдуардѣ III, который создавалъ новыхъ графовъ и даже герцоговъ (титулъ, прежде неслыханный здѣсь), но лишь для блеска двора. Однако новая знать усилилась, благодаря милостямъ королей и добычамъ въ Столѣтней войнѣ. Такъ какъ города были еще слабы, а духовенство не играло политической роли, то она стала спесива и мятежна. Страшно разбогатѣвшая, она возобновляла старые замки, строила бойницы, завела „ливрейщиковъ" (наемниковъ въ ливреѣ цвѣта барона), выводила въ поле цѣлыя арміи. Парламентъ не могъ обуздать эту знать: она же руководила выборами въ него, такъ какъ и шерифы были изъ дворянъ. Оттого война Розъ была послѣднею феодальною усобицей въ Англіи: хотя то была борьба династій и личностей, а не общихъ началъ, въ ней былъ общественный смыслъ, такъ какъ сѣверъ представлялъ бароновъ, югъ—мѣщанъ и крестьянъ (§ 121). Война Розъ сгубила новую аристократію: Эдуардъ IV отбиралъ ея земли, какъ „желѣзные короли", а изъ древнихъ лордовъ, при Генрихѣ VII, въ верхнемъ парламентѣ оставалось всего 29.

Въ Голландіи, въ срединѣ періода, палъ послѣдній сильный феодалъ. Въ Италіи знать сохранялась только въ Пьемонтѣ; но подконецъ савойскіе герцоги стали подавлять ее, съ помощью низшихъ классовъ. Въ Испаніи происходило то же. Сначала знать была могущественна въ Кастиліи: иной рикосомбръ проѣзжалъ отъ Севильи до Галисіи, не выходя изъ своихъ владѣній, хотя вообще сеньеріи были разбросаны по странѣ, какъ въ Англіи. Гранды были наслѣдственными губернаторами провинцій и городовъ. Они совершали еще всѣ старыя рыцарскія забавы и церемоніи, съ турнирами во главѣ. Они были до того спесивы, что, при ничтожной обидѣ, союзились съ маврами противъ своихъ королей. Нигдѣ

знать не проявляла столько личной отваги и пѣтушьяго задора на турнирахъ и поединкахъ и нигдѣ она такъ не показывала первая тылу при твердомъ отпорѣ; кастильскіе сеньеры нерѣдко превращались въ „странствующихъ рыцарей", давая обѣтъ всю жизнь слоняться по странѣ за приключеніями. Въ Арагоніи рикосомбры единодушно отстаивали свою „унію" 1283 г. или „общую привилегію", которая давала имъ право даже возставать противъ короля и имѣла свою армію, печать, знамя и управленіе. Но здѣсь же знать все сильнѣе стѣснялась демократическимъ духомъ каталонцевъ, который поддержалъ такое же движеніе въ остальной странѣ—и феодализмъ рухнулъ под-

Замокъ Крибштейнъ, въ Саксоніи, 15-го в. Это — Hofburg или помѣщичья усадьба, въ видѣ кремля со службами, на горномъ утесѣ.

конецъ на всемъ Пиренейскомъ полуостровѣ, подъ ударами абсолютизма. У Изабеллы все дѣлали уже не гранды, а „летрады" (легисты). А когда, послѣ ея смерти, гранды зашумѣли, Фердинандъ воскликнулъ съ хохотомъ; „Неужели они такъ привыкли предписывать законы королямъ?" Когда, по смерти Фердинанда, гранды опять зашумѣли и пришли потребовать отчета у Хименеса, тотъ открылъ окно и показалъ имъ грозную артиллерію.

Рыцарство сохранялось только, какъ вредный пережитокъ, далѣе къ востоку. Въ Германіи оно все еще славилось своимъ „кулачнымъ правомъ". Впрочемъ на юго-западѣ оно уже валилось подъ ударами мѣщанъ и особенно фюрстовъ державшись лишь въ

немногихъ такихъ орлиныхъ гнѣздахъ, какъ зàмокъ Крибштейнъ. Но на сѣверо-востокѣ, въ началѣ періода, когда вымерли неумолимые Асканцы (§ 71), сложился типъ юнкера. Это—безграмотный разбойникъ съ „центаврскими" нравами, мелкопомѣстный степнякъ, прозябавшій на прозаической равнинѣ, среди жалкой природы и закрѣпощенныхъ полудикарей-язычниковъ. Тогда говорили: „кто объѣдетъ даже всю Германію цѣлъ и невредимъ, тому не миновать бѣды въ Бранденбургѣ". Впрочемъ и юнкеръ смирился подконецъ, когда суровые Гогенцоллерны (§ 115), съ „длинными пищалями", стали водворять приличный военной границѣ абсолютизмъ, съ помощью золота и „нюрнбергскихъ игрушекъ" или „длинныхъ пищалей". По сосѣдству, въ Даніи, знать даже окрѣпла къ концу періода: сначала близкая къ зажиточному крестьянству даже по быту, она стала спесивымъ деспотомъ, захвативши управленіе страной, засѣла разбойникомъ въ крѣпкихъ замкахъ и пустилась пиратствовать. Въ Венгріи магнаты утвердили свое господство даже въ парламентѣ при томъ самомъ Сигизмундѣ, который выдвигалъ мѣщанъ. Они стали такъ же хозяевами страны, какъ паны въ Богеміи и Польшѣ при Владиславѣ Ягеллонѣ, благодаря его пражской „конституціи" и избирательнымъ „капитуляціямъ".

По мѣрѣ паденія втораго чина, наставала пора третьяго. Въ Италіи, гдѣ онъ процвѣталъ уже раньше (§ 87), даже началось его паденіе въ политическомъ смыслѣ: тамъ городскія республики до того были измучены усобицами, что, ради успокоенія, подчинялись тиранамъ; только герцоги савойскіе давали своимъ мѣщанамъ самоправленіе, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ феодалами. Но и въ Италіи города шли во главѣ матеріальнаго и идеальнаго прогресса. А внѣ ея они повсюду начинали играть первую роль даже въ политикѣ: ихъ революціями наполненъ періодъ; въ ихъ нѣдрахъ развивались свобода, единомысліе, высшая культура, внѣшнее богатство; и населеніе все возрастало. Мѣщане вліяли на судьбу цѣлаго материка, а въ Англіи сдѣлались законодателями. Какъ капиталисты, они становились опасными не только монархизму, но и крестьянству. Оттого во Франціи, при ея ревнивомъ абсолютизмѣ, мѣщане развивались матеріально, но уже падали политически. Появленіе новыхъ коммунъ (§ 87) совсѣмъ прекратилось при Филиппѣ IV, а старыя теряли свои привилегіи, и отчасти по собственной винѣ: онѣ отдалялись отъ крестьянства, соперничали между собой (особенно провинціальные города съ

Парижемъ), замыкались въ узкомъ кругу мѣстныхъ интересовъ; въ нихъ до того кипѣла борьба богачей съ бѣдняками и всѣхъ — съ излюбленными властями, что иногда онѣ сами призывали короля для водворенія порядка. Корона пользовалась случаемъ: коммуны уже теряли самосудъ и даже выборное право; у нихъ оставалась только невинная полицейская власть. Въ то же время лучшія силы буржуазіи отходили къ коронѣ въ видѣ легистовъ, изъ которыхъ образовалось чиновное дворянство, не менѣе враждебное народу, чѣмъ родовое, феодальное. Но крестьянство начинало во Франціи путь, пройденный буржуазіей въ прошломъ періодѣ: покуда еще неопасное и нужное абсолютизму, оно было его любимцемъ. Короли освобождали собственныхъ крѣпостныхъ и понуждали къ тому же феодаловъ; барщины опредѣлялись закономъ и постепенно смягчались. Освобожденныя села принимали форму коммунъ. Въ концѣ періода крестьяне даже выбирали депутатовъ для государственныхъ чиновъ и снабжали ихъ наказами. „Добрые города“ переставали презирать „деревенщину“.

Въ Англіи общество сложилось иначе, чѣмъ на материкѣ, благодаря джентри (§ 103), которая стояла какъ бы въ срединѣ націи. Съ одной стороны, джентльмены или сквайры примыкали къ аристократіи: они назывались „рыцарями“, „меньшими баронами“ (lesser barons) и даже роднились съ лордами; съ другой — они отдѣлялись отъ лордовъ, гордившихся названіемъ „бо̀льшихъ бароновъ“ (greater barons) и „знати“ (nobility), не только въ парламентѣ, но и по всему своему быту. Джентльмены были „земскими“ людьми (landgentry), зарывшимися въ графствахъ, какъ степняки-помѣщики; ихъ богатство состояло въ овцахъ, и они все развивали пастбища, чтобы отправлять побольше шерсти во Фландрію. По быту, грубости и невѣжеству — сельчане, сквайры сближались съ крестьянами и въ силу общности экономическихъ интересовъ: вмѣстѣ съ мужикомъ работали они на своихъ земляхъ или брали въ аренду участки у лордовъ. Джентльмены платили вдвое больше податей, чѣмъ крестьяне, отстаивали интересы своихъ сосѣдей, боролись съ притязаніями королей и лордовъ въ парламентѣ, гдѣ они представляли не только свое сословіе, но все графство. Народъ отвѣчалъ имъ довѣріемъ, какъ потомкамъ своей саксонской знати: въ его глазахъ „норманскимъ“, т.-е. ненавистнымъ, чужеземнымъ, была только корона и отчасти знать, окруженныя французскими обычаями. Сильная связью съ народомъ, джентри

пріобрѣтала политическія права: судебная власть шерифа перешла къ ней въ видѣ присяжныхъ, полицейская власть — въ видѣ мировыхъ судей (conservatores pacis), военная — въ видѣ командованія ополченіемъ (милиціями) графствъ. Обезпеченная землями и арендами, джентри исполняла эти должности безплатно, устраняя чиновничество. Подъ ея вліяніемъ находились и парламентскіе выборы не только въ графствахъ, но и въ мелкихъ городахъ. Въ нижней палатѣ джентльменамъ принадлежала руководящая роль; и когда она выдвинулась насчетъ палаты лордовъ, въ Англіи настало „господство сквайровъ" (squirearchy). Оттого законодательство приняло демократическій характеръ: уже немыслимы были такія мѣры лордовъ, какъ „законъ о рабочихъ"; жалоба кентскихъ общинъ (§ 121) — не соціальная, а политическая программа, лишенная слѣдовъ лоллардства; законы противъ роскоши, въ концѣ періода, указываютъ на матеріальный достатокъ народа, объясняемый повышеніемъ заработной платы.

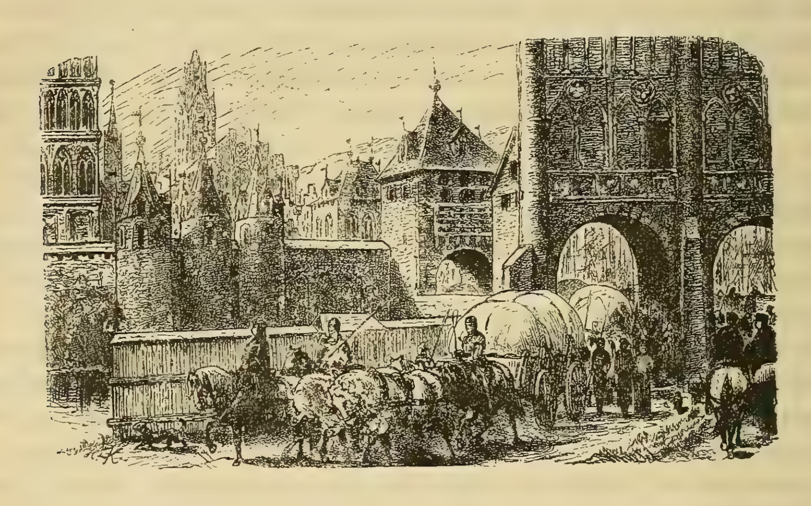
Но въ то же время между крестьянами замѣчалось глухое недовольство: только истребленіе знати, названное войною Розъ, спасло Англію отъ повторенія переворотовъ временъ Тайлера и Кеда. Развившись, благодаря лоллардству и конституціи, крестьяне стали возмущаться новымъ, экономическимъ, рабствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мало пользы было въ томъ, что уже почти не было крѣпостныхъ или людей „во власти лорда"; съ конца прошлаго періода почти всѣ стали свободными наемщиками (free-tenants), которымъ помѣщикъ отдавалъ часть своей земли за барщину, обозначенную въ дворовыхъ спискахъ (court-roll), копіи которыхъ хранились у нихъ. Но собственной земли у крестьянина не было, кромѣ остатковъ общинныхъ угодій. Сверхъ того, наемникъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ наемщика, не могъ покинуть ее безъ его разрѣшенія. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, его положеніе ухудшилось отъ появленія фермеровъ, которые арендовали помѣстье за извѣстный взносъ (feorm, лат. firma), разрывали патріархальныя связи крестьянъ съ лордомъ и угнетали ихъ тяжелыми барщинами. Крестьянину нужно было, прежде всего, освободиться отъ прикрѣпленія къ землѣ помѣщика, что̀ и совершилось при Эдуардахъ само собой: нуждаясь въ деньгахъ, вслѣдствіе войнъ и роскоши, и спутываясь въ счетѣ барщинъ, при размноженіи наемниковъ и дробленіи земли между ихъ дѣтьми, лорды стали перекладывать барщину на оброкъ („амбарное, солодовое и т. д. серебро"). Наем-

ники превратились въ „свободныхъ рабочихъ“ (free-labourers), а помѣщики нанимали земледѣльцевъ на оброчныя деньги своихъ крестьянъ, разбредшихся на заработки. Значеніе этого освобожденія отъ чужой земли видно изъ судьбы „закона о рабочихъ“, которымъ лорды думали возстановить крѣпостничество. Но крестьянинъ все-таки не имѣлъ собственной земли: сносное матеріальное положеніе, плодъ высокой заработной платы, не могло примирить его съ участью вѣчнаго поденщика. Ктому же лорды стали вновь собирать мелкіе участки въ крупныя помѣстья и обращать пашни въ пастбища, требовавшія немного рабочихъ рукъ и дававшія лучшій барышъ; они начали также „огораживать“ (enclosure), т.-е. захватывать общинные луга. Въ то же время истребленіе знати и ливрейный статутъ (§ 122) пустили по міру кучу голодной дворни. Оттого съ Генриха VI начались неудовольствія и даже бунты крестьянъ. Воскресали кровавые призраки Тайлера и Кеда — и страхъ имущихъ легъ въ основу новаго абсолютизма въ Англіи.

Джентри, представлявшая крестьянъ и вообще землевладѣніе графствъ, была одною частью третьяго чина; другая состояла изъ мѣщанъ. Города (town), городки (city), отчасти же мѣстечки (borough) становились богаче джентри отъ развитія торговли и отъ умиротворенія: здѣсь затихла борьба между „бо̀льшими“ и „меньшими“ (§ 87), такъ какъ охраняемые закономъ мастеровые были менѣе угнетены, чѣмъ на материкѣ, и уже ставили своихъ меровъ, а Эдуардъ III приписался къ цеху оружейниковъ. Сначала корона брала съ мѣщанъ, какъ и съ феодаловъ, произвольную „помощь“ (free aid); но они спорили со сборщиками податей и затягивали или совсѣмъ отвергали уплату, а правительство лишало ихъ привилегій, даже закрывало рынки и лавки. Отсюда вытекла необходимость привлечь въ парламентъ эту главную податную силу: лавочники и мастеровые заняли мѣста рядомъ со сквайрами, которые слились съ ними подъ именемъ „общинъ“ и даже бросили свои титулы, хотя землевладѣніе составляло тогда $^{6}/_{7}$ народнаго богатства въ Англіи. Ни сословные предразсудки, ни усилія короны перессорить сквайровъ и мѣщанъ (такъ, первыхъ назначалось менѣе 100, вторыхъ — болѣе 400) не могли сбить общины съ пути единодушія, который велъ къ ограниченію абсолютизма. Тѣмъ же духомъ отличались отношенія между городомъ и земщиной въ Англіи. Здѣсь города не были замкнутыми республиками или коммунами. У нихъ не было монополій; они судились въ общихъ су-

дахъ графствъ. Съ Эдуарда III, когда явилась всеобщая подать по достатку, мѣщане слились съ джентри въ росписи, и городской патриціатъ сталъ носить титулъ сквайра. Англійское самоправленіе (selfgovernment) покоится не на городскомъ началѣ, а на графствѣ или земствѣ, обнимающемъ города, мѣстечки и села.

Въ Германіи города также имѣли большое культурное значеніе: они были ея „нервами", по выраженію Макіавеля; они занимались также земледѣліемъ, скупая и общинные участки, и помѣстья обнищалыхъ феодаловъ. Но подконецъ ихъ развитіе было задержано смутой (§ 120). Вообще въ Германіи мѣщане не добились ни свободы, ни водворенія порядка: они подпадали власти

Городскіе ворота въ Любекѣ. Ок. 1400 г. Съ гравюры того времени.

фюрстовъ, по отсутствію политическаго смысла. Здѣсь въ городахъ господствовали соперничество, жадность, духъ сословныхъ монополій; они нерѣдко поддерживали своихъ враговъ, феодаловъ, противъ императора и крестьянъ. Вездѣ, не исключая Швейцаріи, продолжалась борьба цеховыхъ съ патриціями; а когда они побѣдили, возстали угнетенные ими „слуги" (Knechte), добиваясь правъ „подмастерьевъ" (Gesellen). На сѣверѣ преобладали аристократическіе торговые „роды" (Geschlechten), на югѣ — демократическіе, промысловые цехи. Одна Ганза (§ 78) была силой. Какъ морская держава, она не страдала отъ рыцарей и распространилась на всю Балтику, Сѣверное м. и Рейнъ. Она распоряжалась скандинавскими престолами и пода-

вила пиратовъ Готланда; ея обычаи стали морскимъ правомъ на сѣверѣ; ей повиновались короли-должники, а съ непокорными она вела побѣдоносныя войны. Она захватила однажды Лиссабонъ, выславши 100 судовъ, и заставила Филиппа IV прекратить торговлю съ Англіей. Главой Ганзы былъ Любекъ, право котораго дѣйствовало во всѣхъ городахъ союза. Здѣсь пребывало ея правленіе и собирался сеймъ „сганзованныхъ" (hanza — фламандское названіе одной подати). Въ Лондонѣ, Брюгге, Бергенѣ, Данцигѣ, Новгородѣ у Ганзы были богатыя „конторы" или „резиденціи" съ „подворьями" (Höfe)—магазинами и квартирами вооруженныхъ молодцовъ, которые слѣпо повиновались своимъ старостамъ и жили помонашески, соблюдая безбрачіе. Но и Ганза была непрочна: жадная, эгоистичная, она жила монополіями, губила чужіе корабли и не думала о нѣмецкомъ крестьянинѣ, который былъ предоставленъ собственной участи.

Крестьянинъ и здѣсь былъ лично свободенъ (полное рабство тяготѣло только надъ славянами въ Помераніи), но лишенъ собственности: онъ сидѣлъ на участкѣ феодала и назывался колономъ (§ 2) или „прикрѣпленнымъ къ землѣ" (Grundhörige), за которую платилъ оброкомъ или барщиной. Повинности были сносны и опредѣлены, въ 15-мъ в., договорами (Hofrechten, Weissthümern); помѣщикъ относился къ рабочему патріархально, не могъ согнать его потомство съ участка, даже хорошо кормилъ его. Сверхъ того, вездѣ уцѣлѣла сельская община, съ своими властями и сходами, съ „неприкосновенно-святымъ добромъ", какъ называли альменде (§ 5), которой не смѣлъ касаться помѣщикъ. Вслѣдствіе дешевизны жизни и возраставшей потребности въ рабочихъ, никогда матеріальное положеніе даже поденщика не было лучше. Тѣмъ не менѣе подконецъ крестьяне роптали и въ Германіи. Они стали развитѣе, когда помѣщики падали нравственно; ихъ мучили кулачное право и абсолютизмъ фюрстовъ. Юристы явно готовили имъ участь рабовъ. Они особенно утвердились тогда въ Германіи и вводили въ жизнь корыстныя основы римскаго права, созданнаго капиталистами и рабовладѣльцами, и тѣмъ давали „законное" средство фюрстамъ подавлять земства, угнетать крестьянъ и даже захватывать альменде, которая и здѣсь стала подвергаться „огораживаніямъ". Оттого въ Австріи уже было много волненій. Въ концѣ періода, по Рейну ходили „крестьянства" (Bauernschaften), со знаменами и вождями: обыкновенно привѣшивали

лапоть къ шесту или рисовали его на холстѣ. Въ Баденѣ вспыхнулъ бунтъ Бегейма, возвѣстившаго, что сама Богородица велитъ уничтожить всѣ власти, подати и богачей, и соединившаго до 40.000 мужиковъ даже изъ Саксоніи и Эльзаса; Бегеймъ былъ схваченъ тайкомъ и сожженъ, мятежники частью были казнены, частью разбѣжались. Только дитмарши (§ 59) отстояли свою независимость. Мирно и строго жили они древними родами, у моря, среди болотъ, на 30 кв. миляхъ. Не знали они ни сословій, ни пошлинъ и податей, судились присяжными, были зажиточны, уважали науку, украшали свои дома, окопанные рвами съ водой. Оградивши свою землицу плотинами, засѣками, пушками, они отбили много попытокъ Даніи и окрестныхъ феодаловъ поработить ихъ. Наконецъ, враги наняли ландскнехтовъ; но дитмарши, которыхъ было вшестеро меньше, нанесли имъ, у Геммингштедта (1500), воспѣтое въ преданіяхъ пораженіе, бывшее могилой сѣвернаго рыцарства.

Изъ мелкихъ государствъ материка развитіемъ третьяго чина отличались Нидерланды и Пиренейскій полуостровъ. Во Фландріи города развились раньше всѣхъ, послѣ итальянскихъ. То были цѣлыя богатыя республики, которыя показали себя въ эпоху мѣщанскихъ революцій (§§ 105, 106). Съ помощью Франціи, эти „лельерты“ (друзья лилій) гдѣ покупали, гдѣ вынудили обширныя вольности у своихъ графовъ-чужаковъ, приходившихъ изъ Эльзаса, Шампаньи, даже Португаліи и опиравшихся на Англію. Подконецъ эти города уже начали увядать. Ихъ терзала борьба и между купцами и ремесленниками (гильдіи и цехи), и между суконщиками и „синими ногтями“ (валяльщики), и между городами. И если съ половины 14-го в. побѣдила бѣднота, зато она вскорѣ превратилась въ сварливую и корыстную демагогію, которая, въ свою очередь, угнетала крестьянъ и порождала распри между городами. Отсюда новыя усобицы и цѣлыя жакріи, что̀ вызвало подконецъ и здѣсь зачатки абсолютизма (§ 137). Въ Испаніи вообще третій чинъ довѣрялъ коронѣ и поддерживалъ ее: она опиралась на него въ борьбѣ съ феодалами; даже Фердинандъ и Хименесъ (§ 127) соблюдали фуеры и права кортесовъ. Въ особенности процвѣталъ третій чинъ въ такихъ демократическихъ провинціяхъ, какъ Арагонія и Каталонія. Здѣсь города были также республиками, съ собственными законами, казнами и управленіемъ, въ которомъ участвовали всѣ классы общества. Ихъ „святыя германдады“ (§ 126) содержали собственныхъ солдатъ, которые, въ случаѣ

злодѣянія, скакали на перемѣнныхъ коняхъ, пока не настигали преступниковъ. Послѣдніе судились на мѣстѣ германдадами, которыя, по словамъ современника, „производили истинныя бойни людей, безжалостно рѣзали руки и ноги, плечи и головы“. Въ Арагоніи, въ важныхъ случаяхъ, двери думы растворялись—и всѣ обыватели допускались на совѣщаніе съ присяжными властями. Въ Каталоніи купившій сеньерію мѣщанинъ и даже зажиточный крестьянинъ становились рыцарями, а ненесшій военной службы рыцарь терялъ свое званіе. Но въ этихъ республикахъ процвѣтали „дурные обычаи“, т.-е. крѣпостничество, павшее лишь при Фердинандѣ Католикѣ, при которомъ зато возникло новое рабство — негроторговля. Въ Италіи также почти исчезло крѣпостничество: лишь изрѣдка тираны и папы продавали побѣжденныхъ республиканцевъ.

Въ Скандинавіи городовъ было мало: ихъ развитію мѣшала ревнивая Ганза. Въ Швеціи настоящимъ городомъ была только одна Упсала, которая уступила подконецъ первенство Стокгольму. Крестьянство сохраняло свободу только въ Норвегіи, и почти въ такой же полнотѣ, какъ въ Швейцаріи, гдѣ подконецъ даже феодалы слились съ нимъ, подъ общимъ именемъ „земцевъ“ (Landleute). Въ Швеціи крестьянство съ трудомъ оберегали отъ феодаловъ такіе патріоты, какъ Стуре. Въ Даніи же оно было совсѣмъ задушено знатью къ концу періода; лишенное земель, участія въ сеймахъ и даже такихъ исконныхъ правъ, какъ выборъ священниковъ, оно сначала бунтовало, потомъ тупѣло, нищало, даже уменьшилось въ числѣ. То же происходило въ Венгріи, хотя Сигизмундъ далъ политическія права мѣщанамъ и низшему дворянству и дозволилъ крѣпостнымъ селиться въ городахъ, т.-е. освобождаться. Города процвѣтали только при Людовикѣ Великомъ и Сигизмундѣ, когда возникли цехи, а купцы воспользовались паденіемъ венеціанской торговли. Затѣмъ снова поднялись магнаты, такъ какъ мѣщане, нѣмцы, спесиво относились къ мадьярамъ, а низшее дворянство сидѣло по своимъ комитатамъ, предоставивши сеймъ въ Офенѣ знати: и крестьяне подпали „вѣчному рабству“, какъ сказано въ законѣ. Новый гнетъ магнатовъ былъ таковъ, что крестьяне возстали, пользуясь проповѣдью папы о походѣ куруцовъ (крестоносцевъ) противъ турокъ (1514). Собравшись (до 50.000) вокругъ своего „короля“, Досы, обѣщавшаго полноправіе и раздѣлъ господскихъ имуществъ, они обошли всю страну, истребляя магнатовъ и прелатовъ съ ихъ семьями: одного епископа повѣсили

въ полномъ облаченіи. Но Заполья собралъ знать и разсѣялъ нестройныя толпы. Доса былъ замученъ; куруцы почти всѣ были избиты или запытаны на смерть. Крестьянъ прикрѣпили къ землѣ: они понесли небывалое иго, какъ господскій скотъ. Тогда же у чеховъ ободрились паны, замѣтивши, что народъ выбился изъ силъ въ борьбѣ за свободу и народность: и здѣсь крестьянъ прикрѣпили къ землѣ закономъ о выдачѣ „бѣглой сволочи, т.-е. мужиковъ, покинувшихъ свои участки"; даже у мѣщанъ отняли право голоса на земскомъ сеймѣ. Въ Польшѣ города, съ иностраннымъ населеніемъ, еще сохраняли свои привилегіи, въ видѣ магдебургскаго права; но положеніе крестьянъ напоминало древнее рабство: даже „король хлоповъ" (§ 111) не могъ сломить силу пановъ, а затѣмъ возвеличилась шляхта, этотъ новый палачъ мужика.

§ 139. **Церковь.**—Первый чинъ, клиръ, отступалъ на задній планъ. Свѣтская власть пользовалась его внутреннимъ паденіемъ (§ 88), которое все сильнѣе возстановляло массы противъ него. Въ Англіи духовенство уже давно лишилось привилегій, проигравши въ борьбѣ съ короной. За исключеніемъ засѣданій въ палатѣ лордовъ, прелаты ничѣмъ не отличались отъ низшаго клира, который сливался съ джентри, наравнѣ съ нею платилъ налоги и былъ призванъ въ парламентъ, но уклонился отъ этого права, опасаясь затеряться среди общинъ. Они играли самую жалкую роль на великихъ соборахъ. Сила духовенства въ Англіи заключалась только въ огромныхъ богатствахъ; но они-то дѣлали его слугой сначала знати, потомъ абсолютизма (§ 121), которыхъ оно задабривало добровольнымъ взносомъ $^{1}/_{2}$ вмѣсто $^{1}/_{3}$ налоговъ: оно боялось народа, который ненавидѣлъ его за эгоизмъ, за преслѣдованіе лоллардства и просвѣщенія. Во Франціи корона постепенно подрывала значеніе перваго чина наравнѣ со вторымъ: она стѣсняла его правосудіе своими судами и изгнаніемъ церковниковъ изъ парламента; затѣмъ она отняла у него право убѣжища и даже право пріобрѣтать земли. Карлъ Мудрый, по словамъ Фруассара, „совершенно произвольно распоряжался епископами, монастырями и церковными имуществами". Въ фанатичной Испаніи клиръ сталъ слугой короны, особенно при благочестивой Изабеллѣ и королѣ „Католикѣ". Даже въ Церковной Области тираны, знать и забитое, негодующее низшее духовенство ограничивали прелатовъ, несмотря на ихъ наемниковъ. Только въ Германіи владыки сохраняли феодальныя привилегіи и даже становились самодержавными фюрстами, въ

ущербъ народу и низшему клиру, представлявшему самый жалкій видъ. Они сохраняли также большую силу въ Скандинавіи и за Пиренеями. Въ Даніи половина богатствъ принадлежала владыкамъ; одинъ епископъ основалъ Копенгагенъ; а примасъ, архіепископъ лундскій, имѣлъ до 40 леновъ, отлучилъ короля, налагалъ интердикты на страну. Столь же могущественно было духовенство въ Португаліи, гдѣ короли сами воспитали этого своего врага, надѣясь, съ его помощью, подавить невыносимый гнетъ папства.

Ослабленіе перваго чина было связано съ паденіемъ папства. Прошло время, когда іерархи боролись съ королями при помощи папъ и съ папами—при помощи королей: лишенный значенія въ Европѣ, намѣстникъ св. Петра считался только владыкой вновь открываемыхъ міровъ. Изъ властителя вселенной онъ превратился въ одного изъ тирановъ Италіи, да и здѣсь именно только одинъ папа былъ избирательною властью: пользуясь великими соборами (§§ 116, 119), которые хотѣли превратить папство въ конституціонное государство, кардиналы были царьками, какъ „будущіе папы"; у нихъ были замки-крѣпостцы, съ воинами и пушками, сотни слугъ и bravi (наемныхъ убійцъ). Римскій первосвященникъ уже опирался только на наемную швейцарскую гвардію да на иностранныя державы. Папство слабѣло отъ усиленія народностей, монархизма и свѣтскаго реализма, а также отъ собственной порчи. Прежде государи оспаривали только излишнія притязанія папства, въ особенности по судебной части, теперь—самую его политическую власть: съ помощью легистовъ, они развивали новую теорію властей, противоположную ученію Гильдебранда (§ 45); и народы рукоплескали ей. Франція, съ ея быстрымъ политическимъ сплоченіемъ, первая создала независимую, галликанскую, церковь и даже подчинила себѣ курію. Сцена въ Ананьи (§ 102)—такая же эпоха въ исторіи папства, какъ сцена въ Каноссѣ (§ 46): оттого 14-й в. отмѣченъ „вавилонскимъ плѣненіемъ", а 15-й—великимъ „расколомъ". Расколъ былъ величайшимъ бѣдствіемъ для папства. Онъ подкапывался и подъ его духовную власть, разрѣшившись такимъ позоромъ, какъ соборы для реформированія церкви: дошло до того, что подлѣ двухъ-трехъ папъ оказалось разомъ два собора (§ 119)!

Тогда народы, смущенные такимъ неслыханнымъ соблазномъ, привыкли совсѣмъ обходиться безъ св. отца, начинали вольнодумствовать, какъ еретики, требовать „исправленія" церкви; и соборы были поставлены выше намѣстника св. Петра. Поль-

зуясь церковною смутой, государи устраивали „прагматики“ и „конкордаты“, которые утверждали національныя церкви и возвышали покорныхъ коронѣ епископовъ насчетъ куріи. Французскую прагматическую санкцію называютъ „конституціей“ галликанства: она больше прежняго (§ 88) ограничивала папскіе поборы и апелляціи; конкордату Франциска I (1515) оставалось только искоренить въ церкви послѣдніе пережитки средневѣковья, предоставляя королю назначеніе прелатовъ. Такова же была нѣмецкая санкція, которой предшествовало повтореніе борьбы за инвеституру (§ 110). Правда, Евгеній IV, утверждая ее, приписалъ: „отрекаюсь заранѣе отъ вынужденныхъ здѣсь уступокъ“, и ашафенбургскій конкордатъ опять все возвратилъ куріи (§ 119); тѣмъ не менѣе въ Германіи духовные курфюрсты присвоили себѣ право раздавать доходныя мѣста въ церкви, а Гогенцоллерны даже назначали епископовъ въ Бранденбургѣ. Не одинъ фюрстъ, подстрекаемый своими юристами, объявлялъ, подобно Карлу Смѣлому: „egomet volo esse papa“ (хочу самъ быть папой)! Имперскіе сеймы уже противились папскимъ десятинамъ, а въ 1500 г. отняли у легата $^2/_3$ доходовъ съ индульгенцій. Въ Португаліи корона собирала десятину съ клира; а Фердинандъ Католикъ поставлялъ епископовъ и превратилъ инквизицію въ политическое учрежденіе. Венеція формально отвергала интердикты, а Лоренцо Медичи совсѣмъ не признавалъ папы. Духовно-рыцарскіе ордена были потеряны для куріи. Французскій плѣнникъ, папа, вынужденъ былъ самъ содѣйствовать истребленію храмовниковъ. У тевтонцевъ много отняли шведы, поляки и русскіе: чтобы спасти уцѣлѣвшую землю пруссовъ, гроссмейстеръ Альбрехтъ бранденбургскій превратилъ ее въ свѣтское герцогство Пруссію (1525). Испанскіе ордена стали достояніемъ короны. Одни іоанниты сохранили независимость, хотя турки вытѣснили ихъ изъ Родоса въ Мальту; но этотъ жалкій пережитокъ не приносилъ никакой пользы куріи. Подконецъ папство могло похвалиться только тѣмъ, что флорентійскій соборъ подчинилъ ему часть Востока — армянъ, халдеевъ-несторіанъ, маронитовъ Кипра, якобитовъ Египта, монофизитовъ Месопотаміи. Но онъ же доставилъ ему новый позоръ — унію, которую подготовляли и ліонскій соборъ (§ 88), и Іоаннъ V Палеологъ, лично отрекшійся въ Римѣ отъ „схизмы“ (1369): флорентійская унія вызвала только проклятія православныхъ и черезъ 5 л. была торжественно отмѣнена восточными патріархами.

Внѣшнему паденію папства соотвѣтствовала внутренняя

порча церкви, съ ногъ до головы. Здѣсь довершилось развитіе старыхъ пороковъ (§§ 60, 88, 128). Догма окончательно выродилась въ „новое іудейство“, убивавшее и вѣру, и свободу личности. Утративши идеальность, церковь превратилась въ бездушный механизмъ, въ политическое, и именно финансовое, учрежденіе. Папы думали только о непотизмѣ, причемъ уже не выдавали своихъ сыновей за племянниковъ, да объ умноженіи своей власти и богатствъ, въ которыхъ они особенно нуждались при взаимной борьбѣ во время великаго раскола. Аннаты, симонія, индульгенціи разоряли народы и самый клиръ: курія собирала даже съ Франціи болѣе милліона дукатовъ (30 мил. франковъ). Юбилеи уже назначались черезъ 33 г. (лѣта Христа) и черезъ 25 л., причемъ предлагали юбилейныя индульгенціи и на дому, съ уплатой путевыхъ издержекъ. Торговля отпущеніями и должностями доходила до того, что впослѣдствіи сами папы внесли одинъ реестръ цѣнъ въ число запрещенныхъ сочиненій. Особенно славился финансовою изобрѣтательностью сынъ мастероваго, малорослый, безобразный и коварный Іоаннъ XXII: въ 20 л. онъ скопилъ 17 мил. червонцевъ да на 7 мил. серебра и драгоцѣнныхъ камней. Онъ же горячо боролся съ „ересью“ миноритовъ, которые радостно умирали на кострѣ за идею нестяжанія, и тѣмъ возстановилъ противъ папства низшій клиръ и нѣмцевъ (§ 110). Папы не пренебрегали никакою ложью, особенно въ борьбѣ съ еретиками. Они подмѣнивали святыхъ, какъ прежде языческихъ боговъ: чтобы затмить въ памяти народа обликъ врага тайной исповѣди и духовника Софьи, Іоанна Гуса, сочинили св. Іоанна Непомука (§ 115), якобы мученика за тайную исповѣдь, скрывшаго отъ Венцеслава признанія королевы.

Всѣ эти средства употреблялись на удовлетвореніе пороковъ времени, лучшею представительницей которыхъ была курія. Папы попали въ адъ Данта. Петрарка называлъ Авиньонъ „стокомъ нечистотъ со всего свѣта“, а Лоренцо Медичи называлъ курію „гнѣздомъ всякихъ пороковъ“. Здѣсь царствовали обманы, шпіонство, лиги и контр-лиги сегодня съ однимъ, завтра—съ его врагомъ; однажды была назначена такса за убійство (150 дукатовъ за голову). Св. Екатерина поддерживала мнѣніе одного святого о папахъ, которые „купаются въ соблазнѣ, какъ Саламандра въ огнѣ“. Тогда сложилась пословица „bibere papaliter“ (пить попапски). Современникъ говоритъ: „Римъ и Авинь-

онъ—новый Вавилонъ и Содомъ; тамъ считаютъ христіанство выгодною басней“. Кардиналы старались превзойти папъ. Они жестоко интриговали, продавая свои голоса всякому, въ особенности же иностраннымъ державамъ. Они выѣзжали верхомъ, въ латахъ, съ мечемъ на боку, окруженные гвардіей. У ихъ воротъ кормились толпы нищихъ—разбойниковъ и преступниковъ, которыхъ они привлекали своимъ правомъ убѣжища. Клиръ, особенно владыки и монахи, подражали папамъ и кардиналамъ. Современникъ продолжаетъ: „Кто лѣнивъ, боится труда и любитъ роскошничать, тотъ иди въ духовныя особы; онѣ сидятъ по кабакамъ, бражничаютъ и играютъ въ кости цѣлый день, дерутся и орутъ спьяна, хулятъ Бога и всѣхъ святыхъ, а оттуда идутъ къ алтарю“. Попы кутили даже въ алтарѣ и смѣялись надъ облатками. Чернецы бѣжали изъ бѣдныхъ монастырей въ богатые; а нищенствующая братія враждовала между собой и съ мѣстнымъ духовенствомъ. Отъ распрь распадались ордена: часть францисканцевъ пылко защищала Лудвига Баварца противъ папъ (§ 110). Распри отражались и на проповѣдяхъ, которыя превратились въ жалкія схоластическія препирательства, уснащенныя латинскими и греческими цитатами.

Въ Германіи монастыри стали поприщемъ разврата для младшихъ сынковъ знати, лишенныхъ наслѣдства по праву майората. Виклифъ рисуетъ владыкъ завитыми щеголями: аббатъ вѣчно на охотѣ или за попойкой; у аббатисы брошка съ сальными стишками. „Это—люди, преданные чувственности до пресыщенія; среди нихъ мало любителей учености, да и тѣ чистые варвары, искусные болѣе въ крючкотворствѣ и софизмахъ, чѣмъ въ литературѣ“, такъ говорилъ Поджіо, представитель Возрожденія наукъ и искусствъ, созданнаго мірянами. Лучшимъ примѣромъ нравственнаго паденія церкви служилъ бытъ духовенства на двухъ окраинахъ Запада. Не говоря уже про Португалію, въ Кастиліи прелаты жили царьками: въ каждомъ городѣ, отвоеванномъ у мавровъ, $^{1}/_{3}$ земли отдавалась церкви. Тамъ, помимо главныхъ орденовъ, было еще много мелкихъ, но такихъ, что, напримѣръ, одна аббатиса владѣла 70-ю городами. Владыки сами водили свои арміи на войну и отличались всею распущенностью нравовъ грандовъ. Свѣтское духовенство знать не хотѣло безбрачія, которое владыки многихъ странъ Европы прямо предлагали отмѣнить; и „ама“ (ключница) батюшки, наравнѣ съ нимъ самимъ, освобождалась отъ налоговъ. Въ Богеміи, въ 14-мъ в., церковь славилась своимъ могуществомъ. Тамъ было болѣе 2.000 священ-

нослужителей на 3 милл. населенія (теперь—меньше на 5 милл.), не считая мелкаго причта, да болѣе сотни монастырей, помимо пріорствъ и командорствъ. Около 1/3 земли находилось въ рукахъ духовенства: пражскій архіепископъ владѣлъ 400 деревнями и дюжиной богатыхъ городовъ. Отсюда-то тотъ развратъ, который вызвалъ Гуса. Но когда улеглось великое реформаторское и національное движеніе (§ 118), всплыли наружу старые пороки. Прелаты раздѣляли ихъ съ папствомъ (§ 128), а низшее духовенство, погрязавшее въ невѣжествѣ и бѣдности, стало рабомъ знати, наравнѣ съ крестьянами. Если у нѣкоторыхъ церковниковъ и сохранялись преданія гуситства, то они прицѣплялись къ пустой внѣшности: эти фанатики, какъ раскольники, распинались только за чашу да за славянскую Библію. Оттого-то одни изъ чеховъ возвращались къ папству, другіе старались вдохнуть жизнь въ омертвѣлый утраквизмъ, что̀ приводило къ сектантству.

§ 140. **Понятія. а) Отпоръ папству въ церкви.**—Падающая церковь должна была встрѣтить грозное противодѣйствіе. Съ конца 14-го в., когда насталъ великій расколъ, а революціи выдвигали третій чинъ, поднялся неумолкаемый крикъ объ „исправленіи церкви во главѣ и въ членахъ", какъ называли тогда реформу католичества. Отпоръ папству начался въ самой церкви, среди лучшихъ владыкъ, проповѣдниковъ и богослововъ, причемъ романцы, съ французами во главѣ, требовали только преобразованій, а германцы и славяне дошли до разрыва съ неисправимымъ папствомъ. Починъ принадлежалъ Виклифу (§ 107), который отвергалъ все, что̀ не вытекаетъ изъ Библіи. По его мнѣнію, „Антихристъ ввелъ, подъ видомъ клира, стряпчихъ, которые строятъ козни противъ Христовой церкви". Въ своемъ „Царствѣ Божіемъ" онъ доказываетъ, что Богъ, путемъ „благодати", сообщаетъ свою власть всякому вѣрующему непосредственно. Онъ называетъ индульгенціи богохульствомъ, а церковныя имущества—корнемъ зла. Необходимо отмѣнить обряды: „Отче нашъ" мужика, подъ открытымъ небомъ, важнѣе всякой обѣдни. Иконы ведутъ къ идолопоклонству. Изъ праздниковъ должно оставить только Рождество и Пасху, а изъ таинствъ—крещеніе и причащеніе. Преслѣдуемые лолларды разнесли новое ученіе по материку, гдѣ чешскіе богословы тогда же порицали обрядность, монашество, безбрачіе, чудеса и легенды, а Яновъ (§ 111) называлъ папу Антихристомъ за догматъ о непогрѣшимости. Все это подготовило Гуса (§ 117),

который, прочитавши Виклифа, объявилъ, въ своемъ трудѣ „О церкви“, что единственный источникъ вѣры — Евангеліе; что церковь существуетъ духовно во Христѣ, и ее составляютъ всѣ вѣрующіе, а папы, клиръ и монахи—самозванцы, святые же противорѣчатъ духу христіанства. Отвергая внѣшность, онъ оставилъ только чашу да Библію на родномъ языкѣ.

Но въ Констанцѣ этотъ народный, радикальный отпоръ столкнулся съ соборно-правительственнымъ, умѣреннымъ. Со времени раскола, совсѣмъ опозорившаго церковь, даже спокойные умы и власти сознали необходимость „исправить“ ее, тѣмъ болѣе, что послѣ Виклифа грозила опасность религіозной революціи. Запуганные народными волненіями, они старались уладить дѣло мирнымъ путемъ „реформаціи“, не нарушая строя церкви. Эту мысль заявляли Лудвигъ Баварецъ и Генрихъ V англійскій, прелаты и даже кардиналы. За нее высказался и первый богословскій авторитетъ, парижскій университетъ со своими свѣтилами. Эти столпы католичества дорожили системой, гдѣ они занимали видные посты: Жерсона прямо называли цезаро-папистомъ. Партія реформы или „соборяне“ (§§ 116, 119) желали, согласно съ Библіей, упростить обрядность и поднять внутреннее благочестіе въ человѣкѣ; но они стояли за сохраненіе папства, лишь ограничивъ его самодержавіе соборомъ. Это была та самая церковная аристократія, которую хотѣла искоренить народная оппозиція папству,—и Гусъ былъ сожженъ, а на соборахъ папство вышло изъ борьбы съ новымъ торжествомъ: мало имѣли значенія такія мелкія уступки, какъ конкордаты Мартина V, которые притомъ плохо исполнялись. „Никакой реформаціи не вышло, каковой реформаціи и понынѣ страшатся духовные да и свѣтскіе“, заявляетъ современникъ.

Но тогда же росъ демократическій отпоръ папству въ средѣ отдѣльныхъ богослововъ, и именно у германцевъ. Въ 14-мъ в. выдвинулась нидерландская мистика, какъ развитіе и теоретическаго, и практитескаго мистицизма прошлаго періода (§§ 91, 96), связанное съ классицизмомъ: въ ней есть прямыя указанія на Платона, Аристотеля и Аверроеса. Ея отецъ, учившійся въ Парижѣ доминиканецъ Экгартъ, вводилъ туманный пантеизмъ, близкій къ Платону, и считалъ христіанскую догму аллегоріей философскихъ идей: адъ, по его мнѣнію,—въ душѣ человѣка. Другой воспитанникъ Парижа, скромный, добрый педагогъ и народный ораторъ, Гроотъ (Groot—der Grosse), изобличалъ пороки церкви и схоластики и признавалъ одну Библію,

которой обучалъ всѣхъ безвозмездно. Папа запретилъ ему проповѣдь; но онъ устроилъ въ Девентерѣ кружокъ Братьевъ-Общинниковъ (Fratres in commune viventes). Здѣсь имущество было общее; братья и сестры вели образцовую, монашескую жизнь, списывали книги, переводили Библію на свой platt-deutsch, не только обучали даромъ, но содержали бѣдныхъ дѣтей, заводили мастерскія для изготовленія народу необходимыхъ вещей подешевле; а по праздникамъ, послѣ обѣдни, къ нимъ стекалось любящее окрестное населеніе на „коллаціи“ или объясненіе Евангелія. Число братскихъ обителей быстро возрастало.

Здѣсь воспитался и Ѳома Кемпійскій (Kempen — близъ Кёльна), авторъ переведеннаго на всѣ языки „Подражанія Христу“,—этой мистико-религіозной идилліи, проникнутой искреннимъ тономъ пережитой истины и тихою любовью, близкой къ дѣтской безпечности. Хотя здѣсь отвергаются наука и политическая свобода, но уже прямое сліяніе съ Богомъ помимо церкви и самая задушевность были протестомъ противъ догмы и схоластики. Ктому же Ѳома твердилъ о вѣрѣ и любви, умалчивая про „добрыя дѣла“, порицалъ симонію и стяжанія церкви, распространялъ Библію, проповѣдывалъ на родномъ языкѣ. Папа хотѣлъ запретить „Подражаніе Христу“, но испугался всеобщаго увлеченія книжкой. Монахи наушничали про Братьевъ-Общинниковъ; но партія Жерсона вступилась за нихъ въ Констанцѣ—и папа призналъ ихъ. Къ концу періода ихъ обители встрѣчались по всему юго-западу Германіи. Братья исчезли въ 16-мъ в.: ихъ смѣнили Возрожденіе наукъ, книгопечатаніе и реформація. Менѣе важна нѣмецкая мистика, вытекшая изъ нидерландской, но проникнутая не практическимъ, а философско-поэтическимъ характеромъ. Здѣсь роль Ѳомы игралъ кёльнскій доминиканецъ Таулеръ: онъ задушевно проповѣдывалъ о подражаніи Христу и открыто порицалъ пороки папства, въ особенности интердиктъ, за что подвергся отлученію. Католичество, съ его строгой догмой и обширной іерархіей, вызванной обрядностью, учило: „гдѣ церковь, тамъ Христосъ“. Мистика, съ ея свободой толкованія Евангелія и прямымъ сліяніемъ съ Богомъ, твердила: „гдѣ Христосъ или вѣра, тамъ церковь“. Она говорила свѣжими языками оживающихъ народностей, создала нѣмецкую прозу, дала 15 переводовъ Библіи.

Подъ наитіемъ мистики же, сливавшимся съ вліяніемъ Виклифа и Гуса, родилось новое, реформаціонное богословіе.

Августинецъ Гохъ опровергалъ Ѳому Аквинскаго (§ 95), выдвигалъ вѣру и благодать противъ добрыхъ дѣлъ, отвергалъ епископство, даже сомнѣвался въ законности папства. По его словамъ, „народъ говорилъ: на что рѣшится монахъ, о томъ постыдился бы думать самъ дьяволъ“. Сознательнѣе выступилъ Вессель, ученикъ Ѳомы Кемпійскаго, Парижа и Италіи, сынъ той Фрисландіи, которая воспитала штедингoвъ (§ 76) и не признавала безбрачія клира. Горячая, свободолюбивая натура, Вессель, знавшій даже поеврейски, терпѣлъ папу лишь какъ стража внѣшняго порядка въ церкви, глава которой—Христосъ. Онъ смотрѣлъ на все, какъ ученый: въ причастіи видѣлъ одинъ символизмъ. Еще болѣе пылкій другъ Весселя, Везель, проповѣдывалъ тоже самое въ грубой, народной формѣ. Онъ рѣзко писалъ противъ самаго принципа индульгенцій и утверждалъ, что „всякій можетъ сопротивляться папѣ“. Такъ какъ онъ изучалъ еврейскій языкъ и знался съ гуситами, то доминиканцы уличили его въ ереси, заставили отречься и заточили въ монастырь.

§ 141. **Понятія. б) Отпоръ папству внѣ церкви.**— Еще сильнѣе былъ отпоръ папству внѣ церкви. Злобная критика на него господствовала во всѣхъ слояхъ общества. Лучшіе умы думали вмѣстѣ съ Макіавелемъ: „Чѣмъ ближе народъ къ римской куріи, тѣмъ онъ менѣе религіозенъ: она сдѣлала насъ, итальянцевъ, безбожными и порочными людьми“. Поддерживаемая свѣтскимъ реализмомъ интеллигенціи, масса подражала правительствамъ въ стремленіи сбросить съ себя римское иго: оттого-то Ананьи затмила Каноссу. Это замѣтно во всѣхъ демократическихъ движеніяхъ. На земскихъ соборахъ Франціи тетради третьяго чина дышатъ ненавистью къ алчности и властолюбію куріи. Но особенно это чувство проявилось у германцевъ и славянъ, гдѣ наиболѣе царствовало папское насиліе. Въ Англіи лоллардство охватило почти весь народъ, несмотря на гоненія. Въ Нидерландахъ его роль играла мистика, вліяніе которой проходило по всему юго-западу Германіи. Схоластики и написты, кишѣвшіе въ земляхъ духовныхъ фюрстовъ, въ особенности же кёльнскіе доминиканцы съ ихъ инквизиціей, стали, въ глазахъ народа, породой отсталыхъ, тупоумныхъ злыдней. Рейнъ называли презрительно „поповскою улицей (Pfaffengasse) имперіи“. Движеніе миноритовъ (§ 110) было глубоко демократическое: оно едва не вызвало народной революціи противъ св. престола.

Распространялись самыя опасныя для папства секты (§ 91). Вальденсы проникли до Богеміи и Польши, люциферіане — до Бранденбурга. Въ Германіи, Франціи и особенно въ Италіи напрасно сожигали Братьевъ и сестеръ Свободнаго Духа: берега Рейна наполнялись этими смѣльчаками, которые проповѣдывали, что Богъ — все и человѣкъ можетъ стать имъ; что церковь излишня, а ея обряды и священнослужители даже вредны; что „внутренній голосъ" важнѣе самого Евангелія, полнаго ошибокъ. Подконецъ утвердилась секта Чешскихъ и моравскихъ братьевъ, основанная искреннимъ и краснорѣчивымъ Хельчицкимъ, который презиралъ всякое богословіе, принимая одно только слово Христа. „Братья" сохранились живымъ воспоминаніемъ о Гусѣ и древнемъ православіи: они твердили, что папство — богохульство, и стали убѣжищемъ всякихъ ересей, особенно вальденсовъ, которые посвятили имъ первыхъ епископовъ. Вытѣсненные къ востоку, Братья привлекали тамъ народъ образцовою жизнью и распространились по Польшѣ и Пруссіи. Вообще гуситству принадлежало самое сильное вліяніе на массы. Изъ восторженныхъ писемъ самого Гуса, по пути въ Констанцъ, видно, что онъ проповѣдовалъ съ большимъ успѣхомъ: вездѣ его встрѣчали, какъ родного, и принимали его тезисы, прибиваемые къ церквамъ. И казнь этого мученика свободы совѣсти, а также его сподвижника, Іеронима, вызвала въ массахъ не одобреніе и восторгъ, а сожалѣніе и негодованіе. Гуситы же говорили закоренѣлымъ папистамъ: „какъ это вы повинуетесь погрѣшимой церкви, а не разуму, который крѣпче и мудрѣе всѣхъ докторовъ въ мірѣ?" Гуситство не только вліяло на сопредѣльныхъ западныхъ славянъ, но проникало въ Венгрію, гдѣ явилась Библія на родномъ языкѣ, въ особенности же въ Германію, гдѣ оно овладѣло умами отъ профессора до мужика. Оно стало душой новаго богословія и средоточіемъ нѣмецкаго просвѣщенія. Оно выдвинуло новый университетъ въ Эрфуртѣ, который называли Erfordia-Praga: сюда перешло много профессоровъ и студентовъ изъ Праги; здѣсь первые ректоры были чехи. Въ Эрфуртѣ и Нюрнбергѣ Чешскіе Братья печатали свои „еретическія грамоты", какъ называли паписты ихъ символъ вѣры, гдѣ папа изображался Антихристомъ, а римская церковь — скопищемъ негодяевъ и лжецовъ, осѣненныхъ наитіемъ дьявола. Въ Баденѣ гуситская пропаганда проникла въ хижины крестьянъ. Бегейма (§ 138) называли Böhme: онъ былъ выходцемъ изъ

Богеміи и, прежде всего, требовалъ отмѣны папства. Въ началѣ 16-го в. переписка папистовъ проникается страхомъ, какъ бы „чешскій ядъ“ не разлился повсюду.

Національная оппозиція ярко отразилась въ народной поэзіи, которая превращалась въ сатиру противъ средневѣковья, и именно противъ церкви. Ходило много такихъ разсказовъ, какъ о братѣ Лукѣ. Лукъ возвѣстилъ народу, что покажетъ перо, оброненное Гавріиломъ во время Благовѣщенія. Шутники украли у него перо архангела, замѣнивши его горстью углей. Лукъ замѣтилъ бѣду лишь среди проповѣди объ этомъ перѣ, но не растерялся: онъ объяснилъ, что когда патріархъ въ Іерусалимѣ знакомилъ его съ перстомъ св. Духа, потомъ св. Михаила и т. под. мощами, онъ выпросилъ у него перо, а также угли, на которыхъ былъ сожженъ св. Лаврентій; но теперь Господь перемѣшалъ коробочки — и Лукъ покажетъ угли вмѣсто пера, тѣмъ болѣе, что завтра праздникъ Лаврентія. Другой монахъ не знаетъ, какъ превознести св. Франциска въ проповѣди. Помѣстить ли его на небѣ среди мучениковъ? Нѣтъ. Среди монаховъ? Нѣтъ, и т. д. Встаетъ мужикъ и говоритъ: „посади его на мое мѣсто, а я схожу въ кабакъ, пока кончится эта скучная исторія“. Въ нѣмецкой передѣлкѣ Кумушки-Лисы (§ 97) Римъ рисуется такъ. Тамъ самый настоящій человѣкъ—Симонъ, а тонъ задаютъ докторъ Хапъ, г-жи Выручка и Плутня да г. Вывороти-карманъ. Тамъ любятъ говорить о справедливости, а признаютъ только деньги, которыя выпрямятъ самое кривое дѣло. Хилый старикашка (папа) не думаетъ ни о чемъ: вся сила въ Кардиналѣ Ненасытномъ, а у него секретарь г. Пристрастный и товарищъ г. Молчать! Кривда служитъ у папы нотаріусомъ и баккалавромъ untriusque juris. Еще есть тамъ трое судей—Moneta, Nummus да Denarius. Сатира на духовенство выразилась еще съ особенною силой въ искусствѣ: всюду, даже въ храмахъ, становились обычнымъ дѣломъ такія изображенія, какъ обезьяна въ митрѣ, дающая благословеніе. И реализмъ проникалъ даже въ церковную музыку.

Къ концу періода народная оппозиція все рѣшительнѣе сосредоточивалась въ Германіи, особенно въ Эрфуртѣ, ставшемъ во главѣ похода противъ кёльнскихъ доминиканцевъ. Здѣсь люди всѣхъ сословій и занятій писали и говорили въ духѣ народной сатиры противъ „духовной язвы“, гнѣздящейся въ Римѣ. Всюду слышалось слово реформація въ примѣненіи къ церкви. На имперскомъ сеймѣ нѣмецкій кардиналъ оффиціально подалъ рѣз-

кую „жалобу“ (Gravamina) нѣмецкой націи на римскую курію. Секретарь мятежнаго Нюрнберга, совѣтникъ имперскихъ чиновъ, Геймбургъ (§ 120) всю жизнь боролся за эту программу. Онъ самъ ѣздилъ въ Римъ и, выйдя отъ папы, шагалъ передъ Ватиканомъ, безъ шапки и сапоговъ, съ открытой грудью, громко браня курію на чемъ свѣтъ стоитъ. Неукротимый патріотъ расклеивалъ въ Италіи воззваніе противъ Пія II и наводнилъ Германію блестящими „предостереженіями“. Но союзъ алтаря съ своекорыстнымъ трономъ подавилъ народное движеніе и на этотъ разъ. Когда князья уже собрались замѣнить Фридриха III гуситомъ Подебрадомъ, императоръ сошелся съ папой—и Геймбургъ бѣжалъ въ Прагу, откуда онъ тщетно громилъ Римъ.

§ 142. **Понятія. в) Суевѣрія и невѣріе.**—Народная оппозиція проявлялась въ самыхъ вѣрованіяхъ. Пора была еще глубоко религіозная, а нечему было молиться: папство опозорило святыни. Отсюда двоевѣріе: общество создавало собственную религію, помимо церкви. Даже интеллигенція вѣрила, въ самой Италіи, въ духовъ, сходящихъ съ луны, и въ чародѣевъ, вызывающихъ тѣни умершихъ. Флорида была открыта потому, что испанцы вѣрили дикарямъ, утверждавшимъ, что тамъ есть источникъ, дающій молодость. Богословы лишь послѣ долгихъ споровъ рѣшили, что у индѣйцевъ есть душа, да и то только потому, что иначе нельзя было бы исполнить приказъ папы обращать ихъ въ христіанство. Особенно важно, что массы, не довольствуясь матеріализмомъ папства (§ 89), впадали еще въ суевѣрія, которыя іерархія преслѣдовала изъ опасенія, что народы ускользнутъ изъ-подъ ея вліянія. Толпа носилась съ пережитками своего язычества и изобрѣтала собственную обрядность. Попрежнему (§ 90) всюду показывались видѣнія и чудеса, слышались таинственные голоса, проскользали признаки фетишизма. Примѣры Жанны д'Аркъ повторялись въ различныхъ формахъ. Въ Римѣ Колѣ Ріенци предшествовала знатная шведка, мать 8 дѣтей, Бригитта, которой было видѣніе Христа, пославшаго ее проповѣдывать возвращеніе папства изъ Авиньона. Это дѣло исполнила (§ 120) другая пророчица, симпатичная, краснорѣчивая дѣвушка, Екатерина сіенская, которая требовала также церковной реформы и похода въ Іерусалимъ. Безграмотная крестьянка, она была посланницей папъ и республикъ и признана святою. У Савонаролы были свои голоса, и въ минуты экстаза онъ вѣрилъ въ свой даръ пророчества. Холодные дипломаты, венеціанцы, обѣщали 10.000 червонцевъ за мантію Христа; но

ее добыли, въ началѣ 16-го в., трирцы, купившіе у папы признаніе своей находки.

Въ Римѣ страшились нарушенія поста больше, чѣмъ совершенія убійства; и наемный убійца молился объ успѣхѣ своего предпріятія. Во Флоренціи толпа вознегодовала на Савонаролу, когда онъ отказался отъ суда Божія, а Александръ VI не допускалъ этого суда, боясь чуда въ пользу ненавистнаго монаха. Этотъ же папа-безбожникъ видѣлъ свою смерть въ совѣ, упавшей на площади и воевалъ съ чертомъ передъ кончиной. Подконецъ вездѣ появились статуи Іоанна Непомука (§ 115), которому молились противъ засухи и клеветъ; а въ Прагу стекались отовсюду страннички, чтобы приложиться къ нетлѣнному зубу этого новаго святаго. А по Кастиліи бродили монахи кучами, съ мощами, образками, индульгенціями, четками и молитвенными листками: они разжигали духъ нетерпимости и служили инквизиціи, пылая злобой къ маврамъ и евреямъ. Хлыстовщина (§ 90) становилась эпидеміей во время черной смерти и раскола. Она прошла изъ Италіи по Испаніи, Франціи, Англіи, особенно же по Рейну. Одѣтые въ саваны „бѣлые братья“ несли впереди красный крестъ и простирались въ церкви крестомъ: передъ ними носился мученическій образъ Христа. Бичевались они узловатыми ремнями, въ полѣ, съ разными обрядами (читались письма, доставленныя съ неба ангелами). Жители благоговѣйно разбирали къ себѣ почевать мучениковъ, при приближеніи которыхъ мощи совершали чудеса, раскрывались тюрьмы, воры возвращали свою добычу, враги мирились, убійцы умоляли родныхъ своихъ жертвъ о смерти, а тѣ сами падали на колѣна передъ ними. Много народу, даже женщинъ и дѣтей, приставало къ хлыстамъ, а также къ плясунамъ, бродившимъ по Франціи и Рейну. И всюду въ искусствѣ изображались пляски смерти. „Народъ больше вѣрилъ имъ, чѣмъ попамъ“, говоритъ очевидецъ. Хлысты называли папу Антихристомъ, пѣли свои гимны на родныхъ языкахъ, отвергая псалмы и обряды церкви. Папы и власти стали наконецъ казнить и жечь ихъ—и они скрылись по домамъ, но не измѣнились. Народъ считалъ ихъ почти праведниками, какъ юродивыхъ, а церковь—бѣсноватыми: противъ нихъ употребляли даже экзорцизмъ.

Тогда демонологія развилась больше прежняго (§ 90). Между тѣмъ какъ мистики предавались экстазу, толпа покланялась бѣсу: вѣчно воплощаясь въ обиходные предметы, онъ былъ ближе къ ней, порой его можно было даже дурачить; онъ да-

валъ хоть преходящее счастье цѣной погибели души. Чѣмъ яростнѣе церковь преслѣдовала его, тѣмъ дороже становился онъ массамъ. Дьяволъ исчезалъ лишь въ просвѣщенной Италіи, гдѣ увлекались только классическими суевѣріями (гаданіе по Виргилію, вѣра въ знаменія, талисманы и отчасти въ демоновъ, въ видѣ древнихъ тѣней), а больше таинственною наукой: были каѳедры астрологіи, въ которую вѣрили даже Макіавель и умные правители Флоренціи; по гороскопамъ давали сраженія и рѣшали участь дѣтей. Царство бѣса было по сю сторону Альпъ, особенно въ Германіи. Никогда еще не вѣрили здѣсь въ колдовство до такой степени: самые умные и ученые люди разныхъ направленій (Жерсонъ, классики) много писали въ пользу существованія дьявола. Англичане сожгли Жанну, какъ вѣдьму, приписывали чародѣйству скорченную руку Ричарда III и заточили одну герцогиню, а ея духовниковъ казнили за то, что они сократили жизнь короля, медленно растопляя его восковое изображеніе. Филиппъ VI Валуа не имѣлъ покоя, узнавши, что одинъ обиженный родственникъ слѣпилъ его фигуру изъ воска, крестилъ ее и за обѣдней пронзилъ ей сердце булавкой. Въ 15-мъ в. у одного герцога во Франціи нашли кости 140 дѣтей, которыхъ онъ истребилъ съ чародѣйской цѣлью. Образованные храмовники почитали талисманъ, въ видѣ мѣднаго идольчика, и раздѣляли съ лучшими умами вѣру въ алхимію и астрологію. Когда краснокожіе, при записываніи бѣлыми ихъ показаній, пустили на нихъ дымъ благовоннаго порошка, чтобы разрушить ихъ чары, испанцы, въ свою очередь, испугались, признавши дикарей колдунами.

Никогда церковь не ополчалась такъ серьезно противъ бѣса. Важно, что рѣдки были случаи, когда она умышленно обвиняла въ колдовствѣ, чтобы избавиться отъ врага, ограбить храмовниковъ, устрашить волнующуюся толпу: обыкновенно преслѣдовались за чародѣйства люди ничтожные, слабые — крестьяне и особенно женщины. Погрузившись въ невѣжество, церковь сама глубоко вѣрила въ чорта: дышатъ искренностью папскія буллы и доминиканскія книги и проповѣди противъ колдовства. Тогда возникла теорія демонологіи — „Вѣдьминъ Молотъ“ доминиканца Шпренгера, болѣе вѣка служившій учебникомъ для инквизиторовъ. Изъ него видно, какъ народъ, изъ страха, почиталъ колдунью больше святынь: ей кланялись, ее величали „сударыней“ и осыпали подарками, къ ней ходили толпами. Вѣдьма гордилась своимъ ремесломъ и порой сама до того вѣрила въ свои

связи съ бѣсомъ, что выносила за это жестокія пытки. Шпренгеръ сознается, что уже ни таинства, ни молитвы не могли преодолѣть дьявола. Монахи признавались ему, что нечистый нападалъ на нихъ въ церкви, когда у нихъ было еще причастіе во рту: потребовались четки для безпрерывнаго шептанья „Господи помилуй", чтобы бѣсъ не проскочилъ въ промежутокъ между молитвами. Шпренгеръ не скрываетъ, что онъ самъ много претерпѣлъ отъ чорта: „Сколько разъ онъ стучался ко мнѣ въ окна или затыкалъ булавки въ мой ночной колпакъ! Сколько разъ онъ являлся въ видѣ собаки, обезьяны!" и т. п. Шпренгеръ былъ посланъ папой въ Германію для введенія въ инквизицію колдовскаго суда (1484): юристы опредѣлили формы новаго правосудія—и началось сожиганіе вѣдьмъ.

При такомъ направленіи умовъ, печальна была судьба хронически больныхъ, прокаженныхъ и иноплеменниковъ, которыхъ также подозрѣвали въ сообщничествѣ съ бѣсомъ. Потомки вестготовъ, кровельщики каго, прозябали въ Пиренеяхъ, какъ паріи (Д. И. § 60): они жили въ полѣ, въ шалашахъ; въ церкви имъ отводились особый уголъ и дверь; на платьѣ у нихъ нашивался кусокъ краснаго сукна, нето яичная скорлупа или гусиная лапа, чтобы избѣгать прикосновенія къ нимъ; ихъ считали вонючими и заразительными колдунами. Англичане до конца относились къ ирландцамъ, какъ при Генрихѣ II (§ 72). Сами проѣдая доходъ съ своихъ ирландскихъ имѣній, даже не заглядывая въ нихъ, они считали „выродками" даже „англичанъ по крови". По статуту въ Кильkенни (1367), англичанину грозила смерть даже за торгъ и разговоръ съ ирландцемъ и большая пеня, если онъ принималъ ирландскихъ косцовъ или бардовъ, если усваивалъ ихъ имя, одежду или такой обычай, какъ ѣздить безъ сѣдла. Съ такою же нетерпимостью относились къ атеистамъ-цыганамъ, которые появились, ок. 1350 г., въ Мореѣ, а столѣтіе спустя, уже распространились повсюду, до Норвегіи, Италіи и Сахары. Евреевъ преслѣдовали попрежнему (§ 90), негодуя на то, что они множились, богатѣли, учились и пользовались вліяніемъ. Папы подавали примѣръ: они приказывали „немедленно" вѣшать всякаго христіанина, который попадался не только въ гетто, но даже поблизости. На евреевъ обрушивались государственные перевороты, всегда связанные съ деньгами: во Франціи ихъ то выгоняли ради конфискаціи ихъ добра, то снова призывали, чтобы они скопили богатства для того же употребленія, пока они не ушли совсѣмъ

въ Эльзасъ. При всякомъ бѣдствіи, толпа срывала зло на нихъ. Въ Прагѣ, при Венцеславѣ, было избито, на Пасху, 3.000 евреевъ, вслѣдствіе народнаго раздраженія противъ нѣмцевъ и папы. Масса евреевъ погибла во время черной смерти, особенно на Рейнѣ: ихъ обвиняли въ отравленіи колодцевъ, потому что зараза щадила ихъ, какъ единственныхъ врачей. Но къ концу періода насталъ переворотъ въ воззрѣніяхъ, подъ вліяніемъ классицизма: евреевъ преслѣдовали уже только въ Бранденбургѣ да за Пиренеями, гдѣ Хименесъ изгонялъ ихъ, а португальцы принимали, но лишь съ тѣмъ, чтобы грабить ихъ и продавать въ рабство маврамъ. Въ другихъ же странахъ смягчалась участь евреевъ. Даже въ Германіи ихъ уже преслѣдовали только перомъ, стараясь опозорить моисейство и окрестить ихъ. Здѣсь у нихъ явился даже такой важный защитникъ, какъ Рейхлинъ, который хотя и желалъ ихъ обращенія, но путемъ убѣжденій: онъ доказывалъ, что евреевъ „нужно любить, какъ ближнихъ", и обвинялъ христіанъ въ томъ, что они сами толкаютъ ихъ въ ростовщичество, закрывая имъ другіе пути.

Между тѣмъ какъ массы впадали въ суевѣрія, интеллигенція проникалась невѣріемъ. Отъ двора Гогенштауфеновъ тянется непрерывный рядъ „нечестивцевъ", аверроистовъ (§ 91). Онъ все расширялся, особенно въ Италіи, Франціи и Англіи, несмотря на то, что ревность церкви въ его искорененіи не знала предѣловъ. Напрасно Хименесъ сжегъ текстъ Аверроеса, вмѣстѣ съ 80.000 арабскихъ рукописей: къ концу періода явилось много латинскихъ переводовъ, которые и послужили къ небывалому распространенію арабскаго философа. Напрасно доминиканцы поднимали крестовый походъ противъ комментатора Аристотеля, а Луллій (§ 95), помѣшанный на борьбѣ съ Магометомъ, разъѣзжалъ по Италіи и Франціи, требуя запретить чтеніе Аверроеса и учредить рыцарскій орденъ для борьбы съ нимъ, въ особенности же для опроверженія его мнѣнія о различіи богословской истины отъ философской. Напрасно свирѣпствовали инквизиторы при Филиппѣ IV, когда были сожжены храмовники, отвергавшіе все чудесное, какъ идолопоклонство, и былъ запытанъ врачъ Альбано за то, что не вѣрилъ въ воскресеніе Лазаря и „держалъ чертей въ бутылкѣ". Напрасно доминиканскіе профессора сочиняли такія сказки про своихъ товарищей: въ Парижѣ-де только-что прочелъ одинъ аверроистъ „о трехъ безбожникахъ", какъ у него выворотило глаза, онъ свалился съ каѳедры, сталъ кататься по полу и мычать, какъ волъ; и съ тѣхъ поръ онъ

жилъ-де словно животное. Именно тогда Аверроесъ былъ оцѣненъ, какъ великій истолкователь Аристотеля. Людовикъ XI требовалъ ввести его въ преподаваніе; Колумбъ заявлялъ, что онъ навелъ его на мысль объ открытіи Америки; въ высшемъ обществѣ Италіи порядочный человѣкъ долженъ былъ причисляться къ аверроистамъ. Аверроизмъ проникалъ во всѣ науки, особенно въ медицину. Онъ даже въ новое время долго господствовалъ въ падуанскомъ университетѣ, ставшемъ во главѣ итальянской науки. Здѣсь же онъ столкнулся съ Возрожденіемъ, которое одно могло подорвать его, какъ явленіе отживающее, средневѣковое. Но само Возрожденіе было роднымъ братомъ аверроизма: подъ его вліяніемъ, въ началѣ 16-го в., вся интеллигенція впала въ невѣріе.

Основа всей культуры періода, оппозиція папству, была завершеніемъ долгой борьбы античнаго свѣтскаго реализма съ церковнымъ идеализмомъ. Реализмъ торжествовалъ вездѣ—въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и въ самыхъ нравахъ. Тогда возникало мало новыхъ монастырей и орденовъ, и то только въ Италіи да Испаніи (іеронимиты, оливетаны и др.); и они далеко не имѣли такого значенія, какъ старыя знаменитыя обители. Больше всего распространялись, изъ Бельгіи по Германіи, Франціи и Италіи, бегарды и бегины (§ 91); но они жили посвѣтски въ своихъ веселыхъ „бегинажахъ“ и уже проникались классицизмомъ. Люди рѣдко причащались, а всенародная исповѣдь совсѣмъ исчезла. Обѣдни становились необычайнымъ явленіемъ: синоды требовали, чтобы ихъ служили хоть 2—3 раза въ годъ. На такіе громы Ватикана, какъ интердиктъ, никто не обращалъ вниманія. Гуситы истребили много церковныхъ книгъ, статуй и иконъ; и такіе суровые библейцы, какъ табориты (§ 118), признавали свободу совѣсти и мысли,—знакъ, что свѣтскій, научный духъ проникалъ въ низшіе слои общества. И даже въ Алкалѣ подконецъ было только 12 каѳедръ богословія, а 30 посвящались свѣтскимъ наукамъ.

§ 143. **Нравы.**—Свѣтскость овладѣла и нравами. Но, какъ сила неустановившаяся, она приводила пока къ невыгоднымъ послѣдствіямъ. Борьба новизны со стариной производила броженіе въ умахъ, тревогу въ нервахъ, что̀ способствовало развитію страстей. Старина утратила „пошлину“ — форму и правила, которыя сдерживали звѣря въ человѣкѣ, хотя и въ ущербъ достоинству и свободѣ послѣдняго. Ея представители, высшіе чины — клиръ и знать, стали явленіями лишними, вредными.

Духовенство какъ бы задалось цѣлью противорѣчить своему призванію (§ 139). Папство сдѣлалось образцомъ порочности, которая ярко вырисовывалась на такой высотѣ. Казалось, въ Авиньонѣ оно достигло предѣла испорченности; но затѣмъ оно опустилось еще ниже, подъ вліяніемъ великаго раскола, а подконецъ выставило Борджію (§ 128), у котораго самые падшіе люди могли научиться звѣрству, алчности и разврату. Глава христіанства не стыдился раскрывать язвы церкви передъ всѣмъ міромъ, не исключая ислама. Александръ VI заказалъ икону, гдѣ Мадонна — портретъ порочной аристократки, а богомолецъ

Лукреція Борджіа съ мужемъ. 16-го в. [1]).

передъ ней—самъ папа; онъ предлагалъ Баязету, за 40.000 червонцевъ, держать въ плѣну его брата-соперника, а за 300.000— совсѣмъ извести его. Онъ былъ всегда веселъ и одинаково готовъ къ наслажденіямъ и злодѣяніямъ: вѣдь другіе не лучше его! Его избрали, когда онъ уже славился порочностью; его Лукрецію, эту царицу разврата, одинъ ученый привѣтствовалъ въ оффиціальной рѣчи, какъ Марію Магдалину; его Чезаре, этотъ главарь державныхъ бандитовъ, сталъ героемъ книги Макіавеля, созданной этою средой; а когда, по смерти Александра VI, враги Борджіевъ ворвались въ Римъ, одинъ изъ Орсини наткнулся на слугу Чезаре, закололъ его и умылся кровью несчастнаго. Таковы же, только въ меньшихъ размѣрахъ, были столпы

[1]) Это—портретъ кисти Тиціана (въ Дрезденѣ). Альфонсо I Эстэ, герцогъ феррарскій, положилъ руку на плечо своей жены, Лукреціи, которая изображена красавицей-блондинкой, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ. Она молится передъ Мадонной.

папства, кардиналы и владыки. Монахи, по словамъ одного изъ нихъ, „умерщвляли не только ядомъ, но и ножомъ да пищалью", нето пускали въ ходъ отравленную облатку. А каково было низшее духовенство, видно изъ послѣднихъ постановленій копенгагенскихъ синодовъ: они воспрещали датскимъ церковникамъ, для которыхъ была одна только школка при лундскомъ каѳедралѣ, напиваться въ кабакахъ, посѣщать женскіе монастыри, держать наложницъ, носить оружіе и дорогія одежды съ мѣховою опушкой.

Не лучше была знать. Если нравственное разложеніе рыцарства началось уже въ концѣ прошлаго періода (§ 93), подъ растлѣвающимъ вліяніемъ Востока и крестовыхъ походовъ, то теперь это сословіе пало вездѣ, какъ идеалъ. Вся его внѣшность еще сохранялась, но его духъ отлетѣлъ. Его обряды и обычаи стали церковны и педантичны, прониклись театральностью и символизмомъ. Прежде при разжалованіи рыцаря просто ломали шпоры; теперь виновнаго несли въ церковь и отпѣвали, а на эшафотѣ ломали его оружіе. Развилась дворянская спесь. Простой смертный, подвигами заслужившій шпоры, презирался родовитыми рыцарями. Такъ какъ короли стали раздавать „патентованное" дворянство, то старая знать начала отличать себя гербами, не допуская новичковъ на турниры. Гербы (изображеніе цвѣтовъ, звѣрей, символовъ на доспѣхахъ), къ которымъ иногда прибавлялись девизы (характерныя надписи), были священны и наслѣдственны: ихъ честь отстаивалась грудью, и возникла цѣлая наука гербовѣдѣнія — „геральдика". Затѣмъ явились еще фамиліи—прибавки къ собственнымъ именамъ, которыхъ было мало (при французскомъ дворѣ сталкивалось разомъ больше сотни Гильомовъ). Это — названіе родовыхъ земель и замковъ: отсюда дворянскія частицы — франц. de, нѣм. von, исп. don, которыми до того дорожили, что даже Колумбъ не хотѣлъ плыть въ Америку, пока ему не дали „дона". Потомъ фамиліи явились и у низшихъ классовъ; но здѣсь это было обыкновенно намеки на качества человѣка (Lefort, Lebon) или на родъ занятій (Marechal, Müller, Meier).

Чѣмъ больше рыцарство становилось нелѣпымъ пережиткомъ, утрачивая свое идеальное содержаніе, тѣмъ болѣе дорожило оно этимъ формализмомъ, подобно романтической поэзіи. Никогда не было столько блестящихъ турнировъ и затѣйливыхъ „дворовъ любви" (§§ 76, 97). Но турниры превратились въ забаву или спекуляцію: наградами служили

уже дорогой соколъ, пара рѣдкихъ гончихъ, роскошный поясъ или щитъ, нето рука красавицы съ хорошимъ приданымъ или поцѣлуи 80 дѣвицъ. А дворы любви стали поприщемъ схоластическихъ словопреній да непристойностей. Новые рыцарскіе ордена (англійскій — Подвязки, бургундскій — Золотого Руна и др.) были пародіей на старые и служили лишь тщеславію. Уже герцоги носили сатиновыя латы желѣзнаго цвѣта съ золотыми гвоздиками, не желая сгибаться подъ тяжестью настоящей брони. Былой идеализмъ изрѣдка проявлялся въ каррикатурной формѣ. Полупомѣшанный французъ Бусико основалъ товарищество „Бѣлой дамы зеленаго щита“ изъ 12 рыцарей, поклявшихся защищать оружіемъ славу красоты своихъ дамъ. Въ Англіи попадались храбрецы, которые завязывали себѣ одинъ глазъ зеленымъ сукномъ и клялись своимъ дамамъ снять повязку лишь по совершеніи ряда подвиговъ во Франціи. Еще рѣже встрѣчался странствующій рыцарь стараго закала, защитникъ угнетенной невинности; и надъ нимъ уже смѣялись, какъ надъ шутомъ, а въ поэзіи явились пародіи на его кодексъ.

Заурядный же рыцарь того времени — „разбойникъ“, представитель „кулачнаго права“ (§ 120), спесивый забіяка съ нравами центавра. Куртуазія смѣнилась цинизмомъ, пьянствомъ да игрой въ кости съ потерей всего до рубашки, честь—нападеніемъ изъ-за угла, безъ вызова, и службой гдѣ-угодно изъ выгоды. Новые предметы торга и промысловъ раздражали чувственность оголтѣлаго рыцаря, и онъ спѣшилъ жить, чуя близкую смерть. Въ гнѣздахъ издыхающаго рыцарства, при дворахъ Бургундіи, Франціи и Неаполя, никогда не было такихъ пышныхъ, хотя грязныхъ, пиршествъ, обставленныхъ тупоумными аллегоріями, какъ „фазаній обѣтъ“, о которомъ говорилъ весь міръ. Это — затѣя Филиппа бургундскаго, которая была отвѣтомъ Запада на паденіе Константинополя и стоила годового дохода государства. Тутъ тысячи гостей блистали шелками, бархатомъ, золотомъ и жемчугомъ. Пирожныя представляли собой церковь съ звономъ колоколовъ, мельницу въ ходу, нагруженный товарами корабль, фонтаны съ напитками, озера и т. д.; въ одномъ сидѣлъ оркестръ изъ 26-ти музыкантовъ. Въ каждой перемѣнѣ было до 50 блюдъ. Въ заключеніе, вошелъ великанъ-сарацинъ со слономъ, на которомъ сидѣла монахиня: это—церковь, просившая, въ длинной рацеѣ, избавить ее отъ турка; ее поддерживали мольбы 12 добродѣтелей. Тутъ показывается церемоніймейстеръ съ разубраннымъ фазаномъ—и Филиппъ кля-

нется Богу, дамамъ и фазану идти на турка; ему подражаютъ гости, объятые необычайнымъ восторгомъ. Даже написали договоръ, но каждый прибавилъ: „если ничто не воспрепятствуетъ“. Съ этою роскошью могли соперничать развѣ только итальянскіе тираны, которыхъ, по словамъ очевидца, показывали въ окно, на раззолоченныхъ коврахъ и подушкахъ, „словно мощи“, и убирали, „какъ алтари въ праздникъ“. Да не меньше, чѣмъ про фазана, говорили про свадьбу Лукреціи Борджіа, которая стоила 300.000 червонцевъ: невѣста ѣхала въ Феррару на 1.000 лошадяхъ и мулахъ, въ 200 экипажахъ; однѣ ея рубахи стоили 100 червонцевъ: цѣлую зиму не прерывались турниры, маскарады, скачки (даже дамскія), бои быковъ и т. п.

Таковы были опоры старины, первые два чина общества. Представитель новизны, третій чинъ, еще не дошелъ до стройныхъ формъ быта. Патрицій и цеховой, купецъ и промышленникъ еще не разграничили даже между собой предѣловъ необходимой каждому свободы дѣйствій, не говоря уже объ ихъ отношеніяхъ къ знати и крестьянству. У нихъ еще не выработался новый кодексъ общежитія; а нравственныя сдержки церковнаго идеализма, подорванныя самою церковью, потеряли силу. Богатѣвшему третьему чину оставалось исполнять свои капризы да подражать своимъ вчерашнимъ барамъ.

Такъ, вѣковые пороки старины держались прочно; а новая цивилизація, въ лицѣ гуманизма, еще не схватила быта. Ктому же она несла новые пороки, коренившіеся въ ея основѣ, въ главномъ двигателѣ прогресса эпохи—въ личности. Примѣръ интеллигенціи, гуманистовъ, показываетъ, какъ личность, вырвавшись изъ вѣковыхъ тисковъ, не хотѣла признавать никакихъ формъ и сдержекъ: противовѣсъ аскетизму, эгоизмъ становился мѣркою поступковъ, какъ во времена софистовъ (Д. И. § 121). Оттого, въ сущности, старые пороки сохранялись. Всюду видимъ знакомую животную страстность съ ея обычными спутниками (§ 92). Жестокость попрежнему проявлялась въ государственной сферѣ: пытка стала обыкновеннымъ явленіемъ, особенно подконецъ. Этому содѣйствовалъ кровавый разсчетъ со стариной. Во Франціи періодъ начался ужасною участью храмовниковъ (§ 102) и трехъ молодыхъ невѣстокъ Филиппа IV, которыхъ, по одному подозрѣнію въ заговорѣ, заточили въ такую тюрьму, что одна задушилась, другая умерла съ тоски; а съ нѣкоторыхъ изъ ихъ знатныхъ друзей съ живыхъ содрали кожу. Вѣкъ спустя, въ эпоху жакри, кровь вошла въ

обиходъ даже дѣтей: при кабошевцахъ (§ 106) они выдумали игру въ трупы и вырѣзали изъ кожи Арманьяка широкую полосу, „чтобы изобразить изъ нея его бѣлую перевязь“. Затѣмъ Франція наполнилась исчадіями англійскихъ войнъ—„живодерами, стригунами и рвачами“ (écorcheurs, retondeurs, houspilleurs). Одинъ феодалъ, обучая сынка войнѣ, далъ ему убить 80 плѣнниковъ, что̀ „очень понравилось“ юношѣ. Другой ловилъ дѣтей для магическихъ опытовъ: въ его замкѣ нашли бочку съ костями 140 малютокъ. Конецъ періода ознаменованъ желѣзными клѣтками Людовика XI (§ 123) и лютостью итальянскихъ войнъ (§§ 123, 129): французы разрушали города до тла, избивая мирныхъ гражданъ десятками тысячъ, а итальянцы зарывали ихъ въ землю, оставляя голову наружи для продленія страданій.

Въ Италіи еще ужаснѣе были усобицы, воспитавшія адскіе типы кондотьера и мелкаго тирана. Отрядъ наемниковъ былъ ходячею чумой: ему предшествовалъ ужасъ, за нимъ слѣдовали голодъ, зараза и растлѣніе. Это былъ пьяный рынокъ награбленныхъ сокровищъ, съ которымъ банкиры вели дѣла. Объ его хозяинѣ можно судить по примѣру нѣмца Вернера, который начерталъ на своемъ серебряномъ щитѣ: „врагъ Бога, благочестія и состраданія“. Кровавые похитители престоловъ, тираны, были подозрительны и свирѣпы уже потому, что ждали себѣ возмездія даже со стороны своей родни; а низвергнутые династы таились пососѣдству, слѣдя за своей жертвой. Одного изъ первыхъ Висконти, изгнаннаго соперникомъ, спросили: когда онъ думаетъ возвратиться въ Миланъ? „Когда злодѣянія того превзойдутъ мои преступленія“, былъ отвѣтъ. И, возвратившись, онъ изобрѣлъ „постъ“—40 дней, посвященныхъ, попеременно, одинъ пыткамъ, другой отдыху жертвы. Типомъ бандита на престолѣ былъ другой Висконти, Джанъ-Марія, (§ 112), который отравилъ свою мать и, при малѣйшемъ подозрѣніи, терзалъ людей псами, вскормленными на человѣчьемъ мясѣ, а ихъ дѣтей рѣзалъ. Сфорца и Людовикъ Мавръ изображаются чудовищами (§ 128). Дворъ феррарскихъ Эсте считался самымъ просвѣщеннымъ и изящнымъ, а тамъ одинъ братъ велѣлъ при себѣ вырвать глаза другому, изъ-за женщины. Но всѣхъ затмилъ Чезаре Борджіа (§ 128): при немъ состояли неотлучно палачъ и отравитель; одна маска на балу указала на него пальцемъ, другая засмѣялась,—и первой отрѣзали палецъ, второй—кончикъ языка и руку; и эти трофеи два дня висѣли

на окнѣ тюрьмы. Тогда же кровавая месть считалась честью итальянца: bella vendetta воспѣвалась поэтами. По примѣру тирановъ, были въ модѣ брави (§ 138) и отравители, эти орудія мести, разжигаемой развратомъ и азартною игрой. И между тѣмъ какъ литература съ пылкою ироніей описывала злодѣянія, въ народныхъ пѣсняхъ прославлялось „бандитство" съ его оригинальными типами одичалаго монаха и корсара. Знаменитый художникъ и гуманистъ, Челлини, восторгался ловкими ударами брави и называлъ свою шайку изъ нихъ „доблестною молодежью", а папа воскликнулъ, по поводу его кровавыхъ подвиговъ на улицахъ Рима: „такіе крупные артисты выше обычныхъ законовъ!" Тогда и тиранъ, этотъ звѣрскій типъ „Государя" Макіавеля, назывался „виртуозомъ", т.-е. доблестнымъ: его доблесть (virtu) покоряла сердца, какъ мощь „необычайнаго человѣка (uomo singolare). Убійца одного Сфорцы, разбойникъ, пролѣзавшій въ тираны, воскликнулъ, подъ ножомъ палача: „горька смерть, но—вѣчная слава!" Французы не уступали итальянцамъ въ жестокости: неаполитанцы, призвавшіе ихъ противъ арагонцевъ, потомъ призвали послѣднихъ для изгнанія ихъ самихъ. А образецъ куртуазіи, солнце рыцарства, Карлъ Смѣлый, велѣлъ вырѣзать всѣхъ жителей одного французскаго городка, вопреки капитуляціи Несчастные спрятались, съ своими семьями, въ церковь; но тамъ и покончили съ ними. Карлъ въѣхалъ въ храмъ верхомъ и, замѣтивъ на полфута крови, воскликнулъ: „Дѣти мои! Клянусь св. Георгіемъ, вы устроили прелестную бойню".

Такъ расправлялись, въ концѣ періода, правящіе классы въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ. Еще обширнѣе, если не ужаснѣе, было зло у другихъ народовъ и сословій. Англичане вели войны, какъ канибалы. Жестока была участь Левеллиновъ и Брюсовъ (§ 103): сами англичане содрогались при мысли объ истребленіи шотландской династіи, женщины которой погибли въ тѣсныхъ клѣткахъ. Лорды такъ воевали во Франціи, въ 15 в., что очевидецъ сказалъ: „еслибы Богъ сталъ теперь полководцемъ, онъ былъ бы мародеромъ". А у себя дома они вламывались въ парламентъ съ вооруженною свитой. Когда запретили оружіе, свита запаслась палками: парламентъ 1426 г. названъ „Палочнымъ" (Club Parliament). Когда запретили и палки, лорды пришли съ камнями и свинцовыми гирями. Ужасы возстанія Тайлера, истребленія лоллардовъ и войны Розъ можетъ описать только перо Шекспира. Доблестные швейцарцы стали

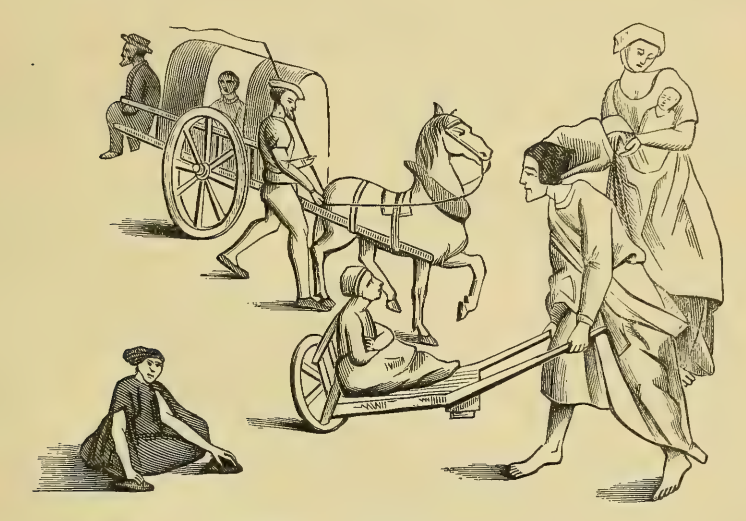
наемниками, головорѣзами по ремеслу. Въ ихъ пѣсняхъ весело описывается, какъ они снимали „вороновъ" съ деревьевъ, „учили плавать утокъ" въ камышахъ, выкуривали скрывшагося въ домахъ врага. Германія уже славилась собственными живодерами — ланцкнехтами. Гуситскія войны, а затѣмъ борьба Корвина съ Подебрадомъ ознаменованы безпримѣрнымъ звѣрствомъ. Подонки общества, вторгнувшіеся въ Богемію въ качествѣ папскихъ крестоносцевъ, „перебрасывались головами дѣтей, какъ кочнями капусты", и „мыли руки въ крови еретиковъ, чтобы омыться отъ грѣховъ". У Липана (§ 118) феодалы положили на мѣстѣ 16.000 таборитовъ; они взяли въ плѣнъ лишь нѣсколько сотенъ, и тѣхъ сожгли въ сараѣ. А чехи избивали этихъ злодѣевъ массами, какъ саранчу, или заставляли ихъ „жрать свои кресты". Два вѣка спустя, нѣмцы говорили, при бѣдствіяхъ: „все лучше, чѣмъ набѣгъ гуситовъ". Лѣтописи двора и магнатовъ въ Венгріи наполнены примѣрами адскихъ страстей, которымъ могли не завидовать только датскіе феодалы и прусскіе юнкера. Досу (§ 138) посадили на тронъ изъ раскаленнаго желѣза, надѣли ему на голову такую же корону и дали въ руку такой же скипетръ.

Распиливавшіе христіанъ турки однажды содрогнулись, вступивши въ Валахію, гдѣ, на обширномъ полѣ, сидѣло на кольяхъ 20.000 плѣнныхъ мусульманъ и болгаръ, а посрединѣ — паша въ пурпурномъ халатѣ; и въ этихъ трупахъ птицы вили себѣ гнѣзда. Въ Сербіи, при Душанѣ, господствовалъ открытый разбой; и душегубовъ вѣшали, воровъ ослѣпляли, а поджигателей и фальшивыхъ монетчиковъ сожигали. Португальцы и испанцы изумили кроткихъ, довѣрчивыхъ дикарей своею лютостью и алчностью: золото и рабы были главными пружинами открытій. Уже въ 14-мъ в. въ Лиссабонѣ продавалось ежегодно до 15.000 негровъ; самъ Генрихъ Мореплаватель бралъ 1/5 человѣчьяго товара, который допускался и Колумбомъ. Одна Изабелла была противъ рабства; ея указы насчетъ индѣйцевъ дышатъ человѣчностью и справедливостью. Но Фердинандъ возводилъ героевъ рабства въ рыцари, а благочестивый монахъ заносилъ въ свою лѣтопись: „наконецъ Богу, воздаятелю за добрыя дѣла, угодно было даровать имъ побѣду, славу за труды и успѣхъ за издержки: поймано 165 штукъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей". Благородныя усилія Колумба, понявшаго дѣтскую душу дикаря, разбились о лютость хидальговъ, о фанатизмъ клира и испорченность каторжниковъ. Бобадилья сказалъ

своей шайкѣ: „пользуйтесь времячкомъ; кто знаетъ, долго-ли продлится оно?“—и мѣстами было истреблено почти все мѣстное населеніе. Краснокожіе, которые сначала шли навстрѣчу бѣлымъ, какъ божествамъ, разбѣгались цѣлыми поселками отъ одного рыцаря, принимая его за центавра и трепеща передъ невиданными звѣрями — передъ конемъ и собакой. Но голодъ принуждалъ многихъ возвращаться изъ лѣсовъ и пещеръ; остальныхъ ловили огромные псы, пріученные къ охотѣ на человѣка. Пытками вымучивали у несчастныхъ указаніе убѣжищъ, гдѣ скрывались близкіе ихъ сердцу; жгли и вѣшали ихъ царицъ и касиковъ (старшинъ); матери съ дѣтьми сами бросались въ пламя отъ страха передъ всадниками. Явилось и крѣпостничество подъ именемъ „надѣловъ“ (repartimientos)—земель съ туземцами, которые должны были кормить своихъ господъ и удовлетворять всѣмъ ихъ прихотямъ.

Но постепенно старые пороки принимали болѣе изящный, утонченный видъ; ихъ прежнія формы преобладали въ менѣе образованныхъ странахъ и въ раннюю пору, новыя—позже и въ мѣстахъ, обвѣянныхъ гуманизмомъ. А къ концу періода подлѣ первобытнаго насилія развивалось коварство или обманъ въ томъ широкомъ смыслѣ, который приданъ ему Дантомъ (§ 98). Бѣлые считали хорошимъ дѣломъ употреблять противъ дикарей всевозможныя казни. Всѣ прославляли геній итальянскихъ тирановъ, этихъ творцовъ интригъ, дипломатіи, и усиливались подражать имъ. Въ Италіи „честью“ (onore) считалось искусство ловко, безъ зазрѣнія совѣсти, облапошить ближняго. Фердинандъ хвастался своимъ умѣньемъ надувать союзниковъ, а Генрихъ VII молча соперничалъ съ нимъ въ этомъ. Людовикъ XI былъ великъ не только въ лютости, но и въ коварствѣ. Сами холодные венеціанцы завидовали виртуозности, съ которой онъ игралъ жизнью сотенъ тысячъ бургундцевъ, швейцарцевъ и лотарингцевъ. Желая заманить одного графа, бѣжавшаго въ Бургундію, онъ написалъ ему: „у меня столько трудныхъ дѣлъ, что мнѣ нужна такая голова, какъ ваша“, а окружающимъ пояснилъ: „я, вѣдь, требую только его головы, а тѣло можетъ оставаться тамъ, гдѣ теперь“. Его другъ, Коминъ, воздвигъ памятникъ новорожденной дипломатіи. Съ наслажденіемъ художника слѣдилъ онъ за тѣмъ, „какъ всѣ эти интриги ведутся разомъ, въ одно время“. По его мнѣнію, „нѣтъ государя, который имѣлъ бы меньше недостатковъ, чѣмъ Людовикъ XI“. Презирая „дураковъ и простофиль“, не постигаю-

щихъ кривыхъ путей политики, онъ признается, что писалъ для королей и высокихъ особъ. Эти правила нашли законченное выраженіе у созрѣвавшаго тогда Макіавеля. Такъ было наверху; а внизу коварство достигло законченнаго образца въ видѣ нищенства и бродяжничества, которое обыкновенно сливалось съ мошенничествомъ и даже разбойничествомъ. Это явленіе, поддерживаемое нищетой массъ, было распространено тогда повсюду, не исключая самыхъ цивилизованныхъ странъ. Подконецъ оно представляло выработанный строй — родъ орде-

Нищенки и бродяги. 15-го в. [1]).

новъ, съ откровенными названіями, со строгими правилами и сильными вождями. Особенно славилась организація подонковъ общества во Франціи, гдѣ жилъ Великій Сезръ (Цезарь) или царь плутовъ. Тамъ самымъ могучимъ ихъ братствомъ считалось Арго̀, именемъ котораго и теперь называютъ тарабарское воровское нарѣчіе.

Чувственность также принимала смягченный видъ полюбовнаго разврата и облекалась въ изящныя формы тамъ, гдѣ вліяло новое просвѣщеніе. Гуманисты потворствовали ей, вводя цинизмъ античнаго міра, не исключая его противоестествен-

---

[1]) Это — члены артелей или сообществъ, которыя назывались Сироты, Паршивые, Мозолистые; а въ экипажѣ—семья Великаго Сезра. Рисунокъ вытканъ на реймскомъ коврѣ 15-го в.

ностей: такіе люди, какъ Макіавель, описывали ее весело, а Боккачіо прославилъ ее въ своемъ „Декамеронѣ". „Наслажденіе" Валлы—искусный протестъ противъ аскетизма въ пользу эпикурейства. Именно Италія, Францiя и Бургундія славились утонченнымъ развратомъ, который породилъ сифилисъ, разнесенный французами изъ Неаполя и не пощадившій даже Льва X и Франциска I. Тевтонское племя, особенно нѣмцы, предавались этому пороку въ старой формѣ: къ концу періода у нихъ развелось множество публичныхъ домовъ, которые играли роль клубовъ, при недостаткѣ общественности, и доставляли крупный доходъ государямъ, отдававшимъ ихъ на откупъ (только папа самъ собиралъ съ нихъ дани). Впрочемъ тевтоны попрежнему отличались больше чревоугодіемъ и всестороннею грубостью. Германія не роняла своей славы разливаннаго моря, особенно въ „древнихъ странахъ пива" (на сѣверѣ). Но съ роднымъ пивомъ соперничало вино, которое было баснословно дешево. Одинъ помѣщикъ даромъ выкатилъ весь свой погребъ мужикамъ, надѣясь больше получить штрафами, когда они передерутся, чѣмъ сколько стоитъ вино. Ни законы, ни союзы трезвости между фюрстами не могли подорвать обычай пить до положенія ризъ „за здравіе" (Zutrinken). Князья, рыцари, владыки и монахи пріобрѣтали даже почетъ, если оказывались крупными питухами. И напрасно посылали они своихъ юныхъ „нѣмецкихъ медвѣдей" въ Италію и Парижъ: твердо храня родное пьянство, они привозили еще новые пороки. Не лучше было въ городахъ, не исключая Ганзы, которая жила прежде помонашески. Несмотря на полицейскія распоряженія противъ роскоши въ пищѣ и одеждѣ, бюргеры придирались ко всякому случаю, чтобы кутнуть наславу. Особенно гулливы были свадьбы, которыя часто состояли изъ одного многодневнаго пира, безъ церковнаго обряда. Каждый вечеръ на улицѣ шумъ, гамъ, драки; въ праздничекъ—музыканты съ дудками, свирѣлями, барабанами и флейтами, скоморохи, канатные плясуны, медвѣжатники; по кабакамъ—игра въ кости и карты.

Въ концѣ періода, наряду съ сифилисомъ, появился новый бичъ—водка, которую сначала давали только въ видѣ лекарства. Итальянскіе гуманисты съ омерзеніемъ вспоминали о своемъ пребываніи у тевтоновъ. Поджіо разсказываетъ, какъ онъ мучился у англійскихъ лордовъ за 4-часовыми обѣдами, не разъ вставая изъ-за стола, чтобы освѣжить водой свои слипающіеся отъ сна глаза. Вотъ картина Германіи, набросанная перомъ

Энея Сильвія. „Императоръ (Фридрихъ III) и герцогъ австрійскій заняты только сластолюбіемъ, животными да деньгами и лишь слегка алхиміей и астрологіей. Фюрстамъ дороже всего лошади и собаки, и они умираютъ безславно, какъ эти животныя. Встрѣтившись со мной, герцогъ баварскій спросилъ о шапкѣ-невидимкѣ. Знать занята чревоугодіемъ, поглощая массу пива съ утра до вечера: для нея погребъ и конюшня—то же, что музеи и библіотеки для итальянской аристократіи. Одинъ графъ ночью будилъ дѣтей и накачивалъ ихъ виномъ; а когда несчастныя болѣли отъ этого, онъ злился на жену и не признавалъ ихъ своими. Народъ преданъ своему желудку и прожорливъ: онъ прогуливаетъ въ праздникъ все, что̀ пріобрѣтаетъ за недѣлю. Почти каждый бюргеръ содержитъ кабакъ или публичный домъ. Придетъ ли къ нему знатный, онъ даетъ вина хозяину—и тотъ удаляется, а его домъ превращается также въ публичный домъ. Вдовы выходятъ замужъ тотчасъ послѣ траура; многія отравляютъ своихъ мужей. День и ночь на улицахъ цѣлыя битвы: мастеровые дерутся со студентами, бюргеры съ мастеровыми, рабочіе другъ съ другомъ. Убійства на каждомъ шагу". Лѣтъ 50 спустя, въ концѣ періода, поэтъ ПіяII писалъ о южной Германіи: „Здѣсь жить—значитъ бражничать. Варварство умовъ невѣроятное: друзья наукъ весьма рѣдки, друзей благовоспитанности совсѣмъ нѣтъ; а гуманизма неспособны и понимать. Музы не живутъ у этихъ варваровъ. Всѣ нѣмцы—вонючіе, и меня тошнитъ, когда заслышу имя Германіи". Представитель благовоспитанности по сю сторону Альпъ, Эразмъ, говоритъ: „въ Италіи даже стѣны ученѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ у насъ люди".

Въ Германіи почти всѣ гуманисты считали розгу первымъ педагогомъ. Господствовалъ истинный ея культъ, въ видѣ маевки или „розочнаго шествія" (Ruthen-Zug, Virgatum-Gehen): окруженные учителями и всѣмъ городомъ, мальчики шли въ лѣсъ нарѣзать себѣ розогъ и, въ майскихъ вѣнкахъ, совершали пляску вокругъ нихъ, а учителя и родители угощали ихъ. Вечеромъ дѣти возвращались, нагруженныя своей добычей, съ пѣснями въ честь педагога березовой рощи. Понятно, что̀ вырабатывалось въ такой школѣ. Вотъ, въ концѣ періода, возвращается домой маркграфъ бранденбургскій изъ долгой поѣздки и такъ привѣтствуетъ, съ дороги, жену: „какъ только, съ Божьей помощью, пріѣду благополучно, задамъ вамъ перцу: выдеру тебя, маленькаго Альберта и дѣвицъ". Вотъ сту-

денты, которые дѣлились тогда уже не на націи, а на бурсы или коллегіи—родъ монастырскаго общежитія съ профессорами. „Буршъ“ (бурсакъ)– ходячая лѣнь, кутня, распутство и драка до убійствъ. Это—бичъ новичковъ, семьи профессора и бюргеровъ. „Студентами“ назывались еще большіе болваны, ходившіе по Германіи искать школу, въ сопровожденіи маленькихъ „школьниковъ“, которыхъ они заставляли розгами и кулаками воровать и просить милостыню, распѣвая псалмы. Паденіе нравовъ проникало и въ села, особенно путемъ наемничества. Къ концу періода даже швейцарцы стали внушать презрѣніе къ себѣ. Почти все ихъ юношество уходило отъ родныхъ полей и коровъ въ привольную жизнь паемника, а приносимая добыча растлѣвала оставшихся дома. Иноземное, особенно французское золото портило даже земскія сходки—и всѣ законы и голоса патріотовъ противъ ухода молодежи, противъ роскоши и бражничанья пропадали даромъ. Сверхъ того, разгоралась кровавая борьба „земель“ съ городами, особенно съ Берномъ, который захватывалъ власть надъ всѣмъ союзомъ.

О всеобщемъ растлѣніи свидѣтельствуютъ также тѣ взрывы негодованія, которые иногда доводили до другой крайности - до аскетизма. Они замѣтны у рабочаго, сектанта и реформатора; ими переполнена народная сатира; ими озарены лучшіе умы, желавшіе отмѣны средневѣковщины. Въ „Плясках Смерти“ нищіе и рабочіе не нарадуются работѣ скелета среди богачей, въ разгаръ ихъ наслажденій: это—тотъ самый народъ, который совершалъ пляски св. Вита и создалъ неукротимыхъ хлыстовъ, кидавшихся въ море и огонъ, когда власти преслѣдовали ихъ. Эти мимолетныя и грубыя проявленія покаянія не могли поправить дѣла: сама невѣжественная, страстная хлыстовщина становилась притономъ разврата и воровства. Но зато появились болѣе возвышенные пророки и пророчицы нравственности. Послѣдователи великихъ учителей—лолларды, чешскіе братья, нидерландскіе Общинники доходили до аскетизма, осуждали всякое жизненное веселье. Высшимъ проявленіемъ нравственной силы, впадавшей въ противоположную крайность, былъ Савонарола, огненныя назиданія котораго, вызванныя развратомъ при Лоренцѣ Медичи, гремѣли въ самой образованной странѣ и въ самомъ концѣ періода (§ 12[illegible]).

Фанатикъ суровой морали не замѣчалъ, что тогда же свѣтлыя черты улучшенія нравовъ пробивались наружу, и особенно на его родинѣ. Даже въ Швеціи исчезало первобытное варварство—

ордаліи, судебный поединокъ, кровомщеніе, многоженство, обычай покупать невѣсту и выкидывать дѣвочекъ. Вездѣ исчезало личное рабство. Даже въ Германіи человѣчнѣе относились къ евреямъ, благодаря такимъ гуманистамъ, какъ Рейхлинъ. Между тѣмъ какъ у первыхъ двухъ чиновъ каждый день былъ торжествомъ порока, третій чинъ кутилъ только по праздникамъ. Въ городахъ кипѣла работа, заводились школы, типографіи и хроники. Возникали невинныя развлеченія—праздники стрѣлковъ, маевки, катанье па саняхъ и т. под. Тутъ начиналось и сліяніе сословій: Максиміліанъ I не брезгалъ водить хороводы съ мѣщанками. Еще серьезнѣе были горожане въ Англіи, гдѣ не исчезали суровыя преданія лоллардства. Франція, подъ вліяніемъ итальянскихъ войнъ, уже выдвигалась, какъ страна благовоспитанности: итальянцы выдѣляли французовъ изъ „варваровъ", какъ нѣчто родное, облагороженное. Во Франціи сложилась уже и хореграфія или „танцовальное письмо". Но родиной элеганціи (вѣжливости, житейскаго изящества), новыхъ формъ цивилизаціи, была Италія, благодаря ея гуманизму: здѣсь даже ужинъ въ убогой мастерской ремесленника украшался жасминами и напоминалъ пиръ Платона. Къ концу періода эти античнo-романскія формы охватили ея жизнь до мелочей. Освобожденная лич-

Танцы 15-го и 16 в. [1]).

[1]) Хореграфія или хореографія (изображеніе танцевъ условными знаками), извѣстная уже древнимъ, впервые появилась, въ видѣ учебника, въ 1588 г., въ книгѣ оффиціала въ Лангрѣ, Арбо (перестановка буквъ фамиліи Tabourot): Orchésographie. Но Арбо пользовался подобнымъ же сочиненіемъ 14-го в., которое хранится въ Брюсселѣ. Наша гравюра взята изъ Арбо. На ней изображенъ живой національный танецъ римскаго происхожденія. Въ самомъ Римѣ онъ назывался saltarello (въ припрыжку), въ остальной Италіи — romanesca или gagliarda (удалая). Теперь въ хореграфическомъ искусствѣ извѣстно только „pas de gaillarde".

ность стала заниматься собой, иногда до чудачества. Каждый старался принарядиться и обратить на себя вниманіе: что ни франтъ, то была своя мода. Особенно изощрялись франтихи, не исключая крестьянокъ. Подражая древнимъ матронамъ, онѣ двинули туалетное искусство, особенно куафюру: носили шиньоны, красили волосы, стараясь превратиться въ блондинокъ; у нихъ былъ цѣлый арсеналъ пластырей, румянъ, искусственныхъ зубовъ и даже вѣкъ. Парфюмерія стала такою необходимостью, что въ процессіяхъ помадилиословъ и прыскали ихъ духами. Обучались опрятности и манерамъ: явился даже учебникъ „галантерейности“ (Il Galateo), на которомъ воспитывались „дилеттанты“ или „любители“, т.-е. свѣтскіе люди. Чувство чести, доходившее порой до щепетильности, возвышало итальянца надъ мелочностью точно такъ же, какъ признательность лучшимъ людямъ и талантамъ за ихъ заслуги передъ обществомъ.

Весь внѣшній бытъ въ Италіи сталъ чище, изящнѣе и удобнѣе, чѣмъ за Альпами. Тосканскій языкъ облагораживалъ и будничную жизнь, не допуская грязныхъ выраженій, осмѣивая даже грубоватые провинціализмы. На немъ развилась конверсація, — нѣсколько легкомысленная, но изящная и непринужденная болтовня въ гостиныхъ, которая устраняла брань, сальности и попойки — это единственное гостепріимство на сѣверѣ. Вечеромъ—легкій ужинъ съ веселою повѣстью и стихами, которые могли слушать дѣвицы. Ѣли и пили мало: угощеніе, помимо бесѣды, состояло въ музыкѣ; мужчины любили еще играть въ кости и карты, взятыя у арабовъ и усовершенствованныя во Франціи для развлеченія Карла VI. Между тѣмъ какъ за Альпами господствовали такія грубыя тѣлесныя упражненія, какъ драка да охота, въ Италіи развились танцы, гимнастика, фехтованье, верховая ѣзда. Домашняя жизнь уже покоилась не на одномъ насиліи, какъ видно изъ Домостроевъ: переставали бить дѣтей, особенно съ 7-лѣтняго возраста. Общественныя развлеченія отличались изяществомъ, остроуміемъ и непритворнымъ весельемъ, благодаря широкимъ улицамъ, мостовымъ, обилію художниковъ и гуманистовъ, а также полному сліянію сословій: здѣсь не было, какъ за Альпами, отдѣльныхъ монастырскихъ, дворянскихъ, мѣщанскихъ празднествъ. Здѣсь изъ церковныхъ процессій вытекъ маскарадъ (trionfo) съ художественными группами и масками-личностями. Мистеріи отличались безподобными декораціями, машинами и фейерверками, а также тонкимъ комизмомъ, между тѣмъ какъ на сѣверѣ актеры только бранились да дрались. Онѣ по-

родили здѣсь, кромѣ драмы и комедіи, художественную пантомиму, съ пѣніемъ и балетомъ, которую ставили иногда такіе геніи, какъ Ліонардо да Винчи. Подконецъ всюду лучшіе люди и литература стремились поучать, проповѣдовать, исправлять нравы; они превозносили Генриха VII (§ 122) за то, что онъ не казнилъ заговорщиковъ. И чувство отвращенія къ пороку ярко выражалось въ огненномъ краснорѣчіи Савонаролы

Карты Карла VI. 1392 г. Въ Парижѣ [1]).

да въ подписи Микель-Анджела на статуѣ гробницы Медичеевъ: „Сладко спать; сладко быть мраморомъ, пока не исчезнутъ нищета и позоръ. Не буди жъ меня, умоляю: говори тише“.

---

[1]) У насъ изображены дама червей и король пикъ. Первая называлась Прекрасною Еленой; но одѣта она французскою королевой: она въ богатомъ, шитомъ золотомъ придворномъ платьѣ съ горностаевымъ оплечьемъ, въ капорѣ, съ лиліей въ рукахъ. Другія дамы назывались: Minerva, Rachel и Argina (Regina).—Король пикъ, названный Царемъ Давидомъ, также одѣтъ французскимъ королемъ: онъ въ коронѣ, со скипетромъ въ лиліяхъ и со звѣздой. Остальные короли были: Карлъ Великій, Цезарь и Александръ Македонскій.

Подготовлялось и улучшеніе участи женщины, но медленно. Сначала она больше всѣхъ страдала отъ права сильнаго, при всеобщей жестокости и чувственности: даже въ Италіи держали беззащитныхъ дѣвицъ взаперти. Женщину рѣдко учили чему-нибудь, кромѣ Часослова да вышиванья. Обыкновенно ее выдавали замужъ почти ребенкомъ изъ-за родительскихъ выгодъ: мать Генриха VII Тюдора родила его на 14-мъ г. Людовикъ XI говорилъ объ Аннѣ Божё: „это — единственная менѣе глупая женщина; умныхъ не бываетъ". Даже Жерсонъ выражался про мистику, что она доступна „даже невѣждамъ и женщинамъ". И женщина сама опускалась нравственно: наверху общества она только и знала, что читать Roman de la Rose; конецъ періода омраченъ сатанинской личностью Лукреціи Борджіи. Но во Франціи уже при Филиппѣ IV подымались голоса среди ученыхъ, какъ противъ безбрачія клира, такъ и за образованіе женщинъ. Въ Англіи съ 14-го в. появляются женскіе автографы. Нидерландскіе Общинники давали дѣвочкамъ одинаковое образованіе съ мальчиками; а Витторино да Фельтре по принципу вводилъ совмѣстное обученіе обоихъ половъ. Вообще гуманизмъ поставилъ женщину наравнѣ съ мужчиной: Агриппа, въ своемъ „Благородствѣ и превосходствѣ женскаго пола" ставитъ ее даже выше, какъ „царицу міра", какъ „послѣднее и лучшее созданіе Творца", и возмущается тѣмъ, что ей возбраняется быть писателемъ, адвокатомъ, правителемъ. Боккачіо написалъ „Знаменитыхъ женщинъ"—біографіи 104 недюжинныхъ женщинъ, больше изъ древности. Дамы уже давали тонъ въ гостиныхъ, какъ царицы элеганціи и конверсаціи. И явились благородные плоды женской культуры. Новелла д'Андреа (14 в.) читала блестящія лекціи въ Болоньѣ, привлекая до 10.000 студентовъ: красавица, она читала за занавѣсомъ. Мать Лоренца Медичи увлекалась Платономъ и сама писала стихи. Дочь итальянскаго астролога, украшавшая парижскій дворъ при Карлѣ V, Христина пизанская, сначала богачка, потомъ нищая вдова съ 3 дѣтьми, рѣшилась, первая, жить своимъ талантомъ: отецъ обучилъ ее, считая женщинъ „не хуже мужчинъ для ученья". Она писала обо всемъ, живо, тепло, правдиво, доказывала права женщинъ, составила первую автобіографію, переводила классиковъ; ея послѣднимъ созданіемъ были стихи въ честь Жанны д'Аркъ. Христина прославилась, какъ публицистка, какъ классикъ (даже грецистка) и какъ историкъ посерьезнѣе Фруассара; высоко-нравственная сама, она старалась

оградить женщинъ отъ такого недостойнаго чтенія, какъ Roman de la Rose. Многія монахини были гуманистками и собирали памятники народной старины. Сестры нѣмецкаго гуманиста, Пиркгеймера, знали по-гречески и переписывались съ Эразмомъ, Цельтесомъ и Дюреромъ. Маргарита ван-Эйкъ соперничала съ своими братьями въ живописи. Неизгладимое впечатлѣніе произвели на міръ, въ пользу достоинства женщины, такія патріотки и правительницы, какъ Жанна д'Аркъ, Анна Божё и Изабелла, такія пророчицы нравственнаго обновленія, какъ свв. Бригита и Екатерина.

§ 144. **Просвѣщеніе. Книгопечатаніе.** — Если свѣтскій реализмъ такъ явственно проникалъ подконецъ всюду, не исключая и нравовъ, то главною причиной тому было развитіе образованности, въ духѣ классицизма. Тогда средства просвѣщенія размножались быстрѣе прежняго (§ 94). Италія подавала примѣръ меценатства. Тираны, эти безродные похитители власти, давали мѣсто аристократіи таланта и знанія, которая восхваляла ихъ и заставляла народъ забывать объ утратѣ свободы. Такъ же поступали папы, эти случайные гости на престолѣ св. Петра, окруженные соперниками. А если какой-нибудь Микель-Анджело напоминалъ о смерти падающему папству задумчивостью своихъ Сивиллъ и печалью или негодованіемъ своихъ Пророковъ, то Юлій II не понималъ этихъ намековъ. Гуманизмъ расширялъ умственный кругозоръ и разжигалъ жажду знанія, въ отпоръ невѣжеству церкви. Открытія способствовали просвѣщенію уже тѣмъ, что сбивали спесь у схоластиковъ: буквоѣдство падало передъ знакомствомъ съ живыми фактами, такъ какъ простой матросъ зналъ о далекихъ мірахъ больше, чѣмъ Аристотель и Птоломей. Немудрено, что возникало много новыхъ университетовъ, особенно въ 14 в. Въ Италіи ихъ было 15, хотя нѣкоторые вскорѣ закрылись. Въ Германіи, гдѣ мелкодержавіе, вредное въ политикѣ, помогало культурѣ, возникло 16 университетовъ, послѣ пражскаго; и у нея явились свои Аѳины — Кёльнъ, гдѣ процвѣталъ классицизмъ. Хименесъ устроилъ университетъ въ Алкалѣ, куда выписывалъ лучшихъ профессоровъ отовсюду и гдѣ число студентовъ вскорѣ дошло до 7.000; подконецъ въ Испаніи было 4 университета, въ Португаліи — 2. Старыя свѣтила въ Парижѣ и Оксфордѣ привлекали массу слушателей. Если они были притонами схоластики, зато здѣсь же выступали ея первые враги: оксфордскій университетъ попрежнему отличался смѣлостью мысли; онъ далъ Виклифа и Оккама. Только жестокая

реакція, вызванная лоллардствомъ, остановила его успѣхи на цѣлое столѣтіе; а затѣмъ война Розъ вообще затормозила умственное развитіе Англіи, наравнѣ съ матеріальнымъ: тамъ совсѣмъ прекратилась богатая латинская письменность, а смѣнившая ее англійская литература пріостановилась послѣ Чосера (§ 107). Другая война, Столѣтняя, также задерживала культурные успѣхи Англіи и Франціи.

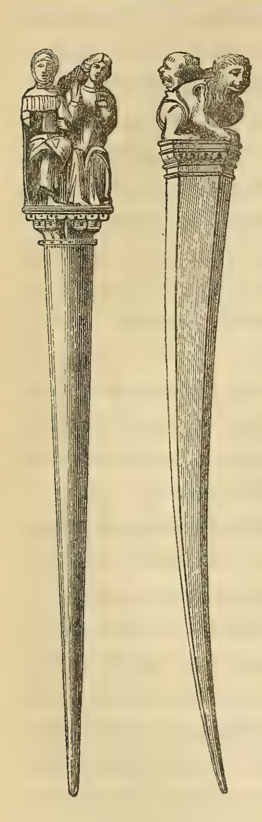
Во Франціи пріостановилось замѣчательное просвѣтительное движеніе 14-го в., которое проявлялось, при меценатствѣ Валуа, преимущественно въ переводахъ классиковъ и Библіи. Столѣтняя война особенно подорвала вліяніе парижскаго университета, который, въ началѣ 15-го в., игралъ даже міровую роль, пытаясь реформировать церковь и государство, а послѣ такихъ подвиговъ, какъ предательство относительно Жанны (§ 109), сталъ лишь притономъ жалкой схоластики и холопомъ короны. Но и тутъ подконецъ повѣяло новымъ духомъ, также какъ въ Оксфордѣ, благодаря Возрожденію, которому покровительствовалъ даже Людовикъ XI, чувствуя, что схоластика — опора феодализма: при немъ медицина заняла въ Парижѣ должное мѣсто наряду съ богословіемъ. Къ тремъ „наукамъ" или „факультетамъ" (богословіе, юриспруденція, медицина) присоединились „свободныя искусства", подъ именемъ „философскаго" или „артистическаго" факультета, въ который вошли классики, поэзія, математика. И подконецъ во Франціи было уже 7 университетовъ, помимо парижскаго. Нидерланды, гдѣ, какъ и въ Ломбардіи, не было національной исключительности, продолжали роль посредника просвѣщенія между романцами и германцами. И если въ 11-мъ в. тамъ преобладало нѣмецкое вліяніе (Льежъ, эти „Аѳины сѣвера", былъ школой германскаго духовенства), а съ 12-го, съ паденіемъ Нѣмецкой имперіи, французская культура, то теперь, съ появленіемъ лувенскаго университета (1432), страна сбросила съ себя чуждыя вліянія и сама стала воздѣйствовать, какъ педагогъ, далеко — до Англіи, Италіи, Польши и Богеміи. А въ этой послѣдней странѣ, на рубежѣ славянскаго и мадьярскаго міровъ, утвердилась крупная просвѣтительная сила — пражскій университетъ (§ 117), устроенный по образцу парижскаго. Не прошло и полстолѣтія, какъ въ немъ было уже до 10.000 студентовъ, и почти со всѣхъ странъ Европы; и его вліяніе отразилось на старыхъ университетахъ Кракова, Вѣны, Эрфурта, Кёльна и Гейдельберга, не говоря уже про его міро-

вую роль въ дѣлѣ великаго раскола и гуситства. Въ Венгрію просвѣщеніе шло болѣе изъ Германіи: Корвинъ (§ 133) призывалъ оттуда профессоровъ въ основанный имъ университетъ въ Пресбургѣ. Его дворъ былъ также сходбищемъ итальянскихъ классиковъ и художниковъ. Подконецъ просвѣщеніе зарождалось даже въ Скандинавіи, гдѣ передъ тѣмъ скальды замерли, а письменность ограничивалась жалкими лѣтописями да переводами св. Писанія: въ Копенгагенѣ появился университетъ, хотя и съ нѣмецкими профессорами; шведы, которые учились прежде въ Парижѣ и Прагѣ, также завели собственный университетъ (§ 134). На далекой окраинѣ Европы, въ Ирландіи, до конца поддерживалась старая страсть къ просвѣщенію у родоначальниковъ: они дорожили рукописями, ублажали поэтовъ, лѣтописцевъ, музыкантовъ, брегоновъ (юристовъ). Въ Шотландіи Яковы I—V сами были поэтами, учеными, меценатами и старались ввести всеобщее обученіе. Но имъ мѣшало духовенство, невѣжественное и погрязавшее въ политическихъ козняхъ.

Менѣе успѣховъ сдѣлало обученіе дѣтей: по большой части, особенно въ Германіи, все еще господствовали латинскія школы духовенства, гдѣ „ферула“ (розга) была главнымъ педагогомъ, а ученіе, помимо св. Писанія, сводилось къ формализму или къ гимнастикѣ ума, т.-е. къ долбленію грамматики, которая основывалась притомъ на кухонной латыни. Но въ Италіи, Франціи и Англіи школы уже превращались въ свѣтскія, по составу учителей и учениковъ. Здѣсь вводились понемногу риторика и философія, дававшія матеріалъ для мысли, а также учреждались заведенія для новыхъ наукъ. Карлъ V Мудрый, который заказывалъ переводы классиковъ и основалъ публчную библіотеку почти изъ тысячи томовъ, устроилъ коллегіи медицины и астрономіи. Въ Англіи славились живущія и теперь итонская школа и кембриджская коллегія, созданныя Генрихомъ VI для литературнаго образованія. Особенно послужили воспитанію Нидерланды; тамъ всегда было много учебныхъ заведеній, а подконецъ прославилась педагогія мистиковъ города Девентера, учениковъ Грота. Братья-Общинники, у которыхъ было до 200 начальныхъ и высшихъ школъ въ Нидерландахъ и Германіи, представили первый примѣръ дарового свѣтскаго обученія съ равенствомъ половъ. У нихъ преподавались языки латинскій, греческій и даже еврейскій, а лучшихъ воспитанниковъ они посылали доучиваться въ Италію. Отсюда вышли отцы нѣмецкаго Возрожденія; въ 16-мъ в. въ Нидерландахъ рѣдкій масте-

ровой и горничная не знали по-латыни, а купецъ—еще и по-гречески.

Въ первой половинѣ 15-го в. итальянское Возрожденіе выставило высокій идеалъ воспитанія, въ лицѣ Витторина да Фельтре. Извѣстный латинистъ и математикъ, Витторино первый устроилъ среднее между латинскою школой и университетомъ заведеніе для дѣтей обоего пола, которое назвали гимназіей, такъ какъ въ немъ была введена гимнастика. Онъ вполнѣ осуществилъ свой идеалъ, благодаря средствамъ мантуанскаго герцога, Гонзаги, который поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Витторино выдвинулъ содержаніе или матеріальное начало насчетъ формальнаго; а матеріаломъ мысли служила тогда „риторика“ или словесность (чтеніе классиковъ), къ которой Витторино прибавилъ математику; грамматика оставалась, какъ средство для усвоенія хорошей латыни. Подлѣ этой основы группировались логика, метафизика, музыка, пѣніе, живопись, верховая ѣзда. Такъ, вмѣсто схоластическаго „многаго въ немногомъ“ (non multa, sed multum), выступилъ пытливый, жадный къ знанію духъ древности, которому „ничто человѣческое не было чуждо“ (nil humani a me alienum esse puto). Педагогія Витторино построена на уваженіи къ человѣческому достоинству. Онъ часто повторялъ слова Платона: „нужно воспитывать безъ принужденія; должно возбуждать, а не подавлять духъ“. Изъ его гимназіи доносились звуки здоровой дѣтской жизни вмѣсто дѣтскихъ стоновъ; народъ называлъ ее „Веселымъ Домомъ“, а также „святилищемъ добрыхъ дѣлъ и словъ, хорошихъ манеръ“. Скромный, ласковый труженикъ, Витторино все отдавалъ бѣднымъ, лѣто и зиму ходилъ въ одномъ платьѣ. Когда его убѣждали жениться, онъ говорилъ, указывая на школу: „у меня и безъ того много дѣтей“. Его похоронили на общественный счетъ; на медали въ честь его начертали — Отецъ Гуманности. Благодаря его гимназіи, Мантуя ста-

Золотые грифели 14-го в.

ла извѣстнымъ и за Альпами разсадникомъ новаго просвѣщенія.

Это просвѣщеніе быстро двинулось впередъ къ концу періода. Первобытные грифели [1]), которыми еще писали въ началѣ періода, замѣнились перомъ, благодаря распространенію бумаги. А это вело къ дешевизнѣ, легкости и быстротѣ письма. Въ Италіи, Франціи и Англіи усиливалась частная переписка, даже между женщинами. Свѣтскіе люди составляли библіотеки. Страсть къ чтенію росла такъ быстро, что переписчики, уже составлявшіе большія свѣтскія гильдіи, не успѣвали удовлетворять ей. Она вызвала главное и неистребимое орудіе просвѣщенія, книгопечатаніе—великое изобрѣтеніе, о которомъ спорятъ 20 городовъ и много именъ, и которое тогда же было названо „божественнымъ, святымъ, утонченнѣйшимъ искусствомъ“. Его подготовила гравировка, которая употреблялась для молитвенниковъ, календарей, учебниковъ, игральныхъ картъ, особенно въ Нидерландахъ, гдѣ мѣщанинъ Костеръ даже напечаталъ первую книгу. Но настоящее книгопечатаніе—вырѣзанныя на металлическихъ палочкахъ подвижныя буквы—изобрѣтено въ Майнцѣ бѣднымъ бюргеромъ, Гутенбергомъ (1436), который издалъ, въ 1450-хъ гг., латинскую Библію и другія церковныя книги. Самъ Гутенбергъ умеръ въ нищетѣ: его изобрѣтеніе захватилъ товарищъ, получившій хорошій барышъ. Искусный переписчикъ, Шёфферъ, началъ лить металлическія буквы и изобрѣлъ типографскія чернила, что̀ удешевило книги, особенно когда бумага совсѣмъ вытѣснила пергаментъ (§ 94). Совпавшее съ появленіемъ почтъ книгопечатаніе быстро распространилось всюду. Нѣмецкіе мастера заводили его въ другихъ странахъ и городахъ—до Франціи, Италіи и Испаніи, до Офена, Кракова, Стокгольма и о. св. Өомы. Къ 1500 г. было до тысячи нѣмецкихъ типографій, гдѣ уже печатались ландкарты, ноты, политипажи. Развилась и книжная торговля, особенно по ярмаркамъ: нѣмецкіе офени ходили до Парижа, Оксфорда, Кракова и Рима, а въ Германіи книжныя лавки были даже въ мѣстечкахъ. Появились книжные каталоги. Но

---

[1]) Грифели („стили“ древнихъ, Д. И. § 129)—палочки, которыми царапали на деревянной или костяной дощечкѣ, покрытой воскомъ. Такъ писали всѣ сначала, а потомъ—учились дѣти: пергаментъ былъ очень дорогъ. Съ 14-го в. начинаютъ писать перомъ на бумагѣ, которая появилась, въ Германіи, уже около 1200 г., но только тогда стала распространяться всюду.

вскорѣ нѣмцы и здѣсь должны были уступить мѣсто итальянцамъ и французамъ. Въ Италіи дѣло начали ученики Гутенберга, издавшіе нѣсколько классиковъ. А къ 1500 г. здѣсь уже появилось до 5.000 изданій или до 5 милл. книгъ (выпускалось обыкновенно по 1.000 экземпляровъ), больше все фоліантовъ (въ листъ): это—половина всего числа напечатанныхъ тогда книгъ. Типографіи процвѣтали въ 50 городахъ и мѣстечкахъ; были даже перехожіе печатники, которые изготовляли по деревнямъ, что̀ нужно было простому люду. Явились и первыя греческія, даже еврейскія, книги. Быстрые успѣхи дѣла вызвали вражду, особенно со стороны переписчиковъ (copisti, scrittori), терявшихъ заработокъ. Знать „стыдилась“ брать въ руки книгу, непоходившую на ихъ изящныя, дорогія рукописи, утратившія смыслъ и цѣну. Церковь, сначала видѣвшая въ печати свое новое орудіе, даже отпускала грѣхи за распространеніе книгъ, но вскорѣ ужаснулась наплыву свѣтскихъ произведеній: ревнивица, скрывавшая отъ народа даже Библію, она испугалась разоблаченій ея лжи—и Александръ VI завелъ цензуру.

Но масса стала за демократическое изобрѣтеніе. Возникли новыя отрасли промышленности: стали очень выгодны бумажные заводы; образовался классъ наборщиковъ и другихъ мастеровъ печатнаго дѣла. А главное—поддержала интеллигенція: съ одной стороны, явился сильный спросъ на книги, подъ вліяніемъ Возрожденія, съ другой — радость писателей, которые восклицали: „теперь отдохнутъ суставы на нашихъ рукахъ!“ Если еще мало печаталось новыхъ сочиненій, зато изданіе классиковъ не могло обходиться безъ ученыхъ, которые оцѣнивали вновь находимыя рукописи, исправляли ихъ, даже устанавливали правописаніе. Тогда типографщикъ былъ и издателемъ, и ученымъ, или окружалъ себя учеными, которые жили въ типографіи, работая порой и какъ критики, и какъ наборщики. Оттого въ исторіи просвѣщенія велико значеніе такихъ ученыхъ печатниковъ, какъ базельскій Фробенъ, въ особенности же Альды и Этьены. Альдъ Старый жилъ въ Венеціи, гдѣ явилась тогда $1/4$ всего напечатаннаго. Это былъ отличный классикъ и неутомимый труженикъ высокой нравственности. Его домъ и рѣдкая библіотека были открыты для заѣзжихъ ученыхъ, а кошелекъ—для рабочихъ и сотрудниковъ; его предисловія къ изданіямъ были горячимъ протестомъ противъ пороковъ времени. Устроивъ типографію на средства своихъ знатныхъ учениковъ, Альдъ посвятилъ себя эллинизму: онъ называлъ себя филеллиномъ и за-

велъ „новую академію“ — кружокъ эллинистовъ, гдѣ говорили погречески и носили древнія имена; у него писались по-гречески не только предисловія, но и всѣ приказанія по типографіи, гдѣ было много рабочихъ изъ грековъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я возложилъ на себя долгъ печатать исправленныхъ классиковъ, клянусь, у меня не было часу покоя“, говоритъ Альдъ. Ему приходилось самому отыскивать и исправлять рукописи, даже отчасти изобрѣтать буквы и въ то же время бороться съ

Кабинетъ ученаго 15-го в. [1]).

нуждой. А кругомъ лѣзли любопытные, не взирая на просьбу на дверяхъ—не мѣшать, да кипѣла зависть, которая доводила рабочихъ до стачекъ, а хозяина до сознанія, что „міръ всегда былъ неблагодаренъ къ своимъ благодѣтелямъ“. Войны не разъ останавливали типографію. При всемъ томъ, Альдъ въ 20 л. (съ 1494) далъ 33 драгоцѣнныхъ „первыхъ изданія“ (editio princeps)

¹) Нашъ рисунокъ взятъ изъ очень важной, для культуры средины 15-го в., рукописи съ миніатюрами Жана Mielot, секретаря Филиппа Добраго бургундскаго. На немъ изображенъ самъ Mielot, за работой, съ перомъ въ одной рукѣ и скоблильнымъ ножичкомъ—въ другой. Рукопись, носящая названіе „Miracles de Nostre Dame“, хранится въ парижской Національной Библіотекѣ.

главныхъ греческихъ классиковъ, не считая многихъ латинскихъ и итальянскихъ авторовъ и собственныхъ хорошихъ грамматикъ древнихъ языковъ. Онъ же изобрѣлъ „курсивъ"— красивый убористый шрифтъ, заимствованный изъ почерка Петрарки (итал. aldino, француз. italique). Еще важнѣе замѣна грузныхъ фоліантовъ изящнымъ и дешевымъ in—8⁰: томикъ цѣлаго автора продавался за полтинникъ

Послѣ Альда Стараго книгопечатаніе ослабѣло въ Италіи; но оно выдвинулось во Франціи съ 1470-хъ гг., когда парижскій университетъ призвалъ учениковъ Гутенберга. Пользуясь помощью Людовика XI, французы вскорѣ стали снабжать даже Италію лучшими изданіями классиковъ и первые, по сю сторону Альпъ, завели греческій и еврейскій шрифты. Въ началѣ 16-го в. Парижъ уже былъ первымъ, послѣ Венеціи и Рима, городомъ по числу изданій и выставилъ фамилію Этьеновъ, которая цѣлое столѣтіе снабжала міръ самыми изящными и исправными изданіями классиковъ: у Этьеновъ всѣ, даже дѣвочки, говорили по-латыни, а корректорами были свои и заѣзжія свѣтила филологіи. Въ Англіи книгопечатаніе явилось изъ Нидерландовъ, отъ Братьевъ-Общинниковъ. Англійскій купецъ во Фландріи и переписчикъ герцогини бургундской, Кекстонъ, издалъ, въ 1470-хъ гг., „Троянскія Повѣсти" съ объясненіемъ, что, измученный перепиской, онъ сразу предлагаетъ многимъ своимъ заказчикамъ книгу, которая „не писана перомъ и чернилами и въ одинъ и тотъ же день изготовлена для всѣхъ". Затѣмъ онъ устроилъ типографію въ Лондонѣ, которою и кормился, энергически издавая, на старости, всякія книги. Знать и короли осаждали Кекстона совѣтами и вопросами насчетъ новыхъ изданій. Ричардъ III приказалъ „не препятствовать иностранцамъ привозить книги и рукописи и продавать ихъ оптомъ и въ розницу".

§ 145. **Схоластика.** — При такихъ могучихъ средствахъ просвѣщенія, схоластика держалась съ трудомъ, и то лишь вначалѣ, до разцвѣта Возрожденія. Она утратила значеніе умственной гимнастики: изощренные умы уже требовали пищи. Послѣ Ѳомы Аквинскаго, она была излишня, даже какъ „служанка" богословія; а отдѣлившись отъ него въ видѣ философіи, она, подобно падающему рыцарству, стала пустою формой и окаменѣла въ мертвомъ „реализмѣ". Прежде эту форму оживляла хоть мистика (§ 96): діалектику и мистику называли „тѣломъ и душой схоластики". Теперь же, когда мистика пошла

своимъ, и противоположнымъ, путемъ, схоластика превратилась исключительно въ безсодержательную діалектику, т.-е. всю логику свели къ машинѣ силлогизма, забывая индукцію, наблюденіе, факты дѣйствительности. Чѣмъ глубже падала она, тѣмъ дѣлалась заносчивѣе и педантичнѣе. Ея доктора, не лишенные здраваго смысла въ жизни, превращались въ такое же посмѣшище, какъ ихъ мантіи и шляпы, всходя на каѳедру, гдѣ они забывали міръ за словесными турнирами и площадно поносили другъ друга. Ихъ изложеніе стало безсвязнымъ наборомъ цитатъ и безконечныхъ опроверженій по пунктамъ, а языкъ— образцомъ кухонной латыни (они говорили, напр., de verbibus) и мрака, который они считали глубокомысліемъ. Пользуясь привилегіями, какъ столпы церкви и старины, тупѣя въ сытной жизни, они трудились надъ такими вопросами: „Какъ устроенъ рай? Что дѣлаютъ ангелы съ своимъ тѣломъ, исполнивши порученіе? Сколько ихъ помѣстится на кончикѣ иголки? Почему Адамъ съѣлъ яблоко, а не грушу?“ Въ Парижѣ долго соперничали между собой „нигилисты“ и „рогодѣлы“. Первые старались залпомъ перечислить всѣ отрицанія, чтобъ получилось утвержденіе (2 отрицанія есть утвержденіе, 3—отрицаніе, 4— опять утвержденіе и т. д.). А мастера рогатыхъ силлогизмовъ потѣли надъ разрѣшеніемъ такихъ задачъ: когда свинью ведутъ на рынокъ, кто тянетъ ее—свинопасъ или веревка? и т. п. Шпренгеръ (§ 142) производилъ слово femina отъ fe (вѣра) и minus, ибо у женщины меньше вѣры, чѣмъ у мужчины.

Никому ненужная схоластика доживала свой вѣкъ уединенно въ старыхъ университетахъ, особенно въ Парижѣ, при поддержкѣ властей. Когда она явилась-было въ Италію, ее тотчасъ же заклевали классики, съ Петраркой во главѣ, который поднялъ на смѣхъ „спорщиковъ-парижанъ“. Только за Пиренеями она нашла убѣжище передъ смертью: съ начала 16-го в., когда одинъ доминиканецъ принесъ изъ Франціи творенія Ѳомы Аквинскаго, къ испанскимъ университетамъ перешла роль парижскаго. Смерть схоластики была ускорена возникавшими отовсюду врагами. Въ началѣ періода въ ней самой зародилось гибельное для нея направленіе. Борьба между доминиканцами и францисканцами (§ 95) только теперь приняла отчетливый характеръ, благодаря ученику Дунса Скота, Оккаму, который далъ новому направленію и названіе номинализма, и точное опредѣленіе: „понятія существуютъ лишь въ нашей душѣ, а не въ дѣйствительности“ (universale est tantum ens in anima et sic

non est in re). Смѣлый, глубокій умъ, непоколебимый боецъ за убѣжденія, францисканецъ Оккамъ съ честью поддерживалъ въ Оксфордѣ преданія Роджера Бекона и своего учителя и собиралъ массу слушателей въ Парижѣ: его назвали „непобѣдимымъ, единственнымъ“ (doctor invincibilis, singularis). Онъ поражалъ схоластиковъ, безпощадно доказывая, что религіозныя истины, постигаемыя только вѣрой, должны быть исключены изъ области разума. Сильный діалектикъ, онъ смущалъ богослововъ такими парадоксами: Богъ Отецъ могъ воплотиться во что угодно, могъ быть сыномъ Маріи и умереть и т. п. У него также всюду ненависть къ іерархіи. „Ни папа, ни вся церковь не могутъ сдѣлать ложь истиной и истину ложью!“ воскликнулъ онъ—и выступилъ на борьбу со стариной. Оккамъ сочинялъ Филиппу IV злобныя бумаги противъ Бонифація VIII и былъ душой движенія миноритовъ (§ 110), сказавши Лудвигу Баварцу: „защищай меня мечомъ, а я защищу тебя перомъ“. Онъ и скончался у императора (1347). Такъ, въ то время какъ умирающая схоластика возвращалась къ Шампо, Оккамъ подхватывалъ нить живой мысли у Абеляра (§ 95).

У него было много послѣдователей среди францисканцевъ, которые всегда стояли внѣ церковно-феодальнаго строя и сливались съ народными движеніями. Его борьбу съ іерархіей прямо продолжали Виклифъ съ Гусомъ, который сказалъ въ его духѣ: „еслибы папа былъ непогрѣшимъ, то явилась бы четвертая ипостась“. На Оккама ссылались реформаторы 16-го в.; ему слѣдовала соборная партія реформы. Главы этой партіи, свѣтила богословія, были номиналисты, отчасти даже классики: они выдвигали Библію, разумъ, математику и, подобно Оккаму, боролись съ пороками церкви. Ихъ общій наставникъ, д'Альи, „орелъ Франціи“ по учености, признавалъ себя ученикомъ Оккама и первый открыто напалъ на схоластику во имя „ясности, понятности ученія, какъ признака отличнаго и свѣтлаго ума“. Блестящій проповѣдникъ, популярный писатель, теплый поэтъ въ своихъ латинскихъ элегіяхъ, Жерсонъ искалъ простоты и „своеобразія“ ума (singularitas) и былъ врагомъ суевѣрій: онъ не терпѣлъ Гуса, какъ „реалиста“ въ вопросѣ о пресуществленіи. Ненавидя „тонкую паутину и тщеславную изысканность“ схоластиковъ, онъ кончилъ мистикой, доступною „даже невѣжамъ и женщинамъ“, и упростилъ ее, осуждая сумасбродства нѣмецкаго экстаза. Бѣжавши отъ герцога бургундскаго, котораго онъ порицалъ за убійство Орлеанскаго (§ 106),

Жерсонъ жилъ въ Баваріи, а умеръ въ ліонскомъ монастырѣ нищимъ и одинокимъ, какъ „потерпѣвшій крушеніе странникъ“. Ученикъ д'Альи и Жерсона, Клеманжъ уже увлекался классиками и говорилъ, намекая на богослововъ: „дѣло не въ докторской шляпѣ и магистерскомъ титулѣ; достоинство учителя доказывается его дѣятельностью“. При такихъ оккамистахъ, напрасно папы брали съ профессоровъ присягу не упоминать о номинализмѣ. Безсиленъ былъ и указъ Людовика XI въ томъ же смыслѣ: черезъ 8 л. его отмѣнили, при ликованіи большинства студентовъ и профессоровъ. А между тѣмъ, нѣкоторые номиналисты ушли изъ Парижа и распространили оккамизмъ въ Германіи и Англіи. Новые богословы (Вессель, Везель) были номиналисты. Въ то же время усилился заклятый врагъ схоластики,—новая мистика (§ 140). Но окончательно ее убилъ гуманизмъ.

§ 146. **Гуманизмъ въ Италіи. а) Открытіе классиковъ.**—Гуманизмъ—новое направленіе умовъ, въ которомъ сознательно выразился разрывъ съ средними вѣками: церковный идеализмъ, „божественное“ (divina) окончательно смѣнилось свѣтскимъ реализмомъ, „человѣческимъ“ (humaniora). А такъ какъ развитіе свѣтскости всегда было связано съ классицизмомъ, то гуманизмъ назвали еще Возрожденіемъ наукъ и искусствъ или античности (итал. rinascimento, фр. renaissance).

Возрожденіе началось въ Италіи, гдѣ издавна подготовлялся свѣтскій реализмъ или раціонализмъ, т.-е. господство разума. Отдаленныя торговыя сношенія знакомили итальянцевъ съ дѣйствительностью, и самою разнообразною, что̀ развивало наблюдательность и безцѣнный даръ сравненія, а также терпимость, человѣчность. Постоянныя усобицы и борьба съ нашествіями чужеземцевъ, а также непосредственное вліяніе арабской культуры заставляли цѣнить фактическія знанія и изощряли тонкость ума, возвышая его значеніе надъ моралью, этою основой церковнаго идеализма. Все это вело также къ развитію личности. Словомъ, въ Италіи давно зарождался тотъ новый духъ, который до нашихъ дней служитъ двигателемъ цивилизаціи. Уже арабскій бытъ палермскаго двора (§ 91) былъ первообразомъ Возрожденія: Фридрихъ II—первый образецъ тирана, а его система—начало новаго государства, основаннаго на одномъ умѣ, но доведенномъ до крайностей коварства и своекорыстія. Италія вообще никогда не была вполнѣ средневѣковою. Здѣсь слабый феодализмъ стушевывался среди демократизма республикъ;

готикъ и схоластика появились лишь въ 14-мъ в. и не имѣли успѣха; и тогда же совсѣмъ исчезли рыцари, императоры и сами папы. Папство, эта великая сила задержки развитія раціонализма повсюду за Альпами, въ самой Италіи имѣло меньше значенія, чѣмъ гдѣ-либо (§§ 94, 139). Здѣсь народъ, видѣвшій во-очію всѣ его пороки, считалъ его простымъ смертнымъ учрежденіемъ. И оно само смотрѣло сквозь пальцы на его свѣтскость: здѣсь не возжигали костровъ для ауто-да-фе, даже не преслѣдовали за богохульныя оскорбленія св. отца. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ велись схоластическіе споры объ изуродованномъ Аристотелѣ, въ Италіи, благодаря болонской школѣ юристовъ, изучали римское право, раціонализмъ котораго проникалъ во всѣ умы, во всѣ стороны жизни. Петрарка мѣтко сказалъ, похваливъ діалектику, какъ гимнастику ума: „но если слѣдуетъ проходить черезъ нее, то не должно останавливаться на ней; былъ бы глупъ тотъ путникъ, который забылъ бы цѣль своего странствія за пріятностями дороги".

Въ Италіи уже въ прошломъ періодѣ выдвигалась настоящая, классическая или цицероновская латынь (§ 94), взамѣнъ „кухонной" или „варварской"; а съ начала 14-го в. появились слѣды эллинизма. Тогда же, при неаполитанскомъ дворѣ и у ломбардской знати, вспыхнула страсть къ древности, которая вскорѣ охватила всю націю. Для итальянца Возрожденіе было не педантизмомъ антикварія. За Альпами латынь жила на народныхъ сходкахъ, въ судахъ и пѣсняхъ въ 13-мъ в., а въ деревняхъ Апуліи говорили по-гречески. Въ латинскихъ школахъ и университетахъ учили грамматикѣ, медицинѣ, праву, математикѣ по римскимъ авторамъ, хранившимся въ монастыряхъ, у знати, а иногда и у мѣщанъ. На улицахъ и дорогахъ окаменѣлые лики героевъ древности взирали на свое живое потомство изъ-за родныхъ развалинъ. Сами доминиканцы дорожили нѣмыми представителями язычества, которое таилось въ глубинѣ души каждаго итальянца: они раздѣляли вѣру мужика въ Севиллъ, Трою и добраго чародѣя, Виргилія. Итальянцы, гордо называвшіе себя latini, заслушивались Энеиды, какъ родной сказки, считали талисманами древнія статуетки, благоговѣли передъ своимъ Вѣчнымъ Городомъ: Дантъ называлъ „богохульникомъ" того, кто расхищалъ маститыя развалины. Города Италіи вели свое происхожденіе отъ Рима точно такъ же, какъ знать—отъ крупныхъ патриціевъ (Barbi—отъ Ahenobarbi, Massimi—отъ Maximi и проч.). Какъ только слабѣла рука папы или импе-

ратора, Римъ вздрагивалъ—и воскресали трибуны, Гракхи. При Оттонѣ III, Кресценцій на мгновеніе возстановилъ республику, изгнавши перваго нѣмецкаго папу; по его стопамъ пошли Арнольдъ и Ріенци. Кола (§ 112) называлъ себя tribunus, candidatus, liberator Urbis, горько оплакивалъ паденіе Рима, вызывая всеобщія рыданія,—и его фантасмагорія увлекла-было народъ, даже папство. Въ Авиньонѣ списывали его письма, какъ небесныя посланія, благословляли „новаго Брута, Ромула, Камилла, Цицерона“. Другъ Колы, который лунными ночами погружался съ нимъ въ мечты, на поросшихъ травой развалинахъ, писалъ ему: „Нѣтъ конца твоей славѣ! Новая республика, это—преобразованіе общества, заря золотого вѣка, обновленіе вселенной! Гдѣ, какъ не въ Римѣ, быть міровой имперіи? Кто можетъ оспаривать его права?“

Этотъ другъ—отецъ Возрожденія, Петрарка: съ него началось воскресеніе всего античнаго духа, та „новая жизнь“, которую предвкушалъ Дантъ (§ 98). Петрарка († 1374) ребенкомъ восторгался рѣчью Цицерона, еще не понимая ея, потомъ тайкомъ изучалъ латинскія рукописи, пока отецъ не сжегъ ихъ. Онъ посвятилъ жизнь воскрешенію классиковъ: самъ ѣздилъ за ними по Европѣ и переписывалъ ихъ, поручалъ отыскивать другимъ, не жалѣлъ средствъ на созданіе первой классической библіотеки и собранія древнихъ монетъ и медалей. Онъ мучился, что не у кого было научиться по-гречески, и писалъ другу, приславшему Гомера и Платона изъ Византіи: „я глухъ къ твоему Гомеру; но наслаждаюсь хоть его видомъ и часто обнимаю его“. Недалеко ушелъ онъ и въ латыни: она плоха въ его тяжелой Africa (поэма о пуническихъ войнахъ) и даже въ болѣе удачныхъ эклогахъ. Значеніе Петрарки—въ переходѣ отъ формальнаго къ внутреннему изученію классиковъ: онъ такъ проникъ въ ихъ духъ, что его съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ Абеляра (§ 95), называютъ человѣкомъ новаго времени и первымъ гуманистомъ. Въ немъ впервые ярко обнаружилась безпокойная личность, страдающая отъ жажды жизни, знанія и любви. Петрарка дорожилъ своей ацедіей (одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ у схоластиковъ), которая изъ монашеской ипохондріи превратилась у него въ міровую скорбь Цицерона (aegritudo animi), въ философскую болѣзнь Сенеки (Д. И. §§ 250, 271). Отсюда—античное славолюбіе, которое, признается онъ, „изсушило его, какъ зараза“, а также риторство, неискренность эгоиста. Петрарка свысока смотрѣлъ на Виргилія и

Данта, разыгрывалъ роль бѣгущаго отъ толпы жреца музъ и философа-пророка, громилъ въ стихахъ церковь и власти; а самъ мѣнялъ мѣстожительство, чтобы его искали, пожималъ руки прелатамъ и такъ льстилъ неаполитанскому королю, что добился отъ него вѣнчанія лавровымъ вѣнкомъ въ Капитоліѣ. Онъ носился съ своей дружбой къ Колѣ и идеальною любовью къ синьорѣ Лаурѣ, безвременную смерть которой ему пришлось оплакивать, чтобы только красиво воспѣвать ихъ, и тиранилъ обожавшихъ его учениковъ, жену и дѣтей, какъ нарушителей его поэтическихъ священнодѣйствій. Когда друзья осторожно указали ему на недостатки, онъ назвалъ ихъ „поучающими Минерву свиньями, плебейскими умами, лѣнивымъ и пресыщеннымъ поколѣніемъ“.

Петрарка — античный человѣкъ и по воззрѣніямъ. Въ противоположность Данту, у него нѣтъ ничего средневѣковаго. Его Лаура — болѣе живое лицо, чѣмъ аллегорическая Беатриче. Его страстной любознательности, направленной на все реальное, человѣческое, нѣтъ предѣловъ, какъ видно изъ его обширной переписки, изъ его исповѣдей и автобіографіи („Письмо къ потомству“). Наряду съ литературой, онъ интересовался и философіей, и политикой, участвовалъ даже въ посольствахъ. Вѣчно бодрый, работавшій передъ смертью по 16 часовъ, даже ночью, ощупью, Петрарка ненавидѣлъ аскетизмъ, бездѣлье и ханжество монаховъ и боролся не только съ схоластикой, инквизиціей и астрологіей, но даже съ юристами и врачами, почитавшими средневѣковаго Аристотеля. Онъ выставлялъ себя Сократомъ, призваннымъ разоблачать новыхъ софистовъ, признавалъ только ту философію, которая выводится изъ здраваго смысла и опыта, и требовалъ воспитывать не ученыхъ педантовъ, а „человѣка“, который создается „истиной и добродѣтелью“. Петрарка отличался отъ античнаго человѣка только своею любовью къ Христу, что̀ озлобило его противъ аверроистовъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ еще за ихъ Аристотеля да за насмѣшки надъ его слабой ученостью: онъ вытолкалъ аверроиста, пришедшаго обращать его въ свою „секту“, называлъ Аверроеса „бѣшеной собакой, лающей на Христа“, и вызывалъ къ инквизиціи. Петрарка пылко и талантливо проповѣдовалъ новую жизнь, о которой мечтала вся интеллигенція—и сталъ божкомъ современниковъ. Папы звали его украшать курію своимъ присутствіемъ и дали ему 6 богатыхъ синекуръ; Флоренція приглашала его освятить ея университетъ; Парижъ предлагалъ вѣн-

чаніе; знать ходила изъ Италіи и Франціи въ Авиньонъ, къ Воклюзскому источнику взглянуть на перваго классика, поэта, философа и публициста новаго времени. Отовсюду присылались ему дорогіе подарки. Каждый годъ, объ Рождествѣ, приходили славить его профессора и студенты изъ Падуи, съ факелами и музыкой. Въ Ареццо торжественно привели его къ родительскому дому, который постановили сохранять въ прежнемъ видѣ. Одинъ слѣпой старикъ, самъ поэтъ, ходилъ по Италіи, перебирался черезъ снѣга Апеннинъ, покуда не нашелъ Петрарку, чтобы облобызать его руки и прижать къ сердцу его голову. Сложилась легенда, будто геній заснулъ навѣки надъ классикомъ, испустивъ изъ устъ бѣлое облачко — признакъ святости. Его латинскіе стихи производили горячку: со всей Европы присылались ему подражанія; врачи и юристы знать ничего не хотѣли, кромѣ Виргилія и Гомера.

Гуманизмъ уже сталъ общественною силой, когда выступилъ его второй отецъ, Боккачіо († 1375), прикрѣпившій новое направленіе къ Флоренціи. Независимый „литераторъ“, хотя и священникъ по синекурѣ, Боккачіо, подобно Петраркѣ, не цѣнилъ своихъ итальянскихъ сочиненій. Неусыпный труженикъ, онъ былъ предтечей типа филолога-чернорабочаго: изучалъ мелочи, свѣрялъ рукописи, первый на Западѣ выучился погречески у невѣжественнаго калабрійца и перевелъ полатыни Иліаду съ Одиссеей. Зная гораздо больше Петрарки, онъ терялся въ подробностяхъ и даже отстаивалъ схоластику и астрологію, но зато называлъ себя „послушнымъ рабомъ“ своего славнаго друга, геніально схватывавшаго сущность античности, прославлялъ славолюбіе, какъ добродѣтель, и нанесъ самый жестокій ударъ церковному идеализму своимъ „Декамерономъ“. Античный человѣкъ въ жизни, сынъ парижанки, добродушный, толстый Боккачіо былъ весельчакъ, любилъ попойки и грязныя шутки: его называли „Невозмутимымъ“ (della Tranquillità). Подъ старость онъ скромно жилъ въ родномъ городкѣ на скудныя средства, зарывшись въ книги и ласково балагуря съ провинціалами.

Вокругъ Боккачіо, при его библіотекѣ во Флоренціи, воспиталось цѣлое поколѣніе гуманистовъ-странниковъ, и во главѣ ихъ ближайшій ученикъ Петрарки, Джіованни да-Равенна, который зналъ наизусть много классиковъ и лучше всѣхъ писалъ полатыни. Нервный, пылкій, гордый энтузіастъ, Джіованни не могъ усидѣть подлѣ божка, который платилъ презрѣніемъ за его секретарство, и сталъ неподражаемымъ кочующимъ про-

фессоромъ. „Изъ школы Джіованни, какъ изъ троянскаго коня, вышла дружина сѣятелей просвѣщенія по міру", говорили потомки: главные гуманисты первой половины 15-го в. были его учениками. Не имѣя возможности вытѣснить схоластиковъ изъ университетовъ, они устраивали частные кружки — „академіи" и „словесныя общины" (respublica litterarum), завели вольныя публичныя лекціи, захватили дворцы государей, знати и горожанъ, канцеляріи республикъ, самую римскую курію. Они воскресили цицероновскую рѣчь, открывши авторовъ „золотого вѣка" (Д. И. § 250). Они же ввели эллинизмъ, устроивши во Флоренціи каѳедру Хризолорѣ, котораго Византія прислала въ Римъ за помощью противъ турокъ (1396). Дѣятельный, свѣдущій, краснорѣчивый грекъ оказался прекраснымъ педагогомъ: по его грамматикѣ учились на Западѣ до самаго Альда. За нимъ потянулся рядъ другихъ византійцевъ, гонимыхъ турками,— и уже въ началѣ 15-го в. встрѣчались въ Италіи дѣти, понимавшія погречески, а гуманистъ съ одною латынью считался полуневѣжей. Гуманисты ничего не жалѣли для пріобрѣтенія греческихъ рукописей. Купецъ Чирьяко, болтунъ и враль, всю жизнь искалъ ихъ лично по Греціи, Архипелагу, Египту и Передней Азіи, забывая о своихъ товарахъ. На вопросъ, что̀ подмываетъ его къ этимъ мученіямъ, онъ отвѣчалъ торжественно, укладывая свой чемоданъ: „иду воскрешать мертвецовъ!" Византія, занятая спасеніемъ только божественнаго, не мѣшала — и за полвѣка до ея паденія вывезли въ Италію главную часть аттической и александрійской литературы.

Еще больше было сдѣлано тогда для латыни: въ исторіи гуманизма то была пора не одного энтузіазма, но и открытій. Вотъ разсказъ очевидца о поискахъ Боккачіо въ Монте-Кассино. „Онъ скромно попросилъ монаха показать ему знаменитую библіотеку. Тотъ грубо крикнулъ, указывая на крутую лѣстницу: „ступай, не заперто!" Боккачіо входитъ: ни дверей, ни замковъ; на окнахъ растетъ трава, на книгахъ и полкахъ слои пыли; у однѣхъ рукописей выдраны листы, другія изрѣзаны и исковерканы. Плача и вздыхая, вышелъ оттуда Боккачіо и спрашиваетъ: отчего такъ пострадали эдакія сокровища? Монахъ объяснилъ, что братія дѣлаетъ изъ нихъ за грошъ гусельки дѣтямъ да талисманы бабамъ". „Второй авторъ классиковъ", Поджіо, даже воровалъ рукописи, если нельзя было достать ихъ иначе: „ни суровые морозы, ни мятели, ни дальность пути, ни скверныя дороги — ничто не могло остановить его",

говоритъ современникъ. Этотъ апостолъ Сѣвера у гуманистовъ, прибывши въ Констанцъ въ качествѣ секретаря собора, больше разъѣзжалъ по Швейцаріи и Швабіи, роясь въ монастырскихъ библіотекахъ: ему помогали такіе столпы папства, какъ Чезарини (§ 118), сами завзятые гуманисты. Много мертвецовъ воскресилъ Поджіо и наконецъ нашелъ Квинтиліана—событіе, за которымъ забыли все на свѣтѣ. „Мы нашли его живого и здороваго, только грязнаго, запыленнаго", писалъ Поджіо другу: „книги валялись въ самой поганой, мрачной тюрьмѣ, на днѣ башни, куда врядъ ли кидали преступниковъ; еслибы мы попали въ эти эргастулы (Д. И. § 192), куда варвары заточаютъ такихъ особъ, по насъ давно служили бы панихиды". „О, драгоцѣнная находка!" отвѣчалъ другъ: „о, нежданная радость! Неужели я буду читать цѣликомъ этого Квинтиліана, который составлялъ мое утѣшеніе въ испорченномъ видѣ? Ради Бога, пришлите его самого, дайте мнѣ взглянуть на него прежде чѣмъ навѣки закроются мои очи". Поджіо самъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ, не отрываясь, — и списокъ Квинтиліана появился во Флоренціи. Онъ съѣздилъ даже въ Англію и Нидерланды. Медичи и венеціанскіе богачи прислали много денегъ: гдѣ нужно было сунуть монаху, чтобы онъ выкралъ рукопись, гдѣ — подпоить самого аббата. Государи и республики соперничали между собой въ открытіяхъ; купеческіе прикащики всюду покупали рукописи за какую-угодно цѣну. Лучшей рекомендаціей, плѣнительнымъ подаркомъ королю былъ списокъ новаго классика; для барышника самымъ выгоднымъ товаромъ былъ пергаментъ, покрытый древними каракулями. Много тратилось попусту, въ поискахъ по ложнымъ слухамъ, доходившимъ до Португаліи, Даніи и Польши. А найдутъ сокровище — и сановитыя особы сами переписываютъ „съ яростью и быстротой", чтобы кто-нибудь не предупредилъ.

§ 147. **Гуманизмъ въ Италіи. б) Процвѣтаніе классицизма.** — Послѣ бродячей поры энтузіазма и открытій, въ исторіи гуманизма насталъ періодъ прочныхъ гнѣздъ и библіотекъ (первая половина 15-го в.). Главнымъ гнѣздомъ была Флоренція, эти новыя Аѳины, гдѣ никогда не было схоластики и феодализма. Ей принадлежали Дантъ, Петрарка, Боккачіо, Макіавель, Брунеллеско, Ліонардо да Винчи, Микель-Анджело и др. великаны Возрожденія. Здѣсь правители были гуманисты; здѣсь явился первый книгопродавецъ современнаго типа (Веспасіано), а изъ книгъ Боккачіо образовалась

первая публичная библіотека въ монастырѣ св. Марка. Тогда во Флоренціи настало затишье. Аристократія слилась съ демократіей: она торговала и роднилась съ мѣщанами, не отличаясь отъ нихъ даже платьемъ, и устраивала дорогія забавы толпѣ. Патріархъ знати, ученикъ Джіованни да Равенна и Хризолоры, Росси, сидѣлъ за перепиской и переводомъ классиковъ да училъ даромъ молодежь, увивавшуюся за нимъ по улицамъ. Его ученикомъ былъ первый представитель сліянія гуманизма съ жизнью, Козимо Медичи (§ 128), который воздвигалъ общественныя зданія и статуи въ духѣ Возрожденія даже въ Римѣ и Парижѣ, основалъ нѣсколько библіотекъ, музей древностей и „академію", содержалъ до 50 писцовъ, открылъ неограниченный кредитъ въ своемъ банкѣ одному богачу, разорившемуся на книги. Подлѣ Козима работалъ кружокъ коренныхъ гуманистовъ Флоренціи, которые дружески принимали заѣзжихъ товарищей по оружію. Они причисляли къ себѣ и главу гуманизма эпохи, Поджіо, хотя онъ служилъ въ куріи. Первый латинистъ, риторъ и ораторъ, открыватель классиковъ, археологъ (первое научное изданіе надписей) и этнографъ (въ письмахъ съ сѣвера), Поджіо особенно славился, какъ сатирикъ: его сочиненія—злая критика эпохи.

За Флоренціей слѣдовалъ Римъ, хотя и здѣсь работали больше заѣзжіе флорентійцы, съ которыми сблизились папы на соборѣ, длившемся около 10 л. Въ куріи, нуждавшейся въ перѣ и словѣ, образовался типъ „протонотарія" или апостолическаго секретаря—заѣзжаго латиниста, который постригался въ монахи ради синекуръ и подчасъ громилъ церковь на словахъ, а самъ кутилъ со святыми отцами, защищалъ папъ рѣчами и памфлетами, сидѣлъ рядомъ съ ними въ куріи, презрительно поглядывая на церковныхъ сановниковъ и докторовъ. Тогда же въ Римѣ выдвинулись эллинисты, такъ какъ былъ въ разгарѣ вопросъ объ уніи. Сначала это были византійцы, съ Виссаріономъ во главѣ. Воспитанникъ Византіи, гдѣ интеллигенція выдвигала тогда эллинизмъ (§ 135), презирая свой ромайкосъ, Виссаріонъ не уступалъ въ знаніяхъ Хризолорѣ. Проживши долго въ Мореѣ, гдѣ сохранялись слѣды Латинской имперіи, онъ сталъ поклонникомъ Запада: его называли latinorum graecissimus et graecorum latinissimus. На флорентійскомъ соборѣ онъ оказался самымъ искуснымъ богословомъ, дипломатомъ, ораторомъ и царедворцемъ: онъ былъ душой уніи, составилъ ея актъ и забилъ грубаго, пылкаго вождя византійства, Марка ефесскаго, представляя его

„сумасшедшимъ". Виссаріонъ перешелъ въ католичество, получилъ кардинальство и основался въ Римѣ, поставивъ себѣ задачей устройство крестоваго похода противъ турокъ и сліяніе восточной культуры съ западною. Онъ истратилъ до 300.000 р. на библіотеку, которую подарилъ Венеціи, гдѣ она хранится въ соборѣ св. Марка: она-то, первая въ мірѣ сокровищница эллинизма, создала Альда.

Благодаря примирительному направленію Виссаріона, который старался слить платонизмъ съ христіанствомъ, эллинизмъ распространился тогда по всей странѣ. Итальянцы, а не византійцы, воскресили культуру Эллады. Сначала они побаивались потомковъ Перикла, но къ 1450 г. стали подсмѣиваться надъ ихъ тупостью и невѣжествомъ, надъ ихъ длинными бородами, всклокоченными волосами и иконописными манерами, надъ ихъ широкими, дорогими рясами и тяжелыми клобуками. Они особенно занялись переводами съ греческаго на латинскій, ставшій уже роднымъ для интеллигенціи. Римъ превращался въ переводческое заведеніе уже при Евгеніи IV, который недаромъ зажился во Флоренціи (§ 119): у него служили Чезарини, Эней Сильвій и кропотливый библіотекарь Козима, составившій первую классификацію книгъ или каталогъ. Когда этотъ библіотекарь сдѣлался папой Николаемъ V, Римъ сталъ временною столицей гуманизма. „Горячій, какъ вино", любимое имъ, щедрый и ласковый старикъ, который болталъ со всякимъ безъ конца и провожалъ гостя до воротъ, Николай V хотѣлъ затмить Козимо и до того увлекся гуманизмомъ, что не обратилъ вниманія на паденіе Константинополя. Онъ перестраивалъ городъ, всюду пріобрѣталъ произведенія искусства, собиралъ ученыхъ, которымъ любилъ лично вручать сумку съ червонцами, но больше всего мечталъ о міровомъ книгохранилищѣ. Его агенты всюду собирали книги—и въ Ватиканѣ возникла третья знаменитая библіотека: теперь стоятъ тамъ болѣе 5.000 томовъ съ золотыми застежками, съ именемъ Николая V на переплетѣ, а среди нихъ сидитъ самъ папа-библіотекарь' изваянный изъ мрамора. А за Николаемъ V слѣдовалъ одинъ изъ первыхъ гуманистовъ, Пій II, который жилъ прежде перомъ, прославившись, подъ именемъ Энея Сильвія (§ 119), своею изящною латынью и краснорѣчіемъ: простой, бережливый, онъ однако не жалѣлъ средствъ на изученіе и возстановленіе древности.

Третьимъ гнѣздомъ гуманизма былъ Неаполь. Тамъ не суще-

ствовало средняго сословія, толпа состояла изъ жалкихъ лаццарони, спесивая знать величаво лѣнилась въ своихъ деревняхъ, подражая испанцамъ, — и культура была достояніемъ двора. Альфонсъ Великодушный арагонскій разыгрывалъ роль патріота и мецената, выгодную при борьбѣ съ французами и папствомъ. Онъ собиралъ древнія монеты въ дорогой ящичекъ, не разставался съ классиками даже въ походѣ, участвовалъ въ ученыхъ диспутахъ, пѣшкомъ ходилъ въ университетъ на лекціи, основалъ первую въ Европѣ академію. Чтеніе одного классика излечило его отъ болѣзни, присылка другого—склонила его къ миру съ Козимо. Нигдѣ не было такой свободы мысли, какъ при дворѣ Альфонса: здѣсь пріютился главный врагъ церкви, дерзкій Валла, который всюду вносилъ безпокойный духъ критики и заслужилъ такое мнѣніе, что онъ и въ могилѣ ворчитъ и кусаетъ землю.

Въ третьемъ періодѣ (вторая половина 15-го в.) гуманизмъ, снова сосредоточенный во Флоренціи, достигъ своего полнаго расцвѣта въ знаніяхъ, критикѣ и стилѣ и вошелъ въ нравы; тогда же въ немъ особенно выдвинулись эллинизмъ и философское направленіе. Къ этой порѣ принадлежитъ диктаторъ всего вообще гуманизма, геній по усвоенію чужой культуры, Поліціано, который 13-ти л. издавалъ прекрасные стихи погречески и полатыни, а 18-ти сталъ профессоромъ классической словесности, привлекавшимъ слушателей со всей Европы. Въ этомъ царѣ гуманистовъ воскресла древняя поэзія: по языку и формѣ, онъ соперничаетъ съ поэтами серебряной латыни, по содержанію превосходитъ авторовъ вѣка Августа. Сверхъ того, въ немъ язычество сливается съ струей народной поэзіи Италіи, классическое изящество —съ эфирной пѣжностью живописи 15-го в. Его „Sylvae“—замѣчательная популяризація пауки въ роскошныхъ образахъ. Столь же высока итальянская поэзія этого „ангела, обладавшаго одною головою и тремя языками“, какъ гласитъ его эпитафія. Жилище поэта представляло родъ двора: тутъ толпились гонцы съ письмами отъ государей, гуманисты и поклонники. Онъ самъ свидѣтельствуетъ: „нужна ли кому надпись на рукоятку меча, на перстень, спальню или блюдо, даже на горшокъ и кострюлю — всякій идетъ къ Поліціану; нѣтъ стѣны, которой я не измаралъ бы плодами моего мозга, подобно слѣдамъ улитки“.

Поліціано умеръ вскорѣ послѣ своего друга, Лоренца Медичи, у котораго онъ жилъ и воспитывалъ сына. Тогда же скончался другой другъ поэта, не менѣе славный Пико делла

Мирандола. Полиціано такъ описываетъ это „чудо свѣта“ по учености, этого красавца княжескаго рода, съ длинными темными кудрями, съ проницательными сѣрыми глазами: „Повидимому, природа излила всѣ свои дары на этого человѣка — нѣтъ, героя. Онъ былъ высокъ и статенъ; на его лицѣ сіяло что-то божественное. Онъ былъ одаренъ остроуміемъ и изумительной памятью, неутомимостью въ ученыхъ работахъ, краснорѣчивымъ и прозрачнымъ слогомъ. Трудно сказать, что́ больше придавало ему блеска — талантъ или добродѣтели. Знатокъ всѣхъ отраслей знанія, обладатель многихъ языковъ, этотъ человѣкъ стоялъ выше всякой похвалы“. Идолъ женщинъ и общества, легкомыслію котораго онъ отдавалъ дань въ ранней молодости, Пико вдругъ явилъ образецъ побѣдителя страстей и даже дошелъ до мистицизма. Усвоивши въ Италіи и Парижѣ знанія эпохи, познакомившись, по преданію, съ 22 языками, онъ 22-хъ лѣтъ вызвалъ на бой всю науку, обѣщая заплатить путевыя издержки бѣднымъ ученымъ: онъ выставилъ 900 тезисовъ „обо всемъ познаваемомъ“ (de omne re scibile), въ томъ числѣ 500 новыхъ, и брался защищать любой изъ нихъ безъ приготовленія. Пико имѣлъ въ виду побить старину: его тезисы — языческіе. Схоластики не явились, но выхлопотали у папы осужденіе новаго „еретика“, тѣмъ болѣе, что онъ первый занялся еврейскимъ языкомъ.

Пико — блестящій представитель типа энциклопедиста, всезнайки, которымъ характеризуются конецъ 15-го и начало 16-го вв. Тогда всеобъемлющая ученость соединялась даже съ художественностью. Таковъ Альберти — гимнастъ и силачъ, укрощавшій дикихъ коней, въ 20 л. авторъ латинской комедіи, которую самъ Альдъ выдалъ за древнюю, затѣмъ составитель многихъ философскихъ статей, діалоговъ, басенъ, эпиграммъ. Онъ зналъ право и математику, дѣлалъ открытія въ физикѣ, механикѣ и біологіи, былъ итальянскимъ писателемъ, музыкантомъ, живописцемъ, ваятелемъ и зодчимъ. И вездѣ — свѣжій талантъ: его аріи распѣвались народомъ; его храмы и дворцы — перлы ранняго Возрожденія; ему принадлежатъ первые и дѣльные трактаты обо всѣхъ искусствахъ. Издалека пріѣзжали послушать его; нѣкоторыя изъ его выраженій стали поговорками. Но среди самой блестящей бесѣды онъ вдругъ умолкалъ и забывался: подконецъ у него пропала память. Альберти славился бы больше, еслибы тогда не жилъ Пико и не выдвигался другой атлетъ энциклопедизма — красавецъ, силачъ, музыкантъ,

поэтъ, анатомъ, ваятель, живописецъ, зодчій, естественникъ, инженеръ и механикъ, Ліонардо да Винчи, а за нимъ—Микель-Анджело, которые уже переходятъ въ 16-й в. Всѣ эти свѣтила гуманизма окружали Лоренца Великолѣпнаго (§ 128) въ его горныхъ виллахъ, воспѣтыхъ поэтами, гдѣ сельская жизнь красовалась прелестями искусства и освѣщалась наукой, гдѣ новые геніи наслаждались радостями древняго реализма и погружались въ поэтическія грезы платонизма, между тѣмъ какъ внизу, у серебристаго Арно, мучился Савонарола, оплакивая нравственную погибель міра. А вокругъ Лоренца знать, сеньорія, цехи, монастыри — все соперничало между собой въ меценатствѣ, особенно же въ заказахъ художникамъ по конкурсу, на которомъ флорентійское мѣщанство проявляло свой рѣдкій изящный вкусъ. Но періодъ полнаго расцвѣта былъ и подготовкой паденія для новаго направленія: книгопечатаніе устраняло нужду въ гуманистахъ, какъ въ особомъ классѣ; итальянская литература выдвигалась наравнѣ съ классической.

§ 148. **Гуманизмъ въ Италіи. в) Его характеристика.**—Къ концу періода установилась новая жизнь, которая господствовала въ первой половинѣ 16-го в. Гуманизмъ становился душой общества до мелочей. Тогда гадали по Виргилію, добавляли классиковъ, ставили комедіи Плавта, называли папу „pontifex maximus“, кардиналовъ—„сенаторами“, а монахинь—„весталками“, давали дѣтямъ имена Цицероновъ, Цезарей, Маріевъ и запрещали имъ читать поитальянски, вѣнчали поэтовъ и хоронили ихъ „по обычаю древнихъ“ — съ рѣчами, съ лаврами на челѣ усопшаго и съ книгой на груди. Одинъ принцъ построилъ храмъ своей ученой любовницѣ, убралъ его свѣтскими украшеніями и собиралъ въ немъ кости знаменитыхъ гуманистовъ. Главнымъ развлеченіемъ стали публичныя лекціи и диспуты, вродѣ рецитацій и декламацій (Д. И. § 252), на которыхъ толпились даже лавочники и женщины. Совершались симпосіоны (Д. И. § 116): у Лоренца Медичи, въ день рожденія Платона, вѣнчали бюстъ философа, съ рѣчами, а папа собирался канонизовать его.

Рабское подражаніе, гуманизмъ былъ воскрешеніемъ и достоинствъ, и пороковъ античной цивилизаціи. Онъ начался съ риторства, которымъ всегда былъ проникнутъ и въ теоріи, и въ жизни. Онъ поставилъ Аристотеля ниже Платона и презиралъ аверроизмъ прежде всего за его схоластическую форму. Нѣкоторые гуманисты старались до того подражать Цицерону,

что у нихъ не встрѣтишь слова, котораго не употреблялъ бы онъ. Гуманизмъ — явленіе попреимуществу литературное и художественное: это—филологія, т.-е. языки, изящная словесность и краснорѣчіе да искусство. Затѣмъ развилась другая черта древности—философія. Точно также античны характеры гуманистовъ и ихъ міровоззрѣніе. Смѣлый и скороспѣлый всеобъемлющій человѣкъ (uomo universale)—вотъ гуманистъ лишенной національнаго единства Италіи, гдѣ Дантъ говорилъ: „міръ—мое отечество“, а Альберти прибавлялъ: „человѣкъ можетъ сдѣлать все, что̀ захочетъ“. Гуманизмъ – торжество свѣтскаго реализма, окончательный разсчетъ съ средними вѣками, Онъ такъ страстно разрушалъ основы церковнаго идеализма. что сначала впалъ въ „паганизмъ“ (античное язычество), потомъ отрекся отъ самой религіи, дошелъ до матеріализма. Петрарка, обожавшій Христа, былъ уже отсталымъ въ глазахъ слѣдующаго поколѣнія, наравнѣ съ Дантомъ и Боккачіо. Отвергая авторитеты вообще, гуманисты прежде всего покончили съ церковью. Въ Италіи уже съ начала періода утвердилась безпощадная критика папства (§ 139). „Декамеронъ“ — злѣйшая сатира на клиръ и потому самая популярная тогда книга. Съ нимъ соперничали только „Шутки“ (Facetiae) Поджіо—описаніе укромнаго уголка въ Ватиканѣ или „вральни“, гдѣ вечеркомъ, за бокалами вина, богохульствовали и сквернословили папскіе канцеляристы, причемъ больше всего доставалось самому св. отцу. Но истиннымъ палачемъ папства былъ Валла, который тщетно добивался мѣста у Евгенія IV и ушелъ къ его врагу, Альфонсу неаполитанскому, гдѣ издалъ свой „Даръ Константина“ (1440). Это — первый примѣръ ученой критики текста: Валла доказалъ ложность документа (§ 60) и грозилъ поднять римлянъ, если папство тотчасъ же не откажется отъ свѣтской власти. Книжка произвела потрясающее дѣйствіе во всемъ католичествѣ; а Валла уже обнаруживалъ подложность нѣкоторыхъ писаній св. отцовъ, служившихъ основаніемъ догмы, и недостатки латыни въ Вульгатѣ. Онъ свободно разсуждалъ о заповѣдяхъ и Символѣ Вѣры, даже о божественности Христа, и говорилъ: „Все, что̀ создаетъ природа, хорошо и священно: она почти тождественна съ Богомъ“. Не смѣя возражать, старина выдвинула инквизицію; но „еретикъ“ отвѣчалъ доминиканцамъ сарказмами, а вышедши съ допроса, изругалъ ихъ всенародно и скрылся у Альфонса, который прогналъ инквизиторовъ.

Среди разсчетовъ съ папствомъ, гуманисты постепенно раз-

ставались съ самимъ христіанствомъ. Сначала они охладѣли къ нему, выказывая вѣротерпимость и превознося магометанство, съ его Саладиномъ и арабскою культурой. Потомъ находили его по меньшей мѣрѣ безполезнымъ; а Макіавель говорилъ: „въ противоположность паганизму, христіанство прославляло самоуниженіе и созерцаніе, видѣло высшее благо въ униженіи и отрицаніи всего человѣческаго, все учило терпѣть, — что̀, кажется, и ослабило міръ, сдѣлало его добычей негодяевъ". Наконецъ, усомнились въ основѣ религіи — въ душѣ. Такъ какъ Аверроесъ не ясно толковалъ Аристотеля въ этомъ вопросѣ, признавая „единый всеобщій разумъ", но отвергая безсмертіе личной души (§ 85), то къ концу періода студенты кричали каждому новому профессору: „скажите намъ о душѣ!" Папа издалъ буллу въ защиту „индивидуальности" души. Оживилась и дряхлѣвшая школа падуанскихъ аверроистовъ. Изъ нея вышелъ эллинистъ съ горячимъ убѣжденіемъ, карликъ тѣломъ и великанъ по добротѣ и безупречной жизни, Помпонацій, который даже возсталъ на Аверроеса за его искаженіе Аристотеля, въ особенности же за „единый разумъ": въ своемъ сочиненіи „De immortalitate animae" (1516) онъ строго выводилъ, что философски невозможно доказать безсмертіе души. Заинтересовался самъ папа: онъ поручилъ аверроисту опровергнуть смѣлаго мыслителя. Интеллигенція, не задумываясь, стала за Помпонація: тогда она уже почти вся была матеріалистка. Оттого-то въ Италіи не думали о реформаціи: отвергая религію вообще, не заботились объ исправленіи христіанства; больше потѣшались надъ пороками церкви, чѣмъ негодовали; Валла умеръ папскимъ секретаремъ. И курія не трогала гуманистовъ, даже ласкала ихъ: она раздѣляла ихъ взгляды.

Покончивши съ церковью и религіей, зажили новою жизнью. И настала эпоха открытій, въ которой Новый Свѣтъ былъ лишь эпизодомъ: открыли природу и человѣка вообще. Въ чувствѣ природы пошли дальше древнихъ, у которыхъ оно проявлялось лишь подконецъ въ поэзіи и наукѣ (Д. И. § 268). Дантъ — предтеча новой живописи (§ 98) даже по описаніямъ природы. Петрарка первый взошелъ на гору, преодолѣвая суевѣрный страхъ, и не было предѣловъ его благоговѣнію передъ величественной картиной, развернувшеюся для него на вершинѣ; у него уже пейзажи въ поэзіи, и онъ — первый картографъ новаго времени. Альберти плакалъ при видѣ стараго развѣсистаго дерева или золотистой нивы. Подконецъ изображеніе

природы овладѣваетъ лирикой и уже вторгается въ живопись. Къ природѣ вела и наука, особенно медицина съ географіей. У итальянцевъ возникли звѣринцы, ботаническіе сады и этнографическіе музеи. У нихъ же, начиная съ Петрарки, встрѣчаемъ первыя нападки на астрологію: сочиненіе Пика „Противъ астрологовъ" было эпохой; и предсказатели начали выселяться за Альпы. Итальянцы мало занимались алхиміей и искали не чаръ, а только золота. Оттого-то имъ принадлежитъ Колумбъ, а Коперникъ признавалъ себя ученикомъ Италіи, которая первая и оцѣнила его систему.

Еще больше было сдѣлано относительно открытія человѣка. Личность, мелькавшая въ Абелярѣ и Дантѣ (§§ 95, 98), обнаружилась въ Петраркѣ, а къ концу періода стала душой итальянской жизни. „Будь самъ своимъ собственнымъ свободнымъ ваятелемъ!" восклицалъ Пико,—и разбились цѣпи церковнаго, сословнаго, даже національнаго рабства: явился космополитъ, руководимый лишь собственнымъ разумомъ. За исключеніемъ Неаполя, всюду презирались сословныя привилегіи. Начиная съ Данта, видѣли „благородство" (nobiltà) въ „философіи" (образованіе), талантѣ и личномъ достоинствѣ. Въ турнирахъ принимали участіе всѣ классы общества. Въ городахъ жили крестьяне, съ которыми дворяне танцовали, боролись, бѣгали взапуски. Писатели цѣнили симпатичныя черты деревень, обрабатывали ихъ пѣсни, изучали діалекты: они сами чаще всего выходили снизу. Рѣчь Пика „О человѣческомъ достоинствѣ"— благороднѣйшее завѣщаніе космополитизма гуманистовъ. Божествами освобожденной личности сдѣлались талантъ и разумъ: прославляя ихъ, она славила себя. Флорентійцы обращали свой соборъ въ Пантеонъ знаменитостей. Церковные ходы замѣнились вѣнчаніемъ поэтовъ, серенадами имъ, поклоненіемъ ихъ домамъ и могиламъ. Одинъ энтузіастъ схватилъ свѣчи съ алтаря и поставилъ ихъ на могилѣ Данта, воскликнувъ: „возьми, ты достойнѣе того, распятаго!" Всякій искалъ славы, жизни въ потомствѣ. Красавица надоѣдала Боккачіо просьбами увѣковѣчить ея имя въ стихахъ; одинъ изъ Медичи, подражая Герострату (Д. И. § 98), изуродовалъ древнія статуи. Возникала психологія—сначала въ поэзіи, потомъ въ исторіи (біографіи, характеристика лицъ).

Но ярче всего личность проявлялась въ самыхъ характерахъ. Вырвавшись изъ оковъ, она впадала въ своеволіе и, наряду съ добродѣтелями, развивала пороки древности. Стремленіе

къ независимости доходило до оригинальничанья: въ повѣстяхъ все чудаки въ курьезныхъ нарядахъ. Славолюбіе превращалось въ тщеславіе, ацедія — въ щекотливость эгоиста. Особенно выдвинулась чувственность, поощряемая примѣромъ исламской Сициліи да легкомысліемъ классиковъ. „О наслажденіи“ Валлы имѣло огромный успѣхъ не за одно блестящее изложеніе эпикурейства, но и за сальность, которою покрыта самая жизнь автора: здѣсь, наряду съ аскетизмомъ монаха, предается проклятію воздержность, какъ преступленіе противъ природы. Гуманисты смотрѣли на женщинъ, какъ древніе на своихъ рабынь. Новые софисты, они считали всякое желаніе личности священнымъ и не разбирали средствъ. Они служили тѣмъ самымъ властямъ, которыхъ громили на бумагѣ, какъ республиканцы, и сочиняли имъ кудрявыя рѣчи и пышныя оды въ дни ихъ торжествъ. Перо превращалось у нихъ въ орудіе вымогательства: поощряемые подкупами со стороны трусливыхъ властолюбцевъ, вожди гуманизма считали себя міровой силой, раздатчиками пальмъ вѣчной славы или клеймъ позора. Насмѣшка и клевета сдѣлались модой, язвительные шуты (buffone) — необходимой принадлежностью дворовъ. Въ Римѣ правильно появлялись таинственныя надписи на статуѣ Pasquino, давшія имя „пасквиля“. Самымъ жестокимъ пасквилянтомъ былъ великій Поджіо: „весь свѣтъ боялся его необузданной ругани“, говоритъ современникъ. Онъ надѣлялъ своихъ противниковъ такими именами: „бородатый сатиръ, двуногій оселъ, болванъ, прожорливый драконъ“ и т. д. Однажды онъ вцѣпился въ бороду одному греку, уличавшему его въ плагіатѣ, и студенты съ трудомъ розняли своихъ учителей.

Но и у этого литературнаго гладіатора нашелся достойный соперникъ — Филельфо, котораго ставили даже выше Поджіо по учености: онъ отлично овладѣлъ греческимъ языкомъ, долго проживши въ Константинополѣ. Византійскій императоръ выдалъ за него замужъ свою родственницу и надѣлилъ его деньгами, книгами, рабами; во Флоренціи предъ нимъ сначала благоговѣлъ Козимо съ друзьями, и дамы давали ему дорогу на улицѣ. Но вскорѣ его шарлатанство было разоблачено развитыми флорентійцами, которыхъ онъ обижалъ своимъ высокомѣріемъ: онъ ставилъ себя выше Виргилія и Цицерона, взятыхъ вмѣстѣ, ибо они не знали погречески. Въ то же время Поджіо сталъ изливать потоки грязи, описывая его жизнь, достойную висѣлицы. Филельфо, которому угрожали

даже наемными убійцами, бѣжалъ въ Миланъ, гдѣ до своей смерти воспѣвалъ „божественнаго“ Висконти, изрѣдка объѣзжая Италію, чтобы собирать дань поклоненія и принять вѣнчаніе въ Неаполѣ. Его боялись больше Поджіо за даръ ругаться въ стихахъ на обоихъ языкахъ древности. Династы и папы присылали ему дорогія вазы, вина, коней, наряды и съѣстное, не говоря уже о червонцахъ: одинъ приподнесъ сукна, а обиженный Филельфо вытребовалъ и мѣховую опушку къ нему. Свадьба ли, путешествіе ли у поэта — онъ взималъ пособіе со всѣхъ, даже незнакомыхъ, угрожая пасквилемъ. Онъ всю жизнь жаловался на нищету, этого врага вдохновенія, а самъ утопалъ въ роскоши: если у него было нѣсколько десятковъ дѣтей, зато онъ былъ три раза женатъ на богатыхъ, знатныхъ красавицахъ. Но онъ умеръ въ нищетѣ отъ роскоши и распутства.

Разгулъ личности, а также крайности паганизма вызвали подконецъ идеалистическую реакцію въ самой интеллигенціи. Уже Петрарка ненавидѣлъ аверроистовъ за ихъ презрѣніе къ Іисусу, сожалѣлъ, что Цицеронъ не былъ христіаниномъ, и по чутью выдвигалъ Платона. Затѣмъ, когда узнали Платона въ подлинникѣ, онъ сталъ идоломъ умовъ, проклинавшихъ Аристотеля вмѣстѣ съ Ѳомой и Аверроесомъ. Торжество Платона связано съ успѣхами эллинизма, и именно съ учителемъ Хризолоры и Виссаріона, Плетономъ. Это былъ византіецъ, который жаждалъ искорененія византійства въ то самое время, когда турки подготовляли разрушеніе Константинополя. Видя, что церковь не спасаетъ отечества отъ предстоящей гибели, онъ объявилъ христіанъ „софистами“, а монаховъ — „самыми жалкими людьми“, которыхъ слѣдуетъ сожигать. Его задачей было возсозданіе неоплатонизма въ самой жизни. Въ своихъ „Законахъ“ онъ начерталъ коренное преобразованіе религіи и государства. Здѣсь Откровеніе и пророчества объявлены шарлатанствомъ: признанъ одинъ путь къ спасенію — разумъ, какъ онъ воплотился въ древнихъ философахъ, и именно въ Платонѣ, Пиѳагорѣ и Зороастрѣ. Религія Плетона — эллинскій пантеизмъ съ фатализмомъ и переселеніемъ душъ, его государство — Платонова монархія (Д. И. 154) съ слѣдами рабства и коммунизма, ограниченная мудрецами и законами, „отъ которыхъ всецѣло зависитъ счастье народа“. Вокругъ Плетона образовался родъ пиѳагорейскаго союза: въ его „секту“ поступали даже люди дальняго Востока, думая, что въ него переселилась душа Зороастра. Константинопольскій патріархъ сжегъ „Законы“, а схо-

ластики назвали Плетона „безбожникомъ“ за то, что онъ проклиналъ Аристотеля, какъ матеріалиста. Эта борьба направленій перешла въ Италію, когда Плетонъ явился на флорентійскомъ соборѣ, гдѣ онъ не меньше Марка эфесскаго возставалъ противъ уніи, хотя совсѣмъ по иному побужденію: неоплатоникъ опасался, что унія усилитъ ненавистное ему христіанство. Въ то же время Плетонъ увлекъ гуманистовъ: самъ Козимо Медичи устроилъ Платонову академію — и къ концу періода платонизмъ сталъ яркимъ отличіемъ Возрожденія. Благодаря Виссаріону, папы стали платониками — и возникла римская академія.

Такъ какъ платонизмъ въ одно и то же время боролся съ схоластикой, давалъ философскую свободу мысли и удовлетворялъ возникавшему спиритуализму, то почти въ каждомъ городѣ завелась своя академія. Но главнымъ гнѣздомъ платонизма была флорентійская академія при Лоренцѣ Медичи, собственные гимны котораго—возвышенный деизмъ, поэтическое прославленіе единаго, великаго космоса, какъ прелестнаго подобія безличнаго Творца. Здѣсь жрецомъ былъ Фицинъ, до сихъ поръ лучшій переводчикъ Платона и неоплатониковъ. По преданію, у него теплилась лампада предъ бюстомъ божка-философа, творенія котораго онъ считалъ священными. Въ Платоновъ праздникъ Фицинъ удалялся въ лѣсъ съ „братіей во Платонѣ“: тамъ друзья забывались подъ звуки его восторженныхъ рѣчей, утопая въ сладкихъ мечтахъ о божественной любви, о міровой душѣ, о лучезарномъ царствѣ идей и всепримиряющаго абсолюта. Отовсюду, даже изъ Англіи пріѣзжали ученики къ Фицину. Но подконецъ новая религія помрачалась, вмѣстѣ съ своимъ пророкомъ: болѣзненный, съ измученными нервами, Фицинъ предавался магіи, ежедневно мѣнялъ амулеты, видѣлъ жизнь Христа въ судьбѣ Сократа, скорбѣлъ, что церковь, принявшая Сивиллъ въ число пророковъ, не канонизуетъ Платона, и кончилъ монастыремъ. Фицина смѣнилъ Пико делла Мирандола, на которомъ еще лучше видно, куда вела идеалистическая реакція. Его задача—сліяніе Платона съ Христомъ путемъ мистицизма: онъ уже критически относился къ гуманизму вообще и горячо сочувствовалъ Савонаролѣ, несмотря на то, что трепеталъ предъ папскимъ отлученіемъ. Подавленный массой свѣдѣній, Пико задумалъ, подобно Ѳомѣ Аквинскому, искать истину вездѣ, не исключая схоластики. А тутъ еврей подсунулъ ему каббалу. Безтолковое смѣшеніе мистицизмовъ дальняго Востока, Палес-

тины и Александріи такъ подѣйствовало на пылкаго юношу, что онъ погрузился въ чудовищный трудъ, который долженъ былъ послужить памятникомъ схоластическаго мистицизма; но смерть остановила автора на 31 году отъ рожденія.

Къ концу періода возрастало сомнѣніе утомленныхъ умовъ въ возможности обойтись безъ христіанства. Тамъ и сямъ гуманистъ обращался въ католика передъ смертью; война, моръ вызывали эпидемію раскаянія. Величайшимъ пророкомъ покаянія былъ Савонарола (§ 128), который вліялъ даже на интеллигенцію, хотя онъ проклиналъ гуманистовъ, какъ „еретиковъ", и въ надгробномъ словѣ порицалъ своего друга, Пика, за то, что тотъ умеръ не монахомъ. Толпы его мальчиковъ искали по домамъ классиковъ, изображенія женщинъ и музыкальные инструменты для сожженія. Напрасно одинъ купецъ предлагалъ фанатику 20.000 червонцевъ за громадный костеръ суеты мірской: все погибло въ пламени, вокругъ котораго плясали монахи, дѣти въ видѣ ангеловъ и граждане съ оливковыми вѣтвями на головахъ. Таковы были предвѣстники католической реакціи, подъ которой былъ погребенъ гуманизмъ полвѣка спустя.

§ 149. **Гуманизмъ внѣ Италіи.**—За Альпами гуманизмъ появился лишь съ половины 15-го в. черезъ посредство итальянцевъ; но зато онъ быстро развивался, какъ уже зрѣлая сила, навстрѣчу которой шло книгопечатаніе. Тамъ дѣло началось съ того, что какой-нибудь изъ итальянскихъ гуманистовъ пристраивался къ одному изъ дворовъ. Съ родины ему писали изящныя письма напоказъ и присылали рукописи, иногда посвящая ихъ невѣждамъ-царедворцамъ, которые тотчасъ становились Меценатами. Затѣмъ много помогли соборы: флорентійскій имѣетъ болѣе значенія въ исторіи просвѣщенія, чѣмъ въ исторіи церкви. Раньше всего гуманизмъ утвердился во Франціи, гдѣ сохранялись блестящія преданія номинализма, а итальянскія войны прямо вели націю за Альпы. Уже Клеманжъ былъ латинистомъ новаго типа; въ 1450-хъ гг. въ Парижѣ разрѣшили одному итальянцу читать риторику, начали преподавать греческій, а затѣмъ и еврейскій языки. Къ концу періода Парижъ уже сталъ центромъ классицизма внѣ Италіи, выставилъ извѣстнаго грециста (Budé) и снабжалъ Италію лучшими изданіями. Даже въ собраніи государственныхъ чиновъ рѣчи строились подревнему, хотя и безпорядочно: въ нихъ встрѣчается масса античныхъ именъ, возгласы о „республикѣ" и о ненависти къ „тиранамъ". Въ Англіи дольше сохранялась схоластика, опираясь на павшій Окс-

фордъ (§ 108). „Оксфордская рѣчь“ означала у гуманистовъ крупное невѣжество. Поджіо писалъ про англійскіе монастыри: „они переполнены сочиненіями нынѣшнихъ докторовъ, которыхъ мы не стали бы и слушать“. Но со времени констанцскаго собора англичане начали призывать итальянцевъ, а знать посылала своихъ дѣтей въ Италію. Кекстонъ увлекался переводами классиковъ больше, чѣмъ своей типографіей. Въ концѣ періода уже явились хорошіе классики (Linacre), у которыхъ подросталъ геніальный ученикъ, Моръ. Типомъ ихъ былъ оксфордскій богословъ Колетъ, учившійся во Флоренціи. Серьезный, горячій, искренній бѣднякъ, онъ бранилъ схоластиковъ за „искаженіе“ Евангелія, презиралъ догматическія тонкости, отвергалъ мощи, критически толковалъ апостоловъ. Вдохновенный лоллардъ на каѳедрѣ, онъ цѣнилъ классицизмъ, лишь какъ орудіе религіозной нравственности.

Въ глазахъ итальянца, Германія была еще болѣе „варварскою“ страной, чѣмъ Англія. До половины 15-го в. признаки классицизма замѣчались только у Братьевъ-Общинниковъ; но для нихъ, какъ для мистиковъ, онъ былъ лишь орудіемъ религіи. Ихъ Николай Кузскій представляетъ переходъ отъ схоластики къ гуманизму. Изъ Девентера онъ поѣхалъ въ Италію и Византію, гдѣ усвоилъ древніе языки, а также еврейскій и арабскій, и собралъ много рукописей. Сначала онъ занимался даже математикой и физикой, предполагалъ движеніе земли вокругъ солнца, поощрялъ первыхъ нѣмецкихъ гуманистовъ, смѣло защищалъ реформацію въ Базелѣ; но потомъ вдругъ сталъ „Геркулесомъ евгеньевцевъ“ (§ 119) и легатомъ въ Тиролѣ, гдѣ вызвалъ бунтъ ограбленіемъ народа ради папы, требовалъ истребленія гуситовъ и кончилъ проповѣдью „ученаго невѣжества„ (docta ignorantia est perfecta scientia). Не онъ, а его сверстникъ, Эней Сильвій, былъ апостоломъ гуманизма въ Германіи. Вотъ въ какую Вѣну попалъ итальянецъ: „здѣсь не заботятся ни о музыкѣ, ни о риторикѣ, ни о математикѣ; краснорѣчіе и поэзія совсѣмъ неизвѣстны; рѣдко встрѣтишь сочиненія Аристотеля и другихъ философовъ: тутъ все комментаріи“. Эней 23 г. заправлялъ канцеляріей и дворомъ Фридриха III. Его кружокъ состоялъ изъ адвокатовъ, клерковъ, и знали они мало; но здѣсь стали осмѣивать старину и жить поантичному; ктому же отсюда разсылались чиновники по разнымъ угламъ Германіи. А за ними выступили болѣе крупные и серьезные дѣятели. Въ лицѣ Геймбурга (§ 119) гуманизмъ уже превра-

щался изъ рабскаго подражанія итальянцамъ въ національное дѣло: хорошій латинистъ, онъ сначала перенималъ у Энея и завелъ свой кружокъ въ Нюрнбергѣ; но потомъ, какъ нѣмецъ, возсталъ противъ иноземцевъ и увлекся религіознымъ вопросомъ.

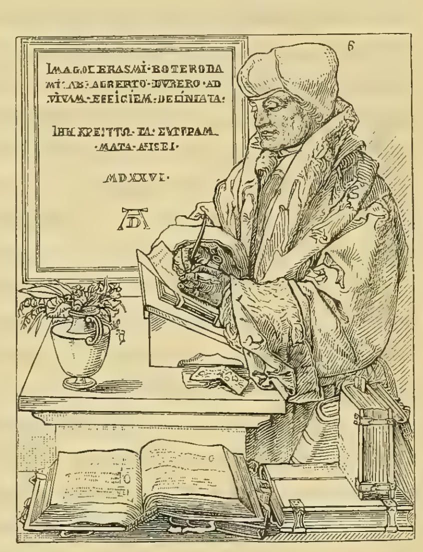
Нѣмецкій гуманизмъ упрочился, когда слился съ педагогіей Братьевъ-Общинниковъ, изъ школъ которыхъ вышли его вожди. Оттого онъ процвѣталъ прежде всего на Рейнѣ, въ Тюрингіи и Франконіи. Съ самаго начала Гейдельбергъ сталъ нѣмецкою Флоренціей. Здѣсь жилъ знаменитый Агрикола, устроившій Рейнское Ученое Общество, гдѣ днемъ занимались классиками, астрономіей, правомъ, даже еврейскимъ языкомъ, а по ночамъ кутили на славу. Этотъ кружокъ былъ живою связью для всѣхъ прирейнскихъ гуманистовъ. Съ Гейдельбергомъ соперничалъ Базель, бывшій въ близкихъ сношеніяхъ съ Италіей. Очарованный Эразмъ писалъ оттуда: „Гдѣ найдемъ что-нибудь подобное? По крайней мѣрѣ я еще не испытывалъ счастья жить въ такомъ прекрасномъ обществѣ, гдѣ у всѣхъ—чистота помысловъ, веселость общежитія, въ особенности же единодушіе". Красой базельскаго кружка былъ живой, поэтическій Брантъ, который приводилъ юношество въ восторгъ своими изящными лекціями и латинскими стихами и былъ безпощаденъ къ схоластикамъ. Но рейнцы не были равнодушны къ религіи и признавали папство. Дальше шла тюрингенская школа, гнѣздомъ которой былъ Эрфуртскій университетъ, созданіе бюргеровъ и гуситовъ. Эрфуртскіе „поэты", къ которымъ стекались студенты отъ Рейна до Даніи и Лифляндіи, ненавидѣли папство и презирали богословіе; они горячо боролись съ центромъ схоластики—кёльнскимъ университетомъ. Во Франконіи, и именно въ Нюрнбергѣ, гуманизмъ отличался демократизаціей: нигдѣ не было столько латинскихъ школъ, типографій и изящныхъ построекъ; нигдѣ такъ не увлекались классицизмомъ бюргеры, даже ремесленники и монахини. Итальянцы говорили: „въ Германіи всѣ города—слѣпцы, только Нюрнбергъ смотритъ однимъ глазомъ". Къ концу періода главой Нюрнберга сталъ Пиркгеймеръ—богатый промышленникъ, воинъ и дипломатъ, остроумный публицистъ, упорный эпикуреецъ, долго учившійся въ Италіи. Другъ Пика, Эразма и Дюрера, онъ сталъ центромъ нѣмецкаго гуманизма. Онъ устроилъ библіотеку для гуманистовъ, издавалъ ихъ сочиненія, обставлялъ ихъ научными пособіями, заводилъ каѳедры литературы. Его домъ, наполненный перлами искусства, гдѣ совершались роскошные симпосіоны, былъ образ-

цомъ изящества нюрнберскаго общежитія; его переписка съ гуманистами Германіи, Италіи, Франціи и Англіи — драгоцѣнный памятникъ эпохи.

Нѣмецкій гуманизмъ уже выставилъ три свѣтила. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ Агрикола, серьезный, скромный голландецъ, который учился въ Италіи, ѣздилъ по Германіи и осѣлся въ Гейдельбергѣ. Цѣлью его было — „снять съ Германіи пятно варварства, сдѣлать ее болѣе латинскою, чѣмъ Лаціумъ". Его латыни дивились итальянцы; Эразмъ называлъ его „рожденнымъ римляниномъ", вторымъ Виргиліемъ и Полиціаномъ. Его переводы съ греческаго, стихи и письма, въ особенности же его учебникъ діалектики были первою школой гуманизма для нѣмцевъ. Агрикола рано умеръ и подконецъ падалъ умственно. На немъ лежитъ отпечатокъ старины; „лучше молчать, чѣмъ порицать", говорилъ онъ — и началъ впадать въ мистицизмъ, углубляться въ богословіе. Болѣе крѣпкаго закала его младшій современникъ, горячій, желчный и циничный въ сатирѣ Цельтесъ. Это былъ сынъ мужика, съ богатырскимъ здоровьемъ, сегодня кутила, завтра труженикъ и почти аскетъ. Въ немъ кипѣла неутолимая жажда жизни, и вездѣ онъ дѣйствовалъ не столько своими работами, сколько живымъ словомъ и примѣромъ. Его ролью было пробуждать умы, и ему не сидѣлось дома. Первый крупный поэтъ нѣмецкаго гуманизма, онъ любилъ природу, презиралъ схоластику и церковниковъ и все разъѣзжалъ по Германіи, воюя со стариной и насаждая новое просвѣщеніе: онъ мечталъ даже о всенѣмецкой артели гуманистовъ. Противоположностью Цельтеса былъ Рейхлинъ, сынъ почтальона, учившійся въ Италіи и Парижѣ. Спокойный, кабинетный ученый, онъ былъ консервативенъ, изучалъ языки ради богословія, оправдывалъ казнь Савонаролы и умеръ монахомъ, дойдя до каббалистики въ стремленіи слить классицизмъ и еврейство съ христіанствомъ. Рейхлинъ — рожденный филологъ: никто въ Европѣ не владѣлъ такъ основательно всѣми тремя языками древности; 20-ти л. онъ издалъ первый латинскій лексиконъ, который убивалъ кухонную латынь и вызвалъ мщеніе схоластиковъ; затѣмъ появились его первыя грамматики греческаго и еврейскаго языковъ.

Къ концу періода уже никто не могъ равняться съ этимъ патріархомъ нѣмецкой филологіи, какъ вдругъ заговорили о голландцѣ Эразмѣ, который быстро затмилъ всѣ три свѣтила. Нѣжный мальчикъ, круглый сирота, онъ только-что началъ успѣвать въ Девентерѣ, какъ былъ обобранъ опекунами и от-

данъ въ монастырь, гдѣ пробылъ 8 л. Благодаря одному епископу, онъ попалъ отсюда въ Парижъ, гдѣ бѣдствовалъ 6 л.: приходилось писать тутовымъ сокомъ вмѣсто чернилъ. Несчастная юность убила въ Эразмѣ здоровье и волю: болѣзненный, трусливый, онъ искалъ комфорта, лукавилъ и льстилъ сильнымъ міра, ненавидѣлъ жизненную борьбу. Но талантъ бралъ свое. Узнавши въ монастырѣ всю глубину невѣжества и пошлости старины, Эразмъ рѣшился бороться съ нею изъ кабинета, изворотливымъ перомъ. Для этого онъ уже 25-ти л. овладѣлъ почти всѣми латинскими авторами, а въ Парижѣ—и эллинизмомъ: „какъ только добывалъ я копѣйку (говоритъ онъ), тотчасъ покупалъ себѣ греческія книги, а ужъ на остальное — платье“. Затѣмъ онъ долго странствовалъ, съ помощью Меценатовъ, стяжавши повсюду небывалую славу. Уступая въ частностяхъ другимъ современнымъ знаменитостямъ, Эразмъ превосходилъ всѣхъ соединеніемъ глубокаго энциклопедизма и отборнѣйшей латыни съ талантомъ публициста—съ наблюдательностью, фантазіей и тонкою, изящною ироніей. Онъ сдѣлался представителемъ всего гуманизма въ 16-мъ вѣкѣ, начавшемся „Пословицами“ (Adagia, 1500 г.), въ которыхъ Эразмъ сразу выказался великимъ ученымъ, публицистомъ и стилистомъ. „Пословицы“—собраніе характерныхъ

Эразмъ. 16-го в. [1]).

[1]) На нашемъ рисункѣ, съ превосходной гравюры Дюрера, Эразмъ, въ шлафрокѣ и ночномъ колпакѣ, стоитъ за пюпитромъ, съ черниленкой въ лѣвой рукѣ и съ перомъ—въ правой. Онъ пишетъ отвѣтъ на одно изъ множества лежащихъ слѣва писемъ знаменитостей Европы. Подлѣ ученаго-нѣженки ваза съ цвѣтами, запахъ которыхъ заглушаетъ вонь отъ переплетовъ изъ свиной кожи. Ироническая улыбка играетъ на тонкихъ губахъ худенькаго насмѣшника, съ тонкимъ носомъ и острымъ бритымъ подбородкомъ. Слѣва латинская надпись: „Изображеніе Эразма Роттердамскаго, сдѣланное съ натуры Альбрехтомъ Дюреромъ“. Ниже—греческая поговорка: „Лучшее (изображеніе) — его писанія“. Еще ниже—„1526“ и монограмма Дюрера.

фразъ изъ всевозможныхъ классиковъ. Здѣсь до 10.000 однихъ греческихъ стиховъ, ловко объясненныхъ прелестною латынью. Книга пересыпана блестящими эпизодами, которые служатъ образцомъ неподражаемой Эразмовской сатиры противъ пороковъ времени, особенно противъ церковниковъ, властителей и войнъ: здѣсь, въ „Скарабеѣ", даже косвенное оправданіе цареубійства — тема, которую впервые доказывалъ францисканецъ Пти по заказу герцога бургундскаго (§ 106). Въ „Пословицахъ"—все античное міросозерцаніе, въ приложеніи къ вопросамъ дня: здѣсь впервые средніе вѣка названы „эпохой мрака, холопства, софистики и внѣшнихъ дѣлъ". Эта Библія классицизма сразу стала настольною книгой интеллигенціи Знаменитые гуманисты называли ее „драгоцѣннымъ ящичкомъ Минервы, солонкой Меркурія", а автора—„новымъ Квинтиліаномъ, почти божественнымъ". Папа съ кардиналами встрѣтили Эразма въ Римѣ съ почестями.

Къ концу періода гуманизмъ уже охватилъ почти всю Германію. Кто ѣхалъ за Альпы, кто выписывалъ итальянцевъ; но больше учились другъ у друга. Вожди нѣмецкаго гуманизма получали массу писемъ отъ незнакомыхъ; сами они странствовали и заводили ученыя общества Явилась и плеяда вѣнценосныхъ Меценатовъ. Іоаннъ бранденбургскій, основатель университета во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, названъ „Цицерономъ" за свою латынь, Фридрихъ саксонскій—„Мудрымъ", а Максиміліанъ I—„Отцомъ наукъ и искусствъ". Максиміліанъ въ лагерѣ читалъ поэтовъ, перепутывалъ боевые приказы съ цитатами изъ Виргилія и радовался, что можетъ говорить съ своими адъютантами на 7 языкахъ. При безденежьѣ, онъ продавалъ драгоцѣнности для научныхъ цѣлей и говорилъ, указывая на гуманистовъ: „вотъ кому слѣдовало бы быть государями, а не подданными!" При немъ въ вѣнскомъ университетѣ было до 7.000 студентовъ и до сотни профессоровъ, съ которыми онъ обращался дружески, предоставляя имъ свою драгоцѣнную библіотеку. Онъ призвалъ Цельтеса, который устроилъ изъ студентовъ „коллегію поэтовъ", а внѣ университета—ученое Дунайское Общество. Изъ Вѣны гуманизмъ прошелъ даже къ чехамъ, полякамъ и венгерцамъ, благодаря пражскому канцлеру, Рабенштейну, епископу краковскому, Олесницкому, и Корвину.

Выяснились и своеобразныя черты, которыми нѣмецкій гуманизмъ отличался отъ итальянскаго: это — демократизація, патріотизмъ и религіозность. Эти гуманисты были все

дѣти крестьянъ, лакеевъ, почтальоновъ и т. под. Нѣмцы превращались въ педагоговъ и печатниковъ. Заводились частныя школы; дѣти бюргеровъ и бѣдныхъ поповъ читали классиковъ, дѣвочки наравнѣ съ мальчиками. Къ концу періода возникло 9 новыхъ университетовъ и расширились 7 старыхъ, благодаря пожертвованіямъ, даже со стороны крестьянъ; въ нихъ учились тысячи студентовъ, а также князей и владыкъ. Послѣ Италіи, Германія напечатала наибольшее количество книгъ. Съ другой стороны, здѣсь всѣ гуманисты — патріоты. Они негодовали не только на папство, но и на своихъ учителей за ихъ презрѣніе къ нѣмецкому „варварству": цѣлью Агриколы было „сорвать съ наглой Италіи славу превосходства въ краснорѣчіи". А главное—нѣмецкій гуманизмъ еще не былъ новымъ міровоззрѣніемъ: нравы и формы общественной жизни оставались прежніе. Попреимуществу кабинетные ученые и филологи, нѣмецкіе гуманисты были религіозны и консервативны. Для нихъ классики были лишь „средствомъ для высшихъ цѣлей, по образцу отцовъ церкви". Рейхлинъ бранилъ своихъ учениковъ, Лютера и Меланхтона, за реформацію. Брантъ печаталъ огромные труды богослововъ 14-го в., а Пиркгеймеръ издавалъ отцовъ церкви съ набожными предисловіями. Ученыя женщины были все монахини.

„Воспитатель Германіи", Вимпелингъ, который оплакивалъ дѣтей, 10 л. долбящихъ схоластическую грамматику, и даже возсталъ противъ розги, стоялъ за краткость преподаванія лишь потому, что при ней „ограничиваются желанія и познанія, порождающія высокомѣріе, самолюбіе и самомнѣніе". Основами педагогіи оставались церковное назиданіе и розга. Школы еще находились, въ большинствѣ, въ рукахъ церковниковъ, которымъ несли и натурой, и гульденами, ибо то было „доброе дѣло". Университеты пробавлялись жиденькой схоластикой: оттого въ нихъ поступали 12-ти л. и становились докторами философіи въ 18. По словамъ Вимпелинга, то были „самыя лелѣемыя дѣтища церкви, и они старались возблагодарить свою мать привязанностью". За реформацію стали лишь самые юные университеты — въ Эрфуртѣ и Виттенбергѣ. Столпъ старины, кёльнскій университетъ, былъ самымъ популярнымъ: въ немъ было до 2.000 студентовъ. Печать служила церкви: книги назывались „глашатаями Евангелія, божественными лучами", и ихъ покупателей награждали индульгенціями. Къ 1500 г. Вульгата выдержала до сотни изданій, и уже явилась почти вся нѣмецкая Библія. Затѣмъ

печаталась масса Псалтирей, молитвенниковъ, житій святыхъ, назиданій мистиковъ, схоластическихъ учебниковъ, въ особенности же проповѣдей, которыя расходились иногда въ 50.000 экземпляровъ: возникъ даже особый классъ хорошо оплачиваемыхъ проповѣдниковъ, которые излагали цѣлый катехизисъ, закатывая по десятку безконечныхъ проповѣдей на каждую заповѣдь. Вообще по сю сторону Альпъ классическія книги получались больше изъ Италіи, а „Подражаніе Христу" выдержало 60 изданій почти на всѣхъ языкахъ, и Ѳома Аквинскій разошелся, въ 1470—1500 гг., въ 250.000 экземпляровъ.

§ 150. **Нѣмецкій гуманизмъ въ началѣ 16-го в.**— Нѣмецкій гуманизмъ такъ связанъ съ религіей, что реформація необъяснима безъ его успѣховъ въ началѣ 16-го в. Тогда завелись ученыя общества даже въ Помераніи и Мекленбургѣ. А въ ю.-з. Германіи бывали такіе случаи: одинъ таможенный чиновникъ на Рейнѣ споилъ экипажъ судна, на которомъ ѣхалъ Эразмъ, чтобы онъ промедлилъ и далъ ему возможность угостить царя гуманизма. „Бѣдные монахи! писалъ Эразмъ: плохо ихъ дѣло, когда даже таможня увлекается изящными науками". Но центромъ движенія была Саксонія, съ ея страстнымъ Меценатомъ, курфюрстомъ Фридрихомъ Мудрымъ. Здѣсь гнѣздами гуманизма были молодые университеты въ Виттенбергѣ, гдѣ эрфуртскій студентъ, Лютеръ, преподавалъ новое богословіе, и въ Эрфуртѣ, гдѣ выдвинулась смѣлая школа поэтовъ, названная „юною Германіей". Это былъ уже свѣтскій реализмъ, напоминавшій Италію. Онъ воплощался въ „царѣ" эрфуртскаго кружка, въ нѣмецкомъ Полиціанѣ, Эобанѣ Гессѣ, латинскіе стихи котораго читались по всей Европѣ, а лекціи, письма и переводы съ греческаго обличали глубокаго ученаго. Сынъ лакея, красивый, рослый Эобанъ отлично фехтовалъ, плавалъ, танцовалъ, и никто не могъ перепить его. Горячая, искренняя натура, онъ стоялъ за правду и бѣдноту. Обремененный семьей, вѣчно въ долгахъ, онъ веселилъ всѣхъ своимъ неистощимымъ остроуміемъ, приговаривая: „patientia, patientia!" Эобанъ съ наслажденіемъ воевалъ съ монахами..., поклонялся Геліосу. Никто не былъ такъ вѣренъ новому направленію, хотя реформація довела его, подъ старость, почти до голода.

Нѣмецкій гуманизмъ уже созрѣлъ до цѣльнаго міровоззрѣнія: онъ критиковалъ Библію, отвергалъ „добрыя дѣла"... Всѣ роптали на злоупотребленія церкви... Дипломатъ Пиркгеймеръ писалъ:

„Надѣюсь, мы сразу искоренимъ варварство (схоластику); изящныя науки истребятъ этихъ гадкихъ тварей, которыя умѣютъ только жевать сѣно. Пусть убираются къ чорту эти пустомели и козлы, эти чудовища и домовые!“ Цельтесъ обращается къ схоластику: „Попъ-пустомеля, царь кучи неучей, мѣдный лобъ, орало-мученикъ на каѳедрѣ, почтенный магистръ болвановъ! Чего ты поносишь святыя Камены? Не ты ли, подъ личиной святости, наполняешь свое ненасытное брюхо, рядишься въ блестящее платье, хапаешь деньги, валяешься на мягкихъ пуховикахъ?“ Бебель издалъ Торжество Венеры — латинскую поэму, вызвавшую много подражаній. Тутъ Венера — порокъ вообще. Перваго мѣста подлѣ нея удостаиваются монахи, послѣ такого заявленія: „никто не сравнится съ нами въ лѣни, сладострастіи и роскоши; мы отлично знаемъ воровство; мы презираемъ религію и не имѣемъ страха Божія; у насъ одна забота — обманывать поселянъ“ и т. д. За ними слѣдуютъ схоластики съ своею латынью, которой никто не понимаетъ. Папа не занялъ перваго мѣста только потому, что опоздалъ: онъ представляетъ богинѣ свою дружину (іерархію), готовую къ бою со всякими добродѣтелями. Императоръ жалуется на безденежье: „Отпущеніе грѣховъ поглощаетъ все, что̀ сберегла бѣдная мать въ своей копилкѣ и отецъ, не доѣдая куска. Дай только денегъ — и любая душа будетъ переведена изъ ада въ рай: скоро золото опустошитъ царство дьявола“. Въ заключеніе, выступаетъ Добродѣтель съ своимъ ничтожнымъ воинствомъ и терпитъ жестокое пораженіе отъ торжествующей Венеры.

Вслѣдъ за поэмой Бебеля явился вѣнецъ гуманистической сатиры — Похвала глупости Эразма (1510), который, между тѣмъ, объѣздилъ Англію, Голландію, Францію, Италію, вездѣ пожиная лавры, какъ „фениксъ науки, честь словесности, голландскій Геркулесъ“ и т. д., но также испытывая ограбленія, кораблекрушенія, болѣзни. Тогда Эразмъ уже издалъ сочиненія Валлы (§ 147) съ хвалебнымъ предисловіемъ и написалъ „Кинжалъ или Руководство христіанскаго воина“ противъ тѣхъ, которые „видятъ религію въ однихъ, по истинѣ еврейскихъ, обрядахъ и церемоніяхъ“. Здѣсь Библія — „единственный источникъ христіанства“, который должно перевести на всѣ языки, чтобы „всякій свободно толковалъ“ ее; и Эразмъ уже толкуетъ ее аллегорически, какъ миѳы. Здѣсь авторъ восклицаетъ, восхваляя древнихъ: „едва могу удержаться, чтобы не сказать: св. Сократъ, помолись о насъ!“ Здѣсь же рѣзкія выходки противъ

святыхъ и монаховъ, а также апологія развода. Книжка быстро выдержала много изданій на главныхъ языкахъ Европы. Встрѣчались епископы, которые носили ее въ карманѣ, и попы, которые проповѣдовали по ней. Этотъ духъ достигъ зрѣлости въ „Похвалѣ Глупости". Это —изящное подражаніе народной сатирѣ, которая любила аллегорическую форму восхваленія зла, пороковъ и даже болѣзней. Здѣсь бичуются всѣ сословія, въ особенности же церковники и схоластики, со злостью Лукіана (Д. И. § 269), этого „перволюбимаго автора" Эразма. Глупость вѣщаетъ о богословахъ: „Не лучше ли пройти молчаніемъ святыхъ учителей, не касаться этого чумнаго болота, этого зловоннаго зелья? Нето прославятъ меня еретицей: вѣдь, у нихъ всегда подъ рукой эта молнія. Неблагодарные! Не мнѣ ли они всѣмъ обязаны? Вонъ они сидятъ, словно на седьмомъ небѣ, упиваясь самолюбіемъ, огражденные заборомъ всякихъ definitionum, conclusionum, propositionum explicitarum и implicitarum и проч.! Какихъ только тайнъ не объясняютъ они? Напримѣръ. Какъ сотворенъ міръ? Можетъ ли Богъ-Отецъ ненавидѣть Бога-Сына? Можетъ ли Богъ воплощаться въ тыкву, и какъ тыквѣ проповѣдовать, творить чудеса и быть распятой? Позволятъ ли ѣсть и пить по воскресеніи мертвыхъ? Легче выйти изъ лабиринта, чѣмъ изъ хаоса реалистовъ, номиналистовъ, ѳомистовъ, скотистовъ, альбертистовъ, оккамистовъ и т. д. У апостоловъ душа ушла бы въ пятки, еслибы имъ пришлось диспутировать съ этими богословами... Они призывали къ добрымъ дѣламъ, но не раздѣляли ихъ на opus operans и opus operatum". Глупость полагаетъ, что лучше всего выслать всѣхъ богослововъ противъ турокъ, ибо никто не устоитъ противъ нихъ. Не хуже отдѣлываетъ она безграмотныхъ монаховъ, которые досаждаютъ святымъ своими „ослиными голосами", ссорятся между собой, бражничаютъ и заботятся только о томъ, сколько узловъ должно быть на башмакѣ, сколько четвериковъ должна вмѣщать ряса и т. под. Достается также владыкамъ и самимъ папамъ, которые употребляютъ досугъ, остающійся послѣ кутни да театральныхъ представленій, на изготовленіе буллъ, „мигомъ спроваживающихъ души къ чертямъ на кулички". Глупость считаетъ Христофора Полифемомъ, Георгія— Геркулесомъ, коню котораго поклоняются, и т. д. Книжка стала народною, когда Гольбейнъ украсилъ ее рисунками: она быстро выдержала до 30 изданій и была переведена на многіе языки.

Всѣ эти нападки обозлили стражей старины. Сначала они

притѣсняли гуманистовъ въ университетахъ: отводили имъ худшіе часы, срывали ихъ объявленія о лекціяхъ, выживали даже такихъ корифеевъ, какъ Рейхлинъ и Цельтесъ. Потомъ стали доносить на нихъ, какъ на еретиковъ, которые изучаютъ греческій и еврейскій языки съ цѣлью перейти въ восточное православіе и въ Моисеевъ законъ. Наконецъ, кёльнскіе доминиканцы рѣшились, для острастки, наказать самаго виднаго и консервативнаго гуманиста, Рейхлина, который, зная право, служилъ даже безвозмездно адвокатомъ у нихъ и имѣлъ поклонниковъ при императорскомъ дворѣ и въ куріи. Кёльнцевъ увлекла надежда на легкую побѣду. Отецъ научнаго гебраизма, Рейхлинъ первый началъ обучать еврейскому языку, у себя дома, даромъ, и съ такимъ успѣхомъ, что увлекалъ даже бюргеровъ, монаховъ и солдатъ, а изъ гуманистовъ каждый сталъ мечтать о титулѣ „трехъязычнаго". Затѣмъ онъ издалъ еврейскую грамматику съ лексикономъ, гуманно относился къ евреямъ, призналъ въ ихъ рѣчи тотъ дивный языкъ, которымъ Богъ и ангелы говорили съ первыми людьми (Рейхлинъ считалъ евреевъ и нѣмцевъ древнѣйшими народами, производилъ слово biblia отъ bibo и т. под.). Въ своей грамматикѣ, Рейхлинъ кстати изобличилъ грубыя ошибки Вульгаты и схоластиковъ, а въ его латинскихъ комедіяхъ доставалось монахамъ.

Походъ противъ Рейхлина началъ еврей-выкрестъ, Пфефферкорнъ, который спѣшилъ окрестить всѣхъ своихъ соплеменниковъ и сталъ истреблять еврейскія книги, съ помощью кёльнскихъ цензоровъ. Но Максимиліанъ I велѣлъ передать книги на разсмотрѣніе Рейхлину, чтобы уничтожить только тѣ, которыя были опасны христіанству. Рейхлинъ высказался, что еврейскія книги вредны не болѣе классиковъ, у которыхъ Христосъ — также не Богъ; по его мнѣнію, даже законъ воспрещалъ ихъ истребленіе, такъ какъ евреи—граждане Нѣмецкой имперіи. Пфефферкорна онъ назвалъ низкимъ ренегатомъ, а также „буйволомъ и осломъ" по невѣжеству. Императоръ остановилъ уничтоженіе книгъ. Но Пфефферкорнъ издалъ грубый пасквиль, Рейхлинъ отвѣчалъ тѣмъ же—и загорѣлась полемика. Кёльнцы обратились къ университетамъ; но тамъ мнѣнія раздѣлились: только парижскіе богословы, вмѣстѣ съ своимъ королемъ, объявили, что Рейхлинъ долженъ отречься отъ своего мнѣнія. Главный инквизиторъ въ Кёльнѣ (онъ же деканъ богословскаго факультета) потребовалъ Рейхлина на судъ, но тотъ аппеллировалъ къ другу гумани-

стовъ, Льву X, который получилъ также много заявленій въ его пользу отъ бюргеровъ, фюрстовъ, аббатовъ и отъ самого императора. Папа прекратилъ судъ инквизиціи.

Но дѣло превратилось въ великій процессъ между двумя міровоззрѣніями. Францискъ I съ Карломъ I негодовали на Льва X и требовали собора, чтобы остановить пожаръ. А гуманисты сплотились въ партію рейхлинистовъ. Самъ Рейхлинъ работалъ больше прежняго. „Хочу издавать, чтобы всѣ видѣли, что я живъ, чтобы друзья радовались, а враги огорчались", сказалъ онъ — и написалъ кёльнцамъ: „у насъ теперь много поэтовъ и историковъ, которые почитаютъ меня, какъ своего учителя; они предадутъ вѣчной анаѳемѣ великую неправду, учиненную противъ меня врагами; они опишутъ мои незаслуженныя страданія, въ посрамленіе вашего университета". Гуманисты дѣйствительно выступили противъ „рейхлиновыхъ вшей", величая своего учителя „святымъ мужемъ, царемъ наукъ, красой всѣхъ эпохъ". Особенно горячились въ Эрфуртѣ: юная дружина Эобана, въ глаза невидавшая Рейхлина, клялась положить жизнь за него. За нею слѣдовали виттенбергцы—родственникъ Рейхлина, Меланхтонъ, Карлштадтъ и Лютеръ, который писалъ учителю: „уже не мало роговъ этихъ звѣрей сломилось о твою силу—и вздохнула Германія, которую чуть не задушило вѣковое школьное богословіе". Не смолчалъ и Эразмъ, который, вмѣстѣ съ Рейхлиномъ, составлялъ „очи Германіи", по выраженію современниковъ. Онъ писалъ въ Римъ: „на васъ взираютъ всѣ ученые и вся Германія въ томительномъ ожиданіи: безсмертную славу заслужитъ тотъ, кто возвратитъ нашу несравненную драгоцѣнность Музамъ и наукамъ". Наконецъ, нашелся и рыцарь гуманизма.

Сынъ зажиточнаго рыцаря во Франконіи, тщедушный, малорослый Ульрихъ фонъ-Гуттенъ не годился въ воины: отецъ отдалъ его въ монастырь. Но юноша бѣжалъ въ Эрфуртъ, гдѣ сталъ душой юной Германіи. Болѣзненный блондинъ небольшого роста, съ лихорадочнымъ выраженіемъ лица, Гуттенъ жилъ всего 35 л. и вѣчно странствовалъ, сравнивая себя съ Одиссеемъ. Страстная, необузданная натура, онъ отличался грубостью, пилъ и игралъ въ кости: друзья предпочитали переписку сожительству съ человѣкомъ, который отрѣзывалъ уши монахамъ. Но Гуттенъ готовъ былъ отдать жизнь за правду и свободу: благородное негодованіе кипѣло въ его безкорыстной душѣ. Внѣ гуманизма, онъ всюду видѣлъ одну несправедливость: дворъ

у него—„не мѣсто для честныхъ, искреннихъ людей"; купцы, юристы и церковники—крупные разбойники, которыхъ осыпаютъ милостями, между тѣмъ какъ мелкихъ воришекъ казнятъ. Подобно странствующему рыцарю, Гуттенъ вездѣ и всю жизнь искалъ борьбы въ защиту слабыхъ и обиженныхъ: его девизомъ было—„жребій брошенъ!" Онъ писалъ другу: „хочу бороться съ врагами просвѣщенія, чтобы боялись меня; презираю опасности, смерти не боюсь—и потому не стану холопствовать передъ королями". Вѣчно гонимый, безъ крова и куска хлѣба, покрытый язвами, онъ блаженствовалъ въ пылу идейной борьбы. „Что за вѣкъ, что за науки! Какая радость жить, хоть и въ тревогѣ! Процвѣтаетъ ученье, волнуются умы. О, варварство! Бери свою клюку и убирайся вонъ!" писалъ онъ Пиркгеймеру. „Не могу видѣть Германію въ порабощеніи!" восклицалъ онъ — и бѣшено боролся съ ея врагами, особенно съ „римлянами" (папистами), доходя до квасного патріатизма: онъ негодовалъ на бюргеровъ за то, что они торговали иностранными товарами. Гуттенъ чувствовалъ общественную неправду, какъ личное горе, какъ оскорбленіе, за которое онъ мстилъ беспощадными поэтическими памфлетами, писанными желчью и слезами: его сочиненія — не слова, а поступки, боевые подвиги. Скитальчество неуживчиваго рыцаря гуманизма началось со школьной скамьи: онъ носился отъ Балтики до Вѣны, Рейна и Рима, претерпѣвая бури, болѣзни, побои; приходилось вязнуть въ болотѣ и спать подъ открытымъ небомъ. Раздраженные родители, заодно съ врагами, называли его Nihil и Nemo: а онъ воспѣлъ эти нули въ превосходныхъ стихахъ.

Гуттенъ. 16-го в.

Когда Гуттенъ изучалъ, въ Италіи, своего любимца, Лукіана, вспыхнуло дѣло Рейхлина. „Бодрись, храбрѣйшій! писалъ онъ учителю. Уже готовится пожаръ: иду съ товарищами, изъ которыхъ каждый равносиленъ всей этой сволочи". И вышли

Письма невѣждъ или „обскурантовъ“ (Epistolae obscurorum virorum, 1516), авторами которыхъ были эрфуртцы, въ особенности же Гуттенъ. Здѣсь новый литературный пріемъ: монахи выводятся живьемъ, со всѣми ихъ пороками и варварствомъ; они пишутъ письма своему поэту, восхваляютъ Пфефферкорна, сообщаютъ о своихъ продѣлкахъ,—словомъ, выкладываютъ всю свою пошлую душонку. Все это такъ правдоподобно, что сначала сами обскуранты принимали письма за правду: одинъ изъ нихъ запасся нѣсколькими экземплярами для подарковъ. Въ „Письмахъ“ много похожденій, во вкусѣ Боккачіо и Бебеля, и неподражаемая пародія на кухонную латынь съ ея германизмами (unus, какъ членъ, superdare вм. aufgeben и проч.). Главная тема — жалоба обскурантовъ на гуманистовъ, которые, не имѣя дипломовъ, какъ истое Nihil, осмѣливаются разсуждать о богословіи, смѣются надъ мощами и индульгенціями, называютъ парижскій университетъ mater stultitiae, колотятъ и калѣчатъ докторовъ и магистровъ. Но иногда и на ихъ улицѣ праздникъ. Одинъ изъ нихъ встрѣтилъ „поэта“ съ фоліантомъ подъ мышкой и отдѣлалъ же его: „оселъ таскаетъ тяжесть, ты таскаешь тяжесть, ergo—ты оселъ“, сказалъ онъ ему. Обскуранты блистаютъ такою ученостью: magister—отъ magis ter или отъ magis terreo, ибо онъ — страшилище своихъ учениковъ. Потѣшнѣе всего ученые споры между ними. Напримѣръ. Доктора изъ скромности называютъ другъ друга magistri nostri: какъ же называть магистра, который держитъ экзаменъ на доктора — magister nostrandus или noster magistrandus?

Достойныя Аристофана „Письма невѣждъ“ произвели неописанное впечатлѣніе. Явилось много подражаній. Ходила молва, что въ нихъ участвовалъ самъ Эразмъ, и будто онъ до того хохоталъ при чтеніи ихъ, что у него прорвался нарывъ. Одинъ современникъ замѣтилъ, что ни одна книга не нанесла столько вреда папству. Кёльнцы приписали „Письма“ Рейхлину и донесли въ Римъ. Снова загорѣлась полемика: у обскурантовъ злоба и грязь достигали невозможныхъ предѣловъ, у гуманистовъ — веселый, торжествующій тонъ. Побѣдители даже сняли маски: Пиркгеймеръ издалъ горячую „Апологію“ Рейхлина съ приложеніемъ длиннаго списка рейхлинистовъ, что̀ ободрило колебавшихся. Обскуранты проигрывали вездѣ, даже въ университетахъ, у іерарховъ и у императора. Изъ Англіи присылали подарки Рейхлину, выпрашивая взамѣнъ хоть строчку его руки. Во Франціи одинъ аббатъ призывалъ его имя въ молитвахъ, цѣло-

валъ его письма. Поджіо заявилъ папѣ: „я желалъ бы быть на мѣстѣ Рейхлина; хочу поддержать его; съ нимъ поступаютъ несправедливо“. Но уже выступилъ Лютеръ — и Левъ X велѣлъ Рейхлину замолчать и заплатить судебныя издержки, а „Письма невѣждъ“ подверглись сожженію. Дѣло Рейхлина вдругъ заглохло: всѣ думали уже не о немъ, а о дѣлѣ Лютера.

§ 151. **Наука. Изобрѣтенія**. — Какъ явленіе попреимуществу литературное и художественное (§ 148), гуманизмъ больше вліялъ на общее міровоззрѣніе, на жизнь, чѣмъ на науку. Но и въ ней онъ не могъ не отразиться болѣе или менѣе. Здѣсь также происходилъ разсчетъ свѣтскаго реализма съ церковнымъ идеализмомъ; но онъ былъ тяжелъ. Здѣсь особенно сказывалась сила пережитковъ. Наука, жившая преимущественно въ университетахъ, долго сохраняла схоластическій характеръ: таковы были основные, старые факультеты — богословскій, юридическій и медицинскій. Борьба кёльнцевъ съ Рейхлиномъ ярко обрисовываетъ общее состояніе богословія. Не лучше была юриспруденція. Бичъ феодализма, орудіе духа новаго времени, римское право превратилось въ схоластику, замѣнивши преданія Ирнерія (§ 96) „Толкованіями“ (Corpus Juris Glossatum). Юристы забыли тексты и самый латинскій языкъ за глоссами, которыхъ накопилось такое множество, что иногда профессоръ цѣлый годъ диктовалъ ихъ всего для 5 пунктовъ кодекса. Сверхъ того, они увлекались наживой, выгодною практикой. Медицина влачила жалкое существованіе, просто какъ прибыльное ремесло. Въ теоріи она не шла дальше древнихъ; а ея практика была рядомъ промаховъ невѣжества, какъ видно изъ леченія высочайшихъ особъ: въ 1492 г. одинъ еврей перелилъ въ жилы Иннокентія VIII кровь трехъ юношей; юноши и папа-паціентъ умерли, а медикъ бѣжалъ. Въ старыхъ университетахъ, даже въ такихъ притонахъ враговъ схоластики, какъ падуанскій, самъ аверроизмъ (§ 96), это незаконное дитя Аристотеля, вырождался: онъ сталъ именно схоластиченъ по формѣ; онъ педантствовалъ и враждовалъ съ гуманизмомъ.

При всемъ томъ, гуманизмъ, по самой своей природѣ и происхожденію, долженъ былъ оставить нѣкоторые слѣды въ наукахъ гуманитарныхъ или нравственныхъ. Его сподвижники создали новое богословіе (§ 140). Они открывали лучшее будущее законовѣдѣнію, благодаря Поликіану, который сдѣлалъ первое научное изданіе Пандектовъ (§ 24). Они полагали основу новой философіи, выдвигая Платона и уничтожая схоластическаго

Аристотеля, пока еще не открылся истинный великій Стагиритъ. Они ставили на новыя начала педагогію, въ лицѣ Витторина да Фельтре и его учениковъ (§ 144). Гуманисты—истинные отцы филологіи, хотя и здѣсь имъ удалось лишь положить основаніе научности. Имъ приходилось начинать съ азбуки, издавать первые словари, грамматики и христоматіи. Рейхлинъ съ Эразмомъ спорили о греческомъ произношеніи: первый произносилъ, какъ его учителя, византійцы; второй пытался возстановить древнее произношеніе. Начало научнаго метода явилось лишь подконецъ, у отца филологической и исторической критики, Валлы, который даже думалъ, что философію и логику должно искать въ законахъ языка.

Благодаря гуманистамъ же, **исторія** болѣе всего освободилась отъ предразсудковъ, особенно въ Италіи, гдѣ кипѣла политическая жизнь. Въ Италіи, гдѣ она уже въ прошломъ періодѣ покидала латынь (§ 96), явился рядъ свѣтскихъ историковъ—патріотовъ и прагматиковъ. Правда, все это—только исторія Флоренціи и своего времени; все это проникнуто древнимъ риторствомъ; историческая критика еще въ пеленкахъ. Но такіе таланты, какъ Компанья и Виллани, уже напоминаютъ Ѳукидида и Геродота. А во Франціи развился новый видъ исторіи: мелкіе мемуары подражателей Жуанвиля (§ 96) перешли въ „хронику". Это—не сухая лѣтопись монаха, а, скорѣе, рыцарскій романъ, только правдивый: здѣсь реально, даже драматично описываются событія разныхъ странъ, хотя авторъ наиболѣе касается видѣннаго имъ самимъ. Отцомъ хроники былъ странствующій пѣвецъ, впечатлительный и наблюдательный **Фруассаръ**. Фландрскій французъ и царедворецъ Эдуарда III, на счетъ котораго онъ объѣздилъ пол-Европы, Фруассаръ описалъ вторую половину 14-го в., въ особенности же англо-французскія войны. Въ его роскошной, по языку и изложенію, „Хроникѣ", гдѣ драматизмъ сливается съ Геродотовской эпичностью, ярко отразилось богатое событіями время, но лишь одною стороной. Фруассаръ — олицетвореніе предсмертнаго блеска рыцарства: на него не подѣйствовали ни пребываніе въ Италіи, ни встрѣча съ Петраркой. Онъ любилъ турниры, охоту, пиршества въ роскошныхъ замкахъ и, какъ трубадуръ, сочинялъ рыцарскіе романы и пѣсни, а подъ старость сталъ каноникомъ въ Нидерландахъ. Фруассаръ не знаетъ ничего, кромѣ дѣяній рыцарства, притомъ только по разсказамъ участниковъ, безъ справокъ съ документами. Онъ осуждаетъ все, что̀ разрушало этотъ уми-

рающій, но милый ему міръ—Виклифа и Артевельда, города и жакри.

Любимецъ всей Европы, Фруассаръ вызвалъ много подражаній, особенно во Фландріи, которой принадлежитъ и его противоположность — Коминъ. Кабинетный человѣкъ и дипломатъ, Коминъ не терпѣлъ рыцарства. Онъ измѣнилъ Карлу Смѣлому и перешелъ къ Людовику XI, который озолотилъ его, ѣлъ и спалъ вмѣстѣ съ нимъ, употреблялъ его въ самыхъ тонкихъ дѣлахъ, и всегда успѣшно. По смерти своего вѣнчаннаго друга, онъ попалъ въ желѣзную клѣтку, гдѣ и написалъ свои записки. Коминъ не зналъ полатыни, но владѣлъ новыми языками, много путешествовалъ и зналъ лично всѣхъ вождей своего времени. Не смущаясь лицемѣріемъ и звѣрствомъ своего Людовика XI, Коминъ превозносилъ его, какъ человѣка новаго времени, какъ силу ума, а не меча, и зло выставлялъ малѣйшій промахъ Смѣлаго. Въ „Мемуарахъ“ Комина, написанныхъ холоднымъ, но сильнымъ и точнымъ перомъ, отразилась пора абсолютизма. Современникъ Макіавеля, ихъ безстрастный авторъ признавалъ только успѣхъ и имъ оправдывалъ средства. Но онъ глубокомысленно доискивается внутреннихъ причинъ, связи и логики въ исторіи, и сильною, широкою кистью рисуетъ лишь крупныя событія. Этотъ своебразный умъ восхвалялъ, наряду съ абсолютизмомъ, Англію за то, что тамъ ничего не дѣлается безъ согласія и совѣта народа. Книга Комина выдержала много изданій и была переведена на всѣ языки Европы. Въ Германіи видимъ не столько историковъ, сколько патріотическія заботы объ отечественной исторіи. Повсюду, особенно въ имперскихъ городахъ, велись „хроники“, въ смыслѣ старыхъ лѣтописей. Максимиліанъ I устроилъ историческое общество, которое спасло много памятниковъ нѣмецкой старины. Почти всѣ гуманисты обрабатывали исторію Германіи подъ вліяніемъ классиковъ и вводили мелкую критику извѣстій.

При такомъ состояніи гуманитарныхъ наукъ, немудрено, что умы не могли избавиться отъ идеализма въ теоріи: она стремилась къ супранатурализму, къ метафизикѣ. Отсюда глубокіе слѣды мистицизма и особенно платонизма въ разгаръ Возрожденія; отсюда у передовыхъ людей сліяніе суевѣрій съ наукой, завершившееся господствомъ каббалы. Чѣмъ дальше отъ Италіи, тѣмъ замѣтнѣе это явленіе. Царство бѣса и исканіе философскаго камня характеризуютъ сѣверо-востокъ Европы. Увлеченія Пика сказались больше всего въ Германіи, гдѣ Николай Куз-

скій, Рейхлинъ, медики, астрономы, мистики, — всѣ старались истолковать Библію каббалой и узрѣть „зефиротовъ“, какъ называли они „свѣтлыя одежды“ или аттрибуты Бога. Тѣмъ печальнѣе было состояніе точныхъ и естественныхъ наукъ. Онѣ сдѣлали мало успѣховъ, и особенно въ Италіи, увлеченной словесностью да искусствомъ. Математика ограничивалась однимъ древнимъ учебникомъ, переведеннымъ Боэціемъ, задачками безъ доказательствъ да щелканьемъ на счетахъ. Тутъ еще вовсе не было теорій: въ ариѳметикѣ хвастались только быстрымъ счетомъ въ умѣ, въ геометріи — весьма развитою практикой каменьщиковъ и плотниковъ. Астрономія и химія все еще были не столько науками, сколько астрологіей и алхиміей. У властителей и богачей все еще составлялись гороскопы; алхимія, какъ изобрѣтеніе (въ 3-мъ в.) христіанина Зосимы, знавшаго древніе рецепты претворенія металовъ, все еще считалась „священнымъ искусствомъ“. Естествознаніе было еще печальнѣе. То было собраніе всякаго вздору въ „бестіаріяхъ“ (звѣринцахъ), которому вѣрили безъ всякой критики: тогда и лучшіе арабскіе ученые дѣлали, напр., такія объясненія, что если туча безъ дождя, значитъ на нее взглянула голая женщина. А когда пускались въ теорію, то путались въ мистическихъ разсужденіяхъ о „началахъ“, о „матеріи“ и „формѣ“, по ложному Аристотелю.

Бѣда заключалась въ томъ, что вся наука того времени была книжная: люди не понимали значенія опыта и наблюденія. Тѣмъ не менѣе, гуманизмъ помогалъ и положительному знанію: онъ служилъ тою средой, безъ которой оно не расцвѣло бы въ 16-мъ в.: Коперникъ и Регіомонтанъ сами считали себя его созданіями. Подъ его вліяніемъ, сильные умы шли дальше древнихъ въ разсужденіяхъ о вселенной и ея атомахъ. Химики узнали разныя соли и точнѣе опредѣлили „алкоголь“, который называли прежде „живою или пылающею водой“. Альберти (§ 147) предупредилъ нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ открытій въ оптикѣ, подвинулъ теорію перспективы, изобрѣлъ машину для поднятія затонувшихъ судовъ. Учителемъ всей Европы былъ Ліонардо да Винчи, который объявилъ опытъ и наблюденіе единственными источниками знанія, намекнулъ на нынѣшнюю теорію въ геологіи, отчасти предупредилъ открытія Коперника, Галилея и Кеплера. Болонскій профессоръ Мундинъ упразднилъ Галена введеніемъ анатоміи: подъ его вліяніемъ, во Франціи началось трупосѣченіе и былъ произведенъ первый опытъ извлеченія камня у осужденнаго на смерть преступника. Но больше всего по-

счастливилось астрономіи, благодаря средствамъ, которыхъ, еще въ прошломъ періодѣ, не жалѣли сильные міра, въ видахъ астрологіи (§ 96). Она подготовлялась преимущественно въ Германіи, но также съ помощью итальянскаго гуманизма. Здѣсь трудился ея отецъ, Регіомонтанъ (изъ Кёнигсберга во Франконіи). Сомнѣваясь, подобно Николаю Кузскому (§ 149), въ правильности системы Птолемея, онъ ѣздилъ въ Италію учиться по-гречески; тамъ ему помогъ Виссаріонъ текстами Птолемея. Затѣмъ онъ работалъ въ Нюрнбергѣ, гдѣ бюргеры, побуждаемые Пиркгеймеромъ, дали ему средства и назвали его „отцомъ и благодѣтелемъ города". Регіомонтанъ двинулъ астрономію и механику, создавши тригонометрію. Онъ читалъ публичные курсы, далъ городу лучшіе часы, устроилъ первую полную обсерваторію, гдѣ наблюдалъ кометы, считавшіяся до него атмосферическимъ явленіемъ. Онъ завелъ научную мастерскую, гдѣ изготовлялись астрономическіе инструменты и народные календари, глобусы и компасы. Здѣсь же печатались ландкарты и астрономическія таблицы, прославившія Нюрнбергъ среди мореплавателей: по нимъ Колумбъ мечталъ объ Индіи и предсказалъ дикарямъ лунное затменіе. Регіомонтанъ умеръ внезапно въ Римѣ, куда папа пригласилъ его для исправленія календаря. Его вліяніе отразилось во всеобщемъ сомнѣніи въ системѣ Птолемея. А это сомнѣніе создало уроженца Торна и краковскаго студента, Коперника, который, въ 1499 г., отправился учиться въ Италію, когда ему было 26 л.

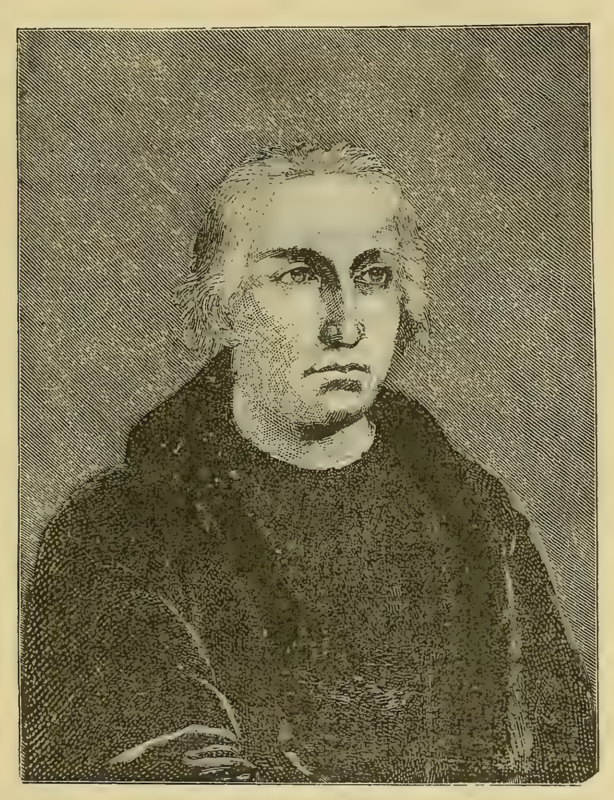
При такомъ направленіи положительнаго знанія, понятны успѣхи въ области географическихъ открытій, тогда какъ изобрѣтенія были лишь усовершенствованіемъ прежняго, да и то отчасти случайнымъ (компасъ, карманные часы, оптическія стекла, гравировка и вытравливаніе крѣпкой водкой на мѣди, чеканка монетъ, шлифовка алмазовъ, оружіе, органъ, мельница). Главныя изобрѣтенія, порохъ и книгопечатаніе, были извѣстны китайцамъ и арабамъ, а отчасти и европейцамъ (§§ 96, 144); но они такъ плохо примѣнялись ими, что принято считать ихъ творцами двухъ нѣмцевъ—монаха Шварца (около 1350 г.) и Гутенберга. По связи съ книгопечатаніемъ, важно еще распространеніе, съ половины періода, тряпичной бумаги, хотя изобрѣтена она китайцами еще предъ Р. Х., а отъ нихъ перешла, черезъ татаръ, къ арабамъ.

§ 152. **Открытія. Новый Свѣтъ.**—Гуманизмъ, открывшій природу и человѣка вообще (§ 148), повліялъ, возбужденіемъ

умовъ, и на открытія въ собственномъ смыслѣ слова, которыя составляютъ едва ли не самую блестящую страницу періода и служатъ гордостью человѣчества и свѣтскаго реализма. Уже въ прошломъ періодѣ (§ 96) торговля завела европейцевъ до Китая, а въ 14-мъ в. итальянцы и французы достигли сѣверо-западныхъ береговъ Африки. Первые путешественники разжигали любопытство сказочными описаніями далекихъ странъ: пустенькая книжка англійскаго рыцаря, Мандевиля, о чудесахъ Азіи была переведена на главные языки и стала любимымъ чтеніемъ. Чѣмъ непригляднѣе была дѣйствительность, тѣмъ болѣе вѣрили въ Острова Блаженныхъ, въ царство попа Іоанна (§ 96), въ Платонову Атлантиду (огромный островъ къ западу отъ Африки), въ золотоносные Антиллы (острова въ рыцарскихъ романахъ). Распалялась страсть къ странствіямъ и приключеніямъ, какъ при началѣ крестовыхъ походовъ; а тутъ турки отрѣзали путь на чарующій Востокъ. Обездоленные итальянскіе купцы стали издавать карты, по свѣдѣніямъ арабовъ и новыхъ путешественниковъ, и запаслись, кромѣ компаса, усовершенствованною астролябіей (§ 96), мечтая о Западѣ: западная Африка уже привлекала ихъ не однимъ золотомъ и черными рабами, но и надеждой попасть оттуда въ Азію, найти „морской путь въ Индію". Уже при Дантѣ (§ 98) было распространено мнѣніе Аристотеля о шаровидности земли; а путешественники утверждали, что Азія далеко тянется на востокъ: слагалось убѣжденіе, что неширокій океанъ отдѣляетъ Европу отъ Китая и Индіи.

Все устремлялось къ западу — и съ конца 14-го в. португальцы съ испанцами опередили итальянцевъ въ мореплаваніи. Особенно выдвинулись, въ этой міровой роли, португальцы, съ появленіемъ новой династіи Авизовъ. Ихъ царственный отецъ открытій, Генрихъ Мореплаватель (§ 126), сталъ героемъ баснословія, которое олицетворило въ немъ весь періодъ открытій. Но онъ былъ замѣчателенъ и на дѣлѣ, какъ типъ новаго человѣка. Воспитанный образованною, серьезною матерью, англичанкой, Генрихъ былъ великъ уже своею вѣрой въ науку. Онъ не испугался сказокъ, особенно распространяемыхъ монахами, которые старались слить географію древнихъ съ чудесами житій святыхъ: тогда толковали, будто у экватора зной спалитъ всякое животное, будто тамъ вода — вродѣ густого киселя, въ которомъ вязнутъ корабли, будто Африка населена чудовищами и т. д. При смерти Мореплавателя, португальцы уже знали Мадеру, о-ва Зеленаго Мыса, Азоры и Верхнюю Гвинею; а въ

1487 г. Діасъ открылъ Мысъ Доброй Надежды, который онъ назвалъ Бурнымъ, но король переименовалъ его, обрадовавшись надеждѣ достигнуть оттуда Индіи. Трусливый экипажъ не позволилъ рыдающему Діасу обогнуть Африку; и его съ трудомъ оторвали отъ столба, который онъ поставилъ на мысѣ. По интригамъ, король не давалъ смѣльчаку новыхъ судовъ,—и онъ пла-

Колумбъ. 15-го в. [1]).

валъ подъ чужой командой, пока не погибъ бурною порой въ пучинахъ Атлантики. Не онъ, а Васко де Гама открылъ южный путь въ Индію (1498). Тогда европейцы знали уже всю Европу, $^{2}/_{3}$ Азіи, сѣверъ, западъ и югъ Африки — всего ок. 1 милл. кв. миль, вдвое больше чѣмъ древніе.

---

[1]) Настоящаго портрета Колумба не существуетъ. Наиболѣе схожимъ, судя по описаніямъ, считается тотъ, который хранится въ морскомъ музеѣ, въ Мадридѣ. Съ него сдѣлано наше изображеніе.

Оставалось открыть Новый Свѣтъ—заслуга, которая выпала на долю сына ткача, генуезца Христофора Колумба. Колумбъ — представитель цѣлаго поколѣнія морскихъ героевъ. Пылкая натура доводила его до мистицизма и чудачества: онъ былъ порывистъ и сухъ въ обращеніи съ людьми, ходилъ къ св. мѣстамъ, гадалъ по Евангелію, не противился торговлѣ дикарями, такъ какъ церковь не считала ихъ людьми. Онъ раздѣлялъ съ современниками также стремленіе къ славѣ и отчасти къ золоту. Но надъ этими слабостями возвышались его здравый смыслъ, развитый наукой и наблюденіемъ, рѣдкое мужество и энергія, въ особенности же вдохновенная любовь къ идеѣ, соединенная съ чутьемъ природы и поэзіи. Довѣрчивая, простая натура, онъ вѣчно страдалъ отъ злыхъ посредственностей; но его любили бѣдняки, которымъ онъ дѣлалъ много добра, когда былъ въ чести, а дикари благоговѣли передъ нимъ, какъ передъ свѣтлымъ божествомъ. Выучившись математикѣ, Колумбъ съ 14 л. пустился въ плаваніе отъ Леванта до Исландіи и юношей поселился въ Португаліи, гдѣ женился на дочери опытнаго моряка и жилъ изготовленіемъ ландкартъ. Ему удалось много плавать съ португальцами, причемъ онъ все убѣждался, что южный путь въ Индію неудобенъ; а тутъ лучшій астрономъ прислалъ ему карту съ объясненіемъ, что гораздо легче западный, атлантическій путь. Азорскіе моряки показывали ему деревья, заносимыя гольфстремомъ, въ которыхъ онъ нашелъ сходство съ индійскою флорой, описанной у древнихъ. Говорили даже, что приплывали лодки съ трупами людей особой породы.

Колумбъ предложилъ королю испытать новый путь; но тотъ показалъ видъ, будто не обратилъ вниманія на его слова, а самъ тайкомъ послалъ корабли на западъ, которые возвратились ни съ чѣмъ. Оскорбленный Колумбъ уѣхалъ въ Кастилію, гдѣ нашелъ новое отечество: онъ сошелся съ знатною испанкой, забывъ свою португалку. Но и здѣсь Колумба сначала постигали неудачи. Его планъ дали разсмотрѣть саламанкскимъ профессорамъ, которые объявили его химерой, основываясь на текстахъ Библіи. Колумбъ собрался ѣхать въ Парижъ и Лондонъ; но духовникъ Изабеллы, съ которымъ онъ встрѣтился наканунѣ отъѣзда, удержалъ его и представилъ въ лагерь королевы, передъ которой пала тогда Гранада. Вдохновенная рѣчь смѣлаго, молодцоватаго мореплавателя (ему было 36 л.), который указывалъ ей на славу и на долгъ крестить язычниковъ, очаровала

королеву, охваченную высокимъ настроеніемъ послѣ побѣды. Она велѣла снарядить эскадру, обѣщая заложить свои драгоцѣнности, если въ казнѣ не хватитъ средствъ. Но министры не соглашались на условія Колумба, который требовалъ себѣ дворянства, званій „великаго адмирала океана-моря“ и вице-короля новыхъ земель, $^1/_{10}$ доходовъ, а также права назначать тамъ должностныхъ лицъ и давать монополіи. Колумбъ снова сталъ собираться въ Парижъ—и договоръ былъ подписанъ (1492).

Съ трудомъ набравши, частью изъ преступниковъ, сотню матросовъ, на средства, данныя казной и собранныя богачами, Колумбъ отплылъ, въ августѣ, изъ Палоса въ Андалузіи, на трехъ „каравелахъ“ — суденышкахъ, изъ которыхъ одно только было съ палубой. Направились черезъ Канарскіе острова, откуда плыли все прямо на западъ, при попутномъ вѣтрѣ и прелестной погодѣ. Наконецъ, матросами стало овладѣвать безпокойство: ихъ страшило самое постоянство вѣтра, который, думали они, не пуститъ ихъ домой. Но Колумбъ пообѣщалъ большую награду тому, кто первый завидитъ землю—и стали всматриваться кругомъ. Вотъ показалось „травяное море“; стаи птицъ засновали вокругъ кораблей; матросы выудили дощечку, затѣмъ палочку съ насѣчками. На 70-й день, ночью, Колумбъ замѣтилъ далеко блуждавшій огонекъ; а въ 2 часа, при лунномъ свѣтѣ, матросъ увидалъ мерцающій берегъ дивнаго, зеленѣющаго острова, который назвали С. Сальвадоромъ (Спасителемъ). Мореплавателей встрѣтили голыши темно-краснаго цвѣта, съ расписаннымъ тѣломъ. Благоговѣйно принесли они дары своей земли и пѣли радостные гимны бѣлымъ — „дѣтямъ божественнаго Солнца“. Впереди горсти героевъ стоялъ рослый, мужественный Колумбъ, въ ярко-красномъ мундирѣ, высоко подымая кастильское знамя, на которомъ играли ласковые лучи южнаго осенняго утра. Затѣмъ открылась цѣлая куча островковъ, и во главѣ ихъ великанъ Гаити, такъ похожій на милую Андалузію, что его назвали Эспаньолой (Испанійка). Пріятный климатъ, плѣнительная зелень тропическихъ луговъ и дѣвственныхъ лѣсовъ, крикливые рои яркихъ птицъ, стада обезьянъ, розовые рыболовы-фламинги, ароматы, опьяняющіе человѣка еще въ морѣ, далеко отъ берега, наконецъ дикари, подходящіе съ дѣтскимъ довѣріемъ, какъ птицы на Азорахъ, дававшіяся въ руки первымъ людямъ,—все изумляло и ласкало пришельцевъ. „Одинъ островъ прелестнѣе другого; нѣтъ словъ описать нашу нѣгу“, извѣщалъ Колумбъ Изабеллу и окончательно убѣждался, что

это—блаженная Индія древнихъ и Марка Пола: онъ и умеръ съ этой мыслью, не подозрѣвая, что открылъ Новый Свѣтъ.

Оставивши 40 человѣкъ на Эспаньолѣ, въ окопанной рвомъ башнѣ, Колумбъ поспѣшилъ домой. Онъ выдержалъ жестокую бурю, въ виду португальскаго берега, усыпаннаго плакавшимъ и молившимся народомъ; а завистливая португальская знать чуть не убила его. Въ Испаніи Фердинандъ принужденъ былъ ѣздить, съ героемъ, по улицамъ, запруженнымъ восторженной толпой; хидальги и купцы утопали въ мечтахъ о золотѣ и райской жизни на новыхъ мѣстахъ. На другой годъ Колумбъ снова поплылъ, но уже на 17 большихъ судахъ, съ изобиліемъ запасовъ, товаровъ, домашнихъ животныхъ, а также ремесленниковъ, церковниковъ и тѣхъ рыцарей, изъ которыхъ образовалась отважная океанійская дружана конквистадоровъ (завоевателей). Папа раздѣлилъ Атлантику пополамъ: востокъ — португальцамъ, западъ—испанцамъ. Теперь были открыты Малые Антиллы, съ ихъ людоѣдами-караибами. Подъѣзжая къ Эспаньолѣ, Колумбъ увидѣлъ развалины башни и поросшіе травой трупы: бѣлые, вопреки его увѣщаніямъ, уже осквернили непорочную почву острова грабежемъ и насиліями—и туземцы истребили ихъ. Настала иная пора. Борьба съ раздраженными дикарями, работы при постройкѣ города, лихорадка, ничтожное количество найденнаго золота,—все терзало переселенцевъ, въ особенности же изнѣженныхъ и высокомѣрныхъ хидальговъ. Измучился и разболѣлся самъ адмиралъ. Хидальги до того наклеветали на „пройдоху-иностранца“, что онъ долженъ былъ поѣхать въ Испанію. Онъ оправдался, съ помощью Изабеллы. Но Фердинандъ былъ недоволенъ малою добычей; царедворцы и чиновники притѣсняли адмирала изъ зависти; всеобщій энтузіазмъ остылъ, когда увидѣли „вмѣсто золота, желтыя лица возвратившихся“. Колумбъ отправился въ 3-е путешествіе съ плохимъ снаряженіемъ, съ матросами изъ преступниковъ, осужденныхъ на ссылку. На этотъ разъ онъ открылъ материкъ съ громадною рѣкой, съ дивной пахучей растительностью, съ гостепріимными жителями, обвѣшанными жемчугомъ. Онъ рѣшилъ, что это — библейскій рай въ Азіи; но то была Ю. Америка съ устьями Ореноко.

А на Эспаньолѣ, гдѣ адмиралъ поручилъ правленіе своимъ дѣльнымъ и честнымъ братьямъ, водворилась шайка разбойниковъ, съ свирѣпымъ, развратнымъ Ролданомъ во главѣ. Больной Колумбъ съ трудомъ усмирилъ ихъ—и колонія стала процвѣтать, какъ вдругъ новая бѣда изъ Испаніи. Интрига развилась: знать

называла новую землю „кладбищемъ хидальговъ“; ревнивый къ власти Фердинандъ не могъ сносить званія вице-короля, усвоеннаго Колумбомъ; казна тяготилась неокупавшимися открытіями. На Эспаньолу послали намѣстникомъ тупого, надменнаго царедворца, Бобадилью, который сдружился съ Ролданомъ, забралъ все имущество адмирала, не исключая подарковъ королевы, а его самого отправилъ, въ цѣпяхъ, въ Испанію, даже безъ допроса. Вопль негодованія поднялся среди опозоренныхъ испанцевъ; встрепенулась Изабелла—и великій адмиралъ былъ приглашенъ ко двору: королева заплакала при видѣ измученнаго героя; онъ бросился къ ея ногамъ, рыдая, какъ ребенокъ. Бобадилью смѣнили; но Фердинандъ не пускалъ Колумба, который сталъ сочинять мистическій планъ освобожденія Гроба Господня. Наконецъ, Изабелла дала ему плохенькую эскадру, съ которой онъ рѣшилъ открыть „путь въ Индію черезъ Америку“, представляя себѣ проливъ на мѣстѣ Панамскаго перешейка. Такъ совершилось 4-ое путешествіе Колумба. У Эспаньолы адмиралъ встрѣтилъ блестящую эскадру новаго намѣстника, Ованда, на которой Бобадилья съ Ролданомъ возвращались въ Испанію, запасшись награбленными у дикарей богатствами. Тутъ разразился свирѣпый орканъ—и эскадра пошла ко дну, а суденышки Колумба, предвидѣвшаго бурю, спаслись. Но самъ онъ былъ уже человѣкъ съ разбитымъ тѣломъ, хотя и съ прежнею энергіей. Его мысль застыла на Индіи: ища пролива, онъ вертѣлся подлѣ Мексики, не подозрѣвая, что подошелъ къ новому великому открытію. Экипажъ роиталъ, видя безплодность разъѣздовъ—и, въ угоду ему, Колумбъ сталъ искать золота. Бѣдствія обрушились на суденышки, подточенныя червями. Колумбъ писалъ: „Потокомъ лился дождь; по кипучему морю носились ужасные смерчи; гребни волнъ подымались на высоту, невиданную даже опытными моряками; днемъ и ночью небо пламенѣло, какъ расплавленная руда, при такихъ раскатахъ грома, что намъ казалось, будто близкія суда зовутъ на помощь пушечными выстрѣлами. У насъ истощились запасы воды и свѣжей провизіи, а сухари до того кишѣли червями, что приходилось утолять голодъ потемками, чтобы желудокъ не воспротивился такой пищѣ“. Разъ удалось высадиться; но туземцы заманили моряковъ золотомъ и многихъ перебили. Наконецъ, суда затонули, а страдальцы спаслись на Ямайкѣ. Здѣсь они устроили себѣ избушки, а нѣсколько смѣльчаковъ поплыло, на индійскихъ лодкахъ, по кипучему морю, въ Эспаньолу.

Колумбъ писалъ тогда монархамъ Испаніи: „Такъ мало дали мнѣ всѣ мученія и опасности, что я до сихъ поръ не могу назвать моею ни одной черепичной крыши въ Кастиліи. Окруженный нищетой и бѣдствіями, прикованный подагрой къ одру болѣзни, вѣчно ожидая на пустынномъ берегу нападенія дикарей, жду я смерти каждый день“. Такъ прошло больше года: Овандо до того раздражилъ туземцевъ своими насиліями, что боялся мятежа въ пользу гуманнаго адмирала, и не посылалъ ему помощи. Среди спутниковъ Колумба завелись свои Ролданы, которые довели дикарей до того, что они перестали приносить припасы. Но Колумбъ предсказалъ дикарямъ лунное затменіе— и они стали повиноваться ему, какъ пророку. Наконецъ Овандо, побуждаемый колонистами, которые въ церквахъ молились о своемъ адмиралѣ, послалъ судно за нимъ. Больной, измученный новыми бурями, возвратился герой въ Испанію, на пробитомъ суднѣ, безъ мачтъ (1504). Тогда же умерла Изабелла, завѣщавши мужу наградить адмирала. Но Фердинандъ осыпалъ милостями Ованда и шайку Ролдана, а Колумба чуть не судили „за пролитіе испанской крови“. „Я принужденъ искать крова и пищи по трактирамъ; и часто не знаю, чѣмъ буду платить завтра“, писалъ адмиралъ незадолго до смерти (1506). Его тѣло перевезли на Кубу.

Значеніе Колумба не въ новой идеѣ, которую раздѣляли съ нимъ многіе, а въ горячей вѣрѣ въ нее: онъ положилъ свою жизнь на ея доказательство. Его дѣло было не случайностью, а глубокимъ сознаніемъ, которое опиралось на науку, на возвышенность души и богатырскую силу воли. Самъ онъ лишь подконецъ, когда мистицизмъ овладѣвалъ его измученной душой, счелъ свой подвигъ чудомъ, „вѣяніемъ Божественнаго дыханія“. Онъ гордился своими страданіями: говорятъ, онъ повѣсилъ у себя въ кабинетѣ цѣпи Бобадильи и завѣщалъ положить ихъ съ собой въ гробъ. Не одни описанныя бѣдствія терзали великаго адмирала: рядомъ съ нимъ, хватаясь за его нить, шли ничтожные или недостойные люди, которые нарушали его привилегіи и отнимали у него право первенства въ мелкихъ открытіяхъ. И не Колумбіей, а „Новымъ Свѣтомъ“ (Novus Mundus) и Америкой назвали Новый Свѣтъ (1507), по имени одного изъ спутниковъ героя, итальянца Америга, который попалъ въ устья Амазонки и увлекательно изобразилъ этотъ рай въ письмахъ къ Лоренцу Медичи, пущенныхъ въ печать.

Между тѣмъ какъ Колумбъ съ испанцами открывали Но-

вый Свѣтъ, тщетно отыскивая „западный“ путь въ Индію, португальцы нашли „южный“ путь. Продолжая дѣло Діаса, Васко де Гама совершилъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ морскихъ подвиговъ—приплылъ, на 3 плохихъ корабляхъ, въ Калькутту (1498). Это великое событіе приблизило богатства дальней Азіи къ Европѣ и убило значеніе Венеціи и Генуи, которыя вели до тѣхъ поръ затруднительную караванную торговлю съ Востокомъ. Затѣмъ португальцы такъ увлеклись торговыми выгодами, что стали изъ года въ годъ снаряжать новыя экспедиціи. Одна изъ нихъ была занесена въ страну, названную Бразиліей (1500), по цвѣтному дереву; другія захватили берега восточной Африки и Аравіи и утвердились на Малабарскомъ берегу. Между тѣмъ испанцы продолжали работать въ Вест-Индіи (западная Индія), какъ наименовали открытіе Колумба: они уже подходили къ Мексикѣ и овладѣли берегами южной Америки до Парагвая. Въ тоже время венеціанецъ Каботъ, больше всѣхъ напоминавшій Колумба, открылъ, насчетъ англичанъ (§ 122), Сѣверную Америку отъ Флориды до земли, которую назвали Лабрадоромъ, считая эскимосовъ наилучшими работниками (lavradores). Но все это—лишь открытія и набѣги ради золота и рабовъ: насажденіе колоній было впереди.

§ 153. **Національная литература.**—Что́ было въ наукѣ, то же происходило въ литературѣ. И она проникалась гуманизмомъ, но лишь постепенно и еще въ слабой степени. Сначала въ высшемъ обществѣ и отчасти въ городахъ еще господствовалъ романтизмъ, центрами котораго были послѣдніе притоны рыцарства—французскій и особенно бургундскій дворы. Но то была уже пора его разложенія, начавшагося подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ (§ 97), вмѣстѣ съ упадкомъ рыцарства. Бездарный минестрель превращался въ пьяницу и попрошайку; имя его дѣлалось браннымъ словомъ; удѣломъ его становились голодовка и всеобщее презрѣніе; въ Англіи законъ вскорѣ приравнялъ его къ „бродягамъ“ и уличнымъ скоморохамъ. Заунывный тонъ, плачъ о добромъ старомъ времени вносили только однообразіе въ его послѣднія выдохшіяся пѣсни. Попытки помочь умирающей поэзіи были жалки: таковы планы поэмъ, которые обрабатывали придворные поэты по наброскамъ Максимиліана I; да и самъ этотъ послѣдній рыцарь и миннезенгеръ на тронѣ болѣе заботился о народной поэзіи, губившей романтизмъ. Рыцарская поэзія стала формализмомъ—погоней за

изысканной внѣшностью и щепетильнымъ соблюденіемъ условностей. Послѣдніе слѣды чувства и природы замѣнились беззастѣнчивымъ цинизмомъ. Чтобы прикрыть свою пустоту, поэты впадали въ педантизмъ, щеголяя схоластическими тонкостями, приводившими къ скукѣ и растянутости. Чтобы прикрыть грязь содержанія, они вдавались въ отвлеченность, въ назиданія и аллегорію, которыя впрочемъ были тогда и у мистиковъ, и у Жерсона (его латинская поэма о Добродѣтели), и у гуманистовъ (воспѣваніе Глупости, Подагры, и проч.), и въ драмѣ.

Эти черты упадка прежней, безыменной поэзіи, такой наивной, но свѣжей и своеобразной, ясны даже во Франціи, гдѣ портился и языкъ подъ мутнымъ наплывомъ латинскихъ словъ и оборотовъ. Здѣсь, среди кучи скучныхъ извращеній эпоса (Chansons de geste), не встрѣчается поэмы о Жаннѣ д'Аркъ! А Франція, пока еще не народились національныя литературы, продолжала быть очагомъ всеобщей поэзіи: ея поэты переводились, передѣлывались или вызывали подражаніе на всѣхъ языкахъ Европы, отъ испанскаго до исландскаго. Упадокъ лучше всего выразился въ той формѣ, которую принялъ тогда Roman de la Rose (§ 97), ставшій главною пищей высшаго общества. Здѣсь аллегорія и особенно цинизмъ (напр., Пѣснь Пѣсней) доходятъ до такого безобразія, что явился протестъ со стороны такихъ чистыхъ личностей, какъ Жерсонъ и Христина пизанская. Въ концѣ періода, когда стали толковать о крестовомъ походѣ противъ турокъ, въ рыцарскомъ эпосѣ появились восточныя черты. Ими богатъ возникшій въ Испаніи третій циклъ эпоса, который вытѣснилъ два старѣйшіе (§ 97). Это — отецъ нынѣшняго романа, разсказъ объ Амадисѣ, въ которомъ впервые центромъ служитъ любовь (обыкновенно принцесса велитъ своему обожателю совершить рядъ чудесныхъ подвиговъ). „Амадисъ" вытекъ изъ Артурова цикла, но представляетъ собой полное паденіе романтизма. Это — безсвязное собраніе всевозможныхъ разсказовъ, съ чертовщиной и необузданною фантазіей, да еще назиданія, какъ держать себя, какъ писать письма и т. д. Подконецъ эпосъ облекается въ плохую прозу, вставляетъ текущія событія въ древнюю форму и переходитъ въ краткіе разсказы, которые доселѣ сохраняются на всѣхъ языкахъ, въ видѣ сказокъ и лубочныхъ изданій. Нибелунги также распались на мелкія пѣсни и огрубѣли въ формѣ такихъ собраній, какъ наполненная чертовщиной „Богатырская Книга" (Heldenbuch).

Но, рядомъ съ увядающимъ романтизмомъ, расцвѣтала новая

литература, вмѣстѣ съ успѣхами новыхъ языковъ, низшихъ классовъ и свѣтскаго реализма. Во главѣ ея шла Италія, гдѣ уже Дантъ писалъ выработаннымъ итальянскимъ языкомъ (§ 98). Но у Данта еще сильны пережитки среднихъ вѣковъ— аллегорія и романтизмъ трубадуровъ. Они ясны и у пѣвца „мадонны Лауры", Петрарки, долго жившаго въ Провансѣ. Его сонеты и канцоны—однообразный рядъ сентиментальныхъ воздыханій о дамѣ сердца, что̀ не мѣшало поэту быть семьяниномъ и даже обращаться съ своей женой, какъ грубый рыцарь. Это все еще куртуазія: иногда Лаура даже обращается въ символъ лавроваго вѣнка, котораго такъ добивался Петрарка. Но здѣсь уже болѣе, чѣмъ у Данта, замѣтенъ новый человѣкъ: Лаура болѣе жизненное созданіе, чѣмъ Беатриче; въ чувствѣ поэта пробивается трогательная нѣжность; языкъ и теперь считается у итальянцевъ чудомъ легкости и музыкальности. Оттого Воклюзскій источникъ сталъ мѣстомъ богомолья для чувствительныхъ сердецъ; а лирика въ Италіи четыре вѣка не могла отдѣлаться отъ вліянія Петрарки, была слащава и одностороння. Важнѣе отецъ итальянской прозы, Боккачіо, съ котораго начинается новая, реальная литература. То было инстинктивное проявленіе новой потребности. Самъ Боккачіо считалъ поэзію нравственною аллегоріей и писалъ въ духѣ французскаго романтизма, который отразился даже въ формѣ „Декамерона" и въ его галлицизмахъ. Гордясь званіемъ гуманиста, онъ стыдился своихъ итальянскихъ сочиненій, которыя набрасывалъ съ 6 л., и отъ раскаянія кончилъ мистицизмомъ и богословіемъ. Тѣмъ не менѣе, Боккачіо приготовилъ Европу къ литературно-художественному „паганизму". Онъ выставилъ въ „Декаменронѣ" могучій, народный реализмъ, доведенный, какъ реакція, до цинизма. „Декамеронъ"—100 повѣстей, взятыхъ изъ устъ толпы въ томъ видѣ, какъ онѣ пришли съ Востока черезъ арабовъ, монголовъ и русскихъ или сохранились въ фабльо и въ рыцарскомъ романѣ. Онѣ изложены изящнымъ, легкимъ языкомъ и дышатъ жизненною правдой и разнообразіемъ; въ нихъ роскошныя и вѣрныя описанія быта и природы (чума во Флоренціи). Та же, незнакомая Петраркѣ, сила реализма въ романѣ „Фьяметта", гдѣ замѣчателенъ тонкій анализъ любви поэта къ дочери неаполитанскаго короля, Маріи. „Декамеронъ" важенъ еще по разлитой въ немъ струѣ народной сатиры, особенно противъ духовенства: тамъ много такихъ разсказовъ, какъ про брата Лука (§ 141). Гуманизмъ, презиравшій „мужицкую рѣчь",

на цѣлый вѣкъ задержалъ развитіе итальянской литературы. Но истинный его поэтъ, Полиціано (§ 147), достигъ правды и свѣжести, потому что его стихи оживлены вѣяніемъ народной поэзіи. Онъ прекрасно владѣлъ и итальянскимъ языкомъ, который выдвигался, въ концѣ періода, наравнѣ съ древними, по мѣрѣ паденія гуманизма. Лоренцо Медичи и Альберти были ранними представителями національной литературы, которая воскресала во Флоренціи: сонеты перваго изъ нихъ къ своей Лукреціи не хуже сонетовъ Петрарки.

Подъ вліяніемъ Италіи, въ Испаніи сложился, въ своей простотѣ и силѣ, тотъ языкъ, который потомъ утратилъ это свойство. Тамъ подконецъ явились зародыши свѣтскаго театра; а Альфонсъ X начиналъ новую лирику. Въ Англіи и Шотландіи знать наслаждалась романтизмомъ, пока господствовалъ французскій языкъ. Національная поэзія сохранялась только въ видѣ народныхъ пѣсенъ у кельтовъ, шотландскихъ горцевъ и англійскихъ сельчанъ. Но съ половины 14-го в. англійскій языкъ выдвигается даже среди интеллигенціи, какъ знакъ полнаго сліянія норманновъ съ англосаксами. Статутъ 1362 г. повелѣвалъ ввести его въ судахъ, „ибо французскій мало извѣстенъ"; а въ 1415 г. явился первый парламентскій актъ на англійскомъ языкѣ (§ 137). Тогда же начали переводить романы съ французскаго. Но подлѣ нихъ явилось нѣчто небывалое — „Плачъ Петра Пахаря", написанный бѣлыми стихами и еще грубымъ языкомъ. Авторъ поэмы, современникъ Виклифа, угрюмый монахъ Лонглендъ, считался дурачкомъ и кормился причитаніями на знатныхъ похоронахъ. Онъ ненавидѣлъ распутную знать, проносившуюся мимо него въ шелкахъ и мѣхахъ. Тяжела поэзія нищаго монаха, наполненная аллегоріями и текстами св. Писанія; но въ ней живые взрывы негодованія и народный юморъ: здѣсь первый проблескъ нравственнаго сознанія народа-страдальца—лоллардство и крѣпостничество, Виклифъ и Тайлеръ. Поэма проникнута глубокою скорбью объ испорченности міра: это—гимнъ труду и голоду, честной жизни, которая „дороже тысячи индульгенцій". Въ концѣ побѣждаетъ Антихристъ: Раскаяніе дремлетъ между Порокомъ и Смертью; вытѣсняемая Гордостью и Лѣнью Совѣсть беретъ посохъ и ищетъ Пахаря, какъ единственнаго проводника къ Правдѣ и Добродѣтели.

Современникъ Лонгленда, Чосеръ, уже овладѣлъ формой и новымъ образованіемъ и сталъ „отцомъ англійской поэзіи". Царедворецъ по женѣ, то богатый и чиновный, то нищій и гонимый,

онъ испыталъ французскій плѣнъ, сидѣлъ въ Тоуерѣ за сочувствіе Виклифу, былъ въ Италіи, гдѣ, кажется, видѣлся съ Петраркой и Боккачіо. Живой, впечатлительный, онъ тонко наблюдалъ природу и человѣка и заимствовалъ отовсюду—изъ классиковъ и восточныхъ сказокъ, изъ романтизма и легендъ, изъ Данта и Петрарки, но особенно увлекался Боккачіо. Все это перерабатывалось у него своеобразно и искусно: въ немъ отразился подъемъ національнаго духа эпохи Эдуардовъ. Самъ Чосеръ—невзрачная, угрюмая, осанистая фигура, съ большой бородой, вся въ черномъ, съ ножомъ и чернильницей за поясомъ; жилъ онъ отшельникомъ и все читалъ книги, пока не потемнѣетъ въ глазахъ. А его поэзія самая гуманная и веселая. У одного поэта Любовь говоритъ про него: „ликующая земля исполнена пѣсенъ и пѣсенокъ, которыя онъ сложилъ для меня". „Кентерберійскіе Разсказы" Чосера близки къ „Декамерону" даже по формѣ и, какъ онъ, имѣютъ связь съ фабльо; но въ нихъ свои черты—насмѣшливость и блескъ француза (даже много галлицизмовъ) да нравственная серьезность англичанина. У Боккачіо—зубоскальство надъ вѣтренностью женщинъ, у Чосера—указанія на постоянство Небесъ. „Кентерберійскіе Разсказы" —путешествіе разношерстной компаніи изъ Лондона въ Кентербери, наполненное анекдотами, гдѣ юмористически рисуется „всякій народъ", причемъ достается клиру и догматамъ. Здѣсь впервые внѣ Италіи—не аллегорія, а реальная жизнь, не ледяная условность, а драматизмъ. И въ каждой строчкѣ сквозятъ слитыя со смѣхомъ слезы, теплая терпимость, что-то нѣжное, свѣжее, радостное. Съ Чосеромъ замерла юная поэзія, раздѣляя судьбу всего національнаго духа, подпавшаго деспотизму Тюдоровъ. Явилось множество компиляцій рыцарскихъ поэмъ, риѳмованныхъ хроникъ, книжекъ по алхиміи и магіи. Монастыри стали притономъ невѣжества (§ 149); въ Оксфордѣ была лишь $^1/_5$ студентовъ сравнительно съ временемъ Чосера. Англійскій языкъ не пошелъ дальше ясной, но мужиковатой и полубиблейской рѣчи Виклифа и темной, тяжелой прозы Чосера. Кекстонъ не зналъ, какъ переводить классиковъ. „Нынѣшній англійскій языкъ много отличается отъ того, которымъ говорили, когда я родился", заявляетъ онъ. Однажды на Темзѣ проѣзжій купецъ попросилъ ѣсть у мѣщанки. Та не поняла его и отвѣтила: „я не говорю пофранцузски". „Чортъ возьми, но и я не знаю пофранцузски!" воскликнулъ голодный собесѣдникъ.

На материкѣ голландцы шли впереди тевтонскаго племени.

У нихъ, наряду съ французскимъ романтизмомъ, выступаетъ мѣщанская поэзія, къ которой присоединяется вліяніе Боккачіо. Отличія этой поэзіи, отцомъ которой считается Мерландтъ,—назидательность и сатира противъ рыцарства, въ особенности же противъ духовенства и индульгенцій. Основная бысль—что добродѣтель ищите только у бюргера и мужика, поясняется полными задушевности и реализма примѣрами. Самое популярное сочиненіе, „Зерцало міранъ“, родъ Домостроя, учитъ, что всѣ равны и что государи обязаны своею властью народамъ. Реализмъ фламандцевъ выразился и въ массѣ риѳмованныхъ хроникъ, переходившихъ, ок. 1400 г., съ образованіемъ прозы, во множество лѣтописей, которыми всегда щеголяла Голландія. Здѣсь народъ любилъ еще шпроки—родъ мѣстнаго „Декамерона“ или фабльо: это—потѣшныя и циничныя повѣстушки, которыя разсказывали шпрехеры—родъ менестрелей у бюргеровъ. У шпрехеровъ возникла (ок. 1400 г.) и новая Кумушка-Лиса (Reinaert)—назидательная, расширенная (прибавки изъ Эзопа) передѣлка лисьяго романа (§ 97), живая и злая сатира на средніе вѣка, которая стала одною изъ первыхъ печатныхъ книгъ и была переведена почти на всѣ языки. У голландцевъ развились и народныя пѣсни. Ихъ напѣвы, а нерѣдко и содержаніе, встрѣчаются въ духовныхъ пѣсняхъ: таковы колядки и мистическія „пѣсни любящей души“, страстно воспѣвающія жениха-Христа. Подконецъ по всей странѣ распространились любимыя горожанами драматическія состязанія поэтовъ, составлявшихъ „риторическія палаты.“

Нѣмцы перенимали у голландцевъ и французскій романтизмъ, и мѣщанскую поэзію. У нихъ все усиливалась сатира на рыцарство и поэтовъ, которые „воспѣваютъ любовь, а самимъ имъ ѣсть нечего“, въ особенности же па церковь, забывшую Библію. Слагалась и проза. Уже Людвигъ Баварецъ велѣлъ писать всѣ документы только понѣмецки; а Каръ IV смѣшивалъ верхне-и нижне-нѣмецкія нарѣчія, подготовляя этимъ нынѣшній литературный языкъ Германіи. Гуманисты не забывали родной рѣчи. Пиркгеймеръ первый переводилъ классиковъ. Подъ вліяніемъ Энея Сильвія (его Euryalus et Lucretia — прелестный разсказъ о любви одного юноши и замужней женщины), возникъ даже народный романъ въ прозѣ, тема котораго—сліяніе знати съ мѣщанами путемъ любви. Развивалась и народная пѣсня, особенно у швейцарцевъ и дитмаршей, у которыхъ это—побѣдный гимнъ свободѣ, Земпаху и т. д.

Явилась и ненавистная рыцарству пѣсня „О капляхъ пота рабочаго“, воспѣвавшая трудъ, какъ всемірный божественный орденъ. Къ концу періода національная поэзія становилась патріотическимъ дѣломъ. Благоговѣя передъ нею. хорошій латинистъ, Максимиліанъ I писалъ стихи только понѣмецки. Гуманисты прославляли его за это и печатали произведенія народнаго творчества. Агрикола самъ сочинялъ пѣсенки и подыгрывалъ на цитрѣ. Струя народной поэзіи, съ ея ненавистью къ папству, ясна въ сатирѣ нѣмецкихъ гуманистовъ. Сынъ мужика, Бебель (§ 150), гордившійся своимъ происхожденіемъ, выхватилъ свои „Шутки“ у народа; „Похвала Глупости“ —изящное изданіе народной сатиры; „Письма невѣждъ“—неподражаемое сліяніе народнаго юмора съ гуманизмомъ; а Гуттенъ уже пишетъ нѣмецкіе стихи, ставшіе началомъ новой поэзіи съ общественными задачами. Между тѣмъ какъ гуманисты брали у народа, ихъ собственные труды переходили въ массы въ переводахъ. Главнымъ плодомъ народно-гуманистической сатиры былъ „Дурацкій Корабль“ Бранта (§ 149), гдѣ жестоко осмѣяно духовенство, хотя авторъ былъ папистъ. Это произведеніе, которое нѣмцы называли „божественною сатирой“ и ставили выше „Божественной Комедіи“, вскорѣ было переведено почти на всѣ языки и вызвало много подражаній даже въ драматической формѣ. Отъ него пошла реальная „бюргерская“ поэзія, а языкъ ея вошелъ въ пословицы.

Во Франціи новая, національная, литература зарождалась также лишь къ концу періода, когда родная рѣчь была введена въ суды. Если ея языкъ потерялъ въ первобытности, зато онъ обогатился научными словами и отвлеченными, философскими выраженіями, благодаря множеству переводовъ классиковъ. Если палъ, въ томъ же смыслѣ, ея романтизмъ, зато новая поэзія „королевскихъ пѣсенъ, балладъ и рондо“ отличается небывалымъ реализмомъ: это — риѳмованная исторія, которая уступала только такому крупному поэту въ прозѣ, какъ Фруассаръ. А рядомъ возникла, какъ вездѣ, мѣщанская поэзія, съ ея грубымъ реализмомъ и сатирой на знать и духовенство: здѣсь Гюгъ Капетъ уже оказывается внукомъ мясника. И безымянное народное творчество смѣняется личностью поэтовъ, которая достигаетъ высшаго развитія въ Валлонѣ. Убійца, воръ и бродяга, спасенный Людовикомъ XI отъ висѣлицы, но рано умершій отъ разврата и пытокъ, Валлонъ служитъ переходомъ къ новой лирикѣ, по своему юмору, по своей жизнен-

ной, хотя и грубой, правдѣ. Это—первый средневѣковый поэтъ, котораго мы понимаемъ безъ толкованій ученыхъ.

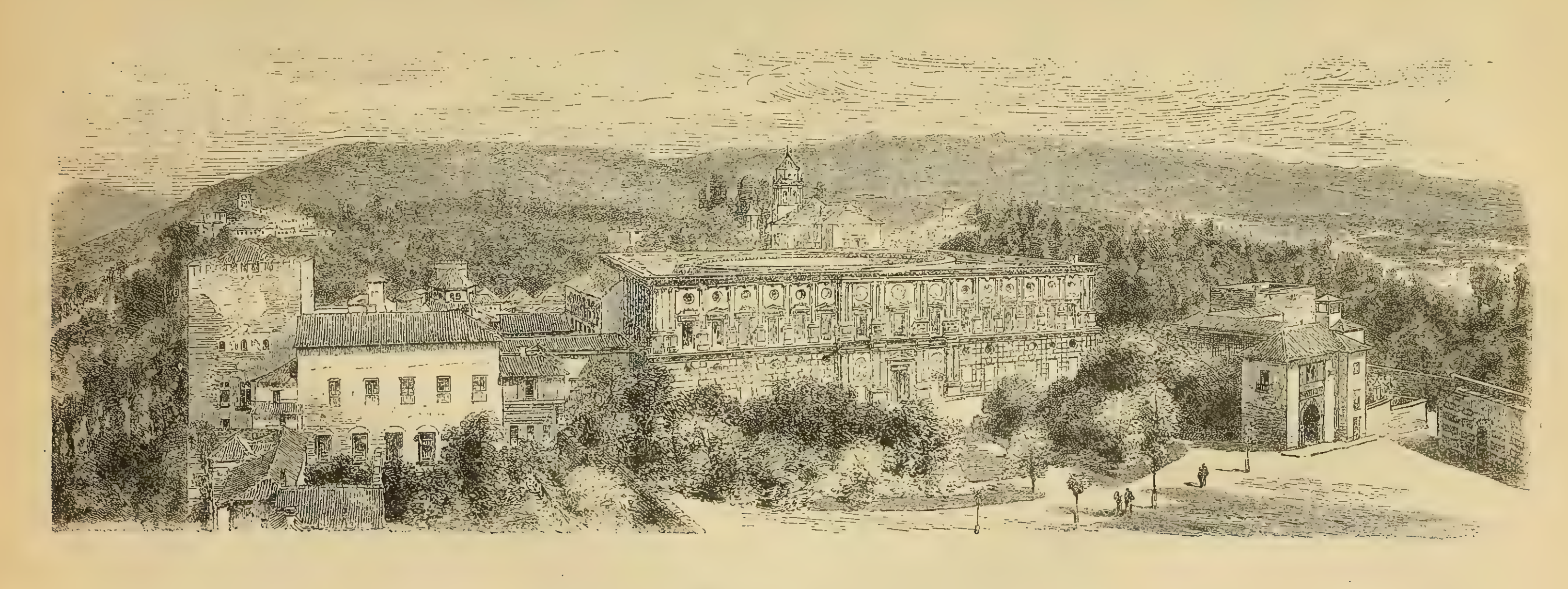
Тогда же во Франціи возникъ новый родъ поэзіи—драма, которою увлекались всѣ сословія: государи, монастыри, города, корпораціи, богачи—всѣ старались ставить пьесы пороскошнѣе; множество людей, особенно низшаго званія, превращалось въ актеровъ и драматурговъ, наплодившихъ милліонъ плохихъ стиховъ. Намеки на драму были съ самаго начала въ церкви: весь культъ, построенный на жизни Христа,—трагедія. При крестныхъ ходахъ дѣлали остановки для представленія страстей Христовыхъ; на кладбищенскихъ стѣнахъ рисовали пляски смерти; въ картинахъ и поэзіи адъ и воскресеніе изображались съ драматизмомъ, которымъ проникнуты даже аллегоріи въ Roman de la Rose. Въ монастыряхъ издавна совершались мимическія мистеріи или „чудеса" (miracles, въ Испаніи—„акты", autos), изображавшія сначала страсти Христовы, потомъ жизнь Маріи и святыхъ. При этомъ въ церкви, подъ хорами, устраивали св. гробъ, окруженный кулисами и статуями; въ дыру на крышѣ возносилось изображеніе Христа; тѣмъ же путемъ спускался св. Духъ, въ видѣ голубя. Монахи (они представляли и женщинъ) пѣли латинскіе псалмы и говорили монологи на родномъ языкѣ. Когда мистеріи начали тянуться цѣлый мѣсяцъ и потребовались сотни актеровъ, стали строить сараи подлѣ церквей и давать роли міря намъ, именно жонглерамъ (§ 97), которые и сами потѣшали рыцарей коротенькими представленіями. Жонглеры вставляли разсказы изъ рыцарскихъ романовъ и народныя шутки,—и вскорѣ комизмъ дошелъ до такихъ явленій, какъ праздники дураковъ и ословъ (§ 91), напоминавшіе сатурналіи. Все это развивалось особенно во Франціи, гдѣ появился на сценѣ, въ чертовщинахъ (diableries), самъ бѣсъ, предтеча паяца. Въ отпоръ аскетизму, здѣсь дошли до такой грязи, что церковь запретила клиру участвовать въ мистеріяхъ,—и ими совсѣмъ овладѣлъ народъ. При Филиппѣ IV представленія стали разнообразны и уже давались при дворѣ: явилась и исторія Кумушки-Лисы въ лицахъ. Возникла и утвержденная королемъ артель трагиковъ изъ мѣщанъ и рабочихъ—„Братство Страстей". У нихъ уже была постоянная сцена, состоявшая изъ 3 этажей—ада, земли и неба; были богатыя декораціи, выдуманные итальянцами „секреты" (машины), дорогіе костюмы и гримировка, причемъ такъ разрисовывали раны Христа, что публика плакала. Еще

важнѣе базошь (§ 137)—артель придворныхъ юристовъ, надзиравшихъ за общественными развлеченіями. Она выдумала моралите—назидательныя аллегоріи въ лицахъ, гдѣ осмѣивались пороки времени. Отсюда вытекла комедія. Сначала это были народные „фарсы“, шутовство: здѣсь даже Богъ-Отецъ представлялся спящимъ во время страстей Христа. Въ концѣ періода прославился взятый изъ жизненнаго случая фарсъ „Адвокатъ Пателенъ“, блещущій веселостью, мѣткими характеристиками, правильнымъ и легкимъ языкомъ. Смѣлѣе базоши были „Дураки“ или „Безпечныя Дѣти“, дававшія глупости (sotties): здѣсь всѣ люди „стараго свѣта“, не исключая высокихъ лицъ, изображались простофилями.

§ 154. **Искусство.**—Торжество свѣтскаго реализма и Возрожденія особенно ясно въ искусствѣ. Оно подготовлялось паденіемъ мавританскаго и готическаго стилей. Арабское искусство, занятое одною орнаментовкой, сосредоточивалось на Востокѣ. Но въ Гранадѣ оно проявилось, передъ смертью, во всемъ своемъ блескѣ. Дворецъ Альгамбра (14 в.)—высшая точка его развитія [1]). Здѣсь—сталактитовые куполы, цѣлый лѣсъ тонкихъ колоннъ и легкихъ сводовъ; низы стѣнъ покрыты плитами изъ цвѣтныхъ фаянсовъ, а наверху всюду нарядные арабески, словно филигранная работа, да золотые узоры по лазоревому полю; посреди залъ и на дворахъ—фонтаны, ванны, розовые сады; есть даже зачатки ваянія и живописи, напоминающіе работу флорентійцевъ того времени. И теперь развалины Альгамбры поражаютъ смѣлостью, воздушностью, нѣжной граціей умершаго искусства. Чудится, будто журчитъ и плещется вода, играетъ солнце промежъ колоннъ и арокъ, несутся тонкіе, опьяняющіе ароматы, подъ сводами ложатся мягкія, прохладныя тѣни,—и воскресаетъ таинственная сказка Востока съ изнѣживающими чарами мечтательной поэзіи.

---

[1]) Этотъ „Красный Замокъ“, на кремнистой горѣ Гранады, весь испещренъ, въ причудливыхъ арабескахъ, надписью: „Одинъ Богъ—побѣдитель“. Въ одной залѣ темное пятно на мраморномъ полу: по преданію, это—кровь послѣднихъ поборниковъ ислама. Альгамбра занимала 3 версты въ окружности и была обнесена сохранившеюся и теперь стѣной со многими башнями, которыя служили темницами. На нашемъ рисункѣ Альгамбра представлена въ нынѣшнемъ видѣ. Посрединѣ стоитъ мавританскій дрорецъ, построенный въ 1213—1338 г., за нимъ — приходская церковь, налѣво неконченный дворецъ Карла V, монастырь (теперь казарма) и нѣсколько домовъ. Все это утопаетъ въ зелени роскошнаго парка, изобильно снабженнаго водой. Въ 1890 г. пожаръ повредилъ Альгамбру.

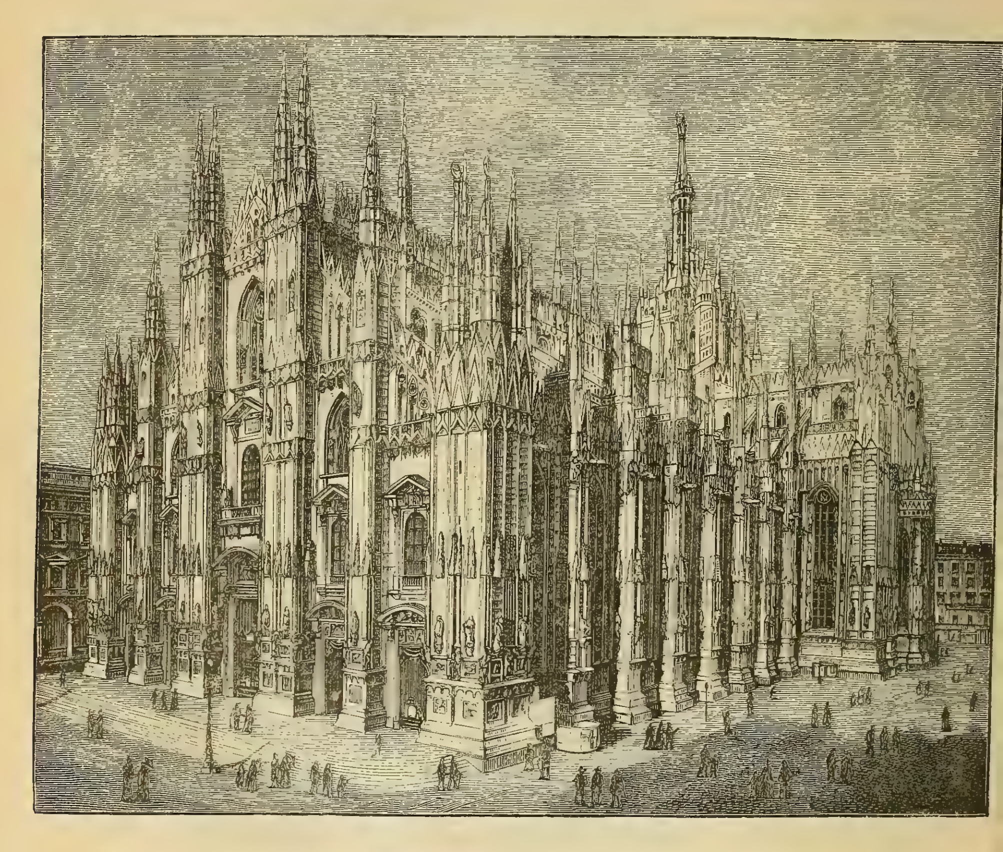

Альгамбра. 14-го в.

Ничего подобнаго не представилъ готикъ, который падалъ тогда. Это особенно бросалось въ глаза въ зодчествѣ. Уже мало строилось новыхъ храмовъ: больше кончали, подновляли да разукрашали старые. Величавый копьевидный стиль (§ 99) смѣнился „пламеннымъ" (flamboyant) или „лучезарнымъ". Пользуясь высокою техникой, строители гонялись за дерзкими эффектами, въ особенности же за пестрымъ узорочьемъ, подъ которымъ исчезали главныя линіи. Внутри своды превращались въ сѣтки, звѣзды и сталактиты, а стекла—въ пышныя розы; снаружи—всюду коньки, рѣшеточки, башеньки: и храмъ казался каменнымъ кружевомъ, развѣшаннымъ на самыхъ тонкихъ и высокихъ стрѣлкахъ (Сент-Уанъ въ Руанѣ, св. Витъ въ Прагѣ). Красивое, но тревожное, больное искусство, напоминавшее хитросплетенія схоластики, было непрочно: соборы вѣчно чинились. Въ Германіи соборный готикъ процвѣталъ хотя количественно. Нѣмецкіе мастера работали даже въ Италіи, образуя „строевыя хижины"—артели монастырскаго характера, съ страсбургскимъ „мастеромъ" во главѣ. Они имѣли свой судъ, хранили тайны своего ремесла, узнавали другъ друга по условнымъ знакамъ и такъ знали теорію пропорцій (§ 99), что безъ художниковъ строили храмы, иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Но качественно нѣмецкій готикъ (храмъ св. Стефана въ Вѣнѣ) представлялъ паденіе: теорія пропорцій стала тиранической схоластикой; явилось безпокойное стремленіе загибать, ломать, свѣшивать линіи; головки колоннъ все сокращались и даже совсѣмъ пропадали. На сѣверѣ Германіи, также какъ и въ Голландіи, готикъ еще прозаичнѣе и грубѣе, вслѣдствіе употребленія кирпича и деревянной крыши. Портился и англійскій стиль: его назвали „декоративнымъ" и „перпендикулярнымъ", по стремленію изукрашать мелочи и играть прямыми линіями до того, что стѣны казались сѣтками, а окна—рѣшетками. Безобразіе увеличивалъ „Тюдоровъ стиль"—приплюснутая съ боковъ и приподнятая посрединѣ арка (часовня Генриха VII въ Вестминстерѣ). Въ Испаніи пламенный стиль достигъ, подъ арабскимъ вліяніемъ, такой крайней роскоши и каприза, какъ соборъ въ Бургосѣ, внутренняя отдѣлка котораго относится къ концу 15-го в. (стр. 266). Въ Италіи попрежнему были слабы слѣды готика въ просторныхъ соборахъ съ куполами (миланскій) и въ красивыхъ свѣтскихъ зданіяхъ (дворецъ дожей въ Венеціи); а съ началомъ 15-го в. они совсѣмъ вытѣсняются Возрожденіемъ.

Но готикъ еще проявлялъ силу и былъ производителенъ въ

своихъ трехъ главныхъ убѣжищахъ. Во Франціи ему помогало меценатство принцевъ крови, авиньонскихъ папъ, буржуазіи, въ особенности же такихъ королей, какъ Филиппъ Красивый и Карлъ V, которые пріобрѣтали всѣ лучшія новинки въ искусствѣ, гдѣ бы онѣ ни появились. Ту же роль играли во Фландріи расцвѣтъ независимыхъ городовъ, въ Богеміи—націо-

Миланскій соборъ. Начатъ въ 1386, освященъ въ 1577 г.

нальный подъемъ чеховъ, украсившій даже деревни художественными памятниками. Здѣсь искусство подконецъ пыталось даже выступить на новый путь: всюду проникалъ фламандскій натурализмъ или подражаніе природѣ, безъ котораго невозможно было и пониманіе классиковъ; а рядомъ шло усовершенствованіе техники (фламандцы изобрѣли масляныя краски и воздушную перспективу, нѣмцы — гравировку). Натурализмъ сказывался, въ зодчествѣ, даже въ выборѣ работъ: насчетъ цер-

ковныхъ зданій размножались свѣтскія—дворцы, „отели“ (палаты), ратуши, цеховые, гильдійскіе, даже художественные частные дома; и эти постройки (новыя части Лувра, Бастилія, Венсенскій замокъ, отель Клюни въ Парижѣ, отель Кёра въ Буржѣ) отличаются строгостью линій, изяществомъ узоровъ и просторомъ, намекая на зодчество Возрожденія. Въ изобразительныхъ искусствахъ натурализмъ проявлялся въ томъ, что религіозное содержаніе обставлялось обыденною жизнью, съ пейзажемъ и одѣяніемъ современности, съ портретами живыхъ лицъ, причемъ образцомъ для Дѣвы Маріи уже служили любовницы художниковъ. Затѣмъ пошло и свѣтское содержаніе—сцены изъ рыцарскихъ романовъ, даже изъ античныхъ преданій. Рядомъ развивался комизмъ, часто въ грубыхъ каррикатурахъ, съ циничными подписями, съ кривляками-чертями и гнусными чудовищами. И это всюду, даже на коврахъ и коробочкахъ, на посудѣ и драгоцѣнностяхъ. Особенно развивалось портретное ваяніе, вмѣстѣ съ обычаемъ ставить надгробные памятники, благодаря фламандской школѣ Слютера, которая разрывала со стариной своею свободой, страстнымъ движеніемъ, своеобразіемъ замысловъ, реальностью драпировокъ, пока еще не знали голаго тѣла. Улучшалось даже мелкое искусство—на печатяхъ, посудѣ, драгоцѣнностяхъ. Подконецъ еще дальше двинулась живопись, служившая здоровому натурализму. Сначала то была миніатюра, породившая сотни искусныхъ художниковъ даже въ Богеміи, расписываніе стеколъ и рисунки на коврахъ; потомъ явились великіе мастера эпохи [1]). Успѣхамъ обновлявшагося искусства служилъ его международный характеръ: фламандцы кучами работали во Франціи, французы—въ Миланѣ и Прагѣ, чехи—въ Германіи; вліяніе Джіотто достигало Дуная и Рейна.

Джіотто—уже предвозвѣстникъ искусства новаго времени, родившагося въ Италіи. Конечно, вообще оно—плодъ духа гуманизма, какъ готикъ былъ плодомъ перваго Возрожденія (§ 99): оно и называется „раннимъ Возрожденіемъ“. Но въ частности здѣсь свѣтскій реализмъ проявлялся двояко. Сначала то былъ натурализмъ, подъ вліяніемъ сѣвера: тутъ итальянцы были учениками фламандцевъ, французовъ и отчасти нѣмцевъ, заим-

¹) Примѣръ портретнаго ваянія см. на стр. 420. Образчиками миніатюры и печатей 14-го в. могутъ служить наши изображенія Карла VI, печати Золотой Буллы и братьевъ Поло (стр. 339, 403, 426). А для миніатюры и скульптуры 15-го в. см. стр. 455, 462, 475, 487, 497.

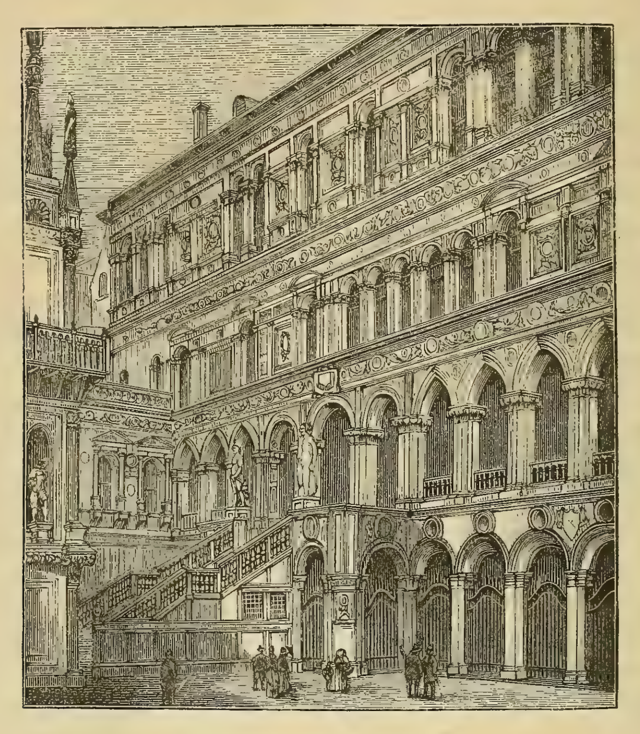
ствовавшими у нихъ и всю новую технику. Это направленіе было могущественно, особенно въ изобразительныхъ искусствахъ, гдѣ оно ясно даже въ теченіе всего періода. Всюду красивымъ формамъ предпочитались вѣрныя дѣйствительности, хотя бы онѣ доходили до уродства; даже античные предметы облекались въ современную внѣшность. Если содержаніе все еще было церковное, то форма уже представляла полную реальность, ниспадавшую до безобразія: дѣлали восковыя статуи съ естественными волосами и одѣвали ихъ въ настоящее платье. Мертвая византійская типичность замѣнялась выразительностью и движеніемъ. Царица Небесная превращалась въ мадонну-мать; Спаситель изъ божественнаго царя въ славѣ становился человѣкомъ, скорбящимъ и любвеобильнымъ учителемъ. Небо наполнялось живыми лицами, портретами, сначала актеровъ мистерій. потомъ самихъ художниковъ, ихъ любовницъ, пріятелей и заказчиковъ; самая ихъ одежда стала своя, а не общая; позже начало выступать и самое тѣло человѣческое, когда возникло его изученіе, а подконецъ даже анатомированіе. Эти лица стали жить, окруженныя бытовою обстановкой, пейзажемъ, особенно когда Альберти и Брунеллеско открыли линейную перспективу, породившую цѣлую науку „раккурсовъ" или сокращеній, укороченій предметовъ вдали. Оттого, при обособленіи каждаго искусства и освобожденіи отъ гнета церкви, зодчество отошло на задній планъ, а впередъ выступила живопись—искусство наиболѣе психологическое и естественное. Даже въ ваяніи олимпійское спокойствіе Эллады замѣнялось выразительностью до драматизма и движеніемъ до картинности. Личность проявлялась въ самихъ художникахъ: не было ни казеннаго вліянія, ни академій; мастера гордились собственнымъ вдохновеніемъ, ставили свои имена на своихъ произведеніяхъ, образовывали своеобразныя „школы". Они составляли свои цехи, иногда сливаясь съ аптекарями или купцами; и знать смотрѣла на нихъ свысока, какъ на мастеровыхъ, которые обыкновенно и были дѣтьми народа Во главѣ ихъ стояли серебряники, которые принуждены были заниматься всѣми искусствами. Это поддерживало духъ универсальности и космополитизма (§ 148): однимъ изъ отличій новаго искусства служитъ соединеніе науки съ искусствомъ и разныхъ искусствъ въ одной личности; тогда здѣсь, какъ и въ гуманизмѣ, и на океанахъ, являлись богатыри, сила и отвага которыхъ отражались еще въ Дантовской величавости замысловъ. Натурализмъ подконецъ уступалъ мѣсто античности, которая лишь постепенно

проникала въ искусство и именно благодаря гуманизму, какъ видно изъ того, что художники брали ея содержаніе раньше формъ; послѣднія явились вмѣстѣ съ открытіемъ древнихъ статуй и съ образованіемъ музеевъ классицизма у любителей древностей.

Вліяніе античности раньше всего отразилось въ зодчествѣ, которое и было первенцомъ „ранняго Возрожденія". Въ Италіи готикъ всегда былъ слабъ (§ 99), римскія же формы всегда оставались родными; а тутъ подошло открытіе Витрувія (1414), описавшаго, при Цезарѣ и Августѣ, технику античной архитектуры. Стиль Возрожденія въ зодчествѣ, который былъ искаженъ потомъ и воскресаетъ въ наши дни, служитъ отрицаніемъ готика: тамъ стѣснительный ритмъ движенія, здѣсь гармоническая красота массы, соединенная съ комфортомъ, съ житейскими удобствами; тамъ вѣками строились церковныя громады, здѣсь— легкія базилики, въ особенности же дворцы, сооружаемые въ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь основа — сліяніе строгости и благородства античной формы съ свѣжестью и поэтичностью новаго духа. Всѣмъ (даже флигелями или пристройками) жертвуется древней горизонтальности линій, прямоугольности, симметріи да простору съ его обиліемъ свѣта и воздуха. Всюду римская полная арка да колонны выдержаннаго стиля, одного изъ трехъ древнихъ (Д. И. § 130); нигдѣ нѣтъ затѣйливыхъ выступовъ и узорочья. Главнымъ украшеніемъ служатъ большія окна, раздѣленныя колонками, да дворы, обнесенные аркадами, иногда въ два этажа. Развѣ гдѣ прибавятъ „деревенское"—едва отесанные камни на фундаментахъ и по угламъ, что̀ придаетъ зданію наивное величіе.

Колыбелью новаго зодчества, какъ и всего искусства Возрожденія, была счастливица въ культурѣ (§§ 128, 146), Флоренція, а отцомъ его считается Брунеллеско. Крайне подвижная, мѣщанская натура, маленькій уродецъ, но съ великою волей, онъ вѣчно возился съ древними памятниками. Скромный и добрый, но горячій и геніальный зодчій пріобрѣлъ массу враговъ, особенно среди художниковъ-рутинеровъ. Когда, во Флоренціи, довели соборъ до громаднаго купола на небывалой высотѣ и не знали, какъ рѣшить геометрическую задачу многихъ поколѣній, онъ предложилъ свой планъ. Дума не повѣрила и собрала главныхъ зодчихъ Европы. Тѣ назвали Брунеллеско сумасшедшимъ; но онъ продѣлалъ съ ними исторію съ яйцомъ, которую приписали потомъ Колумбу. Отличный математикъ, механикъ, инженеръ, Брунеллеско самъ изобрѣталъ машины для своего купола и сдѣлалъ чудо искусства (1436), несмотря на терзавшія его

козни завистниковъ: его даже разъ засадили въ тюрьму, такъ какъ онъ не хотѣлъ приписаться къ цеху каменьщиковъ. Ученики Брунеллеска разнесли новый стиль по всей Италіи; но онъ принималъ своеобразный оттѣнокъ въ Ломбардіи и особенно въ Венеціи, гдѣ еще были сильны слѣды готика, Византіи и арабовъ, какъ видно изъ пышнаго Дворца Дожей.

Дворецъ дожей. 15-го в.

Послѣ зодчества расцвѣло и новое ваяніе, это любимое искусство ранняго Возрожденія. Оно уже менѣе подчинялось античности, пока не были вырыты перлы древней скульптуры. Школа Пизана (§ 99), работавшая по всей Италіи въ 14-мъ в., находилась еще подъ вліяніемъ готическаго направленія своихъ учителей, фламандцевъ и французовъ. Но въ ней все усиливался натурализмъ: даже постепенно исчезала окраска статуй. Она породила, все во Флоренціи, новое ваяніе. Отцомъ его былъ Гиберти, вытерпѣвшій много доносовъ и пасквилей отъ бездарнаго рутинерства. Пользуясь перспективой и антиками, которые онъ самъ покупалъ въ Греціи дорогою цѣной, Гиберти

сталъ создавать цѣлыя пластическія картины на дверяхъ храмовъ: „при работѣ надъ мѣдными картинами, я всячески старался подражать природѣ“, говоритъ онъ. Микель-Анджело сказалъ, что его двери баптистеріума во Флоренціи достойны быть вратами рая. Еще ярче натурализмъ у заклятаго врага готика, у друга Козима Медичи и учителя Микель-Анджела, Донателла, который жилъ циникомъ, не мѣняя платья, но независимо, и умеръ нищимъ. Въ этомъ крайне своеобразномъ художникѣ сила соединялась съ той страстностью (furia), которая и создала новое искусство. Сдѣлавъ своего Давида, онъ кричалъ на него: „ну, говори же, говори!“ Подконецъ, подлѣ этого монументальнаго и портретнаго ваянія (стр. 352), развился мелкій родъ — изящныя, дешевыя фигурки изъ терракоты (жженая глина), которыя составляли большую часть пластики Возрожденія и расходились по всей Европѣ (стр. 481). Творецъ его, Роббья, изобрѣлъ прочную глазурь (поливу). Этотъ бытовой, задушевный и почти независимый отъ антика стиль господствовалъ цѣлое столѣтіе, украшая домашній бытъ даже небогатыхъ людей.

Живопись дольше сохраняла связь со стариной: здѣсь и въ 15-мъ в. было не мало монаховъ; содержаніе все еще было попреимуществу церковное, и выражалось оно во фрескахъ, преобладавшихъ надъ масляными красками; вліяніе античности было очень слабо, сказывалось больше въ узорочьѣ. Но уже 14-й вѣкъ блисталъ сильными талантами, подготовлявшими Возрожденіе. Предтеча новой живописи, Чимабу (§ 99), гуляя въ окрестностяхъ Флоренціи, увидѣлъ подпаска, рисующаго овцу на камнѣ, и взялъ его къ себѣ: то былъ отецъ всего искусства новаго времени, геніальный ваятель, зодчій и особенно живописецъ, Джіотто († 1336). Содержаніе у него еще церковное и аллегорическое: тогда доминиканцы давали „либретто“ (программу) для живописцевъ, гдѣ часто видимъ побѣду ангельскаго доктора надъ богохульникомъ (§ 95). Но гордый характеръ, критическій умъ, Джіотто, бывшій другомъ Данта и ученикомъ Пизана и Чимабу, замѣнилъ византизмъ натурализмомъ въ исполненіи: у него — веселость тона, наблюдательный глазъ, вѣрная рука, драматизмъ въ лицахъ и даже жестахъ, иногда портреты (Дантъ, Бонифацій VIII, стр. 387). Замѣтенъ только недостатокъ техники: головы однообразны, почти нѣтъ тѣней, плохая анатомія, дѣтскій пейзажъ. Заваленный работами, великій учитель насаждалъ по всей Италіи „джіоттовскій стиль“. Ему подражали въ тече-

ніе всего 14-го в., тѣмъ болѣе, что тогда искусство сливалось съ ремесломъ: цехъ имѣлъ свои подлинники и заставлялъ новичка лѣтъ 15 копировать учителя. Выдѣлялся только одинъ самобытный талантъ, современникъ Боккачіо, Орканья, — подобно Джіотто, великій ваятель, зодчій и особенно живописецъ. Въ немъ развились сила, реализмъ и особенно драматичность Джіотта. Ему принадлежитъ лучшій „Страшный Судъ" (тогда каждый городъ старался имѣть собственный адъ), бывшій также первою иллюстраціей Данта, и „Торжество Смерти". Онъ первый изобразилъ въ аду Аверроеса, въ видѣ турецкаго паши, сдавливаемаго змѣемъ, наряду съ Магометомъ, терзаемымъ демонами, и Антихристомъ, съ котораго сдираютъ кожу. Джіотто и Орканья работали во Флоренціи; а въ искусствѣ Сіены, которая во всемъ соперничала съ нею и создала св. Екатерину (§ 139), пріютился умирающій церковный идеализмъ, хотя также въ новой, изящной формѣ.

Какъ Петрарка и Боккачіо были отцами гуманизма, который развился послѣ нихъ, такъ Джіотто и Орканья были отцами вообще искусства ранняго Возрожденія, и въ особенности живописи. Но послѣдняя расцвѣла лишь къ концу періода, благодаря гуманизму и успѣхамъ математики и физики, которые выразились въ открытіи законовъ перспективы, колорита и анатоміи, между тѣмъ какъ просторныя стѣны храмовъ взывали къ величавости замысла во фрескахъ. Отцомъ собственно новой живописи былъ флорентинецъ Мазаччіо — чудакъ, который не думалъ даже о своей одеждѣ, вѣчно бѣдствовалъ, бѣжалъ отъ долговъ или завистниковъ въ Римъ и умеръ тамъ 27-ми л., кажется, отъ яда. Въ немъ созрѣли основныя условія нашей живописи, зачатки которыхъ были у Джіотта — натурализмъ, выразительность лицъ-портретовъ, перспектива (даже воздушная), бытовая обстановка, сила красокъ. Его стиль создалъ цѣлую школу, во главѣ которой стоялъ учитель позднѣйшихъ богатырей живописи, Гирляндайо (мальчикомъ онъ дѣлалъ золотыя гирлянды — тогдашняя дамская мода), который восклицалъ: „дайте мнѣ городскую стѣну; всю ее испишу!" У него обстановка — уже тщательный жанръ: для него исторія Богородицы была лишь предлогомъ изобразить богатую жизнь Флоренціи временъ Лоренца Медичи. Подконецъ въ Падуѣ показалось уже явное вліяніе античности, между тѣмъ какъ въ Венеціи, подъ вліяніемъ фламандцевъ, развивались колоритъ, игра свѣта и тѣни да письмо масляными красками. Но идеализмъ не исчезалъ. Подконецъ, съ усиленіемъ антич-

наго вліянія, онъ даже проникалъ въ новое искусство, сообщая ему духовный оттѣнокъ, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ платонизма (§ 148). Онъ достигъ крайняго проявленія въ сіенской школѣ, въ лицѣ доминиканца Фьезоле, котораго прозвали Божественнымъ и Ангельскимъ (Beato Angelico). Аскетъ, другъ нищихъ, Фьезоле постился и плакалъ передъ работой: онъ изображалъ то религіозное млѣніе, то тихое страданіе покорныхъ душъ, то розоватую красоту серафимовъ. На родинѣ св. Франциска въ тихихъ лѣсныхъ долинахъ Умбріи, выросла сестра сіенской школы,—благочестивая по содержанію, хотя реальная по формѣ. Во главѣ ея стоялъ сварливый, завистливый и долговѣчный Перуджино, пережившій своего ученика, Рафаэля. Онъ первый хорошо владѣлъ масляными красками и славился прозрачнымъ колоритомъ, мечтательной нѣжностью, небывалой миловидностью женскихъ и юношескихъ головокъ, но впадалъ въ однообразіе, въ ремесленную сентиментальность. Подконецъ въ Италіи развились гравюра и миніатюра, занесенныя одна изъ Германіи, другая изъ Франціи.

Къ концу періода итальянское Возрожденіе начинаетъ робко переходить за Альпы, именно во Францію, и только въ формѣ зодчества. Французы, которые лично любовались новыми зданіями во время итальянскихъ войнъ, призываютъ мастеровъ изъ Италіи и иногда ломаютъ свои готическіе дворцы и ратуши, чтобы дать ходъ новому стилю. У другихъ народовъ лишь подготовлялся путь Возрожденію. Въ Германіи и Нидерландахъ зодчество склонялось къ горизонтальной линіи, а въ образовательныхъ искусствахъ зарождался самобытный натурализмъ. Въ ваяніи послѣдній пробивался во Фландріи въ надгробныхъ памятникахъ, а въ Германіи — въ алтарныхъ деревянныхъ статуяхъ, представляющихъ также лучшій образчикъ полихроміи: лицо уже раскрашивалось естественно, только одежда—все голубая да красная, а волосы позолачивались. Еще яснѣе натурализмъ въ живописи, но только въ формѣ: содержаніе еще было церковное (оно обогатилось только изображеніемъ Бога-Отца, который оказался императоромъ въ Германіи, королемъ во Франціи и папой въ Италіи). Во Франціи и особенно у фламандцевъ, наряду съ расписываніеме стеколъ, попрежнему процвѣтала миніатюра, причемъ даже на поляхъ церковныхъ книгъ появились жанръ и народный юморъ. Въ Германіи развились досчатыя иконы, особенно въ формѣ напрестольныхъ складней, въ которыхъ возрастали выразительность лицъ

и сила красокъ. Здѣсь даже замѣтенъ шагъ впередъ, если сравнить богемскую школу (при Карлѣ IV) съ кельнской и нюрнбергской, которыя чѣмъ позже, тѣмъ больше подчинялись вліянію фламандцевъ. Перлъ нѣмецкой живописи среднихъ вѣковъ, „кёльнскій соборный образъ", — лучшій по сю сторону Альпъ образчикъ соединенія церковнаго идеализма, юношеской чистоты содержанія съ натурализмомъ въ отдѣлкѣ. А въ концѣ періода жилъ отецъ новой нѣмецкой живописи, ученикъ фламандцевъ, Шонгауеръ, у котораго уже сильный натурализмъ и жанровая обстановка. Но онъ грубъ и фантастиченъ: важнѣе его гравюры, которымъ подражали даже за предѣлами Германіи. Онъ развилъ ту гравюру для оттисковъ на бумагѣ (длинные и перекрещивающіеся штрихи), которая возникла задолго до него у серебрениковъ. Оттого въ Нюрнбергѣ, который къ 1500 г. становился центромъ нѣмецкаго искусства, появился венгерецъ Дюреръ, уже пріобрѣвшій имя своими первыми гравюрами.

Новая нѣмецкая живопись была лишь слабымъ подражаніемъ нидерландской, и именно фламандской. Въ Нидерландахъ живопись вдругъ поднялась на замѣчательную высоту, съ которой впрочемъ и пала столь же быстро. Помимо новаго духа времени, это объясняется слабостью готика и примѣненіемъ масляныхъ красокъ, сдѣланнымъ фламандцами, братьями ван-Эйками. Эйки, особенно Іоаннъ, безусловно проповѣдовали изученіе природы. Церковные сюжеты были для нихъ лишь предлогомъ писать жанры и портреты (обыкновенно заказчиковъ иконъ), причемъ они тщательно отдѣлывали каждый листикъ, каждую складочку; здѣсь же начало пейзажа, который даже у итальянцевъ встрѣчался тогда только въ поэзіи. Но содержаніе мелко: ясна долгая связь съ ваяніемъ, въ особенности же съ миніатюрой, изъ которой и вытекла эта живопись. Эта „старофламандская" школа отличалась также изумительною яркостью и прочностью красокъ, какъ видно изъ ея перла, гентскаго алтаря Эйковъ (1432). На сѣверѣ она господствовала цѣлое столѣтіе, безъ творческихъ измѣненій: связь съ алтарными иконами да невѣжество общества не давали развернуться художникамъ. Тѣмъ не менѣе не только масляныя краски, но самый фламандскій стиль проникли во всю Германію и даже въ Ломбардію, Неаполь и Испанію. Чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ болѣе выступаетъ повсюду фантастическій юморъ въ изобразительныхъ искусствахъ. Народная сатира на феодализмъ, въ

особенности же на церковный идеализмъ видна какъ въ храмовыхъ украшеніяхъ и миніатюрахъ, такъ и въ большихъ картинахъ. Въ „Плясках Смерти" (образцы на стр. 520 и 663) безпощадный скелетъ съ особеннымъ наслажденіемъ коситъ знать и клиръ и щадитъ нищихъ. Въ „Страшныхъ Судахъ" черти тащатъ въ адъ, на веревочкѣ, владыкъ и монаховъ, а папа, въ золотой тіарѣ, стремглавъ летитъ въ преисподнюю. Въ храмахъ и монастыряхъ изображались то мельница, въ которой перетираются догматы, то процессія звѣрей со свѣчами и оселъ въ облаченіи, то сцены изъ быта монашествующей братіи во вкусѣ Боккачіо. Даже на рѣзныхъ алтаряхъ, въ особенности же на скамьяхъ хора, какъ только изображается клиръ, тотчасъ подлѣ него потѣшная обстановка. Ею испещрены также поля молитвенниковъ: тутъ подлѣ молящагося ангела—сатиръ съ флейтой, подлѣ Богородицы обезьяна-кривляка и т. д. Въ народныхъ каррикатурахъ — папы въ аду, владыки въ волчьихъ шкурахъ и т. под. Это направленіе развивалось преимущественно внѣ Италіи, и больше всего у нѣмцевъ.

Музыка становилась необходимою принадлежностью въ жизни, также преимущественно въ Италіи. Здѣсь развелось много виртуозовъ и инструментовъ; устраивались незнакомые сѣверу скрипичные концерты; учителя музыки обогащались; у живописцевъ нерѣдки портреты съ инструментами и цѣлые хоры ангеловъ. Но и за Альпами любили музыку и увлекались пѣніемъ. Особенно въ Англіи, гдѣ попрежнему процвѣтали хоры, „въ каждомъ уголку, по домамъ, раздавалась нѣжная пѣсня", по словамъ Чосера; дамы покоряли сердца пѣніемъ; сельскій сквайръ прогонялъ скуку сочиненіемъ новыхъ напѣвовъ. Подконецъ всюду было уже множество записныхъ музыкантовъ изъ мѣщанъ и рабочихъ, которые составляли свои цехи, съ „царями менестрелей" во главѣ. Въ Германіи эти „мейстерзенгеры" (§ 153), героемъ которыхъ былъ сапожникъ Гансъ Саксъ, собирались на состязаніе въ Нюрнбергѣ. Они писали массу пьесъ и учебниковъ, все безыменныхъ, распѣвали мадригалы, а иногда давали и родъ оперъ при дворахъ и на общественныхъ празднествахъ. Еще болѣе размножались „музыкальныя обѣдни", въ которыхъ священные тексты переплетались съ свѣтскими словами, а религіозные гимны съ народными напѣвами. Но содержаніе было бѣдно вездѣ, за исключеніемъ жизненной, хотя и грубоватой, народной пѣсни: въ церковной музыкѣ не прибавилось почти ничего новаго, въ свѣтской лишь

искажались наивные напѣвы трубадуровъ. Живая мелодія подавлялась искусственною полифоніей (§ 99), которая достигла, въ теоріи, контрапункта: здѣсь вмѣсто простыхъ аккордовъ аккомпанимента, сливаются нѣсколько голосовъ, каждый съ собственнымъ напѣвомъ, причемъ голоса изображались рядами пунктовъ (нотъ, которыя писались точками или головками безъ хвостиковъ), одинъ подъ другимъ (punctum contra punctum). Контрапунктъ считался настоящею „композиціей" или музыкальнымъ сочиненіемъ; и онъ дошелъ уже до мудреной, капризной „фуги", въ которой голоса или инструменты начинаютъ каждый свою мелодію не въ одно время. Этою техникой музыки увлекались больше всего, доводя ее до истинной схоластики: забывая напѣвъ, гонялись за „секретами" гимновъ, за трудностями и вычурностью сочетанія звуковъ. Особенно ухищрялись блеснуть въ нотописаніи: изобрѣтали начертанія всякихъ формъ и даже разныхъ цвѣтовъ; иногда пьеса представляла чистый ребусъ, въ видѣ креста, животнаго, стакана и т. под. Но къ концу періода зарождалось новое, болѣе содержательное, направленіе у фламандцевъ, которые уже начинали слыть „музыкальными учителями всей Европы".

§ 155. **Внѣшній бытъ.**—Матеріальная культура сдѣлала большіе успѣхи, особенно если взять въ разсчетъ препятствія, съ которыми ей пришлось бороться. Переходъ къ новому времени порождалъ много бичей народнаго благосостоянія, помимо такихъ внѣшнихъ бѣдствій, какъ послѣднее нашествіе варваровъ въ лицѣ турокъ. Предсмертныя вспышки феодализма и фанатизма, мѣщанскія революціи и крестьянскіе бунты, кровавое водвореніе абсолютизма—все собирало обильную жатву на полѣ еще беззащитной жизни и оставляло за собой печальное наслѣдіе—разбойничество и нищенство, съ ихъ спутниками—голодовкой, заразами и одичалостью. Гибельно было временное хозяйничанье тирановъ и кондотьеровъ въ Италіи; а Римъ, въ отсутствіе папъ, представлялъ видъ груды маститыхъ памятниковъ среди опустѣвшихъ деревень. Еще хуже было постоянное господство „кулачнаго права" у нѣмцевъ (§ 120). Эней Сильвій такъ дополняетъ свою картину южной Германіи (§ 143): „вся эта страна — притонъ разбойниковъ; здѣсь чѣмъ знатнѣе человѣкъ, тѣмъ хищнѣе; только фюрсты живутъ безопасно, да и то, если дадутъ слово не тревожить другъ друга". Въ Наваррѣ, гдѣ частная война дозволялась до конца, виднѣлись только пустыя поля да развалины

городовъ и деревень; и населеніе пало до 80.000. Кастилія дошла отъ усобицъ до того, что, ок. 1400 г., дворецкій короля иногда не зналъ, чѣмъ кормить своего властелина, такъ какъ никто не давалъ денегъ взаймы его величеству.

Неспокойно было даже въ Англіи и Франціи. Эдуардъ I едва справился съ „дубинщиками", которые не давали проѣзда купцамъ и нанимались къ сквайрамъ, разжигая ихъ сварливость. При Тайлерѣ голодъ косилъ народъ массами. Петръ Пахарь (§ 153) плакался, что отъ жатвы до жатвы не можетъ приказать этому демону: „пошелъ спать!" Онъ „негодовалъ на Бога, злился на Разумъ, проклиналъ короля и его совѣтниковъ за законы, которые доводятъ рабочаго до отчаянія". Во Франціи было еще хуже во время ея революціи и Столѣтней войны. Проѣзжая по странѣ, Петрарка восклицалъ: „Самое богатое королевство стало грудой пепла! Гдѣ этотъ Парижъ, такой большой городъ?" Въ Парижѣ, при Бедфордѣ (§ 108), за грошъ продавали дома-развалины, и покупщики валили ихъ для сбыта матеріала. Земля обрабатывалась только подъ стѣнами крѣпостей; остальная страна превращалась въ дикія заросли, откуда звѣри бросались на прохожихъ. Свои и англійскіе мародеры да Жаки рыскали по Франціи, какъ голодные волки, что̀ видно уже изъ ихъ кличекъ (§ 143): они грабили „съ сарацинскою яростью", крича: „а, бургундецъ! а, арманьякъ!" Горожане укрѣплялись на колокольняхъ, жили на баркахъ или въ подземельяхъ. Не лучше были „компаніи" наемниковъ (§ 108) всякихъ націй и званій, которые толпились вокругъ своихъ вождей-головорѣзовъ, кутившихъ въ своихъ „резиденціяхъ" (замкахъ или аббатствахъ), между тѣмъ какъ ихъ „секретари" (плѣнные клерки) писали открытые листы и договоры о выкупѣ захваченныхъ жертвъ и украденныхъ дѣтей. Кто не выкупался, того сѣкли ежедневно, запирали въ шкафы, давили мортирами. А надоѣстъ вождю такая жизнь — онъ идетъ къ королю, который охотно принималъ его на службу: вѣдь, напр., въ „великой компаніи" было до 15.000 разбойниковъ, уничтожавшихъ даже правительственныя войска. А во время Столѣтней войны власти вымучивали еще у народа деньги на выкупъ изъ англійскаго плѣна: одинъ Іоаннъ Добрый стоилъ 250 милл. нынѣшнихъ франковъ, а всѣ остальные сеньеры—еще больше.

Тогда, вслѣдствіе порчи монеты (болѣе 10 разъ въ годъ), золотой сразу палъ съ 18 франковъ до 2-хъ. А сѣверъ Франціи былъ до того опустошенъ жакріей, что Эдуардъ III тащилъ

за собой 6.000 телѣгъ съ припасами: иначе его войску нечѣмъ было питаться. Грабежъ царствовалъ въ самой королевской семьѣ: при смерти Карла V, его братъ выскочилъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ онъ скрывался, и завладѣлъ драгоцѣнностями и слитками золота и серебра, которые были замурованы въ стѣнѣ каменщиками, исчезнувшими безслѣдно тотчасъ послѣ работы. Въ Парижѣ, вечеромъ, вельможи ходили въ сопровожденіи десятка слугъ съ факелами, и все-таки совершались такія преступленія, какъ убійство Орлеанскаго (§ 106). Тетради третьяго чина на генеральныхъ штатахъ переполнены жалобами на казенный грабежъ: „Папа вывозитъ всѣ деньги королевства въ Италію (болѣе 30 милл. франковъ въ годъ). Крестьянинъ заплатилъ подать, чтобы солдаты защищали его, а они даже не довольствуются всѣмъ его добромъ: палками принуждаютъ его доставать вина, бѣлаго хлѣба, рыбы и кореньевъ. Во многихъ деревняхъ взятъ весь скотъ, и мужики сами запрягаются въ плугъ; другіе работаютъ ночью, пряча скотъ днемъ". При предразсудкахъ и отсутствіи гигіены, свирѣпствовали заразы, особенно накожныя болѣзни, нарывы, оспа: у школьниковъ въ Германіи была повальная чесотка. Хлыстовщина и богомолья были истинными источниками заразы: во время папскаго юбилея 1400 г., доставившаго папѣ массу денегъ, въ Римѣ умирало по 700 чел въ день. Около 1350 г., по Европѣ пронеслась „черная смерть"—родъ чумы, занесенной генуэзцами изъ Леванта (нарывы, отъ которыхъ умирали на 3-й день). Въ Англіи она истребила мѣстами болѣе 1/2 населенія. Во Франціи во многихъ мѣстахъ уцѣлѣло 2 изъ 20; въ одномъ Парижѣ погибло 80.000, да еще народъ пережегъ и перебилъ массу евреевъ, воображая, что они отравляютъ колодцы. „Великая смерть" похитила въ 6 л. до 25 милл., т.-е. 1/4 всего населенія Запада. Но главные бичи человѣчества свирѣпствовали преимущественно въ 14 в.: въ 15-мъ жилось легче.

Вообще къ концу періода матеріальный бытъ улучшался. Абсолютизмъ помогалъ ему уничтоженіемъ разбойничества и феодаловъ. Англія процвѣтала при войнѣ Розъ, истребившей бароновъ: „тамъ не было разрушенныхъ зданій", изумляется Коминъ; тамъ возвышалась заработная плата, возросла цѣна соли—знакъ, что стали больше ѣсть солонину, это главное мясо у англичанъ въ теченіе семи мѣсяцевъ; росли кирпичные дома насчетъ деревянныхъ избъ и глиняныхъ мазанокъ; созидалось много большихъ церквей; у мѣщанъ заводилась богатая посуда,

и кровати покрывались дорогими тканями. Во Франціи уже появлялись крупные капиталисты и зарождалось довольство у мѣщанъ, отчасти даже у крестьянъ. Эта страна никогда такъ не богатѣла, какъ при Людовикѣ XI; а она казалась нищей передъ маленькой Фландріей. При въѣздѣ Филиппа IV къ валлонамъ (§ 102), мѣщанки такъ разрядились, что его супруга за-

Бюргеры на молитвѣ. 15-го в. Съ картины на окнѣ въ часовнѣ Гента.

мѣтила ядовито: „я думала, что у французовъ одна королева, а ихъ цѣлыхъ 600". Еще богаче была Бургундія, въ особенности ея дворъ. У Карла Смѣлаго было до 100.000 центнеровъ одного золота. Подъ Грансономъ швейцарцамъ досталась его дивная ставка, внутри бархатная, снаружи расшитая золотомъ и жемчугомъ. Въ ней нашли золотое руно, золотой тронъ, пресловутую шляпу и мечъ герцога съ усыпанной алмазами рукояткой, четки изъ бриллiантовъ, мощи въ рубинахъ и жемчугѣ, печать — фунтъ золота, золотые и серебряные кубки и

блюда, наконецъ 400 походныхъ сундуковъ съ парчами, шелками и невиданнымъ полотномъ. „Коровники" продавали добычу за грошъ, не зная въ ней толку: за 1 гульденъ пошелъ первый въ мірѣ алмазъ, попавшій, послѣ долгихъ странствій, въ папскую тіару (3-й по величинѣ, во французской коронѣ, цѣнится теперь въ 2 милл. фр.).

Но Бургундія стушевывалась передъ Италіей, сокровища которой отчасти привели къ итальянскимъ войнамъ. Тогда любая изъ ея республикъ давала больше дохода, чѣмъ всякая монархія, Миланъ — больше чѣмъ вся Франція. Возникли небывалыя богатства: Медичи пожертвовали около 700.000 червонцевъ на общественныя дѣла. Подконецъ даже въ Германіи завелся всемогущій домъ Фуггеровъ, вліявшій на судьбу коронъ: слово Fuggerei стало ненавистнымъ названіемъ торговыхъ стачекъ. И нѣмецкіе евреи до того разбогатѣли, что во время черной смерти ихъ избіеніе было финансовою революціей. Процвѣтали даже Каталонія и Португалія — первая отъ торговли, вторая, благодаря своей плодородной почвѣ и прекрасной береговой линіи, которая способствовала открытію новыхъ земель и колонизаціи. О богатствѣ свидѣтельствуютъ также почти повсемѣстные законы противъ роскоши не только у знати, но и у мѣщанъ. Подконецъ улучшалось и народное здоровье: долголѣтіе возрастало (около 20 л.), хотя и не достигло еще высоты, на которой стояло при Римской имперіи (30 л.). Народонаселеніе умножалось: въ Италіи было до 20 милл., въ Парижѣ около 300.000, въ Антверпенѣ 200.000. Изъ Нидерландовъ уже началась эмиграція въ Африку и на ея острова.

Если взять благосостояніе по сословіямъ, то подконецъ умирающему рыцарству жилось едвали не хуже всѣхъ. Рѣдко встрѣчалось такое хозяйство, какъ въ родительскомъ замкѣ Гуттена (§ 150), да и въ его описаніи есть неутѣшительныя черты: „Постройки скучились за валомъ и стѣнами, стѣсняемыя вонючими конюшнями, псарнями, оружейной палатой и пороховымъ складомъ. Тощія поля, еле обрабатываемыя нищими крѣпостными, давали плохой доходъ. Занятіями рыцаря были охота въ своихъ лѣсахъ да военное ремесло, необходимое уже для самозащиты. Его любимцами были лошади, собаки да оружіе; его обычнымъ сообществомъ были конные холопы, набранные изъ всякаго сброда, иногда настоящіе разбойники. Они сновали взадъ и впередъ; а тутъ ржаніе коней, скрипъ повозокъ, мычанье рогатаго скота; изъ сосѣднихъ лѣсовъ доносится вой волковъ. Все

это придавало замку оживленный, шумный видъ". Не забудемъ, что Гуттены принадлежали къ зажиточному рыцарству Франконіи и составляли родъ разбойничьяго общества на акціяхъ. Вообще же рыцари голодали, и замки ихъ разваливались, а гдѣ дѣлались новыя постройки, то это уже были не гордыя готическія твердыни (§ 100), а скромныя жилища простого типа, который господствовалъ до самаго конца эпохи замковъ (до половины 16-го в.). Въ Германіи рыцари жаловались: „одинъ мужикъ

Обработка хлѣба. Конецъ 15-го в.

получаетъ больше, чѣмъ десятеро насъ. и сколачиваетъ капиталъ; крестьяне лучше одѣваются и пьютъ вино подоброкачественнѣе, чѣмъ ихъ господа". Здѣсь мужикъ обрабатывалъ землю [1]) помѣ-

[1]) Такъ какъ сельскія занятія измѣнялись медленно, то наши изображенія могутъ служить для ихъ нагляднаго поясненія почти отъ крестовыхъ походовъ до революціи 1789 г., а въ глуши даже до появленія желѣзныхъ дорогъ. Они взяты изъ драгоцѣннаго для культуры конца среднихъ вѣковъ ліонскаго изданія „Виргилія" 1517-го г., гдѣ находится и рисунокъ гостинницы, помѣщаемый нами ниже. Обработка хлѣба представляетъ изготовленіе французскими крестьянами ржаного и

щика на льготныхъ условіяхъ, хотя все еще велъ трехпольное хозяйство и больше всего дорожилъ скотоводствомъ; у него еще сохранялись общинныя угодья, хотя и здѣсь начинались „огораживанія" (§ 138). Нигдѣ не производилось столько льна, какъ въ Германіи, а шерсть уже шла отсюда въ Голландію и Италію. Нѣмцы больше всѣхъ занимались садоводствомъ: на югѣ разводили шафранъ, миндаль, въ особенности же виноградъ. Большой доходъ приносило пчеловодство, такъ какъ сахаръ еще

Сельская жизнь. Конецъ 15-го в.

былъ рѣдкостью, а благочестіе требовало много воску. Нѣмецкій мужикъ тянулъ винцо рядомъ съ пивомъ. Онъ щеголялъ медвѣжьей шапкой, его баба—шелковыми лентами да коралловыми цѣпями съ золотыми привѣсками, что̀ уже вызывало сатиру. Это объясняется дешевизной главныхъ предметовъ: въ Саксоніи, около 1450 г., пара башмаковъ стоила 2 гроша, двѣ дюжины трески — 4 гр., сажень дровъ съ доставкой — 5 гр., четверикъ

овсянаго хлѣба, для собственнаго употребленія. Въ Сельской жизни крѣпостные откармливаютъ дичь для своего графа. Парень палкой сбиваетъ желуди: въ Италіи и теперь такъ достаютъ плоды. Въ глубинѣ — олени, козули, зайцы и даже цапля подходятъ къ изгороди, охраняющей соломенныя хижины; но мужики отгоняютъ ихъ хворостинами, дубьемъ и пращами: страшно расплодившаяся дичь стала бичемъ села, такъ какъ крестьяне не смѣли бить эту охоту барина. Подлѣ дровокола сидитъ его жена съ пряжкой и готовитъ, въ то же время, супъ гостямъ помѣщика. Направо дворня графа угощается при свѣчѣ, насчетъ крестьянъ.

ржи—6 гр.; поденщикъ же зарабатывалъ до 10 гр. въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ — и какихъ! Въ контрактахъ обыкновенно говорится, что онъ получаетъ два раза въ день бульонъ, мясное жаркое, овощи и вино, а въ праздникъ прибавлялось еще одно блюдо.

Въ Англіи мужику было плохо только при Тайлерѣ. Но и тогда Петръ Пахарь жаловался, что у него „только два зеленыхъ сыра, немного творожку и сметанки, овсяная лепешка да для дѣтишекъ двѣ горсти бобовъ и печеныхъ отрубей, да петрушка, порей, капустка, да еще коровка, теленокъ, рабочая кобылка“. Ему хотѣлось бы „курочки, гуська или свинки, ветчинки, куска вареннаго мяса, пшенички побѣлѣе да элю потемнѣе“. А въ жалобѣ кентскихъ общинъ (§ 138) уже идетъ рѣчь не о пищѣ, а о политическихъ правахъ. Подконецъ заработная плата все повышалась — и даже въ началѣ 16-го в. мужикъ ѣлъ баранину и птицу, какъ видно изъ парламентскихъ бумагъ. Тогда же во Франціи крестьянину, выбиравшему даже депутатовъ на земскій соборъ, жилось сносно. Ему помогалъ абсолютизмъ, который уже боролся не съ одними феодалами, но и съ буржуазіей: мучительные косвенные налоги превращались въ постоянную подать, которая притомъ раскладывалась на всѣ сословія. Въ Италіи крестьянинъ былъ свободенъ и находилъ хорошій заработокъ, при небываломъ развитіи промысловъ. Въ Испаніи онъ былъ огражденъ значительными правами и пользовался прямою поддержкой со стороны абсолютизма. Только въ Даніи, Венгріи, Богеміи и Польшѣ положеніе мужика становилось уже невыносимымъ къ концу періода, вслѣдствіе развитія крѣпостничества. Тогда въ остальныхъ странахъ Запада совершалась лишь подготовка того же положенія, бросавшая тѣнь на начало новой исторіи, вызывавшая глухой ропотъ массъ, а мѣстами и легкія соціальныя вспышки. Римское право всюду грозило общественнымъ и экономическимъ рабствомъ. Помѣщики начинали посягать на общинную землю системой „огораживанія“. Въ Англіи развитіе пастбищъ насчетъ пашенъ грозило недостаткомъ работы для поденщика; во Франціи и Испаніи созрѣвала опасность отъ распложенія жаднаго чиновничества, этого спутника абсолютизма.

А главное — противъ крестьянина выдвигалась новая сила, болѣе опасная, чѣмъ рыцарство: капиталъ вступалъ въ борьбу съ трудомъ, бездушный товаръ — съ живою личностью. Подконецъ, торговыя гильдіи уже составляли какъ бы синдикаты ка-

питалистовъ, становились плутократіей: составлялись общества монополистовъ для возвышенія цѣнъ, убивавшія даже мелкаго купца. Въ одной нѣмецкой проповѣди 1515 г. говорится: „Если такъ пойдетъ дальше, то будетъ великое безпокойство и смуты. Денегъ, денегъ!—кричатъ господа; и чѣмъ больше наживаются отъ торговли и ростовщичества, тѣмъ громче кричатъ—денегъ, денегъ! Они не думаютъ ни о нравственности, ни о любви къ ближнему, ибо у нихъ есть деньги да еще мудрые доктора правъ, эти грабители народа, которые внушаютъ имъ: можете пріобрѣтать сколько-угодно, это—ваша собственность".

Дѣло въ томъ, что выгоды отъ подавленія феодаловъ достались, кромѣ короны, лишь верхнему слою массы, мѣщанамъ. Города никогда еще не достигали такого благосостоянія, связаннаго съ развитіемъ промышленности и торговли. На крайнемъ Западѣ они принимали современный видъ, утрачивали сельскія черты. Богатство Англіи входило въ пословицу, благодаря такимъ городамъ, какъ Лондонъ, который уже считался царемъ торговли, Іоркъ, Бристоль, Норвичъ. Уже при Эдуардѣ I въ парламентѣ числилось 165 депутатовъ отъ городовъ, слѣдовательно, было 82 большихъ города (town): мелкіе города (city) и мѣстечки (borough) не пользовались своимъ правомъ „по бѣдности", не желая платить суточныхъ депутатамъ. Въ концѣ періода города уже захватили въ свои руки парламентъ. Но даже Англію превосходила Фландрія. Здѣсь Гентъ и Брюгге, а подконецъ Антверпенъ, играли роль міровыхъ центровъ промышленности и торговли. Въ одномъ Лувенѣ было 4.000 суконныхъ заводовъ съ 150.000 рабочихъ: когда вечеромъ расходились съ работы, били набатъ, чтобы убирали дѣтей съ улицы передъ этою людскою волной. Франція соперничала съ обѣими этими странами своими крупными городами, которые забивали города Бургундіи, Лотарингіи и Швейцаріи Имъ особенно помогъ Людовикъ XI. Онъ привлекъ мастеровыхъ и купцовъ изъ Фландріи и Италіи: обширная торговля Женевы перешла въ Ліонъ, а въ Турѣ итальянцы основали шелковое производство. Подконецъ главные города Франціи, въ особенности Парижъ, съ его прекрасными улицами и набережными, съ богатыми гостинницами, принимали благообразный видъ итальянскихъ республикъ. Въ самой Италіи города блистали изящными дворцами и ратушами, чистотой и удобствомъ: здѣсь были хорошія мостовыя—ѣздили даже четверней, между тѣмъ какъ за Альпами все еще больше ходили пѣшкомъ да ѣздили верхомъ, а кто пускался въ телѣгѣ

или даже на королевской одноколкѣ, тотъ отбивалъ себѣ бока, особенноо у нѣмцевъ; только дамамъ уже стало зазорно ѣздить верхомъ помужски.

Въ Германіи города еще не совсѣмъ лишились сельскихъ чертъ. Они богатѣли, между прочимъ, отъ сельскаго хозяйства: бюргеры скупали земли у рыцарей, владѣли большими общинными угодьями, разводили много живности, особенно свиней и птицы: была должность голубиныхъ смотрителей. Отсюда дешевизна жизни, тѣмъ болѣе, что въ нѣмецкихъ городахъ рѣдко гдѣ встрѣчалось 20 — 30 т. жителей. Были дороги

Гостинница во Франціи. Конецъ 15-го в.

голько предметы роскоши: пара ножей стоила 1 грошъ, а 1 ф. сахару—10 гр.; откормленный быкъ стоилъ дешевле 2 локтей плохого бархата. Сельская культура въ Германіи развивалась, особенно благодаря городамъ. Но большіе города уже не походили на села: по словамъ Энея Сильвія, „шотландскіе короли почли бы за счастье жить, какъ нюрнбергскій мѣщанинъ средняго достатка“. Здѣсь только улицы были кривы и узки, свирѣпствовали пожары, да рвы, валы, подъемные мосты и бойницы указывали на кулачное право. Но уже попадались каменные дома, даже гордые дворцы патриціевъ; тамъ и сямъ мелькали мостовыя, колодцы съ насосами, просторныя бани, аптеки, госпитали; возростало число благотворительныхъ обществъ, осо-

бенно „Календныхъ братствъ“, собиравшихся 1-го числа каждаго мѣсяца (calendæ). Размножались крыши изъ драни и черепицы, съ дымовыми и даже водосточными трубами; въ окнахъ появились стекла, хотя маленькія, круглыя, пузырчатыя. У богачей полъ настилался кирпичемъ, и даже поливнымъ, а стѣны обивались деревомъ или обоями, потолокъ же украшался живописью или ваяніемъ; и даже сюда проникали изящныя терракоты (§ 154). Ночью ходили уже съ фонарями; подконецъ возникъ и сторожъ съ копьемъ, фонаремъ и трещеткой, которою онъ никому не давалъ спать. Полиція выказывала даже излишнюю ретивость: предписывали во что одѣваться, какъ вести себя дома, сколько гостей приглашать на свадьбу и сколько давать имъ блюдъ. Но грубая жизнь не знала стѣсненій. Однимъ изъ пороковъ городского быта былъ гамъ по ночамъ: явилась привычка стрѣлять изъ ружей подъ окнами. Еще мрачная черта—жизнь бурсаковъ и ремесленниковъ. Школы были грязны и темны; постели и платье дѣтей кишѣли насѣкомыми: еще „студенты“ спали на лавкахъ, „школьники“ же валялись на полу, нето на кладбищѣ, на травѣ, которую собирали на улицѣ, гдѣ богачи любили посыпать ею передъ своими домами. По словамъ Эразма, даже въ Парижѣ бурсаки ѣли гнилыя яйца, пили тухлую воду, спали на полу подлѣ извѣстныхъ мѣстъ, исполняли обязанности конюховъ, судомоекъ и дворниковъ.

Подконецъ тяжело было также перебиваться рабочему и подмастерьямъ: они жили впроголодь и въ какихъ-то конурахъ. Это отчасти зависѣло отъ гнета вырождавшихся цеховъ. Цехи (§ 138) были орудіемъ прогресса, пока отстаивали права труда и личности въ борьбѣ сначала съ феодалами, потомъ съ купеческими гильдіями или тѣмъ тираническимъ патриціатомъ, который доходилъ, во Фландріи, до такихъ законовъ: „если патрицій похититъ дочь бѣдняка для того, чтобы сдѣлать ее своей наложницей, а не женой, онъ не платитъ пени“. Но теперь, одержавъ побѣду, цехи сами стали кастами, которыя угнетали и своихъ рабочихъ, и все крестьянство. Здѣсь подавлялся талантъ, и учебное время было крѣпостничествомъ. Личность стѣснялась монополіями и регламентаціей: на все была такса, нельзя было пріютить чужака, виноторговецъ не смѣлъ начинать разомъ двѣ бочки и т. д. Оттого-то уже въ концѣ прошлаго періода, на Рейнѣ, возникло тайное общество фран-масоновъ или „свободныхъ каменщиковъ“ (§ 99). Ему подражали товарищества (compagnonnage), возникшія во Франціи въ 15-мъ в.; только они

были врагами церкви столько же, сколько и цеховыхъ мастеровъ, противъ которыхъ составляли какъ бы постоянную стачку. Подобно масонамъ, товарищества имѣли свои особые знаки, уставы и обряды, напоминавшіе мистеріи (Д. И. § 128). Они и завелись, прежде всего, среди парижскихъ каменщиковъ, а потомъ распространились почти на всѣ ремесла и по всей странѣ. Они вызволяли рабочаго, который, благодаря гнету цеховъ, сталъ тогда кочевникомъ, искавшимъ всюду занятій. Вездѣ, по городамъ, у каждаго товарищества была своя таинственная „мать"—кабатчица: она укрывала пришельца и отыскивала ему работу, а за недостаткомъ ея, снаряжала его въ дальнѣйшій путь. Рабочему помогали еще братства (confrérie), которыя выручали его въ нуждѣ и справляли общія празднества. Они имѣли свою казну, свои значки, а въ церкви—свою часовню и свою свѣчу: „я — отъ свѣчи сапожниковъ", съ гордостью говорилъ братчикъ-сапожникъ. Хотя братства были явными, законными сообществами, они все-таки составляли какъ бы протестъ противъ недостатковъ цехового строя. Тѣмъ не менѣе, покуда еще нельзя было массамъ обходиться безъ цеховой самозащиты, и еще несовсѣмъ утратились полезныя свойства этого быта. Цехъ все еще былъ какъ бы страховымъ обществомъ рабочихъ, съ старымъ религіознымъ оттѣнкомъ. Онъ распредѣлялъ поровну размѣры производства и торговли, содержалъ больныхъ и сиротъ, выдавалъ нуждавшимся ссуды, пособія и даже марки на баню (тогда просили не на водку, а „на баню"). Онъ строго смотрѣлъ за соблюденіемъ честности: одного купца сожгли за порчу шафрана. Часто городскія власти сами торговали хлѣбомъ, солью, мясомъ и виномъ, чтобы „сохранить умѣренныя цѣны для бѣдняковъ".

Цехи же способствовали развитію промышленности. Здѣсь сначала на первомъ планѣ стояли Нидерланды, благодаря своей богатой почвѣ, орошаемой такими большими рѣками, какъ Рейнъ, Маасъ и Шельда. Нигдѣ не процвѣтало такое тонкое суконное производство, которое началось тамъ еще въ римскую эпоху; а рядомъ шла усиленная добыча каменнаго угля, мѣди и мрамора да ловля сельдей и трески; подконецъ, при бургундскихъ герцогахъ, расцвѣло и производство предметовъ роскоши. Фландрію уже угнеталъ избытокъ ремесленнаго населенія: приходилось привозить изъ чужихъ странъ хлѣбъ и даже пиво; и ткачи расходились отсюда въ Англію, Францію, даже Австрію. Но подконецъ Англія стала соперничать съ Нидерландами въ

промыслахъ. Прежде она богатѣла отъ вывозимой туда шерсти, которая давала до 80.000 фунт. стерл. пошлины, причемъ, для сохраненія монополіи, запрещалось вывозить самихъ овецъ. Теперь же, съ одной стороны, контрабанда провезла англійскую овцу на материкъ (отъ нея пошелъ испанскій мериносъ), съ другой—правительство, съ Эдуарда III, стало привлекать ремесленниковъ изъ Фландріи. У нихъ англичане научились производству суконъ, которыя Ганза стала развозить по Европѣ, вмѣстѣ съ обычными богатствами ихъ страны (§ 100). Во Франціи промышленность наиболѣе развивалась при Людовикѣ XI, который поднималъ падшія ремесла и основалъ шелководство. Даже Португалія стала славиться своими желѣзными и золотыми рудниками: и въ Швеціи (въ Далекарліи) развивалось горное дѣло, пока черная смерть не сократила ея населенія до полумилліона. Богемія же процвѣтала, при Карлѣ IV, благодаря своему пиву, вину, въ особенности же горному дѣлу и производству стекла, которое появилось даже въ домахъ крестьянъ. Тогда стекло употреблялось не только на окнахъ, но и въ лампахъ, кружкахъ, зеркалахъ. Входили въ употребленіе и очки, хотя только при чтеніи. Всюду распространялись частью изящные, частью мудреные предметы удобства и роскоши. Возникли астрономическіе инструменты; на церквахъ забили колесные часы и зазвонили колокола до 1.000 пуд. вѣсомъ. Слесаря дѣлали хитрые замки и красивыя рѣшотки и коробочки. Посуда вездѣ становилась поливною, и изготовлялись изящныя кружки съ лѣпною работой и надписями, такіе же подносы и блюда, расписные изразцы для печей. Сильно выдвинулось ювелирное мастерство: даже мужчины щеголяли кольцами, запонками, цѣпями, особенно въ Германіи, которая снабжала всю Европу серебромъ и отчасти золотомъ.

Предметами вкуса и роскоши щеголяла больше всего Италія. Здѣсь развилось убранство комнатъ, изящная рѣзная, свободная отъ стѣнъ, мебель, дорогіе обои, ковры, упругія постели, затѣйливая туалетная утварь. Здѣсь же кухня становилась разнообразною и утонченною: при раннихъ обѣдахъ (въ 10—12 ч.) завелись легкіе ужины съ собесѣдованіями; появилась вилка, которая тотчасъ перешла во Францію вмѣстѣ съ новою мебелью. Новая мода также возникла въ Италіи; но французы успѣли такъ ловко передѣлать ее, что она уже изъ Парижа овладѣвала Англіей и даже Германіей. Она отличалась пестротой и богатствомъ. Короткіе камзолы, широкіе плащи

безъ рукавовъ, длинные шаровары, замѣнявшіе и чулки, цвѣтные башмаки—все блистало шелкомъ, бархатомъ, парчей, золотымъ шитьемъ (стр. 653). У щеголей носки у башмаковъ закручивались чуть не до колѣнъ: такъ какъ они были взяты у мавровъ, то народъ приписывалъ черную смерть гнѣву Божію за нихъ Головной уборъ доходилъ до цѣлыхъ башенъ: у капюшоновъ явились длинные кончики, у шапокъ—околыши, у шляпъ—высокія тульи, широчайшія поля, огромныя застежки, ленты и т. п. Знаменитая шляпа Карла Смѣлаго, доставшаяся Фуггерамъ послѣ Грансона, была сшита изъ желтаго бархата, осыпана жемчугомъ, опоясана вѣнкомъ изъ алмазовъ, рубиновъ и сердоликовъ. Перчатки, нерѣдко съ шитьемъ, стали необходимостью. Еще любили нашивать цвѣтные лоскутья въ видѣ зубчиковъ и хвостиковъ, а на шею и поясъ подвѣшивали колокольцы и бубенчики. Мужчины до того занимались собой, что завивали волосы, мылись розовою водой и намазывались бальзамами; бороду снова начали отпускать, между тѣмъ какъ клиръ весь сталъ бриться. Чиновники и городскія власти уже носили родъ мундира — платье предписаннаго покроя и цвѣта (у ученыхъ и юристовъ родъ церковнаго костюма). Отличались внѣшнимъ видомъ также палачи, банкроты, публичныя женщины; евреи обязаны были носить длинное платье, красный лоскутъ на плечѣ или на груди, высокую цвѣтную шляпу. У женщинъ сохранялась прежняя одежда, но она становилась пышнѣе и богаче; и все удлинялись шлейфы и вырѣзки на груди, а на головахъ возникали цѣлыя пирамиды, какъ видно на Маріи Бургундской (стр. 345 и 469). Въ вооруженіи также измѣнилась мода, благодаря успѣхамъ промышленности, въ особенности же пороху, противъ кото-

Адвокатъ. Съ парижской гравюры „Пляска Смерти“. 1490 г.

раго мало помогали даже латы, замѣнившія чешуйчатую броню (стр. 453). Порохъ долго примѣнялся только къ пушкамъ, которыя заряжались сначала круглыми камнями. У Магомета II была пушка 4 саж. длины: ее везли 50 паръ воловъ и 200 возницъ. Подконецъ появились плохія ружья. Гонсальво ввелъ подземныя мины. Флотъ уже стоялъ гораздо выше античнаго: открытія совершались на большихъ, иногда 3-палубныхъ судахъ.

Флотъ больше всего содѣйствовалъ успѣхамъ матеріальной культуры, такъ какъ на первомъ планѣ еще стояла внѣшняя, заморская торговля, которая все расширялась. Россія уже доставляла не одни мѣха, но и ленъ съ коноплей; Пруссія становилась житницей Нидерландовъ и Вестфаліи. Укрѣплялись сношенія съ Азіей до Китая и Индіи. Купцы проникали въ Африку уже не только съ сѣвера, но и съ запада, собирая тамъ золото, рабовъ, слоновую кость, гумми, выхухоль и особый инбирь, замѣнявшій перецъ, а въ колоніяхъ разводили сахарныя плантаціи. Въ Америкѣ испанцы мѣняли зеркальца, погремушки, булавки, кусочки фарфора на золото и жемчугъ. Развивалась и внутренняя торговля, благодаря возрастанію населенія, промысловъ и порядка. Всюду улучшались средства сообщенія, а подконецъ завелись почты, хотя пока только для правительства, сначала у Людовика XI, потомъ у Максимиліана I, который отдалъ ихъ на откупъ Таксису (отсюда „такса“). Внутри Европы падала мѣновая торговля: деньги уже становились всеобщимъ достояніемъ, понемногу выходя изъ рукъ евреевъ и ломбардцевъ. Ихъ уже занимали государи, хотя и за огромные проценты (до 50%), создавшіе такихъ милліонеровъ, какъ Медичи и Фуггеры. Правда, сначала алчность и невѣжество властей дѣлали монету

Королевскій дорожный экипажъ. 15-го в. Изъ бреславльской рукописи Карла V.

бичемъ торговли: французскіе короли до того портили ее въ 14 в., что однажды она 18 разъ въ годъ мѣняла свою цѣну отъ 5 до 11 ливровъ. Но потомъ поняли вредъ отъ искусственнаго колебанія цѣнъ—и монета, съ итальянскими флоринами (§ 133) во главѣ, стала подспорьемъ торговли, тѣмъ болѣе, что, вмѣстѣ съ паденіемъ феодализма, въ ней явилось болѣе однообразія. Банки (banco—скамья, на которой сидѣлъ перехожій еврей-мѣняло) уже пріобрѣтали значеніе: въ Генуѣ акціонеры банка владѣли всѣми финансами республики, имѣли свой флотъ и войско. Подконецъ славились банки въ Антверпенѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который былъ знаменитъ еще первою въ мірѣ ярмаркой.

Въ 14-мъ в. во главѣ торговли все еще стояли генуэзцы и особенно венеціанцы, которые плавали до Англіи и занимали альпійскіе проходы: у венеціанцевъ былъ военный флотъ съ 30.000 матросовъ и, съ его помощью, они удаляли свою бѣдноту на о—ва Архипелага и на Балканскій полуостровъ. Но въ 15-мъ в. началось паденіе этихъ „финикіянъ Средиземнаго моря“. Турки прервали ихъ торговлю съ Левантомъ, что временно выдвинуло Дубровникъ, а еще болѣе Венгрію. Венеціанцы недовѣрчиво отнеслись къ мысли о замѣнѣ стараго пути въ Азію новымъ, „западнымъ“, и сынъ ихъ вѣчнаго врага, Генуи, погубилъ ихъ торговлю, открывши этотъ путь для испанцевъ. Та же судьба постигла Ганзу (§ 138). Ея цвѣтущая пора—14-й в., до сгубившей ее кальмарской уніи (§ 134). Тогда она отличалась могуществомъ: у нея было 77 городовъ, съ богатѣйшимъ Любекомъ во главѣ. Она связывала торговлю сѣверо-востока Европы съ центрами материковаго движенія (Страсбургъ, Франкфуртъ, Кёльнъ, Эрфуртъ, Вѣна, Аугсбургъ, Нюрнбергъ), куда итальянцы свозили дары далекихъ странъ. А въ Англіи знали только ея деньги (sterling—отъ easterling, „восточный“, какъ называли тамъ ганзейца); и ганзейцы съ презрѣніемъ говорили про англичанъ: „мы покупаемъ у нихъ лисій мѣхъ за грошъ и продаемъ имъ лисій хвостъ за гульденъ“. Ганза славилась также своею промышленностью и изобрѣтательностью: она выдумала страхованіе; ея ремесленники кишѣли во всѣхъ приморскихъ городахъ, гдѣ нерѣдко занимали выборныя должности. Но подконецъ Ганза падала: кругомъ росли новыя державы; Иванъ III закрылъ ея знаменитое Петровское подворье въ Новгородѣ (Р. И. § 113); въ ней самой настали раздоры и развратъ.

Вообще узлы торговли перемѣщались на крайній Западъ: на первый планъ выдвигались Нидерланды, Англія, отчасти Франція и Пиренейскій полуостровъ. Казалось, сама природа склонялась туда. Сельдь, изъ-за которой подъ Орлеаномъ, при Жаннѣ д'Аркъ, произошла „сельдяная битва", эта главная статья дохода Скандинавіи и монополія Ганзы, перекочевала отъ южныхъ береговъ Швеціи въ Сѣверное море, къ фламандцамъ; а байонскіе моряки изобрѣли выгодный китовый промыселъ. Нидерланды, купцы которыхъ доходили до Сиріи, были, въ теченіе всего періода, средоточіемъ міровой торговли. Они, подобно Ломбардіи, были наполнены такими богатыми городами, съ 100-тысячнымъ населеніемъ, какъ Брюгге и Гентъ, гдѣ ганзейцы держали свои главные склады, ломбардцы—свои банки и купцы всѣхъ странъ—свои „дома" (конторы). Здѣсь царствовалъ космополитизмъ: заключались торговые договоры, устанавливалось „морское (торговое) право". Лишь подконецъ фламандцамъ становилось тѣсно отъ соперничества съ Англіей, которая уже сама начала участвовать въ левантской торговлѣ. Здѣсь съ Эдуарда III показался явный знакъ народнаго благосостоянія: установилась золотая монета, которая, по требованію парламента, не портилась до конца среднихъ вѣковъ. Подконецъ стало подыматься и торговое значеніе Франціи. Здѣсь правленіе переходило къ такимъ людямъ, какъ Кёръ (§ 123), которые подымали торговлю въ глазахъ народа, даже феодаловъ и всего Востока. Людовикъ XI уже объявилъ, что это занятіе не порочитъ дворянства. Онъ дозволялъ торговать всякому, покровительствовалъ даже иностраннымъ купцамъ, заключилъ договоры съ Ганзой и Венеціей, возстановилъ запустѣвшія при войнахъ ярмарки, уничтожилъ внутреннія таможни и подрывалъ монополіи цеховъ и гильдій, ввелъ единство мѣръ и вѣсовъ. И французскіе корабли ходили уже до Египта и Канарскихъ о—въ. Но важнѣе Франціи былъ Пиренейскій полуостровъ. Тамъ Португалія богатѣла отчасти отъ открытій, а больше отъ расширенія своихъ торговыхъ связей съ Фландріей, Англіей и Франціей. А Каталонія, которая и сейчасъ отличается отъ остальной Испаніи своимъ богатствомъ и предпріимчивостью, какъ бы силилась перенять роль Венеціи. Она владѣла массой отличныхъ галеръ, каравелъ и 3-палубныхъ судовъ, которыя нанимались и французскими купцами. Она торговала, а отчасти и пиратствовала, по всему Средиземному морю: тутъ у нея всюду были свои конторы и склады; на Кипрѣ ей принадлежалъ цѣлый

городъ. Ея Барселона была подконецъ однимъ изъ первыхъ торговыхъ портовъ въ мірѣ: она щеголяла своими консульствами, биржей, верфью, банкомъ, роскошнымъ арсеналомъ. Но важнѣе всего, что открылся Новый Свѣтъ, который сдѣлалъ Испанію царицей денегъ и произвелъ потрясающій переворотъ во всемъ хозяйственномъ строѣ Европы. Довольно сказать, что до этого великаго событія золото и серебро цѣнились въ 7 разъ дороже, чѣмъ теперь.

§ 156. **Значеніе періода и средней исторіи.**—Средніе вѣка не безъ основанія называются хаосомъ. Никогда не сталкивалось столько разнородныхъ двигателей исторіи, борьба которыхъ вносила въ жизнь смуту и страстность: пять первыхъ вѣковъ и два послѣднихъ даже считаются переходными (§ 1). Съ самаго начала выступила мучительная задача сліянія классицизма, христіанства и варварства — основъ не только разнаго характера, но и различныхъ ступеней развитія. Какъ потребность исторіи, сліяніе совершилось, но въ тяжелыхъ, уродливыхъ формахъ. Три основы дали три рода политическаго, общественнаго и идеальнаго быта: изъ классицизма проистекли цезаризмъ (съ республиканскими попытками), демократизмъ и свѣтскій реализмъ, изъ христіанства—папство, начало равенства (съ братствомъ) и церковный идеализмъ, изъ варварства — феодализмъ, аристократизмъ и романтизмъ или рыцарство въ смыслѣ идеала (§ 93). Основы переплетались между собой среди ожесточенной борьбы; преобладаніемъ той или другой изъ нихъ обрисовываются эпохи.

До 14-го в. классицизмъ находился въ порабощеніи, несмотря на долгую романизацію Запада и эллинизацію Востока: душѣ варвара были доступнѣе начала христіанства (§ 4). А такъ какъ новыя племена нуждались въ сильномъ руководителѣ и, по законамъ развитія (Д. И. Введ. § 1), необходимо прежде всего сплоченіе группъ человѣчества для образованія цивилизаціи, то рано начало выдвигаться папство. Оно должно было достигнуть верха могущества въ долгій періодъ, когда религія подавляла всѣ другіе идеальные интересы и еще не сложились народы. Въ разгаръ крестовыхъ походовъ осуществился ѳеократическій идеалъ монаха Гильдебранда. Папа, которому повиновался не только первый, но и второй чинъ (знать), распоряжался судьбами Запада и отчасти Востока. Его наука, схоластика, достигла, въ лицѣ Ѳомы Аквинскаго, высоты, на которой и теперь стоитъ католическое богословіе. Всѣ роды искусства

служили церкви, и религіозное млѣніе окаменѣло въ вездѣсущемъ готикѣ.

Церковный идеализмъ жилъ до начала новой исторіи, ознаменованнаго религіозною революціей; но съ конца 13-го в. онъ постепенно мѣнялся ролью съ наслѣдіемъ древности, съ свѣтскимъ реализмомъ или раціонализмомъ. Послѣдній никогда не умиралъ. Самая догма христіанства и схоластика связаны съ классицизмомъ. Ранній расцвѣтъ папства немыслимъ безъ готовой организаціи, которую оно заимствовало у римской имперіи, и безъ ея права, быстро разлагавшаго общинно-родовой бытъ варваровъ (§ 86). Классицизмъ жилъ въ ересяхъ и иконоборствѣ, въ арабскомъ и византійскомъ типахъ культуры. Порой онъ украшался такими именами, какъ Абеляръ, Рожеръ Беконъ и Альбертъ Великій, и владѣлъ умами въ формѣ аверроизма и номинализма. Для его торжества недоставало мірового потрясенія, одного изъ тѣхъ кровавыхъ потоповъ, въ которыхъ получаютъ крещеніе новорожденныя силы исторіи. Таково было значеніе крестовыхъ походовъ — самаго яркаго явленія въ средніе вѣка. То было самое сильное, но и послѣднее проявленіе церковнаго идеализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ колыбель силъ новой исторіи (§ 89). Подъ ихъ вліяніемъ погибли поблекшіе типы арабской и византійской культуры, уступая мѣсто своему питомцу — типу западному. Тогда совершилось первое и величайшее изъ открытій: разсѣялась безпредѣльная туманная греза церковнаго идеализма — и предъ человѣчествомъ озарился конечный, но пестрѣющій жизненными цвѣтами реальный міръ. Подконецъ именемъ крестовыхъ походовъ назывались такія явленія, какъ побоище подъ Никополемъ для отраженія турокъ отъ Австріи да бунтъ венгерскихъ крестьянъ (§§ 130, 138). И народъ, разсуждая объ Азіи, говорилъ уже не „святыя мѣста“, а „Левантъ“, т.-е. ворота не въ рай, а въ Ост-Индію, ключъ къ богатству, связанному съ развитіемъ торговли и промышленности.

Къ концу среднихъ вѣковъ папскій космополитизмъ, съ его мертвою латынью, смѣняется народностями, съ ихъ живыми языками и литературами, съ ихъ этнографическимъ и земельнымъ сплоченіемъ. Тогда же совершилось собираніе верховной власти или развитіе монархизма, въ предѣлахъ каждой народности: за исключеніемъ Германіи, гдѣ утверждалось мелкодержавіе фюрстовъ съ пережитками кулачнаго права, всюду „сюзерены“ становились „суверенами“. Монархизмъ — свѣтское

начало: это—возрожденіе классическаго цезаризма, опиравшееся на римское право. Какъ папство было вождемъ первыхъ двухъ чиновъ, такъ монархизмъ сталъ противъ него во главѣ третьяго чина, — городовъ, которые, въ свою очередь, были пріютомъ свѣтскости, новыхъ началъ жизни. Рядъ мѣщанскихъ революцій 14-го в., славные дни Бувина, Куртре, Земпаха, Геммингштедта, а также гусизмъ, война Розъ, гибель Карла Смѣлаго—все это столько же торжество третьяго чина надъ двумя первыми, сколько побѣда цезаризма. Въ силу союза монарховъ съ массой, средніе вѣка полны попытокъ демократизаціи власти: парламентаризмъ явился даже въ Швеціи и Венгріи. Но онѣ были неудачны. Конституція выработалась только въ Англіи, благодаря своеобразнымъ условіямъ ея островного положенія: да и тамъ подконецъ возродилась „новая монархія“ (§ 121). Для истребленія закоренѣлаго феодализма и безначалія требовалось особенное сплоченіе власти или абсолютизмъ, который уже обнаруживалъ свои пороки во Франціи и Испаніи—гнетъ чиновничества и податей, политическій фанатизмъ, завоевательность, а главное—отсутствіе нравственнаго сознанія.

Крестовые походы доставляли побѣду свѣтскости и въ идеальной культурѣ. Возстановленный Бекономъ научный методъ Аристотеля создалъ Оккама, Регіомонтана и Коперника. Еще больше выдвинулась филологія съ свѣтскою исторіей. На смѣну церковному идеализму выступило новое умственное сплоченіе—гуманизмъ, который овладѣвалъ всѣмъ бытомъ интеллигенціи, становился міровоззрѣніемъ. Его могущество выразилось въ критикѣ Валлы, потрясшей основы папства (§ 148). У него явились великія орудія обнародованія, демократизація просвѣщенія: въ лицѣ Джіотто, искусство сразу выдвинуло натурализмъ и самую реальную свою сторону—живопись; книгопечатаніе придавало крылья гуманизму, переносило его за Альпы.

Въ то время, когда сложились новыя силы прогресса и сплоченія Запада, его старая руководительница, церковь, дошла до глубины паденія. Христіанство превращалось въ бездушный обрядъ, церковь—въ политическое и, особенно, финансовое учрежденіе. Римская курія, а за нею и владыки стали образцами матеріализма и порочности, которыхъ они и не скрывали. Любовь къ ближнему замѣнилась хладнокровною жестокостью инквизиторовъ, которые сожигали любителей Библіи, раскрывавшей ложь папства. Погрузившись въ невѣжество, церковь стала заклятымъ врагомъ просвѣщенія, главнымъ тормазомъ прогресса.

Оттого 14-15 вв.—эпоха великихъ скандаловъ въ исторіи католичества и упорной оппозиціи ему. Сцена въ Ананьи была достойною местью цезаризма за Каноссу: это—такое же начало конца для папства, какъ одновременная битва при Куртре (§ 102) — для феодализма. Ея виновникъ — внукъ Людовика, причисленнаго къ лику святыхъ: онъ же пролилъ кровь послѣднихъ тѣлохранителей папства, храмовниковъ. Такъ, эпоха крестовыхъ походовъ окончилась въ той же Франціи, гдѣ она началась Клермонскимъ соборомъ. Затѣмъ „вавилонское плѣненіе" съ расколомъ—и Западъ превратился въ сплошную оппозицію Риму. Массы выражали свое негодованіе въ сатирѣ и создавали собственную религію; интеллигенція впадала въ невѣріе или въ обожаніе Платона; короли распоряжались мѣстными церквами, не обращая вниманія на папство.

Въ средѣ самой церкви возникло новое богословіе, которое, вмѣстѣ съ мистикой, признавало только Библію и задушевную вѣру, отвергая „преданія" католичества. И оно уже выставило такихъ богатырей въ рясахъ, какъ Виклифъ и Гусъ. Опредѣляя церковь, какъ собраніе „вѣрующихъ", а не папствующихъ, и отвергая рѣшеніе собора, Гусъ впервые выдвинулъ значеніе широкихъ началъ народности и свободы мысли и совѣсти насчетъ привилегированности душеспасенія, покупаемой цѣною духовнаго рабства. И казнь Гуса и Іеронима вызвала въ массахъ не умиленіе, какъ былые подвиги инквизиціи (§ 91), а сожалѣніе и негодованіе, чеховъ же превратила въ жестокихъ мстителей духу средневѣковья (§§ 117, 118). Власти и общество испробовали всѣ пути къ „исправленію церкви во главѣ и членахъ". Пылала народная революція въ лицѣ миноритовъ, лоллардовъ и чашниковъ; соборная оппозиція изощрялась въ тонкостяхъ дипломатіи и аристократизма. Но революція окончилась костромъ Гуса и „лоллардовыми башнями", а соборы оказались позоромъ высшихъ слоевъ общества. Оттого во второй половинѣ 15-го в. зло развивалось въ Римѣ пуще прежняго, а въ массахъ недовольство средневѣковщиной сосредоточивалось на папствѣ. Особенно негодовали наиболѣе угнетенные Римомъ нѣмцы, которые недаромъ боролись съ нимъ цѣлое пол-тысячелѣтіе, въ лицѣ своихъ императоровъ. На ихъ сеймахъ появились требованія церковной „реформаціи"; Везель умеръ въ тюрьмѣ за протестъ противъ индульгенцій; нѣмецкіе гуманисты уже дали рѣшительную битву доминиканскимъ „обскурантамъ". Недоставало искры, чтобы въ центрѣ Европы произошелъ взрывъ:

она явилась въ лицѣ Лютера, съ котораго можно начинать новую исторію.

Плодомъ борьбы основъ средней исторіи было значительное наслѣдіе новому времени. Европа уже представляла систему народностей, съ началомъ политическаго равновѣсія. Наполовину была возстановлена общественная справедливость: въ лицѣ третьяго чина часть низшаго слоя пріобрѣла полноправность. Тамъ и сямъ, какъ въ отдѣльныхъ умахъ, такъ и въ массахъ, выдвигалось библейское начало равенства, указывавшее на подъемъ крестьянства. Еще болѣе новаго было въ идеальной культурѣ. Новые языки разставались съ романтизмомъ и выставили Данта, Петрарку, Боккачіо, Поліціана, Чосера, а также мѣщанскую поэзію, народную пѣсню съ сатирой, зачатки драмы. Готикъ и византійство уступали мѣсто реальному искусству, схоластика и даже аввероизмъ—гуманизму. Совершилось открытіе человѣка и природы (§ 148), законченное подвигомъ Колумба. Родилась личность, это великое орудіе новаго времени, выставившее даже благородные образцы женской культуры. Отсюда смягченіе нравовъ: въ Италіи появилась элеганція съ конверсаціей и музыкой; порокъ прикрывался изящной маской, насиліе отступало передъ обманомъ; даже на евреевъ начинали смотрѣть, какъ на своихъ „ближнихъ“. Прогрессъ особенно ясенъ въ матеріальной культурѣ. Въ мореплаваніи, торговлѣ и промыслахъ уже опередили античный міръ. Города становились типомъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ узловъ жизни. Довольство замѣчалось даже у мужика, а внѣшній бытъ итальянца отличался изяществомъ и удобствомъ. Скопленіе богатствъ даже породило банки и компаніи капиталистовъ. Хозяйство превращалось изъ естественнаго въ денежное. Вообще подконецъ нельзя было узнать средневѣковой Европы, особенно въ Италіи. Душой жизни становились реальные интересы. Вмѣсто односторонняго аскета выступилъ „всеобъемлющій человѣкъ“ (§ 148); и ему дышалось свободнѣе, жилось просторнѣе. Города и дворы, съ ихъ посольствами, становились средоточіями міровыхъ интересовъ. Мѣстныя лѣтописи замѣнялись всеобщими исторіями. Почты, книгопечатаніе, всемірная латынь гуманистовъ ускоряли біеніе пульса исторической жизни.

Но силенъ звѣрь въ человѣкѣ: вѣковые пережитки глубоко коренятся въ человѣчествѣ, а новая цивилизація несетъ съ собой свѣжіе пороки. Въ лицѣ чиновничества, оторваннаго отъ народа, лишеннаго даже чувства родовой чести, вырабатывался

новый видъ политической неволи; начало государственной пользы уже означало развратное поклоненіе успѣху; а въ Германіи пороки абсолютизма сливались съ гнетомъ феодализма, въ формѣ федераціи фюрстовъ. Свѣтскій реализмъ владѣлъ только интеллигенціей: онъ внушалъ даже недовѣріе массамъ крайностями въ развитіи личности и матеріализмомъ. Обновленіе по-преимуществу эстетическое, гуманизмъ скользилъ по поверхности жизни, оставляя душевную пустоту въ людяхъ, привыкшихъ къ дисциплинѣ церковнаго идеализма. Оттого по сю сторону Альпъ, особенно въ Германіи, онъ сливался съ религіознымъ интересомъ, а въ Италіи вызвалъ противодѣйствіе со стороны философскаго идеализма. Въ самомъ концѣ, горячій протестъ религіознаго фанатика, хотя и врага папства (§ 128), предвѣщалъ жестокую церковную реакцію. Онъ оправдывался глубокимъ паденіемъ нравовъ, плохо прикрытымъ новыми формами цивилизаціи: въ разгаръ гуманизма процвѣтали Борджіи и Комины; возникало новое рабство въ Африкѣ и Америкѣ. Рабство возрождалось въ самой Европѣ въ новомъ видѣ. Обезземеленіе крестьянъ, подрывъ общинной собственности, союзъ абсолютизма съ богатствомъ (§ 138), смѣнявшій цезаропапизмъ,—все вело къ закрѣпощенію массъ. Въ дѣлѣ соціальной реакціи къ феодаламъ примкнулъ третій чинъ: онъ, въ свою очередь, добивался привилегій, не исключая крѣпостного права. Въ эпоху утвержденія абсолютизма, римскаго права и принциповъ Комина, капиталъ, эта бездушная, но сокрушительная сила, выступилъ на смертельную борьбу съ живой личностью, съ трудомъ. Обошедши крайній западъ, новая бѣда сосредоточилась въ центрѣ Европы. Жаки, лолларды, табориты, нѣмецкія „крестьянства" (§ 138), куруцы—всѣ они пѣли одну и ту же пѣсенку объ Адамѣ, Евѣ и джентльменѣ (§ 107), всѣ выставляли начало равенства, съ Евангеліемъ въ рукахъ. Тогда же созрѣвалъ въ Англіи Моръ, авторъ „Утопіи", гдѣ этотъ идеалъ былъ впервые послѣ Р. Х. заявленъ въ свѣтской формѣ. Доносившіеся, особенно изъ Германіи, стоны и зловѣщій ропотъ „лаптя" (§ 138) да проклятія папству, этому ключу въ сводѣ средневѣковаго зданія, — вотъ наслѣдіе, съ которымъ прежде всего приходилось считаться новому времени.

Подконецъ выяснились и этнографическіе дѣятели исторіи, которымъ суждено было начать исполненіе задачъ, завѣщанныхъ новому времени. Въ средніе вѣка хаосъ поддерживался участіемъ множества племенъ и націй. Почти безпрерывно шло „пересе-

леніе народовъ", связанное съ этнографическимъ наплывомъ изъ Азіи и Африки. Въ 6-мъ в. появились авары, занявшіе мѣсто гунновъ; въ 7-мъ происходило сильное движеніе у славянъ, тѣснимыхъ германцами съ сѣвера и туранцами съ востока, причемъ болгары перешли съ юга Россіи на Дунай, а будущіе русскіе— съ Дуная на сѣверо-востокъ; въ 8-мъ в. на юго-западѣ Европы появились арабы; въ 9-мъ авары были смѣнены мадьярами (венграми), и устремились на западъ датчане, въ особенности же норманны, образовавшіе потомъ новыя государства; въ 13-мъ восточною Европой овладѣли татары, а въ 15-мъ турки разрушили Византійскую имперію. Такъ, лишь накануне новой исторіи прекратилось передвиженіе народовъ въ Европѣ, связанное съ наплывомъ новыхъ племенъ изъ Азіи. Тогда же оно смѣнилось чертой новаго времени — выселеніемъ съ Запада: таковы изгнаніе мавровъ, эмиграція въ Африку и Америку, „стремленіе къ востоку" нѣмцевъ. Въ наплывѣ изъ Азіи участвовали не только индо-европейцы и семиты, но и туранцы (Д. И. § 3). Но туранцы оказались неспособными къ прогрессу вездѣ, за исключеніемъ Венгріи. Овладѣвши исламомъ, они погубили арабскую культуру, а затѣмъ разрушили византійство. Но они были безсильны передъ Западомъ и представительницей славянства— Россіей, которая рано окрѣпла политически, наряду съ Франціей и Англіей (§ 66): Византія погибла въ то время, когда пали Гранада и татарское иго на Руси. Такъ, изъ четырехъ типовъ культуры въ новую исторію переходятъ два—западный, окрѣпшій на основахъ классицизма, и славянскій, которому еще предстояло доказать, что̀ можетъ выйти изъ смѣшенія вліяній Византіи, Запада и Азіи.

Западная культура шла съ юга на сѣверо-западъ и оттуда на востокъ. Главною, неизмѣнною хранительницей классицизма была „красавица Италія" (bella Italia), которая недаромъ всегда привлекала сѣверныхъ варваровъ: задача образованной среды — очаровывать грубую душу, чтобы дѣлиться съ нею своимъ развитіемъ. Италія раздѣляла эту роль съ рано романизованными странами — Испаніей, Франціей, Фландріей, отчасти Англіей. Одно время на первомъ планѣ стояли даже мавры и испанскіе евреи, вліяніе которыхъ въ Провансѣ, гдѣ оно сталкивалось съ античными преданіями, привело къ первому Возрожденію (§ 94). Отсюда великое значеніе французовъ уже въ средніе вѣка. Какъ въ самой Франціи, такъ и во Фландріи, они выказали необыкновенное оживленіе въ 14 в. Въ

этихъ странахъ, среди ужасовъ мѣщанскихъ революцій (§§ 105, 106), было столько движенія даже въ просвѣщеніи, литературѣ и искусствѣ, что, казалось, Возрожденію суждено было начаться здѣсь раньше, чѣмъ въ Италіи. Если затѣмъ насталъ застой, то виной тому были войны, неизбѣжныя, но такія губительныя, какъ Столѣтняя и итальянскія. Но зато эти же войны способствовали подготовкѣ дальнѣйшаго развитія. Столѣтняя борьба Франціи съ Англіей, или материка Европы съ ея великимъ обособившимся островомъ, имѣетъ болѣе правъ на міровое значеніе, чѣмъ соперничество между папствомъ и императорствомъ. То была цѣлая эпоха въ развитіи двухъ передовыхъ странъ, а слѣдовательно и всего человѣчества. Франція терпѣла неудачи на поляхъ битвъ, какъ представительница пережитковъ военнаго быта; но она выросла среди бѣдствій. Она стала цѣльнымъ государствомъ, съ національнымъ сознаніемъ, которое проявилось въ близкомъ къ чуду явленіи Дѣвы, служившей поэтическимъ совмѣщеніемъ всѣхъ горестей, нуждъ и надеждъ великаго народа, доведеннаго до отчаянія, но дрожавшаго отъ избытка жизненныхъ силъ (§ 109). А итальянскія войны связаны съ страстнымъ стремленіемъ французовъ къ расцвѣтшей за Альпами новой цивилизаціи (§ 129): онѣ содѣйствовали ихъ увлеченію гуманизмомъ до дѣтскаго подражанія—и этотъ романскій народъ надолго сохранилъ свою передовую роль въ новое время.

За французами шла, подъ вліяніемъ ихъ же, фламандцевъ и отчасти итальянцевъ, самая передовая изъ германскихъ націй— англичане, съ ихъ своеобразною конституціей, этою матерью политической свободы на материкѣ, съ ихъ міровою торговлей, съ ихъ упорнымъ нравомъ и глубокимъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Нѣмцы же долго предпочитали родную грубость заальпійской культурѣ, не замѣчая, въ патріотическомъ ослѣпленіи, что итальянцы задолго до нихъ разсчитались съ католичествомъ: самъ Эразмъ называлъ своихъ соплеменниковъ „варварами“. Лишь подконецъ они, съ пыломъ даровитой націи, бросились наверстывать упущенное, сосредоточивая удары новой жизни на такомъ коренномъ пережиткѣ средневѣковья, какъ римскій папа: имъ принадлежатъ первыя страницы новой исторіи, именуемыя „реформаціей“.

Такъ росла этнографическая рознь между германизмомъ и романизмомъ: замѣтная уже въ эпоху борьбы императорства съ папствомъ (§ 46), она обнаружилась подконецъ и въ соперничествѣ Германіи съ Франціей. Но нѣмцы все-таки люди запад-

ной культуры — и ея торжествомъ было усиленіе Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ насчетъ западныхъ славянъ и венгерцевъ. Гораздо болѣе непримирима рознь между Западомъ и Востокомъ Европы. Проходя по всѣмъ вѣкамъ, начиная съ распаденія Римской имперіи, даже съ эллинизаціи Востока и романизаціи Запада (§ 31), она была закрѣплена раздѣленіемъ церквей и усиленіемъ Россіи. Если, въ лицѣ Византіи, велико было вліяніе восточной Европы на гуманизмъ, то не должно забывать, что здѣсь сказывалось могущество древняго эллинизма. Само же византійство никогда не мирилось съ западною цивилизаціей: попытки сближенія (крестовые походы, унія) приводили къ пущей враждѣ. Съ паденіемъ Византіи ясно было, какому типу культуры принадлежало ближайшее будущее. Въ дали предстоявшихъ вѣковъ, конечно, имѣла свой интересъ и восточная Европа, разумѣя подъ нею непохожія на Западъ народности славянъ и туранцевъ. Для разнообразія и свободы, этихъ основъ жизни, а также для будущей науки обществовѣдѣнія, были крайне любопытны такія явленія, какъ западные славяне и мадьяры съ ихъ западною культурой, восточные и южные славяне — съ культурой византійской, румыны — съ культурой смѣшанной. Съ этой точки зрѣнія важенъ и азіятскій Востокъ. Тамъ персы, турки, индусы, отчасти даже монголы представляютъ замѣчательные примѣры разнообразія въ развитіи арабской культуры (§ 85). Но эта послѣдняя сама была отпрыскомъ эллинизма. Такъ, все сводится къ античности. Средніе вѣка естественно закончились возвратомъ къ этому общему роднику цивилизаціи или къ Возрожденію наукъ и искусствъ древности, какъ высшему развитію свѣтскаго реализма или раціонализма, который подвергался многовѣковымъ гоненіямъ со стороны церковнаго идеализма. Но не Возрожденіе вызвало раціонализмъ, а онъ привелъ къ нему. Свѣжее направленіе умовъ, которое легло въ основу новой исторіи, эта жгучая потребность дѣйствительной жизни, развивалась постепенно съ крестовыхъ походовъ (§ 94). Она только искала себѣ полнаго исхода — и нашла его въ небываломъ, по полнотѣ и глубинѣ, возрожденіи цивилизаціи античнаго міра.

УКАЗАТЕЛЬ ГОДОВЪ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

ГЛАВНЫЯ ПОПРАВКИ.

Стран.:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Должно читать*:
48	17 снизу	ободрить	ободриты
150	3 сверху	караиты	караиты (караимы)
215	16 „	(общину)	(общину, § 59)
238	14 снизу	1208	1209
300	15 сверху	деспотизма	непотизма
332	10 снизу	Галіена	Галена
401	4 „	наемщиковъ	наемниковъ
426	10 сверху	Ска	Сак
437	6 „	Расколъ	Великій расколъ
465	заголовокъ	Людовикъ IX	Людовикъ XI
„	5 снизу	Дворецъ	Дворъ
540	13 сверху	ландс-	ланц-
586	9 снизу	Се-	Си-

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

---

1) **Польское безкоролевье.** Москва, 1869. Магистерская диссертація.
2) **Современныя задачи исторической науки.** „Бесѣда“ за 1871 г.
3) **Испанія XIX-го вѣка.** Часть 1-я. Москва, 1872.
4) **Очерки историческаго развитія Америки.** „Бесѣда“ за 1872 г.
5) **Das russisch-österreichische Bündniss vom Jahre 1781.** „Historische Zeitschrift“ за 1875 г.
6) **Германія наканунѣ революціи.** „Вѣстникъ Европы“ за 1875 г. и въ отдѣльномъ изданіи О. Н. Поповой (1897 г.).
7) **Союзъ князей.** Спб. 1877 (и въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 г.). Докторская диссертація.
8) **Высшіе женскіе курсы въ Одессѣ.** Одесса. 1879.
9) **La France et l'Allemagne sous Louis XVI.** „Revue historique“ за 1880—1881 гг. и отдѣльнымъ изданіемъ, съ приложеніемъ документовъ, Paris, Germer Baillière, 1881.
10) **Витторино да Фельтре.** Очеркъ изъ исторіи педагогіи. Въ брошюрѣ „Новая Школа“. Одесса. 1882.
11) **Россія и Франція въ концѣ прошедшаго вѣка.** „Вѣстникъ Европы“ за 1885 г.
12) **L'Espagne à l'époque de la révolution française.** „Revue historique“ mai-juin 1886.
13) **Международная политика въ эпоху Людовика XIV-го.** „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1888 г.
14) **Пруссія въ Крымскую войну.** „Историческій Вѣстникъ“ за 1888 г.
15) **Историческія основы воспитанія.** „Наблюдатель“ за 1889 г.
16) **L'empereur Paul et le Premier Consul.** „Revue d'histoire diplomatique“ за 1889 г.

17) **Опытъ приложенія эволюціонной теоріи къ орудію.** Труды археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. 3-й. 1889.

18) **Воспитательные идеалы классическаго міра и Теорія воспитанія въ классическомъ мірѣ.** „Русская Школа". 1890—1892.

19) **Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I.** Документы архивовъ парижскаго и петербургскаго за 1800—1808 г. Томы I—IV. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества". 1890—1894.

20) **Госпожа Сталь въ Россіи.** „Историческій Вѣстникъ". Октябрь 1894.

21) **Новыя умственныя теченія въ современной Германіи.** „Наблюдатель". Февраль и май 1895.

22) **Mouvement social en Russie.** Revue internationale de sociologie. Août 1895.

23) **Судьба ислама** „Сѣверный Вѣстникъ". Августъ и сентябрь 1895.

24) **Политическая лѣтопись.** „Сѣверный Вѣстникъ", 1891—1894 и 1896—1897.

25) **Древняя Исторія,** 2-е изданіе, съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. VIII + 433 стр. 1889. Ц. 2 р.

26) **Русская Исторія,** 2-е изданіе, съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. 1895. 2 тома. 587 + 637 стр. Ц. 8 р.

27) **Новая Исторія. Часть I (1500—1750).** IV + 675 стр. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Новая Исторія. Часть II. (Съ 1750 г. до нашего времени), съ указателями, рисунками и картами.

I. ПЕРЕХОДЪ КЪ СРЕДНИМЪ

Картогр зав. А Ильина СПБ

ВѢКАМЪ. ВАРВАРЫ. I—V ВВ.

II. НАЧАЛО СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

) ВРЕМЯ ЮСТИНІАНА. Ок. 560.

III. НАЧАЛО СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ б) МЕРОВИНГИ. Ок. 750 г.

КОРОЛЕВСТВО ФРАНКОВЪ ок. 550 г.

ФРИЗЫ
САКСЫ
СЛАВЯНЕ
АНГЛО-САКСЫ
БРИТЫ
АВСТРАЗІЯ
НЕВСТРІЯ
ТЮРИНГИ
АЛЕМАНЫ
БОВАРЫ
БУРГУНДІЯ
АКВИТАНІЯ
ПРОВЕНСЪ
ИТАЛІЯ
Кельнъ
Суассонъ
Реймсъ
Майнцъ
Аугсбургъ
Страсбургъ
Руанъ
Парижъ
Нантъ
Орлеанъ
Шалонъ
Женева
Ліонъ
Бордо
Тулуза
Генуя
Венеція

ИРЛАНДІЯ
Ульстеръ
Лимерикъ
Дублинъ
Коркъ
Менъ
Ланкастеръ
Бангоръ
Нортумберландъ
Тайнъ
Саксовъ
Іоркъ
Уэльсъ
Мерсія
Уессексъ
Эссексъ
Лондонъ
Кентъ
Суссексъ
Остъ-Англія
Корнуэльсъ
Кентербери
КРАЛЕВСТВО АНГЛО-САКСОВЪ
ДАНІЯ
Ютландія
Рюгенъ
Везеръ
Эмсъ
Эльба
Утрехтъ
Фрисландія
Вестфалія
Остфалія
САКСЫ
ВЕНДЫ
Фульда
Тюрингія
Вюрцбургъ
Сорабы
Чехи
Фландрія
Ланденъ
Тестри
Суассонъ
Реймсъ
Кельнъ
Ахенъ
Трирь
Майнцъ
Шампань
Мецъ
Страсбургъ
Грц. Аллеманское
Грц. Баварское
Аугсбургъ
Зальцбургъ
Базель
Дижонъ
Ретія
Каринтія
Дунай
Паннонія
Драва
АВАРЫ
(БОЛГАРЫ)
Тисса
БРЕТАНЬ
Руанъ
Сена
Парижъ
НЕВСТРІЯ
Луара
Нантъ
Орлеанъ
Неверъ
Вутле
Пуату
Ангулемъ
Клермонъ
Женева
Ліонъ
Гаронна
Перигоръ
АКВИТАНІЯ
Керси
ВАСКОНІЯ
РОВЕРГЪ
Тулуза
Прованс
Рона
Авиньонъ
Провенсъ
Арль
Марсель
Нарбона
БУРГУНДІЯ
Грц. Иврея
НЕВСТРІЯ
Фріуль
Миланъ
Туринъ
АВСТРІЯ
Эмилія
Лигурія
Тревизо
Истрія
Равенна
Тусція
Пентаполь
Сполето
Грц. Римъ
Абруццо
Мт. Касино
Грц. Неаполь
Беневентъ
Апулія
Калабрія
Корсика
Сардинія
Палермо
Сицилія
Сиракузы
Корфу
ЛАНГОБАРДЫ
ДАЛМАЦІЯ
Кроація
Заграбъ
Сава
Сирмія
СЕРБІЯ
Спалятро
Рагуза
Скутари
Охрида
БОЛГАРІЯ
Тырновъ
ПОНТЪ
Константинополь
ВИЗАНТІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
АСТУРІЯ
Галиція
Оніедо
Леонъ
Кантабрія
Порто Кале
Дуро
Коимбра
Лиссабонъ
Тахо
Саламанка
КР. ВЕСТГОТСКОЕ
САРАГОССА
Барцелона
Таррагона
Эбро
ВАНДАЛЫ
Мерида
Калатрава
Вадь-Ана
Кордова
Эльвира (Гранада)
Кадесъ
Хересъ де ля Фронтера
АНДАЛУЗІЯ
КОРДОВА
Валенція
Балеары
Минорка
Маіорка
Іабеза
Картагена
Танджеръ
Джебель Тарикъ (Гибралтаръ)
Вахранъ
Эл-Джезаиръ (Алжиръ)
МАГРЕБЪ
Константина
АФРИКА
Тунисъ

Масштабъ 450 верс. въ дюймѣ

Картогр. зав. А. Ильина СПБ

IV. ФЕОДАЛИЗМЪ. а) КАРОЛИНГИ. ОКОЛО 750–911 Г.

ВЕРДЕНСКІЙ ДОГОВОРЪ

- Карлъ Лысый
- Лотарь
- Людовикъ Нѣмецкій

Масштабъ 360 вер въ дюймѣ
0 180 360

ЗАПАДНЫЙ ОКЕАНЪ
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАНЪ
ОКЕАНЪ
ИРЛАНДІЯ
Коннаутъ
Дублинъ
Къ Даніи
Шотландія
Бервикъ
Линдисфарнъ
Йоркъ
Къ Даніи
Энглизи
Бангоръ
Уэльсъ
Мерсія
Кэмбриджъ
Эссексъ
Оксфордъ
Лондонъ
Севернъ
Корнуельсъ
Вессексъ
Кентъ
Суссексъ
Гельголандъ
ДАНІЯ
Ютландія
Оденсее
Шлезвигъ
Бургундергольмъ
Рюгенъ
Абодриты
Вильцы
Поморяне
СЛАВЯНЕ
Куявы
Висляне
Дяхи
Мазуры
Подляхи
Бужане
Одеръ
НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ
Фрисландія
Саксонія
Вестфалія
Остфалія
Магдебургъ
Галле
Тюрингія
Сорабы
Слазаны
Краковъ
Хробаты
Перемышль
Тессенъ
Фульда
Майнцъ
Франконія
Вормсъ
Прага
Богемія
ВЕЛИКАЯ МОРАВІЯ
Мораване
Словаки
Тисса
Мадьяры
Ингольштадтъ
Пассау
Восточная марка
Зальцбургъ
Буда
Кор
Панонія
Дунай
Славяне
Гила
Валахи
Каринтія
(Славинія)
Фріуль
Карніолія
Драва
Аграмъ
Сава
Кроація
Либурнія
Босона
Сербія
Болгарія
Катаро
Діоклея
Скодра
Охрида
Өессалоники
ВИЗАНТІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
Джерсей
Сена
Понтьё
Тальбургъ
Брюгге
Фландрія
Корби
Лотарингія
Кельнъ
Тріръ
Верденъ
Мецъ
Эльзасъ
Рейнъ
Базель
Алле
Галленъ
Реція
Руанъ
Нормандія
Вермандуа
Гц. Франція
Шампань
Шалонъ
Бретань
Ванна
Британская марка
Мэнъ
Анжу
Луара
Гр. Блуа
Шартръ
Парижъ
Орлеанъ
Нантъ
Туръ
Кр. Франція
Берри
Бурбонъ
Бургундія
Дижонъ
Безансонъ
Верхн. Бургундія
Женева
Ліонъ
Аквитанія
Лимозэнъ
или Гіень
Ангулемъ
Бордо
Аквитанскій зал.
Овернь
Гарона
Кагоръ
Альби
Тулуза
Таскопія
Гасконія
Беарнъ
Памплона
Наварра
Арагонія
Ургель
Каркассонъ
Септиманія
Нарбонна
Руссильонъ
Испанская марка
Барселона
Лерида
Эбро
Сарагосса
Туделла
Савойя
Тренобль
Нижн. Бургундія
Арль
Рона
Марсель
Ницца
Генуэзскій зал.
Лангобардія
Миланъ
Туринъ
Генуя
Тріентъ
Верона
КОРОЛЕВСТВО ИТАЛІЯ
Болонья
Равенна
Пола
Римини
Флоренція
Романія
Тосканская марка
Пиза
Эльба
Сполето
ПАПСКОЕ
Римъ
Корсика
(Франки, съ 850 г. арабы)
Аяччо
Сардинія
(Арабы)
(Арабы)
Капуа
Калуна
Гаэта
Неаполь
Амальфи
Беневентъ
Салерно
Бари
Бриндизи
Тарентъ
Компостелла
Галисія
Овіедо
Леонъ
ЛЕОНЪ
Астурія
Бискайя
Кастилія
Порто
Дуро
Коимбра
Лисбона
Тахо
Толедо
Гвадіана
Алькасаръ
Кордовскій халифатъ
Кордова
Валенсія
Балеары

Картогр. Зав. А. Ильина, С.П.Б.

V. ФЕОДАЛИЗМЪ. б) ПАПСТВО И ИМПЕРІЯ. Ок. 911–1100.

Масштабъ 350 в. въ дюймѣ

Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

VI. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. а) ЮГЪ ЕВРОПЫ И АЗІЯ. ОКОЛО 1100–1300 г.

Богемія
Швабія
Штирія
Тироль
Каринтія
Бургундія
Арель
Провансъ
Ломбардія
Италія
Апулія
Корсика
Сардинія
Сицилія
Калабрія
Королевство Обѣихъ Сицилій
Адріатическое м.
Венгрія
Славонія
Боснія
Рама
Кроація
Далмація
Галиція
Мармарошъ
Трансильванія
Кумания
Узы, Куманы, Половцы
Кіевъ
Сербія
Болгарія
Понтъ
Ѳракія
Македонія
Албанія
Эпиръ
Влахія
Пелопоннесъ
Кандія
Иконія или Румъ
Пафлагонія
Виѳинія
Галатія
Каппадокія
Мизія
Лидія
Памфилія
Исаврія
Армения
Киликия
Альджезира
Сельджуки
Кипръ
Барка
Альмора
Альмога
Виды
Константинополь
Адріанополь
Никополь
Софія
Ѳессалоники
Антіохія
Эдесса
Моссулъ
Триполисъ
Александрія
Іерусалимъ

ІЕРУСАЛИМСКОЕ королевство

ІЕРУСАЛИМЪ

+ + + + Первый кресm. пох.
——— Третій "
Масштабъ 110 вер. въ дюймѣ
220 440

Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

VII. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. б) ЗАПАДЪ ЕВРОПЫ. ОКОЛО 1100—1300 Г.
Сѣверное море
Варяжское море
Ирландія
Шотландія
Англія
Голландія
Данія
Пруссы
Померанія
Славянія
Саксонія
Польша
Верх. Силезія
Галичъ
Кіевъ
Половцы
Куманія
Мажарошъ
Трансильванія
Венгрія
Австрія
Богемія
Франконія
Баварія
Каринтія
Штирія
Кроація
Славонія
Босня
Рама
Сербія
Болгарія
Фракія
Македонія
Албанія
Эпиръ
Мизія
Кандія
Бретань
Нормандія
Бургундія
Ломбардія
Тоскана
Гасконь
Гюіэнь
Наварра
Арагонія
Каталонія
Астурія
Леонъ
Португалія
Кастилія
Андалузія
Гранада
Толедо
Корсика
(Къ Пизѣ и Генуѣ)
Сардинія
(Къ Пизѣ и Генуѣ)
Королевство Сицилія
Апулія
Тусканское море
Іонійское море
Африкія
Альмогадовъ
Марокко
Барка
Масштабъ 140 вер. въ дюйм.
Картогр. зав. А. Ильина С.П.Б.

Картогр. зав. А Ильина СПБ

30
35
40
45
50
45
40
35
ДАНІЯ
Рюгенъ
Кольбергъ
ГОЛШТИНІЯ
Росток
Любекъ
ПОМЕРАНІЯ
ПОМЕРЕЛІЯ
Данцигъ
Кенигсбергъ
Нѣманъ
ПРУССІЯ
НѢМЕЦКІЙ ОРДЕНЪ
ЛИТВА
Маріенбургъ
Кульмъ
Торнъ
Бромбергъ
НЕЙМАРКЪ
ПОЛЬША
Гнѣзно
Познань
Калишъ
Серадзь
БРЕМЕН
БРАУНШВЕЙГЪ
БРАНДЕНБУРГЪ
Берлинъ
ЛЯУЗИЦЪ
Магдебургъ
САКСОНІЯ
Мерзебургъ
ТЮРИНГІЯ
Остерландъ
Бауценъ
Бригъ
Оппельнъ
Краковъ
Висла
Сандомиръ
Люблинъ
Холмъ
Премысль
ГАЛИЧЪ
ГЕССЕНЪ
НЮРНБЕРГЪ
Егеръ
Прага
Подебрадъ
Троппау
Тешенъ
БОГЕМІЯ
МОРАВІЯ
Пильзенъ
Таборъ
Гусинецъ
ПФАЛЬЦЪ
Регенсбургъ
ВЮРТЕМБЕРГЪ
ВЕНГРІЯ
Пресбургъ
Вѣна
Мюнхенъ
Аугсбургъ
Гранъ
Буда
КУМАНЫ
БАВАРІЯ
Констанцъ
Габсбургъ
ЗАЛЬЦБУРГЪ
ШТЕЙЕРМАРКЪ
Грацъ
Колоча
ТИРОЛЬ
ГЕРЦЪ
КАРИНТІЯ
Драва
Дунай
Арадъ
Темешваръ
ТРІЕНТЪ
СЛАВОНІЯ
Сава
Бѣлградъ
Северинъ
Урп
Комо
ДЕЛЛА-СКАЛА
ВИСКОНТИ
КРАЙНА
Аквилея
Тріестъ
Фіуме
Венеція
ИСТРІЯ
Миланъ
КАРРАРА
Піаченца
ЭСТЕ
Феррара
Модена
Болонья
Равенна
Цара
Спалатро
БОСНІЯ
Косово
ОСМАНЫ
Лукка
Флоренція
Урбино
Анкона
Пиза
ТОСКАНА
ЦЕРКОВНАЯ ОБЛ.
Перуджія
Сполето
САБА
ЦЕНТА
Рагуза
Скутари
АЛБАНІЯ
Дураццо
Охрида
КОРСИКА
къ Генуѣ
Римъ
СИЦИЛІЯ
НЕАПОЛЬ
Неаполь
Салерно
Бари
Бриндизи
Тарентъ
Отранто
Прочида
Искія
Корфу
(Венец.)
Арта
ЛИВАДІЯ
САРДИНІЯ
(Араг.)
Кальяри
Козенца
КАЛАБРІЯ
Реджіо
Цанте
АХАІЯ
Модонъ
СИЦИЛІЯ
(Арагонъ)
Палермо
Кастельнуово
Мессина
Сиракузы
Бизерта
Тунисъ
Суза
Каирванъ
ТУНИСЪ
Мальта
Масштабъ 300 вер. въ дюймѣ
0
150
300

Первые халифы 632–661
Омайяды 661–750
Масштабъ 420 вер. въ дюймѣ
0 210 420
Баръ-аль-Могитъ (Окружное море)
Баръ-аль-Зокакъ
Баръ-Ниташъ (Бонтошъ)
Андалосъ
Астурія
Магребъ Алакса
Магребъ Алаусатъ
Тедла
Кетама
Дарахъ
Африкія
Барка
Мизръ
Сицилія
Сардинія
Корсика
Кандія
Славяне
Болгары
Бизантія
Икшиды
Римъ
Константинія
Кордова
Толедо
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.

X. АРАБЫ. б) ВОСТОКЪ. ОКОЛО 600-1000 г.

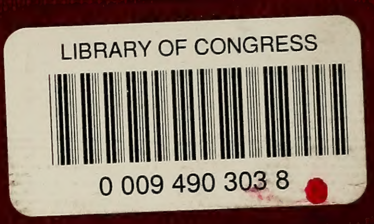
Магометъ 622-632

Первые халифы 632-661

Аббасоиды 750-945

Масштабъ 180 вер. въ дюймѣ

0 240 480

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 490 303 8